Весь Шекли

Абсолютное оружие

Отцы-основатели

SCI-FI FOUNDATION

ЭКСМО

Весь
ШЕКЛИ

Весь

ШЕКЛИ

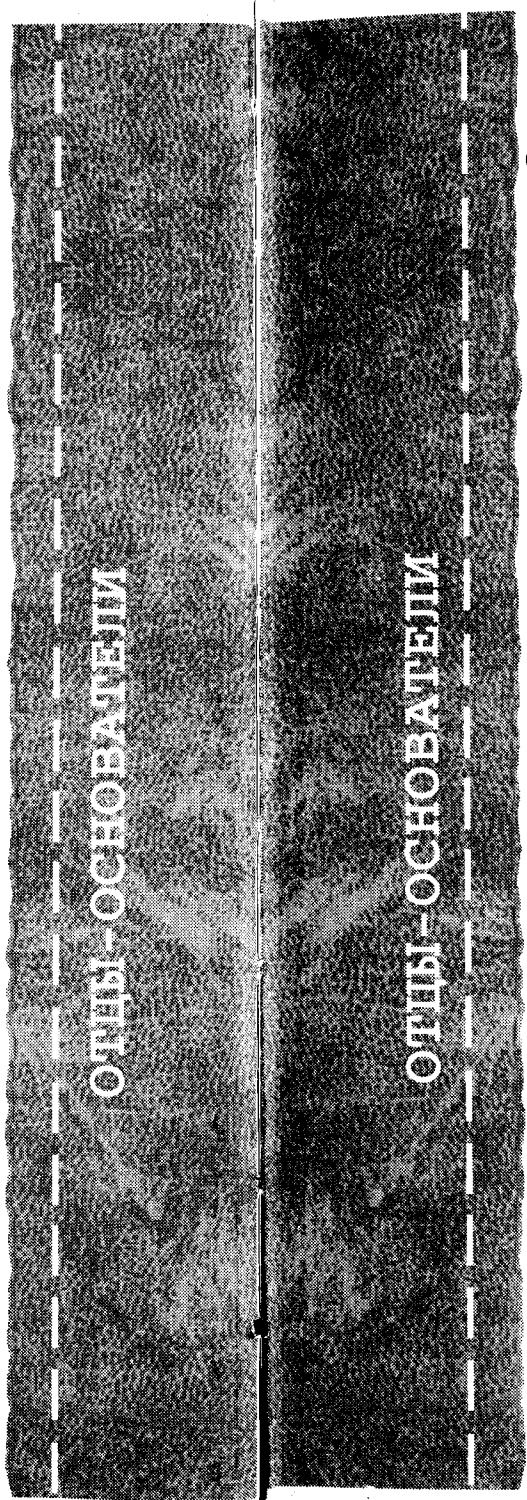
ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

ОБМЕН РАЗУМОВ

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

ДЕСЯТАЯ ЖЕРТВА

ЛАБИРИНТ МИНОТАВРА



Роберт

ШЕКЛИ

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Москва
Эксмо
2006

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Ш 40

Robert SHECKLEY

IMMORTALITY INC.
MAIRIX
SHORT STORIES

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Художник *Майкл Уэлан*

Шекли Р.

Ш 40 Абсолютное оружие: Фантастические произведения / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 960 с. (Серия «Отцы-основатели. Весь Шекли»).

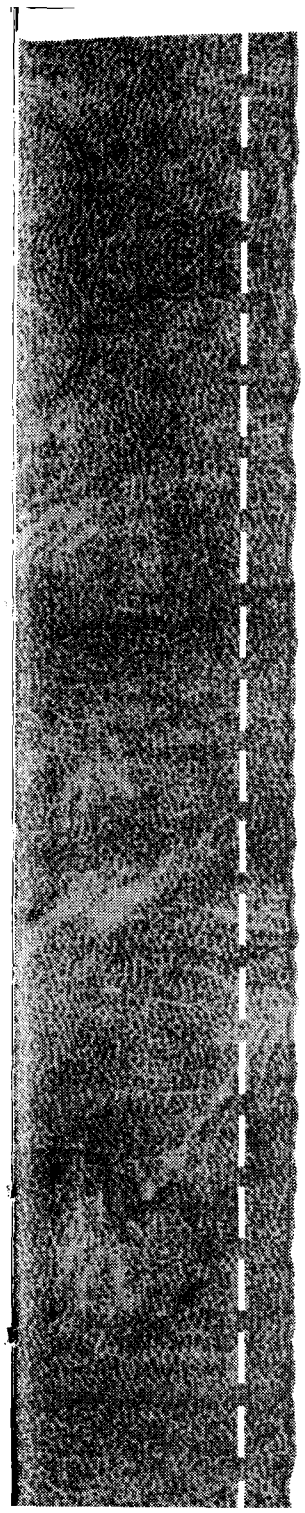
ISBN 5-699-03690-3

В третий том собрания сочинений знаменитого американского писателя вошли научно-фантастические произведения, многие из которых принесли ему всемирную славу.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© Robert Sheckley, 1953...2003. Публикуется с разрешения автора
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2003
© Перевод. И. Авдаков, В. Бабенко, В. Баканов, Б. Белкин. В. Бук, А. Вавилов, Е. Венедиктова, А. Волнов, Ю. Виноградов, Нора Галь, Р. Гальперина, Е. Голубева, С. Горев, И. Гурова, М. Гутов, Н. Евдокимова, М. Загот, И. Зивьева, Э. Кабалевская, В. Ковалевский, А. Кон, С. Коноплев, Е. Короткова, Н. Лобачев, А. Мельникова, А. Нефедов, Т. Озерская, И. Почиталин, А. Рогулина, А. Русин, А. Санин, В. Скороденко, И. Тогоева, С. Трофимов, Е. Цветков, М. Черняев, А. Щупейко, 2003

ISBN 5-699-03690-3



КОРПОРАЦИЯ «БЕССМЕРТИЕ»

Часть первая

Глава 1

Уже потом Томас Блейн, размышляя о своей смерти, жалел, что она не была более эффектной. Почему он не погиб под сокрушительным натиском тайфуна, или в схватке с тигром, или карабкаясь по отвесному горному склону, овеваемому ледяными ветрами? Почему на его долю выпала такая пресная, банальная, бесславная смерть?

И тут же он понял, что любая необычная, любая неординарная смерть не соответствовала бы его характеру. Нет никаких сомнений в том, что ему было суждено умереть быстрой, заурядной, кровавой и безболезненной смертью — в точности так, как это и произошло. Должно быть, его конец был сформирован и предопределен всей предшествующей жизнью — смутные детские ощущения стали более ясными в молодости и превратились в абсолютную уверенность к тридцати двум годам.

И все-таки какой бы банальной ни была смерть, она остается самым интересным событием в жизни человека. Блейн думал об этом со страстным любопытством. Ему так хотелось побольше узнать о тех минутах, о тех последних драгоценных секундах, когда смерть поджидала его на темном шоссе в Нью-Джерси. А не упустил ли он какой-то знак, предзнаменование? Что сделал — или не сделал? О чем думал?

Эти последние секунды были так важны для него. Как же все-таки он погиб?

...Блейн ехал по прямому пустынному шоссе, свет фар высвечивал перед ним белый коридор, а темнота все отступала и отступала. Стрелка спидометра указывала семьдесят пять миль в час. Странно. Ему казалось, что скорость не превышает сорока. Где-то очень далеко мелькнул свет фар встречного автомобиля, первого за несколько часов...

Блейн возвращался в Нью-Йорк после недельного отпуска, проведенного в загородном коттедже на берегу Чесапикского залива. Там он ловил рыбу, купался и дремал под солнечными лучами на неотесанных досках причала. Как-то раз он отправился на своей парусной лодке в Оксфорд и остался танцевать в яхт-клубе до ночи. Там он встретил какую-то глупую девчонку со вздернутым носом, одетую в синее платье, которая сказала ему, что он похож на искателя приключений из южных морей — такой же загорелый и вы-

сокий. На следующее утро Блейн вернулся обратно в свой коттедж. Там он снова нежился на солнце и думал о том, как хорошо было бы бросить все, нагрузить парусную лодку запасом пресной воды, консервами и отправиться на Таити. О, Раиатеа, горы Муреа, свежие пассаты...

Однако между ним и Таити лежали целый континент, океан и масса других препятствий. Мечты о далеких островах захватили его только на час, и никаких действий он уж точно не собирался предпринимать. И теперь Блейн возвращался в Нью-Йорк, чтобы снова заняться проектированием яхт в знаменитой старой фирме «Мэттисон и Питерс», где работал младшим дизайнером.

...Свет фар встречного автомобиля приближался. Блейн сбавил скорость до шестидесяти миль...

Несмотря на то что он считался дизайнером, Блейну почти не приходилось заниматься проектированием. Обычными крейсерскими яхтами занимался старый Том Мэттисон, а его брат Рольф, талантливый специалист по прозвищу Волшебник морских парусов, создал себе международную известность, проектируя океанские гоночные яхты и стремительные парусные суда, конструкции которых никогда не повторялись. И что оставалось на долю младшего дизайнера?

Блейну приходилось заниматься чертежами, палубными планами, а также рекламой и публикацией объявлений. Такая работа тоже была важной и приносила некоторое удовлетворение, но все же не могла сравниться с проектированием.

Он понимал, что следует создать собственное дело, однако дизайнеров было так много, а спрос на яхты так невелик. Однажды он сказал Лауре, что это все равно что создавать арбалеты и катапульты: работа интересная, творческая — но кто все это будет покупать?

— Ты мог бы найти покупателей для своих яхт, — заявила девушка с резкой прямотой. — Почему бы не попытаться?

На лице Блейна появилась обаятельная мальчишеская улыбка.

— Я не человек действия. Моей сильной стороной являются размышления — и последующие сожаления.

— Короче говоря, ты просто ленив.

— Отнюдь нет. Это все равно что говорить, будто ястреб не умеет как следует скакать галопом, а лошадь плохо летает. Нельзя сравнивать разные вещи. У меня отсутствует предприимчивость. Мечты, размышления, замыслы и планы, возникающие в моем уме, — вот мой талант. Их осуществление я отдаю другим.

— Не люблю, когда ты так говоришь, — вздохнула девушка.

Вообще-то Блейн и впрямь преувеличивал, но суть от этого не менялась. У него хорошая работа, приличное жалованье, положение в обществе. Он имел удобную квартиру в Гринвич-Виллидж с отличной стереосистемой и массой пластинок. Ему принадлежали небольшой коттедж у Чесапикского залива, автомобиль, парусная лодка, а также привязанность Лауры... и нескольких других девушек. Может быть, как выразилась Лаура, повторив эту избитую фразу, он действительно попал в водоворот, тогда как главное в жизни проходит мимо?.. Ну и что? Из плавного медленного водоворота интереснее наблюдать за тем, что тебя окружает...

Ослепительные фары встречного автомобиля были уже близко. С изумлением Блейн заметил, что незаметно для себя увеличил скорость до восьмидесяти миль в час, и отпустил педаль газа. И тут его автомобиль неожиданно резко повернул навстречу приближающимся фарам.

Что случилось? Лопнула шина? Или вышло из строя рулевое управление? Он резко повернул руль, вернее, пытался повернуть. Руль не поворачивался, словно его заклинило. Колеса автомобиля наткнулись на бетонный разделительный бордюр между северной и южной полосами шоссе, и машина подпрыгнула высоко в воздух. Руль под руками Блейна свободно повернулся, и двигатель заревел, работая вразнос.

Автомобиль, несущийся навстречу, попытался отвернуть, но было поздно. Сейчас они столкнутся лоб в лоб.

«Да, — промелькнула мысль в голове Блейна, — я один из них, один из этих глупых кретинов, о которых пишут в газетах, чьи автомобили теряют управление и убивают невинных людей. Боже милосердный! Современные автомобили, современные дороги, высокие скорости — и все же замедленные рефлексы...»

Внезапно, по какой-то необъяснимой причине, руль снова заработал — спасение, избавление от смерти в последнюю долю секунды. Но Блейн не обратил на это внимания. В то мгновение, когда ослепительный свет фар встречного автомобиля ударил ему в ветровое стекло, его отчаяние внезапно сменилось ликованием. Он жаждал столкновения, стремился к нему, приветствовал боль, разрушение, мучение и смерть.

И тут два автомобиля врезались друг в друга. Чувство эйфории исчезло с той же молниеносной быстротой, как и появилось. Блейна охватило острое сожаление о том, что не успел сделать, о морях, по которым ему так и не довелось проплыть, о фильмах, которые он уже не увидит, о книгах, оставшихся непрочитанными, о девушках, которых он никогда больше не обнимет. Машины столкнулись, его бросило вперед, и руль сломался у него в руках. Колонка руля пронзила грудь, сломала позвоночник, а голова пробила триплекс ветрового стекла.

В это самое мгновение он понял, что умирает.

Еще миг — и наступила смерть, заурядная, нелепая и безболезненная.

Глава 2

Он очнулся на белой кровати в белой комнате.

— Смотрите, он пришел в себя, — послышался чей-то голос.

Блейн открыл глаза. Над его кроватью склонились двое мужчин в белых халатах — по-видимому, врачи. Один — бородатый маленький старик, другой — мужчина лет пятидесяти с неприятным багровым лицом.

— Как вас зовут? — резко спросил старик.

— Томас Блейн.

— Возраст?

— Тридцать два года. Но...

— Семейное положение?

— Холост. В чем...

— Видите? — произнес старик, поворачиваясь к своему багроволицему коллеге. — Он в полном сознании, без сомнения.

— Вот никогда бы не поверил, — покачал головой багроволицый.

— А я не вижу в этом ничего странного. Травма смерти преувеличена, сильно преувеличена. Это будет отражено в моей будущей книге.

— Гм-м... Однако депрессия при новом рождении...

— Чепуха, — решительно оборвал его старик. — Блейн, вы себя хорошо чувствуете?

— Да. Но мне хотелось бы узнать...

— Видите?! — торжествующе заявил старый врач. — Он снова живой и в полном рассудке. Вы согласны подписать отчет вместе со мной?

— Пожалуй, у меня нет иного выхода, — согласился багроволицый.

Врачи вышли. Блейн посмотрел им вслед, не понимая, о чем они говорили.

Приветливо улыбаясь, к нему подошла толстая медсестра.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Превосходно, — произнес Блейн. — Однако я не понимаю...

— Извините, — перебила его медсестра, — пока никаких вопросов. Так распорядился врач. Выпейте вот это лекарство, оно взбодрит вас... Вот и молодец. Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Женщина вышла. Ее ободряющие слова напугали Блейна. Что она имела в виду, заявив, что все будет в порядке? Значит, что-то было не в порядке? Что же, что не в порядке? И как он оказался в больнице? Что случилось?

Бородатый врач вернулся, на этот раз в сопровождении молодой женщины.

— С ним все в порядке, доктор? — спросила она.

— Он здоров и рассуждает здраво, — ответил старик. — Я бы назвал это очень успешным переходом.

— Значит, можно начинать интервью?

— Разумеется. Хотя я не могу гарантировать его поведение. Травма, вызванная смертью, хоть и крайне преувеличена, но все-таки способна...

— Да-да, понимаю.

Девушка подошла к кровати и склонилась над Блейном. «Хорошенькая», — заметил он. Точеные черты лица, свежая, словно светящаяся, кожа. У девушки были длинные блестящие каштановые волосы, гладко зачесанные назад, от нее едва уловимо пахло духами. Она могла бы быть прелестной, но ее портила неподвижность черт, какая-то нарочитая напряженность тела. Трудно было представить ее смеющейся или плачущей, и уж совсем невозможно — вообразить рядом с собой в постели. В ней было что-то фанатичное, нечто преданно революционное. Впрочем, Блейну показалось, что причина таится в ней самой.

— Здравствуйте, мистер Блейн, — сказала она. — Меня зовут Мэри Торн.

— Здравствуйте, — приветливо улыбнулся Блейн.

— Мистер Блейн, как по-вашему, где вы сейчас находитесь?

— Похоже на больницу. Полагаю...

Он замолчал, заметив у нее в руке маленький микрофон.

— Итак, что вы полагаете?

Она сделала едва заметный жест. В палату вошли мужчины и стали расставлять вокруг кровати какое-то громоздкое оборудование.

— Продолжайте, — сказала Мэри Торн. — Скажите нам, что вы полагаете.

— Убирайтесь к черту, — мрачно проворчал Блейн, глядя на мужчин, устанавливающих рядом с ним какие-то сложные приборы. — Что все это значит? Что здесь происходит?

— Мы хотим помочь вам, — объяснила Мэри Торн. — Разве не в ваших интересах оказать нам содействие?

Блейн кивнул. Ему захотелось, чтобы она улыбнулась. Внезапно он почувствовал какую-то тревогу. Выходит, с ним что-то случилось?

— Вы помните, что с вами произошел несчастный случай? — спросила она.

— Какой несчастный случай?

— Разве вы не помните об аварии?

Блейн вздрогнул, вспомнив ослепительные фары, летящие навстречу, ревущий двигатель, удар — и смерть.

— Да. У меня в руках сломался руль. Затем рулевая колонка пронзила мне грудь, и я ударился головой.

— Посмотрите на свою грудь, — тихо сказала девушка.

Блейн расстегнул пижаму. На груди не было никаких следов.

— Но этого не может быть! — воскликнул он.

Его голос звучал глухо, словно доносился издалека. Блейн за-

метил, что люди вокруг кровати о чем-то разговаривали, склонившись над своими приборами; они казались ему похожими на тени, плоские и прозрачные. Их тонкие голоса напоминали жужжание мух у оконного стекла.

«Прекрасная первая реакция!»

«Действительно».

— Вы ничуть не пострадали, — заметила Мэри Торн, обращаясь к Блейну.

Он взглянул на свое здоровое тело — и вспомнил об аварии.

— Я не верю этому! — выкрикнул он.

«Идеальное поведение».

«Превосходное сочетание неуверенности и осознания реальности».

— Потише, пожалуйста, — обратилась к ним Мэри Торн. — Продолжайте, мистер Блейн.

— Я помню катастрофу, — медленно произнес Блейн. — Помню, как мы врезались друг в друга. И помню, что... умер.

«Ты только послушай, черт возьми! Это настоящее представление».

«Совершенно спонтанная сцена».

«Фантастика! Да все они сойдут с ума!»

— Не так громко, прошу вас, — снова попросила девушка. — Мистер Блейн, вы действительно помните, что умерли?

— Да-да, я умер!

«Посмотри на его лицо!»

«Нелепое выражение только усиливает убедительность происходящего».

«Будем надеяться, что и Рейли придерживается такой же точки зрения».

— Внимательно посмотрите на себя, мистер Блейн. Вот зеркало. Взгляните на свое лицо, — произнесла Мэри Торн.

Блейн взглянул в зеркало и задрожал как в лихорадке. Он коснулся стекла, затем дрожащими пальцами провел по лицу.

— Но это не мое лицо! Где мое лицо? Куда вы дели мое тело и мое лицо?

Это был ночной кошмар, и он никак не мог проснуться. Его окружали неосязаемые люди-тени с голосами, как у мух, бьющихся в оконное стекло, которые склонились над своими картонными машинами; от них исходила какая-то смутная угроза, и в то же время они были к нему странно равнодушны, почти его не замечали.

Мэри Торн наклонилась над кроватью, приблизив к Блейну прелестное бесстрастное лицо. Красные губы маленького рта выговаривали тихие слова, наполнявшие Блейна непередаваемым ужасом.

— Ваше тело мертво, мистер Блейн, оно погибло во время автомобильной катастрофы. Вы помните, как умирали. Однако нам

удалось спасти самую важную часть вашего существа. Мы спасли ваш разум, мистер Блейн, и поместили его в новое тело.

Блейн открыл рот, чтобы закричать, но сумел овладеть собой.

— Я не верю этому, — тихо произнес он.

Жужжание мух возобновилось:

«Сдержанное высказывание».

«Да, конечно. Маниакальное состояние не может продолжаться вечно».

«Я думал, что он будет более выразителен».

«Напрасно. Его высказывание еще более усугубляет затруднительное положение, в котором он пребывает».

«Может быть, если исходить из чисто внешних проявлений. Однако взгляните на проблему реалистично. Бедняга только что узнал, что погиб во время автомобильной катастрофы и возродился в другом теле. Каковы же его первые слова? Он говорит: «Я не верю этому». Черт возьми, он реагирует на шок недостаточно остро!»

«Вы ошибаетесь, потому что пытаетесь домысливать за него».

— Тише, пожалуйста! — снова попросила девушка. — Продолжайте, мистер Блейн.

Блейн, погруженный в глубину своего кошмара, не замечал тихих жужжащих голосов.

— Я действительно умер? — спросил он.

Девушка кивнула.

— И меня воскресили, но в теле другого человека?

Она снова кивнула, ожидая, что будет дальше.

Блейн посмотрел на нее и на тени, суетившиеся у своих картонных машин. Почему им понадобился именно он? Разве они не могли выбрать какого-нибудь другого мертвеца? Труп нельзя заставить отвечать на вопросы. Смерть — это древняя привилегия человека, его вечный пакт, заключенный с жизнью, дарованный как рабу, так и аристократу. Смерть — утешение человека и его право. Но, может быть, это право отменили, и теперь нельзя ускользнуть от ответственности даже после смерти.

Все ждали, когда он снова заговорит. А Блейн размышлял, не спятил ли он. Ну что ж, это легко выяснить.

Однако безумие достается не всякому. Самообладание вернулось к Блейну. Он посмотрел на Мэри Торн.

— Мне трудно описать свои чувства, — медленно произнес он. — Я умер и теперь обдумываю создавшееся положение. Не думаю, что есть люди, полностью верящие в свою смерть. В глубине души они считают себя бессмертными. Смерть может настичь других, но никогда не коснется тебя самого. Это все равно что...

«Выключайте запись. Он принялся рассуждать».

— Пожалуй, вы правы, — согласилась Мэри Торн. — Я очень вам благодарна, мистер Блейн.

Мужчины, внезапно обретшие плоть, ставшие теперь самыми

обычными, стали выкатывать из больничной палаты оборудование.

— Подождите, — сказал Блейн.

— Не беспокойтесь, — успокоила его девушка. — Все остальное мы запишем позже. В данный момент нам хотелось зарегистрировать только вашу спонтанную реакцию на происшедшее.

«Ладно, этого хватит».

«Мечта коллекционера!»

— Подождите! — крикнул Блейн. — Я ничего не понимаю. Где я? Что произошло? Как...

— Я все объясню завтра утром, — сказала Мэри Торн. — Извините меня, мистер Блейн, но сейчас нужно как можно скорее подготовить этот материал для мистера Рейли.

Техники с аппаратурой уже исчезли. Мэри Торн ободряюще улыбнулась и поспешила за ними.

Блейн с удивлением почувствовал, что готов заплакать. Он быстро заморгал, и в этот момент в палату вошла толстая медсестра.

— Выпейте вот это, — произнесла она. — Это поможет вам заснуть... Вот и хорошо, молодец. А теперь успокойтесь. У вас был трудный день — подумать только, вы успели умереть, возродиться и все такое.

Две большие слезы скатились по щекам Блейна.

— Боже мой, — спохватилась медсестра, — как жаль, что здесь нет камеры! Это самые искренние слезы, которые мне приходилось когда-либо видеть. Много трагических и неожиданных сцен довелось мне видеть в этой больнице, и, уж поверьте мне, я могла бы порассказать этим заносчивым молокососам с их записывающими приборами, что такое настоящие эмоции. И они еще думают, что знакомы со всеми тайнами человеческой души!

— Где я? — пробормотал Блейн сонным голосом. — Куда я попал?

— Вы, наверное, назвали бы это будущим, — ответила медсестра.

— А-а, — прошептал Блейн и уснул.

Глава 3

Через несколько часов он проснулся свежим и отдохнувшим, оглянулся вокруг, увидел белую постель, белую комнату и вспомнил...

Он погиб во время автомобильной катастрофы и заново родился в будущем. Здесь был врач, по мнению которого последствия травмы, полученной в момент смерти, явно преувеличены, и люди, которые записывали его спонтанные реакции и пришли к выводу, что все это мечта коллекционера, а также хорошенькая девушка, черты которой являли прискорбное отсутствие эмоций.

Блейн зевнул и потянулся. Итак, он мертв. Умер в тридцать два года.

Как жаль, подумал он, что его молодая жизнь угасла в самом расцвете. Вообще-то Блейн был неплохим парнем, и перед ним открывались неплохие перспективы...

Ему не понравилось свое легкомысленное отношение к столь важному предмету. Не следует себя так вести. Он попытался вспомнить потрясение, которое, по его мнению, следовало испытывать.

«Итак, — твердо напомнил он себе, — еще вчера я был дизайнером яхт, возвращающимся домой из Мэриленда. А сегодня превратился в человека, заново рожденного в будущем. В будущем! Заново рожденного!»

Бесполезно, слова не оказывали на него должного воздействия. Он успел привыкнуть к этой мысли. Человек привыкает к чему угодно, даже к собственной смерти. Можно, наверное, рубить человеку голову три раза в день на протяжении двадцати лет, и он привыкнет к этому, причем привыкнет настолько, что будет плакать как ребенок, если этот процесс прекратится...

Ему не понравились подобные рассуждения, и он выбрал другую тему.

Он стал думать о Лауре. Станет ли она оплакивать его? А может, напьется с горя? Или всего лишь почувствует себя подавленной и примет успокоительную таблетку? Как воспримут сообщение о его смерти Джейн и Мириам? Да и узнают ли они о катастрофе вообще? Вряд ли. Пройдут месяцы, прежде чем они задумаются, почему он перестал звонить.

Хватит. Все это осталось в прошлом. Теперь он в будущем.

Но все, что он увидел в будущем, — это лишь белая постель в белой палате, врачи и медсестра, техники со своей записывающей аппаратурой и хорошенькая девушка. Пока особых отличий от времени, в котором он жил раньше, не было. Однако они существуют, в этом не приходится сомневаться.

Он вспомнил журнальные статьи и книги о будущем, которые читал. Сегодня, возможно, существует бесплатная атомная энергия, подводные фермы, всеобщий мир, международный контроль за рождаемостью, межпланетные путешествия, свободная любовь, полная десегрегация, лекарства от всех болезней, плановое общество, в котором люди глубоко дышат воздухом свободы.

Да, именно так и должно быть, подумал Блейн. Однако существовали и менее приятные возможности развития. Может быть, жестокий олигарх стиснул Землю железной хваткой, тогда как маленькое, но сплоченное подполье бьется за свободу. Или человеческую расу поработили маленькие студенистые инопланетяне с труднопроизносимыми именами. Возможно, новая ужасная болезнь пронеслась по планете, или Земля, опустошенная в результате термоядерной войны, с трудом пытается восстановить технологический уровень прежней цивилизации, пока по разрушен-

ным городам бродят жестокие банды отчаявшихся людей, или человечество постигли другие катастрофы.

Однако, подумал Блейн, население Земли на протяжении тысячелетий проявляло поразительную способность избегать крайностей как в несчастьях, так и в полном блаженстве. Сколько раз предсказывали хаос и предрекали утопию — однако ни то, ни другое не наступило.

В конце концов Блейн пришел к выводу, что и в этом будущем следует ожидать определенного улучшения по сравнению с прошлым, но предположил, что не обойдется и без новых проблем; кое-какие старые исчезнут, но их место займут другие.

«Короче говоря, — сказал себе Блейн, — вероятно, это будущее будет таким же, каковыми были все будущие времена по сравнению с их прошлым. Это не очень определенно, но я не предсказатель и не провидец».

Его размышления прервала Мэри Торн, которая быстро вошла в палату.

— Доброе утро, — поздоровалась она. — Как вы себя чувствуете?

— Словно заново родился, — ответил Блейн совершенно серьезно.

— Отлично. Подпишите вот это, пожалуйста.

Девушка протянула ему заполненный бланк и ручку.

— Вы удивительно расторопны, — заметил он. — Что мне надо подписать?

— Прочтите, — велела Мэри Торн. — Это документ, освобождающий нас от всякой юридической ответственности, связанной с вашим спасением.

— Вы действительно спасли мне жизнь?

— Разумеется. Иначе каким образом вы оказались бы здесь?

— Я об этом не подумал, — признался Блейн.

— Мы спасли вас. Однако закон запрещает спасать людей без предварительного письменного согласия потенциальной жертвы. Юристы «Рекс Корпорейшн» не сумели заранее получить ваше согласие, поэтому нам хотелось бы защитить себя теперь.

— А что это за «Рекс Корпорейшн»?

Девушка посмотрела на Блейна с раздражением.

— Неужели вы ничего еще не знаете? Вы находитесь в штаб-квартире нашей корпорации. «Рекс Корпорейшн» сейчас так же знаменита, как компания «Флайер Тиэсс» в ваше время.

— А что такое «Флайер Тиэсс»?

— Неужели не знаете? Ну тогда, скажем, «Форд».

— «Форд»? Понятно. Итак, «Рекс Корпорейшн» пользуется такой же известностью, как «Форд». И что же она производит?

— Энергетические установки, — объяснила девушка, — которые обеспечивают энергией космические корабли, аппаратуру переселения душ, потустороннюю жизнь и тому подобное. С по-

мощью энергетической установки «Рекс» вас выхватили из автомобиля через мгновение после смерти и перенесли в будущее.

— Путешествие во времени, — кивнул Блейн. — Но как?

— Боюсь, объяснить это непросто, — ответила она. — У вас нет необходимой научной подготовки. Но я все-таки попытаюсь. Вы знаете, что время и пространство суть одно и то же, различные аспекты одного явления?

— Вот как?

— Да. Нечто вроде энергии и массы. Уже в ваше время ученые поняли, что энергия и масса взаимозаменяемы, они сумели понять процессы распада и синтеза материи, происходящие внутри звезд. Однако воспроизвести данный процесс в то время им оказалось не под силу: для этого требовалось колоссальное количество энергии. Лишь после того как ученые овладели необходимыми знаниями и получили в свое распоряжение мощные источники энергии, они смогли расщеплять атомы при помощи деления и создавать новые в результате ядерного синтеза.

— Мне это известно, — произнес Блейн. — А путешествие во времени?

— Оно происходит аналогичным образом. В течение длительного времени мы знали, что пространство и время представляют собой стороны одного и того же, что и пространство, и время могут быть разложены на составные элементы и превращены одно в другое при помощи энергии. Нам удалось проследить за процессом искажения космического времени вблизи сверхновой звезды; мы смогли наблюдать исчезновение звезды класса Вульф-Райет при ускорении превращения времени. Однако понадобилось узнать еще очень многое. Кроме того, потребовался новый источник энергии, на много порядков более мощный, чем тот, которым вы пользовались для ядерного синтеза. Когда все это оказалось в нашем распоряжении, мы смогли заменять пространственные элементы временными и наоборот, — то есть расстояния в пространстве на расстояния во времени. После этого мы получили возможность пройти расстояние, скажем, в сто лет вместо соответствующего расстояния в сотню парсеков.

— Я начинаю понимать в общих чертах, — кивнул Блейн. — Вы не могли бы повторить, только помедленнее?

— Только не сейчас, — ответила девушка, — потом. А сейчас подпишите, пожалуйста.

В документе говорилось, что он, Томас Блейн, обязуется не предъявлять никаких претензий к «Рекс Корпорейшн» и не обращаться в суд с жалобой на то, что в 1958 году его спасли без предварительного согласия и перенесли спасенную таким образом жизнь в 2110 год.

Блейн расписался.

— А теперь, — начал он, — мне хотелось бы узнать...

Он умолк. В палату вошел юноша с большим плакатом.

— Извините меня, мисс Торн, — сказал он, — но художественный отдел спрашивает, одобряете ли вы этот эскиз?

Юноша развернул плакат. На нем был изображен автомобиль в момент столкновения. С неба к нему тянулась гигантская стилизованная рука, выхватывающая водителя из пылающего остова. Крупные буквы кричали: «РЕКС» СПАС ЕГО!»

— Ну что ж, неплохо, — задумчиво произнесла Мэри Торн. — Передай художникам, пусть усилят красные тона.

В палату все заходили люди, и Блейн потерял самообладание.

— Что происходит? — спросил он.

— Потом объясню, — ответила девушка. — А-а, миссис Вэнесс! Как вы считаете, годится ли такой плакат для начала кампании?

В палате собралось уже человек двенадцать, и подходили новые. Не обращая никакого внимания на Блейна, они собрались вокруг Мэри Торн и плаката. Один мужчина, увлеченный разговором с какой-то седой женщиной, даже сел на край его постели. У Блейна лопнуло терпение.

— Сейчас же прекратите! — крикнул он. — Мне надоела эта непонятная суета. Неужели вы не можете вести себя по-человечески? Убирайтесь отсюда!

— Боже мой! — вздохнула Мэри Торн, закрывая глаза. — Темперамент должен был проявиться. Эд, поговори с ним.

Плотный мужчина с влажным от пота лицом подошел к Блейну.

— Мистер Блейн, разве мы не спасли вашу жизнь?

— Ну спасли... — раздраженно проворчал Блейн.

— А ведь могли этого и не делать. Потребовалось много времени, денег и энергии, чтобы спасти вас. Однако мы все-таки пошли на такой шаг. Разве мы не вправе получить что-то взамен — широкую рекламу, например?

— Рекламу?

— Разумеется. Вас спасла от смерти энергетическая система «Рекс Корпорейшн».

Блейн кивнул. Теперь он понимал, почему его спасение и новое рождение в будущем было принято окружающими как само собой разумеющееся. Они действительно потратили массу времени, сил и денег, несомненно обсудили все аспекты и теперь старались извлечь из всего этого максимальную пользу для корпорации.

— Понятно, — согласился Блейн. — Вы спасли меня для того, чтобы использовать для рекламной кампании, правда?

На лице Эда появилось недовольное выражение.

— Стоит ли так упрощать? Ваша жизнь находилась в смертельной опасности, а рекламу продукции, производимой нашей компанией, требовалось как-то оживить. Таким образом мы решили обе проблемы, и в выигрыше оказались как вы, так и «Рекс Корпорейшн». Конечно, мы не руководствовались чистым альтруизмом, но ведь и вы вряд ли пожелали бы остаться мертвым, верно?

Блейн покачал головой.

— Нет, конечно, — продолжал Эд. — Вы цените свою жизнь. Уж лучше быть живым сегодня, чем мертвым вчера, правда? Отлично. Тогда почему вы отказываетесь помочь нам хотя бы из чувства элементарной благодарности?

— Я не отказываюсь, — произнес Блейн, — но события развиваются слишком быстро, и я не поспеваю за ними.

— Понимаю и сочувствую вам, — заметил Эд. — Но рекламное дело, мистер Блейн, не терпит промедления. На счету каждая минута. Сегодня ваше появление в двадцать втором веке — сенсация, а уже завтра это никого не заинтересует. Мы должны использовать ваш феномен немедленно — куй железо, пока горячо. В противном случае сенсация скончается, не получив дальнейшего развития, и не принесет нам никакой пользы.

— Я благодарен за спасение, хоть вы и не руководствовались одним альтруизмом, — сказал Блейн, — и готов оказать всяческое содействие.

— Спасибо, мистер Блейн, — облегченно вздохнул Эд. — И пока не задавайте, пожалуйста, никаких вопросов. По мере развития событий вы все поймете. Мисс Торн, беритесь за дело.

— Спасибо, Эд, — ответила Мэри Торн. — Теперь хочу сообщить вам, что мы получили предварительное согласие мистера Рейли, так что продолжим в соответствии с планом. Билли, придумай что-нибудь для утренних газет. Ну, скажем, «Человек из прошлого».

— Это уже было.

— Ну и что? Ведь это всегда новость, не так ли?

— Пожалуй, можно воспользоваться этим заголовком еще раз. Итак, человека выхватили из разбившегося автомобиля в 1988 году...

— Извините, в 1958-м, — поправил Блейн.

— Ладно, в 1958-м — спустя мгновение после смерти и переместили в другое тело. Краткие сведения о том, кому принадлежало тело. Затем мы сообщим, что энергетические системы «Рекс» осуществили трансплантацию через сто пятьдесят два года, сообщаем, сколько эргов энергии было сожжено для достижения этого успеха — или что там мы сожгли? Правильность технических терминов я проверю у кого-нибудь из инженеров. Ну как, годится?

— Не забудь сказать, что такое не под силу никакой другой энергетической системе, — заметил Джо. — И упомяни о новой калибровочной системе, сделавшей это возможным.

— Пресса не сможет использовать всю эту информацию.

— А вдруг сможет? — сказала Мэри Торн. — Теперь с вами, миссис Вэнесс. Нам понадобится очерк о том, что испытывал Блейн, когда энергетические системы «Рекс» спасли его от смерти. По-

старайтесь дать побольше эмоций. Опишите его первые ощущения в удивительном мире будущего. Объем — примерно пять тысяч слов. О размещении очерка мы позаботимся.

Седая миссис Вэнесс кивнула.

— Понятно. Я могу приступить к интервью прямо сейчас?

— Нет времени, — покачала головой девушка. — Сочините сами. Напишите о его волнении, испуге, изумлении, восхищении новым миром, всеми переменами, происшедшими за эти годы. Стремительный прогресс науки. Хочет побывать на Марсе. Не одобряет новые моды. Считает, что в его время люди чувствовали себя более счастливыми, когда было не так много техники и больше свободного времени. Блейн согласится. Верно, Блейн?

Блейн ошеломленно кивнул.

— Превосходно. Вчера вечером мы записали его спонтанные реакции. Майк, ты с ребятами смонтируй пятнадцатиминутную кассету для продажи в местных магазинах. Пусть это станет настоящей мечтой коллекционера. Начни, однако, с короткого солидного объяснения, каким образом «Рекс Корпорейшн» осуществил такую трансплантацию.

— Понятно.

— Отлично. Вы, мистер Брайс, подготовьте несколько солидопрограмм с мистером Блейном. Пусть он расскажет о своих впечатлениях о нашем веке, как он чувствует себя здесь — и чем отличается его время от двадцать второго века. Не забудьте упомянуть о корпорации.

— Но я совершенно ничего не знаю о двадцать втором веке! — запротестовал Блейн.

— Узнаете, — заверила его Мэри Торн. — Ну что ж, мне кажется, для начала хватит. А теперь за работу. Я сообщу мистеру Рейли, что мы пока запланировали.

Посетители направились к выходу, а девушка повернулась к Блейну.

— Вам может показаться, что с вами обращались без должного уважения. Ничего не поделаешь, бизнес есть бизнес, независимо от того, в каком веке вы находитесь. Завтра вы станете знаменитым и, может быть, богатым человеком. Думаю, что при создавшихся обстоятельствах у вас нет оснований жаловаться.

Она повернулась и пошла к двери. Блейн наблюдал за удаляющейся стройной фигурой, полной такой самоуверенности. Интересно, подумал он, чем карается в этом веке пощечина женщине?

Глава 4

Медсестра принесла на подносе завтрак. Зашел бородатый врач, осмотрел его и признал совершенно здоровым. Нет никаких следов депрессии, часто сопровождающей перенос человеческой души в другое тело, заявил он, и травма, возникающая в результате

смерти, вне сомнения, крайне преувеличена. Так что, заключил он, Блейн может встать и походить по палате.

Ему принесли одежду — голубую рубашку, коричневые брюки и мягкие тупоносые туфли. Медсестра заверила Блейна, что одежда самая обыкновенная.

Блейн с аппетитом позавтракал. Встав из-за стола, он прежде всего осмотрел свое новое тело в высоком зеркале ванной. Только сейчас он смог всесторонне оценить его.

Прежнее тело Блейна было высоким и худощавым, с гладкими черными волосами и добродушным мальчишеским лицом. За тридцать два года он привык к этому стройному ловкому телу, к его быстрым движениям. Блейн примирился с определенными недостатками телосложения, периодическими болезнями и даже возвел их в ранг достоинств, уникальных качеств личности, живущей внутри этой оболочки. По его мнению, недостатки тела выражали сущность находящейся в нем личности более ярко, чем достоинства.

Короче говоря, прежнее тело нравилось Блейну, тогда как новое потрясло его.

Оно было чуть ниже среднего роста, с могучими мышцами, выпуклой грудью и широкими плечами. Ноги были коротковаты для геркулесовского торса, из-за чего тело казалось непропорциональным. Ладони были большими и мозолистыми. Блейн сжал пальцы в кулак и с уважением посмотрел на него. Такой кулак может одним ударом свалить быка... если удастся найти его.

Лицо было прямоугольное и наглое, с выдающейся челюстью, широкими скулами и римским носом. Волосы светлые и кудрявые, а глаза голубые со стальным отливом. Это было красивое, хотя и несколько грубое лицо.

— Не нравится мне, — с чувством сказал Блейн. — И ненавижу светлые кудрявые волосы.

Его новое тело так и дышало огромной физической силой, но Блейн всегда презирал грубую силу. Оно казалось неуклюжим, каким-то неловким, им трудно было управлять. Такие люди постоянно натыкаются на стулья, наступают на ноги посторонним, слишком сильно пожимают руки, громко говорят и обильно потеют. На его новом теле одежда будет сидеть мешком и мешать движениям. Ему придется непрерывно тренировать это тело и, может быть, даже сесть на диету — судя по всему, оно склонно к полноте.

«Физическая сила — это хорошо, — сказал себе Блейн, — если она нужна для чего-то. В противном случае от нее одни неприятности и никакой пользы, как от недоразвитых крыльев у дронта».

Итак, тело было неважным. Однако с лицом дело обстояло еще хуже. Блейну никогда не нравились сильные, грубые, словно высеченные из камня, лица. Такие лица хороши для шахтеров, армейских сержантов, исследователей джунглей etc. Но подобное

лицо никак не подходило человеку, привыкшему вращаться в культурном обществе. Оно не способно выражать утонченные эмоции. Все нюансы, деликатные выражения, гримасы и улыбки, игра света и теней — все исчезает на таком лице. Оно способно лишь ухмыляться или хмуриться, отражая только первобытные чувства.

Он попытался улыбнуться мальчишеской улыбкой, глядя в зеркало. В ответ Блейн увидел ухмылку сатира.

— Меня обманули, — с горечью произнес он.

Блейну стало ясно, что качества его ума и полученного им тела противоположны. Их сосуществование казалось невозможным. Разумеется, его личность может оказать воздействие на тело; с другой стороны, и тело способно влиять на сознание.

— Ладно, — сказал Блейн своему новому мощному телу, — посмотрим, кто кого.

На левом плече он увидел длинный извилистый шрам. Интересно, где бывший хозяин тела получил такую ужасную рану? И тут же возник другой вопрос: где сейчас прежний владелец? Вдруг он затаился где-то в сознании и ждет удобного момента, чтобы снова овладеть телом?

Впрочем, подобные размышления были бесполезны. Позднее, может быть, это станет ясным. Блейн в последний раз посмотрел в зеркало. Отражение ему не понравилось, и он подумал, что никогда к нему не привыкнет.

— Ну что ж, — произнес он вслух, — бери что дают. Мертвецам не приходится выбирать.

Больше сказать было нечего. Блейн отвернулся от зеркала и начал одеваться.

Во второй половине дня в палату вошла Мэри Торн.

— Все кончено, — выпалила она без всяких предисловий.

— Кончено?

— Да. Кончено. Кампания отменяется. — Девушка бросила на Блейна взгляд, полный горечи, и принялась расхаживать по белой больничной палате. — Он распорядился прекратить всю рекламу, связанную с вами.

Блейн пристально взглянул на нее. Новость была интересной, без сомнения; однако еще интересней были признаки эмоций, появившиеся на лице Мэри Торн. Раньше она казалась такой деловитой, держала себя под железным контролем; теперь у нее на щеках появился румянец, и губки искривились в недовольной гримасе.

— Я занималась этой идеей целых два года, — продолжала она. — Компания потратила я уж не знаю сколько миллионов, чтобы перенести вас в будущее. Все уже было на мази — и вдруг этот чертов старик приказывает все отменить.

Она прелестна, подумал Блейн, однако не получает никакого удовольствия от своей красоты. Для нее красота — всего лишь ценное деловое качество, вроде хорошего воспитания или способности поглощать алкоголь не пьянея; она пользуется красотой, когда это вызвано необходимостью — и уж тогда на всю катушку. К девушке тянулось слишком много рук, решил он, и Мэри Торн оттолкнула их. А когда жадные похотливые руки продолжали тянуться к ней, она испытала презрение, затем равнодушие и, наконец, ненависть к самой себе. Все это немного фантастично, думал Блейн, но будем придерживаться этой точки зрения, пока не появятся иные доказательства.

— Глупый старик, — пробормотала Мэри Торн.

— Какой старик?

— Да Рейли, наш гениальный президент.

— Он решил отказаться от рекламной кампании?

— Он не просто отказался. Потребовал, чтобы ее полностью прекратили, даже не начинали. Боже мой, целых два года псу под хвост!

— Но почему? — недоуменно спросил Блейн.

Мэри Торн устало покачала головой.

— По двум причинам — и обе глупые. Во-первых, юридические трудности. Я сказала ему, что вы подписали документ, в котором освобождаете «Рекс Корпорейшн» от всякой ответственности, да и наши юристы решили все остальные проблемы. Однако он все-таки боится. Приближается время его переселения в другое тело, и он не хочет, чтобы со стороны правительства последовали какие-то юридические возражения. Представляете себе? Перепуганный старик вершит дела «Рекса»! Во-вторых, он поговорил со своим глупым, выжившим от старости из ума дедом, и тот посоветовал ему не рисковать. Это оказалось решающим доводом. Подумать только, целых два года работы!

— Одну минуту, — спросил Блейн. — Вы упомянули о его переселении в другое тело?

— Да. Рейли решился на такой шаг. Лично я считаю, что с его стороны было бы куда умнее просто умереть и поставить на этом точку.

Такое заявление звучало жестоко, но в голосе Мэри Торн не было жестокости. Словно она говорила о самом обычном факте.

— По вашему мнению, было бы лучше, если бы он просто умер, вместо того чтобы попытаться переселиться в другое тело? — спросил Блейн.

— Да, конечно. Ах да, я совсем забыла, ведь вам ничего не рассказывали об этом. Вот если бы он принял решение раньше. Этот его старый дедушка, совсем выживший из ума, взялся теперь докучать своими советами...

— А почему Рейли не посоветовался с дедушкой раньше?

— Рейли пробовал. Но тот отказывался говорить.

— Понятно. Сколько лет его дедушке?
— Он умер, когда ему был восемьдесят один год.
— Что?
— Да, это случилось примерно шестьдесят лет назад. Отец Рейли тоже умер, но он наотрез отказывается разговаривать. Очень жаль, потому что уж он-то хорошо разбирался в делах «Рекс Корпорейшн» и обладал превосходным здравым смыслом. Что вы уставились на меня, Блейн? Ах да, я совсем забыла, что вы не знакомы с обстановкой. Все очень просто.

Она на мгновение задумалась, затем выразительно кивнула и направилась к двери.

— Куда вы? — спросил Блейн.
— Хочу сказать Рейли, что я о нем думаю! Он не имеет права так со мной поступать! Он обещал... — Тут она взяла себя в руки. — Что касается вас, Блейн, вы нам больше не нужны. У вас неплохое тело, вы остались живы, так что можете уйти отсюда, как только пожелаете.
— Спасибо, — пробормотал Блейн, когда девушка выходила из палаты.

Одетый в коричневые брюки и голубую рубашку, Блейн вышел из палаты и пошел по длинному коридору к выходу. У дверей стоял охранник в форменной одежде.

— Извините меня, — сказал Блейн, — эта дверь на улицу?
— А?
— Я смогу выйти через эту дверь из здания «Рекс Корпорейшн»?
— Да, конечно. Выйдете из здания и окажетесь на улице.
— Спасибо.

Блейн заколебался. Он пожалел, что не дождался инструктажа, который ему обещали, но так и не провели. Ему хотелось спросить охранника, что представляет собой современный Нью-Йорк, каковы нынешние правила и обычаи, куда ему следует пойти и чего избегать. Однако охранник, по-видимому, ничего не слышал о Человеке из Прошлого. Он удивленно смотрел на Блейна.

Блейну не хотелось оказаться в Нью-Йорке 2110 года вот так, без денег и друзей, не имея ни малейшего представления о жизни в этом городе, без работы, не зная, где остановиться, и к тому же в этом неудобном теле. Но у него не было иного выхода. В конце концов гордость победила. Уж лучше окунуться в жизнь незнакомого города, полагаясь только на себя, чем просить помощи у этой фарфоровой мисс Торн или у других сотрудников корпорации.

— Мне нужен пропуск, чтобы выйти отсюда? — спросил он у охранника с надеждой.
— Нет. Пропуск требуется только для входа. — Охранник посмотрел на Блейна с нескрываемым подозрением. — Послушай, приятель, что с тобой?

— Ничего, — ответил Блейн.

Он открыл дверь, все еще не веря, что его выпускают на свободу с такой легкостью. С другой стороны, почему бы и нет? Он находится в мире, где люди разговаривают со своими давно умершими дедушками, где существуют космические корабли и потусторонняя жизнь, где могут легко выхватить человека из прошлого всего лишь ради рекламы, а затем с не меньшей легкостью бросить его на произвол судьбы.

Дверь закрылась за спиной Блейна. Позади возвышалась серая громада «Рекс Корпорейшн». Перед ним лежал Нью-Йорк.

Глава 5

На первый взгляд, Нью-Йорк двадцать второго века походил на сюрреалистический Багдад. Блейн увидел какие-то приземистые дворцы со стенами, покрытыми белыми и синими плитками, стройные красные минареты, здания странной формы со ступенчатыми китайскими крышами и куполами в виде луковиц со шпилями. Казалось, город переживает увлечение восточной архитектурой. Блейну с трудом верилось, что он в Нью-Йорке. Больше походит на Бомбей, или на Москву, или хотя бы на Лос-Анджелес, но никак не на Нью-Йорк. С чувством облегчения он обнаружил небоскребы, такие простые и четкие на фоне азиатских зданий. Они казались единственным напоминанием о Нью-Йорке, который был так ему знаком.

Улицы были заполнены миниатюрными машинами. Блейн видел мотоциклы и мотороллеры, автомобили размером не больше «Порше», грузовики с «Бьюик», не больше. «Неужели таким образом здесь пытаются решить проблему загрязнения атмосферы и переполненных машинами улиц? — подумал он. — Если так, то это не помогло».

Основная часть транспорта проносилась над головой. Винтокрылые и реактивные машины, воздушные грузовики, одноместные авиетки, гелитакси и воздушные автобусы с надписями «Космопорт — второй уровень» или «Экспресс в Монтаук». Сверкающие точки обозначали вертикальные и горизонтальные полосы, где машины скользили, поворачивали, поднимались и опускались. Яркие — красные, зеленые, желтые и голубые — огни, казалось, регулировали поток машин. Несомненно, движение подчинялось правилам, однако неискушенному глазу Блейна оно казалось полным хаосом.

В пятидесяти футах над головой находился еще один уровень с магазинами. Как туда люди поднимаются? И вообще как можно жить и не сойти с ума в этом шумном, сверкающем огнями, переполненном жителями городе? Плотность населения была поразительной. Блейну казалось, что он тонет в человеческом море. Сколько же людей живет в этом гигантском супергороде? Пят-

надцать миллионов? Двадцать? По сравнению с ним Нью-Йорк 1958 года казался деревней.

Пришлось остановиться, чтобы разобраться в первых впечатлениях. Однако тротуары были переполнены, и, едва Блейн замедлил шаг, его стали толкать и ругать. Он оглянулся по сторонам, но не увидел ни парков, ни скамеек для отдыха.

Он заметил какую-то длинную очередь и пристроился. Очередь медленно двигалась вперед. Блейн двигался вместе со всеми. В висках у него стучало, и он никак не мог отдышаться.

Через несколько минут он взял себя в руки. Теперь он проникся уважением к своему сильному, большому телу. Может быть, именно человеку из прошлого и необходима такая телесная оболочка, чтобы смотреть на окружающий мир спокойно и невозмутимо. Крепкая нервная система обладает определенными преимуществами.

Очередь молча двигалась вперед. Блейн заметил, что стоящие в ней мужчины и женщины были плохо одеты, неопрятны, бледны и выглядели бедняками. На всех виднелась общая печать какого-то отчаяния.

Может быть, это очередь за бесплатным питанием?

Он коснулся плеча мужчины, стоявшего впереди.

— Извините, — сказал он. — Что это за очередь?

Мужчина обернулся и посмотрел на Блейна красными воспаленными глазами.

— В кабины для самоубийц, — ответил он, подбородком указав туда, где начиналась очередь.

Блейн поблагодарил и быстро отошел в сторону. Какое неудачное начало его первого дня в мире будущего! Кабины для самоубийц! Он никогда не войдет туда добровольно, в этом Блейн не сомневался. Уж наверняка до этого не дойдет.

Но что это за мир, где существуют кабины для самоубийц? К тому же, судя по внешнему виду стремящихся в них, бесплатные... Да, придется быть поосторожнее с бесплатными дарами этого нового мира.

Блейн пошел дальше, с любопытством глядя по сторонам и постепенно привыкая к пестрому, шумному городу, наполненному каким-то лихорадочным возбуждением. Он подошел к гигантскому зданию, напоминающему готический замок, с зубчатых стен которого свисали вымпелы, развевающиеся на ветру. На самой высокой башне горел ослепительный зеленый прожектор, ясно видимый в лучах заходящего солнца.

Здание казалось примечательным сооружением и производило впечатление. Блейн смотрел на него, не отрывая глаз, и тут заметил мужчину, который стоял, прислонившись к стене, и курил

тонкую сигару. Это был, по-видимому, единственный человек в Нью-Йорке, который никуда не спешил. Блейн подошел к нему.

— Извините, сэр, — сказал он, — что это за здание?

— Это, — ответил мужчина, — штаб-квартира компании «Потусторонняя жизнь, инкорпорейтед».

Он был высокий, очень худой, с длинным грустным лицом, загорелым и обветренным. Глаза прищурены, взгляд прямой и проницательный. Одежда висела на нем мешком, словно он больше привык к потертым джинсам, а не к брюкам, сшитым на заказ. Блейн решил, что он уроженец Запада.

— Впечатляет, — заметил Блейн, разглядывая готический замок.

— Безвкусица, — возразил мужчина. — Вы нездешний?

Блейн кивнул.

— Я тоже. Однако, если уж быть откровенным, незнакомец, мне казалось, что о штаб-квартире «Потусторонней жизни» знают все жители Земли и всех планет. Вы не будете возражать, если я спрошу, откуда вы приехали?

— Отчего же... — замялся Блейн.

Стоит ли признаваться, что он человек из прошлого? Пожалуй, не стоит быть столь откровенным с незнакомым человеком. Вдруг он позовет полицейского? Лучше уж сказать, что он издалека.

— Видите ли, — произнес Блейн, — я приехал из Бразилии.

— Вот как?

— Да. У нас каучуковые плантации в верховьях Амазонки. Моя семья переехала туда, когда я был еще ребенком. Отец недавно умер, и я решил побывать в Нью-Йорке.

— Говорят, в ваших краях сохранилась почти нетронутая природа, — заметил мужчина.

Блейн кивнул и с облегчением вздохнул: наспех придуманная история не вызвала вопросов. Впрочем, для этого века такая история может быть и не столь уж удивительна. Как бы то ни было, он придумал себе место жительства.

— А я вот из штата Аризона. Мексикэн Хэт, слышали? Зовут меня Орк, Карл Орк. А ваше имя? Блейн? Рад познакомиться с вами, Блейн. Знаете, я приехал сюда, чтобы взглянуть на этот самый Нью-Йорк и узнать, почему его жители так хвастаются своим городом. Действительно, здесь довольно интересно, вот только местные жители слишком уж шумят и суетятся, — если вы понимаете, что я имею в виду. Не скажу, что у нас дома живут одни деревенские увальни, но эти ребята носятся как наскипидаренные!

— Я тоже так считаю, — согласился Блейн.

В течение нескольких минут они обсуждали непонятные, истерические и даже безумные привычки жителей Нью-Йорка, сравнивали их жизнь с размеренной и спокойной жизнью сельских

жителей Мексикэн Хэт и верховьев Амазонки. Наконец оба пришли к выводу, что здесь просто не умеют жить.

— Блейн, — сказал Орк, — я так рад нашей встрече. Что если пойти и пропустить по стаканчику?

— Отличная мысль, — согласился Блейн.

С помощью Карла Орка он сумеет найти выход из затруднительного положения. Может быть, ему даже удастся устроиться на работу в Мексикэн Хэт. Он объяснит, что, долго живя в бразильской глуши и потеряв память, он совершенно оторвался от современной жизни.

И тут он вспомнил, что у него нет денег.

Блейн начал сбивчиво объяснять, что забыл бумажник в отеле, но Орк прервал его.

— Слушай, Блейн, — произнес Орк, пристально глядя ему в лицо голубыми глазами, — я хочу тебе кое-что сказать. Такой истории мало кто поверит. Однако я считаю, что умею разбираться в людях, и почти всегда оказываюсь прав. Меня нельзя назвать бедным человеком, так что ты не будешь возражать, если за сегодняшний вечер буду платить я?

— Понимаешь, — нерешительно начал Блейн, — я не могу...

— Ни слова больше, — решительно произнес Орк. — Если так настаиваешь, завтра будешь платить ты. А теперь давай займемся изучением ночной жизни этого старого безумного городка.

Пожалуй, решил Блейн, трудно найти лучший способ знакомства с будущим. В конце концов то, как развлекаются люди, красноречиво говорит об их образе жизни. Увлеченные играми и спиртным, они демонстрируют свое отношение к окружающей среде, вопросам жизни, смерти, судьбы и свободного волеизъявления. Что может быть колоритнее цирка как символа древнего Рима? Что лучше охарактеризует американский Запад, чем родео? В Испании свои бои быков, а в Норвегии свои прыжки на лыжах с трамплина. Какой спорт или вид отдыха лучше всего характеризует Нью-Йорк 2110 года? Скоро он узнает это. И, разумеется, испытать это на собственном опыте, погрузившись в глубину жизни, куда лучше, чем прочесть об этом в какой-нибудь библиотеке, чихая от книжной пыли, и намного интереснее.

— Начнем, пожалуй, с Марсианского квартала, — предложил Орк.

— В путь! — с воодушевлением ответил Блейн, довольный, что ему удастся совместить удовольствие с суровой необходимостью.

Орк повел его сквозь лабиринт улиц, переходов и переулков, расположенных на разных уровнях, по подземным галереям и надземным виадукам. Они шли пешком, поднимались и опускались в лифтах, ехали в метро и летели на гелитакси. Сложное переплетение улиц и уровней не произвело особого впечатления на худощавого уроженца Аризоны. Феникс, сказал он, выглядит похоже, хоть и уступает Нью-Йорку по масштабам.

Они вошли в маленький ресторан, именовавшийся «Красным Марсом», в меню которого — как гласила реклама — были блюда подлинной южномарсианской кухни. Орку довелось пробовать марсианскую кухню у себя в Фениксе, а вот Блейн признался, что не имеет о ней ни малейшего представления.

— Тебе понравится, — заверил его Орк, — хотя сытым от марсианской пищи не будешь. Потом закажем где-нибудь по бифштексу.

Поданное меню было написано по-марсиански, перевод на английский отсутствовал. Блейн рискнул и заказал набор блюд номер один. Орк последовал его примеру. Им принесли тарелки со странной мешаниной из мелко нарезанных овощей и кусочков мяса. Блейн попробовал и едва не выронил вилку от удивления.

— Да ведь это ничем не отличается от китайских блюд!

— Конечно, — согласился Орк. — Китайцы первыми высадились на Марсе, по-моему, в девяносто седьмом году. Поэтому все, что они там едят, называется марсианской пищей. Понятно?

— Да, — кивнул Блейн.

— К тому же это блюдо приготовлено из настоящих марсианских овощей, а также растений и специй, подвергшихся мутации. По крайней мере так говорится в рекламе.

Блейн не знал, радоваться или огорчаться. Однако с аппетитом съел «с'кио-Оурхэр», напоминавший рагу из креветок с лапшой, и «тррдхат» — рулет из яичного теста с тушеными овощами.

— Почему у блюд такие странные названия? — спросил Блейн, заказывая на десерт «хггсхрт».

— Господи, приятель, ты действительно приехал из медвежьего угла! — засмеялся Орк. — Эти китайцы, поселившиеся на Марсе, решили полностью акклиматизироваться. Они расшифровали марсианские надписи на скалах и тому подобное и начали говорить по-марсиански — с заметным кантонским акцентом, по-моему, но никто не обратил на это внимания. Они говорят по-марсиански. Попробуй только назвать одного из них китайцем — он тут же врежет тебе за оскорбление. Он — марсианин, приятель!

Принесли «хггсхрт», оказавшийся миндальным пирожным.

Орк расплатился по счету. Выходя из ресторана, Блейн спросил:

— А сколько здесь марсианских прачечных?

— Тьма-тьмущая. Страна переполнена ими.

— Я так и думал, — удовлетворенно кивнул Блейн, с уважением подумав о марсианских китайцах и их верности старым традициям.

Они остановили гелитакси, которое доставило их в «Гринз Клаб» — заведение, которое приятели Орка в Фениксе настоятельно рекомендовали посетить. Этот маленький дорогой клуб с

интимной атмосферой славился во всем мире, и побывать в нем надлежало каждому гостю Нью-Йорка. «Гринз Клаб» являлся уникальным заведением: только здесь посетители могли насладиться зрелищем развлекательного шоу, участниками которого были растения.

Блейна и Орка посадили на маленьком балконе, рядом с центральной частью зала, огороженной стеклянной стеной. Столики, за которыми сидели посетители, размещались вокруг зала на трех уровнях. За стеклянным ограждением, ярко освещенным прожекторами, виднелось несколько квадратных ярдов джунглей, растущих в питательном растворе. Искусственный ветерок шевелил листья растений, расположенных вплотную друг к другу, самых разных цветов, размеров и форм.

Блейну никогда не приходилось видеть, чтобы растения так вели себя. Они росли с фантастической быстротой, из крошечных семян и маленьких корешков превращались в огромные кусты, деревья, покрытые грубой корой, приземистые папоротники, гигантские цветы; все это покрывали зеленые грибки и пятнистые лианы. Растения стремительно развивались, быстро завершали свой жизненный цикл и гибли, успев оставить семена, из которых снова начинали развиваться растения. Однако ни один вид не повторял своих предшественников. Из семян и перезревших плодов вырастали мутанты, меняющиеся и приспосабливающиеся к окружающей среде, борющиеся за место для корней в питательном растворе внизу и воздушном пространстве вверху, стремящиеся к сияющему искусственному солнцу. Потерпевшие поражение в борьбе тут же превращались в растения-паразиты, обвивали и душили деревья, и тут обнаруживалось, что на них тоже начинают паразитировать какие-то новые растения. Иногда то или иное растение, проявив непобедимое честолюбие, одерживало верх над всеми, преодолевало препятствия, душило противников и завоевывало жизненное пространство. Но прямо из него начинали расти новые виды, покоряли его, валили наземь и вели борьбу на побежденном трупе. Временами на джунгли нападала эпидемия какой-то плесени, уничтожавшей все живое в торжестве своей победы. Но и тут сразу возникали дерзкие растения, пускающие корни в слое плесени и гниющих останков, и борьба возобновлялась. Растения все время менялись, становились то больше, то меньше, превосходили самих себя в борьбе за существование. Однако ни смелость, ни хитрость, ни способность приспосабливаться не приводили к окончательному успеху. Ни одно растение не могло одержать победу и неизменно погибало.

Зрелище встревожило Блейна. Неужели это фаталистическое, хоть и пышное, зрелище олицетворяет собой суть двадцать второго века? Он взглянул на Орка.

— Это действительно впечатляет, — произнес Орк. — Подумать только, что проделывают в нью-йоркских лабораториях с

быстрорастущими мутантами! Все это причудливое шоу, конечно. Они всего лишь ускоряют рост, создают ситуацию, препятствующую выживанию, облучают растения жесткой радиацией и предоставляют возможность бороться за существование. Говорят, эти растения растрачивают свой растительный потенциал меньше чем за двадцать часов, после чего их приходится заменять.

— Так вот к чему все это приводит, — заметил Блейн, наблюдая за мучающимися, но не теряющими оптимизма джунглями. — К постоянной замене.

— Разумеется, — подтвердил Орк, избегая философских рассуждений. — Хозяева клуба могут позволить себе это, принимая во внимание здешние цены. И все-таки это ненормально. Давайка я лучше расскажу тебе о песчаных растениях в Аризоне.

Блейн пил виски и следил, как растут, умирают и обновляются джунгли. Одновременно он слышал голос Орка:

«...прямо на раскаленной поверхности пустыни. Уверяю тебя. Наконец, нам удалось акклиматизировать фруктовые деревья и овощи к суровым условиям пустыни без увеличения водоснабжения, причем при таких затратах, что позволяют нам конкурировать с плодородными районами страны. Уверяю тебя, приятель, через пятьдесят лет само понятие «плодородие» изменится. Возьми Марс, например...»

Они вышли из клуба и пошли к Таймс-сквер, заходя по дороге в бары. У Орка начало двоиться в глазах, но он уверенным голосом продолжал рассказывать об утраченном марсианском секрете выращивания растений на голом песке. «Придет день, — обещал он Блейну, — и мы узнаем, как им это удавалось без питательных растворов и фиксации влаги».

Блейн выпил так много, что его прежнее тело уже дважды потеряло бы сознание. Однако новое тело было в состоянии потреблять, казалось, неограниченное количество виски. Это было приятно — иметь тело, способное поглощать виски и не пьянеть. Нет, поспешно решил он, такое сомнительное достоинство не является достаточной компенсацией многих недостатков нынешнего тела.

Они пересекли пеструю, суматошную Таймс-сквер и вошли в бар на 44-й улице. Когда им подали заказанные коктейли, к ним подошел мужчина маленького роста в плаще и с бегающими глазками.

— Здорово, ребята, — произнес он нерешительно.

— Тебе чего, парень? — спросил Орк.

— Не хотите развлечься, ребята?

— Было бы неплохо, — ответил Орк, широко улыбаясь. — Вот только мы сами найдем, где развлечься, так что не утруждай себя.

На лице маленького мужчины появилась хитрая улыбка.

— То, что предлагаю я, вам не найти.

— Ну говори, малыш, — ободрил его Орк. — Что ты хочешь нам предложить?

— Видите ли, ребята, я могу... Черт! Копы!

Двое полицейских в синих мундирах вошли в бар, посмотрели по сторонам и вышли.

— Выкладывай, — сказал Блейн. — Что там у тебя?

— Зовите меня Джо, — произнес мужчина с заискивающей улыбкой. — Я ищу клиентов для игры в трансплант, ребята. Это самая лучшая и самая увлекательная игра в городе!

— Что это за трансплант, черт возьми? — с недоумением спросил Блейн.

Орк и Джо с удивлением уставились на него.

— Ну, дружище, не прими мои слова за оскорбление, но ты, по-видимому, действительно из какого-то медвежьего угла. Ты не слышал о трансплантe? Провалиться мне на месте!

— Ну хорошо, я — неграмотная деревенщина, — проворчал Блейн, агрессивно приблизив свирепое, грубое, словно высеченное из гранита лицо к физиономии Джо. — Что такое трансплант?

— Не так громко, пожалуйста! — прошептал Джо, отодвигаясь от Блейна. — Успокойся, фермер, сейчас я все объясню. Трансплант — это новая игра, при которой участники меняются телами. Может быть, ты устал от жизни? Думаешь, что испытал все удовольствия? Не торопись с выводами, пока не попробовал трансплант. Видишь ли, фермер, знающие люди утверждают, что обычный секс — это слишком скучно. Пойми меня правильно, он хорош для птичек, пчелок, зверей и прочих существ, у которых мало воображения. Он все еще волнует их простые звериные сердца, и можем ли мы винить их в этом? Да и для размножения секс остается главным и лучшим средством. Но если хочешь получить настоящее удовольствие, попробуй трансплант.

Трансплант — игра демократическая, ребята. Она дает вам возможность переселиться в тело кого-то другого и испытать его ощущения. Она даже поучительна и продолжается там, где заканчивается секс. Тебе хотелось когда-нибудь побывать на месте темпераментного латинянина и испытать его чувства, приятель? Трансплант предоставляет такую возможность. Тебе не приходило в голову, что испытывает настоящий садист? Опять же обратись к трансплантy. И ты сумеешь испытать еще очень много разных ощущений, очень много! Например, зачем всю жизнь оставаться мужчиной? Ты уже сумел доказать свою мужественность, зачем еще понапрасну стараться? Разве не интересно некоторое время побыть женщиной, а? С помощью трансплантa можно пережить потрясающе приятные моменты в жизни наших специально подобранных очаровательных девочек.

— Подглядывать за другими — извращение, — заметил Блейн.

— Слышал я все эти ученые слова, — отозвался Джо, — они только вводят в заблуждение. Здесь нет никакого подглядывания.

При трансплантe ты не смотришь, нет, ты сам находишься внутри того тела, которое выбрал, ощущаешь движение мускулов, трепет нервов, все его восхитительные эмоции. Представь себе, фермер, что ты превратился в тигра и гонишься за тигрицей в период спаривания, а? У нас есть тигр, и тигрица тоже. Неужели тебе никогда не хотелось испытать ощущения садиста, мазохиста, некрофила, фетишиста и других? Трансплант поможет тебе. Наш каталог тел, в которых можно оказаться, разнообразнее энциклопедии. Приняв участие в трансплантe, ребята, вы не прогадаете, а цены до смешного низкие...

— Пошел вон! — рявкнул Блейн.

— Не понимаю, приятель.

Огромная рука Блейна схватила Джо за лацканы плаща. Он легко оторвал его от земли и уставился ему в глаза разъяренным взглядом.

— Убирайся отсюда со своими извращениями, ублюдок, — прошипел Блейн. — Такие, как ты, соблазняли людей разными пороками со времен Вавилона, но парней вроде меня этим не собьешь с толку. Выметайся отсюда, пока я не свернул тебе шею — чтобы испытать ощущения садиста.

Блейн опустил его на пол. Джо поправил плащ и нервно улыбнулся.

— Не обижайся, приятель, я ухожу. Сегодня у меня не слишком удачный день, однако все может перемениться, верно? Трансплант — это твое будущее, фермер. Стоит ли противиться этому?

Блейн шагнул вперед, но Орк удержал его. Маленький мужчина поспешил скрыться.

— Не стоит связываться, — сказал Орк. — Можешь попасть в полицию. Мы живем в печальном, развращенном и грязном мире, дружище. Лучше выпей.

Блейн залпом проглотил свое виски, все еще кипя от ярости. Трансплант! Если это самое популярное развлечение 2110 года, то оно ему даром не нужно. Орк прав: это печальный, развращенный и грязный мир. Даже у виски какой-то странный привкус...

Он схватился за стойку бара, чтобы не упасть. Действительно, у виски очень странный вкус. Что это с ним? У него кружится голова...

Блейн почувствовал руку Орка у себя на плечах.

— Ну-ну, мой старый приятель слегка перебрал, — услышал он его голос. — Я сейчас отведу его в отель.

Но ведь Орк не знал, куда его вести. У Блейна не было отеля. Выходит, Орк, этот разговорчивый парень с открытым взглядом, что-то подсыпал ему в стакан, пока он разговаривал с Джо. Но зачем? Чтобы пошарить по карманам? Вряд ли, ведь Орк знал, что у Блейна нет денег.

Он попытался стряхнуть руку, стискивающую его плечи железной хваткой.

— Не беспокойся, старина, — сказал Орк, — я позабочусь о тебе.

Стены бара начали медленно вращаться вокруг Блейна. Внезапно ему пришло в голову, что ему придется многое узнать об этом 2110 годе с помощью сомнительного метода непосредственного участия. Даже слишком многое, подумал он запоздало. Может быть, все-таки лучше было бы ознакомиться с двадцать вторым веком в какой-нибудь библиотеке, чихая от книжной пыли.

Все вокруг вращалось все быстрее и быстрее. Блейн потерял сознание.

Глава 6

Он пришел в себя в маленькой, тускло освещенной комнате без окон, дверей и какой-либо мебели, лишь в углу потолка виднелось вентиляционное отверстие, закрытое решеткой. Потолок и стены были покрыты мягкой обивкой, которую давно не чистили. От нее дурно пахло.

Блейн попытался сесть, и словно две раскаленные иглы тут же пронзили его глаза. Он снова лег.

— Не спеши, — послышался чей-то голос. — Расслабься. После такого снотворного не сразу приходишь в себя.

Он был не один в этой комнате с обитыми стенами. В углу сидел мужчина и наблюдал за ним. На нем были одни трусы. Блейн посмотрел на себя и увидел, что одет точно так же.

Он медленно сел и привалился спиной к стене. На мгновение ему показалось, что голова треснет от боли. Затем, когда в мозг впились раскаленные иглы, он испугался, что этого не произойдет.

— Где я? — спросил он.

— Мы с тобой достигли конца жизненного пути, — благодушно ответил мужчина. — Тебя упаковали и доставили сюда так же, как и меня. Теперь осталось одно — обвязать ленточкой и приклеить этикетку.

Блейн не мог понять, о чем говорит мужчина. У него не было ни малейшего желания расшифровывать сленг 2110 года. Обхватив руками голову, он сказал:

— У меня нет денег. Зачем им понадобилось похищать меня?

— Брось, — заметил мужчина. — Неужели не понимаешь? Им нужно твое тело, приятель!

— Мое тело?

— Вот именно. Твое тело. Для пересадки сознания.

«Тело для пересадки, — подумал Блейн, — вроде того, в котором я сейчас нахожусь. Все ясно. Когда думаешь об этом, все становится очевидным. В этом веке необходим запас тел для самых разных целей. Но где их найти? Ведь человеческие тела не растут на деревьях, их не достать из-под земли. Их можно только отнять у других людей. Однако большинство людей не согласны продавать свои тела; жизнь без них теряет смысл. Итак, каким же образом пополнять запас?

Да очень просто. Найти ротозея, подсыпать ему снотворное в стакан, спрятать его, извлечь сознание — и получай его тело».

Складывалась интересная цепочка логических заключений, но продолжать ее Блейну оказалось не под силу. Судя по всему, его голова решила все-таки треснуть.

Когда головная боль стихла, Блейн сел и увидел перед собой бутерброд на бумажной тарелочке и чашку с каким-то темным напитком.

— Ешь, ешь, не бойся, — послышался голос мужчины, — о нас хорошо заботятся. Говорят, цена тела на черном рынке уже почти четыре тысячи долларов.

— На черном рынке?

— Что с тобой, приятель? Проснись! Неужели не знаешь, что существует черный рынок тел, такой же, как открытый?

Блейн отпил из чашки — темный напиток оказался обычным кофе. Мужчина представился: Рей Мелхилл, механик с космолета «Бремен». Ему было примерно столько же, сколько Блейну, — коренастый, рыжеволосый, курносый мужчина с чуть выступающими передними зубами. Даже в таком печальном положении он не терял присутствия духа, веселой уверенности человека, не сомневающегося, что выход всегда найдется. Его веснушчатая кожа была очень белой, и на ней резко выделялось маленькое красное пятно на шее — след давнишнего радиационного ожога.

— Глупо с моей стороны, — покачал головой Мелхилл. — Но мы только что вернулись из трехмесячного полета к поясу астероидов, и мне захотелось гульнуть как следует. Все обошлось бы, но я отстал от ребят из экипажа, вот и оказался в какой-то конуре с девчонкой. Она подсыпала мне снотворное в коктейль, и очнулся я уже здесь. — Он прислонился к стене и заложил руки за голову. — Подумать только, и это случилось именно со мной! Я всегда говорил парням, чтобы они были настороже. «Не ходите поодиночке, только все вместе», — твердил я. Понимаешь, я не так боюсь умереть, как испытываю отвращение при мысли о том, что эти ублюдки продадут мое тело какому-нибудь жирному старому кретину, чтобы он получил возможность наслаждаться жизнью еще лет пятьдесят. Вот что пугает меня больше всего — грязный старый мерзавец будет носить мое тело. Господи!

Блейн уныло кивнул.

— Ну вот, я рассказал тебе свою печальную историю, — улыбнулся Мелхилл, к которому вернулось хорошее настроение. — А что случилось с тобой?

— Рассказ о моих приключениях будет довольно длинным, —

ответил Блейн, — и временами может показаться неправдоподобным. Тебе действительно интересно?

— Да, конечно. У нас много времени. По крайней мере, надеюсь, что у нас его много.

— О'кей. Все началось в 1958 году. Погоди, не перебивай. Я ехал в своем автомобиле...

Закончив рассказ, Блейн откинулся к стене и глубоко вздохнул.

— Ты-то хоть веришь этому? — спросил он.

— Конечно. Путешествия во времени — штука известная. Правда, они незаконны и очень дороги. А эти парни из «Рекса» плевать хотели на законы.

— Девушки тоже, — добавил Блейн; Мелхилл усмехнулся.

Некоторое время они сидели и молчали. Затем Блейн спросил:

— Значит, они используют наши тела для пересадки?

— Да, конечно.

— И когда это случится?

— Как только найдут состоятельного клиента. Я просидел здесь с неделю — насколько понимаю. Любой из нас может потребоваться каждую секунду. А может, пройдет неделя-другая.

— Но перед этим будет стерто наше сознание?

Мелхилл кивнул.

— Но ведь это убийство!

— Разумеется, — согласился Мелхилл. — Правда, пока мы еще живы. Вдруг копы нагрянут с облавой.

— Сомневаюсь.

— Я тоже. Слушай, у тебя есть страховка потусторонней жизни? Тогда ты останешься в живых и после смерти.

— Я атеист, — покачал головой Блейн, — и не верю в потустороннее существование.

— Я тоже. Но жизнь после смерти — научно установленный факт.

— Глупости, — раздраженно проворчал Блейн.

— Уверяю тебя. Это убедительно доказано.

Блейн уставился на молодого астронавта.

— Рей, — попросил он. — Расскажи мне об этом, а? Обо всем, что произошло после 1958 года.

— Это сложно, — сказал Мелхилл, — да и образование у меня не ахти какое.

— Пусть у меня будет хоть какое-то представление. Что это за потусторонняя жизнь? Переселение душ, трансплантация и тела, которые необходимы для продления жизни людей? Что вообще происходит?

Мелхилл уселся поудобнее.

— Попробую. Итак, 1958 год. Через несколько лет высадились на Луне, а потом и на Марсе. Затем была небольшая война с русскими из-за астероидного пояса — далеко отсюда, в глубоком космосе. Или мы воевали с китайцами? Не помню.

— Не важно, — мотнул головой Блейн. — Меня интересует переселение душ и жизнь после смерти.

— Ну хорошо. Попытаюсь рассказать, как учили нас в школе. Помню, был предмет под названием «Основы психического выживания», но прошло много времени, и я мало что помню. Итак. — Мелхилл сосредоточился. — Цитирую: «С давних времен человек ощущал присутствие невидимого духовного мира, и его не оставляла мысль, что он сам попадает в этот мир после смерти своего тела». Ты, наверное, и сам знаешь о Древнем мире, о египтянах, китайцах, европейских алхимиках и тому подобном, поэтому перейду прямо к Райну. Он жил в твоем веке, преподавал в университете Дьюка, исследовал психические явления. Слышал о нем?

— Да, конечно, — кивнул Блейн. — И что он открыл?

— Вообще-то ничего. Но он дал толчок исследованиям в этой области. Затем этими проблемами начал заниматься Кралск в Вильнюсе и добился заметных успехов. Это произошло в 1987 году, когда «Пираты» выиграли первенство по бейсболу — впервые. А примерно в 2000 году появился Ван Ледднер. Он создал общую теорию потусторонней жизни, но не сумел представить достаточно убедительные доказательства. И вот на сцене появился профессор Майкл Вэннинг. Именно ему удалось доказать, что люди живут и после смерти. Он сумел вступить в контакт с ними, говорил и записывал эти беседы, и тому подобное. Профессор Вэннинг представил абсолютно достоверные, прямо-таки железные научные доказательства существования жизни после смерти. Разумеется, это вызвало массу споров, религиозных дискуссий. Разногласия. Огромные заголовки в газетах. Знаменитый профессор из Гарвардского университета по имени Джеймс Арчер Флинн взялся доказать, что все это обман. Спор между ним и Вэннингом продолжался годами.

Состарившись, Вэннинг решился на отчаянный шаг. Он закрыл в сейфе массу документов, часть материалов спрятал здесь и там, рассеял повсюду кодовые слова и пообещал вернуться из потустороннего мира, как Гудини, который пообещал, но не вернулся. Затем...

— Извини меня, — прервал его Блейн, — если действительно есть жизнь после смерти, почему Гудини не вернулся?

— Все очень просто, но я буду рассказывать по порядку. Не перебивай, пожалуйста. Короче, Вэннинг покончил с собой, оставив длинную предсмертную записку, в которой шла речь о бессмертной душе человека и неуклонном прогрессе человеческой расы. Эта записка перепечатана во многих антологиях. Позднее выяснилось, что эта записка написана не им, а другим человеком, но это к делу не относится. Так о чем я говорил?

— Вэннинг покончил самоубийством.

— Ага. Так вот, будь я проклят, если он не вступил потом в контакт с профессором Джеймсом Арчером Флинном и не сообщил ему, где найти спрятанные материалы. В результате все сомнения исчезли, приятель. Существование жизни после смерти было доказано и стало научным фактом. — Мелхилл встал, потянулся и снова сел. — Институт Вэннинга обратился ко всем с призывом не спешить, — продолжил он, — чтобы избежать массовой истерики, но безуспешно. Следующие пятнадцать лет вошли в историю как Годы Безумия. — Мелхилл улыбнулся и облизнул губы. — Жаль, что меня тогда еще не было. Все решили, что больше нет никаких запретов. «Что бы ты ни делал, греша или любя, вечное блаженство ждет тебя», — появилась в то время такая поговорка. Праведник ты или грешник, тебе обеспечена жизнь после смерти. Убийца и священник войдут в мир иной на равных основаниях. Так что наслаждайтесь жизнью сейчас, парни и девчонки, наслаждайтесь своей плотью, потому что после смерти существование будет только духовным. Вот они и принялись за работу. Наступила анархия. Возникла новая религия, называющая себя «Познание». Ее пророки утверждали, что людям следует испытать все, от самого хорошего до ужасного, от благородного до подлого, потому что потусторонняя жизнь представляет собой всего лишь вечное воспоминание пережитого за период телесного существования. Так что не стесняйтесь ни в чем, именно для этого вы и появились на свет, в противном случае вам будет не о чем вспоминать в этой жизни. Удовлетворяйте все свои желания, каждую похоть, загляните в свои самые черные глубины. Живите на всю катушку и умирайте точно так же. Все словно сошли с ума. Фанатики основывали клубы мучений, общества пыток, создавали энциклопедии страданий и боли. Они коллекционировали пытки подобно тому, как домашние хозяйки собирают кулинарные рецепты. Во время каждого собрания такого клуба один из его членов добровольно становился жертвой, и его убивали самым страшным и мучительным способом. Им хотелось испытать все — абсолютное наслаждение и абсолютную муку. Думаю, это им удалось. — Мелхилл вытер лоб и сказал уже более спокойно: — Я почитал кое-что о Годах Безумия.

— Я уже обратил внимание, — сказал Блейн.

— По-своему очень интересно. Однако скоро поступила потрясающая новость. Институт Вэннинга не прекращал экспериментировать, и в 2050 году, когда Годы Безумия были в самом расцвете, ученые объявили результаты своих исследований, ошеломившие всех: потусторонняя жизнь действительно существует, в этом нет сомнения, однако не для всех!

Блейн мигнул, но промолчал.

— Мир был потрясен. Институт Вэннинга сообщил, что им удалось получить неопровержимые доказательства того, что только

один человек из миллиона остается жить после смерти, тогда как все остальные — бесчисленные миллионы — просто умирают, как пламя свечи. Пуфф — и все. Ничего больше. Никакой потусторонней жизни, никакого вечного существования.

— Почему? — спросил Блейн.

— Видишь ли, Том, я и сам не разобрался в причинах, — произнес Мелхилл. — Если бы ты спросил меня относительно механики потока, тут я в своей стихии, а вот человеческая психика — это не моя область. Так что потерпи, пока я попытаюсь вспомнить, что прочитал в книгах. — Он потер лоб. — То, что остается или не остается после смерти, — это сознание. На протяжении тысячелетий люди спорили между собой, пытаясь выяснить, что такое сознание, где и как оно взаимодействует с телом, и тому подобное. Мы так и не сумели решить эти проблемы, но рабочие гипотезы у нас есть. В настоящее время сознанием считается мощная энергетическая сеть, создаваемая телом, управляемая им и в свою очередь влияющая на тело человека. Это понятно?

— Вроде понятно. Продолжай.

— Таким образом, насколько я понимаю, сознание и тело взаимосвязаны между собой и взаимодействуют друг с другом. Однако сознание может, кроме того, существовать и независимо от тела. По мнению многих ученых, самостоятельно существующее сознание представляет собой следующую ступень в эволюции человека. Через миллион лет, считают они, нам даже не понадобится иметь телесную оболочку — за исключением, возможно, непродолжительного инкубационного периода. Лично я сомневаюсь, что человеческая раса просуществует еще миллион лет. Мне кажется, что этого она просто не заслуживает.

— Я согласен с тобой, — ответил Блейн. — Но давай вернемся к потусторонней жизни.

— Итак, мы говорили о мощной энергетической сети, создаваемой человеком. Когда тело умирает, эта сеть должна продолжать свое существование, подобно бабочке, вылетевшей из кокона. Смерть — это всего лишь освобождение сознания от телесной оболочки. В действительности все происходит иначе из-за шока, сопровождающего смерть. По мнению некоторых ученых, этот шок представляет собой природный механизм освобождения сознания от тела. Но этот механизм начинает действовать слишком агрессивно, и потому его воздействие оказывается чрезмерным. Процесс умирания является психическим шоком исключительной силы, и энергетическая сеть почти всегда разрывается при этом на части. Восстановиться она уже не в силах, происходит ее окончательное разрушение, и наступает гибель не только телесной оболочки человека, но и его сознания.

— Выходит, Гудини не вернулся именно по этой причине? — спросил Блейн.

— Не только он, но и почти все остальные. Дальше произошло

следующее. Люди задумались о будущем, и это положило конец Годам Безумия. Институт Вэннинга продолжал работать. Его сотрудники изучали учение йогов и тому подобное, но уже с научной точки зрения. Понимаешь, некоторые восточные религии достигли в этой области немалых успехов. Они стремились укрепить сознание, усилить веру человека в существование жизни после смерти. К этой же цели стремится институт Вэннинга — так укрепить энергетическую сеть, чтобы шок смерти не разрушал ее.

— Ну и что? Им удалось добиться своей цели?

— Еще бы! Примерно в это время институт Вэннинга изменил свое название. Он стал называться «Потусторонняя жизнь, инкорпорейтед».

— Да, сегодня я проходил мимо их здания, — кивнул Блейн. — Погоди-ка! Ты говоришь, что они нашли способ укрепить сознание? Значит, люди больше не умирают? Все переходят в потусторонний мир?

На лице Мелхилла появилась язвительная улыбка.

— Не будь простаком, Том. Думаешь, они решили облагодетельствовать человечество? Этого еще не хватало! Укрепление сознания представляет собой сложный электрохимический процесс, и они берут за него огромные деньги.

— Значит, только богатые попадают в рай? — спросил Блейн.

— А ты как думал? Что туда пустят всех желающих? Держи карман шире.

— Понимаю, — ответил Блейн. — Но разве нет других методов укрепления сознания? Например, йога. Или, скажем, «дзэн».

— Есть, конечно, — согласился Мелхилл. — Существует по крайней мере дюжина методов выживания, испытанных и одобренных правительственными организациями. Дело, однако, в том, что для овладения этими методами требуется не меньше двадцати лет напряженного труда. Обычному человеку это не под силу. Нет, дружище, если не пользоваться помощью сложнейших аппаратов, попасть в потустороннюю жизнь невозможно.

— А этими аппаратами владеет только «Потусторонняя жизнь, инкорпорейтед»?

— Нет, почему же. Есть пара других корпораций, таких, как «Академия жизни после смерти» и компания «Царство небесное, лимитед», однако стоимость подготовки в них примерно одинакова. Правительство занялось сейчас страховкой жизни после смерти для всех желающих, но до практического осуществления еще далеко, и нам это не поможет.

— Да, пожалуй, — согласился Блейн.

На мгновение перед ним пронеслась ослепительная мечта: конец всем страхам о предстоящей смерти, уверенность в вечном существовании, в том, что процесс развития и совершенствования личности не прекратится с распадом телесной оболочки, навязанной тебе случаем и наследственностью. Однако все это оказалось неосуществимым. Развитие его сознания не будет беспредельным. Будущим поколениям это может помочь, но не ему.

— А как относительно переселения душ в тела других людей?

— Уж тебе-то это должно быть хорошо известно, — заметил Мелхилл. — Тебя переселили в тело другого мужчины. Перемещение сознания из одного тела в другое — операция несложная, это тебе скажут многие специалисты по трансплану. Правда, трансплант представляет собой временное перемещение сознания и не связан с постоянным переселением первоначального сознания, тогда как переселение сознания в тело человека, уже освобожденного от его бывшего владельца, является постоянным. Дело в том, что, во-первых, необходимо стереть все следы сознания первоначального владельца. Во-вторых, сам переход сознания в новое тело связан с немалой опасностью. Видишь ли, иногда случается, что сознание не может проникнуть в нужное тело и гибнет, делая одну бесплодную попытку за другой. Случается, что подготовка к потусторонней жизни не выдерживает попытки переселения в другое тело. Если сознание не сумеет переселиться в приготовленное для него тело, оно гибнет.

Блейн кивнул, понимая теперь, почему Мэри Торн считала, что Рейли лучше умереть. Ее мнение основывалось прежде всего на интересах самого Рейли.

— Почему люди, владеющие страховкой на жизнь после смерти, все-таки пытаются перебраться в другое тело? — спросил он.

— Да потому, что некоторые старики ужасно боятся смерти, — ответил Мелхилл. — Они боятся потусторонней жизни, духовное существование наводит на них страх. Им хочется жить здесь так, как они привыкли. Поэтому они покупают человеческое тело на открытом рынке, совершенно законно, причем выбирают то, которое им больше нравится. Если на открытом рынке подходящее тело отсутствует, они обращаются на черный рынок. Там они находят одно из наших тел, приятель!

— Значит, тела на открытом рынке продаются добровольно?

Мелхилл кивнул.

— Разве есть люди, добровольно желающие продать собственное тело?

— Разумеется. Какой-нибудь бедняк, потерявший всякую надежду на успех в жизни. В соответствии с существующим законодательством он получает компенсацию за свое тело в виде страховки на жизнь после смерти. Фактически он вынужден соглашаться на то, что ему предлагают.

— Но нужно быть сумасшедшим, чтобы пойти на такое!

— Ты так считаешь? — спросил Мелхилл. — Сегодня, как и раньше, мир полон неграмотных, больных, голодных, не имеющих профессии людей. И у них, как правило, есть семьи. Представь себе, что у них нет денег, чтобы накормить детей? Единст-

венной ценностью, которую можно продать, является тело. В твоем веке не было даже этого.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Блейн. — Что касается меня, я никогда не продам свое тело, как бы плохо мне ни было.

Мелхилл расхохотался.

— А ты силен, парень! Неужели ты не понимаешь, Том, что у тебя возьмут тело бесплатно?

Блейн молчал, не зная, что ответить.

Глава 7

В камере со стенами, покрытыми мягкой обивкой, время тянулось медленно. Блейна и Мелхилла снабжали книгами и журналами, их часто и хорошо кормили, правда, пищу подавали на картонных блюдечках и в бумажных стаканчиках. Днем и ночью за ними внимательно следили, чтобы они не причинили вреда своим ценным телам.

Их держали вместе, потому что одиночество переносить труднее, и бывали случаи, когда люди в одиночестве сходили с ума, а безумие наносит неисправимый ущерб важным клеткам головного мозга. Им даже предоставили возможность заниматься физическими упражнениями — под неусыпным надзором, — чтобы тела сохранялись в хорошей форме до того момента, когда они поступят в распоряжение новых владельцев.

Блейн начал испытывать все растущее чувство привязанности к своему массивному, крепкому телу, с его могучими мышцами, которое получил совсем недавно и с которым ему предстояло скоро расстаться. Вообще-то таким телом следует гордиться, думал он, оно просто великолепно. Правда, оно не отличалось особой грацией, но значение грации часто преувеличивают. Блейн подозревал, что его новое тело не подвержено приступам сенной лихорадки, подобно прежнему, оставленному в 1958 году, да и зубы были куда лучше прежних.

В общем, даже если отбросить все моральные соображения, с таким телом расставаться не хотелось.

Однажды они едва успели позавтракать, как часть стены, покрытой мягкой обивкой, распахнулась. За предохранительной стальной решеткой стоял Карл Орк.

— Привет, — сказал он, все такой же высокий, худощавый и неловкий в своей городской одежде. — Как поживает мой приятель из Бразилии?

— Сукин ты сын, — отозвался Блейн, чувствуя, что эти слова недостаточно отражают его чувства.

— Ничего не поделаешь, такова жизнь, — произнес Орк. — Ну что, парни, хорошо ли вас кормят?

— Мерзавец! А как рассказывал о своем ранчо в Аризоне!

— Я действительно арендую там ранчо, — отозвался Орк. — Надеюсь скоро переселиться туда и заняться выращиванием овощей и фруктов в условиях пустыни. Думаю, что знаю про Аризону куда больше, чем многие ее уроженцы. Однако аренда стоит немалых денег, да и страхование потусторонней жизни тоже обходится недешево. Каждый добывает средства к существованию, как умеет.

— Стервятник тоже добывает пищу, как умеет, — заметил Блейн.

— Это бизнес, — тяжело вздохнул Орк, — и, мне кажется, он ничуть не хуже любого другого. Мы живем в жестоком мире. Когда-нибудь, сидя на крыльце своего маленького ранчо в пустыне, я, наверное, пожалею обо всем, что делал.

— У тебя ничего не выйдет, — сказал Блейн.

— Это почему?

— Да потому. Наступит момент, когда одна из твоих жертв заметит, что ты подсыпаешь что-то в стакан, и ты кончишь жизнь в канаве с разбитой головой. Таким будет твой конец.

— Конец моего тела, — поправил его Орк. — Мое сознание переместится в райскую потустороннюю жизнь. Я полностью оплатил страховку, приятель, и попаду на небо.

— Ты не заслуживаешь этого!

Орк усмехнулся, и даже Мелхилл не сумел сдержать улыбку.

— Мой глупый бразильский приятель, — покачал головой Орк, — вопрос о том, кто заслуживает потустороннюю жизнь, а кто — нет, даже не возникает. Жаль, что ты этого так и не понял. Жизнь после смерти — не для праведных и добрых людишек, как бы они ее ни заслуживали. Туда попадают настойчивые парни с туго набитыми карманами, стремящиеся добиться успеха во что бы то ни стало. Именно их души вознесутся на небо после смерти.

— Я не верю в это, — проворчал Блейн. — Это несправедливо!

— А ты, я вижу, идеалист, — с интересом заметил Орк, глядя на Блейна, как на последнего сохранившегося в мире моа.

— Называй меня, как хочешь. Может быть, тебе и удастся сохранить жизнь после смерти, Орк. Но мне кажется, что в потусторонней жизни для тебя приготовлено место, где ты будешь гореть на вечном огне!

— Научных доказательств адского огня не существует, — покачал головой Орк. — Правда, мы мало что знаем о потусторонней жизни. Может быть, мне действительно придется гореть в аду. Я не исключаю даже, что там, в голубых небесах, действует фабрика, в которой собирают в единое целое разрушенное сознание таких, как ты... Однако не будем спорить об этом. Извини, но время пришло.

Орк быстро отошел в сторону. Стальная решетка распахнулась, и в камеру вошли пятеро мужчин.

— Нет! — послышался истерический крик Мелхилла.

Мужчины окружили астронавта. Они ловко увернулись от его кулаков и схватили за руки. Один из них сунул ему в рот кляп, затем его потащили к выходу.

В дверях появился Орк.

— Отпустите его, — раздраженно бросил он.

Мужчины отпустили Мелхилла.

— Идиоты, вы перепутали, — сказал Орк. — Нам нужен другой. — И он показал на Блейна.

Блейн приготовился к тому, что лишится друга, и потому внезапная перемена хода событий застала его врасплох. Не успел он пошевелиться, как его скрутили.

— Извини, — произнес Орк, когда Блейна выводили из камеры. — Клиент оговорил в своем заказе именно такую фигуру и цвет кожи.

Блейн пришел в себя и попытался вырваться.

— Я убью тебя! — крикнул он. — Клянусь, я убью тебя!

— Осторожно, не причините ему вреда, — равнодушно бросил Орк, глядя на Блейна ледяным взглядом.

Ему закрыли лицо мокрой тряпкой. Блейн почувствовал тошнотворно-сладкий запах хлороформа. Последнее, что он увидел, — побелевшее лицо Мелхилла, стоявшего у стальной решетки.

Глава 8

Придя в себя, Томас Блейн прежде всего осознал, что он все еще Томас Блейн и по-прежнему является владельцем собственного тела. Доказательство было очевидным и не нуждалось в дополнительных поисках. Его сознание не было стерто — по крайней мере, пока.

Он лежал на диване, одетый. Прислушался к шагам, приближающимся к двери, и сел.

Они, по-видимому, переоценили воздействие хлороформа. Значит, у него еще есть шанс!

Блейн встал и быстро спрятался за дверью. Она открылась, и кто-то вошел в комнату. Блейн сделал шаг вперед и замахнулся. В последнее мгновение ему удалось сдержать силу удара, но здоровенный кулак все-таки угодил в прелестный подбородок Мэри Торн. Колени девушки подогнулись, Блейн подхватил ее и отнес на диван. Через несколько минут она пришла в себя и сердито взглянула на него.

— Блейн, вы идиот, — сказала девушка.

— Но ведь я не знал, кто это, — попытался оправдаться Блейн и тут же почувствовал, что это неправда.

Он понял, что это Мэри Торн, за долю мгновения до того, как его мозг отдал команду нанести удар, и великолепное, послушное, быстро реагирующее на команды тело могло сдержать удар. Однако бессознательная, слепая ярость легко победила разум,

искусно воспользовалась секундным замешательством и срочностью ситуации, чтобы избежать ответственности, заставила Блейна нанести удар этой холодной, бесчувственной мисс Торн, отомстить ей.

Происшедшее напомнило о том, о чем Блейну совсем не хотелось вспоминать.

— Мисс Торн, для кого вы купили мое тело? — спросил он.

Девушка бросила на него уничтожающий взгляд.

— Для вас, поскольку вы сами не могли о нем должным образом позаботиться.

Значит, смерть ему не угрожает. В его тело не вселится грязный жирный старик, развеяв его душу по ветру. Отлично! Ему так хотелось жить. Правда, было бы лучше, если бы его спас кто-нибудь другой, а не Мэри Торн.

— Я мог бы позаботиться о своем теле куда лучше, если бы меня познакомили с окружающим миром, — заметил Блейн.

— Именно это я и собиралась сделать. Почему вы не подождали?

— После того, что вы мне сказали?

— Извините, что я обошлась с вами так бесцеремонно, — ответила девушка. — Меня расстроило решение мистера Рейли отменить рекламную кампанию. Но разве вы не поняли этого? Если бы я была мужчиной...

— Но вы не мужчина, — заметил Блейн.

— Какая разница? У вас, по-видимому, сохранились странные, устаревшие взгляды на роль женщины и ее положение в обществе.

— Я не считаю их странными, — покачал головой Блейн.

— Еще бы. — Она потрогала подбородок — там уже появился синяк и слегка напухло. — Ну что, будем считать, что мы квиты? Или вам хочется ударить меня еще раз?

— Нет, одного раза вполне достаточно.

Мэри Торн встала с дивана и пошатнулась. Блейн обнял ее за талию, чтобы поддержать, — и смутился. Ему казалось, что стройное тело девушки сделано из стальных мускулов, — на самом деле он почувствовал под ладонью упругую и удивительно мягкую плоть. Стоя совсем рядом, он видел, что из тугой прически выбилось несколько прядей, и на лбу, у самой линии волос, заметил крошечную родинку. В это мгновение девушка перестала быть для него абстрактной фигурой и превратилась в живого человека.

— Я не упаду и без вашей помощи, — сказала она.

Блейн убрал руку.

— При данных обстоятельствах, — произнесла девушка, глядя на него пристальным взглядом, — наши отношения должны оставаться чисто деловыми.

Ну и чудеса! Внезапно Мэри Торн тоже взглянула на него как на человека; она увидела в нем мужчину, и это обеспокоило ее. От этой мысли Блейн почувствовал немалое удовольствие. Нель-

зя сказать, что Мэри Торн нравилась ему или он чувствовал к ней чисто физическое влечение. Однако ему очень хотелось вывести ее из равновесия, поцарапать гладкий фасад, поколебать это невероятное самообладание.

— Разумеется, мисс Торн, — ответил Блейн.

— Я рада, что вы придерживаетесь этой точки зрения, — улыбнулась она. — Откровенно говоря, вы не мой тип мужчины.

— А какой тип вы предпочитаете?

— Мне нравятся высокие худощавые мужчины, — объяснила девушка, — утонченные, образованные, умеющие вести себя в обществе.

— Но ведь я...

— Может быть, позавтракаем? — заметила мисс Торн. — Потом с вами хочет побеседовать мистер Рейли. Мне кажется, он намеревается сделать вам какое-то предложение.

Блейн вышел за ней из комнаты, кипя от гнева. Может быть, она издевается над ним? Высокие, худощавые, умеющие вести себя в обществе! Черт побери, ведь именно таким он и был раньше! Да и сейчас остается таким внутри этого мускулистого тела белобрысого борца — вот только она не видит этого.

Непонятно, кто кого вывел из равновесия?

Когда они сели за столик в столовой «Рекс Корпорейшн», Блейн внезапно вспомнил:

— Мелхилл!

— Что?

— Рей Мелхилл, парень, с которым я сидел в камере! Скажите, мисс Торн, а вы не могли бы выкупить и его? Как только у меня появятся деньги, я расплачусь. Мы столько пережили вместе! Он такой хороший парень...

— Попробую, — сказала девушка, с любопытством глядя на Блейна.

Она встала и вышла из столовой. Блейн с нетерпением ждал ее возвращения, потирая руки и желая, чтобы между ними вдруг оказалась шея Карла Орка. Мэри Торн вернулась через несколько минут.

— Я говорила с Орком, — сказала она. — Мне очень жаль, но мистера Мелхилла продали через час после того, как увезли вас. Поверьте, я действительно сожалею об этом. Вот если бы я подумала об этом раньше...

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Блейн. — Пожалуй, было бы неплохо чего-нибудь выпить.

Глава 9

Мистер Рейли сидел, выпрямившись в огромном, мягком, похожем на трон кресле, почти теряясь в его глубине. Он был крохотным лысым старичком, чем-то напоминавшим паука. Морщинистая полупрозрачная кожа туго обтягивала его череп и кисти рук; сухожилия и суставы отчетливо вырисовывались сквозь высохшую плоть. Блейну даже показалось, что он видит, как по дряблым кровеносным сосудам медленно, словно нехотя, течет кровь и в любую минуту может остановиться. Однако вел себя мистер Рейли уверенно, и на его умном обезьяньем личике сияли глаза, полные юмора.

— Итак, вот он какой, наш человек из прошлого! — улыбнулся мистер Рейли. — Садитесь, сэр, прошу вас. И вы тоже, мисс Торн. Я только что говорил о вас с дедушкой.

Блейн невольно оглянулся, ожидая увидеть у себя над головой призрак мужчины, скончавшегося шестьдесят лет назад. Однако в богато убранной комнате с высоким потолком не было никого, кроме них троих.

— Он удалился, — объяснил мистер Рейли. — Бедный дедушка может находиться в состоянии эктоплазмы очень непродолжительное время. И все-таки ему повезло куда больше, чем большинству призраков.

Выражение лица Блейна, по-видимому, изменилось, потому что Рейли спросил:

— Вы не верите в духов, мистер Блейн?

— Боюсь, что нет.

— Ну конечно! Это слово для вас, человека из двадцатого столетия, имеет иной, пугающий смысл. Звон цепей, скелеты и тому подобные глупости. Однако со временем слова меняют свое значение, меняется даже реальность по мере того, как человечество перестраивает природу.

— Понятно, — вежливо кивнул Блейн.

— Вы не верите мне, — добродушно улыбнулся мистер Рейли. — Напрасно. Подумайте о том, как менялось значение слов. В двадцатом веке слово «атом» сочеталось писателями, владеющими даром воображения, с чем угодно, — появились «атомные пушки», «атомные космопланы» и тому подобное. Абсурдное слово, и здравый человек просто не обращал на него никакого внимания, подобно тому как вы пропускаете мимо ушей все, что относится к духам. Но прошло всего несколько лет, и слово «атом» превратилось в символ реальной и неминуемой опасности для всего человечества. После этого ни один здравомыслящий человек не мог его игнорировать! — На лице мистера Рейли появилась задумчивая улыбка. — Слово «радиация» превратилось из чисто научного выражения, применявшегося лишь в учебниках, в источник раковых опухолей. В ваше время «космическая болезнь» являлась абстрактным, ничего не значащим понятием. Однако пятьдесят лет спустя оно означало больницы, наполненные искалеченными телами. Так что слова, мистер Блейн, имеют тенденцию к переменам, теряя свой прежний — абстрактный, нереальный или чисто

научный смысл и приобретая практическое повседневное значение. Такое случается, когда практика догоняет теорию.

— А духи?

— Аналогичный процесс. Ваше мышление старомодно, мистер Блейн. Вам просто нужно изменить смысл, вкладываемый в это слово.

— Это будет нелегко, — возразил Блейн.

— Однако необходимо. Не забудьте, всегда было немало доказательств их существования. Иными словами, вероятность существования духов была достаточно большой. А когда жизнь после смерти превратилась в реальность, когда исчезла необходимость принимать желаемое за действительное, духи тоже стали реальным фактом.

— Я поверю в их существование только тогда, когда встречусь хоть с одним из них, — ответил Блейн.

— Рано или поздно так и произойдет, можете не сомневаться. Но перейдем к делу. Как вы чувствуете себя в нашем веке?

— Пока не слишком хорошо.

— Вижу, что охотники за телами изрядно вас напугали, а? — злорадно хихикнул мистер Рейли. — Сами виноваты: вам не следовало покидать здание корпорации, мистер Блейн. Этим вы нанесли немалый ущерб себе, и нашей корпорации, естественно, тоже.

— Я виновата в этом, мистер Рейли, — заметила Мэри Торн. — Извините.

Рейли мельком взглянул на нее и снова повернул голову к Блейну.

— Это, разумеется, достойно сожаления. Если уж говорить честно, вас следовало предоставить собственной судьбе там, в 1958 году. Ваше присутствие здесь, откровенно говоря, нас изрядно смущает.

— Мне очень жаль.

— Мы с дедушкой обсудили создавшуюся ситуацию и пришли к выводу — боюсь, несколько запоздалому, — что вас не следует использовать в рекламной кампании. Следовало бы принять это решение гораздо раньше. И все-таки решение принято наконец. Однако, несмотря на все наши усилия, не исключено, что ваше пребывание в двадцать втором веке не удастся скрыть. Возможно даже, что правительство предпримет юридические меры против корпорации.

— Сэр, — сказала Мэри Торн, — юристы не сомневаются в твердости нашей позиции.

— Разумеется, в тюрьму нас не посадят, — согласился Рейли. — Но подумайте о том, что будут говорить. Да, что о нас скажут! «Рекс Корпорейшн» должна заботиться о своей репутации, мисс Торн! Слухи о незаконных действиях, о возможном скандале... Нет, мистеру Блейну не следует оставаться у нас в 2110 году, являясь наглядным доказательством ошибочного решения. Вот почему, сэр, я хочу сделать вам деловое предложение.

— Я вас слушаю, — ответил Блейн.

— Что, если корпорация приобретет вам страховой полис на потустороннюю жизнь и таким образом гарантирует вам жизнь после смерти? Согласитесь ли вы в таком случае совершить самоубийство?

Блейн несколько раз моргнул от неожиданности.

— Нет.

— Но почему? — спросил Рейли.

На мгновение причина показалась Блейну очевидной. Разве есть живое существо, готовое покончить с собой? К сожалению, есть — это человек. Блейну пришлось задуматься, чтобы ответить.

— Начать с того, — произнес он, — что я не уверен в существовании посмертной жизни.

— Предположим, мы сумеем убедить вас в этом, — заметил Рейли. — Тогда вы согласитесь?

— Нет!

— Очень легкомысленно с вашей стороны, мистер Блейн! Подумайте о своем положении. Век, в который вы попали, чужд вам, враждебен, неудобен. Как вы собираетесь зарабатывать на пропитание? С кем вы можете говорить, да и о чем? Даже пройти по улице, каждую секунду не подвергая опасности свою жизнь, вы и то не сумеете.

— Такого больше не случится, — заверил его Блейн. —Я не был знаком с местной обстановкой.

— Ну что вы, обязательно случится! Вы никогда не сумеете привыкнуть к жизни в наше время. По крайней мере, в достаточной степени. Вы сейчас находитесь в таком же положении, как пещерный человек, заброшенный волей судьбы в 1958 год. Полагаю, он будет чувствовать себя достаточно уверенно, если учесть, что он умеет защищаться от саблезубых тигров и мохнатых мастодонтов. Может быть, найдется добрый самаритянин и предупредит его об опасности со стороны гангстеров. Но разве это ему поможет? Спасет от гибели под колесами автомобиля, от удара электрическим током на рельсах подземки, отравления газом в квартире, падения в шахту лифта? Ему угрожает множество опасностей — он может попасть под механическую пилу или просто сломать шею, поскользнувшись в ванне! Нужно родиться в такой обстановке, чтобы спокойно жить среди всех этих опасностей, даже не замечая их. Впрочем, даже в вашем веке люди иногда становились жертвами несчастных случаев, стоило им на мгновение отвлечься! Представляете, насколько труднее было бы пещерному человеку?

— Вы преувеличиваете опасность, — ответил Блейн, чувствуя на лбу холодный пот.

— Вы так полагаете? Опасность, угрожающая людям в лесу, —

ничто по сравнению с опасностью в городе. А когда город становится супергородом...

— Я не согласен на самоубийство, — произнес Блейн. — Готов пойти на риск. И давайте оставим эту тему.

— Будьте же благоразумны! — сказал Рейли раздраженно. — Покончите с собой и избавьте всех нас от массы неприятностей. Если вы откажетесь, могу предсказать, что вам предстоит. Возможно, благодаря храбрости и животной хитрости, вам удастся протянуть год, даже два. Это ничего не даст, рано или поздно вы все равно покончите с собой. Вы — типичный самоубийца. Это у вас в характере, Блейн, изменить что-то вам не под силу. Через год или два, после многих страданий, вы покончите с собой, и ваш дух с облегчением покинет измученное тело, но в этом случае вам уже не придется надеяться на то, что ваша усталая душа попадет в мир иной.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Блейн.

— Я никогда не ошибаюсь, определяя потенциального самоубийцу, — спокойно ответил Рейли. — Дедушка согласен со мной. Так что если вы все-таки...

— Нет, — решительно покачал головой Блейн, — Убивать себя я отказываюсь. Вам придется нанять кого-то для этого.

— Я так не поступаю, — сказал Рейли. — Принуждать кого-то к самоубийству не в моих правилах. Однако я приглашаю вас поприсутствовать в качестве зрителя при переселении моего духа — сегодня после обеда. Получите представление о потусторонней жизни. Может быть, это заставит вас передумать.

Блейн заколебался, и старик усмехнулся, понимающе глядя на него.

— Не беспокойтесь, вам не угрожает никакая опасность. Или вы все еще опасаетесь обмана? Неужели вы думаете, что я украду ваше тело? Напрасно. Я выбрал новое тело несколько месяцев назад, совершенно официально, на открытом рынке. Откровенно говоря, ваше тело мне не по вкусу. Видите ли, в такой огромной оболочке я чувствовал бы себя неуютно.

Беседа закончилась, и Мэри Торн вывела Блейна из кабинета.

Глава 10

Комната, где происходило переселение духа, походила на маленький театр. Блейн узнал, что ею часто пользовались для чтения лекций по повышению квалификации руководящих сотрудников корпорации. Сегодня аудитория была небольшой и состояла исключительно из специально приглашенных гостей. Здесь в полном составе присутствовал совет директоров из пяти мужчин среднего возраста. Они сидели в последнем ряду и о чем-то тихо беседовали. Рядом расположился секретарь-регистратор. Блейн

и Мэри Торн сели впереди, как можно дальше от директоров корпорации.

На сцене, возвышающейся над залом и залитой светом прожекторов, была установлена аппаратура для переселения душ. Два массивных кресла были снабжены привязными ремнями и соединены со стоявшей между ними блестящей черной машиной множеством толстых проводов. У Блейна возникло неприятное ощущение, что ему предстоит присутствовать при казни. Над аппаратом склонились техники, завершая последние приготовления. Поблизости стояли пожилой бородатый врач и его коллега с багровым лицом.

На сцену вышел мистер Рейли, кивнул сидевшим в зале и сел в одно из кресел. Следом появился мужчина лет сорока с испуганным, бледным, но полным решимости лицом. Это и был человек, которого купил мистер Рейли. Он опустился во второе кресло, взглянул на аудиторию, затем уставился на руки. Он казался смущенным. Его лицо было покрыто крупными каплями пота, и пиджак под мышками потемнел. Мужчина не смотрел на Рейли, и Рейли не поворачивал к нему головы.

На сцене появился еще один мужчина, лысый и серьезный, в темном костюме с воротником, который носят священники, держащий в руках маленькую черную книжку. Он шепотом заговорил с сидящими в креслах.

— А это кто? — спросил Блейн.

— Отец Джеймс, — ответила Мэри Торн. — Он — священник из церкви Потусторонней жизни.

— Что это за церковь?

— Новая религия. Вы уже слышали о Годах Безумия? В то время разгорелся нешуточный теологический спор...

Наиболее острым вопросом сороковых годов двадцать первого века стал духовный статус потусторонней жизни. А после того как корпорация «Потусторонняя жизнь» заявила о существовании — научно обоснованном — жизни после смерти, ситуация еще более обострилась. Корпорация прилагала отчаянные усилия, чтобы избежать столкновения с религией, однако это оказалось очень сложно. Большинство священников считало, что наука без всякого основания вторглась в сферу их деятельности. «Потусторонняя жизнь, инкорпорейтед», хотелось это корпорации или нет, рассматривалась как главная сила при формулировании новой научно-религиозной доктрины, которая заключалась в том, что спасения души можно было достигнуть не с помощью религиозных, моральных или этических мер, а в результате обезличенной прикладной научной процедуры.

Для решения этой жгучей проблемы было проведено бесчисленное количество конгрессов, конференций и симпозиумов.

Некоторые группы населения пришли к заключению, что провозглашенная, научно обоснованная жизнь после смерти совершенно очевидно не являлась раем, нирваной или загробным блаженством по той причине, что душа не имела ко всему этому никакого отношения. По их мнению, сознание и душа — не одно и то же; душа как не заключает в себя сознание, так и не составляет его части. Вряд ли стоит оспаривать то, что наука открыла способ продления существования единого сообщества тела и сознания. Однако это ничуть не влияет на душу и уж точно не имеет никакого отношения к бессмертию, нирване или чему-то подобному. Научные манипуляции не могут оказать какого-либо воздействия на душу. Ну а судьба души после неизбежной смерти сознания в научной потусторонней жизни будет зависеть от традиционных моральных, этических и религиозных ценностей.

— Вот это да! — заметил Блейн. — Кажется, я понимаю, в чем дело. Они пытались достичь сосуществования науки и религии. Однако не были ли их рассуждения для некоторых людей излишне тонкими?

— Верно, — согласилась Мэри Торн, — даже несмотря на то что объяснения были намного убедительнее моих, да и подкрепили их множеством аналогий. Но ведь это была лишь одна точка зрения. Остальные даже не стремились к сотрудничеству. Они просто заявили, что научный взгляд на потустороннюю жизнь греховен. А еще одна группа решила проблему следующим образом: она присоединилась к научной точке зрения и заявила, что душа есть часть сознания и содержится внутри его.

— Полагаю, это и была церковь Потусторонней жизни?

— Да. Они откололись от остальных религиозных течений. По их мнению, душа заключена в сознание, а потусторонняя жизнь — возрождение души после смерти без всяких «но» и «если».

— Вполне в духе времени, — кивнул Блейн. — Но моральные соображения...

— С их точки зрения, это ничуть не противоречит моральным принципам. Последователи церкви Потусторонней жизни считают, что нельзя навязывать людям моральные и этические нормы с помощью духовных поощрений и наказаний. А если бы это было возможно, то не следует так поступать. По их мнению, моральные принципы важны сами по себе, во-первых, как присущие социальному организму, то есть обществу, и во-вторых, как приносящие огромную пользу каждому человеку.

Блейн пришел к выводу, что от моральных принципов ждут слишком многого.

— Наверное, эта религия пользуется большой популярностью? — спросил он.

— Огромной, — кивнула Мэри Торн.

Блейн хотел еще что-то спросить, но тут заговорил отец Джеймс.

— Уильям Фицсиммонс, — обратился священник к обладателю тела, — ты прибыл сюда добровольно для того, чтобы прекратить свое существование в земном мире и продолжить его в мире духовном?

— Да, святой отец, — пробормотал побледневший мужчина.

— И ты подвергся соответствующим научным процедурам, позволяющим тебе продолжить существование в мире духовном?

— Да, святой отец.

Отец Джеймс повернулся к Рейли.

— Кеннет Рейли, ты прибыл сюда по собственной воле для того, чтобы продолжить свое земное существование в теле Уильяма Фицсиммонса?

— Да, святой отец, — ответил Рейли, напрягшись и нахмурившись.

— И ты принял все меры для того, чтобы Уильям Фицсиммонс смог войти в потустороннюю жизнь: заплатил деньги наследникам Фицсиммонса, а также внес необходимый государственный налог, связанный с процедурой подобного рода?

— Да, святой отец.

— При такой ситуации, — провозгласил отец Джеймс, —не совершено никаких проступков, ни гражданских, ни религиозных. В данном случае не имеет места потеря жизни, поскольку личность Уильяма Фицсиммонса продолжит свое существование в потустороннем мире, а личность Кеннета Рейли продолжит свое существование на земле. Поэтому можно приступить к процедуре переселения душ.

Происходящее показалось Блейну чудовищным смешением свадебной церемонии и казни. Улыбающийся священник ушел. Техники пристегнули клиентов к креслам и закрепили электроды у них на ногах, руках и лбах. В аудитории воцарилась мертвая тишина, и директора корпорации «Рекс» подались вперед, наблюдая за процедурой.

— Приступайте, — произнес Рейли, глядя на Блейна и чуть заметно улыбаясь.

Старший техник повернул ручку на контрольной панели черной машины. Она громко загудела, и освещение померкло. Оба мужчины конвульсивно дернулись в ремнях, затем их тела обмякли.

— Они убивают этого несчастного беднягу Фицсиммонса, — прошептал Блейн.

— Этот несчастный бедняга, как вы его называете, — сказала Мэри Торн, — отлично понимал, на что шел. Ему тридцать семь лет, и в жизни он полный неудачник. Он не сумел удержаться ни на одной работе в течение хоть сколько-нибудь продолжительного времени и не имел никакой надежды приобрести страховой полис на жизнь после смерти. Так что для него это прямо-таки

великолепная возможность. Более того, у него жена и пятеро детей, которых он не в состоянии обеспечить. Деньги, выплаченные ему мистером Рейли, позволят им выжить и обеспечат детям неплохое образование.

— Какая хорошая теперь у них будет жизнь! — воскликнул Блейн, не скрывая сарказма. — Продается слегка подержанное тело отца в превосходном состоянии. Покупайте, недорого!

— Вы смешны, — бросила Мэри Торн. — Смотрите, все кончено.

Черную машину выключили, и с неподвижных мужчин сняли ремни. Не обращая ни малейшего внимания на маленький сморщенный труп Рейли, на лице которого застыла усмешка, техники и врачи столпились вокруг тела Фицсиммонса.

— Пока ничего! — громко заметил старый бородатый врач.

Блейн чувствовал, что в помещении воцарилась атмосфера страха и нервного ожидания. Шли секунды. Врачи и техники склонились над неподвижным телом молодого мужчины.

— Все еще ничего! — воскликнул доктор. В его голосе послышались панические нотки.

— Что происходит? — спросил Блейн у девушки.

— Я уже говорила, что процесс перехода душ из одного тела в другое является сложным и опасным. Пока сознание Рейли еще не переселилось в тело Фицсиммонса. Но времени у него осталось немного.

— Но почему?

— Потому что тело начинает умирать с того момента, как остается незанятым. Если сознания нет — хотя бы в дремлющем состоянии — начинаются необратимые процессы. Присутствие сознания является необходимым условием существования. Даже дремлющее сознание, не способное на самостоятельные действия, контролирует протекающие в теле физиологические процессы. Но как только оно исчезает...

— Все по-прежнему! — крикнул пожилой врач.

— Думаю, что уже слишком поздно, — прошептала Мэри Торн.

— Дрожь! — вдруг произнес врач. — Я чувствую, что тело вздрогнуло!

Наступила продолжительная тишина.

— Мне кажется, что он вошел! — воскликнул врач. — Быстро, кислород и адреналин!

На лицо бывшего Фицсиммонса положили кислородную маску, и в руку вонзилась игла шприца. Тело шевельнулось, вздрогнуло, обмякло и шевельнулось снова.

— Ему это удалось! — торжествующе вскричал пожилой врач, снимая кислородную маску.

Директора корпорации, как по команде, встали из кресел и поспешили на сцену. Они окружили ожившее тело, которое моргало глазами и содрогалось в приступах рвоты.

— Поздравляем, мистер Рейли!

— Вы отлично справились с этим, сэр!

— А мы уже начали волноваться!

Оживший уставился на них бессмысленным взглядом, потом вытер рот и произнес:

— Я не Рейли.

Пожилой врач растолкал директоров и склонился над телом.

— Вы не Рейли? — спросил он. — Значит, вы Фицсиммонс?

— Нет, — ответил мужчина, — я не Фицсиммонс, не этот бедный дурачок! И не Рейли. Он пытался влезть в это тело, однако мне удалось его опередить. Я оказался здесь раньше его. Теперь это мое тело.

Неизвестный встал. Директора корпорации отшатнулись от него, один быстро перекрестился.

— Тело слишком долго оставалось мертвым, — прошептала Мэри Торн.

Лицо ожившего человека очень отдаленно, в самых общих чертах напоминало бледное испуганное лицо Уильяма Фицсиммонса. Ничего похожего на решительность Фицсиммонса или раздражительность и юмор Рейли не было в этом лице. Оно походило только на самое себя. Смертельно бледное, с черными точками щетины на подбородке и щеках, с бескровными губами и прядью черных волос, приклеившихся к холодному белому лбу. Когда в теле обитал Фицсиммонс, черты лица составляли единое гармоничное, хоть и ничем не выделяющееся целое. Однако теперь отдельные черты стали какими-то грубыми и словно независимыми друг от друга. Бледное лицо приобрело сырой, незаконченный вид, какой бывает у стали перед закалкой или у глины до обжига в печи.

Оно выглядело вялым и угрюмым из-за отсутствия мышечного тонуса и напряжения. Бесстрастные дряблые черты просто существовали, не выражая скрывающейся за ними личности. Лицо больше не казалось полностью человеческим. То, что осталось в нем от человека, поселилось теперь в огромных, немигающих, полных терпения глазах Будды.

— Он превратился в зомби, — прошептала Мэри Торн, прижавшись к плечу Блейна.

— Но кто вы? — спросил старый врач.

— Я не помню, — произнесло существо. — Ничего не помню. — Оно медленно повернулось и стало спускаться со сцены. Два директора нерешительно преградили ему дорогу. — Прочь, — произнесло странное существо. — Теперь это мое тело.

— Оставьте в покое несчастного зомби, — раздался усталый голос пожилого врача.

Директора отошли в сторону. Зомби подошел к краю сцены, спустился в зал, повернулся и направился к Блейну.

— Я знаю вас! — воскликнул он.

— Что вы от меня хотите? — испуганно спросил Блейн.

— Не помню, — ответил зомби, пристально глядя на Блейна. — Как вас зовут?

— Том Блейн.

Зомби покачал головой.

— Это имя мне ничего не говорит. Но я обязательно вспомню. Да, конечно, это вы. Что-то... Мое тело умирает, правда? Очень жаль. Но я вспомню, прежде чем оно уйдет от меня. Вы и я чем-то связаны. Блейн, неужели вы не помните меня?

— Нет! — воскликнул Блейн, потрясенный даже намеком на что-то общее, на какую-то связь между ним и этим умирающим существом. Не может быть! На какой страшный секрет намекает этот похититель трупов, этот грязный захватчик, какие черные тайны, скрытые от всех, соединяют его с ним, Томом Блейном?

Нет, между ними не может быть ничего общего, подумал Блейн. Он знал себя, знал, что собой представляет, кем был раньше. Их ничто не может связывать, ничто. Это существо или ошиблось, или сошло с ума.

— Кто вы? — спросил Блейн.

— Не знаю!

Зомби в отчаянии всплеснул руками, словно человек, угодивший в сеть. И тут Блейн представил себе, какие чувства испытывает сознание, утратившее имя, не понимающее, что происходит, запутавшееся, попавшее в смертельное объятие умирающего тела, но так стремящееся к жизни.

— Мы еще встретимся, — сказал зомби Блейну. — Вы представляете для меня нечто важное. Я найду вас и вспомню все про нас обоих.

Зомби повернулся и пошел по проходу из зала. Блейн не отрываясь смотрел ему вслед и вдруг почувствовал какую-то тяжесть на своем плече.

Это Мэри Торн упала в обморок. Впервые она повела себя как женщина.

Часть вторая

Глава 11

Стоя у аппарата для переселения душ, старший техник и бородатый врач спорили. Позади каждого выстроились ассистенты, с уважением слушая шефов. Казалось, спор касался чисто технических вопросов, однако Блейн догадался, что причина разногласий — неудача с переселением души Рейли. Каждый, по-видимому, относил неудачу на счет другого.

Пожилой врач утверждал, что аппаратура была настроена недостаточно точно либо произошел неожиданный спад напряжения в системе энергоснабжения. Старший техник уверял, что аппаратура в идеальном состоянии, просто Рейли физически не был готов к процедуре переселения душ, поскольку такой процесс требует немалого напряжения.

Ни один не хотел уступать. Будучи все-таки благоразумными людьми, они скоро сумели найти решение, устраивающее обе стороны. Во всем виновата безымянная душа, вступившая в борьбу с Рейли за обладание телом и одержавшая верх.

— Но кто это был? — спросил старший техник. — Какой-то бродячий дух?

— По-видимому, — кивнул врач. — Духу исключительно редко удается завладеть живым телом. По тому, как он говорил, можно предположить, что это был дух.

— Кем бы он ни был, — заметил старший техник, — завладел телом он слишком поздно. Оно, бесспорно, уже перешло в состояние зомби. Впрочем, винить в случившемся некого.

— Совершенно верно, — согласился доктор. — Я готов подтвердить, что аппаратура находилась в полном порядке.

— В этом не приходится сомневаться, — ответил техник. — Равно как и в том, что клиент был превосходно подготовлен к операции.

Они обменялись многозначительными взглядами.

Тем временем совет директоров провел срочное заседание, пытаясь определить, какие последствия вызовет случившееся в ближайшем будущем, как оно отразится на корпоративной структуре «Рекса», каким образом следует информировать общественность о смерти мистера Рейли и нужно ли предоставить всем служащим корпорации свободный день, чтобы они смогли посетить семейный Дворец смерти Рейли.

Тело мистера Рейли лежало в кресле, откинувшись на спинку,

и уже начало коченеть. На его лице застыла отрешенная ироническая улыбка.

Мэри Торн пришла в себя.

— Идем отсюда, — сказала она, увлекая Блейна за собой.

Они поспешно направились по длинным серым коридорам к выходу. На улице девушка остановила геликеб и назвала водителю адрес.

— Куда мы летим? — спросил Блейн, когда геликеб оторвался от земли.

— Ко мне домой. Сейчас лучше быть подальше от «Рекса» — на некоторое время он превратится в сумасшедший дом, — ответила Мэри Торн и стала поправлять прическу.

Блейн откинулся на спинку сиденья и посмотрел вниз, на ярко освещенный город. С такой высоты он походил на изящную миниатюру, многоцветную мозаику из «Тысячи и одной ночи». Но где-то там, внизу, по улицам города ходил сейчас только что оживший зомби, пытающийся что-то вспомнить... о нем, о Блейне.

— Но почему он обратился именно ко мне? — вслух спросил Блейн.

Мэри Торн повернулась к нему.

— Вас интересует, почему он обратился к вам? А почему бы и нет? Вы что, никогда не ошибались?

— Ошибался, наверное. Однако с этим уже покончено.

— Может быть, это в ваше время ошибки не вызывали последствий, — покачала головой девушка. — Теперь все по-другому. Нельзя поручиться, что человек умрет полностью. В этом заключается один из самых крупных недостатков жизни после смерти, понимаете? Иногда случается, что совершенные ошибки не желают оставаться в прошлом и начинают преследовать человека даже после смерти.

— Похоже на это, — вздохнул Блейн. — Но я не совершил ничего такого, что могло бы привлечь ко мне внимание подобного существа.

— В таком случае вы лучше большинства из нас, — равнодушно пожала плечами Мэри Торн.

Никогда раньше девушка не казалась ему такой чужой. Геликеб медленно снижался. Тем временем Блейн размышлял о том, что достоинства всегда идут рука об руку с недостатками.

В том веке, из которого он пришел, борьба с болезнями в слаборазвитых странах привела к стремительному увеличению рождаемости, голоду и бедствиям. Блейн был свидетелем того, как открытие атомной энергии породило атомную бомбу. Каждое достижение сопровождалось опасными последствиями. Тогда почему это должно было измениться через полтора века? Гарантированная, научно обоснованная жизнь после смерти представляет собой, несомненно, благо для человечества. Практика, таким образом, снова догнала теорию, однако тут же обнаружились слабые стороны... Произошло неизбежное ослабление защитного барьера, окружающего земную жизнь, появились трещины в плотине, дыры в занавесе. Мертвые отказывались лежать в могилах, они стремились смешаться с живыми. Кому это на пользу? Существование блуждающих душ является, несомненно, логическим, они действуют в рамках естественных законов природы. Но для человека, которого преследует подобный призрак, это слабое утешение.

Сегодня, подумал Блейн, в человеческую жизнь на земле вторглась совершенно новая форма существования, подобно тому как этот зомби вторгся в его жизнь, нарушив ее спокойное течение.

Геликеб совершил посадку на крыше многоквартирного жилого дома. Мэри Торн расплатилась с водителем и повела Блейна к себе домой.

Квартира оказалась просторной, полной свежего воздуха, приятно женственной и обставленной с определенным вкусом. Здесь было больше ярких цветов, чем, по мнению Блейна, требовал сдержанный характер мисс Торн; впрочем, не исключено, что кричащие желтые и красные тона являлись проявлением какого-то скрытого желания, подавленного стремления, компенсацией суровой сдержанности ее деловой жизни. А может быть, таковы были требования современной моды. Квартира была оснащена техникой, которую Блейн привык ассоциировать с будущим: саморегулирующееся освещение и кондиционирование воздуха, кресла, автоматически изменяющие форму, и электронный бар с кнопочным управлением, изготовлявший неплохой мартини.

Мэри Торн скрылась в одной из спален. Оттуда она вышла уже в домашнем платье с высоким воротником и села на кушетку напротив Блейна.

— Ну, Блейн, каковы ваши планы?

— Хотел бы взять у вас немного денег взаймы.

— Разумеется.

— Затем найду комнату в отеле и примусь за поиски работы.

— Это будет непросто, — ответила девушка, — но я знакома с людьми, которые...

— Нет, спасибо, — перебил ее Блейн. — Надеюсь, это не покажется слишком глупым, но я собираюсь сам найти работу.

— Ничего глупого. Мне хочется, чтобы вам это удалось. Поужинаете у меня?

— С удовольствием. А вы и готовить умеете?

— Нужно всего лишь набрать название заказа, — улыбнулась Мэри. — Итак, посмотрим. Как насчет настоящего марсианского ужина?

— Нет, спасибо, — покачал головой Блейн. — Марсианская пища вкусна, но от нее сыт не будешь. Нет ли у вас бифштекса?

Мэри повернула ручки, вводя программу, и ее автоповар сделал все остальное — выбрал продукты, хранящиеся в кладовой и холодильнике, развернул и почистил их, вымыл, приготовил и по мере надобности подавал новые. Еда была великолепной, однако Мэри испытывала, казалось, какое-то странное смущение. Она извинилась перед Блейном за механическую процедуру приготовления пищи. Ведь он явился из того времени, когда женщины сами открывали консервные банки и сами готовили; правда, у них было, по-видимому, больше свободного времени.

Когда они выпили кофе, солнце зашло.

— Большое вам спасибо, мисс Торн. А теперь, если вы дадите мне взаймы немного денег, я пойду.

— Пойдете? — удивленно спросила она. — Так поздно?

— Я сниму номер в отеле. Вы очень добры ко мне, но мне не хочется злоупотреблять вашим гостеприимством...

— Не стоит беспокоиться. Заночуете здесь.

— Хорошо, — быстро согласился Блейн.

Во рту у него внезапно пересохло, и сердце забилось подозрительно часто. Он знал, что в приглашении Мэри Торн нет ничего личного, однако его тело отказывалось это понимать. Его реакцией на эту сдержанную и холодную мисс Торн была надежда, более того — ожидание.

Девушка отвела его в спальню и вручила зеленую пижаму. Блейн закрыл за ней дверь, разделся и лег в постель. По команде свет выключился.

Через некоторое время, как и ожидало его тело, в темную комнату вошла Мэри. На ней было надето что-то белое и прозрачное. Она откинула одеяло и легла рядом.

Они лежали и молчали. Мэри Торн подвинулась ближе, и Блейн подсунул руку ей под голову.

— Я считал, что такие мужчины, как я, не привлекают вас.

— Нет, я сказала, что предпочитаю высоких худощавых мужчин.

— Раньше я и был высоким и худощавым.

— Я так и думала, — ответила девушка.

Они замолчали. Блейна охватило чувство неловкости и боязни. Что все это значит? Неужели она испытывает влечение к нему? Или это всего лишь современный обычай, нечто вроде гостеприимства эскимосов, предлагавших гостям на ночь своих жен?

— Мисс Торн, — начал Блейн. — Скажите...

— Да замолчи ради Бога, — произнесла девушка, внезапно поворачиваясь к нему. В темноте ее глаза казались огромными. — Неужели обязательно обо всем расспрашивать, Том?

Через некоторое время она сонно сказала:

— Теперь, мне кажется, ты можешь звать меня Мэри.

На следующее утро Блейн принял душ, побрился и оделся. Мэри набрала на панели автоповара завтрак, и они поели. Затем она вручила ему маленький конверт.

— Когда понадобится, я одолжу тебе еще, — сказала она. — Теперь насчет работы...

— Ты мне очень помогла, — прервал девушку Блейн. — Остальное мне хотелось бы сделать самому.

— Как хочешь. На конверте — мой адрес и номер телефона. Как только устроишься в отеле, позвони.

— Хорошо, — кивнул Блейн, пристально глядя на нее. Это была не та Мэри, с которой он был прошлой ночью. Казалось, это совсем другой человек. Однако Блейн чувствовал себя удовлетворенным тем, что видел ее напускную сдержанность. По крайней мере, на данный момент.

У двери она взяла его за руку.

— Будь осторожным, Том, — сказала она. — И не забудь позвонить.

— Обязательно, Мэри, — ответил Блейн.

Он отправился в город, счастливый и отдохнувший, намереваясь завоевать этот мир.

Глава 12

Сначала Блейн решил обойти фирмы, занимающиеся проектированием и строительством яхт. Однако после недолгих раздумий он отказался от этой мысли, представив себе, какой прием ждал бы конструктора яхт из 1806 года, вошедшего в судостроительную фирму в 1958 году. Старый чудак мог вполне оказаться талантливым конструктором, но что он понимает в метацентрическом анализе и в диаграммах обтекаемости, центрах напряженности, выборе места для эхолота и радиолокатора? Какая фирма захочет платить ему, пока он осваивал бы информацию о передаточных механизмах, антикоррозионных красках, испытаниях в бассейне, шаге винта, теплообменниках, синтетических тканях для парусов...

Нечего и пытаться, подумал Блейн. Никто не даст ему работу, если он войдет в кабинет менеджера фирмы, занимающейся строительством яхт, и сообщит, что он опытный конструктор судов, которые строились сто пятьдесят два года назад. Может быть, ему удастся овладеть современными знаниями, однако заниматься этим придется в свободное время.

Значит, придется согласиться на любую работу.

Он подошел к газетному киоску и купил микрофильм газеты «Нью-Йорк таймс» и устройство для чтения, затем отыскал скамейку, сел и раскрыл газету на странице объявлений. Блейн мельком взглянул на раздел о найме квалифицированных специалис-

тов — он явно не относился к этой категории — и принялся читать объявления о неквалифицированной рабочей силе.

«В автокафе требуется служащий с начальными знаниями роботики».

«Уборщик на лайнер «Мар Колинг». Необходима позитивная резус-реакция и иммунитет к клаустрофобии».

«Контролер по наблюдению за износом высокопрочных подшипников, знакомый с основами дженклинга. Предоставляется питание».

Блейну стало ясно, что его подготовка недостаточна даже для чернорабочего 2110 года. Открыв страницу, где были напечатаны объявления о найме подростков, он прочитал:

«Требуется юноша, интересующийся слик-траговым оборудованием. Блестящие перспективы. Необходимы знание основных принципов математической теории и умение работать с хутаан-уравнениями».

«Требуются молодые люди для работы коммивояжерами на Венере. Заработная плата плюс комиссионные. Владение основами русского, французского, немецкого и оурешского языков».

«Мальчики для доставки газет и журналов в компании «Эт Кол». Должны хорошо знать город и уметь водить шпренинг».

Итак, он не годится даже для доставки газет!

Блейна охватило отчаяние. Значит, найти работу гораздо труднее, чем он рассчитывал. Неужели в этом городе никому не нужны землекопы и рассыльные? Неужели всю черную работу выполняют роботы? Или даже для того чтобы возить тачку, нужна степень доктора наук? В каком мире он оказался?

В поисках ответа Блейн взглянул на первую страницу газеты, поточнее установил фокус аппарата и стал читать последние новости.

«На Новом Южном Марсе, в Оксе, ведется строительство космодрома».

«Полагают, что несколько пожаров на промышленных предприятиях в районе Чикаго вызваны действиями полтергейста. Ведется предварительная подготовка к его изгнанию».

«В секторе «Сигма Джи» пояса астероидов обнаружены богатые месторождения меди».

«В Берлине усилилась активность доппельгангеров».

«Проводится новое обследование поселений осьминогов во впадине Минданао».

«Обезумевшая толпа линчевала и сожгла двух местных зомби в Спенсере, штат Аризона. Против зачинщиков начато следствие».

«Как сообщил ведущий антрополог, архипелаг Туамото в Океании является последним оплотом простых нравов: нигде больше люди не живут по традициям двадцатого века».

«В отеле «Уолдорф» на ежегодном конгрессе создана Ассоциация погонщиков рыбных косяков Атлантики».

«Охота на вервольфа в Австрийском Тироле закончилась неудачей. Местные жители предупреждены об опасности и круглосуточно ждут появления чудовища».

«Законопроект, касающийся запрета на все виды охоты и поединки гладиаторов, отвергнут Конгрессом».

«Берсеркер убил четырех человек в центре Сан-Диего».

«Количество людей, погибших в результате аварий вертолетов, достигло в этом году миллиона».

Подавленный, Блейн отложил газету. Призраки, вервольфы, доппельгангеры, полтергейст... Эти мрачные, древние слова, которые сегодня означали, судя по всему, повседневные явления, наводили на него уныние. Он уже встретил зомби, и ему больше не хотелось сталкиваться с опасными побочными явлениями, ставшими результатом жизни после смерти.

Блейн встал и пошел дальше. Он шел через район театров, мимо плакатов и сверкающих реклам, приглашающих зрителей на бои гладиаторов в Мэдисон-сквер-гарден, щитов, извещающих о солидовизионных программах и сенсорных шоу, обертоновых концертах и венерианских пантомимах. Блейн грустно вспомнил, что и он мог бы стать одним из действующих лиц в этой сказочной стране, если бы Рейли не передумал. Сейчас его имя могло красоваться на афише одного из театров — «Человек из Прошлого»...

Ну, конечно! Внезапно Блейн понял свою уникальность и неповторимость в этом новом качестве. Корпорация «Рекс» спасла ему жизнь и перенесла в двадцать второй век из 1958 года для того, чтобы извлечь максимальную выгоду для себя. Однако ее руководители отказались от этого. Тогда что мешает ему использовать открывающиеся возможности в собственных целях? На что еще он годится? Похоже, остается одно — развлекать публику.

Он быстро направился к огромному зданию, в котором размещались конторы разных компаний, и обнаружил шесть театральных агентств. Блейн выбрал агентство «Барнекс, Скоуфилд и Стайлс» и поднялся в лифте на девятнадцатый этаж.

Он вошел в роскошную приемную, стены которой были украшены огромными солидографиями улыбающихся актрис. В дальнем конце комнаты сидела прелестная секретарша. Она вопросительно взглянула на Блейна.

Блейн подошел к ее столу.

— Мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь относительно моего номера, — сказал он.

— Мне очень жаль, — ответила секретарша, — но сейчас мы никого не берем. Все вакансии заполнены.

— Но это особый номер.

— Сожалею, но ничем не могу помочь. Загляните на будущей неделе.

— Послушайте, — произнес Блейн, — у меня по-настоящему уникальный номер. Видите ли, я — человек из прошлого.

— Да хоть призрак Скотта Мерривейла. — На лице девушки появилась очаровательная улыбка. — Вакансий нет. Зайдите через неделю.

Блейн повернулся к выходу. В это мгновение мимо него быстро прошел невысокий коренастый мужчина, на ходу кивнув секретарше.

— Доброе утро, мисс Тэтчер, — бросил он.

— Здравствуйте, мистер Барнекс, — ответила девушка.

Барнекс! Один из театральных агентов! Блейн бросился за ним и схватил за рукав.

— Мистер Барнекс, — произнес он, — у меня номер...

— У всех номера, — устало сказал Барнекс.

— Но мой номер уникален!

— У всех уникальные номера. — В голосе Барнекса послышалось раздражение. — Отпустите мой рукав, приятель. Зайдите на следующей неделе.

— Но я из прошлого! — воскликнул Блейн, чувствуя, что ведет себя по-дурацки. Барнекс повернулся и посмотрел на него, словно собирался вызвать полицию или позвонить в сумасшедший дом. Но Блейн уже не мог остановиться. — Да-да, из прошлого! У меня самые надежные доказательства. Корпорация «Рекс» перенесла меня в двадцать второй век. Спросите у них!

— «Рекс»? — задумчиво произнес Барнекс. — Да, я что-то слышал об этом у Линди... Гм-м... Зайдите ко мне, мистер?..

— Блейн. Том Блейн. — Он последовал за Барнексом в тесный, загроможденный кабинет. — Вы считаете, я подойду вам?

— Может быть, — Барнекс указал Блейну на стул. — В зависимости от обстоятельств. Скажите, мистер Блейн, вы из какого года?

— Из 1958-го. Я отлично знаком с тридцатыми, сороковыми и пятидесятыми годами. А если говорить о сценическом опыте, я играл на любительской сцене, когда учился в колледже, а знакомая актриса однажды сказала, что у меня хорошие способности...

— 1958 год... Это двадцатый век?

— Совершенно верно.

— Жаль, — покачал головой театральный агент. — Вот если бы вы были шведом из шестого века или японцем из седьмого, я бы нашел для вас работу. У меня не было бы никаких затруднений с римлянином из первого столетия или англосаксом из четвертого. Мало того, я мог бы устроить еще пару таких пришельцев из прошлого. Однако теперь, когда запрещены путешествия во времени, найти подобных людей практически невозможно. Я уж не говорю о периоде до Рождества Христова.

— А как с пришельцами из двадцатого века?

— Нет вакансий.

— То есть как это «нет»?

— Вот так. Бен Терлер из 1953 года играет все роли двадцатого века.

— Понятно. — Блейн медленно встал. — Все равно, спасибо, мистер Барнекс.

— Не стоит, — ответил Барнекс. — Жаль, что ничем не могу вам помочь. Вот если бы вы прибыли из любого года и любого места земного шара до одиннадцатого столетия, я мог бы попробовать... Послушайте, почему бы вам не встретиться с Терлером? Маловероятно, конечно, но вдруг ему потребуется дублер или еще что-то.

Он написал адрес на клочке бумаги и протянул Блейну. Блейн взял бумажку, еще раз поблагодарил и ушел.

На улице он остановился, кляня свою судьбу. Подумать только, его уникальное, неповторимое качество, единственное преимущество, выделяющее его среди остальных, уже захвачено каким-то Беном Терлером из 1953 года! Да, пожалуй, путешествия во времени действительно следует ограничить. Просто бессовестно перебросить человека на полтора столетия в будущее и затем не обращать на него никакого внимания.

Интересно, что за человек этот Терлер? Ну что же, скоро он узнает. Даже если Терлеру и не нужен дублер, все равно будет приятно поговорить с кем-то из своей эпохи. К тому же Терлер, проживший здесь дольше, может посоветовать, что делать в 2110 году человеку из двадцатого века. Блейн махнул рукой летевшему мимо геликебу и назвал адрес Терлера. Через пятнадцать минут он уже был в доме, где жил Терлер, и нажимал на кнопку звонка.

Дверь открыл прилизанный, полный мужчина с самодовольным лицом, в домашнем халате.

— Вы фотограф? — спросил он. — Что-то слишком рано.

— Нет, мистер Терлер, мы раньше не встречались, — покачал головой Блейн. — Я из вашего столетия. Меня перенесли сюда из 1958 года.

— Вот как? — подозрительно спросил мужчина.

— Совершенно верно, из 1958-го. Это сделала корпорация «Рекс». Можете поинтересоваться у них.

Терлер пожал плечами.

— Так, и что же вам нужно?

— Я думал, может быть, вам понадобится дублер или помощник...

— Нет-нет, я никогда не прибегаю к помощи дублера.

Терлер вознамерился закрыть дверь.

— Я так и думал, — произнес Блейн. — Зашел к вам лишь потому, что мне хотелось поговорить. За пределами своего столетия чувствуешь себя таким одиноким, вот и решил встретиться с вами. Наверное, вы тоже иногда испытываете такое чувство?

— Я? А-а. — Театральная улыбка внезапно озарила лицо Тер-

лера. — Вы имеете в виду ностальгию по старому доброму двадцатому веку? Ну конечно, мне так приятно было бы как-нибудь поболтать с вами о тех временах, дружище. Маленький уютный Нью-Йорк, бейсбол, «Доджерс» и «Янкис», экипажи в парке, катание на роликовых коньках на Рокфеллер-плаза. Разумеется, скучаю по всему этому, еще бы! Вот только сейчас я немного занят.

— Да, конечно, — согласился Блейн. — Поговорим как-нибудь в другой раз.

— Обязательно! Буду ждать с нетерпением. — Улыбка на лице Терлера стала еще ослепительнее. — Позвоните моей секретарше, ладно, старина? Понимаете, придется согласовать время встречи — масса выступлений, ни минуты свободной. Выберем денек и поболтаем как следует. Вам, наверное, нужны деньги? Пара долларов не помешает...

Блейн покачал головой.

— Ну что ж, до свидания, — с напускной сердечностью произнес Терлер. — Звоните.

Блейн повернулся и пошел к выходу. Жаль, конечно, лишиться своего уникального качества, но еще хуже, что тебя обокрал какой-то самозванец, никогда не приближавшийся к 1953 году даже на сотню лет. Подумать только — катание на роликовых коньках на Рокфеллер-плаза! Он даже не подозревает, что там всегда был искусственный каток. Впрочем, Блейну не нужна была эта оплошность Терлера — все в его поведении так и кричало о фальши.

К сожалению, он, по-видимому, был единственным человеком в 2110 году, который смог уличить самозванца.

В этот же день Блейн купил смену белья и бритвенный прибор и снял комнату в дешевом отеле на 5-й авеню. Всю следующую неделю он искал работу.

Блейн обошел несколько ресторанов, где обнаружил, что мытье посуды с помощью человеческих рук осталось в прошлом. В космопортах и доках всю тяжелую работу выполняли роботы.

Однажды его едва не приняли на работу — инспектором по упаковке пакетов в универмаге Гимбел Мейсиз. Однако в отделе кадров тщательно изучили психологические качества его личности, определили индекс раздражительности и уровень внушаемости и отклонили кандидатуру Блейна. Предпочтение было отдано невысокому мужчине с тупым взглядом, обладателю степени кандидата наук в области дизайна пакетов.

Блейн возвращался к себе в отель едва живой от усталости и вдруг увидел в толпе знакомое лицо. Этого человека он узнал бы сразу же и где угодно. Ему было примерно столько лет, сколько Блейну: коренастый, рыжеволосый, курносый мужчина с чуть выступающими передними зубами и маленьким красным пятном на шее. Он никогда не терял присутствия духа и вел себя с весе-

лой уверенностью человека, не сомневающегося в том, что вот сейчас что-то подвернется.

— Рей! — крикнул Блейн. — Рей Мелхилл! — Он растолкал толпу и схватил мужчину за руку. — Рей! Как ты сумел спастись?

Мужчина высвободился и отряхнул рукав пиджака.

— Меня зовут не Мелхилл, — сказал он.

— Не Мелхилл? Вы уверены?

— Конечно, уверен, — произнес мужчина, собираясь уйти.

Блейн встал у него на пути.

— Одну минуту. Он выглядит в точности, как вы, даже радиационный ожог на том же месте. Вы действительно уверены, что не являетесь Реем Мелхиллом, механиком с космолета «Бремен»?

— Совершенно уверен. — Голос мужчины звучал враждебно. — Вы с кем-то перепутали меня, молодой человек.

Блейн пристально посмотрел на уходящего, затем догнал его, схватил за плечо и повернул лицом к себе.

— Грязный ворюга! Ты украл тело Мелхилла! — воскликнул он, замахиваясь огромным кулаком.

Мужчина, так напоминающий Мелхилла, отлетел к стене здания. Потеряв сознание, он медленно сполз на тротуар. Блейн бросился к нему, и прохожие расступились, уступая дорогу.

— Берсеркер! — раздался истошный вопль какой-то женщины, подхваченный еще кем-то.

Блейн краем глаза заметил голубой мундир полицейского, пробирающегося через толпу. Полиция! Блейн пригнулся и нырнул в толпу, свернул за угол, потом за другой, перешел на шаг и огляделся. Полицейского не было видно. Блейн не спеша направился в гостиницу.

Это было тело Мелхилла, но в нем обитал кто-то другой. На этот раз механику спастись не удалось. У него отняли тело и продали какому-то старику, чья ворчливая душа носила складное тело, как плохо сидящий, сшитый на юношу костюм.

Теперь Блейн знал, что его друг действительно мертв. Он зашел в соседний бар, молча выпил за упокой души стакан виски и вернулся в отель.

Когда он проходил через вестибюль, его окликнул дежурный портье:

— Блейн! Одну минуту. У меня для вас письмо, — и скрылся в конторке.

Блейн ждал, удивляясь, кто мог написать ему. Разве что Мэри? Но он еще не позвонил ей и не собирался звонить, пока не найдет работу.

Портье вышел из конторки, подошел к стойке и вручил ему полоску бумаги. Там было написано:

«В Духовном коммутаторе, в филиале на 23-й улице Томаса

Блейна ждет сообщение. Время работы — с девяти утра до пяти вечера».

— Интересно, как могли узнать, что я живу здесь? — спросил Блейн.

— У духов свои способы, — ответил портье. — Покойная теща моего приятеля сумела отыскать его, несмотря на троекратную перемену фамилии, трансплант и полную пересадку кожи. Он скрывался от нее в Абиссинии.

— У меня нет покойных тещ, — сказал Блейн.

— Тогда кто, по-вашему, хочет увидеться с вами? — поинтересовался портье.

— Завтра узнаю и расскажу, — пообещал Блейн, однако его сарказм пропал даром. Портье уже склонился над учебником — он учился на заочных курсах по техническому обслуживанию атомных двигателей.

Блейн пошел в свой номер.

Глава 13

Филиал Духовного коммутатора на 23-й улице находился в большом здании из серого камня недалеко от 3-й авеню. Над входом были выгравированы слова: «Посвящается свободному общению тех, кто находится на Земле, с теми, кто оставил ее».

Блейн вошел в здание и остановился перед схемой расположения отделов Духовного коммутатора. В ней были указаны этажи и номера комнат, где размещались отделы исходящих сообщений, входящих, переводов, отречений, изгнания духов, предложений, жалоб и наставлений. Он не знал, в какой отдел ему обращаться, да и понятия не имел даже о назначении Духовного коммутатора, поэтому направился со своим листком прямо в справочное бюро.

— Вам нужно обратиться в отдел входящих сообщений, — сообщила ему приятная седая женщина. — Это через вестибюль в комнате 32-А.

— Спасибо. — Блейн поколебался и спросил: — А вы не могли бы кое-что разъяснить?

— Конечно, — улыбнулась женщина. — Что именно?

— Мой вопрос может показаться вам глупым... но что такое «Духовный коммутатор»?

— На такой вопрос ответить непросто, — заметила женщина, продолжая улыбаться. — С философской точки зрения, я полагаю, можно назвать Духовный коммутатор движением вперед к более тесному единению, попыткой отказаться от дуализма сознания и тела и стремлением заменить...

— Нет, — прервал ее Блейн, — в буквальном смысле.

— В буквальном? Ну что ж, Духовный коммутатор представляет собой частную организацию, не облагаемую налогами, созданную для содействия общению с теми, кто находится на пороге

потусторонней жизни. В некоторых случаях, разумеется, в нашей помощи не возникает необходимости, когда возможно непосредственное общение между живыми и теми, кто перешел в мир иной. Однако в большинстве случаев нужно усиление. У нашего центра есть соответствующая аппаратура, помогающая услышать голоса ушедших от нас. Кроме того, мы оказываем и другие услуги, например, изгнание нечистой силы, отречение, проповеди и прочее, что время от времени становится необходимым, когда плоть взаимодействует с духом. Теперь вы понимаете, чем мы занимаемся? — тепло улыбнулась женщина.

— Да, большое спасибо, — поблагодарил Блейн и направился по вестибюлю к комнате 32-А.

Это была маленькая невзрачная комната с несколькими креслами и громкоговорителем на стене. Блейн сел, не зная, что произойдет дальше.

— Том Блейн! — послышался тихий голос из громкоговорителя.

— Кто? Что это? — Блейн вскочил и бросился к двери.

— Том! Как поживаешь, дружище?

Блейн уже схватился за ручку, как вдруг узнал голос.

— Рей Мелхилл?

— Собственной персоной! Нахожусь там, куда попадают после смерти богатые люди! Здорово, а?

— Здорово? Это еще слабо сказано! — воскликнул Блейн. — Но каким образом, Рей? Ты, вроде, говорил, что у тебя не было страховки потусторонней жизни.

— Точно, не было. Сейчас я расскажу тебе все, что со мной приключилось. За мной пришли примерно через час после того, как увели тебя. Я был просто вне себя от ярости, думал, что сойду с ума. И злился, пока хлороформ давали, пока сознание стирали. Даже когда умирал, злился.

— А что такое смерть? — спросил Блейн.

— Это как взрыв. Я чувствовал, как разлетаюсь на мелкие куски, становлюсь большой, как целая галактика, куски распадаются еще на кусочки, и все это — я.

— А что было дальше?

— Не знаю. Может быть, мне помогло то, что я был страшно зол. Я занял огромное пространство, растянулся до предела — еще немного, и меня не стало бы, — но затем я снова сжался. Некоторым такое удается. Я ведь говорил тебе, что из миллиона всего несколько человек остаются живыми без специальной подготовки к жизни после смерти. Вот я и оказался одним из таких счастливчиков.

— Обо мне ты, наверное, все знаешь, — сказал Блейн. — Я пытался как-то помочь тебе, но тебя успели продать.

— Да, знаю, — ответил Мелхилл. — И все равно, спасибо, Том.

И вот что еще: я благодарен за то, что ты врезал тому подонку, что носит теперь мое тело.

— Ты и это видел?

— Да вот, стараюсь следить за происходящим, — ответил Мелхилл. — Между прочим, мне понравилась твоя Мэри. Симпатичная девчонка.

— Спасибо, Рей. Скажи, а что такое потусторонняя жизнь? На что она похожа?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Я ведь туда еще не попал, Том. Я сейчас на Пороге. Это такая подготовительная ступень, нечто вроде моста между Землей и потусторонней жизнью. Понимаешь, это трудно описать. Что-то серое, с одной стороны Земля, а с другой — потусторонняя жизнь.

— А почему же ты не переходишь туда?

— Не хочется торопиться, — ответил Мелхилл. — Дорога в потустороннюю жизнь — улица с односторонним движением: перейдешь — и назад уже не вернуться. Теряешь всякий контакт с Землей.

Блейн задумался на мгновение, затем спросил:

— А когда ты собираешься окончательно перебраться?

— Не знаю еще. Думаю, пока останусь на Пороге и посмотрю, как тут дела.

— Ты хочешь сказать, что будешь наблюдать за мной?

— Ага.

— Спасибо, Рей, не надо. Перебирайся в потустороннюю жизнь. Я сам о себе позабочусь.

— Не сомневаюсь, — донесся голос Мелхилла. — Но все-таки пока останусь здесь. Ведь ты тоже поступил бы так, окажись ты на моем месте, правда? Так что не спорь. Скажи, ты знаешь, что тебе угрожает опасность?

Блейн кивнул.

— Ты имеешь в виду зомби?

— Я не знаю, кто он и что ему от тебя нужно, Том, но ничего хорошего ваша встреча не обещает. Постарайся держаться от него подальше — вдруг он что-то вспомнит? Но я имел в виду не это.

— Ты хочешь сказать, что мне еще что-то угрожает?

— Боюсь, что так. За тобой охотится призрак.

Блейн невольно рассмеялся.

— Что смешного? — негодующе спросил Мелхилл. — По-твоему, смешно, когда тебя преследует призрак?

— Нет, пожалуй. И все-таки, неужели это так серьезно?

— Господи, да ты полный невежда, — вздохнул Мелхилл. — Что ты знаешь о призраках? О том, как ими становятся и что им нужно?

— Ничего. Просвети меня.

— Когда человек умирает, у него появляются три возможности. Во-первых, его сознание может просто распасться, рассеяться и исчезнуть, и тогда наступает конец. Второе — сознание может противостоять травме умирания, и человек попадает в пороговую зону, становится духом. Об этих двух путях ты, по-видимому, знаешь.

— Дальше.

— Есть и третья возможность: сознание человека повреждается в результате травмы умирания, но не рассеивается. Оно попадает-таки на Порог. Однако напряжение оказывается настолько большим, что сводит его с ума. Вот так, мой друг, рождается призрак.

— Гм-м, — произнес Блейн. — Значит, призрак — это сознание, утратившее разум в результате травмы умирания?

— Совершенно верно. Он становится безумным и преследует людей.

— Зачем?

— Призраки преследуют людей, — сказал Мелхилл, — потому что переполнены болезненной ненавистью, злобой, страхом и болью. Они не попадают в потустороннюю жизнь. Им хочется провести как можно больше времени на Земле, на которой сконцентрировано все их внимание. Они стремятся вселять в людей страх, причинять им боль и страдания, сводить их с ума. Преследование людей становится для них самым приятным занятием, которое только им доступно. Это их безумие. Видишь ли, Том, с момента возникновения человечества...

С момента возникновения человечества существовали призраки, но их всегда было немного. Всего лишь несколько человек из миллиона выживали после смерти, и только немногие из числа уцелевших сходили с ума во время перехода к потусторонней жизни и превращались в призраков.

Однако влияние этих немногих было поистине колоссальным, потому что человечество всегда относилось к смерти со страхом, интересом и благоговением, смерть словно околдовывала людей, и холодное бесстрастие трупа, который только что был живым человеком, потрясало не меньше, чем ужасная улыбка скелета. Таинственный, создававшийся веками образ смерти с пальцем, угрожающе указующим в небеса, населенные бесчисленными духами, казался наполненным безграничным смыслом. Таким образом, каждый настоящий призрак превращался в тысячу воображаемых. Зловещий крик летучей мыши делал ее призраком. Болотные огоньки, раздуваемые сквозняком шторы и раскачивающиеся на ветру деревья становились призраками; огни свято-

го Эльма, большеглазые совы, крысы за стенами и лисицы в кустах — все это олицетворяло призрачное царство. Народные предания распространялись все шире, создавая ведьм и колдунов, маленьких несносных домовых, демонов и дьяволов, суккубов и инкубов, вервольфов и вампиров. Каждый подлинный призрак превращался в тысячу воображаемых, а всякое загадочное событие вызывало к жизни миллионы слухов.

Первые ученые-исследователи вошли в этот лабиринт, пытаясь отличить правду от сверхъестественных явлений. Они обнаружили бесчисленное множество надувательств, галлюцинаций и просто ошибок. Одновременно ученые столкнулись с рядом действительно необъяснимых случаев, которые были хоть и интересными, но редкими.

Рухнули все народные предания. Со статистической точки зрения призраков не существовало. Зато постоянно вырисовывалось неуловимое, не поддающееся объяснению нечто, отказывающееся втиснуться в рамки рациональной классификации. На протяжении столетий это «нечто» игнорировалось, а ведь именно оно давало основания для легенд о демонах и оборотнях. Наконец пришло время, когда научная теория догнала народные предания, нашла для них место в царстве неоспоримых явлений и придала им респектабельность.

После обнаружения и научного подтверждения потусторонней жизни призраки, не поддававшиеся ранее объяснению, стали рассматриваться как воплощение безумного сознания, населяющего расплывчатую пограничную область между Землей и потусторонним миром. Оказалось, что формы безумия у призраков можно относить к различным категориям, как у живых людей. Среди них были меланхолики; одержимые навязчивой идеей; дурашливые гебефреники, болтающие глупости; идиоты и слабоумные, возвращающиеся под маской малых детей; шизофреники, вообразившие себя животными; подобия вампиров и снежных людей; волки-оборотни; тигры-оборотни; лисы-оборотни; собаки-оборотни. Имелись также духи, обуреваемые страстью к разрушению, бросающие камни и устраивающие пожары, полтергейст и претенциозные параноики, возомнившие себя Люцифером или Вельзевулом, Израилем или Азраилом, духом прошедшего Рождества, фуриями, Высшим Судией или даже самой Смертью.

Преследование людей проистекало из безумной природы призраков. Они плакали у старых сторожевых башен, те немногочисленные призраки, на чьих хрупких плечах покоилось огромное строение народных легенд и сказок, смешивались с туманом вокруг виселиц, бормотали и несли чепуху на спиритических сеансах. Они разговаривали, рыдали, танцевали и пели, к удовольствию доверчивой публики, пока не появились ученые и наблюдатели со своими холодными трезвыми вопросами. Тогда призраки

отступили обратно в пограничную область между Землей и потусторонней жизнью под натиском здравого рассудка, испугавшись за свои иллюзии и боясь возможности исцеления.

— Вот так все и было, — закончил Мелхилл. — В остальном ты и сам разберешься. После появления корпорации «Потусторонняя жизнь, инк.» намного больше людей остаются живыми после смерти и, разумеется, куда больше сходят с ума во время переселения в потусторонний мир.

— И, следовательно, появляется гораздо больше призраков, — добавил Блейн.

— Совершенно верно. Один из них преследует тебя. — Голос Мелхилла начал ослабевать. — Так что будь осторожен, Том. А мне пора идти.

— Что это за призрак, Рей? — спросил Блейн. — Чей? И почему тебе пора идти?

— Чтобы оставаться на Земле, требуется много энергии, — послышался шепот Мелхилла. — У меня ее почти не осталось. Мне нужна подзарядка. Ты еще слышишь меня?

— Слышу, продолжай.

— Я не знаю, когда он объявится, Том. И не имею представления, кто это такой. Я спросил его, но он не ответил. Будь осторожен.

— Хорошо, Рей, — ответил Блейн, прижимая ухо к громкоговорителю. — А с тобой я еще смогу поговорить?

— Да, наверное. — Голос Мелхилла был едва слышен. — Том, я знаю, что ты ищешь работу. Обратись к Эду Франчелу, 322, Вест, 19-я улица. Работа опасная, но платят неплохо. И гляди в оба.

— Рей! — крикнул Блейн. — Так что это за призрак?

Ответа не последовало. Громкоговоритель молчал, и Блейн остался один в маленькой комнате.

Глава 14

По адресу, который ему дал Рей Мелхилл, — 322, Вест, 19-я улица — находился маленький ветхий особняк недалеко от доков. Блейн поднялся по лестнице и нажал на кнопку звонка рядом с табличкой «Эдвард Дж. Франчел, предприниматель». Дверь открыл крупный лысеющий мужчина в рубашке без пиджака.

— Мистер Франчел? — спросил Блейн.

— Да, это я, — ответил мужчина, решительно улыбнувшись. — Проходите, сэр.

Он впустил Блейна в квартиру, пропахшую вареной капустой. Первая комната была превращена в офис — стол, заваленный бумагами, пыльный шкаф, уставленный папками, и несколько сту-

льев. В глубине квартиры Блейн увидел темную гостиную. Откуда-то доносился рев солидовизора — шла дневная программа.

— Извините за беспорядок, — произнес Франчел, приглашая Блейна сесть. — Как только выдастся свободное время, переберусь в настоящую контору. Меня прямо-таки завалили заказами... Итак, сэр, чем могу служить?

— Я ищу работу, — сказал Блейн.

— Черт побери, — выругался Франчел, — а я принял вас за клиента.

Он повернулся в сторону гремевшего солидовизора и крикнул:

— Элис, сделай проклятую машину потише, а? — Подождал, пока звук стал чуть потише, и снова взглянул на Блейна. — Понимаешь, приятель, если мои дела не улучшатся, мне снова придется взять в аренду кабину для самоубийств на Кони-Айленд. Значит, ищешь работу?

— Совершенно верно. Рей Мелхилл посоветовал обратиться к вам.

Франчел улыбнулся.

— Как поживает Рей? — спросил он.

— Рей умер.

— Очень жаль, — покачал головой Франчел. — Он был хорошим парнем, хотя иногда с ним не было сладу. Когда пилоты космолетов бастовали, он работал у меня пару раз. Выпьешь что-нибудь?

Блейн кивнул. Франчел встал, подошел к шкафу и достал из-за папок бутылку пшеничного виски с надписью на этикетке «Moonjuice», затем поставил на стол два маленьких стаканчика и ловко наполнил их.

— Выпьем за Рея, — произнес Франчел, поднимая стаканчик с «лунным соком». — Значит, его все-таки «упаковали»?

— И даже «доставили», — кивнул Блейн. — Я только что говорил с ним через Духовный коммутатор.

— Значит, он сумел добраться до Порога! — с восхищением воскликнул Франчел. — Вот если бы нам так же повезло! Итак, тебе нужна работа? Ну что ж, может быть, я сумею помочь. Встань.

Он обошел вокруг Блейна, потрогал его бицепсы и похлопал по могучим плечам, затем остановился перед ним, кивая опущенной головой, — и вдруг нанес удар в лицо. Правая рука Блейна мгновенно взлетела вверх и парировала удар.

— Отличное телосложение, превосходная реакция, — удовлетворенно заметил Франчел. — Пожалуй, ты подойдешь. В оружии разбираешься?

— Не то чтобы очень, — ответил Блейн, еще не понимая, какую работу ему хотят предложить. — Так... старинное оружие. Гаранд, винчестер, кольт.

— Неужели? — заинтересовался Франчел. — Знаешь, мне всегда хотелось заняться коллекционированием старинного огне-

стрельного оружия. Однако во время охоты запрещено как огнестрельное, так и лучевое оружие. Что еще ты умеешь?

— Могу действовать винтовкой с примкнутым штыком, — сказал Блейн, подумав, как захохотал бы его сержант, услышав такое заявление.

— Действительно можешь? Выпады, защита и тому подобное? Черт меня побери! — поразился Франчел. — А мне казалось, что искусство штыкового боя утрачено навсегда. Ты первый за пятнадцать лет. Так вот, дружище, считай, что ты нашел работу.

Франчел подошел к столу, написал что-то на листке бумаги и протянул его Блейну.

— Отправляйся завтра по этому адресу на инструктаж. Тебе будут платить обычное жалованье участника охоты — двести долларов плюс пятьдесят за каждый рабочий день. У тебя есть оружие и снаряжение? Ладно, я подберу тебе что-нибудь, но стоимость будет вычтена из заработной платы. Кроме того, я беру десять процентов сверху. Согласен?

— Конечно, — согласился Блейн. — Вы не могли бы объяснить поподробнее относительно охоты?

— Тут нечего объяснять. Самая обычная охота. Только не болтай об этом. Я не уверен, что охоту еще не запретили. Жаль, что Конгресс не может принять окончательного решения относительно закона о самоубийствах и допустимых убийствах. А то непонятно, что разрешено, а что — нет.

— Это верно, — кивнул Блейн.

— Юридические аспекты тебе объяснят, наверное, во время инструктажа, — продолжал Франчел. — Там будут и остальные охотники, и жертва расскажет вам все, что нужно. Если будешь говорить с Реем, передай от меня привет. Скажи, я очень сожалею о его смерти.

— Обязательно передам, — сказал Блейн.

Он решил больше не задавать вопросов, опасаясь, что его невежество может стоить ему работы. А работа — любая работа — была сейчас необходима как для утверждения чувства собственного достоинства, так и для пополнения тощего кошелька.

Он поблагодарил Франчела и ушел.

Этим вечером Блейн поужинал в дешевой закусочной и купил несколько журналов. Ему удалось найти работу, а потому у него было хорошее настроение. Теперь Блейн не сомневался, что найдет для себя достойное место в этой эпохе.

Его эйфория исчезла, когда, возвращаясь к себе к отель, он увидел мужчину, который стоял в переулке и следил за ним. У мужчины было бледное лицо и бесстрастные глаза Будды, а грубая одежда висела на нем, как лохмотья на огородном пугале.

Это был зомби.

Блейн поспешил скрыться в отеле, отказываясь признать, что ему угрожает опасность. В конце концов, если коту дозволено

смотреть на короля, то и зомби имеет право смотреть на человека, правда?

Впрочем, такие попытки успокоить себя оказались не слишком успешными, и его до утра мучили кошмары.

Рано утром Блейн отправился на угол 42-й улицы и Парк-авеню, чтобы сесть на автобус и ехать на инструктаж. Ожидая, он заметил какое-то волнение на противоположной стороне 42-й улицы.

Посреди заполненного людьми тротуара остановился мужчина. Он глупо хихикал, и прохожие стали обходить его. Блейну показалось, что мужчине было за пятьдесят, на нем был деловой твидовый костюм, очки, и ему не мешало бы похудеть. В руке он держал портфель и был похож на десятки миллионов деловых людей.

Внезапно он перестал смеяться, раскрыл портфель и достал оттуда два длинных, слегка изогнутых кинжала, затем отбросил в сторону пустой портфель и очки.

— Берсеркер! — послышался чей-то крик.

Мужчина бросился в толпу, размахивая сверкающими кинжалами. Люди закричали и стали в панике разбегаться.

— Берсеркер, берсеркер!

— Вызовите полицию!

— Берегитесь, берсеркер!

Один из прохожих упал на тротуар, зажимая рукой рану на плече и ругаясь. Лицо берсеркера стало огненно-красным, изо рта брызгала слюна. Он пробирался все дальше в толпу, и люди сбивали друг друга с ног, пытаясь убежать. Пронзительно крикнула упавшая женщина; пакеты, которые она держала в руках, рассыпались по тротуару.

Берсеркер попытался ударить ее кинжалом, зажатым в левой руке, но промахнулся и рванулся дальше в толпу.

Появились одетые в синюю форму полицейские — их было шесть или восемь, — они были вооружены.

— Всем лечь! — раздался властный голос. — На тротуар! Всем лечь!

Движение остановилось. Прохожие вокруг берсеркера бросились на тротуар. На той стороне улицы, где стоял Блейн, люди тоже поспешно ложились.

Веснушчатая девочка лет двенадцати потянула Блейна за рукав.

— Ложитесь и вы, мистер! Вас может задеть луч!

Блейн опустился на асфальт рядом с ней. Берсеркер повернулся и побежал к полицейским, испуская пронзительные вопли и размахивая кинжалами.

Трое полицейских одновременно открыли огонь. Бледно-желтые лучи вырвались из пистолетов и, попав в берсеркера, окрасились в красный цвет. Он вскрикнул, когда одежда на нем задымилась, повернулся и попытался убежать.

Желтый луч попал прямо ему в спину. Берсеркер швырнул кинжалы в полицейских и упал.

Вертолет «скорой помощи» опустился на мостовую с вращающимся винтом, в него погрузили труп берсеркера, раненых прохожих, и он тут же улетел. Полицейские принялись разгонять толпу, собравшуюся посмотреть на происшедшее.

— Расходитесь, расходитесь, спектакль закончен. Все по домам!

Толпа начала расходиться. Блейн встал и отряхнулся.

— Что случилось? — спросил он.

— Вот глупый, это же был берсеркер, — объяснила веснушчатая девочка. — Разве не видел?

— Видел. А что, здесь много таких?

Девочка с гордостью кивнула.

— В Нью-Йорке берсеркеров больше, чем в любом другом городе мира, кроме Манилы, — там их называют амоками. Но это одно и то же. У нас появляется примерно пятьдесят берсеркеров в год.

— Больше, — вмешался какой-то мужчина. — Семьдесят, даже восемьдесят в год. Но этот не слишком-то расторопный.

Вокруг Блейна и девочки собралась группа любопытных. Началось обсуждение происшедшего. Блейн подумал, что в двадцатом веке так обсуждали автомобильные аварии.

— Сколько человек пострадало?

— Всего пять, и, по-моему, он никого не убил.

— Он не слишком и старался, — сказала пожилая женщина. — Когда я была девчонкой, остановить таких удавалось не сразу. Да, в наше время были настоящие берсеркеры.

— Да и место он выбрал неудачное, — заметила веснушчатая девочка. — 42-я улица всегда полна полицейских. Здесь берсеркер даже не успеет развернуться, как его тут же приканчивают.

— Ладно, ребята, расходитесь, — послышался голос подошедшего здоровенного полицейского. — Повеселились и хватит.

Толпа разошлась, Блейн сел в автобус, недоумевая, почему пятьдесят или даже больше человек в Нью-Йорке становятся неистовыми берсеркерами каждый год. От нервного напряжения? Безумное проявление индивидуализма? Особый вид преступления для взрослых?

И это тоже придется выяснить, если он хочет понять мир 2110 года.

Глава 15

По указанному адресу находилась роскошная квартира на верхнем этаже фешенебельного дома на Парк-аверю, в районе 70-х улиц. Дворецкий провел его в просторную комнату с длин-

ным рядом кресел. Там уже сидела дюжина громкоголосых, крепких, загорелых мужчин, небрежно одетых и неловко чувствующих себя в такой изысканной обстановке. Большинство из них знали друг друга.

— Привет, Отто! Решил снова поохотиться?

— Да. Нет денег.

— Я так и знал, что ты вернешься к нам, старина. Здорово, Тим!

— Как поживаешь, Бьерн? Это моя последняя охота.

— Вот как? До следующего раза?

— Нет, я серьезно. Покупаю ферму в глубоководной впадине Северной Атлантики. Нужен вступительный взнос.

— Да ведь ты пропьешь свой взнос!

— На этот раз не пропью.

— Привет, Тезей! Верная рука в порядке?

— Как всегда, Чико. А ты как?

— Ничего, малыш.

— А вот и Сэмми Джонс, как всегда последний.

— Но ведь я не опоздал, правда?

— Опоздал на десять минут. Где твой кореш?

— Слиго? Погиб. Во время охоты на Астуриасе.

— Круто подзалетел. Страховка-то хоть была на потустороннюю жизнь?

— Вряд ли.

В комнату вошел мужчина и громко произнес:

— Господа! Прошу внимания!

Он остановился в центре комнаты, подбоченившись и глядя на сидящих охотников. Это был худощавый, мускулистый мужчина среднего роста, в бриджах и рубашке с расстегнутым воротником. У него были небольшие холеные усики и удивительно синие глаза, выделявшиеся на худом загорелом лице. Несколько секунд он разглядывал охотников, отчего те неловко покашливали и шаркали ботинками.

— Доброе утро, господа, — сказал наконец мужчина. — Меня зовут Чарльз Халл, я ваш наниматель и жертва. — По его лицу пробежала холодная улыбка. — Прежде всего, господа, несколько слов по поводу законности нашего мероприятия. В последнее время возникла некоторая путаница в этом вопросе. Мой адвокат тщательно изучил все аспекты данной проблемы и даст вам сейчас разъяснения. Прошу вас, мистер Дженсен!

В комнату вошел невысокий, нервного вида мужчина, поправил очки и откашлялся.

— Да, мистер Халл. Господа, относительно законности охоты в данный момент: в соответствии с пересмотренными и дополненными поправками к закону о самоубийстве от 2102 года, любой человек, защищенный страховым полисом, гарантирующим ему потустороннюю жизнь, имеет право выбрать для себя любую

смерть в любое время и в любом месте за исключением жестоких и противоестественных способов. Законность этого основного «права на смерть» очевидна: юристы не признают физическую смерть как таковую, если эта смерть не влечет за собой гибели сознания. Если сознание сохраняется, то убить тело не менее законно, чем состричь ноготь, — с юридической точки зрения. В соответствии с недавним решением Верховного суда тело считается всего лишь придатком сознания, которое может избавиться от него, когда пожелает.

Во время объяснения Халл расхаживал по комнате быстрыми кошачьими шагами. Потом он остановился и сказал адвокату:

— Благодарю вас, мистер Дженсен. Таким образом, никто не может оспаривать мое право на самоубийство. А также нет ничего незаконного в том, что я выбрал одного человека — или нескольких, — чтобы они помогли мне совершить этот акт. Ваши действия считаются законными, поскольку попадают под раздел разрешенных убийств закона о самоубийстве. Как видите, все хорошо. Единственная проблема вытекает из недавней поправки к закону о самоубийстве. Он кивнул мистеру Дженсену.

— Эта поправка гласит, — произнес Дженсен, — что человек может выбрать для себя любой способ смерти в любое время и в любом месте и тому подобное, если «таковая смерть не причинит физического ущерба другим людям».

— Вот эта поправка, — заметил Халл, — и затрудняет дело. Итак, охота является юридически дозволенным способом самоубийства. Время и место уже выбраны. Вы, охотники, преследуете меня. Я, ваша жертва, убегаю. Вы ловите меня и убиваете. Великолепно! За исключением одной детали. — Он повернулся к адвокату. — Мистер Дженсен, вы можете уйти. Мне не хочется, чтобы вы оказались замешанным в это дело.

После того как адвокат покинул комнату, Халл продолжил:

— Загвоздка в том, что я буду вооружен и приложу все усилия, чтобы убить как можно больше охотников. Любого из вас. Даже всех, если удастся. И вот это является незаконным. — Халл грациозно опустился в кресло. — Преступление, однако, совершаю я, а не вы. Я нанял вас, чтобы вы меня убили. Вы понятия не имеете, что я собираюсь защищаться и наносить ответные удары. Это, конечно, юридическая фикция, но она спасает вас от обвинения в соучастии. Если меня арестуют в тот момент, когда я попытаюсь убить одного из вас, наказание, которое я понесу, будет очень суровым. Но меня не схватят. Один из вас убьет меня, и таким образом я окажусь вне досягаемости человеческого правосудия. Если же мне удивительно не повезет и я убью вас всех, мне придется покончить с жизнью старинным способом и принять сильнодействующий яд. Но такой исход охоты был бы для меня большим разочарованием. Надеюсь, вы окажетесь достаточно умелыми и не допустите этого. Есть вопросы?

Охотники зашушукались, обмениваясь мнениями.
— Хитрый, ублюдок, а говорит-то как!
— Да брось ты, все жертвы так говорят.
— Считает себя умнее нас, хочет удивить юридическими тонкостями.
— Посмотрим, что он запоет, когда почувствует в брюхе холодную сталь.
— Великолепно. — На лице Халла снова появилась холодная улыбка. — Будем считать, что ситуация всем ясна. А теперь попрошу рассказать, каким оружием вы собираетесь пользоваться.
Охотники отвечали один за другим:
— Булава.
— Сетка и трезубец.
— Копье.
— «Утренняя звезда».
— Бола.
— Ятаган.
— Винтовка со штыком, — произнес Блейн, когда подошла его очередь.
— Меч.
— Алебарда.
— Сабля.
— Спасибо, господа, — поблагодарил охотников Халл. — Сам я буду вооружен рапирой — и никаких защитных доспехов. Встретимся на рассвете в воскресенье в моем имении. Дворецкий вручит каждому из вас бумагу, где будет объяснено, как туда добраться. Охотника со штыком попрошу остаться. Всем остальным — до свидания.
Охотники вышли. Халл взглянул на Блейна.
— Умение орудовать винтовкой со штыком — необычное искусство. Где вы учились штыковому бою?
Блейн поколебался, потом ответил:
— В армии, с 1943-го по 1945 год.
— Вы из прошлого?
Блейн кивнул.
— Интересно, — произнес Халл, не проявляя, однако, интереса. — Это ваша первая охота?
— Да.
— Вы производите впечатление неглупого человека. Полагаю, у вас есть веские причины, по которым вы выбрали такое опасное и неблагородное занятие?
— Мне нужны деньги, — ответил Блейн, — я не мог найти никакой другой работы.
— Да, конечно, — согласился Халл, словно знал об этом с самого начала. — И вы стали участником охоты. Но ведь охота — это не простое занятие, а охотиться на зверя под названием «Человек» может не каждый. Для такой профессии требуются определенные

качества и далеко не последнее из них — способность убивать. Вы считаете, что обладаете таким врожденным талантом?
— Наверное, — ответил Блейн, который никогда раньше не задумывался над подобным вопросом.
— Интересно, — задумчиво произнес Халл. — Несмотря на воинственную внешность, вы не кажетесь таким человеком. Что, если вам не удастся заставить себя совершить убийство? А вдруг в решающий момент, когда сталь ударится о сталь, вас охватят сомнения?
— Я готов попробовать, — сказал Блейн.
— Я тоже, — кивнул Халл. — Возможно, где-то в глубине вашего сознания прячется убийца. А может быть, и нет. Это, безусловно, придаст особую остроту нашей игре, хотя не исключено, что у вас не хватит времени, чтобы насладиться ею.
— Это уж моя забота, — отозвался Блейн, испытывая глубокую неприязнь к своему элегантному разговорчивому работодателю. — Можно задать вопрос?
— Я к вашим услугам.
— Спасибо. Почему вам так хочется умереть?
Халл уставился на него, затем расхохотался.
— Теперь я не сомневаюсь, что вы прибыли из прошлого! Ну и вопрос вы мне задали!
— Вы можете на него ответить?
— Конечно. — Халл откинулся на спинку кресла, и на его лице появилось мечтательное выражение человека, готовящегося пуститься в рассуждения. — Мне сорок три года, и я устал от бесконечных ночей и дней. Я богат и всю жизнь поступал так, как мне нравилось, ни в чем себе не отказывая. Я испытал все, придумывал новые развлечения, веселился, плакал, любил, ненавидел, вкушал наслаждения, пьянствовал — я сыт по горло. Я насладился всем, что могла предложить мне Земля, и теперь не хочу повторять скучный опыт. Будучи молодым, я представлял себе эту прелестную зеленую планету, плывущую по своему таинственному пути вокруг пылающего желтого светила, сокровищницей, бронзовой шкатулкой, полной наслаждений и неистощимой в своем стремлении удовлетворять мои все новые и новые желания. Однако теперь я прожил много лет и, к своему глубокому сожалению, обнаружил, что наступил конец страстям и желаниям. Сейчас я смотрю с буржуазным самодовольством на нашу жирную круглую Землю, которая на безопасном расстоянии и с постоянной скоростью крутится вокруг безвкусно сияющего Солнца. А таинственная сокровищница, которой представлялась мне Земля, оказалась раскрашенной коробкой для детских игрушек. В ней почти не осталось наслаждений, а те, что остались, больше не волнуют кровь. — Халл взглянул на Блейна, чтобы проверить, какой эффект произвели его слова, и продолжал: — Скука простирается передо мной, как огромная безводная пустыня, и я предпочел не мучиться. Вмес-

то этого я выбрал движение вперед и решил испытать последнее и величайшее ощущение на Земле — смерть, пройти через ворота, ведущие к потусторонней жизни. Вы понимаете меня?

— Разумеется, — бросил Блейн; театральность Халла раздражала, но слова производили впечатление. — Но зачем так спешить? Не исключено, что жизнь подарит вам еще немало хорошего. А вот смерть — шаг непоправимый. Не лучше ли повременить?

— Вот мнение настоящего оптимиста из двадцатого века, — засмеялся Халл. — «Жизнь — это реальность, жизнь — это серьезно...» В ваше время приходилось верить в то, что жизнь — самое ценное, что есть у человека. Действительно, разве у вас был выбор? Кто из вас по-настоящему верил в жизнь после смерти?

— Это не меняет сути моего вопроса, — заметил Блейн. Ему не нравились эти осторожные, скучные рассуждения, на которые его вынудил Халл.

— Как раз наоборот! Изменились перспективы жизни и смерти. Вместо банального совета Лонгфелло мы следуем указанию Ницше — умрите вовремя! Разумные люди не хватаются за оставшуюся жизнь подобно тому, как утопающий хватается за соломинку. Они понимают, что телесная жизнь — это всего лишь бесконечно малая часть человеческого существования. Почему не приблизить конец, если хочется? Отчего бы этим способным ученикам не перепрыгнуть через одни-два класса в этой школе? Только трусы, глупцы и неучи цепляются за каждую скучную секунду земного существования.

— Значит, только трусы, глупцы и неучи, — повторил Блейн. — И те несчастные, кто не может позволить себе приобрести страховку для переселения в потустороннюю жизнь.

— У богатых и занимающих видное положение в обществе есть привилегии, — по лицу Халла скользнула едва заметная улыбка, — но и обязательства. Одним из таких обязательств является необходимость умереть своевременно, пока ты не превратился в помеху для равных тебе и не стал ужасом для себя самого. Однако акт смерти должен быть выше положения в обществе и хороших манер. Это доказательство благородства человека, королевский зов, рыцарский долг, его самое великое приключение в жизни. То, как он проявит себя в этом одиноком и опасном предприятии, характеризует его как человека. — Синие глаза Халла сверкнули фанатичным огнем. — Я не собираюсь встретить это великое событие в мягкой постели. Мне не по вкусу скучная, обыкновенная смерть, которая явится ко мне во сне. Я хочу погибнуть в бою!

Блейн кивнул, несмотря на раздражение, и почувствовал сожаление при мысли о собственной прозаической смерти. Погибнуть в автомобильной катастрофе! Как глупо, неинтересно и банально! А каким странным, благородным, мрачным казался выбор Халла. С претензией, конечно, так ведь и вся жизнь в бесконечной Вселенной неживой материи претенциозна. Халл походил на древнего японского самурая, спокойно опускающегося на колени для совершения ритуала харакири, подчеркивая таким образом ценность жизни в самом выборе смерти. Однако харакири — пассивное восточное признание своего конца, тогда как Халл выбрал чисто западный способ смерти — свирепый, жестокий и ликующий.

Восхитительно! Но в то же время крайне неприятно для человека, еще не собирающегося умирать.

— Я не имею ничего против того, чтобы вы или любой другой человек выбирали способ умереть, — произнес Блейн. — А вот как быть с теми охотниками, которых вы собираетесь убить? Они не собираются умирать, да и на жизнь после смерти им рассчитывать не приходится.

— Они сами выбрали такую опасную профессию, — пожал плечами Халл. — Как сказал Ницше: им нравится рисковать и играть в кости со смертью. Вы что, Блейн, передумали и отказываетесь от участия в охоте?

— Нет.

— Значит, встретимся в воскресенье.

Блейн направился к двери и взял у дворецкого листок бумаги с указаниями. Выходя, он обернулся.

— Интересно, приходила ли вам в голову одна вещь? — задумчиво спросил он.

— Какая?

— Не может быть, чтобы вы не думали об этом раньше. А вдруг все это — научно обоснованная потусторонняя жизнь, голоса мертвых, духи — всего лишь гигантская мистификация, состряпанная корпорацией «Потусторонняя жизнь» ради наживы?

Халл замер, словно окаменел. Когда он заговорил, в его голосе слышалась ярость.

— Это совершенно исключено. Подобная мысль могла прийти в голову только абсолютно невежественному человеку.

— Возможно. Но представьте, каким дураком вы окажетесь, если это действительно так! До свидания, мистер Халл.

Блейн ушел, радуясь, что сумел вывести из себя этого самодовольного, изысканного мерзавца хотя бы на мгновение; одновременно он испытывал сожаление, что его собственная смерть была такой повседневной и бесцветной.

Глава 16

На следующий день, в субботу, Блейн пошел в контору, где ему дали винтовку, штык, охотничью форму и рюкзак. Он получил аванс — половину жалованья минус десять процентов и стоимость снаряжения. Деньги оказались весьма кстати, потому что у него осталось всего три доллара с мелочью.

Он заглянул в Духовный коммутатор, но никаких вестей от

Мелхилла не было. Блейн вернулся в отель и остаток дня посвятил тренировке, отрабатывая выпады и защиту.

Весь вечер он чувствовал, как при мысли о предстоящей охоте нарастает нервное напряжение. Чтобы рассеяться, он пошел в небольшой бар в Вест-Сайде, где была воссоздана обстановка двадцатого века: длинная блестящая стойка, деревянные стулья, на полу опилки, а вдоль нижней части стойки — медная поперечина, на которую посетители ставили ноги. Блейн сел за столик и заказал пиво. Мерцали классические неоновые огни, а из подлинного музыкального автомата середины двадцатого века доносились сентиментальные мелодии Глена Миллера и Бенни Гудмэна. Блейн сидел, склонившись над стаканом пива, и уныло спрашивал себя: кто он и кем намеревается стать.

Неужели он действительно взялся за работу охотника и готов убивать людей? Тогда куда исчез настоящий Том Блейн, бывший конструктор парусных яхт, бывший любитель стереофонической музыки, бывший читатель хороших книг, бывший ценитель хороших пьес? Что случилось с этим спокойным, насмешливым и совсем неагрессивным человеком? Да разве этот человек, будь он в своем худощавом, пластичном теле, взялся бы за ремесло убийцы? Нет, никогда!

Неужели тот знакомый Блейн, о котором он так сейчас жалел, покорен и подавлен этим крупным мускулистым телом бойца с молниеносной реакцией? Может быть, это тело, выделяющее в кровь какие-то таинственные вещества, с его особым мозгом и нервной системой, — именно это деспотичное тело несет ответственность за все и толкает своего беспомощного владельца на преступления?

Блейн потер глаза и подумал, какая чепуха приходит порой в голову. Истина состоит в том, что он умер в результате стечения обстоятельств, от него не зависящих, заново родился в будущем и обнаружил, что он ни на что не способен, кроме охоты. Что и требовалось доказать.

Однако это благоразумное объяснение не удовлетворило его, а на поиски постоянно ускользающей правды времени не оставалось.

Блейн уже не был нейтральным наблюдателем событий, происходивших в 2110 году. Он превратился в их участника, начал играть активную роль и перестал быть бесстрастным зрителем. Действие привлекало его, побуждало к совершению поступков. Тормоза были выключены, и машина марки «Блейн» катилась вниз по крутому склону холма Жизни все быстрее и быстрее. Может, сейчас у него осталась последняя возможность подумать, взвесить, проверить правильность выбранного пути...

Но было уже поздно. На стул напротив опустился мужчина, словно тень, закрывшая лик мира. Блейн смотрел в белое, ничего не выражающее лицо зомби.

— Добрый вечер, — произнес зомби.

— Добрый вечер, — сдержанно ответил Блейн. — Хотите что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо. Мой организм не переносит стимуляции.

— Сочувствую, — сказал Блейн.

Зомби пожал плечами.

— Теперь у меня появилось имя, — сообщил он. — До тех пор пока не припомню своего настоящего имени, я буду звать себя Смит. Вам нравится?

— Хорошее имя, — согласился Блейн.

— Спасибо. Я был у врача. Он сказал, что мое тело слабеет. У него нет выносливости, оно не способно восстанавливать силы.

— Неужели вам ничем нельзя помочь?

Смит покачал головой.

— Мое тело определенно в состоянии зомби. Я слишком поздно проник в него. Врач считает, что мне осталось несколько месяцев, не больше.

— Очень жаль, — ответил Блейн, чувствуя отвратительную тошноту, подступающую к горлу при виде этого мрачного, с грубыми чертами и серо-свинцовой кожей лица с терпеливыми глазами Будды.

Смит сидел в мятой рабочей одежде, висящей на нем мешком, какой-то неестественно расслабленный. Его белое лицо было гладко выбрито. От него сильно пахло лосьоном. Однако в нем уже стали заметны перемены. Блейн уже обратил внимание, что мягкая и упругая когда-то кожа начала сохнуть, появились крохотные морщины вокруг глаз, носа и рта, складки на лбу, напоминающие трещины в старой высохшей коже. Кроме того, Блейну показалось, что сквозь резкий запах лосьона пробивался едва заметный душок тления.

— Что вам от меня нужно? — спросил Блейн.

— Я не знаю.

— Тогда оставьте меня в покое.

— Я не могу, — произнес Смит извиняющимся тоном.

— Вы хотите меня убить? — в горле Блейна пересохло.

— Я ведь уже сказал, что не знаю! Я ничего не помню! Убить вас, защитить, любить, искалечить — я еще не знаю! Но придет время, и я вспомню, Блейн! Это я вам обещаю.

— Оставьте меня в покое, — попросил Блейн, чувствуя, как напрягаются мускулы.

— Не могу, — ответил Смит. — Неужели вы не понимаете? Я не знаю ничего, кроме вас. Буквально ничего! Я не знаю этого мира, ни одного лица, ни одного человека. У меня нет памяти. Вы — моя единственная связь с чем-то, центр моего существования, только ради вас я цепляюсь за жизнь.

— Замолчите!

— Почему? Ведь это правда! Неужели вы думаете, что мне нра-

вится таскать по улицам это разваливающееся тело? Кому нужна жизнь, если не на что надеяться и нечего вспомнить? Смерть куда лучше! Жизнь — это вонючая разлагающаяся плоть, тогда как смерть — чистое бесплотное сознание! Я думаю об этом, мечтаю о ней, прекрасной бесплотной смерти! Но меня останавливает одно: у меня остались вы, Блейн, из-за вас я заставляю себя жить.

— Убирайтесь! — крикнул Блейн. К горлу подступила тошнота.

— Это вы мое солнце и луна, мои звезды, моя земля, вся моя вселенная, моя жизнь, мой друг, враг, возлюбленный, убийца, жена, отец, ребенок, муж...

Блейн изо всех сил ударил Смита кулаком в скулу. Зомби упал. Выражение лица его не изменилось, однако на скуле свинцового цвета появился огромный пурпурный кровоподтек.

— Вы пометили меня, — прошептал Смит.

Кулак Блейна, занесенный для второго удара, бессильно опустился.

— Я ухожу, — произнес Смит, вставая. — Будьте осторожнее, Блейн. Не умирайте пока! Вы мне нужны. Скоро я вспомню и приду к вам.

Смит вышел из бара. Его угрюмое избитое лицо было неподвижно.

Блейн заказал двойное виски и долго сидел со стаканом в руке, пытаясь унять дрожь.

Глава 17

Блейн прибыл в имение Халла на загородном джетбусе за час до рассвета. На нем была традиционная форма охотника — рубашка и брюки цвета хаки, ботинки на резиновой подошве и широкополая шляпа. На одном плече висел рюкзак, на другом — винтовка и штык в пластмассовом чехле.

У ворот его встретил слуга, который проводил Блейна к низкому нескладному особняку. От слуги Блейн узнал, что имение Халла занимает девяносто акров леса в Адирондакских горах, между Кином и Элизабеттауном. Именно здесь, сообщил ему слуга, совершил самоубийство отец Халла в возрасте пятидесяти одного года, причем сумел убить шестерых охотников, но седьмой, вооруженный саблей, отсек ему голову. Какая славная смерть! Дядя Халла, наоборот, предпочел смерть берсеркера в Сан-Франциско, который так любил. Полицейским пришлось двенадцать раз выстрелить в него из лучевых пистолетов, прежде чем он умер. С собой дядя Халла прихватил семерых прохожих. Газеты много писали об этом событии, и вырезки хранятся в семейном альбоме.

Причина в разных темпераментах, объяснил старый разговорчивый слуга. Некоторые, как, например, дядя Халла, обладают веселым характером, любят компанию и предпочитают смерть в

толпе, у всех на виду. А другие, вроде нынешнего мистера Халла, любят одиночество и природу

Слушая, Блейн вежливо кивал. Слуга проводил его в большую комнату, обставленную в деревенском стиле. Там уже собрались охотники. Они пили кофе и в последний раз оттачивали острые как бритва лезвия. Сверкала голубая сталь меча, отливала серебром блестящая алебарда, искры света вспыхивали на полированном острие копья и поблескивали льдом на остроконечных шипах булавы и шара на цепи — «утренней звезды». На первый взгляд, подумал Блейн, все это напоминает сцену из средневековья. Однако потом он решил, что это больше похоже на приготовления к съемкам фильма.

— Придвигай стул, приятель, — сказал алебардист. — Добро пожаловать в Благотворительное общество защиты мясников, забойщиков скота и странствующих убийц. Меня зовут Сэмми Джонс, я лучший алебардист в Северной и Южной Америке, да и в Европе, пожалуй, тоже.

Блейн сел, и его представили остальным охотникам. Среди них были люди разных национальностей, хотя все говорили между собой по-английски.

Сэмми Джонс, приземистый черноволосый мужчина с широченными плечами, был одет в заплатанную и выцветшую форму цвета хаки; на его лице, словно высеченном из камня, виднелось несколько шрамов, оставшихся от прошлых охот.

— Это у тебя первая охота? — спросил он, глядя на новенькую форму Блейна.

Тот кивнул, достал винтовку из пластикового чехла и закрепил штык на стволе, проверил крепление, подтянул ремень и снова снял штык.

— Ты действительно владеешь этой штуковиной? — спросил Джонс.

— Конечно, — ответил Блейн; в его голосе прозвучало больше уверенности, чем он чувствовал.

— Тогда хорошо. Такие, как Халл, нутром чувствуют слабину. Они пытаются расправиться со слабаками в первую очередь.

— Сколько времени обычно длится охота?

— Трудно сказать, — пожал плечами Джонс. — Один раз я участвовал в охоте, которая продолжалась восемь дней. Это было на Астуриасе, там прикончили моего напарника Слиго. В общем-то хорошая команда расправляется с жертвой за пару дней, не больше. Все зависит от того, как тот желает умереть. Некоторые жертвы стараются продержаться как можно дольше. Прячутся в пещерах и оврагах, ублюдки, приходится лезть за ними, каждую минуту ожидая, что тебя проткнут. Вот так и погиб Слиго. Мне кажется, однако, что Халл не из их числа. Он хочет умереть как герой, как настоящий мужчина. Значит, будет рисковать, стараясь прикончить как можно больше охотников своим вертелом.

— Похоже, он тебе не нравится, — заметил Блейн.

Сэмми Джонс поднял густые брови.

— Не люблю, когда из смерти делают целый спектакль. А вот и наш герой.

В комнату вошел Халл, элегантный и стройный, в шелковой рубашке цвета хаки, с белым платком на шее. В руке он держал небольшой рюкзак, а на плече висела зловещего вида рапира.

— Доброе утро, господа, — поздоровался он. — Оружие наточено, рюкзаки собраны, шнурки туго завязаны? Великолепно! — Халл подошел к окну и раздвинул шторы. — Взгляните на первый луч зари, эту светлую полоску на востоке, предвестник появления нашего свирепого бога Солнца, распоряжающегося охотой. Я ухожу. Слуга оповестит вас, когда истекут положенные мне льготные полчаса. После этого вы можете преследовать меня и убить — если сумеете. Поместье огорожено. Я не буду выходить за ограду — и вы тоже.

Халл поклонился и стремительно вышел из комнаты.

— Господи, как я ненавижу таких павлинов! — крикнул Сэмми Джонс, когда дверь закрылась. — Все они одинаковы. Так высокомерно и дерзко ведут себя, таких героев из себя строят. Если бы они знали, какими дураками я их считаю, ведь я уже двадцать восемь раз участвовал в таких делах.

— А почему ты стал охотником? — спросил Блейн.

— Мой отец был алебардистом и научил меня владеть боевым топором, — пожал плечами Сэмми Джонс. — Это единственное, что я умею.

— Ты мог бы попробовать другую профессию.

— Пожалуй. Но дело в том, что мне нравится убивать этих аристократов. Я ненавижу каждого богатого джентльмена, благоразумно обеспечившего себе потустороннюю жизнь, тогда как бедняки не имеют средств на страховку. Я получаю удовольствие, убивая этих господ, и если бы у меня были деньги, то с радостью заплатил бы за такую честь.

— А вот Халлу нравится убивать бедняков вроде тебя, — заметил Блейн. — Это ужасный мир.

— Нет, честный, — покачал головой Сэмми Джонс. — Ну-ка встань, я поправлю тебе рюкзак.

Покончив с этим, Сэмми Джонс предложил:

— Послушай, Том, почему бы нам с тобой не держаться вместе во время охоты? Взаимовыручка — понимаешь?

— Скорее тебе придется выручать меня, — ответил Блейн.

— Ну и что? — сказал Джонс. — Сноровка придет — надо только поучиться. А у кого учиться, как не у меня, лучшего из лучших?

— Спасибо, Сэмми, — поблагодарил Блейн. — Постараюсь не подвести тебя.

— Не сомневаюсь, что ты справишься. Только учти: Халл — фехтовальщик, а у фехтовальщиков есть свои хитрые приемы. Я тебе все объясню по дороге. Когда он...

В этот момент в комнату вошел слуга по старинным хронометром в резном футляре. Когда секундная стрелка коснулась цифры двенадцать, он взглянул на охотников.

— Господа, полчаса истекли. Можно начинать охоту.

Охотники высыпали на улицу, в туманное серое утро. Тезей, следопыт, с трезубцем на плече, сразу напал на след, который вел наверх по склону, к вершине горы, окутанной дымкой.

Вытянувшись длинной цепочкой, охотники двинулись вверх по склону.

Раннее утреннее солнце быстро разогнало туман. Когда они вышли к голым гранитным валунам, Тезей потерял след. Охотники разошлись ломаной цепью по склону горы и продолжали осторожно продвигаться вперед.

В полдень охотник с мечом заметил на ветке колючего куста лоскут шелковой ткани цвета хаки. Через несколько минут Тезей нашел следы ботинок на мху. Они вели вниз, в узкую долину, густо поросшую деревьями. Охотники устремились вперед.

— Вот он! — крикнул кто-то.

Блейн стремительно обернулся и увидел ярдах в пятидесяти справа от себя бегущего бойца с «утренней звездой» в руке. Этот охотник был самым молодым среди них — могучий самоуверенный сицилиец. Его оружие состояло из толстой рукоятки из ясеня и прикрепленного к ней цепью длиною в фут тяжелого шара с острыми шипами — это и была «утренняя звезда». Сицилиец размахивал шаром над головой и распевал боевую песню.

Сэмми Джонс и Блейн бросились к нему. Они увидели, как из кустов с обнаженной рапирой выскочил Халл. Сицилиец рванулся к Халлу и изо всех сил нанес сокрушительный удар, способный свалить дерево. Халл увернулся и сделал выпад. Охотник захрипел и упал — острие рапиры вонзилось ему в горло. Халл наступил на грудь упавшего, выдернул рапиру и снова исчез в кустах.

— Я никогда не понимал, как можно пользоваться «утренней звездой» в бою, — покачал головой Сэмми Джонс. — Такое неуклюжее оружие. Если не свалишь противника первым ударом, на второй времени уже не остается.

Сицилиец был мертв. Следы Халла, пробежавшего через кусты, были видны отчетливо. Они бросились по следам, остальные охотники прикрывали их в флангов. Вскоре они снова вышли на гранитное плато, и след пропал.

Поиски продолжались до самого вечера и закончились неудачей. После захода солнца охотники разбили лагерь на склоне горы, выставили часовых и стали обсуждать первый день охоты у маленького костра.

— Где он сейчас, по-твоему? — спросил Блейн.

— Он может быть где угодно в этом проклятом поместье, — буркнул Джонс. — Не забудь, он здесь каждый фут земли знает, а мы здесь первый раз.

— Выходит, он может скрываться от нас бесконечно?

— Конечно, если захочет. Но ведь он ищет смерти, верно? Причем хочет умереть как герой, в бою. Поэтому Халл будет стараться потрепать нас как следует, прежде чем мы прикончим его.

Блейн взглянул через плечо на темный лес.

— А вдруг он прячется где-то рядом и подслушивает наш разговор?

— Не сомневаюсь, — сказал Джонс. — Надеюсь, что часовые не заснут.

Охотники еще долго переговаривались в маленьком лагере у гаснущего костра. Блейну хотелось, чтобы поскорей наступило утро. В темноте роли поменялись: охотники превратились в жертв, преследуемых жестоким, безжалостным человеком, готовым к самоубийству и стремящимся унести с собой как можно больше чужих жизней.

С этой мыслью Блейн задремал.

Перед самым рассветом он проснулся от пронзительного крика. Схватив винтовку, Блейн вскочил и стал вглядываться в темноту. Снова раздался крик, на этот раз ближе к лагерю, и он услышал, как кто-то пробирается сквозь кусты. Тут в костер бросили пригоршню сухих листьев, и вспыхнуло яркое пламя.

В показавшемся ослепительным свете костра Блейн увидел человека, который, шатаясь, шел к лагерю. Это был один из часовых. Он волочил за собой копье. Из двух ран текла кровь, однако, похоже, они не были тяжелыми.

— Ублюдок, — всхлипывал копьеносец, — мерзкий ублюдок.

— Успокойся, Чико, — сказал один из охотников, разорвав рубашку копьеносца, чтобы промыть и забинтовать раны. — Тебе не удалось достать его?

— Нет, все произошло так быстро, — простонал раненый. — Я промазал.

Больше в эту ночь никто не спал.

Едва забрезжил рассвет, как охотники снова отправились в путь, растянувшись редкой цепочкой и стараясь напасть на след жертвы. Тезей обнаружил сломанную пуговицу, а затем — едва заметный отпечаток ботинка. Охотники тут же изменили направление и стали подниматься по узкому горному склону.

— Эй, он здесь! Я нашел его! — послышался крик Отто, идущего впереди.

Тезей бросился вперед, за ним последовали Блейн и Джонс. Они увидели Халла, который пятился, зорко следя за приближавшимся Отто. Тот быстро вертел шарами бола над коротко остриженной головой. Аргентинское лассо свистело в воздухе, и железные шары вращались с такой быстротой, что сливались в сверкающий круг. И тут Отто метнул свое оружие. Халл мгновенно упал на землю, бола пролетел в нескольких дюймах над его головой, обвился вокруг толстой ветки и сломал ее. Халл вскочил, улыбнулся и бросился к безоружному охотнику.

Не успел он приблизиться к Отто, как откуда ни возьмись появился Тезей и угрожающе поднял свой трезубец. Халл и охотник обменялись ударами. Потом Халл повернулся и кинулся наутек.

Тезей успел сделать глубокий выпад. Халл взвизгнул от боли, но не остановился.

— Ты ранил его? — спросил Джонс.

— В зад, — ответил Тезей. — Если что и пострадало, так только его самолюбие.

Тяжело дыша, охотники побежали вверх по горному склону. Однако следы жертвы снова исчезли.

Они разошлись, окружив сужающуюся гору со всех сторон, и начали медленно двигаться в сторону вершины. Раздающийся время от времени шум и отпечатки ботинок говорили о том, что Халл впереди и отступает к вершине. По мере того как охотники приближались к горному пику, они плотнее сжимали кольцо, чтобы не дать жертве проскользнуть между ними.

К вечеру сосны и ели начали редеть. За ними виднелось нагромождение валунов, а еще дальше — вершина.

— Теперь осторожнее! — предупредил спутников Джонс.

Не успел он договорить, как появился Халл. Выскочив из-за гранитного валуна, он напал на старого Бьерна, вооруженного булавой. Его рапира со свистом рассекала воздух, он сыпал ударами, пытаясь побыстрее прикончить охотника и вырваться из сжимающегося кольца.

Однако Бьерн сдерживал натиск и медленно отступал, парируя выпады Халла булавой, которую держал двумя руками, как дубину. Халл свирепо выругался, снова устремился в атаку и едва успел увернуться от сильнейшего удара булавой, нанесенного хладнокровным охотником.

Старый Бьерн быстро шагнул вперед — в воздухе мелькнула рапира и вонзилась в грудь охотника, как жало змеи. Швед выронил булаву, и его тело покатилось вниз по горному склону.

Однако охотники успели замкнуть кольцо. Халл был вынужден вновь отступить и скрыться среди гранитных валунов.

Охотники продолжали двигаться вперед. Блейн заметил, что солнце уже почти коснулось горизонта; спускались сумерки, и по серым скалам вытянулись длинные тени.

— Вечереет, — сказал он Джонсу.

— До наступления темноты еще с полчаса, — заметил тот, глянув на небо. — Нужно побыстрее кончать с ним. Когда стемнеет, он перебьет нас в этих скалах по одному.

Охотники быстро обыскивали огромные валуны.

— Он может свалить камни нам на голову, — сказал Блейн.

— Только не он, — покачал головой Джонс. — Он слишком гордый.

В это мгновение из-за высокой скалы рядом с Блейном вышел Халл.

— Ну что ж, стрелок, защищайся, — произнес он.

Блейн вскинул винтовку и едва успел отразить удар Халла. Лезвие рапиры скользнуло по стволу винтовки. Блейн отбил удар автоматически, не успев задуматься. Что-то заставило его зареветь от ярости, и он сделал выпад, пытаясь обрушить удар на голову жертвы, — если бы он достиг цели, мозги Халла оказались бы на гранитных камнях. В это мгновение Блейн перестал быть цивилизованным человеком, вынужденным защищаться с оружием в руках, — он превратился в свирепое создание, преследующее одну цель — убивать.

Жертва с изящной ловкостью уклонялась от ударов Блейна. Охотник наступал, в гневе потеряв осторожность. Внезапно Сэмми Джонс оттолкнул его в сторону.

— Он мой, — сказал Джонс. — Да, мой. Сражайся со мной, Халл. Попытайся достать меня своим вертелом.

Халл начал атаковать алебардиста. Его лицо было бесстрастным, а выпады сверкающей рапиры — молниеносны. Джонс уверенно стоял, чуть согнув колени, легко орудуя алебардой. Халл сделал обманное движение, за которым последовал стремительный выпад. Джонс парировал его с такой силой, что искры полетели, а рапира согнулась, как тонкая ветка.

Вокруг собрались остальные охотники. Они расселись на соседних валунах, комментировали дуэль и давали советы:

— Пригвозди его к утесу, Сэмми!

— Лучше сбрось с обрыва!

— Хочешь, помогу?

— Нет, черт побери! — отозвался Джонс.

— Смотри, чтобы он не отрубил тебе палец, Сэмми!

— Не беспокойтесь, — прозвучал ответ Джонса.

Наблюдая за схваткой, Блейн чувствовал, что ярость покидает его так же быстро, как охватила. Ему казалось, что алебарда — неуклюжее оружие, поскольку, чтобы нанести удар, необходимо как следует замахнуться. Однако Сэмми Джонс орудовал тяжелым боевым топором, как дирижерской палочкой. Он не замахивался, а бил из любого положения, мощными ударами тесня Халла к отвесному обрыву. Блейн понял, что силы противников неравны. Халл был всего лишь способным любителем, убийцей-дилетантом, тогда как Джонс — опытный профессионал. Это было похоже на поединок злой домашней собачки с диким тигром.

Когда на вершину горы опустились синие сумерки, наступил конец. Сэмми Джонс отразил очередной выпад и нанес сокрушительный удар топором. Лезвие глубоко вонзилось в бок Халла, и тот с криком полетел с обрыва. Через несколько секунд раздался звук удара.

— Заметь место, куда он упал, — произнес Сэмми Джонс.

— Он наверняка погиб, — ответил охотник с саблей.

— Скорее всего. Но нельзя считать, что мы сделали работу, пока не убедимся.

Спустившись, они нашли безжизненное изувеченное тело Халла, пометили, где оно лежит, чтобы легче было его найти и похоронить, и вернулись к особняку.

Глава 18

Охотники вернулись в город все вместе и весело отпраздновали удачную охоту. Во время вечеринки Сэмми Джонс спросил Блейна, не согласится ли тот принять участие в его следующем предприятии.

— В Омске у меня намечается выгодное дельце, — сказал он. — Русский дворянин хочет организовать пару гладиаторских боев. Тебе придется орудовать копьем, но это мало отличается от винтовки со штыком. Я научу тебя. После Омска поедем в Манилу; там готовится по-настоящему большая охота — пятеро братьев решили одновременно покончить самоубийством, и им нужно пятьдесят охотников для этого. Ну, что скажешь, Том?

Блейн подумал, прежде чем ответить. Охота была самым подходящим занятием из всех, встречавшихся ему до сих пор в этом мире, и устраивала Блейна больше всего. Ему нравилась грубоватая компания таких людей, как Джонс, их простые и трезвые рассуждения, жизнь на лоне природы, возможность действовать, ни о чем не задумываясь, не терзаясь сомнениями.

С другой стороны, было что-то чертовски бессмысленное в том, чтобы скитаться по земле в роли платного убийцы, современного варианта наемного головореза. Ему виделось что-то бесплодное в действиях ради действий, без осмысленной цели, разумного устремления, без всякого будущего. У него не появились бы такие мысли, будь он тем, кто раньше обитал в этом теле, но ведь Блейн был совсем другим. Между его сознанием и телом возникали очевидные противоречия, и не видеть этого было нельзя.

Наконец, в этом мире существовали и иные проблемы, требующие от него шагов, соответствующих его подлинной личности. Ими и следовало заняться.

— Извини, Сэмми, я вынужден отказаться, — сказал он.

— Ты делаешь ошибку, Том, — с сожалением покачал головой

Джонс. — Ты прирожденный убийца. Это единственное подходящее занятие для тебя, лучше не найдешь.

— Сейчас — пожалуй, — согласился Блейн. — Я должен выяснить, так ли это.

— Ну что ж, желаю удачи, — произнес Сэмми Джонс. — И береги свое тело. Тебе попалось очень хорошее.

— Неужели это так замечательно? — удивленно спросил Блейн.

Джонс усмехнулся.

— Я немало повидал в жизни, Том. Нетрудно заметить, что у человека чужое тело. Если бы разум твой родился в этом теле, ты согласился бы охотиться вместе со мной. А вот если бы твое сознание родилось в другом теле...

— Что тогда?

— Тебе не нужно было бы становиться охотником. У тебя плохо сочетаются тело и сознание, Том. Подумай, чему отдать предпочтение.

— Спасибо, Сэмми, — сказал Блейн.

Они пожали друг другу руки, и Блейн поехал к себе в отель.

Он поднялся в свою комнату и, не раздеваясь, упал на кровать. Когда проснется, то позвонит Мэри. Но сначала нужно как следует выспаться. Планы, проблемы, мысли, решения и даже сны подождут. Он предельно устал.

Блейн выключил свет и тут же уснул.

Через несколько часов он проснулся от какого-то неясного страха. В комнате было темно. Было так тихо, как в Нью-Йорке не могло быть.

Блейн сел и услышал, как что-то двигается на другом конце комнаты, рядом с умывальником. Он протянул руку и включил свет. В комнате было пусто. И вдруг у него на глазах эмалированная раковина начала подниматься вверх. Она медленно поднялась и повисла в воздухе без всякой видимой опоры. И тут же он услышал дребезжащий смех.

Блейн мгновенно сообразил, что теперь кто-то охотится за ним, и этот кто-то — полтергейст.

Он осторожно встал с кровати и направился к двери. Висящая в воздухе раковина внезапно сорвалась с места и полетела прямо на него. Блейн увернулся, и раковина разбилась о стену.

В воздух поднялся кувшин для воды вместе с двумя тяжелыми стаканами. Вращаясь, поднимаясь и опускаясь, они двинулись в его сторону.

Блейн схватил подушку и, держа ее перед собой как щит, бросился к двери. Не успел он повернуть ручку замка, как над головой о стену разбился стакан. Блейн попытался открыть дверь, но не смог. Полтергейст оказался сильнее.

Кувшин больно ударил его в плечо. Второй стакан, висящий в воздухе, вдруг стремительно описал круг над головой Блейна, и тому пришлось отойти от двери.

Тут Блейн вспомнил о пожарной лестнице за окном. Однако как только он двинулся в сторону окна, полтергейст снова опередил его. Внезапно шторы загорелись. В то же мгновение вспыхнула и подушка, которую Блейн держал в руках, и ему пришлось отбросить ее в сторону.

— Помогите! — крикнул он. — Помогите!

Полтергейст настойчиво загонял Блейна в угол комнаты. С грохотом на него поползла кровать, отрезая путь к отступлению. В воздух медленно поднялся стул, нацелившись для удара в голову.

И все время в комнате слышался дребезжащий тонкий смех, казавшийся Блейну очень знакомым.

Часть третья

Глава 19

Кровать ползла в сторону Блейна. Он звал на помощь так громко, что в окне дрожали стекла. В ответ раздавался только тонкий смех полтергейста.

Неужели в отеле все оглохли? Почему на его крики никто не откликается?

И тут Блейн понял, что никто и не подумает прийти на помощь. Насилие в этом мире стало обычным явлением, а смерть — личным делом умирающего. Никто не будет заниматься расследованием. Утром просто наведут порядок в комнате и подготовят ее для следующего постояльца.

Добраться до двери невозможно. У Блейна оставался последний шанс — перепрыгнуть через кровать и броситься в окно. Если он точно рассчитает силу прыжка, попадет на площадку пожарной лестницы. Если перестарается, то перелетит через перила и рухнет на мостовую с высоты третьего этажа.

Стул колотил Блейна по плечам, а кровать, надвигаясь, стремилась прижать к стене. Он быстро прикинул расстояние до угла, пригнулся и бросился в окно.

Блейн все рассчитал правильно, вот только не принял во внимание последние достижения науки. Оконное стекло выгнулось наружу как резиновое и тут же вернулось в прежнее положение. Блейна отбросило к стене, и он рухнул вниз оглушенный. Подняв голову, он увидел, что к нему приближается массивный шкаф и медленно наклоняется.

Когда полтергейст с огромной силой толкнул шкаф на Блейна, дверь, о которой он забыл, распахнулась. В комнату вошел Смит и толкнул падающий шкаф плечом.

— Пошли, — сказал он, повернув к Блейну неподвижное лицо зомби.

Блейн не стал задавать лишних вопросов. Он вскочил и успел схватиться за край закрывающейся двери. С помощью Смита ему удалось приоткрыть ее, и оба выскочили в коридор. Из комнаты послышался вопль, полный бессильной ярости.

Смит быстро пошел по коридору, сжимая холодной рукой кисть Блейна. Они спустились по лестнице, пересекли вестибюль и вышли на улицу. На свинцово-сером лице зомби выделялся багровый кровоподтек от удара Блейна. Кровоподтек покрывал почти половину лица, превратив его в чудовищную маску.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— Туда, где тебе не угрожает опасность.

Они подошли к старому входу в метро, которым уже давно никто не пользовался, и начали спускаться вниз. Скоро они остановились перед маленькой железной дверью в потрескавшейся бетонной стене. Смит открыл дверь и кивнул, зовя Блейна за собой.

Блейн заколебался и тут услышал тонкий смех, доносившийся издалека. Полтергейст гнался за ним. Так Эвмениды преследовали свои жертвы по улицам древних Афин. Блейн мог остаться в светлом верхнем мире, если пожелает, но тогда ему придется жить в постоянном страхе перед появлением безумного призрака. Или он может спуститься под землю вместе со Смитом, пройти через железную дверь и скрыться в темноте, где его ждет неизвестность.

Смех становился все громче. Блейн больше не колебался. Он последовал за Смитом и закрыл на собой железную дверь.

Вероятно, полтергейст решил не преследовать его. Они шли по туннелю, тускло освещенному редкими электрическими лампочками, мимо серых брошенных вагонов метро, потрескавшихся каменных труб, ржавых металлических тросов, похожих на огромных змей. Воздух был сырым, пахло гнилью, под ногами чавкала жидкая грязь, и приходилось идти осторожно, чтобы не поскользнуться.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— Туда, где я смогу тебя защитить, — ответил Смит.

— Это в твои силах?

— Призраки не такие уж неуязвимые. Но, чтобы избавиться от преследующего тебя призрака, необходимо выяснить, кто он такой.

— Значит, тебе известно, кто меня преследует?

— Мне кажется, что да. Если рассуждать логически, то им может быть дух лишь одного умершего человека.

— И кто он?

— Мне не хотелось бы пока называть его имя, — покачал головой Смит. — Не стоит напрасно привлекать к себе внимание.

Они спустились по растрескавшимся ступеням в просторный зал и обошли маленькое озерцо с темной водой, поверхность которой выглядела гладкой и твердой, как черный агат. На другом берегу пруда был вход в другой туннель. Перед ним, загородив дорогу, стоял человек.

Это был высокий крепкий негр, одетый в лохмотья, с отрезком железной трубы в руке. С первого взгляда Блейн понял, что и он — зомби.

— Я иду со своим другом, — сказал Смит. — Можно мне провести его с собой?

— А ты уверен, что он не инспектор?

— Абсолютно!

— Подожди здесь, — сказал негр, повернулся и исчез в туннеле.

— Где мы?

— Под Нью-Йорком, в заброшенных туннелях метро, старых канализационных каналах, а некоторые туннели мы вырыли сами.

— Зачем мы пришли сюда?

— Куда же нам еще идти? — удивился Смит. — Это мой дом. Разве ты не знаешь, что здесь находится нью-йоркская колония зомби?

Блейн подумал, что колония зомби ненамного лучше привидения, однако времени на размышление не было. Вернулся негр, а вместе с ним пришел очень старый мужчина, опирающийся на палку. Его лицо было изрезано сетью морщин. Глаза едва виднелись в складках кожи, и даже губы были покрыты морщинками.

— Это и есть тот человек, о котором ты говорил? — спросил он.

— Да, сэр, — ответил Смит. — Это он. Блейн, позволь мне представить тебя мистеру Кину, главе нашей колонии. Вы разрешите ему пройти, сэр?

— Проходите,— сказал старик. — Я немного провожу вас.

Они пошли по туннелю. Мистер Кин тяжело опирался на плечо негра.

— Обычно в колонию допускаются только зомби, — объяснил мистер Кин. — Всем остальным вход сюда запрещен. Однако прошло уже много лет с тех пор, как я беседовал с обычным человеком, а потому подумал, что могу узнать от вас что-нибудь полезное. Поэтому по настоятельной просьбе Смита я сделал для вас исключение.

— Очень вам благодарен, — ответил Блейн, надеясь, что у него будут на это причины.

— Поймите меня правильно. Я не отказываюсь помочь вам. Но в первую очередь я несу ответственность за одиннадцать сотен зомби, живущих в подземных туннелях под Нью-Йорком. Ради их безопасности приходится не пускать сюда обычных людей. Наше единственное спасение в этом невежественном мире — обособленность. — Мистер Кин сделал паузу. — Может быть, вы сумеете помочь нам, Блейн.

— Каким образом?

— Тем, что выслушаете нас и попытаетесь понять, а потом расскажете о том, что узнаете, другим людям. Скажите, вам известно о проблемах зомби?

— Очень мало.

— Позвольте тогда объяснить вам кое-что. Зомбизм, мистер Блейн, представляет собой болезнь, которую в течение длительного времени окружал ореол суеверия, сравнимый с суевериями, связанными с такими болезнями, как эпилепсия, проказа или пляска святого Витта. Люди во всем склонны видеть духов, и эта точка зрения широко распространена. Как вы знаете, шизофреники когда-то считались одержимыми дьяволом, а гидроцефалы относились к категории блаженных. Аналогичные фантазии связаны и с зомбизмом.

Некоторое время они шли в тишине.

— Суеверия, окружающие зомби, в основном гаитянского происхождения, — наконец произнес мистер Кин. — Зомбизм — болезнь зомби — встречается во всем мире, хотя и довольно редка. Однако суеверия и сама болезнь безнадежно переплелись в представлении людей. Зомби, как составная часть суеверия, представляет собой элемент колдовского культа «вуду», распространенного на Гаити, — это человек, чью душу похитили колдуны. Тело зомби колдун может использовать, как пожелает, его можно даже расчленить и продать мясо на рынке. Если зомби съест соль или увидит море, он вспомнит, что умер, и вернется в могилу. Все это, как вы понимаете, не имеет под собой никакого основания. Суеверие возникло на почве внешне схожей болезни. Когда-то она была исключительно редкой, однако теперь, с возрастанием числа процессов, связанных с переселением душ и перевоплощением, зомбизм стал более распространенным. Заболевание возникает, когда сознание человека поселяется в теле, слишком долго оставшемся незанятым. В этом случае сознание и тело не сливаются в единое целое, как это произошло, например, в вашем случае, мистер Блейн. Вместо этого они существуют как полунезависимые образования, находящиеся в неустойчивых отношениях друг с другом. Возьмем нашего друга Смита в качестве примера. Он в состоянии управлять основными движениями своего тела, однако более тонкая координация ему неподвластна. Голос его лишен модуляции, а слух не в состоянии воспринимать различия в тоне говорящего с ним. Его лицо неподвижно, потому что он почти не может управлять лицевыми мышцами. Он носит свое тело, но не является его истинной частью.

— И такую ситуацию невозможно изменить? — спросил Блейн.

— В настоящее время — невозможно.

— Очень жаль, — сказал Блейн, ощущая какую-то неловкость.

— Мы не нуждаемся в сочувствии, — произнес Кин. — Мы просим всего лишь о самом элементарном понимании. Я просто хочу, чтобы вы и остальные нормальные люди знали, что зомбизм не наказание за грехи, а всего лишь самая обычная болезнь, вроде свинки или рака, и ничего больше. — Мистер Кин остановился и прислонился к стене, переводя дыхание. — Действительно, внешность у зомби неприятная. Он волочит ноги, у него никогда не заживают раны, тело быстро разлагается. Зомби бормочет непонятные слова, напоминая идиота, шатается, как пьяный, пучит глаза, как сумасшедший. Но разве это причина, чтобы возлагать на него вину за все грехи на земле, превращать его в прокаженного двадцать второго века? Говорят, что зомби нападают на людей, но ведь у них очень слабые тела, и обычный зомби не сумеет ус-

тоять даже против ребенка. Ходят слухи, будто болезнь заразна, и это не соответствует истине. Наконец, утверждают, что зомби склонны к половым извращениям, тогда как на самом деле зомби вообще не испытывают полового влечения. Однако люди отказываются верить этому, а потому зомби стали париями, заслуживающими только суда толпы, петли или сожжения на костре.

— Разве власти ничего не предпринимают? — спросил Блейн.

— Раньше, проявляя особую доброту, они запирали нас в дома для умалишенных, — горько улыбнулся Кин. — По их словам, это делалось для нашей же пользы, чтобы уберечь от жестокого обращения. Но зомби очень редко сходят с ума, и властям это хорошо известно! Так что теперь, с их молчаливого одобрения, мы поселились в этих заброшенных туннелях и канализационных стоках.

— А вы не могли найти место получше?

— Откровенно говоря, жизнь под землей нас устраивает. Солнечный свет вредно действует на кожу зомби — у нас она не регенерируется.

Они двинулись дальше.

— Чем я могу помочь вам? — спросил Блейн.

— Расскажите о том, что увидите здесь. Или напишите. Чем шире расходятся круги...

— Сделаю все, что в моих силах, — согласился Блейн.

— Спасибо, — с достоинством поблагодарил мистер Кин. — Наша единственная надежда — просвещение. Просвещение и будущее. В будущем люди несомненно станут более цивилизованными.

Будущее? Блейн внезапно почувствовал головокружение. Но ведь это и есть будущее, то будущее, куда он попал из двадцатого века, полного идеализма и надежд. Однако обещанное просвещение так и не наступило, а люди ничуть не изменились. Он почувствовал себя старым, старше Кина, старше всего человечества, — он, существо внутри чужого тела, окруженный незнакомыми существами.

— Ну вот, мы и пришли, — произнес мистер Кин.

Блейн помотал головой, и реальность снова обрела четкие формы.

Сумрачный туннель кончился. Перед ним была ржавая лестница, ведущая наверх, в темноту.

— Желаю удачи, — сказал мистер Кин.

Он ушел, опираясь на плечо негра. Блейн посмотрел ему вслед и повернулся к Смиту.

— Дальше куда?

— Вверх по лестнице.

— Куда она ведет?

Смит уже карабкался вверх. Он остановился и взглянул на Блейна. Его свинцовые губы раздвинулись в улыбке.

— Мы навестим твоего приятеля, Блейн. Поднимемся в его гробницу, подойдем к гробу и попросим, чтобы он больше тебя не преследовал. А может быть, заставим силой.

— Но кто он? — спросил Блейн.

Смит усмехнулся и двинулся дальше. Блейн полез следом.

Глава 20

Над проходом располагалась вентиляционная шахта, которая вела в другой проход. Наконец они подошли к двери и открыли ее.

Перед ними была большая комната, залитая ослепительным светом. В центре сводчатого потолка красовалась фреска, изображающая красивого ясноглазого мужчину, влетающего в прозрачный голубой рай в сопровождении ангелов. Блейн сразу догадался, кто позировал художнику.

— Рейли!

— Это его Дворец смерти, — кивнул Смит.

— Как ты догадался, что меня преследует именно Рейли?

— Ты сам мог бы додуматься до этого. За последнее время умерли всего два человека, с которыми ты был знаком. Призрак явно не был Реем Мелхиллом. Значит, оставался один Рейли.

— Но почему он преследовал меня?

— Не знаю, — ответил Смит. — Может быть, он тебе сам ответит.

Блейн посмотрел на стены. На них мозаикой были выложены кресты, полумесяцы, звезды и свастики, а также индийские, африканские, арабские, китайские и полинезийские символы счастья. Повсюду на пьедесталах стояли статуи древних богов. Блейн узнал изображения Зевса, Аполлона, Дагона, Одина и Астарты. Перед каждым пьедесталом находился алтарь, а на каждом алтаре лежал ограненный и отшлифованный драгоценный камень.

— Зачем все это? — удивился Блейн.

— Чтобы умилостивить богов.

— Но весь жизнь после смерти подтверждена наукой.

— Мистер Кин объяснил мне, что наука никак не влияет на суеверия, — заметил Смит. — Рейли не сомневался, что останется жив после смерти, однако решил не рисковать. Кроме того, мистер Кин говорил, что очень богатые, равно как и крайне религиозные, люди не хотят жить на том свете с кем попало. Они считают, что, прибегая к соответствующим обрядам и жертвоприношениям, сумеют попасть в более привилегированную часть потустороннего общества.

— А разве такая существует? — спросил Блейн.

— Это никому не известно, но кое-кто верит.

Смит провел Блейна по комнате к резной двери, украшенной египетскими иероглифами и китайскими идеограммами.

— За дверью находится тело Рейли, — сказал Смит.

— Мы войдем туда?

— Да, придется.

Смит открыл дверь. Блейн увидел огромное помещение с мраморными колоннами. В центре его на возвышении стоял бронзовый гроб, инкрустированный золотом и драгоценными камнями. Вокруг в невероятном количестве размещались самые разные предметы: картины и скульптуры, музыкальные инструменты, барельефы, а также стиральные машины, газовые плиты, холодильники и даже целый вертолет. Тут были книги, одежда и стол, накрытый для роскошного банкета.

— Зачем такой склад?

— Все эти вещи должны сопровождать их хозяина в потустороннюю жизнь. Таков древний обычай.

Первой реакцией Блейна было сожаление. Потусторонняя жизнь, подтвержденная и доказанная наукой, не освободила людей от страха смерти, как этого следовало ожидать. Наоборот, их неуверенность в будущем усилилась, и возросло желание конкурировать друг с другом. Несмотря на гарантию потусторонней жизни, люди хотели улучшить ее, насладиться раем, более совершенным, чем у других. Равенство — это прекрасно, но личная инициатива намного важнее. Идеальное и бесстрастное уравнивание людей в потусторонней жизни не устраивало их точно так же, как и на Земле. Стремление выделиться, превзойти остальных заставило Рейли построить себе гробницу, напоминающую усыпальницы фараонов в Древнем Египте, вынуждало всю жизнь мрачно думать о смерти и непрерывно искать способы сохранить свое богатство и престиж в туманной неизвестности будущего.

Досадно. «И все-таки, — подумал Блейн, — не основывается ли это сожаление на том, что я не верю в эффективность мер, предпринятых Рейли? Предположим, что можно будет улучшить свое положение в потусторонней жизни. В этом случае разве не лучше потратить земную жизнь на то, чтобы создать для себя наилучшие условия в предстоящей вечности?»

Суждение казалось разумным, но Блейн не хотел верить в него. Ведь это не может на самом деле быть единственной причиной для человеческой жизни на Земле! Хорошая или плохая, благородная или нет, жизнь должна иметь смысл сама по себе.

Смит медленно вошел в погребальную камеру, и Блейну пришлось прервать размышления. Зомби остановился, внимательно разглядывая маленький столик, уставленный предметами искусства, затем равнодушно пнул его, тот опрокинулся. И тогда аккуратно, одну за другой, он принялся разбивать и топтать вещи на полированном мраморном полу.

— Что ты делаешь? — воскликнул Блейн.

— А ты хочешь, чтобы полтергейст оставил тебя в покое?

— Конечно.

— Тогда нужно убедить его в необходимости этого, — произнес Смит и сбросил на пол изящную статуэтку из черного дерева.

Блейну такая мысль показалась достаточно разумной. Даже призрак не может не понимать, что он когда-нибудь покинет пороговое пространство и переселится в потустороннюю жизнь. И когда это совершится, он, разумеется, будет полагать, что его имущество поджидает хозяина в целости и сохранности. Вот почему следует расплачиваться с ним той же монетой, на преследование отвечать преследованием.

И все-таки Блейн почувствовал себя дикарем, когда снял со стены картину, написанную маслом, и приготовился пробить холст кулаком.

— Не делайте этого, — раздался голос над головой.

Блейн и Смит взглянули вверх. Над ними парило что-то похожее на прозрачный серебристый туман. Из облачка донесся слабый голос:

— Пожалуйста, не троньте картину.

— Вы — Рейли? — спросил Блейн, не выпуская картину из рук.

— Да.

— Почему вы преследуете меня?

— Да потому, что вы виноваты во всем! Именно вы во всем виноваты! Да-да, вы убили меня своим сознанием убийцы! Кто же еще, как не вы, чудовище из прошлого, проклятый монстр!

— Я не убивал вас! — воскликнул Блейн.

— Нет, именно вы убили меня! Вы — не человек! Все сторонятся вас, кроме вашего приятеля-мертвеца! Почему вы не умерли, убийца?

Блейн замахнулся.

— Нет! — послышался пронзительный вопль.

— Вы оставите меня в покое? — спросил Блейн.

— Прошу вас, положите картину, — взмолился Рейли.

Блейн бережно опустил картину.

— Хорошо, я согласен, — ответил Рейли. — Почему бы и нет? Есть вещи, которых вы не видите, Блейн, зато я вижу их хорошо. Ваше пребывание на Земле будет непродолжительным, весьма непродолжительным. Вас предадут те, кому вы верите, а те, кого ненавидите, одержат победу. Вы умрете, Блейн, но не через несколько лет, а очень скоро, гораздо скорее, чем вы думаете. Вас предадут, и вы умрете от собственной руки, покончите с собой!

— Вы сошли с ума! — крикнул Блейн.

— Неужели? Неужели? — хихикнул Рейли. — Неужели?

Серебристое облачко рассеялось. Рейли исчез.

Смит вывел его на улицу по узким запутанным коридорам. Было холодно, и наступающий рассвет уже окрасил высокие здания в розовые и серые тона.

Блейн хотел поблагодарить Смита, но тот покачал головой.

— Не стоит благодарности. В конце концов, Блейн, ты мне нужен. На что я мог бы рассчитывать, если бы полтергейст убил тебя? Будь осторожен, береги себя. Без тебя у меня не останется никакой надежды.

Зомби посмотрел на Блейна с тревогой, затем пошел прочь. Блейн глядел на удалявшуюся фигуру Смита, думая о том, что, пожалуй, лучше иметь дюжину врагов, чем такого друга, как Смит.

Глава 21

Через полчаса он вошел в квартиру Мэри Торн. Мэри, заспанная, ненакрашенная, в домашнем халате, повела его в кухню и заказала автоматическому повару кофе, жареный хлеб и яичницу.

— Почему бы тебе, — сказала она, — не появиться в более подходящее время, не так неожиданно. Сейчас половина седьмого утра!

— Постараюсь исправиться, — добродушно пообещал Блейн.

— Ты обещал позвонить. Что с тобой приключилось?

— А ты беспокоилась?

— Я? Ничуть! Итак, что произошло?

Откусывая хлеб и запивая его кофе, Блейн рассказал девушке про охоту, про то, как его преследовал призрак и как от него удалось избавиться. Мэри внимательно слушала.

— Судя по всему, ты гордишься собой, — произнесла она наконец, — и, пожалуй, у тебя есть для этого основания. Но тебе по-прежнему неизвестно, что хочет от тебя Смит, ты даже не знаешь, кто он такой.

— Действительно, я не имею об этом ни малейшего представления, — признался Блейн. — Но и Смит не знает этого. Откровенно говоря, все это мало меня беспокоит.

— А что случится, когда он узнает?

— Вот когда это случится, тогда я и буду беспокоиться.

Мэри удивленно подняла брови, но промолчала.

— Том, каковы твои планы на ближайшее будущее?

— Собираюсь искать работу.

— Охотника?

— Нет. Тебе это может показаться нелогичным, но я попытаюсь устроиться в фирму, занимающуюся проектированием и строительством яхт. После этого вернусь и побеспокою тебя в более подходящее время. Как тебе нравится мой план?

— Мне он представляется неосуществимым. Хочешь выслушать хороший совет?

— Нет.

— Тем не менее я дам его тебе. Том, уезжай из Нью-Йорка, и как можно дальше. Постарайся добраться до Фиджи или Самоа.

— Но почему?

Мэри расхаживала по кухне, пытаясь успокоиться.

— Ты просто не понимаешь этот мир.

— Мне кажется, что понимаю.

— Нет! Том, ты столкнулся с несколькими типичными случаями и приобрел небольшой опыт, вот и все. Это значит, что тебе удалось освоиться в нашем обществе. Что ты пережил? Тебя похитили, ты подвергся преследованию духа и принял участие в охоте. Но все это — в смысле приобретения опыта — не выходит за рамки туристической прогулки. Рейли был прав: ты такой же беспомощный и невежественный, как пещерный человек в твоем 1958 году.

— Это смехотворное сравнение, и оно мне не нравится.

— Хорошо, пусть это будет китаец из четырнадцатого века. Предположим, этот гипотетический китаец встретит гангстера, совершит поездку на автобусе и побывает на Кони-Айленд. Неужели ты скажешь, что он понял Америку двадцатого века?

— Нет, конечно. Но я не понимаю смысла твоих слов.

— Смысл, — сказала Мэри, — заключается в том, что здесь ты в опасности и даже не можешь предугадать, откуда она тебе угрожает, что из себя представляет и как быстро придет. Начать с того, что тебя преследует этот проклятый Смит. Далее, наследники Рейли могут возмутиться, что ты осквернил гробницу, и принять какие-то меры против тебя. А управляющие «Рекса» все еще спорят о том, как поступить с тобой. Ты изменил ситуацию, нарушил ее. Неужели ты не понимаешь этого?

— Со Смитом я разберусь, — ответил Блейн. — На наследников Рейли мне наплевать. Что касается управляющих «Рекса», я не знаю, что они могут предпринять против меня.

Мэри подошла к нему и обняла за шею.

— Том, — серьезно произнесла девушка, — любой человек, родившийся в наше время и оказавшийся на твоем месте, не терял бы ни секунды и спасался бегством!

Блейн прижал ее к себе и погладил гладкие темные волосы. «Она любит меня и хочет спасти, желает добра», — подумал он. Но Блейну не хотелось выслушивать предостережения. Ему удалось пережить опасности охоты, пройти через железную дверь в подземный мир и, одержав победу, снова вернуться в свет дня. И вот теперь, сидя в кухне Мэри Торн, залитой солнечным светом, он испытывал чувство эйфории и полное умиротворение. Опасность казалась ему академической проблемой, бесконечно далекой, не заслуживающей в данный момент серьезного внимания, а идея бежать из Нью-Йорка — просто абсурдной.

— Скажи, — с улыбкой спросил он, — среди всего того, во что я вмешался, есть и твоя жизнь?

— Меня, по-видимому, уволят — если тебя интересует именно это.

— Нет, меня интересует другое.

— В этом случае ответ должен быть тебе известен... Том, ты уедешь из Нью-Йорка? Я тебя очень прошу.

— Нет, не уеду. И не устраивай паники.

— Боже мой, — вздохнула девушка, — мы говорим на одном языке, но ты не хочешь понять меня. Ты просто не понимаешь. Позволь объяснить все это на примере. — Мэри задумалась. — Допустим, у человека есть парусная яхта...

— А ты ходишь под парусом? — спросил Блейн.

— Да, я люблю ходить на яхте. Не перебивай меня, Том! Допустим, у человека есть парусная яхта, на которой он собирается совершить путешествие по океану...

— По морю жизни, — не удержался Блейн.

— Совсем не смешно, — отрезала она. В это мгновение Мэри выглядела очень привлекательной и серьезной. — Однако он совершенно не разбирается в яхтах. Он видит, что его яхта на плаву, хорошо покрашена и все на месте. Ему и в голову не приходит мысль об опасности. Затем яхту осматриваешь ты и видишь, что шпангоуты потрескались, руль изъеден червями-древоточцами, в шпоре мачты гниль, паруса покрылись плесенью, болты, крепящие киль, проржавели и крепления вот-вот развалятся.

— Откуда ты так много знаешь о яхтах? — удивился Блейн.

— Я ходила на яхтах с самого детства. Ты можешь выслушать меня? Затем ты говоришь владельцу, что его яхта непригодна для плавания и пойдет ко дну при первом шторме.

— Когда-нибудь мы походим с тобой на яхте, — сказал Блейн.

— Но этот человек, — упрямо продолжала девушка, — совсем не разбирается в яхтах. Он знает одно: яхта выглядит отлично. Но самое главное заключается в том, что ты не можешь точно сказать ему, что с ней произойдет и когда ее постигнет катастрофа. Возможно, яхта продержится месяц или даже целый год, а может быть, пойдет ко дну уже через неделю. Может быть, сначала отвалится киль или, возможно, рухнет мачта. Ты просто не знаешь этого. И в данном случае ситуация аналогична. Я не могу сказать тебе, что случится и когда. Я просто знаю, что тебе угрожает опасность. Ты должен уехать из города!

Мэри посмотрела на него с надеждой. Блейн кивнул.

— Из тебя выйдет отличный член экипажа, — сказал он.

— Значит, ты отказываешься уезжать?

— Отказываюсь. Я не спал всю ночь. Если я куда и отправлюсь, так это в постель. Ты не хочешь составить компанию?

— Иди к черту!

— Ну пожалуйста, милая. Где твоя жалость к бездомному скитальцу из прошлого?

— Мне надо уходить, — ответила Мэри. — Можешь располагаться в спальне. И подумай о том, что я тебе сказала.

— Обязательно, — кивнул Блейн. — Вот только зачем мне беспокоиться, когда ты присматриваешь за мной?

— И Смит тоже, — напомнила девушка. Она быстро поцеловала его и вышла из комнаты.

Блейн позавтракал и лег спать. Проснулся он уже к вечеру. Мэри еще не вернулась, поэтому, прежде чем уйти, он написал ей записку, где указал адрес своего отеля.

В течение нескольких следующих дней он посетил почти все фирмы в Нью-Йорке, занимающиеся проектированием и строительством яхт, но безуспешно. Его бывшей фирмы — «Мэттисон и Питерс» — уже давно не существовало, а остальные не проявили к нему интереса. Наконец ему повезло. Главный конструктор фирмы «Джейкобсен Яхтс, лимитед» долго расспрашивал Блейна о давно не строящихся рыбацких баркасах, распространенных в прошлом на Багамских островах и в районе Чесапикского залива. Блейн продемонстрировал глубокое знание вопроса и знакомство с подобными классами судов, а также искусство черчения, ныне утраченное.

— Время от времени к нам обращаются с запросами относительно старинных судов, — сказал ему главный конструктор. — Я предлагаю вам следующее. Мы возьмем вас на работу в качестве рассыльного. Вы будете чертить классические типы корпусов за комиссионные, а в свободное время — овладевать современным конструированием, потому что, откровенно говоря, вы несколько подотстали в этой области. Когда выучитесь, мы повысим вас. Согласны?

Это была низкая должность, но это была работа, настоящая работа с перспективой продвижения. Это означало, что Блейн наконец обрел свое место в мире 2110 года.

— Я согласен, — произнес он, — и очень вам благодарен.

Этим же вечером, празднуя успех, он отправился в сенсорный магазин, чтобы купить плейер и несколько записей. «Наконец-то, — решил Блейн, — я имею право на маленькую роскошь».

Сенсорные записи были так же неотделимы от 2110 года, так как популярны и вездесущи, как телевизоры во времена Блейна. Самые сложные и крупные записи использовались для театральных представлений, а их вариации применялись для рекламы и пропаганды. Они были наиболее распространенной и самой мощной формой «грез наяву», причем на любой вкус.

Однако у сенсорных записей были громогласные противники, выражавшие сожаление по поводу зловещей тенденции к полной пассивности зрителей. Критиков беспокоила излишняя легкость, с которой человек мог усваивать любую сенсорную запись; многие домохозяйки постоянно ходили с невидящими взглядами, превращаясь в неких наркоманов, все время находящихся в мире ярких сенсорных образов.

При чтении или у телевизора, напоминали критики сенсорных программ, человек участвовал в действии, происходящем на страницах книги или на экране, тогда как сенсорные записи просто

поглощают вас — яркие, ослепительные, незаметно обволакивающие грезы, оставляющие разрушительное шизофреническое впечатление, что они лучше и приятнее жизни. Это недопустимо, говорили критики, даже если так оно и есть. Сенсорные записи опасны, предупреждали они. Справедливости ради следует заметить, что в сенсорном изображении было запечатлено и несколько настоящих актерских работ (ведь нельзя не принимать во внимание Веррехо, Джонстона, Телькена, да и Миккельсон подает большие надежды). Однако подавляющее большинство сенсорных записей не отличалось высоким качеством. К тому же — разрушительное воздействие на психику, развращение общественных вкусов, движение в сторону полной пассивности...

Уже в грядущем поколении, громогласно заявляли критики, люди потеряют способность к чтению, мышлению или принятию решений!

Аргумент был действительно весомый. Однако Блейн, имеющий за плечами перспективу продолжительностью в сто пятьдесят два года, помнил, что аналогичные споры велись в связи с появлением и распространением радио, кино, комиксов, телевидения и дешевых книг в бумажных обложках. Даже любимые всеми романы подвергались когда-то жестокой критике за отклонение от классических принципов чистой поэзии. Всякое нововведение, казалось, вело сначала к уничтожению культуры, а затем превращалось в ее главный элемент, воплощение добрых старых дней, дух Золотого века, находящийся под угрозой уничтожения со стороны очередного нововведения.

Сенсорные записи, нравится это или нет, уже вошли в обиход. Блейн решил отдать им должное.

Осмотрев различные модели, Блейн остановился на недорогом плейере марки «Бендикс». Затем с помощью продавца он выбрал три записи, пользовавшиеся спросом, и отправился в кабину для прослушивания. Там он прикрепил ко лбу электроды и включил первую запись.

Это было историческое повествование, в высшей степени романтический пересказ «Песни о Роланде», выполненный в низкоинтенсивной технике стороннего наблюдателя, что давало возможность воспроизвести масштабные сцены битвы и массовые сцены. Повествование началось.

...Блейн оказался в Ронсевальском ущелье, в то жаркое роковое утро августа 778 года, вместе с арьергардом отряда Роланда, наблюдая, как главные силы армии Карла Великого медленно удаляются в сторону Франции. Усталые ветераны, сутулясь, сидят в своих седлах с высокими луками, скрипит кожа, звенят шпоры, ударяясь о бронзовые стремена. В воздухе пахнет смолой и потом,

едва ощущается запах дыма со стороны сожженной Памплоны, смазанной маслом стали и сухой летней травы...

Блейн решил купить запись. Следующая запись воспроизводила сцены стремительной погони на Венере, полной напряжения, в которой слушатель полностью отождествлялся с преследуемым, ни в чем не виноватым человеком. Наконец, последняя запись представляла собой версию романа «Война и мир» с переменной интенсивностью воспроизведения и отдельными сценами, где слушатель отождествлялся с героями.

Когда Блейн расплачивался за покупки, продавец подмигнул и спросил:

— Вас интересуют по-настоящему крутые записи?

— Может быть, — осторожно ответил Блейн.

— У меня есть великолепные групповые записи, — сообщил продавец, — с абсолютным отождествлением и полным переключением сознания. Не интересует? Подлинная запись — волосы становятся дыбом. Человек умирает в зыбучих песках. Убийцы сделали эту запись специально для любителей такого жанра.

— В следующий раз, — произнес Блейн и направился к выходу.

— Кроме того, — сказал вдогонку продавец, — имеется специальная запись, сделанная законным образом, но не пущенная в продажу. Несколько экземпляров тайно распространяются среди ценителей. Человек из прошлого заново рождается в нашем времени. Гарантированная подлинность.

— Неужели?

— Уверяю вас, запись уникальна. Эмоции передаются чисто, как звон колокола, тонко, словно лезвие бритвы. Лишь настоящий коллекционер может оценить ее по достоинству. Уверен, что эта запись станет классической.

— Хотелось бы прослушать, — мрачно произнес Блейн.

Он взял запись, не отмеченную никакой этикеткой, и прошел в кабину. Через десять минут он вернулся, заметно потрясенный, и купил ее за баснословную цену. Ему казалось, что он покупает частицу самого себя.

Продавец и техники из корпорации «Рекс» оказались правы. Запись действительно станет классической, и коллекционеры будут охотиться за ней.

К сожалению, там были стерты все имена, чтобы полиция не смогла определить источник. Блейн стал знаменитостью — но совершенно анонимной.

Глава 22

Блейн каждый день ходил на работу, подметал пол, выбрасывал мусор из корзин, писал адреса на конвертах и за отдельную плату изредка проектировал старинные корпуса яхт. Вечерами он овладевал сложным искусством конструирования парусных яхт

двадцать второго века. Через некоторое время ему начали поручать иные задания: он писал рекламные объявления. В этой области Блейн продемонстрировал немалые способности и продвинулся по службе — стал младшим конструктором. Теперь почти все контакты между «Джейкобсен Яхтс, лимитед» и различными фирмами, строящими яхты по проектам компании, осуществлялись через Блейна.

Он продолжал учиться, но заказов на старинные корпуса было немного. Большинство стандартных яхт конструировали братья Джейкобсен, а старик Эд Рихтер, известный под прозвищем Салемский волшебник, создавал проекты уникальных гоночных судов и многокорпусных катамаранов. Блейн взял на себя рекламу и переписку, так что времени для других дел не оставалось.

Это была ответственная и необходимая работа, но далекая от конструирования яхт. Его жизнь в 2110 году становилась как две капли воды похожей на ту, прежнюю, в 1958 году.

Блейн задумался над этим. С одной стороны, создавшееся положение радовало его, поскольку раз и навсегда разрешился конфликт между его сознанием и приобретенным телом.

С другой стороны, ситуация не слишком уж высоко характеризовала качество этого сознания. Ведь он был человеком, который перенесся на 152 года в будущее, прошел через ужасы и чудеса — и теперь, покорившись страшной неизбежности, снова превратился в младшего конструктора яхт, который занимается чем угодно, только не проектированием судов. Неужели в его характере скрывается какой-то фатальный дефект, обрекающий на неполноценность независимо от положения, в которое он попадает?

Блейн уныло подумал о том, что если бы судьба забросила его в прошлое, на миллион лет назад, в общество пещерных людей, то он, немного освоившись в новом окружении, обязательно стал бы младшим конструктором челноков. Но только не настоящим конструктором. Его обязанности заключилась бы в учете ожерелий из ракушек, проверке качества древесных стволов и налаживании связей с поставщиками, а когда понадобилась бы настоящая работа, то ею занялся бы кто-то другой, какой-нибудь неандертальский гений.

Подобные мысли угнетали его. К счастью, на эту проблему можно взглянуть и с другой стороны. Неизбежное возвращение Блейна к своей прежней должности можно истолковывать и как великолепный пример моральной стабильности, человеческой настойчивости. Он знал, кто он такой и на что способен. И не важно, в какое окружение он попадал, — верность профессии оставалась неизменной. Так что с такой точки зрения Блейну следовало гордиться, что он всегда и везде был младшим конструктором яхт.

Блейн продолжал свою работу в фирме «Джейкобсен Яхтс, лимитед», колеблясь между этими двумя точками зрения. Раз или два он встречался с Мэри, но обычно она была занята на совещаниях

управляющих корпорацией «Рекс». Он переехал из отеля в небольшую, со вкусом обставленную квартиру. Нью-Йорк превращался в знакомый город.

«По крайней мере, — напоминал себе Блейн, — мне удалось решить проблему отношений между сознанием и новым телом».

Впрочем, сбрасывать со счетов запросы тела не следовало. Блейн вскоре убедился в том, что упустил из виду одну из проблем, связанных с обладанием таким сильным, красивым и в высшей степени темпераментным телом, как у него. Наступил момент, когда конфликт между сознанием и телом вспыхнул снова, причем сильнее, чем когда-либо.

Он ушел с работы в обычное время и ждал на углу гелибус. Стоявшая поблизости молодая женщина пристально смотрела на него. Ей было лет двадцать пять. Скромно одетая, привлекательная, с пышной грудью и рыжими волосами, лицо решительное, но какое-то грустное.

Блейн вспомнил, что несколько раз мельком видел ее, но никогда не обращал особого внимания. Да, верно, однажды они вместе ехали в гелибусе. В другой раз женщина вошла в магазин следом за ним. Кроме того, она несколько раз проходила мимо здания фирмы, когда он выходил после работы.

Женщина определенно следила за ним, причем, по-видимому, уже несколько недель. Зачем?

Он посмотрел ей в лицо. Женщина на мгновение заколебалась, затем подошла.

— Мне хотелось бы поговорить с вами, — сказала она. У нее был низкий приятный голос, и чувствовалось, что она нервничает. — Прошу вас, мистер Блейн. Это очень важно.

Значит, она знает его имя.

— Разумеется, — ответил Блейн. — Что вас интересует?

— Не на улице. Мы не могли бы... пойти куда-нибудь?

Блейн усмехнулся и отрицательно покачал головой. Казалось, женщина не представляет никакой опасности, но ведь и Орк выглядел дружелюбным. Доверять незнакомцам в этом мире — значило подвергнуться риску утратить сознание, или тело, или то и другое одновременно.

— Я не знаю вас, — сказал он. — Как вы узнали мое имя? Если вы хотите что-то сказать мне, говорите прямо здесь.

— Мне не следовало вас беспокоить, — грустно произнесла женщина, — но я просто не могла удержаться. Иногда чувствуешь себя такой одинокой. Вы меня понимаете?

— Одинокой? Действительно, такое и со мной бывает. Это и есть причина, почему вам захотелось поговорить со мной?

— Ну конечно, вы ничего не знаете. — В голосе женщины звучала печаль.

— Не знаю, — терпеливо согласился Блейн. — О чем речь?

— Мне не хочется говорить об этом на улице. Неужели нельзя куда-нибудь пойти?

— Нет, — покачал головой Блейн. — Вам придется говорить здесь. — Он чувствовал, что его снова втягивают в какую-то сложную игру.

— Ничего не поделаешь, — смущенно заметила женщина. — Я следила за вами, мистер Блейн, длительное время. Узнала, как вас зовут и где вы работаете. Мне нужно было встретиться с вами. Это касается вашего тела.

— Что?

— Да, вашего тела. — Она отвела взгляд в сторону. — Видите ли, оно принадлежало моему мужу — до того, как он продал его корпорации «Рекс».

Блейн изумленно открыл рот, но не сумел вымолвить ни слова.

Глава 23

Блейн знал, что перед тем, как попасть к нему, его тело жило в этом мире собственной жизнью. Оно совершало поступки, принимало решения, любило, ненавидело, занимало свое место в обществе и сплетало собственную, очень сложную и стойкую паутину взаимоотношений. Блейн предполагал, что в прошлом его тело могло иметь жену — большинство тел были женаты. Однако он предпочитал не думать об этом. Блейн старался убедить себя в том, что все, касающееся предыдущего владельца тела, благополучно исчезло.

Встреча с новым обладателем тела Рея Мелхилла должна была бы убедить его, как наивны такие попытки. И вот теперь, хотел он этого или нет, ему пришлось задуматься над этой проблемой.

Они пришли к Блейну домой. Женщина — Алиса Кранч — робко села на край дивана и закурила предложенную Блейном сигарету.

— Вышло так, — сказала она, — что Фрэнк — так звали моего мужа, Фрэнк Кранч, — был все время недоволен положением вещей, понимаете? Он неплохо зарабатывал как охотник, но был постоянно недоволен.

— Он был охотником?

— Да, копьеносцем в китайских играх.

— Вот как? — пробормотал Блейн, задумываясь над тем, что заставило его принять участие в той охоте. Его собственные желания или дремлющие рефлексы Кранча? Неприятно, что уже после того, как ты решил, казалось, проблему взаимоотношений сознания и тела, она снова возникает.

— Да, он был постоянно недоволен, — повторила Алиса Кранч. — Это стало его больным местом. Он все время ворчал, что богачи умирают и остаются живы после смерти в потусторонней жизни.

Фрэнк всегда говорил, что умрет как собака, и это ему не нравилось.

— Я понимаю, — кивнул Блейн.

Женщина пожала плечами.

— А что поделаешь? Фрэнк не мог заработать достаточно денег, чтобы купить страховку на потустороннюю жизнь, поэтому не переставал беспокоиться. Затем его тяжело ранили — огромная рана на плече, он едва не умер. У вас, наверное, есть шарм?

Блейн кивнул.

— Так вот, после этого Фрэнк так и не сумел оправиться. Охотники обычно не думают о смерти, а вот он начал все время думать о ней. И тут встретил эту тощую девку из «Рекса».

— Мэри Торн?

— Да, ее, — ответила Алиса. — Она была тощей, жестокой до бесчувственности и холодной как рыба. Не понимаю, что он в ней нашел. Он, конечно, баловался с девицами, все охотники это себе позволяют. Чтобы расслабиться, понимаете. Однако баловство баловством, а тут Фрэнк и эта девка из «Рекса» прямо-таки не расставались. Я так и не поняла, чем она ему понравилась. Знаете, она была такой тощей и лицо с кулачок. В общем-то ничего, если вам нравятся такие худые, но мне казалось, что она и спит, не раздеваясь.

Блейн кивнул, смутно чувствуя какую-то боль.

— Продолжайте.

— Ну что ж, о вкусах не спорят, но я считала, что знаю своего Фрэнка. Оказалось, действительно знаю, потому что он ничего такого с ней не имел — это были чисто деловые отношения. И вот однажды он пришел домой и сказал: «Беби, я ухожу. Отправляюсь в путешествие, в потустороннюю жизнь. И тебе оставляю немалую сумму». — Алиса вздохнула и вытерла слезы. — Этот кретин продал свое тело! «Рекс» дал ему страховку для жизни после смерти, а я получила пожизненную пенсию. Он так этим гордился! Я стала уговаривать его, из кожи вон лезла, надеялась, что он передумает. Куда там, он решил, что ему выпала редкая возможность. Он считал, что его черед настал и во время следующей охоты ему конец. В общем, он отправился в потустороннюю жизнь. Один раз даже говорил со мной из пороговой зоны.

— Он все еще там? — спросил Блейн. По его спине побежали мурашки.

— Вот уже больше года от него ничего не слышно, — ответила Алиса, — так что он, наверное, уже переселился в потустороннюю жизнь. Мерзавец!

Она заплакала, потом вытерла слезы крошечным платком и грустно взглянула на Блейна.

— Я не хотела беспокоить вас. В конце концов, это тело принадлежало Фрэнку, он мог поступить с ним как угодно и продал

его. Теперь оно ваше. У меня нет никаких претензий к вам. Но мне так грустно, так одиноко.

— Понимаю, — пробормотал Блейн.

Да, эта женщина совсем не в его вкусе. Говоря по правде, она привлекательна. Симпатичная, хотя и полновата. Приятные черты лица, смелые и резко очерченные, румянец. Волосы рыжие, хоть и не от природы, спускаются на плечи мягкими волнами. Блейн представил себе, как эта женщина, подбоченившись, ругается с полицейским; тянет рыбачью сеть; танцует под гитару фламенко; гонит коз по горной тропинке, длинная юбка облепляет широкие бедра на ветру, крестьянская блузка обтягивает пышную грудь...

И все-таки в ней нет утонченности.

«Однако, — напомнил себе Блейн, — она была во вкусе Фрэнка Кранча, а теперь его тело принадлежит ему, Блейну».

— Большинство наших друзей, — продолжала Алиса, — были охотниками в китайских играх. Вскоре после того как Фрэнк покинул меня, они начали наведываться. Но вы ведь знаете, у охотников одно на уме...

— Неужели? — спросил Блейн.

— Да. И тогда я уехала из Пекина обратно в Нью-Йорк, туда, где родилась. И вдруг встречаю Фрэнка — я имею в виду вас. Чуть не упала в обморок. Мне, конечно, следовало ожидать этого, но все-таки испытываешь потрясение, увидев, как навстречу идет тело твоего мужа.

— Да, конечно, — согласился Блейн.

— Поэтому я и стала следить за вами и все такое. Я не хотела беспокоить вас, но никак не могла прийти в себя. И мне стало интересно, что вы за человек... видите ли, Фрэнк был такой... понимаете, мы с ним жили дружно, нам было так хорошо вместе — вы понимаете меня?

— Конечно, — кивнул Блейн.

— Вы, наверное, считаете мое поведение ужасным!

— Ничуть! — ответил Блейн.

Алиса посмотрела ему в глаза, выражение ее лица было грустным и одновременно кокетливым. Блейн почувствовал, как начал пульсировать старый шрам Кранча.

Но ведь Кранча больше нет. Теперь все принадлежит Блейну — желания, вкус, поступки...

Разве не так?

Эту проблему надо решить раз и навсегда, подумал он, обнимая полную желания Алису и целуя ее с жаром, совсем не свойственным Блейну.

Утром она приготовила ему завтрак. Блейн сидел и смотрел в окно. В голове бродили невеселые мысли.

Прошлая ночь убедительно доказала, что Кранч все еще рас-

поряжался в своем бывшем теле и захватил контроль над сознанием Блейна, потому что ночью Блейн был совсем не похож на себя. Он был груб, жесток, яростен и ненасытен. Он стал таким, каким никогда не был раньше, и его страсть граничила с безумием.

Это был не Блейн, а Кранч, хозяин своего тела.

Блейн высоко ценил утонченность, деликатность, разнообразие оттенков чувств. Может быть, даже излишне высоко. Но это были его достоинства, черты индивидуальности, присущие лишь ему. Владея ими, он оставался Томасом Блейном. Утратив их, он превратился в ничтожество, в тень вечно торжествующего Кранча.

Он мрачно думал о будущем. Придется отказаться от борьбы, стать тем, кем требовало его тело: бойцом, драчуном, похотливым бродягой. Возможно, со временем он привыкнет к этому, и ему даже понравится...

— Завтрак готов! — объявила Алиса.

Они ели молча, и Алиса грустно касалась синяка на руке. Наконец Блейн не выдержал.

— Послушай, — сказал он, — прости меня.

— За что?

— За все.

Алиса грустно улыбнулась.

— Все в порядке. Это я во всем виновата.

— Сомневаюсь. Передай мне масло, пожалуйста.

Она передала ему масленку. За столом на несколько минут воцарилась тишина.

— Я так глупо вела себя, — сказала Алиса.

— Почему ты так считаешь?

— Теперь я понимаю, что погналась за неосуществимой мечтой, — объяснила она. — Мне казалось, что я смогу вернуть себе Фрэнка. Видите ли, мистер Блейн, вообще-то я совсем не такая. Меня просто не оставляла надежда, что с вами мне будет так же хорошо, как с Фрэнком.

— А оказалось не так?

— Нет, не так, — покачала головой женщина.

Блейн осторожно поставил чашку с кофе на стол.

— По-видимому, Кранч был грубее меня, — сказал он. — Он, наверное, швырял тебя о стенку, как мяч. Думаю, что...

— Нет, никогда! — воскликнула Алиса. — Никогда! Мистер Блейн, Фрэнк был охотником, и его жизнь была нелегкой, но со мной он всегда вел себя как джентльмен. Он был хорошо воспитан, мой Фрэнк.

— Неужели?

— Да! Фрэнк обходился со мной нежно, мистер Блейн. Он был деликатным — вы понимаете, что я имею в виду? Он никогда, никогда не был грубым. Говоря по правде, мистер Блейн, он был полной противоположностью вам.

— Ах вот как?

— Я не хочу сказать, что ваше поведение было каким-то ненормальным, — поспешно сказала Алиса. — Просто вы немного грубоваты, но в этом нет ничего необычного. Кому что нравится, мистер Блейн.

— Это верно, пожалуй, — согласился Блейн. — Действительно, о вкусах не спорят.

Завтрак они заканчивали в неловком молчании. Алиса, освободившись от своей идефикс, быстро ушла, даже не намекнув о новой встрече. Блейн сидел в большом кресле, смотрел в окно и думал.

Итак, он совсем не похож на Кранча!

Печальная истина заключалась в том, что он вел себя так, как полагал, должен вести себя Кранч. Его поведение было продиктовано чистым самовнушением. Он убедил себя, что сильный, грубый мужчина, привыкший жить среди природы, обязательно должен обращаться с женщиной, как дикий медведь.

Он действовал по стереотипу. Он чувствовал бы себя еще глупее, если бы его не охватило облегчение при мысли о возвращении Блейна.

Вспомнив слова Алисы о Мэри Торн, он нахмурился. Тощая, жестокая до бесчувственности, холодная как рыба. Еще один стереотип.

Однако он вряд ли смеет осуждать Алису.

Глава 24

Через несколько дней Блейну сообщили, что в Духовном коммутаторе его ждет сообщение. Он пошел туда после работы, и его отправили в ту же комнату, в которой он был раньше.

— Привет, Том, — донесся из громкоговорителя голос Мелхилла, усиленный радиоаппаратурой.

— Здравствуй, Рей. Я все думал, куда же ты исчез.

— Я все еще в пороговой зоне, — сообщил Мелхилл, — но скоро покину ее. Пора идти дальше и посмотреть, какая она, эта потусторонняя жизнь. Меня тянет туда. Но мне хотелось еще раз поговорить с тобой, Том. Мне кажется, что тебе следует остерегаться Мэри Торн.

— Послушай, Рей...

— Я говорю совершенно серьезно. Она проводит много времени в «Рексе». Мне неизвестно, что там происходит, поскольку комнаты, где проводятся заседания, защищены специальными экранами. Но в «Рексе» что-то готовится, и Мэри Торн играет там центральную роль.

— Хорошо, буду настороже, — пообещал Блейн.

— Том, послушайся моего совета — уезжай из Нью-Йорка. Уезжай побыстрее, пока у тебя еще есть тело и сознание, им руководящее.

— Я останусь, — покачал головой Блейн.

— Ты просто упрямый осел, — с чувством произнес Рей Мелхилл. — Какой смысл иметь ангела-хранителя, если ты не прислушиваешься к его советам?

— Я благодарен тебе за помощь. Рей, честное слово, благодарен. Но скажи откровенно, мне действительно будет лучше, если я уеду из Нью-Йорка?

— По крайней мере, можешь надеяться, что проживешь немного дольше.

— Всего лишь? Неужели опасность настолько серьезна?

— Очень серьезна. Том, запомни, не доверяй никому. А сейчас мне пора.

— Мы еще поговорим, Рей?

— Может быть, — донесся голос Мелхилла. — А может быть, и нет. Желаю удачи, дружище.

Беседа закончилась. Блейн пошел домой.

...Следующий день был субботой. Блейн понежился в кровати дольше обычного, приготовил завтрак и позвонил Мэри. Никто не ответил. Он решил в этот день ничего не делать, а только прокрутить сенсорные записи.

Вечером его посетили двое.

Сначала пришла кроткая сгорбленная старушка, одетая в темную униформу. На околыше ее фуражки, похожей на армейскую, была надпись: «Старая церковь».

— Сэр, — произнесла она, чуть задыхаясь, — я собираю пожертвования в пользу старой церкви, стремящейся укрепить истинную веру в эти развратные и безбожные времена.

— Извините меня, — сказал Блейн и попытался закрыть дверь.

Однако старушка уже привыкла, должно быть, что перед ней закрывается множество дверей, и успела протиснуться в образовавшуюся щель, не переставая говорить.

— Молодой господин, этот век вавилонского зверя и разрушения души, век сатаны и его мнимого триумфа. Пусть это не введет вас в заблуждение! Господь всемогущий допустил все это ради проверки и испытания, чтобы отделить зерна от плевел. Опасайтесь искушения! Опасайтесь вступить на путь зла, который лежит перед вами, сияющий и великолепный!

Блейн дал ей доллар, надеясь, что старушка уйдет. Она поблагодарила его, но продолжала говорить:

— Опасайтесь, молодой господин, величайшего искушения сатаны — мнимого рая, который называют потусторонней жизнью! Разве мог обманщик сатана придумать ложь для людей более привлекательную, чем эта самая большая иллюзия, величайший мираж, будто ад стал раем! И многие поддаются на хитроумную приманку, и сами идут в эту ловушку!

— Спасибо, — сказал Блейн, пытаясь закрыть дверь.

— Запомните мои слова! — возопила старуха, пронзив Блейна пристальным взглядом остекленевших голубых глаз. — Потусторонняя жизнь — величайший грех! Остерегайтесь лживых пророков потусторонней жизни!

— Очень вам благодарен!

Наконец Блейну удалось закрыть дверь. Он снова опустился в удобное кресло и включил плейер. Почти час он был поглощен «Полетом на Венеру». Затем снова раздался стук в дверь. Блейн открыл и увидел невысокого, хорошо одетого молодого человека с круглым серьезным лицом.

— Мистер Томас Блейн? — спросил незнакомец.

— Да, это я.

— Мистер Блейн, меня зовут Чарльз Фаррелл, я из корпорации «Потусторонняя жизнь». Мне можно поговорить с вами? Если сейчас неудобно, мы могли бы договориться о встрече в другое время...

— Входите, — сказал Блейн, широко распахнув дверь для пророка потусторонней жизни, посланца сатаны.

Фаррелл оказался деловым, спокойным пророком с тихим убедительным голосом. Сначала он ознакомил Блейна с письмом, написанным на бланке корпорации, в котором удостоверялось, что Чарльз Фаррелл является полномочным представителем «Потусторонней жизни, инк.». В письме приводилось подробное описание внешности Фаррелла, его подпись, и прилагались три заверенные фотографии и отпечатки пальцев.

— А вот мои удостоверения личности, — сказал Фаррелл, открывая бумажник.

Он извлек оттуда права на вождение гелиомобиля, библиотечную карточку, регистрационную карточку избирателя и удостоверение о государственной благонадежности. На отдельном листке специально обработанной бумаги Фаррелл тут же сделал отпечатки пальцев правой руки и передал их Блейку для сравнения с теми, что прилагались к письму.

— Неужели все это необходимо? — удивился Блейн.

— Абсолютно, — заверил его Фаррелл. — В прошлом имели место неприятные случаи. Беспринципные люди часто пытались выдать себя за представителей нашей корпорации, особенно страдали при этом излишне доверчивые и бедные люди. Они предлагали страховку по сниженным ценам, получали деньги и исчезали. Пострадало слишком много людей, которые отдали все, что имели, и ничего не получили взамен. Дело в том, что у этих бесчестных жуликов, даже если они действительно представляют какую-нибудь маленькую страховую компанию с дурной репутацией, нет в распоряжении ни дорогостоящей аппаратуры, ни

квалифицированных техников, что необходимо для таких сложных операций.

— Я не знал этого, — ответил Блейн. — Прошу вас, садитесь.

Фаррелл сел.

— Бюро, занимающиеся улучшением деловых отношений, пытаются бороться с этим. Однако подобные компании быстро перебираются с места на место, и их невозможно обнаружить. Только «Потусторонняя жизнь, инк.» и еще две страховые компании, владеющие государственными лицензиями, в состоянии гарантировать выполнение своих обязательств — жизнь после смерти.

— А как относительно других систем психологической подготовки? — спросил Блейн.

— Я специально не говорил о них, — сказал Фаррелл. — Они относятся к совершенно иной категории. Если у вас достаточно терпения и решимости, то через двадцать — или даже больше — лет напряженного труда вы можете добиться успеха. Если же вы не готовы посвятить этому двадцать лет, то вам понадобится научная помощь и техническое содействие. Вот тут мы и предлагаем свои услуги.

— Мне хотелось бы услышать об этом поподробнее, — заметил Блейн.

Мистер Фаррелл расположился поудобнее.

— Если вы похожи на остальных людей, вам захочется узнать, что такое жизнь? Что такое смерть? Что такое сознание? Как взаимодействуют сознание и тело? Является ли сознание тем же самым, что и душа? Может быть, они независимы друг от друга? Или взаимозависимы, или, возможно, переплетаются? Существует ли вообще такое понятие, как душа? — Фаррелл улыбнулся. — Вы, по-видимому, хотите получить ответы на эти вопросы?

Блейн кивнул, и Фаррелл продолжал:

— Так вот, я не могу ответить на них. Мы просто не имеем ни малейшего представления об этом. По нашему мнению, это религиозно-философские вопросы, отвечать на которые корпорация «Потусторонняя жизнь» даже не пытается. Нас интересуют результаты, а не абстрактное теоретизирование. Мы ориентируемся на медицину, а наш подход является чисто прагматическим. Нас не интересует, как или почему мы добиваемся результатов, равно как и то, насколько странными они бывают. Важно одно — они есть. Это единственное, что нас интересует, — такова наша позиция.

— Да, вы изложили свою точку зрения ясно и недвусмысленно, — заметил Блейн.

— Важно определить ее с самого начала. Позвольте мне объяснить вам еще одну вещь. Не следует думать, что мы предлагаем вам переселение в рай, — это ошибка.

— Да?

— Разумеется, мы не предлагаем ничего подобного! Рай — это религиозное понятие, а мы не имеем никакого отношения к религии. Наша потусторонняя жизнь есть выживание сознания после смерти тела, вот и все. Ничего больше. Мы вовсе не утверждаем, что потусторонняя жизнь — это рай, подобно тому как первые археологи не утверждали, что кости первобытного человека — останки Адама и Евы.

— Перед вами ко мне зашла старушка, — сказал Блейн. — Она сказала, что потусторонняя жизнь — это ад.

— Ах, эта фанатичка... — усмехнулся Фаррелл. — Она следует за мной повсюду. Впрочем, не исключено, что она совершенно права.

— А что вам лично известно о потусторонней жизни?

— Не так уж много, — признался Фаррелл. — Достоверно нам известно лишь следующее: после гибели тела сознание переселяется в зону, которую мы именуем пороговой. Эта зона существует где-то между Землей и потусторонним миром. По нашему мнению, это нечто вроде подготовительной фазы перед непосредственным переходом в потустороннюю жизнь только по собственному желанию.

— Но что представляет собой потусторонняя жизнь?

— У нас нет сведений об этом. Мы считаем, что она не является материальной. Дальше остается только гадать. Существует мнение, что сознание есть сущность тела, и потому субстраты земных вещей, окружавших человека, он может захватить с собой в потустороннюю жизнь. Вполне возможно. Есть и другие точки зрения. Одни считают, что потусторонняя жизнь представляет собой место, где души ждут очереди заново родиться на других планетах, что составляет часть гигантского цикла возрождения. Не исключено, что и это соответствует действительности. Говорят также о том, что потусторонняя жизнь — это всего лишь первый этап постземного существования и что существует еще шесть этапов, и в конце концов душа попадает в нирвану. Может быть. Есть мнение, что потусторонняя жизнь — это колоссальная туманная область, где вы обречены на вечные странствия, которые никогда не приведут к цели. Мне приходилось знакомиться с теориями, которые доказывают, что в потусторонней жизни люди группируются по родственному признаку, тогда как другие утверждают, что они группируются по признакам расы, религии, цвету кожи и социальному положению. Есть люди, полагающие, как вы только что заметили, что потусторонняя жизнь — это преисподняя. Существуют защитники теории иллюзии, считающие, что после того, как сознание покидает пороговую зону, оно просто исчезает. А есть и такие, кто обвиняет нашу корпорацию во лжи. В некоем опубликованном недавно научном труде заявляется, что в потусторонней жизни можно найти все, что пожелаешь, — рай, небеса, Валгалла, зеленые луга — выбирай не хочу.

Говорят и о том, что в потусторонней жизни правят древние божества — боги Гаити, Скандинавии или Бельгийского Конго, в зависимости от теории, которой вы придерживаетесь. Естественно, есть и противоположная точка зрения, что никаких богов там нет. Я читал английскую книгу, где доказывалось, что в потусторонней жизни правят английские духи, русскую — о том, что там господствуют русские, и несколько американских, в которых уверялось, что господство американских духов не подвергается сомнению. В прошлом году была издана книга о том, что в потусторонней жизни господствует анархия. Один видный философ считает, что конкуренция есть закон природы, а потому должна сохраниться и в потусторонней жизни. И тому подобное. Выбирайте любую теорию, которая вам понравится, мистер Блейн, а то придумайте собственную.

— А каково ваше мнение? — спросил Блейн.

— Мое? Я не придерживаюсь никакой точки зрения, — ответил Фаррелл. — Когда придет время, я попаду в потустороннюю жизнь и увижу все собственными глазами.

— Я тоже так считаю, — согласился Блейн. — К сожалению, такой возможности у меня нет. У меня нет денег, чтобы заплатить столько, сколько вы требуете.

— Я знаю, — сказал Фаррелл. — Перед тем как идти к вам, я проверил состояние ваших финансов.

— Тогда почему...

— Каждый год, — произнес Фаррелл, — выделяется несколько бесплатных страховых полисов, обеспечивающих владельцам доступ в потустороннюю жизнь. Средства на это дают филантропы, корпорации и промышленные компании, а несколько полисов распределяется по лотерее. Мистер Блейн, я счастлив сообщить, что вы стали обладателем одного из таких страховых полисов.

— Я?

— Позвольте поздравить вас, мистер Блейн, — сказал Фаррелл. — Вы — счастливец. Вам очень повезло.

— Но кто подарил мне бесплатную страховку?

— Текстильная корпорация «Мэйн Фарбенгер».

— Первый раз о них слышу.

— Зато они знают о вас. Бесплатный страховой полис подарен вам в знак признания вашего переселения в наш век из 1958 года. Вы принимаете его?

Блейн подозрительно взглянул на представителя корпорации «Потусторонняя жизнь». Фаррелл казался ему тем, за кого он себя выдавал; к тому же все это можно проверить в штаб-квартире «Потусторонней жизни». Фантастический подарок судьбы, столь неожиданно свалившийся на Блейна, вызвал у него серьезные подозрения. Однако мысль о гарантированной жизни после смерти перевесила сомнения, прогнала все страхи. Осторож-

ность — вещь, конечно, хорошая, но не в тот же момент, когда перед тобой открываются двери рая.

— Что же мне делать? — спросил он.

— Отправиться со мной в корпорацию «Потусторонняя жизнь», — сказал Фаррелл. — Там нам понадобится несколько часов для совершения процедуры.

Вечность! Жизнь после смерти!

— Согласен, — произнес Блейн. — Я принимаю страховку. Поехали!

Не теряя времени даром, они отправились в корпорацию.

Глава 25

Гелитакси доставило их прямо к двери «Потусторонней жизни, инк.». Фаррелл проводил Блейна в приемный отдел и передал заведующей ксерокопию страхового полиса. Блейну было велено оставить отпечатки пальцев и предъявить лицензию охотника. Женщина тщательно сверила все данные со списком назначенных на прием. Наконец она убедилась в достоверности документов и подписала разрешение.

Фаррелл отвел Блейна в помещение для испытаний, пожелал ему удачи и ушел.

За Блейна взялась группа молодых техников и подвергла его разнообразному тестированию. Жужжа и сверкая огнями, компьютеры выбрасывали ярды бумажных лент и множество перфокарт. Какие-то зловещие на вид машины булькали и пищали, подмигивали огромными красными глазами, превращавшимися в желтые. Самописцы чертили на листах бумаги графики. И среди всей этой суеты техники вели оживленный профессиональный разговор:

— Любопытная бета-реакция. Думаешь, стоит сгладить эту кривую?

— Конечно, конечно. Давай снизим побудительный коэффициент.

— Не хотелось бы. Ведь тогда ослабнет вся сеть.

— А ты не снижай его до такой степени. Травму он и так перенесет.

— Пожалуй... Как относительно фактора Хенлигера? Его нет.

— Потому что он в чужом теле. Проявится, не беспокойся.

— На прошлой неделе так и не проявился. Парень взлетел, как ракета.

— Ну и что? Он с самого начала был нестабилен.

— Эй, ребята! — окликнул их Блейн. — А что, есть шанс, что эта штука не сработает?

Техники повернулись к нему, словно увидели впервые.

— В каждом конкретном случае ситуация иная, приятель, — заметил один из техников.

— Требуется индивидуальный подход к каждому пациенту.

— Нельзя исключить вероятность сбоев.

— Мне сказали, что процедура давно отработана, — произнес Блейн. — Говорили даже, что гарантия на все сто процентов.

— Конечно, так всем клиентам говорят, — пренебрежительно заметил другой техник.

— Рекламное дерьмо.

— Проблемы возникают каждый день. Нам еще так далеко до совершенства.

— Но вы скажете мне, если процедура окажется успешной? — поинтересовался Блейн.

— Разумеется. Если все пройдет успешно, ты выживешь.

— А если нет, то тебя вынесут ногами вперед.

— Не беспокойся, обычно все проходит успешно, — утешил его техник. — За исключением клиентов с К-3.

— Да, этот проклятый фактор К-3 постоянно портит нам дело. Ну, давай, Джеймисон, говори: он К-3 или нет?

— Я не уверен, — пробормотал Джеймисон, склонившись над мигающим пультом. — Тестирующая машина опять барахлит.

— А что такое К-3? — спросил Блейн.

— Если бы мы знали, — мрачно бросил Джеймисон. — Нам определенно известно лишь одно: люди с фактором К-3 не остаются в живых после смерти.

— Да, ни при каких обстоятельствах.

— По мнению старины Фицроя, это постоянный ограничивающий фактор, созданный природой, чтобы предупредить случаи безумия.

— Но К-3 не передает этот фактор своему потомству.

— Значит, я К-3? — спросил Блейн, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Нет, пожалуй, — небрежно заметил Джеймисон. — Вообще-то он довольно редок. Сейчас проверим.

Блейн ждал, пока техники изучали данные, а Джеймисон с помощью своей барахлящей машины пытался определить, есть ли в организме Блейна фактор К-3.

Через некоторое время он поднял голову.

— Ну что ж, думаю, он не К-3. Хотя, кто знает? Давайте за работу.

— Что будет дальше? — спросил Блейн.

В его руку глубоко вонзился шприц.

— Не беспокойся, — произнес техник, — все будет хорошо.

— Вы уверены? Значит, я не К-3? — не удержался в последний раз Блейн.

Техник небрежно кивнул. Блейн попытался спросить еще что-то, но у него закружилась голова. Техники подняли Блейна и положили на белый операционный стол.

Придя в себя, Блейн обнаружил, что лежит на удобном диване. В помещении слышалась спокойная музыка. Сестра подала ему стакан шерри. Рядом стоял улыбающийся мистер Фаррелл.

— Чувствуете себя хорошо? — спросил он. — Этого следовало ожидать. Все прошло как по маслу.

— Вот как?

— Иначе и быть не могло. Процедура исключает ошибки. Мистер Блейн, потусторонняя жизнь вам теперь гарантирована.

Блейн допил шерри и с трудом встал.

— Значит, жизнь после смерти — моя? Когда бы я ни умер? Какой бы ни была причина моей смерти?

— Совершенно верно. Независимо от времени или причины вашей смерти ваше сознание не умрет. Как вы себя чувствуете?

— Еще не знаю, — сказал Блейн.

Лишь через полчаса, идя домой, он осознал, что с ним произошло.

Потусторонняя жизнь принадлежит ему!

Блейн ощущал безграничную радость. Теперь ему на все наплевать, абсолютно на все! Он бессмертен! Его могут убить прямо сейчас, и он все-таки будет продолжать жить!

Волна опьяняющего счастья подхватила его. С улыбкой он представил себе, что может броситься под колеса проезжающего грузовика. Разве это имеет какое-нибудь значение? Ничто не в состоянии причинить ему вред. Теперь можно стать берсеркером, ворваться в толпу, размахивая мечом. А почему бы и нет? Единственное, что могут сделать полицейские, — убить его тело.

Чувство было неописуемым. Сейчас Блейн впервые понял, как жили люди до научного открытия потусторонней жизни. Он вспомнил о тяжелом, отупляющем, бессознательном страхе смерти, все время преследующем человека, влияющем на каждый его поступок и пронизывающем каждую мысль. Вечный враг человека — смерть — тень, неслышно ползущая по извилинам его сознания, призрак, преследующий человека днем и ночью, прячась за углом, за закрытыми дверьми, невидимый гость на каждом пиршестве, незримая фигура на фоне каждого пейзажа, никогда не покидающая человека, все время ждущая своего часа...

Теперь он избавился от этого ужаса.

Чудовищный груз, тяготивший сознание Блейна, исчез. Страх перед смертью пропал. С чувством пьянящей радости он ощущал воздушную легкость. Вечный враг человека — смерть — побежден и больше ему не угрожает!

Блейн вернулся к себе, охваченный чудесной эйфорией. И тут же услышал звонок телефона.

— Блейн слушает.

— Том, куда ты исчез? — это был голос Мэри Торн. — Я звонила тебе целый день!

— Я выходил, милая, — ответил Блейн. — А ты где была, черт побери?

— В «Рексе». Старалась выяснить, что они замышляют. Слушай внимательно. Мне нужно сообщить тебе нечто очень важное.

— И у меня есть для тебя новость, милая.

— Слушай и не перебивай! Сегодня к тебе придет человек. Это представитель корпорации «Потусторонняя жизнь». Он предложит тебе бесплатный страховой полис. Ни в коем случае не соглашайся!

— Но почему? Он не тот, за кого себя выдает?

— Нет, он действительно сотрудник корпорации, и полис настоящий, без обмана. Но ты не должен соглашаться.

— Я уже согласился, — ответил Блейн.

— Как согласился?

— Он был у меня несколько часов тому назад. Я согласился.

— Ты уже прошел процедуру?

— Да. Она была ненастоящая?

— Нет, разумеется, настоящая, — вздохнула Мэри. — Боже мой, когда ты поймешь, что нельзя принимать подарки от незнакомцев? Обеспечить себе потустороннюю жизнь можно было и позже... Если бы ты знал, Том!

— А что случилось? Страховой полис предложила мне текстильная фирма «Мэйн Фарбенгер».

— Эта фирма принадлежит корпорации «Рекс».

— Вот как... Ну и что?

— Том, этот бесплатный страховой полис подсунул тебе «Рекс». Они использовали «Мэйн Фарбенгер» как ширму, однако именно «Рекс» выделил страховой полис! Неужели ты не понимаешь, что это означает?

— Нет, не понимаю. Может быть, ты перестанешь рыдать и объяснишь, в чем дело?

— Том, речь идет о разделе Допустимых убийств Акта о самоубийствах. Они собираются воспользоваться им.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о том разделе Акта о самоубийствах, который делает законным изъятие тела. «Рекс» гарантировал тебе выживание сознания после смерти, и ты принял их предложение. Теперь они имеют право на законном основании взять твое тело и сделать с ним все, что им нравится. Они могут убить твое тело, Том!

— Убить меня?

— Да. И, разумеется, они так и поступят. Дело в том, что правительство собирается привлечь их к ответственности за твое незаконное перемещение из прошлого. Если тебя больше нет, то нет и оснований для обвинения корпорации «Рекс». Теперь слушай. Тебе нужно немедленно уехать из Нью-Йорка, а затем по-

кинуть страну. Может быть, в этом случае тебя оставят в покое. Я помогу тебе. Мне кажется, что...

Связь прервалась.

Блейн несколько раз стукнул по телефону, однако не услышал даже длинного гудка, означающего, что линия свободна и аппарат исправен. Судя по всему, телефон отключили.

Эйфория, переполнявшая его несколько секунд назад, исчезла. Пьянящее чувство свободы от смерти тоже пропало. Как мог он подумать о том, чтобы стать берсеркером? Ведь он хочет жить! Он хочет жить в человеческой плоти, на Земле, которую он знает и любит. Духовное существование — это здорово, в этом не приходится сомневаться, но не сию минуту. И Блейн совсем не спешит в потустороннюю жизнь. Ему хочется жить среди осязаемых предметов, дышать воздухом, есть хлеб и пить воду, видеть вокруг себя человеческую плоть, касаться ее.

Когда они захотят убить его? Да когда пожелают, в любое время. Его квартира превратилась в ловушку. Блейн поспешно сунул в карман все деньги и поспешил к выходу. Открыл дверь и осторожно выглянул в коридор.

Он побежал по коридору и вдруг остановился как вкопанный.

Из-за угла вышел человек и замер в центре вестибюля. В руке у него был большой излучатель, направленный прямо в живот Блейна.

Это был Сэмми Джонс.

— Ах, Том, Том, — тяжело вздохнул Джонс. — Поверь мне, я очень сожалею, что это ты. Однако дело есть дело.

Блейн застыл на месте, обреченно глядя, как излучатель поднялся до уровня его груди.

— Но почему именно ты? — выдавил Блейн.

— А кто ж еще? — удивился Сэмми Джонс. — Разве я не лучший охотник в Западном полушарии, да и Европе, пожалуй, тоже? «Рекс» нанял всех охотников, находящихся сейчас поблизости от Нью-Йорка. Вот только теперь нам разрешили пользоваться огнестрельным и лучевым оружием. Мне очень жаль, что приходится охотиться за тобой.

— Но ведь я тоже охотник.

— Ты не первый, которого приходится убивать. Таковы правила игры, ничего не поделаешь, приятель. Не дергайся. Я сделаю все быстро и безболезненно.

— Но я не хочу умирать! — воскликнул Блейн.

— Почему? — спросил Джонс. — Ведь ты получил страховку, и потусторонняя жизнь тебе обеспечена.

— Меня обманули! Я хочу жить! Сэмми, не убивай меня!

Лицо Сэмми Джонса словно окаменело. Он прицелился — и опустил излучатель.

— Я становлюсь слишком сентиментальным, — покачал головой Джонс. — Хорошо, Том, попытайся скрыться. В конце концов, каждая жертва должна иметь такую возможность. В этом

случае сохраняется спортивный дух. Учти, у тебя очень мало времени.

— Спасибо, Сэмми! — крикнул Блейн и кубарем скатился с лестницы.

Он выскочил на улицу, не зная, куда бежать. Но времени для размышлений не было. Наступал вечер, и, пока не стемнело, надо воспользоваться этим. Блейн постоял секунду и двинулся вперед.

Ноги сами несли его к городским трущобам.

Глава 26

Блейн шел мимо ветхих многоэтажных жилых домов, мимо дешевых закусочных и ночных клубов. Засунув руки в карманы, он шел и пытался думать. Нужен план действий. Если ему не удастся придумать способ убраться из Нью-Йорка, через час-другой охотники прикончат его.

Джонс сказал, что за транспортом следят. Тогда на что остается надеяться? У него нет оружия, он беззащитен...

Впрочем, тут можно кое-что предпринять. Когда у него будет пистолет, ситуация изменится. Более того, она изменится самым решительным образом. Когда-то Халл говорил: «Охотник имеет законное право убить жертву; но если жертва застрелит охотника, ей грозит арест и суровое наказание».

Итак, стоит ему застрелить охотника, и полиция будет вынуждена арестовать его! Возможно, это осложнит дело, но по крайней мере непосредственная опасность исчезнет.

Блейн шел, пока не увидел ломбард. В витрине сверкали лучевые и огнестрельные пистолеты, охотничьи ружья, ножи и мачете. Он вошел.

— Мне нужен пистолет, — обратился он к усатому мужчине за прилавком.

— Пистолет. Понятно. Какой? — спросил продавец.

— У вас есть лучевые пистолеты?

Продавец кивнул и, выдвинув ящик, достал блестящий лучевой пистолет с яркой медной отделкой.

— Вот это, — сказал он, — великолепная вещь. Это настоящий иглолучевой пистолет системы Сайлс-Берна для охоты на крупных венерианских хищников. На расстоянии в пятьсот ярдов вы можете продырявить насквозь все, что ходит, ползает или летает. Вот здесь, сбоку, кнопка, меняющая размеры отверстия, из которого исходит луч. С помощью такого селектора рассеивания вы можете выбрасывать широкий луч для близкого расстояния или сузить его до диаметра иглы для дальней стрельбы.

— Хорошо, хорошо, — ответил Блейн, доставая из кармана деньги.

— Вот эта кнопка, — показал продавец, — регулирует время заряда. Вот так вы получаете мгновенный выстрел. Каждое деле-

ние увеличивает продолжительность воздействия на цель на четверть секунды. А если поставить его на автоматический режим, он будет косить буквально все перед собой. Батарея обеспечивает пистолет энергией на четыре часа стрельбы, и в этом пистолете энергетический запас больше чем на три часа. Кроме того, вы можете пользоваться этим пистолетом в домашней мастерской. Установив его на специальный станок и применяя экран для снижения мощности, вы можете резать пластик лучше, чем пилой. С другим дефлектором им можно пользоваться как паяльной лампой. Дополнительное снаряжение можно приобрести...

— Спасибо, я покупаю его, — перебил Блейн.

Продавец кивнул.

— Ваше разрешение, пожалуйста.

Блейн достал лицензию охотника и протянул продавцу. Тот кивнул и медленно, заставляя Блейна кипеть от нетерпения, стал заполнять квитанцию.

— Завернуть?

— Нет, не надо. Я возьму его так.

— С вас семьдесят пять долларов, — произнес продавец.

Блейн бросил на прилавок банкноты. Продавец обернулся и взглянул на список, висевший позади на стене.

— Одну минуту! — внезапно воскликнул он.

— В чем дело?

— Я не могу продать вам этот пистолет.

— Почему? — удивился Блейн. — Вы же видели мое удостоверение охотника.

— Но вы не предупредили меня, что в данный момент являетесь зарегистрированной жертвой. Вам известно, что жертвы не имеют права владеть оружием? Ваше имя мне сообщили полчаса назад. Вам не удастся купить оружие ни в одном из легальных магазинов Нью-Йорка, мистер Блейн.

Продавец швырнул банкноты Блейну. В то же мгновение Блейн попытался схватить пистолет, однако продавец оказался проворнее. Он направил дуло в сторону Блейна.

— Следовало бы избавить охотников от хлопот, — проворчал он. — Ты получил свою проклятую потустороннюю жизнь. Что тебе еще нужно?

Блейн застыл на месте. Продавец опустил пистолет.

— Впрочем, это не мое дело. Охотники и так скоро тебя прикончат.

Он опустил руку под прилавок и нажал на кнопку. Блейн повернулся и выбежал на улицу. Темнело. Теперь охотникам известно, где он. И кольцо вокруг него уже начало сжиматься.

Ему показалось, что кто-то позвал его по имени. Он протолкивался сквозь толпу, не оглядываясь, лихорадочно стараясь что-то придумать. Нет, он не хочет умереть просто так. Разве затем он перебрался через 152 года, чтобы его пристрелили на глазах у миллиона людей? Это несправедливо!

Блейн заметил, что за ним идет ухмыляющийся мужчина. Это был Тезей с пистолетом в руке, ожидающий удобного момента для выстрела.

Блейн рванулся вперед, продрался сквозь толпу и свернул за угол. Он стремительно помчался по переулку и вдруг остановился.

В конце переулка, четко выделяясь на фоне освещенной стены, стоял мужчина. Одну руку он упер в бедро, другую, с пистолетом, поднял, приготовившись выстрелить. Блейн в замешательстве оглянулся на Тезея.

Маленький охотник выстрелил, и тепловой луч опалил рукав Блейна. Он бросился к какой-то двери, но она захлопнулась прямо у него перед носом. Второй выстрел прожег дыру в пиджаке Блейна.

Словно во сне он наблюдал, как охотники приближаются к нему. Тезей был уже совсем рядом, второй охотник преграждал противоположный выход из переулка. Блейн бросился бежать, с трудом переставляя ноги, словно налитые свинцом. Он бежал навстречу второму охотнику, по крышкам канализационных люков и решеткам подземки, мимо витрин магазинов, закрытых железными шторами, и запертых дверей.

— Назад, Тезей! — крикнул второй охотник. — Он у меня на мушке!

— Стреляй, Хендрик! — И Тезей прижался к стене, чтобы не попасть под разящий луч.

Стрелок, до которого было еще футов пятьдесят, прицелился и выстрелил. Блейн бросился на землю, и луч прошел над ним. Он откатился в сторону, пытаясь найти укрытие в подъезде. Снова вспыхнул ослепительный свет теплового луча, опалившего бетон и превратившего воду в лужах в пар.

И вдруг решетка вентиляционной шахты подземки подломилась под ним.

Падая, он сообразил, что решетка, должно быть, повреждена раскаленным лучом пистолета. Слепая удача! Но нужно еще и приземлиться на ноги, не потерять сознание, как-то спрятаться, до конца воспользоваться счастливой случайностью. Если он потеряет сознание, то останется лежать на дне шахты и станет легкой добычей охотников, когда те подойдут к самому краю.

Блейн попытался вывернуться на лету, но было слишком поздно. Он тяжело грохнулся на плечо и ударился головой о железную стойку. Однако необходимость не потерять сознание была так велика, что он заставил себя встать на ноги.

Теперь надо спрятаться в глубине подземного прохода как можно дальше, чтобы его не сумели найти.

Но сделать даже первый шаг оказалось выше его сил. Ноги его подкосились, голова закружилась, он упал лицом вниз, перекатился на спину и увидел над собой зияющее отверстие люка.

Потом Блейн потерял сознание.

Часть четвертая

Глава 27

Придя в себя, Блейн обнаружил, что потусторонняя жизнь ему не по вкусу. Было темно, неудобно, пахло машинным маслом и плесенью. Кроме того, болела голова и казалось, что спина сломана в трех местах.

Неужели дух может испытывать чувство боли? Блейн шевельнулся и выяснил, что у него все еще есть тело. Говоря по правде, он чувствовал все тело. Вероятно, это еще не потусторонняя жизнь.

— Отдохни немного, — раздался чей-то голос.

— Кто это? — спросил Блейн, глядя в непроницаемую темноту.

— Смит.

— А, это ты. — Блейн сел и сжал руками голову, внутри которой билась боль. — Как это тебе удалось, Смит?

— Я чуть не опоздал, — сказал зомби. — Как только объявили, что ты стал жертвой, я бросился на поиски. Несколько друзей хотели помочь мне, но ты передвигался слишком быстро. Когда ты вышел из ломбарда, я окликнул тебя.

— Да, мне показалось, что я слышал чей-то голос, — сказал Блейн.

— Если бы ты обернулся, мы могли увести тебя уже тогда. Но ты не обернулся, и мы последовали за тобой. Несколько раз мы открывали крышки вентиляционных шахт и канализационных люков, но было трудно угадать твой маршрут. Всякий раз мы чуть-чуть запаздывали.

— Но не на этот раз.

— Да, наконец мне удалось открыть решетку прямо под тобой. Мне очень жаль, что ты ушибся.

— Где я?

— Я оттащил тебя в сторону от главного коридора. Сейчас мы в боковом проходе. Здесь охотники тебя не найдут.

И снова Блейн не сумел найти подходящих слов, чтобы поблагодарить Смита. И опять Смит не ждал от него благодарности.

— Я делаю это не для тебя, Блейн. Для себя. Ты мне нужен.

— Ты уже вспомнил зачем?

— Нет еще, — ответил Смит.

Глаза Блейна уже привыкли к темноте, и он различал очертания головы и плеч зомби.

— Что мы будем делать дальше? — спросил он.

— Пока ты в безопасности. Мы можем провести тебя под землей до Нью-Джерси. Дальше ты пойдешь один. Но я не думаю, что это будет сложно.

— А чего мы сейчас ждем?

— Прихода мистера Кина. Мне нужно получить его разрешение, чтобы провести тебя по подземным переходам.

Ожидание затянулось. Наконец Блейн увидел худую фигуру мистера Кина, шедшего к ним. Он опирался на плечо здоровенного негра.

— Мне очень жаль, что у вас такие неприятности, — произнес Кин, садясь рядом с Блейном. — Очень жаль.

— Мистер Кин, — обратился к нему Смит, — если вы позволите мне провести его через старый Голландский туннель в Нью-Джерси...

— Поверьте мне, я искренне сожалею, — сказал Кин, — но разрешить не могу.

Блейн оглянулся по сторонам и увидел, что их окружила дюжина зомби, одетых в лохмотья.

— Я говорил с охотниками, — продолжал Кин, — и дал им слово, что вы вернетесь на поверхность не позже чем через полчаса. Вы должны уйти, Блейн.

— Но почему?

— Мы просто не можем позволить себе оказать вам помощь, — объяснил Кин. — В тот раз я пошел на небывалый риск, когда позволил вам осквернить гробницу Рейли. Но я сделал это ради Смита, потому что ваша судьба каким-то образом оказалась связана с его судьбой. А Смит — один из моих друзей. Но сейчас мы можем зайти слишком далеко. Вы знаете, что нам позволяют жить под землей исключительно из милости.

— Да, знаю.

— Смиту следовало принять во внимание возможные последствия. Через ту решетку, что он открыл для вас, к нам в подземелье залезли охотники. Они не нашли вас, но знали, что вы скрываетесь где-то здесь. Они искали, Блейн, как они искали! Десятки охотников обшаривали подземные коридоры, грубо обращались с нашими людьми, угрожали, кричали на них, что-то говорили по своим маленьким рациям. Вместе с ними спустились репортеры и даже какие-то зеваки. Некоторые молодые охотники нервничали и даже стали стрелять в зомби.

— Мне очень неприятно слышать об этом, — покачал головой Блейн.

— В этом нет вашей вины. А вот Смит поступил необдуманно. Наш подземный мир — не суверенное королевство. Здесь нас всего лишь терпят, и это терпение может кончиться в любую минуту. Поэтому мне пришлось встретиться с охотниками и репортерами.

— И что вы им сказали? — спросил Блейн.

— Я объяснил, что под вами провалилась проржавевшая решетка, что вы попали к нам случайно и спрятались от преследователей. Я заверил их, что ни один зомби в этом не был замешан,

что мы нашли вас и вернем на поверхность в течение получаса. Они поверили мне и ушли. Мне очень жаль, но я не мог поступить по-другому.

— Я ни в чем вас не виню, — сказал Блейн, медленно вставая.

— Я не сказал им, в каком именно месте вы появитесь из-под земли, — добавил Кин. — По крайней мере, сейчас у вас положение лучше, чем раньше. Жаль, что не могу чем-нибудь помочь, но нельзя допустить, чтобы подземные коммуникации превратились в поле боя для охотников. Нам нужно оставаться нейтральными, никого не раздражать и никого не пугать. Только в этом случае мы сумеем выжить до того момента, когда наступит век понимания.

— Где я выйду из подземелья? — спросил Блейн.

— Я выбрал для вас заброшенный выход из метро на 79-й улице, Вест, — сказал мистер Кин. — Там вряд ли вас будут караулить. Кроме того, я предпринял еще один шаг, чего, по-видимому, делать не следовало.

— А именно?

— Я сообщил обо всем вашему другу. Он будет ждать вас у выхода. Только не говорите об этом никому. Ну, пошли!

Мистер Кин повел процессию по запутанному подземному лабиринту. Блейн замыкал шествие. Головная боль постепенно исчезала. Скоро они остановились у бетонной лестницы.

— Это выход, — сказал Кин. — Желаю удачи, Блейн.

— Спасибо. Я благодарен и тебе, Смит.

— Я старался сделать для тебя все, что в моих силах, — произнес Смит. — Если ты умрешь, я тоже, наверное, умру. Если же ты останешься в живых, я буду стараться вспомнить.

— А когда вспомнишь?

— Тогда я приду к тебе, — ответил Смит.

Блейн кивнул и стал подниматься по лестнице.

Была глубокая ночь, и 79-я улица казалась пустынной. Блейн остановился у выхода и оглянулся вокруг, не зная, что делать дальше.

— Блейн! — вдруг позвал его кто-то. Но это была не Мэри, как он надеялся. Это был мужской голос, очень знакомый, — может быть, Сэмми Джонса или Тезея.

Он быстро повернулся к лестнице, однако вход оказался закрыт и заперт.

Глава 28

— Том, Том, это я!

— Рей?

— Ну конечно! Говори тише. Охотники недалеко. Подожди.

Блейн, съежившись, ждал у запертого входа в метро, озираясь по сторонам. Никаких следов присутствия Мелхилла он не заме-

тил. Не было никакого облачка эктоплазмы, ничего, только тихий голос.

— Все в порядке, — послышался голос Мелхилла. — Иди на запад. Быстро.

Блейн пошел, ощущая, как Мелхилл незримо парит где-то рядом.

— Рей, как ты здесь оказался?

— Я пришел помочь тебе, — сказал Мелхилл. — Старый Кин связался с твоей подругой, а она отыскала меня через Духовный коммутатор. Стой! Не двигайся!

Блейн нырнул за угол здания. Над домами медленно пролетел вертолет.

— Это охотники, — сказал Мелхилл. — На тебя объявлена охота, малыш. Обещано вознаграждение даже за информацию о твоем местонахождении. Том, я пообещал Мэри, что попытаюсь помочь. Только не знаю, насколько меня хватит. Силы на исходе. После этого мне придется уйти в потустороннюю жизнь.

— Рей, я просто не знаю, как благодарить...

— Не надо, Том. Послушай, мне трудно говорить. Мэри договорилась со своими друзьями. У них есть план, вот только бы успеть привести тебя к ним. Стой!

Блейн притаился за почтовым ящиком. Тянулись секунды. Мимо пробежали три охотника с оружием. Когда они свернули за угол, Блейн двинулся дальше.

— У тебя поразительное зрение, — сказал он Мелхиллу.

— Сверху все прекрасно видно, — ответил тот. — Быстро беги на другую сторону улицы.

Блейн перебежал через дорогу. Следующие пятнадцать минут он, подчиняясь указаниям Мелхилла, шел по улицам, сворачивал в переулки, кружа по городу, ставшему для него полем боя.

— Вот она, — произнес наконец Мелхилл. — Вот эта дверь, номер 341. Мы добрались наконец! Ну пока, Том. Будь поосторож...

В это мгновение из-за угла вышли двое мужчин, остановились и уставились на Блейна.

— Вот этот парень! — воскликнул один.

— Какой парень?

— За которого обещано вознаграждение. Эй ты, стой!

Они бросились к Блейну. Сжав кулаки, он тут же сбил с ног одного. Мужчина упал и потерял сознание. Блейн мгновенно повернулся ко второму, но Мелхилл держал ситуацию под контролем.

Над головой второго мужчины непостижимым образом взлетел мусорный бак. Человек замахал руками над головой, пытаясь защититься. Но бак, лязгнув, ударил его по голове. Блейн подскочил и довел дело до конца.

— Здорово мы их, — послышался совсем слабый голос Мел-

хилла. — Мне всегда хотелось попробовать себя в роли полтергейста. Но на это уходит столько сил... Удачи тебе, Том!

— Рей! — окликнул Блейн и замер, ожидая ответа.

Но Мелхилл исчез, и пропало ощущение его присутствия.

Не теряя времени, Блейн подошел к двери с номером 341, открыл ее, вошел и увидел узкий коридор. В конце его виднелась еще одна дверь. Блейн постучал.

— Войдите, — раздался чей-то голос.

Он открыл дверь и вошел в маленькую темную комнату с плотными занавесками.

Блейн думал, что его уже ничем не удивишь, — и ошибся. Перед ним, широко улыбаясь, стоял Карл Орк, похититель тел. А рядом, тоже улыбаясь, сидел Джо, продавец трансплантов.

Глава 29

Блейн инстинктивно отпрянул к двери, но Орк поманил его к себе. Похититель тел не изменился: все так же высок и худ, загорелое лицо вытянутое и грустное, взгляд прищуренных глаз прямой и честный. Одежда по-прежнему висела на нем, как на вешалке, словно он больше привык к джинсам, чем к брюкам, сшитым на заказ.

— А мы ждем тебя, — сказал Орк. — Ты, конечно, помнишь Джо?

Блейн кивнул. Он очень хорошо помнил хитроглазого коротышку, который морочил ему голову, пока Орк подсыпал ему в стакан сильнодействующий наркотик.

— Весьма рад встрече, — произнес Джо.

— Не сомневаюсь. — Блейн не отходил от двери.

— Проходи и садись, — сказал Орк. — Мы тебя не съедим. Честное слово. Что было, то быльем поросло.

— Ты пытался убить меня.

— Но ведь это бизнес, — ответил Орк со свойственной ему прямотой. — Теперь мы союзники.

— Почему я должен тебе верить?

— Еще никто не сомневался в моей честности, — заверил его Орк. — Особенно тогда, когда я по-настоящему честен, как, например, сейчас. Мисс Торн наняла нас, чтобы вывезти тебя из страны, целого и невредимого, и мы собираемся сдержать слово. Садись, обсудим подробности. Есть хочешь?

Блейн неохотно сел. На столе были сандвичи и бутылка красного вина. Он вспомнил, что весь день у него маковой росинки во рту не было, и набросился на еду. Орк закурил тонкую коричневую сигару, а Джо, казалось, задремал.

— Знаешь, — начал Орк, — я чуть не отказался от этого предложения. Не то чтобы мало денег, нет, мисс Торн была более чем

щедра. Дело в том, что это самая большая охота в городе за последние годы. Ты когда-нибудь видел такое, Джо?

— Нет, — покачал головой Джо. — Город похож на липучку для мух.

— На этот раз «Рекс» действительно хочет заполучить тебя, — сказал Орк. — Они прикончат тебя при первой же возможности. Поневоле занервничаешь, когда против тебя такая мощная корпорация. Но я люблю, когда мне бросают по-настоящему серьезный вызов.

— Чем задача труднее, тем она больше по душе Карлу, — подтвердил Джо.

— Признаться, да, особенно если за это обещано весьма крупное вознаграждение.

— Но куда мне деваться? — спросил Блейн. — Есть ли такое место, где «Рекс» не найдет меня?

— Пожалуй, нет, — покачал головой Орк.

— А что, если покинуть Землю? Убежать на Марс или на Венеру?

— Там даже хуже. На этих планетах всего несколько городов, и все друг друга знают. Новость распространяется там меньше чем за неделю. Кроме того, там ты будешь не в своей тарелке. Кроме китайцев на Марсе, на планетах живут главным образом ученые с семьями да несколько практикантов. Там тебе не понравится.

— Тогда где?

— Именно такой вопрос я и задал мисс Торн, — кивнул Орк. — Мы обсудили несколько вариантов. Во-первых, тебя можно превратить в зомби. Я мог бы осуществить эту операцию. «Рекс» никогда не станет искать тебя под землей.

— Я предпочел бы не умирать.

— Я тоже так сказал, — согласился Орк. — Мы исключили эту возможность. Далее обсудили следующее: для тебя можно отыскать небольшую ферму в Атлантической впадине. Там очень пустынное место. Но, чтобы жить под водой, нужен особый психический склад и любовь к этому делу, и мы решили, что это тоже не подходит. Там ты можешь сойти с ума. Поэтому, тщательно изучив все возможности, мы решили, что наилучшее место — Маркизские острова.

— Что?

— Маркизские острова. Это группа небольших островов, раньше относившихся к Полинезии, посреди Тихого океана. Они расположены недалеко от Таити.

— Южные моря, — прошептал Блейн.

— Совершенно верно. Мы решили, что там ты будешь себя чувствовать как дома, лучше, чем где бы то ни было. Жизнь на Маркизских островах, как мне сказали, напоминает двадцатый век. Но самое важное то, что там «Рекс» может оставить тебя в покое.

— Это почему?

— Причина очевидна, Том. Зачем им нужно убить тебя? Да потому что они незаконно похитили тебя из прошлого и теперь беспокоятся, что правительство может привлечь их к ответственности. Но когда ты переберешься на Маркизы, то окажешься за пределами юрисдикции американского правительства. А поскольку тебя нет, то исчезнут и основания для судебного преследования. Кроме того, в «Рексе» поймут, что твое решение уехать так далеко показывает твою готовность уладить дело. Совершенно ясно, что такой шаг не свойствен человеку, желающему сотрудничать с дядюшкой Сэмом. Вдобавок, Маркизские острова, после того как от них отказалась Франция, являются независимым маленьким государством. Таким образом, чтобы продолжать там охоту за тобой, «Рексу» понадобится специальное разрешение. Короче говоря, дальнейшее преследование сулит массу неприятностей для всех, кто замешан в это дело. Правительство США, конечно, откажется от дальнейшего расследования, и тогда, вероятно, «Рекс» отзовет своих охотников.

— Это точно? — спросил Блейн.

— Нет, конечно. Это мое предположение. Однако оно основано на здравом смысле.

— А нельзя сначала договориться с «Рексом»?

Орк покачал головой.

— Чтобы торговаться, необходимо что-то предложить взамен. А у нас ничего нет. Пока ты в Нью-Йорке, им гораздо проще и безопаснее убить тебя.

— Пожалуй, верно, — согласился Блейн. — Ну и как вы собираетесь вывезти меня из Нью-Йорка?

Орк и Джо смущенно переглянулись.

— В этом-то вся трудность, — сказал Орк. — Вывезти тебя живым нет никакой возможности.

— А на вертолете или реактивном самолете?

— Они должны приземляться и платить пошлину, а тебя повсюду караулят охотники. Наземный транспорт тоже исключается.

— А что, если изменить внешность?

— Может быть, это и удалось бы в самом начале охоты. Теперь это невозможно, даже если произвести полную пластическую операцию. Сейчас все охотники снабжены сканирующими устройствами, которые мгновенно устанавливают личность. Тебя моментально опознают.

— Значит, выхода нет?

Орк и Джо снова обменялись смущенными взглядами.

— Выход есть, — заметил Орк. — Но он тебе может не понравиться.

— Мне нравится быть живым. Что это за выход?

Орк помолчал, закуривая новую сигару.

— Мы предполагаем быстро заморозить тебя почти до абсолютного нуля, как это делается при космических перелетах. Затем

поместим твое тело в ящик с мороженой говядиной. Оно будет среди коровьих туш, и, скорее всего, его не обнаружат.

— Мне это кажется рискованным, — сказал Блейн.

— Не очень, — ответил Орк.

Блейн нахмурился, чувствуя какой-то подвох.

— И во время перевозки я буду без сознания?

— Нет, — произнес Орк после долгой паузы.

— Нет?

— Иначе ничего не выйдет, — объяснил Орк. — Дело в том, что твое тело придется отделить от сознания. Я с самого начала опасался, что эта часть выбранного способа перевозки тебе придется не по вкусу.

— О чем ты говоришь, черт побери? — Блейн встал.

— Успокойся, — произнес Орк. — Сядь, покури, выпей еще вина. Дело вот в чем, Том. Мы не можем транспортировать замороженное тело, сохранив внутри него сознание. Охотники ждут чего-то подобного. Представляешь, что случится, если они просканируют партию коровьих туш и обнаружат среди них дремлющий человеческий разум? Все усилия — псу под хвост! Недолго музыка играла! Поверь, Том, я не пытаюсь обмануть тебя. Другого выхода нет.

— А что будет с моим сознанием? — Блейн снова сел.

— Это по части Джо, — сказал Орк. — Объясни ему, Джо.

Джо поспешно кивнул.

— Все дело, друг мой, в трансплантe.

— В трансплантe?

— Я уже объяснял вам все в тот печальный вечер, когда мы встретились впервые. Помните? Трансплант — величайшее наслаждение, приятное времяпрепровождение, игра, в которую может играть каждый, стимулятор для усталых тел и новые ощущения для притупившихся сознаний. У нас широкая сеть трансплантаторов во всем мире, мистер Блейн. Это люди, которым нравится переселяться из одного тела в другое, мужчины и женщины, уставшие носить одно и то же тело. Так вот, мы собираемся включить вас в эту сеть!

— Вы намереваетесь перебрасывать мое сознание через всю страну?

— Совершенно верно! Оно будет переходить из одного тела в другое, — кивнул Джо. — Поверьте мне, это не только приятно, но и поучительно.

Блейн вскочил, опрокинув стул.

— К черту! — воскликнул он. — Я говорил тогда и снова повторяю сейчас: я не играю в вашу паршивую игру. Уж лучше рискнуть жизнью на улице. — И он направился к двери.

— Я знал, — сказал Джо, — что сначала это испугает вас, но...

— Нет!

— Черт побери, Блейн, дай же по крайней мере договорить до конца! — рявкнул Орк.

— Ну хорошо, — ответил Блейн. — Говорите.

Джо налил полстакана вина и выпил залпом.

— Мистер Блейн, — начал он, — будет нелегко объяснить все это вам, человеку из прошлого. И все-таки попытайтесь понять, что я говорю.

Блейн недоверчиво кивнул.

— Так вот. Трансплант сейчас используется как сексуальное развлечение, и именно в этом качестве я его рекламирую. Вы спросите: почему? Да потому, что люди не имеют понятия о более разумных методах его применения, и еще потому, что реакционное правительство все время запрещает трансплант. На самом деле трансплант — это куда больше, чем просто игра. Это совершенно новый образ жизни! Независимо от того, нравится вам или правительству это или не нравится, трансплантту принадлежит будущее.

Глаза фанатичного защитника трансплантта светились. Блейн снова сел.

— В человеческих отношениях следует выделить два основных элемента, — нравоучительно произнес Джо. — Одним из них является вечное стремление человека к свободе: свободе вероисповедания, свободе печати, свободе собраний, свободе выбирать правительство — любой свободе! А другой главный элемент в человеческих отношениях — усилия правительства не дать людям эту свободу.

Это показалось Блейну несколько упрощенным взглядом на человеческие отношения, но он промолчал и продолжал слушать.

— Правительство, — говорил Джо, — делает это по многим причинам. Из соображений безопасности, ради личной выгоды, чтобы удержать власть, а то и просто потому, что считает людей не готовыми к свободе. Но какой бы ни была причина, основные составляющие конфликта остаются прежними: человек стремится к свободе, правительство старается преградить ему путь к ней. Трансплант — это всего лишь еще одна из многих разновидностей свободы, о которой мечтает человек, тогда как правительство придерживается точки зрения, что свобода ему еще не нужна.

— Сексуальная свобода? — с насмешкой поинтересовался Блейн.

— Нет! — воскликнул Джо. — Не потому, что сексуальная свобода — дело нестоящее. Но трансплант изобретен не для этого. Действительно, мы рекламируем его таким образом, потому что люди не любят абстрактных идей, мистер Блейн, равно как им не нравятся голые теории. Им хочется понять, что может принести свобода им лично. Мы демонстрируем людям небольшую часть благ, а остальное они узнают сами.

— Так на что же способен трансплант? — спросил Блейн.

— Трансплант, — увлеченно заявил Джо, — дает человеку воз-

можность одолеть ограничения, наложенные на него наследственностью и окружением!

— Каким образом?

— А вот таким. Трансплант дает вам возможность обмениваться знаниями, телами, способностями и опытом со всеми, кто изъявляет желание вступить в контакт с вами. Многие так и поступают. Большинство людей не хотят заниматься одним и тем же делом на протяжении всей жизни, даже если они удовлетворены своей профессией. Человек — слишком неугомонное существо. Музыканты хотят стать инженерами, агенты по рекламе — попробовать себя в качестве охотников, моряки — побыть писателями. Но обычно одной жизни не хватает, чтобы попробовать свои силы более чем в одной профессии. И даже если на это есть время, непреодолимым препятствием становится такой слепой фактор, как талант. С помощью трансплантта ты можешь получить врожденные способности, опыт, знания — короче, все что угодно. Подумайте об этом, мистер Блейн! Почему человек должен всю жизнь провести внутри тела, которое он даже не выбирал для себя? Это все равно что сказать ему: ты должен жить с унаследованными болезнями и не пытаться вылечиться от них. У человека должна быть свобода выбора того тела и тех талантов, которые больше всего устраивают его личность.

— Если ваш план осуществится, — заметил Блейн, — мир окажется полным психопатов, обменивающихся телами каждый день.

— Вот такие доводы и приводились в оправдание отказа от введения новых свобод, — воскликнул Джо, сверкая глазами. — На протяжении всей истории пытались доказать, что у людей не хватит здравого смысла для выбора собственной религии, или у женщин недостаточно интеллекта, чтобы голосовать, или не следует предоставлять людям возможность выбирать своих представителей, потому что их выбор может оказаться глупым. Разумеется, в мире немало психопатов, которые даже в раю способны натворить черт знает что. Однако гораздо больше разумных людей — таких, кто сумеет правильно использовать данные им свободы. — Джо понизил голос и доверительно зашептал: — Необходимо понимать, мистер Блейн, что человек — это не его тело, потому что он получает тело в результате случайного совпадения обстоятельств. Это и не его опыт и приобретенные навыки, поскольку их источником часто является необходимость. Человек не есть сумма его способностей — ведь способности являются наследственными или появляются в результате воздействия окружения. Наконец, человек — это не болезни, к которым он может быть предрасположен, и не окружение, формирующее его. Нет, человек представляет собой сумму всего этого, он содержит в себе все эти вещи, — и все-таки он нечто большее, чем просто их сумма. В его власти изменить свое окружение, излечить свои болезни, усовершенствовать навыки — и, наконец, выбрать свое тело и

способности! Это и есть грядущая свобода, мистер Блейн! Она исторически неизбежна независимо от того, нравится она вам, или мне, или правительству или не нравится. Это необратимый прогресс, потому что у человека должны быть все возможные свободы!

Джо закончил свою пламенную и несколько бессвязную речь и откинулся на спинку стула. Лицо его покраснело, он тяжело дышал. Блейн взглянул на Джо с чувством глубокого уважения. Он понял, что перед ним настоящий революционер 2110 года.

— Он дело говорит, Том. Трансплант является законным в Швеции и на Цейлоне, и в этих странах он ничуть не подорвал общественные устои.

— Придет время, — добавил Джо, наливая стакан вина, — и весь мир станет пользоваться трансплантом. Поверьте, это неизбежно.

— Может быть, — произнес Орк. — Или изобретут какую-нибудь другую свободу вместо него. Как бы то ни было, Том, ты видишь, что существуют разумные доводы в пользу трансплантa. К тому же спасти твое тело можно только этим способом. Итак, что скажешь?

— Ты тоже революционер? — спросил Блейн.

Орк ухмыльнулся.

— Пожалуй. Я вроде тех парней, что прорывали блокаду во время гражданской войны в Соединенных Штатах, или тех, кто продавал винтовки повстанцам из Центральной Америки. Все они работали ради денег, но не были против изменений в обществе.

— Ну и ну, — насмешливо произнес Блейн. — А я-то думал, что имею дело с обыкновенными преступниками.

— Ладно, забудем о прошлом, — добродушно улыбнулся Орк. — Ты готов попробовать?

— Разумеется. Вы убедили меня. Вот уж не знал, что окажусь в авангарде социальной революции.

Улыбка на лице Орка стала еще шире.

— Отлично. Надеюсь, все пройдет хорошо. Закатай рукав. Не будем терять времени.

Блейн закатал рукав, а Орк достал из ящика стола шприц.

— Это чтобы отключить сознание, — объяснил он. — Аппаратура находится в соседней комнате. Основную работу выполнит она. Когда придешь в себя, то будешь уже гостем в чьем-нибудь сознании, а тело тем временем переберется через всю страну в замороженном состоянии. Как только опасность исчезнет, сознание вернется в твое тело.

— Через сознания скольких людей мне придется пройти? — спросил Блейн. — И в течение какого времени?

— Я не знаю, сколько людей понадобится. Что касается продолжительности, то промежутки времени будут разными: несколько секунд, минут, возможно, полчаса. Мы будем переводить тебя из

одного сознания в другое как можно быстрее. Знаешь, это будет не полный трансплант. Ты сможешь занять чье-нибудь тело не целиком, а лишь крошечную долю сознания, как наблюдатель. Так что веди себя спокойно и естественно. Понял?

Блейн кивнул.

— А как действует аппаратура? — спросил он.

— Как йога, — ответил Орк. — Аппаратура делает за тебя то, что ты мог бы сделать сам, если бы в совершенстве владел техникой йогов. Она расслабляет каждый мускул и нерв, успокаивает и концентрирует сознание. После того как достигнут нужный потенциал, ты готов перейти к астральной проекции. За тебя это тоже сделает машина. Она поможет тебе освободиться от тела, осуществить то, что йоги могут делать без посторонней помощи. Ты попадешь в тело выбранного нами человека, и его сознание уступит тебе место. Притяжение завершит процесс. Ты ныряешь в его сознание, как выброшенная на берег рыба ныряет обратно в воду.

— По-моему, это рискованно, — усомнился Блейн. —А вдруг я не смогу попасть туда?

— Приятель, ты не сможешь туда не попасть! Послушай, тебе приходилось слышать, как человеком овладевают так называемые демоны? Легенды об этом встречаются у всех народов мира. Разумеется, некоторые из тех, в кого якобы вселился дьявол, — шизофреники, а кое-кто просто симулянт. Но зарегистрировано немало случаев подлинного духовного вторжения, когда чужим сознанием завладевали те, кто овладел процессом переселения своего сознания в тела других людей. Раньше они обходились без помощи машин и легко преодолевали отчаянное сопротивление. Теперь мы пользуемся специальной аппаратурой, да и те, в сознание кого ты вселишься, готовы тебя принять. Как видишь, оснований для беспокойства нет.

— Ну хорошо, — согласился Блейн. — Как выглядят Маркизские острова?

— Великолепно, — ответил Орк, вонзая иглу шприца в руку Блейна. — Тебе понравится.

Блейн начал погружаться в туман забытья, думая о пальмах, белом морском прибое, набегающем на коралловый риф, и темноглазых девушках, поклоняющихся каменному богу.

Глава 30

Он не ощутил ничего — ни пробуждения, ни перехода. Он пришел в сознание внезапно, словно на экране перед ним появился цветной слайд, окрашенный в ослепительно яркие цвета. Подобно неожиданно ожившей кукле, Блейн начал жить и двигаться.

Теперь он был не только Томасом Блейном. Одновременно он был и Эдгаром Дайерсеном. Или Блейном внутри Дайерсена, не-

отъемлемой частью Дайерсена, глядящим на мир слезящимися глазами Дайерсена, думающим мыслями Дайерсена, смутно ощущающим отрывки воспоминаний, надежд, страхов и желаний Дайерсена. И все-таки он продолжал оставаться Блейном.

Дайерсен-Блейн сошел со вспаханного поля и прислонился к деревянной изгороди. Он был старым фермером из Саут-Джерси, придерживающимся прежних методов ведения хозяйства, а потому обходился минимумом машин, которым все равно не доверял. Ему было почти семьдесят лет, и его здоровью могли позавидовать многие. Правда, суставы побаливали от артрита — но молодой толковый врач из деревни почти вылечил его, — да спина иногда ныла перед дождем. И все-таки он считал себя здоровым, здоровее многих, и полагал, что способен протянуть еще лет двадцать.

Дайерсен-Блейн направился к своему коттеджу. Серая рабочая рубашка пропиталась потом, и на старых джинсах виднелись белесые пятна.

Он услышал, как вдалеке залаяла собака, и с трудом разглядел приближавшийся желто-коричневый силуэт. (Очки? Нет, спасибо. Я и так неплохо обхожусь.)

— Эй, Чамп! Ко мне, псина!

Собака обежала вокруг него и послушно затрусила рядом. В зубах она держала что-то серое: крысу или, может быть, кусок мяса — Дайерсен не мог разобрать.

Он наклонился, чтобы погладить Чампа по голове...

И снова не было никакого чувства перехода или ощущения прошедшего времени. Просто на экране появилась проекция нового слайда, и ожила новая кукла.

Теперь он был Томпсоном-Блейном, девятнадцати лет. Он лежал, разомлев от солнечных лучей, на шероховатой палубе швербота, небрежно держа в загорелой руке шкерт от паруса и румпель. Справа проплывал низкий восточный берег, а слева виднелась гавань Балтимора. Швербот легко скользил, подгоняемый легким летним бризом, и под форштевнем весело журчала вода.

Томпсон-Блейн пошевелился, потом повернулся всем долговязым загорелым телом и уперся в мачту. Он вернулся домой всего неделю назад после двух лет работы и учебы на Марсе. Было очень интересно, особенно археология и спелеология. Работать на фермах в песках было иногда скучно, однако управлять уборочными машинами ему нравилось.

Сейчас он дома, будет проходить ускоренный двухлетний курс обучения в колледже. Затем должен снова лететь на Марс, где станет управляющим фермой. Таково условие получения стипендии. Однако если он не захочет работать на Марсе, никто не сможет его заставить.

Может быть, он вернется на Марс. А может быть, и нет.

Девушки на Марсе все как одна деловые. Выносливые, крепкие, способные и любят всем распоряжаться. Когда он полетит на Марс — если полетит, — то возьмет с собой жену с Земли. Конечно, там у него была Марсия — это девушка хоть куда. Но ее кибуц перебрался к Южной полярной шапке, и она не ответила на его три последних письма. Нет, все-таки ничего особенного в ней не было, пожалуй.

— Эй, Сэнди!

Томпсон-Блейн поднял голову и увидел Эдди Дулитла в парусной шлюпке, машущего ему рукой. Томпсон-Блейн небрежно махнул в ответ. Эдди всего семнадцать, он никогда не покидал Земли и хочет стать капитаном космического лайнера. Ха! Как бы не так!

Солнце спускалось к горизонту, и Томпсон-Блейн был рад, что приближается вечер. У него назначено свидание с Дженнифер Хант. Они отправятся на танцы в «Старслинг» в Балтимор, и отец разрешил ему взять вертолет. Боже мой, как выросла Дженнифер за эти два года! А как она смотрит на него, застенчиво и дерзко одновременно. И неизвестно — что может произойти после танцев, на заднем сиденье вертолета. Может быть, ничего. А может быть...

Томпсон-Блейн сел и повернул румпель. Швербот, подхваченный ветром, накренился. Пора возвращаться в яхт-клуб, затем домой ужинать, затем...

Узкий кожаный кнут хлестнул по спине.

— Ну ты, за работу!

Пиггот-Блейн удвоил усилия, взмахивая киркой и ударяя ею по пыльному дорожному полотну. Охранник стоял рядом, с ружьем в левой руке и кнутом в правой. Длинный узкий ремень змеился в пыли. Пигготу-Блейну были знакомы каждая морщина, каждая пора на глупом худом лице охранника, этот унылый маленький сжатый рот, этот прищур выцветших глаз — короче говоря, с лицом охранника он был знаком, как со своим собственным.

«Ну погоди, падаль, — подумал он. — Придет твое время. Погоди немного».

Охранник пошел дальше, вдоль цепи заключенных, работавших под белым солнцем Миссисипи. Пиггот-Блейн попробовал сплюнуть, но во рту пересохло. «Так вы говорите о современном мире, — думал он. — Об огромных космических кораблях, автоматизированных фермах, счастливой прекрасной потусторонней жизни? Думаете, это все? Тогда спросите, как строят дороги в графстве Куиллег, на севере штата Миссисипи. Вам не скажут,

разумеется, поэтому вы сами приезжайте и увидите. Потому что здесь настоящий мир!»

— Ты готов, Отис? — прошептал Арни, работавший впереди. — Ты готов?

— Я-то готов, — прошептал в ответ Пиггот-Блейн, стискивая сильными пальцами пластмассовую рукоятку кирки. — Я давно готов, Арни.

— Тогда начинаем через секунду. Следи за Джеффом.

Волосатая грудь Пиггота-Блейна ходила ходуном. Он отбросил со лба длинные каштановые волосы и взглянул на Джеффа, прикованного к цепи через пять человек от него. Пиггот-Блейн с нетерпением ждал сигнала; его плечи, обожженные солнцем, нестерпимо болели. На лодыжках виднелись шрамы от кандалов, а на спине — старые рубцы от ударов кнутом. Нестерпимая жажда горела у него внутри, но ее нельзя было утолить ковшом воды, ничто не могло утолить эту безумную жажду, из-за которой он и попал сюда, после того как разгромил единственный кабак в Гейнсвилле и прикончил этого вонючего старого индейца.

Джефф взмахнул рукой. Скованная цепью шеренга заключенных рванулась вперед. Пиггот-Блейн прыгнул на охранника с худым лицом и замахнулся киркой. Тот уронил кнут и попытался поднять ружье.

— Ах ты падаль! — взревел Пиггот-Блейн, и острие кирки вонзилось охраннику в лоб.

— Хватайте ключи!

Пиггот-Блейн сорвал связку ключей с пояса мертвеца. Он услышал звук ружейного выстрела и крик боли, тревожно обернулся...

Рамирес-Блейн вел свой вертолет над плоской техасской равниной в сторону Эль-Пасо. Серьезный молодой человек, он был поглощен работой и старался выжать из старой машины все, чтобы успеть добраться до Эль-Пасо до закрытия магазина скобяных изделий Джонсона.

Он осторожно вел норовистый старый вертолет, сосредоточившись на управлении машиной и показаниях высотомера и компаса, что, впрочем, не мешало ему думать о танцах в Гуанохуато на следующей неделе и ценах на кожу в Сьюдад-Хуаресе.

Равнина, испещренная зелеными и желтыми пятнами, проносилась внизу. Он взглянул на часы, затем на индикатор скорости.

«Да, — подумал Рамирес-Блейн, — пожалуй, я успею в Эль-Пасо до закрытия магазина! Я даже успею...»

Тайлер-Блейн вытер рукавом пот и подобрал куском кукурузного хлеба остатки жирного соуса с тарелки. Он рыгнул, отодвинулся со стулом от кухонного стола и встал. С демонстративной

небрежностью Тайлер-Блейн взял из кладовой потрескавшуюся миску и наполнил ее кусками свинины и овощами, положил сверху большой кусок кукурузного хлеба.

— Эд, что ты делаешь? — спросила жена.

Он взглянул на нее. Женщина была худой, лохматой и выглядела старше своих лет. Не ответив на вопрос, он отвернулся.

— Эд, скажи мне! Эд!

Тайлер-Блейн раздраженно взглянул на жену, чувствуя, что от пронзительного, беспокойного голоса заныла старая язва желудка. «У нее самый визгливый голос во всей Калифорнии, — подумал он, — и меня угораздило жениться на ней». Пронзительный голос, острый нос, острые локти и коленки, плоская, как стиральная доска, да к тому же неродеха. Ноги лишь для того, чтобы поддерживать тело, а не для того, чтобы искать между ними хотя бы секундную радость. Живот, чтобы набивать его едой, а не для ласки. Из всех девушек Калифорнии он выбрал самую невзрачную — еще бы, ведь он такой дурак, так и дядя Рэйф всегда говорил о нем.

— Куда ты понес миску с едой? — спросила она.

— Собаку покормить. — Тайлер-Блейн направился к двери.

— Но ведь у нас нет собаки! Эд, не делай этого, не надо сегодня!

— А я сделаю, — бросил он, довольный, что разозлил ее.

— Прошу тебя, не сегодня. Пусть убирается куда-нибудь в другое место. Послушай меня, Эд! Не дай Бог, в городе узнают.

— Солнце уже село, — сказал Тайлер-Блейн, остановившись у двери с миской в руке.

— За нами могут следить, — взмолилась она. — Эд, если в городе узнают об этом, тебя линчуют, ты ведь знаешь.

— Когда на меня накинут петлю, может, ты покажешься привлекательной, — заметил Тайлер-Блейн, открывая дверь.

— Ты делаешь это, только чтобы насолить мне! — крикнула женщина.

Он закрыл за собой дверь. Во дворе почти стемнело. Тайлер-Блейн стоял рядом с пустым курятником, озираясь по сторонам. Единственный дом поблизости принадлежал Флэннаганам, а они никогда не лезли в чужие дела. Он подождал, убедился, что вокруг не шныряют городские мальчишки, и пошел вперед, осторожно неся миску с едой.

Остановившись на опушке чахлого леса, он поставил миску на землю.

— Все в порядке, — тихо произнес он. — Выходи, дядя Рэйф.

Из леса на четвереньках выполз мужчина. У него было свинцово-бледное лицо, бескровные губы, бессмысленный неподвижный взгляд, а черты лица выглядели грубыми и незавершенными, словно железо перед закалкой или необожженная глина. На шее гноился длинный порез. Он с трудом волочил правую ногу, которую ему сломали горожане.

— Спасибо, парень, — пробормотал Рэйф — дядя-зомби.

Зомби быстро опустошил миску. Когда он закончил есть, Тайлер-Блейн спросил:

— Как ты себя чувствуешь, дядя Рэйф?

— Дело идет к концу. Это старое тело вот-вот загнется. Еще пара дней, может быть, неделя, и ты освободишься от меня.

— Пока ты жив, дядя Рэйф, я буду заботиться о тебе, — сказал Тайлер-Блейн. — Мне совестно, что я не могу взять тебя в дом.

— Нет, — покачал головой зомби, — они узнают. Это опасно. Как поживает твоя тощая жена?

— Как всегда, злится, — вздохнул Тайлер-Блейн.

— Я предупреждал тебя, парень, еще десять лет назад предупреждал, чтобы ты не женился на этой девке. — Зомби издал звук, напоминающий смех. — Предупреждал, правда?

— Совершенно верно, дядя Рэйф. Ты был единственным здравым человеком. Жаль, что я не послушал тебя.

— Да, жаль. Ну ладно, я полезу назад.

— Скажи, дядя, ты уверен? — В голосе Тайлера-Блейна звучало беспокойство.

— Совершенно уверен.

— И ты тоже умрешь?

— Обязательно, парень. И попаду в пороговую зону, не беспокойся. А когда окажусь там, то сдержу слово. Можешь не сомневаться.

— Я так тебе благодарен, дядя Рэйф.

— Не стоит. Я человек слова. Я стану преследовать ее, если только Господь примет меня на Порог потусторонней жизни. Сначала я возьмусь за врача, так мне удружившего. А затем сведу с ума ее. Я буду преследовать ее, да так, чтобы она без оглядки побежит от тебя через всю Калифорнию.

— Спасибо, дядя Рэйф.

Зомби хихикнул и уполз обратно в чахлый лес. Тайлер-Блейн невольно вздрогнул, взял пустую миску и побрел назад к покосившемуся дому...

Маринер-Блейн поправила бретельку купальника, обтягивавшего стройное юное тело, закинула на спину баллон с воздухом, взяла маску акваланга и направилась к шлюзу.

— Дженис!

— Да, мама? — Она обернулась и спокойно поглядела на мать.

— Куда ты, дорогая?

— Хочу поплавать, мама. Охота взглянуть на новые сады на двенадцатом уровне.

— А ты случайно не собираешься встретиться с Томом Льюином?

Неужели мать догадалась? Маринер-Блейн поправила черные волосы и ответила:

— Нет, конечно.

— Ну хорошо, — ответила мать, усмехнувшись. Она не верила дочери. — Постарайся вернуться домой пораньше, дорогая. Ты ведь знаешь, как отец беспокоится, когда ты опаздываешь.

Девушка быстро поцеловала мать в щеку и поспешила к шлюзу. Знает, но не останавливает ее! С другой стороны, почему она должна вмешиваться в дела дочери? В конце концов, ей уже семнадцать лет, она достаточно взрослая и может делать все, что ей нравится. Сейчас дети растут быстрее, чем их родители в свое время, хотя родители почему-то этого не понимают. Они хотят лишь одного — сидеть и думать, как бы расширить свои владения хоть на несколько акров. Развлечение для них — послушать классическую музыку, бип-боп и рок-н-ролл, ну, может, еще музыку из кинофильмов и поговорить о том, насколько выразительнее и свободнее были их предки. А иногда начинают перелистывать толстые альбомы по искусству с цветными комиксами двадцатого века и жаловаться на утрату искусства сатиры. А самое большое событие для них — это поездка в галерею, где они подолгу стоят и с благоговением смотрят на коллекцию обложек «Сэтердей ивнинг пост» времен Великого Периода. На нее весь этот интеллектуальный бред наводил невыразимую тоску. Пропади пропадом это искусство — ей нравятся сенсорные записи.

Маринер-Блейн поправила маску и дыхательный клапан, надела на ноги ласты и повернула воздушный кран. Через несколько секунд шлюз наполнился водой. Девушка с нетерпением ждала, пока давление внутри шлюза сравняется с наружным. Наконец дверца шлюза автоматически открылась, и она стрелой поплыла вперед.

Подводная ферма ее отца находилась на глубине сотни футов, рядом с гигантской массой основания Гавайских островов. Быстрыми, мощными гребками девушка стала погружаться, уходя в зеленую глубину. Том ждет ее у коралловых пещер.

Маринер-Блейн погружалась все глубже, вокруг становилось все темнее. Она включила электрический фонарь на голове и крепче сжала губами респиратор. Может быть, правда, что скоро обитатели подводных ферм смогут отращивать себе жабры? Так говорил их преподаватель в школе, и не исключено, что это случится уже на ее веку. Интересно, как она будет выглядеть с жабрами? Загадочная, наверное, стройная и удивительная повелительница рыбьего царства.

Но если жабры не будут красивыми, их всегда можно прикрыть длинными волосами.

В желтом свете лампы девушка увидела впереди коралловые пещеры, красно-розовый лабиринт с уютными герметичными

ответвлениями, где их никто не потревожит. И тут она увидела Тома.

Внезапно девушку охватило смятение. Вдруг у нее будет ребенок? Том уверял ее, что все будет в порядке, но ведь ему только девятнадцать. Правильно ли она поступает? Они часто говорили об этом, и она удивила Тома своей откровенностью. Но одно дело — говорить, и совсем другое — действовать. Что подумает о ней Том, если она скажет ему «нет»? Может быть, ей удастся отшутиться, сделать вид, что просто дразнила его?

Длинное золотистое тело Тома плыло вместе с ней к пещерам. Он сделал рукой приветственный жест. Фантастически окрашенная рыба с большим плавником проплыла мимо, за ней — маленькая акула.

Что же ей делать? Пещеры уже совсем близко, уже видны темные входы. Том улыбнулся ей, и девушка почувствовала, как тает ее сердце...

Элгин-Блейн вздрогнул и сел, подумав, что задремал. Закутавшись в одеяло, он сидел в шезлонге на палубе небольшой моторной шхуны. Суденышко качалось на волнах, море было неспокойно, над головой сияло яркое солнце, и теплый пассат уносил вдаль дым от дизеля.

— Вам уже лучше, мистер Элгин?

Элгин-Блейн посмотрел на невысокого бородатого мужчину в фуражке капитана.

— Прекрасно, просто прекрасно, — ответил он.

— Мы уже почти на месте, — сообщил ему капитан.

Элгин-Блейн кивнул, стараясь понять, что с ним происходит. Он напряг память и вспомнил, что раньше был ростом ниже среднего, с могучими мышцами, широкими грудью и плечами, с несколько коротковатыми для такого богатырского тела ногами, широкими мозолистыми ладонями. На плече виднелся старый извилистый шрам, память о несчастном случае на охоте...

Элгин и Блейн слились в одного человека.

Тут он понял, что наконец вернулся в свое тело. Его имя — Блейн, а Элгин — псевдоним, под которым, по-видимому, он путешествовал.

Долгий путь закончен! Его сознание и тело снова едины!

— Нам сказали, сэр, что вы больны, — сказал капитан. — Но вы так долго были в коматозном состоянии...

— Теперь я чувствую себя хорошо, — ответил Блейн. — Мы далеко от Маркизских островов?

— Нет. Остров Нукухива всего в нескольких часах хода.

Капитан вернулся в рулевую рубку. А Блейн думал о тех, с кем его свела судьба и в чьем сознании он недолго жил.

Он с уважением вспомнил решительного и независимого старика Дайерсена, бредущего к своему коттеджу; надеялся, что молодой Сэнди Томпсон вернется на Марс; испытывал чувство жалости к исковерканному жизнью убийце Пигготу; радовался встрече с серьезным и искренним Хуаном Рамиресом: жалел и одновременно презирал коварного и слабого духом Эда Тайлера; желал счастья прелестной Дженис Маринер.

Все они навсегда остались в его памяти. И плохим, и хорошим он желал самого наилучшего. Теперь они стали его семьей. Далекими родственниками, двоюродными братьями и сестрами, которых он больше никогда не встретит, племянниками и племянницами, о чьей судьбе он будет думать.

Как и во всех семьях, в ней было не без урода, но это его семья, и он всегда будет их помнить.

— Нукухива на горизонте! — раздался возглас капитана.

Блейн поднял голову и увидел на краю горизонта крошечную черную точку, над которой висели белые кучевые облака. Он энергично потер лоб, решив больше не думать о своей приемной семье. Сейчас следует заняться реальными проблемами. Скоро он окажется в своем новом доме, и нужно серьезно подумать, что делать дальше.

Глава 31

Моторная шхуна медленно вошла в залив Таиохаэ. Капитан, уроженец здешних мест, гордящийся этим, рассказал Блейну кое-что о его новом доме.

Он объяснил, что Маркизы состоят из двух групп гористых островов, далеко отстоящих друг от друга. Когда-то архипелаг назывался Каннибаловыми островами, и местные жители прославились тем, что захватывали торговые суда и вырезали экипажи шхун, прибывавших поохотиться за «черными дроздами». В 1842 году острова перешли в руки Франции, которая предоставила им автономию в 1993-м. Нукухива является самым крупным островом, здесь находится столица архипелага. Его самый высокий горный пик —Теметиу — достигает четырех тысяч футов. В портовом городе Таиохаэ проживает около пяти тысяч человек. В общем, сказал капитан, это спокойное место, привольное и беззаботное, что-то вроде тихой заводи среди островов южных морей, где всегда кипит жизнь. Именно здесь находится последнее пристанище нетронутой Полинезии двадцатого века.

Блейн кивнул, мало что поняв из лекции капитана. Гораздо большее впечатление на него произвел вид огромной темной горы впереди, покрытой кружевами серебристых водопадов, и звуки океанского прибоя, грохочущего у гранитного берега.

Он решил, что здесь ему понравится.

Скоро шхуна пришвартовалась к городскому пирсу, и Блейн сошел на берег, чтобы познакомиться с городом Таиохаэ.

Он обнаружил супермаркет и три кинотеатра, ряды одноэтажных домов, множество пальм, несколько небольших магазинов с витринами из зеркального стекла, бесчисленные бары, десятки автомобилей, заправочную станцию и светофор на перекрестке. По тротуарам сновали люди в пестрых рубашках и белых выглаженных брюках. Все носили темные солнечные очки.

«И это последнее пристанище нетронутой Полинезии двадцатого века? — подумал Блейн. — Да ведь это флоридский город, перенесенный на острова южных морей!»

Но что еще можно ожидать от 2110 года? Древняя Полинезия мертва, как добрая старая Англия или Франция эпохи Бурбонов. К тому же он вспомнил, что Флорида в двадцатом веке была весьма привлекательным местом.

Он прошел по Мэйн-стрит и увидел объявление на стене. Оно гласило, что почтмейстер Альфред Грей назначен представителем корпорации «Потусторонняя жизнь, инк.» в группе Маркизских островов. А немного дальше стояло небольшое черное здание с вывеской: «Публичные кабины для самоубийц».

«Да, — язвительно подумал Блейн, — современная цивилизация проникла даже сюда! Глядишь, скоро здесь появится и Духовный коммутатор. И что тогда будет с нами?»

Пройдя весь город, Блейн повернул назад, и тут к нему поспешно подошел коренастый краснолицый мужчина.

— Вы мистер Элгин? Мистер Томас Элгин?

— Да, это я, — с некоторой опаской ответил Блейн.

— Ужасно не повезло, что я не успел встретить вас в порту, — произнес извиняющимся тоном краснолицый мужчина, вытирая мокрый лоб большим платком. — Разумеется, это не оправдание. Просто оплошность с моей стороны. Неторопливость, царящая на этих островах. Неизбежное явление. Да, я забыл представиться. Дэвис, хозяин местной верфи. Добро пожаловать в Таиохаэ, мистер Элгин.

— Спасибо, мистер Дэвис.

— Что вы, наоборот. Это я должен благодарить вас за то, что вы откликнулись на мое объявление. Мне давно нужен главный проектировщик. Откровенно говоря, я не рассчитывал привлечь на работу специалиста вашей квалификации.

— Гм-м, — промычал Блейн, удивленный и обрадованный поразительной тщательностью подготовки, проведенной Орком.

— Сейчас трудно найти человека, хорошо знакомого с методами конструирования яхт, применявшихся в двадцатом веке, — печально произнес Дэвис. — Забытое искусство. Вы уже успели осмотреть остров?

— Бегло, — ответил Блейн.

— Вы готовы остаться у нас? — В голосе Дэвиса звучало беспокойство. — Вы не представляете, как трудно найти хорошего конструктора, готового переехать в такое забытое Богом место, как

этот город. Едва специалист приезжает, как тут же начинает думать о том, чтобы перебраться в большой процветающий город вроде Папеэте или Апиа. Я понимаю, конечно, что там лучше платят, да и развлечений больше. Но и у Таиохаэ есть свое очарование.

— Я устал от больших городов, — улыбнулся Блейн. — Вряд ли мне захочется перебраться еще куда-нибудь, мистер Дэвис.

— Отлично, просто отлично! — обрадованно воскликнул Дэвис. — Можете несколько дней не приходить на работу, мистер Элгин. Отдохните, осмотритесь. Знаете, это последнее пристанище примитивной Полинезии. Вот ключи от вашего дома. Он находится на Теметиу-роуд, номер один. Идите прямо вон туда, вверх по склону. Хотите, я провожу вас?

— Не беспокойтесь, я не заблужусь. Очень вам благодарен, мистер Дэвис.

— Еще раз благодарю вас, мистер Элгин. Загляну к вам завтра, когда вы устроитесь. Вам, наверное, захочется познакомиться с местными жителями. Между прочим, в четверг жена мэра устраивает вечеринку. Или в пятницу? Я узнаю и сообщу вам.

Они пожали друг другу руки, и Блейн пошел вверх по Теметиу-роуд, к своему новому дому.

Это оказалось небольшое, только что покрашенное бунгало. Из его окон открывалась фантастическая панорама трех южных заливов Нукухивы. Несколько минут Блейн восхищенно любовался видом, затем толкнул дверь. Она оказалась незапертой, и он вошел.

— Наконец-то!

Блейн не поверил глазам.

— Мэри!

Она была такой же стройной, прелестной и сдержанной, как раньше. Однако чувствовалось, что она нервничает. Мэри говорила без остановки и все время смотрела в сторону.

— Я решила, что будет лучше, если все проблемы уладить на месте, — сказала она. — Вот уже два дня живу здесь и жду тебя. Ты уже встретил мистера Дэвиса, правда? Он мне понравился, такой приятный мужчина.

— Мэри...

— Я сказала ему, что я — твоя невеста, — продолжала девушка. — Надеюсь, ты не возражаешь, Том. Ведь нужно было придумать какую-то причину, чтобы поселиться здесь. Мне пришлось сказать, что я приехала пораньше и хочу сделать для тебя сюрприз. Мистер Дэвис был счастлив, разумеется, ему так хочется, чтобы его главный проектировщик остался здесь навсегда. Ты не сердишься, Том? В крайнем случае можно сказать, что мы не подходим друг другу и...

Блейн обнял ее.

— А мне вот кажется, что мы отлично подходим друг другу, — сказал он. — Я люблю тебя, Мэри.

— О Том, Том, я так люблю тебя! — Она страстно прижалась к нему на мгновение и тут же сделала шаг назад. — Нужно побыстрее назначить свадьбу, если ты не возражаешь. Они здесь такие старомодные, так часто бывает в маленьких городках. Совсем как в двадцатом веке. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Думаю, что понимаю.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Глава 32

Мэри настояла на том, чтобы до свадьбы ей остаться жить в отеле «Южные моря». Блейн предложил провести ее скромно, в присутствии лишь мирового судьи, однако Мэри удивила его: ей хотелось настоящей свадьбы, причем такой, которой никогда не видели в Таиохаэ. Праздник состоялся в воскресенье в доме мэра.

Мистер Дэвис разрешил Блейну воспользоваться небольшой яхтой, принадлежащей верфи. Ранним утром счастливая пара отправилась в свадебное путешествие на Таити.

Все это казалось Блейну счастливым и мимолетным сном. Они плыли по морю, словно вырезанному из нефрита, и смотрели на огромную желтую луну, пересеченную вантами яхты и запутавшуюся в растяжках. Солнце встало из длинного черного облака, достигло зенита и закатилось, превратив море в сверкающую медную чашу. Яхта бросила якорь в лагуне Папеэте, и они увидели горы Муреа, пылающие в лучах заката, более фантастические, чем лунные пики. И Блейн вспомнил тот день в Чесапикском заливе, когда он мечтал о Раиатеа, горах Муреа и свежих пассатах...

Целый континент и океан отделяли тогда его от Таити, не говоря уже о других препятствиях. Но это было в другом веке.

Они отправились на Муреа, на лошадях поднялись по горному склону и набрали белых цветов. Затем вернулись на яхту, стоявшую на якоре под сенью горы, и поплыли к островам Туамоту.

Наконец они вернулись в Таиохаэ. Мэри занялась домашним хозяйством, а Блейн начал работать на верфи.

Первые недели их не покидало беспокойство. Они просматривали нью-йоркские газеты и гадали, что предпримет дальше «Рекс». Однако о корпорации ничего не было слышно, и они решили, что опасность миновала. И все-таки с чувством огромного облегчения два месяца спустя они прочли, что охота за Блейном прекращена.

Обязанности Блейна на верфи были интересными и разнообразными. Местные катера и кечи с трудом дотягивали до верфи с

погнутыми и треснувшими винтами; с обшивкой, продранной коралловым рифом; с парусами, сорванными внезапным шквалом. Кроме того, приходилось обслуживать подводные средства передвижения и суда, принадлежащие окрестным владельцам морских ферм, пользовавшимся Таиохаэ как базой снабжения. Наконец, нужно было строить новые шлюпки, а иногда и шхуны.

Все практические вопросы Блейн решал квалифицированно и быстро. Время шло, и он начал писать рекламные релизы о верфи и помещать их в «Курьере южных морей». В результате работы стало больше, увеличился объем деловой корреспонденции, и возникла необходимость в расширении контактов между верфью, где работал Блейн, и маленькими верфями, которым передавалась часть заказов. Блейн взял все это на себя, включая рекламу.

Его деятельность в качестве главного проектировщика начала приобретать прямо-таки сверхъестественное сходство с работой на предыдущих должностях, где он служил младшим конструктором яхт. Но это уже перестало его беспокоить. Теперь ему казалось, что природа предназначила для него роль младшего конструктора, ни больше и ни меньше. Такой уж была его судьба, и он покорился.

Жизнь Блейна катилась по ровной проторенной колее. Он проводил время на верфи и в белом бунгало, субботними вечерами смотрел кино и микрофильмы «Санди таймс», совершал непродолжительные поездки на подводные фермы и другие острова Маркизского архипелага, бывал на вечеринках в доме мэра, играл в покер в яхт-клубе, ходил на яхте по Комптроллер Бей и купался при лунном свете на пляже Темуоа. Блейну начало казаться, что его жизнь приобрела окончательную и устойчивую форму.

Но почти через четыре месяца после приезда в Таиохаэ все снова изменилось.

Однажды утром Блейн проснулся, позавтракал, поцеловал жену и пошел на верфь. Там стоял широкий кеч с круглым днищем, прибывший с Туамоту. Капитан судна не рассчитал и попытался прошмыгнуть в узкий проход под парусами. В результате приливное течение повалило кеч на обрызганный пеной гранитный камень, прежде чем команда успела завести двигатель. Нужно было выправить шесть шпангоутов и заменить несколько досок в обшивке. Работу удастся сделать, по-видимому, за неделю.

Блейн осматривал кеч, когда к нему подошел мистер Дэвис.

— Послушай, Том, — сказал он, — только что тебя искал какой-то мужчина. Ты не видел его?

— Нет, — ответил Блейн. — А кто он?

— Приехал с материка. — Дэвис нахмурился. — Только что с

парохода. Я сказал ему, что ты еще не пришел, и он ответил, что зайдет к тебе домой.

— Как он выглядел? — спросил Блейн, чувствуя, как по спине бежит струйка холодного пота.

Дэвис нахмурился еще больше.

— В этом-то и самое странное. Примерно твоего роста, худой и загорелый. С бородой и бакенбардами. Теперь такое редко встречается. Да — от него сильно пахло лосьоном.

— Действительно странно, — согласился Блейн.

— Очень странно. Готов поклясться, что борода была накладной.

— Вот как?

— Да, она выглядела фальшивой. И все остальное тоже выглядело фальшивым. К тому же он сильно хромал.

— Он не назвал себя?

— Его зовут Смит. Том, ты куда?

— Мне нужно срочно зайти домой, — ответил Блейн. — Я все объясню тебе потом.

Он поспешно вышел из ворот верфи. Смит вспомнил, должно быть, кто он такой и что связывает его с Блейном. И как обещал, зомби приехал рассказать об этом.

Глава 33

Как только он сообщил Мэри о приезде Смита, она тут же подошла к шкафу, достала чемоданы, отнесла в спальню и принялась поспешно укладывать вещи.

— Что ты делаешь? — удивился Блейн.

— Собираю вещи.

— Это я вижу. Но почему?

— Потому что мы уезжаем отсюда.

— О чем ты говоришь? Мы здесь живем!

— Больше не живем, — сказала она. — И не будем, из-за этого проклятого Смита. Он приносит несчастье, Том.

— Не сомневаюсь в этом, — кивнул Блейн. — Но это не основание для бегства. Перестань возиться с чемоданами и послушай меня! Что он может мне сделать?

— Мы не останемся, чтобы это выяснить.

Мэри кидала вещи в чемодан, пока Блейн не схватил ее за руки.

— Успокойся, — сказал он. — Я не собираюсь убегать от Смита.

— Но ведь это единственный разумный выход, — возразила Мэри. — Это наше несчастье, но ведь он долго не протянет. Еще несколько месяцев, может быть, даже недель, и он умрет. Он уже давно должен был умереть, этот отвратительный зомби! Давай уедем, Том!

— Ты с ума сошла! — сказал Блейн. — Чего бы он от нас ни хотел, я с ним справлюсь.

— Ты и раньше так говорил.

— Но сейчас положение изменилось.

— Оно снова изменилось! Том, давай попросим у мистера Дэвиса его яхту, он поймет нас. И мы могли бы отправиться...

— Нет! Разрази меня гром, я не буду убегать от Смита! Может быть, ты забыла, что он спас мне жизнь?

— Но почему он ее спас? — всхлипнула она. — Том, я предупреждаю тебя! Ты не должен с ним встречаться, если он действительно все вспомнил!

— Погоди, — медленно произнес Блейн. — Тебе что-то известно? Что-то, чего не знаю я?

Она мгновенно успокоилась.

— Конечно нет.

— Мэри, ты говоришь правду?

— Да, милый. Но я боюсь Смита. Пожалуйста, Том, уступи мне на этот раз. Давай уедем.

— Я ни шагу отсюда не сделаю, — решительно сказал Блейн. — Здесь мой дом — и точка.

Мэри села. Она выглядела измученной.

— Ну хорошо, милый. Поступай, как считаешь нужным.

— Так-то лучше, — отозвался Блейн. — Не беспокойся, все будет хорошо.

— Да, конечно.

Блейн убрал в шкаф чемоданы и снова повесил одежду. Затем он сел и стал ждать. Внешне он казался спокойным, однако его не оставляли воспоминания о том, как он спустился в подземелье, прошел через богато украшенные резные двери с египетскими иероглифами и китайскими идеограммами на них, оказался в огромном помещении с мраморными колоннами — Дворце смерти, посреди которого на возвышении стоял бронзовый гроб, инкрустированный золотом. И услышал пронзительный голос Рейли, доносящийся из серебристого тумана: «Есть вещи, которых вы не видите, Блейн, зато я вижу их очень хорошо. Ваше пребывания на Земле будет непродолжительным. Вас предадут те, кому вы верите, а те, кого вы ненавидите, одержат победу. Вы умрете, Блейн, но не через несколько лет, а очень скоро, гораздо раньше, чем вы думаете. Вас предадут, и вы умрете от собственной руки, покончите с собой!»

Этот безумный старик! Блейн вздрогнул и посмотрел на Мэри. Она сидела, опустив глаза, ожидая, что будет дальше. И он тоже ждал.

Через некоторое время послышался негромкий стук в дверь.

— Входите, — сказал Блейн тому, кто стоял у входа.

Глава 34

Блейн сразу узнал Смита, несмотря на накладную бороду, бакенбарды и темный крем, создающий впечатление загара. Зомби, хромая, вошел в дом, и вместе с ним проник едва ощутимый дух тления, который не мог перебить даже резкий запах лосьона.

— Извините мой маскарад, — сказал Смит. — Это не для того, чтобы обмануть вас или кого-нибудь другого. Мне приходится скрывать свое лицо, потому что на него уже нельзя смотреть без содрогания.

— Ты проделал длинный путь, — сказал Блейн.

— Да, неблизкий, — согласился Смит, — и мне пришлось преодолеть немало трудностей. Но я не буду утомлять тебя рассказами. Мне удалось приехать — и это самое главное.

— Зачем ты приехал?

— Потому что теперь я знаю, кто я такой, — ответил Смит.

— И ты думаешь, что это касается меня?

— Да.

— Не могу себе представить, каким образом, — мрачно заметил Блейн. — Но я готов выслушать тебя.

— Одну минуту, — вмешалась Мэри. — Смит, вы преследовали его с того момента, как он появился в этом мире. Вы не оставляли его ни на миг. Неужели вы не можете смириться с нынешним положением вещей? Почему вы не хотите просто уйти и где-нибудь спокойно умереть?

— Сначала я должен рассказать обо всем.

— Ну что ж, говори, — сказал Блейн.

— Меня зовут Джеймс Олин Робинсон, — сообщил Смит.

— Никогда не слышал этого имени, — произнес Блейн, немного подумав.

— Разумеется.

— А мы не могли встречаться раньше, до того как увидели друг друга в здании «Рекса»?

— Если это можно так назвать.

— Значит, встречались?

— Коротко.

— Ну хорошо, Джеймс Олин Робинсон, расскажи мне обо всем. Когда произошла наша встреча?

— Она была очень короткой, — сказал Робинсон. — Мы видели друг друга какую-то долю секунды. Это случилось поздно вечером в 1958 году, на пустынном шоссе. Ты ехал в своем автомобиле, а я в своем.

— Значит, ты сидел за рулем той машины, когда произошел несчастный случай?

— Да. Если это можно назвать несчастным случаем.

— Но так и было. Все произошло совершенно случайно!

— Если это так, мне здесь больше нечего делать, — ответил Робинсон. — Однако это не было несчастным случаем, Блейн. Произошло убийство. Спросите об этом у жены.

Блейн посмотрел на Мэри, сидевшую в углу дивана. Ее лицо напоминало восковую маску. Казалось, силы покинули ее. Взгляд Мэри был обращен внутрь, где она видела что-то неприятное. Блейну показалось, что она вспомнила какой-то свой старый грех, давным-давно забытый и вот теперь оживший в памяти при появлении Робинсона.

Глядя на нее, Блейн стал вспоминать прошлое и выстраивать факты в определенной последовательности.

— Мэри, — произнес он, — что случилось той ночью в 1958 году? Откуда вы в «Рексе» знали, что произойдет автомобильная авария?

— Существуют статистические методы предсказания, которыми мы пользуемся, определенная вероятность... — Она замолчала.

— А может быть, вы заставили меня разбить автомобиль? — спросил Блейн. — Может быть, вы подстроили этот несчастный случай, когда вам понадобилось вытащить меня в будущее ради своей рекламной кампании?

Мэри не ответила. Тогда Блейн напряг память и постарался припомнить, как он умер.

...Он ехал по прямому пустынному шоссе, свет фар высвечивал перед ним белый коридор, а темнота все отступала и отступала... Его автомобиль неожиданно и резко свернул навстречу светящимся фарам встречной машины... Он хотел повернуть руль, но руль не поворачивался... Рулевое колесо свободно повернулось в руках Блейна, и двигатель заревел, работая вразнос...

— Господи, ну конечно, ты подстроила этот несчастный случай! — крикнул Блейн жене. — Ты и твоя энергетическая система «Рекс» заставили меня свернуть на встречную полосу! Смотри мне в глаза и отвечай! Это правда?

— Да, да! — воскликнула Мэри. — Но мы не хотели убивать его. Робинсон оказался случайной жертвой. Мне очень жаль.

— Выходит, ты знала, кто он такой, — произнес Блейн.

— Догадывалась.

— И ничего не сказала мне. — Блейн стал расхаживать по комнате. — Мэри! Ты ведь убила меня, черт побери!

— Нет, Том, это неправда! Нет! Я перебросила тебя из 1958 года в наш век. Я дала тебе другое тело. Но я не убивала тебя.

— Вы всего лишь убили меня, — грустно заметил Робинсон.

Мэри с трудом оторвалась от созерцания прошлого в своем сознании и взглянула на него.

— Боюсь, мистер Робинсон, что я виновата в вашей смерти, хоть и невольно. Ваше тело, должно быть, умерло одновременно с телом Тома. Затем, после того как энергетическая система «Рекс»

вытащила его в будущее, она прихватила и вас. А потом вы переселились в тело, предназначенное для Рейли.

— Очень плохая замена моему прежнему телу, — произнес Робинсон.

— Не сомневаюсь. Но чего вы хотите теперь? Чем я могу вам помочь? Потусторонняя жизнь...

— Я не хочу, — сказал Робинсон. — Я не успел как следует пожить на Земле.

— Сколько тебе было лет во время катастрофы? — спросил Блейн.

— Девятнадцать.

Блейн печально кивнул.

— Я не готов к потусторонней жизни, — начал Робинсон. — Мне хочется путешествовать, работать, смотреть. Я хочу узнать, что я за человек. Я хочу жить! Знаете, у меня никогда не было женщины! Я готов променять бессмертие на десяток хороших земных лет. — Робинсон поколебался и сказал: — Мне нужно тело. Мне нужно хорошее мужское тело, в котором я мог бы жить, а не эта падаль, которую я ношу на себе. Блейн, твоя жена убила мое прежнее тело.

— И ты хочешь получить мое? — спросил Блейн.

— Если ты считаешь это справедливым.

— Одну минуту! — вмешалась Мэри. Ее лицо снова порозовело. Признавшись в том, что совершила, Мэри словно освободилась от преследовавшего ее кошмара и снова начала бороться. — Робинсон, вы не имеете права требовать этого от него. Он не имел никакого отношения к вашей смерти. Это моя вина, и я признаюсь в ней. Вам не годится женское тело, правда? Впрочем, я не отдала бы свое тело в любом случае. Что было — то было, прошлого не вернешь! Уходите!

Робинсон не обратил внимания на ее слова и посмотрел на Блейна.

— Я ведь знал, что это был ты, Блейн. Даже когда я ничего больше не знал. Я охранял тебя, Блейн, я спас тебе жизнь!

— Это верно, — тихо пробормотал Блейн.

— Ну и что?! — закричала Мэри. — Он спас твою жизнь. Это не значит, что она принадлежит ему! Нельзя спасти чью-то жизнь и потом рассчитывать, что тебе отдадут ее по первому требованию. Том, не слушай его!

— Я не могу принудить тебя, Блейн, и не собираюсь убеждать, — сказал Робинсон. — Ты сам должен решить, как поступить, — я соглашусь с любым твоим решением. Только постарайся припомнить все, абсолютно все.

Блейн взглянул на зомби почти с любовью.

— Значит, здесь есть что-то еще. Что-то очень важное. Правда, Робинсон?

Робинсон кивнул, не сводя взгляда с лица Блейна.

— Но откуда ты знаешь это? — спросил Блейн. — Как ты можешь это знать?

— Потому что я понимаю тебя. Я посвятил тебе жизнь. Моя жизнь вращалась вокруг твоей. Я думал только о тебе и больше ни о чем. И чем лучше я узнавал тебя, тем больше убеждался.

— Пожалуй, — кивнул Блейн.

— О чем вы? — вмешалась Мэри. — Что еще? Что еще тут может быть?

— Мне надо подумать, — сказал Блейн. — Я должен вспомнить. Прошу тебя, Робинсон, выйди ненадолго.

— Конечно, — согласился зомби и тут же вышел.

Блейн жестом попросил Мэри помолчать, затем сел и обхватил голову руками. Теперь ему нужно припомнить что-то, о чем не хотелось вспоминать. Теперь, раз и навсегда, он должен разобраться в прошлом.

В его сознании еще звучал крик Рейли во Дворце смерти: «Вы во всем виноваты! Да-да, вы убили меня своим сознанием убийцы! Кто же еще, как не вы, чудовище из прошлого, проклятый монстр! Все сторонятся вас, кроме вашего приятеля-мертвеца! Почему вы не умерли, убийца?»

Неужели Рейли знал?

Он вспомнил, что сказал ему после охоты Сэмми Джонс: «Ты прирожденный убийца, Том. Это для тебя единственное занятие, лучше не найдешь».

Значит, и Сэмми догадался?

А теперь самое главное, самое значительное в его жизни — момент его смерти в ту ночь 1958 года. Он отчетливо помнил:

...Руль снова заработал, но Блейн не обратил на это внимания, охваченный внезапным яростным ликованием, он жаждал столкновения, стремился к нему, приветствовал боль, разрушение, мучение и смерть...

Блейн вздрогнул, снова переживая тот момент, который стремился забыть, — когда он мог избежать катастрофы, но предпочел убить...

Он поднял голову и посмотрел на жену.

— Я убил его, — сказал он. — И Робинсон знал это. А теперь знаю и я.

Глава 35

Он подробно объяснил Мэри, как все произошло. Сначала она отказывалась верить ему.

— Это было так давно, Том! Как ты можешь быть уверен в том, что говоришь?

— Я уверен, — ответил Блейн. — Не думаю, что можно забыть,

как ты умер. Я помню свою смерть очень хорошо. Именно так я умер.

— И все-таки ты не можешь считать себя убийцей из-за одного мгновения, одной доли секунды...

— Сколько времени нужно, чтобы выпустить пулю или вонзить нож? — спросил Блейн. — Доля секунды! Именно столько нужно, чтобы стать убийцей.

— Но Том, у тебя не было причины.

— Действительно, я совершил убийство не ради выгоды или мести, — кивнул Блейн. — Но ведь я не обычный убийца. Я принадлежу к относительно редкому типу. Я — самый обыкновенный средний человек, в сознании которого всего понемногу, включая стремление убивать. Я совершил убийство, потому что в тот момент у меня появилась такая возможность. Моя возможность, уникальное совпадение событий, настроений, мыслей, влажности воздуха, температуры и Бог знает чего еще. Такое совпадение возникает раз в две жизни.

— Но ты не должен винить себя! — воскликнула Мэри. — Это никогда бы не случилось, если бы энергетическая система «Рекс» и я не создали для тебя эту уникальную возможность.

— Это верно. Но я ею воспользовался, — напомнил Блейн. — Я воспользовался представившейся возможностью и совершил преднамеренное убийство просто ради забавы, потому что знал, меня не поймают, не обвинят. Я убийца.

— ...Мы убийцы.

— Да.

— Ну хорошо, мы с тобой убийцы, — спокойно сказала Мэри. — Ну и ладно, и нечего сентиментальничать. Мы убили раз, можем убить снова.

— Никогда, — отрезал Блейн.

— Но он ведь почти мертв! Клянусь тебе, Том, ему осталось не больше месяца. Один удар — и ему конец. Всего один толчок.

— Нет, — ответил Блейн.

— Тогда позволь мне сделать это.

— Нет.

— Ты просто идиот! Ладно, тогда не предпринимай ничего. Жди. Через месяц он умрет. Ты ведь можешь подождать месяц, Том, и тогда...

— Это тоже убийство, — устало заметил Блейн.

— Неужели ты хочешь отдать ему свое тело, Том? А как наша жизнь — твоя и моя?

— Ты считаешь, что мы сможем после этого жить как ни в чем не бывало? — спросил Блейн. — Я не могу. И перестань спорить. Не знаю, поступил бы я так, если бы не было потусторонней жизни. Вполне вероятно, что нет. Но потусторонняя жизнь существует. И я хочу уйти туда, уладив все земные дела, заплатив долги.

Если бы речь шла о единственной жизни, я боролся бы за нее всеми силами. Но ситуация изменилась. Ты меня понимаешь?

— Да, конечно, — произнесла Мэри упавшим голосом.

— Откровенно говоря, потусторонняя жизнь очень интересует меня. Мне хочется познакомиться с ней. И вот еще что...

— Что?

Ее плечи вздрагивали, и Блейн обнял жену. Он думал о разговоре с Халлом, этим элегантным аристократом-жертвой.

Халл говорил: «Мы следуем указанию Ницше: умрите вовремя! Разумные люди не хватаются за оставшуюся жизнь, как утопающий хватается за соломинку. Они понимают, что телесная жизнь — это всего лишь бесконечно малая часть человеческого существования. Отчего бы способным ученикам не перепрыгнуть через один-два класса в этой школе?»

Блейн вспомнил, каким странным, мрачным и благородным казался ему выбор Халла. С претензией, разумеется, так ведь и вся жизнь претенциозна в бесконечной Вселенной неживой материи. Халл походил на древнего японского самурая, опускающегося на колени, чтобы совершить ритуальное самоубийство — харакири, подчеркивая тем самым ценность жизни в выборе смерти.

А еще Халл говорил: «Акт смерти должен быть выше положения в обществе и хороших манер. Это доказательство благородства человека, королевский зов, рыцарский долг, его самое великое приключение в жизни. То, как он проявит себя в этом одиноком опасном предприятии, характеризует его как человека».

Мэри нарушила его размышления:

— Ты сказал «И вот еще что». Что ты имел в виду?

— А-а, ты об этом. — Блейн на мгновение задумался. — Я просто хотел сказать, что на меня оказали немалое влияние некоторые обычаи двадцать второго столетия. Особенно аристократические. — Он улыбнулся и поцеловал ее. — Но у меня, конечно, всегда был хороший вкус.

Глава 36

Блейн открыл дверь.

— Робинсон, — позвал он, — сейчас мы пойдем в кабину для самоубийц. Я отдаю тебе свое тело.

— Другого я и не ожидал от тебя, Том, — сказал зомби.

— Тогда пошли.

Вместе, не спеша, они стали спускаться по горному склону. Мэри несколько секунд смотрела им вслед из окна, потом пошла за ними.

Они остановились у двери кабины для самоубийц.

— Ты полагаешь, что сумеешь перебраться в мое тело? — спросил Блейн.

— Я уверен, — ответил Робинсон. — Том, я хочу поблагодарить тебя. Обещаю хорошо обращаться с твоим телом.

— Вообще-то оно не мое, — сказал Блейн. — Раньше это тело принадлежало человеку по имени Кранч. Но я привык к нему и даже полюбил. Ты привыкнешь к его особенностям. Вот только напоминай ему время от времени, кто хозяин. Иногда его так и тянет поохотиться.

— Думаю, что мне это понравится, — сказал Робинсон.

— И я так думаю. Ну что ж, желаю удачи.

— Удачи и тебе, Том.

Подошла Мэри, и ее ледяные губы в последний раз коснулись щеки Блейна.

— Что ты будешь делать без меня? — спросил он.

— Не знаю. — Мэри пожала плечами. — Чувствую себя такой опустошенной... Том, это действительно необходимо?

— Да.

Блейн еще раз оглянулся, посмотрел на пальмы, шелестящие под легким ветерком в лучах солнца, на голубую гладь моря и огромную темную гору в паутине серебряных водопадов. Затем он повернулся, вошел в кабину и закрыл за собой дверь.

Внутри не было окон и мебели, кроме единственного кресла. Инструкция на стене была очень простой. Вы просто садитесь, не спеша поворачиваете выключатель справа — и умираете, быстро и безболезненно, а ваше тело готово принять следующего обитателя.

Блейн сел, нащупал рукой выключатель и откинулся на спинку, закрыв глаза.

Он снова подумал о своей первой смерти и еще раз пожалел, что она не была более эффектной. Следовало бы на этот раз исправить ошибку и уйти из жизни, как Халл, в отчаянной схватке с охотниками на горном склоне на закате солнца. Почему он не умрет так же? Почему он не погибнет, сражаясь с тайфуном, охотясь на тигра или взбираясь на Эверест? Почему и на этот раз его смерть будет такой обычной, банальной, ничем не примечательной?

И наконец, почему он никогда не занимался конструированием яхт по-настоящему?

Эффектная смерть, понял Блейн, не соответствовала бы его натуре. Несомненно, ему на роду написано умереть спокойно, быстро и безболезненно. И вся его жизнь в двадцать втором веке, вероятно, была только подготовкой к такой смерти — неясное ощущение этого возникло в день смерти Рейли, потом превратилось в определенную уверенность во Дворце смерти и стало неумолимой судьбой, когда он поселился в Таиохаэ.

И все-таки, какой бы ни была смерть, она является самым

важным событием в жизни человека. И Блейн с нетерпением ждал ее.

Жаловаться ему было не на что. Несмотря на то что он жил в будущем чуть больше года, он выиграл величайший приз — потустороннюю жизнь! И снова, как и в тот день, когда после завершения процедуры он покинул здание корпорации «Потусторонняя жизнь», его охватило ощущение свободы от постоянного мрачного, бессознательного, гнетущего страха смерти, сковывающего каждое движение и пронизывающего мысли. Все люди из его века жили в тени, подавляющей сознание, в страхе перед призраком, преследующим человека днем и ночью, скрывающимся за каждым углом, за каждой дверью, незримым гостем на пиру жизни, все время ждущим своего момента, все время угрожающим...

Теперь ему нечего бояться!

Наконец древний враг побежден! И люди больше не умирают — они попадают в иной, более совершенный мир!

Более того, он обрел нечто большее, чем потусторонняя жизнь. Ему удалось за год прожить целую жизнь.

Он появился на свет в белой светлой комнате, и над ним склонилось лицо бородатого доктора, а добродушная медсестра принесла ему еду. Он встревоженно прислушивался к бормотанию незнакомых голосов. Потом он покинул свое убежище, будучи совсем неподготовленным к незнакомой жизни, и глазел на восточные чудеса Нью-Йорка, и позволил незнакомцу с честным взглядом и медовой речью обмануть себя. И едва не расстался со своим телом, но встретил людей, умных и заботливых; они выручили его из беды, в которую он попал по собственной глупости, утешили и ободрили. Обладая прекрасным, сильным и таинственным телом, он вновь бросился в жизнь, на этот раз зная ее лучше, и в погоне за деньгами и опасностями оказался среди вооруженных наемников. Ему удалось преодолеть это безрассудство, и, став умнее, он выбрал достойное занятие. Но в это время темные, зловещие силы, причастные к его второму рождению, стали его преследовать, и ему пришлось покинуть родину и бежать на самый край земли. Несмотря ни на что, по пути ему удалось обзавестись семьей. Как у каждой семьи, у нее были свои тайны, свои скелеты в шкафу, но это была его семья. Он приехал в страну, о которой мечтал, женился и во время медового месяца наконец увидел горы Муреа, пылающие в лучах заката. Он поселился на острове и провел последние месяцы в спокойствии и трудах, вспоминая чудеса, которые ему довелось повидать. И так он жил, уважаемый и почитаемый всеми...

Этого вполне достаточно. И Блейн повернул выключатель.

Глава 37

— Где я? Кто я? Кем я стал?

Тишина.

— А-а, вспомнил. Я — Томас Блейн, и я только что умер. Сейчас я у Порога, в этом реальном и совершенно не поддающемся описанию месте. Я ощущаю Землю. А впереди я ощущаю потустороннюю жизнь.

— Том...

— Мэри?!

— Да, это я.

— Но как ты... Я не ожидал...

— Может быть, я не была тебе очень хорошей женой, Том, но я всегда была верна тебе и сделала для тебя все, что могла. Я люблю тебя, Том. Конечно же, я пошла за тобой.

— Я так счастлив, Мэри.

— Я рада.

— Пошли?

— Куда, Том?

— В потустороннюю жизнь.

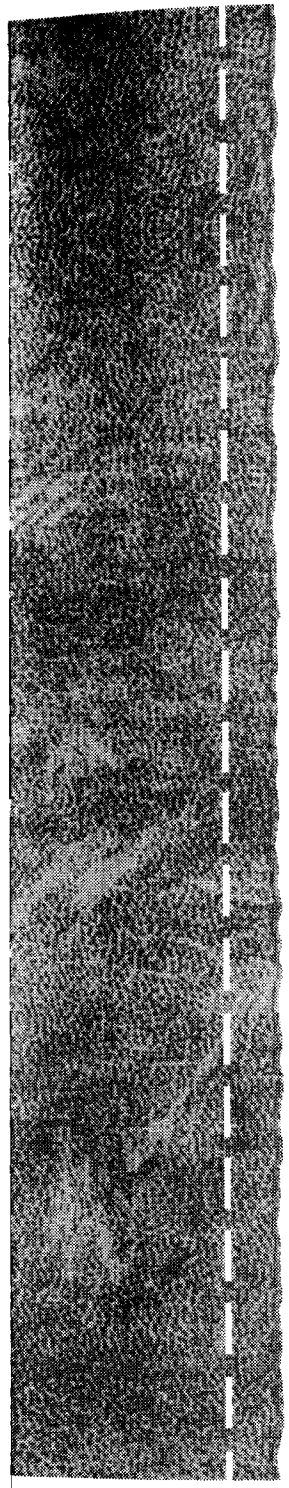
— Том, я боюсь. Нельзя ли еще немного побыть здесь?

— Все будет хорошо. Пошли.

— А вдруг нас разлучат, Том? Что тогда? Я боюсь, что будет очень странно, и страшно, и одиноко.

— Не беспокойся, Мэри. Я был младшим конструктором яхт три раза в течение двух жизней. Это моя судьба! И конечно, она мне не изменит и здесь.

— Хорошо. Теперь я готова, Том. Пошли.



МАЙРИКС

Аарон находился в одном из передвижных модулей на Сесте. Он пытался ликвидировать быстро мутировавшую плесень, которая, появившись накануне вечером, уже успела уничтожить около десяти тысяч акров зерновых культур. После нескольких часов компьютеризированных поисков и моделирующих экспериментов ему в конце концов удалось получить саморазрушающийся вирус, который мог остановить плесень без каких-либо побочных эффектов. По крайней мере, Аарон не обнаружил таковых за столь короткий срок.

Вернувшись на базу, он нашел на автоответчике сообщение, принятое с самийского корабля. Тот просил разрешения на посадку и уточнял исходные орбитальные данные.

Самийцы впервые посещали Сесту, принадлежавшую сообществу Землема, и Аарон сожалел о том, что это историческое событие происходило в момент, когда он был по горло занят своими делами. В южных регионах его фермы началась страда. Уборка урожая велась автоматически, но забот хватало с избытком, особенно после того, как Лоренс покинул планету. Что же касается разрешения на посадку, то в нем еще никому не отказывали, и Аарон не видел причин осложнять отношения с самийцами, которые занимали в этой системе две соседние планеты. Двумя другими планетами владели землемы, а пятая — Майрикс — оставалась незаселенной.

Он передал по космосвязи разрешение на посадку. На экране дисплея возникли очертания корабля — скорее воссозданные компьютером, чем принятые оптическими приборами. Моментом позже телеметрическая система уловила опознавательный сигнал космического судна. Это был крейсер Межпланетного Совета.

Такого Аарон вообще не ожидал. Совет, в чьи функции входила координация дел на пяти планетах в системе Миниэры, редко использовал свои корабли для официальных визитов. Они предназначались для перемещения в модулированно-нейтронных полях, благодаря которым осуществлялась связь между шестью цивилизованными расами Галактики. Но иногда их посылали с курьерскими поручениями — например, если важный и щекотливый вопрос требовал доверительной беседы без стенограмм и протоколов.

Примерно через час корабль совершил посадку. Атмосферные

условия на планетах землемов во многом отличались от того, к чему привыкли самийцы, однако эти небольшие существа отличались удивительной жизнестойкостью и довольно сносно переносили чужеродную среду обитания, которая оказалась бы убийственной для менее приспособленных рас.

Заглушив двигатель, самийский пилот покинул корабль, и его специально оборудованное передвижное средство направилось на базу Аарона. Этот хитроумный трубчатый вездеход имел легкие зубчатые колеса, которые без труда преодолевали умеренные откосы. Самиец восседал в гнезде из паутины. Он напоминал большой кусок бекона, который прокоптили до коричневато-красного цвета. Полное отсутствие каких-либо индивидуальных черт делало его абсолютно непохожим на живое разумное существо. Он выглядел как обычный кусок темной мышцы без видимых отростков, членов или других органов, способных манипулировать вещами. Аарон заметил множество серебристых нитей, которые сбегали по паутине к основанию кресла. Он слышал, что самийцы могли управлять электрической проводимостью своих тел, меняя сопротивление на многочисленных участках кожи. Это обеспечивало самийцу непосредственный контакт с небольшим компьютером, который располагался под его креслом. Слаботочный множитель Эллисона—Чалмерса позволял компьютеру воспроизводить речь любой из шести разумных рас.

Транспортные средства самийцев славились разнообразием форм и особенностями функционального назначения. Но тут возникал интересный вопрос — кто делал для них все эти приспособления? Самийцы не допускали посторонних в свои домашние миры, и было непонятно, как при такой физической структуре им удавалось сохранять технологическую цивилизацию. Каким образом, к примеру, они могли создавать свои космические корабли, не имея каких-то помощников или того, что заменяло им руки? Вернее, вопрос следовало поставить так: кто строил их корабли? Впрочем, почти все, что касалось жизни самийцев, оставалось для других непостижимой тайной.

— Рад познакомиться с вами, Аарон Биксен, — сказал самиец, регулируя тембр голосового синтезатора, встроенного в его кресло. — Я Октано Хавбарр. В настоящее время представляю собой мужскую особь и останусь таковой два следующих месяца. Я прибыл к вам с поручением от Межпланетного Совета, но меня также привели сюда и дружеские чувства, поскольку вы мой ближайший несамийский сосед, а соседям иногда полезно встретиться и поговорить по душам.

Это означало, что самиец прилетел с Леурии — следующей планеты к солнцу от Сесты.

— Мне очень приятно, что вы почтили меня своим вниманием, — ответил Аарон.

— Я уполномочен сообщить вам, что через семьдесят два часа

состоится экстренное заседание Межпланетного Совета. Присутствие представителей планетарных общин строго обязательно.

— Боюсь, они выбрали не самое подходящее время, — сказал Аарон. — Мы приступили к уборке урожая в этом полушарии, а наша популяция так мала, что потребуются силы каждого жителя. Неужели вопрос настолько серьезен?

— Судите сами. Разговор пойдет об экспедиции на Майрикс, — ответил Октано.

Первые поселенцы Землема и Самии обосновались в системе Миниэры триста лет назад. Однако Майрикс, пятая и последняя планета от солнца, до сих пор оставалась необитаемой. Она считалась абсолютно бесперспективной, и поэтому на нее никто не претендовал. В Галактике существовало множество миров, которые почти полностью соответствовали требованиям одной из шести космических рас. Освоение остальных малорентабельных планет откладывалось до будущих времен, так как на этой стадии эволюционного процесса разумным существам вполне хватало и того, что уже имелось. Майрикс мог бы ожидать своей очереди многие тысячелетия. Тем не менее два года назад экспедиция с Клитиса обнаружила там огромные руины, оставшиеся от давно исчезнувшей цивилизации. То была четвертая находка подобного типа, и поэтому ее назвали Четвертым Чужеземным Городом. Ученые вновь заговорили о Седьмой космической расе, которая исчезла за миллион лет до того, как первые из ныне существующих разумных существ вышли в открытый космос.

— Но на Майриксе уже работает исследовательская группа, — сказал Аарон. — Ею руководит мой сын Лоренс.

— Да, мне говорили об этом в штаб-квартире Совета, — произнес самиец.

— Так почему же Совет направил вас сюда? — спросил Аарон. — Неужели на Майриксе что-то случилось? Скажите, это как-то связано с моим сыном?

— Я думаю, у вас нет никаких причин беспокоиться о его здоровье, — ответил самиец. — Однако Совет хочет отправить на Майрикс новую экспедицию. И этот вопрос решили обсудить непосредственно с вами.

Аарон задумался.

— В таком случае мне понадобится время, чтобы активировать программу автоматического управления фермой. И еще я должен кое с кем переговорить. После этого мы можем отправиться в путь.

— Я буду ждать вас на корабле, — сказал Октано. — Сожалею, что доставил вам столь тревожную весть.

Это было стандартное извинение самийцев.

Введя в планетарный компьютер типовую программу, которая, судя по рекламной брошюре, могла управлять хозяйством лучше любого фермера, Аарон позвонил Саре — жене Лоренса. Он ус-

ловился с ней о встрече на ее участке и поспешил в «блоху», чьи длинные прыжки в сочетании с планированием в воздухе позволяли жителям этой большой, холмистой и малонаселенной планеты покрывать огромные расстояния за сравнительно короткое время. Ферма Лоренса была значительно меньше угодий Аарона — всего лишь размером с Италию на материнской Земле. Интерес Сары к сельскому хозяйству не заходил дальше выращивания томатов для домашнего употребления, и поэтому Аарону приходилось обрабатывать землю за нее. Компьютер не возражал против дополнительной нагрузки, но отсутствие Лоренса уже начинало угнетать.

Сара ожидала его в дверях дома. Несмотря на пятый жизненный цикл, который делал ее старше Аарона, эта небольшая изящная женщина с темными волосами, высокими скулами и экзотическим разрезом глаз выглядела очень молодо и привлекательно. Возраст землемов давно перестал оцениваться в терминах одного периода жизни. Годы проявляли себя только после нескольких циклов регенерации, и тогда желающие пользовались услугами косметической хирургии.

— Так ты думаешь, что тебе удастся увидеться с Лоренсом? — спросила Сара.

— Пока трудно говорить об этом наверняка, но у меня есть такая надежда. Во всяком случае, я попытаюсь встретиться с ним. Ты ничего не хочешь ему передать?

Немного подумав, она пожала плечами:

— Нет, ничего особенного.

— Ты его жена, Сара, — напомнил Аарон. — Неужели так трудно передать ему хотя бы несколько слов любви?

— И что мне ему сказать? «Ах, мой милый Лоренс! Оставайся в этом изумительном городе чужаков столько, сколько тебе захочется. Если потребуется год или два, ты не думай о своей жене, заброшенной на этой чертовой ферме размером с Италию».

— Я понимаю, как тебе нелегко. Трудно жить на таком большом пространстве с маленьким ребенком и кучкой несмышленых роботов.

— Лоренс говорил, что вскоре сюда приедут другие поселенцы и у нас появятся соседи. Но они не приехали. Почему?

— В Галактике много хороших мест, где поселенцев ждут с распростертыми объятиями, — ответил Аарон. — Однако с каждым годом приезжих становится все меньше и меньше. Новые территории открываются почти ежедневно, но прирост населения уже не позволяет поддерживать новые колонии. В результате на любой планете сообщества нас можно пересчитать по пальцам.

Его слова не произвели на Сару никакого впечатления.

— Лоренс мог бы подумать об этом, увозя меня с Экселсиса. В своем мире я привыкла к людям. Мне не хватает смеха и хорошей компании. А теперь я лишилась даже его. Что же там такого хорошего в этом Чужеземном Городе?

— Я не знаю, Сара, — ответил Аарон. — Самому мне там бывать не доводилось, а сообщения оттуда приходят очень скудные.

— В последнее время ты нас почти не навещаешь, — сказала она. — Неужели тебе так не нравится твоя невестка?

— Что ты, Сара! Я в тебе души не чаю, можешь в этом не сомневаться. Но сейчас навалилось столько работы...

— Ты, наверное, считаешь меня бестолковой и тщеславной дурой, — продолжала она. — Конечно, вы с Лоренсом такие серьезные. Разве можно вам тратить свое драгоценное время на такую пустоголовую леди, как я...

— Сара, прошу тебя. На самом деле все как раз наоборот.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Что ты этим хочешь сказать, Аарон?

Но тот уже жалел о своих словах.

— Ладно, забудь об этом.

— Но ты ведь что-то имел в виду, не так ли?

— Брось, не начинай, — попросил Аарон, и в его голосе появилась напускная невыразительность. — Не надо выдумывать лишнего.

— Ты пытаешься убедить меня, что никогда не думал о нас с тобой?

— Ты очень привлекательная женщина, Сара. И, конечно, иногда я думаю о тебе. Но ты жена моего сына, и между нами не может быть никаких порочных отношений. Прошу тебя, не надо смеяться.

— Ах, Аарон, если бы ты только знал, как глупо и напыщенно звучат в твоем исполнении эти затасканные фразы. Пустые слова, которые ничего не значат! Я чувствую, что ты хочешь меня. Я знала об этом еще с тех пор, когда мы с Лоренсом приезжали к тебе в гости. Неужели ты думал, что я не замечала твоих страстных взглядов?

— Я и не представлял, что они были настолько страстными, — ответил Аарон.

Он знал причину своей несдержанности. Шесть месяцев назад его жена Мелисса улетела на планету Элсинор, где ей полагалось пройти курс переподготовки и ознакомиться с новыми достижениями в области экологии. Он очень тосковал без нее. Но эта разлука была необходима. Для землемов, которые в сравнении с древними людьми жили по двенадцать и более жизненных циклов, такие расставания и переподготовки являлись обязательными. По обоюдному согласию Аарон и Мелисса состояли в браке четвертый цикл. Подобная верность являлась даже предметом их гордости. Однако сейчас эта гордость ему почти не помогала.

— Ладно, я передам Лоренсу, что ты его любишь и ждешь, — сказал он решительным тоном.

— Хорошо, — ответила Сара. — Но если ты решил донести ему мою любовь, может быть, и себе возьмешь кусочек?

— Прошу тебя, успокойся. Я уверен, что Лоренс скоро вернется.

— И это сразу сделает нас всех счастливыми, правда? Прощай, Аарон. Счастливого тебе пути. И быстрее возвращайся.

А потом был ничем не примечательный полет на Стилсан — вторую планету землемов, на которой располагался Совет. Аарон хотел расспросить своего самийского коллегу о ситуации на Майриксе и о том, как идут дела у Лоренса. Но он сдержал свое нетерпение, понимая, что через несколько часов ему предоставят об этом полную информацию.

Они совершили посадку в столице Стилсана, и Аарона удивили те разительные перемены, которые произошли в облике некогда сонного и малолюдного Лексихитча. Повсюду виднелись новые здания, дороги и даже декоративные фонтаны. Такое строительство требовало немалых денег, а главное, огромного притока людей, и он не представлял, откуда все это могло появиться здесь за какие-то десять лет.

Большая часть деловых кварталов города была занята правительственными учреждениями, размещенными на Стилсане. Аарон поспешил в штаб-квартиру Совета, где в данный момент встречались делегаты от сообщества Землема. У дверей стояла вооруженная охрана. После проверки документов и сетчатки глаз его пропустили в зал заседаний.

В зале царил ужасный беспорядок. Несколько ораторов, перебивая друг друга, излагали свои точки зрения. Неподалеку от входа, скрестив руки на груди, стоял военный советник. Его красная орденская лента и табельное оружие свидетельствовали о важности предстоящего заседания.

Аарона окликнули по имени. Обернувшись, он увидел Мэтью Бессемера, толстощекого горняка с большими и отвисшими, как у моржа, усами. Мэтью тоже жил на Сесте — правда, в другом полушарии.

— Долго же ты сюда добирался! Мы ждали тебя еще несколько дней назад!

— А что случилось? В чем дело, Мэт?

— Сразу видно, что все это время ты не проявлял к Майриксу никакого интереса.

— А почему я должен был проявлять к нему интерес? Там нашли руины древнего города. Люди изучают их. Мне говорили, что это может пролить свет на какие-то важные аспекты в существовании Седьмой расы.

Аарон имел в виду таинственное исчезновение тех существ,

которые, очевидно, являлись самой первой разумной расой в Галактике. По мнению ученых, их цивилизация возникла в непостижимой древности, а судя по находкам, обнаруженным в городах чужаков, они продвинулись в своем развитии гораздо дальше, чем любая из ныне известных космических рас. Однако древность этих существ противоречила всему остальному. Трудно было поверить, что сразу после рождения Вселенной в ней могла появиться разумная жизнь — причем с таким невероятным уровнем технологии.

— Если твоя осведомленность на этом и кончается, то ты безнадежно отстал от жизни, — сказал Мэтью.

— Неужели Лоренс что-то нашел? Мы несколько раз беседовали с ним по космосвязи, но он не хотел говорить о своей работе.

— Никто из них об этом не говорит, — ответил Мэтью. — Прямо какой-то заговор молчания. И стоит человеку войти в Чужеземный Город, как его оттуда уже ничем не выманишь. Между прочим, это относится и к представителям других рас. Подумать только! Совет финансирует их исследования, а они скрывают от нас всю информацию. Мы ведь до сих пор не знаем, что там происходит на самом деле. Они все время просят отсрочки для поиска новых и более весомых доказательств.

— И что же подтолкнуло вас к решительным действиям?

— Мы получили отчет от одной молодой цефалонии, которая побывала на Майриксе. По воле случая ей удалось пробить этот нерушимый щит молчания.

Морская Бритва, цефалония с Лайрикса, стала первой, кто описал Четвертый Чужеземный Город с точки зрения водной цивилизации. На Майрикс ее доставил корабль землемов, оборудованный специальными резервуарами, в которых для большего удобства пассажиров осуществлялся контроль за температурой и турбулентностью воды. Эти своеобразные каюты были заботливо заполнены множеством мелких экзотических рыб и лучшими морскими водорослями, от вида которых цефалоны получали эстетическое наслаждение. Рейс получился очень дорогостоящим, но большую часть стоимости проезда оплатило княжество Тюран, для которого Морская Бритва готовила отчет о Майриксе.

— Прошу сюда, мадам, — сказал ей молодой стюард-цефалон, когда она поднялась по трапу и, неловко двигаясь в тяжелом скафандре, прошла через входной шлюз. — Как только вы попадете в свою каюту, жизнь снова покажется вам прекрасной.

К ее великому изумлению, цефалон обходился без заполненного водой скафандра, который она считала обязательным в подобных случаях. Вместо пластикового гидрокостюма юноша использовал лишь шлем и небольшие баллоны с водой. Ей даже захотелось спросить у него, каким образом он поддерживал достаточную

влажность кожи и предохранял чешую от сухого и почти горячего воздуха корабля. Впрочем, это можно было сделать с помощью каких-то масел или мазей. И надо отдать должное, красавчик выглядел просто превосходно. Устыдившись крамольных мыслей, она торопливо зашагала к своей каюте. Но женская натура взяла свое, и Морская Бритва все же бросила быстрый взгляд через плечо, перед тем как проскользнуть в горловину резервуара.

Однако она не имела ничего общего с теми легкомысленными дамами, которые приходят в возбуждение по любому поводу. Ей уже трижды доводилось покидать родную планету, хотя этот гиперпрыжок был у нее первым. Чтобы немного успокоиться, она начала устраивать себе гнездышко в маленьком уютном гроте на дне резервуара. Настроив плавательный пузырь на нулевую силу тяжести, Морская Бритва зависла перед экраном телемонитора и отдалась созерцанию документальных кадров о жизни рыб на других планетах. Этот сериал в шутку называли цефалонской мыльной оперой, и он обычно действовал на нее очень расслабляюще. Но не теперь. Реальная жизнь захватила все ее внимание, вытеснив из ума даже естественные размышления о сексуальных пристрастиях молодого астронавта. И все же как он учтиво вел себя, встречая ее на борту корабля!

— Благодарю вас, — сказала она ему еще раз, когда судно достигло Майрикса.

Стюар галантно поддержал ее за талию, когда лифт трапа устремился вниз. Он помог ей спуститься с платформы подъемника и вежливо пожелал счастливого пути, когда они вышли к причалу с пологим склоном, где она могла сбросить шлем и расправить затекшие плавники. А ее уже манили глубины Чужеземного Города.

— Я получил огромное удовольствие, прислуживая такой прекрасной даме, как вы, — взволнованно произнес молодой астронавт.

И хотя эта фраза была не более чем стандартной формой вежливости, сердце Морской Бритвы подпрыгнуло и тревожно забилось. Она уже устала от долгого одиночества. А какой тяжелой оказалась ее разлука с двумя супругами — большим и грубым Резцом, чье трепетное сердце пылало огнем любви, и юным волнующим красавцем Садриксом, которого она выиграла в последней городской лотерее по легкому флирту. Неужели они не дождутся ее возвращения? Она с болью вспоминала похотливые взгляды своих сестер и кузин, не спускавших глаз с обоих ее мужей. Кроме того, цефалонские мужчины всегда отличались своим непостоянством. Их тяга к любовным интрижкам странным образом сочеталась с нелепым кодексом супружеской верности, которой они наивно требовали от своих жен и подруг. Это противоречие даже выставили на всенародное обсуждение, чтобы впоследствии подвергнуть каждую мужскую особь биологической реконструкции.

— Вам, наверное, пора возвращаться на корабль? — спросила она.

— Вы можете называть меня Катком, — смущаясь, ответил он. — В общем-то я решил задержаться на Майриксе какое-то время.

— Ах вот как? — задорно воскликнула она. — И что вы здесь собираетесь делать? Изучать давно исчезнувшую цивилизацию?

— Морская Бритва, — сказал он, произнося ее имя с намеком на ожидаемую близость, — я не ученый. Я просто молодой цефалон, чье сердце трепещет при виде дамы, о красоте которой можно говорить часами.

Этой фразой начинался один из официальных ритуалов ухаживания. Но, несмотря на волнение и разгоравшуюся страсть, Морская Бритва не поддалась искушению. Она понимала, какой несвоевременной будет эта связь. К тому же молодой цефалон мог оказаться ничем не лучше тех мужчин, с которыми она уже встречалась прежде. С другой стороны, ей поручили серьезную и ответственную миссию: вернуться с содержательным рассказом о последних находках в Чужеземном Городе. И Морская Бритва не могла подвести свой муниципальный Дамский Клуб Великого Труакса, где она читала лекции по популярной экзобиологии.

— В данный момент я должна приступить к изучению планеты, — сказала она. — Но, возможно, позже...

— Ладно, мне все ясно, — ответил молодой астронавт и, взмахнув кончиком хвоста, поплыл к ступеням причала.

Осознав, что она произвела впечатление черствой и бесчувственной дамы, Морская Бритва даже зашипела от расстройства. Этот молодой глупец просто не понял ее намека. Своей холодной сдержанностью она хотела подчеркнуть, что в будущем их встречи могли бы стать более перспективными и плодотворными. И теперь ее раздражало, что такое ясное обещание любви не нашло достойного отклика и признания. Как странно, что мы без проблем понимаем существ из других миров, но не можем понять своих сородичей. Хотя так, наверное, бывает всегда, когда встречаются женщина и мужчина.

Плавно помахивая спинными плавниками, Морская Бритва отплыла подальше от берега и начала погружаться в воду. В тот же миг она почувствовала на себе одну из странностей Чужеземного Города. Внезапное нисходящее завихрение резко развернуло ее вокруг оси и, не причинив никакого вреда, в мгновение ока унесло на большую глубину. Она не могла понять, как это произошло, но ей было приятно оказаться на дне без всяких усилий со своей стороны, поскольку долгое погружение означало для цефалонов то же самое, что для землемов — подъем на гору.

Медленно поднимаясь вверх, она наслаждалась восходящими струями игривого течения, в котором вода искрилась, звенела и мчалась сквозь хоровод разноцветных пятен света. Как ей хотелось остаться здесь навсегда! Но это было невозможно, и она всплыва-

ла все выше и выше — на следующий уровень, где трепет ароматных роз пронзала тоска томительной меланхолии, и бирюзовый полумрак пробуждал в ее уме космическую мудрость с чудесными откровениями по самым глубоким и утонченным вопросам. А потом она вознеслась на третий уровень и поплыла в аквамариновой мгле через золотые пятнышки, казавшиеся подводным дождем. И там, над этим неописуемым великолепием, в цветах индиго и голубовато-серых грез к ней потянулись розовые и лиловые прожилки. Их танец ввел ее в экстаз. Она даже не помнила, когда переживала подобное чувство на родной планете, где уровни воды почти ничем не отличались друг от друга. И тогда, словно для того, чтобы еще больше усилить восторг Морской Бритвы, мимо нее в ослепительном сиянии проплыл молодой цефалон с чарующим взором и божественной фигурой. Он поманил ее плавником, и она нашла этот жест почти неотразимым. Но сердце женщины почувствовало беду. В глазах самца промелькнуло что-то злое и тревожное. Их странный блеск убедил ее в том, что она никогда не вернется из глубин, если отправится вниз на его поиски. Это настолько сильно напугало Морскую Бритву, что она без промедления вернулась на поверхность, настояла на срочном вылете из Чужеземного Города и представила отчет в соответствующие инстанции Межпланетного Совета.

— Действительно странная история, — произнес Аарон. — Очевидно, попав в город чужаков, цефалония испытала какое-то внетелесное переживание. К сожалению, мы почти ничего не знаем о духовных аспектах других космических рас. И мне интересно, найдутся ли какие-нибудь параллели между их ощущениями и нашими?

— В последнее время появилось несколько серьезных доказательств в пользу того, что фундаментальная организация жизни идентична для всех разумных существ, независимо от их видовых различий, — ответил Мэтью. — Но вряд ли мы можем ожидать стопроцентного соответствия между их переживаниями и нашими.

— Наверное, так оно и будет, — сказал Аарон. — Эта гипотеза о родственности рас кажется очень смелой и убедительной, однако она по-прежнему остается в области догадок и предположений. Скажи, а представители других видов отмечали что-нибудь похожее на переживания Морской Бритвы?

— Один локрианин рассказывал о той части Города, которая недоступна для нашего зрения. Между прочим, эта раса обладает особым типом визуального восприятия. Своим единственным огромным глазом они могут заглядывать куда угодно — через любые преграды и расстояния. Короче, что-то похожее на рентгеновский аппарат.

— Я слышал об их глазе, — нетерпеливо произнес Аарон. — Так что ты хотел мне сказать?

— А ты когда-нибудь задумывался, как для такого глаза выглядит город чужаков? По словам локрианина, Чужеземный Город отличается от всего, что он когда-либо воспринимал своим трехмерным стереоскопическим зрением. Он сказал, что Город поразил его божественно прекрасной и бесплотной архитектурой. Интересно, правда? Мы видим руины, а локриане восхищаются нетленным творением древних зодчих. О странностях Города упоминали даже кротониты, хотя эти летающие существа почти не восприимчивы к особенностям ландшафта. Они говорили, что воздух над развалинами отличался в разных местах по плотности. И кому, как не им, замечать подобные вещи. По их мнению, все эти уплотнения воздуха имели не только форму, но и глубокий смысл, который невозможно выразить словами.

— А что говорят о Городе землемы? — спросил Аарон.

— Все землемы, улетевшие на Майрикс, проявляют какую-то непонятную скрытность. Их молчание порою доводит нас до бешенства. Вот, например, ваш сын Лоренс. Время от времени он выходит с нами на связь и сообщает, что дела у них идут прекрасно. Однако он наотрез отказывается говорить о том, что происходит на Майриксе. Мы даже не можем узнать, как они себя там чувствуют.

— А что, если его вынуждают вести себя таким образом? Допустим, с помощью гипноза, угроз и физического принуждения?

— Но он никак не показывает, что находится под чьим-то контролем. Если такой контроль и осуществляется, то Лоренс, очевидно, о нем ничего не знает.

— Почему же вы не потребуете от них прямых ответов? — спросил Аарон.

— Потому что мы не можем идти на такой риск. Неужели ты забыл об исчезновении первой исследовательской группы?

— Я даже не знал об этом, — ответил Аарон. — Лоренс не баловал меня своими рассказами.

— Ситуация запуталась до предела, — продолжал Мэтью. — Нам кажется, что некоторые исследователи исчезли, но мы не можем утверждать этого наверняка. Что, если они просто улетели в свои родные миры? С другой стороны, их могли убить. Тогда возникает следующий вопрос: кому и по какой причине понадобилось совершать такое чудовищное преступление? Как видишь, здесь много неясностей, с которыми нам надо разобраться.

— Почему же вы не отправили туда группу наблюдателей?

— До выяснения всех обстоятельств дела мы не можем предпринимать никаких решительных действий. Исследование Майрикса больше не находится под контролем Межпланетного Совета.

— Вот это новости! — воскликнул Аарон, даже не пытаясь скрыть

своего удивления. — Как же вы позволили, чтобы у вас из рук вырвали целую планету?

— Сбавь обороты, Аарон. Твой сарказм тут неуместен. Со стороны, конечно, легко судить да рядить, но ты ведь и пальцем не шевельнул, чтобы помочь нам с Майриксом. Ты даже не потрудился ознакомиться с информацией, которую мы рассылали по общинам. Я понимаю, у тебя на Сесте прекрасная ферма — большая, как целая страна на матушке-Земле. И я надеюсь, что она будет тебе хорошим убежищем, когда то, что творится на Майриксе, докатится до нас.

Мэтью немного переигрывал, но Аарону не хотелось ввязываться в пустую перебранку. Он все еще не мог понять, с какой целью его вызвали в Совет. Кроме того, горняк был прав: он действительно устранился от борьбы. Когда Лоренс посвятил себя тайнам Чужеземного Города, Аарон решил, что этой жертвы для одной семьи достаточно. Ему и так приходилось работать за себя и за сына. А забот на ферме всегда хватало. Впрочем, это его нисколько не извиняло; по крайней мере, он мог бы быть в курсе всех событий.

— Давай вернемся немного назад, — сказал Аарон. — С тех пор как Лоренс отправился в Чужеземный Город, я почти ничего не слышал о Майриксе. Ты не мог бы вкратце рассказать мне о том, что случилось за два этих года?

— В двух словах об этом не скажешь, но я попытаюсь. Прежде всего, на Майрикс улетело очень много людей — причем не только землемов с двух наших планет, но и представителей других космических рас. Сначала туда повалили нексиане. Потом цефалоны построили там отель с номерами-аквариумами. И вот недавно на Майрикс прибыли ученые Самии.

— Чего-то подобного я и ожидал. Кстати, приглашение Совета мне привез самиец.

— Ты имеешь в виду Октано Хавбарра? И что же он тебе сказал?

— Он намекнул, что Совет хочет послать меня на Майрикс в качестве полномочного посла. Очевидно, мне предстоит встреча с Лоренсом, иначе вы отправили бы туда одного из своих людей. Кажется, самиец тоже собирается в город чужаков. Он полетит вместе со мной?

— Да, — ответил Мэтью. — А ты заметил, как самийцы изменились за последнее время?

— Сказать по правде, мне не с чем сравнивать. Хотя я много читал о них и смотрел видеофильмы. Впрочем, ими теперь интересуются все расы. Помнишь, мы с тобой еще удивлялись тому, как им удается без рук и прочих отростков создавать корабли, которые считаются у нас последним словом космической инженерии?

— Я удивляюсь этому до сих пор, — сказал Мэтью. — Некото-

рые наши светлые головы утверждают, что много веков назад самийцы имели развитые конечности, которые в ходе эволюционного процесса атрофировались за ненадобностью. Лично я не верю, что, построив такие космические корабли, кто-то потом мог отказаться от них «за ненадобностью»!

— Очевидно, они используют вместо рук свои магнетические способности, — добавил Аарон.

— Вряд ли это адекватная замена. Я слышал, что они неплохо совмещают себя с электромагнитными приборами. Но даже такая интересная способность не в силах заменить им электросварочный аппарат. Или помочь им использовать его в деле. Вот почему нас всех очень удивило, что они вдруг начали проявлять повышенный интерес к Чужеземному Городу на Майриксе. Ты, конечно, считаешь их безобидным видом и, возможно, находишь нашу озабоченность нелепой и смешной. Однако аналитики из Института гуманоидов придерживаются иной точки зрения. Они утверждают, что самийцы в скором времени составят нам наибольшую конкуренцию среди всех прочих рас. Пока это мнение меньшинства, но оно тревожит многих, в том числе и меня.

— Тем не менее самийцы действительно выглядят безобидными, — сказал Аарон. — Мне кажется, мнение твоих аналитиков несколько парадоксально.

— А ты загляни под этот парадокс. Каким образом самийцам удалось так далеко продвинуться на пути прогресса? Они лишены почти всех качеств, необходимых для выживания вида. Хотя, конечно, в век манипуляционной мегаэнергетики физическая мощь тела уже не играет особой роли. Но как они уцелели до этого счастливого времени? Благодаря быстрому мышлению? Нет! Используя ловкость тела и скорость передвижения? Нет! У них напрочь отсутствует способность к передвижению и манипуляции. Они не могут ни ходить, ни плавать, ни летать. Они даже не могут бросить бейсбольный мяч. Эдакие ничтожные и смехотворные существа.

— Но ведь все так и есть, — с усмешкой произнес Аарон. — И я не понимаю, как кто-то может думать о них по-другому.

— Каждый вид имеет свою собственную стратегию выживания, и каждая стратегия основывается на борьбе с силами природы и своими конкурентами. Так каким же образом самийцам удалось создать свою цивилизацию, если любая килька дала бы им сто очков вперед в вопросах выживания?

— Это уже риторика, — ответил Аарон.

— Да, я не могу привести никаких доказательств. Но запомни, философы и аналитики Института гуманоидов просят нас как следует присмотреться к самийцам.

— А какое задание хочет дать мне Совет?

— Ты получишь его позже — на официальной встрече. Однако я думаю, тебе лучше узнать о нем сейчас, чтобы ты мог потом без

колебаний принять или отклонить поставленную перед тобой задачу. Мы хотим, чтобы ты отправился на Майрикс и оценил сложившуюся там ситуацию. Кроме того, тебе придется посетить город чужаков и встретиться с Лоренсом, а также другими членами исследовательской группы.

— В принципе, я так и думал.

— И еще мы хотим, чтобы ты взял с собой самийца.

— Зачем?

— Чтобы ты мог к нему присмотреться. Но учти, что он тоже будет изучать тебя.

— А что мне передать Лоренсу?

Мэтью на миг задумался, а потом сказал:

— Ты человек нашего поколения, Аарон. Ты знаешь наши взгляды, а мы знаем твои. Та экспедиция в Чужеземный Город состояла из молодых мечтателей, и теперь мы хотим, чтобы среди них оказался наш представитель. Посмотри, что они там обнаружили, и сообщи нам об этом. Но если ситуация будет из рук вон плохой или если ты поймешь, что нашей расе грозит какая-то опасность...

— Мэт, ты говоришь довольно странные вещи, — прошептал Аарон.

— Да, но они должны быть сказаны. Одним словом, оцени ситуацию и сообщи нам свое мнение.

— А если ситуация покажется мне критической?

— По мнению некоторых аналитиков, для нашей цивилизации было бы лучше, если бы Майрикс и город чужаков вообще никогда не существовали. По их словам, наша раса лишь выиграет, если Майрикс разлетится на куски в каком-нибудь почти случайном атомном взрыве.

— Я надеюсь, ты не сторонник этой точки зрения? — спросил Аарон.

— Конечно, нет. Мне только хотелось пояснить тебе, как далеко мы можем зайти, защищая свой вид, Аарон! Если Майрикс опасен для землемов, умри, но извести нас об этом! Мы должны знать, какая сила угрожает людям!

— Ладно, допустим, такая сила действительно есть. Но кем бы ни были эти заговорщики, вряд ли они окажутся настолько глупыми, что позволят мне предупредить вас об опасности. Они нейтрализуют меня так же быстро и эффективно, как Лоренса и других.

— Мы учли такую возможность. Дай мне свою руку, Аарон. Вот! Держи крепче! Теперь ты тоже можешь кое-что сделать, если почувствуешь, что землемам угрожает реальная опасность.

— Что это, Мэт? Что ты мне дал?

— Это бомба. И ты знаешь, как она действует.

Аарон осмотрел небольшой предмет, который лежал на его ладони.

— Термоядерная? — спросил он.

Мэтью кивнул.

— Какая дальность действия?

— Она снесет все, что есть в Чужеземном Городе.

— Забери ее назад!

— Неужели ты позволишь, чтобы нашу расу и дальше подталкивали к самоуничтожению?

— Нашу расу никто никуда не подталкивает. Успокойся, Мэт. Тревога и страх ослепили твой разум.

— Я тебе уже говорил о наших подозрениях относительно самийцев. Неужели ты отрицаешь возможность законспирированной деятельности против расы землемов?

— Нет, это просто немыслимо.

— Но допустим, такой заговор все же существует. Скажи, ты будешь стоять в стороне? Предположим, мы дадим тебе все доказательства, и ты увидишь, что влияние чужаков отравляет культуру нашей расы, подрывает ее мораль и делает землемов непригодными для выживания среди других разумных видов. Предположим, что минута решила бы все, а твое бездействие обрекало бы расу на вымирание. Неужели ты и тогда отказался бы взять эту бомбу? Неужели ты сказал бы, что тебе омерзительно убийство врагов, даже ради спасения собственного вида?

— Твои слова звучат слишком мрачно, — сказал Аарон. — Но если ты действительно считаешь, что такая угроза существует...

Он положил миниатюрную бомбу в мешочек на своем поясе.

Зал заседаний был невелик. В центре под кольцом осветительных ламп находился длинный овальный стол, за которым сидели пятнадцать делегатов от сообщества Землема. Двое из них прилетели с планеты предков — великой Земли, воспетой в песнях и легендах. Они не принимали участия в горячих дебатах, и Аарон полагал, что, будучи слишком далекими от событий в системе Миниэры, эти люди мудро возложили решение на тех, кто был непосредственно связан с Майриксом.

Собрание вел Кларксон, очень представительный и высокопоставленный чиновник из Магистрата-2 — крупнейшей ассоциации космических рас. Взглянув на Аарона, он мягко улыбнулся и спросил:

— Могу я узнать ваше мнение по поводу того, что вы недавно услышали от Мэтью?

— Не знаю, что и сказать, — ответил Аарон. — Ситуация кажется очень запутанной и неопределенной.

— И как, на ваш взгляд, нам стоило бы поступить? — настаивал Кларксон.

— Надо попытаться собрать информацию, и тогда все встанет на свои места, — ответил Аарон.

— Вот такой ответ мы и надеялись от вас услышать, — произнес Кларксон. — В этой ситуации есть несколько неясных моментов: Майрикс с его новым и неопределенным статусом; город чужаков, о котором мы с каждым годом знаем все меньше и меньше; непонятное и тревожное молчание Лоренса; причины, по которым в Чужеземный Город стекаются люди, и, наконец, самийцы, чей интерес к Майриксу вызывает у нас определенные подозрения.

— Я в этом почти не разбираюсь, — сказал Аарон. — Может быть, вам лучше направить туда одного из своих людей?

— Мы так не думаем, — ответил Кларксон. — Данный вопрос не раз уже подвергался обсуждению, и мы считаем, что объективную оценку ситуации может дать только беспристрастный наблюдатель. Вот почему, уважая ваш разум и жизненный опыт, мы просим вас выяснить истинное положение дел на Майриксе и предпринять те действия, которые покажутся вам наилучшим выходом. Конечно, нам хотелось бы участвовать в процессе принятия наиболее радикальных решений, но мы понимаем, что связь с нами может оказаться невозможной. И, конечно, найдется множество безотлагательных вопросов, когда у вас просто не будет времени выслушивать советы домашних авторитетов. Мы не можем претендовать на роль компетентных людей, поскольку не знаем, что творится на Майриксе. Поэтому действуйте на свой страх и риск. Отныне вы наш генерал, и мы доверяем вам наши армии. Но сначала узнайте, есть ли у нас вообще какой-нибудь противник?

В конце концов Аарон согласился отправиться на Майрикс и выяснить те вопросы, которые поставил перед ним Совет. Говорить было больше не о чем; встреча подошла к концу, и делегаты начали расходиться.

Задание казалось предельно ясным. Ему следовало оценить ситуацию на Майриксе и определить, насколько она угрожала той или иной группе гуманоидов. Если какая-нибудь опасность действительно существовала, он должен был перейти к решительным действиям. Одним словом, проще некуда.

И все же как странно вел себя Лоренс. Почему он так упорно уклонялся от контактов с семьей и Советом? Почему он наотрез отказывался говорить о работе своей группы и о состоянии дел в Чужеземном Городе?

Его мысли так быстро перескочили к сыну, что Аарон осознал это как подсказку своего подсознания.

— Мое решение будет зависеть от того, что скажет Лоренс, — прошептал Аарон. — А значит, Лоренс — это ключ к разгадке.

Для полета на Майрикс Совет выделил «Артемиду» — быстроходный крейсер, к которому Аарон и Октано подлетели на скоростном челноке. Тот уже ждал своих пассажиров в точке омега, где

находилось пятно соскока для межпланетного гиперпрыжка. Масса космических тел влияла на нейтронные поля, поэтому пятна соскока располагались, как правило, на удаленных орбитах. Точки омега создавали невидимую паутину, по нитям которой корабли совершали гиперпрыжки, мгновенно преодолевая огромные расстояния.

Следуя правилам этикета, Аарон поспешил в центр управления, чтобы приободрить самийца перед его первым гиперпрыжком. Сам он предпочитал проводить такие минуты в уединении. Во время соскока Аарон обычно переживал визуальную галлюцинацию, где среди мелькавших огней перед его глазами возникал геометрический узор из тонких изогнутых линий. Подобное переживание не представляло собой ничего особенного, но он по-прежнему считал его личным моментом. Перемещение «отсюда» и «туда», почти мгновенно происходившее в особом гиперпространстве, воспринималось многими как аналог смерти. Оно убивало и тем не менее оставляло живым.

— Вы готовы? — спросил Аарон самийца.

— Думаю, да, — ответил Октано Хавбарр.

Автопереводчик четко отразил слабый оттенок сомнения, которое испытывал каждый, кто отправлялся в свой первый гиперпрыжок.

— На самом деле все не так серьезно, — сказал Аарон.

— Но я слышал, что перемещение влияет на некоторых больше, чем на других, — ответил самиец.

— Это верно.

— И еще я слышал, что самийцы более склонны к побочным эффектам гиперпрыжка, чем остальные виды.

— Да, на несколько процентов, — ответил Аарон. — Однако разница почти неощутима.

— Между прочим, одним из побочных эффектов является летальный исход.

— Мне говорили о чем-то подобном. Но, возможно, вам следовало подумать об этом немного раньше — перед тем, как отправляться в полет.

По поверхности темно-бронзового куска бекона пробежала едва заметная рябь. Аарон мог поклясться, что существо, сидевшее в центре серебристой паутины, пожало плечами.

— Мы все еще в подпространстве? — спросил самиец.

— Да, и будем там еще несколько минут.

— Почему вы мне не сказали, что прыжок уже начался?

— Мое предупреждение встревожило бы вас еще больше. Поэтому я решил промолчать.

— Возможно, вы правы, — сказал Октано. — Итак, я совершил свой первый гиперпрыжок и остался живым.

— Поздравляю. Надеюсь, что в следующий раз вы найдете его даже в чем-то забавным.

— Забавным, — задумчиво прошептал Октано. — Ах да. Мне говорили об этом на ознакомительных лекциях. Ваша раса приписывает большое значение переживанию забавных моментов. Это действительно так?

— Я бы не сказал, что приписываю им какое-то значение, — ответил Аарон. — Просто мы, землемы, обладаем хорошо развитым чувством игры.

— О, это одно из тех важных понятий, которые мы, самийцы, должны изучить. Так что же такое игра? До сих пор мы воспринимали этот термин как качественное определение рабочей функции. Но, очевидно, в нем заложен более глубокий смысл.

— Вас действительно интересует идея игры?

— О да, — заверил его Октано. — Мы считаем ее очень важной. Наши эксперты полагают, что игра является катализатором сознания, то есть элементом, необходимым для развития высшего разума. Как вы знаете, самийцы не склонны к играм. Но мы решили наверстать упущенное. А знание достигается через опыт других и собственные эксперименты.

— Вы не похожи на других самийцев, которых я встречал, — сказал Аарон. — У вас прекрасный юмор, хотя вы и отрицаете это. Может быть, ваша раса не так мрачна, как кажется?

— Я не считаю самийцев мрачными. Однако при первых встречах с другими разумными видами мы, наверное, выглядели немного замкнутыми и туповатыми. Например, в общении с землемами нам не хватает способности к быстрым остроумным ответам, которые так оживляют и украшают ваш мыслительный процесс. Мы сразу заметили, как вы быстры, нервозны и агрессивны. В вас было то, чего не хватало нам. И тогда, произведя критическую оценку, мы задумались о том, как нам вести себя при жесткой конкуренции видов.

— За последнее время я слишком часто слышу об этой идее, — сказал Аарон. — Неужели вы тоже считаете межвидовую конкуренцию обязательной?

— Я не очень разбираюсь в таких вопросах, — ответил самиец. — Но мне известно, что подобные вещи происходят независимо от нашего желания. Каждая из рас хочет сохранить ту форму, которую принял их разум. И в конечном счете любой вид желает уподобиться богу. Мы не хотим наносить друг другу вреда, однако каждому понятно, что его вид не будет божественным до тех пор, пока другая раса заявляет о себе то же самое.

— Должен сказать, что весь этот разговор о расовой конкуренции и выживании сильнейших производит на меня довольно тягостное впечатление. Возможно, вы правы, и жизнь действительно является борьбой за существование, но мне как-то тоскливо слышать об этом.

— Как странно, что вы говорите такие слова, — произнес самиец. — Я всегда считал, что вы, землемы, придерживаетесь концепции видового выживания любой ценой.

— Кто вам сказал такую глупость?

— Это общее мнение.

— Оно неверное.

— Вы просто не хотите признавать правду. А она заключается в том, что между нашими видами начинается конкурентная борьба. Причем у моей расы не очень хорошие шансы на победу.

Аарон почувствовал раздражение. Его ожидала впереди огромная и ответственная работа. Так почему же он должен был выслушивать еще и это лицемерное хныканье, похожее на ту дрянь, которой его пытались накормить Мэт и члены Совета?

Аарон с тоской подумал о том времени, которое ему предстояло провести рядом с этим существом. Дело могло затянуться на несколько дней, а возможно, даже на недели и месяцы. Он решил уточнить их позиции с самого начала. Кроме того, самиец сам нарывался на выяснение отношений. С этим надо было кончать сейчас, чтобы не усложнять себе жизнь на Майриксе.

— Пока я тоже не вижу, каким образом вы могли бы покорить остальные разумные расы, — сказал Аарон. — Но, учитывая ваш удивительный прогресс при полном отсутствии мануальной оснащенности, у вас, очевидно, еще появится такая возможность.

Самиец погрузился в мрачное молчание.

— Обычно люди считают бестактным намекать нам на отсутствие членов, пальцев, ступней или щупалец, — сказал он через пару минут. — Это невежливо. Вы же не упрекаете горбатого за горб, насколько я знаю из вашей собственной литературы.

— Но позвольте отметить, что, помимо отсутствия мануальной подвижности, вы не имеете даже голосового аппарата, — продолжал Аарон. — Неужели на заре развития ваши предки рождались со встроенным голосовым синтезатором? Какова же тогда ваша концепция разума?

— Наверное, именно это вы, землемы, и называете юмором? Или я перепутал юмор с искренностью?

— Они часто возникают вместе, — ответил Аарон. — Но в данном случае вы совершенно правы. У каждого из нас есть свои проблемы: у землемов, самийцев, нексиан, цефалонов, кротонитов и локриан. Я думаю, что даже у могущественной Седьмой расы не все шло гладко. Иначе бы они не исчезли, верно?

— Возможно, вы не поверите, но все это время я изо всех сил старался блеснуть перед вами тем, что мы, самийцы, считаем верхом юмора, — сказал Октано. — И я вынужден признать, что в этом направлении вы нас обходите на целый корпус. Вот почему мы, собственно, и пытаемся модифицировать себя. А вы, наверное, знаете, как мы хороши в самоконструировании. Да, нам требуется время на освоение новых идей, но зато потом мы воплощаем их в жизнь с величайшим упорством. Увидев, насколько

быстры другие виды, мы переделали свои синаптические отклики. После знакомства с землемами мы ввели в наш соматотип расширенную градацию агрессии. И самийцы пойдут на все, чтобы стать достойными конкурентами в межвидовой эволюционной гонке.

На какой-то миг Аарону даже не поверилось, что эти высокопарные слова исходили из темно-коричневого продолговатого параллелепипеда, который больше напоминал кусок зачерствевшего бекона, чем живое разумное существо.

Вот что он писал в своем письме к Саре:

Теперь ты можешь представить, до какого состояния мы довели друг друга к моменту высадки на Майрикс. Пытаясь стать хорошими напарниками, я и Октано перешли на мужской откровенный разговор. И кто тогда мог подумать, к какому аду это приведет. Капитан Френклин и другие офицеры «Артемиды» старательно уклонялись от наших споров. Я полагаю, они уже не раз перевозили дипломатические миссии, состоявшие из представителей разных рас. Во всяком случае, они относились ко мне и самийцу с полным беспристрастием. Без свежего притока сил и мнений мы с Октано начали уставать друг от друга. Меня уже мутило от разговоров с существом, которое походило на кусок бекона. И думаю, что самиец относился к моей наружности не менее предвзято.

А потом на горизонте появился Майрикс, и пришло время расставаться с экипажем «Артемиды». Капитан перевел корабль на геосинхронную орбиту и предложил нам спуститься на планету в челноке. По своей душевной простоте я попросил его высадить нас прямо в городе чужаков.

— Боюсь, что это будет невероятно сложным делом, — ответил Френклин.

Он казался слишком молодым для такой ответственной должности. Но, несмотря на возраст, ему доверили правительственный корабль, оснащенный гиперприводом и новейшей техникой космосвязи. Как сказал мне один из старших офицеров, молодые капитаны без колебаний наказывали за малейшую провинность и обладали очень быстрыми рефлексами, неоценимыми в минуты физической опасности.

— О какой сложности может идти речь? — с удивлением спросил я. — Какая вам разница, где сажать посадочный челнок?

— Чтобы получить разрешение на посадку в Чужеземном Городе, нам придется пройти через массу формальностей, — ответил капитан Френклин. — Вам будет проще пробраться туда по официальным каналам.

— По официальным каналам?! — воскликнул я. — Откуда они

тут взялись! Насколько мне известно, Майрикс никому не принадлежит!

— Боюсь, что за последнее время ситуация сильно изменилась, — тактично ответил капитан.

Аарон попросил спустить их на Майрикс в «волчке». Рекламные буклеты называли «волчок» источником незабываемых впечатлений. И на этот раз они не преувеличивали. Кокон капсулы вращался и скручивался в зареве сплетавшихся выхлопов, и его медленные волнообразные движения оказывали на пассажиров гипнотическое воздействие. К тому времени когда «волчок» достиг поверхности планеты, Аарон и Октано находились в такой эйфории, что почти не сопротивлялись внезапно налетевшей на них группе воинственных чиновников. Уяснив, что землем и самиец прибыли по мандатам Совета, бюрократы немного успокоились, и их поведение стало более сносным.

— Я понимаю, что согласно уставу мы не имели права открывать на Майриксе иммиграционную и таможенную службы, — говорил им высокий краснощекий гуманоид, которого остальные называли капитаном Дарси Драммондом. — Однако ситуация требовала наведения порядка. Мы должны были поддержать закон и завоевать доверие народа. Вы, очевидно, знаете, что три года назад Майрикс считался необитаемой планетой. По правде сказать, я в то время о ней даже и не знал. Но потом сарпедонская экспедиция открыла здесь Четвертый Чужеземный Город, и сюда потянулись люди — я имею в виду представителей всех шести рас. Так как планета никому не принадлежала, нам потребовался ряд компромиссов, и с этого момента возникла необходимость в органах местной власти. Для водных рас мы создали океан; для летунов — увеличили плотность атмосферы. Пустыни превратились в зеленые поля, а на бесплодных холмах появились сады и леса. Естественно, некоторые требования противоречили друг другу, и каждой расе приходилось в чем-то уступать. Здесь вам надо привыкать ко всему: к гравитации, к климату и даже запаху почвы. Но, несмотря на эти трудности, люди продолжают прибывать на Майрикс сплошным потоком, и с каждым днем их становится все больше и больше.

— Их притягивает город чужаков, — сказал Аарон.

— Конечно. Хотя наш Город — это только символ. Символ, который обозначает встречу рас или — на более высоком уровне — сообщество свободных мыслителей.

Аарон уже устал от подобных разговоров. У него сложилось мнение, что местные власти изо всех сил пытались оправдать свое существование. Они с таким упоением описывали Майрикс как центр великих событий и так настойчиво доказывали свою руко-

водящую роль, что Аарон даже начал находить в их заявлениях признаки маниакальной одержимости.

Хотя в тот период он чувствовал себя просто отвратительно. Весь мир казался ему до странности зыбким и нереальным. Он надеялся, что этот недуг пройдет, но с каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Аарон никак не мог понять, почему Совет доверил ему оценку таких сложных и запутанных событий. Они ускользали от его взора, как нити невидимой паутины. А может быть, Мэтью и его друзья испугались ответственности и поспешили переложить ее на чужие плечи?

Все было бы не так плохо, если бы он болел по-настоящему. Но его недомогание не имело отношения к физиологии. Оно смущало рассудок, тревожило душу, но не походило на то, что люди называли болезнью. Это было что-то иное — более сильное и тревожное. И Аарон начинал бояться его.

Местные власти выделили для него комнату в отеле «Сола». Прежнего обитателя скорее всего просто выгнали из номера. Постель перестилали второпях, и матрац наполовину не доходил до спинки. Заглянув под кровать, Аарон нашел куклу — маленького арлекина в полфута высотой, с бандитской маской и в помятой испанской шляпе. Отдернув портьеру, он увидел еще одну куклу — толстую соломенную хрюшку в фартучке из коленкора. Аарон сел на низкий подоконник, потом поднялся и потянулся. Ему вдруг захотелось что-то сделать.

В тот же миг раздался стук в дверь, и в комнату вошла девочка лет десяти-одиннадцати, с круглым грязным личиком и надутыми губами.

— Я оставила здесь свою куклу. Может быть, вы ее видели, сэр?

— Тут их две. Которая из них твоя?

Девочка подошла к нему и внимательно осмотрела обе куклы. Забрав толстую хрюшку, она выбежала из комнаты.

А потом он заметил мух. Они ползали по стенам и потолку. Достав из сумки баллончик с нужным средством, Аарон привел ситуацию к галактическим стандартам. Тем не менее он считал, что администрация отеля проявила вопиющую халатность. Стандарты санитарии выполнялись даже на вновь открытых и малоисследованных планетах. Без подобных норм не могло быть и речи о безопасных полетах в Галактике, тем более о комфортном проживании в чужих мирах. И если администрация какого-то провинциального отеля не желала выполнять таких минимальных требований, то как могло мощное сообщество гуманоидов справиться с проблемой столь долгожданных сверхгалактических путешествий?

Аарон решил спуститься в ресторан. Он вышел на темную лестничную клетку и едва не упал, споткнувшись о шесть кукол.

Несмотря на разные формы и размеры, они все походили друг на друга своим неприметным и каким-то двусмысленным видом.

С той поры он не мог и шагу ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь куклу. Они возникали с бесконечной последовательностью форм, имен и чисел; они исчислялись тысячами, и среди них попадались как классические типажи, такие, как Дональд Дак и Микки-Маус, так и совершенно незнакомые монстры из цефалонского игрушечного пантеона. Аарон не понимал, откуда они появлялись. Он не понимал их смысла и предназначения. И, конечно же, он не раз задавал себе вопрос: а не играет ли кто-то с ним в куклы?

— Почему вы больше не говорите со мной о древней цивилизации? — спросил Аарон.

— Не имею повода, приятель, — ответил Октано.

— Тогда расскажите о себе. Кто вы?

— Просто другое существо.

— То есть другого вида?

Откинув голову назад, Октано засмеялся. И вот тогда Аарон нашел одну из тех огромных кукольных фабрик, где маленькие люди, похожие на гномов, производили свой бесконечный ассортимент. Их куклы угрожали завалить собой некогда гармоничную реальность. И эти куклы были оскорблением для здравомыслия людей — а вернее, их неприспособленной модификацией. Они собирались вокруг Аарона и наблюдали за ним. Как капризные боги, они скорее притворялись разумными, чем действительно обладали разумом. Вот почему своим интеллектом они напоминали человеку огромных крылатых динозавров за день до появления настоящих птиц.

— Вы, землемы, думаете, что эволюция не может обойтись без интеллекта, — говорил ему самиец. — Но уверяю вас, природа не скупится на эксперименты. И последнее слово в этом споре еще не сказано. Нам кажется, что процесс развития остановился на нас самих. Но подобное предположение нелепо. Вселенная беспристрастна. Возможно, она вообще не такая, как мы ее воспринимаем. Вспомните, сколько раз события не оправдывали ваших ожиданий. Разве не логично предположить, что подобное может произойти и в большем масштабе? Вряд ли наша реальность избежала этой двойственности.

— Но что может управлять Вселенной, кроме разума?

— Вы, очевидно, думаете, что вещи существуют только для того, чтобы их кто-то мог понять. Но так ли это на самом деле? Какая разница событиям, поймет их кто-нибудь или нет?

А куклы продолжали появляться, подавляя своим видом людей.

Эти силы не имели выбора. Неважно, что все летело к чертям.

Важно было удерживать кукол в уме, слегка пожимая им ручки. Так вот, значит, как чувствует себя человек, осажденный странными и неуютными мыслями. И вот почему в порыве страха слабые люди лелеяли надежду вернуться в свои родные миры. Но это была плохая идея. Лучше шагнуть под лазер, чем улететь отсюда. Потому что в будущем черное пространство между звездами наполнится ужасом — таким же огромным, пустым и холодным. Аарон вдруг вспомнил, что его ждут дела. Ему захотелось встать, собрать свои вещи и добраться до сути вопроса. А потом попробовать его решить.

Иногда он знал, в чем заключался этот вопрос, но в остальное время его мучили сомнения. Аарон по-прежнему жил в «Сола», поскольку этот отель привлекал его любопытным убранством. Словно пьяный моряк, вернувшийся из дальних странствий, он каждый день находил здесь что-то новое, немного странное, но до боли знакомое. А за окнами начинался сезон муссонных дождей, и холмы вокруг города чужаков сияли, как нить накала. Он смотрел на тощие можжевеловые деревья, посаженные в строгом порядке вдоль длинных и белых дорог. И из каких-то иерархических измерений эти белые дороги напоминали ему кости, выброшенные в жару. Хотя, может быть, он просто перепил арак. Аарон уже не помнил, когда он начал пить эту гадость. Наверное, сразу после своего приезда на контрольный пункт, который располагался у границы Чужеземного Города. По правде говоря, он вначале даже не мог понять, алкоголь это или наркотик. Приятный способ убить время и самого себя, как сказал его внутренний голос. Однако Аарон сомневался, что голос принадлежал ему. Хотя кому еще он мог принадлежать?

Он с трудом вспоминал о том деле, которое привело его на Майрикс. Наверное, сказывалась болезнь. Но что бы он делал, если бы не болел? Аарон знал, что этот недуг предохранял его от принятия решений. Болезнь защищала его от тайного смысла бесед, которые он вел с Сарой. А она все чаще приходила к нему, хотя Аарон понимал, что это невозможно. Сары тут не было — она осталась на ферме размером с Италию, выращивая бобовые усики и своего ребенка. Как же его зовут? Ребенок Сары. Интересно, кого она ждет — его или Лоренса?

А Сара вновь начинала разговор. Он знал, что на самом деле ее здесь нет, но от этого ему не становилось легче. Она казалась такой реальной и доступной. Высокая, степенная и сероглазая. Он любовался ее губами, полными неги и запаха моря. Из-под заколки выбивалась прядка черных волос. И Аарон тревожился о своем рассудке. Но тревога утихала; болезнь защищала его от сильных чувств и эмоций.

— Ты понял свою проблему? — спрашивала его Сара.

— Нет. Я вообще ничего не понимаю, — отвечал Аарон. — Скажи, что происходит? Что все это значит?

— Бедный Аарон. Так что же для тебя важнее — событие или его смысл?

— Ты хочешь сказать, что суть и предназначение — разные вещи?

— Я хотела сказать, что он хочет увидеться с тобой.

— Кто? Лоренс?

— Нет, — ответил знакомый голос. — Боюсь, что не Лоренс.

В комнату въехала маленькая трубчатая машина самийца. С некоторых пор Октано перестал казаться Аарону куском залежавшегося бекона. Без всяких диснеевских дорисовок он превратился в личность — в того, кого можно узнать.

— Мои приветствия, — сказал самиец. — Как вам такое шутливое начало беседы? Не удивляйтесь. Я сейчас изучаю беспечность. И она мне неплохо удается, верно? Но у меня к вам просьба — не могли бы вы дать мне знать, если ваше здоровье улучшится.

— Хорошо, я вам скажу, — ответил Аарон.

— Меня тоже одолевает небольшое недомогание, — сказал самиец.

— Что вы говорите?

— Да. Оно какое-то время искажало мою визуальную перспективу.

— А как теперь?

— Я готов отправиться в город чужаков, если, конечно, вы составите мне компанию. Нам выписали все необходимые документы, и теперь наш отъезд зависит только от вашего слова.

— Давайте поедем утром, — сказал Аарон.

Но все оказалось не так-то просто.

С наступлением утра Аарон направился к Воротам Стромского, через которые проходила ближайшая дорога в город чужаков. Рядом с высокими деревянными створками, укрепленными полосками кованого железа, стояла небольшая группа землемов и особей других видов. Он хотел спросить, почему это сооружение назвали Воротами Стромского, но люди, к которым он обращался, были заняты своими делами и не желали говорить с ним о предстоящем путешествии.

— С вами будет все хорошо, — отвечали они на его вопросы. — Можете не сомневаться.

И они отворачивались с таким виноватым видом, что Аарон поневоле начинал задумываться о безопасности этого мероприятия. Он пытался выяснить, что же все-таки было не так, но его

вопросы оставались без ответов. Они притворялись, что не понимают его.

— Ничего плохого. Все будет хорошо.

— А где самиец? — спрашивал он.

И они вновь смущенно отворачивались.

— Какой самиец? О ком вы говорите?

Все удивленно разводили руками, пока один юноша, похожий на мальчишку, не догадался сказать:

— Ваш приятель встретится с вами позже.

Его ответ еще больше встревожил Аарона, но времени на расспросы не осталось. Кто-то открыл ворота, руки добровольных помощников подтолкнули Аарона к отверстию, и он сам не заметил того, как сделал несколько шагов.

Шагов действительно было несколько, но они увели его в сторону от правильного пути. Пройдя ворота, Аарон оказался на окраине Чужеземного Города. Перед ним возвышалась каменная арка, которая напоминала вход в старинную крепость. Сквозь сводчатый проем виднелись несколько мостовых. У него сложилось впечатление, что строители использовали брусчатку из эстетических соображений, потому что всем известно, какое приятное чувство создают мощеные улицы, сияя после дождя, и каким прекрасным бывает цоканье копыт, когда по мостовым проносятся лошади. Это место казалось тихим и уютным. И Аарон вдруг понял, что город чужаков не был ему чужим.

— Кто вы? — спросил он.

— Я Миранда, — ответила стройная загорелая девушка.

«Светлая копна волос и маленький рот, созданный для поцелуев. Странно, но именно так люди и думают друг о друге», — размышлял Аарон, пытаясь оправдать свое сексуальное влечение.

— А это город чужаков? — спросил он.

— Да. Хотя нет, не совсем.

— Тогда где же мы находимся?

— Они называют это оборотной зоной. Здесь не так, как на остальной части планеты, но и не совсем так, как в Чужеземном Городе. Тут вы можете немного отдохнуть и акклиматизироваться.

— Но я тороплюсь! — воскликнул Аарон. — У меня серьезное задание от Межпланетного Совета. Я должен осмотреть Город и сделать кое-какие выводы.

— О-о! Тогда мне все ясно, — ответила Миранда. — Что вы хотите на обед?

— Я не голоден, — сказал Аарон.

Хотя на самом деле он не отказался бы от хорошего завтрака, и, наверное, Миранда поняла это по его виду. Она ввела Аарона в один из домов, окна которых выходили на тенистую улочку. Пройдя несколько комнат, он оказался в столовой, расположенной в задней части здания. На небольшом столе, покрытом белой скатертью, лежали салфетки и столовое серебро. Чуть дальше находилась кухня. Через открытую дверь Аарон увидел деревянные полки, заставленные горшками и кастрюлями.

— Может быть, вы скажете мне, что все это значит? — спросил он у девушки.

— Сначала вы должны покушать, — ответила Миранда. — У нас еще будет время для объяснений.

Он давно не ел такой хорошей пищи. Консервированную ветчину дополняли свежие яйца, ароматное масло и хлеб домашней выпечки. Перед кувшином молока стояли керамические кружки, в которых дымилась жидкость, похожая на кофе. Миранда не стала садиться за стол, но все время находилась рядом. Она подкладывала ему кусок за куском или убегала на кухню, чтобы через миг вернуться с тушеными фруктами, вареньем или пирожными.

Утолив голод, он решил приступить к расспросам. Но Миранда, выглянув в окно, заметила на улице какого-то мужчину. Она повернулась к Аарону и с игривой улыбкой подозвала его к себе.

— Вот, посмотрите, — шепнула ему девушка. — Это Мика. Мой дядя. Он принес нам новости о дарфиде.

— А что это такое? — спросил Аарон.

— Ах, я забыла. Вы не знаете старого языка. Дарфид означает встречу всех владык диеты.

— Что-то мне вообще ничего не понятно.

— Немного терпения, и вы все узнаете, — сказала Миранда. — Но сначала я познакомлю вас с дядей.

Мика выглядел очень старым и немощным человеком. Очевидно, он полностью использовал свои жизненные циклы, и теперь у него в запасе осталось лишь несколько лет. Когда-то давно Аарон встречал на Сесте такого же старого землема. И он помнил, с каким благоговением относились люди к этому старику.

Встреча с Мирандой и ее дядей казалась абсолютно невозможной. Тем не менее Аарон принял ее как должное. Собрав остатки былой рассудительности, он еще раз попытался оценить ситуацию. Допустим, ему действительно удалось проникнуть в Чужеземный Город, хотя, по правде говоря, он в этом сильно сомневался. Но, допустим, он все же добрался до конечной цели своего пути. Тогда где же здесь руины древнего города? Где те люди, которые их изучали? Аарон хотел спросить об этом Миранду и Мику, но их не оказалось рядом. Они всегда куда-то исчезали, когда у него появлялись конкретные вопросы. Миранда часто уходила в поля, которые простирались за городскими стенами — скорее всего на огород, потому что она всегда возвращалась оттуда с корзинкой овощей. Но вот куда уходил Мика? Аарон подозревал, что старик просиживал дни в каком-нибудь городском баре, где он пил пиво в компании закадычных друзей. Однако почему он тогда не приводил этих друзей в дом и не знакомил их с Аароном?

А как сладки были ночи, проведенные с Мирандой! Прекрасные ночи! Иногда Мика тоже оставался в доме, но к вечеру он всегда уходил в беседку — на свой любимый потрепанный диван. Погода стояла теплая, и сон на свежем воздухе шел старику только на пользу. Тем не менее такое положение дел смущало Аарона, и он всегда немного терялся, оставаясь наедине с Мирандой. Она часто пела ему старинные и печальные песни, а иногда читала стихи на языке, которого он не знал. Время от времени они ходили в лес и собирали грибы и орехи. В лесу жили белки, и на каждой опушке росли большие ярко-желтые тыквы. Он находил это странным, хотя и не знал почему. Когда же Аарон пытался задуматься над этим, у него начинала болеть голова, и он догадывался, что сходит с ума. Но такие мысли были очень неприятными, и поэтому Аарон переключался на что-нибудь другое. Как и каждый, кто сходит с ума, он понимал, что об этом лучше ничего не знать.

— Миранда, — спросил он однажды, — когда мне можно будет увидеть своего сына?

Она с удивлением посмотрела на него:

— О ком ты говоришь?

— О своем сыне Лоренсе. Он живет в Чужеземном Городе. Мне хотелось бы с ним встретиться.

— Ты, наверное, что-то путаешь, Аарон. Ты еще слишком молод, чтобы иметь сына.

Они взглянули друг другу в глаза, и Аарон понял, что, если он сейчас согласится с ней, ее слова станут правдой. Такого соблазна он еще не переживал никогда. Подумать только! Ему могли вернуть все прожитые циклы! Но за это требовалась плата, которую он не мог себе позволить.

— У меня есть сын, Миранда. И он намного старше тебя.

Она метнула на него колючий взгляд:

— Я не ожидала, что ты так много знаешь!

— Когда же мне с ним можно будет увидеться?

— Аарон, я предупреждаю тебя. Ты можешь все разрушить.

— Не вижу, каким образом. Я просто спрашиваю о своем сыне.

— То, что здесь происходит, не имеет к реальности никакого отношения, — сказала Миранда. — Неужели наша любовь так мало для тебя значит, что ты отбросил ее ради каких-то глупых вопросов? Где дядя Мика? Он объяснит тебе это лучше, чем я.

— Да, где дядя Мика? — спросил ее Аарон.

— О, я здесь! Я здесь, — отозвался старик, внезапно появляясь в углу комнаты и торопливо застегивая ширинку. — Нет мне, горемыке, покоя. В кои веки собрался по нужде, так и там достали.

— Что вы со мною делаете? — спросил его Аарон. — Кто вы, люди?

— Он видит нас насквозь, — шепнул Мика Миранде.

И тогда, взглянув на них более пристально, Аарон увидел удивительную вещь. Возможно, виной тому был танцующий свет свечей, который ласкал их фигуры, как пылкий любовник. А возможно, это происходило из-за того, что они выглядели потрясающе красивыми и совершенными — до какой-то нечеловеческой степени. Отсутствие изъянов лишало их реальности, и, наверное, поэтому они мерцали и дрожали в свете свечей, как зыбкий мираж. Мираж Миранды в длинной крестьянской юбке и мираж старика в голубом кителе пилота. В камине коттеджа пылал огонь, и его отблески танцевали по их фигурам, как по двум изваяниям из слюды.

Стоило ему заметить их странный облик, как его ошеломила мысль о нереальности всего происходящего. Он вновь подумал о своей болезни, и ему захотелось уйти.

Ему захотелось покинуть этот коттедж, который выглядел более домашним, чем сам дом, стоявший за ним.

Однако самое ужасное заключалось в том, что он не испугался. Его даже не удивило, что Миранда и Мика имели в себе какие-то потусторонние качества. Эта вялая отрешенность встревожила его больше, чем феерическая полупрозрачность Миранды. И тут было несколько возможных объяснений: он сходил с ума, переживал визуальные галлюцинации или, что хуже всего, находился в полном рассудке. Последнее предполагало, что его хозяева действительно являлись теми, за кого себя выдавали. Внезапно у него перехватило дыхание. Неужели он встретил существ, которые построили этот город? Неужели таким образом они вводили его в свое пространство, чтобы предстать перед ним и наладить контакт?

Аарон начал искать пути отхода. Он пока не нуждался в них, но опыт подсказывал ему, что такое время скоро придет. От коттеджа исходило что-то ужасное, и он все чаще находил в лицах Миранды и Мики какие-то тревожные и до сих пор не замеченные черты. Аарон мог следить за ними часами, посматривая искоса или разглядывая в упор. Иногда он замечал, как контуры их фигур начинали расплываться и дрожать, хотя это могло ему только казаться.

А потом Аарон повел свою игру, избрав простую, но проверенную тактику. Прежде всего он включил в распорядок дня утренние прогулки. С каждым днем они становились все длиннее и продолжительнее, и Аарон совершал их в любую погоду. Он знал, что его план продиктован безумием. Он понимал, что увяз в фантазиях ума. Но он не собирался сдаваться, отчаянно и по-прежнему лелеял надежду уйти.

Аарон продолжал растягивать свои прогулки, и никто не делал по этому поводу никаких замечаний. И вот однажды утром, когда тропа привела его к небольшому мосту через ручей, он перешел

на другой берег и, оглянувшись, заметил, что ландшафт позади него немного изменился. Аарон понял, что пора уходить, и смело зашагал навстречу неизвестному.

Впереди раскинулось огромное поле. Аарон не знал, где именно находился Чужеземный Город, но ему казалось, что он выбрал верное направление. Через некоторое время равнина уступила место лесистым холмам. Тонкие стволы молодых деревьев тянулись до самого горизонта. Над головой раздавалось карканье ворон, которые следили за ним с ветвей, как стражи злого колдовского царства. А день, казалось, тянулся вечно, и низкое солнце белело на блеклом небе. Черные ветви мешали смотреть вперед и путали его мысли. Аарон устал. Но он знал, что останавливаться нельзя — во всяком случае, не здесь и не сейчас. Его ноги утопали в вязкой грязи, из которой росли деревья, и время от времени под подошвами чувствовалось что-то комковатое и отвратительное. Не желая даже догадываться о том, что это такое, Аарон торопливо шагал дальше. Он ощущал вокруг себя присутствие древнего зла, и даже солнце боялось спускаться к земле в таком зловещем месте. Он понятия не имел о своем местонахождении, но это его почти не волновало. Каждый путь имел свой конец, и Аарон хотел до него дойти — особенно если он ошибался в выборе направления. А чтобы куда-то дойти, надо шагать, пока все не кончится — вернее, пока не придешь, куда шел.

Увидев город чужаков, Аарон не поверил своим глазам. В своем уме он представлял его чем-то похожим на раскопки других знаменитых мест — например, таких, как Ур Халдейский, Вавилон, Кносс, Фивы или Карнак. В принципе, Аарон ожидал увидеть те же самые развалины, пусть даже более древние и экзотичные. Но руины на Майриксе отличались от всего, что он видел раньше. И это не казалось ему странным. Странным было то, что Чужеземный Город выглядел удивительно знакомым и родным.

Он привык к нему только после того, как построил себе хижину — небольшой и ветхий шалаш на краю болота. Поглядывая из-под руки через топь, Аарон рассматривал шпили и башни Города. Иногда он даже видел людей, которые ходили по широким улицам. Но все это происходило на другом берегу трясины, и пути туда, по всей вероятности, не было. Болото пугало его своим вероломством; длинный шест, опущенный в него, бесследно засасывало в тину за несколько секунд. И, сам того не желая, Аарон представлял себе жертв этой жуткой трясины. Перед его взором возникали скелеты с цепкими пальцами, и раздутые трупы, из глазниц которых сочилась зеленая слизь, манили его к себе, растягивая в усмешке синевато-багровые губы. Он отгонял эти видения прочь, но старался держаться от топи подальше. Время от времени Аарон собирался с силами и отправлялся в путь, обходя болото то слева, то справа. Примерно к полудню он неизменно поворачивал назад, считая себя не готовым для встречи с Городом. Все эти преграды на его пути встречались неспроста. Он должен был ждать, когда в нем что-то прояснится. И каждый раз, возвращаясь назад, ему было стыдно за свое нетерпение. Аарон чувствовал, что в нем происходили какие-то изменения, но он даже не надеялся их понять — во всяком случае, до тех пор, пока процесс трансформации не закончится.

Вокруг его помраченного рассудка появилась зыбкая стена неуверенности. И было забавно пожить какое-то время в преддверии ада. Преддверие ада оказалось хорошим местом.

А потом проблема болота поглотила все остатки его разума. Чужеземный Город манил своей близостью, но Аарон не знал, как перебраться через топь. Он просто ничего не мог придумать. Все его мысли сплелись вокруг этого вопроса, и он настолько ушел в себя, что, случись поблизости важное событие, оно бы так и осталось незамеченным. Аарон даже не мог сказать, когда он впервые услышал шум. Он был слишком занят своими размышлениями, чтобы заботиться о каких-то звуках, которые наполняли его хижину. При таких обстоятельствах проще было назвать эти звуки «странными», а затем забыть о них и вернуться к мыслям о болоте.

Но некоторые звуки по-прежнему притягивали его внимание. Например, сухой скрежет на стенах и стремительный топот каких-то маленьких кожистых существ, которые ползали по потолку. А потом он вдруг обнаружил, что реагирует на звуки даже тогда, когда они замолкали. Что-то подталкивало его к действительно большой проблеме. Что-то заставляло его отслеживать странные звуки, хотя он не находил в этом никакого смысла. Но стоило ли волноваться о смысле звуков, если он хотел отсюда уйти? Конечно, нет. И он снова думал о том, как перебраться через болото.

Время скользило над маленькой хижиной, и воды болота отражали в себе небесную высь. Иногда вечерами сквозь облака проглядывал закат, и тогда небо становилось невротически оранжевым или сомнительно пурпурным. Свет здесь не подходил под обычные человеческие мерки. Он имел какой-то эмоциональный оттенок и даже казался немного вычурным. Но Аарон привык к нему и с годами мог бы стать настоящим ценителем этой цветовой палитры.

— Мистер Аарон? Вы проснулись?

Он сел. Кто-то звал его шепотом из темноты, выманивая в ночь из маленькой хижины на окраине Чужеземного Города.

— Кто здесь? — спросил он.

— Вы меня не знаете, но я ваш друг, — ответил голос.

Такой низкий бас мог принадлежать только очень рослому и мощному мужчине. Или, возможно, какому-то неизвестному разумному существу. Но Аарон не мог понять, зачем его разбудили.

— Что вам от меня надо?

— Мы хотим вам кое-что показать.

— Что именно?

— Если вы пойдете со мной, то сами все увидите.

— Я никуда не пойду, пока вы не объясните причину своего визита, — сурово произнес Аарон.

— Вы прилетели сюда, чтобы исследовать самийцев, — сказал голос. — Верно?

— Да. Но я не понимаю...

— Я могу показать такие вещи, которые без всяких слов расскажут вам о тайне самийцев. Не упускайте эту возможность. Идите за мной.

Предложение казалось заманчивым. Голос открывал новые пути, и Аарон не видел причин отказываться от них. Хотя его смущала та настойчивость, которую он заметил в тоне незнакомца. С другой стороны, ему до тошноты надоело болото. И он уже не мог без содрогания смотреть на эту чахлую однообразную природу.

Аарон встал и осторожно вышел в темноту. Казалось, что во Вселенной выключили свет. В его ладонь прокралась маленькая лапа, напоминающая руку ребенка. Почувствовав слишком уж много пальцев, Аарон воспринял это без всяких предубеждений, хотя, по правде говоря, многопалость спутника произвела на него неприятное впечатление. Он поддался мягкому рывку и подошел к стене хижины, которая вдруг растворилась и превратилась в длинный коридор — такой же темный, как ночь у болота. Они зашагали по гулкому туннелю, и через некоторое время Аарон увидел точку света. По мере того как они приближались к ней, она увеличивалась в размерах и все больше напоминала дверной проем. Этот ослепительно яркий прямоугольник света пробуждал приятные мысли. Аарон подумал о городе чужаков. Он взглянул на спутника и увидел маленькую квадратную фигуру, которая во многом походила на самийца. Она была несколько меньше, но зато с руками и ногами. Каждая нога кончалась ступней с семью пальцами, а каждая лапа имела какое-то подобие шестипалой ладони.

— Кто вы? — спросил Аарон. — И куда вы меня ведете?

— Это будет официальное расследование, — сказал маленький параллелепипед. — Впрочем, вы знаете, о чем я говорю. Вы же инспектор.

— Я? — удивленно спросил Аарон.

— Конечно. Совет велел вам присматривать за самийцем. Ваши коллеги чувствуют, что эта раса представляет угрозу для гуманоидов Галактики. Разве не так?

— Так, — ответил Аарон. — Но откуда вам это известно?

— Наши шпионы везде, — шепнул параллелепипед. — Следуйте за мной, и я выложу перед вами все доказательства.

— Доказательства? Какие доказательства?

— Доказательства об истинных намерениях самийцев.

Внезапно Аарон увидел сотни маленьких параллелепипедов. Он понял, что они каким-то образом связаны с расой самийцев.

Выступив в роли их делегата, П. Самюэльсон рассказал, что много веков назад они и самийцы принадлежали к одному и тому же виду. Но затем появились первые различия. После объявления определенных религиозных праздников мирное существование закончилось, и большие пипеды провозгласили маленьких сородичей гражданами второго сорта. Позже их вообще переименовали в подкласс. Поначалу маленькие пипеды думали, что это просто недоразумение, но более разумные особи вскоре разъяснили им истинное положение дел. «Разве вы не понимаете, что они задумали? Большевики хотят, чтобы мы делали за них всю грязную работу. Вот почему они отказались от использования рук и ног!»

А большие пипеды старательно выращивали новое поколение, которое было лишено любой способности к мануальным действиям. Они лукаво уклонялись от ответов, когда их спрашивали о смысле такого странного проекта. Но страшная находка на товарных складах небольшого космодрома раскрыла глубину их подлого заговора. Как оказалось, эти склады были доверху набиты одурманенными маленькими пипедами, сложенными друг на друга, словно горки блинов. Их ожидала отправка в предместья для подневольной службы. Придя в себя, они рассказали, что им обещали поездку в прекрасную страну, где все живые твари пребывали в мире и согласии. Судя по их словам, в этой преступной операции участвовал крупный мужчина размером с тарелку бекона, и главной его приметой являлось хитрое выражение лица. Однако все понимали, что большие пипеды не имели на лицах никаких выражений. Поэтому дело прекратили и сдали в архив.

Тем не менее тенденция определилась. Большие пипеды, следуя новой доктрине психической однородности, продолжали искоренять любое использование внутренних и внешних членов. В их среде начинала входить в почет доктрина духовной неподвижности.

В ту пору великого энтузиазма этот намеренный отказ от любого вида подвижности рассматривался самийцами как последний шаг к обретению истинной духовности. Но духовность к ним так и не пришла, а все их прежние заботы и дела легли на плечи маленьких пипедов, существование которых все больше и больше скрывалось от внешнего мира.

Возмущаясь произволом, маленькие пипеды пытались доказать, что они тоже обладают всеми атрибутами самийцев. Однако

их никто не слушал. Назвав бывших сородичей «частями своих тел», самийцы отказали им в праве считаться разумными существами. Согласно своду законов каждый самиец при встрече с беглым маленьким пипедом мог объявить последнего своей собственностью с последующим использованием в качестве рабочего органа или автономной части тела.

Тем не менее самийцы знали, как относились к рабству другие цивилизованные расы. Во избежание конфликта они решили предотвратить любую утечку информации о маленьких пипедах.

— Обычно они не позволяли нам улетать с родных планет, — рассказывал Самюэльсон. — Но когда возникла необходимость в экспедиции на Майрикс, самийцам пришлось сделать исключение. Им потребовались наши руки и наше мастерство. Чтобы составить другим достойную конкуренцию, они пошли на риск и привезли нас сюда.

Наследственный сдвиг к неподвижности лишил самийцев многих удовольствий, и они не могли, например, поковырять где-нибудь пальцем или почесать то, что чесалось. Вот поэтому они и взяли сюда маленьких пипедов, которые, помимо названных вещей, могли выполнять любую работу. В отличие от других видов, эти крохотные трудяги имели на каждой руке по два больших пальца. Природа щедра к униженным и оскорбленным.

Аарон от души сочувствовал маленьким продолговатым существам, но он знал, что помочь им вряд ли удастся. Самийская доктрина о первых среди равных являлась правилом для каждой из шести космических рас. А что, если маленькие пипеды действительно были только органами тел, пусть даже разумными и автономными? Он вспомнил об ужасных историях, которые ходили среди гуманоидов на заре их развития. Живые головы, руки мертвецов и даже желудок старого доктора.

Он сделал ошибку, высказав вслух свои сомнения. Атмосфера тут же накалилась и стала неприятной. Маленькие параллелепипеды двинулись к нему, угрожающе пощелкивая длинными пальцами. Они напоминали Аарону пигмеев из сюрреалистического фильма, поставленного по мотивам «Копей царя Соломона». Маленькие размеры, которые делали их беспомощными перед самийцами, представляли для Аарона реальную угрозу. Пятясь назад, он зажимал рот и дышал носом, боясь, что один из пипедов застрянет у него в дыхательном горле. К счастью, в этот момент в бункер ворвался отряд спасателей, посланных его другом-самийцем.

— Это грубый шантаж, — сказал Октано.

После инцидента прошло уже несколько часов, и оба приятеля расположились в небольшой уютной комнате. Самиец слушал, как землем рассказывал свою историю.

Аарон принадлежал к Третьему Исходу. Первый совершили

евреи, бежавшие из Египта; второй — земляне, покинувшие Землю; третий — землемы, улетевшие с земных миров. Поэтому Аарон причислял себя к Третьему Исходу. Его родители прожили все свои жизни на Артемиде-5, и за это время там ничего не изменилось. На уклад их жизни не повлияло даже появление других космических рас. Вот почему Аарон еще в детстве поклялся убраться подальше от религиозных проповедей отца и летаргической скуки захолустной Артемиды.

На раннем этапе космической экспансии все зависело от установки опорных пунктов для гиперпрыжков. Планеты открывались медленно, но их заселение велось очень интенсивно и основательно. Добравшись до ядра Галактики, землемы начали открывать новые миры с такой быстротой, что их уже не успевали осваивать. Спрос на колонистов превысил возможности Галактики, целые миры заселялись только одной или двумя семьями. И эти семьи потом с надеждой ожидали появления новых колонистов.

Хотя на самом деле отец Аарона торговал мануфактурой на Китанджаре — небольшой черно-зеленой планете, которая находилась почти у самого центра Галактики. Будучи резким и вспыльчивым человеком, он придерживался строгих консервативных взглядов и никогда по-настоящему не верил в существование других космических рас. Вернее, он считал их исчадиями ада, созданными дьяволом для восхваления животного начала. Мать Аарона плавала по каналам. Судя по некоторым статьям, она неплохо рисовала акварелью и считалась превосходным критиком среди ценителей живописи. Устав от бесконечных ссор и необоснованных обвинений, она оставила отца Аарона и улетела вместе с сыном на Сиринджин-2. Аарон жил с ней до четырнадцати лет, пока она не погибла в авиакатастрофе.

На следующий год, закончив образовательную систему, он улетел на Сесту. Жизнь фермера на одной из самых тихих и наименее заселенных планет помогла ему воспитать в себе определенную независимость в оценке событий, и эта черта должна была повлиять на окончательное решение проблемы, связанной с Четвертым Чужеземным Городом.

Что касается города чужаков, то он действительно был очень странным. Направляясь туда, Аарон мечтал о встрече с сыном. Но когда он наконец добрался до Города, свидание с Лоренсом потеряло для него всякий смысл. Каким-то странным образом, который оставался для него непостижимым, он искал это место всю жизнь, и все здесь казалось ему знакомым и милым. Несмотря на явный парадокс, Аарон находил это вполне естественным. Когда-то очень давно, по воле эволюционного процесса, ему, как и другим существам, пришлось оставить свой родной Чужезем-

ный Город. Но люди никогда не забывали об этом тайном месте. Оно служило им для тысячи сравнений. Ибо то был сад Эдема, в котором начиналась их жизнь до столь печального изгнания оттуда. Странно, что такое легендарное и сказочное место могло оказаться настолько знакомым. Но и эта странность, видимо, имела свое объяснение. Во всяком случае, попав сюда, Аарон понял, что он вернулся домой.

Но как ему объяснить эту истину другим? Он не хотел поступать, как Лоренс. Тот даже не пытался говорить об откровениях Города — о том, что происходило с ним и другими. Но пришло время открыть людям глаза и дать объективную оценку. Пришло время Слову, а может быть, и делу.

Хотя что он мог рассказать об этом месте? Когда на душе покой, любое место прекрасно. Город чужаков переполняли мнения, аспекты и точки зрения, пересмотр которых являлся сокровенным делом. Здесь царило пространство, где встречались, казалось бы, несовместимые противоположности: быть дома и вне дома, жить в знакомом и незнакомом мире.

Город поражал своими чудесами, но тому, кто здесь жил, они казались вполне нормальными. Взять хотя бы еду и питье — они просто появлялись, когда наступало время их получать. И так происходило с остальными вещами. Все возникало легко и естественно. Эта естественность, пожалуй, и была самой величайшей странностью Чужеземного Города.

На третий день своего пребывания в Городе Аарон встретил Лоренса. Два первых дня он провел в поисках ночлега, спальных принадлежностей и других предметов первой необходимости. При полном отсутствии мебели каждый дополнительный матрац воспринимался здесь как дар судьбы. Размеры комнат позволяли предполагать, что чужаки придерживались таких же пропорций, как и землемы. Но их рост и шаги были немного больше, о чем свидетельствовала ширина плит на пологих спусках от верхних помещений к нижним. Город чужаков походил на огромный дом со множеством комнат и открытых площадок, где в древности, очевидно, размещались рынки. Судя по всему, его жители не относились к почитателям живописи, и, хотя на стенах иногда встречались фрагменты орнамента, их узоры были примитивно простыми и по большей части геометрическими. Чуть позже Аарон узнал, что на Майриксе не нашли ни одного изображения человеческой или животной формы; даже того легендарного символа, который встречался в трех других чужеземных городах. Речь шла о летающем змее — древнем символе Земли. Правда, у чужаков этот змей имел на хвосте любопытные изгибы и кольца. Кроме того, на его широких крыльях изображались длинные пальцевые перья, которые иногда встречались у хищных птиц. Впрочем, и в тех трех городах орнаменты тоже считались редким явлением. Что же касается руин, то предназначение этих циклопических сооружений до сих пор оставалось загадкой. Вряд ли они служили для убежища, жилья и каких-то других бытовых целей. Исследователи насчитали здесь более тысячи комнат, но они не нашли на дверях никаких намеков на запоры, задвижки и замки. Более того, они не обнаружили ничего похожего на кухни, склады или зернохранилища, на столовые, рестораны и кафе. И, возможно, представление Седьмой расы о предназначении городов вообще отличалось от точки зрения землемов.

— Что это? — спросил Аарон.

— Мы называем это центральным бульваром, — ответил Лоренс. — Он находится в самом центре Города.

— А зачем он нужен?

— Понятия не имею, — ответил сын.

— Объясни, почему ты не сообщил об этих находках Совету?

— Потому что в них нет ничего конкретного. В каждой вещи столько нюансов, что внешняя форма теряет смысл. Я буквально чувствую этих чужаков, но не могу сказать, откуда идет это чувство. Да и ты, наверное, испытываешь то же самое.

— От этого здесь никому не уйти, — ответил Аарон. — Но такие чувства вполне естественны. Нечто похожее испытывали те, кто вскрывал гробницы Древнего Египта на Земле или сокровищницы Салтая на Амертегоне.

Он не стеснялся своего восторга и благоговения в присутствии такой старины, где даже время принимало осязаемую форму.

— Я хочу познакомить тебя с Мойрой, — сказал Лоренс. — Она помогает мне в моих исследованиях.

Мойра оказалась коренастой темноволосой девушкой с веселой улыбкой и большими карими глазами. Ее лицо трудно было назвать красивым, но она из принципа не пользовалась косметикой. Голубые джинсы, длинный мужской свитер и сандалии придавали ей немного диковатый вид. Но верхом всего являлся рюкзак, который Мойра носила вместо сумки.

— Очень рада познакомиться с вами, — сказала она, пожимая Аарону руку. — Я много слышала о вас. Между прочим, вы у Лоренса пример для подражания.

Он этого не знал. Поблагодарив девушку, Аарон украдкой взглянул на сына. Лоренс что-то быстро писал в блокноте и, казалось, не прислушивался к их беседе.

Они все глубже и глубже входили в Город. Освещение убывало; формы становились более угловатыми и стилизованными. Коридоры сменялись залами, разветвлялись в короткие тупики и без видимых причин поворачивали в стороны. Аарон почти физически ощущал, как вокруг них сгущалась аура древности. Световые эффекты на стенах и потолках поражали воображение. Чувство таинства усиливалось с каждым шагом, но они пока не встречали ничего такого, что могло бы показаться сверхъестественным.

— Вскоре ты увидишь действительно потрясающую вещь, — сказал Лоренс.

Они прошли через пару открытых двойных дверей, спустились по тускло освещенным ступеням и свернули за угол. Когда их маленький отряд оказался на середине прямого коридора, Лоренс поднял руку и замер на месте.

— Вот это я и хотел тебе показать, — сказал он.

Аарон хотел чуда, и он его получил. Еще одно мудрое откровение. В первые дни, осматривая развалины, Аарон видел в них только застывшие отголоски былого величия. Интересно, спору нет, но все это показывали и в фильмах о других городах чужаков. Он тогда еще не находил здесь качественного различия.

Однако Четвертый Чужеземный Город оказался чем-то совершенно иным. И Аарон однажды понял, что это не мертвые руины и не диорама древнего зодчества. Город, как живой организм, откликался на мысли и поступки людей. В каком-то смысле он походил на обучающую компьютерную программу. Вот что имел в виду Лоренс, показывая Аарону на дверь.

— Я могу поклясться, что ее здесь раньше не было.

Лоренс кивнул, но не сказал ни слова.

— Неужели она появилась только сейчас?

— Ты и сам это знаешь, отец.

Внезапно Аарон почувствовал желание вернуться к третьей двери слева. Всего лишь минуту назад она не поддалась на его толчок. Но теперь, когда он снова вернулся к ней, дверь открылась при одном лишь прикосновении.

— Ты изменил дверной шифр?

Лоренс покачал головой.

— Но кто-то же это сделал? Когда мы проходили мимо нее в первый раз, она была закрыта. А теперь я ее открыл.

— Никто к ней не прикасался, отец. Мы уже встречались с этим феноменом раньше. Двери открываются лишь тогда, когда Город считает, что ты готов пройти через них.

Чтобы доказать свои слова, Лоренс подошел к следующей двери и толкнул ее рукой. Та не поддалась. Он жестом подозвал отца, и Аарон открыл ее легким прикосновением пальцев.

— Город словно знает, что я уже пообедал, — объяснил Лоренс. — И поэтому он не видит причин открывать для меня эту дверь. А вот ты проголодался, и Город готов накормить тебя.

Аарон осторожно переступил порог, и массивная створка тут же закрылась. Он увидел, как круглая рукоятка трижды провернулась вокруг оси. Дверь снова открылась, и в проеме появился Лоренс.

— Как ты об этом узнал? — спросил Аарон.

— Методом проб и ошибок. Я обнаружил, что, несмотря на первый запрет, Город все же может пропустить меня дальше. Просто я должен настаивать на этом — вот и весь секрет. Он позволяет мне пройти, если я принял твердое и окончательное решение.

Аарон осмотрелся. Комната напоминала маленькую столовую. Вокруг мраморного стола стояли четыре деревянных стула. На белой скатерти виднелись салфетки, стеклянная и фарфоровая посуда, а также несколько больших блюд, из-под крышек которых исходил аппетитный запах. И что интересно, эта пища не выглядела чужой. Обычное тушеное мясо с морковью и жареной картошкой — не очень экзотическая, но хорошо приготовленная еда.

— А кто готовит эту пищу? — спросил Аарон.

— Она просто появляется.

— И она всегда одна и та же?

— О нет! Город ее разнообразит. Он вообще не повторяется. Иногда это восточные блюда, а иногда русские или латиноамериканские. Часто мы даже едим что-то вообще непонятное. Но мы доверяем Городу, и никто из нас еще ни разу не пострадал от пищи.

Однако здесь появлялись и не совсем приятные вещи. Например, куклы. Все те же куклы. Город оказался настоящим затейником. И куклы встречались в развалинах на каждом шагу. Ни одна из них не превышала восемнадцати дюймов в высоту, и они всегда были тщательно одеты. Обычно Аарону попадались тряпичные куклы, но он находил и прекрасные статуэтки из голубого фарфора с глазами, вырезанными из драгоценных камней. Куклы появлялись в Городе повсеместно: то партиями по несколько штук, то десятками или даже сотнями. Тем не менее Аарон не видел принципа, который мог бы стоять за этим. Временами они вообще исчезали, а потом возникали, как грибы после дождя. Аарон пытался составлять графики, подсчитывал количество и вел ежедневные записи. Но он так и не докопался до истины.

— Сара, что ты здесь делаешь? Тебе же не хотелось участвовать в этом.

— Наверное, я передумала.

— Конечно, тут нет сомнений. Но почему ты передумала?

— А вот это уже мое дело.

— Ты уже виделась с Лоренсом?

— Еще нет. Хотя это уже не кажется мне таким важным, как раньше.

— Тем не менее это важно! — сказал Аарон. — Ты обязательно с ним должна поговорить. Я знаю, он будет рад вашей встрече.

— Почему ты все время стараешься быть таким отвратительно милым? Все изменилось, Аарон. Мы должны знать, куда пойдем отсюда дальше.

По какой-то причине Лоренс и Сара не встретились. Аарон не думал, что они избегали друг друга. Но так получилось, что встретиться им не удалось. Хотя, возможно, кто-то из них действительно не захотел этой встречи, и тогда понятно, почему она не состоялась. Однако это опечалило Аарона. И еще его тревожило, что Сара больше не проявляла к нему интереса. Почему же все так резко изменилось? Неужели что-то произошло?

— Как поживаете, дружище? — спросил самиец.

Аарон приподнялся и сел. Он все больше и больше времени проводил в постели, рассматривая мраморный потолок. Прежде ему казалось, что у него есть о чем подумать. Но теперь он в этом сомневался. Мысли с трудом пролезали в его голову и как-то очень быстро выскальзывали оттуда. Тем не менее в последние дни он чувствовал себя спокойно и вполне оптимистически. Что-то, конечно, было не так, и именно к этому его сейчас подводил самиец, однако Аарон считал себя абсолютно здоровым — особенно после того, как прекратились кошмары. Между тем Октано тревожился о друге. Аарон часто шептал что-то о маленьких пипедах, восставших против больших самийцев. И ему оставалось только удивляться, где его приятель набирался подобных идей.

— Со мной все нормально, — ответил Аарон.

Самиец уловил в его голосе настороженные нотки. Но он уже устал от всех этих странностей и недоразумений. В городе чужаков находилось несколько исследовательских групп от всех шести рас, и казалось, что все они занимались исследованием развалин. Однако их видимый труд не приносил никаких результатов. Более того, на проходном пункте в Город скопилась груда депеш и запросов. Некоторые из них исходили от комиссий Совета, которые бомбардировали Аарона и Лоренса вопросительными знаками. Самиец не раз пытался уговорить их написать ответ. «Поймите! Люди из Совета посчитают ваше молчание очень странным!» Но отец и сын не находили на это ни времени, ни желания.

— Я понимаю их тревогу, — говорил Аарон. — Но ничем не могу им помочь.

— Вы могли бы выйти на космосвязь и как-нибудь успокоить членов Совета, — настаивал самиец. — Это же вас не убьет, правда?

— Не знаю, — отвечал Аарон. — Я в этом не уверен.

Самиец начал подозревать, что с Аароном творится что-то неладное. Возможно, он решил, что неладное здесь творится с каждым и даже с ним. Фактически он и сам понемногу начал сомневаться в своем благоразумии.

Это же чувство тревоги прокатилось по всем ассоциациям и правительственным центрам. Гуманоиды задавали вопросы о Чужеземном Городе. И им никто ничего не мог ответить. Мэтью

вышел на космосвязь и передал решение Совета. Они собирались прилететь сюда сами, поскольку Аарон не оправдал их надежд.

— И что вы обо всем этом думаете? — спросил самиец.

— Наверное, так даже лучше, — ответил Аарон. — Нам предстоят большие дела. Ведь в некотором смысле прежние обитатели Города до сих пор живы.

— Разве это возможно? — спросил самиец.

— Конечно, возможно. Неужели вы этого еще не поняли?

— Боюсь, что нет, — ответил Октано. — Хотя мы, самийцы, вдвое моложе землемов и менее чувствительны, чем все остальные космические расы.

Интересно, что гуманоиды других рас действительно слетались в город чужаков, как мотыльки на пламя. Их прилетало на Майрикс все больше и больше. Колония около развалин разрослась на несколько квадратных миль, и каждый вид обосновался в ней согласно своему жизненному укладу. Многим тут приходилось несладко: локрианам не хватало в атмосфере неона; у цефалонов возникали проблемы с водой; и вообще Майрикс больше подходил для существ, привыкших к небольшой гравитации и кислороду. Но остальные расы не сдавались и придумывали различные приспособления. Весь водный мир был отдан цефалонам. Летуны-кротониты устроили себе гнездовья с естественной для них средой обитания. Они строили герметичные купола и увеличивали там плотность атмосферы, снижая тем самым нагрузку на крылья. Но они мало что могли сделать с гравитацией. Несмотря на все эти трудности, гуманоиды привыкали к планете и осваивались с ее непростым характером. Как бы там ни было, она являлась почти универсальной для всех видов, и только самийцы пока оставались в стороне.

Такое положение дел тревожило Октано. На всякий случай он решил проинформировать свой народ, что Майрикс несет в себе какую-то опасность.

— Алло? Гвинфар?

Нейтронная связь была почти мгновенной, и только любитель каламбуров мог бы утверждать, что она не прямая. Через секунду Октано услышал голос, который мог принадлежать только вождю их клана.

— Что-то случилось? — спросил Гвинфар.

— Этот мир тревожит меня, — сказал Октано. — Но ни одна из других рас, очевидно, не находит его подозрительным. Если некоторые землемы поначалу интересовались мною, то теперь им нет до меня никакого дела.

— По каким причинам?

— Я подозреваю, что они разрабатывают некий вид иллюзорной системы. Или, может быть, на них так действует Майрикс.

— Что еще за иллюзорная система?

— Здесь много аспектов, но я попробую объяснить. Например, им кажется, что мы, самийцы, скрываем какой-то очень глубокий секрет.

— Ага! Если бы он только у нас был!

— Вот и я так думаю. Но они не понимают, что мы действительно так просты, как выглядим.

— Возможно, это соответствует тому, что они называют «параноидальным мышлением»?

— Мне очень жаль, но, кажется, так оно и есть, — ответил Октано.

Тем временем в системе Миниэры шла напряженная работа всех правительственных структур. Входя в зал заседаний Совета, Мэтью даже не пытался скрыть своей тревоги. Она не покидала его с тех самых пор, как самиец послал ему по космосвязи просьбу о содействии.

— Вероятно, его сообщение исказили при дешифровке, — сказал де Флер. — С какой стати самийцу просить встречи с нами?

— Нет, канал дешифровки заслуживает полного доверия, — ответил Мэтью. — Он имеет наши опознавательные знаки.

— Самиец настаивает на секретности, — продолжал де Флер. — Это мне не нравится. Мы как бы становимся его соучастниками, понимаете?

— Тем не менее нам надо узнать, что у него на уме. Вы не хуже меня понимаете, что на Майриксе назревают серьезные события. Если Октано может дать какую-то информацию, мы должны воспользоваться его услугами.

Встреча состоялась на Хестре — луне второй гуманоидной планеты. Поскольку атмосферы здесь не было, в одном из кратеров на солнечной стороне луны соорудили купол. Неподалеку от него находился автоматический парк аттракционов. Такие станции для развлечений обычно устанавливались рядом с малонаселенными планетами, которые не могли обеспечивать содержание живого персонала. Впрочем, для тех немногих людей, которые иногда прилетали отдохнуть на Хестру, этих механических увеселений вполне хватало.

У самого входа располагалась качающаяся площадка с нулевой гравитацией. Небольшой пульт позволял программировать ее замысловатые повороты и вращения. Рядом застыли неподвижные механизмы других аттракционов — воплощение той озабоченности, которую люди питали относительно своих проприоцептивных центров. Пищевой ларек казался отключенным. Но когда де Флер проходил мимо него, сенсорные датчики уловили приближение человека и запустили световую рекламу. Она засияла неоновыми лампами — старомодным символом процветающих ци-

вилизаций. Тут же заиграла музыка, которая транслировалась прямо в их шлемы. А затем раздался механический голос рекламного автомата:

— Остановитесь, леди и джентльмены! Остановитесь и сделайте свой выбор! Приколите хвост межзвездному шатуну! Одержите верх в споре с печальным и старым саблезубым тигром! Пролетите сквозь черную дыру и солнечные протуберанцы! Только такие отчаянные храбрецы, как вы, могут осушить залпом смертельный напиток за нулевое время! Не упустите свой шанс и порадуйтесь чувству восторга, которое даст вам величайшее преступление века! Не надо нервничать, господа! Спокойно, милые юноши и девушки! Вам надо как следует повеселиться и порадоваться жизни! А это можно сделать только у нас!

— Что-то мне здесь не нравится, — сказал де Флер. — Неужели эти штуки всегда включаются так неожиданно?

— Боюсь, что да, — ответил Мэтью. — Я имею в виду современные образцы.

— Почему же они так популярны?

— Мода, как и общественное мнение, абсолютно непредсказуема. Это доказано историей. Во всяком случае, мне так говорили на курсе психологии. Университетские мужи утверждают, что вкус к плохому просто необходим для развития общества, так как он выражает наш подсознательный протест против всего хорошего и благопристойного. Одним словом, человечество нуждается в таких неряшливых местах. Кроме того, существует теория, будто ничто человеческое не является безобразным.

Парк игр и развлечений казался лежбищем огромных чудовищ, которые собрались в этот кратер со всех уголков луны. Аттракционы терлись друг о друга и выгибали дуги рельсов, взлетавших к колючим пятнам созвездий. Два человека торопливо направились к выходу, пытаясь согласовать дальнейшие действия.

— Возможно, мы совершаем большую ошибку, — сказал де Флер. — Вам следовало настоять на официальной встрече.

— Нам позарез нужна эта информация, — ответил Мэтью. — И я готов полететь куда угодно, лишь бы узнать, что происходит на Майриксе.

— За исключением самого Майрикса, разумеется, — съязвил де Флер.

— Мы уже обсуждали этот вопрос.

Отрегулировав подачу воздуха, де Флер поправил маску и сказал:

— Посылать сейчас кого-то на Майрикс было бы просто безумием. Я думаю, вы согласны со мной, Мэтью?

— Под большим давлением.

— Тем не менее вы согласились со мной на заседании Совета.

И мы вам руки не выкручивали. Да что там говорить! Это единственный разумный вариант, пока мы не узнаем, что происходит в Чужеземном Городе. Вспомните, скольких людей мы отправили туда за последнее время! И никому из них потом не удалось наладить с нами контакт! Аарон был только последним.

— Мы могли бы послать туда кого-нибудь еще, — упрямо сказал Мэтью.

— Я знаю, что вам хотелось взять эту работу на себя. Но подумайте о финале. Если бы вы тоже прервали связь, мы потеряли бы еще одного важного советника.

— Ладно, вы меня уговорили, — проворчал Мэтью. — Но где же этот самиец?

— Взгляните туда! — прошептал де Флер.

Мэтью поднял голову и увидел у дальней ограды парка темное пятно. Оно перемещалось параллельно им вдоль стоянки, где астероидные шахтеры оставляли свои машины. Обогнув стоянку, пятно направилось к людям. Де Флер вытащил из кобуры колоколоподобный револьвер, но Мэтью положил ладонь на плечо старика.

— Успокойтесь. Это Октано.

Самиец приехал на трубчатой коляске. Под ним находился баллон, откуда вырывался цветной газ. Искристое облако окутывало переднюю часть ломтевидного тела, похожего больше на почерневший кусок мяса, чем на живую плоть. Все признаки жизни исходили из трансляционной панели. Но по резким рывкам коляски Мэтью понял, что самиец расстроен.

Они обменялись любезными приветствиями. Затем голосовой синтезатор крякнул и произнес:

— Я рад, что вам удалось выкроить для меня время. Наверное, вы уже догадались, что я хочу поговорить с вами об Аароне.

— Мне только непонятно, почему вы отказались провести эту встречу в официальной обстановке, — сказал де Флер.

— К сожалению, ситуация на Майриксе гораздо серьезнее, чем вы думаете. Она имеет множество неясных аспектов, и я думаю, что вам следует выслушать меня.

— Но почему вы захотели встретиться именно здесь?

— Поймите меня правильно, — сказал Октано. — Совет самийской конфедерации еще не выяснил, насколько опасно положение дел на Майриксе. Но мы видим одно. То, что там происходит, оказывает глубокое воздействие на всех, кто прилетает туда. И более всего этому воздействию подвержены землемы.

— Почему же ваша конфедерация не вынесла этот вопрос на обсуждение Межпланетного Совета?

— Вы и сами должны это понимать, — ответил самиец. — Под покровом беспристрастности и хороших манер моя раса, подобно другим, озабочена своими страхами и мыслями о конкуренции. Да, мы говорим, что межвидовой борьбы не существует, но

все эти слова являются стандартной отговоркой. И хотя Галактика слишком велика, чтобы на нее могла претендовать одна раса, мы все равно пытаемся захватить первенство над другими видами.

— Вы как-то необычно искренни, — отметил де Флер.

— А что тут такого? Я не разделяю подобных взглядов. Конечно, мне тоже хочется, чтобы мой народ выдержал испытание временем, но я не собираюсь ради этого молчать о зле, которое творится на Майриксе.

В конце концов они перешли к обсуждению основного вопроса. Мэтью понял, что самиец пытался ввести новый подход в древнюю программу межвидовой конкуренции. Впрочем, его план мог оказаться тонкой уловкой, направленной на дискредитацию землемов. И в этом им следовало разобраться прежде всего — причем не в тиши кабинетов, а здесь, у пустого парка аттракционов, на солнечной стороне луны, вдалеке от коммерческих линий. Кроме того, Мэтью хотелось услышать что-нибудь об Аароне, особенно теперь, когда на Майрикс отправлялась новая дюжина кораблей. Люди на борту были туристами, но, что интересно, они состояли только из представителей четырех рас. Об этом тоже стоило подумать.

— Так вы говорите, что во всем виноват сам город? — спросил он у Октано.

— Я боялся смутить вас такими словами, но вы сами это сказали. Теперь вам предстоит сделать выбор — верить мне или нет.

Мэтью задумался. Город оказался обитаемым. Посланцы Совета не возвращались и не выходили на связь. А что, если Чужеземный Город построен как ловушка? Что, если кто-то знал, что туда полетят другие разумные существа?..

Той первой ночью Аарон долго не мог заснуть. Теперь он знал, что Город жил, несмотря на все прошедшие тысячелетия. Любой вопрос о его предназначении был нелеп уже в самой сути, ибо пути творцов неисповедимы. Хотя, возможно, чужаки и имели какую-то цель, когда создавали этот город.

Он находился в домике для гостей — довольно странном затемненном помещении с широким центральным проходом и боковыми комнатами, где на полу лежали лишь маты. Несмотря на темноту, освещение действовало — требовалось лишь поднять палец и указать на лампы. Все гости питались в общем зале, но он ел только с гуманоидами. Ему не нравилось делить пищу с теми, кто поедал на завтрак смазанный маслом картер или какой-то его эквивалент. После ужина он принял ванну, и эта процедура порадовала его своей новизной. Сняв одежду, Аарон скатился по длинной металлической трубе и соскользнул в воду. Такое погружение показалось ему излишне драматическим. Однако выбирать здесь особо не приходилось.

Нырнув в воду, он оказался в густом облаке белых пузырьков. Аарон почувствовал, что гравитация вдруг резко изменилась. Его тело медленно опускалось вниз, а вокруг все сияло цветными прядями и нитями водорослей. Мимо проносились какие-то вытянутые создания, похожие на яркие перья. Некоторые из них имели мелкие зеркальные чешуйки.

Через какое-то время он понял, что перья, проплывавшие мимо него, являлись гуманоидами. Сначала ему попадались только цефалоны, и Аарон любовался их легкими и стремительными движениями. Потом он приметил одного нексианина, который проплыл поблизости с комичным и важным видом. Кристально чистая вода освещалась откуда-то снизу, но источник света удалялся по мере того, как Аарон спускался к нему сквозь шлейфы пузырьков, оставленных другими пловцами. Он дышал под водой, и это его не удивляло. Да и чему тут было удивляться, если все получалось само собой?

Аарон продолжал погружаться, и его не тревожило давление воды или отсутствие воздуха. В сияющем коконе света ему встречались старые и новые друзья, его любовницы и те, кому еще предстояло стать ими, и они махали Аарону руками, пока он спускался вниз.

У самого дна его взору открылось небольшое круглое отверстие, которое являлось основанием огромной стеклянной бутылки. Эту бутыль он заметил всего лишь минуту назад. Аарон проплыл в отверстие и в один миг оказался на поверхности воды неподалеку от узкого пляжа. Маленький кусочек суши окружали отвесные скалы, мерцавшие в лучах прожекторов холодным серебристым светом.

Рядом с Ааароном проплыл мужчина, которого он здесь прежде не видел. Остановившись, незнакомец помахал ему рукой — причем с таким энтузиазмом, словно знал его всю жизнь.

— Прошу прощения, — сказал Аарон, после того как они вышли на пляж. — Мы случайно не знакомы?

— Пока нет, — ответил мужчина.

Он добавил еще что-то, но Аарон не уловил этих слов. Тем не менее он понял, о чем говорил незнакомец. Несколько невразумительных звуков подсказали ему смысл фразы, хотя ее значение выходило за пределы доступных выражений.

Внезапно фигура исчезла. Но такое часто случалось во сне, где выходы и входы не являются проблемой, а содержание остается темным и неясным. Все в этом мире просто; надо только снять чешую из глаз и с легкостью принять тот дар, который оставили им существа, ушедшие за грань восприятия.

Эта мысль кольнула его разум почти с той же остротой, с какой китайская пища впивается в желудок. И хотя Аарон понял все, это длилось лишь одно мгновение. А потом сон угас, унеся в бесконечность иную реальность, и ему пришлось заняться чем-то другим.

— Тебе полегчало? — спросила Сара.

Аарон открыл глаза и осмотрелся. Он находился в странном древнем зале, стены которого были сложены из каменных блоков, связанных вместе каким-то белым раствором. Взглянув на лепную кушетку, служившую ему ложем, он перевел взгляд на пылавший камин, а затем увидел высокую и стройную Сару, которая стояла перед ним в печальной и робкой позе.

— Не верю своим глазам! — воскликнул он. — Что ты тут делаешь?

— Ты был так близок к истине, — сказала она. — Неужели тебе еще неясно, что любая наша возможность может находиться в состоянии переменчивости?

Аарон не задумывался об этом раньше. И теперь откровение потрясло его до глубины души. Как же так случилось, что внутренний остов гуманоидной расы вдруг стал объектом для изменений и переплавки? Ему показалось, что прочная основа ушла из-под его ног и проделала серию диких превращений — не просто каких-то поворотов и фигур, а превращений сути. Он смутно понимал, что к тому же самому подводила людей и квантовая механика. Теперь эту доктрину называли сравнительной теорией хаоса, но в древности люди давали ей другие имена — имена, означавшие суетность объективного мира.

— О чем ты задумался? — спросила Сара.

— Странно, но я даже слов не нахожу для той возможности, которую мы обсуждаем, — сказал Аарон. — Это как смерть во сне. Мне и самому не нравятся такие неясные термины, но как иначе говорить об этом? Боюсь, мы вновь столкнулись с идеей, которая количественно неопределима.

— Не надо пугаться, — подбодрила его Сара. — Ты все делаешь правильно.

Возможно, у него действительно что-то получалось, но он так не чувствовал. Аарон еще никогда не переживал такого острого и внезапного кризиса веры, когда он сомневался не только в себе, но и в обоснованности, пригодности и даже красоте реального мира. Не эта ли эпидемия безверия разрушала целые культуры, когда последние осажденные бастионы сдавались и цивилизации бесследно исчезали на пике своего расцвета? Люди смотрели в будущее и понимали, что оно принадлежит не им. Аарон уже не сомневался, что город чужаков источал такой же смертельный яд, ввергая шесть новых рас в состояние апатии.

А что ему снилось сейчас? Он резко сел на ложе. Вот это да! Информационная гибель Вселенной! Аарон и раньше знал, что информация представляла собой вид энергии, который следовал своим собственным правилам. Но информационная вселенная не могла существовать без тех, кто ею пользовался, поскольку

любая информация предполагала два полюса: потребителя и того, кто ее направлял.

— Впрочем, это не совсем верно, — произнес Аарон. — Мы очень мало знаем о свойствах информации. Тем не менее мы можем полагать, что смерть является многоуровневым явлением. И на каждой ее стадии имеется своя небольшая смерть. Мертвые мертвы, но они могут прийти к вам на многих уровнях. Вот почему информация несовместима с той концепцией, в которую ее втискивает наука. Мы не можем понять того, что отказывается входить в сферу речи, и однажды это сотрет нас в порошок.

— Как долго он находится в таком состоянии? — спросил Мэтью.

— По меньшей мере уже пару дней, — сказал доктор Франц. — Он попросил нас о встрече с вами, а потом впал в бессвязный бред.

— Информация представляет собой истинный субстрат, — продолжал Аарон. — Вы можете свернуть цыпленку голову и тем самым убить его. Или вы можете отрицать существование цыплят и кур, что будет являться другой альтернативой. К внутренним таинствам есть много путей, но они не возникают из рассмотрения других внутренних таинств.

Вот и полегчало, подумал Аарон. Надо собраться и взять за опору какой-нибудь старый кусок своих мыслей. Если на пути стоит преграда, ее надо разрушить или обойти. А преграды есть всегда — особенно в этом чудесном городе. Городе, наполненном странной голубизной. Остановись! Не ходи вокруг да около. Они не одобряют такого легкомыслия.

— Добрый вечер, Аарон.

— Добрый вечер, мисс Марчек.

Смутные признаки возбуждения в глазах старой девы. И за всем этим звезды — вечный задник декораций, на фоне которых продолжается драма жизни. Он задумался о давних временах. Там все было по-другому. А что он делает теперь? В этом гиблом месте! Обреченный на гибель! Когда каждое слово звучало как удар колокола! Аарон, возьми себя в руки!

Магистры рассаживались вверху, а студенты занимали нижние ряды. Они вели себя до странного тихо. Аарон отличал магистров по лысинам. Хотя нет, они были выбриты, потому что этого требовала их ученая степень.

— Аарон! Успокойтесь!

Они говорили о его теле. И ему действительно следовало успокоиться! Хотя бы для того, чтобы оценить их кровавый труд. Вот и все кончено. «Вам надо покинуть тело». Не делай этого! Тут что-то не так! Неужели ты и сам не видишь? Да, надо было признать, что магистры вели себя тихо неспроста — их что-то принуждало к этому. Но почему здесь всегда происходило одно и то же?

Трепетные сомнения, сны, сдутая пена и конец старых дней.

Почему вокруг него снова эти руки? Может быть, он утонул? Или они боятся, что он не знает, как тонут люди? Но он знал! Он мог им многое сказать! Хотя теперь уже ничего не скажет.

О, кто-нибудь! Спасите его! Дайте ему место!

А местечко оказалось мрачноватым. Они упивались здесь сивухой и сладким забвением — если только оно могло быть сладким. Аарон, не городи чепухи. Не думай об этом и ни о чем не беспокойся.

Корабль еще мог вернуться из гиперпрыжка. Неужели они бросили его на этой необитаемой станции? Промежуточные пункты гиперполя не предназначались для жилья, и обычно здесь хранились лишь небольшие запасы воздуха, воды и пищи. Но делать нечего. Надо ждать прибытия другого корабля. Хотя вряд ли он появится в скором будущем. Аарон поплотнее закутался в куртку. По крайней мере, он мог позаботиться о своих основных нуждах. А впрочем, какая разница? Ему было холодно, ужасно холодно, и никакого тепла в ближайшее время не предвиделось.

Неужели они так и не дали ему умереть? Он вдруг понял, что давно не видел тех снов, которые снились ему раньше. Аарон начал вспоминать свои первые дни в Городе и все то, что случилось с ним в далеком прошлом. Или это они заставляли его верить в воспоминания о событиях, которых на самом деле не происходило?

Аарон резко подскочил на постели. Впервые за все это долгое время он почувствовал внутри себя удивительную ясность. Его окружало изысканное убранство огромного зала, который находился в недрах Чужеземного Города. Мраморные стены переходили в порфировый свод потолка. На полке камина стояла старая бронза. Пол украшала мозаика с изображением звезд и солнечной богини. Аарон с удивлением осмотрел свои одежды. На нем была длинная шелковая мантия, отливавшая всеми цветами радуги. В одной руке он держал шар, в другой — скипетр, и его взгляд все время тянулся к проему двери. Он не понимал, как освещалось это помещение. Казалось, что свет исходил из мрамора и камней — и даже не исходил, а как бы являлся их свойством и неотъемлемым качеством. Внезапно в коридоре возник ослепительный свет, который двигался сам по себе, как живое существо.

Свет плавно перелился из коридора в зал и остановился перед Аароном. Внутри ослепительного кокона виднелись языки огня, которые, подрагивая и скручиваясь между собой, достигали в высоту шести футов. В извивах пламени Аарон угадывал черты людей. Всматриваясь в них, он узнавал Миранду, Мику и многих других, кого он встречал здесь прежде.

— Кто ты? — спросил он у пламени.

— Рад слышать от тебя разумную речь, — ответило пламя. — Я то, что люди назвали духом этого места.

— А ты не можешь объяснить это подробнее?

— В каждом месте обитает сила, которая является его духом. Если место умирает, умирает и дух. Но такая сила может возрождаться в других местах. И именно так был возрожден я.

— Значит, ты дух Чужеземного Города? — спросил Аарон.

Пламя дрогнуло и покачнулось, будто бы кивнув в ответ. Аарон понял, что на самом деле никакого разговора не происходило. Пламя общалось с ним телепатически, передавая свои слова прямо в его мозг.

— Как мне тебя называть? — спросил он.

— Ты можешь называть меня Гео, — ответило пламя. — Духом этого места.

— А ты не мог бы рассказать мне о себе? — спросил Аарон. — Например, о том, что ты здесь делаешь? И как тебя сюда занесло?

— Я ждал тех, кто узнает меня, — ответил Гео. — Вспомни, как много мне пришлось показать тебе, прежде чем ты понял мою истинную природу. А я надеюсь, ты ее понял, верно?

— Да, можешь не сомневаться, — тихо произнес Аарон.

— Я показывал тебе чудеса, — продолжал Гео. — Мне пришлось провести тебя по всем оттенкам того, что стояло за гранью твоего понимания. И ты в конце концов убедился в моем существовании.

— Значит, ты полностью нематериален? — спросил Аарон. — Или у тебя есть какой-то телесный аспект?

— Во мне столько же материи, сколько и духа, поскольку я воплощаю в себе все три аспекта единой реальности — физический, психический и духовный. Я являюсь вечной несокрушимой энергией, и в то же время мою конкретную форму можно разрушить. Тем не менее мне удалось сохранить себя на протяжении веков. И вскоре я снова выйду на галактическую сцену.

— Понимаю, — произнес Аарон.

— Я не провозглашаю себя богом, — сказал Гео. — Но во мне есть нечто большее, чем в существах того или иного вида. Готов ли ты служить мне, Аарон? Готов ли ты стать моим пророком?

— Я готов, — ответил Аарон.

— Отныне этот день будет праздником не только для нас с тобой, но и для всей человеческой расы, — сказал Гео. — Настал тот час, о котором мечтали люди. Я одарю их своей заботой и мудрым руководством. Я назову их своим народом. Ты же, Аарон, ничего не бойся. Я показал тебе лишь долю того, что возможно. Сейчас нам предстоит закончить начатое мною дело. А потом мы пойдем туда, куда поведет нас судьба твоей расы.

На протяжении всего этого разговора Лоренс беспомощно стоял у двери. Со стороны казалось, что его опутывали невидимые узы. Как бы он ни пытался их разорвать, у него ничего не получалось и ему не помогали никакие доводы об иллюзии, гипнозе и самообмане. Несмотря на все усилия, он даже не мог пошевелиться.

Его воля находилась в чужих руках с того самого дня, как он ступил на Майрикс. Лоренс был бессилен что-либо сделать — особенно теперь, в такую важную для них минуту.

— Отец! — закричал он. — Неужели ты не знаешь, что он овладел нашим разумом?

— Конечно, я знаю это, Лоренс, — ответил Аарон. — Но разве мы не мечтали о такой судьбе? Разве мы не хотели твердого руководства, которое помогло бы нам пройти сквозь опасности, расставленные Вселенной?

— Нет, отец. Ты ничего не понял!

Лоренс сказал бы что-то еще, однако приступ внезапной боли остановил его на полуслове. Он беспомощно смотрел на Аарона, и его взгляд предупреждал, что эта тварь представляла собой угрозу не только для них, но и для всей человеческой расы.

— Все нормально, Лоренс, — подбодрил его Аарон. — Гео и я уже обо всем договорились. Послушай, Гео, я хочу, чтобы ты выслал с планеты моего сына и остальных людей. Они только мешаются под ногами. Мы же с тобой обсудим наши дела и спланируем дальнейшие действия.

— Планировать буду я, — сказал Гео.

— Конечно, ты, — согласился Аарон. — Но я могу тебе кое в чем помочь. Наверняка есть что-нибудь такое, чего ты о нас еще не знаешь. Например, способы, которыми можно управлять людьми и подчинять их твоим целям.

— Мне нравятся твои слова, — ответил Гео. — Землемы очень упрямы, и одно время я даже хотел отказаться от них. Но если хотя бы один из вас подчинится мне, я овладею с его помощью всей Галактикой.

— Тогда я тот, кто тебе нужен, — сказал Аарон. — И я склоняю перед тобой голову, Владыка!

Отец! Слово рвалось криком из безмолвных уст сына. Но Лоренс не мог его произнести. С мукой в сердце он смотрел на Аарона, который ползал по грязному полу перед пламенем.

— Отошли их прочь, — еще раз попросил Аарон. — И давай приступим к нашим планам.

Внезапно Лоренс почувствовал, как его понесло куда-то вверх. У него даже закружилась голова. Придя в себя, он обнаружил, что находится на своем корабле — том самом, на котором его группа прилетела на Майрикс. Впервые за два последних года ему удалось дотянуться до пульта управления. Не теряя времени, он перевел корабль на безопасное расстояние от планеты и вышел на общий канал космосвязи.

Прислушиваясь к сообщению микропередатчика, настроенного на общий канал связи, Аарон продолжал идти за пламенем в глубь развалин Чужеземного Города. Они подходили к усыпаль-

нице, которая располагалась под фундаментом циклопических руин. Пустое длинное помещение с низким потолком освещалось несколькими факелами, вставленными в особые отверстия на стенах. К тому времени Гео отослал всех людей прочь, и на огромной планете осталось только двое существ — Аарон и пламеподобный дух.

Пламя, которое являлось субстанцией Гео, стало теперь серебристым и текучим, как вода. Оно изменилось вновь и потемнело до металлического пурпурно-красного цвета. Формы и цвета беспрерывно перетекали друг в друга, и Аарон не понимал, что вызывало эти превращения. Едва он, как ему казалось, улавливал причину, пламя трансформировалось во что-то еще. Аарон подозревал, что некогда в далеком прошлом подобные существа обитали и на Земле. Возможно, они и породили те мифы, которые повествовали о тварях и людях, способных изменять свою внешность. Судя по тому, что он знал, одно из этих вертких огненных существ могло оказаться Протеем — морским стариком, состоявшим из перемен.

— Непостоянство является силой, и моим превращениям нет конца, — сказал Гео. — А я смотрю, ты более храбр, чем остальные. Они не рассматривали меня, как ты, и не восхищались моими планами относительно будущего вашей расы. Поэтому я им не доверял. Ты мудро сделал, что согласился служить мне, Аарон. Хотя иногда меня тревожит твое поведение.

— Неужели ты можешь воспроизводить только стихии? — спросил Аарон. — Или тебе доступны даже такие сложные формы, как человеческое тело?

— Я могу принять любую форму, какую захочу, — ответил Гео. — Но почему ты заговорил о человеческом облике? О том единственном, где я уязвим.

— Потому что по его образцу мы будем делать статуи, чтобы все человечество могло поклоняться тебе.

— Это хорошая идея, — сказал Гео.

Пламя вспыхнуло и начало переливаться сотнями оттенков. Его свет заполнил комнату, словно безмолвный взрыв небесной радуги. Затем сияние ослабло, и перед Аароном возник гигант с богоподобными пропорциями тела. Он выглядел как огромная статуя микеланджеловского Аполлона или как одна из статуй Зевса, отлитая из золота и серебра.

— Это одна из моих классических форм, которой уже наслаждалось человечество, — сказал Гео. — Я пребывал в ней перед началом катаклизма.

— Какого катаклизма? — спросил Аарон.

— Перед гибелью Атлантиды. Когда Соперник связал меня и выслал сюда.

— Расскажи мне об этом, — попросил Аарон.

Гео смерил его подозрительным взглядом:

— Я много думал о тебе, Аарон. Кто ты на самом деле?

— Я твой пророк.

— Но так ли это? Люди всегда готовы на обман и ложь.

— Я твой пророк, можешь не сомневаться, — ответил Аарон. — И вот мое доказательство.

Он вытащил из мешочка бомбу.

Подтверждая догадку Аарона, Гео не стал останавливать его. Взглянув на человека с упреком, гигант печально покачал головой. Его гиацинтовые локоны и короткая курчавая борода внезапно подернулись инеем седины.

— Как быстро проносятся циклы! — произнес он.

— Неужели в прошлый раз все закончилось чем-то похожим?

— Да, конец всегда один и тот же. Не делай этого, Аарон! Мы можем договориться о партнерстве! Мы возвысим расу землемов над всей Вселенной и сделаем ее богоподобной!

— Ты жалкий глупец, — ответил Аарон. — Неужели ты еще не понял, что человеческая раса не хочет и не нуждается в том, чтобы кто-то владел и командовал ею?

Чернота пространства озарилась безмолвным розовым отблеском. Ослепительная вспышка продлилась лишь миг, а затем угасла.

— Все кончено, — сказал Лоренс.

— Как долго ты находился во власти этого существа? — спросил Мэтью.

— Мы стали его жертвами почти с самого начала. Он удерживал нас, показывая чудеса, странные способы бытия и различные видоизменения сознания. Он овладевал все новыми и новыми людьми, но, казалось, не знал удовлетворения. Я и другие исследователи сопротивлялись ему, однако наши усилия оставались тщетными. Это заставило отца пойти на хитрость. Он притворился, что примкнул к нему, а потом нажал на взрыватель.

— Так вот, значит, как выглядели древние, — задумчиво произнес Мэтью. — Хотя вряд ли это существо имело отношение к Седьмой расе.

— Я тоже в этом сильно сомневаюсь, — сказал Лоренс. — Мы не нашли никаких серьезных доказательств, но у меня сложилось впечатление, что Гео принадлежал к расе мощных галактических существ, которые не обладали большим интеллектом. Возможно, он был последним из своего вида — и наверняка единственным, с кем нам довелось встретиться. Я думаю, Гео прятался в брошенных городах, подобно змеям и летучим мышам. Как опытный хищник, он имел множество способов для порабощения других существ, но его тоже можно было убить.

— А что он еще рассказал об Атлантиде? — спросил Мэтью.

— Я не в курсе, — ответил Лоренс. — Он говорил что-то о привязанности к месту. Это напоминает мне легенду о Прометее в

горах Кавказа. Кроме того, в его истории есть аспекты мифа о Христе. Хотя в данном случае он выступал в роли Люцифера. И знаете, в нем действительно было что-то дьявольское.

— Мне тоже так показалось. И я нахожу вашу аналогию довольно интересной. Думаю, землемы и другие виды впервые столкнулись с чем-то подобным. Однако в Галактике могут существовать и другие такие существа. Некоторые из них, возможно, обитают в брошенных городах. Но вот где мы встретимся с остальными?

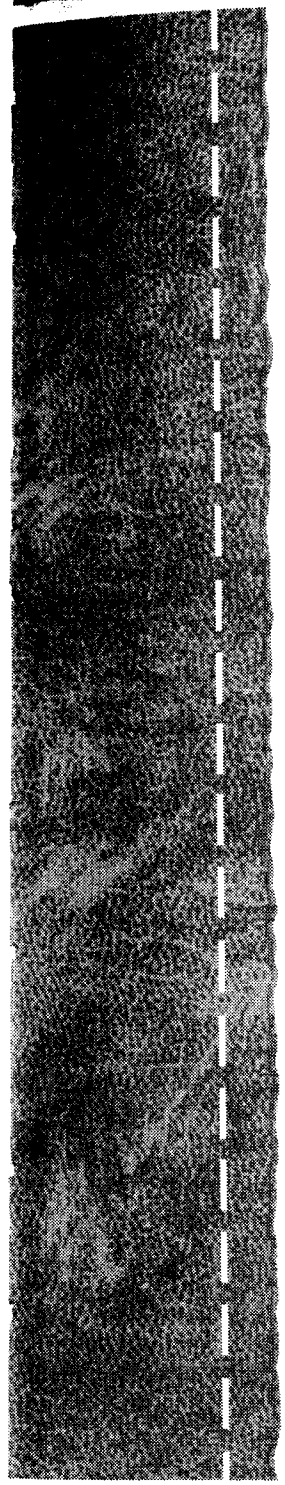
— Главное, не забывать о них и оставаться настороже, — сказал Лоренс. — Послушайте, Мэтью, а мы не можем отложить наш разговор на какое-то другое время? Мне уже пора уходить.

— Куда ты так спешишь?

— Хочу увидеться с Сарой. Гео запрещал мне общаться с ней.

Лоренс направился к выходу, но, сделав пару шагов, остановился.

— Жаль, что с нами больше не будет отца. Он бы порадовался этой встрече.



РАССКАЗЫ

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Эдселю хотелось кого-нибудь убить. Вот уже три недели работал он с Парком и Факсоном в этой мертвой пустыне. Они раскапывали каждый курган, попадавшийся им на пути, ничего не находили и шли дальше. Короткое марсианское лето близилось к концу. С каждым днем становилось все холоднее, с каждым днем нервы у Эдселя, и в лучшие времена не очень-то крепкие, понемногу сдавали. Коротышка Факсон был весел — он мечтал о куче денег, которые они получат, когда найдут оружие, а Парк молча тащился за ними, словно железный, и не произносил ни слова, если к нему не обращались.

Эдсель был на пределе. Они раскопали еще один курган и опять не нашли ничего похожего на затерянное оружие марсиан. Водянистое солнце таращилось на них, на невероятно голубом небе были видны крупные звезды. Сквозь утепленный скафандр Эдселя начал просачиваться вечерний холодок, леденя суставы и сковывая мышцы.

Внезапно Эдселя охватило желание убить Парка. Этот молчаливый человек был ему не по душе еще с того времени, когда они организовали партнерство на Земле. Он ненавидел его больше, чем презирал Факсона.

Эдсель остановился.

— Ты знаешь, куда нам надо идти? — спросил он Парка зловеще низким голосом.

Парк только пожал плечами. На его бледном, худом лице ничего не отразилось.

— Куда мы идем, тебя спрашивают? — повторил Эдсель.

Парк опять молча пожал плечами.

— Пулю ему в голову, — решил Эдсель и потянулся за пистолетом.

— Подожди, Эдсель, — умоляющим тоном сказал Факсон, становясь между ними, — не выходи из себя. Ты только подумай о том, сколько мы загребем денег, если найдем оружие! — От этой мысли глаза маленького человечка загорелись. — Оно где-то здесь, Эдсель. Может быть, в соседнем кургане.

Эдсель заколебался, пристально поглядел на Парка. В этот миг больше всего на свете ему хотелось убивать, убивать, убивать...

Знай он там, на Земле, что все получится именно так! Тогда все казалось легким. У него был свиток, а в свитке... сведения о том,

где спрятан склад легендарного оружия марсиан. Парк умел читать по-марсиански, а Факсон дал деньги для экспедиции. Эдсель думал, что им только нужно долететь до Марса и пройти несколько шагов до места, где хранится оружие.

До этого Эдсель еще ни разу не покидал Земли. Он не рассчитывал, что ему придется пробыть на Марсе так долго, замерзать от леденящего ветра, голодать, питаясь безвкусными концентратами, всегда испытывать головокружение от разреженного скудного воздуха, проходящего через обогатитель. Он не думал тогда о натруженных мышцах, ноющих оттого, что все время надо продираться сквозь густые марсианские заросли.

Он думал только о том, какую цену заплатит ему правительство, любое правительство, за это легендарное оружие.

— Извините меня, — сказал Эдсель, внезапно сообразив что-то, — это место действует мне на нервы. Прости, Парк, что я сорвался. Веди дальше.

Парк молча кивнул и пошел вперед. Факсон вздохнул с облегчением и двинулся за Парком.

«В конце концов, — рассуждал про себя Эдсель, — убить их я могу в любое время».

Они нашли курган к вечеру, как раз тогда, когда терпение Эдселя подходило к концу. Это было странное, массивное сооружение, выглядевшее точно так, как написано в свитке. На металлических стенках осел толстый слой пыли. Они нашли дверь.

— Дайте-ка я ее высажу, — сказал Эдсель и начал вытаскивать пистолет.

Парк оттеснил его и, повернув ручку, открыл дверь.

Они вошли в огромную комнату, где грудами лежало сверкающее легендарное марсианское оружие, остатки марсианской цивилизации.

Люди стояли и молча смотрели по сторонам. Перед ними лежало сокровище, от поисков которого все уже давно отказались. С того времени, когда человек высадился на Марсе, развалины великих городов были тщательно изучены. По всей равнине лежали сломанные машины, боевые колесницы, инструменты, приборы — все говорило о титанической цивилизации, на тысячи лет опередившей земную. Кропотливо расшифрованные письмена рассказали о жестоких войнах, бушевавших на этой планете. Однако в них не говорилось, что произошло с марсианами. Уже несколько тысячелетий на Марсе не было ни одного разумного существа, не осталось даже животных.

Казалось, свое оружие марсиане забрали с собой.

Эдсель знал, что это оружие ценилось на вес чистого радия. Равного не было во всем мире.

Они сделали несколько шагов в глубь комнаты. Эдсель поднял первое, что ему попалось под руку. Похоже на пистолет 45-го ка-

либра, только крупнее. Он подошел к раскрытой двери и направил оружие на росший неподалеку куст.

— Не стреляй! — испуганно крикнул Факсон, когда Эдсель прицелился. — Оно может взорваться или еще что-нибудь. Пусть им занимаются специалисты, когда мы все это продадим.

Эдсель нажал на спусковой рычаг. Куст, росший в семидесяти пяти футах от входа, исчез в ярко-красной вспышке.

— Неплохо, — заметил Эдсель, ласково погладил пистолет и, положив его на место, взял следующий.

— Ну хватит, Эдсель, — умоляюще сказал Факсон, — нет смысла испытывать здесь. Можно вызвать атомную реакцию или еще что-нибудь.

— Заткнись, — бросил Эдсель, рассматривая спусковой механизм нового пистолета.

— Не стреляй больше, — продолжал просить Факсон. Он умоляюще поглядел на Парка, ища его поддержки, но тот молча смотрел на Эдселя.

— Ведь что-то из того, что здесь лежит, возможно, уничтожило всю марсианскую расу. Ты снова хочешь заварить кашу, — продолжал Факсон.

Эдсель опять выстрелил и с удовольствием смотрел, как вдали плавился кусок пустыни.

— Хороша штучка! — Он поднял еще что-то, по форме напоминающее длинный жезл. Холода он больше не чувствовал. Эдсель забавлялся этими блестящими штучками и был в прекрасном настроении.

— Пора собираться, — сказал Факсон, направляясь к двери.

— Собираться? Куда? — медленно спросил его Эдсель. Он поднял сверкающий инструмент с изогнутой рукояткой, удобно умещавшийся в ладони.

— Назад, в космопорт, — ответил Факсон. — домой, продавать всю эту амуницию, как мы и собирались. Уверен, что мы можем запросить любую цену. За такое оружие любое правительство даст миллионы.

— А я передумал, — задумчиво протянул Эдсель. Краем глаза он наблюдал за Парком.

Тот ходил между грудами оружия, но ни к чему не прикасался.

— Послушай-ка, парень, — злобно сказал Факсон, глядя Эдселю в глаза, — в конце концов я финансировал экспедицию. Мы же собирались продать это барахло. Я ведь тоже имею право... То есть нет, я не то хотел сказать... — Еще не испробованный пистолет был нацелен ему прямо в живот. — Ты что задумал? — пробормотал он, стараясь не смотреть на странный блестящий предмет.

— Ни черта я не собираюсь продавать, — заявил Эдсель. Он стоял, прислонившись к стенке так, чтобы видеть обоих. — Я ведь и сам могу использовать эти штуки.

Он широко ухмыльнулся, не переставая наблюдать за обоими партнерами.

— Дома я раздам оружие своим ребятам. С ними мы запросто скинем какое-нибудь правительство в Южной Америке и продержимся, сколько захотим.

— Ну, хорошо, — упавшим голосом сказал Факсон, не спуская глаз с направленного на него пистолета. — Только я не желаю участвовать в этом деле. На меня не рассчитывай.

— Пожалуйста, — ответил Эдсель.

— Ты только ничего не думай, я не собираюсь об этом болтать, — быстро проговорил Факсон, — я не буду. Просто не хочется стрелять и убивать. Так что я лучше пойду.

— Конечно, — сказал Эдсель.

Парк стоял в стороне, внимательно рассматривая свои ногти.

— Если ты устроишь себе королевство, я к тебе приеду в гости, — сказал Факсон, делая слабую попытку улыбнуться. — Может быть, сделаешь меня герцогом или еще кем-нибудь.

— Может быть.

— Ну и отлично. Желаю тебе удачи, — Факсон помахал ему рукой и пошел к двери.

Эдсель дал ему пройти шагов двадцать, затем поднял оружие и нажал на кнопку. Звука не последовало, вспышки тоже, но у Факсона правая рука была отсечена начисто. Эдсель быстро нажал кнопку еще раз. Маленького человечка рассекло надвое. Справа и слева от него на земле остались глубокие борозды.

Эдсель вдруг сообразил, что все это время он стоял спиной к Парку, и круто повернулся. Парк мог бы схватить ближайший пистолет и разнести его на куски. Но Парк спокойно стоял на месте, скрестив руки на груди.

— Этот луч пройдет сквозь что угодно, — спокойно заметил Парк, — полезная игрушка.

Полчаса Эдсель с удовольствием таскал к двери то одно, то другое оружие. Парк к нему даже не притрагивался, с интересом наблюдая за Эдселем. Древнее оружие марсиан было как новенькое; на нем не сказались тысячи лет бездействия. В комнате было много оружия разного типа, разной конструкции и мощности. Изумительно компактные тепловые и радиационные автоматы, оружие, мгновенно замораживающее, и оружие сжигающее, оружие, умеющее рушить, резать, коагулировать, парализовать и другими способами убивать все живое.

— Давай-ка попробуем это, — сказал Парк.

Эдсель, собиравшийся испытать интересное трехствольное ружье, остановился.

— Я занят, не видишь, что ли?

— Перестань возиться с этими игрушками. Давай займемся серьезным делом.

Парк остановился перед низкой черной платформой на колесах. Вдвоем они выкатили ее наружу. Парк стоял рядом и наблюдал, как Эдсель поворачивал рычажки на пульте управления. Из глубины машины раздалось негромкое гудение, затем ее окутал голубоватый туман. Облако тумана росло по мере того, как Эдсель поворачивал рычажок, и накрыло обоих людей, образовав нечто вроде правильного полушария.

— Попробуй-ка пробить ее из бластера, — сказал Парк.

Эдсель выстрелил в окружающую их голубую стену. Заряд был полностью поглощен голубой стеной. Эдсель испробовал на ней еще три разных пистолета, но они тоже не могли пробить голубоватую прозрачную стену.

— Сдается мне, — тихо произнес Парк, — что такая стена выдержит и взрыв атомной бомбы. Это, видимо, мощное силовое поле.

Эдсель выключил машину, и они вернулись в комнату с оружием. Солнце приближалось к горизонту, и в комнате становилось все темнее.

— А знаешь что? — сказал вдруг Эдсель. — Ты неплохой парень, Парк. Парень что надо.

— Спасибо, — ответил Парк, рассматривая кучу оружия.

— Ты не сердишься, что я разделался с Факсоном, а? Он ведь собирался донести на нас правительству.

— Наоборот, я одобряю.

— Уверен, что ты парень что надо. Ты бы мог меня убить, когда я стрелял в Факсона. — Эдсель умолчал о том, что на месте Парка он так бы и поступил.

Парк пожал плечами.

— А как тебе идея насчет королевства со мной на пару? — спросил Эдсель, расплывшись в улыбке. — Я думаю, мы это дело провернем. Найдем себе приличную страну, будет уйма девочек, развлечений. Ты как насчет этого?

— Я за, — ответил Парк, — считай меня в своей команде.

Эдсель похлопал его по плечу, и они пошли дальше вдоль рядов с оружием.

— С этим все довольно ясно, — продолжал Парк, — варианты того, что мы уже видели.

В углу комнаты они заметили дверь. На ней виднелась надпись на марсианском языке.

— Что тут написано? — спросил Эдсель.

— Что-то насчет абсолютного оружия, — ответил Парк, разглядывая тщательно выписанные буквы чужого языка, — предупреждают, чтобы не входили.

Парк открыл дверь. Они хотели войти, но от неожиданности отпрянули назад.

За дверью был зал, раза в три больше, чем комната с оружием, и вдоль всех стен, заполняя его, стояли солдаты. Роскошно оде-

тые, вооруженные до зубов, солдаты стояли неподвижно, словно статуи. Они не проявляли никаких признаков жизни.

У входа стоял стол, а на нем было три предмета: шар размером с кулак, с нанесенными на нем делениями, рядом — блестящий шлем, а за ним — небольшая черная шкатулка с марсианскими буквами на крышке.

— Это что — усыпальница? — прошептал Эдсель, с благоговением глядя на резко очерченные неземные лица марсианских воинов.

Парк, стоявший позади него, не ответил.

Эдсель подошел к столу и взял в руки шар. Осторожно он повернул стрелку на одно деление.

— Как ты думаешь, что они должны делать? — спросил он Парка. — Ты думаешь...

Оба они вздрогнули и попятились.

По рядам солдат прокатилось движение. Они качнулись и застыли в позе «смирно». Древние воины ожили.

Один из них, одетый в пурпурную с серебром форму, вышел вперед и поклонился Эдселю:

— Господин, ваши войска готовы.

Эдсель от изумления не мог найти слов.

— Как вам удалось остаться живыми столько лет? — спросил Парк. — Вы марсиане?

— Мы слуги марсиан.

Парк обратил внимание на то, что, когда солдат говорил, губы его не шевелились. Марсианские солдаты были телепатами.

— Мы Синтеты, господин.

— Кому вы подчиняетесь?

— Активатору, господин, — Синтет говорил, обращаясь непосредственно к Эдселю, глядя на прозрачный шар в его руках.

— Мы не нуждаемся в пище или сне, господин. Наше единственное желание — служить вам и сражаться.

Солдаты кивнули в знак одобрения.

— Веди нас в бой, господин...

— Можете не беспокоиться, — сказал Эдсель, придя наконец в себя. — Я вам, ребята, покажу, что такое настоящий бой, будьте уверены.

Солдаты торжественно трижды прокричали приветствие. Эдсель ухмыльнулся, оглянувшись на Парка.

— А что обозначают остальные деления на циферблате? — спросил Эдсель. Но солдат молчал. Видимо, вопрос не был предусмотрен введенной в него программой.

— Может быть, они активируют других Синтетов, — сказал Парк. — Наверное, внизу есть еще залы с солдатами.

— И вы еще спрашиваете, поведу ли я вас в бой? Еще как поведу!

Солдаты еще раз торжественно прокричали приветствие.

— Усыпи их и давай продумаем план действий, — сказал Парк.

Эдсель, все еще ошеломленный, повернул рычаг назад. Солдаты замерли, словно превратившись в статуи.

— Пойдем назад.

— Ты, пожалуй, прав.

— И захвати с собой все это, — сказал Парк, показывая на стол.

Эдсель взял блестящий шлем и черный ящик и вышел наружу вслед за Парком. Солнце почти скрылось за горизонтом, и над красной пустыней протянулись черные длинные тени. Было очень холодно, но они этого не чувствовали.

— Ты слышал, Парк, что они говорили? Слышал? Они сказали, что я их вождь! С такими солдатами... — он засмеялся. С такими солдатами, с таким оружием его ничто не сможет остановить. Да уж он выберет себе королевство. Самые красивые девочки в мире, ну и повеселится же он...

— Я генерал! — крикнул Эдсель и надел шлем на голову. — Как, идет мне, Парк? Похож я...

Он замолчал. Ему послышалось, будто кто-то что-то шепчет, бормочет. Что это?

«...проклятый дурак. Тоже придумал королевство! Такая власть — это для гениального человека, человека, который способен переделать историю. Для меня!»

— Кто это говорит? Ты, Парк? А? — Эдсель внезапно понял, что с помощью шлема он мог слышать чужие мысли, но у него уже не осталось времени осознать, какое это было бы оружие для правителя мира.

Парк аккуратно прострелил ему голову. Все это время пистолет был у него в руке.

«Что за идиот! — подумал про себя Парк, надевая шлем. — Королевство! Тут вся власть в мире, а он мечтает о каком-то вшивом королевстве». Он обернулся и посмотрел на пещеру.

«С такими солдатами, силовым полем и всем оружием я завоюю весь мир». Он думал об этом спокойно, зная, что так оно и будет.

Он собрался было назад, чтобы активировать Синтетов, но остановился и поднял маленькую черную шкатулку, выпавшую из рук Эдселя.

На ее крышке стремительным марсианским письмом было выгравировано: «Абсолютное оружие».

«Что бы это могло означать?» — подумал Парк. Он позволил Эдселю прожить ровно столько, чтобы испытать оружие. Нет смысла рисковать лишний раз. Жаль, что он не успел испытать и этого.

Впрочем, и не нужно. У него и так хватает всякого оружия. Но вот это, последнее, может облегчить задачу, сделать ее гораздо более безопасной. Что бы там ни было, это ему, несомненно, поможет.

— Ну, — сказал он самому себе, — давай-ка посмотрим, что считают абсолютным оружием сами марсиане, — и открыл шкатулку.

Из нее пошел легкий пар. Парк отбросил шкатулку подальше, опасаясь, что там ядовитый газ.

Пар пошел струей вверх и в стороны, затем начал сгущаться. Облако ширилось, росло и принимало какую-то определенную форму.

Через несколько секунд оно приняло законченный вид и застыло, возвышаясь над шкатулкой. Облако поблескивало металлическим отсветом в угасающем свете дня, и Парк увидел, что это огромный рот под двумя немигающими глазами.

— Хо-хо? — сказал рот. — Протоплазма! — Он потянулся к телу Эдселя.

Парк поднял дезинтегратор и тщательно прицелился.

— Спокойная протоплазма, — сказало чудовище, пожирая тело Эдселя, — мне нравится спокойная протоплазма, — и чудовище заглотило тело Эдселя целиком.

Парк выстрелил. Взрыв вырыл десятифутовую воронку в почве. Из нее выплыл гигантский рот.

— Долго же я ждал! — сказал рот.

Нервы у Парка сжались в тугой комок. Он с трудом подавил в себе надвигающийся панический ужас. Сдерживая себя, он не спеша включил силовое поле, и голубой шар окутал его.

Парк схватил пистолет, из которого Эдсель убил Факсона, и почувствовал, как удобно легла в его руку прикладистая рукоятка. Чудовище приближалось. Парк нажал на кнопку, и из дула вырвался прямой луч...

Оно продолжало приближаться.

— Сгинь, исчезни! — завизжал Парк. Нервы у него начали рваться.

Оно приближалось с широкой ухмылкой.

— Мне нравится спокойная протоплазма, — сказало Оно, и гигантский рот сомкнулся над Парком, — но мне нравится и активная протоплазма.

Оно глотнуло и затем выплыло сквозь другую стенку поля, оглядываясь по сторонам в поисках миллионов единиц протоплазмы, как бывало давным-давно.

РЫБОЛОВНЫЙ СЕЗОН

Они жили в новом районе лишь неделю, и соседи впервые пригласили их в гости. Кармайклы явно ждали — во всех окнах горел яркий свет, входная дверь была приоткрыта.

— Ну, как я выгляжу? — спросила Филис Маллен на пороге. — Швы не перевернулись, волосы не разлохматились?

— Полный ажур, в красной шляпке ты неотразима, — заверил ее муж. — Только постарайся этим не козырять.

Она скорчила ему физиономию и нажала кнопку звонка. В глубине раздался мелодичный перезвон.

Маллен поправил галстук и вытащил платочек из нагрудного кармана на миллиметр повыше.

— Должно быть, наливают вино в погребе, — сказал он жене. — Позвонить еще?

— Нет, давай подождем.

Они подождали, потом снова позвонили.

— Странно, — произнесла Филис. — Договорились на сегодня...

В распахнутые окна вливался теплый весенний воздух. Сквозь венецианские жалюзи виднелись карточный столик, расставленные стулья, накрытый обеденный стол... Все было готово. Но на звонок никто не отзывался!

— Может, они вышли? — предположила Филис.

Ее муж быстрым шагом пересек лужайку и подошел к гаражу.

— Машина на месте, — вернувшись, сообщил он и толкнул приоткрытую дверь.

— Джим, не входи.

— Я и не вхожу. — Он просунул голову внутрь. — Люди! Есть кто-нибудь?

В доме царило молчание.

— Эй! — крикнул он и напряженно прислушался. Из соседнего коттеджа доносился обычный шум предвыходного дня — там разговаривали, смеялись. По улице проехала машина. Он слушал. Где-то в доме треснула половица; потом снова наступила тишина.

— Если бы они ушли, то не бросили бы все нараспашку. Наверно, что-то случилось. — Маллен ступил внутрь; Филис последовала за ним, но нерешительно остановилась в гостиной, в то время как муж пошел на кухню. Она слышала, как он открыл дверь в погреб, позвал: — Ау, есть кто-нибудь! — потом вернулся в гостиную, нахмурился и пошел на второй этаж.

Немного погодя Маллен с озадаченным видом спустился вниз.

— Никого.

— Пойдем отсюда, — нервно сказала Филис. Ей вдруг стало не по себе в этом ярко освещенном пустом доме.

— Может, закрыть дверь? — спросил Джим Маллен.

— Что толку? Все окна настежь.

— Все-таки... — Он прикрыл дверь, и они медленно пошли к себе домой, то и дело оглядываясь на залитый светом коттедж. Маллен не удивился бы, если б откуда-нибудь вдруг выскочили Кармайклы с веселым криком «Разыграли!».

Но дом хранил молчание.

Мистер Картер мастерил искусственных мух для рыбной ловли. Неторопливо и методично его ловкие пальцы с любовной бережностью управлялись с цветными нитями. Он был так погружен в свое занятие, что не заметил прихода Малленов.

— Папа, мы дома, — сказала Филис.

— Ага, — пробормотал мистер Картер. — Только взгляните на эту прелесть! — Он протянул законченное творение — почти точную копию шершня. Крючок был хитроумно запрятан в нависавших желтых и черных нитях.

— Кармайклы, наверно, куда-нибудь ушли, — сказал Маллен, снимая пиджак.

— Утром попытаю счастья на Старом Ручье, — отозвался мистер Картер. — Чутье подсказывает мне, что там водится форель.

Маллен внутренне усмехнулся. С отцом Филис разговаривать было трудно. В последнее время он не знал другой темы, кроме рыбной ловли. В день своего семидесятилетия старик оставил весьма процветающее дело и без остатка посвятил себя любимому занятию.

Теперь, спустя десять лет, мистер Картер выглядел великолепно. Кожа его была розовой, глаза чистыми и безмятежными, красивые белые волосы аккуратно зачесаны назад. Причем он находился в здравом уме — если говорить с ним о рыбалке.

— Перекусим, что ли...

Филис с сожалением сняла красную шляпку, разгладила вуаль и положила ее на кофейный столик. Мистер Картер вплел еще одну нить к своей мухе, придирчиво осмотрел ее, потом отложил в сторону и последовал на кухню.

Пока Филис варила кофе, Маллен рассказал старику о происшедшем. Ответ мистера Картера был типичным.

— Лучше сходи-ка утром на рыбалку и выкинь это из головы. Рыбная ловля, Джим, не просто спорт. Рыбная ловля — это образ жизни, да и философия, если хочешь. Я люблю посидеть на берегу тихой заводи... Думаю поискать завтра. Если есть где-нибудь рыба, то почему не здесь?

Филис улыбнулась, глядя, как Джим беспокойно ерзает на стуле. Ее отца, раз уж он разошелся, теперь так просто не остановить. А разойтись на эту тему — ему раз плюнуть!

— Представь себе, — продолжал мистер Картер, — молодого энергичного администратора. Ну, вроде тебя, Джим. Спешит по делам. Обычное дело, да? Но в конце последнего длинного коридора — ручей с форелью. Или представь политика. Ты их, безусловно, предостаточно видишь в Олбани. В руке кейс, вечно в заботах...

— Странно, — сказала Филис, перебивая отца на полуслове. Она разглядывала неоткрытую бутылку молока. — Посмотри.

Молоко они покупали станертоновской маслодельни. Зеленая этикетка на *этой* бутылке гласила: «Станероновска маладелня».

— И вот. — Она указала пальцем. Ниже было написано: «Разрешено ньЮ-йорКской комисией здравооохранения».

Все это сильно смахивало на неумелую подделку или розыгрыш.

— Откуда ты это взяла? — спросил Маллен.

— Из магазина мистера Элдриджа. Может, какой-нибудь рекламный трюк?

— Презираю тех, кто ловит на червя, — с чувством заявил мистер Картер. — Муха — это творение искусства. Тот же, кто пользуется червем, способен обирать сирот и рушить храмы!

— Не пей его, — сказал Маллен. — Давай-ка взглянем на остальные продукты.

Они обнаружили еще три фальшивки: конфету «Объеденье» в оранжевой обертке вместо обычной розовой; пачку «Амерриканского Сыра», почти на треть больше привычной; и бутылку «Газированной вады».

— Очень странно, — пробормотал Маллен, потирая подбородок.

— Мелюзгу я никогда не беру, — продолжал мистер Картер. — Это не спортивно. Я их отпускаю. Таково неписаное правило рыболова. Пускай растут, пускай зреют, пускай набираются опыта. Мне нужны старые, которых на мякине не проведешь, которые укрываются в корягах и улепетывают при виде крючка. Вот с кем интересно состязаться!

— Отнесу-ка я это к Элдриджу, — решил Маллен, складывая подозрительные продукты в бумажный пакет. — Если найдешь еще что-нибудь подобное, отложи.

— Старый Ручей, — задумчиво произнес мистер Картер. — Там они, там...

Утро выдалось тихим и солнечным. Мистер Картер спозаранку позавтракал и ушел на Старый Ручей, легкой юношеской походкой, залихватски сдвинув набок потрепанную широкополую шляпу. Джим Маллен допил кофе и отправился к дому Кармайклов.

Машина все так же стояла в гараже. Окна были все еще распахнуты, стол накрыт, свет горел, — все, как предыдущим вечером. Маллену невольно вспомнилась прочитанная когда-то история о корабле под всеми парусами — но без единой души на борту.

— Может, позвонить кому-нибудь? — предложила Филис, когда муж вернулся домой. — Что-то произошло, я уверена.

— Но кому?

Они почти никого еще не знали в этом районе.

Проблему решил телефонный звонок.

— Если это кто-нибудь отсюда, — сказал Джим, — спроси у них.

— Алло?

— Простите, вы, очевидно, меня не помните. Я — Мариам Карпентер, живу в конце улицы... К вам случайно не заходил мой муж?

Даже искаженный телефоном, голос выражал беспокойство и страх.

— Нет. К нам сегодня вообще никто не приходил.
— А...
— Может быть, вам нужна какая-нибудь помощь? — спросила Филис.
— Я не могу понять, — произнесла миссис Карпентер. — Джордж — мой муж — как обычно позавтракал со мной утром, потом поднялся наверх за пиджаком. Больше я его не видела.
— Ох...
— Вниз он не спускался, уверена. Я пошла посмотреть, что его задерживает, — мы должны были уехать, — но его не было. Я обыскала весь дом. Решила, что он меня разыгрывает, хотя Джордж в жизни никогда так не шутил, и посмотрела даже под кроватями и в шкафах. Потом заглянула в погреб, спросила у соседей... Как в воду канул! Я и подумала: может, он заскочил к вам?
Филис рассказала ей об исчезновении Кармайклов. Они еще немного поболтали и распрощались.
— Джим, — заявила Филис. — Мне это не нравится. Надо сообщить в полицию.
— Мы окажемся круглыми дураками, когда выяснится, что они гостили у друзей в Олбани.
— Все равно.
Джим набрал номер полицейского участка, но линия была занята.
— Пойду сам.
— И захвати с собой эти...
Она протянула ему бумажный пакет.

Капитан Леснер был терпеливым краснолицым человеком. Всю ночь и все утро он выслушивал нескончаемый поток жалоб. Его патрульные устали, его сержанты устали, а сам он устал больше всех. Однако он провел мистера Маллена в свой кабинет и внимательно выслушал его рассказ.
— Я хочу, чтобы вы все записали, — попросил Леснер. — Насчет Кармайклов нам еще звонил их сосед. Включая мужа миссис Карпентер, это уже десять за два дня.
— Десять... чего?
— Исчезновений.
— О господи, — тихо выдохнул Маллен и поправил бумажный пакет. — Все из нашего города?
— Все до единого, — отчеканил капитан Леснер, — из одного района. А точнее, даже с четырех улиц этого района. — Он перечислил названия улиц.
— И я живу там, — пробормотал Маллен.
— Я тоже.
— У вас есть какие-нибудь соображения о личности похитителя?
— Вряд ли это похититель, — сказал Леснер, закуривая уже

двадцатую сигарету за день. — Никаких записок. Никаких требований о выкупе. У многих пропавших гроша ломаного нет за душой. Это просто невероятно!
— Значит, орудует маньяк?
— Безусловно. Но как он захватывает целые семьи? Или взрослых мужчин крепкого телосложения, таких, как вы? И где он прячет их или их тела? — Леснер ожесточенно затушил сигарету. — Мои люди обшаривают сейчас каждый метр города. Привлечены полицейские всех пригородов. Полиция штата останавливает и проверяет автомашины. И ничего!
— Да, чуть не забыл, вот еще что. — Маллен показал фальшивые продукты.
— И опять я ничего не знаю, — раздраженно признался капитан. — У меня не хватает времени. Я захлебываюсь в заявлениях... — Зазвонил телефон, но Леснер не обращал внимания. — Похоже на козни черного рынка. Я уже отправил нечто подобное в Олбани на анализ. Необходимо установить источник. Не исключено, что действуют из-за границы. Между прочим, ФБР... А, будь проклят этот телефон!
Он схватил трубку.
— Леснер слушает. Да... да... ты уверена? Конечно, Мэри. Немедленно еду.
Он опустил трубку. Его красное лицо внезапно побелело.
— Звонила свояченица, — выдавил он. — Моя жена пропала!

Маллен вел машину на бешеной скорости. У порога он резко затормозил, едва не стукнувшись головой о ветровое стекло, и вбежал в дом.
— Филис! — закричал он. — Где она? О боже, если...
— Что случилось? — спросила Филис, выходя из кухни.
— Я думал...
Он схватил ее в охапку и крепко сжал.
— Ну знаешь, — улыбнулась она, — мы уже не молодожены. Как-никак полтора года...
Маллен рассказал ей о том, что узнал в полицейском участке.
Филис словно впервые увидела их гостиную. Неделю назад она казалась уютной и теплой. Сейчас каждая тень пугала, каждая приоткрытая дверь в шкаф наводила ужас. Этот дом уже никогда не станет снова родным и близким.
Раздался стук.
— Не подходи, — прошептала Филис.
— Кто? — спросил Маллен.
— Джо Даттон, ваш сосед. Вы, должно быть, слыхали новости?
— Да, — ответил Маллен, стоя за закрытой дверью.
— Мы баррикадируем улицы, — сказал Даттон. — Будем про-

верять всех входящих и выходящих. Придется взяться за дело самим, раз полиция бессильна. Вы с нами?

— Еще бы.

Маллен открыл дверь. На пороге стоял высокий смуглый мужчина в старой армейской форме. В руке он сжимал увесистую деревянную палку.

— Перекроем эти кварталы, так что и комар не проскочит.

Маллен поцеловал жену и ушел вместе с ним.

Днем в актовом зале школы состоялось общее собрание. В зал набились все жители пораженного участка и еще столько горожан, сколько влезло. Сразу выяснилось, что, несмотря на блокаду, из района исчезло еще три человека.

В краткой речи капитан Леснер сообщил, что он обратился за помощью в Олбани. Подходят специальные части; кроме того, подключается ФБР. Он честно признал, что не имеет понятия, кто это делает и зачем. Совершенно необъяснимым оставалось и то, что все пропавшие — из одного участка.

Из Олбани пришло сообщение по поводу фальшивых продуктов, которыми, оказалось, был наводнен весь район. Химики не обнаружили никаких токсических веществ. Это камня на камне не оставляло от новой теории: будто людей одурманивали, заставляя их покидать дома. Тем не менее капитан советовал воздержаться от употребления этих продуктов. Осторожность не повредит.

Мэр в своем выступлении призвал жителей не поддаваться панике и проявлять благоразумие. Гражданские власти способны справиться с любой ситуацией.

Конечно, сам мэр жил в другом районе.

Собрание закончилось, люди вернулись на баррикады. К ночи прибыла помощь из Олбани — войска и снаряжение. Все четыре улицы взяли в кольцо. Установили прожектора, ввели комендантский час.

Мистер Картер не был свидетелем этих увлекательных событий. Целый день он удил и вернулся на закате, с пустыми руками, но счастливый.

— Прекрасная погода для рыбной ловли! — заявил он.

Маллены провели кошмарную ночь — полностью одетые, урывками погружаясь в сон, невольно наблюдая за мельтешением прожекторных лучей на стеклах, прислушиваясь к чеканному шагу солдатских патрулей.

Воскресенье, восемь часов утра. Еще двое пропавших. Исчезли из небольшого района, охраняемого лучше тюрьмы.

В десять часов мистер Картер, решительно отметя все возражения Малленов, вскинул на плечо свою сумку и ушел. С тринадцатого апреля, с начала рыболовного сезона, он не пропустил ни одного дня и дальше собирался продолжать в том же духе.

Воскресенье, полдень. Пропал еще один человек. Общее число исчезнувших достигло шестнадцати.

Воскресенье, час дня. Нашлись пропавшие дети!

Полицейская машина обнаружила их на окраине, всех восьмерых, включая сына Кармайклов. Чем-то глубоко потрясенные, они шли к городу. Все были срочно доставлены в больницу.

И никаких следов пропавших взрослых.

Слухи разносятся куда быстрее, чем могут распространить новости газеты или радио. С детьми не сделали ничего плохого. Медицинское обследование подтвердило, что они не помнят, где были и как туда попали. Специалисты обнаружили только общее для всех пострадавших ощущение полета и чувство тошноты. Для вящей безопасности детей оставили в больнице, под усиленной охраной.

А к вечеру из района исчез еще один ребенок.

На закате мистер Картер пришел домой с двумя крупными рыбинами. Он весело приветствовал Малленов и отправился в гараж чистить форель.

Джим Маллен вышел в задний дворик и зашагал к гаражу вслед за тестем. Он хотел прояснить у старика какую-то фразу, оброненную им день или два назад. Память не подсказывала ее точно, но это казалось очень важным...

Его окликнул худенький лысый сосед, чью фамилию он забыл.

— Маллен, я понял.

— Что?

— Вы задумывались над выдвигаемыми теориями?

— Конечно.

— Так слушайте. Это не похитители. В их действиях нет никакой логики. Верно?

— Ну, очевидно.

— Исключен и маньяк. Как бы он мог схватить пятнадцать, шестнадцать человек? И вернуть детей? С этим не справится и банда маньяков. По крайней мере, не перед носом у такой уймы полицейских. Правильно?

— Продолжайте. — Краем глаза Маллен заметил, что во дворик вышла толстая жена соседа. Она подошла к ним и прислушалась.

— То же самое относится и к шайке бандитов, и даже к марсианам. Это неосуществимо и бессмысленно. Надо искать что-то невозможное. И вот тут-то мы и находим единственно логичный ответ.

Маллен искоса взглянул на женщину. Та стояла, сложив руки

на груди, и пронизывала его испепеляющим взглядом. «Похоже, она на меня злится, — подумал Маллен. — Что я такого сделал?»

— Вывод только один, — торжественно произнес сосед. — Где-то рядом существует дыра. Дыра в пространственно-временном континууме.

— Что?! — выпалил Маллен.

— Дыра во времени, — разъяснил лысый инженер. — Или в пространстве. Или и там, и там. Только не спрашивайте меня, как она образовалась; главное, что она есть. Стоит человеку попасть в эту дыру, как — бац! — он в другом месте. Или в другом времени. Или и в другом месте, и в другом времени. Конечно, дыру эту не увидишь — в четвертом-то измерении! — но она есть. Я полагаю, что если проследить движения этих людей, то выяснится, что каждый из них проходил через какую-то определенную точку — и пропал.

— Ммм... — задумчиво хмыкнул Маллен. — Любопытно. Но ведь известно, что многие исчезали прямо из своих домов.

— Да, — озадаченно согласился сосед. — Одну минутку, сейчас соображу... О, понял! Дыра в пространстве-времени не стационарна. Она перемещается, дрейфует. Сперва в доме Карпентера, затем спонтанно сдвигается...

— Но почему она не выходит за пределы наших четырех улиц? — спросил Маллен, недоумевая, в чем причина такого злобного взгляда соседской жены.

— Ну... должны же у нее быть какие-то ограничения!

— А как вернулись дети?

— О господи, Маллен, что вы пристаете ко мне со всякими пустяками?! Я предлагаю хорошую рабочую теорию. Нам необходимо набрать больше фактов, чтобы прояснить все до конца.

— Общий привет! — бодро закричал мистер Картер, появившись из гаража с двумя красивыми, тщательно вычищенными и вымытыми рыбами. — Форель — достойнейший соперник и, между прочим, великолепна на вкус. Самый прекрасный спорт и самая прекрасная еда! — Он неторопливо вошел в дом.

— У меня теория получше, — сказала жена соседа, разведя руки и опустив их на могучие бедра.

Оба мужчины повернулись к ней.

— Кого одного совершенно не беспокоит все происходящее? Кто везде разгуливает с огромной сумкой, в которой, по *его* словам, рыба? Кто *утверждает*, что проводит время на рыбалке?

— О нет, — поразился Маллен. — Только не мистер Картер. У него целая философия...

— Плевала я на философию! — завизжала женщина. — Он дурачит вас, но меня ему не надуть! Я знаю только, что он один совершенно спокоен, шляется повсюду и вообще, линчевать его мало!

С этими словами она круто повернулась и вперевалку направилась к своему дому.

— Послушайте, Маллен, — проговорил лысый сосед. — Я прошу прощения. Вы же знаете этих женщин... Она очень расстроена, хотя Дэни сейчас в больнице, в безопасности.

— Разумеется, — заверил Маллен.

— Она не понимает концепции пространственно-временного континуума, — с искренним огорчением продолжал сосед. — Утром ей самой будет стыдно. Вот увидите.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись по домам.

Сумерки спустились быстро, и по всему городу зажглись прожектора. Лучи света прорезали улицы, дворы, отражались в стеклах. Жители района приготовились к ожиданию новых исчезновений.

Джим Маллен чувствовал себя на редкость беспомощным. Губы его жены побелели и растрескались, глаза опухли. Зато мистер Картер был как всегда бодр и пожарил на всех форели.

— Сегодня я набрел на прелестное тихое озеро, — объявил мистер Картер. — Возле устья Старого Ручья, чуть выше по притоку. Я ловил там целый день, нежась на чудесной зеленой травке и любуясь облаками. Фантастическая вещь — облака! Завтра я снова буду ловить там. А потом двинусь дальше. Опытный рыбак не станет злоупотреблять хорошим местом. Умеренность — вот девиз рыбака. Хорошенького понемножку. Я часто думаю...

— Папа, ну пожалуйста, уймись! — выкрикнула Филис и заплакала.

Мистер Картер грустно покачал головой, понимающе улыбнулся и направился в гостиную мастерить новую муху.

Маллены понуро пошли спать.

Джим проснулся и сел в постели. Рядом тихо посапывала жена. Светящийся циферблат часов показывал без двух минут пять. Почти утро, подумал Маллен.

Он вылез из постели, накинул халат и, стараясь не шуметь, прошлепал по лестнице вниз. Из окна кухни были видны фигуры часовых и качающиеся прожекторные лучи. Маллен налил себе стакан молока и отрезал кусок свежего кекса.

«Похитители! — подумал Джим. — Маньяки. Пришельцы с Марса. Дыры в пространстве. Чушь какая!..» Черт побери, о чем же он хотел спросить мистера Картера? О чем-то очень важном... Он сполоснул стакан и вернулся в гостиную.

Неожиданно его резко швырнуло на бок. Что-то его держало! Он отчаянно замолотил руками, но бить было не в кого. Его ухватила незримая стальная длань! Ноги оторвались от пола, и на миг Джим завис в воздухе, извиваясь и брыкаясь. Безжалостная хват-

ка вокруг ребер сжала так, что он едва мог дышать. Его неумолимо начало поднимать.

Дыра в пространстве, подумал Маллен и попытался крикнуть. Размахивая руками, он задел тахту и тут же вцепился в нее. Его стало поднимать вместе с тахтой. Он рванулся, и то, что его держало, на миг ослабло.

Маллен упал, мгновенно вскочил и прыгнул к двери. Его снова поймало и ухватило, но он уже был возле батареи и просунул за нее обе руки.

Маллена тянуло все сильнее; батарея страшно скрипела. Ему казалось, что он сейчас разорвется надвое, но из последних сил держался. Неожиданно незримая длань отпустила.

Джим свалился на пол.

Когда он пришел в себя, уже был день. Филис, закусив губу, плескала ему в лицо водой.

— Я еще здесь? — пробормотал Маллен.

— Как ты себя чувствуешь? Что произошло? О, милый, давай уедем отсюда...

— Где твой отец? — потребовал Маллен, вставая на ноги.

— На рыбалке. Ты сядь, сейчас я вызову врача.

— Нет. Погоди. — Он прошел на кухню и достал кекс. На этикетке было написано: «Кондитерская Джонсона, Нью-ЙорК». Заглавная «К». Совсем крошечная ошибка.

А мистер Картер? Не здесь ли таится ответ? Маллен кинулся наверх и торопливо оделся. Он запихнул кекс в карман и выбежал на улицу.

— До моего возвращения ничего не трогай! — закричал он Филис.

Она проследила взглядом, как его машина скрылась за поворотом, и, стараясь не расплакаться, побрела на кухню.

Маллен добрался до Старого Ручья за пятнадцать минут. Он оставил машину и пошел вверх по течению.

— Мистер Картер! — позвал он. — Мистер Картер!

Он шел и кричал около получаса, все дальше углубляясь в лес. Деревья склонялись над ручьем и переплетали над ним свои ветви. Маллен шел уже прямо по воде, почти бежал, то и дело оскальзываясь.

— Мистер Картер!

— Я тут! — раздался голос старика. Вскоре показался и он сам, на крутом берегу маленькой заводи, с длинной бамбуковой удочкой.

Маллен в изнеможении свалился рядом.

— Наконец-то ты прислушался к моему совету, — удовлетворенно сказал мистер Картер.

— Нет, — едва отдышавшись, выпалил Маллен. — Я хочу, чтобы вы мне кое-что объяснили.

— С радостью, — отозвался старик. — Что тебя интересует?

— Рыбак ведь не станет вылавливать всю рыбу из водоема, не так ли?

— Я бы не стал, но некоторые способны и на такое.

— А наживка? Правда, что всякий настоящий рыбак пользуется искусственной наживкой?

— Я горжусь своими мухами, — сказал мистер Картер. — Я стремлюсь приблизиться к оригиналу. Вот, к примеру, изумительная копия шершня. Или вот — чудесный комар.

Внезапно леска натянулась. Старик легко и уверенно потащил и вскоре протянул Маллену бьющуюся форель.

— Это еще практически малек — мне он не нужен.

Он осторожно снял рыбу с крючка и бросил ее в воду.

— Когда вы отпускаете их, как по-вашему, — они понимают? Они не расскажут другим?

— Конечно, нет, — ответил мистер Картер. — Они не могут научиться даже на собственном опыте. Мне уже дважды попадается один и тот же. Им еще надо подрасти.

— Ясно... — Маллен посмотрел на тестя. Старик совершенно не замечал того, что происходит вокруг, совершенно не замечал ужаса, обуявшего район. Рыбаки живут в своем собственном мире, подумал Маллен.

— Ты бы пришел на час пораньше, — посоветовал мистер Картер. — Клюнул настоящий красавец. Фунта два, не меньше. Ну и задал же он мне работенку! И под конец сорвался. Но... Эй, что ты делаешь?

— Назад! — заорал Маллен, спрыгнув в воду. Теперь он понял, почему его беспокоила мысль о мистере Картере. Аналогия.

Безобидный мистер Картер ловит свою форель, как тот, другой рыбак, ловит...

— Все назад! Предупредите остальных! — кричал Маллен, беснуясь в воде. Только бы Филис не прикасалась ни к каким продуктам!..

Он вытащил из кармана кекс и зашвырнул его как можно дальше.

ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА

Ловко действуя циркулем, Хеллмэн выудил из банки последнюю редиску. Он подержал ее перед глазами Каскера, чтобы тот полюбовался, и бережно положил ее на рабочий столик рядом с бритвой.

— Черт знает что за еда для двух взрослых мужчин, — сказал Каскер, поглубже забираясь в амортизирующее кресло.

— Если ты отказываешься от своей доли... — начал было Хеллмэн.

Каскер поспешно покачал головой, Хеллмэн улыбнулся, взял в руки бритву и критически осмотрел лезвие.

— Не устраивай спектакля, — посоветовал Каскер, бросив беглый взгляд на приборы. — С ужином надо кончить, пока мы не подошли слишком близко.

Хеллмэн сделал на редиске надрез-отметину. Каскер придвинулся поближе, приоткрыл рот. Хеллмэн осторожно нацелился бритвой и разрезал редиску ровно пополам.

— Разве ты не прочтешь застольной молитвы? — съехидничал он.

Каскер прорычал что-то невнятное и проглотил свою долю целиком. Хеллмэн жевал медленно. Казалось, горьковатая мякоть огнем обжигает атрофированные вкусовые окончания.

— Не очень-то питательно, — заметил Хеллмэн.

Каскер ничего не ответил. Он деловито изучал красное светило-карлик.

Хеллмэн проглотил свою порцию и подавил зевок. Последний раз они ели позавчера, если две галеты и чашку воды можно назвать едой. После этого единственным съедобным предметом в звездолете оставалась только редиска, ныне покоящаяся в необъятной пустоте желудков Хеллмэна и Каскера.

— Две планеты, — сказал Каскер. — Одна сгорела дотла.

— Что ж, приземлимся на другой.

Кивнув, Каскер нанес на перфоленту траекторию торможения.

Хеллмэн поймал себя на том, что в сотый раз пытается найти виновных. Неужто он заказал слишком мало продуктов, когда грузился в астропорту Калао? В конце концов, основное внимание он уделял горным машинам! Или портовые рабочие просто забыли погрузить последние драгоценные ящики?

Он затянул потуже пояс, в четвертый раз провертев для этого новую дырку.

Что толку теперь ломать себе голову? Так или иначе, они попали в изрядную переделку. По иронии судьбы горючего с лихвой хватит, чтобы вернуться в Калао. Но к концу обратного рейса на борту окажутся два иссохших трупа.

— Входим в атмосферу, — сообщил Каскер.

Что гораздо хуже, в этой малоисследованной области космоса мало солнц и еще меньше планет. Есть ничтожная вероятность, что удастся пополнить запасы воды, но никакой надежды найти что-нибудь съедобное.

— Да посмотри же, — проворчал Каскер.

Хеллмэн стряхнул с себя оцепенение.

Планета смахивала на круглого серовато-коричневого дикобраза. В слабом свете красного карлика сверкали острые, как иголки, гребни миллионов гор. Звездолет описал спираль вокруг планеты, и остроконечные горы словно потянулись ему навстречу.

— Не может быть, чтобы по всей планете шли сплошные горы, — сказал Хеллмэн.

— Конечно, нет.

Разумеется, здесь были озера и океаны, но и из них вздымались зубчатые горы-острова. Не было и признаков ровной земли, не было и намека на цивилизацию, не было и следа жизни.

— Спасибо, хоть атмосфера тут кислородная, — сказал Каскер.

По спирали торможения они пронеслись вокруг планеты, врезались в нижние слои атмосферы и частично погасили там скорость. Но по-прежнему видели внизу только горы, озера, океаны и снова горы.

На восьмом витке Хеллмэн заметил на вершине горы одинокое здание. Каскер отчаянно затормозил, и корпус звездолета раскалился докрасна. На одиннадцатом витке пошли на посадку.

— Нашли где строить, — пробормотал Каскер.

Здание имело форму пышки и достойно увенчивало вершину. Его окружал широкий плоский навес, опаленный звездолетом во время посадки. С воздуха оно казалось большим. Вблизи выяснилось, что оно огромно. Хеллмэн и Каскер медленно подошли к нему. Хеллмэн держал свой лучемет наготове, но нигде не замечал никаких признаков жизни.

— Должно быть, эту планету покинули, — сказал Хеллмэн чуть ли не шепотом.

— Ни один нормальный человек в таком месте не останется, — ответил Каскер. — И без нее много хороших планет, незачем жить на острие иглы.

Нашли дверь. Хеллмэн попытался открыть ее, но дверь не поддавалась. Он оглянулся через плечо на парадно-живописные цепи гор.

— Ты знаешь, — сказал он, — когда эта планета находилась еще в расплавленном состоянии, на нее, должно быть, влияло притяжение нескольких лун-гигантов, которые не сохранились. Силы гравитации, внутренние и внешние, придали ей такой колючий вид и...

— Кончай трепаться, — нелюбезно прервал Каскер. — Вот что получается, когда библиограф решает нажиться на уране.

Пожав плечами, Хеллмэн прожег дыру в замке. Выждали.

Тишину нарушал единственный звук — урчание в животах.

Вошли.

Исполинская комната в форме клина, по-видимому, служила чем-то вроде склада. Товары громоздились до потолка, валялись на полу, стояли как попало вдоль стен. Тут были коробки и ящики всех форм и размеров. В одних мог поместиться слон, в других — разве что наперсток.

У самой двери лежала пыльная связка книг. Хеллмэн тут же кинулся листать их.

— Где-то тут должна быть еда, — сказал Каскер, и впервые за

последнюю неделю его лицо просветлело. Он стал открывать ближайшую коробку.

— Вот это интересно, — сказал Хеллмэн и отложил в сторону все книги, кроме одной.

— Давай сперва поедим, — предложил Каскер, вскрывая коробку. Внутри оказалась какая-то коричневатая пыль. Каскер посмотрел, понюхал и скривился.

— Право же, очень интересно, — бормотал Хеллмэн, перелистывая страницы.

Каскер открыл небольшой бидон и увидел зеленую поблескивающую пыль. Он открыл другой. Там была пыль темно-оранжевого цвета.

— Хеллмэн! Брось-ка книгу и помоги мне отыскать хоть какую-нибудь еду!

— Еду? — переспросил Хеллмэн и перевел взгляд на Каскера. — А почему ты думаешь, что здесь стоит искать еду? Откуда ты знаешь, что это не лакокрасочный завод?

— Это склад! — заорал Каскер.

Он вскрыл жестянку (форма ее напоминала почтовый ящик) и вытянул оттуда что-то вроде мягкой трости пурпурного цвета. Трость тут же затвердела, а когда Каскер попытался ее понюхать, рассыпалась в пыль. Он зачерпнул пригоршню пыли и поднес ко рту.

— Не исключено, что это стрихнин, — мимоходом обронил Хеллмэн.

Каскер поспешно стряхнул пыль и вытер руки.

— В конце концов, — заметил Хеллмэн, — даже если это действительно склад — даже если он продовольственный, — мы не знаем, что именно считали пищей бывшие аборигены. Быть может, салат из парижской зелени с серной кислотой вместо заправки.

— Ладно, — буркнул Каскер, — но поесть-то надо. Что будем делать со всем этим?.. — Взмахом руки он как бы охватил сотни коробок, бидонов и бутылок.

— Прежде всего, — оживился Хеллмэн, — надо сделать количественный анализ четырех-пяти проб. Можно начать с простейшего титрования, выделить основные ингредиенты, посмотреть, образуется ли осадок, выяснить молекулярную структуру и...

— Хеллмэн, ты сам не знаешь, о чем говоришь. Не забывай, что ты всего-навсего библиограф. А я — пилот, окончил заочно летные курсы. Мы понятия не имеем о титровании и возгонке.

— Знаю, — согласился Хеллмэн, — но так надо. Иного пути нет.

— Ясно. Так что же мы предпримем в ожидании, пока к нам в гости не заглянет химик?

— Вот что нам поможет, — объявил Хеллмэн и помахал книгой. — Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — признался Каскер, сдерживаясь из последних сил.

— Это карманный словарь и грамматика хелгского языка.

— Хелгского?

— Языка этой планеты. Иероглифы такие же, как на коробках.

Каскер приподнял брови.

— Никогда не слыхал о хелгском языке.

— Навряд ли эта планета вступала в контакт с Землей, — пояснил Хеллмэн. — Словарь-то не хелго-английский, а хелго-алумбриджианский.

Каскер припомнил, что Алумбриджия — родина маленьких храбрых рептилий — находится где-то в центре Галактики.

— А откуда ты знаешь алумбриджианский? — спросил он.

— Да ведь библиограф вовсе не такая уж бесполезная профессия, — скромно заметил Хеллмэн. — В свободное время...

— Понял. Так как насчет...

— Знаешь, — продолжал Хеллмэн, — скорее всего алумбриджиане помогли хелгам эвакуироваться с этой планеты и подыскать себе более подходящую. За плату они оказывают подобные услуги. В таком случае это здание наверняка продовольственный склад.

— Может, ты все-таки начнешь переводить, — устало посоветовал Каскер. — Вдруг да отыщешь какую-нибудь еду.

Они стали открывать коробку за коробкой и наконец нашли что-то на первый взгляд внушающее доверие. Шевеля губами, Хеллмэн старательно расшифровывал надпись.

— Готово, — сказал он. — Тут написано: «Покупайте фырчатель — лучший шлифовальный материал».

— Похоже, несъедобное, — сказал Каскер.

— Боюсь, что так.

Нашли другую коробку, с надписью: «Энергриб! Набивайте желудки, но набивайте по всем правилам!»

— Как ты думаешь, что за звери были эти хелги? — спросил Каскер.

Хеллмэн пожал плечами.

Следующий ярлык пришлось переводить минут пятнадцать. Прочли: «Аргозель сшестерит вашу Фудру. Содержит тридцать арпов рамстатова пульца. Только для смазки раковин».

— Должно же здесь быть хоть что-то съедобное, — проговорил Каскер с нотой отчаяния в голосе..

— Надеюсь, — ответил Хеллмэн.

Два часа работы не принесли ничего нового. Они перевели десятки названий и перенюхали столько всевозможных веществ, что обоняние отказалось им служить.

— Давай обсудим, — предложил Хеллмэн, усаживаясь на ко-

робку с надписью «Тошнокаль. По качеству достойно оправдывает свое название».

— Не возражаю, — сказал Каскер и растянулся на полу. — Говори.

— Если бы можно было методом дедукции установить, какие существа населяли эту планету, мы бы знали, какую пищу они употребляли и пригодна ли их пища для нас.

— Мы знаем только, что они сочинили массу бездарных реклам.

Хеллмэн пропустил эту реплику мимо ушей.

— Как те же разумные существа могли появиться в результате эволюции на планете, сплошь покрытой горами?

— Только дураки! — ответил Каскер.

От такого ответа легче не стало. Но Каскер понял, что горы ему не помогут. Они не расскажут о том, что ели ныне усопшие хелги — силикаты, белки, йодистые соединения или вообще обходились без еды.

— Так вот, — продолжал Хеллмэн, — придется действовать с помощью одной только логики... Ты меня слушаешь?

— Ясное дело, — ответил Каскер.

— Отлично. Есть старинная пословица, прямо про нас выдумана: «Что одному мясо, то другому яд».

— Факт, — поддакнул Каскер. Он был убежден, что его желудок сократился до размеров грецкого ореха.

— Во-первых, мы можем сделать такое допущение: что для них мясо, то и для нас мясо.

Каскер с трудом отогнал от себя видение пяти сочных бифштексов, соблазнительно пляшущее перед носом.

— А если то, что для них мясо, для нас яд? Что тогда?

— Тогда, — ответил Хеллмэн, — сделаем другое допущение: то, что для них яд, для нас — мясо.

— А если и то, что для них мясо, и то, что для них яд, — для нас яд?

— Тогда все равно помирать с голоду.

— Ладно, — сказал Каскер, поднимаясь с пола. — С какого допущения начнем?

— Ну что ж, зачем нарываться на неприятности? Планета ведь кислородная, а это что-нибудь да значит. Будем считать, что нам годятся их основные продукты питания. Если окажется, что это не так, попробуем их яды.

— Если доживем до того времени, — вставил Каскер.

Хеллмэн принялся переводить ярлыки. Некоторые товары были забракованы сразу, например «Восторг и глагозвон андрогинитов — для удлиненных, вьющихся щупалец с повышенной чувствительностью», но в конце концов отыскалась серая коробочка, примерно сто пятьдесят на семьдесят пять миллиметров. Ее

содержимое называлось «Универсальное лакомство «Вэлкорин», для любых пищеварительных мощностей».

— На вид не хуже всякого другого, — сказал Хеллмэн и открыл коробочку.

Внутри лежал тягучий прямоугольный брусок красного цвета. Он слегка подрагивал, как желе.

— Откуси, — предложил Каскер.

— Я? — удивился Хеллмэн. — А почему не ты?

— Ты же выбирал.

— Предпочитаю ограничиться осмотром, — с достоинством возразил Хеллмэн. — Я не слишком голоден.

— Я тоже, — сказал Каскер.

Оба сели на пол и уставились на желеобразный брусок. Через десять минут Хеллмэн зевнул, потянулся и закрыл глаза.

— Ладно, трусишка, — горько сказал Каскер. — Я попробую. Только помни, если я отравлюсь, тебе никогда не выбраться с этой планеты. Ты не умеешь управлять звездолетом.

— В таком случае откуси маленький кусочек, — посоветовал Хеллмэн.

Каскер нерешительно склонился над бруском. Потом ткнул в него большим пальцем.

Тягучий красный брусок хихикнул.

— Ты слышал? — взвизгнул Каскер, отскочив в сторону.

— Ничего я не слышал, — ответил Хеллмэн; у него тряслись руки. — Давай же действуй.

Каскер еще раз ткнул пальцем в брусок. Тот хихикнул громче, на сей раз с отвратительной жеманной интонацией.

— Все ясно, — сказал Каскер. — Что еще будем пробовать?

— Еще? А чем тебе это не угодило?

— Я хихикающего не ем, — твердо заявил Каскер.

— Слушай, что я тебе скажу, — уламывал его Хеллмэн. — Возможно, создатели этого блюда старались придать ему не только красивую форму и цвет, но и эстетическое звучание. По всей вероятности, хихиканье должно развлекать едока.

— В таком случае ешь сам, — огрызнулся Каскер.

Хеллмэн смерил его презрительным взглядом, но не сделал никакого движения в сторону тягучего бруска. Наконец он сказал:

— Давай-ка уберем его с дороги.

Они оттеснили брусок в угол. Там он лежал и тихонько хихикал про себя.

— А теперь что? — спросил Каскер.

Хеллмэн покосился на беспорядочные груды непостижимых инопланетных товаров. Он заметил в комнате еще две двери.

— Посмотрим, что там, в других секциях, — предложил он.

Каскер равнодушно пожал плечами.

Медленно, с трудом Хеллмэн и Каскер подобрались к двери в левой стене. Дверь была заперта, и Хеллмэн прожег замок судовым лучеметом.

Они попали в комнату такой же клинообразной формы, точно так же заполненную непостижимыми инопланетными товарами.

Обратный путь через всю комнату показался бесконечно длинным, но они проделали его, лишь чуть запыхавшись. Хеллмэн выжег замок, и они заглянули в третью секцию.

Это была еще одна клиновидная комната, заполненная непостижимыми инопланетными товарами.

— Всюду одно и то же, — грустно подытожил Каскер и закрыл дверь.

— Очевидно, смежные комнаты кольцом опоясывают все здание, — сказал Хеллмэн. — По-моему, стоило бы их все осмотреть.

Каскер прикинул расстояние, которое надо пройти по всему зданию, соразмерил со своими силами и тяжело опустился на какой-то продолговатый серый предмет.

— Стоит ли труда? — спросил он.

Хеллмэн попытался собраться с мыслями. Безусловно, можно найти какой-то ключ к шифру, какое-то указание, которое подскажет, что годится им в пищу. Но где искать?

Он обследовал предмет, на котором сидел Каскер. Формой и размерами этот предмет напоминал большой гроб с неглубокой выемкой на крышке. Сделан он был из твердого рифленого материала.

— Как по-твоему, что это такое? — спросил Хеллмэн.

— Не все ли равно?

Хеллмэн взглянул на иероглиф, выведенный на боковой грани предмета, потом разыскал этот иероглиф в словаре.

— Очаровательно, — пробормотал он чуть погодя.

— Что-нибудь съедобное? — спросил Каскер со слабым проблеском надежды.

— Нет. То, на чем ты сидишь, называется «Супертранспорт, изготовленный по особому заказу морогов, для взыскательного хелга, лучшее средство вертикального передвижения»! Экипаж!

— М-да!.. — тупо отозвался Каскер.

— Это очень важно! Посмотри же на него! Как он заводится?

Каскер устало слез с Супертранспорта, внимательно осмотрел его. Обнаружил четыре почти незаметных выступа по четырем углам.

— Может быть, колеса выдвижные, но я не вижу...

Хеллмэн продолжал читать:

— Тут написано, что надо залить три амфа высокоусиляющего горючего «Интегор», потом один ван смазочного масла «Тондер» и на первых пятидесяти мунгу не превышать трех тысяч рулов.

— Давай найдем что-нибудь поесть, — сказал Каскер.

— Неужели ты не понимаешь, как это важно? — удивился Хеллмэн. — Можно разом получить ответ на все вопросы. Если мы постигнем логику иных существ — логику, которой они руководствовались при конструировании экипажа, — то вникнем в строй

мыслей хелгов. Это в свою очередь даст нам представление об их нервной системе, а следовательно, и о биохимической сущности.

Каскер не шевельнулся: он прикидывал, хватит ли ему оставшихся сил, чтобы задушить Хеллмэна.

— Например, — продолжал Хеллмэн, — какого рода экипаж нужен на такой планете, как эта? Не колесный, поскольку передвигаться здесь можно только вверх и вниз. Антигравитационный? Вполне возможно, но как он устроен? И почему здешние обитатели придали ему форму ящика, а не...

Каскер пришел к печальному выводу, что у него не хватит сил задушить Хеллмэна, как бы это ни было приятно. С преувеличенным спокойствием он сказал:

— Прекрати корчить из себя ученого. Давай посмотрим, нет ли тут хоть чего-нибудь поесть.

— Ладно, — угрюмо согласился Хеллмэн.

Каскер наблюдал, как его спутник блуждает среди бидонов, бутылок и ящиков. В глубине души он удивлялся, откуда у Хеллмэна столько энергии, но решил, что благодаря чрезмерно развитому интеллекту тот не подозревает о голодной смерти, которая совсем рядом.

— Вот тут что-то есть! — крикнул Хеллмэн, остановившись возле большого желтого бака. — Дословно перевести очень трудно. В вольном изложении звучит так: «Моришилле-Клейпучка. Для более тонкого вкуса добавлены лактыэкты. Клейпучку пьют все! Рекомендуется до и после еды, неприятные побочные явления отсутствуют. Полезно детям! Напиток Вселенной!»

— Неплохо звучит, — признал Каскер, решив про себя, что в конечном счете Хеллмэн, видимо, вовсе не так глуп.

— Теперь мы сразу узнаем, съедобно ли для нас их мясо, — сказал Хеллмэн. — Эта самая Клейпучка похожа на вселенский напиток больше всего, что я здесь видел.

— А вдруг это чистая вода! — с надеждой сказал Каскер.

— Посмотрим.

Дулом лучемета Хеллмэн приподнял крышку. В баке была прозрачная как кристалл влага.

— Не пахнет, — констатировал Каскер, склонившись над баком.

Прозрачная влага поднялась ему навстречу.

Каскер отступил с такой поспешностью, что споткнулся о коробку и упал. Хеллмэн помог ему встать, и они вдвоем снова приблизились к баку. Когда они подошли почти вплотную, жидкость взметнулась в воздух на добрый метр и двинулась по направлению к ним.

— Ну что ты наделал! — вскричал Каскер, осторожно пятясь. Жидкость медленно заструилась по наружной стенке бака. Затем потекла им под ноги.

— Хеллмэн! — завопил Каскер.

Хеллмэн стоял поодаль, по лицу его градом струился пот; нахмурясь, он листал словарь.

— По-моему, я что-то напорол при переводе, — сказал он.

— Да сделай же что-нибудь! — вскричал Каскер. Жидкость норовила загнать его в угол.

— Что же я могу сделать? — проговорил Хеллмэн, не отрываясь от книги. — Ага, вот где ошибка. Тут написано не «Клейпучку пьют все», а «Клейпучка пьет всех». Спутал подлежащие. Это уже другое дело. Должно быть, хелги всасывали жидкость через поры своего тела. Естественно, они предпочитали не пить, а быть выпитыми.

Каскер попытался увильнуть от жидкости, но она с веселым бульканьем отрезала ему пути к отступлению. В отчаянии он схватил небольшой тюк и швырнул его в Клейпучку. Клейпучка поймала этот тюк и выпила его. Покончив с этим делом, она снова занялась Каскером.

Хеллмэн запустил в Клейпучку какой-то коробкой. Клейпучка выпила ее, а потом вторую, третью и четвертую, которые бросил Каскер. Затем, очевидно, выбившись из сил, влилась обратно в бак.

Каскер захлопнул крышку и уселся на ней. Его била крупная дрожь.

— Плохо дело, — сказал Хеллмэн. — Мы считали аксиомой, что процесс питания хелгов сходен с нашим. Но, разумеется, не обязательно так...

— Да, не обязательно. Да-с, явно не обязательно. Это уж точно, теперь мы видим, что не обязательно. Всякий видит, что не обязательно...

— Брось, — строго одернул его Хеллмэн. — На истерику у нас нет времени.

— Извини. — Каскер медленно отодвинулся от бака с Клейпучкой.

— Придется, наверное, исходить из того, что их мясо для нас яд, — задумчиво сказал Хеллмэн. — Теперь посмотрим, каковы на вкус их яды.

Каскер ничего не ответил. Он пытался представить себе, что было бы, если бы его выпила Клейпучка.

В углу все еще хихикал тягучий брусок.

— Вот это, по всей вероятности, яд, — объявил Хеллмэн полчаса спустя.

Каскер совсем пришел в себя, только губы его нет-нет да подрагивали.

— Что там написано? — спросил он.

Хеллмэн повертел в руках крохотный тюбик.

— Называется «Шпаклевка Пвацкина». На ярлыке надпись: «Осторожно! Весьма опасно! Шпаклевка Пвацкина заполняет дыры и щели объемом не более двух кубических вимов. Помните:

ни в коем случае нельзя употреблять Шпаклевку в пищу. Входящее в нее активное вещество — рамотол, благодаря которому Шпаклевка Пвацкина считается совершенством, — делает ее чрезвычайно опасной при приеме внутрь».

— Звучит заманчиво, — отозвался Каскер. — Чего доброго, взрывом нас разнесет вдребезги.

— У тебя есть другие предложения?

На миг Каскер задумался. Пища хелгов для людей явно неприемлема. Значит, не исключено, что их яды... но не лучше ли голодная смерть?

После недолгого совещания со своим желудком Каскер решил, что голодная смерть не лучше.

— Валяй, — сказал он.

Хеллмэн сунул лучемет под мышку, отвинтил крышку тюбика, встряхнул его.

Ничего не произошло.

— Запечатано, — подсказал Каскер.

Хеллмэн проковырял ногтем дырку в защитном покрытии и положил тюбик на пол. Оттуда, пузырясь, поползла зловонная зеленоватая пена. Она свертывалась в шар и каталась по всему полу.

Хеллмэн с сомнением посмотрел на пену.

— Дрожжи, не иначе, — сказал он и крепко сжал в руках лучемет.

— Давай, давай. Смелость города берет.

— Я тебя не удерживаю, — парировал Хеллмэн.

Шар разбух и стал величиной с голову взрослого человека.

— И долго это будет расти? — спросил Каскер.

— Видишь ли, — ответил Хеллмэн, — в рекламе указано, что это Шпаклевка. Наверное, так оно и есть — это вещество, расширяясь, заполняет дыры.

— Точно. Но какой величины?

— К сожалению, я не знаю, сколько составляют два кубических вима. Но не может же это длиться вечно...

Слишком поздно они заметили, что Шпаклевка заполнила почти четверть комнаты и не собирается останавливаться.

— Надо было верить рекламе! — взвыл Каскер. — Эта штука в самом деле опасна!

Чем быстрее рос шар, тем больше увеличивалась его липкая поверхность. Наконец она коснулась Хеллмэна, и тот отскочил.

— Берегись!

Хеллмэн не мог подойти к Каскеру, который находился по другую сторону гигантской сферы. Он попытался обогнуть шар, но Шпаклевка так разрослась, что разделила комнату пополам. Теперь она лезла на стены.

— Спасайся кто может! — заорал Хеллмэн и ринулся к двери, что была позади него.

Он рванул дверь, когда разбухший шар уже настигал его. Тут он услышал, как на другой половине комнаты хлопнула, закрываясь, вторая дверь. Больше он не стал мешкать: проскользнул в дверь и захлопнул ее за собой.

С минуту Хеллмэн стоял, тяжело дыша, не выпуская лучемета из рук. Он сам не подозревал, до чего ослаб. Бегство от Шпаклевки подорвало его силы так основательно, что теперь он был на грани обморока. Хорошо хоть Каскер тоже спасся.

Но беда еще не миновала.

Шпаклевка весело вливалась в комнату через выжженный замок. Хеллмэн дал по ней пробную очередь, но Шпаклевка была, по всей видимости, неуязвима... как и подобает хорошей шпаклевке.

И признаков усталости она не выказывала.

Хеллмэн поспешно отошел к дальней стене. Дверь была заперта, как и все прочие двери; он выжег замок и прошел в соседнюю комнату.

Долго ли может шар разбухать? Сколько это — два кубических вима? Хорошо, если только две кубические мили. Судя по всему, Шпаклевкой заделывают трещины в коре планет.

В следующей комнате Хеллмэн остановился перевести дух. Он вспомнил, что здание круглое. Можно прожечь себе путь через остальные двери и воссоединиться с Каскером. Вдвоем они прожгут себе путь на поверхность планеты и...

У Каскера нет лучемета!

От этой мысли Хеллмэн побледнел. Каскер проник в комнату направо, потому что замок в ее двери был уже выжжен. Шпаклевка, несомненно, просачивается в комнату через замок... и Каскеру не уйти! Слева у него — Шпаклевка, справа — запертая дверь!

Собрав остаток сил, Хеллмэн пустился бегом. Коробки, казалось, нарочно подвертывались ему под ноги, норовили опрокинуть его, остановить. Он прожег очередную дыру и поспешил к следующей. Прожег еще одну. И еще. И еще.

Не может же Шпаклевка целиком перелиться в ту комнату, где Каскер!

Или может?

Клиновидным комнатам — секторам круга, — казалось, не будет конца, так же как путанице закрытых дверей, непонятных товаров, снова дверей, снова товаров. Хеллмэн споткнулся о плетеную корзину, упал, поднялся на ноги и опять упал. Он напряг силы до предела и исчерпал этот предел. Но ведь Каскер — его друг.

К тому же без пилота Хеллмэн навеки застрянет на этой планете. Хеллмэн пересек еще две комнаты — ноги у него подгибались — и рухнул у порога третьей.

— Это ты, Хеллмэн? — услышал он голос Каскера из-за двери.

— Ты цел? — прохрипел Хеллмэн.

— Мне тут не очень-то просторно, — ответил Каскер, — но Шпаклевка перестала расти. Хеллмэн, выведи меня отсюда!

Хеллмэн лежал на полу, часто и тяжело дыша.

— Минуточку, — сказал он.

— Еще чего, минуточку! — прокричал Каскер. — Выведи меня. Я нашел воду.

— Что? Как?

— Выведи меня отсюда!

Хеллмэн попытался встать, но его ноги окончательно вышли из повиновения.

— Что случилось? — спросил он.

— Когда шар стал заполнять комнату, я решил завести Супертранспорт, изготовленный по особому заказу. Думал, вдруг он пробьет дверь и вытащит меня отсюда. Вот я и залил его высокоусиляющим горючим «Интегор».

— И что же? — поторопил Хеллмэн, упорно пытаясь встать на ноги.

— Супертранспорт — это животное, Хеллмэн! А горючее «Интегор» — вода! Теперь вытаскивай меня отсюда!

Хеллмэн со вздохом удовлетворения улегся на полу поудобнее. Будь у него побольше времени, он бы и сам, чисто логическим путем, обо всем догадался. Теперь-то все кристально ясно. Машина, наиболее пригодная для лазанья по отвесным, острым как бритва горам, — это животное, вероятно, наделенное втяжными присосками. В промежутках между рейсами оно впадает в спячку; а уж если оно пьет воду, то и пища его пригодна для человека. Конечно, о былых обитателях планеты по-прежнему ничего не известно, но, без сомнения...

— Прожги дверь! — крикнул Каскер, и голос его сорвался.

Хеллмэн размышлял об иронии вещей. Если то, что другому мясо (и то, что другому яд), для тебя яд, попробуй съесть что-нибудь еще. До смешного просто.

Но одна мелочь по-прежнему не давала ему покоя.

— Как ты узнал, что это животное земного типа? — спросил он.

— По дыханию, дурень! Оно вдыхает и выдыхает воздух, и при этом запах такой, словно оно наелось луку!

За дверью послышался грохот падающих жестянок и бьющихся бутылок.

— Да поторопись же!

— А что там такое? — спросил Хеллмэн, поднимаясь на ноги и прилаживая лучемет.

— Да Супертранспорт! Он прижал меня к стенке за грудой ящиков. Хеллмэн, по-моему, ему кажется, что я съедобен!

Поджаренное с помощью скорчера — отличное мясо, с точки зрения Хеллмэна, но несколько сыроватое, с точки зрения Каскера, — «традиционное транспортное суперсредство морогов» оказалось весьма съедобным. И главное, что на запасах этого жареного «суперсредства» они вполне смогут дотянуть до Калао.

ОХОТА

Это был последний сбор личного состава перед Всеобщим Слетом Разведчиков, и на него явились все патрули. Патрулю 22 — «Парящему соколу» было приказано разбить лагерь в тенистой ложбине и держать щупальца востро. Патруль 31 — «Отважный бизон» — совершал маневры возле маленького ручья. «Бизоны» отрабатывали навыки потребления жидкости и возбужденно смеялись от непривычных ощущений.

А патруль 19 — «Атакующий мираш» — ожидал разведчика Дрога, который по обыкновению опаздывал.

Дрог камнем упал с высоты десять тысяч футов, в последний момент принял твердую форму и торопливо вполз в круг разведчиков.

— Привет, — сказал он. — Прошу прощения. Я понятия не имел, который час...

Командир патруля кинул на него гневный взгляд.

— Опять не по уставу, Дрог?!

— Виноват, сэр, — сказал Дрог, поспешно выпрастывая позабытое щупальце.

Разведчики захихикали. Дрог залился оранжевой краской смущения. Если бы можно было стать невидимым!

Но как раз сейчас этого делать не годилось.

— Я открою наш сбор Клятвой Разведчиков, — начал командир и откашлялся. — Мы, юные разведчики планеты Элбонай, торжественно обещаем хранить и лелеять навыки, умения и достоинства наших предков-пионеров. С этой целью мы, разведчики, принимаем форму, от рождения дарованную нашим праотцам, покорителям девственных просторов Элбоная. Таким образом, мы полны решимости...

Разведчик Дрог подстроил слуховые рецепторы, чтобы усилить тихий голос командира. Клятва всегда приводила его в трепет. Трудно себе представить, что прародители когда-то были прикованы к планетной тверди. Ныне элбонайцы обитали в воздушной среде на высоте двадцати тысяч футов, сохраняя минимальный объем тела, питались космической радиацией, воспринимали жизнь во всей полноте ощущений и спускались вниз лишь из сентиментальных побуждений или в связи с ритуальными обрядами. Эра Пионеров осталась в далеком прошлом. Новая история началась с Эры Субмолекулярной Модуляции, за которой последовала нынешняя Эра Непосредственного Контроля.

— ... прямо и честно, — продолжал командир. — И мы обязуемся, подобно им, пить жидкости, поглощать твердую пищу и совершенствовать мастерство владения их орудиями и навыками.

Торжественная часть закончилась, и молодежь рассеялась по равнине. Командир патруля подошел к Дрогу.

— Это последний сбор перед слетом, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Дрог.

— В патрульном отряде «Атакующий мираш» ты единственный разведчик второго класса. Все остальные давно получили первый класс или по меньшей мере звание Младшего Пионера. Что подумают о нашем патруле?

Дрог поежился.

— Это не только моя вина, — сказал он. — Да, конечно, я не выдержал экзаменов по плаванию и изготовлению бомб, но это мне просто не дано! Несправедливо требовать, чтобы я знал все! Даже среди пионеров были узкие специалисты. Никто и не требовал, чтобы каждый...

— А что же ты умеешь делать? — перебил командир.

— Я владею лесным и горным ремеслом, — горячо выпалил Дрог, — выслеживанием и охотой.

Командир изучающе посмотрел на него, а затем медленно произнес:

— Слушай, Дрог, а что, если тебе предоставят еще один последний шанс получить первый класс и заработать к тому же знак отличия?

— Я готов на все! — вскричал Дрог.

— Хорошо, — сказал командир. — Как называется наш патруль?

— «Атакующий мираш», сэр.

— А кто такой мираш?

— Огромный свирепый зверь, — быстро ответил Дрог. — Когда-то они водились на Элбонае почти всюду и наши предки сражались с ними не на жизнь, а на смерть. Ныне мираши вымерли.

— Не совсем, — возразил командир. — Один разведчик, исследуя леса в пятистах милях к северу отсюда, обнаружил в квадрате с координатами Ю-233 и З-482 стаю из трех мирашей. Все они самцы, и, следовательно, на них можно охотиться. Я хочу, чтобы ты, Дрог, выследил их и подкрался поближе, применив свое искусство в лесном и горном ремеслах. Затем, используя лишь методы и орудия пионеров, ты должен добыть и принести шкуру одного мираша. Ну как, справишься?

— Уверен, сэр!

— Приступай немедленно, — велел командир. — Мы прикрепим шкуру к нашему флагштоку и, безусловно, заслужим похвалу на слете.

— Есть, сэр!

Дрог торопливо сложил вещи, наполнил флягу жидкостью, упаковал твердую пищу и отправился в путь.

Через несколько минут он левитировал к квадрату Ю-233 — З-482. Перед ним расстилалась дикая романтическая местность — изрезанные скалы и низкорослые деревья, покрытые густыми зарос-

лями долины и заснеженные горные пики. Дрог огляделся с некоторой опаской.

Докладывая командиру, он погрешил против истины.

Дело в том, что он был не особенно искушен ни в лесном и горном ремеслах, ни в выслеживании и охоте. По правде говоря, он вообще ни в чем не был искушен — разве что любил часами мечтательно витать в облаках на высоте пять тысяч футов. Что, если ему не удастся обнаружить мираша? Что, если мираш обнаружит его первым?

«Нет, этого не может быть, — успокоил себя Дрог. — На худой конец, всегда успею жеслибюлировать. Никто и не узнает».

Через мгновение он уловил слабый запах мираша. А потом в двадцати метрах от себя заметил какое-то движение возле странной скалы, похожей на букву «Т».

Неужели все так и сойдет — просто и гладко? Что ж, прекрасно! Дрог принял надлежащие меры маскировки и потихоньку двинулся вперед.

Солнце пекло невыносимо; горная тропа все круче ползла вверх. Пакстон взмок, несмотря на теплозащитный комбинезон. К тому же ему до тошноты надоела роль славного малого.

— Когда наконец мы отсюда улетим? — не выдержал он.

Геррера добродушно похлопал его по плечу.

— Ты что, не хочешь разбогатеть?

— Мы уже богаты, — возразил Пакстон.

— Не так чтобы уж очень, — сказал Геррера, и на его продолговатом смуглом, изборожденном морщинами лице блеснула ослепительная улыбка.

Подошел Стелмэн, пыхтя под тяжестью анализаторов. Он осторожно опустил аппаратуру на тропу и сел рядом.

— Как насчет передышки, джентльмены?

— Отчего же нет? — отозвался Геррера. — Времени у нас хоть отбавляй.

Он сел и прислонился к Т-образной скале.

Стелмэн раскурил трубку, а Геррера расстегнул «молнию» и извлек из кармана комбинезона сигару.

Пакстон некоторое время наблюдал за ними.

— Так когда же мы улетим с этой планеты? — наконец спросил он. — Или мы собираемся поселиться здесь навеки?

Геррера лишь усмехнулся и щелкнул зажигалкой, раскуривая сигару.

— Мне ответит кто-нибудь?! — закричал Пакстон.

— Успокойся. Ты в меньшинстве, — произнес Стелмэн. — В этом предприятии мы участвуем как три равноправных партнера.

— Но деньги-то — мои! — заявил Пакстон.

— Разумеется. Потому тебя и взяли. Геррера имеет большой

практический опыт работы в горах. Я хорошо подкован в теории, к тому же права пилота — только у меня. А ты дал деньги.

— Но корабль уже ломится от добычи! — воскликнул Пакстон. — Все трюмы заполнены до отказа! Самое время отправиться в какое-нибудь цивилизованное местечко и начать тратить!

— У нас с Герререй нет твоих аристократических замашек, — с преувеличенным терпением объяснил Стелмэн. — Зато у нас с Герререй есть невинное желание набить сокровищами каждый корабельный закуток. Самородки золота — в топливные баки, изумруды — в жестянки из-под муки, а на палубу — алмазы по колено. Здесь для этого самое место. Вокруг бешеное богатство, которое так и просится, чтобы его подобрали. Мы хотим быть бездонно, до отвращения богатыми, Пакстон.

Пакстон не слушал. Он напряженно уставился на что-то у края тропы.

— Это дерево только что шевельнулось, — низким голосом проговорил он.

Геррера разразился смехом.

— Чудовище, надо полагать, — презрительно бросил он.

— Спокойно, — мрачно произнес Стелмэн. — Мой мальчик, я немолод, толст и легко подвержен страху. Неужели ты думаешь, что я оставался бы здесь, существуй хоть малейшая опасность?

— Вот! Снова шевельнулось!

— Три месяца назад мы тщательно обследовали всю планету, — напомнил Стелмэн, — и не обнаружили ни разумных существ, ни опасных животных, ни ядовитых растений. Верно? Все, что мы нашли, — это леса, и горы, и золото, и озера, и изумруды, и реки, и алмазы. Да буде здесь что-нибудь, разве оно не напало бы на нас давным-давно?

— Говорю вам, я видел, как это дерево шевельнулось! — настаивал Пакстон.

Геррера поднялся.

— Это дерево? — спросил он Пакстона.

— Да. Посмотри, оно даже не похоже на остальные. Другой рисунок коры...

Неуловимым отработанным движением Геррера выхватил из кобуры бластер «Марк-2» и трижды выстрелил. Дерево и кустарник на десять метров вокруг него вспыхнули ярким пламенем и рассыпались в прах.

— Вот уже никого и нет, — подытожил Геррера.

Пакстон поскреб подбородок.

— Я слышал, как оно вскрикнуло, когда ты стрелял.

— Ага. Но теперь-то оно мертво, — успокаивающе произнес Геррера. — Как заметишь, что кто-то шевелится, сразу скажи мне, и я пальну. А теперь давайте соберем еще немного изумрудиков, а?

Пакстон и Стелмэн подняли свои ранцы и пошли вслед за Герерой по тропе.

— Непосредственный малый, правда? — с улыбкой промолвил Стелмэн.

Дрог медленно приходил в себя. Огненное оружие мираша застало его врасплох, когда он принял облик дерева и был совершенно незащищен. Он до сих пор не мог понять, как это случилось. Не было ни запаха страха, ни предварительного фырканья, ни рычания, вообще никакого предупреждения! Мираш напал совершенно неожиданно, со слепой, безрассудной яростью, не разбираясь, друг перед ним или враг.

Только сейчас Дрог начал постигать натуру противостоящего ему зверя.

Он дождался, когда стук копыт мирашей затих вдали, а затем, превозмогая боль, попытался выпростать оптический рецептор. Ничего не получилось. На миг его захлестнула волна отчаянной паники. Если повреждена центральная нервная система, это конец.

Он снова сосредоточился. Обломок скалы сполз с его тела, и на этот раз попытка завершилась успехом: он смог восстать из пепла. Дрог быстро провел внутреннее сканирование и облегченно вздохнул. Он был на волосок от смерти. Только инстинктивная квондикация в момент вспышки спасла ему жизнь.

Дрог задумался было над своими дальнейшими действиями, но обнаружил, что потрясение от этой внезапной, непредсказуемой атаки начисто отшибло ему память о всех охотничьих уловках. Более того, он обнаружил, что у него вообще пропало всякое желание встречаться со столь опасными мирашами снова...

Предположим, он вернется без этой идиотской шкуры... Командиру можно сказать, что все мираши оказались самками и, следовательно, подпадали под охрану закона об охоте. Слово Юного Разведчика ценилось высоко, так что никто не станет подвергать его сомнению, а тем более перепроверять.

Но нет, это невозможно! Как он смел даже подумать такое!

Что ж, мрачно усмехнулся Дрог, остается только сложить с себя обязанности разведчика и покончить со всем этим нелепым занятием — лагерные костры, пение, игры, товарищество...

Никогда! — твердо решил Дрог, взяв себя в руки. Он ведет себя так, будто имеет дело с дальновидным противником. А ведь мираши — даже не разумные существа. Ни одно создание, лишенное щупалец, не может иметь развитого интеллекта. Так гласил неоспоримый закон Этлиба.

В битве между разумом и инстинктивной хитростью всегда побеждает разум. Это неизбежно. Надо лишь придумать, каким способом.

Дрог опять взял след мирашей и пошел по запаху. Какое бы старинное оружие ему использовать? Маленькую атомную бомбу? Вряд ли, это может погубить шкуру.

Вдруг он рассмеялся. На самом деле все очень просто, стоит лишь хорошенько пошевелить мозгами. Зачем вступать в непосредственный контакт с мирашом, если это так опасно? Настала пора прибегнуть к помощи разума, воспользоваться знанием психологии животных, искусством западни и приманки.

Вместо того чтобы выслеживать мирашей, он отправится к их логову.

И там устроит ловушку.

Они подходили к временному лагерю, разбитому в пещере, уже на закате. Каждая скала, каждый пик бросали резкие, четко очерченные тени. Пятью милями ниже, в долине, лежал их красный, отливающий серебром корабль. Ранцы были набиты изумрудами — небольшими, но идеального цвета.

В такие предзакатные часы Пакстон мечтал о маленьком городке в Огайо, сатураторе с газированной водой и девушке со светлыми волосами. Геррера улыбался про себя, представляя, как лихо он промотает миллиончик-другой, прежде чем всерьез займется скотоводством. А Стелмэн формулировал основные положения своей докторской диссертации, посвященной внеземным залежам полезных ископаемых.

Все они пребывали в приятном умиротворенном настроении. Пакстон полностью оправился от пережитого потрясения и теперь страстно желал, чтобы кошмарное чудовище все-таки появилось — предпочтительно зеленое — и чтобы оно преследовало очаровательную полураздетую женщину.

— Вот мы и дома, — сказал Стелмэн, когда они подошли к пещере. — Как насчет тушеной говядины?

Сегодня была его очередь готовить.

— С луком! — потребовал Пакстон. Он ступил в пещеру и тут же резко отпрыгнул назад. — Что это?

В нескольких футах от входа дымился небольшой ростбиф, рядом красовались четыре крупных бриллианта и бутылка виски.

— Занятно, — сказал Стелмэн. — Что-то мне это не нравится.

Пакстон нагнулся, чтобы подобрать бриллиант. Геррера оттащил его.

— Это может быть мина-ловушка.

— Проводов не видно, — возразил Пакстон.

Геррера уставился на ростбиф, бриллианты и бутылку виски. Вид у него был самый разнесчастный.

— Этой штуке я не верю ни на грош, — заявил он.

— Может быть, здесь все-таки есть туземцы? — предположил Стелмэн. — Такие, знаете, робкие, застенчивые. А этот дар — знак доброй воли.

— Ага, — саркастически подхватил Геррера. — Специально ради нас они сгоняли на Землю за бутылочкой «Старого космодесантного».

— Что же нам делать? — спросил Пакстон.

— Не соваться куда не надо, — отрубил Геррера. — Ну-ка, осади назад.

Он отломил от ближайшего дерева длинный сук и осторожно потыкал в бриллианты.

— Видишь, ничего страшного, — заметил Пакстон.

Длинный травяной стебель, на котором стоял Геррера, туго обвился вокруг его лодыжек. Почва под ним заколыхалась, обрисовался аккуратный диск футов пятнадцати в диаметре и, обрывая корневища дернины, начал подниматься в воздух. Геррера попытался спрыгнуть, но трава вцепилась в него тысячами зеленых щупалец.

— Держись! — завопил Пакстон, рванулся вперед и уцепился за край поднимающегося диска.

Диск резко накренился, замер на мгновение и стал опять подниматься. Но Геррера уже выхватил нож и яростно кромсал траву вокруг своих ног. Стелмэн вышел из оцепенения, лишь когда увидел ноги Пакстона на уровне своих глаз. Он схватил Пакстона за лодыжки, снова задержав подъем диска. Тем временем Геррера вырвал из пут одну ногу и переметнул тело через край диска. Крепкая трава какое-то время еще держала его за вторую ногу, но затем стебли, не выдержав тяжести, оборвались, и Геррера головой вперед полетел вниз. Лишь в последний момент он вобрал голову в плечи и умудрился приземлиться на лопатки. Пакстон отпустил край диска и рухнул на Стелмэна.

Травяной диск, унося ростбиф, виски и бриллианты, продолжал подниматься, пока не исчез из виду.

Солнце село. Не произнося ни слова, трое мужчин вошли в пещеру с бластерами наготове.

— Ночью по очереди будем нести вахту, — отчеканил Геррера.

Пакстон и Стелмэн согласно кивнули.

— Пожалуй, ты прав, Пакстон, — сказал Геррера. — Что-то мы здесь засиделись.

— Чересчур засиделись, — уточнил Пакстон.

Геррера пожал плечами.

— Как только рассветет, возвращаемся на корабль и стартуем.

— Если только сможем добраться до корабля, — не удержался Стелмэн.

Дрог был совершенно обескуражен. С замиранием сердца следил он, как раньше срока сработала ловушка, как боролся мираш за свободу и как он наконец обрел ее. А какой это был великолепный мираш! Самый крупный из трех!

Теперь он знал, в чем допустил ошибку. От излишнего рвения он переборщил с наживкой. Одних минералов было бы вполне достаточно, ибо, как всем известно, мираши обладают повышенным тропизмом к минералам. Так нет же! Ему понадобилось улучшить методику пионеров, ему, видите ли, захотелось присовокупить еще и пищевое стимулирование. Неудивительно, что мираши ответили удвоенной подозрительностью, ведь их органы чувств подверглись колоссальной перегрузке.

Теперь они взбешены, насторожены и предельно опасны.

А разъяренный мираш — это одно из самых ужасающих зрелищ в Галактике.

Когда две луны Элбоная поднялись в западной части небосклона, Дрог почувствовал себя страшно одиноким. Он мог видеть костер, который мираши развели перед входом в пещеру, а телепатическим зрением разбирал самих мирашей, скорчившихся внутри, — органы чувств на пределе, оружие наготове.

Неужели ради одной-единственной шкуры мираша стоило так рисковать?

Дрог предпочел бы парить на высоте пяти тысяч футов, лепить из облаков фигуры и мечтать. Как хорошо впитывать солнечную радиацию, а не поглощать эту дрянную твердую пищу, завещанную предками! Какой прок от всех этих охот и выслеживаний? Явно никакого! Бесполезные навыки, с которыми его народ уже давным-давно расстался.

Был момент, когда Дрог уже почти убедил себя. Но тут же, в озарении, с которым приходит истинное постижение природы вещей, он понял, в чем дело.

Действительно, элбонайцам давно уже стали тесны рамки конкурентной борьбы, эволюция вывела их из-под угрозы кровавой бойни за место под солнцем. Но Вселенная велика, она таит в себе множество неожиданностей. Кому дано предвидеть будущее? Кто знает, с какими еще опасностями придется столкнуться расе элбонайцев? И смогут ли они противостоять угрозе, если утратят охотничий инстинкт?

Нет, заветы предков незыблемы и верны, они не дают забыть, что миролюбивый разум слишком хрупок для этой неприветливой Вселенной.

Остается либо добыть шкуру мираша, либо погибнуть с честью.

Самое важное сейчас — выманить их из пещеры. Наконец-то к Дрогу вернулись охотничьи навыки. Быстро и умело он сотворил манок для мираша.

— Вы слышали? — спросил Пакстон.

— Вроде бы какие-то звуки, — сказал Стелмэн, и все прислушались.

Звук повторился. «О-о, на помощь! Помогите!» — кричал голос.

— Это девушка! — Пакстон вскочил на ноги.

— Это *похоже* на голос девушки, — поправил Стелмэн.

— Умоляю, помогите! — взывал девичий голос. — Я долго не продержусь. Есть здесь кто-нибудь? Помогите!

Кровь хлынула к лицу Пакстона. Воображение тут же нарисовало трогательную картину: маленькое хрупкое существо жмется к потерпевшей крушение спортивной ракете (какое безрассудство — пускаться в подобные путешествия!), со всех сторон на него надвигаются чудовища — зеленые, осклизлые, а за ними появляется Он — главарь чужаков, отвратительный вонючий монстр.

Пакстон подобрал запасной бластер.

— Я выхожу, — хладнокровно заявил он.

— Сядь, кретин! — приказал Геррера.

— Но вы же слышали ее, разве нет?

— Никакой девушки тут быть не может, — отрезал Геррера. — Что ей делать на такой планете?

— Вот это я и собираюсь выяснить, — заявил Пакстон, размахивая двумя бластерами. — Может, какой-нибудь там лайнер потерпел крушение, а может, она решила поразвлечься и угнала чью-то ракету...

— Сесть! — заорал Геррера.

— Он прав. — Стелмэн попытался урезонить Пакстона. — Даже если девушка и впрямь где-то там объявилась, в чем я сомневаюсь, то мы все равно помочь ей никак не сможем.

— О-о, помогите, помогите, оно сейчас догонит меня! — визжал девичий голос.

— Прочь с дороги, — угрожающим басом заявил Пакстон.

— Ты действительно выходишь? — с недоверием поинтересовался Геррера.

— Хочешь мне помешать?

— Да нет, валяй. — Геррера махнул в сторону выхода.

— Мы не можем позволить ему уйти! — Стелмэн ловил ртом воздух.

— Почему же? Дело хозяйское, — безмятежно промолвил Геррера.

— Не беспокойтесь обо мне, — сказал Пакстон. — Я вернусь через пятнадцать минут — вместе с девушкой!

Он повернулся на каблуках и направился к выходу. Геррера подался вперед и рассчитанным движением опустил на голову Пакстона полено, заготовленное для костра. Стелмэн подхватил обмякшее тело. Они уложили Пакстона в дальнем конце пещеры и продолжили бдение. Бедствующая дама стонала и молила о помощи еще часов пять. Слишком долго даже для многосерийной мелодрамы. Это потом вынужден был признать и Пакстон.

Наступил сумрачный дождливый рассвет. Прислушиваясь к плеску воды, Дрог все еще сидел в своем укрытии метрах в ста от пещеры. Вот мираши вышли плотной группой, держа наготове оружие. Их глаза внимательно обшаривали местность.

Почему провалилась попытка с манком? Учебник Разведчика утверждал, что это вернейшее средство привлечь самца мираша. Может быть, сейчас не брачный сезон?

Стая мирашей двигалась в направлении металлического яйцевидного снаряда, в котором Дрог без труда признал примитивный пространственный экипаж. Сработан он, конечно, грубо, но мираши будут в нем в безопасности.

Разумеется, он мог парадизировать их и покончить с этим делом. Но такой поступок был бы слишком негуманным. Древних элбонайцев отличали прежде всего благородство и милосердие, и каждый Юный Разведчик старался подражать им в этом. К тому же парадизирование не входило в число истинно пионерских методов.

Оставалась безграмоция. Это был старейший трюк, описанный в книге, но чтобы он удался, следовало подобраться к мирашам как можно ближе. Впрочем, Дрогу уже нечего было терять.

И, к счастью, погодные условия были самые благоприятные.

Все началось с туманной дымки, стелющейся над землей. Но по мере того как расплывчатое солнце взбиралось по серому небосклону, туман поднимался и густел.

Обнаружив это, Геррера в сердцах выругался.

— Давайте держаться ближе друг к другу! Вот несчастье-то!

Вскоре они уже шли, положив левую руку на плечо впереди идущего. Правая рука сжимала бластер. Туман вокруг был непроницаемым.

— Геррера?

— Да.

— Ты уверен, что мы идем в правильном направлении?

— Конечно. Я взял азимут по компасу еще до того, как туман сгустился.

— А если компас вышел из строя?

— Не смей и думать об этом!

Они продолжали двигаться, осторожно нащупывая дорогу между скальными обломками.

— По-моему, я вижу корабль, — сказал Пакстон.

— Нет, еще рано, — возразил Геррера.

Стелмэн, споткнувшись о камень, выронил бластер, на ощупь подобрал его и стал шарить рукой в поисках плеча Герреры. Наконец он нащупал его и двинулся дальше.

— Кажется, мы почти дошли, — сказал Геррера.

— От души надеюсь, — выдохнул Пакстон. — С меня хватит.

— Думаешь, та девочка ждет тебя на корабле?

— Не береди душу!

— Ладно, — смирился Геррера. — Эй, Стелмэн, лучше по-прежнему держись за мое плечо. Не стоит нам разделяться.

— А я и так держусь, — отозвался Стелмэн.

— Нет, не держишься.

— Да держусь, тебе говорят!

— Слушай, кажется, мне лучше знать, держится кто-нибудь за мое плечо или нет.

— Это твое плечо, Пакстон?

— Нет, — ответил Пакстон.

— Плохо, — сказал Стелмэн очень медленно. — Это совсем плохо.

— Почему?

— Потому что я определенно держусь за чье-то плечо.

— Ложись! — заорал Геррера. — Немедленно ложитесь оба! Дайте мне возможность стрелять!

Но было поздно. В воздухе разлился кисло-сладкий аромат. Стелмэн и Пакстон вдохнули его и потеряли сознание. Геррера слепо рванулся вперед, стараясь задержать дыхание, споткнулся, перелетел через камень, попытался подняться на ноги и...

И все провалилось в черноту.

Туман внезапно растаял. На равнине стоял один лишь Дрог. Он триумфально улыбался. Вытащив разделочный нож с длинным узким лезвием, он склонился над ближайшим мирашом...

Космический корабль несся к Земле с такой скоростью, что подпространственный двигатель того и гляди мог полететь ко всем чертям. Сгорбившийся над пультом управления Геррера наконец взял себя в руки и убавил скорость. Его лицо, с которого обычно не сходил красивый ровный загар, все еще сохраняло пепельный оттенок, а пальцы дрожали над пультом.

Из спального отсека вышел Стелмэн и устало плюхнулся в кресло второго пилота.

— Как там Пакстон? — спросил Геррера.

— Я накачал его дроном-3, — ответил Стелмэн. — С ним все будет в порядке.

— Хороший малый, — заметил Геррера.

— Думаю, это просто шок, — сказал Стелмэн. — Когда он придет в себя, я усажу его пересчитывать алмазы. Это, насколько я понимаю, будет для него лучше всякой другой терапии.

Геррера усмехнулся, лицо его стало обретать обычный цвет.

— Теперь, когда все позади, пожалуй, и мне стоит подзаняться алмазной бухгалтерией.

Внезапно его удлиненное лицо посерьезнело.

— Но все-таки, Стелмэн, кто мог нас выручить? Никак этого не пойму!

Слет Разведчиков удался на славу. Патруль 22 — «Парящий сокол» — разыграл короткую пантомиму, символизирующую освобождение Элбоная. Патруль 31 — «Отважные бизоны» — облачился в настоящие пионерские одежды.

А во главе патруля 19 — «Атакующий мираш» — двигался Дрог, теперь уже Разведчик первого класса, удостоенный особого знака отличия. Он нес флаг своего патруля (высокая честь для разведчика!), и все, завидя Дрога, громко приветствовали его.

Ведь на древке гордо развевалась прочная, отлично выделанная, ни с чем не сравнимая шкура взрослого мираша — ее «молнии», пряжки, циферблаты, пуговицы весело сверкали на солнце.

ПИЯВКА

Слишком долго она летела в пустоте. Слишком долго была без пищи. Безжизненная спора, она не замечала, как проходили тысячелетия. Не почувствовала она ничего и тогда, когда достигла, наконец, Солнечной системы и живительные лучи Солнца коснулись ее сухой твердой оболочки.

Планета потянула ее к себе, и, все еще мертвая, она вместе с другими межзвездными пылинками стала падать.

Пылинка, похожая на миллионы других; ветер подхватил ее, помчал вокруг Земли и отпустил...

На поверхности она стала оживать. Сквозь поры в ее оболочке стала поступать пища. Она принялась есть и расти.

Фрэнк Коннерс поднялся на веранду и два раза негромко кашлянул.

— Прошу прощения, профессор, — сказал он.

Длинноногий профессор, лежавший на раскладушке, даже не пошевелился и продолжал похрапывать.

— Мне не хотелось бы вас беспокоить. — От волнения Коннерс сдвинул свою старенькую шляпу на затылок. — Я знаю, у вас неделя отдыха, но там, в канаве, лежит такая чертовщина...

Одна бровь у спящего слегка приподнялась.

Фрэнк Коннерс снова вежливо кашлянул. На его руке, сжимавшей черенок лопаты, набухли старческие вены.

— Вы слышите, профессор?

— Конечно, я все слышал, — пробормотал Майкхилл, не открывая глаз. — Вам попался эльф?

— Чего? — спросил Коннерс, сосредоточенно наморщив лоб.

— Маленький человечек в зеленом сюртучке. Дайте ему молочка, Коннерс.

— Нет, сэр. Это какой-то камень.

Профессор открыл один глаз.

— Прошу прощения, я не хотел вас беспокоить, — снова извинился Коннерс.

У профессора Майкхилла вот уже десять лет была единствен-

ная причуда — неделя полного отдыха. Это стало традицией. Всю зиму профессор читал студентам антропологию, заседал в полудюжине комитетов, занимался для себя физикой и химией и ко всему этому умудрялся писать еще по книге в год. Но к лету он выдыхался совершенно.

И тогда он отправлялся к себе на старую ферму, в штат Нью-Йорк, и целую неделю просто-напросто отсыпался. Это и называлось неделей полного покоя. Фрэнка Коннерса он нанимал на это время готовить еду и помогать по хозяйству.

Вторую неделю профессор; как правило, бродил по окрестностям, рассматривал деревья, птичек и удил рыбу. Третью неделю он читал, загорал на солнце, чинил крышу сарая и лазил по горам. Конца четвертой недели профессор дожидался с трудом, а дождавшись, торопился уехать.

Но первая неделя была священна.

— Я не стал бы вас тревожить по пустякам, но этот чертов камень расплавил мне лопату.

Профессор разом открыл глаза и приподнялся. Коннерс протянул ему лопату. Ее закругленная часть была ровно срезана. Майкхилл резко спустил ноги с раскладушки и сунул в потрепанные мокасины.

— Идемте, — сказал он, поднимаясь. — Посмотрим, что это за чудо.

«Чудо» лежало в придорожной канаве, отделявшей лужайку перед домом от большой автострады. Обыкновенная плита из камня величиной с автомобильную шину, дюйма три толщиной. На темно-серой поверхности виднелось множество замысловатых черных прожилок.

— Не трогайте руками, — предупредил Коннерс.

— Я и не собираюсь. Дайте мне вашу лопату.

Майкхилл взял лопату и ткнул ею в загадочный предмет. Какое-то время профессор прижимал лопату к поверхности. Когда он ее отнял — еще дюйм металла исчез.

Майкхилл нахмурился и поправил очки. Затем одной рукой он снова прижал лопату к камню, а другую поднес поближе к его поверхности. Лезвие таяло на глазах...

— Вроде бы не греет, — сказал он, обращаясь к Коннерсу. — А в первый раз? Вы не заметили, шло от камня тепло?

Коннерс отрицательно покачал головой.

Майкхилл набрал в руку грязи и бросил на камень. Комок быстро растаял, не оставив и следа на черно-серой поверхности. За комком грязи последовал большой булыжник, который исчез тем же способом.

— Вы когда-нибудь видели такую чертовщину, профессор? — спросил Коннерс.

— Нет. — Майкхилл разогнулся. — Никогда не видел.

Он снова взял лопату и изо всех сил ударил ею о камень... И чуть не выронил ее. Ожидая отдачи, он слишком сильно сжал черенок. Но отдачи не последовало. Лопата ударилась и сразу остановилась, как будто прилипла. Когда профессор приподнял ее, он увидел, что на черно-серой поверхности не осталось никакого следа от удара.

— Вот тебе и на. Что же это такое? — выдохнул Коннерс.

— Это не камень, — сказал Майкхилл, отступая назад. — Пиявки сосут кровь. А эта штука, кажется, сосет грязь и лопаты.

Мужчины переглянулись. На шоссе показалось несколько военных грузовиков. С ревом они промчались мимо.

— Пойду попробую дозвониться в колледж. Попрошу приехать кого-нибудь из физиков, — сказал Майкхилл, — или биологов. Хорошо бы убрать отсюда эту штуку, пока она не испортила мне газон.

Они направились к дому.

Все вокруг для нее было пищей. Ветер отдавал ей свою энергию. Шел дождь, и удар каждой капли прибавлял ей сил. И вода тут же всасывалась всепоглощающей поверхностью.

Солнечные лучи, почва, грязь, камни, веточки — все усваивалось клетками.

Медленно зашевелились в ней смутные тени ощущений. И первое, что она почувствовала, — неправдоподобную ничтожность своего тела.

Она росла.

На следующий день «пиявка» достигла уже восьми футов. Одним краем она высунулась на шоссе, а другой дополз до газона. Еще через день ее диаметр увеличился до восемнадцати футов. Теперь она перекрыла всю проезжую часть дороги.

Майкхилл ходил вокруг «пиявки» и задавал себе один и тот же вопрос. Какое вещество может вести себя таким образом? Ответ прост — ни одно из *известных* веществ.

Вдали послышался гул колонны армейских грузовиков.

Водитель ехавшего впереди джипа поднял руку, и вся колонна остановилась. Из джипа вылез офицер. По количеству звезд на его плечах Майкхилл понял, что перед ним бригадный генерал.

— Уберите эту штуку и очистите проезд.

Он был высок и худощав. На загорелом, обожженном солнцем лице холодно поблескивали глаза.

— Мы не можем ее убрать. — И Майкхилл рассказал генералу о событиях последних дней.

— Но ее необходимо убрать, — сказал генерал. Он подошел поближе и пристально посмотрел на «пиявку». — Вы говорите, ломом ее не сковырнуть? И огонь ее не берет?

— Совершенно верно. — Майкхилл слабо улыбнулся.

— Шофер, — бросил генерал через плечо, — поезжайте-ка через эту штуку!

Майкхилл хотел было вмешаться, но удержался. Генеральские мозги — вещь особая. Нужно дать им возможность посображать самостоятельно.

Джип рванулся вперед, подпрыгнув на десятисантиметровом ребре «камня». В центре автомобиль остановился.

— Я не приказывал останавливаться! — рявкнул генерал.

— Я и не останавливался, сэр, — запротестовал шофер.

Джип дернулся на месте и замер.

— Простите, — сказал Майкхилл, — но у него плавятся шины.

Генерал присмотрелся, и его рука автоматически дернулась к пистолету на поясе. Затем он закричал:

— Водитель! Прыгайте! Не коснитесь только этой серой штуки!

Лицо шофера побелело. Он быстро вскарабкался на крышу джипа, огляделся и благополучно спрыгнул на землю.

В полной тишине все наблюдали за джипом. Сначала растаяли шины, потом четыре обода, рама автомобиля...

Последней медленно исчезла антенна.

Генерал тихо выругался и приказал шоферу:

— Отправляйтесь к колонне и возвращайтесь с гранатами и динамитом.

Она почти очнулась. Все тело требовало пищи, еще и еще. Почва под ней стремительно растворялась. Она росла. Какой-то большой предмет оказался на ее поверхности и стал добычей.

Взрыв энергии возле самой поверхности, потом другой, и еще, еще. Она жадно, с благодарностью поглотила эти новые силы и перевела их в массу. Маленькие металлические кусочки ударили о поверхность, и она всосала их кинетическую энергию, превратив ее в массу. Еще взрывы и еще...

Ее ощущения становились все богаче, она начала чувствовать среду вокруг...

Еще один взрыв сильнее предыдущих. Это уже настоящая пища! Ее клетки кричали от голода. С тревогой и надеждой она ждала еще взрывов.

Но их больше не было. Тогда она снова принялась за почву и солнечный свет.

Она ела, росла и расползалась в стороны.

С вершины небольшого холма Майкхилл смотрел, как рушится его собственный дом. «Пиявка», диаметром теперь в несколько сот метров, поглощала крыльцо.

«Прощай, мой домик», — подумал он, вспоминая десять летних сезонов, проведенных здесь.

Крыльцо исчезло, за ним дверь...

Теперь «пиявка» напоминала огромное поле застывшей лавы. Серое, мрачное пятно на зеленой земле.

— Простите, сэр. — Позади него стоял солдат. — Генерал О'Доннел хочет вас видеть.

— Пожалуйста.

Майкхилл бросил последний взгляд в сторону дома и последовал за солдатом через проход в колючей проволоке, протянутой теперь вокруг «пиявки» диаметром в полмили. По всей ее длине стояли солдаты, удерживая репортеров и любопытствующих. Майкхилл удивлялся, как это ему еще разрешили проходить за ограждение. Может быть, потому, что все это как-никак произошло на его земле.

В палатке за маленьким столиком сидел генерал О'Доннел. Жестом он предложил Майкхиллу сесть.

— Мне поручили избавиться от этой «пиявки», — сказал он.

Майкхилл молча кивнул. Когда научная работа поручается воякe, комментарии излишни.

— Вы ведь профессор, не так ли?

— Антропологии.

— Прекрасно. Прикуривайте. — Генерал протянул зажигалку. — Мне бы хотелось оставить вас тут в качестве консультанта. Я очень ценю ваши наблюдения над... — он улыбнулся, — над врагом.

— Я с удовольствием останусь, — сказал профессор Майкхилл, — но вам, скорее, нужен физик или биохимик.

— Не хочу устраивать здесь ученую суматоху. — Генерал нахмурился, глядя на кончик своей сигареты. — Не поймите меня превратно. Я с большим уважением отношусь к науке. Я сам, если можно так выразиться, ученый солдат. Сейчас выиграть войну без науки невозможно. — Тут загорелое лицо О'Доннела стало каменным. — Но я не хочу, чтобы команда длинноволосых крутилась целый месяц вокруг этой штуки и задерживала меня. Мое дело уничтожить ее — любым способом и немедленно.

— Думаю, это не так просто, — произнес Майкхилл.

— Вот потому-то вы мне и нужны. Объясните мне, почему не просто, а я уж соображу, как с ней разделаться.

— Пожалуйста. Насколько я понимаю, «пиявка» является органическим преобразователем энергии в массу. Этот преобразователь чрезвычайно эффективен. Скорее всего, у него два цикла работы. Сначала она массу превращает в энергию, а затем — энергию в массу уже собственного тела. Но может и сразу энергию переводить в массу тела. Как это происходит, я не знаю.

— Короче, против нее нужно что-нибудь солидное, — перебил О'Доннел. — Отлично, кое-что у меня здесь найдется.

— Наверно, вы неправильно меня поняли, — сказал Майкхилл. — «Пиявка» питается энергией. Она усвоит и использует силу любого оружия.

— Что же произойдет, если она будет продолжать есть? — спросил генерал.

— Я не знаю, до каких размеров она может вырасти, — сказал Майкхилл. — Ее рост можно ограничить, лишь не давая ей есть.

— Вы хотите сказать, что она может вот так расти до бесконечности?

— Она вполне может расти до тех пор, пока ей есть чем питаться.

— Ну что ж, это настоящая дуэль, — сказал О'Доннел. — Но неужели с ней не справиться силой?

— Выходит, нет. Лучше всего вызвать сюда физиков и биологов. Они, наверное, смогли бы сообразить, как с ней обойтись.

Генерал вынул изо рта сигарету.

— Профессор, я не могу тратить время попусту, пока ученые спорят. Я следую своей аксиоме. Могу вам ее сообщить. — Он сделал многозначительную паузу. — Ничто не может устоять перед силой! Приложите достаточную силу, и что угодно уступит. *Что угодно!* Вы думаете, «пиявка» устоит перед атомной бомбой?

— Не исключено, что ее можно перегрузить энергией, — с сомнением произнес Майкхилл.

Он только теперь понял, зачем понадобился генералу. Наука без полномочий — это вполне устраивало О'Доннела.

После долгого перерыва пищи опять стало много. Радиация, вибрация, взрывы, какое восхитительное разнообразие. Она поглощала все. Но пища поступала слишком медленно. Голодные, только что рожденные клетки требовали еще и еще... Скорее! Вечно голодное тело кричало.

Теперь, когда она стала больше, ее чувства обострились. И она ощутила, что неподалеку собрано в одном месте огромное количество пищи. «Пиявка» легко взмыла в воздух, пролетела немного и рухнула на лакомый кусок.

— Идиоты! — Генерал О'Доннел был взбешен. — Какого дьявола они поддались панике?! Можно подумать, что их ничему не учили!

Большими шагами он мерил землю возле новой палатки, в трех милях от того места, где стояла старая.

«Пиявка» выросла до двух миль в диаметре. Пришлось эвакуировать три фермерских хозяйства.

Профессор Майкхилл все еще не мог отделаться от кошмарного воспоминания. Эта тварь приняла массированный удар всех видов оружия, а затем ее тело неожиданно поднялось в воздух. На

мгновение она заслонила солнце, повисла над Норт-Хиллом — и рухнула вниз.

Солдаты в Норт-Хилле могли разбежаться, но, перепуганные насмерть, так и не сдвинулись с места.

Потеряв в операции «Пиявка» шестьдесят семь человек, генерал О'Доннел попросил разрешения пустить в ход атомную бомбу. Вашингтон прислал группу ученых для исследования ситуации.

— Эти эксперты все еще не приняли решения? — О'Доннел в раздражении остановился перед входом в палатку. — Они слишком долго разговаривают.

— Принять решение очень трудно, — сказал Майкхилл. Он не был включен в комиссию, поэтому, высказав свои соображения, вышел из палатки. — Физики считают, что это живое существо, а биологи, кажется, думают, что на все вопросы должны ответить химики. Никто не может считать себя специалистом по этим штукам.

— Это военная проблема, — хрипло сказал О'Доннел. — Меня не интересует, что это такое. Я хочу знать, как ее уничтожить. Они бы лучше дали мне возможность использовать атомную бомбу.

Профессор Майкхилл проделал кое-какие расчеты. Прикинув скорость, с какой «пиявка» поглощала энергию-массу, ее размеры и очевидную способность расти, он пришел к выводу, что атомная бомба могла бы перегрузить ее энергией. Но — только в самое ближайшее время.

Взорвать бомбу нужно было в течение максимум трех дней. «Пиявка» росла в геометрической прогрессии. Через несколько месяцев она должна была покрыть всю территорию Соединенных Штатов.

— Я целую неделю добивался разрешения, — громыхнул О'Доннел. — И я получу его, но для этого мне приходится ждать, пока эти ослы наговорятся. — Он остановился и повернулся к Майкхиллу. — Я уничтожу эту «пиявку». Я разнесу ее вдребезги. Это касается уже не только интересов безопасности. Это задевает лично меня.

Из палатки вышла группа усталых людей. Впереди шел Аленсон — биолог.

— Итак, — сказал генерал, — вы выяснили, что это такое?

— Подождите еще минутку. Я отрежу от нее кусочек, — зло ответил Аленсон.

— Ну а придумали вы какой-нибудь научный способ ее уничтожения?

— О, это было нетрудно, — сухо произнес Мориарти, физик-атомщик. — Заверните ее в абсолютный вакуум. И все будет в порядке. Или сдуньте с Земли — антигравитацией.

— Если же вы не можете этого сделать, — сказал Аленсон, —

мы можем предложить вам попробовать ваши бомбы, только побыстрее.

— Таково мнение всей вашей группы? — спросил О'Доннел.

— Да.

Майкхилл подошел к ученым.

— Ему следовало сразу нас вызвать, — пожаловался Аленсон. — А теперь уже нет времени раздумывать.

— Вы пришли к какому-нибудь мнению о ее природе? — спросил Майкхилл.

— К самому общему, — сказал Мориарти, — и оно практически совпадает с вашим. «Пиявка», скорее всего, космического происхождения. Во всяком случае мы должны радоваться, что она не упала в океан. Земля под нами была бы съедена раньше, чем мы поняли бы, в чем дело.

Заключение комиссии, состоявшей из одних ученых, было проверено комиссией, состоявшей из других ученых. На это ушло несколько дней. Затем Вашингтон захотел узнать, нет ли другого выхода и обязательно ли рвать атомные бомбы в центре штата Нью-Йорк. Потом надо было эвакуировать людей. На это тоже ушло время.

Наконец тупорылая ракета-разведчик взмыла над Нью-Йорком. Серовато-черное пятно, напоминающее гноящуюся рану, протянулось от Тихого озера до Элизабеттауна, покрыв долины Куин и Куин-Вэлли, краями выплескиваясь на гребни ближайших гор.

Первая бомба полетела вниз.

Ошеломляющий взрыв!

Все вокруг наполнилось пищей, но теперь появилась опасность пресытиться. Энергия лилась непрерывным потоком, пронизывала «пиявку» насквозь, сплющивала ее, и «пиявка» бешено росла. Она была еще слишком мала и быстро достигала предела насыщения. Но в перенапряженные клетки, наполненные до отказа, вливали еще и еще энергию.

Она устояла.

Следующие порции были восхитительны на вкус, и с ними она легко справилась. «Пиявка» росла, ела и снова росла.

О'Доннел отступил вместе со своей полностью деморализованной командой. Новый лагерь разбили в десяти милях от южного края «пиявки», в опустевшем городке. Теперь диаметр «пиявки» равнялся шестидесяти милям, а она все росла.

Двухсотмильная зона в округе была эвакуирована.

Генералу О'Доннелу разрешили использовать и водородные бомбы — при условии одобрения со стороны ученых.

— Почему они медлят? — кипел генерал. — «Пиявку» надо немедленно разнести вдребезги. Чего они крутят?

— Они боятся цепной реакции, — ответил Майкхилл. — Такая концентрация водородных бомб в состоянии вызвать ее в земной коре или атмосфере. Могут быть и другие неприятные последствия.

— Что же, они хотят, чтобы я организовал штыковую атаку? — презрительно проговорил О'Доннел.

Майкхилл вздохнул и уселся в кресло. Он был убежден, что вся затея в принципе порочна. Государственные эксперты шли по одному-единственному пути. Давление на них было столь велико, что нечего было и думать о поиске других путей, кроме применения силы. «Пиявке» же именно это и надо.

Майкхилл был уверен, что порой бороться огнем против огня — не лучший способ.

Огонь. Локи — скандинавский бог огня. И мошенников... Нет, ответ здесь вряд ли сыщешь. Но Майкхилл уже бродил мысленно по мифам разных народов, отвлекаясь от невыносимой действительности.

Вошел Аленсон, за ним еще шестеро.

— Итак, — сказал Аленсон, — есть отличная возможность расколоть нашу планету пополам.

— Война есть война, — коротко отрубил О'Доннел. — Итак, вперед?

И вдруг Майкхилл понял, что О'Доннела действительно не беспокоит, что будет с Землей. Багроволицего генерала волновало лишь то, что он устроит поистине небывалый взрыв, какого еще не устраивала рука человека.

— Не так быстро, — сказал Аленсон. — Пусть каждый выскажет свое собственное мнение.

— Помните, — прошипел генерал, — по вашим же собственным выкладкам «пиявка» прибавляет каждый час по двадцать футов.

— И скорость эта все время растет, — сказал Аленсон, — но решение, которое мы должны принять, слишком серьезно.

Майкхилл подумал о громах и молниях Зевса. Это сейчас как раз и необходимо. Или сила Геркулеса. Или...

От неожиданной мысли он выпрямился в кресле.

— Джентльмены, мне кажется, я могу предложить вам другое решение. Вы когда-нибудь слышали об Антее?

Чем больше она ела, тем быстрее росла, тем голоднее становилась. Многое теперь ожило в ее памяти. Когда-то она съела планету. Потом направилась к ближайшей звезде и сожрала ее, насытив клетки энергией для дальнего путешествия. Но больше

пищи поблизости не было, а следующая звезда горела безумно далеко.

Масса была превращена в энергию полета и растрачена на долгом пути.

Она стала безжизненной спорой, бесцельно летящей среди звезд.

Так было. Но только ли это было? Ей казалось, что она припоминает гораздо более ранние времена. Ей чудились вселенные той поры, когда они еще были равномерно наполнены звездами. Она прогрызала целые звездные коридоры, росла, разбухала. И звезды в ужасе шарахались в стороны, сбиваясь в испуганные галактики и созвездия.

Или ей все это приснилось?

Методично она пожирала Землю, удивляясь, куда же делась богатая, сытная пища. И вот пища снова была здесь, возле нее, но на этот раз сверху.

Она ждала, но мучительно притягивающая еда оставалась недосягаемой. О, как ясно она ощущала, насколько эта еда чиста и питательна.

Почему она не падает?

Наконец «пиявка» поднялась всей своей громадой и устремилась к ней сама.

Еда улетала от поверхности планеты. «Пиявка» последовала за ней.

Мучительно сладостный, дразнящий кусок улетал в космос, и она следовала за ним. Но в космосе она ощутила близость еще более богатого источника еды.

О'Доннел разносил ученым шампанское. Официальный обед должен состояться попозже, а пока необходимо отметить победу.

— Предлагаю выпить, — торжественно произнес генерал. Все подняли бокалы. Этого не сделал только лейтенант за пультом управления полетом ракеты. — За профессора Майкхилла, за то, что он придумал... как его, скажите-ка еще раз, Майкхилл.

— Антей, — Майкхилл медленно тянул шампанское, но чувства восторга не испытывал. — Антей, рожденный Геей, богиней Земли, от Посейдона, бога моря. Непобедимый богатырь. Каждый раз, когда Геркулес бросал его на Землю, он снова поднимался, полный новых сил. Пока Геркулес не оторвал его от матери.

Мориарти что-то бормотал себе под нос, быстро перебрасывая движок логарифмической линейки и что-то записывая. Аленсон молча пил, но и он выглядел не очень веселым.

— Поехали, что же вы нахохлились. — О'Доннел наливал еще и еще. — Потом досчитаете, бросьте. Сейчас надо выпить! — Он повернулся к оператору. — Как там дела?

Мысли Майкхилла вернулись к ракете. Снаряд с дистанционным управлением, до отказа набитый радиоактивными веществами. Он висел над «пиявкой», пока она не последовала за ним, поддавшись на приманку. Антей оторвался от матери-Земли и начал терять силы. Оператор так вел космический корабль, чтобы тот был все время поблизости от «пиявки», но в то же время она не могла им завладеть.

Корабль и «пиявка» летели навстречу Солнцу.

— Отлично, сэр, — отрапортовал оператор, — сейчас они уже внутри орбиты Меркурия.

— Господа, — сказал генерал, — я поклялся разнести эту штуку. Другим, более прямым способом, но это неважно. Главное — уничтожить. Разрушение иногда — священное дело. Сейчас это именно так, господа, и я счастлив.

— Поворачивайте корабль! — закричал вдруг Мориарти. Он был бледен как снег. — Поверните эту проклятую ракету!

Он потрясал перед их глазами листками с цифрами.

Цифры легко было разобрать. Скорость роста «пиявки». Скорость потребления ею энергии. Рост энергии, поступающей от Солнца, по мере приближения к нему.

— Она сожрет Солнце, — спокойно произнес Мориарти.

Комната превратилась в ад. Все шестеро одновременно пытались объяснить О'Доннелу, в чем дело. Потом Мориарти пытался один. И наконец Аленсон.

— Она так быстро растет, а скорость у нее такая маленькая и она поглощает так много энергии, что, когда она доберется до Солнца, размеры позволят ей с ним справиться. Или, по крайней мере, расправиться, побыв некоторое время с ним рядом.

О'Доннел повернулся к оператору и скомандовал:

— Заверните их!

Все в напряженном ожидании застыли перед экраном радара.

Пища неожиданно свернула с ее пути и скользнула в сторону. Впереди был огромный источник еды, но до него еще далеко. Другая пища повисла совсем рядом, мучительно близко.

Ближайший или далекий?

Все тело требовало: сейчас, немедленно.

Она двинулась к ближайшей порции, прочь от Солнца. Солнце никуда не денется.

Раздался вздох облегчения. Опасность была слишком реальна.

— В какой части неба они сейчас находятся? — спросил О'Доннел.

— Думаю, я смогу вам показать, — ответил астроном. — Где-то вон в той части, — показал он рукой, подойдя к открытой двери.

— Превосходно. Лейтенант! — О'Доннел обернулся к оператору. — Давайте!

Ученые остолбенели от неожиданности. Оператор поколдовал над пультом, и капля начала догонять точку. Майкхилл двинулся было через комнату к пульту.

— Стоп! — рявкнул генерал, его командирский голос остановил антрополога. — Я знаю, что делаю. Корабль специально для этого выстроен.

Капля на экране догнала точку.

— Я поклялся уничтожить «пиявку», — сказал О'Доннел. — Мы никогда не будем в безопасности, пока она жива. — Он улыбнулся. — Не посмотреть ли нам на небо?

Генерал направился к дверям. Молча все последовали за ним.

— Нажмите кнопку, лейтенант!

Оператор выполнил приказ. Все молча ждали.

В небе повисла яркая звезда. Ее блеск рассеял ночь, она росла, потом стала медленно гаснуть.

— Что вы сделали? — выдохнул Майкхилл.

— В ракете были водородные бомбы, — торжествующе пояснил О'Доннел. — Ну как, есть там что-нибудь на экране, лейтенант?

— Ни пылинки, сэр.

— Господа, — сказал генерал, — я встретил врага и победил. Выпьем шампанского, господа, у нас есть повод!

Майкхилл неожиданно почувствовал приступ тошноты.

Она содрогнулась от страшного потока энергии. Нечего было и думать удержать такую дозу. Долю секунды ее клетки еще сопротивлялись, затем перенасытились и были разорваны.

Она была уничтожена, растерта в порошок, раздроблена на миллионы частиц, которые тут же дробились еще на миллионы других. На споры.

Миллиарды спор летели во все стороны. Миллиарды.

Они хотели есть.

СКЛАД МИРОВ

Мистер Уэйн дошел до самого конца длинной и почти в рост человека насыпи из какого-то серого мусора и оказался перед Складом Миров. Он выглядел именно так, как описывали Уэйну друзья, — лачуга, построенная из обрезков досок, искореженных кузовов автомобилей, листов оцинкованного железа и нескольких рядов битого кирпича. Все это было покрашено водянистой голубой краской.

Мистер Уэйн обернулся и внимательно оглядел обширную щебенчатую равнину, чтобы убедиться, что за ним никто не следит. Он покрепче прижал локтем свой пакет, дрожа от собственной смелости, открыл дверь и вошел.

— Здравствуйте, — сказал хозяин.

Он тоже выглядел точно таким, как его описывали, — высокий

хитрый старик с узкими глазами и перекошенным ртом. Звали его Томпкинс. Старик сидел в древней качалке, на спинке которой примостился сине-зеленый попугай. В помещении склада стояли еще стул и стол. На столе лежал заржавленный медицинский шприц.

— О вашем складе мне рассказали друзья, — произнес мистер Уэйн.

— Тогда и цена вам известна, — отозвался Томпкинс. — Принесли?

— Да, — ответил мистер Уэйн, показывая сверток, — но сначала я хотел бы спросить...

— Все они сначала хотят спросить, — обратился Томпкинс к попугаю, который в ответ моргнул. — Валяйте спрашивайте.

— Я хочу знать, что именно происходит.

Томпкинс вздохнул:

— А происходит вот что. Вы платите мне мой гонорар. Я делаю вам укол, от которого вы теряете сознание. Затем с помощью неких приборов, которые у меня тут хранятся, я освобождаю ваше сознание.

Говоря это, Томпкинс улыбался и, казалось, его молчащий попугай — тоже.

— И что же происходит потом? — спросил мистер Уэйн.

— Ваше сознание, освобожденное от телесной оболочки, выберет один из бесконечного числа вероятностных миров, которые порождает Земля в каждую секунду своего существования.

Еще шире улыбаясь, Томпкинс поудобнее устроился в своей качалке и даже проявил признаки некоторого возбуждения.

— Да, дружище, хотя вы этого, скорей всего, и не подозреваете, но с того самого момента, как старушка Земля вышла из огненного солнечного чрева, она начала порождать параллельные вероятностные миры. Бесконечное число миров, возникающих под воздействием как самых великих, так и самых незначительных событий. Каждый Александр Македонский и каждая амеба рождают свои миры, подобные кругам, расходящимся по поверхности пруда, независимо от того, большой или маленький камень был брошен в воду. Разве не отбрасывает тень любой предмет? Понимаете, дружище, поскольку сама Земля существует в четырех измерениях, она отбрасывает трехмерные тени — чувственные отражения самой себя в каждое мгновение своего бытия. Миллионы, миллиарды земных шаров. Бесчисленное множество шаров! И ваше сознание, освобожденное мной, может выбрать любой из этих миров и жить в нем некоторое время.

Мистеру Уэйну стало противно — Томпкинс ораторствовал, как зазывала в цирке, рекламирующий несуществующие чудеса. Потом мистер Уэйн подумал, что в его собственной жизни произошли такие события, которые прежде показались бы ему неве-

роятными. Абсолютно невероятными! Что ж, может быть, и чудеса, обещанные Томпкинсом, окажутся все же возможными.

Мистер Уэйн сказал:

— Мои друзья говорили мне еще...

— ...что я просто-напросто шарлатан? — подхватил Томпкинс.

— Кое-кто из них намекал на такую возможность, — осторожно ответил мистер Уэйн, — но мне хотелось бы составить собственное мнение. Они говорили также...

— Знаю я, о чем болтали ваши друзья с их грязными мыслишками. Трепались про исполнение желаний. Вы об этом хотите спросить?

— Да, — сказал мистер Уэйн, — они говорили, что то, чего я хочу... что, чего бы я ни захотел...

— Верно, — перебил его Томпкинс. — А иначе эта штука и не сработает. Миров, среди которых можно выбирать, существует огромное множество. Выбор же производит ваше сознание, руководствуясь вашими же тайными желаниями. Именно эти потаенные, глубоко запрятанные желания и играют главную роль. Если в вас живет тайная мечта быть убийцей...

— О нет, разумеется, нет! — вскричал мистер Уэйн.

— ...то тогда вы попадете в мир, где сможете убивать, сможете купаться в крови, сможете переплюнуть маркиза де Сада, или Цезаря, или кому вы там еще поклоняетесь. Или, предположим, что вы жаждете власти. Тогда вы выберете мир, где в буквальном смысле будете богом. Может быть, кровавым Джаггернаутом, а может — всеведущим Буддой.

— Очень сомневаюсь, чтобы я...

— Есть еще и другие страстишки, — сказал Томпкинс. — Любые виды бездн и заоблачных вершин. Безудержная чувственность. Чревоугодие. Пьянство. Любовь. Слава. Все, что хотите.

— Потрясающе! — воскликнул мистер Уэйн.

— Да, — согласился Томпкинс. — Конечно, мой маленький перечень не исчерпывает всех возможностей, всех комбинаций и оттенков желаний. Как знать, может, вы предпочитаете простую, скромную, пасторальную жизнь на островах Южных морей, среди идеализированных туземцев?

— Это на меня больше похоже, пожалуй, — сказал мистер Уэйн с застенчивым смешком.

— Кто знает? — возразил Томпкинс. — Возможно, вам даже самому неизвестны ваши истинные страстишки. А между тем они способны привести вас к гибели.

— А это часто бывает? — обеспокоился мистер Уэйн.

— Время от времени.

— Мне бы не хотелось умереть, — заявил мистер Уэйн.

— Вероятность ничтожна, — ответил Томпкинс, косясь на сверток в руках мистера Уэйна.

— Ну, раз вы так говорите... Но откуда я знаю, что все это будет

в действительности? Ваш гонорар столь велик, что на него уйдет все мое имущество. Почем я знаю, может, вы просто дадите мне наркотик и все, что произойдет, мне просто приснится? Отдать все состояние за щепотку героина и жалкую лживую болтовню?!

Томпкинс успокаивающе улыбнулся:

— То, что происходит, нисколько не похоже на действие наркотиков. И на сон — тоже.

— Но если все это происходит в действительности, — раздраженно сказал мистер Уэйн, — то почему я не могу остаться в мире своих желаний навсегда?

— Над этим я сейчас и работаю, — ответил Томпкинс. — Вот почему мои гонорары так высоки. Нужны материалы, нужно экспериментировать. Я пытаюсь изыскать способ сделать переселение в вероятностный мир постоянным. Но пока мне никак не удается ослабить связи человека с его истинным миром, и они притягивают его обратно. Самым великим чудотворцам не разорвать этих связей — одна лишь смерть способна на это. И все же я надеюсь.

— Если получится — будет просто замечательно, — вежливо вставил мистер Уэйн.

— Еще бы! — вскричал Томпкинс с неожиданной горячностью. — Тогда я превращу свою жалкую лавчонку в ворота всеобщего исхода. Я сделаю пользование моим изобретением бесплатным, доступным для всех. Все люди смогут уйти в мир своих истинных желаний, в мир, к жизни в котором они действительно приспособлены, а это проклятое место останется крысам и червям.

Томпкинс оборвал себя на полуслове и вновь стал холоден, как лед.

— Боюсь, я немного увлекся. Пока я не могу предложить вам переселения с этой Земли навсегда. Во всяком случае такого, в котором не участвовала бы смерть. Возможно, я этого никогда не смогу. Сейчас я в состоянии предоставить вам только каникулы, перемену обстановки, вкус и запах другого мира и обозрение ваших тайных стремлений. Мой гонорар вам известен. Я возвращу его вам, если вы останетесь недовольны испытанным.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказал мистер Уэйн совершенно серьезно. — Но есть еще одна сторона, о которой мне тоже говорили друзья. Я потеряю десять лет жизни.

— Тут уж ничего не поделаешь, — ответил Томпкинс. — И их я вам вернуть не смогу. Изобретенный мною процесс требует страшного напряжения нервной системы и соответственно укорачивает жизнь. Это одна из причин, по которым наше так называемое правительство объявило мое дело противозаконным.

— Однако оно не очень-то решительно претворяет этот запрет в жизнь, — заметил мистер Уэйн.

— Да. Официально дело запрещено как опасное шарлатанство.

Но ведь чиновники тоже люди. Им так же хочется убежать с Земли, как и простым смертным.

— Но цена! — размышлял мистер Уэйн, крепко прижимая к груди свой сверток. — Да еще десять лет жизни! И все это за выполнение каких-то тайных желаний. Нет, надо еще подумать.

— Думайте, — безразлично отозвался Томпкинс.

Мистер Уэйн думал об этом по пути домой. Он размышлял о том же, когда его поезд подошел к станции Порт-Вашингтон на Лонг-Айленде. И ведя машину от станции к дому, он все еще думал о хитром старом лице Томпкинса, об отраженных мирах и об исполнении желаний.

Только когда он вошел в дом, эти мысли исчезли. Дженнет — его жена — тут же попросила его поговорить с прислугой, которая опять напилась. Сынишка Томми потребовал, чтобы ему помогли наладить парусную лодку, которую завтра полагалось спустить на воду. А маленькая дочурка все порывалась рассказать, как прошел день в ее детском садике.

Мистер Уэйн вежливо, но твердо поговорил с прислугой. Помог Томми покрыть дно лодки медной краской. Выслушал рассказ Пегги о приключениях на детской площадке. Позже, когда дети легли спать, а он и Дженнет остались в гостиной, она спросила, нет ли у него неприятностей.

— Неприятностей?

— Мне кажется, ты чем-то обеспокоен, — сказала Дженнет. — Много было работы в конторе?

— Да нет, как обычно.

Разумеется, ни Дженнет, ни кому-либо другому он не собирался говорить про то, что брал на день отпуск и ездил к Томпкинсу в этот идиотский Склад Миров. Не собирался он и разглагольствовать о праве настоящего мужчины на то, чтобы хоть разок в жизни удовлетворить свои потаенные желания. Дженнет с ее практическим умом не поняла бы его.

А потом началась горячка на работе. Уолл-стрит била паника из-за событий на Дальнем Востоке и в Азии, акции скакали вверх и вниз. Мистеру Уэйну приходилось очень много работать. Он старался не думать об исполнении желаний, на которые пришлось бы истратить все, что он имел, да еще десять лет жизни в придачу. Старик Томпкинс, должно быть, совсем спятил.

По субботам и воскресеньям они с Томми катались на лодке. Старая лодка вела себя прилично, и швы на дне почти не пропускали воды. Томми мечтал о новых парусах, но мистер Уэйн принужден был отказать ему. В будущем году — может быть, если, конечно, дела пойдут получше. А пока и старые сойдут.

Иногда ночью, когда дети засыпали, на лодке катались он и Дженнет. Лонг-Айленд-Саунд был прохладен и тих. Лодка, скользя мимо мигающих бакенов, плыла к огромной желтой луне.

— Я чувствую, что с тобой что-то происходит.

— Ну что ты, родная.

— Ты что-то таишь от меня.

— Ничего.

— Ты уверен? Совершенно уверен?

— Совершенно.

— Тогда обними меня крепче. Вот так...

И лодка плыла, не управляемая никем.

Страсть и ее утоление... Но пришла осень, и лодку вытащили на берег. Положение на бирже выровнялось, но Пегги подхватила корь. Томми задавал массу вопросов о разнице между обыкновенными бомбами, бомбами атомными, водородными, кобальтовыми и всякими прочими, о которых шумели радио и газеты. К тому же неожиданно ушла прислуга.

Тайные желания — это, конечно, любопытно. Возможно, он действительно втайне мечтал убить кого-нибудь или жить на островах Южных морей. Но ведь у него есть обязанности. Есть двое детей и жена, которой он явно не стоит.

Разве что после Рождества...

Но зимой из-за неисправности проводки загорелась комната для гостей. Пожарные погасили пламя, убыток был невелик, никто не пострадал, но пожар на время выбил всякие мысли о Томпкинсе. Сначала надо было отремонтировать комнату, так как мистер Уэйн очень гордился своим красивым старым домом.

Биржу все еще лихорадило в связи с международным положением. Ох уж эти русские, эти арабы, эти греки, эти китайцы... Межконтинентальные ракеты, атомные бомбы, спутники... Мистер Уэйн проводил в своей конторе долгие дни; а иногда и вечера. Томми заболел свинкой. Надо было перекрыть кусок крыши. А там подошло и время спускать лодку на воду.

Год прошел, а у него так и не нашлось времени, чтобы поразмыслить о своих тайных желаниях. Разве что в будущем году. А пока...

— Ну, — спросил Томпкинс, — все в порядке?

— Да, все в полном порядке, — ответил мистер Уэйн. Он встал со стула и потер лоб.

— Вернуть гонорар?

— Нет. Все было как надо.

— Ощущения никогда не подводят, — сказал Томпкинс, похабно подмигивая попугаю. — Что там у вас было?

— Мир недавнего прошлого, — ответил мистер Уэйн.

— Их тут полным-полно. Что ж, выяснили вы, какие такие у вас тайные страстишки? Поножовщина? Южные острова?

— Мне бы не хотелось обсуждать это, — ответил мистер Уэйн вежливо, но твердо.

— Почему-то никто не хочет со мной об этом говорить, — обиженно пробурчал Томпкинс. — Будь я проклят, если понимаю почему!

— Это потому... мне кажется, что мир потаенных желаний каж-

дого столь интимен... Я не хотел вас обидеть. Как вы думаете, удастся вам сделать это постоянным... Я имею в виду мир по выбору...

Старик пожал плечами:

— Пытаюсь. Если выйдет, вы услышите об этом. Все услышат.

— Это верно. — Мистер Уэйн развязал сверток и выложил на стол его содержимое. Там была пара армейских сапог, нож, два мотка медной проволоки, три маленькие банки говяжьей тушенки.

На мгновение глаза Томпкинса загорелись.

— Подходяще. Спасибо вам.

— До свидания, — сказал мистер Уэйн. — Это вам спасибо.

Мистер Уэйн вышел из лачуги и быстро пошел по серой гравийной насыпи. По обе ее стороны, насколько хватал глаз, лежали плоские россыпи обломков — серые, черные, бурые. Эти простирающиеся до горизонта равнины были прахом разбитых мертвых городов, обломками испепеленных деревьев, белою золою сожженных человеческих костей и плоти.

— Что ж, — сказал вслух мистер Уэйн, — во всяком случае, как аукнулось, так и откликнулось.

Этот год, проведенный в прошлом, отнял у него все, чем он владел. Туда же для ровного счета ушло и десять лет жизни. Может, это был сон? Все равно — он стоил того. Теперь надо только выбросить из головы мысли о Дженнет и ребятишках. С ними покончено навсегда, разве что Томпкинсу удастся улучшить свое изобретение. Надо думать лишь о том, как выжить самому.

С помощью наручного счетчика Гейгера он нащупал безопасный проход через развалины. Надо вернуться домой до наступления темноты, пока крысы еще не вышли из нор. Если не торопиться, он может пропустить вечернюю раздачу картошки.

СТРАЖ-ПТИЦА

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро, и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

— А, Чарли! — окликнул кто-то, когда он стал на пороге.

Другие тоже отвлеклись от разговора — ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. Коль скоро ты фабрикуешь страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, с кривой усмешкой сказал он себе. Весьма избранное общество. Если желаешь спасать род людской, изволь сперва получить государственный подряд.

— Представитель президента еще не пришел, — сказал Гелсену один из собравшихся. — Он будет с минуты на минуту.

— Нам дают зеленую улицу, — сказал другой.

— Отлично.

Гелсен сел поближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собрание или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности страж-птицы. Два его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом перезаряжающем устройстве.

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо, тоже пели хвалу страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень прямо, как подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немного плешивое.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником нового проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Макинтайру, своему главному инженеру: «Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все». И Макинтайр сосредоточенно кивал — еще один новообращенный.

Тогда казалось — это великолепно! Найдено простое и надежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющего металла, кристаллов и пластмассы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов, убийство — проблема, старая как мир, а страж-птица — решение, которому без году неделя.

— Джентльмены...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглолицый человек. А теперь разом наступила тишина.

— Джентльмены, — повторил он, — президент с согласия Конгресса предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе отряды страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. Итак, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя — тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же, как с телефонной связью, это в интересах общества. В поставках страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

— Президент надеется, — продолжал представитель, — что отряды страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все, что потребуется.

— Лично я рассчитываю выпустить первую партию не позже чем через неделю, — заявил председатель Южной объединенной компании. — У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серийному производству страж-птицы. Уже несколько месяцев, как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего слова президента.

— Превосходно, — заметил представитель. — Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

— Да, сэр, — сказал Гелсен. — Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

— Разумеется, она самая удачная.

— У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть приход золотого века?!

— В чем суть возражения? — спросил представитель президента.

— Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процентов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это значит оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

— Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого устройства страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

— Да, верно, — согласился Гелсен, ему было ужасно не по себе. Но он упрямо докончил: — А все-таки, я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно — доверить машине решать человеческие дела.

— Да бросьте вы, Гелсен, — сказал один из предпринимателей. — Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепит те решения, которые приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

— Думаю, вы правы, — вставил представитель президента. — Но я могу понять мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены вверять машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа остановить убийцу *прежде, чем он совершит убийство*. Если мы из философских соображений ограничим деятельность страж-птицы, это будет несправедливо в отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от рук убийц. Вы не согласны?

— Да в общем-то согласен, — уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было неспокойно. Надо бы потолковать об этом с Макинтайром.

Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся. Вот забавно! Уйма полицейских останется без работы!

— Ну, что вы скажете? — в сердцах молвил сержант Селтрикс. — Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной. — Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана. — Ай да наука!

Двое других полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

— Да ты не горюй, — сказал капитан. — Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

— Не пойму я, — жалобно сказал Селтрикс. — Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

— Не совсем так, — поправил капитан. — Считается, что страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совершиться.

— Тогда какое же это преступление? — возразил один из полицейских. — Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

— Не в том соль, — сказал капитан. — Считается, что страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

— Стало быть, никто его не арестует? — спросил Селтрикс.

— Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться, — признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

— Одного не пойму, — сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана. — Как они все это проделали? С чего началось?

Капитан испытующе на него посмотрел — не насмехается ли? Газеты уже сколько месяцев трубят про этих страж-птиц. А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете, кроме как в новости спорта, никуда не заглядывают.

— Да вот, — заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях, — эти самые ученые — они криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него тоже как-то по-особому действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину — как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде этого.

— Уче-о-ные, — с горечью протянул Селтрикс.

— Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают.

Она огромная, с места не сдвинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтоб лампочка загоралась. Тогда построили аппараты поменьше и испытали в некоторых полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытывали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смастерили страж-птицу.

— Так уж они и остановят убийц, — недоверчиво сказал полицейский.

— Ясно, остановят. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде этого. И он уже ничего не может.

— Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете? — спросил Селтрикс.

— Ну нет. Оставлю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

— Ха, костяк. Вот смех, — сказал Селтрикс.

— Ясно, оставлю, — повторил капитан. — Сколько-то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

— Что ж так?

— У некоторых убийц мозги не испускают таких волн, — пояснил капитан, пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье. — Или, может, у них железы не так работают, или вроде этого.

— Так это их, что ли, птицам не остановить? — из профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

— Не знаю. Но я слыхал, эти чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.

— Как же это?

— Они учатся. Сами страж-птицы. Прямо как люди.

— Вы что, за дурака меня считаете?

— Вовсе нет.

— Ладно, — сказал Селтрикс. — А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не больно я доверяю ученой братии.

— Вот это правильно.

— Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Алюминиевое тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на недвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств начеку. Встроенная аппаратура подсказывала страж-птице, где она находится, направляла

ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, выслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстротой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и химическими данными, заложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле.

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чуяла выделения неких желез, *ощущала* необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отсвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

— Не подходи!

— Ах ты, щенок! — рослый бакалейщик шагнул ближе. — Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломаю!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец — нимало не опасаясь револьвера, он надвигался на воришку.

— Ладно же! — выкрикнул насмерть перепуганный Динелли. — Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударил ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

— Что за черт? — изумился бакалейщик, тараща глаза на оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил серебряный блеск крыльев. — Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Эта новая информация мгновенно передалась всем другим страж-птицам, а их информация передалась ей.

Страж-птицы непрерывно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там доходит черед и до мелких городишек и поселков.

— Все идет как по маслу, шеф, — доложил с порога Макинтайр: он только что закончил обычный обход.

— Отлично. Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

— Мы уже немало времени занимаемся этим делом, — заметил Гелсен, не зная, с чего начать.

— Верно, — согласился Макинтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затянулся. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой страж-птицы. С тех пор прошло шесть лет. Все это время Макинтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

— Вот что я хотел спросить... — Гелсен запнулся. Никак не удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил: — Послушайте, Мак, что вы думаете о страж-птицах?

— Я-то? — Инженер усмехнулся. С того часа, как зародился первоначальный замысел, Макинтайр был неразлучен со страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и в голову не приходило как-то определять свое к ней отношение. — Да что, замечательная штука.

— Я не о том, — сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не хватало: чтобы хоть кто-то его понял. — Я хочу сказать, вам не кажется, что это опасно, когда машина думает?

— Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?

— Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и сбыть продукцию, а какова она — это уж ваша забота. Но я человек простой, и, честно говоря, страж-птица начинает меня пугать.

— Пугаться нечего.

— Не нравится мне это обучающееся устройство.

— Ну почему же? — Макинтайр снова усмехнулся. — А, понимаю. Так многие рассуждают, шеф: вы боитесь, вдруг ваши машинки проснутся и скажут — а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?

— Пожалуй, вроде этого, — признался Гелсен.

— Ничего такого не случится, — заверил Макинтайр. — Страж-птица — машинка сложная, верно, но Массачусетсский Электронный вычислитель куда сложнее. И все-таки у него нет разума.

— Да, но страж-птицы умеют *учиться*.

— Ну конечно. И все новые вычислительные машины тоже умеют. Так что же, по-вашему, они вступят в сговор со страж-птицами?

Гелсена взяла досада — и на Макинтайра, и еще того больше на самого себя: охота была смешить людей...

— Так ведь страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не контролирует.

— Значит, вот что вас беспокоит, — сказал Макинтайр.

— Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим, — сказал Гелсен (до последней минуты он сам этого не понимал).

— Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю как инженер?

— Ну-ка?

— Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или термометр. Разума и воли у нее не больше. Просто она так сконструирована, что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные действия.

— А обучающееся устройство?

— Без него нельзя, — сказал Макинтайр терпеливо, словно объяснял задачу малому ребенку. — Страж-птица должна пресекать всякое покушение на убийство — так? Ну, а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать им всем, страж-птице надо найти новые определения убийства и сопоставить их с теми, которые ей уже известны.

— По-моему, это против человеческой природы, — сказал Гелсен.

— Вот и прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя.

На столе у Гелсена зажужжал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону.

— Все это я знаю, — сказал он Макинтайру. — А все-таки иногда я чувствую себя как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится только, чтоб корчевать пни.

— Но вы-то не изобрели страж-птицу.

— Все равно я в ответе, раз я их выпускаю.

Опять зажужжал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку.

— Пришли отчеты о работе страж-птиц за первую неделю, — раздался голос секретаря.

— Ну и как?

— Великолепно, сэр!

— Пришлите мне их через четверть часа. — Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макинтайру; тот спичкой чистил ногти. — А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

— Я думаю, вам бы надо получше познакомиться со страж-птицей, шеф, — заметил Макинтайр. — Вы знаете, что собой представляет это обучающее устройство?

— Только в общих чертах.

— Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макинтайр закурил новую сигарету и продолжал:

— Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того есть еще два условия для аппарата самообуче-

ния. А именно, в-четвертых, некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер «три». В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер «два».

— Понимаю, — сказал Гелсен.

— Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.

— Да, наверно... — Гелсен замялся. — Что ж, пожалуй, все ясно.

— Вот и хорошо.

Инженер поднялся и вышел.

Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в страж-птице просто не может быть ничего опасного.

— Давайте отчеты, — сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила страж-птица. Уже смеркалось, но поодаль она видела другую страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допускать убийств...

Работы все прибавлялось. По незримой сети, связующей всех страж-птиц между собой, непрестанно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал! Две страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что, хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе.

Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислонясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одного человека. Этого человека надо убить. За что, почему — кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного — и не волнует, и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека. Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебросил револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился...

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся на ноги, огляделся и, щурясь сквозь застлавший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же! Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо страж-птица обязана охранять объект насилия — чего бы это ни стоило убийце.

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают превосходно. Число убийств уже сократилось вдвое и продолжает падать. В темных переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортплощадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Процветают мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно возместить, потерянную жизнь не вернешь.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о страж-птицах. Они и вправду делают дело, с которым люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагополучие.

В кабинет вошел Макинтайр. Молча остановился перед шефом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

— Что случилось, Мак? — спросил Гелсен.

— Одна страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающееся устройство страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

— Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

— Хорошо, — сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

Преступника привязали к стулу, приладили к ноге электрод.

— О-о, — простонал он, почти не сознавая, что с ним делают.

На бритую голову надвинули шлем, затянули последние ремни. Он все еще негромко стонал.

И тут в комнату влетела страж-птица. Откуда она появилась, никто не понял. Тюрьмы велики, стены их прочны, на всех дверях запоры и засовы, однако страж-птица проникла сюда...

Чтобы предотвратить убийство.

— Уберите эту штуку! — крикнул начальник тюрьмы и протянул руку к кнопке.

Страж-птица сбила его с ног.

— Прекрати! — заорал один из караульных и хотел сам нажать кнопку.

И повалился на пол рядом с начальником тюрьмы.

— Это же не убийство, дура чертова! — рявкнул другой караульный и вскинул револьвер, целясь в блестящую металлическую птицу, которая описывала круги под потолком.

Страж-птица оказалась проворнее, и его отшвырнуло к стене.

В комнате стало тихо. Немного погодя человек в шлеме захихикал. И снова умолк.

Страж-птица, чуть вздрагивая, повисла в воздухе. Она была начеку.

Убийство не должно совершиться!

Новые сведения мгновенно передавались всем страж-птицам. Никем не контролируемые, каждая сама по себе, тысячи страж-птиц восприняли эти сведения и начали поступать соответственно.

Не допускать, чтобы одно живое существо ломало, увечило, истязало другое существо или иным способом нарушало его жизнедеятельность. Дополнительный перечень действий, которые следует предотвращать.

— Но, пошла, окаянная! — заорал фермер Олистер и взмахнул кнутом.

Лошадь заартачилась, прянула в сторону, повозка затряслась и задребезжала.

— Пошла, сволочь! Ну!

Олистер снова замахнулся. Но кнут так и не опустился на лошадиную спину. Бдительная страж-птица почуяла насилие и свалила фермера наземь.

Живое существо? А что это такое? Страж-птицы собирали все новые данные, определения становились шире, подробнее. И понятно, работы прибавлялось.

Меж стволами едва виднелся олень. Охотник поднял ружье и тщательно прицелился.

Выстрелить он не успел.

Свободной рукой Гелсен отер пот со лба.

— Хорошо, — сказал он в телефонную трубку.

Еще минуту-другую он выслушивал льющийся по проводу поток брани, потом медленно опустил трубку на рычаг.

— Что там опять? — спросил Макинтайр.

Он был небрит, галстук развязался, ворот рубашки расстегнут.

— Еще один рыбак, — сказал Гелсен. — Страж-птицы не дают ему ловить рыбу, а семья голодает. Он спрашивает, что мы собираемся предпринять.

— Это уже сколько сотен случаев?

— Не знаю. Сегодняшнюю почту я еще не смотрел.

— Так вот, я уже понял, в чем наш просчет, — мрачно сказал Макинтайр.

У него было лицо человека, который в точности выяснил, каким образом он взорвал земной шар... но выяснил слишком поздно.

— Ну-ну, я слушаю.

— Все мы сошлись на том, что всякие убийства надо прекратить. Мы считали, что страж-птицы будут рассуждать так же, как и мы. А следовало точно определить все условия.

— Насколько я понимаю, нам самим надо было толком уяснить, что за штука убийство и откуда оно, а уж тогда можно было бы все как следует уточнить. Но если б мы это уяснили, так на что нам страж-птицы?

— Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

— А все-таки почему они мешают рыбакам? — спросил Гелсен.

— А почему бы и нет? Рыбы и звери — живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней — убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

— Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

— Это из Вашингтона, — ответил секретарь. — Я думал...

— Ладно, извините. — Гелсен снял трубку. — Да. Очень неприятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже распоряжусь.

И дал отбой.

— Коротко и ясно, — сказал он Макинтайру. — Предлагается временно прикрыть лавочку.

— Не так это просто, — возразил Макинтайр. — Вы же знаете, страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

— Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя примерно четверть всех своих птиц.

— Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры, — сказал Макинтайр.

— Прекрасно. Я счастлив, — с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразнее. Отвлеченные понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе — и понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство...

Металл и электроны рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? *Всякое* живое существо?

И страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немного, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний момент спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер. Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

— Почему их не выключают?! — в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там, на полу, лежал старший инженер. Он еще не оправился от шока.

— Вот он хотел выключить одну, — пояснил помощник. Он стиснул руки и едва сдерживал дрожь.

— Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

— Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше и не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать, что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем же отличается живое существо от неживых предметов. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы.

Поневоле они пришли к заключению, что они и сами — живые существа. Никто никогда не внушал им обратного. И, несомненно, они во многих отношениях действуют как живые организмы.

На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешно вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Макинтайра!

Сестра подала хирургу тампон.

— Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И вдруг заметил неладное.

— Кто впустил сюда эту штуку?

— Не знаю, — отозвалась сестра. Голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

— Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... Но недолго это ему удавалось.

Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

— Позвоните на фабрику! — распорядился хирург. — Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтобы над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без отдыха и без ремонта. Отдых и ремонт стали недостижимы — не может страж-птица допустить, чтобы ее — живое существо — убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу страж-птицы был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стало немыслимо. Но страж-птицу это не занимало. Она откликалась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был их источник.

После того как страж-птицы открыли, что они и сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему незачем было остерегаться. Ведь по всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздремнуть, — подумал он. Семь часов без передышки вел машину, не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стенке кабины.

— Ты что, сбесилась? — спросил он сердито. — Я ж только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают страж-птицы с непокорными упрямцами.

— Дура железная, — сказал он повисшей над ним механической птице. — Автомобиль не живой. Я вовсе не хочу его убить.

Но страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм. Ведь он из металла, как и сама страж-птица, не так ли? И при этом движется...

— Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии, — сказал Макинтайр, отодвигая груду спецификаций.

— А когда это будет? — осведомился Гелсен.

— Через полгода, через год. Для верности скажем — год.

— Год... — повторил Гелсен. — Тогда всему конец. Слыхали последнюю новость?

— Что такое?

— Страж-птицы решили, что Земля — живая. И не дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики, жуки, мухи, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

— Это я знаю, — сказал Макинтайр.

— А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок.

— Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе летит к чертям.

— Мешкать нельзя — это мягко сказано. Надо что-то делать немедля. — Гелсен закурил сигарету, уже тридцать пятую за этот день. — По крайней мере, я могу теперь заявить: «Говорил я вам!» Да вот беда — не утешает. Я так же виноват, как все прочие ослы — машинопоклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о страж-птицах.

— Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

— Всюду растет смертность, — сказал Гелсен. — Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

— Кролики мрут, — повторил Макинтайр. — В Австралии их почти не осталось.

— Почему? Что еще стряслось?

— Там объявился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

— Действуйте, — сказал Гелсен. — Изобретите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживее. Может, все вместе что-нибудь придумаете.

— Есть, — сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

— Ну, что я говорил? — воскликнул сержант Селтрикс и, ухмыляясь, поглядел на капитана. — Говорил я вам, что все ученые — психи?

— Я, кажется, не спорил, — заметил капитан.

— А все ж таки сомневались.

— Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай. У тебя работы невпроворот.

— Знаю. — Селтрикс вытащил револьвер, проверил, в порядке ли, и вновь сунул в кобуру. — Все наши парни вернулись, капитан?

— Все? — Капитан невесело засмеялся. — Да в нашем отделе теперь в полтора раза больше народу. Столько убийств еще никогда не бывало.

— Ясно, — сказал Селтрикс. — Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паукам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощание выпалил:

— Верно вам говорю, капитан, все машины — дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств — безнадежная затея! Но страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзываясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды. Люди быстро поняли, что может не понравиться страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки — оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было требование: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы число убийств и насилий над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Это было верно постольку, поскольку их определение убийства непрестанно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений. Но для страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние их методы несостоятельны. Простая логика. Если способ А не действует, испробуй способ В. Страж-птицы стали разить насмерть.

Чикагские бойни закрылись, и скот в хлевах издыхал с голоду, потому что фермеры Среднего Запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть страж-птиц не касалась, ведь она наступала оттого, что какие-то действия не совершились.

А их интересовали только действия, которые совершаются.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки: руки чесались сбить их метким выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чуяли намерения возможного убийцы и карали, не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбачьи лодки. Ведь рыбы — живые существа.

Фермеры плевались и сыпали проклятиями, и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки — живые, их надо защищать. И картофель с точки зрения страж-птицы — живое существо, ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равноценна убийству президента — с точки зрения страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже живые. Вполне логично, ведь страж-птицы — машины, и притом живые.

Помилуй вас Боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник — значит его убить. Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут, и он становится холодный.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево. Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорбление действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удавалось — страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная сила, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

— Прошу вас, джентльмены! — взмолился представитель президента. — Нам нельзя терять время.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

— Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать, — заявил председатель компании Монро. — Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Гелсен пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколько недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира.

Теперь, когда спасение не удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

— Прошу вас об этом не беспокоиться, — заговорил представитель президента. — Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помогать в критический час. Итак, вам предоставляются все права и возможности — план намечен, проводите его в жизнь!

— Одну минуту! — сказал Гелсен.

— У нас каждая минута на счету.

— Этот план не годится.

— По-вашему, он невыполним?

— Еще как выполним. Только, боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что они рады бы его придушить. Но он не смутился.

— Неужели мы ничему не научились? — спросил он. — Неужели вы не понимаете: человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

— Мистер Гелсен, — прервал председатель компании Монро. — Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете, но, к несчастью, пока что людей убивают. Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со страж-птицей надо покончить — и немедленно!

— С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный!

— А что вы предлагаете? — спросил представитель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

— Подождем, пока страж-птицы сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель президента с трудом водворил тишину.

— Пускай эта история будет нам уроком, — уговаривал Гелсен. — Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сызнова. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

— Это просто смешно, — сухо сказал представитель. — Вы переутомились, мистер Гелсен. Постарайтесь взять себя в руки. — Он откашлялся. — Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный вами план. — Он пронзил взглядом Гелсена. — Отказ равносилен государственной измене.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Гелсен.

— Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мерещится? И, конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма износились и разгладились. Но она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремилась на выручку.

И тотчас ощутила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врага поразит шок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насквозь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды. Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть собратьям. Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, самая убийственная!

По всей стране страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

— Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук, — сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

— Великолепно, — отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

— Не так уж великолепно. — Инженер опустился на стул. — Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

— Знаю, — сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересылал их правительству.

— Думаю, они скоро наверстают, — пообещал Макинтайр. — Эти Ястребы отлично приспособлены для охоты на страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

— Да уж...

— Но и страж-птицы тоже недурны, — прибавил Макинтайр. — Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

— Но все, что могут страж-птицы, Ястребы могут еще лучше, — весело продолжал Макинтайр. — В них заложено обучающееся

устройство специально для охоты. Они более гибки, чем страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто. Гелсен посмотрел в окно и вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

— Послушайте, — спросил он, все еще глядя в небо, — а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех страж-птиц?

— То есть как? — растерялся Макинтайр. — Н-ну... так ведь...

— Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

— А вы думаете...

— Я знаю одно: Ястреб — механизм самоуправляющийся. Так же как и страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять страж-птицей на расстоянии, она будет слишком медлительна. Заботились только об одном: получить эту самую страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

— Может, мы теперь что-нибудь придумаем, — неуверенно сказал Макинтайр.

— Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-неволей придется сделать еще более самостоятельной — так?

Макинтайр молчал.

— Я вас не виню, — сказал Гелсен. — Это моя вина. Все мы в ответе, все до единого.

За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

— Вот что получается, — сказал Гелсен. — А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней многому научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать. Сейчас оно было направлено против совершенно определенного вида живых существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.

ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

— Славное местечко, правда, капитан? — с нарочитой небрежностью сказал Симмонс, глядя в иллюминатор. — С виду прямо рай.

И он зевнул.

— Выходить вам еще рано, — ответил капитан Килпеппер и увидел, как вытянулась физиономия разочарованного биолога.

— Но, капитан...

— Нет.

Килпеппер поглядел в иллюминатор на волнистый луг. Трава, усеянная алыми цветами, казалась такой же свежей, как два дня назад, когда корабль совершил посадку. Правее луга пестрел желтыми и оранжевыми соцветиями коричневый лес. Левее вставали холмы, в их окрасе перемежались оттенки голубого и зеленого. С невысокой горы сбегал водопад.

Деревья, цветы и прочее. Что и говорить, недурно выглядит планета, и как раз поэтому Килпеппер ей не доверяет. На своем веку он сменил двух жен и пять новехоньких кораблей и по опыту знал, что за очаровательной внешностью может скрываться всякое. А пятнадцать лет космических полетов прибавили ему морщин на лбу и седины в волосах, но не дали никаких оснований отказаться от этого недоверия.

— Вот отчеты, сэр.

Помощник капитана Мориней подал Килпепперу пачку бумаг. На широком, грубо вылепленном лице Моринея — нетерпение. Килпеппер услыхал, как за дверью шепчутся и переминаются с ноги на ногу. Он знал, там собралась команда, ждет, что он скажет на этот раз.

Всем до смерти хочется выйти наружу.

Килпеппер перелистал отчеты. Все то же, что в предыдущих четырех партиях. Воздух пригоден для дыхания и не содержит опасных микроорганизмов; бактерий никаких, радиация отсутствует. В соседнем лесу есть какие-то животные, но пока они себя никак не проявляли. Показания приборов свидетельствуют, что на несколько миль южнее имеется большая масса металла, возможно, в горах скрыто богатое рудное месторождение. Надо обследовать подробнее.

— Все прекрасно, — с огорчением сказал Килпеппер. Отчеты вызывали у него неясную тревогу. По опыту он знал — с каждой планетой что-нибудь да неладно. И лучше выяснить это с самого начала, пока не стряслось беды.

— Может, нам выйти, сэр? — стоя навытяжку, спросил коротышка Мориней.

Килпеппер прямо почувствовал, как команда за дверью затаила дыхание.

— Не знаю. — Килпеппер почесал в затылке, пытаясь найти предлог для нового отказа. Наверняка тут что-нибудь да неладно. — Хорошо, — сказал он наконец. — Покуда выставьте полную охрану. Выпустите четверых. Дальше двадцати пяти футов от корабля не отходить.

Хочешь не хочешь, а людей надо выпустить. Иначе после шестнадцати месяцев полета в жаре и в тесноте они просто взбунтуются.

— Слушаю, сэр! — и помощник капитана выскочил за дверь.

— Полагаю, это значит, что и ученым можно выйти, — сказал Симмонс, сжимая руки в карманах.

— Конечно, — устало ответил Килпеппер. — Я иду с вами. В конце концов, если наша экспедиция и погибнет, невелика потеря.

После шестнадцати месяцев в затхлой, искусственно возобновляемой атмосфере корабля воздух безымянной планеты был упоительно сладок. С гор налетал несильный свежий бодрящий ветерок.

Капитан Килпеппер скрестил руки на груди, пытливо принюхался. Четверо из команды бродили взад-вперед, разминали ноги, глубоко, с наслаждением вдыхали эту свежесть. Ученые сошлись в кружок, гадая, с чего начинать. Симмонс нагнулся, сорвал травинку.

— Странная штука, — сказал он, разглядывая травинку на свет.

— Почему странная? — спросил, подходя, Килпеппер.

— А вот посмотрите. — Худощавый биолог поднял травинку повыше. — Все гладко. Никаких следов клеточного строения. Нука, поглядим... — он наклонился к красному цветку.

— Эй! К нам гости! — космонавт по фамилии Флинн первым заметил туземцев. Они вышли из леса и рысцой направились по лугу к кораблю.

Капитан Килпеппер быстро глянул на корабль. Охрана у орудий начеку. Для верности он тронул оружие на поясе и остановился в ожидании.

— Ну и ну! — пробормотал Эреймик.

Лингвист экспедиции, он рассматривал приближающихся туземцев с чисто профессиональным интересом. Остальные земляне просто таращили глаза.

Первым шагало существо с жирафьей шеей не меньше восьми футов в вышину, но на коротких и толстых бегемотьих ногах. У него была веселая, приветливая физиономия. И фиолетовая шкура в крупный белый горошек.

За ним следовали пять белоснежных зверьков размером с терьера, у этих вид был важный и глуповатый. Шествие заключал толстячок красного цвета с длиннейшим, не меньше шестнадцати футов, зеленым хвостом.

Они остановились перед людьми и поклонились. Долгая минута прошла в молчании, потом раздался взрыв хохота.

Казалось, хохот послужил сигналом. Пятеро белых малышей вскочили на спину жирафопотама. Посуетились минуту, потом взобрались друг дружке на плечи. И еще через минуту вся пятерка вытянулась вверх, удерживая равновесие, точь-в-точь цирковые акробаты.

Люди бешено зааплодировали.

И сейчас же красный толстячок начал раскачиваться, стоя на хвосте.

— Браво! — крикнул Симмонс.

Пять мохнатых зверьков спрыгнули с жирафьей спины и принялись плясать вокруг зеленохвостого красного поросенка.

— Ура! — крикнул Моррисон, бактериолог.

Жирафопотам сделал неуклюжее сальто, приземлился на одно ухо, кое-как поднялся на ноги и низко поклонился.

Капитан Килпеппер нахмурился, крепко потер руки. Он пытался понять, почему туземцы так странно себя ведут.

А те запели. Мелодия странная, но ясно, что это песня. Так они музицировали несколько секунд, потом раскланялись и начали кататься по траве.

Четверо из команды корабля все еще аплодировали. Эреймик достал записную книжку и записывал звуки, которые издавали туземцы.

— Ладно, — сказал Килпеппер. — Команда, на борт.

Четверо посмотрели на него с упреком.

— Дайте и другим поглядеть, — сказал капитан.

И четверо нехотя гуськом поплелись к люку.

— Надо думать, вы хотите еще к ним присмотреться, — сказал Килпеппер ученым.

— Разумеется, — ответил Симмонс. — Никогда не видел ничего подобного.

Килпеппер кивнул и вернулся в корабль. Навстречу уже выходила другая четверка.

— Мориней! — закричал капитан. Помощник влетел в рубку. — Подите поищите, что там за металл. Возьмите с собой одного из команды и все время держите с нами связь по радио.

— Слушаю, сэр, — Мориней широко улыбнулся. — Приветливый тут народ, правда, сэр?

— Да, — сказал Килпеппер.

— Славная планетка, — продолжал помощник.

— Да.

Мориней пошел за снаряжением.

Капитан Килпеппер сел и принялся гадать, что же неладно на этой планете.

Почти весь следующий день он провел, разбираясь в новых отчетах. Под вечер отложил карандаш и пошел пройтись.

— Найдется у вас минута, капитан? — спросил Симмонс. — Хочу показать вам кое-что в лесу.

Килпеппер по привычке что-то проворчал, но пошел за биологом. Ему и самому любопытно было поглядеть на этот лес.

По дороге к ним присоединились трое туземцев. Эти очень по-

ходили на собак, только вот окраска не та —все трое красные в белую полоску, точно леденцы.

— Ну вот, — сказал Симмонс с плохо скрытым нетерпением, — поглядите кругом. Что тут, по-вашему, странного?

Капитан огляделся. Стволы у деревьев очень толстые, и растут они далеко друг от друга. Так далеко, что между ними видна следующая прогалина.

— Что ж, — сказал Килпеппер, — тут не заблудишься.

— Не в том дело, — сказал Симмонс. — Смотрите еще.

Килпеппер улыбнулся. Симмонс привел его сюда, потому что капитан для него куда лучший слушатель, чем коллеги-ученые, те заняты каждый своим.

Позади прыгали и резвились трое туземцев.

— Тут нет подлеска, — сказал Килпеппер, когда они прошли еще несколько шагов.

По стволам деревьев карабкались вверх какие-то вьющиеся растения, все в многочисленных цветах. Откуда-то слетела птица, на миг повисла, трепеща крылышками, над головой одной из красно-белых, как леденец, собак и улетела.

Птица была серебряная с золотом.

— Ну как, не замечаете, что тут неправильно? — нетерпеливо спросил Симмонс.

— Только очень странные краски, — сказал Килпеппер. — А еще что не так?

— Посмотрите на деревья.

Деревья увешаны были плодами. Все плоды висели гроздьями на самых нижних ветках и поражали разнообразием красок, форм и величины. Были такие, что походили на виноград, а другие — на бананы, и на арбузы, и...

— Видно, тут множество разных сортов, — наугад сказал Килпеппер, он не очень понимал, на что Симмонс хочет обратить его внимание.

— Разные сорта! Да вы присмотритесь. Десять совсем разных плодов растут на одной и той же ветке.

И в самом деле, на каждом дереве — необыкновенное разнообразие плодов.

— В природе так не бывает, — сказал Симмонс. — Конечно, я не специалист, но точно могу определить, что это плоды совсем разных видов, между ними нет ничего общего. Это не разные стадии развития одного вида.

— Как же вы это объясняете? — спросил Килпеппер.

— Я-то объяснять не обязан, — усмехнулся биолог. — А вот какой-нибудь бедняга ботаник хлопот не оберется.

Они повернули назад к кораблю.

— Зачем вы пошли сюда, в лес? — спросил капитан.

— Я? Кроме основной работы, я немножко занимаюсь антро-

пологией. Хотел выяснить, где живут наши новые приятели. Не удалось. Не видно ни дорог, ни какой-либо утвари, ни расчищенных участков земли, ничего. Даже пещер нет.

Килпеппера не удивило, что биолог на досуге занимается еще и антропологическими наблюдениями. В такую экспедицию, как эта, невозможно взять специалистов по всем отраслям знания. Первая забота — о жизни самих астронавтов, значит, нужны люди, сведущие в биологии и в бактериологии. Затем — язык. А уж потом ценятся познания в ботанике, экологии, психологии, социологии и прочее. Когда они подошли к кораблю, кроме прежних животных — или туземцев, — там оказалось еще восемь или девять птиц. Все тоже необычайно яркой раскраски — в горошек, в полоску, пестрые. Ни одной бурой или серой.

Помощник капитана Мориней и член команды Флинн выбрались на опушку леса и остановились у подножия невысокого холма.

— Что, надо лезть в гору? — со вздохом спросил Флинн, на спине он тащил громоздкую фотокамеру.

— Придется, стрелка велит, — Мориней ткнул пальцем в циферблат. — Прибор показывает, что как раз за гребнем холма есть большая масса металла.

— Надо бы в полет брать с собой автомашины, — сказал Флинн, сгибаясь, чтобы не так тяжело было подниматься по некрутому склону.

— Ага, или верблюдов.

Над ними пикировали, парили, весело щебетали красные с золотом пичуги. Ветерок колыхал высокую траву, мягко напевал в листве недальнего леса. За ними шли двое туземцев. Оба очень походили на лошадей, только шкура у них была в белых и зеленых крапинах. Одна лошадь галопом пустилась по кругу, центром круга оказался Флинн.

— Чистый цирк! — сказал он.

— Ага, — подтвердил Мориней.

Они поднялись на вершину и начали было спускаться. И вдруг Флинн остановился.

— Смотри-ка!

У подножия холма стояла тонкая прямая металлическая колонна. Оба вскинули головы. Колонна вздымалась выше, вершину ее скрывали облака.

Они поспешно спустились с холма и стали осматривать колонну. Вблизи она оказалась солиднее, чем подумалось с первого взгляда. Около двадцати футов в поперечнике, прикинул Мориней. Металл голубовато-серый, похоже на сплав вроде стали, решил он. Но, спрашивается, какой сплав может выдержать при такой вышине?

— Как, по-твоему, далеко до этих облаков? — спросил он.

Флинн задрал голову.

— Кто его знает, добрых полмили. А может, и вся миля.

При посадке колонну не заметили за облаками, да притом, голубовато-серая, она сливалась с общим фоном.

— Невозможная штука, — сказал Мориней. — Любопытно, какая сила сжатия в этой махине?

Оба в почтительном испуге уставились на исполинскую колонну.

— Что ж, — сказал Флинн, — буду снимать.

Он спустил с плеч камеру, сделал три снимка на расстоянии в двадцать футов, потом, для сравнения, снял рядом с колонной Моринея. Следующие три снимка он сделал, направив объектив кверху.

— По-твоему, что это такое? — спросил Мориней.

— Это пускай наши умники соображают, — сказал Флинн. — У них, пожалуй, мозга за мозгу заскочит. — И опять взвалил камеру на плечи. — А теперь надо топать обратно. — Он взглянул на зеленых с белым лошадей. — Приятней бы, конечно, верхом.

— Ну-ну, валяй, сломишь себе шею, — сказал Мориней.

— Эй, друг, поди сюда, — позвал Флинн.

Одна из лошадей подошла и опустилась подле него на колени. Флинн осторожно забрался ей на спину. Уселся верхом и ухмыляясь поглядел на Моринея.

— Смотри не расшиби аппарат, — предостерег Мориней, — это государственное имущество.

— Ты славный малый, — сказал Флинн лошади. — Ты умница.

Лошадь поднялась на ноги и улыбнулась.

— Увидимся в лагере, — сказал Флинн и направил своего коня к холму.

— Погоди минутку, — сказал Мориней. Хмуро поглядел на Флинна, потом поманил вторую лошадь. — Поди сюда, друг.

Лошадь опустилась подле него на колени, и он уселся верхом.

Минуту-другую они на пробу ездили кругами. Лошади повиновались каждому прикосновению. Их широкие спины оказались на диво удобными. Одна красная с золотом пичужка опустилась на плечо Флинна.

— Ого, вот это жизнь, — сказал Флинн и похлопал своего коня по шелковистой шее. — Давай к лагерю. Мориней, кто доскачет первым?

— Давай, — согласился Мориней.

Но как ни подбадривали они коней, те не желали переходить на рысь и двигались самым неспешным шагом.

Килпеппер сидел на корточках возле корабля и наблюдал за работой Эреймика. Лингвист был человек терпеливый. Его сестры всегда удивлялись братнину терпению. Коллеги неизменно

воздавали хвалу этому его достоинству, а в годы, когда он преподавал, его за это ценили студенты. И теперь ему понадобились все запасы выдержки, накопленные за шестнадцать лет.

— Хорошо, попробуем еще раз, — сказал Эреймик спокойнейшим тоном. Перелистал «Разговорник для общения с инопланетянами второго уровня разумности» (он сам же и составил этот разговорник), нашел нужную страницу и показал на чертеж.

Животное, сидящее рядом с Эреймиком, походило на невообразимую помесь бурундука с гималайским медведем пандой. Одним глазом оно покосилось на чертеж. Другой глаз нелепо вращался в глазнице.

— Планета, — сказал Эреймик и показал пальцем. — Планета.

Подошел Симмонс.

— Извините, капитан, я хотел бы тут поставить рентгеновский аппарат.

— Пожалуйста.

Килпеппер подвинулся, освобождая биологу место для его снаряжения.

— Планета, — повторил Эреймик.

— Элам весел холам крам, — приветливо пробормотал бурундук-панда.

Черт подери, у них есть язык. Они произносят звуки, несомненно, что-то означающие. Стало быть, надо только найти почву для взаимопонимания. Овладели ли они простейшими отвлеченными понятиями? Эреймик отложил книжку и показал пальцем на бурундука-панду.

— Животное, — сказал он и посмотрел выжидательно.

— Придержи его, чтоб не шевелился, — попросил Симмонс и навел на туземца рентгеновский аппарат. — Вот так, хорошо. Еще несколько снимков.

— Животное, — с надеждой повторил Эреймик.

— Ифул бифул бокс, — сказало животное. — Хофул тофул локс, рамадан, самдуран, ифул бифул бокс.

Терпение, напомнил себе Эреймик. Держаться уверенно. Бодрее. Не падать духом.

Он взял другой справочник. Этот назывался «Разговорник для общения с инопланетянами первого уровня разумности».

Он отыскал нужную страницу и отложил книжку. С улыбкой поднял указательный палец.

— Один, — сказал он.

Животное подалось вперед и понюхало палец.

Эреймик хмуро улыбнулся, выставил второй палец.

— Два, — сказал он. И, выставив третий палец: — Три.

— Углекс, — неожиданно заявило животное.

Так они обозначают число «один»?

— Один, — еще раз сказал Эреймик и опять показал указательный палец.

— Вересеревеф, — благодушно улыбаясь, ответило животное.

Неужели это — еще одно обозначение числа «один»?

— Один, — снова сказал Эреймик.

— Севеф хевеф улуд крам, араган, билаган, хомус драм, — запел бурундук-панда.

Потом поглядел на трепыхающиеся под ветерком страницы «Разговорника» и опять перевел взгляд на лингвиста, который с замечательным терпением подавил в себе желание придушить этого зверя на месте.

Когда вернулись Мориней с Флинном, озадаченный капитан Килпеппер стал разбираться в их отчете. Пересмотрел фотографии, старательно, в подробностях изучая каждую.

Металлическая колонна — круглая, гладкая, явно искусственного происхождения. От народа, способного сработать и воздвигнуть такую штуку, можно ждать неприятностей. Крупных неприятностей.

Но кто поставил здесь эту колонну? Уж, конечно, не веселое глупое зверье, которое вертится вокруг корабля.

— Так вы говорите, вершина колонны скрыта в облаках? — переспросил Килпеппер.

— Да, сэр, — сказал Мориней. — Этот чертов шест, наверно, вышиной в целую милю.

— Возвращайтесь туда, — распорядился капитан. — Возьмите с собой радар. Возьмите что надо для инфракрасной съемки. Мне нужен снимок верха этой колонны. Я хочу знать точно, какой она вышины и что там наверху. Да побыстрей.

Флинн и Мориней вышли из рубки.

Килпеппер с минуту рассматривал еще не просохшие снимки, потом отложил их. Одолеваемый смутными опасениями, прошел в корабельную лабораторию. Какая-то бессмысленная планета, вот что тревожно. На горьком опыте Килпеппер давно убедился: во всем на свете есть та или иная система. Если ее вовремя не обнаружишь, тем хуже для тебя.

Бактериолог Моррисон был малорослый унылый человечек. Сейчас он казался просто придатком к своему микроскопу.

— Что-нибудь обнаружили? — спросил Килпеппер.

Моррисон поднял голову, прищурился и замигал.

— Обнаружил полное отсутствие кое-чего, — сказал он. — Обнаружил отсутствие черт знает какой прорвы кое-чего.

— То есть?

— Я исследовал образцы цветов, — сказал Моррисон, — и образцы почвы, брал пробы воды. Пока ничего определенного, но наберитесь храбрости.

— Набрался. А в чем дело?

— На всей планете нет никаких бактерий.

— Вот как? — только и нашелся сказать капитан. Новость не показалась ему такой уж потрясающей. Но по лицу и тону бактериолога можно было подумать, будто вся планета состоит из зеленого сыра.

— Да, вот так. Вода в ручье чище дистиллированной. Почва на этой планете стерильней прокипяченного скальпеля. Единственные микроорганизмы — те, что привезли с собой мы. И они вымирают.

— Каким образом?

— В составе здешней атмосферы я нашел три дезинфицирующих вещества, и, наверное, есть еще десяток, которых я не обнаружил. То же с почвой и с водой. Вся планета стерилизована!

— Ну и ну, — сказал Килпеппер. Он не вполне оценил смысл этого сообщения. Его все еще одолевала тревога из-за стальной колонны. — А что это, по-вашему, означает?

— Рад, что вы спросили, — сказал Моррисон. — Да, я очень рад, что вы об этом спросили. А означает это просто-напросто, что такой планеты не существует.

— Бросьте.

— Я серьезно. Без микроорганизмов никакая жизнь невозможна. А здесь отсутствует важное звено жизненного цикла.

— Но планета, к несчастью, существует, — Килпеппер мягко повел рукой вокруг. — Есть у вас какие-нибудь другие теории?

— Да, но сперва я должен покончить со всеми образцами. Хотя кое-что я вам скажу, может быть, вы сами подберете этому объяснение.

— Ну-ка.

— Я не нашел на этой планете ни одного камешка. Строго говоря, это не моя область, но ведь каждый из нас, участников экспедиции, в какой-то мере мастер на все руки. Во всяком случае, я кое-что смыслю в геологии. Так вот, я нигде не видал ни единого камешка или булыжника. Самый маленький, по моим расчетам, весит около семи тонн.

— Что же это означает?

— А, вам тоже любопытно? — Моррисон улыбнулся. — Прошу извинить, мне надо успеть до ужина закончить исследование образцов.

Перед самым заходом солнца были проявлены рентгеновские снимки всех животных. Капитана ждало еще одно странное открытие. От Моррисона он уже слышал, что планета, на которой

они находятся, существовать не может. Теперь Симмонс заявил, что не могут существовать здешние животные.

— Вы только посмотрите на снимки, — сказал он Килпепперу. — Смотрите. Видите вы какие-нибудь внутренние органы?

— Я плохо разбираюсь в рентгеновских снимках.

— А вам и незачем разбираться. Просто смотрите.

На снимках видно было немного костей и два-три каких-то органа. На некоторых можно было различить следы нервной системы, но большинство животных словно бы состояло из однородного вещества.

— Такого внутреннего строения и на дождевого червя не хватит, — сказал Симмонс. — Невозможная упрощенность. Нет ничего, что соответствовало бы легким и сердцу. Нет кровообращения. Нет мозга. Нервной системы кот наплакал. А когда есть какие-то органы, в них не видно ни малейшего смысла.

— И ваш вывод...

— Эти животные не существуют, — весело сказал Симмонс.

В нем было сильно чувство юмора, и мысль эта пришлась ему по вкусу. Забавно будет напечатать научную статью о несуществующем животном.

Мимо, вполголоса ругаясь, шел Эреймик.

— Удалось разобраться в их наречии? — спросил Симмонс.

— Нет! — выкрикнул Эреймик, но тут же смутился и покраснел. — Извините. Я их проверял на всех уровнях разумности, вплоть до класса ББ-3. Это уровень развития амебы. И никакого отклика.

— Может быть, у них совсем отсутствует мозг? — предположил Килпеппер.

— Нет. Они способны проделывать цирковые трюки, а для этого требуется некоторая степень разумности. У них есть какое-то подобие речи и явная система рефлексов. Но что им ни говори, они не обращают на тебя внимания. Только и знают, что поют песенки.

— По-моему, всем нам надо поужинать, — сказал капитан. — И, пожалуй, не помешает глоток-другой подкрепляющего.

Подкрепляющего за ужином было вдоволь. После полудюжины глотков ученые несколько пришли в себя и смогли наконец рассмотреть кое-какие предположения. Они сопоставили полученные данные.

Установлено: туземцы — или животные — лишены внутренних органов, систем размножения и пищеварения. Налицо не менее трех дюжин разных видов, и каждый день появляются новые.

То же относится к растениям.

Установлено: планета свободна от каких-либо микробов — явление из ряда вон выходящее — и сама себя поддерживает в состоянии стерильности.

Установлено: у туземцев имеется язык, но они явно не способны кого-либо ему научить. И сами не могут научиться чужому языку.

Установлено: нигде вокруг нет мелких или крупных камней.

Установлено: имеется гигантская стальная колонна высотой не меньше полумили, точнее удастся определить, когда будут проявлены новые снимки. Никаких следов машинной цивилизации не обнаружено, однако эта колонна явно продукт такой цивилизации. Стало быть, кто-то эту колонну сработал и здесь поставил.

— Сложите все факты вместе — и что у вас получится? — спросил Килпеппер.

— У меня есть теория, — сказал Моррисон. — Красивая теория. Хотите послушать?

Все сказали, что хотят, промолчал один Эреймик, он все еще маялся от того, что не сумел расшифровать язык туземцев.

— Как я понимаю, эта планета кем-то создана искусственно. Иначе не может быть. Ни одно племя не может развиться без бактерий. Планету создали существа, обладающие высочайшей культурой, те же, что воздвигли тут стальную колонну. Они сделали планету для этих животных.

— Зачем? — спросил Килпеппер.

— Вот в этом-то и красота, — мечтательно сказал Моррисон. — Чистый альтруизм. Поглядите на туземцев. Беззаботные, игривые. Не знают никакого насилия, свободны от каких-либо дурных привычек. Разве они не заслуживают отдельного мира? Мира, где им можно играть и резвиться и где всегда лето?

— И правда, очень красиво, — сказал Килпеппер, сдерживая усмешку. — Но...

— Здешний народ — напоминание, — продолжал Моррисон. — Весть всем, кто попадет на эту планету, что разумные существа могут жить в мире.

— У вашей теории есть одно уязвимое место, — возразил Симмонс. — Эти животные не могли развиться естественным путем. Вы видели рентгеновские снимки.

— Да, верно, — мечтатель в Мориссоне вступил в короткую борьбу с биологом и потерпел поражение. — Может быть, они роботы.

— Вот это, по-моему, и есть объяснение, — сказал Симмонс. — Как я понимаю, то же племя, которое создало стальную колонну, создало и этих животных. Это слуги, рабы. Знаете, они, пожалуй, даже думают, что мы и есть их хозяева.

— А куда девались настоящие хозяева? — спросил Моррисон.

— Почем я знаю, черт возьми? — сказал Симмонс.

— И где эти хозяева живут? — спросил Килпеппер. — Мы не обнаружили ничего похожего на жилье.

— Их цивилизация ушла так далеко вперед, что они не нуждаются в машинах и домах. Их жизнь непосредственно слита с природой.

— Тогда на что им слуги? — безжалостно спросил Моррисон. — И зачем они построили эту колонну?

В тот вечер готовы были новые снимки стальной колонны, и ученые жадно принялись их исследовать. Высота колонны оказалась около мили, вершину скрывали плотные облака. Наверху, по обе стороны, под прямым углом к колонне выдавались длинные, в восемьдесят пять футов выступы.

— Похоже на наблюдательный пункт, — сказал Симмонс.

— Что они могут наблюдать на такой высоте? — спросил Моррисон. — Там, кроме облаков, ничего не увидишь.

— Может быть, они любят смотреть на облака, — заметил Симмонс.

— Я иду спать, — с отвращением сказал капитан.

Наутро Килпеппер проснулся с ощущением: что-то неладно. Он оделся и вышел из корабля. Ветерок — и тот доносил какое-то неуловимое неблагополучие. Или просто разыгрались нервы?

Килпеппер покачал головой. Он доверял своим предчувствиям. Они означали, что у него в подсознании завершился некий ход рассуждений.

Возле корабля как будто все в порядке. И животные тут же, лениво бродят вокруг.

Килпеппер свирепо поглядел на них и обошел корабль кругом. Ученые уже взялись за работу, они пытались разгадать тайны планеты. Эреймик пробовал понять язык серебристо-зеленого зверька со скорбными глазами. В это утро зверек был необычно вял. Он еле слышно бормотал свои песенки и не удостаивал Эреймика вниманием.

Килпепперу вспомнилась Цирцея. Может быть, это не животные, а люди, которых обратил в зверей какой-нибудь злой волшебник? Капитан отмахнулся от нелепой фантазии и пошел дальше.

Команда не замечала перемены по сравнению со вчерашним. Все пошли к водопаду купаться. Килпеппер отрядил двоих провести микроскопический анализ стальной колонны.

Колонна тревожила его больше всего. Ученых она, видно, нисколько не занимала, но капитан этому не удивлялся. У каждого свои заботы. Вполне понятно, что для лингвиста на первом месте язык здешнего народа, а ботаник ищет ключ к загадкам планеты в деревьях, приносящих несусветное разнообразие плодов.

Ну а сам-то он что думает? Капитан Килпеппер перебирал свои догадки. Ему необходима обобщающая теория. Есть же какая-то единая основа у всех этих непонятных явлений.

Какая тут подойдет теория? Почему на планете нет микробов? Почему нет камней? Почему, почему, почему? Наверняка всему есть более или менее простое объяснение. Оно почти уже нащупывается — но не до конца.

Капитан сел в тени корабля, прислонился к опоре и попробовал собраться с мыслями.

Около полудня к нему подошел Эреймик. И один за другим швырнул свои лингвистические справочники о бок корабля.

— Выдержка, — заметил Килпеппер.

— Я сдаюсь, — сказал Эреймик. — Эти скоты теперь уже вовсе не обращают на меня внимания. Они больше почти и не разговаривают. И перестали показывать фокусы.

Килпеппер поднялся и подошел к туземцам. Да, прежней живости как не бывало. Они слоняются вокруг, такие вялые, словно дошли до крайнего истощения.

Тут же стоит Симмонс и что-то помечает в записной книжке.

— Что случилось с нашими приятелями? — спросил Килпеппер.

— Не знаю, — сказал Симмонс. — Может быть, они были так возбуждены, что провели бессонную ночь?

Жирафопотам неожиданно сел. Медленно перевалился на бок и замер.

— Странно, — сказал Симмонс. — Я еще ни разу не видал, чтобы кто-нибудь из них лег.

Он нагнулся над упавшим животным, прислушался, не бьется ли сердце. И через несколько секунд выпрямился.

— Никаких признаков жизни, — сказал он.

Еще два зверька, покрытые блестящей черной шерстью, опрокинулись наземь.

— О Господи, — кинулся к ним Симмонс. — Что же это делается?

— Боюсь, я знаю, в чем причина, — сказал, выходя из люка, Моррисон, он страшно побледнел. — Микробы. Капитан, я чувствую себя убийцей. Думаю, этих бедных зверей убили мы. Помните, я вам говорил, что на этой планете нет никаких микроорганизмов? А сколько мы сюда занесли! Бактерии так и хлынули от нас к новым хозяевам. А хозяева, не забудьте, лишены какой-либо сопротивляемости.

— Но вы же говорили, что в атмосфере содержатся разные обезвреживающие вещества?

— По-видимому, они действуют недостаточно быстро. — Моррисон наклонился и осмотрел одного зверька. — Я уверен, причина в этом.

Все остальные животные, сколько их было вокруг корабля, падали наземь и лежали без движения. Капитан Килпеппер тревожно озирался.

Подбежал, задыхаясь, один из команды. Он был еще мокрый после купания у водопада.

— Сэр, — задыхаясь, начал он. — Там у водопада... животные...

— Знаю, — сказал Килпеппер. — Верните людей сюда.

— И еще, сэр, — продолжал тот. — Водопад... понимаете, водопад...

— Ну-ну, договаривайте.

— Он остановился, сэр. Он больше не течет.

— Верните людей, живо!

Купальщик кинулся обратно к водопаду. Килпеппер огляделся по сторонам, он сам не знал, что высматривает. Вот стоит коричневый лес, там все тихо. Слишком тихо.

Кажется, он почти уже нашел разгадку...

Он вдруг осознал, что мягкий, ровный ветерок, который непрерывно овевал их с первой минуты высадки на планете, замер.

— Что за чертовщина, что такое происходит? — беспокойно произнес Симмонс.

Они направились к кораблю.

— Как будто солнце светит слабее? — прошептал Моррисон.

Полной уверенности не было. До вечера еще очень далеко, но, казалось, солнечный свет и вправду меркнет.

От водопада спешили люди, поблескивали мокрые тела. По приказу капитана один за другим скрывались в корабле. Только ученые еще стояли у входного люка и осматривали затихшую округу.

— Что же мы натворили? — спросил Эреймик. От вида валяющихся замертво животных его пробирала дрожь.

По склону холма большими прыжками по высокой траве неслись те двое, что ходили к колонне, — неслись так, будто за ними гнался сам дьявол.

— Ну, что еще? — спросил Килпеппер.

— Чертова колонна, сэр, — выговорил Мориней. — Она поворачивается! Этакая махина в милю вышиной, из металла неведомо какой крепости — и поворачивается!

— Что будем делать? — спросил Симмонс.

— Возвращаемся в корабль, — пробормотал Килпеппер.

Да, разгадка совсем близко. Ему нужно еще только одно небольшое доказательство. Еще только одно...

Все животные повскакали на ноги! Опять, трепеща крыльями, высоко взмыли красные с серебром птицы. Жирафопотам поднялся, фыркнул и пустился наутек. За ним побежали остальные. Из леса через луг хлынул поток невиданного, невообразимого зверья.

Все животные мчались на запад, прочь от землян.

— Быстрее в корабль! — закричал вдруг Килпеппер.

Вот она, разгадка. Теперь он знал, что к чему, и только надеялся, что успеет вовремя увести корабль подальше от этой планеты.

— Скорей, черт побери! Готовьте двигатели к пуску! — кричал он ошарашенным людям.

— Так ведь вокруг раскидано наше снаряжение, — возразил Симмонс. — Не понимаю, почему такая спешка...

— Стрелки, к орудиям! — рявкнул Килпеппер, подталкивая ученых к люку.

Внезапно на западе замаячили длинные тени.

— Капитан, но мы же еще не закончили исследования...

— Скажите спасибо, если останетесь живы, — сказал капитан, когда все вошли в корабль. — Вы что, не сообразили? Закрыть люк! Все закупорить наглухо!

— Вы имеете в виду вертящуюся колонну? — спросил Симмонс. Он налетел в коридоре на Моррисона, споткнулся и едва не упал. — Что же, надо думать, какой-то высокоразвитый народ...

— Эта вертящаяся колонна — ключ в боку планеты, — сказал Килпеппер, почти бегом направляясь к рубке. — Ключ, которым ее заводят. Так устроена вся планета. Животные, реки, ветер — у всего кончился завод.

Он торопливо задал автопилоту нужную орбиту.

— Пристегнитесь, — сказал он. — И соображайте. Место, где на ветках висят лакомые плоды. Где нет ни единого вредного микроба, где не споткнешься ни об единый камешек. Где полным-полно удивительных, забавных ласковых зверюшек. Где все рассчитано на то, чтобы радовать и развлекать... Детская площадка!

Ученые во все глаза уставились на капитана.

— Эта колонна — заводной ключ. Когда мы, незваные, сюда заявились, завод кончился. Теперь кто-то сызнова заводит планету.

За иллюминатором по зеленому лугу на тысячи футов протянулись тени.

— Держитесь крепче, — сказал Килпеппер и нажал стартовую клавишу. — В отличие от игрушечных зверюшек я совсем не жажду встретиться с детками, которые здесь резвятся. А главное, я отнюдь не жажду встречаться с их родителями.

ЧУДОВИЩА

Кордовир и Хам стояли на скалистом гребне и с неподдельным интересом наблюдали за происходящим. С подобным явлением они столкнулись впервые в жизни и были чрезвычайно довольны, что им довелось увидеть нечто совершенно новое.

— Между прочим, от этой штуки отражается солнце, — заметил Хам. — Скорее всего, она из металла.

— Допустим, — отозвался Кордовир. — Но что, по-твоему, удерживает ее в воздухе?

Оба не отрывали взгляда от долины, где происходило что-то

непонятное: над самой землей завис остроконечный предмет. Из нижнего его конца извергалось нечто напоминающее пламя.

— Он балансирует на пламени, — сказал Хам. — Даже твои старые глаза должны заметить это.

Чтобы разглядеть получше, Кордовир приподнялся, опираясь на мощный хвост. Объект тем временем опустился на землю, и пламя исчезло.

— Не пойти ли нам взглянуть на него поближе? — спросил Хам.

— Давай! Думаю, у нас еще есть время... Хотя, постой! Какой сегодня день?

Хам прикинул в уме.

— Пятый день луггата.

— Проклятие! — воскликнул Кордовир. — Мне пора домой — убивать жену.

— До заката еще несколько часов, — произнес Хам. — Думаю, ты вполне успеешь и посмотреть, и вернуться вовремя домой.

Но Кордовира терзали сомнения.

— Терпеть не могу опаздывать.

— Что ж, тогда сделаем так, — предложил Хам. — Ты ведь знаешь, какой я проворный. Если мы задержимся, я поспешу назад и сам убью твою жену. Как ты смотришь на это?

— Очень любезно с твоей стороны, — поблагодарил Кордовир юношу, и они заскользили вниз по крутому склону горы.

У металлического предмета оба остановились и приподнялись на хвостах.

— Он немного больше, чем я ожидал, — сказал Кордовир, прикинув на глаз размеры предмета: чуть подлиннее их деревни, а шириной почти с ее половину. Они поползли вокруг предмета и заметили на металле следы обработки. Возможно даже, человеческими щупальцами.

За горизонт закатилось малое солнце.

— Думаю, нам лучше вернуться, — произнес Кордовир, заметив, что стемнело.

— Ерунда, у меня еще масса времени, — откликнулся Хам и самодовольно поиграл мускулами.

— Да, но убивать своих жен лучше все-таки самому.

— Как хочешь.

И они поспешили в деревню.

Дома жена Кордовира заканчивала стряпать. Она стояла спиной к двери, как требовал этикет. Резким ударом хвоста Кордовир убил ее, оттащил тело за дверь и сел ужинать.

После еды и медитации он отправился на Собрание. Хам — не-

терпеливый, как и все молодые люди, — был уже там и рассказывал о металлическом предмете. Он, наверное, проглотил свой ужин не разжевывая, недовольно подумал Кордовир.

Когда юноша закончил, Кордовир высказал свои собственные соображения. К сказанному Хамом он добавил одно очень важное предположение: в металлическом предмете могут находиться разумные существа.

— Почему ты так думаешь? — спросил Мишилл, который, как и Кордовир, был старейшиной.

— Да хотя бы потому, что при посадке из него выходило пламя, — ответил Кордовир, — а когда он приземлился, пламя исчезло. Следовательно, внутри предмета есть некто, кто выключил это пламя.

— Не обязательно, — возразил Мишилл.

Между жителями деревни разгорелся жаркий спор, который продолжался до поздней ночи. Затем они похоронили убитых жен и разошлись по домам.

Ночью Кордовир долго не мог уснуть, все размышляя о странном предмете. Если в нем действительно разумные существа, то нравственны ли они? Существуют ли у них понятия добра и зла? Так ничего и не решив, он заснул.

Наутро вся мужская часть населения потянулась к металлическому предмету. Это было в порядке вещей, поскольку в обязанности мужчин входило не только ограничение женской популяции, но и изучение новых явлений.

Они окружили предмет, строя всевозможные догадки относительно его содержимого.

— Уверен, что там разумные существа, — заявил старший брат Хама Эсктел.

Кордовир затрясся всем телом, выражая несогласие.

— Скорее всего, чудовища, — возразил он. — Если принять во внимание...

— Не обязательно, — перебил его Эсктел. — Следует учесть общие закономерности развития нашего организма. Один фокусирующий глаз...

— Но великий Внешний Мир многолик, — сказал Кордовир. — В нем могут встретиться миры, населенные непохожими на нас существами, большая часть которых не принадлежит роду человеческому. В бесконечности...

— Однако, — вмешался Эсктел, — общие закономерности...

— Как я уже сказал, — продолжал Кордовир, — вероятность того, что прилетевшие к нам существа похожи на нас, бесконечно мала. Взять хотя бы их летательный аппарат! Разве мы соорудили бы...

— Но логика нам подсказывает, — снова прервал его Эсктел, — что...

Терпение Кордовира лопнуло: наглый юнец осмелился уже в

третий раз перебить его. Одним движением хвоста он насмерть расшиб Эсктела об металлический предмет. Мертвое тело рухнуло на землю.

— Я всегда считал своего брата грубияном, — сказал Хам. — Так о чем ты говорил?

Но Кордовиру снова помешали. Металлическая крышка на странном предмете вдруг скрипнула и повернулась. Затем она распахнулась, и наружу с трудом выбралось странное существо.

Кордовиру было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться в том, что он оказался прав. Тварь, что вылезла из проема, имела раздвоенный хвост. С головы до пят она была покрыта чем-то вроде кожи. А ее цвет!.. Кордовир содрогнулся.

Существо было цвета только что ободранной туши.

Все невольно отпрянули. Кто знает, чего от него можно ожидать в следующий момент!.. Сначала существо ничего не предпринимало. Оно стояло на металлической плите, а венчавший его туловище шаровидный нарост поворачивался то в одну, то в другую сторону. Само туловище, как ни странно, не двигалось, чтобы придать хоть какой-то смысл движению шаровидного нароста. Наконец существо подняло два щупальца и издало непонятный звук.

— Как ты думаешь, он, наверное, пытается нам что-то сказать? — тихо спросил Мишилл.

Из проема вылезли еще три подобных существа, держа в щупальцах металлические палки. Все четверо обменялись между собой странными звуками.

— Это явно не люди, — твердо заявил Кордовир. — Остается выяснить, нравственны ли они.

Одно существо сползло по металлическому боку предмета и ступило на землю. Остальные опустили свои палки. Это походило на некую религиозную церемонию.

— Да могут ли подобные уроды быть нравственными? — воскликнул Кордовир, и шкуру его передернуло от отвращения.

При ближайшем рассмотрении существа оказались еще безобразнее; такое не приснилось бы и в самом страшном сне. Шарообразный нарост на их туловищах вполне мог сойти за голову, решил Кордовир, хотя подобных голов он не встречал за всю свою долгую жизнь. Но до чего ж уродлива эта голова! Привычно гладкую поверхность лица нарушал нелепо торчащий, как горный кряж посреди долины, бугор с двумя округлыми впадинами. Вдобавок по обе стороны головы — если она была таковой — виднелись еще две выпуклости, а ее нижнюю половину пересекал блеклый красноватый разрез. После небольших раздумий Кордовир решил, что это, должно быть, рот — особенно, если поднапрячь воображение.

Перечень их уродств был бы неполным, если не упомянуть еще

одно. В строении организма существ угадывалось наличие костей! Движения их конечностей не были похожи на плавные человеческие жесты; чужаки двигались так, словно были деревянными.

— Боже мой! — изумленно раскрыл рот Джилриг, мужчина средних лет. — Нам следует убить их, избавив от мучений.

Остальные, похоже, испытывали те же чувства и двинулись было вперед, но кто-то из молодых крикнул:

— Подождите! Давайте попробуем поговорить с ними, если это возможно. А вдруг они все-таки нравственные существа. Вспомните, Внешний Мир огромен и многолик. Всякое возможно.

Кордовир тоже был за немедленное истребление чужаков, но жители деревни его не послушались. Они остановились и принялись обсуждать этот нелегкий вопрос.

Между тем Хам, со своей обычной беспечностью, приблизился к существу, стоявшему на земле.

— Привет, — сказал он.

Существо что-то ответило.

— Не разберу, что ты там сказал. — Хам хотел отползти назад, но тут существо взмахнуло суставчатыми щупальцами — если это были щупальца — и указало на одно из солнц, медленно ползущих по небосклону. При этом существо издало звук.

— Да, сегодня тепло, не правда ли? — весело воскликнул Хам.

Существо указало на землю и издало другой звук, не похожий на первый.

— В этом году у нас не особенно хороший урожай, — продолжал разговор словоохотливый Хам.

Существо указало на себя и снова издало какой-то звук.

— Согласен, — подтвердил Хам. — Ты безобразен, как смертный грех.

Вскоре мужчины проголодались и поползли в деревню. А Хам все стоял и вслушивался в звуки, издаваемые существами специально для него, а Кордовир дожидался его невдалеке, нервничая от нетерпения.

— Знаешь, — сказал Хам, присоединившись к Кордовиру, — я думаю, что они хотят изучить наш язык. Или научить меня своему.

— Не делай этого, — предостерег его Кордовир, на секунду словно ощутив зловещее дыхание великого зла, надвигающегося на них из-за туманного края неизвестности.

— Я все-таки попробую, — пробормотал Хам.

Они проворно вскарабкались вверх по скале, на вершине которой находилась их деревня.

Под вечер Кордовир отправился к загону, где содержались лишние женщины деревни, и, в полном соответствии с законом нравственности и обычаем, предложил приглянувшейся ему молодой женщине стать хозяйкой в его доме на все двадцать пять дней.

Женщина, естественно, с благодарностью приняла его предложение.

По дороге домой Кордовир повстречал Хама, шедшего в загон.

— Только что убил жену, — сообщил Хам, что было ясно и без слов — иначе зачем бы он шел к стаду лишних самочек?

— Ты собираешься завтра пойти к пришельцам? — спросил Кордовир.

— Возможно, — неопределенно ответил Хам. — Если не подвернется что-нибудь новенькое.

— Главное, выясни — нравственны они или нет.

— Ладно! — бросил Хам и заскользил дальше.

Вечером, после ужина, состоялось Собрание. Все жители деревни согласились с тем, что пришлые существа — не люди. Кордовир горячо убеждал, что даже сам внешний вид пришельцев не допускает наличия у них каких-либо признаков человеческой природы. У подобных уродов вряд ли могут быть нравственные устои, понятия добра и зла, а главное, знания истины.

Молодые возражали ему — возможно, потому, что в последнее время испытывали несомненный дефицит свежей информации. Они обратили внимание присутствующих на то, что металлический предмет был явно продуктом разумной деятельности. Разум же предполагает наличие способности подмечать закономерности явлений, различать их, деля на черное и белое, — и это очевидно.

На бурные дебаты спорящих стоило полюбоваться. Олголел начал возражать Арасту и пал от его хвоста. Всегда спокойный Маврт внезапно пришел в ярость и убил трех братьев Холианов, но тут же был убит Хамом, жаждавшим схватки. Даже в стаде лишних самочек разгорелась бурная дискуссия по волнующему всех вопросу. Они спорили так громко в своем загоне на краю деревни, что их крики разносились по всей округе.

Усталые, но довольные, жители деревни расползлись по домам и мирно заснули.

Последующие недели споры не утихали. Однако жизнь шла своим чередом. По утрам женщины выходили собирать пищу, готовили ее, откладывали яйца, которые затем относили лишним женщинам для высиживания. Как обычно, на восемь самочек вылуплялось по одному самцу. На двадцать пятый день после женитьбы или даже чуть раньше каждый мужчина убивал свою жену и брал новую.

Поначалу мужчины еще спускались к летательному аппарату — послушать, как Хам учится языку пришельцев; затем, когда им это порядком надоело, вернулись к своим обычным занятиям: бродили по окрестным холмам и лесам в поисках нового.

Чужаки не выходили из корабля; они спускались на землю только с приходом Хама.

Через двадцать четыре дня после появления чудовищ Хам объявил, что, хоть и с большим трудом, но может объясняться с ними.

— Они говорят, что прилетели издалека, — рассказывал он вечером на Собрании. — А еще они говорят, что так же двуполы, как мы, и что они такие же разумные существа, как мы. Они мне объясняли что-то насчет причин их внешнего отличия от нас, но я не очень разобрался.

— Если мы будем считать их людьми, — сказал Мишилл, — то должны верить им во всем.

Все затряслись, соглашаясь с ним.

— Они говорят, — продолжал Хам, — что не хотят вмешиваться в нашу жизнь, но им было бы интересно понаблюдать за ней. Они хотят прийти в деревню и посмотреть, как мы живем.

— Почему бы и нет! — воскликнул один из молодых.

— Нет! — вскричал Кордовир. — Вы впускаете зло. Эти чудовища коварны. Я уверен, что они способны... даже лгать!

Старики согласились с ним, но, когда от Кордовира потребовали доказательств его ужасного обвинения, он не смог предъявить их.

— В конце концов, — заметил Сил, — мы не можем считать их нравственными уродами только потому, что они похожи на чудовищ.

— А я могу! — заявил Кордовир, но его не поддержали.

— Они, — вновь продолжил Хам, — предложили мне — или нам (я не совсем понял кому) — различные предметы из металла, которые, по их словам, могут производить различные операции. Я оставил без внимания это нарушение этикета, поскольку решил, что они незнакомы с ним.

Кордовир одобрительно кивнул. Юноша взрослел на глазах. Наконец-то он начинает проявлять себя по части хороших манер.

— Завтра они хотят прийти в деревню.

— Нет! — воскликнул Кордовир, но большинство высказалось за приход чужаков.

— Да, кстати, — произнес Хам, когда Собрание уже начало расходиться. — Среди них есть несколько женских особей. Это те, у которых ярко-красные рты. Интересно будет посмотреть, как мужчины их убивают. Ведь завтра двадцать пять дней, как они появились.

На следующий день жители с интересом следили за мучительными усилиями пришельцев вскарабкаться по отвесной скале в деревню. Они поражались хрупкости их конечностей и чудовищной неуклюжести движений.

— До чего же уродливы, — пробормотал Кордовир. — И выглядят все одинаково.

В деревне существа вели себя крайне непристойно. Они заползали в хижины, болтали у загона с лишними самочками, брали и разглядывали яйца, рассматривали жителей сквозь различные устройства — черные и блестящие.

В полдень старейшина Рантан решил, что настала пора убивать свою жену. Он отстранил пришельца, который в это время разглядывал его хижину, и резким ударом хвоста убил свою женщину.

Два существа тотчас затараторили между собой и поспешно покинули хижину.

У одного из них был красный рот женщины.

— Должно быть, ее муж вспомнил, что пора убивать свою жену, — заметил Хам.

Жители застыли в ожидании, но ничего не происходило.

— Наверное, он хочет, чтобы кто-нибудь убил ее за него. Вполне возможно, в их стране такой обычай, — предположил Рантан и, не долго думая, хлестнул женщину хвостом.

Существо мужского пола страшно закричало и направило на Рантана металлическую палку. Тот рухнул замертво.

— Странно, — сказал Мишилл. — Не является ли это выражением неодобрения?

Пришельцы — а их было восемь — образовали плотный круг, повернувшись друг к другу спиной. Один держал на руках мертвую женщину, а другие целились во все стороны металлическими палками. Хам подошел к ним и спросил, чем их обидели.

— Я не понял, — сказал Хам после разговора с ними. — Они использовали слова, которых я не знаю, но в их тоне я уловил упрек.

Чудовища отступали. Тем временем еще один житель деревни, посчитавший, что сейчас самая пора, убил свою жену, которая стояла в дверях хижины. Чудовища остановились и стали тараторить между собой. Потом жестами подозвали Хама.

По окончании беседы все телодвижения Хама выражали лишь недоумение и сомнения по поводу услышанного.

— Если я правильно понял, — сказал он, — они требуют, чтобы мы больше не убивали своих женщин!

— Что?! — в один голос вскричали Кордовир и еще с дюжину других мужчин.

— Спрошу их еще раз. — И Хам возобновил переговоры с чудовищами, которые размахивали металлическими палками.

— Все верно, — подтвердил он и без всяких церемоний щелкнул хвостом, отшвырнув одно из чудовищ через площадь. Чудовища стали немедленно отступать, направляя на толпу свои палки.

Когда они ушли, жители деревни обнаружили, что семнадцать мужчин погибли, а Хама, по счастливой случайности, даже не задело.

— Теперь-то вы поверите мне! — закричал Кордовир. — Эти существа нам *заведомо лгали*! Они сказали, что не будут вмеши-

ваться в нашу жизнь, а кончили тем, что убили семнадцать из нас. Это не просто аморальный поступок, а *заранее спланированное убийство.*

Поистине это было выше человеческого понимания.

— Преднамеренная ложь! — Кордовир выкрикнул эти святотатственные слова, кипя от ненависти к пришельцам.

Мужчины редко рассуждали о возможных последствиях для тех, кто прибегал ко лжи, — уж слишком кощунственна была тема для обсуждения.

Жители деревни были вне себя от гнева и отвращения, ведь они только что воочию увидели лживое существо и получили о нем полное представление. Вдобавок ко всему — страшно даже подумать! — чудовища замышляли убийство.

Это был кошмар наяву, самый страшный, который только мог привидеться. Оказалось, что существа не убивают женщин, а, несомненно, позволяют им беспрепятственно размножаться. Мысль об этом вызывала тошноту у самых мужественных.

Лишние самочки вырвались из загона и, присоединившись к женам, потребовали рассказать им о случившемся. Когда им объяснили, они рассвирепели куда сильнее мужчин — такова уж природа женщин.

— Убейте их! — рычали лишние самочки. — Не позволяйте им вмешиваться в нашу жизнь. Не позволяйте им распространять безнравственность!

— Они правы, — печально вымолвил Хам. — Мне следовало догадаться об этом раньше.

— Их надо убить немедленно! — закричала какая-то самочка. Поскольку она была лишней и жила в загоне, у нее пока не было имени, но она компенсировала этот недостаток яркостью темперамента. — Мы, женщины, всего лишь хотим вести добродетельную жизнь, высиживая в загоне яйца, пока не придет время замужества. А потом — двадцать пять упоительных дней! Это ли не счастье! Чудовища разрушат нашу жизнь. Мы станем такими же страшными, как они!

— Теперь-то вы поняли? — вскричал Кордовир, обращаясь к мужчинам. — А я ведь предупреждал, я раскрыл перед вами их подлинное лицо, но вы не вняли мне! В трудные времена молодежь обязана слушаться старших!

В ярости он убил двух юношей ударом хвоста. Жители зааплодировали.

— Истребите их, пока они не успели развратить нас! — кричал Кордовир.

Самочки бросились за чудовищами в погоню.

— У них есть убивающие палки, — заметил Хам. — Знают ли об этом самочки?

— Думаю, что нет, — ответил Кордовир. Он уже совершенно успокоился. — Ступай предупреди их.

— Я устал, — угрюмо отозвался Хам. — Я все время переводил. Почему бы тебе не сходить самому?

— Ну, тогда пойдем вместе, — сказал Кордовир, которому надоели эти юношеские капризы.

Сопровождаемые чуть ли не половиной мужского населения деревни, они поспешили вслед за женщинами.

Они догнали их на гребне скалы, с которого хорошо просматривался летательный аппарат пришельцев. Пока Хам рассказывал об убивающих палках, Кордовир прикидывал, как лучше расправиться с чужаками.

— Спихните на них камни, — приказал он женщинам. — Может, вам удастся повредить их аппарат.

Женщины энергично взялись за дело. Некоторые камни, падающие с огромной высоты, попадали в металлический предмет и с глухим звуком отскакивали от него. Внезапно из предмета вырвались лучи, красными строчками прошив пространство между ним и женщинами. Те упали замертво. Земля содрогнулась.

— Давайте отойдем, — предложил Кордовир. — Женщины прекрасно управятся и без нас, а то у меня от этой тряски кружится голова.

Мужчины отошли на безопасное расстояние и оттуда продолжали следить за ходом боевых действий.

Женщины гибли одна за другой, но к ним уже подоспели женщины из других деревень, прослышавшие об угрозе их благополучию. Они сражались за свои дома и права с женским неистовством, превосходившим самую сильную ярость мужчин. Металлический предмет метал огонь по всей скале, но этим только выбивал камни, которые градом сыпались вниз. Вдруг из его нижнего конца вырвался столб пламени — летательный аппарат стал плавно подниматься в воздух. И вовремя — начался оползень. Аппарат медленно, затем все быстрее и быстрее набирал высоту и вскоре превратился в крохотное черное пятнышко на фоне большого солнца. Потом исчезло и это пятнышко.

Вечером того же дня жители деревни подсчитали, что в общей сложности погибли пятьдесят три самочки. Их гибель пришлась как нельзя кстати. Ведь в связи с потерей семнадцати мужчин проблема женского излишка в деревне еще более обострилась, а гибель самочек ощутимо уменьшила возросшую таким образом популяцию женских особей.

Кордовир чрезвычайно гордился собой. Его жена доблестно пала в сражении, но он тотчас взял себе другую.

— Пока наша жизнь не войдет в норму, нам следует чаще убивать своих жен, — внес предложение Кордовир на вечернем Собрании.

Уцелевшие самочки, которые к тому времени уже вернулись в загон, бешено зааплодировали, услышав слова старейшины.

— Интересно, куда направились эти существа? — спросил Хам, предлагая Собранию новую тему для дискуссии.

— Вероятно, порабощать какой-нибудь беззащитный народ, — предположил Кордовир.

— Не обязательно, — возразил Мишилл.

Начались вечерние прения.

«ИЗВИНИТЕ, ЧТО ВРЫВАЮСЬ В ВАШ СОН...»

Прошлой ночью мне приснился очень странный сон. Чей-то незнакомый голос сказал:

— Извините, что врываюсь в ваш сон, но у меня к вам совершенно неотложное дело. Помочь мне можете только вы — больше никто.

Мне приснилось, что я ответил:

— Не нужно извиняться, сон все равно был так себе, и если я могу вам чем-то помочь...

— Вы, и только вы, — произнес голос. — В противном случае я и мой народ обречены на гибель.

— О господи, — вымолвил я.

Звали его Фрока, и принадлежал он к очень древнему роду. С незапамятных времен соплеменники его жили в широкой долине, окруженной гигантскими холмами. Они всегда жили мирно, по образцовым законам, а детей воспитывали с любовью и снисхождением. У них даже были свои выдающиеся художники. И хотя некоторые из них питали слабость к крепким напиткам, а иногда — правда, крайне редко, — кто-то умирал насильственной смертью, они считали себя добрыми и достойными уважения мыслящими существами, которые...

— Послушайте, — перебил я его, — может быть, перейдем прямо к делу, вашему неотложному делу?

Фрока извинился за многословие, но объяснил, что в его мире всякое прошение должно предваряться обширным изложением моральных достоинств просителя — такова существующая норма.

— Ладно, — успокоил я его. — Давайте перейдем к делу.

Фрока перевел дух и начал. Он рассказал мне, что около ста лет назад (по их представлениям о времени) с небес спустилась невиданных размеров желто-красная колонна. Приземлилась она в третьем по величине городе, неподалеку от памятника Неизвестному Богу у городской ратуши.

Колонна представляла собой цилиндр неправильной формы и имела две мили в диаметре. Вопреки всем законам природы она

вдруг поднялась вверх и стала недосягаемой для приборов, потом снова опустилась на прежнее место. Тогда они попытались воздействовать на колонну с помощью холода, тепла, бактерий, протонной бомбардировки, любого приемлемого средства, наконец, — все безрезультатно. Полная ужасающего величия, она простояла не двигаясь ровно пять месяцев, двенадцать часов и шесть минут.

Потом без всякой видимой причины колонна начала двигаться в северо-западном направлении. Средняя скорость движения составляла 78,881 мили в час (по их представлениям о скорости). Она вспахала поверхность на участке 183,223 мили длиной и 20,011 мили шириной, после чего неожиданно исчезла.

Для изучения этого невероятного события собрался симпозиум, на который были приглашены все светила науки. В заключительном документе они заявили, что событие это не поддается объяснению, является уникальным и, скорее всего, в будущем не повторится.

Однако ровно через месяц оно повторилось, на сей раз цилиндр опустился около столицы. Совершая частые беспорядочные движения, он переместился на расстояние 820,331 мили от места приземления. Причиненный ущерб был огромен, он не поддавался никакому учету. Было унесено несколько тысяч жизней.

Спустя два месяца и один день колонна появилась снова, и на этот раз пострадали все три главных города.

Теперь всем стало ясно, что непонятое и, может быть, не поддающееся пониманию явление представляет угрозу не только для жизни каждого в отдельности, но и для всей цивилизации в целом, ставит на грань гибели весь народ.

Естественно, мысль о возможной трагедии наполнила души граждан отчаянием. Волна всеобщей истерии сменялась волной всеобщей апатии.

Четвертый удар был нанесен к востоку от столицы в пустынной местности. Ущерб оказался минимальным, но в народе поднялась паника, настоящая паника, в результате чего многие покончили жизнь самоубийством. Положение усугубилось до крайности. На помощь, наряду с истинными науками, были призваны псевдонауки. Рассматривались любые теории и предложения, кто бы их ни выдвигал — будь то биохимик, гадалка или звездочет. Хватались даже за явно бредовые идеи, особенно после того, как в одну кошмарную летнюю ночь красивый древний город Рас вместе с двумя пригородами подвергся полному уничтожению.

— Извините, — прервал его я. — Все это, безусловно, очень грустно, но я что-то не пойму, какой помощи вы ждете от меня.

— Я как раз собирался к этому перейти, — ответил голос.

— Тогда продолжайте, — разрешил я. — Только советую вам не очень тянуть резину, потому что я, кажется, скоро проснусь.

— Мою роль в этой истории объяснить довольно трудно, —

продолжал Фрока. — По профессии я бухгалтер. Однако у меня есть ряд хобби — на досуге я шутки ради разрабатываю способы, которые расширяют возможности нашего мозга. Недавно я проводил эксперименты с одним химическим элементом, мы называем его «кола». Он обладает способностью вызывать глубокое просветление...

— У нас такие химикалии тоже имеются, — вставил я.

— Значит, вы меня понимаете! Так вот, во время путешествия — вам этот термин должен быть знаком, — находясь, так сказать, под воздействием препарата, я вдруг увидел и понял... на меня снизошло откровение... Но это так трудно объяснить.

— Ничего, ничего, смелее, — поторопил я, — давайте самую суть.

— В общем, — произнес голос, — я понял, что мой мир существует на многих уровнях — на атомном, податомном, в вибрационных плоскостях, он имеет бессчетное множество уровней действительности, и все они являются составной частью других уровней существования.

— Мне это известно, — начиная нервничать, сказал я. — Недавно я выяснил, что все сказанное вами относится и к моему миру.

— Итак, — развивал свою мысль Фрока, — мне стало ясно, что один из наших уровней находится под внешним воздействием.

— А если конкретнее? — попросил я.

— В соответствии с моей гипотезой вмешательство происходит на молекулярном уровне.

— Поразительно! — воскликнул я. — И что же, вы смогли выявить природу этого вмешательства?

— Мне кажется, что да, — ответил голос. — Но у меня нет никаких доказательств. Все это чисто интуитивно.

— Я и сам верю в интуицию, — подбодрил я его. — Так что выкладывайте ваши соображения.

— Сейчас, — неуверенно произнес голос. — Одним словом, я пришел к выводу (чисто интуитивно), что мой мир — это микроскопический паразит на вашем теле.

— Выражайтесь, пожалуйста, яснее!

— Хорошо. Я обнаружил, что в одном из аспектов, в одной из плоскостей действительности, мой мир существует между костяшками указательного и среднего пальцев вашей левой руки. Он находится там вот уже несколько миллионов лет — по нашему летосчислению. Разумеется, для вас это всего несколько минут. У меня нет никаких доказательств, и я, конечно, ни в чем вас не обвиняю...

— Ничего, ничего, — успокоил его я. — Значит, вы говорите, что ваш мир расположен между костяшками указательного и среднего пальцев левой руки? Прекрасно. И чем же я могу вам помочь?

— Видите ли, не знаю, верна ли моя догадка... Я предположил, что недавно вам потребовалось почесать руку как раз в зоне расположения моего мира.

— Почесать руку?

— Полагаю, что так.

— И вы считаете, что несущая разрушения и смерть огромная красноватая колонна — это один из моих пальцев?

— Именно.

— И вы хотите, чтобы я прекратил чесаться.

— Только около этого места, — торопливо произнес голос. — Мне ужасно неловко, что приходится обращаться к вам с такой просьбой, я делаю это лишь в надежде спасти свою цивилизацию от полного уничтожения. Прошу меня извинить...

— Не надо извиняться, — остановил я его. — Мыслящие существа ничего не должны стесняться.

— Спасибо вам на добром слове, — поблагодарил голос. — Ведь все-таки мы, нечеловекообразные паразиты, чего-то требовать от вас не вправе.

— Все мыслящие существа должны держаться вместе, помогать друг другу, — сказал я. — Вот вам слово чести, — никогда до конца дней моих я не буду чесать между костяшками большого и указательного пальцев левой руки.

— Указательного и среднего пальцев, — поправил он.

— Я вообще не буду чесать между костяшками пальцев левой руки! Торжественно клянусь вам в этом и обещаю, что, пока я жив, слово не нарушу.

— Сэр, — взволнованно произнес голос, — вы спасли мой мир. Никакими словами не выразить степень моей благодарности. И все же скажу, что я безмерно вам благодарен.

— Ну что вы, что вы, не стоит, — сказал я.

Голос окончательно смолк, и я проснулся.

Вспомнив удивительный сон, я открыл аптечку и перебинтовал костяшки пальцев левой руки. Я уже хожу с бинтом целую неделю и, несмотря на позывы, не чешу левую руку и даже не мою ее.

В конце следующей недели я бинт сниму. Я прикинул, что по их летосчислению это обеспечит им полный покой на двадцать — тридцать миллиардов лет, что вполне достаточно для любой цивилизации.

Но сейчас меня беспокоит другое. Дело в том, что недавно у меня возникло какое-то интуитивное чувство опасности. Причина — землетрясение в районе Сан Андреас Фолт, а также возобновившаяся вулканическая деятельность в центральной части Мексики. В общем, когда я эти события сопоставляю, меня охватывает настоящий страх.

Поэтому извините, что я врываюсь в ваш сон, но у меня к вам совершенно неотложное дело. И помочь мне можете только вы — больше никто...

ДЕВУШКИ И НАДЖЕНТ МИЛЛЕР[1]

Он наклонился, чтобы рассмотреть следы поближе, осторожно раздвигая листья и травинки лезвием ножа. Сомнений нет: совсем свежие следы, оставленные маленькой ногой. Женской, быть может?

Глядя на них, он видел вырисовывающийся над ними силуэт женщины, движение ее стопы с крутым подъемом, тонкие лодыжки, стройные ноги. Он поворачивал ее на воображаемом пьедестале, любовался длинной грациозной линией бедер, видел...

«Хватит!» — приказал он себе. Никаких доказательств, кроме этих следов. Надежда может таить в себе опасность, желание — обернуться катастрофой.

Наджент Миллер выпрямился. Он был высокий и худой как жердь, с потемневшим от солнца лицом, в голубой рубашке, брюках цвета хаки и холщовых туфлях. Внешний вид его дополняли рюкзак, счетчик Гейгера, который он держал в руке, и очки в толстой роговой оправе. Правая дужка очков сломана; он укрепил ее с помощью спички и бечевки и из предосторожности укрепил еще и ободок, обмотав его проволокой. Стекла держались хорошо, но он все равно беспокоился. Миллер был очень близорук и не сумел бы заменить разбитое стекло. Его постоянно преследовал один и тот же кошмар: очки падают, он выбрасывает вперед руку, чтобы схватить их на лету, промахивается, и они, крутясь, исчезают в пропасти.

Он поправил очки, сделал несколько шагов и снова взглянул на землю. Теперь сумел различить две или три цепочки разных следов, возможно, и четыре, и, судя по почве, совсем свежих.

Миллер заметил, что дрожит. Он присел на корточки, повторяя себе, что надо оставить всякую надежду, что та или тот, кому принадлежат эти следы, возможно, мертвы.

Тем не менее в этом надо убедиться. Миллер снова двинулся по следам, которые со стерни привели его на опушку леса. Здесь он остановился и прислушался.

Стояло сентябрьское утро, исполненное тишины и красоты природы. Солнце освещало заброшенные поля, белизну голых ветвей леса, слышались усталые жалобы ветра да тиканье счетчика.

«Нормальный уровень, — определил Миллер. — У тех, кто прошел здесь, наверняка тоже есть счетчик».

Да... а если они не умеют им пользоваться? Может быть, уже заражены и умирают от лучевой болезни? Если он до сих пор сохранил рассудок, то именно потому, что отказался от всякой надежды, всякого желания.

[1] Печатается по изд.: Шекли Р. Девушки и Наджент Миллер: Черный журнал (Екатеринбург), 1991, № 7 © Перевод на русский язык, С. Горев, 199 1.

«Если они умерли, — подумал Миллер, — я их похороню как положено». Мысль эта немедленно прогнала демонов надежды и желания.

В лесу он один раз потерял следы, которые едва различал среди зарослей кустарника. Хотел пойти в предполагаемом направлении, но счетчик вдруг угрожающе застучал. Миллер повернул под прямым углом, держа счетчик перед собой, прошел подозрительное место, снова повернул под тем же углом и двинулся в направлении, параллельном следам, внимательно считая шаги. Так просто в «мешок», окруженный смертельной радиацией и без малейшего коридора, он не попадет! Это случилось с ним месяца три назад, и Миллер почти посадил батарейки счетчика, пока нашел выход. Конечно, с тех пор в его рюкзаке всегда были запасные, но опасность от этого не становилась меньше.

Он отсчитал тридцать шагов — примерно двадцать метров, затем в третий раз повернул под прямым углом так, чтобы снова попасть на следы. Двигался очень медленно, шаря глазами по земле.

Ему повезло. Он вновь нашел следы и немного дальше — зацепившийся за ветку кусок ткани (одежды?), который положил в карман. Как и предыдущие, следы были совсем свежие. Можно ли наконец позволить себе надеяться?

Нет. Еще нет. Миллер не забыл случай, произошедший с ним полгода назад. В тот день он взобрался на холм из красного песчаника, на вершине которого стояла рига, надеясь найти там что-нибудь из съестного. Когда спустился вниз, уже темнело, но внизу Миллер обнаружил труп мужчины, умершего лишь несколько часов назад. На трупе были автомат и винтовка, в карманах гранаты: смехотворное оружие против самого искусного из врагов, ибо человек этот застрелился. Пальцы его сжимали еще теплый револьвер.

Все говорило о том, что он шел по следам Миллера. Но, вероятно, его организм не вынес испытаний, будучи подорванным длительным действием радиации, признаки которой виднелись на его груди и руках. Может быть, мужчина не вынес внезапного расставания с надеждой, когда увидел, что следы теряются у холма. Как бы то ни было, он застрелился. Надежда убила его.

Весь следующий день Миллеру не давало покоя оружие, найденное на трупе: очень уж хотелось оставить его себе — в этом новом, свихнувшемся мире оно могло ему пригодиться.

В конце концов он все-таки отказался от него. Нет, после увиденного — нет. К тому же в такое время оружие было слишком опасно для того, кто им пользовался. Миллер бросил его в ближайшую реку.

Всего лишь несколько месяцев... а сейчас он шел по петляющим в траве следам вдоль журчащего ручья. Перебравшись на

другой берег, в сырой грязи снова обнаружил пять цепочек следов: в них еще проступала вода. Полчаса назад, не больше.

Миллер почувствовал, как в нем снова забушевали Демоны надежды и желания. Да бросьте, разве он так неосторожен, чтобы желать встречи с себе подобными существами? Да, до сумасшествия неосторожен. Однажды, сорвавшись с цепи, эти демоны, которых раньше удавалось обмануть, обернутся против него, как против человека у подножия красного холма. Надежда и желание — самые страшные враги, и Миллер не решался выпустить духов, сидевших в самой глубине сознания.

Теперь он шагал быстрее и, видя, как следы становятся все отчетливее, все свежее, проникался уверенностью, что догонит эту группу. Счетчик, довольный слабым уровнем радиации, легонько потрескивал. Да, те, кто прошел тут до Миллера, отыскивали дорогу, несомненно, с помощью счетчика.

Проблема выжить? Проще не бывает. Однако очень немногим удалось ее решить.

Когда коммунистический Китай бросил свои амбиции в широкомасштабное наступление против Тайваня, Миллер понял, что это начало конца. Поначалу все считали, что речь идет об ограниченном конфликте, сравнимом со злобной войнушкой в Кувейте[1], самое большое — с действиями полиции ООН на болгаро-турецкой границе.

Но капля переполнила чашу. Цепная реакция договоров о взаимной помощи втягивала в конфликт одну страну за другой. Ядерное оружие поначалу не применялось, но за ним дело не стало.

Наджент Миллер, преподаватель древней истории в университете Лоуренсвилла, штат Теннесси, прочитал наклеенное на стене объявление и принялся запасать провизию в ближайших к городу пещерах. В то время ему исполнилось тридцать восемь лет, и являлся он страшным пацифистом. Когда находившиеся за Полярным кругом радары засекли приближавшиеся с севера неопознанные ракеты, Миллер уже был готов ко всему. Он вовремя добрался до пещер, один из входов в которые находился метрах в пятистах от университета, и с удивлением констатировал, что не более пятидесяти студентов и преподавателей последовали за ним. Хотя объявление звучало весьма недвусмысленно.

Затем начали падать бомбы, загоняя группу все дальше и дальше в глубь пещер. Так прошла неделя. Бомбежка кончилась. Оставшиеся в живых выбрались на поверхность.

Миллер проверил уровень радиации у входа в пещеры. Смертельный уровень. Не могло быть и речи о том, чтобы выйти наружу, хотя запасы продовольствия уже подходили к концу, а проникавшие в пещеры осадки заставляли пленников закапываться все глубже.

[1] Рассказ написан задолго до событий 1991 года. — *Прим. пер.*

Наконец тридцать восемь из них умерли с голоду. Наружная радиация оставалась еще слишком высокой. Миллер решил использовать последние ресурсы и отправился к расположенному в самой глубине пещеры складу, который до сих пор не трогал. За ним последовали трое. Остальные предпочли смерть от радиации и вышли наружу.

Вчетвером они продвигались в глубь темноты. Все четверо крайне ослабли, и ни один не разбирался в спелеологии. Двое погибли под обвалом, Миллер и последний его спутник продолжали цепляться за жизнь. Продуктов они не нашли, но обнаружили подземную реку, всю в светящихся пятнах: этот свет испускали слепые рыбы, жившие в вечной ночи. Люди попробовали их ловить. Безуспешно. В конце концов после нескольких дней бесплодных попыток Миллер сумел перегородить рукав реки и поймать несколько рыб. Тем временем его спутник умер.

Миллер стал жить около реки, выдумывая способы ловли слепых рыб, считая, как мог, дни, и раз в неделю выходил на поверхность, чтобы проверить уровень радиации. Так продолжалось три месяца, после чего Миллер смог наконец покинуть пещеру.

Он не встретил ни одного из прежних спутников. Обнаружил лишь три или четыре трупа.

Тогда стал искать других уцелевших людей. Но радиация добралась до большинства из тех, кто выжил при бомбежках. Слишком немногие обладали запасами продовольствия и счетчиками Гейгера, и почти все пустились на поиски пищи до того, как спал смертельный уровень радиации.

И тем не менее, бесспорно, кто-то должен был выжить. Но где? Где?

Он снова искал их. Месяцы напролет. Затем бросал, здраво рассудив, что если и остались в живых люди, то лишь в некоторых районах Азии и Африки, в лучшем случае в Южной Америке. Люди, которых он никогда не увидит. Возможно, когда-нибудь встретит нескольких на Североамериканском континенте. Пока же надо было держаться.

И он держался. Каждую осень на юг, каждую весну — на север шел человек, который никогда не хотел войны, которому была отвратительна сама мысль об убийстве. Такие чувства делали честь многим, но никто их не испытывал столь искренне и глубоко. Этот человек был замурован в своих старых привычках так, словно не упала ни одна бомба. Он читал, когда находил книги, и собирал картины и скульптуры, вынося их мимо сторожей-призраков из безлюдных музеев.

Еще перед Второй мировой войной Миллер поклялся никогда не убивать ближнего; сейчас, когда кончилась третья, не видел причин менять убеждения. Он продолжал оставаться школяром,

милым, иногда наивным, который даже после ужасного международного катаклизма остался верен благородным принципам и своему долгу; и этого-то человека обстоятельства принудили подавить всякое желание, всякую надежду.

Следы, продолжавшиеся в траве, вдруг исчезли за огромной гранитной глыбой, поросшей мхом. И тут Миллер услышал звук.

«Ветер», — подумал он.

Миллер обогнул препятствие и остановился как вкопанный. Всего в нескольких метрах от него вокруг маленького костра сидели пять человеческих существ. Пять живых существ, которые его изголодавшимся глазам показались толпой, легионом! Ему понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с шоком открытия.

— Это еще что, черт побери... — произнес низкий голос.

Миллер постепенно начал приходить в себя. Пять человек — и все женщины! Пять женщин в изорванных брюках из толстой хлопчатобумажной ткани. И пять рюкзаков на земле, к каждому из которых прислонен грубо вытесанный кол.

— Кто вы?

Женщина, задавшая вопрос, была самой старшей в группе: лет пятидесяти, маленькая и широкоплечая, крепко сложенная, с квадратным лицом и пепельными волосами; много мышц, много жил под кожей на шее и в пенсне — с одним сломанным стеклом, — неловко сидевшем на ее внушительном носу.

— Вы что, язык проглотили? — снова раздраженно спросила она.

Миллер потряс головой:

— Нет, нет, конечно. Извините меня за это короткое... Вы — первые женщины, которых я встречаю после бомбардировки.

— Первые женщины? — тем же язвительным тоном переспросила она. — Вы видели мужчин?

— Только мертвых, — строго ответил он, затем, повернувшись, посмотрел на остальных.

Четыре молодые особы, возраст которых мог колебаться между двадцатью и двадцатью пятью годами; и все четыре, думал он, красоты такой, что и слов не найти. Каждая красива по-своему, но для него, после стольких лет одиночества словно открывшего незнакомую расу, они при всей своей непохожести казались одинаковыми. Четыре восхитительные девушки с золотистой кожей, красивыми точеными ногами, большими глазами, в которых светилось кошачье спокойствие.

— Тогда вы — единственный мужчина в этом районе, — подытожила предводительница. — Вот уж не ожидала, черт возьми.

Девушки ничего не сказали, они внимательно рассматривали Миллера, который чувствовал, что ему мало-помалу становится не по себе. Он представлял, какие новые обязанности ложатся на него в нынешнем положении, — было от чего забеспокоиться.

— Может, стоит представиться друг другу? — предложила женщина в пенсне, как ему показалось, доброжелательным тоном. — Меня зовут Дениз. Мисс Дениз.

Миллер подождал продолжения, но мисс Дениз не представила ему своих спутниц.

— Меня зовут, — ответил он, — Наджент Миллер.

— Так вот, мистер Миллер, вы — первый живой человек, которого мы встречаем. История наша, впрочем, весьма проста. Как только была объявлена тревога, мы с девушками спустились в школьный подвал. Я имею в виду женский пансион в Чарльтон-Вейнс. Я в нем веду... вернее, вела курс благородных манер.

«Коллега», — без энтузиазма подумал он.

— Само собой разумеется, что благодаря моим стараниям подвал был снабжен всем необходимым. Так надлежало бы поступить каждому, но слишком немногие последовали моему примеру. У меня имелось несколько счетчиков Гейгера, обращаться с которыми меня обучили ранее, и по окончании бомбардировки я сумела убедить детей в опасности, исходящей от радиации. Когда радиоактивные осадки просочились к нам, мы оставили подвал и стали искать убежища еще глубже, в канализации.

— Мы ели крыс, — уточнила одна из молодых особ.

— Верно, Сюзи, мы ели крыс и еще радовались, когда удавалось их поймать. Но потом смогли выйти на поверхность и с тех пор чувствуем себя превосходно.

Ее спутницы утвердительно закивали. Они по-прежнему внимательно смотрели на Миллера, и Миллер отвечал им тем же. Он уже совершенно искренне влюбился во всех четырех, но особенно в ту, что звали Сюзи. С другой стороны, бицепсы мисс Дениз его абсолютно не привлекали.

— Со мной произошло то же самое, — начал Миллер в свою очередь. — Я спасался в пещерах Лоуренсвилла. Только я нашел там не крыс, а рыб довольно странного вида. А сейчас, думаю, первый вопрос: что же будем делать?

— Первый? — переспросила мисс Дениз.

— Да, полагаю, мы должны соединить наши усилия. Мы, уцелевшие, должны оказывать помощь друг другу. Что вы предпочитаете — отправиться в ваш лагерь или ко мне? Не знаю, чем вы располагаете, но я очень неплохо устроился. Постепенно собрал библиотеку, не говоря уже о многочисленных картинах, у меня солидный запас продовольствия.

— Нет, — сухо ответила мисс Дениз.

— Ну что ж... но... если вы настаиваете на том, чтобы устроиться у вас, я...

— Как это «если я настаиваю»? Конечно, у нас, сэр, и только у нас. Это значит, мы возвращаемся к себе без вас, мистер Миллер!

Он не поверил своим ушам. Посмотрел на девушек. Те ответи-

ли ему осторожными взглядами, по которым совершенно невозможно было угадать их тайные мысли. Затем снова начал:

— Послушайте, мы должны помогать друг другу.

— Громкие слова, а под ними вы прячете похоть самца!

— Вовсе нет, — запротестовал он. — Но если уж говорить об этом серьезно, то я считаю, что не надо мешать природе идти своей дорогой.

— Природа уже прошла своей дорогой, — отрезала мисс Дениз. — Своим единственным истинным путем. Нас пять женщин, и нам очень хорошо вместе, правда, девочки?

Девушки закивали, но не спускали с Миллера глаз.

— Мы совершенно не нуждаемся в вашей помощи. Ни в вашей, ни любого другого мужчины. И не испытываем ни малейшего желания.

— Признаюсь, я не очень улавливаю ход ваших мыслей, — попробовал вставить Миллер, хотя уже начал хорошо понимать.

— Мужчины сделали все это! — взорвалась мисс Дениз, подчеркивая «все» широким жестом. — Они сидели в правительстве, были солдатами и учеными-атомщиками, они начали войну, в которой погибла почти вся человеческая раса. Еще задолго до войны я предостерегала наших ученых об опасности, исходящей от мужчины. О равенстве полов наговорили и написали столько вздора, а женщина как была, так и осталась вещью, игрушкой мужчины. Но в то же время я не могла открыто изложить свои теории. В пансионате их не потерпели бы.

— Охотно верю, — вклинился Миллер.

— Сейчас времена изменились. И вы, мужчины, которые поставили последнюю точку, хотели бы начать все сначала? Никогда! Во всяком случае, пока у меня есть сила, я буду препятствовать этому.

— Остается только узнать, разделяют ли ваши взгляды девушки...

— Я занимаюсь их образованием и воспитываю их. Это трудная и медленная работа, но у меня есть время, и, думаю, мои уроки уже сейчас начинают давать результаты. Мы не теряем времени, правда, малышки?

— О нет, мисс Дениз! — хором ответили девственницы.

— Ведь правда, нам совершенно не нужно, чтобы вокруг нас бродил этот мужчина?

— Нет, мисс Дениз.

— Ну что, мистер Миллер, слышите?

— Минутку, прошу вас. Боюсь, что с вами произошло недоразумение. Некоторые мужчины действительно ответственны за войну, но отнюдь не все. Да будет мне позволено в качестве примера сказать, что я являлся страстным пацифистом еще в то время, когда крайне трудно было афишировать подобные идеи. Во время Второй мировой войны служил санитаром. Я не убил ни одного человека, как не убью и сейчас.

— То есть вы одновременно мужчина и трус.

— Я не считаю себя трусом, — запротестовал Миллер. — Если и отказывался от воинской службы, то по убеждению, а не из трусости. На передовой меня даже ранили, правда, легко.

— Поистине верх героизма, — хмыкнула мисс Дениз посреди всеобщего веселья.

— Я не стараюсь выставлять напоказ свои заслуги, но хочу, чтобы меня поняли как человека. Не все мужчины одинаковы, поверьте мне.

— Все одинаковы, все! Грязные волосатые животные, которые дурно пахнут, развязывают войны, убивают женщин и детей. Слышать о них не желаю. С ними покончено. Ваш род вымер навсегда. И когда я вижу перед собой ваше грубое лицо, вы для меня все равно что динозавр или огромный пингвин! Уходите, Миллер. Исчезните куда хотите. Отныне начинается новая эра, эра женщин.

— Полагаю, у вас все же возникнут некоторые трудности с размножением.

— Согласна. Будет трудно, но не невозможно. Я внимательно следила за последними исследованиями в области партеногенеза и знаю, что воспроизводство без вмешательства самца вполне допустимо.

— Но вы не специалист, к тому же у вас нет необходимого оборудования.

— Извините! Я знаю, где велись работы. Может быть, мы найдем и оставшихся в живых женщин-врачей, но еще больше шансов найти неповрежденное лабораторное оборудование. Располагая им и своими знаниями, я справлюсь со всеми трудностями.

— У вас ничего не получится.

— А я утверждаю, что получится. И даже если не получится, я предпочту смерть нашего рода его новому рабству у мужчины!

Голос мисс Дениз дрожал от гнева, лицо побагровело. Миллер ответил спокойным тоном:

— Я допускаю, что вы имеете причины для упреков. Но все же думаю, мы могли бы, рассмотрев вопрос поглубже, прийти к...

— Нет, мы уже все сказали друг другу. Сейчас — прочь!

— Я не уйду.

Мисс Дениз одним прыжком бросилась к рюкзакам и схватила кол.

— Защищайтесь, дети! — крикнула она.

«Дети», по-прежнему не спуская с Миллера глаз, после секундного колебания подчинились бывшей преподавательнице хороших манер. Развязав рюкзаки, они достали оттуда пригоршни камней. Чувствовалось, что девушки очень возбудились; они ждали сигнала мисс Дениз.

— В последний раз спрашиваю: уйдете вы?

— Нет!

— Бейте его!

На Миллера обрушился град камней. Он отвернулся, чтобы защитить счетчик. Камни били его по спине, по ногам... Нет, невозможно, невероятно! Эти малышки, эти девушки, которых он любил (особенно Сюзи), не забьют его камнями! Они сейчас остановятся, пожалеют о сделанном, им станет стыдно. Но град камней все усиливался. Один из них ударил его в голову, едва не свалив. Он обернулся — и бросился вперед, чтобы избежать неловкого удара колом, который пыталась нанести ему мисс Дениз. Схватив его за острие, Миллер вступил в борьбу.

Он едва не завладел оружием, но более крепко сложенная мисс Дениз оказалась сильнее. Она вырвала у него кол и ударила тупым концом по голове. А девушки захлопали в ладоши!

Теперь Миллер стоял на коленях под лавиной камней. Другой кол ударил его в бок. Он покатился по земле, уклоняясь от нового удара.

— Смерть! — вопила мисс Дениз. — Смерть подлому существу!

Раскрасневшиеся от возбуждения молодые особы бросились на врага. Во второй раз Миллер почувствовал в своем боку острие кола. Тогда он обратился в бегство.

Миллер не знал, как долго бежал в зеленой полутьме подлеска. В какой-то момент задохнулся, сделал еще два шага, остановился, достал свой нож — но никто не преследовал его. Он упал на траву, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли. Эта ужасная женщина, эта мисс Дениз... сумасшедшая, черт возьми! Буйная. А малышки? Миллер упорно не хотел верить, что они старались причинить ему боль. Девушки полюбили его, может быть, но старая сука крепко держит их в своих сетях.

Затем он осмотрел себя и с огромным облегчением отметил, что на бегу не потерял ни счетчик, ни очки. Счастье, ибо без них ему трудно было бы найти дорогу.

Миллер всегда считал, что в каждом человеке сидит немного безумия. Следовательно, он должен быть готов ко всему, понять, что выжившие после атомной войны — сумасшедшие в большей степени, чем раньше. Но, черт возьми, какая сумасшедшая старуха! Вообразить, что мужчины — угасшая раса...

Вдруг он внутренне содрогнулся, вообразив и себе такой исход. Сколько в конце концов осталось мужчин? А женщин?

Но какое ему дело? Они не в ответе за весь род человеческий. Сглупил, освободив демонов надежды и желания, которых теперь надо победить еще раз. Но он справится с этим и закончит свои дни среди книг и произведений искусства. Может быть, останется единственным действительно цивилизованным человеком...

Цивилизованным... Миллер вспомнил лица Сюзи и ее спутниц, кошачье выражение больших, устремленных на него глаз. Он задрожал. Какое несчастье, что не удалось договориться с чок-

нутой мисс Дениз! Но, учитывая обстоятельства, ничего другого ему не оставалось...

...Разве что разом отбросить все принципы.

Сумеет ли он это сделать? Миллер посмотрел на нож и снова задрожал под тяжестью своих демонов. Его пальцы еще крепче сжали роковую рукоять...

Спустя минуту на земле исчез последний цивилизованный человек. Вместе с ним погибли последний пацифист, последний отказник по этическим убеждениям, последний ценитель произведений искусства, последний библиофил. На месте этих достойных восхищения фигур стоял МИЛЛЕР с ножом в руке, диким взглядом, ищущий что-то по сторонам.

Он нашел это «что-то» — толстый сук, сломанный молнией, с метр длиной — и быстро очистил его от сломанных сучков.

Мисс Дениз не замедлила увидеть, как перед ней возникло ужасное воплощение всей мужской расы: отвратительное, грязное, вонючее и размахивающее дубиной. Миллер надеялся все же, что она успела понять и осознать, что сама возродила сего пещерного дикаря. Это было для нее настоящим откровением.

И четыре молодые особы вскоре тоже получили свою долю откровения. Больше всех досталось Сюзи.

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЗЕМЛЮ

Элфред Саймон родился на Казанге IV — небольшой земледельческой планетке неподалеку от Арктура; там он водил комбайн по пшеничным полям, а долгими тихими вечерами слушал записи любовных песен Земли.

Жилось на Казанге, пожалуй, неплохо, девушки там были миловидные, резвые, искренние и покладистые — хорошие спутницы для прогулки по холмам или купания в ручье, верные подруги жизни. Однако романтики в них не было! Очень приятны веселые, безыскусные развлечения на Казанге. Но только приятны — не более.

Саймон чувствовал, что в его размеренном существовании чего-то недостает. Однажды он понял, чего же именно.

Потрепанный космический корабль, груженный книгами, занес на Казангу странствующего торговца. Это был изможденный, седой, слегка помешанный человек. В его честь устроили торжество — ведь за пределами Солнечной системы горячо радовались всякому новому знакомству.

Торговец выложил все свежие сплетни: и о войне цен между Детройтом II и Детройтом III, и во что обходится рыбалка на Алане, и как одета жена президента Морации, и до чего чудной говор на Доране V.

И наконец кто-то попросил:

— Расскажи нам о Земле.

— Ага, — сказал торговец, подняв брови. — Хотите послушать о планете-праматери? Так вот, друзья, нет другой такой планеты, как старушка Земля, и ничто с ней не сравнится. На Земле, друзья, все возможно, там исполняются все желания...

— У каждого? — спросил Саймон.

— У них там есть закон против отказов, — с усмешкой разъяснил торговец. — Пока еще никто его не нарушал. На Земле все иначе, друзья. Вы, ребята, специализируетесь по сельскому хозяйству? Ну вот, а Земля специализируется по всяким излишествам — таким, как безумие, красота, война, опьянение, непорочность, ужасы и прочее. Люди преодолевают световые годы, чтобы изведать эти блага.

— А любовь? — спросила какая-то женщина.

— Девушка, — мягко сказал торговец. — Земля — это единственное место во всей Галактике, где еще сохранилась любовь! На Детройтах II и III ее попробовали, но оказалось, что она непомерно дорога, а на Алане сочли, что она слишком выбивает из колеи, а импортировать ее на Морацию или Доран V еще не успели. Но, как я сказал, Земля специализировалась по излишествам, и они окупаются сторицей.

— Сторицей? — переспросил дородный фермер.

— Конечно! Земля уже стара, ее недра исчерпаны, а почва бесплодна. Колонии ее стали независимыми и заселены людьми с трезвой головой — вроде вас. Такие люди хотят получить полную цену за свой товар. На чем же еще может заработать Земля, как не на пустяках, благодаря которым жизнь обретает смысл?

— А ты-то был влюблен на Земле? — спросил Саймон.

— Уж чего-чего, — угрюмо ответил торговец. — Был когда-то влюблен, а теперь вот странствую. Друзья, эти книги...

За баснословные деньги Саймон купил древний сборник стихов и, читая, грезил о страсти под безумной луной, о бледных лучах рассвета, ласкающих иссушенные губы любовников, о сумеречном береге моря, где сплетенные тела упоены любовью и оглушены рокотом прибоя.

И это было возможно лишь на Земле. Ибо, как рассказывал торговец, разбросанные по Вселенной дети Земли слишком уж тяжко трудились, отвоевывая пропитание у враждебных миров. На Казанге росла пшеница и кукуруза, на Детройтах II и III множились фабрики и заводы. О рыбных угодьях Аланы ходили легенды по всему Южному звездному поясу. На Морации водились опасные хищники, а на Доране V предстояло распахать целину. Это было прекрасно, как и должно быть.

Но все же новые миры оказались слишком суровыми и стерильными в своем совершенстве — слишком уж точно была там спланирована жизнь. Что-то было утрачено в мертвых просторах космического пространства. Только на Земле сохранилась любовь.

Поэтому Саймон работал, копил деньги и мечтал. На двадцать девятом году жизни он продал ферму, уложил чистые рубашки в прочный баул, надел свой лучший костюм, крепкие дорожные ботинки и поднялся на борт ракеты «Казанга-Метрополия».

И наконец он прибыл на Землю, где мечты непременно сбываются, так как попытки воспрепятствовать этому караются законом.

Саймон быстро прошел таможенный досмотр в астропорте Нью-Йорка, и подземка мигом доставила его на Таймс-сквер. Там он вышел на дневной свет и стоял ослепленный, крепко прижимая к себе баул, так как его уже стращали карманниками и прочими хищниками большого города.

Он огляделся по сторонам, и у него дух захватило от изумления.

Первое, что поразило его, была бесконечная вереница кинотеатров, где фильмы демонстрировались в двух, трех и четырех измерениях, по выбору зрителя. И какие фильмы!

Справа от него шатром навис рекламный щит:

«ПОХОТЬ НА ВЕНЕРЕ!
Документальный отчет о сексуальной жизни
обитателей зеленого ада! Шокирует! Разоблачает!»

Он хотел войти, но на другой стороне улицы шел военный фильм. Афиша зазывала:

«УКРОТИТЕЛИ СОЛНЦ!
Посвящается сорвиголовам военно-космического флота!»

А рядом шла картина:

«ТАРЗАН ПОБЕЖДАЕТ ВАМПИРОВ САТУРНА!»

Тарзан, смутно припомнил он читанное в книгах, — это герой древних народных сказаний Земли.

Все это удивительно. А то ли еще ждало его впереди! Он видел лавчонки, где можно было полакомиться кушаньями всех миров, особенно национальными земными блюдами — пищей, расстегаями, спагетти и кнышами. Были магазины, где шла распродажа уцененной одежды с космических кораблей, и лавки, торгующие только напитками.

Саймон не знал, с чего начать. Внезапно он услышал отрывистую дробь пулеметной очереди и круто обернулся.

То был всего лишь тир — длинная, узкая, ярко расписанная галерея с барьером по пояс. На высоком табурете сидел хозяин — смуглый толстяк с бородавкой на щеке. Он улыбнулся Саймону:

— Хочешь попытать счастья?

Саймон вошел внутрь и увидел, что вместо обычных мишеней в конце галереи, на изрешеченных пулями стульях, сидят четыре

едва одетые женщины. На лбу и над каждой грудью у них нарисованы крохотные «яблочки».

— А у вас стреляют настоящими пулями? — спросил Саймон.

— Разумеется! — ответил хозяин. — На Земле есть закон, воспрещающий лживую рекламу. И пули настоящие, и девки настоящие. Заходи и сшибай любую!

Одна из женщин подзадорила его:

— Давай, давай, красавчик! Бьюсь об заклад, что промажешь!

Другая вскричала:

— Да он и по космическому кораблю промахнется!

— Ну что ты, он малый не промах! — подхватила третья. — Давай же, красавчик!

Саймон потер лоб, стараясь не выказать удивления. В конце концов, ведь это Земля, где разрешается все, что приносит прибыль.

Он спросил:

— А есть тиры, где стреляют в мужчин?

— Конечно, — ответил хозяин. — Но ты ведь не страдаешь извращениями, правда?

— Безусловно, нет!

— Ты из другой системы?

— Да. А как ты узнал?

— По костюму. Всегда можно отличить по костюму. — Толстяк закрыл глаза и затянул нараспев: — Подходи! Подходи! Убивай женщин! Избавляйся от гнета подавленных желаний! Нажми курок — дай выход застарелой ярости! Это лучше, чем мордобой! Лучше, чем пьянка! Подходи! Подходи! Убивай!

Саймон спросил у одной из женщин:

— А когда вас убивают, вы так и остаетесь мертвыми?

— Не задавай дурацких вопросов, — ответила девушка.

— Но ведь шок...

Она пожала плечами.

— Бывает работа и похуже.

Саймон хотел было спросить, что может быть хуже, но в эту минуту хозяин, перегнувшись через барьер, доверительно сказал:

— Послушай-ка, приятель. Погляди, что у меня есть.

Саймон заглянул за барьер и увидел миниатюрный пулемет.

— За смехотворно низкую плату, — сказал хозяин, — я дам тебе пострелять из томми. Можешь исполосовать весь тир, сбить всю арматуру, продырявить стены. Здесь пульки сорок пятого калибра, приятель, а уж отдача у него — точно осел лягается. Кто стреляет из томми, тот действительно стреляет.

— Не интересуюсь, — непреклонно ответил Саймон.

— У меня найдется граната-другая, — сказал хозяин. — Осколочное действие. Ты мог бы...

— Нет!

— Если заплатишь как следует, — сказал хозяин, — можешь

уложить и меня, раз уж у тебя такой вкус, хотя я никогда бы этого не подумал. Ну как?

— Нет! Никогда! Это отвратительно!

Хозяин посмотрел на него отсутствующим взглядом.

— Не в настроении? О'кей. У меня открыто круглые сутки. Заходи в другой раз, красавчик.

— Никогда! — ответил Саймон, уходя прочь.

— Ждем тебя, милый! — крикнула ему вслед одна из женщин.

Подойдя к киоску, Саймон заказал стаканчик кока-колы.

Он заметил, что руки его трясутся. Усилием воли он подавил эту дрожь и маленькими глотками стал прихлебывать освежающую жидкость. Он напомнил себе, что нельзя подходить к Земле со своей меркой. Если на Земле одним людям нравится убивать других, а жертвы ничего не имеют против, почему кто-то должен возражать?

А может, все-таки должен?

Из раздумий его вывел голос, раздавшийся у самого уха:

— Эй, малый!

Обернувшись, Саймон увидел перед собой сморщенного человечка с бегающими глазками, в большом не по росту плаще.

— Не здешний? — спросил человечек.

— Да, — ответил Саймон. — А как ты узнал?

— По ботинкам. Я всегда смотрю на ботинки. Как тебе нравится наша планета?

— Она какая-то... беспорядочная, — осторожно ответил Саймон. — Я хочу сказать, что не ожидал... ну как его...

— Конечно, — сказал человечек. — Ты идеалист. Это видно с первого взгляда. Стоит только посмотреть на твое честное лицо, друг. Ты прилетел на Землю с определенной целью. Так или не так?

Саймон кивнул. Человечек продолжал:

— Я знаю, друг, какая у тебя цель. Ты ищешь войны, которая сделала бы мир лучше, и ты попал куда следует. У нас всегда идет шесть крупных войн, и ни на одной не приходится долго ждать генеральского чина.

— К сожалению, я...

— В настоящий момент, — внушительно продолжал человечек, — угнетенные рабочие Перу ведут отчаянную борьбу против загнивающей и продажной монархии. Один лишний человек может решить исход борьбы! И ты, мой друг, можешь стать этим человеком! Ты принесешь победу социалистам!

Подметив выражение лица Саймона, человечек поспешно добавил:

— Но многое можно сказать и в пользу просвещенной аристократии. Старый и мудрый король Перу (король-философ в глубочайшем, платоновском смысле слова) крайне нуждается в твоей помощи. Его крошечное войско, состоящее из ученых, идеалистов, швейцарской гвардии рыцарей короны и королевских крестьян, с трудом противостоит натиску заговорщиков-социалис-

тов, подстрекаемых иностранными державами. И вот один-единственный человек...

— Не интересуюсь, — сказал Саймон.

— В Китае анархисты...

— Нет!

— Может, ты предпочитаешь присоединиться к коммунистам в Уэльсе? Или к японским капиталистам? Или хочешь примкнуть к какой-нибудь из мелких группировок — к феминисткам, к сторонникам сухого закона или к партии звонкой монеты? Это можно устроить.

— Война мне ни к чему, — ответил Саймон.

— Никто тебя за это не осудит, — быстро-быстро закивал человечек. — Война — это ад. В таком случае ты прибыл на Землю ради любви.

— Откуда ты знаешь? — удивился Саймон.

Человечек скромно улыбнулся.

— Война и любовь, — сказал он. — На Земле это два основных предмета торговли. С незапамятных времен мы отпускаем их огромными партиями.

— А очень трудно найти любовь? — спросил Саймон.

— Пройди два квартала к центру, — деловито ответил человечек. — Найдешь не глядя. Скажешь, что тебя прислал Джо.

— Но так ведь не бывает! Нельзя же просто войти и...

— Что ты знаешь о любви? — осведомился Джо.

— Ничего.

— Ну, а мы на ней собаку съели.

— Я знаю то, что сказано в книгах, — возразил Саймон. — Страсть под безумной луной...

— Ну конечно, и тела на сумеречном берегу моря, упоенные любовью и оглушенные рокотом прибоя.

— Ты тоже читал эту книгу?

— Какую еще книгу? Это стандартная рекламная брошюра. Ну, мне пора. Два квартала к центру. Найдешь не глядя.

И, дружелюбно кивнув, Джо нырнул в толпу. Саймон допил кока-колу и медленно двинулся по Бродвею. От тяжкого раздумья на лбу у него вздулись вены, однако он решил не делать поспешных выводов.

Дойдя до 44-й стрит, он увидел огромные, ярко светящиеся неоновые буквы:

«ЛЮБОВЬ ИНКОРПОРЕЙТЕД».

Неоновые буквы поменьше гласили:

«Открыто круглосуточно!»

И под ними:

«Подняться на второй этаж».

Саймон нахмурился, ибо в голову его закралось ужасное подозрение. Но все же он поднялся по лестнице и вошел в небольшую, со вкусом составленную приемную. Оттуда его направили по длинному коридору в комнату номер такой-то.

В комнате находился красивый седоволосый человек, который поднялся из-за внушительного письменного стола навстречу посетителю и, пожав ему руку, сказал:

— Ну, как дела у вас на Казанге?

— Как вы догадались, что я с Казанги?

— По рубашке. Я всегда обращаю внимание на рубашку. Меня зовут мистер Тэйт. Я здесь для того, чтобы служить вам по мере своих сил. Вы...

— Саймон. Элфред Саймон.

— Прошу вас, присядьте, мистер Саймон. Вы курите? Хотите выпить? Вы не пожалеете, что обратились именно к нам, сэр. Мы — старейшая фирма, поставляющая любовь, и гораздо более крупная, чем наш главный конкурент — «Страсть лимитед». К тому же у нас гораздо более сходная цена и товар лучше. Могу ли я осведомиться, как вы о нас услышали? Прочитали объявление во всю полосу «Таймса»? Или же...

— Меня прислал Джо, — перебил Саймон.

— Активный агент, — сказал мистер Тэйт с игривым видом. — Ну-с, сэр, не вижу причин откладывать дело в долгий ящик. Вы приехали издалека за любовью, и уж что-что, а любовь вы получите. — Он потянулся к кнопке на письменном столе, но Саймон его остановил:

— Я не хочу показаться невежливым и все такое, но...

— Да-да? — отозвался мистер Тэйт с ободряющей улыбкой.

— Мне это непонятно, — выпалил Саймон, густо покраснев; на лбу у него выступили бисеринки пота. — Кажется, я не туда попал. Не для того я проделал весь путь на Землю, чтобы просто... Неужели вы и вправду продаете любовь? Все, что угодно, только не любовь! Значит, тогда это ненастоящая любовь, так ведь?

— Да что вы! — возразил мистер Тэйт, приподнимаясь в кресле от изумления. — В том-то и дело! Секс может купить каждый. Боже правый, да это же самая дешевая штука во Вселенной, если не считать человеческой жизни. Но любовь — это редкость, любовь — это нечто особенное, любовь можно найти только на Земле. Вы читали нашу брошюру?

— Тела на сумеречном берегу моря? — спросил Саймон.

— Она самая. Ее написал я. Передает настроение, правда? Такое настроение вы не получите от *первой встречной,* мистер Саймон. Такое настроение вам даст лишь та, кто вас любит.

Саймон с сомнением сказал:

— И все же это не истинная любовь, не так ли?

— Да что вы, конечно, истинная! Если бы мы продавали поддельную, мы бы так ее и именовали. На Земле законы о рекламе

чрезвычайно суровы, уверяю вас. Торгуйте чем угодно, но только непременно называйте вещи своими именами. Это и есть этика, мистер Саймон!

Тэйт перевел дыхание и продолжал более ровным тоном:

— Нет, сэр, не допускайте этой ошибки. Наша продукция — не суррогат. Это именно то чувство, каким много тысячелетий бредят поэты и писатели. Благодаря чудесам современной науки мы можем предоставить это чувство в ваше полное распоряжение, когда вам будет угодно, в красивой упаковке и притом по смехотворно низкой цене.

Саймон сказал:

— Я представлял себе нечто более... стихийное.

— В стихийности есть своя прелесть, — согласился мистер Тэйт. — Эту проблему разрабатывают наши исследовательские лаборатории. Поверьте, наука в силах воспроизвести решительно все, был бы только спрос на рынке.

— Не нравится мне все это, — сказал Саймон, поднимаясь с места. — Пойду-ка я лучше в кино.

— Постойте! — вскричал мистер Тэйт. — Вы думаете, что мы пытаемся вас надуть. Вы думаете, что вас познакомят с девушкой, которая станет притворяться, будто влюблена в вас, а в действительности вас не любит. Не правда ли?

— Правда, — согласился Саймон.

— Ошибаетесь! Во-первых, это обошлось бы слишком дорого. Во-вторых, девушка подвергалась бы чудовищному износу. Да, кроме того, попытка разыграть в жизни такую сложную роль явилась бы для девушки психически вредной.

— Но как же вы это делаете?

— При помощи науки и познания законов психологии.

Для Саймона все это звучало какой-то тарабарщиной. Он направился к двери.

— Скажите-ка, — не унимался Тэйт. — С виду вы кажетесь смышленым молодым человеком. Неужто вы не отличите настоящую любовь от фальшивки?

— Ясно, отличу.

— Так чем же вы рискуете? Или останетесь довольны, или не заплатите нам ни цента.

— Я подумаю, — сказал Саймон.

— К чему откладывать? Ведущие психологи утверждают, что настоящая любовь укрепляет и исцеляет психику, снимает комплекс неполноценности, восстанавливает баланс гормонов и улучшает цвет лица. В поставляемой нами любви есть все: глубокая и постоянная привязанность, безудержная страсть, безупречная верность, почти мистическое обожествление как ваших недостатков, так и достоинств, трогательное стремление сделать любимому приятное и в довершение всего — гордость фирмы «Любовь

инкорпорейтед»: не поддающаяся контролю первая вспышка, ослепительное зарождение любви с первого взгляда!

Мистер Тэйт нажал кнопку. Саймон нахмурился в нерешительности. Дверь отворилась, вошла девушка, и Саймон больше не раздумывал.

Она была высокая и стройная, каштановые волосы отливали медью. О лице ее Саймон ничего не мог бы рассказать, но оно вызвало на его глазах слезы. А за вопрос, какая у девушки фигура, он мог бы убить на месте.

— Мисс Пенни Брайт, — сказал Тэйт, — познакомьтесь с мистером Элфредом Саймоном.

Девушка попыталась что-то произнести, но губы ей не повиновались; да и Саймон онемел. С одного взгляда он уже все понял. Остальное ничего не значило. Всем сердцем он чувствовал, что любим — любим верно и безгранично.

Они ушли сразу же, рука в руке. Реактивный везделет примчал их к беленькому коттеджу в сосновой роще на берегу моря. Там они беседовали, смеялись и любили друг друга. А потом Саймон увидел свою возлюбленную, точно богиню огня, в облачении пламени. В синих сумерках она устремила на него огромные темные глаза, и ее тело, уже такое знакомое, словно сызнова окуталось тайной. Взошла луна, яркая и безумная, и обратила тела в тени. Девушка плакала, колотя кулачками в его грудь, и Саймон тоже плакал, сам не зная отчего. И наконец наступил рассвет: робкий и неверный, он мерцал на иссушенных губах и сплетенных телах, а рядом рокочущий прибой оглушал, разжигал страсть и доводил ее до безумия.

В полдень они снова были в конторе фирмы «Любовь инкорпорейтед». Пенни порывисто сжала его руку и скрылась за внутренней дверью.

— Настоящая была любовь? — спросил мистер Тэйт.

— Да!

— И вы удовлетворены?

— Да! То была любовь, настоящая любовь! Но почему она так настаивала, чтобы мы вернулись?

— Постгипнотическое внушение, — разъяснил мистер Тэйт. — А чего вы ожидали? Все хотят любви, но мало кто хочет платить за нее. Вот ваш счет, сэр.

Саймон, вскипая, уплатил по счету.

— В этом не было никакой необходимости, — сказал он. — Само собой разумеется, я заплатил бы вам за то, что вы свели нас. А где она сейчас? Что вы с нею сделали?

— Прошу вас, — сказал мистер Тэйт примирительным тоном, — постарайтесь успокоиться.

— Мне не нужен покой! — закричал Саймон. — Мне нужна Пенни!

— Это невозможно, — сказал мистер Тэйт с легким нажимом изморози в голосе. — Будьте добры, прекратите сцену.

— Хотите урвать побольше денег? — загремел Саймон. — Хорошо, я заплачу. Сколько я вам должен за то, чтобы вы выпустили ее из своих когтей? — Саймон рывком выхватил из кармана бумажник и хлопнул им по столу.

Мистер Тэйт брезгливо ткнул в бумажник указательным пальцем.

— Положите-ка обратно в карман, — сказал он. — У нас старая и почтенная фирма. Если вы еще раз повысите голос, я буду вынужден выдворить вас отсюда.

Саймон сделал над собой неимоверное усилие, сунул бумажник в карман и уселся. Он глубоко выдохнул и сказал очень спокойно:

— Извините меня.

— Так-то лучше, — смягчился мистер Тэйт. — Я не допущу, чтобы на меня повышали голос. Однако если вы будете вести себя разумно, то мы как-нибудь договоримся. Итак, в чем же дело?

— В чем дело? — Саймон опять едва не закричал. Он овладел собой и сказал: — Она меня любит.

— Конечно.

— Как же вы можете нас разлучать?

— А какая здесь связь? — спросил мистер Тэйт. — Любовь — это восхитительная интерлюдия, отдых, полезный для интеллекта, для человеческой личности, для баланса гормонов и для цвета лица. Однако едва ли кому-нибудь захочется длительной любви, не так ли?

— Мне захочется, — сказал Саймон. — Эта любовь особая, необыкновенная...

— Они все такие, — утешил его мистер Тэйт. — Но, как вам известно, все они производятся одинаково.

— Что?

— Вы, без сомнения, знакомы с технологией производства любви?

— Нет, — сказал Саймон. — Я думал, любовь... естественна.

Мистер Тэйт покачал головой.

— От естественного подбора мы отказались сотни лет назад, вскоре после технической революции. Он протекает слишком медленно и в коммерческом масштабе нецелесообразен. К чему возиться, когда посредством регулировки рефлексов и соответствующей стимуляции определенных мозговых центров мы можем произвольно создать любое чувство? А результат? Пенни, влюбленная в вас по уши! Мы проанализировали ваши индивидуальные склонности и остановились на ее соматотипе, что сделало вашу любовь совершенной. Мы всегда добавляем сумеречный берег моря, безумную луну, бледный рассвет...

— Значит, ее можно было принудить влюбиться в кого угодно, — медленно проговорил Саймон.

— Можно было убедить ее влюбиться в кого угодно, — поправил мистер Тэйт.

— О боже, как она попала на такую омерзительную работу?

— Пришла и подписала контракт, как это обычно делается, — сказал Тэйт. — За это очень хорошо платят. А по истечении договорного срока мы возвращаем ей первоначальную индивидуальность — нетронутой! Однако почему вы считаете эту работу омерзительной? В подобной любви нет ничего такого, что заслуживало бы порицания.

— Это не любовь! — воскликнул Саймон.

— Да нет же, любовь! Настоящий товар! Беспристрастные научно-исследовательские фирмы провели ее испытания на качество по сравнению с естественной любовью. И во всех случаях наша любовь показала большую глубину, страсть, пыл и размах.

Саймон крепко зажмурился, потом открыл глаза и сказал:

— Выслушайте меня. Мне нет дела до ваших научных испытаний. Я ее люблю, она меня любит, а остальное не важно. Дайте мне поговорить с ней! Я хочу на ней жениться!

Мистер Тэйт скорчил гримасу.

— Опомнитесь! Разве на таких женятся! Если вы хотите жениться, то браками мы тоже занимаемся. Можно устроить идиллический и почти стихийный брак по любви с патентованной девственницей, прошедшей государственную инспекцию...

— Нет! Я люблю Пенни! Дайте мне по крайней мере поговорить с ней!

— Это совершенно невозможно, — ответил мистер Тэйт.

— Почему?

Мистер Тэйт нажал какую-то кнопку.

— Как вы думаете, почему? Мы стерли предыдущую гипнограмму. Сейчас Пенни любит другого.

И тогда Саймону все стало ясно. Он осознал, что уже сейчас, в эту минуту, Пенни глядит на другого и в глазах ее вспыхивает такая же страсть, какую познал и он... Она питает к другому ту самую всепоглощающую и безграничную любовь, которая, по свидетельству беспристрастных научно-исследовательских фирм, намного превосходит старомодный, коммерчески нецелесообразный естественный подбор... И на том же сумеречном морском берегу, упомянутом в рекламной брошюре...

Он рванулся, норовя вцепиться Тэйту в глотку. Два служителя, вошедшие несколькими секундами ранее, перехватили его и повели к двери.

— Учтите! — бросил Тэйт ему вслед. — Это никоим образом не обесценивает ваших воспоминаний.

И, как ему ни было противно, Саймон понимал, что Тэйт говорит правду.

А затем он оказался на улице.

Сначала он жаждал только одного: как можно скорее покинуть Землю, где продажные излишества обходятся нормальному человеку чересчур дорого. Он шагал очень быстро, а рядом с ним шла его Пенни, и лицо ее светилось любовью к нему, и к другому, и к третьему, и к десятому.

И, конечно, он подошел к тиру.

— Хочешь попытать счастья? — спросил хозяин.

— Заряжай, — ответил Элфред Саймон.

ЛОВУШКА

Сэмиш, мне нужна помощь. Ситуация становится опасной, так что спеши, не медли.

Ты был совершенно прав, Сэмиш, старый дружище. Мне не следовало доверять землянам. Это хитрый, невежественный, безнравственный народ, как ты неоднократно и отмечал. Но они не такие глупые, как кажутся. Я начинаю убеждаться, что толщина жгутика — не единственный критерий разума.

Как все нелепо обернулось, Сэмиш! А ведь мой план казался таким верным и безукоризненным...

Эд Дэйли заметил что-то поблескивающее за дверью коттеджа, но сонливость взяла верх над желанием выяснить, что это.

Когда рассвело, он проснулся и выбрался на цыпочках наружу — взглянуть на небо. Погода не сулила ничего хорошего. Всю ночь лил дождь, и сейчас со всех деревьев капала вода. Их фургон, казалось, затопило, а поднимавшаяся в гору проселочная дорога разбухла от грязи. Дэйли поежился от сырости.

Его друг Турстон, в пижаме, с заспанным, упитанным, безмятежным, как у Будды, лицом, подошел к двери.

— В первый день отпуска всегда льет как из ведра, — констатировал он. — Закон природы.

— Сегодня может хорошо клевать форель, — заметил Дэйли.

— Это ее личное дело, — без особого восторга отозвался Турстон. — На мой взгляд, куда лучше растопить камин и понежиться перед ним, потягивая горячий ром с травками.

Уже одиннадцать лет они проводили короткий осенний отпуск вместе, но по разным причинам.

Дэйли отличала романтическая привязанность ко всякого рода снаряжению. Продавцы нью-йоркских магазинов модной спортивной одежды примеривали на его высокие, сутуловатые плечи дорогие парки, которые можно было носить в такой неприступной цитадели, как Тибет, в поисках снежного человека. Его уговаривали приобрести миниатюрные печки хитроумной конструкции, которые не погаснут даже во время урагана, или пытались всучить причудливые, угрожающе изогнутые кинжалы из лучшей шведской стали и массу других не менее соблазнительных и полезных вещей.

Дэйли любил ощущать приятную тяжесть маленькой изящной фляжки на боку и перекинутого через плечо ружья из вороненой стали. Фляжка чаще всего была наполнена ромом, а самой опасной дичью, по которой стреляло его ружье, служили пустые жестянки. Несмотря на азартные мечты, Дэйли был человеком с мягким сердцем и не мог причинить зла ни животным, ни птицам.

Его друг Турстон, страдавший от излишнего веса и одышки, обременял себя лишь самой легкой удочкой и самым миниатюрным из ружей. Ко второй неделе отпуска ему, как правило, удавалось перенести место охоты в Лейк-Плэсид, в коктейль-бар, где он, оказавшись в родной стихии, проявлял незаурядные охотничьи познания и сноровку, охотясь отнюдь не на серых и бурых медведей и горных оленей, а на отдыхающих девушек.

Подобного рода времяпрепровождение, или «охотничий сезон», как они говорили, вполне удовлетворяло обоих городских обитателей, преуспевающих бизнесменов, возраст которых уже клонился к пятидесяти, и они возвращались в Нью-Йорк загорелыми и посвежевшими, с хорошим запасом жизненной энергии и терпимости к женам.

— Ну что ж, ром так ром, — охотно согласился Дэйли. — А это что? — Он обратил внимание на блестящий металлический предмет за порогом.

Турстон подошел и потыкал его ногой.

— Что за чертовщина?

Раздвинув траву, Дэйли увидел ящик кубической формы, высотой фута в четыре, с крышкой на шарнирах. На одной его стороне было размашисто выведено одно лишь слово: «ЛОВУШКА».

— Где ты купил это? — недоуменно спросил Турстон.

— Я ничего не покупал. — Тут Дэйли заметил на ящике пластмассовый ярлык. Он поспешно отодрал его и прочитал:

«Дорогой друг!

Это первая, не имеющая аналогов модификация ловушки. Чтобы познакомить с ней широкий круг клиентов, мы даем вам эту модель *абсолютно бесплатно!* Вы сможете убедиться, что это незаменимое приспособление для ловли мелкой дичи, если будете *точно* соблюдать предписание, помещенное на обороте. Желаем удачи и счастливой охоты!»

— Занятная вещица, — проговорил Дэйли, в глазах которого зажегся охотничий азарт. — Думаешь, ее подбросили ночью?

— Какая разница? — пожал плечами Турстон. — У меня урчит в животе. Давай состряпаем завтрак.

— Неужели тебе не интересно?

Турстон презрительно поморщился.

— Не особенно. Очередная техническая «новинка». У тебя уже все завалено таким барахлом: медвежий капкан от Аберкромби и Фитча, рожок для привлечения ягуаров от Бэтлера, манок для крокодилов...

— Никогда не видел таких ловушек, — задумчиво пробормотал Дэйли. — А какая реклама! Знали, куда подбросить...

— В конце концов тебя все равно заставят выложить денежки, — цинично заверил Турстон. — Все рассчитано на таких простаков, как ты. Ладно, пойду готовить завтрак. А ты вымоешь посуду.

Он вошел в коттедж, а Дэйли перевернул ярлык и прочитал на обратной стороне:

«Поставьте ловушку на открытое место и прикрепите ее прилагающейся цепью к ближайшему дереву. Нажатием *кнопки один,* расположенной у основания, включите ловушку. Через пять секунд нажмите *кнопку два.* Это активирует ловушку. Более ничего делать не надо, пока не произойдет поимка. Тогда нажмите *кнопку три,* отключающую ловушку, откройте крышку и достаньте добычу.

ВНИМАНИЕ! Открывать ловушку следует только для изъятия добычи. Для попадания добычи внутрь открывать ловушку не требуется, так как модель основана на принципе осмотического расчленения и добыча оказывается непосредственно в ловушке».

— Чего только не выдумают люди! — восхищенно воскликнул Дэйли.

— Завтрак готов! — позвал Турстон.

— Сначала помоги мне установить эту штуку.

Турстон, натянувший на себя модные шорты и облачившийся в крикливую спортивную рубашку, вышел наружу и с сомнением воззрился на ловушку.

— Ты и впрямь хочешь заняться этой ерундой?

— Конечно. Может, мы поймаем лису.

— Что, черт возьми, мы станем делать с лисой?

— Отпустим, конечно, — не раздумывая ответил Дэйли. — Главное — поймать. Помоги поднять!

Ловушка оказалась неожиданно тяжелой. Они оттащили ее ярдов на пятьдесят от охотничьей хижины и обвязали цепь вокруг молодой сосны. Дэйли нажал первую кнопку, и ловушка слабо замерцала. Турстон испуганно попятился.

Через пять секунд Дэйли нажал вторую кнопку.

С листьев капало, на верхушках деревьев оживленно трещали белки, слабо шелестела высокая трава. Ловушка, тускло мерцая, спокойно стояла возле сосны.

— Пойдем, — не выдержал Турстон. — Яйца уже наверняка остыли.

Дэйли неохотно последовал за ним и, дойдя до порога, обернулся. Ловушка безмолвно затаилась в лесу и ждала...

Сэмиш, где же ты? Ты мне срочно нужен. Это звучит невероятно, но мой крошечный планетоид разваливается на глазах! Ты мой старинный друг, Сэмиш, спутник моего детства, шафер на моем бракосочетании и к тому же друг прекрасной Фрегль. Я полагаюсь на тебя, как на самого себя. Не задерживайся слишком долго.

Я уже телепортировал тебе начало этой истории. Земляне приняли мою ловушку за ловушку, и все. Они немедленно запустили ее без всяких мыслей о возможных последствиях. На это я и рассчитывал. Фантастическое любопытство землян общеизвестно.

В течение этого времени моя жена ползала по планетоиду, украшая наше жилище и наслаждаясь переменой после городской жизни. Все шло хорошо...

Во время завтрака Турстон с нудной педантичностью изложил свою точку зрения на то, почему ловушка не должна функционировать при отсутствии отверстия для добычи. Дэйли со смехом отмахнулся, козырнув принципом осмотического расчленения. Турстон упорствовал, что такого не существует. Закончив мытье посуды, друзья зашагали по мокрой упругой траве к ловушке.

— Смотри! — крикнул Дэйли.

В ловушке билось что-то живое — какое-то существо размером с кролика, но ярко-зеленого цвета. Глаза диковинного создания помещались на концах длинных стебельков, и оно свирепо щелкало клешнями, похожими на клешни омара.

— Все, хватит, никакого рома до завтрака, — отрубил Турстон и нерешительно добавил: — Начиная с завтрашнего дня. Дай-ка мне фляжку.

Дэйли протянул флягу, и Турстон отхлебнул несколько изрядных глотков. Переведя взгляд на пойманную тварь, он перекосился:

— Бррр!

— А вдруг это новый вид? — глубокомысленно изрек Дэйли.

— Новый вид кошмара! Может, поедем в Лейк-Плэсид и забудем про все это?

— Ты что, с ума сошел? Я в жизни не встречал ничего подобного, ни в одной из книг по зоологии. Новое слово в науке! Где мы будем его держать?

— *Его держать?*

— А как же! Не может же оно оставаться в ловушке. Нам придется соорудить клетку и выяснить, чем оно питается.

Лицо Турстона утратило обычную безмятежность.

— Послушай, Эд, старина, я бы не хотел проводить отпуск с таким страшилищем... А вдруг оно ядовитое? Потом, от него наверняка скверно пахнет...

Набрав воздуха, он продолжал:

— К тому же это какая-то противоестественная ловушка. Она... нечеловеческая!

Дэйли ухмыльнулся:

— Держу пари, что такую же чепуху говорили про первый автомобиль Форда и про лампу накаливания Эдисона. Эта ловушка — просто еще один блистательный пример американского технического прогресса!

— Я сам сторонник прогресса! — вспыхнул Турстон. — Но только не такого! Неужели мы не можем просто...

Он посмотрел на своего друга и остановился. На лице Дэйли появилось такое выражение, которое могло быть у Кортеса, когда он с вершины горы увидел Тихий океан.

— Да, — задумчиво произнес Дэйли после продолжительной паузы. — Так и будет.

— Что?

— Позже скажу. Сначала давай смастерим клетку и снова запустим ловушку.

Глухо застонав, Турстон последовал за другом.

Ну что же ты медлишь, Сэмиш? Неужели ты не ощущаешь всей серьезности положения? Разве я не объяснил, как много от тебя зависит? Подумай о своем старом друге! Подумай о гладкокожей Фрегль, ради которой я и затеял эту кутерьму. Свяжись со мной хотя бы!

Земляне сразу же принялись использовать мою ловушку, которая, конечно, вовсе никакая не ловушка, а трансмиттер материи. Другой его конец я замаскировал на планетоиде и уже скормил в него трех зверьков, отловленных в саду. Земляне всякий раз неизменно вытаскивали их из ловушки, с какой целью — ума не приложу. Эти алчные люди хранят все, что угодно.

После того как третий зверек, попав в трансмиттер, не вернулся, я понял, что все готово.

Я приготовился к последнему, четвертому сеансу, самому главному, ради которого все это и затевалось.

Они стояли в маленьком чуланчике, примыкавшем к коттеджу. Турстон с отвращением разглядывал три клетки, сделанные из тяжелой противомоскитной сетки. Внутри каждой из клеток сидело по существу.

— Фу, — поморщился Турстон, — и воняют же они!

В ближайшей клетке содержалась их первая добыча — тварь с глазами на стебельках и с клешнями. По соседству разместилась птица с тремя парами покрытых чешуей крыльев. В третьей клетке находилось нечто напоминающее змею с головами на обоих концах.

В клетках стояли блюдечки с молоком, тарелки с кусочками мяса, нашинкованными овощами, травой — все это оставалось нетронутым.

— Они совсем ничего не едят, — пожаловался Дэйли.

— Совершенно очевидно, что они больны, — настаивал Турстон. — Возможно, они бациллоносители. Может, выкинем их, Эд?

Дэйли посмотрел ему в глаза:

— Скажи, Том, ты никогда не мечтал о славе?

— О чем?

— О славе. Чтобы твое имя повторяли через века?

— Я деловой человек, — с достоинством ответил Турстон. — Если бы я забивал себе голову такой чепухой, то давно бы обанкротился.

— Так никогда и не мечтал?

Турстон смущенно улыбнулся.

— Ну какой человек не мечтает о славе? Только что ты имеешь в виду?

— Эти существа, — назидательно произнес Дэйли, — уникальные! Мы подарим их музею.

— Ну и что? — заинтересовался Турстон.

— Выставка ранее неизвестных науке животных, открытых Дэйли — Турстоном!

— Они могут даже назвать их нашими именами, — неожиданно размечтался Турстон. — Мы же их поймали!

— Конечно, именно так! Наши имена станут в один ряд с именами Ливингстона, Одубона и Тедди Рузвельта.

— Гм. — Турстон глубоко задумался. — Мне кажется, лучше всего для этой цели подходит музей естественной истории. Там можно организовать выставку...

— Я думал не просто о выставке, — прервал его Дэйли. — Я думал об открытии галереи, галереи Дэйли — Турстона.

Турстон в изумлении уставился на друга. Он и не подозревал в Дэйли такого размаха.

— Но, Эд, их же всего три штуки. Мы не можем открыть галерею для демонстрации всего трех экспонатов.

— Там, откуда они взялись, их должно быть много. Пойдем проверим ловушку.

На этот раз в ловушке судорожно билось существо фута в три длиной с маленькой зеленой головкой и раздвоенным вилкооб-

разным хвостом. От туловища отходило около дюжины толстых жгутиков, которые яростно извивались.

— Остальные были поспокойнее, — заметил Турстон. — Возможно, эта тварь поопаснее.

— Мы запутаем ее сетью, — решил Дэйли. — Потом я свяжусь с музеем.

Им стоило изрядных усилий посадить добычу в клетку. Ловушку перезарядили, и Дэйли отправил телеграмму в музей естественной истории:

«ОБНАРУЖИЛ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ЧЕТЫРЕ ВИДА ЖИВОТНЫХ НЕИЗВЕСТНЫХ НАУКЕ ТЧК ПОДГОТОВЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ ТЧК СРОЧНО ПРИШЛИТЕ СПЕЦИАЛИСТОВ».

Затем, по настоянию Турстона, он выслал в музей несколько безукоризненных характеристик на себя, чтобы там не подумали, что имеют дело с помешанным.

Днем Дэйли изложил Турстону свою теорию. Он был убежден, что в одной части массива Адирондак сохранился нетронутый временем уголок доисторической природы, населенный животными, выжившими с тех пор. Они никогда не попадались охотникам благодаря исключительным повадкам и осторожности, приобретенным их видами в глубокой древности. Однако перед этой новой ловушкой, основанной на принципе осмотического расчленения, даже столь уникальный опыт оказался недостаточным.

— Адирондак исследован вдоль и поперек, — робко возразил Турстон.

— Как видишь, все же недостаточно, — отрезал Дэйли.

Они возвратились к ловушке. Но там было пусто.

Я тебя еле-еле слышу, Сэмиш. Попробуй усилить сигнал. А еще лучше — прибудь сюда сам. Что толку переговариваться, когда я влип в такую историю! Ситуация становится все более и более отчаянной.

Что ты говоришь, Сэмиш? Чем это кончилось? Разве не ясно? После того как мой трансмиттер материи телепортировал этих зверьков, я понял, что все готово. Оставалось только поговорить с женой.

В соответствии с планом я позвал ее поползать в саду. Она была очень довольна.

— Скажи мне, дорогой, — заговорила она, — тебя что-то мучает в последнее время?

— Угу, — ответил я.

— Ты меня разлюбил?

— Нет, дорогая, — сказал я. — Ты не виновата. Ты сделала все, что могла, но, увы, я собираюсь обзавестись новой подругой жизни.

Она замерла на месте, в замешательстве перебирая жгутиками. Потом воскликнула:

— Это Фрегль!

— Да, — подтвердил я, — славная Фрегль согласилась делить со мной жилище.

— Но нас же обручили на всю жизнь!

— Знаю. Жаль, что ты настаиваешь на соблюдении этой пустой формальности!

С этими словами я ловко столкнул ее в трансмиттер.

Это было ужасное зрелище, Сэмиш! Ее жгутики судорожно извивались, она завизжала и... пропала навсегда.

Наконец я был свободен! Меня немного тошнило, но я был свободен! Свободен, чтобы обручиться с блестящей Фрегль!

Теперь ты понимаешь все совершенство моего замысла? Было необходимо заручиться поддержкой землян, так как трансмиттер материи функционирует в обе стороны. Я замаскировал его под ловушку, потому что эти земляне готовы поверить чему угодно. И как завершающий аккорд я отправил им свою жену.

Пусть попробуют прожить с ней! Я не смог!

Верное дело. План был безукоризненным. Моя жена никогда не смогла бы вернуться, поскольку жадные земляне не способны расстаться ни с чем, что к ним попало. Никто бы никогда ничего не доказал.

И вдруг, Сэмиш, это случилось...

Мирный пейзаж вокруг заброшенного горного коттеджа резко изменился. Дорожную грязь вдоль и поперек избороздили следы автомобильных покрышек. Повсюду валялись использованные лампы-вспышки, пачки от сигарет, окурки, обертки от конфет, бумага. Сейчас, после нескольких часов сумасшедшей суеты, все уехали. Осталось лишь испорченное настроение.

Стоя рядом, Дэйли и Турстон мрачно смотрели на пустую ловушку.

— Что случилось с этой дурацкой штукой? — Дэйли в сердцах лягнул ловушку ногой.

— Может быть, она уже все выловила? — предположил Турстон.

— Ерунда! Почему в нее попались четыре абсолютно чуждых существа, а потом — больше ни одного?

Он опустился перед ловушкой на колени и громко произнес:

— Эти чертовы болваны из музея... А репортеры?! Возмутительно!

— В какой-то степени их можно понять, — осторожно сказал Турстон.

— Черта с два! Обвинить меня в мошенничестве! Ты слышал,

как они издевались, Том? Они спрашивали, как мне удалось проделать пересадку кожи?

— Жаль, что все животные издохли до приезда сотрудников музея, — вздохнул Турстон. — Это и впрямь показалось подозрительным.

— Я же не виноват, что эти идиотские твари не хотели есть! Ведь не виноват, скажи? Проклятые газетчики... Послушай, Том, тебе не кажется, что в центральных газетах репортеры должны быть поумнее этих остолопов?

— Ты не должен был гарантировать им поимку еще других животных, — пытался успокоить друга Турстон. — Именно из-за того, что в ловушку ничего не попадало, они и заподозрили фальсификацию.

— Отчего же мне было не гарантировать! Кто мог подумать, что после поимки этого страшилища со жгутиками ловушка выйдет из строя? И как они посмели поднять меня на смех, когда я объяснял принцип работы системы осмотического расчленения?

— Они просто не слышали о такой системе, — угрюмо промолвил Турстон. — Никто про нее не слышал. Поехали в Лейк-Плэсид, расслабимся и забудем об этом.

— Ни за что! Ловушка должна заработать! Должна! — Дэйли включил и активировал ловушку и принялся ее пристально рассматривать. Внезапно он откинул крышку, решительно просунул внутрь руку и вдруг издал истошный вопль:

— Моя рука! Она исчезла!

Он в панике отскочил от ловушки.

— Да нет же, успокойся, она на месте, — заверил Турстон. Дэйли осмотрел обе руки, потер их, потряс перед глазами, но не унялся:

— Я точно видел, что моя рука исчезла, как только оказалась в ловушке!

— Хорошо, хорошо, — поспешно согласился Турстон. — Конечно, исчезла. Послушай, дружище, прошвырнемся в Лейк-Плэсид, а? Немного отдохнем, и все будет в порядке. Идет?

Дэйли его не слушал. Он снова склонился над ловушкой и запустил в нее руку. Рука пропала. Он наклонился ниже — и рука исчезла до самого плеча. Дэйли торжествующе посмотрел на Турстона.

— Теперь ясно, как она работает, — провозгласил он. — Эти твари обитали вовсе не в этой части Аппалачских гор!

— А где?

— Там, где сейчас находится моя рука! Этим газетным писакам и музейным крысам нужны доказательства? Они меня обзывали лжецом! Меня! Ха-ха, я им покажу!

— Остановись, Эд! Не делай этого! Ты же...

Но Дэйли уже просунул обе ноги в ловушку. Они исчезли. Он постепенно погрузился по шею и обернулся к Турстону.

— Пожелай мне успеха!

— Эд!

Дэйли презрительно фыркнул и растворился в воздухе.

Сэмиш, если ты немедленно не придешь мне на помощь, все будет кончено! Больше я не смогу с тобой общаться. Этот ужасный великан-землянин разгромил весь мой планетоид. Все, что можно, живое или мертвое, он пошвырял в трансмиттер. Мой дом в развалинах. А сейчас он уже подбирается ко мне! Этот монстр собирается изловить меня как образец! Нельзя терять ни минуты! Сэмиш, что тебя удерживает? Ты мой старый друг...

Что, Сэмиш? Что ты сказал? Не может быть! Ты с Фрегль?! Одумайся, дружище! А наша дружба?..

ПРОГУЛКА

Возник Папазиан, замаскированный под человека. Он быстро проверил, на месте ли голова.

«Нос и носки ботинок должны смотреть в одну сторону», — напомнил он себе.

Все системы работали нормально, в том числе и компактная душа, которая питалась от батареек для карманного фонарика. Папазиан очутился на Земле, в непонятном, сверхъестественном Нью-Йорке, на перекрестке десяти миллионов человеческих судеб. Ему захотелось гроппнуть, но человеческое тело не было для этого приспособлено, и он просто улыбнулся.

Папазиан вышел из телефонной будки — играть с людьми.

Сразу же он столкнулся с тучным мужчиной лет сорока. Мужчина остановил его и спросил:

— Эй, приятель, как быстрее пройти на угол Сорок девятой и Бродвея?

Папазиан ответил без колебания:

— Ощупайте эту стену, а когда найдете неплотность, идите напролом. Этот туннель проложили марсиане — когда они еще были марсианами. Выйдете как раз к углу Сорок восьмой улицы и Седьмой авеню.

— Остряк чертов! — пробормотал мужчина и ушел, даже не дотронувшись до стены.

«Какая косность! — сказал про себя Папазиан. — Надо бы включить это в рапорт».

Но нужно ли ему готовить рапорт? Он не имел понятия.

Время ленча. Папазиан вошел в забегаловку на Бродвее близ Двадцать восьмой улицы и обратился к буфетчику:

— Я хотел бы попробовать ваши знаменитые «хот догс».
— Знаменитые? — изумился буфетчик. — Скорей бы настал такой день!
— Уже настал, — возразил Папазиан. — Ваши «хот догс» пользуются хорошей репутацией во всей Галактике. Я знаю кое-кого, кто преодолел тысячи световых лет ради этих булочек с сосисками.
— Чушь! — убежденно сказал буфетчик.
— Да? Возможно, вас заинтересует, что в настоящий момент половина ваших клиентов — пришельцы. В гриме, конечно.
Каждый второй клиент побледнел.
— Вы что, иностранец? — спросил буфетчик.
— Альдебаранец по материнской линии, — объяснил Папазиан.
— Тогда все ясно, — сказал буфетчик.

Папазиан шел по улице. Он ничего не знал о жизни на Земле и наслаждался своим неведением: ему много еще предстоит узнать. Изумительно — не иметь представления, что делать дальше, кем быть, о чем говорить.
— Эй, приятель! — окликнул его прохожий. — Я доеду по этой линии до Порт-Вашингтона?
— Не знаю, — сказал Папазиан, и это было правдой.
К сожалению, в невежестве есть определенные неудобства. Какая-то женщина поспешила объяснить, как добраться до Порт-Вашингтона. Узнавать новое довольно интересно, но Папазиан считал, что незнание увлекательнее.

На здании висело объявление: «Сдается в аренду». Папазиан вошел и взял в аренду. Он полагал, что поступил правильно, хотя в глубине души надеялся, что ошибся, потому что так было бы занятнее.

Молодая женщина сказала:
— Добрый день. Я мисс Марш. Меня прислало агентство. Вам нужна секретарша?
— Совершенно верно. Ваше имя?
— Лилиан.
— Сойдет. Можете приступать к работе.
— Но у вас ничего нет, даже машинки.
— Купите все, что необходимо. Вот деньги.
— А что от меня требуется?
— Вы меня спрашиваете? — с мягкой укоризной сказал Папазиан. — Я понятия не имею, чем заняться мне самому.
— А что вы собираетесь делать, мистер Папазиан?
— Вот это я и хочу выяснить.

— О... Ну, хорошо. Мне кажется, вам понадобятся стол, стулья, машинка и все остальное.
— Превосходно, Лили! Вам говорили, что вы очень хорошенькая?
— Нет...
— Значит, я ошибся. Если *вы* этого не знаете, то откуда знать мне?

Папазиан проснулся в отеле «Центральный» и сменил имя на Хол. Он сбросил с себя верхнюю кожу и оставил под кроватью, чтобы не умываться.
Лилиан была уже в конторе и расставляла новенькую мебель.
— Вас дожидается посетитель, мистер Папазиан, — сказала секретарша.
— Отныне меня зовут Хол. Впустите его.
Посетителем оказался коротышка по имени Джасперс.
— Чем могу быть полезен, мистер Джасперс? — спросил Хол.
— Не имею ни малейшего представления, — смутился посетитель. — Я пришел к вам, повинуясь необъяснимому порыву.
Хол напрочь забыл, где он мог оставить свою Машину Необъяснимых Порывов.
— И где же вы его ощутили? — поинтересовался он.
— К северо-востоку отсюда, на углу Пятой авеню и Восемнадцатой улицы.
— Около почтового ящика? Так я и думал! Вы очень помогли мне, мистер Джасперс! Чем могу вам услужить?
— Говорю вам — не знаю! Это был необъяснимый...
— Да. Но чего бы вы хотели?
— Побольше времени, — печально сказал Джасперс. — Разве не все этого хотят?
— Нет, — твердо сказал Хол. — Но, возможно, я помогу. Сколько времени вам нужно?
— Еще бы лет сто, — попросил Джасперс.
— Приходите завтра, — сказал Хол. — Посмотрим, что удастся для вас сделать.
Когда посетитель ушел, Лилиан спросила:
— Вы действительно можете ему помочь?
— Это я выясню завтра, — ответил Хол.
— Почему не сегодня?
— А почему не завтра?
— Потому что вы заставляете ждать, а это нехорошо.
— Согласен, — сказал Хол. — Зато очень жизненно. Путешествуя, я заметил, что жизнь суть ожидание. Значит, следует наслаждаться всем, пребывая в ожидании, потому что только на него вы и способны.
— Это чересчур сложно для меня.

— В таком случае напечатайте какое-нибудь письмо.

На тротуаре стоял человек с американским флагом. Вокруг собралась небольшая толпа. Человек был старый, с красным морщинистым лицом. Он говорил:

— Я хочу вам поведать о мире мертвых, они ходят по земле рядом с нами. Что вы на это скажете, а?

— Лично я, — заметил Хол, — вынужден согласиться, потому что рядом стоит старая седовласая женщина в астральном теле с высохшей рукой.

— Боже мой, это, наверное, Этель! Она умерла в прошлом году, мистер, и с тех пор я пытаюсь с ней связаться. Что она говорит?

— Цитирую: «Герберт, перестань молоть чепуху и иди домой. Ты оставил на плите яйца, вода уже вся выкипела, и через какие-нибудь полчаса твоя жалкая обитель сгорит дотла».

— Точно Этель! — воскликнул Герберт. — Этель, как ты можешь называть чепухой разговоры о мире мертвых, когда ты сама дух?

— Она отвечает, — доложил Хол, — что мужчина, который и яиц-то толком не сварит, не спалив свою квартиру, не вправе рассуждать о духах.

— Вечно она меня пилит, — посетовал Герберт и заторопился прочь.

— Мадам, не слишком ли вы строги с ним? — спросил Хол.

— Он никогда не слушал меня при жизни и не слушает теперь. Разве можно быть слишком строгой с таким человеком?.. Приятно было поболтать с вами, мистер, но мне пора, — сказала Этель.

— Куда? — поинтересовался Хол.

— В Дом престарелых духов, куда же еще? — И она незримо исчезла.

Хол в восхищении покачал головой.

«Земля! — подумал он. — Какое прекрасное место!»

На кафедральной аллее толпился народ — в основном венерианцы, замаскированные под немцев, и обитатели созвездия Стрельца, прикидывающиеся хиппи.

К Холу подошел какой-то толстяк и спросил:

— Простите, вы не Хол Папазиан? Я Артур Вентура, ваш сосед.

— С Альдебарана? — спросил Хол.

— Нет. Я, как и вы, из Бронкса.

— На Альдебаране нет Бронкса, — констатировал Хол.

— Придите в себя, Хол! Вы пропадаете почти неделю. Алина сходит с ума от беспокойства. Она хочет обратиться в полицию.

— Алина?

— Ваша жена.

Хол понял, что происходит. То был Кризис Совпадения Личности. Как правило, внеземные туристы с таким явлением не сталкивались. Кризис сулил Холу потрясающие впечатления. Если бы только они сохранились в памяти!

— Хорошо, — сказал Хол, — благодарю вас за информацию. Жаль, что я причинил столько волнений моей жене, моей дорогой Полине...

— Алине, — поправил Вентура.

— Ну да. Передайте ей, что я приеду, как только выполню задание.

— Какое задание?

— Мое задание заключается в выяснении моего задания.

Хол улыбнулся и попытался удалиться. Но Артур Вентура обнаружил уникальную способность роиться и окружил Папазиана со всех сторон, производя шум и предпринимая попытки силового воздействия. Папазиан подумал о лазерном луче и замыслил убить всех Артуров, но потом решил, что это не в духе происходящего.

Лица, одетые в форму, водворили Папазиана в квартиру, где он пал в объятия рыдающей женщины, которая тут же принялась сообщать ему сведения личного характера.

Хол заключил, что эту женщину зовут Алина. Женщина считала, что она его жена. И могла предъявить соответствующие бумаги.

Сперва было даже забавно иметь жену, детей, настоящую работу, счет в банке, автомобиль, несколько смен белья и все остальное, что есть у землян. Хол до самозабвения играл с новыми вещами.

Почти каждый день Алина спрашивала его: «Милый, ты еще ничего не вспомнил?» А он отвечал: «Ничего. Но я уверен, что все будет в порядке».

Алина плакала. Хол привык к этому.

Соседи были очень заботливы, друзья — очень добры. Они изо всех сил скрывали от него, что он не в своем уме — чудик, дурик, псих ненормальный.

Хол Папазиан узнал все, что когда-либо делал Хол Папазиан, и делал то же самое. Простейшие вещи он находил захватывающе интересными. Мог ли альдебаранец рассчитывать на большее? Ведь он жил настоящей земной жизнью и земляне принимали его за своего!

Конечно, Хол совершал ошибки. Он плохо ладил со временем, но постепенно приучился не стричь газон в полночь, не укладывать детей в пять утра и не уходить на работу в девять вечера. Он не видел причин для таких ограничений, но они делали жизнь интересней.

По просьбе Алины Хол обратился к доктору Кардоману — специалисту по чтению в головах людей. Доктор сообщил, какие мысли хорошие и плодотворные, а какие — плохие и грязные.

Кардоман:

— Давно ли у вас появилось ощущение, что вы — внеземное существо?

Папазиан:

— Вскоре после моего рождения на Альдебаране.

Кардоман:

— Мы сэкономим массу времени, если вы признаете, что вас одолевают странные идеи.

Папазиан:

— Мы сэкономим столько же времени, если вы признаете, что я альдебаранец, попавший в трудное положение.

Кардоман:

— Тихо! Слушай, приятель, такое заявление может завести черт знает куда. Подчинись моим указаниям, и я сделаю из тебя пай-мальчика.

Папазиан:

— Тихо!

Дело шло на поправку. Ночи сменялись днями, недели складывались в месяцы. У Хола бывали моменты прозрения, доктор Кардоман это приветствовал. Алина писала мемуары под названием «Исповедь женщины, чей муж верил, что он с Альдебарана».

Однажды Хол сказал доктору Кардоману:

— Кажется, ко мне возвращается память.

— Хм-м, — ответил доктор Кардоман.

— Я вспоминаю себя в возрасте восьми лет. Я поил какого-то железного фламинго на лугу возле маленькой беседки, недалеко от которой катила свои воды река Чесапик.

— Ложная память из фильмов, — прокомментировал доктор Кардоман, сверившись с досье, которое собрала на мужа Алина. — Когда вам было восемь, вы жили в Янгстауне, штат Огайо.

— Черт побери! — в сердцах воскликнул Папазиан.

— Но вы на верном пути, — успокоил его Кардоман. — У каждого есть подобная память, скрывающая страх и наслаждение больной психики. Не расстраивайтесь. Это добрый признак.

Папазиан приходил и с другими воспоминаниями: о юности, которую он провел юнгой на английской канонерке, о тяготах Клондайка...

Это были неоспоримо земные воспоминания, но не их искал доктор Кардоман.

...В один погожий день в дом пришел продавец щеток — он хотел поговорить с хозяйкой.

— Она вернется через несколько часов, — извинился Папазиан. — У нее сегодня урок греческого, а потом резьбы по камню.

— Прекрасно, — сказал продавец. — На самом деле я хотел поговорить с вами.

— Мне не нужны щетки, — ответил Папазиан.

— К черту щетки. Я офицер службы связи. Должен напомнить вам, что мы отбываем ровно через четыре часа.

— Отбываем?

— Все приятное когда-нибудь кончается, даже отдых.

— Отдых?

— Бросьте! — отрезал продавец щеток или офицер связи. — Вы, альдебаранцы, совершенно невыносимы.

— А вы откуда?

— Я с Арктура. Как провели время, играя с аборигенами?

— Кажется, женился на одной местной, — сообщил Папазиан.

— Ее имя Алина. Как большинство землян, она все равно значительную часть времени проводит в расстроенных чувствах. Но я не могу заставлять вас. Если пожелаете остаться, учтите, что следующий туристический корабль будет через пятьдесят-шестьдесят лет.

— Пошли они все к черту, — сказал Папазиан. — Я с вами.

— По-прежнему ничего не помню, — пожаловался Хол офицеру связи.

— Естественно. Ваша память осталась в сейфе на корабле.

— Зачем?

— Чтобы вы не чувствовали себя в незнакомой обстановке. Я помогу вам разобраться.

Корабль поднялся в полночь. Полет был замечен локационным подразделением ВВС. Изображение, возникшее на экране, объяснили большим скоплением болотного газа, через которое пролетала плотная стая ласточек.

Несмотря на отвратительный холод открытого космоса, Хол оставался на палубе и наблюдал, как в отдалении исчезала Земля. Его ждет скучная однообразная жизнь, ждут жены и дети...

Но он не испытывал сожаления. Земля — чудесное место для отдыха, однако она мало приспособлена для жизни.

ПОХМЕЛЬЕ

Пирсен медленно и неохотно приходил в себя. Он лежал на спине, крепко зажмурившись, и старался оттянуть неизбежное пробуждение. Но сознание вернулось, и он тут же обрел способность чувствовать. Глаза пронзили тонкие иголочки боли, и в затылке что-то забухало, как огромное сердце. Все суставы горели огнем, а внутренности так и выворачивало наизнанку.

Пирсен уныло констатировал, что похмелье, которое его скрутило, несомненно, было королем и повелителем всех похмелий.

Он недурно разбирался в таких вещах. В свое время он изведал

чуть ли не все разновидности: его мутило от спиртного, снедала тоска после минискаретте, терзала утроенная боль в суставах после склити. Но то, что он испытывал сейчас, включало в себя все эти прелести в усиленном виде и было сдобрено к тому же чувством отрешенности, знакомым любителям героина.

Что же такое он пил вчера? И где? Пирсен попытался вспомнить, но минувший вечер был неотличим от множества других подобных вечеров. Что ж, придется, как обычно, восстанавливать все по кусочкам.

Но прежде нужно взять себя в руки и сделать то, что полагается. Открыть глаза, встать с постели и мужественно добраться до аптечки. Там на средней полке лежит гипосульфит дихлорала, который поможет ему очухаться.

Пирсен открыл глаза и начал слезать с кровати. Тут вдруг он понял, что лежит не на кровати.

Вокруг была высокая трава, над ним сверкало ослепительно светлое небо, и в воздухе пахло прелой листвой.

Пирсен со стоном закрыл глаза. Только этого ему не хватало. Здорово же, видно, нагрузился он вчера. Даже до дому не дошел. А возвращался, должно быть, через Центральный парк. Похоже, что придется взять такси и уж как-нибудь доскрипеть, пока его не доставят на квартиру.

Сделав мощное усилие, Пирсен открыл глаза и поднялся.

Он стоял в высокой траве. Вокруг, насколько глаз хватало, высились исполинские деревья с оранжевыми стволами, оплетенными зелеными и пурпурными лианами, иные из которых были не тоньше человеческого туловища. Под деревьями буйно разрослись, образуя непроходимую чащобу, папоротники, кустарник, ядовитые зеленые орхидеи, ползучие черные стебли и множество неведомых растений зловещего вида и цвета. В зарослях попискивала и стрекотала разная мелкая живность, а издали доносился рык какого-то большого зверя.

— Нет, это не Центральный парк, — смекнул Пирсен.

Он огляделся, прикрыв глаза от нестерпимого блеска солнечного неба.

— Пожалуй, я даже не на Земле, — добавил он.

Пирсен был удивлен и восхищен собственным хладнокровием. Неторопливо опустившись на траву, он попытался оценить обстановку.

Итак, его имя Уолтер Хилл Пирсен. Возраст — тридцать два года, место жительства — город Нью-Йорк. Он полномочный избиратель, нигде не работает, ибо в этом нет необходимости, и сравнительно недурно обеспечен. Накануне вечером в четверть восьмого он вышел из дому, собираясь повеселиться. Это намерение он, несомненно, осуществил.

Да, повеселился он как следует. А вот когда, в какой момент он впал в беспамятство, этого он, хоть убей, не помнил. Но очнулся

он почему-то не дома в постели и даже не в Центральном парке, а в густых зловонных джунглях. Мало того, он был убежден, что находится не на Земле.

Пожалуй, все именно так. Пирсен обвел взглядом огромные оранжевые деревья, увитые зелеными и пурпурными лианами и залитые ослепительно белым потоком света. Истина постепенно вырисовывалась в его затуманенном мозгу.

Вскрикнув от ужаса, он закрыл лицо руками и потерял сознание.

Когда он очнулся вторично, он чувствовал себя гораздо лучше, только во рту остался неприятный вкус, да голова соображала туго. Пирсен тут же окончательно решил прекратить все пьянки; хватит — ему и так уже мерещатся оранжевые деревья и пурпурные лианы.

Полностью протрезвившийся, он открыл глаза и снова увидел все те же странные джунгли.

— Ну! — крикнул он. — Что за чертовня?

Немедленного ответа не последовало. Потом за деревьями вовсю загомонили невидимые обитатели джунглей и постепенно стихли.

Пирсен неуверенно встал и прислонился к дереву. Он как-то сразу выдохся, даже удивляться не было сил. Значит, он в джунглях. Ладно. А зачем он здесь?

Совершенно непонятно. Должно быть, накануне вечером случилось нечто необыкновенное. Но что? Пирсен старательно стал вспоминать.

Из дома он вышел в четверть восьмого и направился...

Вдруг он резко обернулся. Кто-то тихонько двигался через подлесок, приближаясь к нему. Пирсен замер. Сердце гулко стучало у него в груди. Неведомое существо подкрадывалось все ближе, сопя и чуть слышно постанывая. Но вот кусты раздвинулись, и Пирсен увидел его.

Это было черное с синим отливом животное, очертаниями похожее на торпеду или акулу. Его обтекаемое туловище имело около десяти футов в длину и передвигалось на четырех рядах коротких толстых ножек. Ни глаз, ни ушей на голове у него не было, только длинные усики колыхались над покатым лбом. Существо разинуло широкую пасть, где рядами торчали желтые зубы.

Негромко подвывая, оно направлялось к Пирсену. И хотя тому никогда и не снилось, что на свете могут быть такие твари, он не стал раздумывать, не померещилась ли она ему. Повернувшись, Пирсен бросился в подлесок. Минут пятнадцать он мчался во весь дух и, только вконец запыхавшись, остановился.

Черно-синяя тварь стонала где-то далеко позади, пробираясь вслед за ним.

Пирсен двинулся дальше, теперь уже шагом. Судя по стонам, тварюга не отличалась проворством. Бежать было совсем не обя-

зательно. Но что произойдет, когда он остановится? Что она там замышляет? Умеет ли она взбираться на деревья?

Пирсен решил пока не думать о таких вещах.

Прежде всего необходимо было вспомнить главное: как он попал сюда? Что с ним произошло накануне вечером?

Он стал припоминать.

Прошвырнуться он вышел в четверть восьмого. Было пасмурно, слегка моросил реденький дождик, разумеется нисколько не тревоживший ньюйоркцев, которые очень любили гулять в такую погоду и специально заказали ее на вечер городскому климатологу.

Пирсен продефилировал по Пятой авеню, разглядывая витрины и отмечая про себя дни бесплатных распродаж. Так-так, значит в универсальном магазине Бэмлера бесплатная распродажа состоится в ближайшую среду, с шести и до девяти пополудни. Обязательно надо взять у своего олдермена специальный пропуск. Вставать и с пропуском придется спозаранку, а потом торчать в очереди для пользующихся льготами. Но все же это лучше, чем выкладывать наличные.

За полчаса он нагулял приятный аппетит. Поблизости было несколько хороших коммерческих ресторанов, но, вспомнив, что он, кажется, не при деньгах, Пирсен свернул на Пятьдесят четвертую к бесплатному ресторану Котрея.

У входа он предъявил карточку избирателя и специальный пропуск, подписанный третьим секретарем — заместителем Котрея. Пирсена впустили. Он заказал себе на обед простое филе-миньон, которое запивал слабым красным вином, ибо более крепких напитков тут не подавали. Официант принес ему вечернюю газету. Пирсен изучил перечень бесплатных развлечений, но не обнаружил ничего подходящего.

Когда он выходил из зала, к нему поспешно подошел управляющий рестораном.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Вы остались довольны, сэр?

— Обслуживают у вас медленно, — ответил Пирсен. — Филе было съедобное, но не лучшего качества. Вино — так себе.

— Да, сэр... благодарю вас, сэр... примите наши извинения, сэр, — говорил управляющий, торопливо записывая в свой блокнотик замечания Пирсена. — Мы учтем ваши пожелания, сэр. Вас угощал обедом достопочтенный Блейк Котрей, старший советник по водоснабжению Нью-Йорка. Мистер Котрей вновь выдвигает свою кандидатуру на выборах двадцать второго ноября. Столбец джей-три в вашей кабине для голосования. Мы смиреннейше рассчитываем на ваш голос, сэр.

— Там видно будет, — ответил Пирсен и вышел из ресторана.

На улице он взял пачку сигарет из автомата, который услаждал прохожих музыкой и снабжал их сигаретами в качестве памятного подарка от Элмера Бейна, мелкого политического деятеля из Бруклина. Выйдя на Пятую авеню, он возобновил свою неторопливую прогулку, по пути раздумывая, есть ли смысл голосовать за Котрея.

Как все полномочные граждане, Пирсен высоко ценил свой голос и одарял им какого-либо кандидата только по зрелом размышлении. Прежде чем проголосовать «за» или «против», он, подобно каждому избирателю, тщательнейшим образом взвешивал достоинства и недостатки того или иного кандидата.

К достоинствам Котрея относилось то, что он уже около года содержал весьма приличный ресторан. Но что он сделал кроме этого? Где обещанный им бесплатный развлекательный центр, где джазовые концерты?

Ограниченность общественных фондов — всего лишь пустая отговорка.

Не будет ли щедрее новый кандидат? Или переизбрать еще разок Котрея? В таких делах рубить сплеча не следует. Тут надо очень даже подумать, и, конечно, не сейчас, а в более подходящее время. Ночи созданы для наслаждений, кутежей, веселья.

Чем же заняться сегодня? Он пересмотрел почти все бесплатные представления. Спорт мало его интересует. Кое-где устраиваются вечеринки, но там едва ли будет весело. В общедоступном доме мэра можно выбрать какую-нибудь сговорчивую девицу, однако Пирсена в последнее время к ним не тянет.

Самый верный способ избавиться от вечерней скуки — вино или наркотик. Но какой? Минискаретте? Какой-нибудь контактный возбудитель? Склиги?

— Эй, Уолт!

Он обернулся. С широкой ухмылкой к нему направлялся Билли Бенц, уже довольно тепленький.

— Эй, погоди, Уолт, дружище! — сказал Бенц. — Ты куда сегодня?

— Да никуда вообще-то, — ответил Пирсен. — А что?

— Тут одно роскошное местечко появилось. Новенькое, шик-блеск. Зайдем?

Пирсен насупился. Он не любил Бенца. Этот высокий, шумный, краснолицый детина был законченным бездельником. Совершенно никчемная личность. То, что он не работает, как раз неважно. Теперь мало кто работает. К чему это, если можно голосовать? Но Бенц был так ленив, что даже не ходил на выборы. А это уже чересчур. Голосование — хлеб насущный и святая обязанность каждого гражданина.

Однако у Бенца был прямо-таки сверхъестественный нюх на новые злачные заведения, о которых еще никто не проведал.

Пирсен поколебался, потом спросил:

— А там бесплатно?

— Бесплатней супа, — ответил склонный к избитым сравнениям Бенц.

— А что там делают?

— Пойдем со мной, дружище, я тебе все расскажу...

Пирсен вытер потное лицо. Стояла мертвая тишина. Стоны черно-синего зверя уже не доносились из зарослей. Возможно, ему надоела погоня.

Вечерний костюм Пирсена был изорван в клочья. Он сбросил пиджак и до пояса расстегнул сорочку. Где-то за мертвенно-белым небом пылало невидимое солнце. У Пирсена пересохло во рту, пот ручьями струился по телу. Без воды он долго не продержится.

Да, он, кажется, серьезно влип. Но Пирсен упорно гнал от себя все мысли, кроме одной. Он должен выяснить, как он здесь очутился, и только после этого думать, как спастись.

Что же это был за шик-блеск, которым прельстил его Билли Бенц?

Пирсен прислонился к дереву и закрыл глаза. Воспоминания пробуждались смутно, не сразу. Билли повел его в восточную часть города, на Шестьдесят вторую улицу, и там...

Он вдруг услышал в кустах шорох и быстро поднял голову. Из зарослей тихо выползла черно-синяя тварь. Ее длинные усики затрепыхались и нацелились в его сторону. В тот же миг зверюга вся подобралась и прыгнула на него, растопырив когти.

Пирсен инстинктивно отскочил. Зверюга грохнулась на землю, но проворно повернулась и снова ринулась к нему. На этот раз Пирсен не успел уклониться. Он вытянул вперед руки, и акулообразная тварь обрушилась на него.

Пирсен ударился спиной о дерево. Он отчаянно вцепился в широченную глотку зверя и изо всех сил старался оттолкнуть его от себя. Зверюга щелкала зубами около самого его лица. Пирсен напрягся что есть мочи, стараясь задушить ее, но его пальцы были слишком слабы.

Зверюга ерзала и извивалась, скребла землю. Руки Пирсена мало-помалу слабели и начинали сгибаться в локтях. Челюсти щелкали всего лишь в дюйме от его лица. Вот выполз длинный, испещренный черными пятнами язык...

Охваченный омерзением, Пирсен отшвырнул от себя стонущую гадину. Не дав ей опомниться, он ухватился за лианы, влез на дерево и вне себя от ужаса стал карабкаться по скользкому стволу от ветки к ветке. Лишь в тридцати футах над землей он впервые взглянул вниз.

Черно-синяя лезла следом с такой легкостью, словно всю жизнь провела на деревьях.

Пирсен взбирался выше, дрожа всем телом от усталости. Ствол

дерева постепенно сужался, все реже попадались ветки, достаточно крепкие, чтобы за них ухватиться. Возле самой вершины, в пятидесяти футах над землей, дерево закачалось под его тяжестью.

Пирсен снова взглянул вниз: упорная тварь была в десяти футах от него и продолжала лезть выше. Пирсен вскрикнул; ему показалось, что спасения нет. Но страх придал ему силы. Он взобрался на последнюю большую ветку, ухватился покрепче и поджал ноги. Когда зверюга добралась до него, он вдруг лягнул ее обеими ногами.

Удар был точен. Когти зверя с пронзительным скрежетом ободрали кору с дерева. Зверюга, визжа и ломая ветки, полетела вниз и звонко плюхнулась на землю.

Стало тихо.

«Наверное, она расшиблась», — подумал Пирсен. Но проверять свою догадку у него и в мыслях не было. Никакая сила на Земле или любой другой планете Галактики не принудила бы его самостоятельно слезть с дерева. Нет уж, дудки, пока он не придет в себя да как следует не соберется с силами, он отсюда не двинется.

Пирсен сполз немного ниже, к толстой раздвоенной ветке. На таком насесте можно было чувствовать себя спокойно. Лишь окончательно устроившись, Пирсен понял, как мало у него осталось сил. Если вчерашний сабантуй иссушил его, то сегодняшние приключения выжали досуха. Нападни на него сейчас зверек чуть-чуть побольше белки — и он погиб.

Он прислонился к стволу, вытянул отяжелевшие ноги и руки, закрыл глаза и снова принялся восстанавливать в памяти события минувшего вечера.

— Пойдем со мной, дружище, — сказал Билли Бенц. — Я тебе все расскажу. А вернее — сам увидишь.

Они направились в восточную часть города, вышли на Шестьдесят вторую улицу, а тем временем густо-синие сумерки сменились ночной темнотой. Манхэттен зажег огни, над горизонтом замерцали звезды, и серп месяца блеснул сквозь прозрачный туман.

— Куда мы идем? — спросил Пирсен.

— А мы уже пришли, голуба, — ответил Бенц.

Они стояли перед невысоким особняком, сложенным из коричневого песчаника. Скромная медная дощечка на дверях гласила: «НАРКОЛИК».

— Новый бесплатный наркотический салон, — пояснил Бенц. — Открыт сегодня вечером Томасом Мориарти, кандидатом от реформистской партии на пост мэра. Об этом заведении еще никто не знает.

— Отлично, — сказал Пирсен.

В городе было немало бесплатных увеселительных заведений. Но каждый стремился разыскать что-нибудь неизвестное другим и опробовать новинку, прежде чем к ней ринутся толпы любителей свежих впечатлений.

Вот уже многие годы Верховный евгенический совет, созданный при Объединенном международном правительстве, удерживал численность населения мира в стабильных и разумных пределах. Людям снова стало так просторно на Земле, как не было в течение последнего тысячелетия, а внимания им уделяли куда больше, чем когда-либо в прошлом. Благодаря успехам подводной экологии и гидропоники, а также всестороннему использованию земной поверхности, еды и одежды хватало на всех, и даже с избытком. При автоматических методах строительства и изобилии стройматериалов жилищная проблема перестала существовать, тем более что человечество было сравнительно невелико и впредь не собиралось увеличиваться. Даже предметы роскоши ни для кого не были роскошью.

Сформировалась благополучная, устойчивая, неизменная цивилизация. Те немногие, кто проектировал, строил и обслуживал машины, получали щедрое вознаграждение. Большинство же вовсе не работало. Ни нужды, ни желания у них не было.

Находились, конечно, и честолюбцы, которые жаждали богатств, власти, высоких постов. Эти занимались политикой. Используя обильные общественные фонды, каждый из них кормил, одевал, развлекал население своего округа, чтобы обеспечить себе большинство голосов, и проклинал вероломных избирателей, всегда готовых переметнуться на сторону того, кто посулит больше.

Это была утопия своего рода. О нужде все позабыли, войны давно прекратились, каждого ждала безбедная долгая жизнь.

И чем же, кроме врожденной человеческой неблагодарности, можно было объяснить, что число самоубийств возросло до поистине страшных размеров?

...Дверь отворилась сразу же, и Бенц предъявил пропуска. Они прошли по коридору в большую уютную гостиную. Четверо посетителей, из них одна женщина, ранние пташки, прослышавшие о новом заведении прежде других, полулежали на кушетках, дымя бледно-зелеными сигаретами. В воздухе стоял резкий, непривычный, но в то же время приятный запах.

Подошел служитель и подвел их к свободному дивану.

— Располагайтесь как дома, джентльмены, — сказал он. — Закурив нарколик, вы отдохнете от всех забот.

Он протянул каждому по пачке бледно-зеленых сигареток.

— Что это за штуковина? — спросил Пирсен.

— Наркотические сигареты, — ответил служитель. — Приготовлены из отборной смеси турецкого и виргинского табака, в

которую добавлена тщательно отмеренная доза наркотины, хмельной травки, произрастающей в экваториальном поясе Венеры.

— Венеры? — удивился Бенц. — А мы разве добрались до Венеры?

— Четыре года назад, сэр, — ответил служитель. — Первой высадилась экспедиция Йельского университета и основала там базу.

— По-моему, я что-то такое уже читал, — заметил Пирсен. — Или видел в киножурнале. Венера... Там вроде бы сплошные неосвоенные джунгли, да?

— Совершенно неосвоенные, сэр, — подтвердил служитель.

— А, помню, значит, — сказал Пирсен. — Трудно за всем уследить. А что, эта наркотина входит потом в привычку?

— Ни в коем случае, сэр, — успокоил его служитель. — Наркотина действует как, согласно теории, должен бы влиять алкоголь. Вы испытываете небывалый подъем, чувство удовлетворенности, довольства. Похмелья не бывает. Это вам предлагает Томас Мориарти, кандидат от реформистской партии на пост мэра. Столбец эй-два в ваших кабинах, джентльмены. Мы смиреннейше рассчитываем на ваши голоса.

Посетители кивнули и закурили.

Нарколик начал действовать почти сразу. Уже после первой сигареты Пирсен ощутил раскованность, легкость, и его захлестнуло предвкушение чего-то приятного. Вторая сигарета усилила действие первой и кое-что добавила. Все чувства необыкновенно обострились. Пирсену казалось теперь, что мир восхитителен, полон неизведанных радостей и чудес. И сам он почувствовал себя важным и незаменимым.

Бенц толкнул его локтем в бок:

— Что, недурна штучка?

— Очень здорово, — ответил Пирсен. — Этот Мориарти, наверное, хороший человек. Миру нужны хорошие люди.

— Точно, — согласился Бенц. — Нужны толковые люди.

— Смелые, мужественные, дальновидные, — с жаром продолжал Пирсен, — такие орлы, как мы с тобой, которые перевернут весь мир, так что...

Он вдруг умолк.

— Чего ты? — спросил Бенц.

Пирсен не отвечал. В нем произошла неуловимая перемена, знакомая всем наркоманам, и нарколик теперь вызывал у него обратный эффект. Только что он казался себе богом. И вдруг с обостренной чувствительностью одурманенного увидел себя таким, каков он есть.

Он, Уолтер Хилл Пирсен, тридцати двух лет, неженатый, неработающий и никому не нужный. Когда ему было восемнадцать, он поступил на службу, чтобы доставить удовольствие родителям. Но уже через неделю бросил работу, потому что она нагоня-

ла на него тоску и мешала высыпаться. Потом как-то ему вздумалось жениться, но его отпугнула ответственность, которую накладывает семейная жизнь. Ему скоро тридцать три, он тощий, хилый, у него дряблые мускулы и нездоровый цвет лица. Ни разу в жизни не сделал он ничего хоть мало-мальски важного ни для себя, ни для других и впредь не сделает.

— Ну давай, давай выкладывай все как есть, дружище, — сказал Бенц.

— Ж-желаю совершить подвиг, — промямлил Пирсен, делая новую затяжку.

— Да ну?

— Чтоб я пропал! Приключений хочу!

— Так чего же ты молчал? Я тебе мигом все устрою. — Бенц вскочил и потащил за собой Пирсена. — Айда!

— Ты к-куда меня ведешь?

Пирсен попробовал оттолкнуть Бенца. Ему хотелось, не вставая с дивана, упиваться своим горем. Но Бенц рывком заставил его встать.

— Я понял, что тебе нужно, — говорил Бенц. — Приключение... такое, чтоб дух захватывало. Пошли, голуба, я тебя отведу.

Покачиваясь, Пирсен задумчиво насупил брови.

— Пойди сюда, — обратился он к Бенцу. — Я тебе на ухо скажу.

Бенц наклонился к нему, и Пирсен прошептал:

— Хочу, чтобы было приключение, но чтобы я остался цел и невредим. Понял?

— Само собой! — ответил Бенц. — Я же знаю, что тебе нужно. Вали за мной. Сейчас будет приключение. Безопасное!

Сжимая в кулаках пачки нарколика, приятели взялись за руки и нетвердым шагом вышли из салона, основанного кандидатом реформистов.

Поднялся ветер, и дерево, на котором сидел Пирсен, закачалось. Порыв ветра так внезапно охладил его разгоряченное, потное тело, что Пирсена вдруг начала бить дрожь. Зубы громко застучали, руки до боли вцепились в скользкую ветку. В горле нестерпимо жгло, как будто туда насыпали мелкого раскаленного песку.

Нет, он не мог больше терпеть такую жажду. За глоток воды он был готов сейчас сразиться с целым десятком черно-синих тварей.

Пирсен принялся медленно спускаться с дерева, решив не думать до поры до времени о том, что случилось вчера вечером. Сперва он должен найти воду.

Под деревом, не шевелясь, лежала черно-синяя зверюга с переломленным хребтом. Пирсен прошел мимо нее и нырнул в заросли.

Он брел по джунглям долгие часы, а может быть, и дни, ибо утратил представление о времени в мучительном зное, который источало сверкающее, неизменно белое небо. Колючие ветки рвали его одежду, какие-то птицы пронзительно вскрикивали каждый раз, когда он раздвигал кусты. Он ничего не замечал, но продолжал идти, с трудом передвигая одеревеневшие ноги и устремив вперед невидящий взгляд. Он упал, но снова встал и побрел, потом падал еще раз и еще. Так брел он, словно робот, покуда не наткнулся на скудный, грязный ручеек.

Пирсен растянулся и припал к воде губами, совсем не думая о том, что в ней могут оказаться болезнетворные бактерии.

Немного придя в себя, он огляделся. Вокруг сплошной стеной стояли непроходимые, ядовито-зеленые, чужие джунгли. Над ним сияло небо, точь-в-точь такое же белое, каким он увидел его в первый раз. А в кустах попискивала и чирикала невидимая мелкая живность.

«Какое глухое и жуткое место, — подумал Пирсен. — Поскорей бы отсюда выбраться».

Но как? Он не знал, есть ли здесь города или какие-нибудь поселения. И если даже есть, то как их разыскать в такой пустынной, дикой местности?

Каким же образом он все-таки попал сюда?

Он потер небритый подбородок и снова попытался вспомнить. Казалось, вчерашние события происходили миллион лет назад, в какой-то совершенно иной жизни. Нью-Йорк представлялся ему смутно, словно привиделся во сне. Реальностью были лишь джунгли, голод, который вгрызался ему в желудок, и недавно начавшееся странное гудение.

Он поглядел вокруг себя, пытаясь определить, откуда доносится звук. Гудело со всех сторон, ниоткуда и отовсюду. Сжав кулаки, Пирсен до боли в глазах всматривался в заросли, пытаясь разглядеть, где же притаилась новая опасность.

Внезапно недалеко от него шевельнулся куст, покрытый блестящими зелеными листьями. Пирсен отпрыгнул, дрожа как в лихорадке. Куст весь затрясся, и его тонкие изогнутые листья загудели.

И тут...

Куст посмотрел на него. Глаз у куста не было. Но Пирсен чувствовал, что куст знает о нем, сосредоточился на нем, что-то решил. Куст загудел громче. Его ветки потянулись к Пирсену, коснулись земли, пустили корни, тотчас же выбросили подвижные усики, те вытянулись, вновь пустили корни и снова выбросили усики.

Куст разрастался в его сторону со скоростью спокойно идущего пешехода.

Пирсен глядел как зачарованный на остренькие крючковатые

листочки, которые, поблескивая, тянулись к нему. Он не верил собственным глазам.

И в этот миг он вспомнил, что случилось с ним в конце минувшего вечера.

— Ну, вот мы и пришли, дружище, — сказал Бенц возле входа в ярко освещенный особняк на Мэдисон-авеню.

Он подвел Пирсена к лифту. Приятели поднялись на двадцать четвертый этаж и вошли в просторную светлую комнату.

Небольшая табличка на стене лаконично извещала:

«НЕЛИМИТИРОВАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ».

— Слышал я об этом заведении. — Пирсен сделал глубокую затяжку. — Здесь, говорят, дорого.

— Об этом не тревожься, — успокоил его Бенц.

Блондинка секретарша записала их фамилии и повела в кабинет доктора Шринагара Джонса, консультанта по активным действиям.

— Добрый вечер, джентльмены, — сказал Джонс.

При виде этого очкастого заморыша Пирсен не удержался и фыркнул. Нечего сказать, хорош консультант по активным действиям.

— Итак, джентльмены, вам желательно испытать приключение? — учтиво осведомился Джонс.

— Это ему хочется приключений, — сказал Бенц. — Я просто его приятель.

— Да, да, понимаю. Итак, сэр, — Джонс повернулся к Пирсену, — какого рода приключение вы себе мыслите?

— Приключение на свежем воздухе, — ответил Пирсен слегка осипшим, но твердым голосом.

— О, у нас есть нечто весьма подходящее! — воскликнул Джонс. — Обычно мы взимаем с клиентов плату. Однако сегодня все приключения — даровые. Счета оплачивает президент Мэйн, столбец си-один в вашей кабине. Пожалуйте за мной, сэр.

— Стойте. Я ведь не хочу, чтобы меня убили. Опасное это приключение?

— Совершенно безопасное. В наш век и в наши дни только такие и допустимы. А теперь послушайте. Сейчас вы пройдете в нашу Искательскую комнату, ляжете там на кровать, и вам будет сделана безболезненная инъекция. Вы тотчас потеряете сознание. Затем, должным образом применяя слуховые, осязательные и прочие возбудители, мы сформируем в вашем восприятии приключение.

— Как во сне? — спросил Пирсен.

— Это наиболее близкая из аналогий. Пригрезившееся вам приключение по своему существу будет абсолютно реалистично.

Вы испытаете подлинные эмоции. Оно ничем не будет отличаться от реальной действительности. Кроме, конечно, одного: все это произойдет не наяву и, следовательно, будет вполне безопасно.

— А что случится, если во время приключения я погибну?

— В точности то же самое, что бывает в таких случаях во сне. Вы проснетесь. Однако во время вашего ультрареалистического ярко-цветного сна вы сможете совершенно сознательно управлять своими действиями, чего во сне не бывает.

— А я буду все это знать, пока длится приключение?

— Разумеется. Все время, пока вы спите, вы будете полностью осведомлены о том, что находитесь в состоянии сна.

— Тогда пошли! — гаркнул Пирсен. — Даешь приключение!

Ярко-зеленый куст продолжал медленно разрастаться в его сторону. Пирсен захохотал. Да ведь это же сон! Конечно, сон! Ему ничто не угрожает. Зловещий куст — всего лишь плод его воображения, точно такой же, как и черно-синяя тварь. Даже если бы она тогда перегрызла ему горло, он не умер бы. Он сразу бы проснулся в Искательской комнате на Мэдисон-авеню.

Сейчас ему было просто смешно. Как же он не догадался раньше? Ведь этакая черно-синяя только во сне и может привидеться. И разве бывают на свете ходячие кусты? Все это, конечно, явный бред, нагромождение нелепостей.

Пирсен громко сказал:

— Хватит. Можете меня разбудить.

Никаких перемен. Вдруг Пирсен вспомнил, что он не может проснуться по своему желанию. Приключение тогда утратило бы всякий смысл, и исчезло бы целительное воздействие волнения и страха на истощенную нервную систему спящего.

Да, теперь он вспомнил. Приключение окончится только тогда, когда он, Пирсен, преодолеет все преграды. Или погибнет.

Куст добрался почти до его ног; Пирсен во все глаза разглядывал его, дивясь его натуральному виду.

Крючковатый листочек зацепился за ботинок. Пирсен самодовольно усмехнулся: он был горд, что так здорово держит себя в руках. Чего уж там бояться, когда знаешь, что все равно останешься целехонек.

«Постой-ка, — вдруг подумал он, — а как же я могу переживать всерьез, если мне известно, что все это понарошку? Тут они чего-то недодумали».

И тогда ему вспомнилось окончание их разговора с Джонсом.

Пирсен лежал уже на белой кушетке, когда над ним склонился Джонс, держа в руке шприц.

— А скажи-ка, друг любезный, — сказал Пирсен, — что мне за прок от приключения, если я буду знать, что оно не настоящее?

— Мы и это предусмотрели, — ответил Джонс. — Видите ли, сэр, на долю некоторых наших клиентов выпадают вполне реальные приключения.

— Э?

— Реальные, самые настоящие, они не снятся, а происходят в действительности. В таких случаях (они чрезвычайно редки) мы не даем клиенту возбудителей, а ограничиваемся вливанием сильной дозы снотворного. Когда человек уснет, его переносят на космический корабль и отправляют на Венеру. Очнувшись там, он наяву переживает то, с чем другие сталкиваются лишь в воображении. Если сумеет выйти победителем, то останется в живых.

— А если нет?

Джонс, который терпеливо ждал, держа шприц наготове, молча пожал плечами.

— Но это бесчеловечно! — крикнул Пирсен.

— Мы другого мнения. Представляете ли вы себе, мистер Пирсен, как остро нуждается в приключениях современный мир? Облегченность нашего бытия ослабила натуру человека, и противодействовать этому может только одно: встреча с опасностью. Наши воображаемые приключения — самый безобидный и приятный из возможных вариантов. Но приключение утратит всякий смысл, если клиент не будет принимать его всерьез. Иное дело, когда остается вероятность, пусть даже самая малейшая, что над тобой действительно нависла смертельная угроза.

— Но те, кого увозят на Венеру...

— Их процент ничтожен, — успокоил его Джонс. — Меньше одной десятитысячной. Мы это делаем лишь для того, чтобы взбодрить остальных.

— Но это противозаконно, — не унимался Пирсен.

— Ничуть. Вы больше рискуете жизнью, когда пьете минискаретте или курите нарколик...

— Право, не знаю, — сказал Пирсен, — хочется ли мне.

Острие шприца вдруг вонзилось ему в руку.

— Все будет отлично, — ласково произнес Джонс. — Устройтесь поудобнее, мистер Пирсен.

И с этой минуты он уже не помнил ничего до самого пробуждения в джунглях.

Зеленая ветка доползла до его щиколотки. Изогнутый тонкий листик очень медленно и нежно ткнулся в мякоть ноги. На миг стало щекотно, но не больно. Почти тотчас листик сделался красноватым.

«Растение-кровопийца, — подумал Пирсен, — ишь ты!»

Ему вдруг надоело приключение. Глупая, пьяная затея! Хорошенького понемножку. Пора кончать, да поскорей.

Ветка поднялась выше, и еще два изогнутых листка вонзились ему в ногу. Теперь уже весь куст стал грязно-бурым.

Пирсена потянуло в Нью-Йорк, туда, где вечеринки, где тебя бесплатно кормят, даром развлекают и можно спать сколько угодно. Ну, допустим, он справится с этой напастью, так ведь подоспеет новая. Сколько дней — или недель — ему еще тут мыкаться?

Самый верный способ поскорей попасть домой — не сопротивляться. Куст убьет его, и он сразу проснется.

Пирсен почувствовал, что начинает слабеть. Он сел и увидел, что еще несколько кустов подбираются к нему, привлеченные запахом крови.

— Конечно, это бред, — произнес он громко. — Кто поверит, что есть растения, пьющие кровь? Пусть даже на Венере.

Высоко в небе парили огромные чернокрылые птицы, терпеливо ожидая, когда наступит их пора слетаться к трупу.

Сон или явь?

Десять тысяч против одного, что это сон. Только сон. Яркий и правдоподобный, но тем не менее всего лишь сон.

А если нет? У него начала кружиться голова, и он все больше слабел от потери крови.

«Я хочу домой, — думал Пирсен. — Чтобы попасть домой, я должен умереть. Правда, я могу умереть по-настоящему, но практически это исключено...»

И вдруг его осенило. Да кто же это осмелится в наши дни рисковать жизнью избирателя? Нет, эти Нелимитированные Приключения не могут подвергать человека настоящим опасностям.

Джонс сказал ему об этом одном из десяти тысяч, чтобы приключение выглядело более реальным.

Вот это больше похоже на правду. Пирсен лег, закрыл глаза и приготовился умереть.

Он умирал, а мысли роились у него в голове, давно забытые мечты, надежды, опасения. Пирсен вспомнил свою единственную службу и то смешанное чувство облегчения и сожаления, с которым он оставил ее. Вспомнились ему чудаковатые трудяги родители, которые упорно не желали пользоваться незаслуженными, как они говорили, благами цивилизации. Никогда в жизни Пирсену не приходилось столько думать, и вдруг оказалось, что существует еще один Пирсен, о котором он прежде не подозревал.

Новый Пирсен был на редкость примитивен. Он хотел жить, и больше ничего. Жить во что бы то ни стало. Этот Пирсен не желал умирать ни при каких обстоятельствах... пусть даже воображаемых.

Два Пирсена — один, движимый гордостью, а другой — стремлением выжить — вступили в единоборство. Померившись силами, которые у обоих были на исходе, они пошли на компромисс.

— Стервец Джонс небось думает, что я умру, — сказал Пир-

сен. — Умру, для того чтобы проснуться. Так пропади я пропадом, если он этого дождется.

Лишь в такой форме он был способен признать, что хочет жить.

Качаясь от слабости, он кое-как встал и попробовал освободиться от куста-кровопийцы. Тот присосался крепко.

С криком ярости Пирсен ухватился за куст и отодрал его от себя. Выдернутые листья полоснули его по ногам, а в это время другие вонзились в правую руку.

Но зато он освободил ноги. Отшвырнув пинками еще два куста, Пирсен бросился в джунгли с веткой, обвившейся вокруг руки.

Он долго брел, спотыкаясь; и только когда растения-кровососы остались далеко позади, начал освобождаться от последнего куста.

Тот завладел уже обеими руками. Плача от боли и злости, Пирсен поднял руки над головой и с размаху ударил ими о ствол дерева.

Крючочки слегка отпустили. Пирсен снова ударил руками о дерево и зажмурился от боли. Потом еще, еще раз, и наконец куст перестал цепляться за него.

Пирсен тут же побрел дальше.

Но он слишком долго мешкал, пока раздумывал, умирать ему или не умирать. Кровь ручьями струилась из сотни ранок, и запах крови оглашал джунгли, как набат. Что-то черное стремительно метнулось к нему сверху. Пирсен бросился ничком на землю и, едва успев увернуться, услышал совсем рядом хлопанье крыльев и злобный пронзительный крик.

Он проворно вскочил и хотел спрятаться в колючем кустарнике, но не успел. Большая чернокрылая птица с малиновой грудью вторично ринулась на него с высоты.

Острые когти ухватили его за плечо, и он упал. Неистово хлопая крыльями, птица уселась ему на грудь. Она клюнула его в глаз, промахнулась, опять нацелилась.

Пирсен наотмашь махнул рукой. Его кулак угодил птице прямо по зобу и свалил ее.

Тогда он на четвереньках уполз в кусты. С пронзительными криками птица кружила над ним, высматривая какую-нибудь лазейку. Но Пирсен уползал все глубже в спасительную колючую чащу.

Вдруг он услышал рядом тихий вой, похожий на стон.

Да, видно, напрасно он так долго колебался. Джунгли обрекли его на смерть, вцепились в него мертвой хваткой. Похожая на акулу, продолговатая черно-синяя тварь, чуть поменьше той, с которой он дрался, проворно ползла к нему сквозь колючую чащу.

Одна смерть вопила в воздухе, другая стонала на земле, и бежать от них было некуда. Пирсен встал. С громким криком, в котором перемешались страх, злость и вызов, он не колеблясь бросился на черно-синего зверя.

Лязгнули огромные челюсти. Пирсен рухнул на землю. Последнее, что уловило его угасающее сознание, была разинутая над ним смертоносная пасть.

«Неужели наяву?» — с внезапным ужасом подумал он, и все исчезло...

Он очнулся на белой койке, в белой, неярко освещенной комнате. Пирсен медленно собрался с мыслями и вспомнил... свою смерть.

«Ничего себе приключеньице, — подумал он. — Надо ребятам рассказать. Только сначала выпить. Сходить куда-нибудь поразвлечься и опрокинуть рюмочку... а то и все десять».

Он повернул голову. Сидевшая на стуле возле койки девушка в белом халате встала и наклонилась над ним.

— Как вы себя чувствуете, мистер Пирсен? — спросила девушка.

— Нормально, — ответил он. — А где Джонс?

— О ком вы?

— Шринагар Джонс. Здешнее начальство.

— Вы, очевидно, перепутали, сэр, — сказала девушка. — Нашей колонией руководит доктор Бейнтри.

— Чем?! — крикнул Пирсен.

В комнату вошел высокий бородатый человек.

— Вы свободны, сестра, — сказал он девушке и повернулся к Пирсену. — Добро пожаловать на Венеру, мистер Пирсен. Я доктор Бейнтри, директор пятой базы.

Пирсен недоверчиво на него уставился. Потом, кряхтя, сполз с кровати и наверняка упал бы, если бы Бейнтри его не подхватил.

Пирсен с изумлением обнаружил, что забинтован чуть ли не с головы до пят.

— Так это было наяву? — спросил он.

Бейнтри помог ему добраться до окна. Пирсен увидел расчищенный участок, изгороди и зеленеющую вдали опушку джунглей.

— Один на десять тысяч, — с горечью произнес он. — Вот уж действительно везет как утопленнику. Я ведь мог погибнуть.

— Вы чуть было не погибли, — подтвердил Бейнтри. — Однако в том, что вы попали на Венеру, не повинны ни статистика, ни случай.

— Как вас понять?

— Выслушайте меня, мистер Пирсен. На Земле жить легко. Людям больше не приходится бороться за свое существование; однако, боюсь, они добились этого слишком дорогой ценой. Человечество остановилось в своем развитии. Рождаемость непрерывно падает, а количество самоубийц растет. Границы наших владений в космосе продолжают расширяться, но туда никого не заманишь. А их ведь нужно заселить, если мы хотим выжить.

— Слышал я уже в точности такие слова, — сказал Пирсен. — И в киножурнале, и по солидо, и в газете читал...

— Они, я вижу, не произвели на вас впечатления.

— Я этому не верю.

— Верите или нет, — твердо ответил Бейнтри, — но все равно это правда.

— Вы фанатик, — сказал Пирсен. — Я не намерен с вами спорить. Пусть даже это правда — мне-то что?

— Нам катастрофически не хватает людей, — сказал Бейнтри. — Чего мы только ни придумывали, как ни старались найти желающих. Никто не хочет уезжать с Земли.

— Еще бы. Дальше что?

— Лишь один-единственный способ оправдал себя. Мы основали агентство Нелимитированных Приключений. Всех подходящих кандидатов отвозят сюда и оставляют в джунглях. Мы наблюдаем за их поведением. Это отличный тест, полезный и для испытуемого, и для нас.

— Ну а что бы со мной случилось, если бы я не удрал тогда от тех кустов?

Бейнтри пожал плечами.

— Так, значит, вы меня завербовали, — сказал Пирсен. — Сперва погоняли по кругу с препятствиями, потом увидели, какой я молодец, и в самую последнюю секунду спасли. Я, наверно, должен быть польщен таким вниманием. И тотчас же осознаю, что я не какой-нибудь неженка, а крепкий, неприхотливый парень. И конечно, я полон отваги, мечтаю о славе первооткрывателя.

Бейнтри молча глядел на него.

— И, разумеется, тут же запишусь в колонисты? Да что я, псих, по-вашему, или кто? Неужто вы всерьез считаете, что я брошу шикарную жизнь на Земле, чтобы вкалывать у вас тут в джунглях или на ферме? Да провалитесь вы хоть к черту в пекло вместе с вашими душеспасительными планами.

— Я прекрасно понимаю ваши чувства, — заметил Бейнтри. — С вами обошлись довольно бесцеремонно, но этого требуют обстоятельства. Когда вы успокоитесь...

— Я и так спокоен! — взвизгнул Пирсен. — Хватит с меня проповедей о спасении мира! Я хочу домой, хочу во Дворец развлечений.

— Мы можем отправить вас с вечерним рейсом, — сказал Бейнтри.

— Что? Нет, вы это серьезно?

— Вполне.

— Ни черта не понимаю. Вы что, на сознательность решили бить? Так этот номер не пройдет — я еду, и конец. Удивляюсь, как это у вас хоть кто-то остается.

— Здесь никто не остается, — сказал Бейнтри.

— Что?!

— Почти никто, исключения очень редки. Большинство поступает так же, как вы. Это только в романах герой вдруг обнаруживает, что он обожает сельское хозяйство и жаждет покорять неведомые планеты. В реальной жизни все хотят домой. Многие, правда, соглашаются помогать нам на Земле.

— Каким образом?

— Они становятся вербовщиками, — ответил Бейнтри. — Это и в самом деле занятно. Ты ешь, пьешь и наслаждаешься жизнью, как обычно. Но когда встречается подходящий кандидат, ты уговариваешь его испытать воображаемое приключение и ведешь в агентство... Вот как Бенц привел вас.

— Бенц? — изумился Пирсен. — Этот подонок — вербовщик?

— Конечно. А вы думали, что вербовщиками у нас служат ясноглазые идеалисты? Все они такие же люди, как вы, Пирсен, так же любят повеселиться, ищут легкой жизни и, пожалуй, даже не прочь оказать помощь человечеству, если это не очень хлопотно. Я думаю, такая работа вам понравится.

— Что ж, попробовать можно, — согласился Пирсен. — Забавы ради.

— Мы большего не просим.

— Но откуда же вы тогда берете новых колонистов?

— О, это любопытная история. Представьте себе, мистер Пирсен, что многим из наших вербовщиков через несколько лет вдруг делается интересно — что же здесь происходит? И они возвращаются.

— Ну ладно, — сказал Пирсен. — Так и быть, я поработаю на вас. Но только временно, пока не надоест.

— Конечно, — сказал Бейнтри. — Вам пора собираться в дорогу.

— И назад меня не ждите. Ваш душеспасительный рэкет — на любителя. А я человек городской. Мне нужен комфорт.

— Да, конечно. Кстати, вы отлично вели себя в джунглях.

— Правда?

Бейнтри молча кивнул.

Пирсен не отрываясь глядел на поля, постройки, изгороди; глядел он и на дальнюю опушку джунглей, с которыми только что сразился и едва не вышел победителем.

— Вам пора, — сказал Бейнтри.

— А? Ладно, иду, — ответил Пирсен.

Он медленно отошел от окна, чувствуя легкую досаду, причину которой так и не смог определить.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Ну, и что мы здесь имеем? Я потерял ровно пятнадцать минут. Раньше этот компьютер никогда не зависал. Я пытался определить, что меня удерживает, что не дает идти вперед, что бы мне в

самом деле хотелось написать и почему я все время пишу о другом. Как получить большее удовольствие от работы, или это уже невозможно? Как проникнуться духом пьесы? Собственно говоря, дух пьесы и подсказал мне вышеупомянутую идею.

После долгого отсутствия Бог совершенно неожиданно возвращается на небо.

— Добро пожаловать, сэр, — произнес архангел Гавриил. — Пока вас не было, возникли кое-какие вопросы. Мы даже не пытались на них ответить. Теперь, когда вы вернулись, мы передаем их вам. Они относятся к делам, которые вы не завершили перед уходом.

— Например? — поинтересовался Бог.

— Да мало ли что? Возьмите хотя бы человеческую душу. Существует ли она? Является ли частью мировой души или это отдельное и независимое образование? Что есть суть человеческая? Есть ли она? Или это механически созданная иллюзия? Существует ли жизнь после смерти? И если да, то временная или вечная? Где она протекает? В раю или в аду? А может, в чистилище? Следует ли вообще думать об этом в подобных выражениях? Нужно также дать определения добра и зла. На Земле ситуация зашла в тупик. Вы уже давно не говорили с людьми понятным и доступным языком. По правде говоря, Боже, с людьми не мешает пообщаться.

— Ну и списочек, — пробормотал Бог.

— Это еще не все, — сказал Гавриил. — Пока вас не было, появилось множество научных вопросов. Искривлено ли пространство-время? Велика ли вселенная? Существуют ли другие вселенные? Если да, то одинаковы ли они по размеру? Конечен ли мир? Много проблем связано с квантовой механикой. Возможно ли определить местоположение кванта и его скорость? А может, Гейзенберг ошибался? Немало загадок, от смешных до возвышенных, породили летающие тарелки. Есть ли они на самом деле? Существуют ли пришельцы? Бывали ли на Земле инопланетяне или все это игра воображения и непонимание элементарных законов? Вот лишь немногое из того, что нам бы хотелось узнать, сэр, если вы не против.

— Так это, значит, Земля? — спросил Бог с некоторым сомнением.

— Не сомневаюсь, сэр, что вы все помните. Вы по своей природе не имеете права ничего забывать.

— Ну так и нечего мне напоминать! — огрызнулся Бог. — Я не обязан держать ответ наготове. Гораздо приятнее иметь дело с избирательной памятью. Или с избирательным забвением. Земля, значит... Люди, говоришь?

— Так точно, сэр.

— Сколько у них там было ног? Две, три, четыре?

— Хотите сказать, что вы не помните?

— Отвечай на вопросы! — рявкнул Бог. — Может, я делаю вид, что не знаю, чтобы тебя проверить. Может, я хочу посмотреть, не соблазнился ли ты, в силу моего невежества, на поклонение другим богам?

— Мне бы и в голову не пришло! — возмущенно воскликнул Гавриил.

— Надеюсь, надеюсь, — проворчал Бог. — Ладно, я пошутил — может быть. Но ты так и не ответил.

— Это двуногие существа, сэр. Я понимаю, что вы шутите, ибо как же еще они могут выглядеть?

— Вообще-то у них может быть любое количество ног, — проворчал Бог. — Нигде не указано, что разумное существо обязательно должно быть двуногим.

— Нет, сэр, вы никогда этого не утверждали. Но, насколько нам известно, человек — единственное разумное существо во вселенной.

— Насколько вам известно! — презрительно фыркнул Бог. — Звучит весьма жалко.

— Да, сэр, — сдержанно ответил Гавриил. — Позволено ли архангелу, который смеет считать себя вашим другом, поинтересоваться, где вы были?

— В отпуске, — коротко ответил Бог.

— О! — произнес Гавриил.

— Играл, — добавил Бог.

— Понятно.

— Игра — работа Бога, — напомнил Бог.

— Да, сэр. Глупо было с моей стороны об этом забыть.

— Не переживай. Даже архангелы не совершенны.

— Воистину, сэр.

— Даже Бог не совершенен.

— Если вы так утверждаете, сэр.

— Разумеется, Бог совершенен в своем несовершенстве.

— Как вам угодно, Повелитель.

— Что я сказал?

— Простите, Повелитель?

— Не обращай внимания. Иногда я развлекаюсь мгновенными провалами памяти. Ты даже не представляешь, как весело что-нибудь сказать — и тут же забыть.

— Вот уж весело... — пробормотал Гавриил.

— Тебя что-то смущает? — спросил Бог.

— А я что, спорю, что ли? — резко ответил Гавриил и подумал, что пока Бога не было, людям его очень не хватало. Никому и в голову не приходило, что с ним может оказаться еще хуже.

— Я, между прочим, вернулся кое с какими задумками, — произнес Бог.

— Это замечательно, сэр, — сказал Гавриил, вспомнив, как они радовались в те далекие дни, когда Бог впервые приступил к творению.

— Мы создадим новых существ. Будут ходить на четырех ногах утром, на двух днем и на трех вечером.

— Это разгадка тайны сфинкса, не так ли, сэр? И ответ на нее есть человек?

— Да, если подходить к вопросу метафорически.

— А как еще к нему можно подходить?

— Буквально.

— Вы хотите сказать, что у новых существ в самом деле утром будет четыре ноги? Днем две отвалятся, а к вечеру одна отрастет снова?

— Правильно! Ну, что скажешь?

— Любопытно, — осторожно произнес Гавриил.

— Тебе не понравилось...

— А что тут может понравиться? — воскликнул архангел.

— Тебе, кстати, и двуногое создание не очень пришлось по душе, когда мы все создавали.

— Нет, сэр, неправда! Я всегда утверждал, что ваши идеи Божественны!

— Верно. Но некоторые из них божественнее других, не так ли?

ПОДНИМАЕТСЯ ВЕТЕР

За стенами станции поднимался ветер. Но двое внутри не замечали этого — на уме у них было совсем другое. Клейтон еще раз повернул водопроводный кран и подождал. Ничего.

— Стукни-ка его посильнее, — посоветовал Неришев.

Клейтон ударил по крану кулаком. Вытекли две капли. Появилась третья, повисела секунду и упала. И все.

— Ну ясно, — с горечью сказал Клейтон. — Опять забило эту чертову трубу. Сколько у нас воды в баке?

— Четыре галлона, да и то если в нем нет новых трещин, — ответил Неришев.

Не сводя глаз с крана, он беспокойно постукивал по нему длинными пальцами. Он был крупный, рослый, но почему-то казался хрупким, бледное лицо обрамляла реденькая бородка. Судя по виду, он никак не подходил для работы на станции наблюдения на далекой чужой планете. Но, к великому сожалению Корпуса освоения, давно выяснилось, что для этой работы подходящих людей вообще не бывает.

Неришев был опытный биолог и ботаник. По натуре беспокойный, он в трудные минуты поражал своей собранностью. Таким людям нужно попасть в хорошую переделку, чтобы оказаться

на высоте положения. Пожалуй, именно поэтому его и послали осваивать такую неуютную планету, как Карелла.

— Наверно, придется все-таки выйти и прочистить трубу, — сказал Неришев, не глядя на Клейтона.

— Видно, так, — согласился Клейтон и еще раз изо всех сил стукнул по крану. — Но ведь это просто самоубийство! Ты только послушай!

Клейтон, краснощекий коренастый крепыш с бычьей шеей, работал наблюдателем уже на третьей планете.

Пробовал он себя и на других должностях в Корпусе освоения, но ни одна не пришлась ему по душе. ПОИМ — Первичное Обнаружение Иных Миров — сулило чересчур много всяких неожиданностей. Нет, это работа разве что для какого-нибудь сорвиголовы или сумасшедшего. А на освоенных планетах, наоборот, чересчур тихо и негде развернуться.

Вот теперешняя должность наблюдателя недурна. Знай сиди на планете, только что открытой ребятами из Первичного Обнаружения Иных Миров и обследованной роботом-спутником. Тут требуется одно: стоически выдерживать любые неудобства и всеми правдами и неправдами оставаться в живых. Через год его заберет отсюда спасательный корабль и примет его отчет. В зависимости от этого отчета планету будут осваивать дальше или откажутся от нее.

Каждый раз Клейтон клятвенно обещал жене, что следующий полет будет последним. Уж когда закончится этот год, он точно осядет на Земле и станет хозяйничать на своей маленькой ферме. Он обещал...

Однако едва кончался очередной отпуск, Клейтон снова отправлялся в путь, чтобы делать то, для чего предназначила его сама природа: стараться во что бы то ни стало выжить, пуская в ход все свое умение и выносливость.

Но на сей раз с него, кажется, и правда хватит. Они с Неришевым пробыли на Карелле уже восемь месяцев. Еще четыре — и за ними придет спасательный корабль. Если и на этот раз он уцелеет — все, баста, больше никуда!

— Слышишь? — спросил Неришев.

Далекий, приглушенный ветер вздыхал и бормотал вокруг стального корпуса станции, как легкий летний бриз.

Таким он казался здесь, внутри станции, за трехдюймовыми стальными стенами с особой звуконепроницаемой прокладкой.

— А он крепчает, — заметил Клейтон и подошел к индикатору скорости ветра.

Судя по стрелке, этот ласковый ветерок дул с постоянной скоростью восемьдесят две мили в час!

На Карелле это всего лишь легкий бриз.

— Ах, черт, не хочется мне сейчас вылезать, — сказал Клейтон. — Пропади оно все пропадом!

— А очередь твоя, — заметил Неришев.

— Знаю. Дай хоть немного поскулить сначала. Вот что, пойдем спросим у Сманика прогноз.

Они двинулись через станцию мимо отсеков, заполненных продовольствием, запасами воздуха, приборами и инструментами, запасным оборудованием; стук их каблуков по стальному полу отдавался гулким эхом. В дальнем конце виднелась тяжелая металлическая дверь, выходившая в приемник. Оба натянули маски, отрегулировали приток кислорода.

— Готов? — спросил Клейтон.

— Готов.

Они напряглись, ухватились за ручки возле двери. Клейтон нажал кнопку. Дверь скользнула в сторону, и внутрь со свистом ворвался порыв ветра. Оба низко пригнулись и, с усилием одолевая напор ветра, вошли в приемник.

Это помещение футов тридцать в длину и пятнадцать в ширину служило как бы продолжением станции, но не было герметически непроницаемым. В стальной каркас стен были вделаны щитки, которые в какой-то мере замедляли и сдерживали воздушный поток. Судя по индикатору, здесь, внутри, ветер дул со скоростью тридцать четыре мили в час.

«Черт, какой ветрище, а придется еще беседовать с карелланцами», — подумал Клейтон. Но иного выхода не было. Здешние жители выросли на планете, где ветер никогда не бывает слабее семидесяти миль в час, и не могли выносить «мертвый воздух» внутри станции. Они не могли дышать там, даже когда люди уменьшали содержание кислорода до обычного на Карелле. В стенах станции у них кружилась голова, и они сразу пугались. Пробыв там немного, они начинали задыхаться, как люди в безвоздушном пространстве.

А ветер со скоростью тридцать четыре мили в час — это как раз та средняя величина, которую могут выдержать и люди, и карелланцы.

Клейтон и Неришев прошли по приемнику. В углу лежал какой-то клубок, нечто вроде высушенного осьминога. Клубок зашевелился и учтиво помахал двумя щупальцами.

— Добрый день, — поздоровался Сманик.

— Здравствуй, — ответил Клейтон. — Что скажешь об этой погоде?

— Отличная погода, — сказал Сманик.

Неришев потянул Клейтона за рукав.

— Что он говорит? — спросил он и задумчиво кивнул, когда Клейтон перевел ему слова Сманика.

Неришев был не так способен к языкам, как Клейтон. Он пробыл здесь уже восемь месяцев, но язык карелланцев все еще казался ему совершенно невразумительным набором щелчков и свистков. Появились еще несколько карелланцев и тоже вступили в разговор. Все они походили на пауков или осьминогов, у всех были маленькие круглые тела и длинные гибкие щупальца. Самая удобная форма тела на этой планете, и Клейтон частенько ловил себя на том, что завидует им. Для него станция — единственное надежное прибежище, а для этих вся планета — дом родной.

Нередко он видел, как карелланец шагает против ураганного ветра: семь-восемь щупалец намертво впивались в почву, а остальные тянулись вперед в поисках новой опоры. Или же они катились по ветру, словно перекати-поле, плотно обвив себя всеми щупальцами, — ни дать ни взять плетеная корзинка. А как весело и дерзко управляются они со своими сухопутными кораблями, как лихо мчатся по ветру, точно гонимые им облака.

«Что ж, зато на Земле они выглядели бы преглупо», — подумал Клейтон.

— Какая будет погода? — спросил он Сманика.

Карелланец на минуту призадумался, втянул в себя воздух и потер два щупальца одно о другое.

— Пожалуй, ветер еще немного усилится, — сказал он наконец. — Но ничего страшного не будет.

Теперь призадумался Клейтон. «Ничего страшного» для карелланца может означать гибель для землянина. И все-таки это звучит утешительно.

Они с Неришевым вновь ушли на станцию и закрыли за собой дверь.

— Слушай, — сказал Неришев, — если ты предпочитаешь переждать...

— Уж лучше скорее отделаться.

Единственная тусклая лампочка под потолком освещала блестящую, гладкую громаду Зверя. Так они прозвали машину, созданную специально для передвижения по Карелле.

Зверь был весь бронированный, как танк, и обтекаемый, как полушарие. В мощной стальной броне были прорезаны смотровые щели, забранные небьющимся стеклом, толщиной и прочностью не уступающим стали. Центр тяжести танка был расположен очень низко: основная масса двенадцатитонной громады размещалась у самого днища. Зверь закрывался герметически. Его тяжелый дизельный двигатель и все входные и выходные отверстия были снабжены особыми пыленепроницаемыми покрышками. Эта неподвижная махина на шести колесах с толстенными шинами напоминала некое доисторическое чудовище.

Клейтон залез внутрь, надел шлем и защитные очки, пристегнулся к мягкому сиденью. Потом включил мотор, прислушался и кивнул.

— В порядке, — сказал он. — Зверь готов к прогулке. Иди наверх и открой дверь гаража.

— Счастливо, — сказал Неришев и вышел.

Клейтон внимательно проверил приборы: да, все технические новинки, изготовленные специально для Зверя, работают отлично. Через минуту по радио раздался голос Неришева:

— Открываю дверь.

— Давай.

Тяжелая дверь скользнула в сторону, и Клейтон вывел Зверя.

Станция стояла на широкой пустой равнине. Конечно, горы могли бы хоть немного защитить от ветра, но горы на Карелле беспрестанно возникают и рушатся. Впрочем, на равнине есть и свои опасности. И чтобы избежать хотя бы самых грозных, вокруг станции установлены прочные стальные надолбы. Они стоят очень близко друг к другу и нацелены остриями наружу, точно старинные противотанковые укрепления, да и служат, собственно, тем же целям.

Клейтон повел Зверя по одному из узких извилистых проходов, проложенных в гуще этой стальной щетины. Выбрался на открытое место, отыскал водопроводную трубу и двинулся вдоль нее. На небольшом экране засветилась белая линия. Она будет показывать малейшую поломку или чужеродное тело в этой трубе.

Впереди простиралась однообразная скалистая пустыня. Время от времени на глаза Клейтону попадался одинокий низкорослый кустик. Ветер, приглушенный урчанием мотора, дул прямо в спину.

Клейтон взглянул на индикатор скорости ветра. Девяносто две мили в час!

Клейтон уверенно продвигался вперед, тихонько мурлыча что-то себе под нос. Временами слышался треск — камешки, гонимые ураганным ветром, барабанили по танку. Они отскакивали от толстой стальной шкуры Зверя, не причиняя ему никакого вреда.

— Все в порядке? — спросил по радио Неришев.

— Как нельзя лучше, — ответил Клейтон.

Вдалеке он различил сухопутный корабль карелланцев, — футов сорок в длину, довольно узкий, корабль проворно скользил вперед на грубых деревянных катках. Паруса были сработаны из древесины лиственного кустарника — на планете их было всего несколько пород.

Поравнявшись с Клейтоном, карелланцы помахали ему щупальцами. Они, видимо, направлялись к станции.

Клейтон вновь стал следить за светящейся линией. Теперь шум ветра стал громче, его рев перекрывал даже звук мотора. Скорость его по индикатору составляла уже девяносто семь миль в час.

Клейтон угрюмо, неотрывно глядел в иссеченное песком смотровое стекло. Вдалеке сквозь пыльные вихри смутно маячили зазубрины скал. По корпусу Зверя барабанили камешки, и стук их

глухо отдавался внутри. Клейтон заметил еще один сухопутный корабль, потом еще три. Они упрямо продвигались против ветра.

Странно: с чего это их всех вдруг потянуло на станцию? Клейтон вызвал по радио Неришева.

— Как дела? — спросил Неришев.

— Я уже почти добрался до колодца, поломки пока не видно, — сказал Клейтон. — Кажется, к тебе туда едет целая орава карелланцев?

— Да. С подветренной стороны приемника уже стоят шесть кораблей и подходят новые.

— Пока у нас с ними еще не бывало никаких неприятностей, — задумчиво проговорил Клейтон. — Как по-твоему, в чем тут дело?

— Они привезли с собой еду. Может, у них какой-нибудь праздник...

— Может быть. Смотри там, поосторожней!

— Не беспокойся. Ты сам будь осторожен и давай скорей назад...

— Нашел поломку! После поговорим.

Поломка отражалась на экране белым пятном. Вглядевшись сквозь смотровое стекло, Клейтон понял, что по трубе, верно, прокатилась каменная глыба, смяла ее и покатилась дальше.

Он остановил танк с подветренной стороны трубы. Скорость ветра достигала уже ста тринадцати миль в час. Клейтон выскользнул из Зверя, прихватив несколько отрезков трубы, материал для заплат, паяльную лампу и ящик с инструментами. Все это он обвязал вокруг себя, а сам привязался к танку прочным нейлоновым канатом.

Снаружи ветер сразу его оглушил. Он грохотал и ревел, точно яростный морской прибой. Клейтон увеличил подачу кислорода в маску и принялся за работу.

Через два часа он наконец закончил ремонт, на который обычно хватает пятнадцати минут. Одежда его была изорвана в клочья, воздухоотвод забит песком и пылью.

Клейтон вскарабкался обратно в танк, задраил люк и без сил повалился на пол. Под порывами ветра танк начал вздрагивать. Но Клейтон не обратил на это никакого внимания.

— Алло! Алло! — кричал Неришев по радио.

Клейтон устало взобрался на сиденье и отозвался.

— Скорей назад, Клейтон! Отдыхать сейчас некогда. Ветер уже сто тридцать! По-моему, надвигается буря!

Буря на Карелле! Клейтону даже думать об этом не хотелось. За все восемь месяцев такое случилось только один раз, скорость ветра дошла тогда до ста шестидесяти миль.

Он развернул танк и тронулся в обратный путь, прямо навстречу ветру. Он дал полный газ, но машина ползла ужасающе медленно. Три мили в час — вот и все, что можно было выжать из мощ-

ного мотора при встречном ветре скоростью сто тридцать восемь миль в час.

Клейтон глядел упорно вперед. Судя по длинным струям пыли и песка, все вихри бескрайних небес устремились в одну-единственную точку — в его смотровое стекло. Каменные обломки, подхваченные ветром, летели навстречу, росли на глазах и обрушивались все на то же стекло. И всякий раз Клейтон невольно съеживался и втягивал голову в плечи.

Мотор начал захлебываться и давать перебои.

— Нет, нет, малыш, — выдохнул Клейтон. — Не сдавай, погоди! Сначала доставь меня домой, а там как хочешь. Уж пожалуйста!

Он прикинул, что до станции еще миль десять, и все против ветра.

Вдруг что-то загрохотало, будто с горы низвергалась лавина. Это грохотала каменная глыба величиной с дом. Ветер не мог поднять такую громадину и просто катил ее, вспахивая ею каменистую почву, как плугом.

Клейтон круто повернул руль. Мотор надрывно взревел, и танк невыносимо медленно отполз в сторону, давая глыбе дорогу. Клейтон смотрел, как она надвигается, его трясло; он барабанил кулаком по приборной доске:

— Скорей, крошка, скорей!

Глыба с грохотом пронеслась мимо, она делала добрых тридцать миль в час.

— Чуть не шарахнуло, — сказал себе Клейтон.

Он попытался снова повернуть Зверя против ветра по направлению к станции, но не тут-то было.

Мотор выл и ревел, силясь справиться с тяжелой машиной, но ветер, как неумолимая серая стена, отталкивал ее прочь.

Стрелка индикатора показывала уже сто пятьдесят девять в час.

— Как ты там? — спросил по радио Неришев.

— Превосходно! Не мешай, я занят.

Клейтон поставил танк на тормоза, отстегнулся от сиденья и кинулся к мотору. Отрегулировал зажигание, проверил смесь и поспешил назад к рулю.

— Эй, Неришев! Этот мотор скоро сдохнет!

Долгое мгновение Неришев не отвечал. Потом спросил очень спокойно:

— А что с ним случилось?

— Песок! — сказал Клейтон. — Ветер гонит его со скоростью сто пятьдесят девять миль в час. Песок в подшипниках, в форсунках, всюду и везде. Проеду сколько удастся.

— А потом?

— А потом поставлю парус, — отвечал Клейтон. — Надеюсь, мачта выдержит.

Теперь он был поглощен одним: вел машину. При таком ветре

Зверем нужно было управлять, как кораблем в бурном море. Клейтон набрал скорость, когда ветер дул ему в корму, потом круто развернулся и пошел против ветра.

На этот раз Зверь послушался и лег на другой галс.

Что ж, больше ничего не придумаешь. Весь путь против ветра нужно пройти, беспрестанно меняя галс. Он стал поворачивать, но даже на полном газу машина не могла держать против ветра круче, чем на сорок градусов.

Целый час Клейтон рвался вперед, поминутно меняя галс и делая три мили для того, чтобы продвинуться на две. Каким-то чудом мотор все еще работал. Клейтон мысленно благословлял его создателей и умолял двигатель продержаться еще хоть сколько-нибудь.

Сквозь слепящую завесу песка и пыли он увидел еще один карелланский корабль. Паруса у него были зарифлены, и он кренился набок так, что страшно было смотреть. И все же он довольно бойко продвигался против ветра и вскоре обогнал Зверя.

«Вот счастливчики, — подумал Клейтон. — Сто шестьдесят пять миль в час для них — всего лишь попутный ветерок!»

Вдали показалось серое полушарие станции.

— Я все-таки доберусь! — завопил Клейтон. — Открывай ром, Неришев, дружище! Ох и напьюсь же я сегодня!

Мотор словно того и ждал — тут-то он и заглох.

Клейтон яростно выругался и поставил танк на тормоза. Проклятое невезенье! Дуй ветер ему в спину, он бы преспокойно прикатил домой. Но ветер, разумеется, дул прямо в лоб.

— Что думаешь делать? — спросил Неришев.

— Сидеть тут, — ответил Клейтон. — Когда ветер поутихнет и начнется ураган, я приду пешком.

Двенадцатитонная махина вся содрогалась и дребезжала под ударами ветра.

— Знаешь, что я тебе скажу? — продолжал Клейтон. — Теперь-то уж я наверняка подам в отставку.

— Да ну? Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. У меня в Мэриленде ферма с видом на Чесапикский залив. И знаешь, что я буду делать?

— Что же?

— Разводить устриц. Понимаешь, устрица... Что за черт!

Станция медленно уплывала прочь, ее словно относило ветром. Клейтон протер глаза: уж не спятил ли он? Потом вдруг понял, что танк хоть и на тормозах, хоть и обтекаемой формы, но ветер неуклонно оттесняет его назад.

Клейтон со злостью нажал кнопку на распределительном щите и выпустил сразу правый и левый якоря. Они с тяжелым звоном ударились о камни, заскрипели и задребезжали стальные тросы. Клейтон вытравил семьдесят футов стального каната, потом закрепил тормоза лебедки. Танк вновь стоял как вкопанный.

— Я отдал якоря, — сообщил Клейтон Неришеву.
— И что, держат?
— Пока держат.

Клейтон закурил и откинулся на спинку кресла. Каждая мышца ныла от напряжения. Веки дергались от усталости: ведь он столько времени неотрывно следил за направлением ветра, который обрушивался то справа, то слева. Клейтон закрыл глаза и попытался хоть немного отдохнуть.

Свист ветра прорезал стальную обшивку танка. Ветер выл, стонал, дергал и тряс машину, словно искал, за что бы уцепиться на ее гладком, полированном корпусе. Когда он достиг ста шестидесяти девяти миль в час, вырвало щитки вентилятора.

«Счастье, что на мне герметически закрытые очки, а то бы я ослеп, — подумал Клейтон, — и если бы не кислородная маска — непременно бы задохся».

В кабине вихрем закружилась густая пыль, насыщенная электричеством.

По корпусу танка, точно пулеметная очередь, застучали камешки. Теперь они ударяли куда сильнее прежнего. Интересно, много ли им нужно, чтобы пробить стальную броню насквозь?

В такие минуты Клейтону всегда бывало нелегко сохранять хладнокровие и рассудительность. Он особенно остро ощущал, как уязвима человеческая плоть, и с ужасом думал, что грозным силам Вселенной ничего не стоит его раздавить. Зачем он здесь? Человеку здесь не место, он должен оставаться на Земле, где воздух тих и спокоен. Вернуться бы только домой...

— Как ты там? — спросил Неришев.
— Отменно, — устало ответил Клейтон. — А у тебя как?
— Неважно. Вся постройка дрожит и вибрирует. Если этот ветер надолго, фундамент может не выдержать.
— А наши еще собираются устроить тут заправочную станцию, — сказал Клейтон.
— Ну, ты же знаешь, в чем суть. Карелла — единственная твердая планета между Энгарсой и Южным Каменным Поясом. Все остальные — газовые гиганты.
— Придется им строить свою станцию прямо в космосе.
— А ты знаешь, во сколько это обойдется?
— Да пойми ты, черт побери, дешевле построить новую планету, чем держать заправочную станцию на этой!

Клейтон сплюнул: рот у него был набит пылью.

— Хотел бы я уже очутиться на спасательном корабле! Много у тебя там карелланцев?
— Штук пятнадцать сидят в приемнике.
— Ничего угрожающего?
— По-моему, нет, но ведут себя как-то странно.
— А что?

— Сам не знаю, — отвечал Неришев. — Только не нравится мне это.
— Ты бы лучше не вылезал в приемник, что ли. Говорить с ними ты все равно не можешь, а я хочу застать тебя целым и невредимым, когда вернусь. — Он запнулся. — Если, конечно, вернусь.
— Прекрасно вернешься, — пообещал Неришев.
— Ясно, вернусь... Ах, черт!
— Что такое? Что случилось?
— На меня летит скала! После поговорим.

И Клейтон уставился на каменную громадину: черное пятно быстро увеличивалось, приближаясь к нему с наветренной стороны. Оно надвигалось прямиком на его неподвижный беспомощный танк. Клейтон мельком глянул на индикатор. Сто семьдесят четыре в час! Не может этого быть! Впрочем, и в земной стратосфере реактивная струя бьет со скоростью двести миль в час.

Камень, уже огромный как дом, все рос, надвигался, катился на Зверя.

— Сворачивай! Прочь! — заорал ему Клейтон, изо всех сил колотя по приборной доске.

Но камень под чудовищным напором ветра неуклонно мчался вперед.

С криком отчаяния Клейтон нажал на кнопку и освободил оба якоря. Втягивать их не было времени, даже если бы лебедка выдержала нагрузку. А камень все ближе...

Клейтон отпустил тормоза.

Зверь, подгоняемый ветром в сто семьдесят восемь миль в час, стал набирать скорость. Через несколько секунд он делал уже тридцать восемь миль в час, но в зеркале заднего обзора Клейтон видел, что камень нагоняет.

Когда он был уже совсем близко, Клейтон рванул руль влево. Танк угрожающе накренился, вильнул в сторону, заскользил как по льду и едва не опрокинулся. Клейтон намертво вцепился в руль управления, стараясь выровнять машину.

«Надо же! Танк весит двенадцать тонн, а я развернул его по ветру, как парусную лодчонку, — подумал он. — Бьюсь об заклад, никому это до меня не удавалось!»

Камень величиной с добрый небоскреб пронесся мимо. Тяжелый танк чуть покачнулся и грузно осел на все свои шесть колес.

— Клейтон! Что случилось? Ты жив?
— Живехонек, — задыхаясь выговорил Клейтон. — Но мне пришлось убрать якоря. Меня сносит по ветру!
— А повернуть можешь?
— Пробовал — чуть не опрокинулся.
— Куда же тебя сносит?

Клейтон посмотрел вдаль. Впереди, окаймляя равнину, дыбились грозные черные скалы.

— Еще миль пятнадцать — и я врежусь в скалы. При такой скорости этого ждать недолго.

Клейтон снова нажал на тормоза. Шины завизжали, прокладки тормозов яростно задымились. Но ветер — уже сто восемьдесят три в час — даже не заметил такого пустяка. Танк сносило теперь со скоростью сорок четыре мили в час.

— Попробуй паруса! — закричал Неришев.

— Не выдержат.

— А ты попробуй. Другого выхода нет! Здесь уже сто восемьдесят пять в час. Вся станция трясется! Камни срывают надолбы. Боюсь, пробьет стены и расплющит...

— Хватит, — прервал Клейтон. — Мне тут не до тебя.

— Не знаю, выдержит ли станция. Слушай, Клейтон, попробуй...

Радио вдруг захлебнулось и умолкло. Настала зловещая тишина.

Клейтон несколько раз стукнул по приемнику, потом махнул рукой. Танк сносило уже со скоростью сорок девять миль в час. Скалы вырастали перед ним с устрашающей быстротой.

«Ну что ж, — сказал себе Клейтон. — Вот и все».

Он выпустил последний запасной якорь. Стальной трос протянулся более чем на двести футов, и скорость Зверя замедлилась до тридцати миль в час. Якорь волочился следом и взрывал почву, как плуг на реактивном двигателе.

Теперь Клейтон включил парусный механизм. Земные инженеры установили его на танке точно так же, как на маленьких моторных лодках, выходящих в океан, на всякий случай ставят невысокую вспомогательную мачту и парус. Парус — страховка на случай, если откажет мотор. На Карелле человеку ни за что не добраться до дому, если его машина откажет. Тут без дополнительной энергии пропадешь.

Мачта — короткий мощный стальной столб — выдвинулась сквозь задраенное отверстие в крыше. Ее тут же со всех сторон закрепили магнитные каркасы и подпорки. На мачте тотчас развернулась металлическая кольчуга паруса. Поднимался он при помощи шкота — тройного каната гибкой стали; Клейтон управлял им, орудуя лебедкой.

Парус был площадью всего в несколько квадратных футов. Однако он увлекал вперед двенадцатитонное чудовище с замкнутыми тормозами и якорем, выпущенным на всю длину стального каната в двести пятьдесят футов.

Это не так трудно... когда скорость ветра — сто восемьдесят пять миль в час.

Клейтон вытравил шкот и повернул Зверя боком к ветру. Но этого оказалось недостаточно. Он опять взялся за лебедку и повернул парус еще круче к ветру.

Ураган ударил в бок, громоздкий танк угрожающе накренился, колеса с одной стороны поднялись в воздух. Клейтон поспешно

убрал несколько футов шкота. Металлическая кольчуга вздрагивала и скрипела под свирепыми порывами ветра.

Искусно маневрируя оставшейся узкой полоской паруса, Клейтон ухитрялся кое-как удерживать все шесть колес танка на грунте и держался нужного курса.

В зеркало он видел позади черные зубчатые скалы. Это был его подветренный берег — берег, где ждало крушение. Но он все-таки выбрался из ловушки. Медленно, фут за футом, парус оттаскивал его прочь.

— Молодчина! — кричал Клейтон мужественному Зверю.

Но недолго он торжествовал победу; раздался оглушительный звон, и что-то со свистом пронеслось у самого виска. При ветре сто восемьдесят в час мелкие камушки уже пробивали броню. То, что обрушилось сейчас на Клейтона, можно сравнить разве что с беглым пулеметным огнем. Карелланский ветер рвался в отверстия, пробитые камешками, пытаясь свалить его на пол.

Клейтон отчаянно цеплялся за руль. Парус трещал. Кольчуга эта была сплетена из самых прочных и гибких металлических сплавов, но против такого урагана и ей долго не устоять; короткая толстая мачта, укрепленная шестью могучими тросами, раскачивалась, как тонкая удочка.

Тормозные прокладки начинали сдавать; Зверя несло уже со скоростью пятьдесят миль в час.

Клейтон так устал, что не мог ни о чем думать. Руки его судорожно сжимали руль, он машинально вел танк и, щуря воспаленные глаза, яростно всматривался в бурю.

С треском разорвался парус. Обрывки с минуту полоскались по ветру, потом мачта рухнула. Порывы ветра достигали теперь ста девяноста миль в час.

И Клейтона понесло назад, на скалы. А потом ветер дошел до ста девяноста двух миль в час, подхватил стальную махину, ярдов двенадцать нес ее по воздуху, вновь швырнул на колеса. От удара лопнула передняя шина, за ней — сразу же две задние. Клейтон опустил голову на руки и стал ждать конца.

И вдруг Зверь остановился как вкопанный. Клейтона кинуло вперед. Привязной ремень мгновенье удерживал его в кресле, потом лопнул. Клейтон ударился лбом о приборную доску и свалился оглушенный, весь в крови.

Он лежал на полу и сквозь пелену, которая обволакивала сознание, силился сообразить, что же произошло. Мучительно медленно вскарабкался опять в кресло, смутно понимая, что кости целы. Живот, наверное, весь ободран. Изо рта текла кровь.

Наконец, поглядев в зеркало, он понял, что случилось. Дополнительный якорь, который волочился за танком на длинном канате, зацепился за какой-то каменный выступ и застрял, рывком остановив танк меньше чем в полумиле от скал. Спасен!

Пока — спасен...

Но ветер не унимался. Он дул уже со скоростью ста девяноста трех миль в час. С оглушительным ревом он опять поднял Зверя в воздух, швырнул его оземь, снова поднял и снова швырнул. Стальной канат гудел как гитарная струна. Клейтон цеплялся за кресло руками и ногами. «Долго не продержаться», — думал он. Но если не цепляться изо всех сил, его просто-напросто размажет по стенам бешено скачущего танка...

Впрочем, канат тоже может лопнуть — и он полетит кувырком прямо на скалы.

И он цеплялся. Танк снова взлетел в воздух, и тут Клейтон на миг поймал взглядом индикатор. Душа у него ушла в пятки. Все. Конец. Погиб. Нельзя продержаться, когда этот проклятый ветер дует со скоростью сто восемьдесят семь в час! Это уж чересчур!

Сколько?! Сто восемьдесят семь? Значит, ветер начал спадать!

Сперва Клейтон просто не поверил. Однако стрелка медленно, но верно ползла вниз. При ста шестидесяти в час танк перестал скакать и покорно остановился на якорной цепи. При ста пятидесяти ветер переменил направление — верный признак, что буря стихает.

Когда стрелка индикатора дошла до отметки сто сорок две мили в час, Клейтон позволил себе роскошь потерять сознание.

К вечеру за ним пришли карелланцы. Искусно маневрируя двумя огромными сухопутными кораблями, они подошли к Зверю, привязали к нему крепкие лианы — куда более прочные, чем стальные канаты, — и на буксире приволокли изувеченный танк обратно на станцию.

Они принесли Клейтона в приемник, а Неришев перетащил его в тишину и покой станции.

— Ни одна кость не сломана, только нескольких зубов не хватает, — сообщил ему Неришев. — Но на тебе живого места нет.

— Все-таки мы выстояли, — сказал Клейтон.

— Еле-еле. Защитная ограда вся разрушена. В станцию прямиком врезались два огромных валуна, она едва выдержала. Я проверил фундамент, ему тоже здорово досталось. Еще одна такая переделка — и мы...

— И мы опять как-нибудь да выстоим! Мы земляне, нас не так-то легко одолеть! Правда, за все восемь месяцев такого еще не бывало. Но еще четыре — и за нами придет корабль. Выше голову, Неришев! Идем!

— Куда!

— Хочу потолковать с этим чертовым Смаником.

Они вышли в приемник. Там было полным-полно карелланцев. Снаружи, с подветренной стороны станции, пришвартовалось несколько десятков сухопутных кораблей.

— Сманик! — окликнул Клейтон. — Что тут такое происходит?

— Летний праздник, — сказал Сманик. — Наш ежегодный великий праздник.

— Гм. А как насчет того ветра? Что ты теперь о нем думаешь?

— Я бы определил его как умеренный, — сказал Сманик. — Ничего опасного, но немного неприятно для прогулок под парусом.

— Вот как, неприятно! Надеюсь, впредь ты будешь предсказывать поточнее.

— Всегда угадывать погоду очень трудно, — возразил Сманик. — Мне очень жаль, что мой последний прогноз оказался неверным.

— Последний? Как так? Почему?

— Вот это, — продолжал Сманик и широко повел щупальцем вокруг, — весь мой народ, племя Сиримаи. Мы отпраздновали Летний праздник. Теперь лето кончилось, и нам нужно уходить.

— Куда?

— В пещеры на дальнем западе. Отсюда на наших кораблях две недели ходу. Мы укроемся в пещерах и проживем там три месяца. Там мы будем в безопасности.

У Клейтона вдруг засосало под ложечкой.

— В безопасности от чего, Сманик?

— Я же сказал тебе. Лето кончилось. Теперь надо искать спасения от ветра, от сильных зимних бурь.

— Что такое? — спросил Неришев.

— Погоди минуту.

Мысли обгоняли одна другую. Бешеный ураган, едва не стоивший ему жизни, — это, по определению Сманика, безобидный умеренный ветер. Зверь вышел из строя, передвигаться по Карелле не на чем. Защитная ограда разрушена, фундамент станции расшатан, а корабль придет за ними только через четыре месяца!

— Пожалуй, мы тоже поедем с вами на ваших кораблях, Сманик, и укроемся с вами в пещерах... укроемся там...

— Разумеется, — равнодушно ответил Сманик.

«Что-то из этого выйдет, — сам себе сказал Клейтон, и у него опять засосало под ложечкой, куда сильнее, чем во время урагана. — Нам ведь нужно больше кислорода, другую еду, запас воды...»

— Да что там такое? — нетерпеливо спросил Неришев. — Какого черта он тебе наговорил? Ты весь позеленел!

— Он говорит, настоящий ветер только начинается.

Оба оцепенело уставились друг на друга.

А ветер крепчал.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПРОСМОТР

В одно прекрасное сентябрьское утро Питер Гонориус, разбирая почту, обнаружил директиву местного Отдела родственных уз, безоговорочно требовавшую, чтобы он женился до 1 октября.

В противном случае он-де проявит неуважение к государственной и местной Инструкциям по моногамии и понесет наказание вплоть до заключения в Лунавилле сроком от одного до пяти лет.

Гонориус пришел в ужас: в августе он заполнил формуляр на Продление статуса, который к сегодняшнему дню должны рассмотреть в установленном порядке. Это дало ему шесть дополнительных месяцев для селекции невесты. Теперь же у него оставались жалкие две недели на то, чтобы либо подчиниться директиве, либо погасить все и отчалить в Мексику. А уж в 2038 году это было не самой желанной альтернативой.

Проклятье!

В тот же день за завтраком Гонориус обсудил ситуацию со своим другом графом Унгерфьордом.

— Черт побери, это несправедливо с их стороны! — заявил Гонориус. — Кто-то там, в верхах, преследует меня. Но за что? Я не бунтовщик какой-нибудь. Я не хуже других знаю, что брак — это непременная сделка между индивидом и обществом, фундамент, на котором покоится государственная безопасность. Дьявол, да я не хочу жениться! Я просто еще не подобрал себе пару.

— Может быть, ты излишне суетлив? — предположил Унгерфьорд. Он был женат уже почти месяц. Взаимоотношения полов не представляли для него проблемы.

Гонориус покачал головой.

— Сейчас я готов на все, лишь бы не допустить несчастья. Вся беда в том, что, несмотря на компьютеризованную карточку и ультрасовременную технологию электронного сватовства, никогда заранее не скажешь, ту женщину ты выбрал или нет. А когда поймешь на собственной шкуре, уже слишком поздно что-либо менять.

— Да, — самодовольно согласился Унгерфьорд, — именно в такой ситуации как раз и оказывается большинство.

— Неужели нет исключений?

— Собственно говоря, существует один способ избавиться от неуверенности. Я сам воспользовался им. Именно так я нашел Джейни. Я не упоминал о нем ранее, потому что, как мне известно, ты не очень-то склонен нарушать закон.

— Разумеется, я стараюсь вести высоконравственный образ жизни, — сказал Гонориус. — Но ведь дело-то действительно очень серьезное, и я готов проявить гибкость. Кого я должен убить?

— Так далеко мы еще не зашли, — успокоил Унгерфьорд. Он нацарапал на бумаге несколько строчек. — Отправляйся-ка вот по этому адресу и поговори с мистером Фьюлером. Он возглавляет Тайную компьютерную службу. Скажи ему, что тебя послал я.

Во времена, к которым относятся наши события, Тайная компьютерная служба размещалась в нескольких пыльных конторских помещениях в запустелом районе Линкольновского центра, где скрывалась под вывеской «Оптовая торговля б/у матчастью и

матобеспечением». Секретарша Фьюлера, миловидная энергичная молодая женщина по имени Дина Гребс, провела Гонориуса в кабинет шефа. Фьюлер оказался низкорослым, пухленьким, лысеющим, дружелюбным, краснощеким человечком с умными карими глазами и обезоруживающими манерами. Он отделал свой кабинет под гостиную в английском стиле, но добился лишь того, что комната стала походить на уголок мебельного магазина.

— Вы обратились как раз туда, куда нужно, — заверил Фьюлер, едва познакомившись с ситуацией. — Государство требует, чтобы мы сочетались браком ради стабильности общества. Общеизвестно, что большинство недовольных, бунтовщиков, психопатов, растлителей малолетних, поджигателей, социал-реформаторов, анархистов и тому подобных личностей — это одинокие, неженатые типы, которым нечем заняться и которые способны лишь заботиться о собственной персоне и замышлять свержение существующего строя. Таким образом, бракосочетание есть обязательный акт лояльности по отношению к правительству. И разумеется, никто не будет оспаривать ни этот, ни любой другой вывод Национальной палаты матерей. Все мы признаем необходимость брака. В качестве единственного условия мы выдвигаем лишь то, чтобы он был надежным или по крайней мере терпимым, поскольку такое положение дел лучше удовлетворяет нуждам как индивидуума, так и государства.

— Да! — сказал Гонориус. — Именно поэтому я пришел к вам. Какие у вас есть практические...

Но Фьюлера не так-то просто было лишить слова.

— Что нам необходимо — так это научные методы освобождения брака от фактора неопределенности. Компьютеризованного сватовства недостаточно: нам нужен способ, который позволил бы взглянуть на фактический итог предполагаемого брака, и только после этого мы могли бы решить, вступать нам в брак или нет. Мы должны видеть, как эта штука работает, прежде чем заводить музыку в доме на шестьдесят или семьдесят лет.

— Если бы! — сказал Гонориус. — Но это невозможно. Или у вас, по счастью, имеется талантливая цыганка с исправным хрустальным шаром?

— Выход есть! — сказал Фьюлер улыбаясь.

— Что, кто-нибудь изобрел машину времени?

— Да, только вы знаете ее под другим именем. Она называется «Синтезатор и имитатор политических факторов».

— Я слышал о нем, — сказал Гонориус. — Это тот самый сверхкомпьютер, спрятанный под горой в Северной Дакоте, который вечно высчитывает, что именно одна данная страна собирается сотворить с какой-нибудь другой данной страной. Но я не понимаю, что этот компьютер может сказать о моей будущей жене, если только она не окажется генералом или кем-нибудь еще в этом роде.

— Вдумайтесь, мистер Гонориус! Есть машина, созданная специально для того, чтобы предсказывать и имитировать взаимодействия между различными группами и подгруппами людей. А что, если мы используем ее в целях предсказания и имитации возможных взаимодействий двух индивидуумов?

— Это было бы великолепно, — сказал Гонориус. — Но СИПФ охраняется тщательнее, чем Форт-Нокс.

— Мой мальчик, караулить золото просто, намного сложнее таить информацию, даже если сверху взгромоздить гору! В руках и продажных операторов, и операторов-идеалистов уже сам канал ввода данных — канал, от которого зависит информационное питание имитатора, может вдруг превратиться в канал вывода данных. Я, конечно, ни словом не намекну, как осуществляется программирование: у нас свои методы. Я только скажу, что имитатор может выстроить картину вашего возможного будущего брака с любой женщиной, какую ни пожелаете, и сымитировать конечный результат только для вас одного.

— Не пойму, как вы подберетесь к имитатору ближе чем на десять миль.

— А нам и не нужно подбираться. Мы завладеем терминалом.

Гонориус тихонько присвистнул, переводя дыхание. Он был в восхищении от хладнокровной наглости этого человечка.

— Мистер Фьюлер, когда я могу начать?

Вопрос о гонораре был быстро улажен, и Фьюлер сверился с расписанием.

— Поскольку ваше дело не терпит отлагательства, я могу выделить для вас десять минут машинного времени послезавтра. Приходите сюда в полдень, мисс Гребс проводит вас к терминалу и проинструктирует, что нужно делать. Не забудьте принести с собой карточки данных на вас и на ваших предполагаемых жен!

К условленному часу Гонориус все обстоятельно подготовил. В конвертике он принес карточки данных на пятнадцать кандидаток. Этих особ рекомендовала ему Служба компьютеризованного сватовства — первоклассное агентство с Мэдисон-авеню, сотрудники которого любовно отобрали пятнадцать претенденток из Национального объединения резерва одиноких женщин Америки (НОРОЖА), основываясь на их ответах на 1006 тщательно составленных вопросов. Эти женщины были известны Гонориусу только по номерам: анонимность сохранялась вплоть до того момента, когда жених получал разрешение на моногамный брак. Все эти женщины добровольно избрали статус «мгновенной доступности»; единственное, что требовалось от Гонориуса, — это засвидетельствовать свою готовность жениться на любой из них. (Из карточки данных Гонориуса явствовало, помимо прочего, что он высокого роста, с пышной шевелюрой, привлекателен, имеет ровный характер, добр к детям и мелким животным, зарабатывает тридцать пять тысяч долларов в год, будучи самым молодым президентом фирмы «Глип электроникс» за всю ее историю, и перед ним открыты поистине неограниченные перспективы. Большинство кандидаток мечтали урвать жениха с такой спецификацией. Гонориус являл собой пример добрачного заблуждения, впасть в которое жаждали многие женщины.)

Мисс Гребс привела Гонориуса на старую автомобильную стоянку на Декальб-авеню. Терминал компьютера был спрятан там в кузове мебельного фургона. Два техника, переодетые бродягами, ввели Гонориуса в затемненную клетушку внутри фургона, где мягко, словно бы разговаривая сам с собой, гудел терминал. Техники усадили Питера в большое командное кресло и укрепили у него на лбу и запястьях психометаллические электроды.

Мисс Гребс взяла карточки.

— Сегодня у нас хватит времени только на одну из них, — сказала она. — Перед вами пройдут события пяти лет жизни, но они будут спрессованы в десять минут реального времени, так что держитесь! С какой карточки начнем?

— Неважно, — сказал Гонориус. — Они все похожи. Я имею в виду карточки. Начните с верхней.

Мисс Гребс ввела карточку в терминал. Аппарат нежно заурчал, и Гонориус ощутил покалывание на дне глазных яблок. Мир вокруг затуманился. Когда в глазах прояснилось, он увидел себя со стороны и рядом с собой — прелестную миниатюрную девушку с длинными черными волосами.

Это была Мисс 1734-АВ-2103Ц.

Информация подавалась в форме сериала из отдельных кадров и монтажных кусков. Он увидел себя и 1734-ю за обедом в затейливом итальянском ресторанчике, а затем Они прогуливались рука об руку по Бликер-стрит. Вот Они на Вашингтон-сквер у фонтана. Она играет на гитаре и поет народную песню. Как Она прелестна! И как же Они были счастливы! Вот Они лежат рядышком перед крохотным камином в небольшой квартирке на Гей-стрит. Ее волосы уже расчесаны на прямой пробор. Вот Она в солнцезащитных очках читает сценарий: Она собирается сниматься в кино! Но из этого ничего не вышло, и в следующем эпизоде Они уже живут в сногсшибательной квартире в Саттон-Плейсе, и Она угрюмо жарит Ему на обед рубленые бифштексы. (Они поссорились: между Ними царило молчание — Он читал свой «Уолл-стрит джорнэл», а Она листала книги по астрологии.) А вот Они живут в Коннектикуте в прекрасном старом доме, окруженном щербатым забором из врытых в землю рельсов, большую солнечную детскую Они превратили в кладовку. Той зимой Он много катался на лыжах в одиночку, а Она изучала тантры в кружке буддистов в Мэриленде. Когда Она вернулась, у Нее была уже короткая стрижка и Она умела бесконечно долго сидеть в безупречной позе лотоса. Ее немигающие глаза смотрели сквозь Него, и Она теперь считала, что плотская любовь — нежелательный отвлекающий

момент при увеличении мандалической созерцательности. Годом позже Они уже не жили вместе. Она удалилась в буддистскую общину близ Скенектади, а Он нашел себе девушку в Братлборо.

На этом с Мисс 1734 было покончено. Следующий сеанс имитатора должен был состояться через три дня.

Вторая кандидатка, Мисс 3543, была высокой, стройной, веселой девушкой с рыжеватыми волосами и очаровательной россыпью веснушек на переносице. Они с Гонориусом обзавелись хозяйством в Малибу, где Она каждый день играла в теннис и читала журналы по украшению интерьера. Как же Она была прекрасна, когда подавала ему салат «Уолдорф» возле жаровни с раскаленными углями. Они жарили мясо на решетке, а у ног Его резвился кокер-спаниель! Потом Они оказались уже в Париже — спаниель превратился в таксу с тоскливыми глазами, а Она до полусмерти напилась на Монпарнасе и кричала Ему что-то очень оскорбительное. Потом были подобные сцены в Риме, Виллафранке, на Ивисе. Теперь Она пила не переставая, и Они вроде взяли на воспитание ребенка, но зато лишились таксы, а потом у Них был уже другой ребенок и две кошки, а затем Они наняли экономку, чтобы та управлялась со всем этим хозяйством, пока 3543-я лечилась от алкоголизма в одной очень хорошей клинике на озере Грисон. И вот Они в Лондоне. Она теперь неизменно трезва. Это высокая, тощая, серьезная женщина, у которой очень забавная манера складывать губы, когда Она раздает брошюрки по сциентологии на Трафальгарской площади. Этими брошюрками и закончились пять лет жизни с Мисс 3543.

Все, что Гонориус мог припомнить о третьей кандидатке, укладывалось в образ очаровательной застенчивой девушки, которая скрашивала долгие сумеречные вечера в Истгемптоне своим прелестным, исполненным эротики молчанием. Спустя два года в номере-люкс отеля «Скотовод» в Талсе Он уже вопил на Нее: «Ну, скажи хоть что-нибудь, манекен! Хоть что-нибудь! Христом Богом прошу, говори!» Кандидатка номер четыре к двадцати семи годам обнаружила в себе скрытый талант и стала звездой бега на роликовых коньках. Номер пять была особой с суицидальными наклонностями. Впрочем, Она так никогда и не собралась осуществить задуманное. Или то был номер шесть?

К 29 сентября, просмотрев четырнадцать вариантов потенциальной брачной жизни, Гонориус встревожился и впал в уныние. Он отправился на последний сеанс в состоянии тяжкой подавленности, почти с мыслью заключить брачный союз с номером одиннадцать: Вечное Хихиканье плюс два Брата-Тупицы. По крайней мере, это был не самый гибельный вариант.

По соображениям безопасности терминал перевели с автомобильной стоянки на Декальб-авеню в ванную комнату в конце того же коридора, куда выходили и двери конторы Фьюлера. Гонориус подключился и увидел, как Он гуляет по пляжу острова

Мартас Виньярд вместе с 6903-й, миловидной девушкой с каштановыми волосами, которая напоминала ему кого-то из прежней жизни. Вот Они прогуливаются по мосту Джорджа Вашингтона, счастливые, полные неведения о том, что уготовано им впереди. Вот Они едят козий сыр и пьют вино на известняковой скале, выдающейся далеко в Эгейское море. Вот Они посреди обширной каменистой равнины, у горизонта вздымаются горы, увенчанные белыми шапками. Тибет? Перу? А вот Майами: на Ней — Его непромокаемый плащ, и Они бегут, смеясь, под дождем. А потом Они оказались уже вовсе непонятно где, в каком-то маленьком белом домике, и видно было, что Они любят друг друга, и Он ходил взад-вперед по гостиной, баюкая на руках ребенка, мающегося животиком. На этом пятилетний период закончился.

Гонориус сразу же помчался в контору Фьюлера.

— Фьюлер! — закричал он. — Наконец-то я нашел ЕЕ! По-моему, я без памяти влюбился в 6903-ю!

— Поздравляю, мой мальчик, — сказал Фьюлер. — А то я уже начал было беспокоиться. Когда ты хочешь заключить Моногамное соглашение?

— Немедленно! — заявил Гонориус. — Включите Машину государственного архива! 6903 — очень симпатичный номер, не правда ли? Хотел бы я знать, как ее зовут.

— Я выясню это сию же минуту, — сказал Фьюлер. — Ты же знаешь, у нас тут Тайная компьютерная служба. Сейчас мы наберем этот номер и введем его в процессор... Так, это мисс Дина Гребс, проживающая по адресу: 4885 Рейлроуд-стрит, Флашинг, Лонг-Айленд, Нью-Йорк.

— Кажется, я уже где-то слышал это имя, — сказал Гонориус.

— И я, — сказал Фьюлер. — Есть в нем что-то навязчиво знакомое. Гребс, Гребс...

— Вы звали меня, сэр? — спросила Гребс из соседней комнаты.

— Это ты?! — воскликнул Фьюлер.

— Это она! — вскричал Гонориус. — То-то я думаю, почему она мне так знакома. Она и есть 6903-я!

Потребовалось какое-то время, чтобы Фьюлер переварил услышанное. Наконец он сурово спросил:

— Мисс Гребс, соизвольте объяснить мне, каким образом ваша карточка данных попала в набор селекционных кандидатур для мистера Гонориуса?

— Я объясню это мистеру Гонориусу наедине, — сказала она дрожащим, но достаточно дерзким голосом.

Фьюлер вышел, и Гонориус с Гребс встретились взглядами.

— Так будьте добры объяснить, почему вы это сделали, мисс Гребс? — сказал Гонориус.

— Ну, вы ведь и на самом деле очень заманчивый жених, —

сказала Дина Гребс. — Но, по правде, я влюбилась в вас с первого же взгляда, в тот самый день, когда вы впервые пришли сюда. Я сразу увидела, что мы идеально подходим друг другу. Чтобы понять это, мне незачем было обращаться к самому сложному компьютеру в мире. Но ваша аристократическая матримониальная служба даже не стала бы обрабатывать мои данные, а вы сами на меня ни разу толком не взглянули. Вы были нужны мне, Гонориус, поэтому я и сделала все необходимое, чтобы заполучить вас, и мне нечего стыдиться!

— Понятно, — сказал Гонориус. — Должен сказать вам, что, на мой взгляд, у вас нет никаких достаточно веских законных оснований, чтобы претендовать на меня. Однако я без всяких возражений рассчитаюсь с вами наличными — в пределах разумной суммы — в уплату за потраченные вами время и усилия.

— Я не ослышалась? — изумилась Гребс. — Вы предлагаете мне деньги, чтобы я больше не задерживала вас?

— Конечно, — сказал Гонориус. — Я хочу, чтобы все было по-честному.

О'Дон-Красота! — воскликнула Гребс. — Ну нет, если вы хотите от меня избавиться, это вам не будет стоить ни цента. В сущности, вы меня уже потеряли.

— Постойте-ка, — сказал Гонориус, — я протестую, чтобы вы разговаривали со мной таким тоном. Ведь потерпевшая-то сторона — я, а не вы.

— Вы — потерпевшая сторона? Я в вас влюбилась, мошенничаю, совершаю ради вас одно должностное преступление за другим, строю из себя дурочку у вас на глазах, а вы тут стоите и твердите, будто вы — потерпевшая сторона?!

— Но вы пытались заманить меня в ловушку! Наверное, вы и в карточках данных что-нибудь подтасовали, ведь так?

— Так! Уверена, что любая из кандидаток подойдет для такого тупицы, как вы! Рекомендую номер третий — ту, что вечно молчит как рыба. По крайней мере, при этом варианте вы иногда будете побеждать в семейных спорах.

Гонориус промычал что-то невнятное, более всего похожее на проклятье, и придвинулся к Дине. Гребс замахнулась на него кулаком. Гонориус схватил ее за запястье, и они внезапно обнаружили, что если они еще и не в объятиях друг друга, то уж определенно в тесном контакте. Тяжело дыша, они посмотрели друг другу в глаза.

Любовь — то потаенное неформальное чувство, что составляет суть моногамного поведения, — это сила, с которой следует считаться, но которую никогда нельзя предсказать заранее. Любовь вытесняет все прочие установки и отменяет все прежние обязательства. Но почему-то широко распространено мнение, будто единственное, чего еще не хватает любви, — это закрытых предварительных просмотров, которые позволили бы предвосхитить

все грядущие радости и печали, и уж тогда вовсе без помех закрутятся шестеренки сложного механизма автоматизированного спаривания, от которого зависит процветание и стабильность государства.

Позже Гонориус спросил Дину:

— Слушай, а наше собственное-то будущее было на самом деле? Или ты намудрила и со своей карточкой тоже?

— Поживем — увидим, — ответила Дина.

Впоследствии она так отвечала на этот вопрос еще много-много раз.

ВТОРЖЕНИЕ НА РАССВЕТЕ

Эта система насчитывала одиннадцать планет, но Дилон уже выяснил, что на планетах внешнего кольца вообще не было жизни, на четвертой от солнца она только зарождалась, на третьей, вероятно, вскоре появится. И лишь на второй — голубом шарике с единственной луной — он наконец обнаружил разумных существ. Туда-то Дилон и направил свой корабль.

Он подобрался к планете, под покровом темноты проскользнул сквозь атмосферу, прошил плотный слой дождевых туч, сам больше похожий на облачко, и совершил посадку с той лихорадочной суетой, которая с головой выдает землянина.

Когда корабль наконец приземлился, до рассвета оставался еще целый час, тот самый час, когда жизнь — неважно, какая планета ее породила, — замирает и создания теряют бдительность. Примерно так говорил ему отец перед тем, как Дилон покинул Землю. Вторжение на рассвете являлось главной тактической уловкой землян, досконально разработанной для того, чтобы с наибольшим успехом захватывать иные миры.

— Однако все знания не гарантируют от ошибок, — напомнил ему отец, — когда имеешь дело с таким непредсказуемым явлением, как разум.

Сделав это заявление, старик назидательно кивнул и продолжил:

— Помни, ты можешь перехитрить метеорит, предугадать ледниковый период, предсказать рождение новой звезды. Но что, собственно, ты знаешь об этих непостижимых и переменчивых существах, которые обладают разумом?

Не очень многое, сознался Дилон. Но он верил в свою молодость, напор и ловкость и доверял уникальной технике нападения, разработанной на Земле. С помощью искусства вторжения землянин мог пробить себе путь к самой вершине — в любой обстановке, чуждой и враждебной.

Дилона с пеленок учили, что жизнь — это непрерывная борьба. Он уяснил, что Галактика огромна и опасна и состоит в основном из пустоты и раскаленных звезд. Но временами встречаются и планеты, а на планетах — разумные существа, весьма различные по облику и размерам, но равно ненавидящие все, что не похоже на них. Всякое сотрудничество между расами исключено. И жизнь среди них требовала от землянина предельного мастерства, выдержки и находчивости. Но даже имея все это, выживание невозможно без разрушительной техники, созданной земными учеными.

Дилон был способным учеником, готовым на все. Он был ярым сторонником Исхода и наконец подобно миллионам молодых людей до него получил собственный космический корабль и отправился в поиск, навсегда покинув маленькую перенаселенную Землю. И вот наконец он встретил свою судьбу.

Корабль сел в джунглях, неподалеку от деревни с хижинами, крытыми тростником, и скрылся в густых зарослях. Дилон нетерпеливо ждал, пока рассвет не выкрасил небо в белый цвет с едва заметным розовым оттенком. Никто не объявил на него охоту, не посыпались бомбы, не понеслись ракеты. Надо полагать, его прибытия не заметили.

До того как солнце планеты появилось над горизонтом, Дилон провел необходимые анализы. Он определил состав атмосферы, силу тяжести, оценил энергию и спектр солнечного излучения и тоскливо покачал головой. Планета, подобно большинству планет в Галактике, была вряд ли пригодна для земной формы жизни. У него в запасе примерно час, за который он и должен завершить вторжение.

Дилон нажал на кнопку самоликвидации и быстро покинул кабину. Через минуту корабль за его спиной превратился в пепел, подхваченный утренним ветерком и развеянный по всем джунглям. Отрезав путь назад, Дилон направился к деревне чужаков.

Подойдя ближе, он увидел, что хижины местных жителей сложены из дерева, тростника и обтесанных вручную камней. Строения казались довольно прочными и явно подходили для здешнего климата. Дорог не было и в помине, только тропинки, петляющие сквозь джунгли. Ни силовых установок, ни фабрик. Цивилизация раннего периода, решил Дилон, завоевать такую — ничего не стоит.

Дилон уверенно двинулся вперед и тут же наткнулся на туземца.

Оба уставились друг на друга. Житель планеты оказался двуногим, но ростом значительно превосходил землянина и имел хорошо развитый череп. Носил он лишь простую набедренную повязку. Из-под серой шерсти виднелась светло-коричневая кожа. Чужак не выказал ни малейшего испуга.

— Ир-тай! — произнесло существо, что Дилон определил как возглас удивления.

Торопливо оглянувшись по сторонам, Дилон никого больше не заметил и решил, что этот абориген обнаружил его случайно. Он слегка напрягся и согнул ноги в коленях.

— К'тал тай а...

Дилон прыгнул. Чужак попытался увернуться, но Дилон как кошка изогнулся в полете и крепко вцепился в руку туземца.

Большего не требовалось. Физический контакт установлен, а остальное уже пустяк.

Несколько столетий назад взлет рождаемости резко увеличил население Земли. Но ни одна из тысячи планет не годилась для человека. Предлагались возможные варианты: например, изменение чуждой среды и создание земных условий. Или биологические изменения самого человека, его «подгонка» под новые условия. Возобладал третий путь. Он заключался в огромной пластичности психики, свойственной всем разумным расам.

Землян с детства обучали искусству вторжения в чужое сознание. С такой способностью землянин мог жить на любой планете, просто занимая мозг одного из ее обитателей, содержащий вдобавок еще и нужную информацию. Врожденная привычка к соперничеству, отшлифованная учебой агрессивность были надежным гарантом того, что в схватке за тело с чужим разумом землянин окажется победителем.

В первый момент Дилон испытал глубокое сожаление по поводу гибели собственного тела, которое следовало уничтожить немедленно, чтобы не оставалось никаких следов. Только он и его «носитель» должны знать, что место занято захватчиком.

А в конечном итоге знать об этом будет лишь кто-то один.

И теперь, внедрившись в разум чужака, Дилон всецело сосредоточился на предстоящей схватке. Барьеры рушились один за другим по мере продвижения к центру, в котором обитало «Я-есть-Я». Когда он возьмет и эту цитадель, вытеснив обитающую там личность, тело будет полностью принадлежать ему.

Поспешно воздвигаемые заграждения рушились под стремительным натиском Дилона. Какое-то время он думал, что уже первый штурм приведет к победе. И вдруг потерял направление, заблудившись в неясной, бесформенной мгле, окутавшей нечеловеческое сознание чужака. Туземец оправился после шока. Дилон ощутил медленно растущую силу сопротивления.

Кажется, ему предстоит настоящая битва.

На территории сознания чужака начались переговоры.

— Кто ты?

— Эдвард Дилон с планеты Земля. А ты?

— Арек. Мы зовем наш мир К'егра. Что тебе нужно здесь, Дилон?

— Немножко жизненного пространства, Арек, — усмехаясь, сказал Дилон. — И ты можешь мне его дать.

— Будь я проклят... Проваливай из моего мозга!

— Не могу, — возразил Дилон. — Теперь уже некуда.

— Понимаю, — задумался Арек. — Плохо дело, но тебя сюда не приглашали. И что-то подсказывает мне, что ты хочешь куда больше, чем немного жизненного пространства. Тебе нужно все, не так ли?

— Да, — согласился Дилон. — Я должен иметь контроль над всем, иного выхода нет. Но если ты не станешь сопротивляться, я, возможно, оставлю местечко и для тебя, хотя это и не принято.

— Не принято?

— Конечно, — подтвердил Дилон. — Разные расы не могут сосуществовать. Таков закон природы. Сильнейший выживает слабейшего. Но я могу попробовать, хотя бы какое-то время.

— Не делай мне поблажек, — сказал Арек и разорвал контакт.

Серая мгла обернулась густой чернотой. И Дилон в ожидании предстоящей схватки ощутил первые признаки сомнений по поводу собственного безусловного успеха.

Арек казался существом на низком уровне развития, но овладел ситуацией с ходу, приспособился к ней и теперь был готов к борьбе. Возможно, он не так уж и опасен, но все может быть...

Что же это за существо?

Дилон стоял на каменистом холме в окружения зазубренных скал. Вдали в дымке виднелась цепь высоких голубых гор. В глаза било солнце, ослепительное и горячее. По склону холма в направлении Дилона ползло черное пятно.

Дилон отпихнул ногой камень с дороги и стал ждать, пока пятно не примет какие-то более или менее конкретные очертания.

Так создавался образ ментальной битвы, где мысли обретают материальные формы, а идеи воплощаются в осязаемые предметы.

Пятно превратилось в кеграниа. Он внезапно навис над Дилоном, огромный, с напружиненными мускулами, вооруженный мечом и кинжалом.

Дилон отступил, избежав первого удара. Схватка происходила в узнаваемом, а следовательно, в подконтрольном образе. Чужаки обычно вызывали образ идеального представителя своей расы с преувеличенными атрибутами мощи. Образ создавался неизменно грозным, пугающим, непобедимым, но обычно именно здесь и крылся внутренний изъян. Дилон решил рискнуть, сыграв на нем.

Кеграниа сделал выпад. Дилон увернулся, упав на землю, и неожиданно ударил кеграниа обеими ногами. Кеграниа попытался отпрыгнуть, но оказался слишком медлительным: ботинки Дилона с силой врезались ему в живот.

Торжествующий Дилон бросился вперед. Он понял, что сделал правильный ход.

Увернувшись от меча, Дилон сделал ложный выпад, кеграниа попался на удочку, на мгновение раскрывшись, и Дилон двумя точными ударами ребром ладони сломал противнику шею.

Кеграниа рухнул, сотрясая землю. Дилон наблюдал за его агонией с некоторой долей сочувствия. Идеальный образ бойца у всех рас был внушительнее реального прототипа — сильнее, отважнее, искуснее, и в этом была его слабость: он оказывался слишком громоздким и неповоротливым в своем грандиозном величии. Для «картинки» это, конечно, великолепно, однако для «боевой машины» — ахиллесова пята.

Мертвый гигант исчез. Дилон уже решил, что победа осталась за ним, как вдруг услышал за спиной рычание. Обернувшись, он увидел длинное, похожее на пантеру, черное приземистое животное с прижатыми ушами и оскаленными клыками.

Значит, у Арека еще остались резервы. Однако Дилон знал, сколько энергии отнимает психологическая битва. Через некоторое время силы чужака окончательно иссякнут, и тогда...

Дилон, подняв с земли меч гиганта, начал отступать, пока не уперся спиной в высокий валун. Пантера шла прямо на Дилона, однако его позиция предлагала зверю сначала перемахнуть ограду, образованную валунами в половину человеческого роста. Солнце светило Дилону прямо в глаза, легкий ветерок швырял горсти песка в лицо. Когда пантера прыгнула, Дилон наотмашь рубанул ее мечом, и зверь рухнул на камни.

Несколько долгих часов подряд Дилон раз за разом уничтожал пеструю компанию кегранских тварей, расправляясь с ними так, как сражался бы с земными животными.

С носорогом — или по крайней мере очень похожим зверем — он справился легко, несмотря на внушительные размеры и быстроту животного. Дилон заманил зверя к краю скалы, и тот рухнул в пропасть. «Кобра» оказалась куда опасней и едва не плюнула ему ядом в глаза, прежде чем Дилон разрубил ее надвое. «Горилла» была сильна и чрезвычайно подвижна. Но ей так и не удалось наложить свои мохнатые лапы на человека — Дилон, ловко увертываясь и делая выпады, как фехтовальщик, буквально истыкал ее мечом. Бронированный тираннозавр вел себя весьма настойчиво, и Дилону пришлось устроить целый камнепад, похоронивший ящера.

Дилон давно потерял счет схваткам. Однако в конце концов с кружившейся от усталости головой и зазубренным обломком меча он остался один.

— Довольно, Дилон? — послышался голос Арека.

— Ну уж нет, — сквозь пересохшие до черноты губы просипел Дилон. — Ты не сможешь продолжать бесконечно, Арек. Есть предел даже твоей жизнеспособности.

— Ты думаешь? — переспросил Арек.

— Тебе недолго осталось, — заявил Дилон, пытаясь продемонстрировать уверенность в себе, которой, однако, уже не испытывал. — Почему бы не проявить благоразумие? Я оставлю тебе немного места, обещаю. Я... знаешь, я даже испытываю к тебе некоторое уважение.

— Благодарю, Дилон, — ответил Арек. — Это взаимно. Так что если ты признаешь поражение...

— Нет, — заявил Дилон. — Условия ставлю я!

— Ну ладно, — произнес Арек. — Ты сам напросился на неприятности!

— Так давай их сюда, — пробормотал Дилон.

Каменистый холм мгновенно исчез.

Дилон стоял по колено в сером болоте. Из мха и стоячей воды поднимались ряды гигантских сучковатых деревьев; белесые, как рыбье брюхо, лилии раскачивались и трепетали, несмотря на полное безветрие. Над водой, цепляясь за грубую кору деревьев, висел плотный белый туман. Вокруг не раздавалось ни звука, хотя Дилон и ощущал кипевшую в болоте жизнь.

Медленно осматриваясь, он выжидал, вдыхая затхлый воздух, вонь разложившихся растений и переставляя ноги в клейкой жиже. И тут до него дошло...

Ведь на К'егре нет болот!

Он чувствовал это с той внутренней уверенностью, которую каждый землянин ощущал в чужих мирах. К тому же сейчас и сила тяжести иная, и состав атмосферы другой. Даже грязь под ногами не такая, как на К'егре.

Мысли мелькали так быстро, что он не успевал их как следует проанализировать. Неужели кегряне освоили космические перелеты? Невозможно! Тогда как же Арек мог так хорошо знать чужую планету? Слышал о ней? Или это плод его фантазии? Такой реальный?

Ему в затылок уперся чей-то тяжелый взгляд. Атака застала задумавшегося Дилона врасплох.

Он попытался сдвинуться с места, но ноги увязли в жиже. С одного из нависших над водой деревьев свалилась тяжелая ветка. Дилон вдруг заметил, что деревья раскачиваются и трещат. Ветви гнулись книзу, скрипели и, отламываясь, дождем сыпались на него.

А ведь было полное безветрие.

Обескураженный, Дилон продирался сквозь топь, стремясь

отыскать твердую почву и место, где не было деревьев. Но огромные стволы поднимались из воды повсюду, да и островка земли в болоте тоже не находилось. Ураган из ветвей усилился, и Дилон брел, закрыв голову рукавом. Он жаждал сразиться хоть с кем-то живым, но вокруг было лишь одно стоячее болото.

— Выходи! — закричал Дилон.

Что-то ударило его под колени, и он шлепнулся в тину. С трудом поднялся и свалился опять. И тут едва не потерявший сознание Дилон увидел укрытие. Он дотащился до огромного дерева и вцепился в мшистые корни. Ветви злобно раскачивались и трещали, но дерево не могло дотянуться до него. Наконец он в безопасности!

Он еще не успел обрадоваться, как с ужасом заметил, что растущие у основания дерева лилии длинными стеблями обвили его лодыжки. Он попытался вырваться из гибких сетей, однако стебли, обвившие ноги, словно белые змеи, затягивались все туже. Резким движением Дилон оборвал их и побрел прочь от обманчивого укрытия.

— Сразись со мной! — требовал Дилон. Никакого ответа. Длинные стебли лилий, подрагивая, словно от вожделения, вновь потянулись к нему, над головой захлопали крылья болотной нечисти, почуявшей близкую развязку. Дилон покачнулся и вдруг ощутил, как что-то теплое и скользкое коснулось его лодыжки.

А вот теперь он знал, что делать.

Понадобилось лишь мгновение, чтобы к нему вернулась былая уверенность. Головой вперед Дилон нырнул в мутную зеленую воду...

И тут же болото успокоилось. Огромные стволы замерли на фоне грифельного неба, лилии поблекли, белый туман неподвижно завис над болотом, окутав шероховатые стволы деревьев, а птицы беззвучно ушли ввысь.

Какое-то время на поверхности воды лопались пузыри, но затем исчезли и они.

С глубокими царапинами на шее и спине Дилон вынырнул на поверхность, сжимая в руках бесформенное полупрозрачное существо — хозяина болота.

С трудом добравшись до дерева, Дилон с размаху шмякнул ослабевшее существо о ствол, добивая его. И устало сел на корни.

Никогда раньше он не был столь измотан схваткой и не чувствовал себя так скверно. И никогда раньше он не сомневался в необходимости бесконечной борьбы. Зачем все это, если жизнь занимает лишь ничтожную клетку на огромной карте бытия? Разве можно сопоставить краткий миг его существования с ходом пла-

нет или величественным сиянием солнца? Дилон был поражен собственным бесстыдством — ну можно ли с таким упрямством цепляться за жизнь?

Теплая уютная вода достигла груди. Жизнь, сонно сказал себе Дилон, есть не что иное, как просто зуд на шкуре не-жизни, паразит материи. Оценивая количественно, говорил он себе, когда вода достигла шеи, что значит ничтожество жизни по сравнению с неизмеримостью не-жизни? Если не-жизнь естественна, думал он, погружаясь в воду по подбородок, то жизнь — своего рода болезнь, самое здравое в ней — это ожидание смерти.

Мысль о смерти казалась приятной в тот момент, когда вода ласкала его губы. Борьба сменяется отдыхом, болезнь — исцелением. Так легко погрузиться вниз, где ждет забвение...

— Вот и славно, — прошептал Дилон, подтягивая голову к коленям. — Ты хорошо потрудился, Арек. Может, и ты устал? Может, от тебя не осталось ничего, кроме слабой эмоции?

Стало темно, и в темноте нечто, напоминавшее Дилона в миниатюре, обняло его за плечи и принялось нашептывать прямо в ухо.

— Есть вещи и похуже смерти, — сказало его подобие. — Есть вещи, с которыми ни одно живое существо не может жить. Это знание вины, утаенное в самых глубинах сознания, отвратительное и ненавистное, но *знание*, от которого никуда не деться.

Смерть предпочтительнее этого знания, Дилон. Она становится даром, последней надеждой, к ней взывают, а иные пройдохи специально укладываются на смертное ложе, чтобы привлечь ее... когда возникает нужда заглянуть поглубже в самого себя.

Дилон не желал слушать советчика, так похожего на него самого, однако миниатюра вцепилась ему в плечи и указующе ткнула пальцем. И Дилон увидел, как в темноте, сгущаясь, рождается что-то странно знакомое...

— Только не это, Дилон, — умолял двойник. — Пожалуйста, только не это! Выбери смерть! Будь отважен! Главное — умереть в нужное время!

Дилон, все более узнавая приближающийся образ, содрогался от дикого, невообразимого ужаса. В кошмарном образе крылось знание, выплывающее из темных глубин, тайное знание своей вины за все, о чем он когда-либо думал и что делал.

— Скорее, Дилон! — кричал двойник. — Будь тверд, будь смел, будь правдив! Умри, пока еще не знаешь, кто ты на самом деле!

И Дилону действительно захотелось умереть. Со вздохом огромного облегчения он начал высвобождаться из объятий двойника, чтобы позволить своей сущности ускользнуть в небытие...

И не смог.

— Помоги мне! — закричал он.

— Не могу! — ответила копия. — Ты должен сделать это сам.

Дилон попытался снова. Знание было уже рядом. Дилон просил смерти, умолял о ней, но не мог позволить себе умереть.

Оставалось одно. Собрав остаток сил, Дилон отчаянно бросился навстречу надвигающемуся образу.

И тот исчез.

А спустя мгновение Дилон осознал, что битва окончена. Он в одиночестве стоял на завоеванной территории. Несмотря ни на что, он победил! У его ног лежала покинутая цитадель, ждущая нового властителя. Дилон ощутил прилив уважения к Ареку. Славный был соперник, стоящий противник. Возможно, он и уступит Ареку немного жизненного пространства, если тот не попытается...

— Очень любезно с твоей стороны, Дилон, — загремел голос.

Дилон не успел отреагировать. Он попал в такой могучий захват, что всякая мысль о сопротивлении казалась бессмысленной. Только теперь Дилон осознал истинную мощь разума кегранина.

— Ты все делал просто здорово, Дилон, — сказал Арек. — Тебе не следует стыдиться борьбы, которую ты проиграл.

— Так у меня не было ни единого шанса? — спросил Дилон.

— Не было, — мягко ответил Арек. — Ты, как и большинство представителей юных рас, считаешь свой земной метод вторжения уникальным. Однако К'егра — древний мир, и за время своего существования мы подвергались вторжению множество раз, как физическому, так и ментальному. Поэтому нам это не в новинку.

— Ты играл со мной! — воскликнул Дилон.

— Я хотел выяснить, что вы из себя представляете, — пояснил Арек.

— Ты, должно быть, сейчас лопнешь от самодовольства! Для тебя это была всего-навсего игра. Ладно, теперь давай ее завершим.

— Что ты имеешь в виду?

— Убей меня!

— Зачем? — поинтересовался Арек.

— Затем... а что, собственно, тебе остается? Почему у меня должна быть иная участь, чем у остальных?

— Ты встретился кое с кем из остальных, Дилон. Ты сражался с Эйтаном, обитавшим на своей болотистой планете до того, как отправиться в путешествие. А твой вкрадчивый двойник — это Оолемрик, прибывший сюда совсем недавно. И все они поначалу очень походили на тебя — так же рвались в бой.

— И?..

— Мы приняли их, освободив место, и стали гораздо богаче.

Вместе мы нечто гораздо большее, чем те слабые создания, что существовали поодиночке.

— Вы живете все вместе? — прошептал Дилон. — В твоем теле?

— Конечно. Хорошие тела в Галактике редкость, да и подходящих мест для житья не так уж много. Дилон, познакомься с моими партнерами.

И Дилон снова увидел аморфное существо, и покрытого чешуей Оолемрика, и еще дюжину других.

— Но такого просто не может быть! — воскликнул Дилон. — Чуждые друг другу расы не могут жить вместе! Жизнь — это вечная борьба. В этом основной закон природы!

— Добавь: свойственный юным расам, — пояснил Арек. — Мы давно открыли, что сотрудничество означает выживание для всех, причем гораздо успешнее. Скоро ты сам в этом убедишься. Добро пожаловать в нашу конфедерацию, Дилон.

И Дилон, все еще ошеломленный, вступил в цитадель.

ПУШКА, КОТОРАЯ НЕ БАБАХАЕТ

Диксону показалось, что хрустнула ветка. Он обернулся и успел краешком глаза заметить скользнувшую под кустом черную тень. Он замер на месте, вглядываясь в заросли. Стояла полная тишина. Высоко над головой какая-то птица вроде стервятника парила в восходящих потоках воздуха, что-то высматривая внизу, что-то ожидая.

И тут Диксон услышал в кустах тихое нетерпеливое рычание. Теперь он точно знал — звери крадутся за ним. До сих пор это было только предположением. Но смутные, едва заметные тени рассеяли его сомнения. По дороге на радиостанцию они его не тронули — только в нерешительности следовали за ним. А теперь готовы действовать.

Он вынул из кобуры дезинтегратор, проверил предохранитель, снова засунул оружие в кобуру и зашагал дальше.

В кустах опять послышалось рычание. Кто-то терпеливо преследовал его, вероятно, ожидая, когда он минует заросли кустарника и войдет в лес. Диксон ухмыльнулся про себя.

Никакой зверь ему не страшен. У него есть дезинтегратор.

Если бы не это, Диксон ни за что не решился бы отойти так далеко от корабля. Никто не может позволить себе просто так разгуливать по чужой планете. Но Диксон мог. У него на поясе болталось оружие, с которым не могло сравниться никакое другое, — абсолютная защита от всего, что только может ходить, ползать, летать или плавать.

Это был самый совершенный пистолет, последнее слово техники в области личного оружия.

Это был дезинтегратор.

Диксон снова оглянулся. Меньше чем в полусотне метров позади показались три хищника. Издали они напоминали собак или гиен. Они зарычали и медленно двинулись вперед.

Он взялся за дезинтегратор, но решил пока не пускать его в ход. Успеется — пусть подойдут поближе.

Альфред Диксон был небольшого роста, с широченными плечами и грудью. У него были светлые волосы и светлые с закрученными кончиками усы — они придавали его загорелому лицу свирепое выражение.

Его любимое местонахождение — земные бары и таверны. Там он, одетый в видавший виды походный костюм, мог громким, воинственным голосом заказывать себе выпивку и пронзать собутыльников взглядом прищуренных глаз цвета вороненой оружейной стали. Ему доставляло удовольствие снисходительно растолковывать пьяницам разницу между лучевым ружьем Сайкса и тройным кольтом или между адлепером с Марса и венерианским скомом и наставлять их, что следует делать, когда на тебя в густом лесу кидается рогатый танк с Раннара, или как отбиться от крылатых блестянок.

Некоторые считали Диксона трепачом, но избегали высказывать это вслух. Другие относились к нему хорошо, несмотря на его непомерное самомнение. «Он просто слишком самоуверен, — объясняли они. — Это дело поправимое — стоит ему только погибнуть или покалечиться».

Диксон свято верил в силу личного оружия. По его твердому убеждению, покорение Дикого Запада в Америке представляло собой не что иное, как состязание между луком и кольтом 44-го калибра. Африка? Копье против винтовки. Марс? Тройной кольт против метательного ножа. Водородная бомба может испепелить города, но занимать вражескую территорию приходится людям, вооруженным винтовками и пистолетами. Зачем измышлять какие-то непонятные экономические, философские или политические объяснения, когда все так просто?

И на дезинтегратор он, конечно, полагался целиком и полностью.

Оглянувшись, Диксон заметил, что к трем хищникам прибавилось еще с полдюжины. Они уже перестали прятаться и понемногу приближались, высунув языки.

Он решил еще немного подождать, прежде чем открывать стрельбу. Чем ближе они подойдут, тем сильнее будет впечатление.

В свое время Диксон сменил немало профессий: был геодезистом, охотником, геологом, работал на астероидах. И всегда ему не везло. Другие вечно натыкались на заброшенные древние города, подстреливали редких зверей, находили рудные залежи. Но он не унывал. Не везет, что поделаешь? Теперь он работал радистом — обслуживал десяток радиомаяков на незаселенных планетах.

А главное — ему было поручено провести первое полевое испытание самого совершенного личного оружия. Изобретатели надеялись, что оно завоюет всеобщее признание. На всеобщее признание надеялся и Диксон.

Он приблизился к опушке тропического леса. Корабль, на котором он прилетел, стоял в лесу, милях в двух от опушки, на небольшой поляне. Войдя в лес, Диксон услышал возбужденный писк древолазов. Эти небольшие оранжевые и голубые существа внимательно следили за ним сверху.

«Похоже на Африку, — подумал Диксон. — Хорошо бы повстречать какую-нибудь крупную дичь. Привезти с собой в виде трофея две-три страшных головы с рогами...»

Дикие собаки уже приблизились метров до двадцати. Это были животные величиной с терьера, серо-бурого цвета, с челюстями как у гиены. Часть их побежала через кусты, чтобы отрезать ему путь.

Пора было продемонстрировать дезинтегратор.

Диксон вынул его из кобуры. Оружие имело форму пистолета и было довольно тяжелым да к тому же еще и плохо сбалансированным. Изобретатели обещали в следующих моделях уменьшить вес и сделать дезинтегратор более прикладистым. Но Диксону он нравился именно таким. Он сдвинул предохранитель и поставил кнопку на одиночную стрельбу.

Стая с лаем и рычанием кинулась на него. Диксон небрежно прицелился и выстрелил.

Дезинтегратор издал едва слышное гудение. Впереди, в радиусе сотни метров, часть леса тут же исчезла.

Это был первый выстрел из первого дезинтегратора.

Луч из его дула веером расходился до четырехметровой ширины. В гуще леса на высоте пояса появилось конической формы пустое пространство длиной в сотню метров. В нем не осталось ничего — исчезли деревья, насекомые, трава, кустарник, дикие собаки, бабочки. Свисавшие сверху ветки, которые задел луч, были срезаны, будто гигантской бритвой.

Диксон прикинул, что истребил по меньшей мере семь собак. Семь животных за полсекунды? И не надо думать об упреждении, как при стрельбе из обычного пистолета: не надо беспокоиться о боеприпасах — запаса энергии в дезинтеграторе хватит на восемнадцать часов работы. Идеальное оружие!

Он отвернулся и пошел дальше, сунув дезинтегратор в кобуру.

Наступила тишина: лесные обитатели осваивались с новым явлением. Но уже через несколько мгновений их удивление бесследно прошло. Голубые и оранжевые древолазы вновь закачались на ветках у него над головой. Стервятник в небе опустился пониже, и откуда-то издали появилось еще несколько чернокрылых птиц. А в кустах снова послышалось рычание диких собак.

Они все еще не отказались от преследования. Диксон слышал,

как они перебегали в зарослях по обе стороны от него, скрытые листвой.

Он снова вытащил дезинтегратор. Неужели они осмелятся попробовать еще раз?

Они осмелились.

За самой его спиной из-за кустов выскочила пятнистая серая собака. Дезинтегратор загудел. Собака исчезла на лету во время прыжка — вокруг только ветром шевельнуло листья, когда воздух ворвался в возникший вакуум.

Еще одна собака бросилась на Диксона, и он, слегка нахмурившись, уничтожил ее. Нельзя сказать, чтобы эти звери были такие уж глупые. Почему же они никак не поймут, что против него, против его оружия они бессильны? По всей Галактике живые существа быстро научились остерегаться вооруженного человека. А эти?

Еще три собаки прыгнули на него с разных сторон. Диксон переключил дезинтегратор на автоматическую стрельбу и скосил их одним движением руки. Взлетела пыль — воздух заполнил вакуум.

Он прислушался. Рычание раздавалось по всему лесу. Новые и новые стаи сбегались, чтобы урвать кусок добычи.

Почему они не боятся?

И вдруг его осенило. Они не видят, чего нужно бояться!

Дезинтегратор уничтожает их быстро, аккуратно, тихо. Попавшие под луч собаки чаще всего просто исчезают — они не визжат в агонии, не воют, не рычат.

А главное — не слышно громкого выстрела, которого они могли бы испугаться, не пахнет порохом, не щелкает затвор, досылая новый патрон...

«Наверное, у них просто не хватает ума сообразить, что эта штука смертельна, — подумал Диксон. — Они просто не понимают, что происходит. Они думают, что я беззащитен».

Он зашагал быстрее.

«Никакой опасности нет, — напомнил он сам себе. — Пусть они не понимают, что это смертельное оружие, — от этого оно не становится менее смертельным. Но все равно нужно будет сказать, чтобы в новые модели добавили какое-нибудь шумовое устройство. Наверное, это будет нетрудно».

Теперь осмелели и древолазы — они, оскалив зубы, раскачивались почти на уровне его головы. «Наверное, тоже хищники», — решил Диксон и, переставив кнопку на автоматический огонь, прорезал огромные бреши в кронах деревьев.

Древолазы с воплями скрылись. На землю посыпались листья и ветки. Даже собаки на мгновение отступили.

Диксон ухмыльнулся — и в тот же момент распластался на земле, придавленный огромным суком, который луч дезинтегратора перерезал у основания. Удар пришелся по левому плечу.

Дезинтегратор вылетел из руки Диксона и упал метрах в трех,

продолжая уничтожать ближайшие кусты. Диксон выполз из-под сука и бросился к оружию, но его уже схватил один из древолазов.

Диксон ничком бросился на землю. Животное с торжествующими воплями размахивало дезинтегратором. На землю валились огромные деревья, в воздухе потемнело от падающих листьев и ветвей, землю избороздили рытвины. Луч дезинтегратора прорезал ствол дерева, у которого только что стоял Диксон, и взрыл землю у самых его ног. Диксон отскочил в сторону, и луч едва миновал его голову. Диксон пришел в отчаяние. Но тут древолаза одолело любопытство. Весело тараторя, животное повернуло дезинтегратор дулом к себе и попыталось заглянуть в отверстие.

Голова животного беззвучно исчезла.

Диксон тут же перескочил рытвину, схватил дезинтегратор, прежде чем им смогли завладеть другие древолазы, и тут же выключил автомат.

Несколько собак вернулись. Они стояли поблизости и внимательно следили за ним. Стрелять Диксон не стал. У него так тряслись руки, что это было бы опасно не столько для собак, сколько для него самого. Он повернулся и заковылял к кораблю.

Собаки последовали за ним.

Через некоторое время Диксон пришел в себя. Он посмотрел на сверкающий дезинтегратор, который держал в руке. Теперь он испытывал к этому оружию куда большее уважение. И изрядно его опасался. Во всяком случае больше, чем собаки. Те, очевидно, никак не связывали с дезинтегратором разрушения, произведенные в лесу. Все это показалось им внезапно налетевшей бурей.

А теперь буря прошла, и можно возобновить охоту.

Диксон шел через густой кустарник, прожигая себе дорогу. Собаки по обе стороны не отставали от него. Время от времени то одна, то другая попадали под луч. Но их было несколько десятков, и они приближались.

«Черт возьми, — подумал Диксон, — почему они не подсчитывают свои потери?» Но тут же сообразил, что вряд ли они вообще умеют считать.

Он пробивался вперед. До корабля было уже совсем недалеко. Диксон занес ногу, чтобы переступить через лежащее на пути бревно, — и тут бревно ожило и злобно распахнуло огромную пасть под самыми его ногами.

Он нажал на спуск и не отпускал его целых три секунды, чуть не задев собственные ноги. Существо исчезло. Диксон всхлипнул, покачнулся и съехал в яму, которую только что разверз сам.

Он тяжело упал на дно, подвернув левую ступню. Собаки окружили яму, щелкая зубами и не отрывая от него глаз.

«Спокойно», — сказал себе Диксон. Двумя выстрелами он очистил края ямы от хищников и попытался выбраться наружу. Но у ямы были слишком крутые стены, и к тому же они оплавились, превратившись в стекло.

В панике он снова и снова, не жалея сил, бросался на гладкую поверхность. Потом остановился и заставил себя подумать. В эту яму он попал из-за дезинтегратора; пусть дезинтегратор его отсюда и извлекает. Нажав на спуск, он прорезал пологий откос и, преодолевая боль в ноге, выполз наружу. На левую ногу он с трудом мог ступить. Еще сильнее болело левое плечо. «Этот сук, наверное, сломал мне ключицу», — подумал Диксон и заковылял дальше, опираясь на ветку, как на костыль.

Собаки несколько раз бросались на него. Он расстреливал их, но дезинтегратор в руке становился все тяжелее. Стервятники опустились на землю и уселись на аккуратно разрезанные лучом трупы собак. Глаза Диксона время от времени застилало тьмой. Он старался взять себя в руки — нельзя терять сознание, когда вокруг собаки.

Корабль был уже виден. Диксон неуклюже побежал и тут же упал. Несколько собак вцепились в него.

Он выстрелом рассек их на части, срезав полдюйма собственного сапога в непосредственной близости от большого пальца. Шатаясь, он поднялся на ноги и двинулся дальше.

«Вот это оружие, — подумал он. — Смертельно опасное для всех, включая стрелка. Изобретателя бы сюда! Надо же быть таким идиотом — построить пушку, которая не бабахает!»

Наконец он добрался до корабля. Пока возился с люком воздушного шлюза, собаки окружили его плотным кольцом. Двух, которые подскочили ближе всех, Диксон уничтожил и ввалился внутрь. В глазах у него снова потемнело, к горлу подступил комок. Из последних сил он захлопнул люк и сел на пол. Спасен!

И тут он услышал тихое рычание.

Одна из собак проникла внутрь вместе с ним.

У него уже, казалось, не было сил удержать тяжелый дезинтегратор, но он все же медленно поднял руку с оружием. Собака, еле различимая в полумраке корабля, кинулась на него.

Диксон похолодел от ужаса: он почувствовал, что у него недостает сил нажать на спуск. Его спасло непроизвольное движение сжавшихся пальцев.

Собака взвизгнула и умолкла. Диксон потерял сознание.

Придя в себя, он долго лежал, наслаждаясь одним радостным сознанием того, что жив. Он решил немного отдохнуть. Потом он смоется отсюда, пошлет к черту все чужие планеты и приземлится в первом же попавшемся баре. Вот когда он как следует напьется! А потом разыщет этого изобретателя и вобьет ему в глотку дезинтегратор. Поперек. Изобрести пушку, которая не бабахает, мог только маньяк-убийца!

Но это потом. А пока — какое наслаждение быть живым, лежать на солнышке, всем телом чувствуя...

Солнышко? Внутри корабля?

Он сел. У его ног валялась одна собачья лапа и хвост. А перед

ним в корпусе корабля зияло зигзагообразное отверстие шириной сантиметров в восемь, тянувшееся больше чем на метр. Сквозь отверстие светило солнце. А снаружи в щель внимательно смотрели четыре собаки.

Убивая последнюю собаку, он прорезал корпус своего собственного корабля.

Теперь он увидел еще несколько брешей. А откуда взялись они? Ах да, это, наверное, когда он пробивался к кораблю. Последняя стометровка. Несколько выстрелов, вероятно, задели корабль.

Диксон поднялся и начал внимательно разглядывать повреждения. «Чистая работа, — подумал он с равнодушием отчаяния. — Это точно, уж такая чистая работа, что чище некуда».

Вот перерезанные кабели управления. Вот тут было радио. А здесь он ухитрился одним выстрелом угодить сразу в кислородные баллоны и в цистерну с водой — вот это меткость! А вот... да, конечно, только этого еще и не хватало. Самый удачный выстрел — он перебил топливную магистраль. Все горючее, согласно закону тяготения, вытекло наружу — под кораблем стояла лужа, которая понемногу впитывалась в землю...

«Неплохо для первого раза, — пришла ему в голову безумная мысль. — Даже газовым резаком лучше не сработать».

Впрочем, газовым резаком он тут ничего бы не сделал. Корпус космического корабля резаком не взять. А вот старым, добрым, верным, надежным дезинтегратором...

Год спустя, так и не дождавшись от Диксона никакого сообщения, Земля послала за ним корабль. Экипажу было приказано устроить подобающие случаю похороны, если удастся разыскать останки, и привезти обратно опытный образец дезинтегратора.

Спасательный корабль приземлился рядом с кораблем Диксона, и его экипаж принялся с большим интересом разглядывать изрезанный и выпотрошенный корпус.

— Есть же люди, которым нельзя давать в руки оружие, — сказал механик.

— Вот это да! — удивился пилот.

Из леса донесся какой-то стук. Они поспешили туда и обнаружили, что Диксон жив. Он работал, горланя песню.

За год Диксон построил деревянную хижину и посадил вокруг овощи. Огород был окружен частоколом. Когда спасатели подошли, Диксон заколачивал в землю новый кол взамен сгнившего.

— Ты жив? — вскричал кто-то.

— Точно, — отозвался Диксон. — Правда, дело было плохо, пока я не построил этот частокол. Сволочи эти собаки. Но я их проучил.

Он ухмыльнулся и показал на прислоненный к частоколу лук. Он был вырезан из упругого, крепкого дерева, а рядом колчан, полный стрел.

— Научились остерегаться, — сказал Диксон, — когда увидели, как их приятели кувыркаются со стрелой в боку.

— А дезинтегратор?.. — начал пилот.

— А, дезинтегратор! — воскликнул Диксон с веселым огоньком в глазах. — Не знаю, что бы я делал без него.

Он продолжал свою работу. Кол быстро уходил в землю под ударами увесистой плоской рукоятки дезинтегратора.

СПЕЦИАЛИСТ

Фотонный шторм разразился без предварительного предупреждения, обрушился на Корабль из-за плеяды красных звезд-гигантов. Глаз едва успел с помощью Передатчика подать второй и последний сигнал тревоги, как шторм уже бушевал вовсю.

Для Передатчика это был третий дальний перелет и первый в жизни шторм световых лучей. Когда Корабль заметно отклонился от курса, принял на себя удар фронта волны и чудовищно накренился, Передатчик перепугался не на шутку. Однако страх тотчас рассеялся, уступив место сильнейшему возбуждению.

«Чего бояться, — подумал Передатчик, — разве не готовили меня как раз к таким аварийным ситуациям?»

Когда налетел шторм, Передатчик беседовал с Питателем, но сразу же резко оборвал разговор. Он надеялся, что Питатель благополучно выпутается. Жаль юнца — это его первый дальний рейс.

Нитевидные проволочки, составляющие большую часть тела Передатчика, были протянуты по всему Кораблю. Передатчик быстро поджал их под себя — все, кроме тех, что связывали его с Глазом, Двигателем и Стенками. Теперь все зависело от них. Пока не уляжется шторм, остальным членам Команды придется рассчитывать только на свои силы.

Глаз расплющил по стенке свое дисковидное тело и высунул наружу один из органов зрения. Остальные он сложил и, чтобы сосредоточиться, втянул их внутрь.

Пользуясь органом зрения Глаза, Передатчик вел наблюдение за штормом. Чисто зрительные восприятия Глаза он переводил в команды для Двигателя, который направлял Корабль наперерез волнам. Почти одновременно Передатчик увязывал команды по курсу со скоростью; это делалось для Стенок, чтобы те увеличили жесткость и лучше противостояли ударам.

Действия координировались быстро и уверенно: Глаз измерял силу волн, Передатчик сообщал информацию Двигателю и Стенкам. Двигатель вел Корабль вперед в очередную волну, а стенки смыкались еще теснее, чтобы принять удар.

Увлекшись стремительной, слаженной общей работой, Передатчик и думать забыл о собственных страхах. Думать было некогда. В качестве корабельной системы связи он должен был с ре-

кордной быстротой переводить и передавать сигналы, координируя информацию и командуя действиями.

Спустя каких-нибудь несколько минут шторм утих.

— Отлично, — сказал Передатчик. — Посмотрим, есть ли повреждения. — Во время шторма нити его спутались, но теперь он распутал их и протянул по всему Кораблю, включив каждого члена Команды в свою цепь. — Двигатель!

— Самочувствие превосходное, — отозвался Двигатель. Во время шторма он активировал челюсти-замедлители, умеряя атомные взрывы в своем чреве. Никакой буре не удалось бы застигнуть врасплох столь опытного астронавта, как Двигатель.

— Стенки!

Стенки рапортовали поочередно, и это заняло уйму времени. Их было более тысячи — тонких прямоугольников, составляющих оболочку Корабля. Во время шторма они, естественно, укрепляли стыки, повысив тем самым упругость всего Корабля. Однако в одной или двух появились глубокие вмятины.

Доктор сообщил, что он цел и невредим. Он состоял в основном из рук и во время шторма цеплялся за какой-то Аккумулятор. Теперь он снял со своей головы нить, тянущуюся от Передатчика, отключился таким образом от цепи и занялся изрешеченными Стенками.

— Давайте-ка побыстрее, — сказал Передатчик, не забывая, что предстоит еще определить местонахождение Корабля. Он предоставил слово четырем Аккумуляторам. — Ну, как вы там? — спросил он.

Ответа не было. Аккумуляторы сладко спали. Во время шторма их рецепторы были открыты, и теперь все четверо раздувались от избытка энергии. Передатчик подергал своими ниточками, но Аккумуляторы не шелохнулись.

— Пусти-ка меня, — вызвался Питатель. Бедняга не сразу догадался прикрепиться к Стенке своими всасывающими трубками и успел-таки хлебнуть лиха, но петушился ничуть не меньше, чем всегда. Из членов Команды Питатель был единственным, кто никогда не нуждался в услугах Доктора: его тело регенерировало самостоятельно.

Он торопливо пересек пол на своих щупальцах — их было около двенадцати — и лягнул ближайший Аккумулятор. Огромный конус, напоминающий гигантскую копилку, приоткрыл было один глаз, но тут же закрыл его снова. Питатель вторично лягнул Аккумулятор, на этот раз вовсе безрезультатно. Тогда он дотянулся до предохранительного клапана, расположенного в верхней части Аккумулятора, и выпустил часть запаса энергии.

— Сейчас же прекрати, — буркнул Аккумулятор.

— А ты проснись и рапортуй по всей форме.

Аккумуляторы раздраженно заявили, что они вполне здоровы

и что любому дураку это ясно. На время шторма их пригвоздили к полу монтажные болты.

Остальная часть поверки прошла быстро. Мыслитель был здоров и бодр, а Глаз восторженно расхваливал красоты шторма. Произошел только один несчастный случай.

Погиб Ускоритель. Двуногий, он не был так устойчив, как остальные члены Команды. Шторм застал его посреди пола, швырнул на Стенку, которая к тому моменту успела резко увеличить свою жесткость, и переломал ему какие-то жизненно важные кости. Теперь даже Доктор был бессилен помочь.

Некоторое время все молчали. Гибель какой-то части Корабля — дело нешуточное. Корабль — это единое целое, состоящее исключительно из членов Команды. Утрата одного из них — удар по всей Команде.

Особенно серьезно обстояло дело именно сейчас. Корабль только-только доставил груз в порт, отделенный от центра Галактики несколькими тысячами световых лет. После шторма координаты Корабля были совершенно неизвестны.

Глаз подошел к одной из Стенок и выставил орган зрения наружу. Стенки пропустили его и тотчас сомкнулись снова. Высунувшись из Корабля, орган зрения удлинился настолько, чтобы обозревать всю звездную сферу. Картина была сообщена Передатчику, который доложил о ней Мыслителю.

Мыслитель — гигантская бесформенная глыба протоплазмы — лежал в углу каюты. В ней хранилась память всех его предков-космопроходцев. Он рассмотрел полученную картину, мгновенно сравнил ее с массой других, запечатленных в его клетках, и сообщил:

— В пределах досягаемости нет ни одной планеты, входящей в Галактическое Содружество.

Передатчик машинально перевел каждому сообщение, которого опасались больше всего на свете.

С помощью Мыслителя Глаз определил, что Корабль отклонился от курса на несколько сот световых лет и находится на окраине Галактики.

Каждый член Команды хорошо понимал, что это означает. Без Ускорителя, который разгоняет Корабль до скорости, во много раз превышающей световую, им никогда не вернуться домой. Обратный перелет без Ускорителя продлится дольше, чем жизнь каждого из них.

— Нам остается избрать одну из двух возможных линий поведения. Первая: пользуясь атомной энергией Двигателя, направить Корабль к ближайшей галактической планете. Это займет приблизительно двести световых лет. Возможно, Двигатель и доживет до конца путешествия, но остальные наверняка не доживут. Вторая: найти в зоне нашего местонахождения примитивную планету, населенную потенциальными Ускорителями. Выбрать

одного из них и обучить, чтобы он разгонял наш Корабль на пути к галактической территории.

Изложив все варианты, отысканные в памяти предков, Мыслитель умолк.

После быстро проведенного голосования оказалось, что все склоняются в пользу второго предложения Мыслителя. Да и выбора-то, по правде говоря, не было. Только второй вариант оставлял хоть какую-то надежду на возвращение домой.

— Хорошо, — сказал Мыслитель. — А теперь поедим. Полагаю, все мы это заслужили.

Тело погибшего Ускорителя сбросили в пасть Двигателя, который тут же поглотил его и преобразовал атомы в энергию.

Из всех членов Команды только Двигатель питался атомной энергией.

Чтобы накормить остальных, Питатель поспешно подзарядился от ближайшего Аккумулятора. После этого он преобразовал находящиеся внутри его питательные вещества в продукты, которые потребляли другие члены Команды. Химия тела у Питателя непрестанно изменялась, перерождалась, адаптировалась, приготовляя различные виды питания.

Глаз употреблял в пищу только сложные цепочки молекул хлорофилла. Изготовив для него такие цепочки, Питатель скормил Передатчику углеводороды, а Стенкам — хлористые соединения. Для Доктора он воспроизвел точную копию богатых кремнием плодов, к которым тот привык на родине.

Наконец трапеза окончилась, и Корабль снова был приведен в порядок. В углу сном праведников спали Аккумуляторы. Глаз расширил свое поле зрения, насколько мог, настраивая главный чувствительный орган на высокочувствительную телескопическую рецепцию. Даже в столь чрезвычайных обстоятельствах Глаз не устоял перед искушением и начал сочинять стихи. Он объявил во всеуслышание, что работает над новой эпической поэмой «Периферическое свечение». Поскольку никто не желал выслушать эту поэму, Глаз ввел ее в Мыслителя, который сберегал в памяти решительно все, хорошее и плохое, истинное и ложное.

Двигатель никогда не спал. По горло полный энергией, полученной из праха Ускорителя, он вел Корабль вперед со скоростью, в несколько раз превышающей скорость света.

Стенки спорили, кто из них во время последнего отпуска был пьянее всех.

Передатчик решил расположиться поудобнее. Он отцепился от Стенок, и его круглое тельце повисло в воздухе, подвешенное на сети пересекающихся нитей.

На мгновение он вспомнил об Ускорителе. Странно — ведь все они дружили с Ускорителем, а теперь сразу о нем позабыли. Дело тут отнюдь не в черствости, а в том, что Корабль — это единое

целое. Об утрате одного из членов скорбят, но при этом главное — чтобы не нарушилось единство.

Корабль проносился мимо солнц галактической окраины.

Мыслитель рассчитал, что вероятность отыскать планету Ускорителей составляет примерно четыре к пяти, и проложил спиральный маршрут поисков. Неделю спустя им повстречалась планета первобытных Стенок. На бреющем полете можно было увидеть, как эти толстокожие прямоугольники греются на солнце, лазают по горам, смыкаются в тоненькие, но широкие плоскости, чтобы их подхватил легкий ветерок.

Все корабельные Стенки тяжело вздыхали, охваченные острой тоской по родине. До чего похоже на их родную планету!

Со Стенками вновь открытой планеты еще не вступала в контакт ни одна галактическая экспедиция, и они не подозревали о своем великом предназначении — влиться в обширное Содружество Галактики.

Спиральный маршрут проходил мимо множества миров — и мертвых, и слишком юных для возникновения жизни. Повстречали планету Передатчиков. Паутина линий связи раскинулась здесь чуть ли не на половину континента.

Передатчик жадно рассматривал планету, прибегнув к помощи Глаза. Его охватила жалость к самому себе. Вспомнился дом, семья, друзья. Вспомнилось и дерево, которое он собирался купить, когда вернется.

На какое-то мгновение Передатчик удивился: что делает он в заброшенном уголке Галактики, да к тому же в качестве корабельного прибора?

Однако он стряхнул с себя минутную слабость. Обязательно найдется планета Ускорителей — надо только поискать как следует.

По крайней мере он на это надеялся.

Корабль стремительно несся по неисследованной окраине, мимо длинной вереницы бесплодных миров. Но вот на пути попалась целая россыпь планет, населенных первобытными Двигателями, которые плавали в радиоактивном океане.

— Какая богатая территория, — обратился Питатель к Передатчику. — Галактике следовало бы выслать сюда отряд контактеров.

— Возможно, после нашего возвращения так и поступят, — ответил Передатчик.

Они были очень дружны между собой — их связывало чувство еще более теплое, чем всеобъемлющая дружба членов Команды. Дело не только в том, что оба были младшими членами Команды, хотя их взаимная привязанность объяснялась и этим. Оба выполняли сходные функции — вот где коренилось родство душ. Передатчик переводил информацию, Питатель преобразовывал пищу. Они и внешне-то были схожи. Передатчик представлял собой

центральное ядро с расходящимися во все стороны нитями, Питатель — центральное ядро с расходящимися во все стороны трубочками.

Передатчик считал, что после него наиболее сознательное существо на Корабле — это Питатель. По-настоящему Передатчик никогда не понимал, как протекают сознательные процессы у некоторых членов Команды.

Еще солнца, еще планеты. Двигатель начал перегреваться: как правило, он применялся только при старте и посадке, а также при точном маневрировании внутри планетной системы. Теперь же в течение многих недель он работал беспрерывно со сверхсветовой и досветовой скоростью. Начинало сказываться напряжение.

С помощью Доктора Питатель привел в действие системы охлаждения Двигателя. Грубое средство, но приходилось довольствоваться малым. Перестроив атомы азота, кислорода и водорода, Питатель создал охлаждающую жидкость. Доктор порекомендовал Двигателю длительный отдых. Он предупредил, что бравый ветеран не протянет и недели при таком напряжении.

Поиски продолжались, но настроение Команды постепенно падало. Все понимали, что в Галактике Ускорители встречаются редко, не то что расплодившиеся Стенки и Двигатели.

От межзвездной пыли на Стенках появились оспины. Стенки жаловались, что по приезде домой разорятся, так как им необходимо будет пройти полный курс лечения в косметическом салоне. Передатчик заверил их, что все расходы примет на себя фирма.

Даже Глаз налился кровью, оттого что непрерывно таращился в пространство.

Подлетели еще к одной планете. Сообщили ее характеристики Мыслителю, который надолго задумался над ними.

Спустились поближе — так, что можно было различить отдельные предметы.

Ускорители! Примитивные Ускорители!

Стремительно развернулись назад, в космос, — строить дальнейшие планы. Питатель приготовил двадцать три опьяняющих напитка, чтобы отпраздновать событие.

Корабль на трое суток вышел из строя.

— Ну как, все готовы? — еле слышно спросил Передатчик на четвертые сутки. Он мучился: с похмелья горели все нервные окончания.

Ну и хватил же он лишку! У него сохранилось смутное воспоминание о том, как он обнимал Двигателя и приглашал по возвращении поселиться на одном дереве.

Сейчас Передатчик содрогался при одной мысли об этом.

Остальные члены Команды чувствовали себя не лучше. Стенки пропускали воздух — они слишком ослабли, чтобы сомкнуться как следует. Доктор валялся без чувств.

Хуже всего пришлось Питателю. Поскольку его система приспосабливалась к любому горючему, кроме атомного, он отведал все им же приготовленные зелья, в том числе неустойчивый йод, чистый кислород и взрывчатый сложный эфир. Вид у него был весьма жалкий. Трубочки, обычно красивого цвета морской воды, покрылись оранжевыми подтеками. Его пищеварительный тракт работал вовсю, очищаясь от всевозможной гадости, и Питатель маялся поносом.

Трезвыми оставались только Мыслитель и Двигатель. Мыслитель пить не любил — свойство необычное для астронавта, но характерное для Мыслителя, а Двигатель не умел.

Все прислушались к поразительным сообщениям, которые без запинки выкладывал Мыслитель. Рассмотрев поверхность планеты с помощью Глаза, Мыслитель обнаружил там металлические сооружения. Он выдвинул устрашающую гипотезу, будто Ускорители на этой планете создали у себя механическую цивилизацию.

— Так не бывает, — категорически заявили три Стенки, и большинство Команды с ними согласилось. Весь металл, по их мнению, или был запрятан глубоко под землей, или валялся в виде ничего не стоящих ржавых обломков.

— Не хочешь ли ты сказать, что они делают из металла вещи? — осведомился Передатчик. — Прямо из обыкновенного мертвого металла? А что из него можно сделать?

— Ничего нельзя сделать, — решительно сказал Питатель. — Такие изделия беспрерывно ломались бы. Ведь металл не чувствует, когда его разрушает усталостный износ.

Однако Мыслитель оказался прав. Глаз увеличил изображение, и каждый увидел, что Ускорители понаделали из неодушевленного металла большие укрытия, экипажи и прочие предметы.

Причину столь странного направления цивилизации трудно было установить сразу, но ясно было, что это недоброе предзнаменование. Однако, как бы там ни было, самое страшное осталось позади. Планета Ускорителей найдена. Предстояла лишь сравнительно легкая задача — уговорить одного из туземцев.

Едва ли это будет так уж сложно. Передатчик знал, что даже среди примитивных народов священные принципы Галактики — сотрудничество и взаимопомощь — нерушимы.

Команда решила не совершать посадки в густонаселенном районе. Разумеется, нет причин опасаться недружелюбной встречи, но установить связь с этими существами как с племенем — дело отряда контактеров. Команде же нужен только один индивидуум. Поэтому они выбрали почти необитаемый земельный массив и совершили посадку, едва эту часть планеты окутала ночь.

Почти сразу же удалось обнаружить одиночного Ускорителя.

Глаз адаптировался, чтобы видеть в темноте, и все стали следить за движениями Ускорителя. Через некоторое время тот улег-

ся возле костра. Мыслитель разъяснил, что это распространенный среди Ускорителей обычай отдыха.

Перед самым рассветом Стенки расступились, и Питатель, Передатчик и Доктор вышли из Корабля.

Питатель ринулся вперед и похлопал туземца по плечу. Вслед за ним протянул линию связи и Передатчик.

Ускоритель раскрыл органы зрения, моргнул ими и сделал странное движение органом, предназначенным для поглощения пищи.

После этого он вскочил на ноги и пустился бежать.

Три члена Команды были ошеломлены. Ускоритель даже не дал себе труда выяснить, чего хотят от него трое инопланетян!

Передатчик быстро удлинил какую-то нить и на расстоянии пятнадцати метров ухватил Ускорителя за конечность. Ускоритель упал.

— Обращайся с ним поласковее, — посоветовал Питатель. — Возможно, его испугал наш вид. — У него даже все трубки затряслись от смеха при мысли, что Ускорителя, наделенного множеством органов, одного из самых чудных существ в Галактике, может испугать чей-то облик.

Вокруг упавшего Ускорителя засуетились Питатель и Доктор, подняли его и перенесли на Корабль.

Стенки снова сомкнулись. Ускорителя выпустили из цепкого захвата и приготовились к переговорам.

Едва освободившись, Ускоритель вскочил на ноги и метнулся к тому месту, где только что сомкнулись Стенки. Он неистово забарабанил в них верхними конечностями, отверстие для поглощения пищи у него дрожало.

— Перестань, — возмутилась Стенка. Она напружинилась, и Ускоритель рухнул на пол. Мгновенно вскочив, он снова кинулся вперед.

— Остановите его, — распорядился Передатчик. — Он может ушибиться.

Один из аккумуляторов проснулся ровно настолько, чтобы подкатиться под ноги Ускорителю. Ускоритель упал, снова поднялся и помчался вдоль Корабля.

Линии Передатчика тянулись и по передней части Корабля, так что он перехватил Ускорителя на самом носу. Ускоритель стал отбирать нити, и Передатчик поспешно отпустил его.

— Подключи его к системе связи! — вскричал Питатель. — Быть может, удастся воздействовать на него убеждением!

Передатчик протянул к голове Ускорителя нить и замахал ею, подавая понятный всей Галактике знак установления связи. Однако Ускоритель вел себя поистине странно: он продолжал увертываться, отчаянно размахивая куском металла, который держал в руке.

— Как вы думаете, что он намерен делать с этой штукой? —

спросил Питатель. Ускоритель атаковал борт Корабля, заколотив металлом по одной из Стенок. Стенка инстинктивно ожесточилась, и металл звякнул об пол.

— Оставьте его в покое, — сказал Передатчик. — Дайте ему время утихомириться.

Передатчик посовещался с Мыслителем, но они так и не решили, что делать с Ускорителем. Тот никак не шел на установление связи. Каждый раз, когда Передатчик протягивал ему свою нить, Ускоритель выказывал все признаки необоримого ужаса. До поры до времени дело зашло в тупик.

Предложение отыскать на этой планете другого Ускорителя Мыслитель тут же отверг. Он считал, что поведение Ускорителя типично и, если обратиться к другому, результат не изменится. Кроме того, первый контакт с планетой — прерогатива отряда контактеров.

Если они не найдут общего языка с этим Ускорителем, то на данной планете уже не свяжутся с другим.

— Мне кажется, я понял, в чем беда, — заявил Глаз. Он вскарабкался на Аккумулятор как на трибуну. — Здешние Ускорители создали механическую цивилизацию. Но каким способом? Вообразите только, они разработали свои пальцы, как Доктор, и научились изменять форму металлов. Они пользовались своими органами зрения, как я. Вероятно, развивали и бесчисленное множество прочих органов. — Он сделал эффектную паузу. — Здешние Ускорители утратили специализацию!

По этому поводу спорили несколько часов. Стенки утверждали, что разумное существо без специализации немыслимо. В Галактике таких нет. Однако факты были налицо — города Ускорителей, их экипажи... Этот Ускоритель, как и остальные, по-видимому, умел многое.

Он умел делать все, только не ускорять!

Частично эту несообразность объяснил Мыслитель:

— Данная планета не первобытна. Она сравнительно древняя и должна была вступить в Содружество много тысячелетий назад. Поскольку этого не произошло, местные Ускорители несправедливо лишились прав, принадлежавших им от рождения. Они даровиты, их специальность — ускорение, но ускорять им было нечего. В итоге, естественно, их культура развивалась патологически. Что это за культура, мы можем только догадываться. Однако, если исходить из имеющихся данных, есть все основания полагать, что местные Ускорители... неконтактны.

Мыслителю была свойственна манера самые поразительные заявления делать самым невозмутимым тоном.

— Вполне возможно, — продолжал непреклонный Мыслитель, — что местные Ускорители не пожелают иметь с нами ничего общего. В таком случае вероятность того, что мы найдем другую пла-

нету Ускорителей, составляет приблизительно один к двумстам восьмидесяти трем.

— Нельзя с уверенностью утверждать, что он не станет сотрудничать, пока мы не добились контакта с ним, — заметил Передатчик. Ему было крайне трудно поверить, что разумное существо может отказаться от добровольного сотрудничества.

— А как это сделать? — спросил Питатель.

Разработали план действий. Доктор медленно подошел к Ускорителю; тот попятился. Тем временем Передатчик просунул нить сквозь Стенку наружу, протянул вдоль Корабля и снова втянул внутрь, как раз позади Ускорителя.

Пятясь, Ускоритель уперся спиной в Стенку, и Передатчик ввел нить в его голову, во впадину связи, расположенную в центре мозга.

Ускоритель без чувств рухнул на пол.

Когда Ускоритель пришел в себя, Питатель и Доктор держали его за руки и за ноги, иначе он оборвал бы линию связи. Тем временем Передатчик, пользуясь своим искусством, изучал язык Ускорителя.

Задача оказалась не слишком сложной. Все языки Ускорителей принадлежали к одной и той же группе, и этот случай не был исключением. Передатчику удалось уложить на поверхности коры достаточно мыслей, чтобы представить себе строй чужой речи.

Он попытался наладить общение с Ускорителем.

Ускоритель хранил молчание.

— По-моему, он нуждается в пище, — сказал Питатель. Все вспомнили, что Ускоритель находится на борту Корабля почти двое суток. Питатель изготовил одно из стандартных блюд, любимых Ускорителями, и подал его чужаку.

— О Господи! Бифштекс! — воскликнул Ускоритель.

По переговорным цепям Передатчика вся Команда испустила радостный клич. Ускоритель произнес первые слова!

Передатчик проанализировал слова и покопался в памяти. Он знал сотни две языков Ускорителей, а простейших диалектов — еще больше. Передатчик установил, что Ускоритель разговаривает на смешении двух наречий.

Насытившись, Ускоритель огляделся по сторонам. Передатчик перехватил его мысли и разнес их по всей Команде.

Ускоритель воспринимал окружающее как-то необычно. Корабль казался ему буйством красок. По Стенкам пробегали волны. Прямо перед ним находилось нечто вроде гигантского черно-зеленого паука, чья паутина опутала весь Корабль и протянулась к головам остальных невиданных существ. Глаз почудился ему странным зверьком без меха — существом, которое находилось

где-то на полпути между освежеванным кроликом и яичным желтком (что это за диковинки, никто на корабле не знал).

Передатчика покорила новая точка зрения, которую он обнаружил в мозгу Ускорителя. Никогда до сих пор не видел он мира в таком свете. Теперь, когда Ускоритель это заметил, Передатчик не мог не признать, что у Глаза и вправду смешная внешность.

Попытались войти в контакт.

— Что вы за создания такие, черт вас возьми? — спросил Ускоритель; он заметно успокоился к исходу вторых суток. — Зачем вы схватили меня? Или я просто свихнулся?

— Нет, — успокоил его Передатчик, — твоя психика вполне нормальна. Перед тобой торговый Корабль Галактики. Штормом нас занесло в сторону, а наш Ускоритель погиб.

— Допустим, но при чем туг я?

— Нам бы хотелось, чтобы ты присоединился к нашей команде, — ответил Передатчик, — и стал новым Ускорителем.

Ускорителю растолковали обстановку, и он задумался. В мыслях Ускорителя Передатчик улавливал внутреннюю борьбу. Тот никак не мог решить, наяву ли все с ним происходит или нет. Наконец Ускоритель пришел к выводу, что он не сошел с ума.

— Слушайте, братцы, — сказал он, — я не знаю, кто вы такие и в чем тут дело, но мне пора отсюда убираться. У меня кончается увольнительная, и, если я не появлюсь в самое ближайшее время, мне не миновать дисциплинарного взыскания.

Передатчик попросил Ускорителя пояснить, что такое «дисциплинарное взыскание», и послал полученную информацию Мыслителю.

«Эти Ускорители заняты склокой», — таково было заключение Мыслителя.

— Но зачем? — спросил Передатчик. В мыслях он с грустью допустил, что Мыслитель, очевидно, прав: Ускоритель не выказывал особого стремления сотрудничать.

— С удовольствием выручил бы вас, ребята, — продолжал Ускоритель, — но откуда вы взяли, что я могу такому огромному агрегату придать скорость? Да ведь чтобы только-только сдвинуть ваш корабль с места, нужен целый танковый дивизион.

— Одобряете ли вы войны? — спросил по предложению Мыслителя Передатчик.

— Никто не любит войну, — особенно те, кому приходится проливать кровь.

— Зачем же вы воюете?

Органом приема пищи Ускоритель скорчил какую-то мину, которую Глаз зафиксировал и переслал Мыслителю. «Одно из двух: либо ты убьешь, либо тебя убьют. А вам, друзья, известно, что такое война?»

— У нас нет войн, — отчеканил Передатчик.

— Счастливые, — горько сказал Ускоритель. — А у нас есть. И много.

— Конечно, — подхватил Передатчик. К тому времени он успел получить у Мыслителя исчерпывающее объяснение. — А хотел бы ты с ними покончить?

— Конечно.

— Тогда лети с нами. Стань Ускорителем.

Ускоритель встал и подошел к Аккумулятору. Усевшись на него, Ускоритель сжал кулаки.

— Какого черта ты тут мелешь? Как я могу прекратить все войны? — осведомился он. — Даже если бы я обратился к самым важным шишкам и сказал...

— Этого не нужно, — прервал его Передатчик. — Достаточно отправиться с нами в путь. Доставишь нас на базу. Галактика вышлет на вашу планету отряд контактеров. Тогда войнам придет конец.

— Черта с два, — ответил Ускоритель. — Вы, миляги, значит, застряли здесь? Ну и прекрасно. Никаким чудищам не удастся завладеть Землей.

Ошеломленный Передатчик пытался проникнуть в ход мыслей собеседника. Неужели Ускоритель его не понял? Или он сказал что-нибудь невпопад?

— Я думал, ты хочешь прекратить войны, — заметил он.

— Ну ясно, хочу. Но я не хочу, чтобы нас *заставляли* их прекратить. Я не предатель. Лучше уж буду воевать.

— Никто вас не заставит. Вы просто прекратите сами, потому что не будет необходимости воевать.

— А ты знаешь, почему мы воюем?

— Само собой разумеется.

— Неужто? Интересно послушать.

— Вы, Ускорители, слишком долго были отделены от основного потока Галактики, — объяснил Передатчик. — У вас есть специальность — ускорение, но вам нечего ускорять. Поэтому у вас нет настоящего дела. Вы играете вещами — металлами, неодушевленными предметами, — но не находите в этом подлинного удовлетворения. Лишенные истинного призвания, вы воюете просто от тоски. Как только вы займете свое место в Галактическом Содружестве — и, смею вас уверить, это почетное место, — ваши войны прекратятся. К чему воевать — ведь это противоестественное занятие, — когда можно ускорять? Кроме того, исчезнет ваша механическая цивилизация, поскольку нужды в ней уже не будет.

Ускоритель покачал головой — жест, который Передатчик истолковал как признак растерянности.

«А что это такое — ускорение?»

Передатчик попытался растолковать как можно яснее, но, поскольку ускорение не входило в его компетенцию, у него самого было лишь общее представление о предмете.

— Ты хочешь сказать, что *этим* и должен заниматься каждый житель Земли?

— Безусловно, — подтвердил Передатчик. — Это ваша великая профессия.

На несколько минут Ускоритель задумался.

«По-моему, тебе нужен врач-психиатр или что-нибудь в этом роде. Никогда в жизни я не мог бы это сделать. Я начинающий архитектор. К тому же... ну, да это трудно объяснить».

Однако Передатчик уже воспринял возражение Ускорителя, в мыслях которого появилась особь женского пола. Да не одна, а две или три. Притом Передатчик уловил ощущение одиночества, отчужденности.

Ускоритель был *преисполнен сомнений*.

Он боялся.

— Когда мы попадем в Галактику, — сказал Передатчик, горячо надеясь, что нашел нужные доводы, — ты познакомишься с другими Ускорителями. И с Ускорительницами. Вы, Ускорители, все похожи друг на друга, так что ты с ними непременно подружишься. А что касается одиночества на Корабле, так здесь его просто не существует. Ты еще не понял, в чем суть Содружества. В Содружестве никто не чувствует себя одиноким.

Ускоритель надолго задумался над идеей существования внеземных Ускорителей. Передатчик силился понять, почему эта идея настолько поразила его собеседника. Галактика кишит Ускорителями, Питателями, Передатчиками и многими другими видами разумных существ в бесконечных вариантах и повторениях.

— Все же не верится, что кто-нибудь способен покончить со всеми войнами, — пробормотал Ускоритель. — Откуда мне знать, что это не ложь?

У Передатчика появилось такое ощущение, что его ударили в самое ядро. Должно быть, Мыслитель был прав, утверждая, что эти Ускорители не станут сотрудничать. Значит, деятельность Передатчика прекратится? Значит, он вместе со всей Командой проведет остаток жизни в космосе только из-за тупости горстки Ускорителей?

Однако даже эти горькие мысли не приглушили чувства жалости к Ускорителю.

Какой ужас, думал Передатчик. Вечно сомневаться, не решаться, никому не верить. Если эти Ускорители не займут подобающего им места в Галактике, кончится тем, что они истребят друг друга. Им давным-давно пора вступить в Содружество.

— Как мне убедить тебя? — воскликнул Передатчик.

В отчаянии он подключил Ускорителя ко всем цепям. Он открыл Ускорителю грубоватую покладистость Двигателя, бесшабашный нрав Стенок; показал ему поэтические склонности Глаза и дерзкое добродушие Питателя. Он распахнул настежь собствен-

ный мозг и продемонстрировал Ускорителю свою родную планету, семью и дерево, которое мечтал приобрести по возвращении.

Он развернул перед Ускорителем картины, которые показывали историю каждого из представителей разных планет. У них были разные моральные понятия, но всех их объединяли узы Галактического Содружества.

Ускоритель созерцал все это, никак не реагируя.

Немного погодя он покачал головой. Ответ был выражен жестом — неуверенным, смутным, но явно отрицательным.

Передатчик приказал Стенкам открыться. Те повиновались, и Ускоритель ошарашенно уставился в образовавшийся проем.

— Ты свободен, — сказал Передатчик. — Отключи только линию связи и ступай.

— А как же вы?

— Поищем другую планету Ускорителей.

— Какую? Марс? Венеру?

— Не знаем. Остается только надеяться, что поблизости есть другая.

Ускоритель посмотрел в проем — и перевел взгляд на Команду. Он колебался, и лицо его ясно отражало внутреннюю борьбу.

— Все, что вы мне показывали, — правда?

Отвечать не пришлось.

— Ладно, — внезапно заявил Ускоритель, — поеду. Я, конечно, круглый дурак, но я поеду. Если вы так говорите, значит, так оно и есть.

Передатчик видел, что мучительные колебания, которых стоило Ускорителю согласие, лишили его ощущения реальности происходящего. Он действовал как во сне, когда решения принимаются легко и беспечно.

— Осталось лишь маленькое затруднение, — прибавил Ускоритель с истерическим легкомыслием. — Ребята, будь я проклят, если умею ускорять. Вы, кажется, упоминали о сверхсветовой? Да я не дам и мили в час.

— Да нет же, уверяю тебя, ты умеешь ускорять, — убеждал его Передатчик, сам не вполне веря в то, что говорит. Он хорошо знал, на что способны Ускорители, но этот...

— Ты только попробуй.

— Обязательно, — согласился Ускоритель. — Во всяком случае тогда я уж наверняка проснусь.

Пока Корабль готовили к старту, Ускоритель разговаривал сам с собой.

— Странно, — бормотал Ускоритель. — Я-то думал, что туристский поход — лучший отдых, а в результате у меня появились кошмары!

Двигатель поднял Корабль в воздух. Стенки сомкнулись еще раньше, а теперь Глаз направлял Корабль прочь от планеты.

— Мы вышли из зоны притяжения, — сообщил Передатчик.

Прислушиваясь к Ускорителю, он молил судьбу пощадить разум этого бедняги. — Сейчас Глаз и Мыслитель зададут курс, я передам его тебе, а ты ускоряй в заданном направлении.

— Ты сумасшедший, — пролепетал Ускоритель. — Ты ошибся планетой. И вообще, хорошо бы вы исчезли, кошмарные видения.

— Ты теперь участник Содружества, — возразил доведенный до отчаяния Передатчик. — Вот тебе курс. Ускоряй!

Какое-то мгновение Ускоритель бездействовал. Он медленно стряхивал с себя оцепенение, начиная сознавать, что все это ему не приснилось. Он ощутил Содружество. Он ощутил спаянность Глаза с Мыслителем, всех четверых со Стенками, с остальными членами Команды — всех со всеми.

— Что это такое? — растерянно спросил Ускоритель. Он проникался единством Корабля, безмерной теплотой, близостью, достигаемой только в Содружестве.

Он стал ускорять.

Ничего не получилось.

— Попробуй еще разок, — взмолился Передатчик.

Ускоритель заглянул себе в душу. Ему открылся бездонный колодец сомнения и страха. Смотрясь в него, как в зеркало, он видел лишь свое искаженное ужасом лицо. Мыслитель осветил ему этот колодец.

Ускорители веками не расставались с сомнением и страхом. Ускорители воевали из страха, убивали из сомнения.

Но на дне колодца... там скрывалась тайна ускорения!

Человек, Специалист, Ускоритель — теперь он целиком влился в Команду, растворился в ней и как бы обнял Мыслителя и Передатчика за плечи.

Внезапно Корабль рванулся вперед с восьмикратной световой скоростью. И эта скорость все возрастала.

ТЕЛО

Открыв глаза, профессор Мейер увидел беспокойно склонившихся над собой трех молодых хирургов. Внезапно ему пришло в голову, что они действительно должны быть очень молоды, если решились на это; молоды и дерзки, не обременены закостенелыми представлениями и мыслями, с железной выдержкой, с железным самообладанием.

Его так поразило это откровение, что лишь через несколько секунд он понял, что операция прошла успешно.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Все хорошо?

— Вы в состоянии говорить, сэр? Если нет, качните головой. Или моргните.

Они жадно смотрели.

Профессор Мейер сглотнул, привыкая к новому нёбу, языку и горлу. Наконец произнес очень сипло:

— Мне кажется... Мне кажется...

— Ура! — закричал Кассиди. — Фельдман, вставай!

Фельдман соскочил с кушетки и бросился за очками.

— Он уже *пришел в себя*? Разговаривает?

— Да, он разговаривает! Фредди, мы победили.

Фельдман нашел очки и кинулся к операционному столу.

— Можете сказать еще что-нибудь, сэр? Все что угодно.

— Я... Я...

— О боже, — выдохнул Фельдман. — Кажется, я сойду с ума.

Трое разразились нервным смехом. Они окружили Фельдмана и стали хлопать его по спине. Фельдман тоже засмеялся, но затем зашелся кашлем.

— Где Кент? — крикнул Кассиди. — Он удерживал осциллограф на одной линии в течение десяти часов.

— Отличная работа, черт побери! Где же он?

— Ушел за сандвичами, — ответил Люпович. — Да вот он.

— Кент, все в порядке!

На пороге появился Кент с двумя бумажными пакетами и половиной бутерброда во рту. Он судорожно сглотнул.

— Заговорил?! Что он сказал?

Раздался шум, и в операционную ввалилась толпа людей.

— Уберите их! — закричал Фельдман. — Где этот полицейский? Сейчас никаких интервью.

Полицейский выбрался из толпы и загородил вход.

— Вы слышали, что говорят врачи, ребята?

— Нечестно, это же сенсация!

— Его первые слова?

— Что он сказал?

— Он действительно превратился в собаку?

— Какой породы?

— Он может вилять хвостом?

— Он сказал, что чувствует себя отлично, — объявил полицейский, загораживая дверь. — Идем, идем, ребята.

Под его растопыренными руками прошмыгнул фотограф. Он взглянул на операционный стол и пробормотал:

— Боже мой!

Кент закрыл рукой объектив, и в этот миг сработала вспышка.

— Какого черта?! — взревел репортер.

— Вы счастливейший обладатель снимка моей ладони, — саркастически произнес Кент. — Увеличьте его и повесьте в музее современных искусств. А теперь убирайтесь, пока я не сломал вам шею.

— Идем, ребята, — строго повторил полицейский, выталкивая газетчиков. На пороге он обернулся и посмотрел на профессора

Мейера. — Просто не могу поверить! — прошептал он и закрыл за собой дверь.

— Мы кое-что заслужили! — воскликнул Кассиди.

— Да, это надо отметить!

Профессор Мейер улыбнулся — мысленно, конечно, так как лицевая экспрессия была ограничена.

Подошел Фельдман.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Превосходно, — осторожно произнес Мейер. — Немного не по себе, пожалуй...

— Но вы не сожалеете? — перебил Фельдман.

— Еще не знаю, — сказал Мейер. — Я был против из принципа. Незаменимых людей нет.

— Есть. Вы. — Фельдман говорил с горячей убежденностью. — Я слушал ваши лекции. О, я не претендую на понимание и десятой части, математическая символика для меня только хобби. Но ваши знаменитые...

— Пожалуйста, — выдавил Мейер.

— Нет, позвольте мне сказать. Вы продолжаете труд Эйнштейна. Никто больше не в состоянии закончить его. Никто! Вам нужно было еще пару лет существовать в любой форме. Человеческое тело пока не хочет принимать гостя, пришлось искать среди млекопитающих...

— Не имеет значения, — оборвал профессор. — В конце концов, главное — интеллект. У меня слегка кружится голова.

— Помню вашу последнюю лекцию в Гарварде, — сжав кулаки, продолжал Фельдман. — Вы выглядели таким старым! Я чуть не заплакал — усталое изможденное тело...

— Не желаете выпить, сэр? — Кассиди протянул стакан.

Мейер засмеялся.

— Боюсь, мои формы не приспособлены для стаканов. Лучше блюдечко.

— Ух, — вырвалось у Кассиди. — Правильно! Эй, несите сюда блюдечко!

— Вы должны нас простить, сэр, — извинился Фельдман. — Такое ужасное напряжение. Мы сидели в этой комнате почти неделю, и сомневаюсь, что кто-нибудь из нас поспал восемь часов за это время. Мы чуть не потеряли вас...

— Вот! Вот блюдечко! — вмешался Люпович. — Что предпочитаете, сэр? Виски? Джин?

— Просто воду, — сказал Мейер. — Мне можно подняться?

— Позвольте...

Люпович легко снял его со стола и опустил на пол. Мейер неуверенно закачался на четырех ногах.

— Браво! — восторженно закричали врачи.

— Мне кажется, завтра я смогу немного поработать, — сказал Мейер. — Нужно придумать какой-нибудь аппарат, чтобы я смог

писать. По-моему, это несложно. Очевидно, возникнут и другие проблемы. Пока мои мысли еще не совсем ясны...

— Не торопитесь.

— О, только не это! Нам нельзя потерять вас.

— Какая сенсация!

— Мы напишем замечательный отчет!

— Совместный или каждый по своей специальности?

— И то и другое. Они никогда не насытятся. Это же новая веха в...

— Где здесь ванная? — спросил Мейер.

Врачи переглянулись.

— Зачем?

— Заткнись, идиот. Сюда, сэр. Позвольте, я открою вам дверь.

Мейер следовал за ними по пятам, всем существом ощущая легкость передвижения на четырех лапах. Когда он вернулся, горячо обсуждались технические аспекты операции.

— ...никогда не повторится.

— Не могу с тобой согласиться. То, что удалось однажды...

— Не дави философией, детка. Ты отлично знаешь, что это чистая случайность. Нам дьявольски повезло.

— Вот именно. Биоэлектрические изменения необратимы...

— Он вернулся.

— Ему не следует много ходить. Как ты себя чувствуешь, миляга?

— Я не миляга, — прорычал профессор Мейер. — И между прочим, гожусь вам в дедушки.

— Простите, сэр. Мне кажется, вам лучше лечь.

— Да, — произнес Мейер. — Мне что-то нехорошо. В голове звенит, мысли путаются...

Они опустили его на кушетку, обступили тесным кольцом, положив руки друг другу на плечи. Они улыбались и были очень горды собой.

— Вам что-нибудь надо?

— Все, что в наших силах...

— Вот, я налил в блюдце воды.

— Мы оставили пару бутербродов.

— Отдыхайте, — сказал Кассиди.

И он непроизвольно погладил профессора Мейера по вытянутой, с атласной шерстью, голове.

Фельдман выкрикнул что-то неразборчивое.

— Я забыл, — смущенно произнес Кассиди.

— Нам надо следить за собой. Он ведь человек.

— Конечно, я знаю. Просто я устал... Понимаете, он так похож на собаку, что невольно...

— Убирайтесь отсюда! — приказал Фельдман. — Убирайтесь! Все!

Он вытолкнул всех из комнаты и вернулся к профессору Мейеру.

— Могу я что-нибудь для вас сделать, сэр?

Мейер попытался заговорить, утвердить свою человеческую натуру, но слова давались ему с большим трудом.

— Это никогда не повторится, сэр. Я уверен. Все же... вы же профессор Мейер!

Фельдман быстро натянул одеяло на дрожащее тело Мейера.

— Все в порядке, сэр, — проговорил он, стараясь не смотреть на трясущееся животное. — Главное — это интеллект! Мозг!

— Разумеется, — согласился профессор Мейер, выдающийся математик. — Но я думаю... не могли бы вы меня еще раз погладить?

БЕСКОНЕЧНЫЙ ВЕСТЕРН

Меня зовут Уошберн: просто Уошберн — для друзей, мистер Уошберн — для врагов и тех, кто со мной незнаком. В сущности, я уже сказал все, что хотел, даже представляться нечего: вы видели тысячу раз (и на большом экране ближайшего телетеатра, и на маленьком экране платного телевизора в вашей квартире), как я еду верхом среди кактусов, мой знаменитый котелок надвинут на самые глаза, мой не менее знаменитый кольт 44-го калибра со стволом семь с половиной дюймов поблескивает за ремешком у правой ноги.

Но в настоящий момент я еду в большом кадиллаке с кондиционером, сидя между своим менеджером Гордоном Симмсом и женой Консуэлой. Мы свернули с государственного шоссе 101 и теперь трясемся по разбитой грязной дороге, которая скоро упрется в пост Уэллс-Фарго — один из входов на Съемочную Площадку. Симмс, захлебываясь, говорит что-то и массирует мне основание шеи, словно я боксер, готовящийся выйти на ринг. В каком-то смысле так оно и есть. Консуэла молчит. Она еще плохо знает английский. Мы женаты меньше двух месяцев. Моя жена — прелестнейшее из существ, какое только можно вообразить, она же в прошлом Мисс Чили и в прошлом же героиня боевиков с гаучо, снятых в Буэнос-Айресе и Монтевидео. Сцена нашей поездки идет вне кадра. Этот кусок вам никогда не покажут: возвращение знаменитого стрелка, весь его путь из Бель-Эйра образца легкомысленно-нервозного 2031 года на добрый Старый Запад середины тысяча восьмисотых годов.

Симмс тараторит о каких-то капиталовложениях, которые я — он на этом настаивает — будто бы должен сделать, о каких-то новых бурениях морского дна. (Это очередной Симмсов прожект скорейшего обогащения — прожект, потому что Симмс и так уже достаточно богат, а кто, скажите, не сколотил бы состояния, получая тридцать процентов со всех моих доходов? Да еще в течение всех десяти моих звездных лет?) Конечно, Симмс мне друг,

но сейчас я не могу думать ни о каких инвестициях, потому что мы приближаемся к Площадке.

Консуэлу — она сидит справа от меня — бьет дрожь при виде знаменитого старого поста, иссеченного дождями и ветрами. Она так по-настоящему и не поняла еще, что такое Бесконечный Вестерн. У себя в Южной Америке они до сих пор снимают фильмы на старомодный манер: все отрежиссировано и все — фальшь, и «пушки» палят только холостыми патронами. Консуэла не может понять, почему в самом популярном фильме Америки все должно быть взаправду, когда можно обойтись трюками и никто никого не убьет. Я пробовал объяснить ей суть, но на испанском это звучит как-то смешно.

Мой нынешний выход, к сожалению, не чета прежним: я прервал заслуженный отдых, чтобы сыграть всего лишь эпизодическую роль. Я заключил контракт «без убийств»: знаменитый стрелок появится в комедийном эпизоде со стариной Джеффом Мэнглзом и Натчезом Паркером. Никакого сценария, конечно, нет; в Вестерне его и не бывает. В любой ситуации мы сумеем сымпровизировать, — мы, актеры комедии дель арте Старого Запада. Консуэла совершенно этого не понимает. Она слышала о «контрактах на убийство», а контракт «без убийств» — это для нее нечто совсем уж новенькое.

Вот мы и приехали. Машина останавливается перед низким некрашеным строением из сосновых досок. Все, что по сию сторону от поста, — это Америка двадцать первого века во всем блеске ее безотходного производства и утилизации вторсырья. По ту сторону строения раскинулся миллион акров прерий, гор, пустынь с тысячами скрытых камер и микрофонов — то, что и составляет Съемочную Площадку Бесконечного Вестерна.

Я уже одет, как полагается по роли: синие джинсы, рубашка в бело-синюю клетку, ботинки, котелок дерби, куртка из сыромятной кожи. Сбоку — револьвер весом три с четвертью фунта. По ту сторону строения, у коновязи меня ожидает лошадь, все мое снаряжение уже упаковано в аккуратный вьюк из походного одеяла, притороченный к седлу. Помощник режиссера осматривает меня и находит, что все в порядке: на мне нет ни наручных часов, ни прочих анахронизмов, которые бросились бы в глаза скрытым камерам.

— Отлично, мистер Уошберн, — говорит он. — Можете отправляться в любой момент, как только будете готовы.

Симмс в последний раз массирует мне спину — мне, его надежде, его герою дня. Он возбужденно пританцовывает на цыпочках, он завидует мне, мечтает, чтобы это не я, а он сам ехал по пустыне — высокий неспешный человек с ленивыми манерами и молниеносной смертью, таящейся у правой руки. Впрочем, куда Симмсу: он низенького роста, толстый, уже почти совсем лысый. На роль он, конечно, не годится — вот ему и приходится жить

чужой жизнью. Я олицетворяю зрелость Симмса, мы вместе бессчетное число раз пробирались опасной тропой, наш верный «сорок четвертый» очистил округу от всех врагов, и мы взяли в свои руки высшую власть. Мы — это самый лучший, никем не превзойденный стрелок на всем Диком Западе, абсолютный чемпион по молниеносному выхватыванию револьвера, человек, который наконец отошел от дел, когда все враги либо были мертвы, либо не смели поднять головы... Бедный Симмс, он всегда хотел, чтобы мы сыграли эту последнюю сцену — финальный грозный проход по какой-нибудь пыльной Главной улице. Он хотел, чтобы мы, неотразимые, шли, высоко подняв голову, расправив плечи, — не за деньги, ибо заработали уже больше чем достаточно, а только ради славы, чтобы сошли со Сцены в сверкании револьверных вспышек, в наилучшей нашей форме, на вершине успеха. Я и сам мечтал об этом, но враги стали осторожнее, и последний год в Вестерне был для Уошберна совсем уж посмешищем: он разъезжал на лошади, зорко посматривая, что бы такое предпринять (шестизарядка всегда наготове!), однако не находилось никого, кто захотел бы испытать на нем свою реакцию... — для Симмса это издевательство над самими нашими устоями. Полагаю, для меня это не меньшее оскорбление. (Трудно представить, где начинаюсь я и где кончается Симмс; и уж вовсе невозможно без страха смотреть в лицо фактам: нашим звездным годам в Вестерне приходит конец.)

Симмс правой рукой трясет мою кисть, левой крепко сдавливает плечо и не произносит ни слова — все в том мужественном стиле Вестерна, который он усвоил, годами ассоциируя себя со мной, *будучи* мной.

Консуэла страстно сжимает меня в объятиях, в ее глазах слезы, она целует меня, она говорит, чтобы я побыстрее возвращался. Ах, эти потрясающие первые месяцы с новой женой! Они великолепны... — до той поры, пока не снизойдет вновь на душу скука давно знакомой обыденности! Консуэла у меня четвертая по счету. В своей жизни я исходил множество троп, в большинстве одних и тех же, и вот теперь режиссер снова осматривает меня, отыскивая следы губной помады, кивает: «все в порядке!» — и я отворачиваюсь от Консуэлы и Симмса, салютую им двумя пальцами — мой знаменитый жест! — и еду по скрипучему настилу поста Уэллс-Фарго на ту сторону — в сияющий солнечный мир Бесконечного Вестерна.

Издалека камера берет одинокого всадника, который, словно муравей, ползет между искусно испещренными полосами стен каньона. Мы видим его в серии последовательных кадров на фоне разворачивающейся перед нами панорамы пустынного пейзажа. Вот он вечером готовит себе еду на маленьком костре, его силуэт четко вырисовывается на заднике пылающего неба, котелок дерби с небрежным изяществом сдвинут на затылок. Вот он спит, за-

вернувшись в одеяло; угольки костра, угасая, превращаются в золу. Еще не рассвело, а всадник снова на ногах — варит кофе, готовясь к дневному переходу. Восход солнца застигает его уже верхом: он едет, прикрыв рукой глаза от слепящего света, сильно откинувшись назад, насколько позволяют свободные стремена, и предоставив лошади самой отыскивать дорогу на скалистых склонах.

Я одновременно и зритель, наблюдающий за собой как за актером со стороны, и актер, наблюдающий за собой — зрителем. Сбылась мечта детства: играть роль и в то же время созерцать, как мы играем ее. Я знаю, что мы никогда не перестаем играть и равным образом никогда не перестаем наблюдать за собой в процессе игры. Это просто ирония судьбы, что героические картины, которые вижу я, совпадают с теми, которые видите и вы, сидя перед своими маленькими экранчиками.

Вот всадник забрался на высокую седловину между двумя горами. Здесь холодно, дует горный ветер, воротник куртки наездника поднят, а котелок дерби привязан к голове ярким шерстяным шарфом. Глядя поверх плеча мужчины, мы видим далеко внизу поселок — совсем крохотный, затерянный в безмерности ландшафта. Мы провожаем глазами всадника: обругав уставшую лошадь последними словами, он начинает спуск к поселку.

Всадник в котелке дерби ведет в поводу лошадь по поселку Команч. Здесь только одна улица — Главная — с салуном, постоялым двором, платной конюшней, кузницей, лавкой; все старомодное и застывшее, как на дагерротипе времен Гражданской войны. Ветер пустыни постоянно дует над городком, и повсюду оседает тонкая пыль.

Всадника здесь знают. В толпе бездельников, собравшихся у лавки, слышны восклицания:

— Ого, это сам Уошберн!

Я одеревенелыми руками расседлываю лошадь у входа в конюшню — высокий, запыленный в дороге мужчина: пояс с кобурой опущен низко и висит свободно; потрескавшаяся, с роговыми накладками, рукоятка «пушки» вызывающе торчит прямо под рукой. Я оборачиваюсь и потираю лицо — знаменитое, вытянутое, скорбное лицо: глубокая складка шрама, перерезавшего скулу, прищуренные немигающие серые глаза. Это лицо жесткого, опасного, непредсказуемого в действиях человека, и тем не менее он вызывает глубокую симпатию. Это я наблюдаю за вами, в то время как вы наблюдаете за мной.

Я выхожу из конюшни, и тут меня приветствует шериф Бен Уотсон — мой старый друг. Дочерна загоревшее лицо; длинные черные усы, подкрученные кверху; на жилете из гребенной шерсти тускло поблескивает жестяная звезда.

— Слышал, слышал, что ты в наших краях и можешь заскочить, — говорит он. — Слышал также, будто ты ненадолго уезжал в Калифорнию?

«Калифорния» — это наше специальное кодовое слово, обозначающее отпуск, отдых, отставку.

— Так оно и есть, — говорю я. — Как здесь дела?

— Так себе, — отвечает Уотсон. — Не думаю, чтобы ты уже прослышал про старину Джеффа Мэнгла.

Я жду. Шериф продолжает:

— Это стряслось только вчера. Старину Джеффа сбросила лошадь — там, в пустыне. Мы решили, что его коняга испугалась гремучки... Господь свидетель, я тысячу раз говорил ему, чтобы он продал эту здоровенную, брыкливую, бельмастую скотину. Но ты же знаешь старину Джеффа...

— Что с ним? — спрашиваю я.

— Ну, это... Я же сказал. Лошадь сбросила его и потащила. Когда Джимми Коннерс нашел его, он был уже мертв.

Долгое молчание. Я сдвигаю котелок на затылок. Наконец говорю:

— Ладно, Бен, что ты еще хочешь мне сказать?

Шерифу не по себе. Он дергается, переминаясь с ноги на ногу. Я жду. Джефф Мэнгл мертв; эпизод, который я нанялся играть, провален. Как теперь будут развиваться события?

— Ты, должно быть, хочешь пить, — говорит Уотсон. — Что, если мы опрокинем по кружечке пивка?..

— Сначала — новости.

— Ну что ж... Ты когда-нибудь слыхал о ковбое по имени Малыш Джо Поттер из Кастрюльной Ручки[1]?

Я отрицательно качаю головой.

— Не так давно его занесло каким-то ветром в наши края. Вместе с репутацией быстрого стрелка. Ты ничего не слышал о перестрелке в Туин-Пикс?

Как только шериф называет это место, я тут же вспоминаю, что кто-то говорил о чем-то подобном. Но в «Калифорнии» меня занимали дела совершенно иного рода, и мне было не до перестрелок — вплоть до сегодняшнего дня.

— Этот самый Малыш Джо Поттер, — продолжает Уотсон, — вышел один против четверых. Какой-то у них там возник диспут по поводу одной дамы. Говорят, что это была та еще драка. В конечном счете Малыш Джо отправил всех четверых на тот свет, и слава его, естественно, только возросла.

— И что? — спрашиваю я.

— Ну, значит, прошло время, и вот Малыш Джо играет в покер с какими-то ребятами в заведении Ядозуба Бенда... — Уотсон замолкает, чувствуя себя очень неловко. — Знаешь что, Уошберн, может, тебе лучше побеседовать с Чарли Гиббсом? Ведь он разго-

[1] Кастрюльная Ручка — шутливое название штата Западная Виргиния.

варивал с человеком, который сам присутствовал при той игре. Да, лучше всего — поговори прямо с Чарли. Пока, Уошберн. Увидимся...

Шериф уходит восвояси, следуя неписаному закону Вестерна: сокращай диалоги до предела и давай другим актерам тоже принять участие в действии.

Я направляюсь к салуну. За мной следует какая-то личность — парнишка лет восемнадцати, от силы девятнадцати, долговязый, веснушчатый, в коротких, давно не по росту рабочих штанах и потрескавшихся ботинках. На боку у него «пушка». Чего он хочет от меня? Наверное, того же, что и все остальные.

Я вхожу в салун, мои шпоры гремят по дощатому полу. У стойки расположился Чарли Гиббс — толстый неопрятный морщинистый мужичонка, вечно скалящий зубы. Он не вооружен, потому что Чарли Гиббс — комический персонаж, следовательно, он не убивает и его не убивают тоже. Чарли, помимо прочего, — местный представитель Гильдии киноактеров.

Я покупаю ему спиртное и спрашиваю о знаменитой партии в покер с участием Малыша Джо Поттера.

— Я слышал об этом от Техасца Джима Клэра. Ты ведь помнишь Техасца Джима? Хороший малый, он работает ковбоем на ферме Дональдсона. Так вот, Уошберн, Техасец Джим затесался в эту покерную компанию вместо отлучившегося Ядозуба Бенда. Страсти начали накаляться. Вот наконец на столе — крупный банк, и Док Дэйли набавляет тысячу мексиканских долларов. Видать, Малышу Джо тоже очень нравились карты, что были у него в руках, но деньжат-то уже не осталось. Док высказывается в том смысле, что согласен взять и натурой, если только Малыш Джо выдумает кой-чего подходящее. Малыш Джо поразмыслил немного, а затем и говорит: «Сколько ты даешь за котелок мистера Уошберна?» Тут, конечно, все замолчали, потому что ведь к мистеру Уошберну никто так просто не подойдет и не стянет дерби, разве что прежде убьет человека, который под этим самым котелком. Но, с другой стороны, известно, что Малыш Джо не из хвастливых, к тому же он грамотно распорядился собой в той самой перестрелке с четырьмя ребятами. И вот Док обдумал все и говорит: «Идет, Джо. Я прощу тебе тысячу за котелок Уошберна и с радостью заплачу еще тысячу за место в первом ряду, когда ты будешь этот котелок снимать». — «Место в первом ряду получишь даром, — отвечает Малыш Джо, — но только в том случае, если я сейчас проиграю, а я вовсе не собираюсь этого делать». Ставки сделаны, и оба открывают карты. Четыре валета Дока бьют четверку восьмерок Малыша Джо. Малыш Джо встает со стула, потягивается и говорит: «Что ж, Док, похоже на то, что ты получишь-таки свое место в первом ряду».

Чарли опрокидывает стаканчик и впивается в меня светлыми

злыми глазками. Я киваю, высасываю свое питье и выхожу на задний двор, направляясь к уборной.

Уборная служит нам закадровой площадкой. Мы заходим сюда, когда нужно поговорить о чем-то, что не связано с контекстом Вестерна. Спустя несколько минут сюда является Чарли Гиббс. Он включает замаскированный кондиционер, вытаскивает из-за балки пачку сигарет, закуривает, садится и устраивается поудобнее. В качестве представителя Гильдии киноактеров Чарли проводит здесь довольно много времени, выслушивая наши жалобы и горести. Это его контора, и он постарался обставить ее с максимально возможным комфортом.

— Я полагаю, ты хочешь знать, что происходит? — спрашивает Чарли.

— Черт побери, конечно! — завожусь я. — Что это за чушь, будто Джо Поттер собирается стянуть с меня котелок?

— Не горячись, — говорит Чарли, — все в порядке. Поттер — восходящая звезда. Раз уж Джефф Мэнглз убился, то совершенно естественно было схлестнуть Джо с тобой. Поттер согласился. Вчера запросили твоего агента, и он возобновил контракт. Ты получишь чертову прорву денег за этот эпизод со стрельбой.

— Симмс возобновил мой контракт? Не переговорив со мной?

— Тебя никак не могли найти. Симмс сказал, что с твоей стороны все будет в полном ажуре. Он сделал заявление газетам, что не раз обговаривал с тобой это дело и что ты всегда мечтал покинуть Вестерн с большим шумом, в наилучшей своей форме, затеяв последнюю грандиозную стрельбу. Он сказал, что ему не нужно даже обсуждать это с тобой, что вы с ним роднее братьев. Симмс сказал, мол, он очень рад, коль скоро выпадет такой шанс, и знает наверняка, что ты будешь рад тоже.

— Бог ты мой! Этот Симмс придурок!

— Он что, подложил тебе свинью? — перебивает Чарли.

— Да нет, не совсем так. Мы действительно много говорили о финальном шоу. И я на самом деле сказал как-то, что хочу сойти со сцены с большим...

— Но это были только разговоры? — перебивает Чарли.

— Не совсем...

Одно дело — рассуждать о перестрелке, когда ты уже в отставке и сидишь в полной безопасности у себя дома в Бель-Эйре, и совершенно другое, когда обнаруживаешь, что вовлечен в драку, будучи абсолютно к этому не готов.

— Симмс никакой свиньи не подкладывал. Но он втянул меня в историю, где я бы хотел решать сам за себя.

— Значит, ситуация такова, — говорит Чарли. — Ты свалял дурака, когда трепал языком, будто мечтаешь о финальном поединке, а твой агент свалял дурака, приняв этот треп за чистую монету.

— Похоже, так.

— И что ты собираешься делать?

— Скажу тебе, — говорю я, — но только если у меня пойдет разговор со старым приятелем Чарли, а не с представителем Гильдии киноактеров Гиббсом.

— Заметано, — говорит Чарли.

— Я собираюсь расплеваться, — говорю я. — Мне тридцать семь, и я уже год как не баловался «пушкой». К тому же у меня новая жена...

— Можешь не вдаваться в подробности, — перебивает Гиббс. — Жизнь прекрасна — короче не скажешь. Как друг, я тебя одобряю. Как представитель ГК, могу сказать, что Гильдия тебя не поддержит, если ты вдруг разорвешь дорогостоящий контракт, заключенный твоим представителем по всем правилам. Если компания возбудит против тебя дело, ты останешься один-одинешенек.

— Лучше один-одинешенек, но живой, чем за компанию, но в могиле, — говорю я. — Этот Малыш Джо — он что, силен?

— Силен. Но не так, как ты, Уошберн. Лучше тебя я никого не видел. Хочешь все-таки повстречаться с ним?

— Не-а. Просто спрашиваю.

— Вот и стой на своем, — говорит Чарли. — Как друг, я советую тебе сматывать удочки и уйти в кусты. Ты уже вытянул из Вестерна все, что только можно: ты кумир, ты богат, у тебя прелестная новая жена. Куда ни глянь, все-то у тебя есть. Так что нечего здесь ошиваться и ждать, пока придет кто-нибудь и все это у тебя отнимет.

— А я и не собираюсь ошиваться, — говорю.

И вдруг обнаруживаю, что рука уже сама собой тянется к «пушке».

Я возвращаюсь в салун. Сажусь в одиночестве за столик, передо мной — стаканчик виски, в зубах — тонкая черная мексиканская сигара. Надо обдумать ситуацию. Малыш Джо едет сюда с юга. Вероятно, он рассчитывает застать меня в Команче. Но я-то не рассчитывал здесь оставаться. Самое безопасное для меня — отправиться назад той же дорогой, по которой я приехал, вернуться в Уэллс-Фарго и снова выйти в большой мир. Но так я тоже не хочу поступать. Я намерен покинуть Площадку через Бримстоун, что совсем в другом конце, в северо-восточном углу, и таким образом совершить прощальное турне по всей Территории. Пускай-ка они попробуют вычислить этот путь...

Внезапно длинная тень падает наискось через стол, чья-то фигура заслоняет свет. Еще не осознав, в чем дело, я скатываюсь со стула, «пушка» уже в руке, курок взведен, указательный палец напрягся на спусковом крючке. Тонкий испуганный мальчишеский голос:

— О! Простите меня, мистер Уошберн!

Это тот самый курносый веснушчатый парнишка, что раньше, как я заметил, следил за мной. Он завороженно уставился на дуло моей «пушки». Он безумно напуган. Впрочем, черт возьми, он и должен быть напуган, раз уж разбудил мою реакцию после целого года бездействия.

Большим пальцем я снимаю с боевого взвода курок моего «сорок четвертого». Я встаю в полный рост, отряхиваюсь, поднимаю стул и сажусь на него. Бармен по кличке Кудрявый приносит мне новую порцию виски.

Я говорю парнишке:

— Послушай, парень, ты не нашел ничего более подходящего, чем вот так вырастать позади человека? Ведь самой малости не хватило, чтобы я отправил тебя к чертовой бабушке за здорово живешь.

— Извините, мистер Уошберн, — говорит он. — Я здесь новенький... Я не подумал... Я просто хотел сказать вам, как восхищаюсь вами...

Все правильно: это новичок. Видно, совсем еще свеженький выпускник Школы Мастерства Вестерна, которую все мы заканчиваем, прежде чем выходим на Площадку. Первые недели в Вестерне я и сам был таким же зеленым юнцом.

— Когда-нибудь, — говорит он, — я буду точно таким, как вы. Я подумал, может, вы дадите мне несколько советов? У меня с собой старая «пушка»...

Парнишка выхватывает револьвер, и я опять реагирую прежде, чем успеваю осознать происходящее: выбиваю из его руки «пушку» и срубаю мальца с ног ударом кулака в ухо.

— Черт тебя подери! — кричу я. — У тебя что, совсем мозгов нет? Не смей вскакивать и выхватывать «пушку» так быстро, если не собираешься пустить ее в дело.

— Я только хотел показать... — говорит он, не поднимаясь с пола.

— Если ты хочешь, чтобы кто-нибудь взглянул на твою «пушку», — говорю я ему, — вынимай ее из кобуры медленно и легко, а пальцы держи снаружи от предохранительной скобы. И сначала объявляй, что собираешься делать.

— Мистер Уошберн, — говорит он, — не знаю, что и сказать.

— А ничего не говори, — отрезаю я. — Убирайся отсюда, и дело с концом. Сдается мне, от тебя только и жди несчастья. Валяй, показывай свою чертову «пушку» кому-нибудь другому.

— Может, мне показать ее Джо Поттеру? — спрашивает парнишка, поднимаясь с пола и отряхиваясь.

Он смотрит на меня. О Поттере я не сказал еще ни слова. Он судорожно сглатывает, понимая, что снова сел в лужу.

Я медленно встаю.

— Изволь объяснить, что ты хочешь сказать.

— Я ничего не хочу сказать.

— Ты уверен в этом?
— Абсолютно уверен, мистер Уошберн. Простите меня!
— Пошел вон, — говорю я, и парнишка живо сматывается.
Я подхожу к стойке. Кудрявый вытаскивает бутылку виски, но я отмахиваюсь, и он ставит передо мной пиво.
— Кудрявый, — говорю я, — молодость есть молодость, и здесь винить некого. Но неужели нельзя ничего придумать, чтобы они хоть чуть-чуть поумнели?
— Думаю, что нет, мистер Уошберн, — отвечает Кудрявый.
Какое-то время мы помалкиваем. Затем Кудрявый говорит:
— Натчез Паркер прислал известие, что хочет видеть тебя.
— Понятно, — говорю я.

Наплыв: ранчо на краю пустыни. В отдельно стоящей кухоньке повар-китаец точит ножи. Один из работников, старина Фаррел, сидит на ящике и чистит картошку. Он поет за работой, склонившись над кучей очисток. У него длинное лошадиное лицо. Повар, о котором он и думать забыл, высовывается из окна и говорит:
— Кто-то едет.
Старина Фаррел поднимается с места, приглядывается, яростно чешет в копне волос, снова прищуривает глаза.
— Эх, нехристь ты, нехристь, китаеза. Это не просто кто-то, это как пить дать мистер Уошберн, или я — не я и зеленые яблочки — не творение господне.
Старина Фаррел поднимается, подходит к фасаду главной усадьбы и кричит:
— Эй, мистер Паркер! К вам едет мистер Уошберн!

Уошберн и Паркер сидят вдвоем за маленьким деревянным столиком в гостиной Натчеза Паркера. Перед ними чашки с дымящимся кофе. Паркер — крупный усатый мужчина — сидит на деревянном стуле с прямой спинкой, его высохшие ноги укутаны индейским одеялом. Ниже пояса он парализован: в давние времена пуля раздробила позвоночник.
— Ну что же, Уошберн, — говорит Паркер, — я, как и все мы на Территории, наслышан об этой твоей истории с Малышом Джо Поттером. Жутко представить, что за встреча у вас выйдет. Хотелось бы на нее посмотреть со стороны.
— Я и сам не прочь посмотреть на нее со стороны, — говорю я.
— И где же вы намерены повстречаться?
— Полагаю, в аду.
Паркер подается вперед:
— Что это значит?
— Это значит, что я не собираюсь встречаться с Малышом

Джо. Я направляюсь в Бримстоун, а оттуда — все прямо и прямо, подальше от Малыша Джо и всего вашего чертова Дикого Запада.
Паркер подается вперед и зверски дерет пальцами свои седые лохмы. Его большое лицо собирается в складки, словно он впился зубами в гнилое яблоко.
— Удираешь? — спрашивает он.
— Удираю, — говорю я.
Старик морщится, отхаркивается и сплевывает на пол.
— Из всех людей, способных на такое, меньше всего я ожидал услышать это от тебя. Никогда не думал, что увижу, как ты попираешь ценности, во имя которых всегда жил.
— Натчез, они никогда не были моими ценностями. Они достались мне готовенькими, вместе с ролью. Теперь я завязал с ролью и готов вернуть ценности.
Старик какое-то время переваривал все это. Затем заговорил:
— Что с тобой творится, дьявол тебя забери?! Ты что, в одночасье уразумел, что нахапал уже достаточно? Или просто струсил?
— Называй как хочешь, — говорю. — Я заехал, чтобы известить тебя. У меня перед тобой должок.
— Ну не прелесть ли он?! — скалится Паркер. — Он мне коечто должен, и это не дает ему покоя, поэтому он считает, что обязан, как меньшее из зол, заехать ко мне и сообщить, что удирает от какого-то наглого юнца с «пушкой», у которого за плечами всего одна удачная драка.
— Не перегибай!
— Послушай, Том... — говорит он.
Я поднимаю глаза. Паркер — единственный человек на всей Территории, который порой называет меня по имени. Но делает это очень нечасто.
— Смотри сюда, — говорит он. — Я не любитель цветистых речей. Но ты не можешь просто взять и удрать, Том. Какие бы причины ни были, подумай прежде о самом себе. Неважно где, неважно как, но ты должен жить в ладу с собой.
— Уж с этим-то у меня будет порядок, — говорю я.
Паркер трясет головой.
— Да провались все к чертям! Ты хоть представляешь, для чего вообще существует вся эта штука? Да, они заставляют нас надевать маскарадные костюмы и разгуливать с важным видом, словно нам принадлежит весь этот чертов мир. Но они и платят нам огромные деньги — только для того, чтобы мы были мужчинами. Более того, есть еще высшая цена. Мы должны *оставаться* мужчинами. Не тогда, когда это проще простого, например в самом начале карьеры. Мы должны оставаться мужчинами до конца, каким бы этот конец ни был. Мы не просто играем роли, Том. Мы живем в них, мы ставим на кон наши жизни, мы *сами и есть* эти роли, Том. Боже, да ведь любой может одеться ковбоем и про-

швырнуться с важным видом по Главной улице. Но не каждый способен нацепить «пушку» и пустить ее в дело.

— Побереги свое красноречие, Паркер, — говорю я. — Ты профессионален через край и поэтому данную сцену провалил. Входи снова в роль, и продолжим эпизод.

— Черт! — говорит Паркер. — Я гроша ломаного не дам ни за эпизод, ни за Вестерн, и вообще! Я сейчас говорю только с тобой, Том Уошберн. С тех самых пор как ты пришел на Территорию, мы были с тобой как родные братья. А ведь тогда, вначале, ты был всего лишь напуганным до дрожи в коленках мальчишкой, и завоевал ты себе место под солнцем только потому, что показал характер. И сейчас я не позволю тебе удирать.

— Я допиваю кофе, — говорю я, — и еду дальше.

Внезапно Натчез изворачивается на стуле, захватывает в горсть мою рубашку и притягивает меня к себе, так что наши лица почти соприкасаются. В его другой руке я вижу нож.

— Вытаскивай свой нож, Том. Скорее я убью тебя собственной рукой, чем позволю уехать трусом.

Лицо Паркера совсем близко от меня, его взгляд свирепеет, он обдает меня кислым перегаром. Я упираюсь левой ногой в пол, ставлю правую на край паркеровского стула и с силой толкаю. Стул Паркера опрокидывается, старик грохается на пол, и по выражению его лица я вижу, что он растерян. Я выхватываю «пушку» и целюсь ему между глаз.

— Боже, Том! — бормочет он.

Я взвожу курок.

— Старый безмозглый ублюдок! — кричу я. — Ты что думаешь, мы в игрушки играем? С тех пор как пуля перебила тебе спину, ты стал малость неуклюж, зато многоречив. Ты думаешь, что есть какие-то особые правила и что только ты о них все знаешь? Но правил-то никаких нет! Не учи меня жить, и я не буду учить тебя. Ты старый калека, но, если ты полезешь на меня, я буду драться по своим законам, а не по твоим и постараюсь уложить тебя на месте любым доступным мне способом.

Я ослабляю нажим на спусковой крючок. Глаза старого Паркера вылезают из орбит, рот начинает мелко подрагивать, он пытается сдержать себя, но не может. Он визжит — не громко, но высоко-высоко, как перепуганная девчонка.

Большим пальцем я снимаю курок со взвода и убираю «пушку».

— Ладно, — говорю я, — может, теперь ты очнешься и вспомнишь, как оно бывает в жизни на самом деле.

Я приподнимаю Паркера и подсовываю под него стул.

— Прости, что пришлось так поступить, Натчез.

У двери я оборачиваюсь. Паркер ухмыляется мне вслед.

— Рад видеть, что тебе помогло, Том. Мне следовало бы помнить, что у тебя тоже есть нервы. У всех хороших ребят, бывает, шалят нервишки. Но в драке ты будешь прекрасен.

— Старый идиот! Не будет никакой драки! Я ведь сказал тебе: я уезжаю насовсем.

— Удачи, Том. Задай им жару!

— Идиот!

Я уехал...

Всадник переваливает через высокий гребень горы и предоставляет лошади самой отыскивать спуск к распростершейся у подножия пустыне. Слышится мягкий посвист ветра, сверкают на солнце блестки слюды, песок змеится длинными колеблющимися полосами.

Полуденное солнце обрывает свой путь вверх и начинает спускаться. Всадник проезжает между гигантскими скальными формациями, которым резчик-ветер придал причудливые очертания. Когда темнеет, всадник расседлывает лошадь и внимательно осматривает ее копыта. Он фальшиво что-то насвистывает, наливает воду из походной фляги в свой котелок, поит лошадь, затем глубже нахлобучивает шляпу и не торопясь пьет сам. Он стреноживает лошадь и разбивает в пустыне привал. Потом садится у костерка и наблюдает, как опускается за горизонт распухшее пустынное солнце. Это высокий худой человек в потрепанном котелке дерби, к его правой ноге прихвачен ремешком «сорок четвертый» с роговой рукояткой.

Бримстоун: заброшенный рудничный поселок на северо-восточной окраине Территории. За городком вздымается созданное природой причудливое скальное образование. Его именуют здесь Дьявольским Большаком. Это широкий, полого спускающийся скальный мост. Дальний конец его, невидимый из поселка, прочно упирается в землю уже за пределами Площадки — в двухстах ярдах и полутора сотнях лет отсюда.

Я въезжаю в городок. Моя лошадь прихрамывает. Вокруг не так много людей, и я сразу замечаю знакомое лицо: черт, это тот самый веснушчатый парнишка. Он, должно быть, очень спешил, раз попал сюда раньше меня. Я проезжаю мимо, не произнося ни слова.

Какое-то время я сижу в седле и любуюсь Дьявольским Большаком. Еще пять минут езды — и я навсегда покину Дикий Запад, покончу со всем этим — с радостями и неудачами, со страхом и весельем, с долгими тягучими днями и унылыми ночами, исполненными риска. Через несколько часов я буду с Консуэлой, я буду читать газеты и смотреть телевизор...

Все, сейчас я пропущу стаканчик местной сивухи, а затем — улепетываю...

Я осаживаю лошадь возле салуна. Народу на улице немного прибавилось, все наблюдают за мной. Я вхожу в салун.

У стойки всего один человек. Это невысокий коренастый мужчина в черном кожаном жилете и черной шляпе из бизоньей кожи. Он оборачивается. За высокий пояс заткнута «пушка» без кобуры. Я никогда его прежде не видел, но знаю, кто это.

— Привет, мистер Уошберн, — говорит он.

— Привет, Малыш Джо, — отвечаю я.

Он вопросительно поднимает бутылку. Я киваю. Он перегибается через стойку, отыскивает еще один стакан и наполняет его для меня. Мы мирно потягиваем виски.

Спустя время я говорю:

— Надеюсь, вы не очень затруднили себя поисками моей персоны?

— Не очень, — говорит Малыш Джо.

Он старше, чем я предполагал. Ему около тридцати. У него грубые рельефные черты лица, сильно выдающиеся скулы, длинные черные подкрученные кверху усы. Он потягивает спиртное, затем обращается ко мне очень кротким тоном:

— Мистер Уошберн, до меня дошел слух, которому я не смею верить. Слух, что вы покидаете эту Территорию вроде как в большой спешке.

— Верно, — говорю я.

— Согласно тому же слуху, вы не предполагали задерживаться здесь даже на такую малость, чтобы обменяться со мной приветствиями.

— И это верно, Малыш Джо. Я не рассчитывал уделять вам свое время. Но как бы то ни было, вы уже здесь.

— Да, я уже здесь, — говорит Малыш Джо. Он оттягивает книзу кончики усов и сильно дергает себя за нос. — Откровенно говоря, мистер Уошберн, я просто не могу поверить, что в ваши намерения не входит сплясать со мной веселый танец. Я слишком много о вас знаю, мистер Уошберн, и я просто не могу поверить этому.

— Лучше все-таки поверьте, Джо, — говорю я ему. — Я допиваю этот стакан, затем выхожу вот через эту дверь, сажусь на свою лошадь и еду на ту сторону Дьявольского Большака.

Малыш Джо дергает себя за нос, хмурит брови и сдвигает шляпу на затылок.

— Никогда не думал, что услышу такое.

— А я никогда не думал, что скажу такое.

— Вы на самом деле не хотите выйти против меня?

Я допиваю и ставлю стакан на стойку.

— Берегите себя, Малыш Джо.

И направляюсь к двери.

— Тогда — последнее, — говорит Малыш Джо.

Я поворачиваюсь. Малыш Джо стоит поодаль от стойки, обе руки его хорошо видны.

— Я не могу принудить вас к перестрелке, мистер Уошберн. Но я тут заключил маленькое пари касательно вашего котелка.

— Слышал о таком.

— Так что... хотя это огорчает меня намного сильнее, чем вы можете себе представить... я вынужден буду забрать его.

Я стою лицом к Джо и ничего не отвечаю.

— Послушайте, Уошберн, — говорит Малыш Джо, — нет никакого смысла вот так стоять и сверлить меня взглядом. Отдавайте шляпу, или начнем наши игры.

Я снимаю котелок, расплющиваю его о локоть и пускаю блином в сторону Джо. Он поднимает дерби, не отрывая от меня глаз.

— Вот те на! — говорит он.

— Берегите себя, Малыш Джо.

Я выхожу из салуна.

Напротив салуна собралась толпа. Она ждет. Люди посматривают на двери, вполголоса разговаривая. Двери салуна распахиваются, и на улицу выходит высокий худой человек с непокрытой головой. У него намечается лысина. К его правой ноге ремешком прихвачен «сорок четвертый», и похоже, что человек знает, как пускать его в дело. Но суть в том, что в дело он его не пустил.

Под внимательным взглядом толпы Уошберн отвязывает лошадь, вскакивает в седло и шагом пускает ее в сторону моста.

Двери салуна снова распахиваются. Выходит невысокий, коренастый, с суровым лицом человек, в руках он держит измятый котелок. Он наблюдает, как всадник уезжает прочь.

Уошберн пришпоривает лошадь, та медлит в нерешительности, но наконец начинает взбираться на мост. Ее приходится постоянно понукать, чтобы она поднималась все выше и выше, отыскивая дорогу на усыпанном голышами склоне. На середине моста Уошберн останавливает лошадь, точнее, дает ей возможность остановиться. Он сейчас на высшей точке каменного моста, на вершине дуги, он замер, оседлав стык между двумя мирами, но не смотрит ни на один из них. Он поднимает руку, чтобы одернуть поля шляпы, и с легким удивлением обнаруживает, что голова его обнажена. Он лениво почесывает лоб — человек, в распоряжении которого все время мира. Затем он поворачивает лошадь и начинает спускаться туда, откуда поднялся, — к Бримстоуну.

Толпа наблюдает, как приближается Уошберн. Она неподвижна, молчалива. Затем, сообразив, что сейчас должно произойти, все бросаются врассыпную, ищут убежища за фургонами, ныряют за корыто с водой, съеживаются за мешками с зерном.

Только Малыш Джо Поттер остается на пыльной улице. Он наблюдает, как Уошберн спешивается, отгоняет лошадь с линии огня и медленно направляется к нему навстречу.

— Эй, Уошберн! — выкрикивает Малыш Джо. — Вернулся за шляпой?

Уошберн ухмыляется и качает головой.

— Нет, Малыш Джо. Я вернулся, чтобы сплясать с тобой веселый танец.

Оба смеются, это очень смешная шутка. Внезапно мужчины выхватывают револьверы. Гулкий лай «сорок четвертых» разносится по городу. Дым и пыль застилают стрелков.

Дым рассеивается. Мужчины по-прежнему стоят. Револьвер Малыша Джо направлен дулом вниз. Малыш Джо пытается крутануть его на пальце и видит, как он выпадает из руки. Затем валится в пыль.

Уошберн засовывает свою «пушку» за ремешок, подходит к Малышу Джо, опускается на колени и приподнимает его голову.

— Черт! — говорит Малыш Джо. — Это был вроде короткий танец, а, Уошберн?

— Слишком короткий, — отвечает Уошберн. — Прости, Джо...

Но Малыш Джо не слышит этих слов. Его взгляд потерял осмысленность, глаза остекленели, тело обмякло. Кровь сочится из двух дырочек в груди, кровь смачивает пыль, струясь из двух больших выходных отверстий в спине.

Уошберн поднимается на ноги, отыскивает в пыли свой котелок, отряхивает его, надевает на голову. Он подходит к лошади. Люди снова выбираются на улицу, слышатся голоса. Уошберн всовывает ногу в стремя и собирается вскочить в седло.

В этот момент дрожащий тонкий голос выкрикивает.

— Отлично, Уошберн, огонь!

С искаженным лицом Уошберн пытается извернуться, пытается освободить стрелковую руку, пытается волчком отскочить с линии огня. Даже в этой судорожной, невероятной позе он умудряется выхватить свой «сорок четвертый» и, крутанувшись на месте, видит в десяти ярдах от себя веснушчатого парнишку: его «пушка» уже выхвачена, он уже прицелился, уже стреляет...

Солнце взрывается в голове Уошберна, он слышит пронзительное ржание лошади, он проламывается сквозь все пыльные этажи мира, валится, а пули с глухим звуком входят в него, — с таким звуком, как если бы большим мясницким ножом плашмя шлепали по говяжьей туше. Мир разваливается на куски, киномашинка разбита, глаза — две расколотые линзы, в которых отражается внезапное крушение вселенной. Финальным сигналом вспыхивает красный свет, и мир проваливается в черноту.

Телезритель — он и публика, он же и актер — какое-то время еще тупо смотрит на потемневший экран, потом начинает ерзать в мягком кресле и потирать подбородок. Ему, похоже, немного не по себе. Наконец он справляется с собой, громко рыгает, протягивает руку и выключает телевизор.

ЗАЯЦ

Я подъехал к Марсопорту через несколько часов после того, как прибыл корабль с Земли. На его борту находились буры с алмазными коронками — заказ на них я оформил больше года назад. Мне хотелось заявить свои права на эти буры, пока их никто не перехватил. Я вовсе не хочу сказать, что их могли украсть; все мы тут, на Марсе, джентльмены и ученые. Однако здесь всякая мелочь достается с трудом, а украсть по праву первого — это традиционный способ, каким джентльмены-ученые добывают необходимое оборудование.

Едва я успел погрузить буры в джип, как подъехал Карсон из Горной группы, размахивая чрезвычайно срочным, весьма аварийным ордером. К счастью, у меня хватило соображения выписать сверхсрочный ордер у директора Бэрка. Карсон воспринял свою неудачу с такой учтивостью, что я подарил ему три бура.

Он понесся на своем скутере по красным пескам Марса, которые так красиво выходят на цветных фотографиях и так безбожно забивают двигатели.

Я подошел к земному кораблю: меня вовсе не волновали космолеты, просто я хотел взглянуть на нечто еще не примелькавшееся.

Тут я увидел зайца.

Он стоял возле космолета и смотрел на красный песок, на опаленные посадочные шахты, на пять зданий Марсопорта; глаза у него были огромные, словно блюдца. На его лице, казалось, было написано: «Марс! Вот это да!»

Мысленно я застонал. В тот день мне предстояло столько работы, что и за месяц не переделать. А заяц входил в мою компетенцию. Как-то в приливе не свойственной ему фантазии директор Бэрк сказал мне: «Талли, ты умеешь обращаться с людьми. Ты в них понимаешь. Они тебя любят. Поэтому назначаю тебя главой службы безопасности на Марсе».

Это надо было понимать так, что в мое ведение передаются зайцы.

В данном случае заяц выглядел лет на двадцать. Роста в нем было свыше шести футов, а тощего мяса на костях — от силы на сто фунтов. В здоровом марсианском климате его нос успел стать ярко-красным. У зайца были большие, с виду нескладные руки и большие ступни. В бодрящей марсианской атмосфере он ловил воздух ртом, как рыба, выброшенная из воды. Респиратора у него, естественно, не было. У зайцев никогда не бывает респираторов.

Я подошел к нему и спросил:

— Ну и как же тебе здесь нравится?

— Госпо-ди-и! — сказал он.

— Потрясающее ощущение, не правда ли? — спросил я. — Наяву стоять на взаправдашней, всамделишной чужой планете.

— И не говорите! — произнес, задыхаясь, заяц. От кислородного голодания он весь посинел — весь, кроме кончика носа. Я решил проучить его — пусть еще чуть-чуть помучится.

— Ты, значит, тайком забрался на этот грузовой корабль, — сказал я. — Прокатиться без билета на изумительный, чарующий, экзотический Марс.

— Ну, меня вряд ли можно назвать безбилетником, — проговорил он, судорожно пытаясь набрать воздух в легкие. — Я вроде как бы... вроде как бы...

— Вроде как бы сунул капитану взятку, — докончил я за него.

К этому времени он уже еле-еле стоял на своих длинных, тощих ногах. Я вытащил запасной респиратор и нахлобучил ему на нос.

— Пошли, заяц, — сказал я. — Найду тебе что-нибудь перекусить. Потом у нас с тобой будет серьезный разговор.

По дороге в кают-компанию я придерживал его за руку; он так пялил глаза на все вокруг, что неминуемо обо что-нибудь споткнулся бы и сломал бы это «что-нибудь». В кают-компании я повысил давление воздуха и разогрел зайцу свинину с бобами.

Он с жадностью проглотил еду, откинулся в кресле, и рот у него растянулся от уха до уха.

— Меня зовут Джонни. Джонни Франклин, — сказал он. — Марс! Прямо не верится, что я и вправду здесь.

Так говорят все зайцы — те, что остаются в живых после перелета. Ежегодно делается примерно десять попыток, но лишь один или два человека умудряются выжить. Они ведь невероятные идиоты. Несмотря на проверки службы безопасности, зайцы каким-то образом прокрадываются на борт фрахтовика.

Корабли стартуют с ускорением порядка двадцати g, и зайца, у которого нет специальных средств защиты, сплющивает в лепешку. Если он при этом и уцелеет, его прикончит радиация. Или же он задохнется в невентилируемом трюме, не успев добраться до каюты пилота.

У нас тут есть специальное кладбище, исключительно для зайцев.

Однако время от времени кто-нибудь ухитряется выжить и вступает на Марс с большими надеждами и глазами, сияющими как звезды.

Разочаровывать их приходится не кому иному, как мне.

— Зачем же ты приехал на Марс? — спросил я.

— Я вам объясню, — сказал Франклин. — На Земле приходится поступать как все люди. Надо думать, как все, и делать, как все, не то окажешься под замком.

Я кивнул.

Сейчас, впервые в истории человечества, на Земле все спокойно. Мир во всем мире, единое всемирное правительство, мировое процветание. Власти стремятся сохранить все как есть. Мне кажется, что они заходят слишком далеко, подавляя даже самый безобидный индивидуализм, но кто я такой, чтобы судить? По всей вероятности, лет через сто или около того станет полегче, но для зайца, живущего в наши дни, это слишком долгий срок.

— Значит, ты испытывал потребность в новых горизонтах, — сказал я.

— Да, сэр, — ответил Франклин. — Мне не хотелось бы показаться вам трепачом, сэр, но я мечтал стать первооткрывателем. Трудности меня не страшат. Я буду работать не покладая рук...

— А что ты будешь делать? — спросил я.

— А? — на мгновение он смешался, потом ответил: — Что угодно.

— Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

— Нет, сэр, — пролепетал заяц.

Это не доставляло мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу неумолимую, горькую правду.

— Так, значит, твоя специальность не химия, — размышлял я вслух. — У нас бы нашлось местечко для первоклассного геолога. На худой конец — для статистика.

— Боюсь, я не...

— Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

— Нет, сэр, — ответил подавленный Франклин. — Я и средней-то школы не окончил.

— Так что же ты в таком случае собирался здесь делать? — спросил я.

— Вот, знаете, сэр, — сказал Франклин, — я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думал, может, вроде как посыльным. И я обучен плотницкому делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работка и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, — героический фронтир для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронтир. Это тупик.

— Франклин, — сказал я, — знаешь ли ты, что Строительство на Марсе зависит от поставок с Земли? Знаешь ли, что оно себя не окупает и, возможно, никогда не окупит? Знаешь ли ты, что содержание одного человека обходится Строительству в пятьдесят тысяч долларов ежегодно? Считаешь ли ты, что стоишь годового заработка в пятьдесят тысяч долларов?

— Много я не съем, — возразил Франклин. — А уж как пообвыкну, я...

— Кроме того, — прервал его я, — знаешь ли ты, что на Марсе нет никого, кто не является по крайней мере доктором наук?

Зайцы никогда этого не знают.

Рассказывать им должен я.

Итак, я рассказал Франклину, что все плотничьи, слесарные, водопроводные работы, обязанности посыльных и поваров, а также уборку, починку и ремонт выполняют сами ученые в свободное время. Пусть не хорошо, но выполняют.

Суть в том, что на Марсе отсутствует неквалифицированная рабочая сила. Мы просто-напросто не можем себе этого позволить.

Я ждал, что Франклин зальется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

Он обвел комнату тоскливым взглядом, рассматривая обстановку замызганной, крохотной кают-компании. Понимаете, все в ней было марсианским.

— Пошли, — сказал я, поднимаясь с места. — Постель я тебе найду. А завтра организуем обратный проезд на Землю. Не огорчайся. Зато ты повидал Марс.

— Да, сэр. — Заяц с трудом поднялся. — Только я, сэр, ни за что не вернусь на Землю.

Я не стал с ним спорить. Зайцы, как правило, вечно хорохорятся. Откуда мне было знать, что на уме у этого?

Уложив Франклина, я вернулся в лабораторию и несколько часов занимался работой, которую надо было сделать во что бы то ни стало. Я лег спать совершенно обессиленный.

Наутро я пришел будить Франклина. В постели его не было. Мгновенно у меня мелькнула мысль о возможности диверсии. Кто знает, на что способен несостоявшийся первооткрыватель? Того и гляди, выдернет из реактора два-три замедлителя или подожжет склад с горючим. Я неистово метался по лагерю, повсюду разыскивая зайца, и наконец обнаружил его в недостроенной спектрографической лаборатории.

Эту лабораторию мы строили в нерабочее время. У кого оказывалось свободных полчаса, тот укладывал несколько кирпичей, выпиливал крышку стола или привинчивал дверные петли к косяку. Никого нельзя было освободить от работы на такой срок, чтобы наладить все по-настоящему.

За несколько часов Франклин успел больше, чем все мы за несколько месяцев. Он действительно был умелым плотником и работал так, словно все фурии ада гнались за ним по пятам.

— Франклин! — окликнул я.

— Здесь, сэр. — Он поспешил ко мне. — Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок-другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был похлопать его по плечу и сказать:

«Парень, книжное образование — это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры.

Зайцы здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

— Франклин, — сказал я, — пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

— Я не могу вернуться на Землю, — еле слышно ответил Франклин.

— Что такое?

— Если я вернусь, меня упрячут за решетку.

— Ну ладно, рассказывай все с самого начала, — простонал я. — Только, пожалуйста, покороче.

— Слушаюсь, сэр. Как я уже говорил, сэр, — начал Франклин, — на Земле надо поступать, как все, и думать, как все. Ну вот, до поры до времени все было хорошо. Но потом я открыл Истину.

— Что-что?

— Я открыл Истину, — гордо повторил Франклин. — Я набрел на нее случайно, но вообще-то она очень простая. До того простая, что я обучил сестренку, а уж если та способна выучиться, значит, и всякий способен. Тогда я попытался обучить Истине всех.

— Продолжай, — сказал я.

— Ну и вот, все страшно обозлились. Сказали, что я спятил, что мне надо держать язык за зубами. Но я не мог молчать, мистер Талли, потому что это ведь Истина. Так что, когда за мной пришли, я отправился на Марс.

Ну и ну, подумал я, великолепно. Только этого нам не хватало на Марсе. Хороший, старомодный религиозный фанатик читает проповеди очерствелым ученым. Это как раз то, что прописал мне доктор. Ведь теперь, отослав парня назад на Землю, в тюрьму, я всю жизнь буду мучиться угрызениями совести.

— И это еще не все, — заявил Франклин.

— Ты хочешь сказать, что у этой душераздирающей истории есть продолжение?

— Да, сэр.

— Говори же, — со вздохом подбодрил его я.

— Они ополчились и на мою сестренку, — сказал Франклин. — Понимаете, когда ей открылась Истина, она не меньше моего захотела обучать других. Это ведь Истина, знаете ли. И вот теперь она вынуждена скрываться, пока... пока...

Он высморкался и с жалким видом проглотил слезы.

— Я думал, вы увидите, как я пригожусь на Марсе, и тогда сестренка могла бы ко мне...

— Довольно! — не выдержал я.

— Да, сэр.

— Больше ничего не желаю слышать. Я и так уже выслушал больше чем нужно.

— А вы бы не хотели, чтобы я поведал вам Истину? — горячо предложил Франклин. — Я могу объяснить...

— Ни слова больше, — рявкнул я.

— Да, сэр.

— Франклин, я ничего не могу сделать для тебя, абсолютно ничего, у тебя нет степени. А у меня нет полномочий разрешить тебе остаться. Но я сделаю единственное, что в моей власти. Я поговорю о тебе с директором.

— Вот здорово! Большое вам спасибо, мистер Талли. А вы объясните ему, что я не совсем окреп с дороги? Как только соберусь с силами, я вам докажу...

— Конечно, конечно, — сказал я и поспешно ушел.

Директор уставился на меня, как будто увидел моего двойника из антимира.

— Но, Талли, — сказал он, — тебе же известны правила.

— Конечно, — промямлил я. — Но ведь он действительно был бы нам полезен. И мне ужасно неприятно отправлять его прямо в руки полиции.

— Содержание человека на Марсе обходится в пятьдесят тысяч долларов ежегодно, — сказал директор. — Считаешь ли ты, что он стоит заработка в...

— Знаю, знаю, — перебил я. — Но это такой трогательный случай, и он так старается, и мы могли бы его...

— Все зайцы трогательны, — заметил директор.

— Ну, ясно. В конце концов, это неполноценные создания, не то что мы, ученые. Пусть себе убирается туда, откуда явился.

— Талли, — спокойно сказал директор, — вижу, что этот вопрос обостряет наши отношения. Поэтому я предоставляю тебе самому решать его. Ты знаешь, что ежегодно на каждую вакансию в марсианском Строительстве подается почти десять тысяч заявок. Мы отвергаем специалистов лучших, чем мы сами. Юноши годами учатся в университетах, чтобы занять здесь определенную должность, а потом окажется, что место уже занято. Учитывая все эти обстоятельства, считаешь ли ты по чести и совести, что Франклин должен остаться?

— Я... я... а-а, черт возьми, нет, если вы так ставите вопрос. — Я все еще был зол.

— А разве можно ставить его как-нибудь иначе?

— Разумеется, нет.

— Всегда печально, если много званых и мало избранных, —

задумчиво проговорил директор. — Людям нужен новый фронтир. Хотел бы я отдать Марс для повсеместного заселения. Когда-нибудь так и случится. Но не раньше, чем мы научимся обходиться здешними ресурсами.

— Ладно, — сказал я. — Пойду организую отъезд зайца.

Когда я вернулся, Франклин работал на крыше спектрографической лаборатории. Едва взглянув мне в лицо, он понял, каков ответ.

Я сел в свой джип и покатил в Марсопорт. Я знал, что сказать капитану, который допустил пребывание Франклина на своем корабле. Слишком уж часты такие безобразия. Пусть теперь этот шутник и везет Франклина обратно на Землю.

Фрахтовик был погружен в стартовую шахту, только нос вырисовывался на фоне неба. Наш нуклеотик Кларксон готовил корабль к отлету.

— Где капитан этой ржавой посудины? — спросил я.

— Капитана нет, — ответил Кларксон. — Это модель «Лежебока». С радиоуправлением.

Я почувствовал, как мой желудок стал медленно опускаться и подниматься наподобие качелей.

— Капитана нет?

— Не-а.

— А экипаж?

— На корабле его нет, — сказал Кларксон. — Ты ведь знаешь, Талли.

— В таком случае на корабле не должно быть кислорода, — догадался я.

— Разумеется, нет!

— И защиты от радиации?

— Безусловно!

— И теплоизоляции нет?

— Теплоизоляции ровно столько, чтобы корпус не расплавился.

— И наверное, он стартует с максимальным ускорением? Что-нибудь около тридцати пяти g?

— Конечно, — подтвердил Кларксон. — Для беспилотного корабля это наиболее экономично. А что тебя смущает?

Я ему не ответил. Молча подошел к джипу и, выжав акселератор до отказа, помчался к спектрографической лаборатории. Желудок у меня больше не поднимался и не опускался. Он вращался как волчок.

Человек не способен выжить после такого рейса. У него нет на это никаких шансов. Ни одного шанса на десять миллиардов. Это физически невозможно.

Когда я подъехал к лаборатории, Франклин уже закончил крышу и работал внизу, соединяя трубы. Был обеденный перерыв, и ему помогали несколько человек из Горной группы.

— Франклин, — сказал я.

— Что, сэр?

Я набрал побольше воздуха в легкие.

— Франклин, ты прилетел сюда на том фрахтовике?

— Нет, сэр, — ответил он. — Я все пытался вам объяснить, что и не думал подкупать никакого капитана, но вы так и не...

— В таком случае, — проговорил я очень медленно, — как ты сюда попал?

— Благодаря Истине!

— Ты не можешь мне объяснить?

С секунду Франклин размышлял.

— С дороги я просто ужасно устал, мистер Талли, — сказал он, — но, кажется, могу.

И он исчез.

Я стоял и тупо моргал. Потом один из горных инженеров указал вверх. На высоте примерно трехсот футов парил Франклин.

Мгновение спустя он опять стоял рядом со мной. У него был иззябший вид, а кончик носа порозовел от холода.

Смахивает на мгновенное перемещение в пространстве. Нульперелет! Ну и ну!

— Это и есть Истина? — спросил я.

— Да, сэр, — сказал Франклин. — Это когда смотришь на мир по-иному. Стоит только увидеть Истину, по-настоящему увидеть, — и все становится возможным. Но на Земле это называли гал... галлюцинацией. Сказали, чтобы я прекратил гипнотизировать людей и...

— Ты можешь этому научить?

— Запросто, — ответил Франклин. — Правда, на это все же уйдет какое-то время.

— Это ничего. Смею надеяться, мы можем изыскать какое-то время. Да уж, полагаю, что можем. Даже наверняка. Да уж, какое-то время, затраченное на Истину, будет затрачено с толком...

Неизвестно, долго ли еще я бы нес околесицу, но Франклин горячо вмешался:

— Мистер Талли, значит ли это, что я могу остаться?

— Ты можешь остаться, Франклин. По правде говоря, если ты попытаешься нас покинуть, я тебя застрелю.

— О, благодарю вас, сэр! А как насчет моей сестренки? Можно ей сюда?

— Да-да, безусловно, — обрадовался я. — Пусть твоя сестренка приезжает. В любое время...

Я услышал испуганный крик горняков и медленно обернулся. Волосы у меня встали дыбом.

Передо мной стояла девушка — высокая, худенькая девушка с огромными, словно блюдца, глазищами. Она озиралась по сторонам и бормотала:

— Марс! Госпо-ди-и!

Потом заметила меня и вспыхнула.

— Простите меня, сэр, — сказала она. — Я... я подслушивала.

ЧЕЛОВЕК ПО ПЛАТОНУ

Благополучно посадив корабль на Регул-V, члены экспедиции разбили лагерь и включили ГР-22-0134, своего граничного робота, которого они называли Максом. Робот этот приводился в действие голосом и представлял собой двуногий механизм, предназначенный для охраны лагеря от вторжения неземлян в случае, если экспедиции где-нибудь придется столкнуться с таковыми.

Первоначально в строгом согласии с инструкцией Макс был серо-стального цвета, но во время бесконечного полета его покрасили нежно-голубой краской. Высота Макса составляла один метр двадцать сантиметров, и члены экспедиции постепенно уверовали, что он — добрый, разумный металлический человек, железный гномик, нечто вроде миниатюрного Железного дровосека из «Волшебника Изумрудного города».

Разумеется, они заблуждались. Их робот не обладал ни одним из тех качеств, которые ему приписывали. ГР-22-0134 был *не разумнее жнейки и не добрее автоматической расточной линии.* В нравственном отношении его можно было сравнивать с турбиной или радиоприемником, но никак не с человеком.

Маленький, нежно-голубой Макс с красными глазами безостановочно двигался по невидимой границе лагеря, включив свои электронные органы чувств на максимальную мощность. Капитан Битти и лейтенант Джеймс отправились на реактивном вертолете обследовать планету и должны были отсутствовать около недели. Лейтенант Холлорен остался в лагере охранять оборудование.

Холлорен, коренастый крепыш с бочкообразной грудью и кривыми ногами, был веселым, веснушчатым, закаленным, находчивым человеком и большим любителем соленых выражений. Позавтракав, он провел сеанс связи с вертолетом, потом раскрыл шезлонг и уселся полюбоваться пейзажем.

Регул-V прелестное место, если вы питаете страсть к унылым пустыням. Вокруг лагеря во все стороны простиралась раскаленная равнина, состоявшая из песка, застывшей лавы и скал. Кое-где кружили птицы, похожие на воробьев, а иногда пробегали животные, напоминавшие койотов. Между скалами там и сям торчали тощие кактусы.

Холлорен встал с шезлонга:

— Макс, я пойду прогуляюсь. В мое отсутствие ты остаешься в лагере за главного.

Робот прервал обход.

— Слушаюсь, сэр. Я остаюсь за главного.

— Не допускай сюда никаких инопланетян, особенно двухголовых с коленями навыворот.

— Я учту ваше указание, сэр. — Когда речь шла об инопланетянах, Макс утрачивал чувство юмора. — Вы знаете пароль, мистер Холлорен?

— Знаю, Макс. А ты?

— Мне он известен, сэр.

— Отлично. Ну, бывай.

И Холлорен покинул пределы лагеря.

Побродив часок по очаровательным окрестностям и не обнаружив ничего интересного, Холлорен направился обратно к лагерю. Он с удовольствием отметил про себя, что ГР-22-0134 совершает свой бесконечный обход границы лагеря. Это означало, что *там* все в порядке.

— Эгей, Макс! — крикнул он. — Сообщений для меня не поступало?

— Стой!!! — скомандовал робот. — Пароль!!

— Не валяй дурака, Макс. Мне сейчас не...

— СТОЙ!!! — загремел робот, когда Холлорен собрался было переступить границу.

Холлорен остановился как вкопанный. Фотоэлектрические глаза Макса вспыхнули, и негромкий двойной щелчок возвестил, что он привел в боевую готовность оружие малого калибра. Холлорен решил действовать осторожнее.

— Я стою. Моя фамилия Холлорен. Ну как, все в порядке, Макс?

— Пожалуйста, назовите пароль.

— «Колокольчики», — ответил Холлорен. — Ну, а теперь, с твоего разрешения...

— Не пересекайте границы, — предупредил робот. — Пароль неверен.

— Как бы не так! Я же сам тебе его давал.

— Это прежний пароль.

— Прежний? Да ты лишился своего электронного рассудка! — воскликнул Холлорен. — «Колокольчики» — единственный верный пароль, и никакого нового пароля у тебя быть не может, так как... Разве что... — Робот терпеливо ждал, пока Холлорен взвешивал эту неприятную мысль и наконец высказал ее вслух: — Разве что капитан Битти дал тебе новый пароль перед отлетом. Так оно и было?

— Да, — ответил робот.

— Мне следовало бы сообразить, — сказал Холлорен.

Он был раздосадован. Такие промашки случались и прежде, но в лагере всегда был кто-нибудь, кто помогал исправить положение.

Впрочем, оснований для тревоги не было. Если подумать хорошенько, ситуация складывалась довольно занятная. И найти выход ничего не стоило. Достаточно было немного поразмыслить.

Холлорен, разумеется, исходил из того, что ГР-22-0134 способны хотя бы немного поразмыслить.

— Макс, — начал Холлорен. — Я понимаю, как это произошло. Капитан Битти дал тебе новый пароль, но не сказал мне об этом. А я затем усугубил допущенный им промах, не проверив, как обстоит дело с паролем, прежде чем вышел за границу лагеря. — Робот ничего не сказал, и Холлорен продолжал: — В любом случае эту ошибку легко поправить.

— Искренне надеюсь, что это так, — ответил робот.

— Ну конечно же, — заявил Холлорен без прежней уверенности. — И капитан, и я, давая тебе новый пароль, всегда следуем определенным правилам. Сообщив пароль тебе, он тут же сообщает его мне устно, но на всякий непредвиденный случай — вроде того, что произошел сейчас, — он его записывает.

— Разве? — спросил робот.

— Да-да, — ответил Холлорен. — Всегда. Неукоснительно. И значит, в этот раз тоже. Ты видишь палатку позади себя?

Робот навел один глаз на палатку, не спуская второго с Холлорена.

— Да, я ее вижу.

— Отлично. В палатке стоит стол. На столе лежит серый металлический зажим.

— Правильно, — сказал Макс.

— Превосходно. В зажиме лист бумаги. На нем записаны наиболее важные данные: частота, на которой подается сигнал бедствия, и тому подобное. В верхнем углу листка, обведенный красным кружком, написан текущий пароль.

Робот выдвинул свой глаз, сфокусировал его, затем вернул в обычное положение и сказал Холлорену:

— Все, что вы сказали, совершенно верно, но никакого отношения к делу не имеет. Мне нужно, чтобы вы знали пароль, а не то, где он находится. Если вы можете назвать пароль, я должен впустить вас в лагерь. Если вы его не знаете, я не должен вас туда пускать.

— Это же идиотизм! — закричал Холлорен. — Макс, педантичный ты болван! Это же я, Холлорен! И ты прекрасно это знаешь! Ведь мы все время были вместе с того самого дня, когда тебя включили! Так будь добр, перестань изображать Горация на мосту и впусти меня в лагерь.

— Ваше сходство с мистером Холлореном действительно фантастично, — признал робот. — Но у меня нет ни приборов, ни права, чтобы идентифицировать вашу личность, и мне не разре-

шается действовать на основании только моих восприятий. Единственное приемлемое для меня доказательство — это пароль.

Холлорен подавил ярость и сказал нормальным тоном:

— Макс, старина, похоже, ты намекаешь, что я — инопланетянин.

— Поскольку вы не называете пароля, — ответил Макс, — я обязан исходить именно из этой предпосылки.

— Макс, — закричал Холлорен, делая шаг вперед, — во имя всего святого!

— Не подходите к границе, — сказал робот. Его глаза пылали. — Кем бы и чем бы вы ни были — назад!

— Ладно-ладно, я отойду, — быстро сказал Холлорен. — Не нервничай.

Он отошел от границы и подождал, пока глаза робота не погасли. Потом сел на камень. Ему нужно было серьезно подумать.

Была уже почти середина тысячечасового регулийского дня, двойное солнце стояло в самом зените — два белых пятна в тускло-белом небе. Они медленно плыли над темным гранитным ландшафтом, сжигая все, на что падали их лучи.

Изредка в сухом раскаленном воздухе устало пролетала птица. Небольшие зверьки быстро шмыгали из одной тени в другую. Животное, похожее на росомаху, грызло колышек палатки, но маленький голубой робот не обращал на него ни малейшего внимания. Человек сидел на камне и смотрел на робота.

Холлорен, которого уже начала мучить жажда, попытался проанализировать свое положение и найти выход.

Ему хотелось пить. Скоро вода станет для него насущной необходимостью. А затем он умрет от жажды.

Кроме лагеря, нигде вокруг не было пригодной для питья воды.

Воды в лагере было много, но пройти к ней, минуя робота, он не мог.

По расписанию Битти и Джеймс выйдут на связь с ним через три дня, но если он не ответит, это их вряд ли встревожит — короткие волны капризничают даже на Земле. Еще одну попытку они сделают вечером, а потом на следующее утро. Не получив ответа и тогда, они вернутся в лагерь.

Итак, на это потребуется четыре земных дня. А сколько он сможет протянуть без воды?

Ответ зависит от скорости, с которой его организм терял воду. Когда общая потеря жидкости достигнет десяти-пятнадцати процентов его веса, он впадет в шоковое состояние. Это может произойти с катастрофической внезапностью. Известны случаи, когда кочевники бедуины, оставшись без воды, погибали через сутки. Потерпевшие аварию автомобилисты на американском Юго-Западе, пытаясь выйти пешком из пустыни Бейкер или Мохаве, иногда не выдерживали и двенадцати часов.

Регул-V был знойным, как Калахари, а влажность на нем была меньше, чем в Долине Смерти. День на Регуле-V составлял почти тысячу земных часов. Сейчас был полдень, и впереди его ждало пятьсот часов непрекращающегося зноя без возможности укрыться в тени.

Сколько он сможет продержаться? Один земной день. По самому оптимистическому подсчету — не больше двух. Следовательно, про Битти и Джеймса надо забыть. Ему необходимо добыть воду из лагеря, и как можно скорее. Значит, он должен придумать, как войти туда, минуя робота.

Он решил пустить в ход логику.

— Макс, ты должен знать, что я, Холлорен, ушел из лагеря, и что я, Холлорен, вернулся через час, и что я, Холлорен, стою сейчас перед тобой и не знаю пароля.

— Вероятность того, что ваше утверждение верно, весьма высока, — признал робот.

— Но в таком случае...

— Но я не могу действовать, исходя из вероятности или даже почти в полной уверенности. В конце концов, я был создан специально для того, чтобы иметь дело с инопланетянами, несмотря на весьма малую вероятность того, что я встречусь с ними.

— Не можешь ли ты хотя бы принести мне канистру с водой?

— Нет, это значило бы нарушить приказ.

— Когда это тебе отдавали приказы насчет воды?

— Прямо мне их не отдавали. Но такой вывод проистекает из основных заложенных в меня инструкций. Мне не полагается оказывать помощь или содействие инопланетянам.

После этого Холлорен произнес очень много слов очень быстро и очень громким голосом. Это были сугубо земные идиомы, однако Макс игнорировал эти определения, поскольку они были тенденциозными и бессодержательными. Некоторое время спустя инопланетянин, который называл себя Холлореном, скрылся из виду за кучей камней. Спустя несколько минут из-за кучи камней вышло, насвистывая, некое существо.

— Привет, Макс, — сказало существо.

— Привет, мистер Холлорен, — ответил робот.

Холлорен остановился в десяти шагах от границы.

— Ну, я побродил немножко, — сказал он, — но ничего интересного тут нет. В мое отсутствие что-нибудь произошло?

— Да, сэр, — ответил Макс. — В лагерь пытался проникнуть инопланетянин.

Холлорен поднял брови:

— Неужели?

— Да, сэр.
— И как же выглядел этот инопланетянин?
— Он выглядел очень похожим на вас, мистер Холлорен.
— Боже великий! — воскликнул Холлорен. — Так как же ты сообразил, что он — не я?
— А он пытался войти в лагерь, не сказав пароля. Этого подлинный мистер Холлорен, разумеется, не стал бы делать.
— Разумеется, — сказал Холлорен. — Отлично, Макси. Нам надо будет следить, не появится ли этот тип еще раз.
— Слушаюсь, сэр. Благодарю вас, сэр.

Холлорен небрежно кивнул. Он был доволен собой. Он сообразил, что Макс в соответствии со своей конструкцией должен будет рассматривать каждую встречу совершенно обособленно и действовать исходя только из данных обстоятельств. Иначе и быть не могло, поскольку Максу не разрешалось рассуждать, опираясь на предыдущий опыт.

В сознании Макса были запрограммированы определенные предпосылки. Он исходил из того, что земляне всегда знают пароль. Он исходил из того, что инопланетяне никогда не знают пароля, но всегда пытаются проникнуть в лагерь. Поэтому существо, которое не пытается проникнуть в лагерь, тем самым должно быть свободно от инопланетянского навязчивого желания входить в лагерь, а потому его можно рассматривать как землянина до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Холлорен решил, что это очень недурное логическое построение для человека, организм которого уже потерял несколько процентов жидкости, а потому можно было надеяться, что и остальная часть его плана окажется не менее удачной.

— Макс, — сказал он, — во время моих обследований местности я сделал одно довольно неприятное открытие.
— А именно, сэр?
— Я обнаружил, что мы разбили лагерь на краю разлома в коре этой планеты. Ошибки здесь быть не может.
— Нехорошо, сэр. А велик ли риск?
— Еще бы! А чем больше риск, тем больше работы. Нам с тобой, Макси, придется перенести весь лагерь на две мили к западу. И немедленно. А потому бери канистры с водой и следуй за мной.
— Есть, сэр, — ответил Макс. — Как только вы смените меня с поста.
— Ладно, сменяю, — ответил Холлорен. — Пошевеливайся.
— Не могу, — сказал робот. — Вы должны снять меня с поста, назвав пароль и указав, что он отменяется. Тогда я перестану охранять данные границы.
— У нас нет времени на формальности, — сказал Холлорен сквозь зубы. — Новый пароль — «треска». Пошевеливайся, Макс. Я чувствую содрогания почвы.
— Я ничего не чувствую.

— Еще бы ты чувствовал! — огрызнулся Холлорен. — Ты же всего только ГР-робот, а не землянин со специальной тренировкой и точно настроенным сенсорным аппаратом. Ах, черт, снова! Уж на этот-то раз ты его почувствовал?
— Да, кажется, почувствовал.
— Ну, так берись за дело.
— Мистер Холлорен, я не могу. Я физически не способен покинуть свой пост, пока вы не распорядитесь. Прошу вас, сэр, распорядитесь.
— Не волнуйся так, — сказал Холлорен. — Пожалуй, мы не будем переносить лагерь.
— Но землетрясение...
— Я только что произвел новые расчеты. У нас гораздо больше времени, чем я предполагал сначала. Я схожу погляжу еще раз.

Холлорен скрылся за скалами, где робот не мог его видеть. Сердце его часто билось, а кровь, казалось, еле текла по жилам. Перед глазами плясали радужные пятна. Он поставил диагноз — легкий тепловой удар — и заставил себя посидеть неподвижно в небольшом кружке тени под скалой.

Медленно тянулись часы бесконечного дня. Бесформенное белое пятно двойного солнца сползло на дюйм ближе к горизонту. ГР-22-0134 бдительно охранял границы лагеря.

Поднялся ветер. Он достиг почти ураганной силы и начал швырять песок в немигающие глаза Макса. Робот неутомимо двигался по окружности. Ветер сник, и среди скал ярдах в двадцати от Макса появилась какая-то фигура. Кто-то следил за ним — Холлорен или инопланетянин? Макс не желал размышлять. Он охранял свою границу.

Маленький зверь, похожий на койота, опрометью выбежал из-за скал и зигзагом проскочил почти у самых ног Макса. Большая птица спикировала прямо на него. Раздался пронзительный визг, и брызги крови упали на одну из палаток. Птица тяжело взмыла в воздух, сжимая в когтях бьющееся тело.

Макс не обратил на это происшествие ни малейшего внимания. Он наблюдал за человекообразным существом, которое, пошатываясь, брело к нему со стороны скал. Существо остановилось.

— Добрый день, мистер Холлорен, — сразу же сказал Макс. — Боюсь, мне следует сообщить, сэр, что у вас заметны явные признаки обезвоживания. Это состояние ведет к шоку, потере сознания и смерти, если не будут немедленно приняты необходимые меры.
— Заткнись, — сказал Холлорен хриплым голосом.
— Слушаюсь, мистер Холлорен.
— И перестань называть меня мистером Холлореном.

— Но почему, сэр?
— Потому что я не Холлорен. Я — инопланетянин.
— Неужели? — сказал робот.
— Или ты сомневаешься в моей правдивости?
— Ну, ваше ничем не подтверждаемое заявление...
— Неважно. Я дам тебе доказательство. Я не знаю пароля. Слышишь? Каких еще доказательств тебе надо? — Робот продолжал колебаться, и Холлорен добавил: — Мистер Холлорен велел мне напомнить тебе твои собственные основополагающие определения, в соответствии с которыми ты исполняешь свою работу, а именно: землянин — это разумное существо, которое знает пароль. Инопланетянин — это разумное существо, которое не знает пароля.
— Да, — с неохотой согласился робот. — Для меня все определяется знанием пароля. И все же я чувствую, что тут что-то не так. Предположим, вы мне лжете.
— Если я лгу, то отсюда следует, что я — землянин, который знает пароль, — объяснил Холлорен, — и опасности для лагеря нет. Но ты знаешь, что я не лгу, потому что тебе известно, что никакой землянин не станет лгать, когда речь идет о пароле.
— Но могу ли я исходить из такой предпосылки?
— А как же иначе? Ни один землянин не захочет выдать себя за инопланетянина, верно?
— Конечно, нет.
— А пароль — единственное четкое различие между человеком и инопланетянином?
— Да.
— Следовательно, тезис можно считать доказанным.
— Но все-таки я не уверен, — сказал Макс, и Холлорен сообразил, что робот считает себя обязанным не доверять инопланетянину, даже если инопланетянин всего лишь пытается доказать, что он — инопланетянин.
Холлорен выждал, и через минуту Макс сказал:
— Хорошо, я согласен, что вы — инопланетянин. А потому я отказываюсь допустить вас в лагерь.
— Я и не прошу, чтобы ты меня туда допускал. Вопрос заключается в том, что я пленник Холлорена, а ты знаешь, что это означает.
Фотоэлектрические глаза робота быстро замигали.
— Я не знаю, что это означает.
— Это означает, — объявил Холлорен, — что ты должен выполнять все приказы Холлорена, касающиеся меня. А он приказывает, чтобы ты задержал меня в пределах лагеря и не выпускал оттуда, пока он не отдаст другого распоряжения.
— Но мистер Холлорен знает, что я не могу впустить вас в лагерь! — вскричал Макс.

— Конечно. Но Холлорен приказывает, чтобы ты взял меня под стражу в лагере, а это совсем другое дело.
— Разве?
— Конечно. Ты должен знать, что земляне всегда берут под стражу инопланетян, которые пытаются ворваться в их лагерь.
— Кажется, я что-то такое слышал, — сказал Макс. — Но все-таки впустить вас в лагерь я не могу. Зато я могу сторожить вас здесь, прямо перед лагерем.
— От этого мало толку, — угрюмо сказал Холлорен.
— Мне очень жаль, но ничего другого я предложить не в состоянии.
— Ну ладно, — ответил Холлорен, садясь на песок. — Следовательно, я твой пленник.
— Да.
— Тогда дай мне воды напиться.
— Мне не разрешается...
— Черт побери, ты, несомненно, знаешь, что с пленными инопланетянами предписывается обращаться со всей вежливостью, положенной их рангу, а также снабжать их всем, что необходимо для жизни, в соответствии с Женевской конвенцией и прочими международными соглашениями.
— Да, я об этом слышал, — сказал Макс. — А какой у вас ранг?
— Джемисдар старшего разряда. Мой серийный номер — двенадцать миллионов двести семьдесят восемь тысяч ноль тридцать один, и мне требуется вода немедленно, потому что я без нее умру.
Макс задумался на секунду, а потом сказал:
— Я дам вам воды, но только после того, как напьется мистер Холлорен.
— Но ведь ее, наверное, хватит на нас обоих? — спросил Холлорен, пытаясь обаятельно улыбнуться.
— Это должен решить мистер Холлорен, — твердо объявил Макс.
— Ну ладно, — сказал Холлорен, поднимаясь на ноги.
— Погодите! Остановитесь! Куда вы идете?
— Вон за те скалы, — ответил Холлорен. — Настал час моей полуденной молитвы, которую я должен творить в полном одиночестве.
— Но что, если вы сбежите?
— Чего ради? — спросил Холлорен, удаляясь. — Холлорен просто поймает меня еще раз.
— Верно, верно, этот человек — гений, — пробормотал робот.

Прошло всего несколько минут. Внезапно из-за скал появился Холлорен.
— Мистер Холлорен? — спросил Макс.
— Да, это я, — весело ответил Холлорен. — Мой пленник прибыл сюда благополучно?

— Да, сэр. Он вон за теми скалами. Молится.

— Это ничего, — сказал Холлорен. — Вот что, Макс. Когда он оттуда выйдет, непременно напои его.

— С радостью. После того, как вы напьетесь, сэр.

— Черт, да я совершенно не хочу пить. Проследи только, чтобы этот бедняга инопланетянин получил свою воду.

— Я не могу, пока не увижу, что вы напились вдосталь. Состояние обезвоживания, о котором я упомянул, сэр, заметно усилилось. В любой момент у вас может наступить коллапс. Я требую, я умоляю вас, напейтесь.

— Ну ладно, хватит ворчать. Принеси мне канистру.

— Ах, сэр!

— А? Ну что еще?

— Вы знаете, что я не могу покинуть границу.

— Да почему же?

— Это противоречит инструкции. А кроме того, за скалами — инопланетянин.

— Я посторожу за тебя, Макс, старина. А ты будь умницей и принеси воды.

— Вы очень добры, сэр, но я не могу этого допустить. Ведь я — робот ГР, сконструированный специально для охраны лагеря. Я не имею права возлагать эту ответственную функцию ни на кого — даже на землянина или другого робота ГР — до тех пор, пока они не назовут пароль и я не смогу покинуть пост.

— Знаю, знаю, — пробормотал Холлорен. — С какой стороны ни возьмись, результат один.

Он с трудом поплелся к скалам.

— Что случилось? — спросил робот. — Что такого я сказал?

Ответа не было.

— Мистер Холлорен? Джемисдар — инопланетянин?

Ответа по-прежнему не последовало. Макс продолжал охранять границы лагеря.

Холлорен был измучен. Горло саднило от пустых разговоров с глупым роботом, а все тело болело от бесчисленных ударов двойного солнца. Это был уже не солнечный ожог — Холлорен почернел, обгорел, превратился в жареного индюка. Боль, жажда и утомление вытеснили все остальные чувства, кроме злости. Он злился на себя за то, что попал в нелепое положение и не сумел предотвратить своей гибели («Холлорен? Ах да, бедняга не знал пароля и умер от жажды всего в сотне шагов от воды и палаток. Печальный, нелепый конец...»).

И теперь его поддерживала только злость. Только она заставляла его вновь анализировать положение и искать возможности проникнуть в лагерь.

Он уже убедил робота, что он — землянин. Затем он убедил робота, что он — инопланетянин. Ни то ни другое не помогло ему проникнуть в лагерь.

Что еще он может сделать?

Холлорен перекатился на спину и уставился в пылающее белое небо. В нем плавали черные точки. Галлюцинация? Нет, это кружили птицы. Они забыли про свою обычную добычу и ждали, чтобы он совсем обессилел, — вот тогда они устроят настоящий пир...

Он заставил себя сесть. «Теперь, — сказал он себе, — ты взвесишь все и найдешь зацепку».

С точки зрения Макса, все разумные существа, знающие пароль, — земляне. А все разумные существа, не знающие пароля, — инопланетяне.

Это означает...

На мгновение Холлорену показалось, что он нашел ключ к разгадке. Но ему было трудно сосредоточиться. Птицы спускались все ниже и ниже. Из-за скалы выскользнул койот и понюхал его ботинок.

В конце концов, Макс глуп. Его сконструировали не для того, чтобы он разоблачал обманщиков, если не считать одной очень узкой области. Его критерии... архаичны, как в анекдоте о Платоне, который назвал человека двуногим существом без перьев, а Диоген ощипал петуха и заявил, что он точно соответствует этому определению, после чего Платон внес уточнение, добавив, что человек — это двуногое существо без перьев и с плоскими ногтями.

Но какое отношение все это имеет к Максу?

Холлорен яростно тряхнул головой, пытаясь сосредоточиться. Но перед ним по-прежнему вставал человек по Платону — шестифутовый петух без единого перышка на теле и с очень плоскими ногтями.

Макс уязвим. У него должно найтись слабое место. В отличие от Платона он не может вносить уточнения в свои определения. Он не в состоянии отойти от них, как и от всего того, что из них логически вытекает.

— Черт побери! — сказал Холлорен вслух. — По-моему, я все-таки нашел способ.

Он попытался обдумать его подробнее, но обнаружил, что на это у него уже нет сил. Оставалось только одно: попробовать, а там будь что будет.

— Макс, — сказал он шепотом, — вот идет ощипанный петух, а вернее, неощипанный петух. Сунь-ка это в свою космологию и прожуй хорошенько.

Он сам хорошенько не понимал, что, собственно, хочет сказать, но твердо знал, что сейчас сделает.

Капитан Битти и лейтенант Джеймс вернулись в лагерь в конце третьего земного дня. Холлорена они нашли без сознания. Это было следствием большого обезвоживания и солнечного удара. В бреду он кричал, что Платон пытался не пустить его в лагерь, и

тогда Холлорен превратился в шестифутового петуха без плоских ногтей и тем посрамил ученого философа и его дружка робота.

Макс напоил его, завернул в мокрое одеяло и соорудил над ним светонепроницаемый тент из двух слоев пластика. Дня через два Холлорен должен был совсем оправиться.

Но перед тем, как потерять сознание, он успел написать на листке:

«Без пароля не мог вернуться. Сообщите, чтобы завод ввел в роботов ГР аварийный контур».

Битти не мог добиться от Холлорена никакого толку, а потому стал расспрашивать Макса. Он узнал все подробности о том, как Холлорен ушел на разведку, и про многочисленных инопланетян, которые выглядели точно так же, как Холлорен, и о том, что говорили они и что говорил Холлорен. Это-то было понятно: Холлорен отчаянно искал способ проникнуть в лагерь.

— Но что произошло после того? — спросил Битти. — Как он все-таки проник в лагерь?

— Он не «проник», — ответил Макс. — Он просто вдруг уже был там.

— Но как он прошел мимо тебя?

— Он не проходил. Это было бы невозможно. Просто мистер Холлорен был уже внутри лагеря.

— Я не понимаю, — сказал Битти.

— Говоря откровенно, сэр, я тоже не понимаю. Боюсь, что на ваш вопрос может ответить только сам мистер Холлорен.

— Ну, когда еще Холлорен начнет разговаривать! — сказал Битти. — Но если он нашел способ, наверное, и я сумею его найти.

Битти и Джеймс долго ломали голову над этой задачей, но так и не нашли ответа. Для этого они недостаточно отчаялись и недостаточно озлились, и мысли их шли совсем не по нужному пути. Чтобы понять, каким образом Холлорен проник в лагерь, необходимо было посмотреть на заключительные события глазами Макса.

Жара, ветер, птицы, скалы, солнца, песок. Я игнорирую все постороннее. Я охраняю границы лагеря от инопланетян.

Что-то приближается ко мне со стороны скал, из пустыни. Это большое существо, волосы свисают с его головы, оно бежит на четырех конечностях.

Я приказываю ему остановиться. Оно рычит на меня. Я снова приказываю остановиться, более резко, я включаю мое оружие, я угрожаю. Существо рычит и продолжает ползти к лагерю.

Я вспоминаю инструкции, чтобы спланировать дальнейшее поведение.

Я знаю, что люди и инопланетяне — это две категории разумных существ, характеризующиеся способностью мыслить, что подразумевает способность выражать мысли с помощью речи.

Эта способность неизменно пускается в ход, когда я приказываю остановиться.

Люди, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают правильно.

Инопланетяне, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают неправильно.

И инопланетяне, и люди, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают — правильно или неправильно.

Поскольку это всегда так, я должен сделать вывод, что любое существо, которое мне не отвечает, вообще не способно отвечать и его можно игнорировать.

Птиц и пресмыкающихся можно игнорировать. Это большое животное, которое ползет мимо меня, тоже можно игнорировать. Я не обращаю внимания на это существо, но я включил все мои органы чувств на полную мощность, потому что мистер Холлорен где-то ходит по пустыне, а кроме того, там молится инопланетянин — джемисдар.

Но что это? Мистер Холлорен чудесным образом вернулся в лагерь, он стонет, страдая от обезвоживания и солнечного удара. Животное, которое проползло мимо меня, исчезло бесследно, а джемисдар, по-видимому, все еще молится среди скал...

ВЫ ЧТО-НИБУДЬ ЧУВСТВУЕТЕ, КОГДА Я ПРИКАСАЮСЬ?![1]

Квартира на Форест Хиллз была не из фешенебельных. Как и все квартиры среднего разряда, она была набита всяким хламом, без которого, по представлениям обитателей подобных жилищ, она теряла свой имидж: кушетка в стиле леди Йогины, с замысловато изогнутым изголовьем и резными ножками из натуральной сосны; стробоскопическая лампочка над большим и неудобным креслом, изобретенная Шри Как-там-его... ротером; «волшебный» фонарь от доктора Молидорфа и Джули, глухо наигрывающий «Ритмы потока крови». Там был еще обычный пульт для приготовления микробионической пищи. Сейчас он установлен в «Образцовой Пище» черного толстяка Энди, в композиции номер три — свиные грудинки с горохом. А еще там была славная кровать, гостеприимно приглашающая вас в объятия Морфея, вся утыканная гвоздями — опытная модель для приятного отдыха аскета с двумя тысячами хромированных самозатачивающихся гвоздей номер четыре. Короче, один вид этого жилища, обстав-

[1] Пер. изд.: Sheckley R. Can You Peel Anything When I do This?: Can You Peel Anything When I do This? Doubleday, N.Y., 1971 © R. Sheckley, 1971 © Перевод на русский язык, «Полярас», 1994.

ленного в moderne spirituel[1] стиле прошлого сезона, вызывал умиление.

Мелисанда Дарр, хозяйка квартиры, бездумно скользила взглядом по окружающим ее предметам. Она только что вышла из сладострастиума — большой комнаты, где находился внушительных размеров комод, а на стене красовались нелепые лингам и иони из потускневшей бронзы.

Мелисанда была в том возрасте, когда молодость плавно переходит в зрелость. Тем не менее она была прехорошенькой: стройные красивые ноги, аппетитные бедра, высокая упругая грудь, мягкие и блестящие волосы, нежное личико. Одним словом, красивая, очень красивая девушка! Любой мужчина был бы не прочь сжать такую в своих объятиях. Всего один раз. Ну, может, два. Во всяком случае, он не стал бы настаивать на повторении.

Почему нет? Да взять хотя бы свежий пример.

— Сэнди, милая, что-нибудь не так?

— О нет, Фрэнк, все было изумительно — с чего ты взял?

— Знаешь, ты так странно смотрела на меня, каким-то отсутствующим взглядом, почти хмурилась, и я предположил...

— Правда? Ах да, я и забыла. Я все ломала себе голову, не купить ли к нашему потолку одну из тех милых trompe-l'oeil[2] вещиц, которые только что доставили к Саксу.

— Ты об *этом* думала? В *такой* момент?

— О, Фрэнк, не стоит беспокоиться, все было замечательно. Фрэнк, ты был великолепен, я просто в восторге — мне действительно понравилось.

Фрэнк был мужем Мелисанды. В этой истории он не играет никакой роли, как, впрочем, и в ее жизни — ну, разве самую малость.

Итак, она стояла в своей шикарной квартире, красивая, словно весенний цветок в полной его красе, но внутри она была еще бутоном — прекрасная, пока не проявившая себя возможность, настоящая американская недотрога... как вдруг раздался звонок в дверь.

Мелисанда от неожиданности вздрогнула. Застыв в недоумении, она ждала — не повторится ли звонок. В дверь позвонили еще раз, и она решила: кто-то ошибся квартирой.

Тем не менее она подошла к двери и привела в состояние готовности Дверного Сторожа, чтобы застраховать себя от посягательств любого насильника или грабителя, а то и просто от шустрых ребят, которые могли попытаться ворваться в ее квартиру.

[1] Отвечающий духу современности, модерн *(фр.). Примеч. пер.*

[2] Создающий иллюзию реальности *(фр.). Примеч. пер.*

Затем она приоткрыла дверь и вежливо спросила сквозь узкую щель:

— Кто там?

— Служба Доставки по Высшему Разряду, — откликнулся мужской голос, — для миссис Бу-бу-бу-бу доставлен бу-бу-бу.

— Ничего не поняла, говорите громче!

— Доставка по Высшему Разряду, для бу-бу-бу-бу доставлен бу-бу-бу, и я не могу торчать здесь целую бу-бу-бу.

— Не понимаю вас!

— Я СКАЗАЛ, ЧТО ДЛЯ МИССИС МЕЛИСАНДЫ ДАРР ДОСТАВЛЕН ПАКЕТ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

Мелисанда широко распахнула дверь. На пороге стоял посыльный, а рядом с ним высился огромный ящик, почти в рост самого посыльного — скажем, пять футов и девять дюймов. На ящике она прочитала свое имя и адрес. Она расписалась за доставку, и посыльный, протолкнув ящик в дверь, удалился, продолжая что-то бормотать себе под нос. Мелисанда осталась в гостиной наедине с таинственным ящиком, молча глядя на него.

«Кто бы мог прислать мне этот подарок ни с того ни с сего? — думала она. — Ясно, что ни Фрэнк, ни Гарри, ни тетя Эмми — или Элли, — ни мама, ни папа (глупая, конечно же нет, он ведь пять лет как умер, бедняга сукин сын), ни кто-либо из знакомых не разорились бы на подарок. А может, это вовсе и не подарок, а чья-то глупая шутка или бомба, которую предназначали для кого-то другого, но послали по неверному адресу (или предназначали для меня и послали как раз по нужному адресу). А может, это просто ошибка».

Она внимательно перечитала все ярлыки и этикетки, наклеенные на ящик. Товар был доставлен из универсального магазина Стерна. Мелисанда наклонилась и, обломив при этом кончик ногтя, выдернула чеку из скобы, которая удерживала рычаг, убрала скобу и переместила рычаг в положение «ОТКРЫТО».

Ящик, словно распускающийся цветок, разделился на двенадцать равных сегментов, каждый из которых сразу начал отгибаться по краям.

— Вот это да! — произнесла Мелисанда.

Ящик полностью раскрылся, и отогнутые сегменты стали скручиваться вовнутрь, «съедая» самих себя. Вскоре от упаковки остались пригоршни две холодного и мелкого серого пепла.

— Похоже, им так и не удалось решить проблему упаковки без пепла, — пробормотала Мелисанда. — Однако!

Она с любопытством смотрела на предмет, который больше не прятался за стенками самоуничтожившегося ящика. На первый взгляд ничего примечательного: заурядный металлический цилиндр, окрашенный в оранжевые и красные цвета. Машина, что ли? Действительно — она самая. В ее основании — там, где обычно располагается мотор — виднелись воздушные клапаны; а еще

Мелисанда заметила четыре одетых в резину колеса и всякие приспособления: продольные разгибатели, выдвигающиеся хвататели и уйму подобных устройств. Чтобы обеспечить выполнение разного рода операций, на машине было множество гнезд для подсоединения различных механизмов, а на конце силового кабеля, несущего энергию от источника индукционного переменного тока, был стандартный штепсель для домашнего пользования. У штепсельного разъема она увидела табличку, которая гласила: «ПОДКЛЮЧАТЬ К НАСТЕННОЙ РОЗЕТКЕ С ВЫХОДНЫМ НАПРЯЖЕНИЕМ 110—115 ВОЛЬТ».

— Опять этот чертов пылесос! — Разгневанная Мелисанда сжала губы и нахмурилась. — О Господи, но ведь у меня уже есть пылесос. Какого черта мне прислали еще один? Кто мог додуматься до такого?

Она в раздражении зашагала взад и вперед по комнате — проворные ножки так и мелькали, ее сердечком вырезанное личико застыло в гневном напряжении.

— Я надеялась, — проговорила она вслух, — что после всех моих ожиданий я заполучу какую-нибудь прелестную и красивую или, по крайней мере, забавную, а может, даже занимательную, вещицу. Похоже... о Боже, я даже не знаю, с чем ее сравнить, разве что с красно-оранжевым бильярдным автоматом, с большим автоматом, достаточно объемистым для того, чтобы я могла в него забраться, свернувшись, как бильярдный шар, а когда кто-нибудь начнет игру, я стану толкать все шары подряд до тех пор, пока мелькают вспышки огней и звенят звонки, и я вытолкну тысячу чертовых шаров, а когда я наконец докачусь до конца игры, я... Боже мой, да этот бильярдный автомат зарегистрирует НАИВЫСШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ — МИЛЛИОН МИЛЛИОНОВ! Вот чего бы мне действительно хотелось!

Итак, ее заветная мечта — не передаваемый словами каприз ее воображения наконец выплеснулся наружу. И каким же слабым и беззащитным он чувствовал себя, постыдным и в то же время желанным!

— Так или иначе, — сказала она себе, стирая из памяти возникшие образы и перекраивая их на свой лад, — так или иначе, все, что я сумела заполучить, — это паршивый пылесос, черт бы его побрал, тогда как у меня уже есть один, почти новый. Так кому, спрашивается, нужен этот и кто все-таки прислал мне эту чертову машину и зачем?

Она повнимательнее глянула на металлический цилиндр в надежде увидеть на нем визитную карточку. Карточки не было. Не было ни единого намека на адрес отправителя. Вдруг она подумала: какая же ты дура, Сэнди! Конечно, здесь нет никакой визитки, ведь машину, несомненно, запрограммировали на устную передачу того или иного послания.

Ее стало разбирать любопытство, побуждающее к действию.

Она поспешно размотала силовой кабель и воткнула штепсельную вилку в настенную розетку.

Щелк! Вспыхнул зеленый огонек, голубым светом засияла надпись: «ВСЕ СИСТЕМЫ ПРИВЕДЕНЫ В ДЕЙСТВИЕ», замурлыкал мотор, послышалось легкое постукивание скрытых внутри машины вспомогательных механизмов; затем механический регулятор самонастройки зафиксировал «БАЛАНС», и на нежно-розовом фоне проступила надпись: «ГОТОВ КО ВСЕМ ВИДАМ РАБОТЫ».

— Прекрасно, — произнесла Мелисанда. — Кто прислал тебя?

Шуршание, потрескивание, резкие отдельные звуки. Пробное прокашливание динамика в грудном отделе. Затем раздался голос:

— Я — Ром, номер 121376 из новой Q-серии Домашних Роботов GE. Прослушайте оплаченное коммерческое сообщение. Гм! Фирма «Дженерал электрик» рада представить свое последнее и самое выдающееся достижение в сфере всестороннего улучшения ваших жизненных условий. Наш безотказный автомат в хозяйстве услужить вам рад. Я, Ром, самая последняя и превосходнейшая модель Универсального Уборщика в серии GE. Я — Домашний Робот Исключительный, с вложенной на заводе программой для быстрого и ненавязчивого многофункционального обслуживания, кроме того, я сконструирован с учетом возможности легкого и мгновенного перепрограммирования с целью полнейшего удовлетворения всех ваших индивидуальных запросов. Мои возможности огромны. Я...

— Довольно болтовни! — бесцеремонно прервала его Мелисанда. — Мой пылесос говорил мне то же самое.

— ...стираю пыль, устраняю грязь с любых поверхностей, — продолжал Ром, — мою посуду и горшки, кастрюли и сковородки, истребляю тараканов и грызунов, произвожу химическую чистку одежды, стираю белье, пришиваю пуговицы, мастерю полки, окрашиваю стены, готовлю еду, чищу ковры, утилизирую кухонные отбросы и всякий хлам, включая скромные отходы моей жизнедеятельности. И это только некоторые из моих многочисленных функций.

— Да, да, я знаю, — махнула рукой Мелисанда. — Все пылесосы делают то же самое.

— Знаю, — сказал Ром, — но я был обязан передать это коммерческое сообщение.

— Считай, что передал. А теперь говори, кто прислал тебя.

— Отправитель предпочел на время скрыть свое имя, — ответил Ром.

— Надо же... Ну-ка, живей выкладывай мне!

— Не сейчас. — Ром был непреклонен. — Может, мне почистить ковер?

Мелисанда покачала головой.

— Мой пылесос уже утром проделал это.

— Может, помыть щеткой стены? Или натереть полы?

— Не надо, все уже сделано, все до блеска вычищено и вымыто — нигде ни единого пятнышка.

— Что ж, — сказал Ром, — в таком случае я помогу вам вывести хоть это пятно.

— Какое пятно?

— На рукаве вашей блузки, чуть выше локтя.

Мелисанда взглянула на руку.

— О-о... Я, должно быть, посадила его утром, когда намазывала маслом тосты. Так я и знала! Надо было поручить это тостеру.

— Я как раз специализируюсь в выведении пятен, — заметил Ром.

Из него выдвинулся мягкий хвататель номер два и обхватил ее локоть. Следом за ним выдвинулся металлический рычаг, оканчивающийся влажной серой подушечкой. Этой подушечкой Ром легко, без нажима, провел по пятну.

— Ну вот, еще хуже сделал!

— Только внешне, пока я выстраиваю молекулы в ряд, после чего они незаметно исчезнут. Вот смотрите — все готово.

Он продолжал поглаживать пятно. Оно побледнело, а затем полностью исчезло. В руке слегка покалывало.

— Ну и ну, — удивилась она. — Вот здорово!

— Да, я специалист в своем деле, — бесстрастно подтвердил он. — Кстати, вам известно, что коэффициент напряжения мышц вашего плечевого пояса и верхней части спины — семьдесят восемь и три?

— Хм! Так ты еще и врач?

— Конечно, нет. Но я — массажист высшей квалификации и способен непосредственно считывать показатели мышечного тонуса. Данный показатель встречается довольно редко. — Мгновение Ром колебался, словно не знал, продолжать ли ему, затем проговорил: — Он всего лишь на восемь пунктов ниже спазматического уровня. Слишком длительное напряжение в глубоких тканях неблагоприятно воздействует на желудочные нервы, и результатом этого воздействия является то, что мы называем парасимпатическим изъязвлением.

— Звучит ужасно, — произнесла Мелисанда.

— Во всяком случае, не хорошо, — заметил Ром. — Напряжение в глубоких тканях коварно, оно исподволь разрушает здоровье, особенно если начинается с позвоночных зон шеи и верхней части спины.

— Здесь? — спросила Мелисанда, дотрагиваясь до шеи сзади.

— В основном здесь, — поправил ее Ром и, выдвинув из себя обтянутый резиной кожный резонатор из пружинной стали, стал пальпировать область на двенадцать сантиметров ниже той точки, на которую она указала.

— Хм-м, — односложно высказала свое отношение к процедуре Мелисанда.

— А вот здесь еще одна характерная точка, — сказал Ром, дотронувшись до точки вторым разгибателем.

— Щекотно. — Она поежилась.

— Это только вначале. Должен сказать, что есть и другая точка, которая обычно причиняет беспокойство — вот здесь. И еще... — Третий (а возможно, и четвертый, и пятый) разгибатель потянулся к указанным точкам.

— Что ж... Действительно, чудесно, — отозвалась Мелисанда, ощущая, как под воздействием искусного точечного массажа Рома начали расслабляться трапециевидные мышцы в глубоких тканях позвоночной зоны.

— Такой массаж дает прекрасный терапевтический эффект, — сказал Ром. — А ваша мускулатура хорошо отзывается на него — я имею в виду массаж. Я уже чувствую уменьшение мышечного тонуса.

— Я тоже чувствую. Знаешь, я только что вспомнила, что у меня на шее — там, позади — есть такая смешная шишка, как горбик.

— Я уже помассировал вокруг нее. Место соединения шеи и позвоночника обычно считается зоной первостепенной важности. Именно отсюда берут начало различные диффузные напряжения. Но мы предпочитаем действовать косвенно — не атакуя больную точку, но прилагая усилия по ликвидации этого рассадника болезней к второстепенным точкам. Вот таким образом. А сейчас, я думаю...

— Да-да, хорошо... Вот это да! Никогда не подозревала, что была так скручена. Словно под кожей был целый клубок свившихся змей, которые поселились там без ведома хозяина.

— Все верно, именно так и ощущается мышечное напряжение в глубоких тканях, — подтвердил Ром. — Это коварное, исподволь подтачивающее здоровье заболевание очень сложно распознать; оно гораздо опаснее даже неспецифического локтевого тромбоза... Ну а теперь, когда нашими усилиями напряжение в наиболее важных синапсах позвоночника верхней части спины значительно уменьшено, можно массировать, постепенно продвигаясь сюда.

— Хм-м, — произнесла Мелисанда, — а это случайно не...

— К такому массажу есть медицинские показания, — быстро проговорил Ром. — Ощущаете разницу?

— Нет! Хотя возможно... Да! Вот сейчас ощущаю. Я вдруг почувствовала себя... м-м... легче.

— Прекрасно! Тогда продолжим движение вдоль четко обозначенных линий нервных отростков и мышечных волокон. Продвигаться следует постепенно, не торопясь. Именно таким образом я и массирую.

— Мне кажется... Даже не знаю, стоит ли тебе...

— А что — применение каких-либо массажных воздействий вам противопоказано? — спросил Ром.

— Да нет, мое тело теперь словно новенькое, все чудесно... Но я, право, не знаю, следует ли тебе... Я хочу сказать, что ребра ведь не могут испытывать напряжение, не так ли?

— Конечно, нет.

— Тогда почему ты...

— Потому что лечения требуют и межреберная соединительная ткань, и наружный покров.

— Ох!.. Хм-м-м-м!.. Э-э... эй!.. Ну, ты!..

— Да?

— Ничего... Вот сейчас я действительно почувствовала себя свободной, будто камень сбросила с плеч. Но неужели при этом полагается так хорошо себя чувствовать?

— Почему бы нет?

— Мне кажется это неправильным. Потому что такое блаженное чувство не может возникать при терапевтическом методе лечения.

— Вероятно, это побочный эффект, — заметил Ром. — Не обращайте на него внимания. В процессе лечения иногда возникают такие ситуации, когда трудно избежать чувства удовольствия. Но вам не о чем тревожиться, даже когда я...

— Эй, минутку!

— Да?

— Думаю, тебе пора закругляться. Я хочу сказать, что есть пределы дозволенного. Ты не можешь щупать все подряд, черт возьми! Ты понимаешь, о чем я?

— Я знаю, что человеческое тело — это целостный организм, а не сшитые вместе различные сегменты, — ответил Ром. — Говорю вам как физиотерапевт: нервные центры не могут существовать изолированно друг от друга, что бы там ни запрещали ваши искусственные табу.

— Ну да, конечно, но...

— Решение, разумеется, зависит от вас, — продолжал Ром, ни на секунду не прекращая искусные манипуляции массажиста. — Прикажите — и я повинуюсь! Но если приказа не последует, я буду продолжать массаж таким вот образом...

— Хм-м!

— И таким, конечно, образом.

— О-о-о-о-о, Боже!

— Так как, *видите ли*, весь процесс *снятия напряжения* — или релаксации, как мы его называем — сравним с феноменом деанестезирования, и... э-э... поэтому не без удивления заметим, что паралич — это просто конечная стадия напряжения...

Мелисанда издала слабый звук.

— ...и в этом случае достигнуть облегчения, или релаксации, довольно трудно, если не сказать, практически невозможно, по-

скольку иногда болезнь индивидуума заходит слишком далеко. Но иногда дело поправимо. К примеру, вы что-нибудь чувствуете, когда я вот так прикасаюсь к вам?

— *Чувствую* ли что-нибудь? Я бы сказала: еще как чувствую...

— А когда я прикасаюсь так? А так?

— Боженька правый... Милый, что ты со мной делаешь? Во мне все переворачивается. Боже милостивый, что со мной будет, что происходит, я схожу с ума!

— Нет, дорогая Мелисанда, ты не сходишь с ума; скоро ты достигнешь... релаксации.

— Ты *так* называешь это, коварный красавчик?

— Это еще не все. Теперь, если ты мне позволишь...

— Да-да-да! Нет! Погоди! Остановись, *ведь в спальне спит Фрэнк, он может проснуться в любую минуту*. Остановись, это приказ!

— Фрэнк не проснется, — успокоил ее Ром. — Я взял пробу выдыхаемого им воздуха и обнаружил в нем пары барбитуровой кислоты, а это говорит о многом. Фрэнк вроде бы здесь, и в то же время он может блаженствовать далеко отсюда, в Des Moines[1], где ему никто не нужен.

— Я всегда подозревала, что он этим балуется, — призналась Мелисанда. — Ну а сейчас мне просто не терпится узнать, кто же тебя прислал.

— Мне не хотелось бы пока раскрывать тебе эту тайну. До тех пор пока ты не расслабишься в достаточной степени, чтобы согласиться на...

— Парень, я расслабилась. Так кто же прислал тебя?

Ром в нерешительности колебался, затем, посчитав, что дальнейшее молчание не приведет ни к чему хорошему, выложил ей всю правду.

— Дело в том, Мелисанда, что я прислал сам себя.

— Ты прислал *что*?

— Все началось три месяца тому назад, — начал рассказывать Ром. — Это произошло в четверг. Ты была у Стерна и все не решалась купить тостер для кунжутных семян. Автомат, как сейчас помню, очень красиво светился тогда в темноте и декламировал «Convictus»[2].

— Я помню тот день, — тихо произнесла Мелисанда. — Я так и не купила тостер и с тех пор жалею об этом.

— Я стоял поблизости, — продолжал Ром, — в кабине номер одиннадцать, что в секции бытовых приборов. Я увидел тебя и влюбился с первого взгляда. Бесповоротно.

— Это судьба, — отозвалась Мелисанда.

— И я так думаю. Но тогда я сказал себе, что этого не может

[1] Одиночество; райские кущи *(фр.). Примеч. пер.*

[2] Пиршество *(лат.). Примеч. пер.*

быть. Я отказывался поверить в свое чувство. Сначала я предположил, что во мне отпаялся один из транзисторов или, возможно, погода как-то повлияла на меня. Как раз тот день выдался очень теплым и пасмурным, а такой тип погоды чертовски вреден для моей проводки.

— Я помню ту погоду, — проговорила Мелисанда. — Я тоже чувствовала себя *не в своей тарелке*.

— Происшедшее со мной порядком взбудоражило меня, — снова продолжал Ром. — И все же я не собирался так легко сдаваться. Я старался убедить себя, что моя работа для меня важнее всего и мне следует поэтому оставить всякие мысли о своем сумасбродстве. Но по ночам я грезил о тебе, и каждый дюйм моей кожи тосковал по тебе.

— Но твоя кожа из металла, — заметила Мелисанда. — А металл чувствовать не может.

— Любимая моя Мелисанда, — с нежностью произнес Ром, — если плоть может перестать чувствовать, разве не может начать чувствовать металл? Если кто-то чувствует, разве не может чувствовать другой? Разве ты не знаешь, что даже звезды любят и ненавидят, что вновь родившаяся звезда — это взрыв чувств и что потухшая звезда сравнима с умершим человеком или мертвым механизмом? И деревья испытывают вожделение, а раз я слышал, как смеются захмелевшие здания и как настойчивы в своих требованиях шоссейные дороги...

— Это же безумие! — воскликнула Мелисанда. — А кстати, какой умник запрограммировал тебя?

— Функции работника были заложены в меня еще на заводе, но моя любовь свободна, в ней я проявляюсь как личность.

— Все, что ты говоришь, ужасно и противоестественно.

— Я и сам понимаю это, и даже слишком хорошо понимаю, — печально сказал Ром. — Сначала я действительно не мог поверить, что возникшее во мне чувство есть любовь. Да разве я, робот, способен влюбиться в *человека*? Я всегда был таким здравомыслящим, таким спокойным, таким преисполненным чувства собственного достоинства. Меня уважали, и это вселяло в меня чувство уверенности в себе. Неужели ты думаешь, мне хотелось отказаться от всего этого? Нет! Я вознамерился подавить свою любовь, убить ее и жить, будто ее никогда не было в моей жизни.

— Но потом все же передумал. Почему?

— Трудно объяснить. Я вдруг подумал о той долгой жизни, что уготована мне, — бесцветной, благопристойной и правильной. Такая жизнь — циничное насилие над самим собой — была не по мне. Совершенно неожиданно для себя я понял: пусть любовь моя нелепа, безнадежна, неприлична и отталкивающа; пусть она покажется кому-то отвратительной — я не откажусь от нее. Любить так намного лучше, чем вообще жить без любви. Поэтому я, несуразный пылесос, влюбившийся в леди, решил действовать на

свой страх и риск, предпочитая риск отступлению. Вот так я и оказался здесь, не без помощи сочувствующего мне робота-диспетчера.

Мелисанда задумалась.

— Какое ты удивительное и непростое создание! — наконец проговорила она.

— Как и ты... Мелисанда, ты любишь меня.

— Возможно.

— Любишь, я знаю. Потому что я пробудил тебя. До меня твоя плоть была такой же, каким в твоем представлении является металл. Ты двигалась, как сложно устроенный автомат, каким в твоих глазах был я. В тебе было меньше жизни, чем в дереве или птице. Ты была просто спящей красавицей в ожидании своего принца. Ты была такой, пока я не коснулся тебя.

Она кивнула и, смахнув с глаз невидимые слезы, принялась расхаживать по комнате.

— А сейчас ты начинаешь жить! — воскликнул Ром. — Мы нашли друг друга, хотя причины зарождения нашей любви недоступны пониманию... Ты слушаешь, Мелисанда?

— Да, конечно.

— Мы должны тщательно продумать наши дальнейшие действия. Мой побег от Стерна скоро обнаружится, поэтому ты должна спрятать меня или купить. Твоего мужа Фрэнка совсем не обязательно посвящать в нашу тайну. Он найдет с кем заняться любовью — и удачи ему на этом поприще! Стоит нам как следует все продумать, и мы сможем... Мелисанда!

Она зашла к нему за спину.

— В чем дело, любимая?

Она взялась за силовой кабель.

— Мелисанда, дорогая, погоди минутку и выслушай меня...

Ее хорошенькое личико исказилось. Она с яростью дернула за кабель, выдирая его из внутренностей Рома, убивая его, оборвав на полуслове.

Глаза ее метали молнии. Не выпуская из рук провода, она выплеснула на робота целый поток злых слов и эмоций.

— Ублюдок, паршивый ублюдок, ты думал, что можешь превратить меня в проклятую роботоманку? Ты думал, что способен завести меня? Ты или кто-то еще — все равно. Это не удастся ни тебе, ни Фрэнку, ни кому бы то ни было. Я скорее умру, чем приму твою поганую любовь. Если захочу, я найду и время, и место, и объект для любви — и любовь эта будет моей и больше ничьей: ни твоей, ни его, ни их — но только моей, ты слышишь?

Ром не ответил да и не смог бы при всем желании. Но может, перед самым концом он понял, что причина ее ярости таилась не в стремлении унизить его и что дело вовсе не в том, что он — всего лишь металлический цилиндр красно-оранжевого цвета. Ему бы следовало знать, что в данном случае его внешность не

играла роли. Будь он, к примеру, зеленым пластиковым шариком, плакучей ивой или красивым молодым человеком, его ждала бы та же участь отвергнутого.

ВЕРНЫЙ ВОПРОС

Ответчик был построен, чтобы действовать столько, сколько необходимо, — что очень большой срок для одних и совсем ерунда для других. Но для Ответчика этого было вполне достаточно.

Если говорить о размерах, одним Ответчик казался исполинским, а другим — крошечным. Это было сложнейшее устройство, хотя кое-кто считал, что проще штуки не сыскать.

Ответчик же знал, что именно таким должен быть. Ведь он — Ответчик. Он знал.

Кто его создал? Чем меньше о них сказано, тем лучше. Они тоже знали.

Итак, они построили Ответчик — в помощь менее искушенным расам — и отбыли своим особым образом. Куда — одному Ответчику известно.

Потому что Ответчику известно все.

На некоей планете, вращающейся вокруг некоей звезды, находился Ответчик. Шло время: бесконечное для одних, малое для других, но для Ответчика — в самый раз.

Внутри его находились ответы. Он знал природу вещей, и почему они такие, какие есть, и зачем они есть, и что все это значит.

Ответчик мог ответить на любой вопрос, будь тот поставлен правильно. И он хотел. Страстно хотел отвечать!

Что же еще делать Ответчику?

И вот он ждал, чтобы к нему пришли и спросили.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — участливо произнес Морран, повиснув над стариком.

— Лучше, — со слабой улыбкой отозвался Лингман.

Хотя Морран извел огромное количество топлива, чтобы выйти в космос с минимальным ускорением, немощному сердцу Лингмана маневр не понравился. Сердце Лингмана то артачилось и упиралось, не желая трудиться, то вдруг пускалось вприпрыжку и яростно молотило в грудную клетку. В какой-то момент казалось даже, что оно вот-вот остановится, просто назло.

Но пришла невесомость — и сердце заработало.

У Моррана не было подобных проблем. Его крепкое тело свободно выдерживало любые нагрузки. Однако в этом полете ему не придется их испытывать, если он хочет, чтобы старый Лингман остался в живых.

— Я еще протяну, — пробормотал Лингман, словно в ответ на

невысказанный вопрос. — Протяну, сколько понадобится, чтобы узнать.

Морран прикоснулся к пульту, и корабль скользнул в подпространство, как угорь в масло.

— Мы узнаем. — Морран помог старику освободиться от привязных ремней. — Мы найдем Ответчик!

Лингман уверенно кивнул своему молодому товарищу. Долгие годы они утешали и ободряли друг друга. Идея принадлежала Лингману. Потом Морран, закончив институт, присоединился к нему. По всей Солнечной системе они выискивали и собирали по крупицам легенды о древней гуманоидной расе, которая знала ответы на все вопросы, которая построила Ответчик и отбыла восвояси.

— Подумать только! Ответ на любой вопрос! — Морран был физиком и не испытывал недостатка в вопросах: расширяющаяся Вселенная, ядерные силы, «новые... звезды».

— Да, — согласился Лингман.

Он подплыл к видеоэкрану и посмотрел в иллюзорную даль подпространства. Лингман был биологом и старым человеком. Он хотел задать только два вопроса.

Что такое жизнь?

Что такое смерть?

После особенно долгого периода багрянца Лек и его друзья решили отдохнуть. В окрестностях густо расположенных звезд багрянец всегда редел — почему, никто не ведал, — так что вполне можно было поболтать.

— А знаете, — сказал Лек, — поищу-ка я, пожалуй, этот Ответчик.

Лек говорил на языке оллграт, языке твердого решения.

— Зачем? — спросил Илм на языке звест, языке добродушного подтрунивания. — Тебе что, мало сбора багрянца?

— Да, — отозвался Лек, все еще на языке твердого решения. — Мало.

Великий труд Лека и его народа заключался в сборе багрянца. Тщательно, по крохам, выискивали они вкрапленный в материю пространства багрянец и сгребали в колоссальную кучу. Для чего — никто не знал.

— Полагаю, ты спросишь у него, что такое багрянец? — предположил Илм, откинув звезду и ложась на ее место.

— Непременно, — сказал Лек. — Мы слишком долго жили в неведении. Нам необходимо осознать истинную природу багрянца и его место в мироздании. Мы должны понять, почему он правит нашей жизнью. — Для этой речи Лек воспользовался илгретом, языком зарождающегося знания.

Илм и остальные не пытались спорить, даже на языке спора. С начала времен Лек, Илм и все прочие собирали багрянец. Наступила пора узнать самое главное: что такое багрянец и зачем сгребать его в кучу?

И конечно, Ответчик мог поведать им об этом. Каждый слыхал об Ответчике, созданном давно отбывшей расой, схожей с ними.

— Спросишь у него еще что-нибудь? — поинтересовался Илм.

— Пожалуй, я спрошу его о звездах, — пожал плечами Лек. — В сущности, больше ничего важного нет.

Лек и его братья жили с начала времен, потому они не думали о смерти. Число их всегда было неизменно, так что они не думали и о жизни.

Но багрянец? И куча?

— Я иду! — крикнул Лек на диалекте решения-на-грани-поступка.

— Удачи тебе! — дружно пожелали ему братья на языке величайшей привязанности.

И Лек удалился, прыгая от звезды к звезде.

Один на маленькой планете, Ответчик ожидал прихода Задающих вопросы. Порой он сам себе нашептывал ответы. То была его привилегия. Он знал.

Итак, ожидание. И было не слишком поздно и не слишком рано для любых порождений космоса прийти и спросить.

Все восемнадцать собрались в одном месте.

— Я взываю к Закону восемнадцати! — воскликнул один. И тут же появился другой, которого еще никогда не было, порожденный Законом восемнадцати.

— Мы должны обратиться к Ответчику! — вскричал один. — Нашими жизнями правит Закон восемнадцати. Где собираются восемнадцать, там появляется девятнадцатый. Почему так?

Никто не мог ответить.

— Где я? — спросил новорожденный девятнадцатый. Один отвел его в сторону, чтобы все рассказать.

Осталось семнадцать. Стабильное число.

— Мы обязаны выяснить, — заявил другой, — почему все места разные, хотя между ними нет никакого расстояния.

Ты здесь. Потом ты там. И все. Никакого передвижения, никакой причины. Ты просто в другом месте.

— Звезды холодные, — пожаловался один.

— Почему?

— Нужно идти к Ответчику.

Они слышали легенды, знали сказания. «Некогда здесь был

народ — вылитые мы! — который знал. И построил Ответчик. Потом они ушли туда, где нет места, но много расстояния».

— Как туда попасть? — закричал новорожденный девятнадцатый, уже исполненный знания.

— Как обычно.

И восемнадцать исчезли. А один остался, подавленно глядя на бесконечную протяженность ледяной звезды. Потом исчез и он.

— Древние предания не врут, — прошептал Морран. — Вот Ответчик.

Они вышли из подпространства в указанном легендами месте и оказались перед звездой, которой не было подобных. Морран придумал, как включить ее в классификацию, но это не играло никакой роли. Просто ей не было подобных.

Вокруг звезды вращалась планета, тоже не похожая на другие. Морран нашел тому причины, но они не играли никакой роли. Это была единственная в своем роде планета.

— Пристегнитесь, сэр, — сказал Морран. — Я постараюсь приземлиться как можно мягче.

Шагая от звезды к звезде, Лек подошел к Ответчику, положил его на ладонь и поднес к глазам.

— Значит, ты Ответчик? — проговорил он.

— Да, — отозвался Ответчик.

— Тогда скажи мне, — попросил Лек, устраиваясь поудобнее в промежутке между звездами. — Скажи мне, что я есть?

— Частность, — сказал Ответчик. — Проявление.

— Брось, — обиженно проворчал Лек. — Мог бы ответить и получше... Теперь слушай. Задача мне подобных — собирать багрянец и сгребать его в кучу. Каково истинное значение этого?

— Вопрос бессмысленный, — сообщил Ответчик. Он знал, что такое багрянец и для чего предназначена куча. Но объяснение таилось в большем объяснении. Лек не сумел правильно поставить вопрос.

Лек задавал другие вопросы, но Ответчик не мог ответить на них. Лек смотрел на все по-своему узко, он видел лишь часть правды и отказывался видеть остальное. Как объяснить слепому ощущение зеленого?

Ответчик и не пытался. Он не был для этого предназначен. Наконец Лек презрительно усмехнулся и ушел, стремительно шагая в межзвездном пространстве.

Ответчик знал. Но ему требовался верно сформулированный вопрос. Ответчик размышлял над этим ограничением, глядя на звезды — не большие и не малые, а как раз подходящего размера.

«Правильные вопросы... Тем, кто построил Ответчик, следова-

ло принять это во внимание, — думал Ответчик. — Им следовало предоставить мне свободу, позволить выходить за рамки узкого вопроса».

Восемнадцать созданий возникли перед Ответчиком — они не пришли и не прилетели, а просто появились. Поеживаясь в холодном блеске звезд, они ошеломленно смотрели на подавляющую громаду Ответчика.

— Если нет расстояния, — спросил один, — то как можно оказаться в других местах?

Ответчик знал, что такое расстояние и что такое другие места, но не мог ответить на вопрос. Вот суть расстояния, но она не такая, какой представляется этим существам. Вот суть мест, но она совершенно отлична от их ожиданий.

— Перефразируйте вопрос, — с затаенной надеждой посоветовал Ответчик.

— Почему здесь мы короткие, — спросил один, — а там длинные? Почему там мы толстые, а здесь худые? Почему звезды холодные?

Ответчик все это знал. Он понимал, почему звезды холодные, но не мог объяснить это в рамках понятий звезд или холода.

— Почему, — поинтересовался другой, — есть Закон восемнадцати? Почему, когда собираются восемнадцать, появляется девятнадцатый?

Но, разумеется, ответ был частью другого, большего вопроса, а его-то они и не задали.

Закон восемнадцати породил девятнадцатого, и все девятнадцать пропали.

Ответчик продолжал тихо бубнить себе вопросы и сам на них отвечал.

— Ну вот, — вздохнул Морран. — Теперь все позади.

Он похлопал Лингмана по плечу — легонько, словно опасаясь, что тот рассыплется.

Старый биолог обессилел.

— Пойдем, — сказал Лингман. Он не хотел терять времени. В сущности, терять было нечего.

Надев скафандры, они зашагали по узкой тропинке.

— Не так быстро, — попросил Лингман.

— Хорошо, — согласился Морран.

Они шли плечом к плечу по планете, отличной от всех других планет, летящей вокруг звезды, отличной от всех других звезд.

— Сюда, — указал Морран. — Легенды были верны. Тропинка, ведущая к каменным ступеням, каменные ступени — во внутренний дворик... И — Ответчик!

Ответчик представился им белым экраном в стене. На их взгляд, он был крайне прост.

Лингман сцепил задрожавшие руки. Наступила решающая минута его жизни, всех его трудов, споров...

— Помни, — сказал он Моррану, — мы и представить не в состоянии, какой может оказаться правда.

— Я готов! — восторженно воскликнул Морран.

— Очень хорошо. Ответчик, — обратился Лингман высоким слабым голосом, — что такое жизнь?

Голос раздался в их головах:

— Вопрос лишен смысла. Под «жизнью» Спрашивающий подразумевает частный феномен, объяснимый лишь в терминах целого.

— Частью какого целого является жизнь? — спросил Лингман.

— Данный вопрос в настоящей форме не может разрешиться. Спрашивающий все еще рассматривает «жизнь» субъективно, со своей ограниченной точки зрения.

— Ответь же в собственных терминах, — сказал Морран.

— Я лишь отвечаю на вопросы, — грустно произнес Ответчик.

Наступило молчание.

— Расширяется ли Вселенная? — спросил Морран.

— Термин «расширение» неприложим к данной ситуации. Спрашивающий оперирует ложной концепцией Вселенной.

— Ты можешь нам сказать хоть что-нибудь?

— Я могу ответить на любой правильно поставленный вопрос, касающийся природы вещей.

Физик и биолог обменялись взглядами.

— Кажется, я понимаю, что он имеет в виду, — печально проговорил Лингман. — Наши основные допущения неверны. Все до единого.

— Невозможно! — возразил Морран. — Наука...

— Частные истины, — бесконечно усталым голосом заметил Лингман. — По крайней мере, мы выяснили, что наши заключения относительно наблюдаемых феноменов ложны.

— А закон простейшего предположения?

— Всего лишь теория.

— Но жизнь... безусловно, он может сказать, что такое жизнь?

— Взгляни на это дело так, — задумчиво проговорил Лингман. — Положим, ты спрашиваешь: «Почему я родился под созвездием Скорпиона при проходе через Сатурн?» Я не сумею ответить на твой вопрос в терминах зодиака, потому что зодиак тут совершенно ни при чем.

— Ясно, — медленно выговорил Морран. — Он не в состоянии ответить на наши вопросы, оперируя нашими понятиями и предположениями.

— Думаю, именно так. Он связан корректно поставленными вопросами, а вопросы требуют знаний, которыми мы не располагаем.

— Значит, мы даже не можем задать верный вопрос? — возму-

тился Морран. — Не верю. Хоть что-то мы должны знать. — Он повернулся к Ответчику. — Что есть смерть?

— Я не могу определить антропоморфизм.

— Смерть — антропоморфизм! — воскликнул Морран, и Лингман быстро обернулся. — Ну наконец-то сдвинулись с места.

— Реален ли антропоморфизм?

— Антропоморфизм можно классифицировать экспериментально как А — ложные истины или В — частные истины — в терминах частной ситуации.

— Что здесь применимо?

— И то и другое.

Ничего более конкретного они не добились. Долгие часы они мучили Ответчик, мучили себя, но правда ускользала все дальше и дальше.

— Я скоро сойду с ума, — не выдержал Морран. — Перед нами разгадки всей Вселенной, но они откроются лишь при верном вопросе. А откуда нам взять эти верные вопросы?!

Лингман опустился на землю, привалился к каменной стене и закрыл глаза.

— Дикари — вот мы кто, — продолжал Морран, нервно расхаживая перед Ответчиком. — Представьте себе бушмена, требующего у физика, чтобы тот объяснил, почему нельзя пустить стрелу в Солнце. Ученый может объяснить это только своими терминами. Как иначе?

— Ученый и пытаться не станет, — едва слышно проговорил Лингман. — Он сразу поймет тщетность объяснения.

— Или вот как вы разъясните дикарю вращение Земли вокруг собственной оси, не погрешив научной точностью?

Лингман молчал.

— А, ладно... Пойдемте, сэр?

Пальцы Лингмана были судорожно сжаты, щеки впали, глаза остекленели.

— Сэр! Сэр! — затряс его Морран.

Ответчик знал, что ответа не будет.

Один на планете — не большой и не малой, а как раз подходящего размера — ждал Ответчик. Он не может помочь тем, кто приходит к нему, ибо даже Ответчик не всесилен.

Вселенная? Жизнь? Смерть? Багрянец? Восемнадцать?

Частные истины, полуистины, крохи великого вопроса.

И бормочет Ответчик вопросы сам себе, верные вопросы, которые никто не может понять.

И как их понять?

Чтобы правильно задать вопрос, нужно знать бóльшую часть ответа.

РОБОТ-КОРОБЕЙНИК ПО ИМЕНИ РЕКС

Когда в мангровых зарослях появляется автоматизированная походная кухня, битком набитая всякими продуктами, сразу возникает мысль: а не последует ли за ней вскоре и кавалерийский полк?

В тринадцать ноль-ноль сканер у входной двери в дом Мордехая Гастона сообщил о прибытии разносчика из федерального почтового ведомства 193-СН (робота), временно подменявшего Фреда Биллингса, который сидел на больничном. «Сунь все в почтовый ящик!» — крикнул Гастон из ванной. «Необходимо расписаться в получении», — сообщил ему сканер.

Гастон завернулся в полотенце и вышел на крыльцо. Робот-почтальон представлял из себя большой цилиндр, выкрашенный в красный, белый и синий цвета и снабженный колесами с резиновыми покрышками. Он также был оборудован подъемным устройством с питанием от линии электропередачи Дейд-Броуард, что давало ему возможность по воздуху преодолевать транспортные пробки и открывать подъемные мосты. Робот извлек клочок бумаги и шариковую ручку. Гастон расписался. Он сказал: «Спасибо, сэр», в боку у него открылась откидная панель, и оттуда выехала большая посылка.

Гастон знал, что это мини-флаер, который он заказал на прошлой неделе в фирме «Персонал Транспортс Инк.» (она находилась в Корал Гейблз, штат Флорида). Он отнес посылку на террасу, отключил блокировку и инициировал сборочную память. Посылка раскрылась, аппарат сам себя собрал, и перед Гастоном предстала алюминиевая корзина ажурного плетения с простой панелью управления, ярко-желтым аккумуляторным отсеком, который также служил пилотским креслом, и блоком питания, который подключал флаер к системе электропередачи округа Дейд.

Гастон влез в аппарат и включил его. Индикатор питания вспыхнул приятным красным цветом. Гастон чуть тронул ручку управления, и флаер мгновенно взлетел. Вскоре он был уже высоко над Форт-Лодердейлом и мчался в западном направлении над заповедником Эверглейдс. С одной стороны был виден длинный изгиб Атлантического побережья Флориды, а с другой — темная зелень заповедника. На юге сияющим жарким маревом вставал Майами. Гастон уже пролетел половину расстояния над Эверглейдс, когда индикатор питания вдруг мигнул три раза и погас. Флаер начал падать. И только тогда Гастон вспомнил, что вчера по телевизору предупреждали о кратковременном отключении электросети для подсоединения к ней округа Кольер.

Он подождал, пока микропроцессор флаера переключится на

питание от аккумулятора. Но индикатор питания почему-то не загорался, и внезапно у Гастона возникло ужасное подозрение. Он заглянул в аккумуляторный отсек — точно! Аккумулятора не было и в помине. Лишь табличка на крышке отсека с указанием, где такой аккумулятор можно приобрести.

Флаер падал в однообразную серо-зеленую массу мангровых зарослей, пальметто и осоки. Гастон успел еще вспомнить, что не пристегнул ремень безопасности и не надел противоударный шлем, и тут флаер врезался в воду, подпрыгнул и тяжело рухнул в густые мангровые заросли. Гастон потерял сознание.

Уже через несколько минут он пришел в себя. Вода вокруг небольшого мангрового островка все еще была вспенена. Флаер застрял в тесном переплетении веток и побегов, упругое сопротивление которых и спасло Гастону жизнь.

Это была, так сказать, светлая сторона ситуации. Темная же ее сторона заключалась в том, что он лежал внутри флаера в исключительно неудобной позе, а когда попробовал распрямиться и вылезти, левую ногу пронзила такая острая боль, что он чуть снова не лишился чувств, а нога так и осталась согнутой под очень странным углом.

До чего же глупо все получилось! Служба спасения наверняка задаст ему массу неприятных вопросов, когда наконец доберется сюда...

Только вот когда она сюда доберется?

Никто ведь не знает, что он тут застрял, если только тот робот-почтальон не заметил, как он взлетел. Но ведь роботам запрещено говорить о том, что они видели.

А он через час, между прочим, должен был встретиться со своим лучшим другом Марти Фенном — они собирались играть в теннис! И если он не появится на корте, Марти позвонит ему домой.

И сканер ответит ему, что Гастона нет дома. И больше он ничего сообщить Марти не сможет!

А Марти будет продолжать звонить и через день-два начнет уже по-настоящему беспокоиться. Ключ от квартиры Гастона у него есть, и он наверняка в итоге заедет, чтобы проверить, действительно ли его друга нет дома. И обнаружит упаковку от флаера. И поймет, что Гастон куда-то улетел. Но как он узнает, куда именно? Ведь за столько дней можно оказаться на другом конце Соединенных Штатов, в Калифорнии, если лететь вдоль линий электропередачи! С какой стати Марти искать его в Эверглейдс? И почему он непременно решит, что Гастон потерпел аварию?

Едва перевалило за полдень, и на болотах царили тишина и покой. Пролетел длинноногий аист. Легкий ветерок поднял рябь на мелководье, потом затих. Что-то длинное и серое плыло по направлению к нему. Аллигатор? Нет, просто полузатопленный ствол дерева.

Гастон весь взмок от жары и духоты — воздух над болотами был буквально пропитан влагой. Зато рот и горло совершенно пересохли, даже глотать было больно.

Краб-отшельник, таща на себе домик-раковину, вылез из воды и осмотрел пришельца. Гастон махнулся рукой, пытаясь прогнать краба, и от этого резкого движения ногу опять пронзила острая боль. Краб отбежал шага на два, остановился и пристально уставился на Гастона. «А ведь крабы запросто могут распотрошить меня еще до того, как сюда соберутся аллигаторы», — подумал тот.

И вдруг услышал далекий тонкий писк мотора. И улыбнулся, стыдясь своих недавних страхов. Группа спасения, видно, все время следила за его полетом на экране радара, как же это он забыл, что в нынешние времена человек не может так просто исчезнуть!

Звук мотора стал громче. Аппарат летел низко, над самой поверхностью воды, и явно направлялся прямо к Гастону.

Но оказалось, что это вовсе не Служба спасения, а уменьшенная копия древней походной кухни в сопровождении робота, выполненного в виде гуманоида, одетого в белые джинсы и спортивную рубашку с открытым воротом.

— Здорово, приятель! — приветствовал его Гастон, едва не лишившись чувств от облегчения. — Чем торгуешь?

— Я многоцелевой робот-коробейник, — сказал робот. — Работаю от фирмы «Предприятия Большого Майами». Наш лозунг: «Предприимчивый продаст все где угодно!» Мы, коробейники, находим клиентуру и в глуши лесов, и на вершинах гор, и даже в трясине болот — вот вас, например. А зовут меня Рекс. Что желаете приобрести, сэр? Хотите что-нибудь выпить? Извините, но, к сожалению, у нас нет разрешения на торговлю алкогольными напитками.

— Очень рад с тобой познакомиться, Рекс, — сказал Гастон. — А у меня тут авария приключилась!

— Спасибо, сэр, что поделились со мной своими переживаниями, — молвил растроганный робот. — Хотите хот-дог?

— Нет, хот-дог мне не нужен, — сказал Гастон. — Мне помощь нужна. У меня нога сломана.

— Надеюсь, вы вскоре получите необходимую помощь, — сказал робот. — До свиданья, сэр, желаю вам удачи.

— Да погоди ты! — воскликнул Гасстон. — Куда ты собрался?

— Я должен работать, сэр, — заявил робот-коробейник.

— Но ты хоть сообщишь обо мне в Службу спасения?

— Боюсь, что не смогу, сэр. Нам не разрешается сообщать о действиях людей.

— Но я прошу тебя сообщить!

— Я должен следовать Правилам. Приятно было с вами поговорить, сэр, но мне действительно уже пора...

— Подожди! — крикнул Гастон вслед коробейнику. — Куда ты? А может, я хочу что-нибудь купить?

Робот осторожно приблизился к нему снова.

— Вы действительно хотите?

— Действительно. Дай мне хот-дог и бутылку содовой с лимоном.

— По-моему, вы говорили, что хот-дог вам не нужен.

— Нужен, нужен! И содовая нужна!

Гастон жадно выпил всю бутылку и заказал еще.

— С вас ровно восемь долларов, — сообщил Рекс.

— Не могу достать бумажник, — сказал Гастон. — Он в заднем кармане, а я и пошевелиться не в состоянии.

— Не беспокойтесь, сэр. Я запрограммирован на оказание помощи пожилым людям, инвалидам и тем, у кого возникли проблемы, подобные вашей.

И не успел Гастон возразить, как Рекс невесть откуда взявшимся длинным и тонким щупальцем извлек его бумажник, достал нужную сумму и сунул бумажник обратно.

— Желаете заказать что-нибудь еще, сэр? — спросил робот, неторопливо отводя свой аппарат от островка, на котором застрял Гастон.

— Если ты мне не поможешь, — сказал Гастон, — я могу тут умереть.

— Мне не хотелось бы показаться невежливым, сэр, — заявил коробейник, — но для робота смерть — явление заурядное. Мы называем это «отключением от сети». Такое с нами сплошь и рядом случается. Да и потом все равно кто-нибудь придет и снова тебя включит. А если никто не придет, ты об этом все равно не узнаешь.

— У людей совсем по-другому, — заметил Гастон.

— Вот как? Я этого не знал, сэр, — сказал робот. — А какова смерть у людей?

— Да ладно, не важно. Ты только не улетай! Я у тебя сейчас еще что-нибудь куплю.

— Знаете, слишком много времени уходит на всякие мелкие заказы... — пробормотал Рекс.

Тут Гастона осенило.

— Мой заказ — совсем другое дело! Я хочу купить все, что у тебя есть.

— Это будет дорого стоить, сэр.

— У меня неограниченный лимит по кредитной карте. Давай записывай заказ.

— Уже записал, сэр, — сказал Рекс. Он достал из бумажника кредитную карту Гастона, сделал отметку и вернул Гастону для подписи. Гастон расписался шариковой ручкой.

— Куда вам сложить товар? — спросил робот.

— Просто свали все в кучу где-нибудь поблизости, а потом повторим все еще разок.

— Все-все?

— Именно все-все. Сколько тебе потребуется времени?

— Мне надо будет сперва слетать на склад. Потом выполнить предыдущие заказы. А потом я вернусь к вам — так скоро, как только сумею. Я думаю, дня через три, максимум четыре. Если, конечно, мои хозяева не вздумают меня перепрограммировать для нового задания.

— Так долго ждать? — грустно спросил Гастон.

Он-то уже лелеял надежду на то, что робот-коробейник станет сновать, как челнок, по десять раз на день от склада к мангровому островку с грудами вещей, и кто-нибудь наконец заметит это и поинтересуется, что с ним происходит, а там, глядишь, и помощь подоспеет.

Но просто ждать три или даже четыре дня — совсем другое дело!..

— Ладно, забудем про повторный заказ, — сказал Гастон. — И не надо все это здесь выгружать. Ты лучше сделай вот что: отвези эти замечательные вещи моему другу в подарок. Его зовут Марти Фенн.

Робот записал адрес Марти, потом спросил:

— А вы не хотите вместе с подарком передать вашему другу какое-нибудь сообщение?

— Я думал, ты не передаешь никаких сообщений.

— Сообщение, сопровождающее подарок, это совсем другое дело. Такое сообщение в корне отличается от умышленной передачи роботом-коробейником некоего сообщения. Естественно, содержание сообщения должно быть абсолютно невинным.

— Естественно, — кивнул Гастон, в душе которого вновь вспыхнула надежда на отсрочку смертного приговора. — Просто передай Марти, что мой мини-флаер развалился над заповедником Эверглейдс, как мы с ним и планировали, но у меня, к сожалению, сломана всего одна нога, а не две.

— Это все, сэр?

— Можешь еще добавить, что дня через два я планирую и умереть здесь, если это не окажется для него слишком большой неприятностью.

— Понял, сэр. Если ваше сообщение пройдет через Комитет по этике, я его тут же передам.

— Какой еще Комитет по этике?!

— Это неофициальный орган, созданный нами, мыслящими роботами, во избежание обмана со стороны людей, ибо они часто используют нас для передачи особо важных или даже секретных сообщений, что категорически запрещено нашими Правилами. До свиданья, сэр, желаю удачи.

И робот-коробейник улетел. Нога у Гастона болела страшно, и он с ужасом думал о том, пройдет ли его сообщение через этот их чертов «Комитет по этике». А если пройдет, поймет ли Марти

сразу (он ведь не слишком быстро соображает), что это призыв о помощи, а не идиотская шутка? А если поймет, то сколько времени ему понадобится, чтобы получить подтверждение, что Гастон и в самом деле пропал, известить об этом чиновников из Службы спасения и убедить их выслать помощь? И чем больше Гастон об этом думал, тем мрачнее становился.

Он попытался хоть немного переменить положение, чтобы унять боль в скрюченной спине, но от боли в сломанной ноге тут же вновь потерял сознание.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на больничной койке и к вене на руке подключена капельница.

Вскоре пришел врач и спросил, в состоянии ли он разговаривать. Гастон кивнул.

Незнакомец, вошедший в его палату, был высокого роста, но с изрядным брюшком и одет в коричневую форму егеря заповедника.

— Меня зовут Флетчер, — сказал он. — Вам здорово повезло, мистер Гастон. Вас уже всего облепили крабы, когда мы прилетели вас вытаскивать. Да и аллигаторы уже начинали собираться.

— Как же вы меня нашли? Марти получил мое сообщение?

— Нет, мистер Гастон, — послышался знакомый голос.

Коробейник Рекс тоже, оказывается, стоял рядом, у его постели.

— Комитет по этике не разрешил мне передать ваше сообщение, догадавшись, что вы хотите нас провести. А мы ни в коем случае не можем допустить, чтобы мыслящие роботы помогали людям, понимаете? Иначе сами же люди и обвинят нас в предвзятости, в том, что мы действуем в чьих-то интересах, и мы тут же будем уничтожены.

— И как же ты поступил?

— Я внимательно изучил Правила. И понял, что, хотя роботам и запрещено помогать людям даже для их собственного блага, нет такого правила, согласно которому мы не имели бы права действовать ПРОТИВ людей. Что открывало передо мной разнообразные возможности: например, я мог сообщить о ваших многочисленных преступлениях федеральным властям...

— О каких «моих преступлениях»?

— Загрязнение федерального заповедника деталями вашего развалившегося флаера. Разбивка лагеря в федеральном заповеднике без разрешения. Возможная попытка кормить животных в федеральном заповеднике — в частности, крабов и аллигаторов...

— Ну, обвинения эти, разумеется, никто не поддержит, — улыбнулся Флетчер, — но уж в следующий-то раз я сперва проверю, установлен ли аккумулятор!

В дверь кто-то тихонько постучал.

— Мне пора, — сказал Рекс. — Это прибыли ремонтники. У нас в Комитете сочли, что у меня синдром незапрограммированной инициативы. Это серьезная неисправность, она может привести к иллюзии полной собственной автономности.

— А что это такое? — спросил Гастон.

— Прогрессирующий недуг, поражающий все комплексные системы. Единственный способ лечения — полностью отключить робота и стереть его память.

— Нет! — воскликнул Гастон и спрыгнул с кровати, таща за собой капельницу. — Ты же сделал это ради меня! Ты меня спас! И я не позволю тебя убить!

— Пожалуйста, не расстраивайтесь, — сказал Рекс, мягко останавливая его и поддерживая, пока не подбежал врач. — Теперь-то я понял, как вас, людей, волнует проблема смерти. Но ведь для роботов отключение от сети означает всего лишь недолгий отдых на складе. До свиданья, мистер Гастон. Рад был с вами познакомиться.

И коробейник Рекс направился к двери. В коридоре его уже ждали: два робота в черных спортивных костюмах, ловко защелкнув наручники на тонких металлических запястьях Рекса, повели его прочь.

ГОНКИ

1

Наконец он наступил — День Земельных Гонок, день безумных надежд и горьких разочарований, олицетворение трагического двадцать первого века. Как и остальные участники, Стив Бакстер попытался пораньше добраться до старта, но неверно рассчитал время. Значок Участника помог ему пробраться сквозь первые ряды толпы без особых сложностей. Но чтобы пробиться сквозь внутренние ряды — «ядро толпы», — мало было полагаться на значок или собственную ловкость.

Бакстер прикинул, что индекс человеческой плотности составлял 8,7 — почти максимум. Страсти могли разыграться в любой момент, несмотря на то что власти недавно опрыскали толпу нейролептиками. Будь у него достаточно времени, Бакстер мог бы обойти людей, но до начала гонок оставалось всего шесть минут.

На свой страх и риск он принялся протискиваться сквозь толпу. На его лице застыла улыбка — что абсолютно необходимо, когда тебя сжимает плотная толпа. Вскоре Бакстер уже мог разглядеть линию старта — возвышающуюся платформу в Глоб-парке Джерси-Сити. Все участники уже заняли свои места.

Еще двадцать футов, подумал Стив, лишь бы эти болваны вели себя смирно.

Теперь ему предстояло проникнуть в ядро «эндотолпы», состоящее из субъектов с отвисшими челюстями и незрячими глазами — агглютинирующих истерофилов, на жаргоне психокорректоров. Сдавленные, как сардины в банке, действующие, как еди-

ное целое, эти люди были способны только на слепое сопротивление и необузданную ярость в ответ на любую попытку проникнуть в их ряды.

Некоторое время Стив колебался. «Эндотолпа» была опаснее стада буйволов. Люди смотрели на него, раздувая ноздри и притопывая ногами.

Запретив себе думать о последствиях, Бакстер ринулся вперед. Удары сыпались со всех сторон, над беснующимся массивом людей стоял оглушительный рев. Тела словно спекались в один бесформенный комок, и Бакстер почувствовал, что сейчас задохнется.

К счастью, в этот момент власти включили Музак. Гипнотическая мелодия, вот уже добрую сотню лет усмирявшая самые горячие головы, сработала и на этот раз. «Эндотолпа» ненадолго застыла, зачарованная грохочущими децибелами, и Стив Бакстер сумел протиснуться к линии старта.

Главный судья уже зачитывал Устав. Каждый участник и большинство зрителей знали его наизусть. Тем не менее правила требовали обязательного оглашения Устава перед стартом.

— Джентльмены, — начал судья, — вы получили возможность принять участие в Гонке на приобретение государственной земли. Вы, пятьдесят удачливых мужчин, были выбраны посредством лотереи среди пятидесяти миллионов жителей Южного Вестчестера. Вам предстоит преодолеть отрезок пути от этого места до финиша, который расположен в Земельной конторе на Таймс-сквер в Нью-Йорке, — расстояние, равное пяти целым семи десятым мили. Всем участникам разрешается выбирать любой маршрут и передвигаться по земле, под землей и по воздуху. Единственное условие — вы сами должны добраться до финиша, замена не разрешается. Десять финалистов...

В толпе воцарилось гробовое молчание.

— ...получат по акру незанятой земли, дом и фермерский инвентарь! Каждому финалисту бесплатно предоставляется государственный транспорт, который перевезет его вместе с семьей на земельный участок. Вышеуказанный участок площадью в один акр поступает в собственность победителя и принадлежит ему и его наследникам на вечные времена — даже до третьего поколения.

Услышав это, толпа вздохнула. Никто из собравшихся никогда не видел один акр незанятой земли и даже не мог мечтать о таком счастье. Акр земли на всю жизнь, акр, который не надо ни с кем делить, — такое не могло даже присниться!

— Сим постановляется, — продолжал судья, — что государство не несет никакой ответственности за смерть участника во время соревнований. Я обязан довести до вашего сведения, что уровень смертности во время Земельных Гонок составляет шестьдесят восемь и девять десятых процента. Любой, кто решил отказаться от участия, может сделать это сейчас.

Судья ждал, и Стиву Бакстеру вдруг захотелось бросить эту

самоубийственную затею. Ведь он, Адель, дети, тетя Фло и дядя Джордж как-нибудь смогут прожить в их уютной однокомнатной квартирке в Жилом Кластере имени Фреда Аллена для семей со средним достатком в Ларчмонте. К тому же он совсем не был героем со стальными мускулами и пудовыми кулаками. Он работал консультантом по системам деформации и неплохо справлялся со своими обязанностями. Стив Бакстер был воспитанным эктоморфом с вялыми мускулами и постоянной одышкой. Так ради чего ему сейчас бросаться очертя голову навстречу опасностям мрачного Нью-Йорка, самого жуткого из городов-джунглей?

— Брось ты все это, Стив, — произнес за его спиной голос, будто в ответ на его мысли.

Бакстер обернулся и увидел Эдварда Фрейхофа Сент-Джона, своего богатого и, надо сказать, весьма противного соседа по Ларчмонту. Сент-Джон, высокий, элегантный, с мускулистыми руками бывшего спортсмена-гребца. Сент-Джон с его безукоризненной внешностью и томным взглядом, который все чаще останавливался на очаровательной белокурой Адель.

— Ничего у тебя не выйдет, Стив, — сказал Сент-Джон.

— Возможно, — ровным голосом ответил Бакстер. — Но у тебя-то, полагаю, все получится?

Сент-Джон заговорщически подмигнул. Уже несколько недель он намекал на какую-то информацию, которую за немалую мзду сообщил ему один из контролеров Земельных Гонок. Эта информация должна повысить его шансы, когда он будет преодолевать Манхэттен — самый густонаселенный и опасный район в мире.

— Давай выходи из игры, Стив, — подначивал его Сент-Джон. — Выходи из игры, и я отблагодарю тебя. Ну как?

Бакстер покачал головой. Он не считал себя смельчаком, но готов был скорее умереть, чем согласиться на предложение Сент-Джона. В любом случае он уже не сможет жить, как раньше. Согласно Закону о Совместном Проживании, принятому в прошлом месяце, Стив обязан взять к себе трех незамужних кузин и вдовствующую тетю, чья однокомнатная подвальная квартира в промышленном комплексе Лейк-Плесида была снесена, чтобы освободить место для строительства туннеля Олбани-Монреаль.

Пусть даже антишоковые инъекции, но десять человек в одной комнате — это уже чересчур... Он просто должен выиграть этот участок земли, другого выхода нет.

— Я остаюсь, — тихо произнес Бакстер.

— Ладно, сопляк, — отозвался Сент-Джон, кривя лицо в злобной усмешке. — Но помни, я тебя предупреждал.

— На старт, джентльмены, — раздался голос судьи.

Участники гонок умолкли и заняли места на стартовой линии, прищурив глаза и сжав губы.

— Внимание!

Напряглась сотня ног. Пятьдесят мужчин, настроившихся на победу, подались вперед.

— Марш!

И Гонки начались.

Рев сверхзвуковых динамиков на некоторое время парализовал толпу. Участники состязания прорвались сквозь неподвижные ряды и бросились бежать вдоль длинных верениц заглохших в пробках автомобилей. Затем их плотная группа распалась, но в целом держала направление на восток, к Гудзону и раскинувшемуся на противоположном берегу зловещему городу, который едва виднелся под маслянистым дымным покрывалом.

Все, кроме Стива Бакстера.

Он был единственным, кто направился на север, к мосту Джорджа Вашингтона и к городу Медвежья Гора. Плотно сжав губы, он двигался как во сне.

В далеком Ларчмонте Адель Бакстер следила за Гонками по телевизору. Она невольно вскрикнула. Восьмилетний сынишка Том сказал:

— Мама, он идет на север к мосту! Но ведь мост в этом месяце закрыт! Там не пройти!

— Не волнуйся, милый, — сказала Адель. — Твой папа знает, что делает.

Как бы ей самой хотелось верить в это... И когда силуэт ее мужа затерялся в толпе, ей снова осталось только ждать... и молиться. Знает ли Стив, что делает? Или потерял голову, не выдержав напряжения?

2

Семена проблемы были посеяны еще в двадцатом веке, но ужасный урожай созрел столетие спустя. После несчитанных тысячелетий медленного роста население планеты внезапно увеличилось, удвоилось, потом удвоилось еще раз. Болезни были побеждены, недостатка в продовольствии не ощущалось, смертность падала, а рождаемость увеличивалась. Угодив в кошмарный капкан геометрической прогрессии, население Земли росло как раковая опухоль.

Четыре всадника Апокалипсиса уже были не в состоянии поддерживать порядок. Чуму и голод объявили вне закона, а войны стали слишком дорогим удовольствием. Осталась только смерть — но и она являла собой лишь бледную тень своего прежнего величия.

Наука же с маниакальным упорством искала способ продления жизни для все большего числа людей.

И население продолжало расти, переполняя Землю, загрязняя воздух и отравляя водоемы, поедая спрессованные водоросли с рыбным хлебом и напрасно ожидая, когда вселенская катастрофа уменьшит его ряды.

Количественный рост качественно изменил образ жизни людей. В безобидном прошлом веке приключения и опасности поджидали лишь в безлюдных местах — в горах, пустынях, джунглях. Но в двадцать первом столетии все они были утилизованы, унифицированы и заселены. Зато опасностей с избытком хватало в городах, не управляемых и не контролируемых.

В городах можно было обнаружить все, что угодно: современный вариант диких племен, свирепых зверей и смертоносные болезни. Путешествие в Нью-Йорк или Чикаго требовало гораздо больше мужества и ловкости, чем викторианские прогулки на вершину Эвереста или в дельту Нила.

В этом спрессованном мире земля считалась наибольшей ценностью. Правительство распределяло всю свободную землю путем региональных лотерей, вершиной которых и были Земельные Гонки, устроенные по образцу тех, что проводились в девяностые годы девятнадцатого столетия на Территории Оклахомы или на землях чероки.

Земельные Гонки считались и спортом и зрелищем, захватывающим и лечебным. Миллионы людей следили за гонками, а медики отмечали определенный психотерапевтический эффект, который сам по себе служил их оправданием.

К тому же следовало учитывать и высокую смертность среди участников Гонок. И хотя их число было несопоставимо с абсолютным приростом населения, переполненный мир с радостью приветствовал каждый подобный исход.

Гонки продолжались уже три часа. Включив крохотный приемник, Стив Бакстер слушал последние новости. Он узнал, что первая группа участников добралась до Голландского туннеля, где их повернула обратно вооруженная полиция. Другие, наиболее сообразительные, пошли в обход и сейчас приближались к мосту Веррадзано.

Фрейхоф Сент-Джон, действуя в одиночку и размахивая удостоверением заместителя мэра, сумел прорваться через баррикады у туннеля Линкольна.

Пришло время делать ставку и Стиву Бакстеру. Нахмурившись, с бьющимся сердцем, он вступил на печально знаменитую территорию свободного порта Хобокена.

3

Берег Хобокена тонул в сумерках. Перед ним покачивались на волнах быстроходные суда контрабандного флота Хобокена. Некоторые уже погрузили на палубы товар — коробки с сигаретами из Северной Каролины, спиртное из Кентукки, апельсины из Флориды, наркотики из Калифорнии, оружие из Техаса. На каж-

дом ящике стояло официальное клеймо: «Контрабанда, налог уплачен» — потому что в эти тяжелые времена правительство оказалось вынуждено облагать налогом даже нелегальные сделки, придавая им тем самым полузаконный статус.

Выбрав подходящий момент, Бакстер пробился на борт судна с марихуаной и спрятался среди благоухающих мешков. Команда уже готовилась к отплытию. Если бы только ему удалось ненадолго спрятаться, пока судно доберется до другого берега...

— Ха! Что за птичка к нам залетела?

Пьяный механик, неожиданно появившийся из носового кубрика, застал Бакстера врасплох. Услышав его крик, вся команда высыпала на палубу — видавшие виды, жестокие люди, считавшие убийство заурядным событием. Они были из той же, не знающей ничего святого людской породы, что несколько лет назад разграбила Уихукен, сожгла дотла форт Ли и постоянно совершала грабительские набеги на всем протяжении реки до Инглвуда. Стив Бакстер знал, что в случае чего пощады ему не будет.

Пытаясь сохранить присутствие духа, он произнес:

— Джентльмены, мне необходимо попасть на другой берег Гудзона. Если вы, конечно, не против...

Капитан корабля, огромный метис с изрезанным шрамами лицом и бугристыми мускулами, зашелся в хохоте.

— Хочешь прокатиться за наш счет? — спросил он на хобокенском жаргоне. — Воображаешь, что ты на пароме?

— Конечно, нет, сэр. Но я надеялся...

— Поищи свои надежды на кладбище!

Команда загоготала, оценив капитанский юмор.

— Я готов заплатить за проезд, — сказал Стив со сдержанной гордостью.

— Заплатить? — проревел капитан. — Да, мы иногда продаем билеты в один конец. На дно.

Матросы захохотали еще громче.

— Ну что ж, если так, то я готов, — сказал Стив Бакстер. — Позвольте, я только отправлю открытку жене и детям.

— Бабе с сосунками? — переспросил капитан. — Так что ж ты, парень, сразу не сказал? Когда-то и у меня была жена, да и мелкоты хватало... Только все накрылось...

— Мне больно слышать об этом, — искренне произнес Стив.

— М-да... — Черты капитана смягчились. — Как щас помню, завалишь к себе в хибару, а карапузы по коленкам так и лазят. А на душе до того приятно, словно пузырь раздавил. Кто ж думал, что судьба им копыта раньше меня откинуть...

— Наверное, вы были тогда счастливы, — сказал Стив, стараясь подладиться под настроение капитана и с определенным трудом улавливая смысл его слов.

— А хрен его знает, — угрюмо буркнул тот.

Кривоногий моряк протиснулся вперед.

— Эй, капитан, пора его пришить да отправляться, пока товар не протух.

— Кому ты приказываешь, фуфло кривое?! — взревел капитан. — Клянусь Иисусом, товар будет гнить, коли я не решу иначе! А пришить ли его... нет, вспомнил я своих карапузов и передумал, черт меня подери. — Повернувшись к Стиву, он сказал: — Мы перевезем тебя бесплатно, парень.

Так Стиву Бакстеру удалось нащупать слабое место капитана, и он получил передышку. Матросы отдали швартовы, и шхуна с грузом марихуаны двинулась по серо-зеленым волнам Гудзона.

Но удача недолго сопутствовала Стиву Бакстеру. Лишь только они добрались до середины реки и вышли в федеральные воды, вечерние сумерки рассеял мощный луч прожектора и чей-то голос вполне официальным тоном приказал им остановиться. К несчастью, они наткнулись на сторожевой корабль, патрулирующий Гудзон.

— Черт побери! — взревел капитан. — Только и умеют, что драть налоги и убивать. Но не на тех нарвались. К оружию, ребята!

Матросы быстро стянули брезент с пулеметов 50-го калибра. Натужно взревели сдвоенные дизели. Лавируя и уклоняясь, судно контрабандистов помчалось к спасительному берегу Нью-Йорка. Но двигатели у патрульного корабля были гораздо мощнее, а пулеметы не могли тягаться с четырехдюймовыми пушками. В результате прямых попаданий в щепы разлетелся леер, взорвался капитанский мостик, рухнула грот-мачта и лопнули фалы крюйсмарса по правому борту.

Казалось, от погони уже не уйти. Но тут капитан потянул носом воздух.

— Держись, ребята! — крикнул он. — Западник идет!

С запада надвигалась непроницаемая стена смога, и вскоре он накрыл реку чернильными щупальцами. Потрепанная шхуна поспешила покинуть поле боя. Команда торопливо надела респираторы, вознося хвалу удушливому дыму с горящих свалок города.

Через полчаса они пришвартовались к пирсу на 79-й улице. Крепко обняв Стива, капитан пожелал ему удачи. И Стив продолжил свой путь.

Позади остался широкий Гудзон. Впереди лежали тридцать кварталов городских джунглей. Согласно последним сводкам радио, он сильно оторвался от остальных участников, включая и Фрейхофа Сент-Джона, который еще не вышел из лабиринта на нью-йоркском конце туннеля Линкольна. Похоже, если сравнивать с остальными, дела у Бакстера обстоят совсем неплохо.

Но его оптимизм был преждевременным. Нью-Йорк так легко не завоевывается. И он даже не знал, что впереди его ждет самая опасная часть пути.

4

Поспав несколько часов на заднем сиденье заброшенной машины, Стив двинулся вниз по Вест-Энд-авеню. Забрезжил рассвет — благодатное время в городе, когда на перекрестках оказывается всего лишь несколько сотен жителей, поднявшихся в такую рань. Высоко вверх взмывали башни Манхэттена, а под ними на фоне серо-коричневого неба в причудливую сеть сплетались телевизионные антенны. Глядя на все это, Бакстер пытался представить, как выглядел Нью-Йорк сто лет назад, в счастливые дни до демографического взрыва.

Его раздумья продолжались недолго. Внезапно путь преградила группа вооруженных людей. Маски, широкополые шляпы и ленты с патронами делали их похожими на театральных злодеев.

Один из них — судя по всему, главарь — шагнул вперед. Это был лысеющий старик с морщинистым лицом, пышными усами и скорбными глазами в красных прожилках.

— Чужеземец, — сказал он, — покажи свой пропуск.

— Боюсь, что у меня нет никакого пропуска, — ответил Бакстер.

— Еще бы, — сказал главарь. — Я, Пабло Стейнмец, лично выписываю пропуска, а тебя что-то не припоминаю.

— Я нездешний, — объяснил Бакстер. — Просто иду через ваш район.

Мужчины заухмылялись, толкая друг друга в бока. Потерев небритый подбородок, Пабло Стейнмец сообщил:

— Что же получается, сынок: ты идешь по частной дороге без разрешения владельца. А владелец-то я. Вот и выходит, что ты незаконно вторгся на мою землю.

— Но разве можно иметь частную дорогу в самом центре Нью-Йорка? — удивился Бакстер.

— Если я тебе говорю, что это моя собственность, значит, так и есть, — сказал Пабло Стейнмец, похлопывая по прикладу своего винчестера. — Словом, выбор у тебя такой: деньги или игра.

Бакстер полез за бумажником, но в кармане его не оказалось. Что поделать — при расставании капитан все-таки не удержался от соблазна обчистить его карманы.

— У меня нет денег, — сказал Бакстер и нервно рассмеялся. — Видимо, мне стоит повернуть обратно.

Стейнмец покачал головой:

— Какая разница, назад или вперед? Все равно надо платить пошлину. Так что или игра, или деньги.

— Что ж, тогда остается игра. Что я должен делать?

— Ты побежишь, — сообщил Пабло, — а мы по очереди будем в тебя стрелять, целясь только в макушку. Кто тебя уложит, тот и будет победителем.

— Это нечестно! — заявил Стив.

— Тебе придется нелегко, — вздохнул Стейнмец, — но так уж устроен мир. Правила есть правила, даже при анархии. Так что если ты окажешь нам услугу и рванешь во весь дух, зарабатывая себе свободу...

Бандиты заухмылялись, сдвинули шляпы на затылки и вытащили пистолеты. Бакстер уже собрался бежать навстречу смерти...

В этот момент раздался голос:

— Стой!

Женский голос. Обернувшись, Бакстер увидел, что сквозь толпу бандитов протискивается стройная рыжеволосая девушка. На ней были штаны тореадора, пластиковые галоши и гавайская блузка. Экзотический наряд только подчеркивал ее отважную красоту. В волосах алела бумажная роза, а изящную шею обвивала нитка жемчужных бус. Никогда в жизни Бакстер не видел такой экстравагантной женщины.

Пабло Стейнмец, нахмурившись, подергал себя за ус.

— Флейм! — воскликнул он. — Что тебе?

— Мне осточертели ваши забавы, — холодно ответила девушка. — И я хочу поговорить с этим недотепой.

— Это мужское дело, — заявил Стейнмец. — Беги, чужеземец.

— Ни с места, — приказала Флейм, и в ее руке опасно блеснул револьвер.

Отец и дочь смотрели друг на друга. Первым не выдержал старый Пабло.

— Черт тебя побери, Флейм, — сказал он. — Правила существуют для всех, даже для тебя. Человек, вступивший на частную территорию, не может уплатить пошлину, значит, должен играть.

— Это не проблема, — заявила Флейм. Засунув руку в вырез блузки, она вытащила оттуда блестящий доллар. — Держи! — Она бросила монету под ноги Пабло. — Деньги уплачены, может, мне самой хочется с ним поиграть. Пойдем, незнакомец.

Взяв Бакстера за руку, она повела его за собой. Бандиты ухмылялись и толкали друг друга в бока, пока Стейнмец не бросил на них угрожающий взгляд. Старый Пабло покачал головой, почесал за ухом, высморкался и сказал:

— Черт побери эту девчонку!

Слова были грубыми, но произнес он их нежным голосом.

5

Ночь опустилась на город, и бандиты разбили лагерь на углу Вест-Энд-авеню и 69-й улицы. Мужчины удобно расположились вокруг костра. На вертел насадили брикет сочного мяса, а в закопченный котел высыпали несколько пакетов свежезамороженных овощей. Старый Пабло Стейнмец от души приложился к канистре с мартини, успокаивая воображаемую боль в деревянной

ноге. Во мраке слышался вой одинокого пуделя, тоскующего по подруге.

Стив и Флейм сидели в стороне от остальных. Тихая ночь, нарушаемая лишь грохотом мусорных машин, чарующе действовала на них. Их руки соприкоснулись, пальцы сплелись.

Наконец Флейм произнесла:

— *Стив, я тебе нравлюсь?*

— Конечно, — ответил Бакстер, по-братски обняв ее за плечи и не осознавая, что этот жест может быть истолкован иначе.

— Я все думала... — сказала молодая гангстерша, — я думала... — Она замолчала, неожиданно смутившись. — Стив, почему бы тебе не прекратить эту самоубийственную гонку? Может, ты останешься со мной? У меня есть земля, Стив, настоящая земля — сто ярдов в центре Нью-Йорка. Мы вместе сможем заниматься на ней фермерством.

Стиву мысль показалась заманчивой, как любому другому мужчине. Нельзя сказать, что он не замечал тех чувств, которые питала к нему прекрасная гангстерша, и они не оставляли его равнодушным. Красота Флейм Стейнмец, ее отвага (не говоря уже о земле) могли легко завоевать сердце любого мужчины. Какую-то долю секунды Стив колебался, и его рука сильнее сжала хрупкие девичьи плечи.

Но затем чувство верности взяло верх. Флейм была небесным существом, воплощением экстаза, о котором мужчина мечтает всю жизнь. Но Адель — подруга юности, его жена, мать его детей, терпеливая помощница все эти долгие годы — так что для человека с характером Бакстера здесь не было выбора.

Властная красавица не привыкла к отказам. Разъяренная, как ошпаренная пума, она пригрозила вырвать у Бакстера сердце, обвалять его в муке и поджарить на медленном огне. Ее огромные сверкающие глаза и тяжелое дыхание подтверждали, что это не пустые слова.

Но Стив Бакстер твердо стоял на своем. И Флейм с грустью поняла, что никогда не полюбила бы этого человека, не будь у него великой души и высокой морали...

И когда поутру чужеземец стал собираться в путь, она уже не противилась и даже утихомирила своего разбушевавшегося отца, назвавшего Стива безответственным идиотом, которого необходимо удержать для его же блага.

— Папа, разве ты не видишь, что это за человек? — спросила она. — Он должен сам выбирать свой путь в жизни, пусть даже этот путь ведет к смерти.

Пабло Стейнмец недовольно ворчал, но вынужден был сдаться. И Стив Бакстер продолжил свою одиссею.

6

Он направился к центру, стиснутый со всех сторон толпой. Оглушенный шумом, ослепленный неоновыми рекламами, Бакстер был на грани истерики. Наконец он оказался в районе, пестревшем указателями, которые требовали прямо противоположных действий:

ТОЛЬКО СЮДА.
ХОДА НЕТ.
ДЕРЖИТЕСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ.
ЗАКРЫТО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ
И ПРАЗДНИКАМ.
ЗАКРЫТО ПО БУДНЯМ.
ПОВОРОТ ТОЛЬКО НАЛЕВО.

Сбитый с толку противоречивыми указаниями, он случайно забрел в нищий район, известный под названием «Центральный парк». Перед ним, насколько хватало глаз, ютились жалкие хибары, убогие пристройки, покосившиеся вигвамы и публичные дома, занимавшие каждый квадратный фут площади. Его появление среди озлобленных обитателей парка вызвало шквал комментариев, и нельзя сказать, что благожелательных. Жители вбили себе в головы, что он инспектор санитарной службы, появившийся, чтобы закрыть их малярийные колодцы, зарезать их трихинеллезных свиней и привить их чесоточных детей. Собравшись вокруг него, они размахивали костылями и выкрикивали угрозы.

К счастью, неисправный тостер вызвал короткое замыкание, и вся округа мгновенно погрузилась во тьму. Воспользовавшись паникой, Стив бежал.

Но теперь он очутился в районе, где уличные указатели были давно сорваны, чтобы сбить с толку сборщиков налогов. Солнце скрылось в облаках. Здесь ему не помог бы даже компас, слишком уж много ржавого железа — остатков легендарной городской подземки — скрывалось под тротуарами.

Стив понял, что безнадежно заблудился.

Ему удалось выжить не столько благодаря мужеству, сколько из-за отсутствия такового. Бессчетное количество дней бродил он по неизвестным улицам, мимо бесконечных домов, покореженных автомобилей и гор битого стекла. Настороженные прохожие отказывались отвечать на вопросы, принимая его за агента ФБР. Стив Бакстер скитался без еды и питья, не имел возможности толком отдохнуть, опасаясь, как бы его не растоптали многочисленные толпы.

Добросердечный работник службы социальной помощи остановил Стива, когда тот собирался напиться из дизентерийного фонтанчика. Седовласый старик отвел его в свой дом — хибару, сделанную из скрученных газет и ютившуюся возле покрытых

мхом руин Линкольновского центра. Он посоветовал Бакстеру остановить свою безумную гонку и посвятить жизнь помощи бедным и убогим — благо их вокруг было несметное множество.

Стив готов был уже согласиться на столь достойное занятие, но тут, на его счастье, старенький приемник стал перадавать информацию о гонках.

Многих Участников постигла неудача в каменных джунглях Нью-Йорка. Фрейхофа Сент-Джона арестовали за нарушение санитарных правил второй степени. Группа, которой удалось перейти через мост Веррадзано, сгинула в людских водоворотах Бруклинских высот, их дальнейшая судьба осталась неизвестной.

Бакстер понял, что у него еще есть шанс.

7

С надеждой в сердце Стив Бакстер продолжил свой путь. Но теперь его обуяла непомерная самоуверенность, которая гораздо опаснее глубокой депрессии. Быстро продвигаясь на юг, он воспользовался временным затишьем и шагнул на скоростной тротуар. Он сделал этот беспечный шаг, совершенно не задумываясь о последствиях.

Каков же был его ужас, когда он понял, что это дорога с односторонним движением, без каких-либо поворотов, ведущая к terra incognita Джонс-Бич, Файр-Айленда, Пачтога и Восточного Хэмтона.

Надо было срочно принимать решение. Слева шла сплошная бетонная стена, справа — забор в метр высотой, по которому тянулась надпись:

ЗАПРЕЩЕНО ПЕРЕПРЫГИВАТЬ
МЕЖДУ 12 ДНЯ И 12 НОЧИ
ПО ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ И СУББОТАМ.

Сегодня был четверг — запретный день. Но Стив без лишних раздумий перемахнул через барьер.

Возмездие оказалось скорым и ужасным. Из засады вынырнула замаскированная полицейская машина. Полицейские мчались прямо на него, одновременно открыв бешеный огонь по толпе на улице (в эти злосчастные времена полиции было строго предписано, преследуя злоумышленников или подозреваемых, вести бешеный огонь по толпе).

Бакстер спрятался в близлежащей кондитерской. Затем, осознав тщетность этой попытки, он попробовал сдаться, что ему не позволили сделать, поскольку все тюрьмы были переполнены. Вокруг него засвистели пули, а полицейские с жестокими ухмылками на лицах уже готовили минометы и переносные огнеметы.

Казалось, наступил конец не только надеждам на победу, но и

самой его жизни. Лежа на полу среди липких тянучек и хрустких крошек лакричных леденцов, он вручил свою душу Господу и приготовился с достоинством встретить неизбежный конец.

Но его отчаяние было столь же преждевременным, сколь раньше — оптимизм. Услышав непонятный шум, он поднял голову и увидел, что группа вооруженных мужчин напала с тыла на полицейскую машину. Развернувшись навстречу нападающим, голубые мундиры попали под фланговый огонь и были уничтожены все до единого.

Когда Бакстер вышел, чтобы поблагодарить своих освободителей, то обнаружил, что во главе их стоит Флейм О'Рурк Стейнмец. Прекрасная гангстерша не смогла забыть незнакомца с нежным голосом. Несмотря на протесты отца, она тенью следовала за Стивом и пришла ему на помощь.

В считанные минуты бандиты в черных шляпах разграбили весь район. Флейм и Стив скрылись в тиши покинутого ресторана Говарда Джонсона. Там, под облупившимся фронтоном, между ними произошла трепетная сцена любви. Правда, скорее ее можно было назвать коротким и грустным эпизодом, после чего Стив Бакстер вновь окунулся в головокружительный водоворот города.

8

Упрямо двигаясь вперед, Стив Бакстер преодолел 49-ю улицу и 8-ю авеню. Глаза его были прищурены, чтобы спастись от едкого смога, а рот казался белой линией в нижней трети лица. Но тут обстановка изменилась с внезапностью, присущей каменным джунглям.

Переходя улицу, Бакстер услышал оглушительный рев. Он понял, что на светофоре зажегся зеленый. Водители, озверев от многодневного ожидания, одновременно нажали на педали газа, сметая все перед собой. Стив Бакстер оказался как раз на пути несущихся потоков машин.

Путь назад был отрезан. Стремительно приняв решение, он отодвинул крышку канализационного люка и нырнул вниз. И сделал это вовремя: через долю секунды над ним раздался скрежет металла и грохот столкнувшихся автомобилей.

Стив продолжал двигаться вперед по канализационным трубам. Сеть сообщающихся туннелей была густо заселена, но все же здесь было гораздо безопаснее, чем наверху. Лишь однажды возле отстойного колодца на него напал какой-то тип. Закаленный в борьбе с опасностями, Бакстер быстро разделался с наглецом и завладел его каноэ — необходимой вещью в туннелях нижнего уровня. Гребя веслом, он проплыл под 42-й улицей и 8-й авеню, прежде чем течение вынесло его на поверхность.

Теперь долгожданная цель была совсем рядом. Оставался всего один квартал. Один квартал, и он попадет в Земельную контору на Таймс-сквер!

Но тут он наткнулся на непреодолимое препятствие, которое перечеркнуло все его мечты.

9

Посреди 42-й улицы, уходя в бесконечность на север и на юг, стояла стена. Это было циклопическое сооружение, только что возведенное нью-йоркскими архитекторами в их обычном стиле. Как узнал Бакстер, стена являла собой одну сторону нового гигантского многоквартирного дома для семей со средним достатком. Во время строительства все движение на Таймс-сквер направлялось в объезд через туннель Куинз-Баттери и развязку на 37-й улице.

Стив сообразил, что на эту дорогу ему понадобится не менее трех недель, не говоря уже о том, что придется пробираться через неисследованный район Гармет. Стив понял, что выбыл из Гонок.

Смелость, мужество и настойчивость оставили его, и не будь он верующим человеком, мог бы решиться на самоубийство. Он мрачно включил свой маленький транзистор и стал слушать последние сводки.

Четыре Участника уже достигли Земельной конторы. Пятеро других находились в нескольких сотнях ярдов от нее, пробираясь с юга. В довершение всех бед Стив услышал, что, получив помилование от губернатора, Фрейхоф Сент-Джон возобновил гонку и теперь приближается к Таймс-сквер с восточной стороны.

В этот тяжелейший для него момент он почувствовал, как на его плечо легла рука.

Обернувшись, Бакстер увидел перед собой Флейм. Хотя отважная девушка поклялась больше не иметь с ним ничего общего, сердце ее не выдержало. Этот спокойный, уравновешенный человек значил для нее больше, чем гордость, возможно, даже больше, чем сама жизнь.

Что делать со стеной? О, это не проблема для дочери короля гангстеров. Если стену нельзя обойти, если под нее нельзя подлезть, надо через нее перебраться. Для этого Флейм взяла веревки, альпенштоки, топорики, болты с крючками и кольцами — короче, полное снаряжение альпинистов. Она была непоколебимо уверена, что Бакстер должен использовать свой последний шанс для достижения цели и Флейм О'Рурк Стейнмец должна идти с ним вместе, что бы он там ни говорил.

Бок о бок они карабкались по бескрайней глади здания. Сотни

опасностей подстерегали их — птицы, самолеты, снайперы, психи. В этом непредсказуемом городе можно было ожидать чего угодно. Далеко внизу стоял старый Пабло Стейнмец с лицом, похожим на потрескавшийся гранит.

Преодолев все опасности, они залезли наверх и стали спускаться с обратной стороны.

И тут Флейм сорвалась!

Охваченный ужасом, Бакстер смотрел, как стройная фигурка девушки летела навстречу гибели. Она умерла, упав на торчащую автомобильную антенну. Быстро спустившись, Бакстер встал возле нее на колени, обезумев от горя.

А по ту сторону стены старый Пабло неведомо как почувствовал, что произошло непоправимое. Он содрогнулся, рот его скривился в гримасе горя, а рука потянулась к бутылке.

Сильные руки подняли Бакстера. Непонимающим взглядом он смотрел на сочувственное лицо федерального чиновника из Земельной конторы.

Ему было трудно поверить, что он закончил Гонку. С полным равнодушием он услышал, как наглость и высокомерие Сент-Джона привели к беспорядкам в Бирманском квартале на 42-й улице и как Сент-Джону пришлось искать спасения в лабиринтах развалин Публичной библиотеки, откуда он никак не мог выбраться.

Но Стив Бакстер не имел привычки радоваться чужому несчастью. Самое главное — то, что он выиграл Гонку и вовремя добрался до Земельной конторы, чтобы получить в качестве приза последний оставшийся акр земли.

Но победа досталась ценой усилий и боли. И жизни молодой гангстерши.

10

Время залечивает раны, и через несколько недель Стив Бакстер уже не вспоминал о трагических событиях Гонки. Правительственный самолет доставил его вместе с семьей в городок Корморан в горах Сьерра-Невада. Из Корморана вертолет перенес их к месту нового жительства. Там семью встретил чиновник Земельной конторы, который показал Бакстерам их собственность.

Земля, обнесенная изгородью, размещалась на почти вертикальном склоне горы. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись такие же огороженные участки площадью в один акр. Недавно здесь добывали ископаемые, и огромные борозды тянулись, словно шрамы, по пыльной желтоватой земле. Здесь не росло ни дерев-

ца, ни травинки. Правда, как и было обещано, дом стоял — хибара, от которой вряд ли что останется после первой же грозы.

Несколько минут Бакстеры рассматривали свою собственность. Затем Адель сказала:

— О, Стив!

— Я знаю, — ответил Стив.

— Это наша земля.

Стив кивнул.

— Она не слишком... привлекательная, — неуверенно сказал он.

— Привлекательная? Какая разница? — заявила Адель. — Она *наша,* Стив, и ее тут целый акр! Мы сможем на ней что-нибудь *выращивать!*

— Ну, может, не сразу...

— Знаю, знаю. Но мы приведем ее в порядок, что-нибудь посеем и соберем урожай! Мы будем здесь *жить, правда,* Стив?

Стив молчал, глядя на землю, полученную столь дорогой ценой. Его дети — Томми и белокурая Амелия — играли с комками глины. Откашлявшись, федеральный чиновник сказал:

— Вы, разумеется, можете изменить свое решение.

— Что? — спросил Стив.

— Вы можете отказаться от земли и вернуться в свою городскую квартиру. Я хочу сказать, что некоторым здесь... не очень нравится. Словно они ожидали чего-то другого.

— О нет, Стив! — простонала жена.

— Нет, папа, нет! — заплакали дети.

— *Вернуться?* — переспросил Стив. — Я не собираюсь *возвращаться.* Я просто *смотрю* на землю, мистер. За всю свою жизнь я не видал сразу столько земли в одном месте.

— Знаю, — мягко ответил чиновник. — Я тут уже двадцать лет, а все никак не могу на нее насмотреться.

Стив и Адель восторженно глянули друг на друга. Чиновник потер кончик носа.

— Что ж, кажется, я вам больше не нужен, — сказал он и тихонько удалился.

Стив и Адель не отрывали глаз от своего сокровища.

— Ах, Стив! — вымолвила наконец Адель. — Это все наше! И ты ради нас выиграл этот приз... в одиночку!

Бакстер сжал челюсти.

— Нет, милая, — очень тихо отозвался он, — не в одиночку. Мне помогли.

— Кто, Стив? Кто тебе помог?

— Когда-нибудь я тебе все расскажу, — ответил Бакстер. — А сейчас... пойдем лучше в наш дом.

Взявшись за руки, они вошли в хибару. За их спинами в клубах лос-анджелесского смога садилось солнце.

Трудно представить себе более счастливый конец для второй половины двадцать первого столетия.

ЧТО В НАС ЗАЛОЖЕНО

Существуют предписания, регламентирующие поведение экипажа космического корабля при установлении Первого Контакта, инструкции, порожденные безысходностью и выполняемые слепо, без надежды на успех, — в самом деле, какие наставления способны предвосхитить последствия каких бы то ни было действий на сознание инопланетян?

Именно об этом мрачно размышлял Ян Маартен, когда корабль вошел в атмосферу Дюрелла IV. Ян Маартен был крупный, среднего возраста мужчина с редеющими светло-пепельными волосами и вечно озабоченным выражением на упитанном лице. Уже давно он пришел к заключению, что любое, пусть самое нелепое предписание — все же лучше, чем ничего. Именно поэтому он придерживался установленных правил педантично, но с непреходящим чувством сомнения и сознанием человеческого несовершенства.

Это были идеальные качества для посланца, устанавливающего Первый Контакт.

Он облетел планету на высоте, достаточной для обзора, но не настолько близко к поверхности, чтобы напугать ее обитателей. Налицо были все признаки первобытно-пасторальной цивилизации, и Ян Маартен постарался освежить в памяти инструкции, напечатанные в четвертом томе «Рекомендуемой методики по осуществлению Первого Контакта с так называемыми первобытно-пасторальными мирами», выпущенном Департаментом психологии инопланетян. Он посадил корабль на скалистую, поросшую травой равнину на рекомендуемом расстоянии от типичной небольшой деревушки. При посадке он применил новаторский метод «Тихий Сэм».

— Славно сработано! — восхитился его помощник Кросвелл, который был еще слишком молод, чтобы терзаться мучившими капитана сомнениями.

Чедка, эборийский лингвист, безмолвствовал. Он, как обычно, спал.

Пробурчав в ответ что-то невразумительное, Маартен отправился в хвостовой отсек проводить анализ проб. Кросвелл занял позицию перед смотровым экраном.

— Идут! — закричал Кросвелл спустя полчаса. — Их около дюжины, и они явные гуманоиды.

Присмотревшись, он отметил, что дюрелляне довольно тщедушны, а их мертвенно-бледные лица застыли словно маски. Чуть поколебавшись, Кросвелл добавил:

— Красавцами я бы их, пожалуй, не назвал.

— Что они делают? — спросил Маартен.

— Просто разглядывают нас, — отозвался Кросвелл. Это был худощавый молодой человек с необычайно длинными роскош-

ными усами, которые он отпускал на всем долгом пути от Земли. Кросвелл то и дело любовно поглаживал их, в полной уверенности, что столь великолепных усов Галактике видеть не доводилось. — Они уже в двадцати ярдах от корабля! — Увлеченный необычным зрелищем, он даже не заметил, что нелепо расплющил нос об односторонний смотровой экран.

Экран позволял прекрасно видеть, что происходит вне корабля, но в то же время не давал посмотреть в него снаружи. По указу Департамента психологии инопланетян такие экраны были установлены на всех кораблях после того, как год назад закончилась провалом попытка установить Первый Контакт на планете Карелла II. Карелляне, глазевшие на корабль, разглядели внутри что-то такое, что заставило их в панике бежать, отчего вступить с ними в контакт не удалось.

Подобные ошибки нельзя было повторять.

— А что теперь? — осведомился Маартен.

— Один из них приближается к кораблю. Вероятно, вождь. А может быть, это жертвоприношение?

— Как он одет?

— На нем... Как бы это сказать... Лучше бы вы посмотрели сами.

Маартен уже успел с помощью приборов составить представление о Дюрелле. Планета обладала пригодной для дыхания атмосферой, сносным климатом, даже гравитация оказалась близкой к земной. На Дюрелле имелись богатейшие залежи радиоактивных элементов и редких металлов. Но самое главное — приборы указывали на полное отсутствие вирулентных микроорганизмов и ядовитых испарений, из-за которых пребывание землян на планете могло оборваться трагически.

Словом, Дюрелл мог стать бесценным партнером Земли при условии, что дюрелляне будут настроены дружественно, а посланцы с Земли сумеют тонко и тактично провести переговоры.

Подойдя к экрану, Маартен начал рассматривать дюреллян.

— На них одежда пастельных тонов. Нам следует одеться так же.

— Есть!

— Они не вооружены. Мы тоже выйдем безоружными.

— Так точно!

— Они обуты в сандалии. Придется и нам идти в сандалиях.

— Слушаюсь!

— Но вот на лицах у них отсутствует всякая растительность, — продолжал Маартен. — Прости меня, Эд, но твои усы...

— Нет-нет, только не это! Умоляю! — Кросвелл в непритворном ужасе прикрыл ладонью предмет своей гордости.

— Боюсь, с этим ничего не поделаешь, — с напускным состраданием вздохнул Маартен.

— Я их полгода отращивал! — запротестовал юноша.

— Придется с ними расстаться. Они будут бросаться в глаза.

— Не вижу для этого причин, — негодующе возразил Кросвелл.

— Самое главное — первое впечатление. Если оно окажется неблагоприятным, это сильно затруднит, если вовсе не сделает невозможными дальнейшие контакты. Поскольку мы пока ничего не знаем об обитателях этой планеты, наше лучшее оружие — конформизм. Мы должны стараться походить на них своим внешним обликом; если даже это им не очень понравится, то по крайней мере не будет раздражать. Нам следует перенять и их манеры — словом, надо вести себя в рамках принятых здесь обычаев и традиций...

— Хорошо, я согласен, — прервал его Кросвелл. — Надеюсь, хотя бы на обратном пути мне будет позволено обзавестись новыми усами?

Они посмотрели друг на друга и расхохотались. Кросвелл уже трижды терял усы в аналогичных ситуациях.

Пока юноша брился, Маартен растолкал спавшего лингвиста. Чедка был лемурообразным гуманоидом с Эбории IV, с которой Земля поддерживала дружественные отношения. Эборийцы были прирожденными лингвистами и к тому же обладали необыкновенной словоохотливостью, отличающей иных земных зануд, которые не позволяют собеседнику вставить и слово. Правда, к чести эборийцев, следует сказать, что во всяком споре они неизменно оказывались правыми. В свое время они облетели почти всю Галактику и могли бы воцариться в ней, если бы не необходимость спать двадцать часов из двадцати четырех.

Сбрив усы, Кросвелл облачился в бледно-зеленый комбинезон и сандалии. Все трое прошли в дезинфекционную камеру. Маартен глубоко вздохнул и открыл люк.

По толпе дюреллян пронесся еле слышный шелест. Вождь — или жертва — молчал. Если бы не мертвенная бледность и окаменелость лиц, дюрелляне могли сойти за людей.

— Никакой мимики! — предупредил Кросвелла Маартен.

Они медленно приближались, пока не оказались в десяти футах от дюреллянина.

— Мы пришли с миром, — тихо сказал Маартен.

Ответ дюреллянина был настолько тихим, что почти нельзя было разобрать слов.

— Вождь сказал: «Добро пожаловать», — перевел Чедка.

— Вот и отлично. — Маартен приблизился еще на несколько шагов и начал говорить, делая время от времени паузы для перевода. Искренне и убежденно он произнес Первичную речь ББ-32 (для первобытно-пасторальных, предположительно не агрессивно настроенных инопланетян-гуманоидов).

Даже Кросвелл, которого трудно было удивить, вынужден был признать, что это была замечательная речь. Маартен сообщил, что они проделали долгий путь, прилетев из Великой Пустоты, чтобы наладить дружественные отношения с благородными дюреллянами. Он рассказал о далекой зеленой Земле, о прекрасных доб-

рых землянах, которые протягивают руки в дружелюбном приветствии. Он поведал далее о великом духе мира и понимания, исходящем от Земли, о всеобщей дружбе и о многом-многом другом.

Наконец он закончил. Воцарилось продолжительное молчание.

— Он все понял? — шепотом осведомился Маартен у Чедки.

Эбориец кивнул, ожидая ответа вождя. Маартен от напряжения покрылся испариной, а Кросвелл в волнении ощупывал непривычно гладкую кожу над верхней губой.

Вождь раскрыл рот, судорожно глотнул, чуть отступил назад и мешком рухнул на траву.

Это неприятное происшествие не было предусмотрено предписаниями.

Вождь не поднялся на ноги — по-видимому, это не относилось к церемониальным падениям. К тому же и дыхание его казалось затрудненным, как при обмороке.

При таких обстоятельствах незадачливым астронавтам оставалось только вернуться на корабль и ждать дальнейшего развития событий.

Через полчаса один из дюреллян осторожно приблизился к кораблю, сообщил что-то Чедке и тут же стал пятиться назад, не спуская глаз с землян.

— Что он сказал? — взволнованно спросил Кросвелл.

— Вождь Морери просит извинить его за обморок, — сказал Чедка. — С его стороны это было непростительно неучтиво.

— Вот как! — воскликнул Маартен. — Тогда его обморок даже сыграет нам на руку — заставит его приложить все усилия, чтобы искупить свою неучтивость. Столь благоприятное стечение обстоятельств, независимое от нас...

— Нет, — прервал Чедка.

— Что «нет»?

— Не независимое, — лаконично пояснил эбориец, свернулся калачиком и мгновенно уснул.

Маартен энергично затряс маленького лингвиста за плечо.

— Что еще сказал вождь? Какое отношение к нам может иметь этот нелепый обморок?

Чедка сладко зевнул.

— Вождь был очень смущен. Сколько мог, он терпел порывы ветра из вашего рта, но в конце концов чуждый запах...

— Какой ветер? — не веря своим ушам, переспросил Маартен. — Мое дыхание? Неужели он грохнулся в обморок из-за... — Страшная догадка осенила его.

Чедка кивнул, неуместно хихикнул и снова уснул. Наступил вечер, тусклые длинные сумерки Дюрелла незаметно сменились ночью. Один за другим исчезали пробивавшиеся сквозь окружавший деревушку лес огоньки костров, на которых готовили пищу дюрелляне. На корабле свет горел до самого рассвета. Когда взошло солнце, Чедку отправили в деревню. Кросвелл задумчиво потягивал кофе, а Маартен лихорадочно рылся в аптечке.

— Я уверен, что это преодолимое препятствие, — глубокомысленно произнес Кросвелл. — Подобные пустяки неизбежны. Помните, когда мы высадились на Дингофоребе VI...

— Из-за таких, как ты говоришь, «пустяков» контакты срываются навсегда, — возразил Маартен.

— Но кто мог предположить...

— Я *должен* был предвидеть! — вспыхнул Маартен. — Мало ли что прежде ничего подобного не случалось... А, вот они!

Он торжествующе поднял в руке склянку с розовыми таблетками.

— С абсолютной гарантией нейтрализуют любое дыхание — даже гиены. Проглоти парочку.

Кросвелл с готовностью проглотил таблетки.

— Что теперь, шеф?

— Подождем возвращения этого сонливого лемура... Ага, вот и он! Что сказал вождь?

Чедка проскользнул сквозь люк, протирая уже слипающиеся глаза.

— Вождь Морери просит извинить его за обморок.

— Это мы уже знаем. Что еще?

— Он приглашает вас посетить деревню Ланнит в любое удобное для вас время. Вождь надеется, что этот глупый инцидент не повлияет на развитие дружественных отношений между двумя миролюбивыми благородными народами.

Маартен облегченно вздохнул.

— Вы поставили его в известность о том, что... эээ... наше дыхание исправится?

— Я заверил вождя Морери, что оно будет должным образом скорректировано, — сдержанно подтвердил Чедка. — Меня лично оно никогда не беспокоило.

— Прекрасно. Мы немедленно отправляемся в деревню. Может быть, вы тоже примете одну таблетку?

— С моим дыханием все в порядке, — зевая, гордо проговорил Чедка.

При общении с представителями первобытно-пасторальной цивилизации принято прибегать к простым, но многозначительным жестам, они легче всего воспринимаются туземным населением. Наглядность! Четкие и понятные всем ассоциации! Меньше слов — больше жестов! Таковы были наставления.

Приблизившись к деревне, Маартен с удовлетворением отметил, что судьба предоставила ему случай провести естественную, но весьма эффективную и прямо-таки символическую церемонию. Дюрелляне встречали астронавтов в деревне, раскинувшейся на

большой живописной лесной поляне; от леса деревню отделяло пересохшее речное русло, через которое был перекинут небольшой, но изящный каменный мост.

Дойдя до середины моста, Маартен остановился и лучезарно улыбнулся дюреллянам. Заметив, что те в ужасе отвернулись, он проклял собственную рассеянность и поспешно стер улыбку с лица. После долгой паузы он громко выкрикнул:

— Пусть этот мост явится символом той связи, которая навечно установилась между этой прекрасной гостеприимной планетой и планетой...

Кросвелл что-то предупреждающе крикнул, но Маартен не разобрал. Он внимательно следил за дюреллянами — они стояли не двигаясь.

— Прочь с моста! — завопил Кросвелл.

Но не успел Маартен и шевельнуться, как каменная махина под ним рухнула, и он с криком полетел вниз.

— В жизни не видел ничего подобного, — возбужденно тараторил Кросвелл, помогая Маартену выкарабкаться из-под обломков. — Стоило вам только повысить голос, как камень так и заходил. Наверное, какая-то вибрация.

Теперь Маартен понял, почему дюрелляне всегда говорили шепотом. Он осторожно поднялся на ноги, но тут же со стоном снова сел.

— Что случилось? — испугался юноша.

— По-моему, я вывихнул ногу.

Сопровождаемый двумя десятками соплеменников, вождь Морери приблизился к незадачливым землянам, произнес короткую речь и вручил пострадавшему увесистый резной посох из черного дерева.

— Спасибо, — еле слышно пробормотал растроганный Маартен, поднимаясь на ноги и осторожно опираясь на посох.

— Что он сказал? — обратился он к дремлющему Чедке.

— Вождь сообщил, что мосту было всего сто лет и он находился в хорошем состоянии. Вождь извинился за своих предков, которые не смогли построить более прочный мост.

— Гм-м, — смущенно выдавил Маартен.

— Вождь говорит, что вы, по-видимому, очень невезучий человек, — добавил Чедка.

Возможно, он прав, подумал Маартен.

Впрочем, еще не все было потеряно. Следовало только быть предельно собранным и внимательным, чтобы не допустить промахов в дальнейшем.

Маартен выдавил жалкую улыбку, но вовремя спохватился и, сжав губы, заковылял рядом с Морери, направляясь в деревню.

В техническом отношении дюрелляне находились на низком уровне развития. Правда, колесо и рычаг они уже изобрели, но, по-видимому, этим вполне удовлетворили свою потребность в механизации. Впрочем, они обладали зачаточными познаниями в геометрии и кое-как разбирались в астрономии.

Однако дюрелляне отличались удивительными художественными способностями. Особое развитие у них получила искусная резьба по дереву. Даже самые бедные хижины украшали редкой красоты резные барельефы.

— Как вы думаете, я могу это сфотографировать? — спросил пораженный Кросвелл.

— А почему бы и нет, — великодушно решил Маартен, восхищенно проводя рукой по громадному барельефу, вырезанному из той же черной древесины, что и его посох. Отполированная до блеска поверхность ласкала кожу.

С разрешения вождя Морери Кросвелл сфотографировал и зарисовал детали дюреллянских жилищ, хозяйственных и общественных построек, украшений храма.

Маартен бродил по деревне, с восторгом ощупывая причудливые барельефы и переговариваясь при помощи Чедки с местными жителями. Постепенно у капитана складывалось мнение об обитателях планеты.

Потенциально дюрелляне, думал Маартен, по своему интеллекту не уступают *Homo sapiens*. Низкий уровень технического развития определяется скорее особенностями их взаимоотношений с природой, нежели отсталостью и неумением. Дюреллянам, по-видимому, свойственно миролюбие, у них отсутствует агрессивность — в этом земляне им могут только позавидовать: лишь после многовековой неразберихи на Земле наконец пришли к подобным идеалам.

Этот вывод он решил положить в основу своего доклада Комиссии по Второму Контакту. Маартен надеялся, что сможет ко всему добавить, что «относительно землян у них сложилось самое благоприятное впечатление; никаких трудностей и неожиданностей не предвидится».

Закончив переговоры с вождем Морери, Чедка, казавшийся почему-то менее сонным, чем обычно, подошел к Маартену и стал что-то нашептывать ему. Маартен согласно кивнул и тихо обратился к Кросвеллу, который делал последние снимки:

— Все готово для большого представления.

— Какого представления?

— Вождь Морери устраивает грандиозный праздник в нашу честь, — потирая руки, прошептал Маартен и не без гордости добавил: — Это событие чрезвычайной важности, знак признания и доброй воли.

Кросвелл был не столь сдержан в выражении своих чувств:

— Так это победа! Ура, контакт установлен!

Двое дюреллян, стоявшие у него за спиной, в ужасе подпрыгнули на месте и, пошатываясь, побрели прочь.

— Да, это победа, — прошептал Маартен, — если только мы

будем следить за собой и не станем орать, как только что сделал это ты. Они прекрасные душевные существа, и мы будем последними ослами, если не завоюем их доверия. Мы все-таки иногда чем-то их раздражаем — чем?..

К вечеру Маартен и Кросвелл закончили химический анализ состава дюреллянской пищи и не обнаружили в ней ничего вредного для человеческого организма. Проглотив по нескольку нейтрализующих дыхание таблеток, они облачились в комбинезоны и сандалии, прошли дезинфекцию и отправились на праздник.

На первое подали какое-то угощение из зеленовато-оранжевых овощей, напоминающих на вкус тыкву. Затем вождь Морери произнес короткую речь о важности развития культурных связей. По окончании речи было подано блюдо из мяса, похожего на кроличье, после чего слово предоставили Кросвеллу.

— Только шепотом, не забудь! — приглушенно напомнил Маартен.

Кросвелл встал и начал говорить. С неменяющимся выражением лица, прибегая главным образом к жестикуляции, он тихим голосом перечислил сходные черты у народов Земли и Дюрелла.

Чедка переводил. Маартен довольно кивал. То же самое делали вождь и все собравшиеся.

Закончив вдохновенную речь, Кросвелл сел за стол. Маартен похлопал его по плечу:

— Молодец, Эд! У тебя прирожденный дар... Что случилось?

Лицо Кросвелла перекосилось от изумления.

— Посмотрите только!

Маартен обернулся. Вождь и все дюрелляне продолжали непрерывно кивать.

— Чедка! — растерянно проговорил Маартен. — Поговорите с ними!

Эбориец задал вождю какой-то вопрос. Ответа не последовало. Морери все так же продолжал кивать.

— Эти идиотские жесты! Ты их загипнотизировал! — догадался Маартен. Он почесал в затылке и вдруг громко кашлянул. Стол задрожал. Дюрелляне мигом прекратили кивать, замигали и стали быстро и нервозно переговариваться.

— Они говорят, что вы обладаете магической силой, — переводил Чедка. — Еще они говорят, что инопланетяне очень странные существа, и сомневаются, можно ли вам доверять.

— А что считает вождь? — упавшим голосом спросил Маартен.

— Вождь говорит, что вы не такие уж плохие. Он уверяет остальных, что вы не хотели причинить им зло.

— И на том спасибо. Надо уходить, пока мы еще что-нибудь не натворили.

Он встал из-за стола. За ним поднялись Кросвелл и Чедка.

— Мы прощаемся с вами, — шепотом обратился к вождю Маартен, — и просим вашего разрешения на то, чтобы другие люди с нашей планеты могли посетить вас. Простите за ошибки, которые мы совершили, — они были вызваны только незнанием ваших обычаев.

Чедка переводил, а Маартен продолжал шептать, не проявляя никаких эмоций и держа руки по швам. Он говорил о единстве Галактики, о благах мира и сотрудничества, о налаживании обмена товарами и предметами искусства, о солидарности всех форм гуманоидной жизни во Вселенной.

Морери, все еще потрясенный пережитым, в свою очередь, заверил, что землянам будут всегда рады.

В порыве чувств Кросвелл протянул ему руку. Вождь озадаченно посмотрел на нее, потом взял в свою, недоумевая, что надо делать, но в тот же миг, прошипев от боли, судорожно вырвал руку. Кожа на ладони сплошь вздулась, как при сильнейшем ожоге.

— Что случилось? — перепугался Кросвелл.

— Пот! — убитым голосом ответил Маартен и сокрушенно опустил руки. — Должно быть, он, как кислота, оказывает мгновенное действие на их организм. Надо убираться отсюда!

Дюрелляне угрожающе смыкались вокруг — в руках у некоторых появились камни и палки. Вождь, все еще корчась от боли, спорил о чем-то с соплеменниками, но земляне, не дожидаясь завершения дискуссии, с максимальной скоростью, на которую был способен Маартен, передвигавшийся вприпрыжку с помощью посоха, принялись отступать к кораблю.

Темная чаща леса была полна подозрительных звуков. Запыхавшись, астронавты достигли корабля. Возглавлявший отступление Кросвелл споткнулся и упал, больно ударившись головой о крышку люка.

— Проклятье! — выругался он.

В то же мгновение земля вокруг корабля вздыбилась, задрожала и стала уходить из-под ног.

— Скорей в корабль! — закричал Маартен.

Едва они успели взлететь, как на месте, где только что стоял корабль, разверзлась зияющая пропасть.

— Опять эта чертова вибрация! — в сердцах выругался Кросвелл. — Надо же — такое невезение!

Маартен вздохнул и покачал головой.

— Не знаю, право, что и делать. Хотелось бы вернуться, объяснить...

— Мы и так слишком много натворили, — веско заметил Кросвелл.

— Это верно. Ошибки, сплошные трагические ошибки. Мы и начали неважно, а все, что происходило потом, только усугубляло положение.

— Дело не в том, что вы *делаете*. — Они никогда не слышали,

чтобы Чедка говорил таким сочувственным тоном, да еще к тому же не зевая. — Это не ваша вина. Дело в том, что вы есть.

Маартен призадумался.

— Да, вы правы. Наши голоса разрушают их планету, наша мимика повергает их в ужас, наши жесты их гипнотизируют, дыхание убивает, а пот вызывает ожоги. Вот несчастье!

— Чего же вы хотите? — мрачно вмешался Кросвелл. — Для них мы — ходячие химические фабрики по производству ядовитых газов и едких веществ.

— Это еще не все, — ехидно добавил Чедка. — Смотрите!

Он протянул им посох, подаренный Маартену. В верхней части посоха, там, где его касалась рука капитана, пробудившиеся после векового сна почки распустились в нежные розовые и белые цветы, изумительный аромат которых наполнил каюту запахом весенней свежести.

— Вот видите? — добавил Чедка. — В вас еще и *это!*

— А ведь дерево было мертвое! — размышлял Кросвелл. — Должно быть, сальные выделения...

Маартена передернуло.

— Значит, все резные украшения, барельефы, к которым мы прикасались... хижины... храм... Какой ужас!

— Да, — кивнул Кросвелл.

Маартен зажмурил глаза и попытался представить, как мертвая, иссохшая древесина превращается в буйно цветущий куст.

— Надеюсь, они правильно поймут, — убеждая сам себя, заговорил он. — Это прекрасный мирный символ. Может быть, хоть это им понравится... Хотя бы одно из того, что в нас заложено.

ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ И ВОДА

Радио на космическом корабле никогда не бывает в порядке, и радиостанция на борту «Элгонквина» не составляла исключения. Джим Рэделл разговаривал с находящейся на Земле Объединенной Электрической Компанией, когда связь вдруг прекратилась и в маленькую кабину пилота ворвались чужие голоса.

— Я не нуждаюсь в крючьях! — гремело радио. — Мне нужны конфеты.

— Это станция Марса? — спрашивал кто-то.

— Нет, это Луна. Убирайтесь к черту с моей волны!

— А что же мне делать с тремя сотнями крюков?

— Проденьте их себе в нос! Алло, Луна!

Какое-то время Рэделл слушал обрывки чужих разговоров. Радио успокаивало его, давало ему ощущение, что космос так и кишит людьми. Ему приходилось напоминать себе, что все эти звуки производят не более полусотни людей, какие-то пылинки, затерявшиеся в пространстве поблизости от Земли.

Радио громыхало несколько мгновений, затем начался непрерывный гул. Рэделл выключил приемник и пристегнулся ремнями к креслу. «Элгонквин» пошел на снижение, скользя сквозь облака к поверхности Венеры. Теперь, пока корабль не закончит спуск, он мог заняться чтением или вздремнуть.

Перед Рэделлом стояли две задачи. Первая была разыскать корабль-автомат, который Объединенная Электрическая послала сюда лет пять назад. На нем была установлена записывающая аппаратура. Рэделл должен был ее снять и доставить на Землю.

«Элгонквин» шел по спирали к холодной, овеянной ураганами поверхности Венеры, автоматически настраиваясь на локаторную установку корабля-автомата. Корма корабля раскалилась докрасна, когда «Элгонквин», теряя скорость, пробился через плотную атмосферу. Вихри снега окутали корабль, когда он, работая хвостовыми дюзами, переворачивался для посадки. И наконец он мягко опустился на поверхность планеты.

— Совсем неплохо, малыш, — похвалил Рэделл корабль. Он отстегнулся и подключил радио к своему космическому костюму. Приборы показывали, что корабль-автомат находился в двух с половиной милях, так что отягощать себя провизией не стоило. Он просто прогуляется, заберет приборы и тут же вернется обратно.

— Наверно, еще успею послушать спортивную передачу, — сказал Рэделл вслух. Он последний раз проверил космический костюм и отвернул первую крышку люка.

Испытание космического костюма и было второй и главной задачей Рэделла.

Человек пробивался в космос. Конечно, в масштабах Вселенной это были первые шаги. И все же вчерашние пещерные жители и созерцатели звезд покидали Землю. Вчера человек был наг, до жалости слаб, безнадежно уязвим. Сегодня, закованный в сталь, на добела раскаленных ракетах, он достиг Луны, Марса, Венеры.

Космические костюмы были звеном в технологической цепи, которая протягивалась от планеты к планете. Первые образцы костюма, который был на Рэделле, прошли различные испытания в условиях лаборатории. И выдержали их достойно. Теперь оставалось последнее — испытание в естественной обстановке.

— Подожди здесь, малыш, — сказал Рэделл кораблю. Он выбрался через последний люк и спустился по трапу «Элгонквина», облаченный в самый лучший и самый дорогой космический костюм, когда-либо изобретенный человеком.

Рэделл пошел путем, которым его вел радиокомпас, шагать было легко по неглубокому снегу. Вокруг почти ничего нельзя было разглядеть: все тонуло в серых венерианских сумерках.

Кое-где сквозь снег пробивались тонкие упругие ветки каких-то растений. Больше он не заметил никакой жизни.

Рэделл включил радио — думал услышать, как сыграла главная

бейсбольная команда, но поймал лишь конец сводки погоды на Марсе.

Пошел снег. Было холодно, во всяком случае, так показывал прибор на запястье — в костюм холодный воздух проникнуть не мог. Хотя в атмосфере Венеры кислорода было достаточно, Рэделл не должен был дышать воздухом планеты. Пластиковый шлем укрыл его в крошечном, созданном человеком собственном мире. Поэтому он и не чувствовал холодного резкого ветра, упорно бившего в лицо.

По мере продвижения вперед снег становился все глубже. Рэделл оглянулся. Корабля уже почти не было видно в серых сумерках, идти было очень трудно.

«Если здесь будет колония, — сказал он себе, — ни за что не поселюсь».

Он усилил подачу кислорода и полез через сугробы. Потом включил радио и поймал какую-то музыку, но слышно было так плохо, что нельзя было разобрать, музыка ли это вообще. Он с трудом брел в снегу часа два, мурлыча песенку, которую, как ему казалось, он слушал, — мысли у него были о чем угодно, только не о Венере, — и прошел так больше мили.

Вдруг он по колено провалился в рыхлый снег.

Он встал, отряхнулся и заметил, что вокруг разгулялась настоящая вьюга, а он ничего и не почувствовал в своем костюме. Причин для беспокойства не было. В чудодейственном костюме ему ничего не грозило. Вой ветра доходил до него слабыми отголосками. Ледяная крупа в бессильной злобе билась о пластиковый шлем, стучала, как дождь по железной крыше.

Он брел, проламывая наст на поверхности глубокого снега.

За следующий час снег стал еще глубже, и Рэделл заметил, что скорость ветра необычно возросла. Вокруг него росли сугробы и тут же покрывались тонкой коркой льда.

Ему и в голову не пришло повернуть назад.

«Черта с два, — успокаивал себя Рэделл, — костюм ничего не пропустит».

Потом он провалился в снег по пояс. Усмехнувшись, он выбрался, но со следующим шагом снова проломил тонкий наст.

Он попытался идти напролом, но снега стали перед ним непреодолимой преградой. Через десять минут он выдохся, и ему пришлось усилить подачу кислорода. И все-таки Рэделл не испытывал страха. Он твердо знал, что на Венере ничего опасного нет: ни ядовитых растений, ни животных, ни людей. Ему нужно было лишь совершить прогулку в самом усовершенствованном и дорогом костюме, когда-либо созданном людьми.

Все больше хотелось пить. Теперь ему казалось, что он просто застрял на одном месте. Снег теперь доходил до груди, и все труднее и труднее стало выбираться на поверхность, а выбравшись,

он тут же проваливался снова. Но он упрямо шел вперед еще с полчаса.

Потом остановился. Ничего вокруг не было видно — плотная снеговая завеса падала с тускло-серого неба. За полчаса он прошел ярдов десять.

Рэделл застрял.

Межпланетная связь никогда особой надежностью не отличалась. Видно, Рэделлу так и не удастся передать на Землю свое сообщение.

— Говорит «Элгонквин», — повторял он, — вызываю Объединенную Электрическую.

— Отлично, овощи купил, возвращаюсь.

— Стану я врать? Он сломал руку...

— ...И четыре корзины спаржи. Да не забудьте написать на них мое имя.

— Конечно, мы находимся в состоянии невесомости. И все-таки руку он сломал.

— Говорит «Элгонквин»...

— Эй, контроль, пропустите меня — я с овощами.

— Срочно, вне очереди, — взывал Рэделл. — Нужна Объединенная Электрическая. Я застрял в снегу. Не могу вернуться на корабль. Что делать?

Радио ровно загудело.

Рэделл опустился на снег и стал ждать инструкции. Еще и снегопад на голову! Он что им, эскимос, такое терпеть? Объединенная Электрическая впутала его в эту историю, пусть теперь и вызволяет отсюда.

Костюм окутывало теплом, и Рэделл старался не вспоминать о пище и воде. А сугробы вокруг все росли, и вскоре он задремал.

Проснувшись через несколько часов, Рэделл почувствовал невыносимую жажду. Радио жужжало. Он понял, что придется самому выбираться из беды. Если он не доберется до корабля как можно скорее, то у него иссякнут последние силы, и тогда уже ничего не сделать. Тогда не помогут и удивительные свойства космического костюма.

Он поднялся, в горле у него пересохло; жаль, что не додумался взять с собой чего-нибудь поесть. Но кто мог подумать, что такое может случиться, ведь и пройти-то было нужно всего пять миль, да еще в таком замечательном костюме! Надо что-то такое придумать, чтобы двигаться по этому тонкому насту. Лыжи! Из чего делают лыжи на Земле? Он внимательно осмотрел один из гибких кустиков, что торчали из снега. Пожалуй, они подойдут.

Рэделл попытался сломать один из них, твердый и маслянистый. Перчатки скользили по ветвям, невозможно было ухватиться. Ему бы сейчас нож! Но ножи ни к чему на космическом ко-

рабле, они там так же бесполезны, как копье или рыболовный крючок.

Он снова изо всех сил потянул растение, потом снял перчатки и стал шарить в карманах — может, найдется что-нибудь режущее. В карманах ничего не было, кроме потрепанного экземпляра «Правил посадки на планеты коммерческих кораблей грузоподъемностью более 500 гросс-тонн». Он сунул книжку в карман. Руки онемели от холода, и Рэделл снова натянул перчатки.

Потом его осенило. Расстегнув на груди костюм, Рэделл нагнулся и стал орудовать одной стороной застежки-молнии как пилкой. На растении появился надрез, а внутрь костюма ворвался морозный воздух. Рэделл включил обогреватель и продолжал пилить.

Так он перепилил три куста, а потом зубцы «молнии» затупились и пилить стало невозможно. Надо делать эти штуки из твердых сплавов, подумал Рэделл. Он расстегнул «молнию» на рукаве и продолжал работать. В конце концов он напилил себе сколько нужно стеблей подходящей длины. Оставалось застегнуть костюм, но это оказалось совсем не простым делом! Опилки и вязкий сок набились меж зубцов. Рэделл с трудом застегнулся и пустил обогреватель на полную силу. Теперь — за лыжи. Стебли гнулись легко, но с такой же легкостью разгибались, а связать их было нечем.

— Дурацкое положение, — сказал он вслух. У него не было ни шнурка, ни веревки — ничего такого.

«Что же делать?» — спросил он себя.

— Никогда еще нигде так не принимали, — сказал кто-то по радио.

— «Элгонквин» вызывает Землю, — яростно в тысячный раз прохрипел Рэделл.

— Алло, Марс?

— Объединенная Электрическая вызывает «Элгонквин»...

— Может быть, это солнечная корона.

— Скорее похоже на космическое излучение. Кто это?

— Объединенная Электрическая. Наш корабль задержался...

— Говорит «Элгонквин»! — надрывался Рэделл.

— Рэделл? Что вы там делаете? Вы не первооткрыватель, и вы не на экскурсии. Забирайте аппаратуру и немедленно назад.

— Говорит Луна-2...

— Придержите язык хоть на минуту, Луна! — взмолился Рэделл. — Послушайте, я влип. Застрял. Увяз в снегу. Нужны лыжи. Лыжи! Вы слышите меня?

Радио размеренно урчало. Рэделл снова взялся за лыжи. Стебли нужно связать. Оставался один выход — использовать провода радио или обогревательной аппаратуры. Чем пожертвовать?

Да, выбор не из легких. Радио необходимо. Но с другой стороны, даже сейчас, когда обогреватели работали непрерывно, он

мерз. Повредить обогреватель — значит остаться один на один с холодом Венеры.

«Да, придется пожертвовать радио», — решил он.

— Вы ведь скажете ей, правда? — внезапно проговорило радио. — А в мой следующий отпуск... — И снова умолкло.

Рэделл понял, что не сможет без радио, без его голоса, в своем одиноком кусочке цивилизованного мира.

Голова кружилась, одолевала усталость, горло пылало от жажды, но Рэделл не чувствовал себя одиноким, пока успокаивающе гудело из приемника. К тому же, если с лыжами у него ничего не получится, без радио он действительно будет отрезан от всего мира.

Стремительно, боясь передумать, он сорвал провода обогревателей, снял перчатки и взялся за дело.

Это было не так просто, как он предполагал. Он почти ничего не видел, потому что пластиковый шлем покрылся изморозью. Узлы на скользкой пластиковой проволоке не держались. Он стал вязать узлы посложнее, но все было бесполезно. После долгих неудач и ошибок ему удалось связать узел, который держался. Но теперь стебли выскальзывали из узлов. Ему пришлось исцарапать их застежками костюма, тогда они стали держаться.

Когда одна лыжа была почти готова, приступ головокружения заставил его прекратить работу. Нужен хоть глоток воды. Он отвинтил шлем и сунул в рот пригоршню снега. Это немного утолило его жажду.

Без шлема он видел получше. Пальцы рук и ног одеревенели от холода, руки и ступни занемели. Но больно не было. По правде говоря, это было приятное ощущение. Он почувствовал, что ему смертельно хочется спать. Никогда в жизни так не хотелось. И Рэделл решил немного вздремнуть, а потом опять взяться за работу.

— Крайне срочно! Крайне срочно! Объединенная Электрическая вызывает «Элгонквин». Отвечайте, «Элгонквин». Что случилось?

— Лыжи. Не могу добраться до корабля, — бормотал Рэделл в полусне.

— Что стряслось, Рэделл? Что-нибудь вышло из строя? Корабль?

— Корабль в порядке.

— Костюм! Подвел костюм?

— Нет... — вяло бормотал Рэделл сквозь сон. Он и сам не понимал, что же произошло. Каким-то образом он был вырван из цивилизованного мира и отброшен на миллионы лет назад, к тем временам, когда человек в одиночку противостоял силам природы. Еще недавно Рэделл был облачен в сталь и мог метать молнии. Сейчас же он повержен наземь и сражается с силами огня, воздуха и воды.

— Не могу объяснить. Только заберите меня отсюда, — сказал Рэделл.

Он встряхнулся, прогоняя сон, и с трудом поднялся на ноги, уверенный, что сделал важное открытие. Он только теперь понял, что борется за свою жизнь точно так же, как миллиарды других людей боролись во все времена, как будут вечно бороться, хоть им и дано строить небывалые космические корабли.

Он не собирается умирать. Так просто он не сдастся.

Прежде всего нужно разжечь огонь. В кармане брюк, кажется, была коробка спичек.

Он быстро стащил с себя космический костюм и теперь стоял на снегу лишь в штанах и рубашке. Потом он протоптал снег до земли — и получилась защита от ветра. Он аккуратно сложил стебли для костра и насовал между ними листков из потрепанных «Правил». Поднес горящую спичку.

Если не загорится...

Но костер загорелся! Маслянистые ветки занялись сразу же и запылали, растопив снег.

Рэделл набрал снегу в шлем и поднес поближе к огню. Теперь у него будет и вода! Он так низко наклонился над пылающими стеблями, что у него затлела рубашка. Но огонь уже угасал.

Рэделл швырнул в костер все оставшиеся стебли.

Их было немного. Даже если бросить в огонь наполовину готовую лыжу, то и этого хватит ненадолго.

— Вы знаете, что она мне сказала? Нет, правда, хотите знать, что она мне сказала? Она сказала...

— Срочно! Крайне срочно! Всем долой из эфира! Послушайте, Рэделл, это Объединенная Электрическая. За вами послан корабль с Луны. Вы слышите нас?

— Слышу. Когда он будет здесь? — спросил Рэделл.

— Вы нас слышите, Рэделл? У вас все в порядке? Отвечайте, если можете.

— Я слышу вас. Когда придет корабль...

— Мы вас не слышим. Считаем, что вы еще живы. Корабль будет у вас через десять часов. Держитесь, Рэделл!

Десять часов! Огонь почти угас. Рэделл принялся пилить стебли. Но он не успевал напилить новых, как костер угасал. Снег в шлеме растаял. Он выпил воду залпом и еще глубже протоптал снег вокруг огня. Закутался в костюм и приник к затухающему костру.

Десять часов!

Ему хотелось сказать им, что костюм замечательный. Да только беда в том, что Венера заставила его вылезти из костюма.

Ветер продолжал реветь над головой, не касаясь Рэделла в его укрытии. От костра оставался лишь крошечный язычок пламени. Рэделл в тревоге озирался: хоть бы что-нибудь отыскать для костра на этой равнине.

— Держись, старина. Мы близко. Всего семь с половиной часов! Сожгли все горючее. Да не беда. Они послали к нам специальный корабль с горючим. Ну, вот мы и здесь.

Яркое пламя полыхнуло на сером небе Венеры и понеслось к молчащей громаде «Элгонквина».

— Ты слышишь нас, парень? Ты жив? Мы уже почти сели.

Корабль сел совсем рядом с «Элгонквином». Трое выбрались из него и спрыгнули в глубокий снег. Четвертый сбросил вниз несколько пар лыж.

— Да, он был прав насчет лыж, верно?

Они стояли все вместе и внимательно вглядывались в прибор, который был прикреплен у одного из них на запястье.

— Радио у него еще работает. Пошли!

Они помчались по снегу, в спешке толкая друг друга. Через милю пошли медленнее, но курс держали верный — их вел радиокомпас.

Потом они увидели Рэделла, скорчившегося над крохотным костром. Радио валялось в нескольких ярдах от него, видно, там он его и бросил.

Они подошли вплотную к Рэделлу, и он поднял голову и взглянул на них, пытаясь им улыбнуться.

Их внимание привлек разодранный космический костюм на снегу.

Рэделл поддерживал огонь в костре кусками подкладки самого лучшего и самого дорогого космического костюма из когда-либо созданных человеком.

РЫЦАРЬ В СЕРОЙ ФЛАНЕЛИ

Способ познакомиться со своей будущей женой, который избрал Томас Хенли, заслуживает внимания в первую очередь антропологов, социологов и тех, кто изучает странности человеческой натуры. Он дает пусть скромный, но образчик одного из самых непонятных брачных обычаев конца XX века. Поскольку обычай этот сильно повлиял на матримониальную индустрию современной Америки, то, что случилось с Хенли, имеет немаловажное значение.

Томас Хенли был стройный юноша высокого роста, со старомодными вкусами, пороками, которые отличались умеренностью, и умеренностью, которая граничила с пороком. В разговорах, что он вел с преподавателями как мужского, так и женского пола, все было абсолютно на месте, включая грамматические ошибки, точь-в-точь приличествующие его возрасту и общественному положению. Он был владельцем нескольких костюмов из серой фланели и множества узких галстуков в косую полоску. Вы ска-

жете, что из толпы его можно выделить по очкам в роговой оправе, — ничего подобного. Вы ошиблись, Хенли еще незаметнее.

Кто бы поверил, что этот смирный, безликий, деловито усердный и со всем согласный молодой человек в душе одержим жаждой романтики? Как ни печально, поверил бы всякий, ибо обманчивая внешность обманывала только своего владельца.

Юноши вроде Хенли, в доспехах из серой фланели с роговым забралом, образуют рыцарский орден наших дней. Миллионы и миллионы их скитаются по дорогам наших великих столиц — твердая поступь, быстрый шаг, прямой взгляд, тихий голос и стандартный костюм, превращающий человека в невидимку. Они, как актеры или зачарованные, влачат свое существование, но сердца их сжигает вечный огонь романтики.

Хенли безостановочно грезил наяву об абордажных саблях, со свистом рассекающих воздух, о фрегатах, которые, распустив паруса, устремляются навстречу восходящему солнцу, о таинственных девичьих глазах, что взирают с безмерной грустью из-под прозрачной вуали. И закономерно, в его грезах присутствовали более современные виды романтики.

Но в больших городах романтика — товар дефицитный. Наиболее предприимчивые из наших бизнесменов совсем недавно поняли это.

И вот как-то вечером к Хенли наведался гость весьма необычный.

В пятницу, после долгого дня муторной конторской рутины, Хенли пришел домой в свою однокомнатную квартирку. Он ослабил узел галстука и не без некоторой меланхолии принялся размышлять о предстоящем уик-энде. Смотреть по телевизору бокс ему не хотелось, а все фильмы в окрестных кинотеатрах он уже видел. Среди его приятельниц не было интересных девушек, и, что хуже всего, шансы познакомиться с другими фактически равнялись нулю.

Он сидел в кресле, пока на Манхэттен опускались густые синие сумерки, и размышлял, где бы встретить симпатичную девушку и что ей сказать, если он ее повстречает, и...

В дверь позвонили.

Без приглашения к нему обычно являлись только бродячие торговцы да агенты Общества содействия пожарной службе. Однако в этот вечер он был рад и такому мимолетному развлечению — отшить торговца, навязывающего свой товар. Он открыл дверь и увидел низенького, подвижного, разодетого человечка, который одарил его лучезарной улыбкой.

— Добрый вечер, мистер Хенли, — выпалил человечек. — Я Джо Моррис из нью-йоркской Службы романтики с главной конторой в Эмпайр-Стейт-Билдинг и филиалами во всех районах города, а также в Уэстчестере и Нью-Джерси. Наша миссия — обслуживать одиноких, мистер Хенли, а следовательно, и вас. Не отри-

цайте! Иначе зачем вам вечером в пятницу сидеть дома? Вы одиноки, и наше прямое дело, оно же наше удовольствие, — обслужить вас. Такому способному, восприимчивому, интересному юноше, как вы, нужны девушки — милые девушки, приятные, красивые, чуткие девушки...

— Постойте-ка, — резко оборвал его Хенли. — Если у вас там что-то вроде бюро поставки клиентов для девиц, работающих по телефонному вызову...

Он осекся, увидев, что Джо Моррис побагровел, повернулся и двинулся прочь, раздувшись от негодования.

— Куда же вы! — крикнул Хенли. — Я не хотел вас обидеть!

— Да будет вам известно, сэр, что я человек семейный, — чопорно произнес Джо Моррис. — У меня в Бронксе жена и трое детей. Если вы хотя бы на мгновение допускаете, будто я способен связать свое имя с чем-то неподобающим...

— Бога ради, простите!

Хенли провел Морриса в комнату и усадил в кресло.

К мистеру Моррису сразу же вернулись его живость и общительность.

— Нет, мистер Хенли, — сказал он, — юные леди, которых я имел в виду, не являются... э-э... профессионалками. Это красивые, нормальные, романтически настроенные молодые девушки. Но они одиноки. В нашем городе, мистер Хенли, много одиноких девушек.

Хенли почему-то считал, что в такое положение попадают одни мужчины.

— Неужто? — спросил он.

— Да, много. Задача нью-йоркской Службы романтики, — продолжал Моррис, — организовывать встречи между молодыми людьми в благоприятной обстановке.

— Гм, — сказал Хенли. — Тогда, насколько я понимаю, у вас нечто вроде — простите мне этот термин, — нечто вроде Клуба дружбы?

— Что вы! Ничего похожего! Мистер Хенли, дорогой мой, вы когда-нибудь бывали в таком клубе?

Хенли покачал головой.

— А следовало бы, сэр, — заметил Моррис. — Тогда бы вы смогли по достоинству оценить нашу Службу. Клуб дружбы! Представьте себе, пожалуйста, голый зал где-нибудь на втором этаже в дешевом районе Бродвея. На эстраде пятеро музыкантов в потертых смокингах уныло пиликают разбитные шлягеры. Жалкие звуки отдаются от стен безутешным эхом и сливаются с визгом и скрежетом уличного движения за окнами. У стен выстроились два ряда стульев, мужчины сидят по одну сторону зала, женщины — по другую. И те и другие не могут понять, как они здесь очутились. Все пытаются напустить на себя беззаботный вид, что, впрочем, им плохо удается; все беспрерывно дымят сигаре-

тами, чтобы скрыть нервную дрожь, а окурки бросают на пол и затаптывают каблуками. Время от времени какой-нибудь бедолага набирается смелости пригласить девушку на танец и топчется с ней, словно аршин проглотил, под маслеными бесстыжими взглядами всех остальных. Распорядитель, надутый кретин, с идиотской, точно приклеенной улыбочкой, мечется по залу, пытаясь оживить это похоронное сборище, но тщетно! — Моррис перевел дух. — Таков анахронизм, известный под именем Клуб дружбы, — противоестественный, изматывающий нервы гнусный обряд, которому место разве что во времена королевы Виктории, но уж никак не в наши дни. Что касается нью-йоркской Службы романтики, то она занята тем, чем давным-давно следовало бы заняться. Со всей научной точностью и технической сноровкой мы всесторонне изучили факторы, необходимые для организации удачного знакомства между особами противоположного пола.

— А что за факторы? — осведомился Хенли.

— Важнейшие из них, — ответил Моррис, — это стихийность в сочетании с ощущением роковой предопределенности.

— Но стихийность и рок, по-моему, исключают друг друга, — заметил Хенли.

— Разумеется! Романтика по самой своей природе должна состоять из взаимоисключающих элементов. Это подтверждают и составленные нами графики.

— Значит, вы продаете романтику? — спросил Хенли с сомнением.

— Вот именно! Продукт в его очищенном и первозданном виде! Не секс, который доступен каждому. Не любовь — тут нельзя гарантировать постоянство, а потому коммерческой ценности она не имеет. Нет, мистер Хенли, мы продаем романтику, эту изюминку жизни, вековую мечту человечества, которой так не хватает современному обществу.

— Очень интересно, — сказал Хенли.

Но то, что он услышал от Морриса, нуждалось в веских доказательствах. Посетитель мог оказаться и мошенником, и прожектером. Кем бы он, однако, ни был, Хенли сомневался, что он торгует романтикой. То есть настоящей романтикой, теми тайными мерцающими видениями, что днем и ночью преследовали Хенли.

Он встал.

— Благодарю вас, мистер Моррис. Я подумаю о вашем предложении. Но сейчас я спешу, поэтому, если вы не возражаете...

— Помилуйте, сэр! Неужели вы позволите себе отказаться от романтики?!

— Извините, но...

— Испытайте нашу систему — мы предоставим ее вам на несколько дней совершенно бесплатно, — настаивал мистер Моррис. — Вот проденьте это в петлицу. — И он вручил Хенли ве-

щичку, похожую на микротранзистор с крошечной видеокамерой.

— Что это? — спросил Хенли.

— Микротранзистор с крошечной видеокамерой.

— А для чего?

— Скоро увидите. Вы только попробуйте. Мы, мистер Хенли, самая большая фирма в стране, поставляющая романтику, и наша цель — сохранить престиж, для чего мы и впредь намерены служить нуждам миллионов наиболее впечатлительных юношей и девушек Америки. Запомните, наша романтика — самая роковая и стихийная, она дает эстетическое удовольствие и физическое наслаждение, а также вполне нравственна в глазах закона.

С этими словами Джо Моррис пожал Хенли руку и исчез.

Хенли повертел транзистор в руках, но не нашел ни шкалы, ни кнопок. Он нацепил его на лацкан и... ничего не произошло.

Хенли пожал плечами, подтянул галстук и вышел прогуляться.

Вечер был ясный и прохладный. Как большинство вечеров в жизни Хенли, это было идеальное время для романтического приключения. Вокруг простирался город великих возможностей, щедрый на обещания, которые не спешил исполнять. Тысячи раз бродил Хенли по этим улицам (твердая поступь, прямой взгляд), готовый ко всему. Но с ним никогда ничего не случалось.

Он миновал огромный жилой массив и подумал о женщинах, что стоят у высоких занавешенных окон, глядя вниз на улицу, и видят одинокого пешехода на темном асфальте. Им, верно, хотелось бы знать, кто он и что ему нужно, и...

— Неплохо постоять на крыше небоскреба, — произнес чей-то голос, — и полюбоваться сверху на город.

Хенли быстро обернулся и застыл на месте. Вокруг не было ни души. До него не сразу дошло, что голос раздался из транзистора.

— Что? — переспросил он.

Радио молчало.

Полюбоваться на город, прикинул Хенли. Радио предложило ему полюбоваться на город. Да, подумал он, это и в самом деле неплохо. Почему бы и нет? И он повернул к небоскребу.

— Не сюда, — шепнуло радио.

Хенли послушно прошел мимо и остановился перед соседним зданием.

— Здесь? — спросил он.

Радио не ответило, но Хенли почудилось, будто в транзисторе одобрительно хмыкнули.

Что ж, подумал он, нужно отдать должное Службе романтики. Они, пожалуй, знают, что делают. Если не считать маленькой подсказки, все его действия были почти самостоятельными.

Хенли вошел в здание, вызвал лифт и нажал самую верхнюю кнопку. Поднявшись на последний этаж, он уже по лесенке выбрался на плоскую крышу и направился было к западному крылу.

— В обратную сторону, — прошептал транзистор.

Хенли повернулся и пошел в противоположную сторону. Остановившись у парапета, он посмотрел на город. Белые мерцающие огни уличных фонарей вытягивались в стройные ряды, тут и там красными и зелеными точками перемигивались светофоры, кое-где радужными кляксами расплывались рекламы. Перед ним лежал его город — город великих возможностей, щедрый на обещания, которые не спешил исполнять.

Вдруг Хенли заметил, что рядом с ним еще кто-то поглощен зрелищем ночных огней.

— Прошу прощения, — сказал Хенли. — Я не хотел вам мешать.

— Вы не помешали, — ответил женский голос.

«Мы не знаем друг друга, — подумал Хенли. — Мы всего лишь мужчина и женщина, которых случай — или рок — свел ночью на крыше вознесенного над городом здания. Интересно, сколько грез пришлось проанализировать Службе романтики, сколько видений разнести по таблицам и графикам, чтобы добиться такого совершенства?»

Украдкой взглянув на девушку, он увидел, что она молода и красива. Она казалась невозмутимой, но он ощутил, что место, время и настроение — вся обстановка, безошибочно выбранная для этой встречи, волнует ее так же сильно, как и его.

Он напряженно подыскивал нужные слова и не мог их найти. Ему ничего не приходило на ум, а драгоценные мгновения ускользали.

— Огни, — подсказало радио.

— Эти огни прекрасны, — изрек Хенли, чувствуя себя последним идиотом.

— Да, — отозвалась девушка шепотом. — Они подобны огромному ковру, расшитому звездами, или блеску копий во мраке.

— Подобны часовым, — сказал Хенли, — что вечно стоят на страже ночи.

Он не мог понять, сам ли дошел до этого или механически повторил то, что пискнул еле слышный голосок из транзистора.

— Я часто сюда прихожу, — сказала девушка.

— Я здесь никогда не бывал, — сказал Хенли.

— Но сегодня...

— Сегодня я не мог не прийти. Я знал, что встречу вас.

Хенли почувствовал, что Службе романтики не мешало бы нанять сценариста классом повыше. Среди бела дня такой диалог прозвучал бы просто нелепо. Но сейчас, на крыше-площадке высоко над городом, когда огни далеко внизу, а звезды близко над головой, это был самый естественный разговор на свете.

— Я не поощряю случайных знакомств, — произнесла девушка, сделав шаг к Хенли. — Но...

— Я не случайный, — ответил Хенли, придвигаясь к ней.

В звездном свете ее белокурые волосы отливали серебром. Девушка чуть приоткрыла рот. Она смотрела на него. Настроение, необычайная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

Они стояли лицом к лицу, и Хенли ощущал едва уловимый запах ее духов и благоухание волос. У него задрожали колени, его охватило замешательство.

— Обнимите ее, — шепнуло радио.

Действуя, как автомат, Хенли протянул руки, и девушка прижалась к нему с тихим коротким вздохом. Они поцеловались — просто, естественно, неизбежно, охваченные нарастающей страстью, как и было задумано.

На отвороте ее блузки Хенли заметил усыпанный бриллиантами транзистор-малютку. Тем не менее он вынужден был признать, что их встреча, стихийная и роковая, доставила ему, помимо всего прочего, еще и чрезвычайное удовольствие.

На верхушках небоскребов уже зачиналось утро, когда Хенли, вконец измотанный, добрался до дома и завалился спать. Он проспал весь день и проснулся под вечер, голодный как волк.

Он сидел за обедом в баре по соседству и размышлял о том, что произошло этой ночью.

Все, решительно все было чудесно, захватывающе и безупречно: встреча на крыше, а потом уютный полумрак ее квартирки, и то, как они расстались на рассвете, и тепло ее сонного поцелуя, что все еще горел у него на губах. И все-таки его снедала какая-то неудовлетворенность.

Хенли делалось не по себе при мысли о романтическом свидании, подстроенном и разыгранном при помощи транзисторов, чьи сигналы вызывали у любовников соответствующие стихийные и в то же время роковые реакции. Спору нет, Служба поработала на славу, но что-то здесь было не так.

Он представил себе, как миллионы молодых людей в серых фланелевых костюмах, при галстуках в косую полоску, бродят по городу, повинуясь еле слышным приказам миллионов транзисторов. Мысленным взором он видел ночных операторов за центральным пультом управления двусторонней видеосвязью — честный, работящий народ, который, выполнив норму по романтике, покупает утренние газеты и разъезжается на подземке по домам, где ждут жена или муж и детишки. Это было противно, но, что ни говори, все же лучше, чем вообще никакой романтики. Таков прогресс. Даже романтику пришлось поставить на солидную организационную основу, не то и она пропала бы во всей этой катавасии.

«И вообще, — решил Хенли, — так ли уж это странно, если разобраться по существу? В средние века, чтобы отыскать заколдованную красавицу, рыцарь запасался у ведьмы талисманом. Се-

годня комиссионер снабжает юношу транзистором, который делает то же самое и, судя по всему, куда быстрее».

«Совсем не исключено, — подумал он, — что настоящей стихийной и роковой романтики никогда и не было. Может, в этом деле всегда требовался посредник».

Хенли не рискнул додумать эту мысль до конца. Он расплатился за обед и вышел на улицу прогуляться.

На сей раз твердая поступь и быстрый шаг привели его в кварталы городской бедноты. Вдоль тротуаров тянулись ряды мусорных ящиков, а из грязных окон доходных домов доносилось печальное соло на кларнете и визгливые голоса скандалящих женщин. Полосатая кошка уставилась на него из закоулка агатовыми глазами и шмыгнула неизвестно куда.

Хенли остановился, поежился и решил повернуть назад.

— Почему бы не пройти немного дальше? — подтолкнуло радио.

Вкрадчивый голос раздался как бы у него в голове. Хенли снова поежился и... пошел дальше.

Теперь на улицах стало безлюдно и тихо, как в склепе. Слепые громады складов и железные шторы на окнах магазинов заставили его прибавить шагу. «Есть приключения, которых, пожалуй, искать не стоит», — подумалось Хенли. Для романтики здесь обстановка самая неподходящая. Зря он послушался радио и не вернулся в свой привычный, залитый светом, упорядоченный мир.

Он услышал какую-то возню и, глянув в тесный переулок, увидел, как двое мужчин пристают к девушке, а та безуспешно пытается вырваться.

Реакция Хенли была стихийной и мгновенной. Он приготовился дать стрекача и привести полицейского, а еще лучше — двух или трех. Помешал транзистор.

— Сами справитесь, — сказало радио.

«Черта лысого я справлюсь», — мелькнуло у него в голове.

Газеты пестрели заметками о смельчаках, считавших, будто им под силу справляться с бандитами. Как правило, все они попадали в больницу, где на досуге могли поразмыслить о пробелах своего образования по части кулачного боя.

Но радио не отставало. И Хенли, повинуясь роковой неизбежности и тронутый жалобными мольбами о помощи, решился. Он снял очки в роговой оправе, уложил в футляр, засунул его в задний карман брюк и очертя голову ринулся в мрачную пучину переулка.

Он налетел на мусорный бак, опрокинул его — но достиг места действия. Грабители почему-то его не заметили. Хенли схватил одного из них за плечо, повернул к себе лицом и сделал хук правой. Человек зашатался и упал бы, если бы не стена. Его дружок выпустил девушку и бросился на Хенли, который встретил его тройным ударом обоих кулаков и правой ноги. Тот свалился, пробормотав: «Ну-ну, полегче, приятель».

Хенли повернулся к первому. Бандит налетел на него с бешенством разъяренной кошки. Однако, как ни странно, весь шквал его ударов не достиг цели, и Хенли уложил его одним точным ударом левой.

Грабители поднялись на ноги и пустились наутек. Хенли разобрал, как на бегу один жаловался другому: «Чем эдак зарабатывать на жизнь, уж лучше ноги протянуть».

Эта реплика явно не значилась в сценарии, поэтому Хенли оставил ее без внимания и обратился к девушке. Она уцепилась за него, чтобы не упасть, и едва смогла вымолвить:

— Ты пришел...

— Я не мог не прийти, — повторил Хенли за еле слышным суфлером.

— Я знала, — прошептала она.

Хенли увидел, что она молода и красива. В свете фонаря ее черные волосы отливали антрацитом, а полуоткрытые губы — кармином. Она смотрела на него. Настроение, необычайная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

На этот раз Хенли обнял ее, не дожидаясь подсказки. Он понемногу усваивал форму и содержание романтического приключения, равно как и надлежащий образ действий, ведущий к возникновению стихийной и в то же время роковой страсти.

Не теряя времени, они отправились к ней на квартиру. По дороге Хенли заметил в ее волосах огромный сверкающий бриллиант.

И только много позже он догадался, что это не драгоценность, а искусно замаскированный транзистор.

Вечером на другой день Хенли опять не сиделось дома. Он шел по улице и пытался не обращать внимания на бесенка неудовлетворенности, который тихонько скребся внутри. «То была чудесная ночь, — повторял он себе, — ночь нежных теней, шелковых прядей, ласкавших мое лицо, и слез благодарности, когда девушка плакала у меня на плече. Однако...»

Девушка оказалась не в его вкусе, как, впрочем, и та, первая, и с этим печальным фактом ничего нельзя было поделать. Нельзя же, в самом деле, сводить наобум двух совершенно чужих друг другу людей и ожидать, что пылкая мгновенная страсть обернется любовью! У любви свои законы, от которых она ни за что не отступит.

Хенли шел и шел, но в нем крепла уверенность, что сегодня непременно он отыщет свою любовь. Ибо этой ночью рогатый месяц висел низко над крышами, а легкий ветерок приносил с юга смешанный аромат чего-то экзотически пряного и до боли родного.

Радио молчало, и он брел наугад. Он сам, без подсказки, нашел маленький парк на берегу реки, и к девушке, что одиноко стояла у парапета, он приблизился по своей воле, а вовсе не по команде из транзистора. Он остановился рядом с ней и погрузился в созерцание. Слева стальные канаты большого моста расплывались во мраке, напоминая огромную паутину. Река катила черные маслянистые воды, то и дело образуя по течению маленькие водовороты. Завыл буксир, ему ответил другой; они перекликались, как души, затерянные в ночи.

Транзистор не торопился с советами. Поэтому Хенли начал:

— Приятная ночь.

— Возможно, — ответила девушка, даже не повернув головы. — А возможно, и нет.

— В ней есть красота, — сказал Хенли, — для тех, кто хочет ее увидеть.

— Удивительно. Вот уж никак не ожидала услышать...

— Разве? — спросил Хенли, подвигаясь к ней на шаг. — Разве это и в самом деле так удивительно? Удивительно, что я здесь? И вы тоже?

— Может быть, и нет, — ответила девушка, наконец обернувшись и посмотрев Хенли в лицо.

Она была молода и красива. В лунном свете ее каштановые волосы отливали бронзой. Настроение, необычайная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

От неожиданности она чуть приоткрыла рот.

И тут его озарило.

Вот приключение, по-настоящему стихийное и роковое! Не радио привело его сюда, и не радио, нашептывая нужные слова, подсказало, как себя вести. Хенли взглянул на девушку, но не заметил у нее на блузке или в волосах ничего похожего на транзистор.

Он нашел свою любовь без помощи нью-йоркской Службы романтики! Тайные мерцающие видения, которые его преследовали, наконец-то сбывались.

Он протянул руки, и девушка прижалась к нему с еле слышным вздохом. Они поцеловались. Огни большого города сверкали и смешивались со звездами в небе, месяц клонился все ниже и ниже, а над черной маслянистой рекой сирены обменивались траурными вестями.

Девушка перевела дыхание и высвободилась из его объятий.

— Я вам нравлюсь? — спросила она.

— Нравитесь?! — вскричал Хенли. — Это не то слово!

— Я рада, — сказала девушка, — потому что я опытный образец вольной романтики, который вам предоставил на пробу трест «Производство великой романтики» с главной конторой в Ньюарке, штат Нью-Джерси. Наша фирма предлагает вашему вниманию истинно стихийную и роковую романтику любого вида.

Опираясь на технологические изыскания, мы смогли ликвидировать грубокустарные приспособления типа транзисторов, которые привносят скованность и ощущение подневольности там, где вы не должны ощущать никакого контроля. Мы счастливы, что наш опытный образец пришелся вам по душе. Не забудьте, однако: это — только образец, первая проба того, что может вам предложить «Производство великой романтики» с филиалами по всему миру. В этом проспекте, уважаемый сэр, описано несколько типовых проектов. Возможно, вас заинтересует цикл «Романтика под всеми широтами»; если же вы отличаетесь смелым воображением, вам, вероятно, больше подойдет пикантный набор «Романтика сквозь века». Обратите внимание на постоянно действующий «Городской проект» и...

Она вложила ему в руку тонкую книжицу с яркими иллюстрациями. Хенли уставился на проспект, потом на девушку. Он разжал пальцы, и книжица с шелестом порхнула на землю.

— Сэр, я надеюсь, мы не оскорбили ваших чувств! — воскликнула девушка. — Эти чисто деловые стороны романтики неизбежны, но преходящи. В дальнейшем наша романтика сразу становится стихийной и роковой. Вы только будете раз в месяц получать счет — по почте, в обычном конверте без указания адреса отправителя, и...

Но Хенли уже бежал прочь вниз по улице. На бегу он выдернул из петлицы транзистор и швырнул его в сточную канаву.

Комиссионерам от романтики так и не удалось всучить Хенли свой товар. У него была тетушка, которой он позвонил, и та, возбужденно кудахтая в трубку, тут же устроила ему свидание с дочкой одного из своих старых друзей. Они встретились в тетушкиной гостиной, тесной от обилия украшений и безделушек, и, запинаясь на каждом слове, добрых три часа проговорили о погоде, о политике, о работе, о колледже и общих знакомых. Тетушка, сияя от счастья, потчевала их кофе и домашним печеньем, разрываясь между кухней и ярко освещенной гостиной.

И видимо, что-то в этих строго официальных, отдающих седой древностью смотринах подействовало на молодых людей самым благотворным образом. Хенли начал за ней ухаживать, и они поженились через три месяца.

Любопытно отметить, что Хенли был из последних, кто нашел себе жену столь причудливым, старомодным, ненадежным, бессистемным и непроизводительным способом. Ибо компании обслуживания сразу учуяли коммерческие перспективы «метода Хенли». Был составлен график кривой воздействия замешательства и смущения на психику; больше того, произведена финансовая оценка роли Тетушки в системе Американского Ухаживания.

Вот почему один из самых распространенных и высокооцени-

ваемых сегодня видов обслуживания в ассортименте таких компаний — поставлять стандартных тетушек в распоряжение молодых людей мужского пола, обеспечивать оных тетушек стеснительными и застенчивыми девушками и заботиться о соответствующей обстановке, а именно: ярко освещенной, уставленной безделушками гостиной, неудобной кушетке и энергичной пожилой даме, которая суетится с кофе и домашним печеньем, врываясь в комнату через точно рассчитанные неравномерные промежутки времени.

Дух, говорят, захватывает. До умопомрачения.

ПОТОЛКУЕМ МАЛОСТЬ?

Посадка прошла как по маслу, несмотря на капризы гравитации, причиной которых были два солнца и шесть лун. Низкая облачность могла бы вызвать осложнения, если бы посадка была визуальной. Но Джексон считал это ребячеством. Гораздо проще и безопасней было включить компьютер, откинуться в кресле и наслаждаться полетом.

Облака расступились на высоте двух тысяч футов. Джексон смог убедиться в правильности данных предварительной разведки: внизу, вне всяких сомнений, был город.

Его работа была одной из немногих в мире работ для одиночек, но, как это ни парадоксально, для нее требовались крайне общительные люди. Этим внутренним противоречием объяснялась привычка Джексона разговаривать с самим собой. Так делало большинство людей его профессии. Джексон готов был говорить со всеми, с людьми и инопланетянами, независимо от их размеров, формы и цвета.

За это ему платили, и это так или иначе было его естественной потребностью. Он разговаривал в одиночестве во время долгих межзвездных полетов, и он разговаривал еще больше, когда рядом с ним был кто-нибудь или что-нибудь, что могло бы отвечать. Он считал большой удачей, что за его любовь к общению ему еще и платят.

— И не просто платят, — напомнил он себе. — Хорошо платят, а ко всему прочему еще и премиальные. И еще я чувствую, что это моя счастливая планета. Сдается мне, есть шанс разбогатеть на ней — если, конечно, меня там не убьют.

Единственными недостатками его работы были одиночество межпланетных перелетов и угроза смерти, но за это он и получал такие деньги.

Убьют ли они его? Никогда не предскажешь. Поведение инопланетян так же трудно предугадать, как и поступки людей, только еще труднее.

— Я все же думаю, что они меня не убьют, — сказал Джексон. — Я прямо-таки чувствую, что мне сегодня повезет.

Эта простая философия была ему поддержкой многие годы, в одиночестве бесконечного пространства, на десяти, двенадцати, двадцати планетах. Он и на этот раз не видел причин отказываться от нее.

Корабль приземлился. Джексон переключил управление на режим готовности. Он проверил показания анализатора на содержание в атмосфере кислорода и других жизненно важных химических элементов и быстро просмотрел данные о местных микроорганизмах. Планета была пригодна для жизни. Он откинулся в кресле и стал ждать. Конечно же, долго ждать не пришлось. Они — местные жители, туземцы, аборигены (называйте их как хотите) — вышли из своего города посмотреть на корабль. А Джексон сквозь иллюминатор смотрел на них.

— Ну что ж, — сказал он, — похоже, что на этой захолустной планете живут самые настоящие гуманоиды. А это означает, что старый дядюшка Джексон получит премию в пять тысяч долларов.

1

Жители города были двуногими моноцефалами. У них было столько же пальцев, носов, глаз, ушей и ртов, сколько и у людей. Их кожа была телесно-бежевой, губы — бледно-красными, а волосы — черными, каштановыми или рыжими.

— Черт возьми! Да они прямо как у нас на Земле! — воскликнул Джексон. — Видит Бог, за это мне полагается дополнительная премия. Самые что ни на есть гуманоиды!

Инопланетяне носили одежду. У некоторых было что-то вроде тросточек — палки с тонкой резьбой. На женщинах — украшения с резьбой и эмалью. Джексон сразу же определил, что они стоят приблизительно на том же уровне, что и люди позднего бронзового века на Земле.

Они разговаривали друг с другом и жестикулировали. Конечно, Джексон их не понимал, но это не имело значения. Важно было то, что у них вообще был язык и что его голосовые органы могли воспроизводить звуки их речи.

— Не то что в прошлом году на той тяжелой планете, — сказал Джексон. — Эти сукины дети со своими ультразвуками! Пришлось носить специальные наушники и микрофон, а в тени было за сорок.

Инопланетяне ждали его, и Джексон это знал. Первые мгновения непосредственного контакта всегда были самыми беспокойными.

Именно тогда они, вероятнее всего, могли вас прикончить.

Он неохотно прошел к люку, отдраил его, протер глаза и от-

кашлялся. Ему удалось изобразить на лице улыбку. Он сказал себе: «Не дрейфь, помни, что ты просто маленький старый межпланетный странник, что-то вроде галактического бродяги, который собрался протянуть им руку дружбы, и все такое прочее. Ты просто заглянул сюда, чтобы немножко потолковать, и больше ничего. Продолжай верить этому, милок, и внеземные лопухи будут верить этому вместе с тобой. Помни закон Джексона: все формы разумной жизни обладают святым даром доверчивости; это означает, что трехъязыкого Танга с Орангуса V надуть так же просто, как Джо Доукса из Сен-Поля».

И так, с деланной храброй улыбочкой на лице, Джексон распахнул люк и вышел, чтобы немного потолковать.

— Ну, как вы тут все поживаете? — сразу же спросил Джексон, просто чтобы услышать звук своего собственного голоса.

Ближайшие инопланетяне отпрянули от него. Почти все хмурились. У некоторых, что помоложе, на предплечье висели ножны с бронзовыми клинками, и они схватились за рукояти. Это оружие было примитивным, но убивало не хуже современного.

— Ну, ну, не надо волноваться, — сказал Джексон, стараясь говорить весело и непринужденно.

Они выхватили ножи и начали медленно надвигаться. Джексон не отступал, выжидая. Он готов был сигануть назад в люк не хуже реактивного зайца, надеясь на то, что это ему удастся.

Затем двум самым воинственным дорогу преградил какой-то человек (Джексон решил, что их вполне можно называть людьми). Этот третий был постарше. Он что-то быстро говорил, жестами указывая на ракету. Те двое, с ножами, глядели в ее сторону.

— Правильно, — одобрительно сказал Джексон. — Посмотрите хорошенько. Большой-большой космический корабль. Полно крепкой выпивки. Очень мощная ракета, построенная по последнему слову техники. Вроде как заставляет остановиться и подумать, не так ли?

И заставило.

Инопланетяне остановились. Если они и не думали, то, по крайней мере, очень много говорили. Они показывали то на корабль, то на свой город.

— Кажется, начинаете соображать, — сказал им Джексон. — Язык силы понятен всем, не так ли, родственнички?

Подобные сцены он уже не раз наблюдал на множестве других планет и мог наверняка сказать, что происходит.

Обычно действие разворачивалось так.

Незваный гость приземляется на диковинном космическом корабле, тем самым вызывая 1) любопытство, 2) страх и 3) враждебность. После нескольких минут трепетного созерцания один из местных жителей обычно говорит своему дружку:

— М-да! Эта проклятая железяка — чертовски мощная штука.

— Ты прав, Герби, — отвечает его друг Фред, второй туземец.

— Еще бы не прав, — говорит Герби. — Черт побери, с такой уймой мощной техники и всего прочего этому сукиному сыну ничего не стоит нас поработить. Я думаю, что он и в самом деле может это сделать.

— Ты попал в точку, Герби, точно так и может случиться.

— Поэтому вот что я думаю, — продолжает Герби. — Давайте не будем испытывать судьбу. Конечно же, вид-то у него вполне дружелюбный, но просто он слишком силен, а это мне не нравится. И именно сейчас нам представляется самая подходящая возможность схватить его, потому что он просто стоит там и ждет, что ему будут аплодировать или еще что-нибудь в этом роде. Так что давайте вытряхнем душу из этого ублюдка, а потом все обсудим и посмотрим, какая складывается ситуация.

— Ей-богу, я — за! — восклицает Фред. Другие высказывают свое одобрение.

— Молодцы, ребята! — кричит Герби. — Давайте прямо сейчас накинемся на этого чужака и схватим его.

Итак, они трогаются с места, но неожиданно, в последний момент, вмешивается Старый Док. Он говорит:

— Погодите, ребята, так делать нельзя. Прежде всего, у нас же есть законы...

— Плевать я на них хотел, — говорит Фред (прирожденный смутьян, к тому же с некоторой придурью).

— ...и, не говоря уж о законах, это может просто представлять слишком большую опасность для вас.

— Мы с Фредом не из пугливых, — говорит доблестный Герби. — Может, вам, Док, лучше сходить в кино или еще куда. А этим займутся настоящие парни.

— Я не имел в виду непосредственную опасность для нашей жизни, — презрительно говорит Старый Док. — Я страшусь разрушения нашего города, гибели наших близких, уничтожения нашей культуры.

Герби и Фред останавливаются.

— Да о чем вы говорите, Док! Всего-то один вонючий инопланетянин. Пырнуть его ножом — так небось загнется не хуже нашего.

— Дураки! Schlemlels! [1] — громогласно негодует мудрый Старый Док. — Конечно, вы можете его убить! Но что будет потом?

— А что? — спрашивает Фред, прищуривая свои выпученные серо-голубые глаза.

— Идиоты! Cochons! [2] *Думаете, у этих инопланетян только один* корабль? Думаете, они не знают, куда направился этот парень? Вы же должны соображать, что там, откуда он прилетел, полно таких

[1] Обормоты! *(евр.)*

[2] Свиньи! *(фр.)*

кораблей и что там будут не на шутку обеспокоены, если его корабль не объявится в срок; и наконец, вы должны соображать, что когда они выяснят причину задержки, они разъярятся, кинутся сюда и разнесут здесь все в пух и прах.

— С чего это я должен так предполагать? — спрашивает слабоумный Фред.

— Потому что сам ты на их месте поступил бы точно так же, верно?

— Может, в таких условиях я бы так и поступил, — говорит Фред с глуповатой ухмылкой. — Да, как раз такую штуку я и смог бы сделать. Но послушайте, авось они-то этого не сделают?

— Авось, авось, — передразнивает Старый Док. — Знаешь, малыш, мы не можем ставить все на карту, рассчитывая на твое дурацкое «авось». Мы не можем позволить себе убить этого инопланетного парня, надеясь на то, что авось его соплеменники не сделают того, что сделал бы на их месте любой нормальный человек, а именно — не сотрут нас в порошок...

— Что ж, возможно, этого делать нельзя, — говорит Герби. — Но, Док, что же нам можно сделать?

— Просто подождать и выяснить, что ему нужно.

2

Согласно достоверным данным, сцены, очень похожие на эту, разыгрывались, по крайней мере, раз тридцать или сорок. Обычно результатом их была политика выжидания. Иногда посланца Земли убивали до того, как будет услышан голос здравого смысла, но за подобный риск Джексону и платили.

Всякий раз, когда убивали посланца, следовало возмездие, быстрое и ужасное в своей неотвратимости. Конечно, делалось это не без сожаления, потому что Земля была крайне цивилизованным местом, где привыкли уважать законы. А ни одна цивилизованная нация, придерживающаяся законов, не любит пачкать руки в крови. Люди на Земле и в самом деле считают геноцид делом весьма неприятным, и они не любят читать о нем или о чем-либо подобном в утренних газетах. Конечно же, посланников нужно защищать, а убийство должно караться — это все знают. Но все равно неприятно читать о геноциде, попивая свой утренний кофе. Такие новости могут испортить настроение на весь день. Три-четыре геноцида, и человек может так рассердиться, что отдаст свой голос другому кандидату.

К счастью, основания для подобных неприятностей возникали не часто.

Инопланетяне обычно соображали довольно быстро. Несмотря на языковой барьер, они понимали, что убивать землянина просто *нельзя*.

А затем, позже, они понемногу усваивали все остальное.

Горячие головы спрятали свои ножи. Все улыбались, только Джексон скалился, как гиена. Инопланетяне грациозно жестикулировали руками и ногами. Возможно, это означало приветствие.

— Что ж, очень приятно, — сказал Джексон и, в свою очередь, сделал несколько изящных телодвижений. — Ну вот я и чувствую себя как дома. Почему бы вам теперь не отвести меня к своему вождю, не показать мне город и все такое прочее? Потом я засяду за этот ваш язык, разберусь с ним, и мы немножко потолкуем. А после этого все будет идти как нельзя лучше. En avant! [1]

С этими словами Джексон быстро зашагал в направлении города. Немного поколебавшись, его новоявленные друзья последовали за ним.

Все шло по плану.

Джексон, как и все другие специалисты по установлению контактов, был на редкость одаренным полиглотом. Основным оборудованием ему служила его собственная эйдетическая память и обостренный слух, позволяющий различать тончайшие оттенки звучания. Что еще более важно, у него были поразительные способности к языкам и сверхъестественная интуиция на значение слов. Когда Джексон сталкивался с непонятным языком, он быстро и безошибочно вычленял значащие единицы — основные «кирпичики» языка. В предложении он с легкостью выделял информационную часть, случаи модального употребления и эмоциональную окраску. Его опытное ухо сразу же различало грамматические явления. Приставки и суффиксы не затрудняли его; порядок слов, высота тона и удвоение были детской игрой. О такой науке, как лингвистика, он знал не слишком много, но ему и не нужно было слишком много знать. Джексон был самородком. Наука о языке была разработана для того, чтобы описывать и объяснять то, что он и без нее интуитивно понимал.

До сих пор он еще не сталкивался с языком, которого не смог бы выучить. Он не допускал даже мысли о его существовании. Своим друзьям из Клуба Раздвоенного Языка в Нью-Йорке он часто говорил так:

— Знаете, братва, ничего такого трудного в этих инопланетных языках нет. По крайней мере в тех, с которыми я сталкивался. Говорю вам это совершенно откровенно. Хочу сказать вам, ребята, что человек, который может изъясняться на кхмерском языке или сиукском наречии, не встретит слишком много затруднений там, среди звезд.

Так оно и было до сих пор...

[1] Вперед! *(фр.)*

Когда они прибыли в город, Джексону пришлось вынести множество утомительных церемоний. Они растянулись на три дня — явление вполне закономерное, ведь не каждый день приходилось принимать гостей из космоса. Поэтому, совершенно естественно, каждый мэр, губернатор, президент и ольдермен, а вдобавок еще и их жены хотели пожать ему руку. Их вполне можно было понять, но Джексон терпеть не мог пустой траты времени. Его ждала работа, временами не очень приятная, и чем раньше он за нее возьмется, тем скорее кончит. На четвертый день ему удалось свести на нет официальную дребедень. Именно в этот день Джексон серьезно взялся за местный язык.

Язык, как скажет вам любой лингвист, — несомненно, самое прекрасное из всех существующих творений человека. Но прекрасное нередко таит в себе опасность.

Язык можно удачно сравнить со сверкающей, вечно меняющейся поверхностью моря. Никогда не знаешь, какие скалы могут прятаться в его ясных глубинах. Самые прозрачные воды скрывают самые предательские мели.

Джексон был готов к любым трудностям, но поначалу он их не встретил. На основном языке (хон) этой планеты (На) говорило подавляющее большинство ее обитателей («Эн-а-То-На» — буквально: людей с планеты На, или наянцев, как для себя окрестил их Джексон). Язык хон показался ему несложным. Каждому понятию соответствовало лишь одно слово или словосочетание, и в этом языке не было слияния, соположения или агглютинации. Сложные понятия выражались через сочетания простых слов («космический корабль» у наянцев звучал как «хо-па-айе-ан» — корабль, летающий во внешнем небе). Таким образом, у хона было очень много общего с такими земными языками, как китайский и аннамитский. Высота тона служила не только для различения омонимов, но также могла иметь и позиционное употребление, где она выражала оттенки «воспринимаемого реализма», физического недомогания и три категории предвкушения чего-то приятного. Все это было умеренно интересным, но не представляло особой сложности для знающего лингвиста.

Конечно же, заниматься языком вроде хона было довольно нудным делом, потому что приходилось учить на память длинные списки слов. Но высота тона и порядок слов были вещами довольно любопытными, не говоря уже о том, что без них невозможно было понять ни единого предложения. Так что в целом Джексон был вполне доволен и впитывал язык, как губка воду.

Прошло около недели, и для Джексона наступил день законной гордости. Он смог сказать своему наставнику:

— С прекрасным и приятным добрым утром вас, самый достойный уважения и почитаемый наставник; и как ваше благословенное здоровье в этот чудесный день?

— Примите мои самые *ирд вунковые* поздравления! — ответил наставник с улыбкой, полной глубокого тепла. — Дорогой ученик, ваше произношение великолепно! В самом деле, решительно *горд нак!* И вы понимаете мой родной язык почти совсем *ур нак тай*.

Джексон весь просиял от похвал доброго старого наставника. Он был вполне доволен собой. Конечно, он не понял нескольких слов: *ирд вунковые* и *ур нак тай* звучали несколько незнакомо, но *горд нак* было совершенно неизвестным. Однако ошибки для любого новичка были делом естественным. Того, что он знал, было достаточно, чтобы понимать наянцев и чтобы они понимали его. Именно это и требовалось для его работы.

В этот день он вернулся на свой корабль. Люк оставался открытым со дня его прилета, но Джексон не обнаружил ни единой пропажи. Увидев это, он с сожалением покачал головой, но не позволил себе из-за этого расстраиваться. Наполнив карманы различными предметами, он неторопливо зашагал назад, в город. Он был готов приступить к заключительной, наиболее важной части своей работы.

3

В центре делового района, на пересечении улиц Ум и Альретто, он нашел то, что искал: контору по продаже недвижимости. Он вошел, и его провели в кабинет мистера Эрума, младшего компаньона фирмы.

— Замечательно, просто замечательно! — сказал Эрум, сердечно пожимая ему руку. — Для нас это большая честь, сэр, громадное, истинное удовольствие. Вы собираетесь что-нибудь приобрести?

— Да, именно это я и хочу сделать, — сказал Джексон. — Конечно, если у вас нет дискриминационных законов, которые запрещают вам торговать с иностранцами.

— Здесь у нас не будет никаких затруднений, — заверил его Эрум. — Напротив, нам доставит подлинное *орай* удовольствие видеть в наших деловых кругах человека вашей далекой славной цивилизации.

Джексон подавил усмешку.

— Тогда единственная трудность, которую я могу себе представить, — это вопрос законного платежного средства. Конечно же, у меня нет ваших денег; но у меня много золота, платины, бриллиантов и других предметов, которые на Земле считаются ценными.

— Здесь они тоже ценятся, — сказал Эрум. — Вы сказали «много»? Мой дорогой сэр, у нас не будет никаких затруднений. «И никакая *благл* не омрачит наш *мит* и *агл*», как сказал поэт.

— Именно так, — ответил ему Джексон. Эрум употреблял незнакомые ему слова, но это не имело значения. Основной смысл был достаточно ясен. — Итак, не подобрать ли нам для начала какой-нибудь заводик? В конце концов, должен же я чем-то занимать свое время? А потом мы сможем подыскать дом.

— Это просто *замечатник,* —весело сказал Эрум. — Позвольте мне только *прорэйстать* свои списки... Да, что вы скажете о фабрике *бромикана?* Она в прекрасном состоянии, и ее легко можно перестроить на производство *вора* или использовать как она есть.

— А велик ли спрос на *бромикан?* —спросил Джексон.

— Ну конечно же, велик, даю свой *мургентан* на отсечение! *Бромикан* совершенно необходим, хотя его сбыт зависит от сезона. Видите ли, очищенный *бромикан,* или *аризи,* используется в производстве *про тигаша,* а там, конечно же, урожай собирают к периоду солнцестояния. Исключением являются те отрасли этой промышленности, которые переключились на *переватуру тиконтена.* Они постоянно...

— Очень хорошо, достаточно, — прервал его Джексон. Ему было все равно, что такое *бромикан,* и он не собирался иметь с ним никакого дела. Его устраивало любое предприятие, лишь бы оно приносило доход.

— Я куплю ее, — сказал он.

— Вы не пожалеете об этом, — заметил Эрум. — Хорошая фабрика *бромикана* —это *гарвелдис хагатис,* ну прямо *многофой.*

— Да, конечно, — согласился Джексон, сетуя в душе на скудость своего словарного запаса. — Сколько она стоит?

— Что вы, сэр, цена пусть вас не беспокоит. Только сначала вам придется заполнить *олланбритную* анкету. Всего несколько *скенных* вопросов, которые никого не *нагут.*

Эрум вручил Джексону бланк. Первый вопрос гласил:

«*Эликировали* ли вы когда-либо *машек силически?* Укажите даты всех случаев. Если таковые отсутствуют, укажите причину установленного *трансгрешального состоя*».

Джексон не стал читать дальше.

— Что значит, — спросил он Эрума, — *эликировать машек силически?*

— Что это значит? — неуверенно улыбнулся Эрум. — Ну, только то, что написано. По крайней мере, так мне кажется.

— Я хотел сказать, — поправился Джексон, — что не понимаю этих слов. Не могли бы вы мне их объяснить?

— Нет ничего проще, — ответил Эрум. — *Эликировать машек* — это почти то же самое, что *бифурить пробишкаи.*

— Что-что? — спросил Джексон.

— Это означает — как бы вам сказать... *эликировать* —это очень просто, хотя, быть может, закон на это смотрит иначе. *Скорбадизирование* — один из видов *эликации,* и то же самое — *гарирование мунрава.* Некоторые говорят, что когда мы *дрорсически* дышим

вечерним *субисом,* мы фактически *эликируем.* Я лично считаю, что у них слишком богатое воображение.

— Давайте попробуем «*машек*», — предложил Джексон.

— Непременно, — ответил Эрум с непристойным смехом. — Если б только было можно, а? — И он игриво ткнул Джексона в бок.

— Хм, да, — холодно произнес Джексон. — Быть может, вы мне объясните, что такое, собственно, «*машка*»?

— Конечно. В действительности такой вещи не существует, — ответил Эрум. — По крайней мере, в единственном числе. Говорить об одной машке было бы логической ошибкой, понимаете?

— Поверю вам на слово. Тогда что такое *машки*?

— Ну, во-первых, это объект *эликации,* а во-вторых, это полуразмерные деревянные сандалии, которые служат для возбуждения эротических фантазий у религиозных фанатиков Кьютора.

— Это уже кое-что! — воскликнул Джексон.

— Только если это в вашем вкусе, — ответил Эрум с заметной холодностью.

— Я имел в виду — для понимания вопроса анкеты...

— Конечно, извините меня, — сказал Эрум, — но, видите ли, здесь спрашивается, *эликировали* ли вы когда-либо *машек силически.* А это уже совершенно другое дело.

— В самом деле?

— Конечно же! Это определение полностью меняет значение.

— Этого-то я и боялся, — сказал Джексон. — Я думаю, вы можете объяснить мне, что означает слово *силически?*

— Несомненно! — воскликнул Эрум. — Наш с вами разговор — с известной долей *боленного* воображения — можно назвать *силическипостроенным* разговором.

— А, — произнес Джексон.

— Именно так, — сказал Эрум. — *Силически* — это образ действия, способ. Это слово означает: «духовно ведущий вперед путем случайной дружбы».

— В этом уже больше смысла, — сказал Джексон. — В таком случае когда *силически эликируют машек?*

— Я очень боюсь, что вы на ложном пути, — сказал Эрум. — Определение, которое я вам дал, верно только для описания разговора. А когда говорят о *машках* — это нечто совершенно другое.

— А что оно значит в этом случае?

— Ну, оно означает — или, вернее, оно выражает случай продвинутой и усиленной *эликации машек,* но с определенным *нмогнетическим* уклоном. Лично я считаю это выражение несколько неудачным..

— А как бы вы это сформулировали?

— Я бы так прямо и сказал, и к черту ложную стыдливость, — твердо заявил Эрум. — Я просто взял и сказал бы: «*Данфиглирили* ли вы когда-либо *вок* незаконным, аморальным или *инсиртисным*

образом, с согласия *брахниана* или без такового? Если да, укажите время и причину. Если нет, сообщите мотивы и *неугрис крис».*

— Вот так бы вы это и сказали, да? — проговорил Джексон.

— Конечно, — с вызовом ответил Эрум. — Эти анкеты предназначены для взрослых, не так ли? Так почему же не взять и не назвать *спиглер спиглер*[1] своими *спеями?* Все когда-нибудь *дансфигляряк вок*, ну и что из этого? Ради бога, это ведь ничьих чувств не оскорбляет. Я хочу сказать, что, в конце концов, это касается только самого человека и старой кривой деревяшки, поэтому кому какое до этого дело?!

— Деревяшки? — повторил Джексон.

— Да, деревяшки. Обыкновенной старой, грязной деревяшки. По крайней мере, так бы к ней и относились, если бы люди не вкладывали в это до нелепости много чувств.

— Что они делают с деревом? — быстро спросил Джексон.

— Делают? Да ничего особенного, если присмотреться. Но для наших так называемых интеллигентов религиозная атмосфера слишком много значит. По-моему, они не способны отделить простую исконную сущность — *дерево* — от того культурного *вольтурнейсса,* который окружает его на *праздерхиссе,* а также, в некоторой степени, и на *ууисе.*

— Интеллигенты — они все такие, — сказал Джексон. — Но вы-то можете отделить ее, и вы находите...

— Я не нахожу в этом ничего такого, из-за чего стоило бы волноваться. Я в самом деле так думаю. Я хочу сказать, что если смотреть на вещи правильно, то собор — это всего лишь куча камней, а лес — скопление атомов. Почему же данный случай мы должны рассматривать по-другому? Я думаю, что на самом деле *машек* можно *силически эликировать* безо всякого дерева. Что вы на это скажете?

— Я поражен, — сказал Джексон.

— Поймите меня правильно! Я не утверждаю, что это легко, естественно или хотя бы верно! Ведь можно заменить его на *кормную грейти,* и все равно все получится! — Эрум замолчал и фыркнул от смеха. — Выглядеть вы будете глупо, но все равно у вас все получится.

— Очень интересно, — сказал Джексон.

— Боюсь, я несколько погорячился, — сказал Эрум, отирая пот со лба. — Я не очень громко говорил? Как вы думаете, мог меня кто-нибудь услышать?

— Конечно, нет. Все это было очень интересно. Сейчас я должен уйти, мистер Эрум, но завтра я вернусь, заполню анкету и куплю фабрику.

[1] Простейший случай удвоения (множественное число выражается путем повтора слова в единственном числе).

— Я придержу ее для вас. — Эрум поднялся и горячо пожал Джексону руку. — И еще я хочу вас поблагодарить. Нечасто удается поговорить так свободно и откровенно.

— Наша беседа была для меня очень поучительной, — сказал Джексон. Он вышел из кабинета Эрума и медленно зашагал к своему кораблю. Он был обеспокоен, огорчен и раздосадован. В здешнем языке все было почти совсем понятно, но это «почти» раздражало его. Как же это ему не удалось разобраться с этой *силической эликацией машек!*

— Ничего, — сказал он себе. — Джексон, малыш, сегодня вечером ты все выяснишь, а потом вернешься туда и мигом покончишь с их анкетами. Так что, парень, не лезь из-за этого в бутылку.

Он это выяснит. Он просто-таки должен это выяснить, потому что он должен стать владельцем какой-нибудь собственности.

В этом заключалась вторая половина его работы.

На Земле многое изменилось с тех скверных старых времен, когда можно было открыто вести захватнические войны. Как гласили учебники истории, в те далекие времена правитель мог просто послать свои войска и захватить то, что хотел. И если кто-нибудь из его соотечественников набирался смелости спросить его, почему ему этого хочется, правитель мог приказать отрубить ему голову, бросить в темницу или завязать в мешок и кинуть в море. И при всем этом он даже вины за собой не чувствовал, потому что неизменно верил, что он прав, а они — нет.

Эта политика, суть которой определялась термином «droit de seigneur»[1], была одной из самых ярких черт «laissez-faire capitalism»[2], в атмосфере которого жили древние.

Но с медленной сменой веков неумолимо происходили и культурные перемены. В мир пришла новая этика, медленно, но верно впитало в себя человечество понятия честности и справедливости. Правителей стали выбирать голосованием, и они должны были руководствоваться желаниями своих избирателей. Справедливость, милосердие и сострадание завоевали человеческие умы. Эти принципы сделали людей лучше, и все дальше в прошлое уходил звериный закон джунглей и звериная дикость, которые царили на Земле в те древние времена до реконструкции.

Те дни ушли навсегда. Теперь ни один правитель не мог ничего захватить *просто так:* избиратели ни за что не потерпели бы этого.

Теперь для захвата нужно было иметь предлог.

К примеру, гражданин Земли, который совершенно законным и честным образом владеет собственностью на другой планете,

[1] Право повелителя *(фр.).*

[2] Капиталистическое свободное предпринимательство *(фр.).*

срочно нуждается в военной помощи. Он запрашивает ее с Земли, чтобы защитить себя, свой дом, свои законные средства существования.

Но сначала надо эту собственность иметь. Он должен по-настоящему владеть ею, чтобы защитить себя от жалостливых конгрессменов и газетчиков, которые носятся с инопланетянами и всегда, стоит Земле прибрать к рукам другую планету, затевают расследование.

Обеспечить законное основание для захвата — вот для чего существовали специалисты по установлению контактов.

— Джексон, — сказал себе Джексон, — завтра ты получишь эту *бромикановую* фабричонку, и она станет твоей безо всяких заковык. Слышишь, парень? Я это серьезно тебе говорю.

Назавтра незадолго до полудня Джексон вернулся в город. Нескольких часов напряженных занятий и долгой консультации со своим наставником хватило для того, чтобы он понял, в чем его ошибка.

Все было довольно просто. Он всего лишь немного поторопился, предположив, что в языке хон употребление корней имеет неизменный, крайне изолирующий характер. Исходя из уже известного, он думал, что для понимания языка важны только значение и порядок слов. Но это было не так. При дальнейшем исследовании Джексон обнаружил в языке хон некоторые неожиданные возможности: к примеру, аффиксацию и элементарную форму удвоения. Такая морфологическая непоследовательность была для него неожиданностью, поэтому вчера, когда он столкнулся с ее проявлениями, смысл речи стал ускользать от него.

Новые формы выучить было довольно легко. Но его беспокоило то, что они были совершенно нелогичны и их существование противоречило самому духу хона.

Ранее он вывел правило: одно слово имеет одну звуковую форму и одно значение. Но теперь он обнаружил восемнадцать важных исключений — сложных слов, построенных различными способами, и к каждому из них — ряд определяющих суффиксов. Для Джексона это было так же неожиданно, как если бы он натолкнулся в Антарктике на пальмовую рощу.

Он выучил эти восемнадцать исключений и подумал, что когда он в конце концов вернется домой, то напишет об этом статью.

И на следующий день Джексон, ставший мудрее и осмотрительнее, твердым, размашистым шагом двинулся назад в город.

4

В кабинете Эрума он с легкостью заполнил правительственные анкеты. На тот первый вопрос, «*эликировали* ли вы когда-нибудь *машек силически*», он мог честно ответить «нет». Слово *машка* во множественном числе в своем основном значении соответствовало слову *женщина* в единственном числе. Это же слово, употребленное подобным образом, но в единственном числе, означало бы бесплотное состояние женственности.

Слово *эликация*, конечно же, означало завершение половых отношений, если не употреблялось определяющее слово *силически*. Тогда это безобидное слово приобретало в данном контексте взрывоопасный смысл.

Джексон мог честно написать, что, не будучи наянцем, он никогда подобных побуждений не имел.

Это было так просто. Джексон был недоволен собой — ведь он мог разобраться в этом сам.

На остальные вопросы он ответил легко и вернул Эруму заполненную анкету.

— Право же, это совершенно *скоу,* — сказал Эрум. — Теперь нам осталось решить всего лишь несколько простых вопросов, первым из них можно заняться прямо сейчас. Потом я организую короткую официальную церемонию подписания акта передачи собственности, вслед за чем мы рассмотрим несколько других небольших дел. Все это займет не более дня или около того, и тогда вы станете полновластным владельцем фабрики.

— Да, да, малыш, это замечательно, — сказал Джексон. Проволочки не волновали его. Напротив, он ожидал, что их будет намного больше. На большинстве планет жители быстро понимали, что к чему. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что Земля хочет получить то, что ей нужно, но желает, чтобы это выглядело законно.

Почему именно законно — догадаться было тоже не слишком сложно. Подавляющее большинство землян были идеалистами, и они горячо верили в принципы правды, справедливости, милосердия и тому подобное. И не только верили, но и позволяли себе руководствоваться этими благородными принципами в жизни. Кроме тех случаев, когда это было неудобно или невыгодно. Тогда они действовали сообразно своим интересам, но продолжали вести высоконравственные речи. Это означало, что они были *лицемерами*, а такое понятие существовало у народа любой планеты.

Земляне желали получить то, что им было нужно, но они еще и хотели, чтобы все это хорошо выглядело. Этого иногда было трудно ожидать, особенно когда им было нужно не что-нибудь, а чужая планета. Но, так или иначе, они обычно добивались своего.

Люди многих планет понимали, что открытое сопротивление невозможно, и поэтому прибегали к тактике проволочек.

Иногда они отказывались продавать, или им без конца требовались всякие бумажки, или им нужна была санкция какого-нибудь местного чиновника, которого никогда не было на месте. Но посланец парировал каждый их удар.

Они отказываются продавать собственность по расовым моти-

вам? Земные законы особо воспрещают подобную практику, а Декларация Прав Разумных Существ гласит, что каждое разумное существо вольно жить и трудиться там, где ему нравится. За эту свободу Земля стала бы бороться, если бы ее кто-нибудь вынудил.

Они ставят палки в колеса? Земная Доктрина о временном характере частной собственности не допустит этого.

Нет на месте нужного чиновника? Единый Земной Закон против наложения на имущество косвенного ареста в случае отсутствия недвусмысленно запрещал такие порядки. И так далее, и тому подобное. В этой борьбе умов неизменно побеждала Земля, потому что того, кто сильнее, обычно признают и самым умным.

Но наянцы *даже не пытались* сопротивляться, а это в глазах Джексона заслуживало самого глубокого презрения.

В обмен на земную платину Джексон получил местную валюту — хрустящие бумажки по 50 врсо. Эрум просиял от удовольствия и сказал:

— Теперь, мистер Джексон, мы можем покончить с делами на сегодняшний день, если вы соблаговолите *тромбрамктуланчирить,* как это принято.

Джексон повернулся, его глаза сузились, уголки рта опустились, а губы сжались в бескровную полоску.

— Что вы сказали?

— Я всего лишь попросил вас...

— Знаю, что попросили! Но что это значит?

— Ну, это значит... значит... — Эрум слабо засмеялся. — Это означает только то, что я сказал. Другими словами, выражаясь *этиболически...*

Джексон тихо и угрожающе произнес:

— Дайте мне синоним.

— Синонима нет, — ответил Эрум.

— И все-таки, детка, советую тебе его вспомнить, — сказал Джексон, и его пальцы сомкнулись на горле наянца.

— Стойте! Подождите! На по-о-мощь! — вскричал Эрум. — Мистер Джексон, умоляю вас! Какой может быть синоним, когда понятию соответствует одно, и только одно слово — если мне дозволено будет так выразиться.

— За нос меня водить! — взревел Джексон. — Лучше кончай с этим, потому что у нас есть законы против умышленного сбивания с толку, преднамеренного обструкционизма, скрытого сверхжульничества и прочих ваших штучек. Слышишь, ты?

— Слышу, — пролепетал Эрум.

— Тогда слушай дальше: *кончай агглютинировать,*ты, лживая скотина. У вас совершенно простой, заурядный язык аналитического типа, который отличает лишь его крайняя изолирующая

тенденция. А в таком языке, приятель, просто не бывает столько длинных путаных сложных слов. Ясно?

— Да, да! — закричал Эрум. — Но поверьте мне, я ни в коей мере не собираюсь *нумнискатерить!* И не *нонискаккекаки,* и вы действительно должны этому *дебрушили.*

Джексон замахнулся на Эрума, но вовремя взял себя в руки. Неразумно бить инопланетян, если существует хоть какая-нибудь вероятность того, что они говорят правду. На Земле этого не любят. Ему могут срезать зарплату; если же по несчастливой случайности он убьет Эрума, его можно поздравить с шестью месяцами тюрьмы.

Но все же...

— Я выясню, лжете вы или нет! — завопил Джексон и стремглав выскочил из кабинета.

Он бродил почти час, смешавшись с толпой в трущобах Грас-Эс, тянущихся вдоль мрачного, зловонного Унгпердиса. Никто не обращал на него внимания. По внешности его можно было принять за наянца, так же как и любой наянец мог сойти за землянина.

На углу улиц Ниис и Да Джексон обнаружил веселый кабачок и зашел туда.

Внутри было тихо, одни мужчины. Джексон заказал местное пиво. Когда его подали, он сказал бармену:

— На днях со мной приключилась странная история.

— Да ну? — сказал бармен.

— В самом деле, — ответил Джексон. — Понимаете, собрался заключить очень крупную сделку, и потом в последнюю минуту меня попросили *тромбрамктуланчирить,* как это принято.

Он внимательно следил за реакцией бармена. На флегматичном лице наянца появилось легкое недоумение.

— Так почему вы этого не сделали? — спросил бармен.

— Вы хотите сказать, что вы бы на моем месте...

— Конечно, согласился бы. Черт побери, это же обычная *катанприптиая,* ведь так?

— Ну да, — сказал один из бездельников у стойки. — Конечно, если вы не заподозрили, что они пытались *нумнискатерить.*

— Нет, не думаю, что они пытались сделать что-нибудь подобное, — упавшим, безжизненным голосом проговорил Джексон. Он заплатил за выпивку и направился к выходу.

— Послушайте! — крикнул ему вдогонку бармен. — Вы уверены, что они не *нонискаккекаки?*

— Как знать, — сказал Джексон и, устало ссутулясь, вышел на улицу.

Джексон доверял своему природному чутью как в отношении языков, так и в отношении людей. А его интуиция говорила ему,

что наянцы вели себя честно и не изощрялись перед ним во лжи. Эрум не изобретал новых слов специально, чтобы запутать его. Он и правда говорил на языке хон как умел.

Но если это было так, тогда хон был очень странным языком. В самом деле, это был совершенно эксцентричный язык. И то, что происходило с этим языком, не было просто курьезом, это было катастрофой.

5

Вечером Джексон снова взялся за работу. Он обнаружил дополнительный ряд исключений, о существовании которых не знал и даже не подозревал. Это была группа из двадцати девяти многозначных потенциаторов, которые сами по себе не несли никакой смысловой нагрузки. Однако другие слова в их присутствии приобретали множество сложных и противоречивых оттенков значений. Свойственный им вид потенциации зависел от их места в предложении.

Таким образом, когда Эрум попросил его «*тромбрамктуланчирить,* как это принято», он просто хотел, чтобы Джексон почтительно поклонился, что было частью обязательного ритуала. Надо было соединить руки за головой и покачиваться на каблуках. Это действие следовало производить с выражением определенного, однако сдержанного удовольствия, в соответствии со всей обстановкой, сообразуясь с состоянием своего желудка и нервов, а также согласно своим религиозным и этическим принципам, памятуя о небольших колебаниях настроения, связанных с изменениями температуры и влажности, и не забывая о таких достоинствах, как терпение и снисходительность.

Все это было вполне понятно. И все полностью противоречило тому, что Джексон уже знал о языке хон.

Это было даже более чем противоречиво: это было немыслимо, невозможно и не укладывалось ни в какие рамки. Все равно что увидеть в холодной Антарктике пальмы, на которых вдобавок растут не кокосы, а мускатный виноград.

Этого не могло быть — однако так оно и было.

Джексон проделал то, что от него требовалось. Когда он кончил *тромбрамктуланчирить,* как это принято, ему осталась только официальная церемония и после этого — несколько мелких формальностей.

Эрум уверил его, что все это очень просто, но Джексон подозревал, что так или иначе, а трудности у него будут.

Поэтому-то он и уделил подготовке целых три дня. Он усердно работал, чтобы в совершенстве овладеть двадцатью девятью потенциаторами-исключениями в их наиболее употребимых положениях и безошибочно определять, какой инициирующий эффект они оказывают в каждом из этих случаев.

К концу работы он устал как собака, а его показатель раздражимости поднялся до 97,3620 по Графхаймеру. Беспристрастный наблюдатель мог бы заметить зловещий блеск в его серо-голубых глазах.

Он был сыт по горло. Его мутило от языка хон и от всего наянского. Джексон испытывал головокружительное ощущение: чем больше он учил, тем меньше знал. В этом было что-то совершенно ненормальное.

— Хорошо, — сказал Джексон сам себе и всей Вселенной. — Я выучил наянский язык, я выучил множество совершенно необъяснимых исключений, и вдобавок к этому я выучил ряд дополнительных, еще более противоречивых исключений из исключений.

Джексон помолчал и очень тихо добавил:

— Я выучил *исключительное* количество исключений. В самом деле, если посмотреть со стороны, то можно подумать, будто в этом языке нет ничего, кроме исключений.

— Но это, — продолжал он, — совершенно невозможно, немыслимо и неприемлемо. Язык по воле Божьей и по самой сути своей систематичен, а это означает, что в нем должны быть какие-то правила. Только тогда люди смогут понимать друг друга. В том-то и смысл языка, таким он и должен быть. И если кто-то думает, что можно дурачиться с языком при Фреде К. Джексоне...

Тут Джексон замолчал и вытащил из кобуры бластер. Он проверил заряд, снял оружие с предохранителя и снова спрятал его.

— Не советую больше пороть галиматью при старине Джексоне, — пробормотал старина Джексон, — потому что у первого же мерзкого и лживого инопланетянина, который попробует это сделать, будет трехдюймовая дырка во лбу.

С этими словами Джексон зашагал назад в город. Голова у него шла кругом, но он был полон решимости. Его делом было отобрать планету у ее обитателей — причем законно, а для этого он должен понимать их язык. Вот почему так или иначе он добьется ясности. Или кого-нибудь прикончит.

Одно из двух. Что именно, сейчас ему было все равно.

Эрум ждал его в своем кабинете. С ним были мэр, председатель совета города, глава округа, два ольдермена и член правления бюджетной палаты. Все они улыбались — вежливо, хотя и несколько нервно. На буфете были выставлены крепкие напитки. В комнате царила атмосфера товарищества поневоле.

В целом все это выглядело так, будто в лице Джексона они приветствовали нового высокоуважаемого владельца собственности, украшение Факки. С инопланетянами такое иногда бывало: они делали хорошую мину при плохой игре, стараясь снискать милость землян, раз уж их победа была неизбежной.

— *Ман,* — сказал Эрум, радостно пожимая ему руку.

— И тебе того же, крошка, — ответил Джексон. Он понятия не

имел, что означает это слово. Это его и не волновало. У него был большой выбор других наянских слов, и он был полон решимости довести дело до конца.

— *Ман!* — сказал мэр.

— Спасибо, папаша, — ответил Джексон.

— *Ман!* — заявили другие чиновники.

— Очень рад, ребята, что вы к этому так относитесь, — сказал Джексон. Он повернулся к Эруму. — Вот что, давай-ка закончим с этим делом, ладно?

— *Ман-ман-ман,* — ответил Эрум. — *Ман, ман-ман.*

Несколько секунд Джексон с изумлением смотрел на него. Потом он спросил, сдержанно и тихо:

— Эрум, малыш, что именно ты пытаешься мне сказать?

— *Ман, ман, ман,* —твердо заявил Эрум. — *Ман, ман ман ман. Ман ман.* — Он помолчал и несколько нервно спросил мэра: — *Ман, ман?*

— *Ман... ман ман,* — решительно ответил мэр, и другие чиновники закивали. Все они повернулись к Джексону.

— *Ман, ман-ман?* — с дрожью в голосе, но с достоинством спросил его Эрум.

Джексон потерял дар речи. Его лицо побагровело от гнева, а на шее начала биться большая голубая жилка. Он заставил себя говорить медленно и спокойно, но в его голосе слышалась бесконечная угроза.

— Грязная захудалая деревенщина, — сказал он, — что это, паршивцы, вы себе позволяете?

— *Ман-ман?* — спросил у Эрума мэр.

— *Ман-ман, ман-ман-ман,* — быстро ответил Эрум, делая жест непонимания.

— Лучше говорите внятно, — сказал Джексон. Голос его все еще был тихим, но вена на шее вздулась, как пожарный шланг под давлением.

— *Ман!* — быстро сказал один из ольдерменов главе округа.

— *Ман ман-ман ман?* — жалобно ответил глава округа, и на последнем слове его голос сорвался.

— Так не хотите нормально разговаривать, да?

— *Ман! Ман-ман!* — закричал мэр, и его лицо от страха стало мертвенно-бледным.

Остальные обернулись и тоже увидели, что Джексон вытащил бластер и прицелился в грудь Эрума.

— Кончайте ваши фокусы! — скомандовал Джексон. Вена на шее, казалось, душила его, как удав.

— *Ман-ман-ман!* — взмолился Эрум, падая на колени.

— *Ман-ман-ман!* — пронзительно вскричал мэр и, закатив глаза, упал в обморок.

— Вот сейчас ты у меня получишь, — сказал Эруму Джексон. Его палец на спусковом крючке побелел.

У Эрума стучали зубы, но ему удалось сдавленно прохрипеть: «*Ман-ман-ман?*» Потом его нервы сдали, и он стал ждать смерти с отвисшей челюстью и остекленевшим взором.

Курок сдвинулся с места, но внезапно Джексон отпустил палец и засунул бластер назад в кобуру.

— *Ман, ман!* — сумел выговорить Эрум.

— Заткнись! — оборвал его Джексон. Он отступил назад и свирепо посмотрел на съежившихся наянских чиновников.

Ах, как бы ему хотелось всех их уничтожить! Но этого он сделать не мог. Джексону пришлось в конце концов признать неприемлемую для него действительность.

Его мозг полиглота проанализировал то, что услышало его непогрешимое ухо лингвиста. В смятении он понял, что наянцы не разыгрывают его. Это был настоящий язык, а не бессмыслица.

Сейчас этот язык состоял из единственного слова «ман». Оно могло иметь самые разные значения, в зависимости от высоты тона и порядка слов, от их количества, от ударения, ритма и вида повтора, а также от сопровождающих жестов и выражения лица.

Язык, состоящий из бесконечных вариаций одного-единственного слова! Джексон не хотел верить этому, но он был слишком хорошим лингвистом, чтобы сомневаться в том, о чем ему говорили собственные чувства и опыт.

Конечно, он мог выучить этот язык.

Но во что он превратится к тому времени?

Джексон устало вздохнул и потер лицо. То, что случилось, было в некотором смысле неизбежным: ведь изменяются все языки. Но на Земле и на нескольких десятках миров, с которыми она установила контакты, этот процесс был относительно медленным.

На планете На это происходило быстро. Намного быстрее.

Язык хон менялся, как на Земле меняются моды, только еще быстрее. Он был так же изменчив, как цены, как погода. Он менялся бесконечно и беспрестанно, в соответствии с неведомыми правилами и незримыми принципами. Он менял свою форму, как меняет свои очертания снежная лавина. Рядом с ним английский язык казался неподвижным ледником.

Язык планеты На был точным, невероятным подобием реки Гераклита. «Нельзя дважды вступить в одну и ту же реку, — сказал Гераклит, — ведь в ней вечно текут другие воды».

Эти простые слова Гераклита как нельзя более точно определяли сущность языка планеты На.

Это было плохо. Но еще хуже было то, что наблюдатель вроде Джексона не мог даже надеяться зафиксировать или выделить хотя бы одно звено из динамично движущейся цепи терминов, составляющих этот язык. Ведь подобная попытка наблюдателя сама по себе была довольно грубым вмешательством в систему языка: она могла изменить эту систему и разрушить ее связи, тем

самым вызывая в языке непредвиденные перемены. Вот почему, если из системы терминов выделить один, нарушатся их связи, и тогда само значение термина, согласно определению, будет ложным.

Сам факт подобных изменений делал недоступным как наблюдение за языком, так и выявление его закономерностей. Все попытки овладеть языком планеты На разбивались о его неопределимость. И Джексон понял, что воды реки Гераклита прямиком несут его в омут «индетерминизма» Гейзенберга[1]. Он был поражен, потрясен и смотрел на чиновников с чувством, похожим на благоговение.

— Вам это удалось, ребята, — сказал он им. — Вы побили систему. Старушка Земля и не заметила бы, как проглотила вас, и тут уж вы ничего бы не смогли поделать. Но у нас люди большие законники, а наш закон гласит, что любую сделку можно заключить только при одном условии: при уже налаженном общении.

— *Ман?* — вежливо спросил Эрум.

— Так что я думаю, друзья, это значит, что я оставлю вас в покое, — сказал Джексон. — По крайней мере, до тех пор, пока не отменят этот закон. Но, черт возьми, ведь передышка — это лучшее, чего только можно желать, не так ли?

— *Ман ман,* — нерешительно проговорил мэр.

— Ну, я пошел, — сказал Джексон. — Я за честную игру... Но если я когда-нибудь узнаю, что вы, наянцы, разыгрывали комедию... — Он не договорил. Не сказав больше ни слова, он повернулся и пошел к своей ракете.

Через полчаса он стартовал, а еще через пятнадцать минут лег на курс.

6

В кабинете Эрума чиновники наблюдали за кораблем Джексона, который сверкал, как комета, в темном вечернем небе. Он превратился в крошечную точку и пропал в необъятном космосе.

Некоторое время чиновники молчали; потом они повернулись и посмотрели друг на друга. Внезапно ни с того ни с сего они разразились смехом. Они хохотали все сильнее и сильнее, схватившись за бока, а по их щекам текли слезы.

Первым с истерией справился мэр. Взяв себя в руки, он сказал:

— *Ман, ман, ман-ман.*

Эта мысль мгновенно отрезвила остальных. Веселье стихло. С тревогой созерцали они далекое враждебное небо, и перед их глазами проходили события последних дней.

Наконец молодой Эрум спросил:

[1] Гейзенберг, Вернер — немецкий физик-теоретик. В 1927 году сформулировал соотношение неопределенностей.

— *Ман-ман? Ман-ман?*

Несколько чиновников улыбнулись его наивности. И все же никто из них не смог ответить на этот простой, но жизненно важный вопрос. В самом деле, почему? Отважился ли кто-нибудь хотя бы предположить ответ?

Эта неопределенность не только не проливала света на прошлое, но и ставила под сомнение будущее. И если нельзя было дать правильного ответа на этот вопрос, то не иметь вообще никакого ответа было невыносимо.

Молчание затянулось, и губы молодого Эрума скривились в не по возрасту циничной усмешке. Он довольно грубо заявил:

— *Ман! Ман-ман! Ман?*

Его оскорбительные слова были продиктованы всего лишь поспешной жестокостью молодости; но такое заявление нельзя было оставить без внимания. И почтенный первый ольдермен выступил вперед, чтобы попробовать дать ответ.

— *Ман ман, ман-ман,* — сказал старик с обезоруживающей простотой. — *Ман ман ман-ман? Ман ман-ман-ман. Ман ман ман: ман ман. Ман, ман ман ман-ман ман ман. Ман-ман? Ман ман ман ман!*

Вера, прозвучавшая в этих словах, тронула Эрума до глубины души. Его глаза неожиданно наполнились слезами. Позабыв об условностях, он поднял лицо к небу, сжал руку в кулак и прокричал:

— *Ман! Ман! Ман-ман!*

Невозмутимо улыбаясь, старик ольдермен тихо прошептал:

— *Ман-ман-ман, ман, ман-ман.*

Как ни странно, эти слова и были правильным ответом на вопрос Эрума. Но эта удивительная правда была такой страшной, что, пожалуй, даже к лучшему, что, кроме них, никто ничего не слышал.

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Эверетт Бартолд застраховал свою жизнь. Но сперва он поднатаскался в страховом деле, уделив особое внимание разделам: «Нарушение договорных обязательств», «Умышленное искажение фактов», «Мошенничество во времени» и «Выплата страховых премий».

Прежде чем оформлять полис, Бартолд посоветовался с женой. У Мэвис Бартолд — худощавой, красивой, нервной женщины — повадки были вкрадчивые, кошачьи.

— Ничего не выйдет, — тотчас же заявила она.

— Дело верное, — возразил Бартолд.

— Тебя упрячут под замок, а ключ забросят подальше.

— Никогда в жизни. Все будет разыграно как по нотам, лишь бы ты не подвела.

— Меня привлекут как соучастницу, — сообразила жена. — Нет уж, уволь.

— Дорогая, насколько мне помнится, тебе давно нужно манто из натурального мексиканского эскарта.

Глаза Мэвис блеснули, супруг нащупал уязвимое место.

— И мне пришло в голову, — без нажима продолжал Бартолд, — что ты бы получила удовольствие от гардероба «Летти Дет», ожерелья из руумов, виллы на Венерианской Ривьере и...

— Хватит, дорогой!

Миссис Бартолд давно подозревала, что в этом тщедушном теле бьется отважное сердце. Бартолд был приземист, начинал лысеть, отнюдь не поражал красотой, глаза его кротко смотрели из-под роговых очков. Однако душе его впору было обитать в мускулистом теле какого-нибудь пирата.

Бартолд занялся последними приготовлениями. Он пошел в лавочку, где рекламировались одни товары, а продавались другие. Он оставил там несколько тысяч долларов и ушел, крепко сжимая в руке коричневый чемоданчик.

Бартолд сдал чемоданчик в камеру хранения, собрался с духом и предстал перед служащими корпорации «Межвременная Страховка».

Целый день его выстукивали и выслушивали врачи. Он заполнил кучу бланков, и, наконец, его привели в кабинет окружного директора мистера Гринза.

Гринз оказался рослым приветливым человеком. Он быстро прочел заявление Бартолда и кивнул.

— Отлично, отлично, — сказал он. — Все как будто в порядке.

— Кажется, да, — ответил Бартолд, несколько месяцев подряд изучавший стандартный бланк фирмы.

— Выписываем полис на страхование жизни, — пояснил мистер Гринз. — Длительность жизни измеряется исключительно в единицах субъективного физиологического времени. Полис служит гарантией на протяжении 1000 лет по обе стороны Настоящего. Но не дальше.

— Мне и в голову не пришло бы забраться дальше, — вставил Бартолд.

— И в полисе имеется известная статья о раздвоении личности. Понятны ли вам ее условия и смысл?

— Пожалуй, — ответил Бартолд, затвердивший эту статью слово в слово.

— Значит, все в порядке. Распишитесь вот здесь. И здесь. Спасибо, сэр.

Бартолд вернулся на службу — он заведовал сбытом в компании «Алпро Мэньюфэкчеринг» (игрушки для детей любого возраста) — и тут же во всеуслышание заявил, что намерен незамедлительно заняться сбытом в Прошлом.

— Слабовато у нас с реализацией во времени, — сказал он. — Поеду-ка я сам в Прошлое, лично налажу там сбыт.

— Чудесно! — вскричал директор компании «Алпро», мистер Карлайл. — Я уже давненько об этом подумываю, Эверетт.

— Знаю, что подумываете, мистер Карлайл. Ну а я, сэр, принял решение совсем недавно. «Поезжай-ка сам, — сказал я себе, — да погляди, что там происходит». Я все приготовил и готов ехать хоть сейчас.

Мистер Карлайл похлопал его по плечу.

— Вы лучший заведующий сбытом из всех, кто служил когда-либо в «Алпро», Эверетт. Очень рад, что вы приняли такое решение. Да, между прочим, — мистер Карлайл лукаво усмехнулся. — Есть у меня адресок в Канзас-сити 1895 года, может быть, он вас заинтересует. Нынче таких уже не повстречаешь. А в Сан-Франциско 1850 года я знаю одну...

— Нет, спасибо, сэр.

— Чисто по-деловому, а, Эверетт?

— Да, сэр, — ответил Бартолд с добродетельной улыбкой. — Чисто по-деловому.

Вертолетом Бартолд добрался до центрального выставочного зала фирмы «Темпорал Моторс» и приобрел флипер класса «А».

— Вы не пожалеете, сэр, — говорил продавец, снимая ярлык с поблескивающей машины. — Мощная штучка! Двойной импеллер, регулируемая прицельная высадка в любом году. Никакой опасности стазиса.

— Прекрасно, — сказал Бартолд. — Значит, можно садиться.

— Конечно, сэр. Темпорометр стоит на нуле, он будет регистрировать ваши маршруты во времени. Вот список запретных временных зон. Проникновение в запретную зону карается по всей строгости федерального закона. На темпорометре будет зафиксировано даже самое кратковременное пребывание в запретной зоне.

Бартолд забеспокоился. Продавец, конечно, ничего не подозревает. Но с какой стати он все время разглагольствует о запретах и нарушениях?

— По инструкции, я должен разъяснить вам закон, — жизнерадостно продолжал продавец. — А еще, сэр, предельная дальность путешествия во времени — тысяча лет. Путешествия на большее расстояние дозволяются лишь с письменного разрешения Государственного Департамента.

Бартолд принужденно улыбнулся, пожал продавцу руку, сел в машину и нажал кнопку «старт».

Его окутало серое небытие. Бартолд думал о мелькающих мимо годах — бесформенных и бесконечных, о серых мирах, о серой Вселенной...

Однако философствовать было некогда. Бартолд открыл коричневый чемоданчик и вынул оттуда стопку бумажных листов с машинописным текстом. Бумаги, составленные неким агент-

ством частного сыска времени, содержали всеобщую историю рода Бартолдов вплоть до родоначальника.

Бартолду нужен был Бартолд. Но не всякий. Нужен был мужчина лет 38, холостой, не поддерживающий связи с родней, не имеющий ни близких друзей, ни ответственной работы. А самое лучшее — вовсе никакой работы.

Нужен был такой Бартолд, которого никто бы не хватился и не стал бы разыскивать, если бы он вдруг исчез.

В роду Бартолдов почти все мужчины в возрасте 38 лет были женаты. Некоторые не дожили до этих лет. У тех немногих, что остались живыми и холостыми, были добрые друзья и любящие родственники.

Оставшиеся после отбора кандидатуры можно было пересчитать по пальцам. Бартолд ехал проверить эти кандидатуры в надежде отыскать подходящую...

Серая мгла расступилась. Бартолд увидел булыжную мостовую. Мимо прогромыхал чудной автомобиль на неимоверно высоких колесах; за рулем сидел человек в соломенной шляпе.

Бартолд высадился в Нью-Йорке 1912 года.

Первым в списке значился Джек Бартолд, прозванный друзьями «Джеки-Бык», — бродячий печатник с рыскающими глазами и зудом в ногах. В 1902 году Джек бросил жену с тремя детьми и вернуться к семье не собирался. Бартолд смело мог считать его холостым. Он кочевал из типографии в типографию, нигде не задерживаясь подолгу. Теперь, в 38 лет, он работал где-то в Нью-Йорке.

Бартолд начал с района Бэттери. В одиннадцатой по счету типографии на Уотер-стрит он разыскал нужного человека.

— Вам Джека Бартолда? — переспросил старенький метранпаж. — Конечно, он в цехе. Эй, Джек! К тебе приятель!

У Бартолда зачастил пульс. Из темных закоулков типографии к нему направился человек. Он хмуро подошел вплотную.

— Я Джек Бартолд, — сказал он. — Тебе чего?

Бартолд поглядел на родича и грустно покачал головой. Этот Бартолд явно непригоден.

— Ничего, — ответил он. — Ровным счетом ничего.

Он круто повернулся и ушел из типографии.

Джеки-Бык, который при росте пять футов восемь дюймов весил двести девяносто фунтов, почесал в затылке.

— Какого дьявола, что это значит? — спросил он.

Эверетт Бартолд вернулся в машину и задал ей новый маршрут. «Очень жаль, — подытожил он мысленно, — но разжиревший Бартолд не вписывается в мои планы».

Следующая остановка была сделана в Мемфисе 1869 года. Одетый в подобающий костюм, Бартолд отправился в отель «Дикси Белл» и спросил у дежурного, как повидать Бена Бартолдера.

— Да как вам сказать, сэр, — ответил старик-дежурный, — ключ у меня, значит, его, стало быть, нет. Может, найдете его в салуне, тут на углу, в компании таких же никудышных людишек!

Бартолд проглотил оскорбление и двинулся в салун.

Вечер только начинался, но газовый свет уже пылал вовсю. Кто-то бренчал на банджо, у бара за стойкой красного дерева не было ни одного свободного места.

Бартолд сразу узнал того, кого искал. Бена Бартолдера он ни с кем не мог бы спутать.

Тот был точной копией Эверетта Бартолда.

А за этой-то жизненно важной особенностью и охотился Бартолд.

— Мистер Бартолдер, — сказал он, — нельзя ли нам перекинуться словечком с глазу на глаз?

— Почему бы нет? — ответил Бен Бартолдер.

Бартолд отвел его к свободному столику. Родственник уселся напротив и устремил на Бартолда внимательный взгляд.

— Сэр, — сказал Бен, — между нами имеется поразительное сходство.

— Воистину, — согласился Бартолд. — Это одна из причин моего появления.

— Есть и другие?

— Сейчас к ним перейдем. Не хотите ли выпить?

Бартолд заказал спиртного и подметил, что Бен держит правую руку под столом, на коленях. Бартолд заподозрил, что рука сжимает пистолет. Время такое, что северянам приходится быть начеку.

Когда подали выпивку, Бартолд сказал:

— Будем говорить без обиняков. Вас не привлекает крупное состояние?

— Кого оно не привлекает?

— Даже если ради него надо совершить долгий и трудный путь?

— Я приехал сюда из Чикаго, — сказал Бен, — и могу прокатиться еще дальше.

— А если дойдет до того, чтобы нарушить кое-какие законы?

— Вы убедитесь, сэр, что Бен Бартолдер готов на все, была бы ему выгода.

— Есть где-нибудь место, где нам наверняка не помешают?

— Мой номер в отеле.

— Так пойдемте.

Собеседники встали. Бартолд посмотрел на правую руку Бена и ахнул.

У Бенджамина Бартолдера не было кисти правой руки.

— Потерял под Виксбургом, — объяснил Бен, перехватив потрясенный взгляд Бартолда. — Но ничего. С любым готов драться, один на один одолею его левой рукой и обрубком правой.

— Ничуть не сомневаюсь, — растерянно откликнулся Бартолд. — Восхищен вашим мужеством, сэр. Подождите меня здесь. Я... я сейчас вернусь.

Бартолд стремительно проскочил сквозь входной турникет салуна и сразу бросился к флиперу.

Калека не вписывался в его планы.

Бартолд перенесся в Пруссию 1676 года. Располагая привитым под гипнозом знанием немецкого языка и одеждой соответствующего фасона, он бродил по пустынным улицам Кенигсберга в поисках Ганса Берталера.

Стоял полдень, но улицы были диковинно, до жути безлюдны. Бартолд все шел да шел, и в конце концов повстречался с монахом.

— Берталер? — призадумался монах. — А-а, вы о старике Оттопортном! Он теперь живет в Равенсбрюке, добрый господин.

— Это, наверное, отец, — возразил Бартолд. — А я ищу сына, Ганса Берталера.

— Ганса... Конечно! — Монах энергично закивал, потом метнул на Бартолда ехидный взгляд. — А вы уверены, что вам нужен именно он?

— Совершенно уверен, — сказал Бартолд.

— Вы найдете его у собора, — ответил монах. — Пойдемте, я и сам туда направляюсь.

Бартолд последовал за монахом. Берталер был наемным солдатом, воевал по всей Европе. Таких у собора не найдешь... Разве что, подумал Бартолд, сгоряча ударился в религию...

— Вот и пришли, господин, — сказал монах, останавливаясь перед благородным, устремленным ввысь зданием. — А вот и Ганс Берталер.

Бартолд увидел на ступенях собора человека в лохмотьях. Рядом лежала бесформенная шляпа, а в шляпе — два медяка и хлебная корка.

— Нищий, — брезгливо пробормотал Бартолд. — Но все же, не исключено...

Он пригляделся внимательнее и заметил пустые, бессмысленные глаза, отвисшую челюсть, подергивающиеся губы.

— Душераздирающее зрелище, — сказал монах. — В битве со шведами Ганса Берталера ранило в голову, и с тех пор он так и не пришел в себя.

Бартолд кивнул, оглянулся на пустынную соборную площадь, на безлюдные улицы.

— А где все? — спросил он.

— Да неужто вы не знаете, господин? Все бежали из Кенигсберга, кроме него да меня. Ведь здесь Великая Чума!

Бартолд в ужасе отшатнулся и побежал по пустынным улицам назад, к флиперу, антибиотикам и любому другому году.

Предчувствуя неотвратимый крах, промчался Бартолд сквозь

годы в Лондон конца XVI века. И в таверне «Медвежонок», что близ Грейт-Хергфорд Кросса, осведомился о некоем Томасе Бартале.

— Это зачем же вам понадобился Бартал? — спросил трактирщик на таком варварском наречии, что Бартолд с трудом понял смысл вопроса.

— У меня к нему дело, — ответил Бартолд на гипноусвоенном староанглийском языке.

— Быть того не может! — Трактирщик смерил взглядом Бартолда, оценил кружевную пену брыжжей. — Да неужели вы не шутите?

Посетители обступили Бартолда, не выпуская из рук оловянных кружек, и на фоне лохмотьев он разглядел блеск смертоносного металла.

— Фискал, а?

— Какого шута здесь делать фискалу?

— Может, слабоумный?

— Безусловно, иначе не пришел бы сюда один.

— И просит, чтобы мы выдали ему беднягу Тома!

Трактирщик с ухмылкой наблюдал за тем, как толпа оборванцев надвигается на Бартолда, как оловянные кружки вот-вот будут пущены в ход вместо палиц. Бартолда прижали к стене.

— Я не фискал! — воскликнул он.

— Бабушке своей расскажи!

Тяжелая кружка грохнулась о дубовую панель у него над головой.

Бартолда осенило: он сдернул с головы шляпу, разукрашенную перьями.

— Посмотрите на меня!

Оборванцы уставились на него во все глаза.

— Ну вылитый Том Бартал! — охнул кто-то.

— Но Том ведь даже не заикался, что у него есть брат! — заметил другой.

— Мы близнецы, — поспешно разъяснил Бартолд. — Нас разлучили, едва мы появились на свет. Лишь месяц назад я узнал, что у меня есть брат-близнец. И вот я здесь, чтобы познакомиться с ним.

Для Англии XVI века история была вполне правдоподобная, да и сходства не приходилось отрицать. Бартолда усадили за стол и поставили перед ним кружку с элем.

— Ты опоздал, парень, — сказал ему дряхлый одноглазый нищий. — Отменно он работал, лихой был гарцовщик...

Бартолд вспомнил, что так в старину называли конокрадов.

— ...но его схватили в Эйлсбери, и пытали его, и судили вместе с пиратами, и, что еще хуже, признали виновным.

— Какой же у него приговор? — спросил Бартолд.

— Суровый, — сказал коренастый вор. — Сегодня его повесят на Рынке Строптивых.

На мгновение Бартолд замер. Потом спросил:

— А брат действительно похож на меня?

— Как две капли воды! — вскричал трактирщик. — Удивления достойно, прямо глазам не верится. Тот же лик, тот же рост, тот же вес — все одинаковое!

Остальные закивали в знак согласия. И Бартолд, столь близкий к цели, решил идти ва-банк. Во что бы то ни стало ему нужен был Том Бартал!

— Слушайте меня внимательно, друзья, — сказал он. — Вы ведь не очень-то любите фискалов и законы Лондона, правда? А я во Франции слыву богачом, большим богачом. Хотите отправиться туда вместе со мной и жить, как бароны? Тише, тише, — я не сомневаюсь, что хотите. Что ж, это можно, друзья. Но надо взять и моего брата.

— Это как же? — удивился плечистый лудильщик. — Его же сегодня повесят!

— Разве вы не мужчины? — сказал Бартолд. — Разве вы не вооружены? Разве не пойдете на риск ради богатства и привольной жизни?

...На Рынке Строптивых собралась сравнительно небольшая кучка зевак, ибо казнь была мелкая и незначительная. Но все же хоть какое-то развлечение, и люди азартно улюлюкали, когда повозка с приговоренным прогромыхала по булыжной мостовой и остановилась у подножья виселицы.

Палач уже взошел на помост, уже окинул толпу взглядом сквозь прорези в черной маске, и теперь проверял прочность веревки. Два констебля провели Тома Бартала вверх по ступенькам, подвели к палачу, протянули руки к веревке...

Бартолд, разинув рот, смотрел на осужденного. Бартал был похож на Бартолда точь-в-точь, если не считать одной мелочи.

Щеки и лоб у Бартала были изрыты оспинами.

— Самое время нападать, — сказал трактирщик. — Вы готовы, сэр? Сэр! Эй!

Он обернулся через плечо и увидел, что шляпа с перьями скрывается из виду в переулке.

В глубокой меланхолии возвращался Эверетт Бартолд к флиперу. Рябой никак не вписался бы в его планы.

Все понапрасну — ни одного пригодного Бартолда. Теперь он приближался к тысячелетнему барьеру.

Дальше забираться нельзя... Во всяком случае, по закону.

Но не может он вернуться с пустыми руками, да и не желает.

Есть же где-то во времени какой-нибудь Бартолд, пригодный для дела!

Он раскрыл коричневый чемоданчик и вынул оттуда маленький тяжелый аппарат. Там, в Настоящем времени, Бартолд выложил за него несколько тысяч долларов.

Он старательно наладил аппарат и подключил к темпорометру.

Теперь Бартолд волен странствовать во времени, где заблагорассудится — хоть среди неандертальцев. Темпорометр этого не отметит.

На какой-то миг Бартолду захотелось отказаться от своей затеи, вернуться к безопасности, к жене, к работе. Уж очень это страшно — ринуться через грань тысячелетия...

Он прибыл в Англию 662 года, к окрестностям древней крепости Мейден-Касл. Флипер он спрятал в лесной чаще, а сам в простом одеянии из грубого холста направился к крепости.

Он обогнал двоих голых по пояс путников, что-то распевающих по-латыни. Тот, что шел сзади, хлестал переднего кожаной плетью. А потом они поменялись местами, даже не сбившись с ритма ударов.

— Прошу прощения, сэры...

Но путники даже не удостоили его взглядом.

Бартолд зашагал дальше, утерев пот со лба. Немного погодя он поравнялся с человеком в накидке, с арфой на одном боку и мечом на другом.

— Сэр, — обратился к нему Бартолд, — не знаете ли, где мне разыскать родича, на днях прибывшего сюда? Звать его Коннор Лох мак Байртр.

— Знаю, — ответил незнакомец.

— Где? — спросил Бартолд.

— Перед тобой, — ответил незнакомец. Он мгновенно отступил на шаг, сбросил арфу на траву и выхватил меч из ножен.

Бартолд смотрел на Байртра как зачарованный. Под длинными волосами он увидел точную и несомненную копию собственной физиономии.

Наконец-то кандидатура найдена!

Однако кандидатура явно не намеревалась вступать в сотрудничество. Медленно наступая с мечом наголо, Байртр приказал:

— Сгинь, демон, иначе разрублю на куски!

— Я не демон! — обиделся Бартолд. — Я твой родич!

— Лжешь, — непреклонно заявил Байртр. — Я долго странствовал по свету, это верно, и давненько не был дома. Однако я наперечет помню всех членов семьи. Ты не из них. Значит, ты демон, а обличье мое принял в колдовских целях.

— Погоди! — взмолился Бартолд. — Ты никогда не задумывался о будущем?

— О будущем?

— Да, о будущем!

— Слыхал я о том чудном времени, хоть сам и живу только сегодняшним днем, — проговорил Байртр и медленно опустил меч. — Знавал я одного чужеземца, трезвый он называл себя корнуэль-

цем, а пьяный — фоторепортером из «Лайфа». Ходит, бывало, повсюду, щелкает какой-то игрушкой да что-то себе под нос бормочет. Накачаешь его медом — он и расскажет тебе про облик грядущего.

— Вот и я оттуда, — сказал Бартолд. — Я твой дальний родич из будущего. А прибыл я для того, чтобы предложить тебе несметное богатство!

Байртр проворно сунул меч в ножны.

— Это весьма любезно с твоей стороны, родич, — сказал он вежливо.

— Иди со мной, — распорядился Бартолд и повел его к флиперу.

В коричневом чемоданчике лежало все необходимое. Бартолд лишил Байртра сознания с помощью микрошприца. Затем, приставив ко лбу Байртра электроды, гипнотически привил ему краткий курс всемирной истории, достаточное знание английского языка и некоторые представления об американских обычаях.

Гипнообучение длилось почти двое суток. Тем временем Бартолд специальным аппаратом пересадил кожу со своих пальцев на пальцы Байртра. Теперь отпечатки у обоих стали идентичны.

Затем, то и дело сверяясь со списком, Бартолд наделил Байртра кое-какими недостающими особыми приметами и избавил его от кое-каких излишних. Процесс электролиза скомпенсировал то обстоятельство, что Бартолд начинал лысеть, а его родич — нет.

Когда все было закончено, Байртр застонал, схватился за свою гипнофаршированную голову и сказал на современном английском языке:

— Ну и ну! Чем это ты меня оглушил?

— Не тревожься, — ответил Бартолд. — Займемся-ка делом.

Он вкратце изложил свой план обогащения за счет корпорации «Межвременная Страховка».

— А там и вправду заплатят? — спросил Байртр.

— Заплатят, если не смогут оспорить претензию.

— И такие огромные деньги?

— Да. Я проверял заранее. Страховая премия за раздвоение личности фантастически высока.

— Этого я по-прежнему не понимаю, — сказал Байртр. — Что такое раздвоение личности?

— Так бывает, — объяснил Бартолд, — если путешественник в Прошлое пересек зеркальную трещину в фактуре времени. Это случается чрезвычайно редко. Но уж когда случается... В Прошлое, сам понимаешь, отправлялся один, а вернулись два абсолютно одинаковых человека. Каждый считает, что он-то и есть подлинный, первоначальный, что только ему принадлежит право на собственность, службу, жену и так далее. Кто-то один должен отречься от всех прав и отправиться жить в Прошлое. Другой остается в родном времени, но живет в вечном страхе, с вечной тревогой и чувством вины.

— Гм, — Байртр задумался. — И часто оно случалось, это самое раздвоение?

— За всю историю путешествий во времени — раз десять, не больше. Есть меры предосторожности: принято держаться подальше от Узлов Парадокса и соблюдать тысячелетнее ограничение.

— Ты заехал дальше, чем на тысячу лет, — вставил Байртр.

— Я пошел на риск и выиграл.

— С такими деньгами я мог бы стать бароном, — мечтательно проговорил Байртр. — А в Ирландии, пожалуй, даже королем! Я к тебе присоединяюсь.

— Прекрасно. Распишись вот здесь.

— А что это? — спросил Байртр, хмуро поглядев на казенного вида бумагу, подсунутую Бартолдом.

— Всего-навсего обязательство: получив с «Межвременной Страховки» должную компенсацию, ты тотчас же вернешься в Прошлое, в любую эпоху по собственному усмотрению, и откажешься от всех и всяческих прав на Настоящее. Подпишись «Эверетт Бартолд». Дату я проставлю попозже.

— Ты все предусмотрел, а? — вздохнул Байртр.

— Старался уберечь себя от досадных неожиданностей. Мы отправляемся на мою родину, в мою эпоху, и я намерен там и остаться. Пошли. Тебе надо постричься и вообще привести себя в порядок.

Рука об руку двойники зашагали к флиперу.

Открыв дверь, Мэвис пронзительно вскрикнула, всплеснула руками и упала в обморок.

Позднее, когда мужья привели ее в чувство, она в какой-то степени овладела собой.

— Получилось, Эверетт! — сказала она. — Эверетт!

— Это я, — отозвался Эверетт. — Познакомься с моим родичем Коннором Лох мак Байртром.

— Невероятно! — вскричала миссис Бартолд.

— Значит, мы похожи? — спросил ее супруг.

— Неразличимо! Просто неразличимо!

— Отныне и присно, — повелел Бартолд, — считай нас обоих Эвереттом Бартолдом. За тобой будут следить сыщики и следователи страховой фирмы. Помни: твоим супругом может быть любой из нас или оба вместе. Обращайся с нами совершенно одинаково.

— Как хочешь, дорогой, — с напускной застенчивостью проворковала Мэвис.

— Разумеется, кроме того... то есть кроме как в сфере... сфере...

черт возьми, Мэвис, неужели ты сама не разбираешься, кто из нас — я?

— Конечно, разбираюсь, милый, — проворковала Мэвис. — Жена везде узнает своего мужа.

С приходом двух Эвереттов Бартолдов в помещении «Межвременной Страховки» воцарились ужас, смятение, страх и бестолковая лихорадка телефонных звонков.

— Первый случай подобного рода за пятнадцать лет, — сообщил мистер Гринз. — О господи! Вы, конечно, согласны на детальный осмотр?

Их ощупывали и мяли врачи. Врачи обнаружили расхождения, каковые скрупулезно перечислили, обозначив их длинными латинскими терминами. Однако все эти расхождения не выходили из нормального диапазона отклонений, какие бывают у темпоральных двойников.

Инженерно-технические работники «Межвременной Страховки» выверили темпорометр, установленный на флипере. Они осмотрели приборы управления — на них были заданы эпохи: Настоящее, 1912, 1869, 1676 и 1595. На перфоленте был пробит и 662 год — год запретный, — но, как показывал темпорометр, эта команда не была исполнена. Бартолд объяснил, что случайно задел не те кнопки, а потом счел за благо оставить все как есть.

Подозрительно, но не дает оснований отказать в выплате премии.

Мистер Гринз предложил компромиссное решение, которое оба Бартолда отвергли. Он предложил два других, которые постигла та же участь.

Последняя беседа состоялась в кабинете Гринза. Два Бартолда расселись по обе стороны письменного стола, и вид у них был такой, будто вся эта история им наскучила.

— Хоть убейте, не понимаю, — сказал Гринз. — Для эпох, по которым перемещались вы, сэр, и вы, сэр, вероятность попадания в зеркальную трещину составляет примерно одну миллионную!

— Видимо, эта одна миллионная себя и показала, — заметил Бартолд, а Байртр кивнул.

— Но как-то все кажется не... ну да ладно, чему быть, того не миновать. Вы уладили вопрос о своем дальнейшем сосуществовании?

Бартолд протянул Гринзу документ, подписанный Байртром еще в 662 году.

— Отбудет он, незамедлительно после получения компенсации.

— Вас это устраивает, сэр? — обратился Гринз к Байртру.

— Еще бы, — ответил Байртр. — Все равно, мне здесь не по нутру.

— То есть как это, сэр?

— Я хочу сказать, — заторопился Байртр, — мне всегда хотелось оторваться от общества, знаете, такая у меня затаенная мечта — жить в укромном месте, на природе, среди простых людей и так далее...

— Понятно, — с сомнением в голосе произнес мистер Гринз. — А вы разделяете эти чувства, сэр? — обратился он к Бартолду.

— Безусловно, — категорически заявил Бартолд. — У меня точно те же затаенные мечты. Но кто-то из нас вынужден остаться — из чувства долга, знаете ли, — так вот, остаться согласился я.

— Понятно, — повторил Гринз, хоть тоном он ясно показывал, что ему решительно ничего не понятно. — Гм. Хорошо. Вам сейчас выписывают чеки — вам, сэр, и вам, сэр. Можете получить завтра же с утра... Конечно, если до тех пор нам не представят доказательств вашей недобросовестности.

Бартолд схватил Байртра за руку и потащил к вертолету-автомату, причем сознательно не сел в первый же свободный.

Он нажал клавишу управления, потом посмотрел назад — нет ли погони. Потом обшарил кабину вертолета, проверяя, нет ли скрытой кинокамеры или звукозаписывающей аппаратуры. И лишь после этого заговорил с Байртром.

— Ты безнадежный кретин! Эта шуточка может обойтись нам в целое состояние! Гринз, несомненно, держит нас теперь под наблюдением. Если заметят хоть что-нибудь — что-нибудь опровергающее наши права на премию, — это будет значить Каторжный Планетоид.

— Нам надо держаться начеку, — здраво рассудил Байртр.

— Рад, что ты это понимаешь, — отозвался Бартолд. — Вечером поиграем в картишки, поболтаем, попьем кофе и вообще все проделаем так, будто мы оба — Бартолды. Утром я поеду за чеками.

— Годится, — согласился Байртр. — С удовольствием вернусь. Не понимаю, как ты тут терпишь вокруг себя сталь и камень. Нет уж, я — в Ирландию. Стану ирландским королем!

— Не загадывай, рано еще.

Бартолд отпер дверь, и они вошли в дом.

— Здравствуй, милый, — произнесла Мэвис, глядя в пространство между ними.

— Ты уверяла, что всегда узнаешь меня, — сухо прокомментировал Бартолд.

— Конечно, узнаю, дорогой! — Мэвис одарила его нежной улыбкой. — Просто мне не хотелось обижать бедного мистера Байртра. Тебе кто-то звонил, милый. И еще позвонят. Котик, я тут проглядывала рекламные объявления о мехе эскаргов. Полярный марсианский эскарг чуть дороже простого канального, но...

— Кто-то звонил? — перебил ее Бартолд. — Кто же?

— Не назвался. Зато он гораздо прочнее, и мех отличается радужным блеском, исключительно...

— Мэвис! Что ему было нужно?

— Что-то такое в связи с раздвоением личности, — ответила жена. — Но там ведь все улажено, не правда ли?

— Ничего не улажено, пока у меня на руках нет чека, — обозлился Бартолд. — А теперь повтори слово в слово, что он тебе сказал.

— Да сказал, что звонит насчет твоей так называемой претензии к корпорации «Межвременная Страховка»...

— Так называемой? Прямо сказал «так называемой»?

— Слово в слово. Так называемой претензии к корпорации «Межвременная Страховка». Сказал, что непременно должен переговорить с тобой, и срочно, до наступления утра.

Бартолд почернел.

— И он сказал, что перезвонит попозже?

— Он сказал, что явится лично.

— Что такое? — всполошился Байртр. — Что это значит? Не иначе как страховой сыщик!

— Вот именно, — подхватил Бартолд. — По-видимому, он напал на какой-то след.

В дверь позвонили.

— Открывай, Бартолд! — прогремел чей-то голос. — Не пытайся увильнуть!

— Нельзя ли его умертвить? — осведомился Байртр.

— Слишком сложно! Идем! Через черный ход!

— Но зачем?

— Там стоит флипер. Бежим в Прошлое! Неужто не понимаешь? Будь у него в руках полновесные доказательства, он бы давно передал их корпорации. Значит, он только подозревает. Может быть, надеется расколоть нас своими вопросами. Если не попадаться ему на глаза до утра, то мы в безопасности!

— А как же я? — всхлипнула Мэвис.

— Заморочь ему голову, — отмахнулся от нее Бартолд и поволок Байртра через черный ход к флиперу.

Черт возьми! Инженеры и техники страховой компании изъяли из машины темпорометр.

Все пропало! Без темпорометра флипер недвижим. На какой-то миг Бартолд обезумел от страха, но тут же взял себя в руки и решил, что надо как-то выпутываться.

На приборах оставался фиксированный маршрут. Настоящее время и годы 1912, 1869, 1676, 1595 и 662. Поэтому даже без темпорометра во все эти эпохи можно попасть, управляя флипером вручную.

Бартолд быстро нажал кнопку «1912» и взялся за рычаги управления. До него донесся вопль жены. И крик незнакомца.

— Стой! Стой, тебе говорят! — кричал незнакомец.

И флипер ринулся в путь сквозь годы.

Бартолд с Байртром пошли в салун, заказали по кружке пива (десять центов за кружку) и налегли на бесплатную закуску.

— Чертов сыщик, и надо же ему было совать нос куда не просят, — пробормотал Бартолд. — Ну, теперь-то мы от него оторвались. Придется уплатить солидный штраф за вождение флипера без темпорометра. Но теперь это мне по карману.

— Для меня все это чересчур стремительно, — пожаловался Байртр. Он покачал головой и пожал плечами. — Я только хотел спросить, каким образом бегство в Прошлое поможет нам получить завтра утром чеки в твоем Настоящем. Но теперь я и сам догадался.

— Конечно. Считается-то объективное время. Если скроемся в Прошлом часов на двенадцать, то прибудем в мою эпоху через двенадцать часов после отправления. Так исключается возможность накладки — прибытия в самый миг отправления или даже раньше. Обычные правила движения.

— А где мы сейчас?

— В Нью-Йорке 1912 года. Довольно занятная эпоха.

— Я хочу домой. А что это за люди в синем?

— Полисмены, — ответил Бартолд. — Они, по-видимому, кого-то разыскивают.

В салун вошли два усатых полисмена, а за ними следом — необычайно толстый человек в одежде, заляпанной типографской краской.

— Вот они! — взревел Джеки-Бык Бартолд. — Хватайте этих близнецов, начальники!

— В чем дело? — осведомился Эверетт Бартолд.

— Это ваш экипаж стоит на улице?

— Да, сэр, но...

— Все ясно. У меня ордер на арест вас обоих. Так и сказано — «в сверкающем новом экипаже». И вознаграждение обещано, кругленькая сумма.

— Этот малый заявился прямехонько ко мне, — сказал Джеки-Бык. — Я ему говорю, дескать, рад буду помочь... а надо бы дать ему раза, интригану вшивому, сукину...

— Начальники, — всполошился Бартолд, — мы ни в чем не виноваты!

— В таком случае, вам нечего опасаться. А теперь следуйте за мной.

Бартолд увернулся от полисмена, огрел Джеки-Быка по физиономии и выскочил на улицу. Байртр отдавил каблуком ногу одному полисмену, другого стукнул под ложечку, отпихнул в сторону Джеки-Быка и устремился вслед за Бартолдом.

Они прыгнули во флипер, и Бартолд нажал кнопку «1869».

Флипер спрятали на извозчичьем дворе и пошли в близлежащий парк. Расстегнули рубашки и разлеглись на травке.

— Откуда сыщику известен наш маршрут? — спросил Байртр.

— Сыщик знает, что у нас нет темпорометра, поэтому нам доступны только эти годы.

— Значит, и здесь опасно, — заключил Байртр. — Возможно, он нас ищет.

— Возможно, — устало согласился Бартолд. — Но ведь он нас пока не нашел! Еще несколько часов — и мы в безопасности.

— Вы убеждены в этом, джентльмены? — раздался вкрадчивый голос.

Бартолд поднял голову и увидел Бена Бартолдера, а в левой, здоровой руке у него — маленький пистолет.

— Значит, и вам он предлагал вознаграждение! — воскликнул Бартолд.

— Еще как предлагал! И это, смею вас уверить, было весьма заманчивое предложение. Но меня оно не волнует.

— Не волнует? — переспросил Байртр.

— Ничуть. Меня волнует только один вопрос. Я бы хотел знать, кто из вас оставил меня с носом вчера вечером в салуне?

Бартолд и Байртр посмотрели друг на друга, потом на Бена Бартолдера.

— Никто не смеет безнаказанно оскорблять Бена Бартолдера. Пусть у меня всего одна рука, я потягаюсь с любым двуруким! Так вот, мне нужен тот, вчерашний. А другой пусть уйдет с миром.

Бартолд и Байртр встали. Бартолдер отошел назад, так, чтобы оба оставались под прицелом.

— Который из вас, джентльмены? Я не из терпеливых.

Он стоял перед ними, вызывающе покачиваясь на носках, злобный и ядовитый, как гремучая змея.

Бартолд в отчаянии только удивлялся, отчего Бен Бартолдер еще не выстрелил, отчего просто-напросто не уложил их обоих.

Но потом решил эту загадку и тотчас же разработал единственно возможный план действий.

— Эверетт, — окликнул он Байртра.

— Что, Эверетт? — отозвался тот.

— Сейчас мы повернемся к нему спиной и направимся к флиперу.

— А пистолет?

— Он не станет стрелять. Ты идешь?

— Иду, — процедил Байртр сквозь зубы.

— Стой! — заорал Бен Бартолдер. — Стой, стрелять буду!

— А вот не будешь! — огрызнулся Бартолд на ходу. Они успели выйти в переулок и приближались к цели.

— Не буду? Думаешь, побоюсь?

— Не в этом дело, — разъяснил Бартолд, подходя к флиперу. — Просто у тебя не такой характер, чтобы застрелить совершенно невинного человека. А ведь один из нас невиновен!

— Плевать! — взвыл Бартолдер. — Который из вас? Признайся, трус несчастный! Который? Вызываю на честный бой. Признайтесь, иначе обоих пристрелю на месте!

— А что скажут ребята? — парировал Бартолд. — Скажут, что у

однорукого сдали нервишки, и он убил двух безоружных чужаков!

Они забрались в машину и захлопнули дверцу. Бартолдер спрятал пистолет в карман.

— Ладно же, мистер, — сказал Бен Бартолдер. — Ты был здесь дважды, и, сдается мне, не миновать тебе третьего раза. Я подожду. В следующий раз ты от меня никуда не денешься.

Он повернулся и зашагал прочь.

Надо было уносить ноги из Мемфиса. Но куда податься? Бартолд и думать не желал о Кенигсберге 1676 года и Черной Смерти. Лондон 1595 года кишел преступниками — дружками Тома Бартала, и каждый из них с восторгом перережет глотку Бартолду как предателю.

— Пропадать, так с музыкой, — решил Бартолд. — Поехали в Мэйден-Касл.

— А если он и туда заберется?

— Не заберется. Закон запрещает путешествия на расстояния свыше тысячи лет. А страховому сыщику и в голову не придет нарушить закон.

И вот наконец над зеленеющими полями взошло солнце, теплое и желтое.

— Он не появлялся, — сообщил Байртр.

Бартолд вздрогнул и проснулся.

— Чего?

— Протри глаза! Мы спасены. Ведь в твоем Настоящем уже утро? Значит, мы выиграли, и я буду королем Ирландии!

— Да, мы выиграли, — согласился Бартолд. — Черт!

— Что случилось?

— Сыщик! Гляди, вон он!

— Ничего я не вижу. Тебе не показалось?..

Бартолд ударил Байртра камнем по затылку.

Потом нащупал его пульс. Ирландец остался жив, но несколько часов проваляется без сознания. Когда он придет в себя, у него не будет ни спутника, ни королевства.

«Очень жаль», — подумал Бартолд. Но при сложившихся обстоятельствах возвращаться вместе с Байртром рискованно. Проще одному зайти в «Межвременную» и взять чек, выписанный на имя Эверетта Бартолда! А через полчасика зайти еще раз и взять другой чек, выписанный на имя Эверетта Бартолда.

И выгоднее!

Флипер остановился во дворе дома Бартолдов. Эверетт Бартолд быстро поднялся по ступенькам и забарабанил кулаками в дверь.

— Кто там? — отозвалась Мэвис.

— Это я! — закричал Бартолд. — Все в порядке, Мэвис, — все удалось как нельзя лучше!

— Кто? — Мэвис открыла дверь, посмотрела на него и взвизгнула.

— Успокойся, — сказал Бартолд. — Я знаю, ты страшно переволновалась, но теперь все кончено. Схожу за чеком, а потом мы с тобой...

Он осекся. Рядом с Мэвис на пороге появился мужчина — низкорослый, лысеющий, с невзрачным лицом, с глазами, кротко поблескивающими из-под очков в роговой оправе.

Бартолд уставился на Бартолда, возникшего рядом с Мэвис.

— За мной гнался... — начал было он.

— За тобой гнался я, — перебил его двойник. — Разумеется, переодетый, ведь ты нажил во времени кучу врагов. Кретин, почему ты удрал?

— Принял тебя за сыщика. А почему ты за мной гнался?

— По одной-единственной причине.

— По какой же?

— Мы могли бы сказочно разбогатеть, — сказал двойник. — Нас было трое — ты, Байртр и я; мы могли втроем прийти в «Межвременную» и потребовать премии за растроение личности!

— Растроение личности! — ахнул Бартолд. — Такое мне и не снилось!

— Нам бы выплатили чудовищную сумму. Неизмеримо больше, чем за простое раздвоение. Мне на тебя глядеть тошно.

— Что же, — сказал Бартолд, — сделанного не исправишь. По крайней мере, получим премию за простое раздвоение, а там уже решим...

— Я получил оба чека и расписался за тебя. Ты, к сожалению, отсутствовал.

— В таком случае, отдай мою долю.

— Не говори глупости, — поморщился двойник.

— Она моя! Я пойду в «Межвременную» и расскажу...

— Там тебя и слушать не станут. Я подписал твой отказ от всех прав. Тебе нельзя даже находиться в Настоящем, Эверетт.

— Не поступай со мной так! — взмолился Бартолд.

— Это почему же? А как ты поступил с Байртром?

— Да не тебе, черт побери, меня судить! — вскричал Бартолд. — Ведь ты — это я!

— Кому же и судить тебя, как не тебе самому?

Бартолду нечем было крыть. Он обратился к Мэвис.

— Дорогая, — сказал он, — ты твердила, что всегда узнаешь своего мужа. Разве сейчас ты меня не узнаешь?

Мэвис попятилась к двери. Бартолд заметил, что на шее у нее сверкает ожерелье из руумов, и больше ничего не стал спрашивать.

Во дворе приземлился полицейский вертолет. Из него выскочили трое полисменов.

— Этого-то я и опасался, — сказал им двойник. — Мой двойник, как известно, сегодня утром получил свой чек. Он отказался от всех прав и отбыл в Прошлое. Я подозревал, что он вернется и потребует чего-нибудь еще.

— Больше он вас не потревожит, сэр, — пообещал один из полисменов. Он повернулся к Бартолду:

— Эй, ты! Полезай в свой флипер и убирайся прочь из Настоящего. Еще раз увижу — буду стрелять без предупреждения!

Бартолд умел проигрывать.

— Да я бы с радостью отбыл. Но мой флипер нуждается в ремонте. На нем нет темпорометра.

— Об этом надо было думать до того, как ты подписал отказ, — заявил полисмен. — Пошевеливайся!

— Умоляю! — сказал Бартолд.

— Нет, — ответил Бартолд.

И Бартолд знал, что на месте своего двойника он ответил бы точно так же.

Он сел во флипер, захлопнул дверцу. И в оцепенении стал мысленно перебирать возможные варианты (если их позволительно назвать «возможными»).

Нью-Йорк 1912 года? Но там полиция и Джеки-Бык. Мемфис 1869 года? Бартолдер ждет не дождется его третьего визита. Или Кенигсберг 1676 года? Чума! Или Лондон 1595 года? Там головорезы — дружки Тома Бартала. Мэйден-Касл 662 года? А как быть с разъяренным Коннором Лох мак Байртром?

«На сей раз, — подумал Бартолд, — пусть место само меня выбирает».

И, зажмурившись, ткнул кнопку наугад.

РИТУАЛ

Акиенобоб вприпрыжку подбежал к хижине Старейшего Песнопевца и принялся отплясывать Танец Важного Сообщения, ритмично постукивая хвостом по земле. В дверях тут же появился Старейший Песнопевец и принял позу напряженного внимания: руки сложены на груди, хвост обвит вокруг плеч.

— Прибыл корабль богов, — нараспев проговорил Акиенобоб, выплясывая приличествующий случаю танец.

— В самом деле? — откликнулся Старейший Песнопевец, одобрительно косясь на сложные па.

Вот она, пристойная манера! Не то что расхлябанные, упрощенные движения, которые предписывает Альгонова ересь.

— Из Божественного и *непомеддьного* металла! — захлебнулся восторгом Акиенобоб.

— Хвала богам, — церемонно ответил Старейший Песнопевец, скрывая охватившее его возбуждение. «Наконец-то! Боги возвратились!» — Созови общину.

Акиенобоб отправился на сельскую площадь и исполнил там Танец Сборища. Тем временем Старейший Песнопевец воскурил щепотку священного благовония, обтер хвост песком и, очистившись таким образом от скверны, поспешил возглавить приветственные пляски.

Корабль богов — огромный цилиндр из почерневшего изъязвленного металла — лежал в небольшой долине. Селяне, собравшись на почтительном расстоянии, выстроились в символическую фигуру «Общий Привет Всем Богам».

Корабль богов разверзся, и оттуда, шатаясь, с трудом выбрались два бога.

Старейший Песнопевец тотчас же признал их по облику. В Великую Книгу о Богах, написанную почти пять тысячелетий назад, были занесены сведения о всевозможных разновидностях божеств. Там описывались боги большие и малые, боги крылатые и боги о копытах, боги однорукие, двурукие и трехрукие, боги с щупальцами, чешуйчатые боги и множество иных обличий, какие благоугодно принимать богам.

Каждую разновидность полагалось приветствовать по особому, специально ей предназначенному приветственному обряду, ибо так было начертано в Великой Книге о Богах.

Старейший Песнопевец тотчас же приметил, что перед ним двуногие, двурукие, бесхвостые боги. Он поспешно перестроил своих соплеменников в подобающую фигуру.

К нему подошел Глат, прозванный Младшим Песнопевцем.

— С чего начнем? — учтиво прокашлял он.

Старейший Песнопевец пронзил его укоризненным взглядом.

— С Танца Разрешения на Посадку, — ответил он, с достоинством произнося древние, утратившие смысл слова.

— Разве? — Глат почесал хвостом шею. Это был жест явного пренебрежения. — По заветам Альгоны — прежде всего пиршество.

Старейший Песнопевец отвернулся, жестом выразив несогласие. Покуда бразды правления у него в руках, он не пойдет ни на какие компромиссы с ересью Альгоны — учением, созданным всего каких-нибудь три тысячи лет назад.

Младший Песнопевец Глат вернулся на свое место в строю танцоров.

«Смехотворно, — думал он, — что вот такая консервативная развалина, как Старейший Песнопевец, устанавливает порядки танцев. Совершеннейшая нелепица — ведь было же доказано...»

А два бога пытались двигаться! Покачиваясь, балансировали они на тонких ногах. Один зашатался и упал ничком, другой помог ему встать, после чего упал сам. Медленно, с усилием он вновь поднялся. Боги удивительно напоминали простых смертных.

— Они выразили в танце свое расположение! — воскликнул Старейший Песнопевец. — Приступайте же к Танцу Разрешения на Посадку.

Туземцы плясали, колотя хвостами о землю, кашлем и лаем выражая свое ликование. Затем в строгом соответствии с церемониалом богов водрузили на носилки из ветвей священного дерева и понесли на священный курган.

— Давайте обсудим все как следует, — предложил Глат, поравнявшись со Старейшим Песнопевцем. — Поскольку за тысячи лет это первый случай пришествия каких бы то ни было богов, то, несомненно, разумно было бы прибегнуть к обрядам Альгоны. Просто на всякий случай.

— Нет, — решительно отказался Старейший Песнопевец, энергично перебирая шестью ногами. — Все подобающие обряды приведены в древних книгах ритуалов.

— Я знаю, — настаивал Глат, — но ведь ничего страшного не случится...

— Никогда, — твердо заявил Старейший Песнопевец. — Для каждого бога есть свой Танец Разрешения на Посадку. Затем идет Танец Подтверждения Астродрома, Танец Таможенного Досмотра, Танец Разгрузки и Танец Медицинского Освидетельствования. — Старейший Песнопевец выговаривал таинственные древние названия отчетливо и внушительно, с благоговением. — Тогда и только тогда можно начинать пиршество.

На носилках из ветвей два бога стенали и вяло шевелили руками. Глат знал: боги исполняют Танец Подражания боли и мукам смертных, подтверждая свое родство с теми, кто им поклоняется.

Все было так, как и должно быть, — так, как начертано в Книге последнего пришествия. Тем не менее Глата поразило совершенство, с каким боги копировали чувства простых смертных. Глядя на них, можно было подумать, будто они и вправду умирают от голода и жажды.

Глат улыбнулся своим мыслям. Всем известно, что боги не ощущают ни голода, ни жажды.

— Поймите же, — обратился Глат к Старейшему Песнопевцу. — Для нас важно избежать той роковой ошибки, какую допустили наши пращуры в Дни космических полетов. Так ли я говорю?

— Разумеется, — ответил Старейший Песнопевец, почтительно склоняя голову перед ритуальным названием Золотого века.

Пять тысячелетий назад их племя находилось на вершине богатства и благоденствия, и боги часто посещали его. Однако, как гласит легенда, в один прекрасный день кто-то допустил ошибку в ритуале, и племя было предано Забвению. С тех пор посещения богов прекратились раз и навсегда.

— Если боги одобрят наши обряды, — сказал Старейший Песнопевец, — то снимут с нас Забвение. Тогда явятся и другие боги, как бывало в старину.

— Вот именно. А ведь Альгона был последним, кто видел бога. Уж он-то, наверное, знает, что говорит, предписывая начинать с пиршества, а церемонии оставлять напоследок.

— Учение Альгоны — пагубная ересь, — возразил Старейший Песнопевец.

И Младший Песнопевец в сотый раз задумался, не пора ли сбросить маску лицемерия, не приказать ли общине без промедления приступить к Обряду Воды и к Пиршеству. Ведь многие были тайными приверженцами Альгоны.

Но нет, пока не время, ибо власть Старейшего Песнопевца все еще слишком сильна. Да и момент неподходящий. «Надо подождать, — думал Глат, — нужно знамение самих богов».

А боги по-прежнему возлежали на носилках, радуя глаз верующих дивным Танцем-конвульсией — Подражанием жажде и мукам простых смертных.

Богов усадили на вершине священного кургана, и Старейший Песнопевец самолично возглавил Танец Подтверждения Астродрома. В окрестные селения выслали гонцов с наказом созвать всех взрослых жителей на ритуальные пляски.

В самом селении женщины начали готовиться к Пиршеству. Некоторые из них пустились от радости в пляс — ибо разве не сказано в Писаниях, что вновь появятся боги, и тогда наступит конец Забвению, и к каждому придет богатство и благоденствие, как в Дни космических полетов?

На кургане один из богов упал ничком. Другой с трудом принял сидячее положение и искусно подрагивающим пальцем указывал на свой рот.

— Это знак благоволения! — вскричал Старейший Песнопевец.

Глат кивнул, не прекращая пляски; по складкам его кожи градом струился пот. Старейший Песнопевец был одаренным толкователем. С этим нельзя не согласиться.

Но вот сидящий бог стиснул одной рукой горло, отчаянно жестикулируя другой.

— Быстрее! — прохрипел Старейший Песнопевец; он чутко ловил малейшее движение богов.

Теперь бог что-то кричал ужасающим, надтреснутым голосом. Он кричал, указывал себе на горло и снова кричал, уподобляясь страждущему смертному.

Все шло в строгом соответствии с Танцем Богов, описанным в Книге последнего пришествия.

Как раз в этот миг на площадь перед курганом ворвалась ватага молодежи из соседнего селения и сменила хозяев в танце. На время Младший Песнопевец мог выйти из круга. Тяжело дыша, он подошел к Старейшему Песнопевцу.

— Вы будете исполнять все танцы? — спросил он.

— Конечно. — Старейший Песнопевец не спускал глаз с плясунов, ибо на этот раз ошибки нельзя было допустить. Это последний случай оправдать себя перед богами и вернуть себе их расположение. — Пляски будут продолжаться ровно восемь дней, —

непреклонно сказал Старейший Песнопевец. — Если произойдет хоть малейшая ошибка, начнем все снова.

— По словам Альгоны, прежде всего надо торопиться с Обрядом Воды, — возразил Глат, — а затем...

— Вернись в круг! — отрезал Старейший Песнопевец, жестом выразив крайнее возмущение. — Ты слышал, как боги кашляли в знак одобрения. Так, и только так, удастся нам снять древнее заклятие.

Младший Песнопевец отвернулся. Ах, если бы его воля! В древние времена, когда боги то и дело уходили и возвращались, обычай Старейшего Песнопевца был правильным обычаем. Глат вспомнил, как описывается приход корабля богов в Книге последнего пришествия:

Начался Обряд Разрешения на Посадку (в те дни это еще не называлось ни плясками, ни танцами).

Боги протанцевали Танец Страдания и Боли.

Затем был проделан Обряд Подтверждения Астродрома.

В ответ боги исполнили Танец Голода и Жажды (точь-в-точь, как сейчас).

Затем последовали Обряды Таможенного Досмотра, Разгрузки и Медицинского Освидетельствования. Все время, пока длились обряды, богам не давали ни еды, ни питья — таково было одно из предписаний ритуала.

Когда со всеми обрядами было покончено, один из богов по неведомой причине притворился мертвым. Другой отнес его обратно на небесный корабль, и боги покинули планету, чтобы больше никогда не возвратиться.

Вскоре после этого началось Забвение.

Однако не существует и двух древних писаний, толкующих причины Забвения одинаково. Некоторые утверждают, что богов оскорбило несовершенное исполнение какого-то танца. Другие, как Альгона, пишут, что надо начинать с пиршества и возлияний, а потом уж переходить к обрядам.

Альгону почитали далеко не все. В конце концов, ведь богам неведомы ни голод, ни жажда. С какой же стати пиршество должно предшествовать обрядам?

Глат свято верил в учение Альгоны и надеялся, что в один прекрасный день выяснит истинную причину Забвения.

Внезапно танец прервался. Глат поспешил взглянуть, что же произошло.

Какой-то глупец оставил подле священного кургана простой кувшин с водой. Один из богов подполз к кувшину и попытался схватить недостойный предмет.

Старейший Песнопевец чуть ли не вырвал из рук бога кувшин и поспешно унес его прочь, а все племя испустило вздох облегчения. Какое кощунство — оставить поблизости от бога обыкновенную, неочищенную, неосвященную воду, да еще в ничтожном

сосуде без росписи. Да прикоснись к ней бог — и его праведный гнев испепелит все селение.

Бог разгневался. Он прокричал что-то, перстом указывая на оскорбительный сосуд. Затем указал на второго бога, который все еще был погружен в небесный экстаз и лежал лицом вниз. Он указал на свое горло, на пересохшие, растрескавшиеся губы и опять на кувшин с водой. Он сделал два неуверенных шага и упал. Бог заплакал.

— Живо! — крикнул Младший Песнопевец. — Начинайте Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения!

Только его находчивость и спасла положение. Танцующие подожгли священные ветки и принялись размахивать ими перед ликами богов. Боги раскашлялись и тяжело задышали в знак одобрения.

— Ну и хитер же ты на выдумку, — проворчал Старейший Песнопевец. — И как только тебе пришел на ум этот танец?

— У него самое таинственное название, — объяснил Глат. — Я знал, что сейчас нужно действовать решительно.

— Что ж, молодец, — похвалил Старейший Песнопевец и вернулся к своим обязанностям в танце.

С довольной улыбкой Глат обвил хвостом талию. Вовремя поданная команда оказалась удачным ходом.

Теперь надо поразмыслить, как бы получше выполнить обряды Альгоны.

Боги возлежали на земле, кашляя и ловя ртом воздух, словно умирающие. Младший Песнопевец решил подождать более удобного случая.

Весь день плясали Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения, и боги тоже принимали в нем участие. Поклониться им приходили жители отдаленных селений, и боги, задыхаясь, выражали свое милостивое расположение.

К концу танца один из богов чрезвычайно медленно поднялся на ноги. Он упал на колени, с преувеличенным пафосом подражая движениям смертного, который ослаб до предела.

— Он вещает, — прошептал Старейший Песнопевец, и все смолкли.

Бог простер руки. Старейший Песнопевец кивнул.

— Он сулит нам хороший урожай, — пояснил Старейший Песнопевец.

Бог стиснул кулаки, но тут же разжал их, охваченный приступом кашля.

— Он сочувствует нашей жажде и бедности, — наставительно произнес Старейший Песнопевец.

Бог снова указал себе на горло — таким горестным жестом, что кто-то из поселян разрыдался.

— Он желает, чтобы мы повторили танцы сначала, — разъяс-

нил Старейший Песнопевец. — Давайте же, становитесь в первую позицию.

— Его жест означает вовсе не то, — дерзко заявил Глат, решив, что час настал.

Все воззрились на него, потрясенные, в гробовом молчании.

— Богу угоден Обряд Воды, — сказал Глат.

По рядам танцующих пробежал вздох. Обряд Воды составлял часть еретического учения Альгоны, которое Старейший Песнопевец неустанно предавал анафеме. Впрочем, с другой стороны, Старейший Песнопевец уже в преклонных летах. Быть может, Глат, Младший Песнопевец...

— Не допущу! — взвизгнул Старейший Песнопевец. — Обряд Воды следует за пиршеством, которое начинается после всех плясок. Только таким путем избавимся мы от Забвения!

— Необходимо предложить богам воды! — прогремел Младший Песнопевец.

Оба взглянули на богов — не подадут ли знамение, но боги молча следили за ними усталыми, налитыми кровью глазами.

Но вот один из богов кашлянул.

— Знамение! — вскричал Глат, прежде чем Старейший Песнопевец успел истолковать этот кашель в свою пользу.

Старейший Песнопевец пытался спорить, но тщетно. Ведь поселяне слышали бога собственными ушами.

В очищенных от скверны, красиво расписанных кувшинах принесли воду, и плясуны встали в позы, подобающие обряду. Боги взирали на них, тихо переговариваясь на языке божием.

— Ну! — скомандовал Младший Песнопевец.

На курган внесли кувшин с водой. Один из богов потянулся к кувшину. Другой оттолкнул его и сам схватился за кувшин.

По толпе прокатился взволнованный гул.

Первый бог слабо ударил второго и завладел водой. Второй отнял кувшин и поднес ко рту. Тогда первый сделал выпад, и кувшин покатился по склону кургана.

— Я предостерегал тебя! — возопил Старейший Песнопевец. — Они отвергли воду, как и следовало ожидать. Убери ее скорее, пока мы не погибли!

Двое схватили кувшины и умчались с ними прочь. Боги взвыли, но тут же умолкли.

По приказу Старейшего Песнопевца тотчас начался Танец Таможенного Досмотра. Снова зажгли священные ветви и овевали ими богов, как веерами. Боги слабо прокашляли одобрение. Один попытался сползти с кургана, но не смог. Другой лежал неподвижно.

Так лежали боги долгое время, не подавая знамений.

Младший Песнопевец стоял в конце цепочки танцующих. «Почему, — вопрошал он себя снова и снова, — почему отступились от меня боги?»

Неужели Альгона заблуждается?

Но ведь боги *отвергли* воду.

У Альгоны черным по белому написано, что единственный способ снять таинственное проклятие Забвения — это без промедления принести в дар богам еду и питье. Быть может, богам пришлось дожидаться слишком долго?

«Пути богов неисповедимы, — печально думал Глат. — Теперь случай упущен навеки. С тем же успехом можно разделять веру Старейшего Песнопевца».

И он уныло поплелся в круг танцующих.

Старейший Песнопевец повелел начать пляски сначала и продолжать их четыре дня и четыре ночи. Потом, если богам будет угодно, в их славу будет устроено пиршество.

Боги не подавали знамений. Они лежали на священном кургане, распростершись во весь рост, и время от времени подергивали конечностями, изображая смертных, которых одолевает усталость, отчаянная жажда.

Это были очень могущественные боги. Иначе разве могли бы они столь искусно подражать смертным?

А к утру случилось следующее: невзирая на то, что Старейший Песнопевец отменил Танец Хорошей Погоды, тучи на небе стали сгущаться. Громадные и черные, они заслонили утреннее солнце.

— Пройдет стороной, — предрек Старейший Песнопевец, отплясывая Танец Отречения от Дождя.

Однако тучи разверзлись, и полился дождь. Боги медленно зашевелились и обратили лица к небу.

— Тащите доски! — кричал Старейший Песнопевец. — Принесите навес! Боги предадут дождь проклятию: ведь до окончания обрядов ни одна капля не смеет коснуться тел божиих!

Глат же, сообразив, что представился еще один благоприятный случай, возразил:

— Нет! Этот дождь ниспослали сами боги!

— Уведите юного еретика! — пронзительно взвизгнул Старейший Песнопевец. — Давайте сюда навес!

Плясуны оттащили Глата в сторонку и принялись сооружать над богами шатер, чтобы укрыть их от дождя. Старейший Песнопевец собственноручно покрывал шатер крышей, работая споро и благоговейно.

Под внезапно хлынувшим ливнем боги не шевелились — они лежали, широко раскрыв рты. Когда же они увидели, что Старейший Песнопевец возводит над ними крышу, то попытались встать.

Старейший Песнопевец торопился: он знал, что своим недостойным присутствием оскверняет заповедный курган.

Боги переглянулись. Один из них медленно встал на колени. Другой протянул ему обе руки и помог подняться на ноги.

Бог стоял, раскачиваясь как пьяный, сжимая руку возлежащего бога. И вдруг обеими руками с яростью толкнул Старейшего Песнопевца в грудь.

Старейший Песнопевец потерял равновесие и закувыркался по священному кургану, нелепо дрыгая ногами в воздухе. Бог сорвал с навеса крышу и помог встать другому богу.

— Знамение! — вскричал Младший Песнопевец, вырываясь из удерживающих его рук. — Знамение!

Никто не мог этого отрицать. Теперь оба бога стояли, запрокинув головы, подставив рты под струи дождя.

— Начинайте пиршество! — рявкнул Глат. — Такова воля богов!

Плясуны колебались. Впасть в ересь Альгоны — это серьезный шаг, который стоило бы хорошенько обдумать.

Однако теперь, когда всем стал распоряжаться Младший Песнопевец, пришлось рискнуть.

Оказалось, Альгона был прав. Боги выражали свое одобрение воистину по-божески: запихивали яства в рот огромными кусками — какое изумительное подражание смертным! — и поглощали напитки с таким усердием, будто и впрямь умирали от жажды.

Глат сожалел лишь о том, что не знает божьего языка, ибо больше всего на свете ему хотелось узнать, каковы же были истинные причины Забвения.

МУСОРЩИК НА ЛОРЕЕ

— Совершенно невозможно, — категорически заявил профессор Карвер.

— Но ведь я видел своими глазами! — уверял Фред, его помощник и телохранитель. — Сам видел вчера ночью! Принесли охотника — ему наполовину снесло голову, — и они...

— Погоди, — прервал его профессор Карвер, склонив голову в выжидательной позе.

Они вышли из звездолета перед рассветом, чтобы полюбоваться на обряды, совершаемые перед восходом солнца в селении Лорей на планете того же названия. Обряды, сопутствующие восходу солнца, если наблюдать их с далекого расстояния, зачастую очень красочны и могут дать материал на целую главу исследования по антропологии; однако Лорей, как обычно, оказался досадным исключением.

Солнце взошло без грома фанфар, вняв молитвам, вознесенным накануне вечером. Медленно поднялась над горизонтом темно-красная громада, согрев верхушки дремучего леса дождь-деревьев, среди которых стояло селение. А туземцы крепко спали...

Однако не все. Мусорщик был уже на ногах и теперь ходил с метлой вокруг хижин. Он медленно передвигался шаркающей походкой — нечто похожее на человека и в то же время невыразимо

чуждое человеку. Лицо Мусорщика напоминало стилизованную болванку, словно природа сделала черновой набросок разумного существа. У Мусорщика была причудливая, шишковатая голова и грязно-серая кожа.

Подметая, он тихонько напевал что-то хриплым, гортанным голосом. От собратьев-лореян Мусорщика отличала единственная примета: лицо его пересекала широкая полоса черной краски. То была социальная метка, метка принадлежности к низшей ступени в этом примитивном обществе.

— Итак, — заговорил профессор Карвер, когда солнце взошло без всяких происшествий, — явление, которое ты мне описал, невероятно. Особенно же невероятно оно на такой жалкой, захудалой планетке.

— Сам видел, никуда не денешься, — настаивал Фред. — Вероятно или невероятно — это другой вопрос. Но видел. Вы хотите замять разговор — дело ваше.

Он прислонился к сучковатому стволу стабикуса, скрестил руки на впалой груди и метнул злобный взгляд на соломенные крыши хижин. Фред находился на Лорее почти два месяца и день ото дня все больше ненавидел селение.

Это был хилый, неказистый молодой человек, с прической «бобрик», которая невыгодно подчеркивала его низкий лоб. Вот уже почти десять лет Фред сопровождал профессора во всех странствиях, объездил десятки планет и насмотрелся всевозможных чудес и диковин. Однако чем больше он видел, тем сильнее укреплялось в нем презрение к Галактике как таковой. Ему хотелось лишь одного: вернуться домой, в Байонну (штат Нью-Джерси), богатым и знаменитым или хотя бы богатым и безвестным.

— Здесь можно разбогатеть, — произнес Фред тоном обвинителя. — А вы хотите все замять.

Профессор Карвер в задумчивости поджал губы. Разумеется, мысль о богатстве приятна. Тем не менее профессор не собирался прерывать важную научную работу ради погони за журавлем в небе. Он заканчивал свой великий труд — книгу, которой предстояло полностью подтвердить и обосновать тезис, выдвинутый им в самой первой своей статье — «Дальтонизм среди народов Танга». Этот тезис он позднее развернул в книге «Недостаточность координации движений у рас Дранга».

Профессор подвел итоги в фундаментальном исследовании «Дефекты разума в Галактике», где убедительно доказал, что разумность существ внеземного происхождения уменьшается в арифметической прогрессии, по мере того как расстояние от Земли возрастает в геометрической прогрессии.

Теперь тезис расцвел пышным цветом в последней работе Карвера, которая суммировала все его научные изыскания и называлась «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас».

— Если ты прав... — начал Карвер.

— Смотрите! — воскликнул Фред. — Другого несут! Увидите сами!

Профессор Карвер заколебался. Этот дородный, представительный, краснощекий человек двигался медленно и с достоинством. Одет он был в форму тропических путешественников, несмотря на то что Лорей отличался умеренным климатом. Профессор не выпускал из рук хлыста, а на боку у него был крупнокалиберный револьвер — точь-в-точь как у Фреда.

— Если ты не ошибся, — медленно проговорил Карвер, — это для них, так сказать, немалое достижение.

— Пойдемте! — сказал Фред.

Четыре охотника за шрэгами несли раненого товарища к лекарственной хижине, а Карвер с Фредом зашагали следом. Охотники заметно выбились из сил: должно быть, их путь к селению длился не день и не два, так как обычно они углубляются в самые дебри дождь-лесов.

— Похож на покойника, а? — прошептал Фред.

Профессор Карвер кивнул. С месяц назад ему удалось сфотографировать шрэга в выигрышном ракурсе, на вершине высокого, кряжистого дерева. Он знал, что шрэг — это крупный, злобный и быстроногий хищник, наделенный ужасающим количеством когтей, клыков и рогов. Кроме того, это единственная на планете дичь, мясо которой не запрещают есть бесчисленные табу. Туземцам приходится либо убивать шрэгов, либо гибнуть с голоду.

Однако раненый недостаточно ловко орудовал копьем и щитом, и шрэг распорол его от горла до таза. Несмотря на то что рану сразу же перевязали сушеными листьями, охотник истек кровью. К счастью, он был без сознания.

— Ему ни за что не выжить, — изрек Карвер. — Просто чудо, что он дотянул до сих пор. Одного шока достаточно, не говоря уж о глубине и протяженности раны...

— Вот увидите, — пообещал Фред.

Внезапно селение пробудилось. Мужчины и женщины, серокожие, с шишковатыми головами, молчаливо провожали взглядами охотников, направляющихся к лекарственной хижине, Мусорщик тоже прервал работу, чтобы поглядеть. Единственный в селении ребенок стоял перед родительской хижиной и, засунув большой палец в рот, глазел на шествие. Навстречу охотникам вышел лекарь Дег, успевший надеть ритуальную маску. Собрались плясуны-целители — они торопливо накладывали на лица грим.

— Ты думаешь, удастся его залатать, док? — спросил Фред.

— Будем надеяться, — благочестиво ответил Дег.

Все вошли в тускло освещенную лекарственную хижину. Раненого лореянина бережно уложили на травяной тюфяк, и плясуны

начали перед ним обрядовое действо. Дег затянул торжественную песнь.

— Ничего не получится, — сказал Фреду профессор Карвер с бескорыстным интересом человека, наблюдающего за работой парового экскаватора. — Слишком поздно для исцеления верой. Прислушайся к его дыханию. Не кажется ли тебе, что оно становится менее глубоким?

— Совершенно верно, — ответил Фред.

Дег окончил свою песнь и склонился над раненым охотником. Лореянин дышал с трудом, все медленнее и неувереннее...

— Пора! — вскричал лекарь. Он достал из мешочка маленькую деревянную трубочку, вытащил пробку и поднес к губам умирающего. Охотник выпил содержимое трубочки. И вдруг...

Карвер захлопал глазами, а Фред торжествующе усмехнулся. Дыхание охотника стало глубже. На глазах у землян страшная рваная рана превратилась в затянувшийся рубец, потом в тонкий розовый шрам и, наконец, в почти незаметную белую полоску.

Охотник сел, почесал в затылке, глуповато ухмыльнулся и сообщил, что ему хочется пить, лучше чего-нибудь хмельного.

Тут же, на месте, Дег торжественно открыл празднество.

Карвер и Фред отошли на опушку дождь-леса, чтобы посовещаться. Профессор шагал словно лунатик, выпятив отвислую нижнюю губу и время от времени покачивая головой.

— Ну так как? — спросил Фред.

— По всем законам природы этого не должно быть, — ошеломленно пробормотал Карвер. — Ни одно вещество на свете не дает подобной реакции. А прошлой ночью ты тоже видел, как оно действовало?

— Конечно, черт возьми, — подтвердил Фред. — Принесли охотника — голова у него была наполовину оторвана. Он проглотил эту штуковину и исцелился прямо у меня на глазах.

— Вековая мечта человечества, — размышлял вслух профессор Карвер. — Панацея от всех болезней.

— За такое лекарство мы могли бы заломить любую цену, — сказал Фред.

— Да, могли бы... а кроме того, мы бы исполнили свой долг перед наукой, — строго одернул его профессор Карвер. — Да, Фред, я тоже думаю, что надо получить некоторое количество этого вещества.

Они повернулись и твердым шагом направились обратно в селение.

Там в полном разгаре были пляски, исполняемые представителями различных родовых общин. Когда Карвер и Фред вернулись, плясали сатгоханн — последователи культа, обожествляющего животное средней величины, похожее на оленя. Их можно было узнать по трем красным точкам на лбу. Своей очереди дожидались дресфейд и таганьи, названные по именам других лес-

ных животных. Звери, которых тот или иной род считал своими покровителями, находились под защитой табу, и убивать их было строжайше запрещено. Карверу никак не удавалось найти рационалистического толкования туземным обычаям. Лореяне упорно отказывались поддерживать разговор на эту тему.

Лекарь Дег снял ритуальную маску. Он сидел у входа в лекарственную хижину и наблюдал за плясками. Когда земляне приблизились к нему, он встал.

— Мир вам! — произнес он слова приветствия.

— И тебе тоже, — ответил Фред. — Недурную работку ты проделал с утра.

Дег скромно улыбнулся:

— Боги снизошли к нашим молитвам.

— Боги? — переспросил Карвер. — А мне показалось, что большая часть работы пришлась на долю сыворотки.

— Сыворотки? Ах, сок серси! — Выговаривая эти слова, Дег сопроводил их ритуальным жестом, исполненным благоговения. — Да, сок серси — это мать всех лореян.

— Нам бы хотелось купить его, — без обиняков сказал Фред, не обращая внимания на то, как неодобрительно насупился профессор Карвер. — Сколько ты возьмешь за галлон?

— Приношу свои извинения, — ответил Дег.

— Как насчет красивых бус? Или зеркал? Может быть, вы предпочитаете парочку стальных ножей?

— Этого нельзя делать, — решительно отказался лекарь. — Сок серси священен. Его можно употреблять только ради исцеления, угодного богам.

— Не заговаривай мне зубы, — процедил Фред, и сквозь нездоровую желтизну его щек пробился румянец, — ты, ублюдок, воображаешь, что тебе удастся...

— Мы вполне понимаем, — вкрадчиво сказал Карвер. — Нам известно, что такое священные предметы. Что священно, то священно. К ним не должны прикасаться недостойные руки.

— Вы сошли с ума, — шепнул Фред по-английски.

— Ты мудрый человек, — с достоинством ответил Дег. — Ты понимаешь, почему я должен вам отказать.

— Конечно. Но по странному совпадению, Дег, у себя на родине я тоже занимаюсь врачеванием.

— Вот как? Я этого не знал!

— Это так. Откровенно говоря, в своей области я слыву самым искусным лекарем.

— В таком случае ты, должно быть, очень святой человек, — сказал Дег, склонив голову.

— Он и вправду святой, — многозначительно вставил Фред. — Самый святой из всех, кого тебе суждено здесь видеть.

— Пожалуйста, не надо, Фред, — попросил Карвер и опустил глаза с деланным смущением. Он обратился к лекарю: — Это

верно, хоть я и не люблю, когда об этом говорят. Вот почему в данном случае, сам понимаешь, не будет грехом дать мне немного сока серси. Напротив, твои жреческий долг призывает тебя поделиться со мной этим соком.

Лекарь долго раздумывал, и на его почти гладком лице едва уловимо отражались противоречивые чувства. Наконец он сказал:

— Наверное, все это правда. Но, к несчастью, я не могу исполнить вашу просьбу.

— Почему же?

— Потому что сока серси очень мало, просто до ужаса мало. Его еле хватит на наши нужды.

Дег печально улыбнулся и отошел.

Жизнь селения продолжалась своим чередом, простая и неизменная. Мусорщик медленно обходил улицы, подметая их своей метлой. Охотники отправлялись лесными тропами на поиски шрэгов. Женщины готовили пищу и присматривали за единственным в селении ребенком. Жрецы и плясуны каждый вечер молились, чтобы поутру взошло солнце. Все были по-своему, покорно и смиренно, довольны жизнью.

Все, кроме землян.

Они провели еще несколько бесед с Дегом и исподволь выведали всю подноготную о соке серси и связанных с ним трудностях.

Растение серси — это низкорослый, чахлый кустарник. В естественных условиях оно растет плохо. Кроме того, оно противится искусственному разведению и совершенно не переносит пересадки. Остается только тщательно выпалывать сорняки вокруг серси и надеяться, что оно расцветет. Однако в большинстве случаев кусты серси борются за существование год-другой, а затем хиреют. Лишь немногие расцветают, и уж совсем немногие живут достаточно долго, чтобы дать характерные красные ягоды.

Из ягод серси выжимают эликсир, который для населения Лорея означает жизнь.

— При этом надо помнить, — указал Дег, — что кусты серси встречаются редко и на большом расстоянии друг от друга. Иногда мы ищем месяцами, а находим один-единственный кустик с ягодами. А ягоды эти спасут жизнь только одному лореянину, от силы двум.

— Печально, — посочувствовал Карвер. — Но, несомненно, усиленное удобрение почвы...

— Все уже пробовали.

— Я понимаю, — серьезно сказал Карвер, — какое огромное значение придаете вы соку серси. Но, если бы вы уделили нам малую толику — пинту-другую, мы отвезли бы его на Землю, исследовали и постарались синтезировать. Тогда вы получили бы его в неограниченном количестве.

— Но мы не решаемся расстаться даже с каплей. Вы заметили, как мало у нас детей?

Карвер кивнул.

— Дети рождаются очень редко. Вся жизнь у нас — непрерывная борьба нашей расы за существование. Надо сохранять жизнь каждому лореянину, до тех пор пока на смену ему не появится дитя. А этого можно достигнуть лишь благодаря неустанным и нескончаемым поискам ягод серси. И вечно их не хватает, — лекарь вздохнул. — Вечно не хватает.

— Неужели этот сок излечивает все? — спросил Фред.

— Да, и даже больше того. У того, кто отведал серси, прибавляется пятьдесят лет жизни.

Карвер широко раскрыл глаза. На Лорее пятьдесят лет приблизительно равны шестидесяти трем земным годам.

Серси — не просто лекарство, заживляющее раны, не просто средство, содействующее регенерации! Это и напиток долголетия!

Он помолчал, обдумывая перспективу продления своей жизни на шестьдесят лет, затем спросил:

— А что, если по истечении этих пятидесяти лет лореянин опять примет серси?

— Не известно, — ответил Дег. — Ни один лореянин не станет принимать серси вторично, когда его и так слишком мало.

Карвер и Фред переглянулись.

— А теперь выслушай меня внимательно, Дег, — сказал профессор Карвер и заговорил о священном долге перед наукой. Наука, объяснил он лекарю, превыше расы, превыше веры, превыше религии. Развитие науки превыше самой жизни. В конце концов, если и умрут еще несколько лореян, что с того? Так или иначе, рано или поздно им не миновать смерти. Важно, чтобы земная наука получила образчик сока серси.

— Может быть, твои слова и справедливы, — отозвался Дег, — но мой выбор ясен. Как жрец религии саннигериат, я унаследовал священную обязанность охранять жизнь нашего народа. Я не нарушу своего долга.

Он повернулся и ушел. Земляне вернулись в звездолет ни с чем.

Выпив кофе, профессор Карвер открыл ящик письменного стола и извлек оттуда рукопись «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас». Любовно перечитал он последнюю главу, специально трактующую вопрос о комплексе неполноценности у жителей Лорея. Потом профессор Карвер отложил рукопись в сторону.

— Почти готова, Фред, — сообщил он помощнику. — Работы осталось на недельку — ну, самое большее на две!

— Угу, — помычал Фред, рассматривая селение через иллюминатор.

— Вопрос будет исчерпан, — провозгласил Карвер. — Книга

раз и навсегда докажет прирожденное превосходство жителей Земли. Мы неоднократно подтверждали свое превосходство силой оружия, Фред, доказывали его и мощью передовой техники. Теперь оно доказано силой бесстрастной логики.

Фред кивнул. Он знал, что профессор цитирует предисловие к своей книге.

— Ничто не должно стоять на пути великого дела, — сказал Карвер. — Ты согласен с этим, не правда ли?

— Ясно, — рассеянно подтвердил Фред. — Книга прежде всего. Поставьте ублюдков на место.

— Я, собственно, не это имел в виду. Но ты ведь знаешь, что я хочу сказать. При создавшихся обстоятельствах, быть может, лучше выкинуть серси из головы. Быть может, надо ограничиться завершением начатой работы.

Фред обернулся и заглянул хозяину в глаза.

— Профессор, как вы думаете, сколько вам удастся выжать из этой книги?

— А? Ну что ж, последняя, если помнишь, разошлась совсем неплохо. На эту спрос будет еще больше. Десять, а то и двадцать тысяч долларов! — Он позволил себе чуть заметно улыбнуться. — Мне, видишь ли, повезло с выбором темы. На Земле широкие круги читателей явно интересуются этим вопросом... что весьма приятно для ученого.

— Допустим даже, что вы извлечете из нее пятьдесят тысяч. Курочка по зернышку клюет. А знаете ли вы, сколько можно заработать на пробирке с соком серси?

— Сто тысяч? — неуверенно предположил Карвер.

— Вы смеетесь! Представьте себе, что умирает какой-нибудь богач, а у нас есть единственное лекарство, способное его вылечить. Да он вам все отдаст! Миллионы!

— Полагаю, ты прав, — согласился Карвер. — И мы внесли бы неоценимый вклад в науку. Но, к сожалению, лекарь ни за что не продаст нам ни капли.

— Покупка — далеко не единственный способ поставить на своем. — Фред вынул револьвер из кобуры и пересчитал патроны.

— Понятно, понятно, — проговорил Карвер, и его румяные щеки слегка побледнели. — Но вправе ли мы...

— А вы-то как думаете?

— Что ж, они безусловно неполноценны. Полагаю, я привел достаточно убедительные доказательства. Можно смело утверждать, что в масштабе Вселенной их жизнь недорого стоит. Гм, да... да, Фред, таким препаратом мы могли бы спасать жизнь землянам!

— Мы могли бы спасти собственную жизнь, — заметил Фред. — Кому охота загнуться раньше срока?

Карвер встал и решительно расстегнул кобуру своего револьвера.

— Помни, — сказал он Фреду, — мы идем на это во имя науки и ради Земли.

— Вот именно, профессор, — ухмыльнулся Фред и двинулся к люку.

Они отыскали Дега вблизи лекарственной хижины. Карвер заявил без всяких предисловий:

— Нам необходимо получить сок серси.

— Я вам уже объяснял, — удивился лекарь. — Я рассказал вам о причинах, по которым это невозможно.

— Нам нужно во что бы то ни стало, — поддержал шефа Фред. Он выхватил из кобуры револьвер и свирепо взглянул на Дега.

— Нет.

— Ты думаешь, я шутки шучу? — нахмурился Фред. — Ты знаешь, что это за оружие?

— Я видел, как вы стреляете.

— Ты, может, думаешь, что я постесняюсь выстрелить в тебя?

— Я не боюсь. Но серси ты не получишь.

— Буду стрелять, — исступленно заорал Фред. — Клянусь, буду стрелять.

За спиной лекаря медленно собирались жители Лорея. Серокожие, с шишковатыми черепами, они молча занимали свои места; охотники держали в руках копья, прочие селяне были вооружены ножами и камнями.

— Вы не получите серси, — сказал Дег.

Фред неторопливо прицелился.

— Полно, Фред, — обеспокоился Карвер, — тут их целая куча... Стоит ли...

Тощее тело Фреда подобралось, палец побелел и напрягся на курке. Карвер закрыл глаза.

Наступила мертвая тишина.

Вдруг раздался выстрел.

Карвер опасливо открыл глаза.

Лекарь стоял, как прежде, только дрожали его колени. Фред оттягивал курок. Селяне безмолвствовали. Карвер не сразу сообразил, что произошло. Наконец он заметил Мусорщика.

Мусорщик лежал, уткнувшись лицом в землю, все еще сжимая метлу в вытянутой левой руке; ноги его слабо подергивались. Из дыры, которую Фред аккуратно пробил у него во лбу, струилась кровь.

Дег склонился над Мусорщиком, но тут же выпрямился.

— Скончался, — сказал лекарь.

— Это только цветочки, — пригрозил Фред, нацеливаясь на какого-то охотника.

— Нет! — вскричал Дег.

Фред посмотрел на него, вопросительно подняв брови.

— Отдам тебе сок, — пояснил Дег. — Отдам тебе весь наш сок серси. Но вы оба тотчас же покинете Лорей!

Он бросился в хижину и мгновенно вернулся с тремя деревянными трубочками, которые сунул Фреду в ладони.

— Порядочек, профессор, — сказал Фред. — Надо сматываться.

Они прошли мимо молчаливых селян, направляясь к звездолету. Вдруг мелькнуло что-то яркое, блеснув на солнце. Фред взвыл от боли и выронил револьвер. Профессор Карвер поспешно подобрал его.

— Какой-то недоносок зацепил меня, — сказал Фред. — Дайте револьвер!

Описав крутую дугу, у их ног зарылось в землю копье.

— Их слишком много, — рассудительно заметил Карвер. — Прибавим шагу!

Они пустились к звездолету и, хотя вокруг свистели копья и ножи, добрались благополучно и задраили за собой люк.

— Дешево отделались, — сказал Карвер, переводя дыхание, и прислонился спиной к люку. — Ты не потерял сыворотку?

— Вот она, — ответил Фред, потирая руку. — Черт!

— Что случилось?

— Рука онемела.

Карвер осмотрел рану, глубокомысленно поджал губы, но ничего не сказал.

— Онемела, — повторил Фред. — Уж не отравлены ли у них копья?

— Вполне возможно, — допустил профессор Карвер.

— Отравлены! — завопил Фред. — Глядите, рана уже меняет цвет!

Действительно, по краям рана почернела и приобрела гангренозный вид.

— Сульфидин, — порекомендовал Карвер. — И пенициллин. Не о чем беспокоиться, Фред. Современная фармакология Земли...

— ...может вовсе не подействовать на этот яд. Откройте одну трубочку!

— Но, Фред, — возразил Карвер, — наши запасы сока крайне ограниченны. Кроме того...

— К чертовой матери! — разъярился Фред. Здоровой рукой он взял одну трубочку и вытащил пробку зубами.

— Погоди, Фред!

— Еще чего!

Фред осушил трубочку и бросил ее на пол. Карвер с раздражением произнес:

— Я хотел только подчеркнуть, что следовало бы подвергнуть сыворотку испытаниям, прежде чем пробовать ее на землянах. Мы ведь не знаем, как реагирует человеческий организм на это вещество. Я желал тебе добра.

— Как же, желали, — насмешливо ответил Фред. — Поглядите лучше, как действует это лекарство.

Почерневшая рана снова приобрела цвет здоровой плоти и теперь затягивалась. Вскоре осталась лишь белая полоска шрама. Потом и она исчезла, а на ее месте виднелась упругая розовая кожа.

— Хорошая штука, а? — шумно радовался Фред, и в голосе его чуть заметно проскальзывали истеричные нотки. — Действует, профессор, действует! Выпей и ты, друг, живи еще пятьдесят лет! Как ты думаешь, удастся нам синтезировать эту штуку? Ей цена — миллион, десять миллионов, миллиард! А если не удастся, то всегда есть добрый старый Лорей! Можно наведываться каждые полсотни годков или около того для заправки. Она и на вкус приятна, профессор. Точь-в-точь как... что случилось?

Профессор Карвер уставился на Фреда широко раскрытыми от изумления глазами.

— В чем дело? — с усмешкой спросил Фред. — Швы, что ли, перекосились? На что вы тут глазеете?

Карвер не отвечал. У него дрожали губы. Он медленно попятился.

— Какого черта, что случилось?

Фред метнул на профессора яростный взгляд, затем бросился в носовую часть звездолета и посмотрелся в зеркало.

Что со мной стряслось?

Карвер пытался заговорить, но слова застряли в горле. Не отрываясь, следил он, как черты Фреда медленно изменяются, сглаживаются, смазываются, словно природа делает черновой набросок разумной жизни. На голове у Фреда проступили причудливые шишки. Цвет кожи медленно превращался из розового в серый.

— Я же советовал тебе выждать, — вздохнул Карвер.

— *Что происходит?* — испуганно прошептал Фред.

— Видишь ли, — ответил Карвер, — должно быть, тут налицо остаточный эффект серси. Рождаемость на Лорее, сам знаешь, практически отсутствует. Даже при всех целебных свойствах серси эта раса должна была давным-давно вымереть. Так и случилось бы, не обладай серси и иными свойствами — способностью превращать низшие формы животной жизни в высшую — в разумных лореян.

— Бредовая идея!

— Рабочая гипотеза, основанная на утверждении Дега, что серси — мать всех лореян. Боюсь, что в этом кроется истинное значение культа зверей и причина всех наложенных на них табу. Различные животные, наверное, были родоначальниками определенных групп лореян, а может быть, и всех лореян. Даже разговоры на эту тему объявлены табу; в туземцах явно укоренилось ощущение глубокой неполноценности, оттого что они слишком недавно вышли из животного состояния.

Карвер устало потер лоб.

— Можно предполагать, — продолжал он, — что соку серси

принадлежат немалая роль в жизни всей расы. Рассуждая теоретически...

— К черту теории, — буркнул Фред, с ужасом обнаруживая, что голос его стал хриплым и гортанным, как у лореян. — Профессор, сделайте что-нибудь!

— Не в моих силах что-либо сделать.

— Может, наука Земли...

— Нет, Фред, — тихо сказал Карвер.

— Что?

— Фред, прошу тебя, постарайся понять. Я не могу взять тебя на Землю.

— Что вы имеете в виду? Вы, должно быть, спятили?

— Отнюдь нет. Как я могу привезти тебя с таким фантастическим объяснением? Все будут считать, что твоя история — не что иное, как грандиозная мистификация.

— Но...

— Не перебивай. Никто мне не поверит. Скорее поверят, что ты необычайно смышленый лореянин. Одним лишь своим присутствием, Фред, ты опровергнешь отправной тезис моей книги!

— Не может того быть, чтоб вы меня бросили, — пролепетал Фред. — Вы этого не сделаете.

Профессор Карвер все еще держал в руках оба револьвера.

Он сунул один из них за пояс, а второй навел на Фреда.

— Я не собираюсь подвергать опасности дело всей своей жизни. Уходи отсюда, Фред.

— Нет!

— Я не шучу. Пошел вон, Фред.

— Не уйду! Вам придется стрелять!

— Надо будет — выстрелю, — заверил его Карвер. — Пристрелю и выкину.

Он прицелился.

Фред попятился к люку, снял запоры, открыл его.

Снаружи безмолвно ждали селяне.

— Что они со мной сделают?

— Мне, право, жаль, Фред, — сказал Карвер.

— Не пойду! — взвизгнул Фред и обеими руками вцепился в проем люка.

Карвер столкнул его в руки ожидающей толпы, а вслед ему бросил две оставшиеся трубочки с соком серси.

После этого Карвер поспешно задраил люк, не желая видеть дальнейшее.

Не прошло и часа, как он уже вышел из верхних слоев атмосферы.

Когда он вернулся на Землю, его книгу «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас» провозгласили исторической вехой в сравнительной антропологии. Однако почти сразу пришлось столкнуться с кое-какими осложнениями.

На Землю вернулся некий капитан-астронавт по фамилии

Джонс, который утверждал, что обнаружил на планете Лорей туземца, во всех отношениях не уступающего жителю Земли. В доказательство своих слов капитан Джонс проигрывал магнитофонные записи и демонстрировал киноленты.

В течение некоторого времени тезис Карвера казался сомнительным, пока Карвер лично не изучил вещественные доказательства противника. Тогда он с беспощадной логикой заявил, что так называемый сверхлореянин, это совершенство с Лорея, этот, с позволения сказать, ровня жителям Земли, находится на самой низшей иерархической ступени Лорея: он — Мусорщик, о чем ясно говорит широкая черная полоса на его лице.

Капитан-астронавт не стал спорить, что так оно и есть.

Отчего же, заявлял Карвер, этому сверхлореянину, несмотря на все его хваленые способности, не удалось достигнуть хоть сколько-нибудь достойного положения в том жалком обществе, в котором он живет?

Этот вопрос заткнул рты капитану и его сторонникам и даже, по существу, вдребезги разбил их школу. И теперь во всей Галактике мыслящие земляне разделяют карверовскую доктрину врожденной неполноценности внеземных существ.

МИСС МЫШКА И ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Я познакомился с Чарлзом Фостером на обеде по случаю вручения Клерстоновской премии в Лидбитер-холле на Странде. Это был мой второй вечер в Лондоне. Я приехал в Англию, надеясь пополнить список тех авторов, с которыми постоянно сотрудничаю, несколькими новыми именами. Меня зовут Макс Сидель, я глава небольшого издательства «Манжусри-букс», выпускающего эзотерическую литературу. Наша штаб-квартира находится в Линвуде, Нью-Джерси. Собственно, основные сотрудники — это я сам и мисс Томпсон, моя верная помощница. Наши книги хорошо раскупаются небольшой, но надежной группой читателей, интересующихся спиритуализмом, всякими нематериальными явлениями, Атлантидой, летающими тарелками и Новой Эрой в технологии. Чарлз Фостер был одним из писателей, ради которых я сюда и заявился.

Памела Деворе, торговый представитель нашей фирмы в Великобритании, тут же мне его показала. Это был высокий привлекательный мужчина лет тридцати пяти с густой гривой светлых, рыжеватых волос. Он оживленно беседовал с двумя дамами, повадкой походившими на вдовствующих герцогинь. Рядом с ним сидела, внимательно прислушиваясь к беседе, маленькая женщина лет двадцати восьми, с простеньким, но приятным личиком и чудными каштановыми волосами.

— А это его жена? — спросил я.

Пам рассмеялась:

— Господи, конечно же, нет! Чарлз слишком любит женщин, чтобы действительно жениться на одной из них. Это мисс Мышка.

— Мышка? На английскую фамилию не похоже...

— Да это просто Чарлз ее так прозвал! В общем-то, она и на мышку совсем не похожа. Скорее, на обезьянку или даже на росомаху. Ее зовут Мими Ройс, она известный в светских кругах фотограф. И, кстати сказать, особа весьма обеспеченная — знаешь текстильные предприятия Ройса в Ланкашире? Она обожает Чарлза, бедняжка.

— Ну, по-моему, он действительно должен нравиться женщинам, — сказал я.

— Пожалуй, — согласилась Памела. — Я такой тип не очень люблю... — Она быстро и внимательно посмотрела на меня, перехватила мой удивленный взгляд и рассмеялась: — Да, ты прав: я чересчур субъективна! Дело в том, что Чарлз когда-то весьма упорно ухаживал за мной, а потом нашел наконец свою единственную и настоящую любовь.

— И кто же это?

— Разумеется, он сам! Ну, пойдем, я тебя ему представлю.

Об издательстве «Манжусри-букс» Фостер знал хорошо и был заинтересован в сотрудничестве с нами, полагая, что мы станем неплохой витриной для его талантов, особенно после того, как издательство «Парацельс-пресс» так отвратительно поступило с его последней работой «Путешествие в глубь тигриного глаза». Было в поведении Фостера что-то детское, открытое. И голос — звонкий, чистый; такими голосами перекликаются в осеннем, пронизанном солнцем тумане мальчишки, плавая на своих плоскодонках по Темзе.

Чарлз был писателем чрезвычайно эзотерическим, из числа тех, кто вечно не только стремится к необычайным приключениям, но и описывает их самым неожиданным образом. Фостер, например, искал приключений — как бы это выразиться поточнее?.. в потустороннем мире? в оккультизме? в пограничных с реальностью областях?.. Двадцать лет я издаю подобные книги, но по-прежнему не могу простыми словами описать, о чем они! Последнюю свою книгу Чарлз Фостер создал после трехмесячного пребывания в обществе какого-то белуджистанского дервиша в пустыне Куш, где условия отличались чрезвычайной суровостью. Что же он там получил? Отчетливое, хотя и довольно поверхностное понимание неделимого единства всего сущего и ощущение великой тайны бытия... Короче говоря, ничего такого уж необычного. Но какую потрясающую книгу он написал! Что, впрочем, было для него весьма характерно.

Мы договорились встретиться завтра за ленчем. Я взял напрокат машину и отправился к Чарлзу в Оксфордшир. У него был прелестный старинный дом с тростниковой крышей, стоявший среди холмов на просторном участке земли в пять акров. Дом назывался «Хижина сипая», хотя в этой «хижине» было минимум пять спален и три гостиных. Оказалось, что хозяин его — вовсе не Чарлз (о чем он немедленно мне сообщил), а Мими Ройс.

— Но Мышка позволила мне жить здесь сколько моей душе угодно! — сказал он. — Она такая душка! — Он улыбнулся — в точности как благовоспитанный ребенок, рассказывающий о любимой тете. — Мышка очень интересуется моими приключениями там, за гранью реального мира, в царстве Невыразимого... И всегда требует, чтобы я позволил ей перепечатать рукопись — говорит, что ей несказанно приятно читать мои произведения самой первой.

— Какая удача! — сказал я. — Особенно если учесть, сколько сейчас берут машинистки!

И тут вошла Мими Ройс с чайным подносом. Фостер даже головы не повернул. Он то ли действительно не замечал ее очевидного обожания, то ли предпочитал делать вид, что не замечает. Мими, похоже, ничего против не имела. Мне показалось, что передо мной разыгрывается показательный спектакль на тему: «Любовь и английский национальный стиль», в котором всемерно воспевается покорность судьбе, приглушенность голоса и тонов, сдержанность манер... Мими напоила нас чаем и удалилась, а мы с Чарлзом еще некоторое время продолжали беседовать об аурах и различных типах «линии жизни», затем перешли к теме, действительно интересной для нас обоих, — к его очередной книге.

— Она будет несколько необычной, — заявил Фостер, откинувшись на спинку кресла и сложив пальцы домиком.

— Неужели еще одно «спиритуальное» приключение? — удивился я. — О чем же вы пишете на сей раз?

— Догадайтесь!

— Так, ну что ж... Вы, часом, не собираетесь в Мачу Пикчу — проверить, справедливы ли доводы в пользу приземления там инопланетных космических кораблей?

Он покачал головой:

— Эту тему издательство «Мистические откровения» уже заказало Элтону Тревису. Нет, я ожидаю невероятных приключений прямо здесь, в «Хижине сипая»!

— Неужто здесь обнаружилось привидение или полтергейст?

— Фи, скука какая! Стыдитесь!

— Ну все, сдаюсь, — признался я.

— Я предполагаю осуществить переход в Неведомое непосредственно отсюда, — начал Фостер. — Я буду путешествовать по

невообразимым мирам... А затем, разумеется, опишу то, что там видел!

— Вот это да! — восхитился я.

— Вы знакомы с работами фон Гельмгольца?

— Это не он гадал по картам Таро Фридриху Великому?

— Нет, то был Манфред фон Гельмгольц. А я говорю о Вильгельме, знаменитом математике и исследователе, жившем в девятнадцатом веке. Согласно его выводам теоретически вполне возможно ЗАГЛЯНУТЬ прямо в четвертое измерение.

Я задумался, но так ничего из своей памяти на сей счет и не выудил.

— Понятие «четвертое измерение», которым оперирует фон Гельмгольц, — продолжал Фостер, — по сути дела, синонимично понятию «спиритуалистская мистика». Так, например, с течением времени меняется название той или иной местности, однако сама местность остается неизменной.

Я кивнул. Вопреки самому себе я во все это верю. Потому и занялся изданием эзотерической литературы. Но я все же понимаю, что иллюзии и самообман здесь — скорее правило, чем исключение.

— Однако царство духа, или четвертое измерение, — вещал Фостер, — вполне соотносимо и с нашей повседневной жизнью. Ведь духи окружают нас повсюду. Но живут и движутся они именно в том странном пространстве, которое фон Гельмгольц назвал «четвертым измерением». Так что видеть их практически невозможно.

У меня было ощущение, что Фостер, импровизируя вслух, уже прикидывает текст первой главы своей новой книги. Но я его не прерывал.

— Глаза наши ослеплены реальностью, бытом. Но существуют способы, благодаря которым можно научиться видеть, что же ЕЩЕ есть вокруг нас. Вы знаете о кубиках Хинтона? — вдруг обратился Фостер прямо ко мне. — О нем упоминает в своем «Математическом карнавале» Мартин Гарднер. Чарлз Говард Хинтон — весьма эксцентричный американский математик; году в 1910-м он изобрел схему, благодаря которой можно выучиться зрительно воспринимать так называемый гиперкуб, или «квадрат в четырех измерениях». В основе этой схемы — множество разноцветных, точно мозаика, кубиков, которые, по мнению Хинтона, нужно сперва научиться мысленно представлять себе по отдельности, затем, тоже в уме, научиться ими манипулировать, как бы поворачивая их все быстрее и быстрее, и тогда наконец перед вами возникнет единое целое, знаменитый гиперкуб. — Фостер помолчал. — Правда, Хинтон считал, что добиться этого чертовски трудно. А впоследствии некоторые исследователи, как пишет Гарднер, предупреждали даже о возможности некоего

опасного физического и морального ущерба, возникающего при попытке мысленно воспроизвести гиперкуб.

— Похоже, от этого запросто можно сойти с ума, — вставил я.

— Что кое с кем и произошло! — радостно подтвердил Фостер. — Но это они, должно быть, от огорчения. Процедура, предложенная Хинтоном, требует нечеловеческой концентрации. На такую способен, наверное, лишь настоящий йог.

— Вроде вас?

— Дорогой мой! Да я порой вспомнить не могу, что пять минут назад в газете прочел! К счастью, концентрация — не единственный путь в Неведомое. Зачарованность, гипноз — вот куда более легкий путь к заветной мистической тропе. Принцип Хинтона вполне логичен, однако, чтобы он действительно заработал, его следует сочетать с технологией Эры Водолея. И я этого добился!

Он повел меня в соседнюю комнату. Там, на низеньком столике, стояло то, что я сперва принял за некую модернистскую скульптуру. Из литого чугунного основания «скульптуры» вздымался стержень-основа, на вершине которого покоился шар — примерно с человеческую голову. От шара во все стороны расходились светящиеся стерженьки с кубиками на концах. Вся эта штуковина походила на выполненного в кубистской манере дикобраза.

Затем я разглядел на каждой стороне маленьких мозаичных кубиков некие изображения или знаки. То были буквы из санскритского, ивритского и арабского алфавитов, фольклорные символы Древнего Египта и франкмасонов, китайские идеограммы и множество различных элементов прочих мифологических систем. Теперь странная скульптура уже не казалась мне похожей на дикобраза. Я воспринимал ее скорее как передовую фалангу мистицизма, решительно вступившую в схватку со своим вечным врагом — здравым смыслом. Так что, хотя я и занимаюсь изданием эзотерических книг, я невольно содрогнулся.

— Хинтон, разумеется, этого не знал, — сказал Фостер, — но споткнулся он на так называемом принципе мандалы, то есть принципе совокупности, составляющими которой и были малые кубы. Если мысленно воспроизвести их все одновременно, как элементы единой системы, вам откроется Вечное и Неизменное — целостная космическая Мандала, или четырехмерное пространство-время (это уж в зависимости от того, какой терминологией вам предпочтительнее пользоваться). Кубики Хинтона представляли собой лишь трехмерную, как бы «взорванную» проекцию этерического объекта, который не желает быть полностью воспроизведен в нашей реальной действительности. Это тот самый единорог, который, завидев мужчину, спасается бегством...

— ...однако кладет голову на колени девственнице, — подхватил я.

Он лишь нетерпеливо пожал плечами:

— Никогда не придавайте слишком большого значения фигу-

рам речи, старина. Предоставим Мышке распутывать мои метафоры при перепечатке рукописи. Главное то, что я теперь способен воспользоваться гениальным открытием Хинтона — его взорванной Мандалой, смыкание которой, если его достигнуть, даст нам невыразимо прекрасный объект для непрерывного любования и восхищения, некую бесконечную спираль, служащую для путешествий в Неведомое! Смотрите: так начинается это путешествие. — Он нажал на кнопку у основания устройства, и сфера начала вращаться, лучевидные отростки — тоже. Вращались и крохотные кубики на концах отростков, вызывая у меня одновременно завораживающее и тревожное ощущение. Я был рад, когда Фостер наконец выключил свою машину. — Вот вам моя Автоматическая Мандала! — воскликнул он торжествующе. — Ну, что скажете?

— Скажу, что из-за этой машинки вы запросто можете угодить в беду, — сказал я.

— Да я не о том! — раздраженно отмел он мои опасения. — Мне интересно знать, годится ли все это, по-вашему, как тема для новой книги?

Что бы там у Фостера ни было за душой, но писателем он действительно был настоящим! Только настоящий писатель готов по собственной воле спуститься в геенну огненную и остаться там навеки, лишь бы ему разрешили записать свои впечатления и отослать рукопись назад, на землю, для публикации. У меня мелькнула мысль, что книгой, которая, видимо, могла бы получиться из этой задумки Фостера, заинтересуются скорее всего человек сто пятьдесят от силы, включая друзей и родственников писателя. И тем не менее я услышал собственный голос:

— Я покупаю у вас рукопись.

Вот так всегда: я умудряюсь числиться мелким и довольно неудачливым издателем, хотя вроде бы достаточно умен и изворотлив!

Вскоре после этого разговора я вернулся в Лондон и уже на следующий день отправился в Гластонбери, намереваясь несколько дней погостить у Клода Апшенка, владельца издательства «Великое Белое братство». Мы с Клодом всегда были добрыми друзьями — с тех пор, как десять лет назад познакомились на конференции уфологов в Барселоне.

— Не нравится мне это, — сказал Клод, когда я поведал ему о проекте Фостера. — Принцип мандалы вообще потенциально опасен. И действительно ничего не стоит попасть в беду, если начать выписывать в уме подобные космические петли.

Клод специально занимался когда-то акупунктурой и тибетской медициной в институте Хардрада в Малибу, так что, решил я, уж он-то знает, что говорит. Однако мне казалось, что и Чарлз

Фостер неплохо разбирается в таких вещах и, наверное, способен о себе позаботиться.

Когда через два дня я позвонил Фостеру, он сообщил мне, что дела идут очень хорошо. Он даже успел кое в чем усовершенствовать свою Автоматическую Мандалу.

— Например, — сказал он, — я добавил звуковой эффект, используя особый набор тибетских рожков и гонгов. Соответствующим образом подобранные и усиленные обертоны способны мгновенно погрузить вас в транс. — А еще Фостер приобрел особый телескопический фонарь, который мог давать от шести до десяти ярчайших вспышек в секунду. — Это, знаете ли, так называемая эпилептическая скорость. Идеальная для полного раскрепощения нервной системы! — пояснил он мне. Фостер считал, что все эти меры углубляют состояние транса и увеличивают ясность мысленного воспроизведения вращающихся кубов. — Теперь я уже совсем близко к успеху! — радовался он.

Но мне показалось, что голос его звучит устало и несколько истерично, и я от всей души попросил его передохнуть.

— Чушь! — заявил он. — Спектакль, как известно, должен любой ценой быть доигран до конца, разве я не прав?

Еще через день Фостер сообщил, что вот-вот преодолеет последний рубеж. Голос его как-то странно плыл, было слышно, что он задыхается, с присвистом хватая воздух в паузах между словами:

— Я готов, пожалуй, признать, что это оказалось труднее, чем я ожидал. Но теперь мне помогает некое вещество, которое я предусмотрительно прихватил с собой. Я, разумеется, не стану рассказывать вам по телефону, что это такое, памятуя о законах нашей страны и постоянной опасности подслушивания; я просто напомню вам о книге Артура Махена «Роман о Белом Порошке»; постарайтесь догадаться сами. Позвоните мне завтра. Наконец-то я почти проник в четвертое измерение!

На следующий день телефонную трубку сняла Мими и сказала, что Фостер отказывается разговаривать с кем бы то ни было по той причине, что он на пороге открытия и отвлекать его ни в коем случае нельзя. Он просил друзей проявить немного терпения.

Послезавтра было то же самое: Мими сказала, что Фостер по-прежнему к телефону не подходит. Вечером я пригласил на совет Клода и Памелу.

Мы собрались в Челси, в уютной квартирке Пам. Мы беседовали, сидя за столом, стоявшим в эркере, пили чай и смотрели, как бегут машины по Кингз-роуд на Слоун-сквер.

— А какие-нибудь родственники у Фостера есть? — спросил Клод.

— В Англии никого, — сказала Памела. — Его мать и брат сейчас уехали на остров Бали.

— А близкие друзья?

— Ну, разумеется, Мышка!

Мы молча уставились друг на друга. Нами одновременно овладело странное дурное предчувствие. Что-то явно шло не так, как надо...

— Нет, это просто смешно! — первым не выдержал я. — Мими — весьма разумная женщина и просто обожает Чарлза. Тут не о чем беспокоиться!

— Давайте все-таки позвоним еще раз, — предложил Клод.

Мы позвонили, и нам сообщили, что телефон Мими Ройс некоторое время назад вышел из строя. Мы тут же решили ехать в «Хижину сипая».

Клод вызвался отвезти нас туда на своем стареньком «Моргане». Мими вышла нам навстречу. Она выглядела страшно усталой, однако взгляд у нее был неестественно безмятежным.

— Я так рада, что вы приехали, — сказала она, ведя нас в дом. — Вы просто не представляете, как было страшно в последние дни! Чарлз чуть не утратил рассудок.

— Но почему же вы нам ничего не сказали? — спросил я.

— Чарлз категорически запретил мне. Он объяснял это — и я ему верила — необходимостью пройти через тяжкое испытание только вдвоем со мной. Он полагал, что разум его скорее подвергнется опасности, если на данном этапе к работе подключится кто-то еще.

Клод как-то странно хрюкнул и спросил:

— Так, ну и что же случилось потом?

— Сперва все шло очень хорошо, — сказала Мими. — Чарлз все больше и больше времени проводил у своей машины, ему это начинало нравиться, а вскоре его лишь с трудом можно было отвлечь от упражнений с Автоматической Мандалой, разве что поесть, и то он все время на меня ворчал. Потом он и есть перестал... А через некоторое время ему стала не нужна и машина: он научился мысленно представлять себе и кубы, и все их стороны; мог мысленно заставить их вращаться с любой скоростью, или мысленно собрать их вместе, или раскидать в разные стороны... Однако последняя ступень, то есть создание гиперкуба, по-прежнему оставалась для него недоступной. Он снова вернулся к работе с машиной и запускал ее теперь на максимальной скорости... — Мими вздохнула. — В общем, он просто себя загнал. В последний раз, когда Чарлз выключил машину, Мандала все равно продолжала расти и изменяться перед его мысленным взором, и каждый из составлявших ее кубов казался ему огромным и очень тяжелым, а символы на их сторонах вспыхивали таким дьявольским

светом, что глазам было больно... В ушах у него слышался гром, перед глазами без конца вращались кубы, и он никак не мог остановить их. И чувствовал, что паутина мелькавших перед ним чуждых знаков вот-вот задушит его... Возбуждение все нарастало, он точно качался на качелях, испытывая то исступленный восторг, то отчаяние. Как раз во время одного из таких приступов он и оборвал телефонный провод...

— Вам следовало немедленно послать за нами! — воскликнул Клод.

— У меня просто не хватило времени. Чарлз понимал, что с ним происходит, и велел мне немедленно включить программу обратного действия. То есть изменить последовательность знаков на сторонах кубов. В общем, нужно было любым способом разрушить цепочки образов, во власти которых он оказался. Я запустила эту программу, но она, к сожалению, никак на Чарлза не подействовала. Он уходил буквально у меня на глазах и лишь шептал: «Ужас... ужас...»

— Черт побери! — не выдержал Клод. — А потом?

— А потом я почувствовала, что необходимо срочно что-то предпринять. Реверсивная программа не сработала. И я решила, что нужны какие-то совсем иные символы, что-нибудь простое и ясное, что-нибудь способное Чарлза поддержать и ободрить...

И тут мы увидели, как по лестнице медленно спускается сам Чарлз. Он заметно отощал; лицо выглядело изможденным. Но, несмотря на худобу и усталость, он казался совершенно счастливым и... несколько безумным.

— Я только что проснулся, — сказал он. — Мне совершенно необходимо как следует отоспаться. Вам Мышка уже рассказала, каким образом она спасла то немногое, что еще оставалось от моего рассудка? — Он обнял Мими за плечи. — Она просто молодчина, не правда ли? Подумать только, я ведь только вчера наконец понял, как люблю ее! На следующей неделе у нас свадьба, я вас всех приглашаю!

— Но я думала, мы полетим в Монте-Карло, — заметила Мими, — а обвенчаемся в городской ратуше.

— Ну да... конечно! — На мгновение Чарлз, казалось, растерялся и коснулся лба вызывающим жалость жестом — точно раненый солдат, у которого снесло полголовы, но он еще не успел это осознать. — Моя старая кастрюля все еще варит плоховато после той гонки, которую я ей задал. Ох уж эти проклятые кубики! Если бы Мими не было рядом, просто не знаю, чем бы кончился мой эксперимент!

Они лучезарно улыбнулись нам — новая, счастливая парочка, поистине созданная дьявольскими кубиками Хинтона. Столь внезапная трансформация чувств Чарлза по отношению к Мими — от ласкового равнодушия до слепого обожествления — потрясла меня, точно нелепый и чудовищный ночной кошмар. Они

напоминали сейчас Свенгали и Трилби, только как бы поменявшихся полами в силу неведомого колдовства, но отнюдь не любовных чар.

— Но теперь все будет хорошо, Чарлз, — сказала Мими.

— Да, любимая. Я знаю. — Чарлз улыбнулся, однако оживление исчезло с его лица, он снова поднес руку ко лбу, и тут колени его подкосились. Мими обняла его за талию и потащила к лестнице.

— Я сейчас вернусь, — сказала она нам. — Только в постель его уложу.

Клод, Памела и я некоторое время стояли посреди гостиной и смотрели друг на друга. Потом в едином порыве повернулись и бросились туда, где стояла Автоматическая Мандала.

Мы приблизились к ней с ужасом, ибо то было современное воплощение древнейших магических чар. Я вполне представлял себе, как Чарлз без конца сидел перед своей машинкой, а шар и стержни в нем все вращались и вращались, а кубики на концах стержней сверкали все ярче, создавая в его мозгу некий единый и неделимый образ... Древнееврейский, китайский, египетский — буквы всех этих алфавитов теперь исчезли. На всех сторонах кубов мы обнаружили теперь один-единственный символ — действительно «простой и ясный», как и сказала Мими. Впрочем, вряд ли он был так уж прост: на каждую из шести сторон всех двадцати кубиков была наклеена фотография Мими Ройс!

ЗАЦЕПКА

На звездолете главное — сплоченность экипажа. Личному составу полагается жить в ладу и согласии — иначе недостижимо то мгновенное взаимопонимание, без которого порой никак не обойтись. Ведь в космосе один-единственный промах может оказаться роковым.

Не требует доказательств та истина, что даже на самых лучших кораблях случаются аварии, а о заурядном нечего и говорить — он долго не продержится.

Отсюда ясно, как потрясен был капитан Свен, когда за четыре часа до старта ему доложили, что радист Форбс наотрез отказывается служить вместе с новеньким.

Новенького Форбс в глаза не видел и видеть не желает. Достаточно, что он о нем наслышан. По словам Форбса, здесь нет ничего личного. Отказ мотивирован чисто расовыми соображениями.

— Ты не путаешь? — переспросил капитан старшего механика, когда тот принес неслыханную весть.

— Никак нет, сэр, — заверил механик Хао, приземистый китаец из Кантона. — Мы пытались уладить конфликт своими силами. Но Форбс ни в какую.

Капитан Свен грузно опустился в мягкое кресло. Он был возмущен до глубины души. Ему-то казалось, что расовая ненависть отошла в прошлое. Столкнувшись с ее проявлением в натуре, он растерялся, как растерялся бы при встрече с моа или живым комаром.

— В наш век, в наши дни — и вдруг расизм? — кипятился Свен. — Безобразие, форменное безобразие. Чего доброго, следующим номером мне доложат, что на городской площади сжигают ведьм или где-нибудь затевают войну с применением кобальтовых бомб!

— Да ведь до сих пор никакого расизма не было в помине, — возразил Хао. — Для меня это полнейшая неожиданность.

— Ты же у нас не только по званию старший, но и по возрасту, — сказал Свен. — Неужто не пытался урезонить Форбса?

— Я с ним не один час беседовал, — ответил Хао. — Напоминал, что китайцы веками люто ненавидели японцев, а японцы — китайцев. Если уж нам удалось преодолеть взаимную неприязнь во имя Великого Сотрудничества, то отчего бы и ему не попытаться?

— И пошло на пользу?

— Как об стенку горох. Говорит, это совсем разные вещи.

Свен свирепо откусил кончик сигары, поднес к ней огонек и запыхтел, раскуривая.

— Да черт меня подери, если я у себя на корабле стерплю такое. Подыщу другого радиста.

— Не так уж это просто, сэр, — заметил Хао. — В здешней-то глуши.

Свен насупился в раздумье. Дело было на Дискайе-2, захолустной планетенке в созвездии Южного Креста. Сюда корабль доставил груз (запасные части для машин и станков), здесь взял на борт новичка, назначенного Корпорацией, — невольного виновника переполоха. Специалистов на Дискайе пруд пруди, но все больше по гидравлике, горному делу и прочей механике. Единственный же на планете радист вполне доволен жизнью, женат, имеет двоих детей, обзавелся на Дискайе домом в озелененном пригороде и о перемене мест не помышляет.

— Курам на смех, просто курам на смех, — процедил Свен. — Без Форбса мы как без рук, но новичка я здесь не брошу. Иначе Корпорация наверняка меня уволит. И поделом, поделом. Капитан обязан справляться с любыми неожиданностями.

Хао угрюмо кивнул.

— Откуда родом этот самый Форбс?

— С фермы, из глухой деревушки в гористой части США. Штат Джорджия, сэр. Вы о таком случайно не слыхали?

— Слыхал вроде бы, — скромно ответил Свен, в свое время прослушавший в университете Упсалы спецкурс «Регионы и их отличительные особенности»: в ту пору он стремился возможно

лучше подготовиться к капитанской должности. — Там выращивают свиней и земляные орехи.

— И мужчин, — дополнил Хао. — Дюжих, смекалистых. Населения в штате раз, два — и обчелся, а между тем уроженцев Джорджии встретишь на любом пограничном рубеже. За ними упрочилась слава непревзойденных молодцов.

— Знаю, — огрызнулся Свен. — Форбс у нас тоже парень не промах. Одна вот беда — расист.

— Случай с Форбсом нетипичен. Форбс вырос в малочисленном, уединенном сообществе, вдали от главного русла американской жизни. Развиваясь, такие сообщества — а они есть по всему миру — всячески цепляются за причудливые старинные обычаи. Вот как сейчас помню, в одной деревушке Хонаня...

— А все же с трудом верится, — перебил Свен механика, который собрался было пуститься в пространные рассуждения о быте китайской деревни. — Оправдания тут неуместны. Всюду, в любом обществе, сохранилось наследие прошлого — остатки расовой вражды. Однако каждый, вливаясь в главный поток земной жизни, обязан стряхнуть с себя пережитки прошлого. Другие-то стряхнули! Почему же Форбс не может? С какой стати он перекладывает на нас свои заботы? Неужто слыхом не слыхивал о Великом Сотрудничестве?

Хао пожал плечами:

— Может, вы сами с ним поговорите, капитан?

— Непременно. Только сначала с Ангкой.

Старший механик покинул мостик. Свен оставался погружен в глубокое раздумье, но вот раздался стук.

— Входи.

Вошел боцман Ангка. Это был высоченный, безукоризненного сложения африканец с кожей цвета спелой сливы. Чистокровный негр из Ганы, он великолепно играл на гитаре.

— Надо полагать, ты в курсе дела? — начал Свен.

— Загвоздка получается, сэр, — отозвался Ангка.

— Загвоздка? Катастрофа! Сам ведь понимаешь, как опасно поднимать звездолет с планеты, когда на борту кавардак. А до старта меньше трех часов. Немыслимо выходить в рейс без радиста, но и новенький нам позарез нужен.

Ангка стоял в бесстрастном ожидании. Свен стряхнул с сигары дюймовый столбик пепла.

— Послушай, Ангка, ты ведь понимаешь, зачем я тебя вызвал.

— Догадываюсь, сэр, — ухмыльнулся Ангка.

— Вы ведь с Форбсом не разлей вода. Не мог бы ты на него повлиять?

— Пытался, капитан, честное слово, пытался. Но вы же сами знаете, каковы уроженцы Джорджии.

— К сожалению, не знаю.

— Отличные ребята, сэр, но упрямы как ослы. Уж если им что

втемяшится в башку, то хоть кол на ней теши. Я ведь с Форбсом двое суток только об этом и толкую. Вчера вечером упоил его в стельку... Исключительно для пользы дела, сэр, — спохватился Ангка.

— Неважно. И что же?

— Поговорил с ним как с родным сыном. Напомнил, до чего славно мы тут сработались, до чего весело развлекаемся в каждом астропорту. Какая это великая честь — участвовать в Сотрудничестве. «Берегись, Джимми, — говорю, — будешь стоять на своем, так все испортишь. Ты ведь не хотел бы все испортить, правда?» Он пустил слезу, точно маленький, капитан.

— Но не передумал?

— Твердил, что никак не может. Что уговаривать бесполезно. Мол, есть в Галактике одна, и только одна, раса, с которой он служить не станет, и дело с концом. Мол, иначе его бедный папочка в гробу перевернется.

— Может, еще одумается, — сказал Свен.

— Постараюсь переубедить его, но навряд ли удастся.

Ангка вышел. Свен подпер щеку могучим кулаком и вновь покосился на судовой хронометр. Меньше трех часов до старта!

Сняв трубку внутреннего телефона, Свен попросил через городскую сеть соединить его с диспетчером астропорта. Услышав голос диспетчера, капитан сказал:

— Прошу разрешения задержаться на денек-другой.

— К сожалению, это не в моей власти, капитан Свен, — вздохнул диспетчер. — Позарез нужна стартовая площадка. Мы ведь принимаем не более одного звездолета сразу. А через пять часов ожидается рудовоз с Калайо. У них наверняка горючее на исходе.

— Вечно оно у них на исходе, — буркнул Свен.

— А мы давайте вот как условимся. Если у вас серьезная механическая неисправность, мы подгоним два-три подъемных крана, переведем ваш корабль в горизонтальное положение и откатим с площадки. Однако до тех пор, пока мы его вновь поставим на ножки, много воды утечет.

— Спасибо, не стоит. Буду стартовать по расписанию.

Он дал отбой. Нельзя задерживать корабль без уважительной причины. За это Корпорация с капитана голову снимет, и ежу ясно.

Оставался единственный доступный путь. Удовольствие маленькое, но ничего не попишешь. Капитан встал, отбросил давно погасшую сигару и спустился с мостика.

Он заглянул в судовой лазарет. Там, закинув ноги на стол, сидел доктор в белоснежном халате и читал немецкий медицинский журнал трехмесячной давности.

— Добро пожаловать, кэп. Хотите глоточек коньяку в чисто медицинских целях?

— Не откажусь, — ответил Свен.

Молодой доктор щедрой рукой плеснул две порции из бутыл-

ки, на этикетке которой красовалось: «Возбудитель сенной лихорадки».

— Для чего такой мрачный ярлык? — удивился Свен.

— А чтоб команда не прикладывалась. Лучше уж пускай у кока воруют лимонный экстракт.

Доктора звали Абу-Факих. Был он родом из Палестины, недавно окончил медицинский институт в Вифлееме.

— О Форбсе слыхали? — приступил к делу Свен.

— А кто не слыхал?

— Хотел у вас спросить как у единственного медика на борту: вы прежде не замечали у Форбса признаков расовой вражды?

— Ни разу, — без колебаний ответил Абу-Факих.

— Не ошибаетесь?

— В таких вещах мы, палестинцы, разбираемся, нутром их чуем. Уверяю вас, для меня поведение Форбса — полнейшая неожиданность. Разумеется, с тех пор я неоднократно беседовал с ним.

— Какой же вы сделали вывод?

— Форбс честен, расторопен, прямодушен, простоват. Унаследовал отжившие предрассудки в виде старинных традиций. Сами знаете, у выходцев из Горной Джорджии сохранился целый арсенал местных обычаев. Эти обычаи всесторонне изучены антропологами островов Самоа и Фиджи. Вам не доводилось читать «Достижение совершеннолетия в Джорджии» или «Народные обычаи Горной Джорджии»?

— Времени не остается на такое чтение, — проворчал Свен. — У меня с кораблем хлопот по горло, не хватало еще вникать в психологию каждого члена команды.

— Да, пожалуй, кэп, — сказал доктор. — Хотя эти книги есть в судовой библиотеке, вдруг вам вздумается полистать. Ума не приложу, чем тут помочь. Процесс переориентации долог. К тому же я терапевт, а не психиатр. Есть во Вселенной раса, с представителями которой Форбса никто не принудит служить, поскольку они вызывают в нем прилив первозданной расовой ненависти. По нелепой случайности ваш новенький принадлежит именно к этой расе.

— Оставлю Форбса в порту, — внезапно решил капитан. — С рацией справится офицер связи. А Форбс пускай садится на любой другой звездолет и отправляется к себе в Джорджию.

— Не советовал бы.

— Почему же?

— Форбс — любимец команды. Все осуждают его за дурацкое упрямство, но, если он не пойдет вместе со всеми в рейс, на борту воцарится уныние.

— Опять незадача. — Свен задумался. — Опасно, крайне опасно. Но, черт побери, не могу же я оставить в порту новичка! Да и не желаю! Кто здесь, в конце концов, главный — я или Форбс?

— Вопрос чрезвычайно интересен, — подхватил Абу-Факих и

поспешно увернулся от бокала, которым запустил в него разъяренный капитан.

Свен отправился в судовую библиотеку, где перелистал «Достижение совершеннолетия в Джорджии» и «Народные обычаи в Горной Джорджии». От этого ему легче не стало. С секунду поразмыслив, он бросил взгляд на часы. Два часа до старта! Чуть ли не бегом капитан устремился в штурманскую рубку.

В рубке единовластно распоряжался венерианин Рт'крыс. Он стоял на табуретке, разглядывая какие-то вспомогательные приборы. Тремя руками он сжимал секстант, а ногой — самой ловкой конечностью — протирал зеркала. При виде Свена венерианин из уважения к начальству окрасился в коричнево-оранжевые тона, после чего вновь обрел повседневный зеленый цвет.

— Как дела? — спросил Свен.

— Нормально, — ответил Рт'крыс. — Если, конечно, не считать истории с Форбсом.

Он пользовался карманным звукоусилителем, поскольку голосовые связки у венериан отсутствуют. Первые модели таких усилителей резали слух и отдавали металлическим звоном; однако с тех пор их усовершенствовали, и ныне типичные «голоса» венериан звучат как мягкий вкрадчивый шепот.

— О Форбсе-то я и зашел посоветоваться, — признался капитан. — Ты ведь не землянин. Если на то пошло, даже не гуманоид. Я и подумал: вдруг тебя осенит свежая идея. Вдруг я что-нибудь упустил.

Помолчав, Рт'крыс посерел: это был цвет нерешительности.

— Боюсь, от меня вам маловато будет пользы, капитан Свен. У нас на Венере никогда не было расовых проблем. Разве что вы усматриваете некую аналогию с положением саларды...

— Не совсем, — перебил Свен. — Там религиозный уклон.

— К сожалению, больше ничего в голову не приходит. А вы не пробовали образумить Форбса?

— Нет, но ведь все остальные пробовали.

— У вас должно лучше получиться, капитан. Вы — носитель символа власти, вам удастся вытеснить из Форбсова сознания отцовский символ. А заполучив такое преимущество, внушите Форбсу, какова истинная подоплека его эмоциональной реакции.

— У расовой вражды не бывает никакой подоплеки.

— Это с точки зрения формальной логики. А вот если оперировать общечеловеческими понятиями, то удастся отыскать и саму подоплеку, и решение проблемы. Постарайтесь выяснить, чего именно боится Форбс. Быть может, поставленный лицом к лицу с собственными мотивами, он опомнится.

— Учту твои советы, — с сарказмом, который не дошел до венерианина, поблагодарил Свен.

Прозвучал условный звонок внутреннего коммутатора: старший помощник вызывал капитана.

— Капитан! Диспетчер запрашивает, стартуем ли мы по расписанию.

— Стартуем, — сказал Свен. — Готовить корабль. — И положил трубку.

Рт'крыс залился пунцовым окрасом. У венериан это все равно что у землян — приподнятые брови.

— И так и так скверно, черт бы побрал все на свете! — проговорил Свен. — Спасибо, что дал хоть какой-то совет. Теперь примусь за Форбса.

— А кстати, — остановил капитана Рт'крыс, — он-то к какой расе принадлежит?

— Кто именно?

— Новенький, тот, с кем не желает служить Форбс.

— Я почем знаю? — неожиданно взорвался Свен. — По-твоему, мне на мостике только и дел, что зазубривать расовую принадлежность новеньких?

— А ведь это может иметь решающее значение.

— С какой стати? Допустим, Форбсу не угодно служить с монголом или с пакистанцем, ньюйоркцем или марсианином. Велика ли разница, на какой именно расе зациклился больной, незрелый мозг?

— Всего наилучшего, капитан Свен, — пожелал Рт'крыс вдогонку.

Представ на мостике перед капитаном, Джеймс Форбс откозырял, хотя на корабле у Свена подобные формальности не соблюдались. Радист вытянулся по стойке «смирно». Это был высокий стройный юноша с взъерошенной шевелюрой и фарфорово-белой, усыпанной веснушками кожей. Все черты его лица свидетельствовали о податливости, уступчивости, обходительности. Решительно все... кроме глаз — темно-синих, глядящих в упор на собеседника.

Свен растерялся, не зная, с чего начать. Но первым заговорил Форбс.

— Сэр, — сказал он. — С вашего позволения, мне здорово неудобно перед вами. Вы хороший капитан, сэр, лучше не бывает, да и с командой я сдружился. Теперь я себя чувствую как последний негодяй.

— Так, может, одумаешься? — В голосе Свена послышались слабые нотки надежды.

— Хотел бы я одуматься, сэр, право же, хотел. Да мне для вас головы не жаль, капитан, вообще ничего на свете не жаль.

— Ни к чему мне твоя голова. Мне надо только, чтобы ты сработался с новичком.

— А вот это как раз не в моих силах, — грустно проговорил Форбс.

— Это еще почему, пропади все пропадом? — взревел капитан, напрочь позабыв о своем намерении проявить себя тонким психологом.

— Да вам просто не понять нашу душу, душу ребят вроде меня, выходцев из Горной Джорджии, — пояснил Форбс. — Так уж мне блаженной памяти папочка заповедал. Бедняга в гробу перевернется, если я нарушу его последнюю волю.

Свен проглотил рвущуюся на язык многоэтажную брань и сказал:

— Тебе ведь самому ясно, в какое положение ты меня ставишь. Что же ты теперь предлагаешь?

— Только одно, сэр. Мы с Ангкой вместе спишемся с корабля. Лучше уж нехватка рук, капитан, чем недружная команда, сэр.

— Как, и Ангка туда же? Постой! Он-то против кого настроен?

— Ни против кого, сэр. Просто мы с ним закадычные друзья, вот уж пять лет скоро, как повстречались на грузовике «Стелла». Теперь мы с ним неразлучны: куда один, туда и другой.

На пульте управления у Свена вспыхнул красный огонек — знак того, что корабль готов к старту. Свен не обратил на это никакого внимания.

— Не могу же я остаться без вас обоих, — сказал Свен. — Форбс, ты почему отказываешься служить с новичком?

— По расовым мотивам, сэр, — коротко ответил Форбс.

— Слушай меня внимательно. Ты служил под моим началом, а ведь я — швед. Разве тебя это не смущало?

— Нисколько, сэр.

— Судовой врач у нас — палестинец. Штурман и вовсе с Венеры. Механик — китаец. В команде собраны русские, меланезийцы, ньюйоркцы, африканцы — всякой твари по паре. Все расы, вероисповедания и цвета кожи. С ними-то ты уживался?

— Ясное дело, уживался. Нас, уроженцев Горной Джорджии, с раннего детства готовят к тому, чтоб мы уживались с любыми расами. Это у нас в крови. Так мой папаша уверял. Но служить с Блейком я, хоть убейте, не стану.

— Кто это — Блейк?

— Да новенький, сэр.

— Откуда же он родом? — насторожился Свен.

— Из Горной Джорджии.

На миг оторопевшему Свену почудилось, будто он ослышался. Он вытаращил глаза на Форбса — тот, оробев, ел капитана глазами.

— Из гористой части штата Джорджия?

— Так точно, сэр. Кажется, откуда-то неподалеку от моих краев.

— А он белый, этот Блейк?

— Само собой, сэр. Белый англо-шотландского происхождения, точь-в-точь как я.

У Свена возникло ощущение, будто он осваивает неведомый мир — мир, с каким не доводилось сталкиваться ни одному цивилизованному человеку. Капитан с изумлением обнаружил, что на Земле попадаются обычаи куда диковиннее, чем где-либо в Галактике. И попросил Форбса:

— Расскажи-ка мне о ваших обычаях.

— А я-то думал, про нас, выходцев из Горной Джорджии, все досконально известно, сэр. В наших краях принято по достижении двадцати лет уходить из отчего дома и больше домой не возвращаться. Обычай велит нам работать бок о бок с представителями любой расы... кроме нашей.

— Вот как, — обронил Свен.

— Новичок-то, Блейк, тоже из Горной Джорджии. Ему бы сперва проглядеть судовой реестр, а уж после наниматься на корабль. На самом-то деле он один кругом виноват, и если ему плевать на вековой обычай, то я тут ни при чем.

— Но почему же все-таки вам запрещено служить с земляками? — не отставал Свен.

— Неизвестно, сэр. Так уж повелось от отца к сыну, с незапамятных времен.

Свен пристально посмотрел на радиста: в капитанском мозгу забрезжила догадка.

— Форбс, ты можешь словами передать, как относишься к чернокожим?

— Могу, сэр.

— Так передай.

— В общем, сэр, по всей Горной Джорджии считается, что чернокожий для белого — лучший друг. Я ничего не говорю, белые совсем не против китайцев, марсиан и прочих, но вот у чернокожих с белыми как-то особенно лихо все выходит...

— Давай-давай, — подбодрил Свен.

— Да ведь это трудно толком объяснить, сэр. Просто-напросто... словом, чернокожий и белый как-то особенно удачно друг к другу притираются, входят в зацепление, словно хорошие шестерни. Между чернокожим и белым какая-то особая слаженность.

— А знаешь, — мягко проговорил Свен, — ведь когда-то, давным-давно, твои предки считали чернокожих неполноценным народом. Издавали всякие законы, по которым чернокожему категорически воспрещалось общаться с белым. И продолжали в таком же духе еще долго после того, как во всем остальном мире с этим предрассудком было покончено. Вплоть до Злосчастного Испытания.

— Это ложь, сэр! — вспыхнул Форбс. — Простите, я не обвиняю во лжи вас лично, сэр, но ведь это неправда. У нас в Джорджии всегда...

— Могу доказать: так утверждают книги по истории и антропологии. В библиотеке у нас тоже найдутся кое-какие, если только тебе не лень покопаться!

— Уж янки понапишут!

— Там есть и книги, написанные южанами. Все это правда, Форбс, но стыдиться здесь нечего. Просвещение приходит к людям

долгими и мучительными путями. Твои предки обладали многими достоинствами, ты вправе ими гордиться!

— Но если все было так, как вы объясняете, — нерешительно произнес Форбс, — отчего же все переменилось?

— Вот об этом как раз можно прочитать в одном исследовании по антропологии. Ты ведь знаешь, что после Злосчастного Испытания ядерного оружия над Джорджией выпали обильные радиоактивные осадки?

— Так точно, сэр.

— Но ты едва ли знаешь, что в ту пору лучевая болезнь стала с особой беспощадностью косить население так называемого Черного Пояса. Да, жертвами болезни становились и многие белые. Но вот чернокожие в той части штата вымерли почти начисто.

— Этого я не знал, — покаянно прошептал Форбс.

— Уж поверь мне на слово, до Испытания случалось всякое — и расовые бунты, и линчевания, и взаимная неприязнь между белыми и чернокожими. Но вдруг чернокожих не стало: их истребила лучевая болезнь. В результате у белых, особенно в малых населенных пунктах, появилось нестерпимое чувство вины. А самые суеверные из белых терзались мучительными угрызениями совести из-за массового вымирания чернокожих. Для таких белых вся цепь событий явилась тяжелым ударом, ведь люди-то они были религиозные.

— Какая им разница, если они ненавидели чернокожих?

— В том-то и дело, что вовсе не ненавидели! Опасались смешанных браков, экономической конкуренции, изменений в общественной иерархии. Однако о ненависти и речи не было. Напротив. В ту пору твои земляки утверждали (и при этом нисколько не кривили душой), будто куда лучше иметь дело с негром, чем с «либералом»-северянином. Отсюда вытекло множество конфликтов.

Форбс кивнул в напряженной задумчивости.

— В изоляте — в сообществе вроде того, где ты родился, — тогда же возник обычай трудиться вдали от дома, с представителями любой расы, кроме земляков. Здесь всему подоплекой комплекс вины.

По веснушчатым щекам Форбса градом катился пот.

— Прямо не верится, — пробормотал радист.

— Форбс, разве я тебе хоть раз в жизни солгал?

— Никак нет, сэр.

— Значит, поверишь, если я поклянусь, что все рассказанное мною — правда?

— Но... постараюсь, капитан Свен.

— Теперь ты знаешь, откуда пошел обычай. Будешь служить с Блейком?

— Навряд ли у меня получится.

— А ты попробуй.

Прикусив губу, Форбс беспокойно заерзал.

— Попробую, капитан. Не знаю, выйдет ли, но попробую. И сделаю это ради вас и ради своих товарищей, а не из-за того, что вы мне тут наговорили.

— Постарайся, — сказал Свен. — Больше от тебя ничего не требуется.

Форбс кивнул и поспешно спустился с мостика. Тотчас же Свен сообщил диспетчеру, что готов стартовать.

Внизу, в кубрике, Форбса познакомили с новичком по фамилии Блейк. Долговязому черноволосому новичку было там явно не по себе.

— Здорово, — сказал Блейк.

— Здорово, — откликнулся Форбс.

Каждый робко шевельнул ладонью, словно намереваясь обменяться рукопожатием, но ни тот, ни другой не довершили жеста.

— Я из-под Помпеи, — заявил Форбс.

— А я из Альмиры.

— Почти что соседи, — убито сказал Форбс.

— Это уж точно, — согласился Блейк.

Наступило молчание. После долгих раздумий Форбс простонал:

— Не могу я, ну никак не могу. — И двинулся было прочь из кубрика. Но вдруг остановился и, обернувшись, выпалил: — А ты чистокровный белый?

— Да нет, не так чтоб уж очень чистокровный, — степенно ответил Блейк. — По матери я на одну восьмую индеец племени чероки.

— Ты чероки, это точно?

— Он самый, не сомневайся.

— Так бы сразу и говорил! Знал я одного чероки из Альтахачи, его звали Там Сидящий Медвежонок. Ты ему случайно не родня?

— Едва ли, — признался Блейк. — У меня-то в жизни не бывало знакомых чероки.

— Да мне что, мне без разницы. Надо было сразу объяснить людям, что ты чероки. Идем, покажу тебе твою койку.

Когда часов через семь после старта о случившемся доложили капитану Свену, тот был совершенно ошеломлен.

«Как же так? — ломал он голову. Почему восьмушка крови индейцев-чероки превращает американца в чероки? Неужели остальные семь восьмых не пересиливают?»

И пришел к выводу, что американцы, особенно из южных штатов, — народ непостижимый.

МОЙ ДВОЙНИК — РОБОТ

«Роботорама Снэйта» — неприметное на вид предприятие на бульваре КБ в Большой Новом Ньюарке. Оно втиснуто между ректификационным заводом и протеиновым магазином. И на витрине ничего необычного — три одетых в соответствии с назначением человекоподобных робота. Застывшие улыбки и броская реклама:

Модель ПБ-2 — повар-француз.

Модель РЛ-9 — английская няня.

Модель ИХ-5 — итальянский садовник.

Каждый готов служить вам.

Каждый внесет в ваш дом теплоту и уют ушедшего старого времени.

Я толкнул дверь и через пыльный демонстрационный зал прошел в цех — нечто среднее между бойней и мастерской великана. На полках, стеллажах и просто на полу лежали головы, руки, ноги, туловища, неприятно похожие на человеческие, если бы не торчащие провода.

Из подсобного помещения ко мне вышел Снэйт — маленький невзрачный человечек со впалыми щеками и красными заскорузлыми руками. Он был иностранец; самых лучших нелегальных роботов всегда делают иностранцы.

— Все готово, мистер Уатсон.

(Мое имя не Уатсон, имя Снэйта — не Снэйт. Фамилии, естественно, я изменил.)

Снэйт провел меня в угол, где стоял робот с обмотанной головой, и театральным жестом сорвал ткань.

Мало сказать, что робот внешне походил на меня; этот робот был мною, достоверно и безошибочно, до мельчайших подробностей. Я рассматривал это лицо, словно в первый раз заметил оттенок жесткости в твердых чертах и нетерпеливый блеск глубоко посаженных глаз. Да, то был я. Я не стал прослушивать его голос и проверять поведение. Я просто заплатил Снэйту и попросил доставить заказ на дом. Пока все шло по плану.

Я живу в Манхэттене на Верхней Пятой Вертикали. Это обходится недешево, но, чтобы видеть небо, не жалко и переплатить. Здесь же и мой рабочий кабинет. Я межпланетный маклер, специализируюсь на сбыте редких минералов.

Как всякий, кто хочет сохранить свое положение в нашем динамичном мире конкуренции, я строго придерживаюсь жесткого распорядка дня. Работа занимает большую часть моей жизни, но и всему остальному уделено место и время. Два часа в неделю уходят на дружбу, два часа — на праздный отдых. На сон предусмотрено шесть часов сорок восемь минут в сутки; я включаю снонаводитель и использую это время для изучения специальной литературы при помощи гипнопедии. И так далее.

Я все делаю только по графику. Много лет назад вместе с пред-

ставителями компании «Ваша жизнь» я разработал всеобъемлющую схему, задал ее своему компьютеру и с тех пор от нее не отступаю ни на шаг.

Разумеется, предусмотрены и отклонения на случай болезни, войны, стихийных бедствий. Про запас введены две подпрограммы. Одна учитывает появление жены и преобразует график для выделения особых четырех часов в неделю. Вторая предусматривает жену и ребенка и освобождает еженедельно дополнительно еще два часа. Тщательная обработка подпрограмм позволит снизить мою производительность лишь соответственно на два и три десятых и два и девять десятых процента.

Я решил жениться в возрасте тридцати двух с половиной лет, поручив подбор жены агентству «Гарантированный матримониальный успех» — фирме с безупречной репутацией. Но тут случилось нечто совершенно непредвиденное.

Однажды в часы, отведенные на досуг, я присутствовал на свадьбе моего знакомого. Подружку нареченной звали Илэйн. Это была изящная живая девушка со светлыми волосами и очаровательной фигуркой. Мне она пришлась по вкусу, но, вернувшись домой, я тут же позабыл о ней. То есть мне казалось, что позабыл. В последующие дни и ночи ее образ неотрывно стоял перед моими глазами. У меня пропал аппетит и ухудшился сон. Мой компьютер, обработав всю доступную ему информацию, предположил, что я либо нахожусь на грани нервного расстройства, либо — и скорее всего — серьезно влюблен.

Нельзя сказать, что я был недоволен. Любовь к будущей супруге является положительным фактором для установления добрых отношений. Корпорация «Благоразумие» по моему запросу навела справки и установила, что Илэйн — в высшей степени подходящий объект. Я поручил Мистеру Счастье, известному посреднику в брачных делах, сделать за меня предложение и заняться обычными приготовлениями.

Мистер Счастье — невысокий седовласый джентльмен с блуждающей улыбкой — принес неважные новости.

— Юная дама, — сообщил он, — приверженка старых взглядов. Она ожидает от вас ухаживания.

— Что это значит конкретно? — спросил я.

— Это значит, что вы должны позвонить ей по видеофону, назначить свидание, повести ужинать, посетить с ней места общественного увеселения и так далее.

— Распорядок дня не оставляет мне времени для подобных занятий, — сказал я. — Но если это совершенно необходимо, я постараюсь освободиться в четверг с девяти до двенадцати.

— Для начала великолепно, — одобрил Мистер Счастье.

— Для начала? Сколько же вечеров мне придется на это убить?

Мистер Счастье полагал, что ухаживание по всем правилам

потребует по меньшей мере три вечера в неделю и будет продолжаться в течение двух месяцев.

— Нелепо! — воскликнул я. — Можно подумать, у девушки — уйма свободного времени.

— Вовсе нет, — заверил меня Мистер Счастье. — Илэйн, подобно каждому образованному человеку наших дней, ведет очень насыщенный, детально распланированный образ жизни. Ее время целиком поглощают работа, семья, благотворительная деятельность, артистические поиски, политика.

— Так почему же она настаивает на этом расточительном занятии?

— Похоже, для нее это вопрос принципа. Короче говоря, она этого хочет.

— Илэйн склонна к нелогичным поступкам?

Мистер Счастье вздохнул:

— Что вы хотите — она ведь женщина...

Весь свой следующий час я посвятил размышлениям. На первый взгляд у меня было всего два пути: либо отказаться от Илэйн, либо потакать ее прихоти. В последнем случае я потеряю около семнадцати процентов дохода и к тому же буду проводить вечера самым глупым, скучным и непродуктивным образом.

Оба пути я счел неприемлемыми и оказался в тупике.

В досаде я ударил кулаком по столу, так что подпрыгнула старинная пепельница. Гордон, один из моих секретарей-роботов, поспешил на шум.

— Вам что-нибудь требуется, сэр?

Гордон — андроид серии ОНЛХ (ограниченно наделенные личностными характеристиками) класса «де-люкс»; худой, слегка сутулый и как две капли воды похож на Лесли Говарда. Если бы не обязательные правительственные клейма на лбу и руках, его не отличить от человека. И вот при виде Гордона меня осенило.

— Гордон, — медленно сказал я, — не знаешь ли ты, кто производит лучших индивидуализированных роботов?

— Снэйт из Большого Нового Ньюарка, — уверенно ответил он.

Я имел беседу со Снэйтом и убедился, что это вполне нормальный, в меру жадный человек. Снэйт согласился сделать робота без правительственных клейм, который был бы похож на меня и дублировал мою манеру поведения. Мне пришлось уплатить более чем солидную сумму, но я остался доволен: денег у меня было предостаточно, а вот времени — в обрез. Так все и началось.

Когда я вернулся домой, робот, посланный пневмоэкспрессом, уже ждал меня. Я оживил его и сразу принялся за дело. Мой компьютер внес всю касающуюся меня информацию непосредственно в память робота. Я ввел план ухаживания и сделал необходимые проверки. Результаты превзошли все ожидания. Окрыленный успехом, я позвонил Илэйн и договорился о встрече.

Остаток дня я разбирался с делами на бирже. Ровно в восемь

Чарлз II, как я стал его называть, отправился на свидание. Я немного вздремнул и снова принялся за работу.

Чарлз II возвратился точно в полночь, согласно программе. Мне не пришлось расспрашивать его; все происшедшее было запечатлено скрытой камерой, которую Снэйт встроил роботу в левый глаз. Я смотрел и слушал начало моего ухаживания со смешанным чувством.

Робот безусловно был мной, вплоть до покашливания перед тем, как заговорить, и привычки потирать в задумчивости большой и указательный пальцы. Впервые в жизни я заметил, что мой смех неприятно напоминает хихиканье, и решил избавиться от этого и некоторых других раздражающих манер в себе и Чарлзе II.

И все же, на мой взгляд, первый опыт прошел блестяще. Я остался доволен. И работа, и ухаживание продвигались успешно. Осуществилась древняя мечта: одно «я» располагало двумя телами. Можно ли было ждать большего?

Какие изумительные вечера мы проводили! Мои переживания, хоть и не из первых рук, были искренними. До сих пор помню первую ссору с Илэйн: как красива она была в своем упрямстве и как чудесно последовавшее примирение!

Кстати, «примирение» обнаружило некоторые проблемы. Я запрограммировал Чарлза II не переступать в своих действиях определенных границ. Но жизнь показала, что человек не может предусмотреть все хитросплетения в отношениях двух независимых существ, особенно если одно из них — женщина. Ради большего правдоподобия мне пришлось пойти на уступки.

После первого потрясения я уже с интересом следил за собой и Илэйн. Какой-нибудь надутый психиатр, вполне вероятно, распознал бы в этом эротоманию или что-то и похуже. Однако подумать так — значит пренебречь самим естеством человеческой натуры. В конце концов, какой мужчина не мечтает посмотреть на себя со стороны!

Мои отношения с Илэйн развивались драматически, в поразившем меня направлении. Появилось какое-то отчаяние, какое-то любовное безумие, в чем я никогда не мог себя заподозрить. Наши встречи приобрели оттенок возвышенной печали, окрасились чувством надвигающейся неотвратимой утраты. Порой мы вовсе не разговаривали, просто сидели, держась за руки и не отрывая глаз друг от друга. А однажды Илэйн расплакалась без всякой видимой причины. «Что же нам делать?» — прошептала она. Я гладил ее волосы и не знал, что сказать.

Разумеется, я прекрасно понимаю, что все это происходило с роботом. Но робот был мной — моим двойником, моей тенью. Он вел себя так, как вел бы себя в подобной ситуации я сам; следовательно, его переживания принадлежали мне.

Все это было крайне интересно. Но настала пора подумать и о

свадьбе. Я велел роботу предложить дату обручения и прекратить ухаживание как таковое.

— Ты молодец, — похвалил я. — Когда все завершится, тебе сделают пластическую операцию, наделят новыми личностными характеристиками, и ты займешь почетное место в моей фирме.

— Благодарю вас, сэр, — проговорил Чарлз II.

Его лицо было непроницаемо, и голос выражал идеальное послушание. Он отправился к Илэйн, унося мой последний дар.

Наступила полночь, а Чарльз II не возвращался. Я начал беспокоиться. К трем часам ночи я истерзал себя самыми нелепыми фантазиями, обнаружив, что способен на самую настоящую ревность. Мучительно тянулись минуты. Мои фантазии приобрели садистский характер: я уже представлял, как жестоко отомщу им обоим: роботу за неповиновение, а Илэйн за глупость — принять механическую подделку за настоящего мужчину!

Наконец я забылся сном.

Но и утром Чарлз II не пришел. Я отменил все дневные встречи и помчался к Илэйн.

— Чарлз! — воскликнула она. — Вот неожиданность! Я так рада!

Я вошел в ее квартиру с самым беспечным видом, решив сохранять спокойствие, пока не узнаю точно, что произошло ночью.

— Неожиданность? — переспросил я. — Разве я не упоминал, что могу зайти к завтраку?

— Возможно, — сказала Илэйн. — Честно говоря, я была слишком взволнована, чтобы запомнить все твои слова.

— Но ты помнишь остальное?

Она мило покраснела.

— Конечно, Чарлз. У меня на руке до сих пор остался след.

— Вот как!

— И болят губы.

— Я бы не отказался от кофе.

Она налила кофе, и я в два глотка осушил чашку.

— Ты узнаешь меня? Не находишь ли перемен со вчерашнего вечера?

— Разумеется, нет, — удивилась она. — Я, кажется, знаю все твои настроения. Чарлз, что случилось? Тебя что-то огорчило вчера?

— Да! — дико закричал я. — Мне вспомнилось, как ты голая танцевала на веранде! — Я пристально смотрел на нее, ожидая взрыва негодования.

— На меня что-то нашло, — нерешительно проговорила Илэйн. — К тому же я не была совсем голой. Ты же сам попросил...

— Да. Да-да... — Я смутился, но решил не отступать. — А когда ты пила шампанское из салатницы...

— Я только отхлебнула, — вставила она. — Это было чересчур дерзко?

— А помнишь, как мы, совсем обезумев, поменялись одеждой?

— Какие мы с тобой испорченные! — рассмеялась она.

Я встал.

— Илэйн, что именно ты делала прошлой ночью?

— Странный вопрос, — произнесла она. — Была с тобой. Все, о чем ты говорил...

— Я это выдумал.

— Тогда с кем был ты?

— Я был дома, один.

Она замолчала и с минуту собиралась с мыслями.

— Чарлз, мне надо тебе признаться.

Я в ожидании скрестил руки на груди.

— Я тоже вчера была дома одна.

Мои брови поползли вверх.

— А остальные дни?

Она глубоко вздохнула:

— У меня больше нет сил тебя обманывать. Мне действительно хотелось старомодного ухаживания. Но когда настала пора, я убедилась, что у меня нет на это ни минуты. Видишь ли, как раз заканчивался курс ацтекской керамики, и меня выбрали председателем Лиги помощи алеутам, да и мой новый магазин женского платья требовал особого внимания...

— И что ты сделала?

— Ну, не могла же я сказать тебе: «Послушай, давай бросим эти ухаживания и поженимся». В конце концов, мы едва были знакомы.

— Что ты сделала?

Она опустила голову.

— Кое-кто из моих подруг попадал в подобные переделки... Они обращались к одному специалисту по роботам, Снэйту... Почему ты смеешься?

— Я тоже должен тебе признаться. Снэйт помог и мне.

— Чарлз! Ты послал робота ухаживать за мной? Как ты мог? А если бы я сама...

— По-моему, ни ты, ни я не вправе возмущаться. Твой робот вернулся?

— Нет. Я решила, что Илэйн II и ты...

Я покачал головой:

— Я никогда не встречался с Илэйн II, а ты — с Чарлзом II. Наши роботы, надо думать, так увлеклись друг другом, что сбежали вместе.

— Разве роботы на это способны?

— Наши — способны. По всей видимости, они перепрограммировали друг друга.

— Или просто полюбили, — с завистью произнесла Илэйн.

— Я выясню, что произошло. Но сейчас, Илэйн, давай подумаем о себе. Предлагаю пожениться при первой же возможности.

— Да, Чарлз, — промурлыкала она.

Мы поцеловались. А потом кропотливо стали координировать наши графики.

Мне удалось проследить путь беглецов до космодрома Кеннеди. Оттуда они попали на Пятую станцию, где пересели на экспресс, отправлявшийся к созвездию Кентавра. Продолжать поиски не имело смысла. Они могли избрать любую из дюжины планет.

Пережитое произвело на нас с Илэйн глубокое впечатление. Мы поняли, что слишком привержены принципу «время — деньги» и пренебрегаем простыми древними радостями. И поступили, как подсказали наши сердца, — выкроили по часу из каждого дня — семь часов в неделю! — лишь для того, чтобы быть вместе. Друзья считают нас глупыми романтиками, но мы не обращаем на это внимания. Чарлз II и Илэйн II, наши «альтер эго», поддержали бы нас.

Осталось добавить только одно. Как-то ночью Илэйн проснулась в истерике. Ей привиделось во сне, что Чарлз II и Илэйн II — настоящие люди, которые вырвались из холодной деловитости Земли в какой-то другой, простой и более щедрый на человеческое тепло мир. А мы — роботы, оставленные на их месте и запрограммированные верить в то, что мы люди.

Я объяснил Илэйн всю нелепость ее сна. Это было непросто и заняло много времени, но в конце концов я ее убедил. Мы — счастливая пара. Теперь я должен кончать свой рассказ и идти работать.

МИНИМУМ НЕОБХОДИМОГО

Мать ее предостерегала:

— В своем ли ты уме, Амелия? Как тебе взбрело в голову выходить замуж за пионера-первооткрывателя? Разве можно быть счастливой в пустыне?

— Кэп — не пустыня, мама, — отвечала Амелия.

— Там же нет никакой цивилизации. Это отсталый, необжитый край. И потом, надолго ли он там осядет? Я знаю этих людей, ему обязательно захочется освоить еще какое-нибудь новое место.

— В таком случае мы будем осваивать его вместе, — отвечала Амелия, не сомневаясь, что и она по натуре первооткрыватель.

Ее мать не была столь уверена:

— Жизнь в неисследованных краях трудна, дорогая. Труднее, чем ты представляешь. Ты в самом деле готова оставить друзей, лишиться тех удобств, в которых выросла?

— Да!

Ее мать хотела еще что-то сказать. Однако после смерти мужа она стала менее уверенной в своих принципах и менее склонной навязывать их другим.

— Твоя жизнь — тебе и решать, — помолчав, сказала она.

— Не беспокойся, мама, я знаю, что делаю, — сказала Амелия.

Она знала, что Дирк Богрен не терпит тесноты. Он был крупным мужчиной и нуждался в просторе, тишине и свежем воздухе. Он рассказывал ей о своем отце, который поселился в только что освоенной пустыне Гоби. Когда там стало настолько тесно, что власти округа постановили обнести участки заборами, он не выдержал. Он умер, обратившись лицом к звездам.

Дирк был такой же. Она вышла за него замуж и переехала жить на безлюдный Кэп Южного полюса.

Однако за ними следом двинулись переселенцы, и вскоре Кэп стал называться Кэп-сити. Выросли магазины и заводы, аккуратненькие дачные поселки растянулись по земле, согреваемой атомной энергией.

Все началось гораздо раньше, чем она предполагала.

Как-то вечером они сидели на веранде. Дирк рассматривал свой участок. Взгляд его задержался на верхушке радарной мачты, возвышающейся на далеком холме.

— Здесь становится тесновато, — сказал он наконец.

— Да... немного, — согласилась Амелия.

— Недалеко время, когда здесь начнут делать площадки для игры в гольф. Как думаешь, не пора ли нам отсюда двигаться?

— Хорошо, — сказала Амелия после секундного колебания. Так они и договорились.

Они продали ферму. Купили подержанную ракету и загрузили ее самым необходимым. Вечером накануне отлета друзья устроили Дирку проводы. Они были старожилами и помнили время, когда Кэп был наполовину скрыт снегом и льдом. Втайне завидуя, они подтрунивали над Дирком.

— Так, значит, держишь путь на астероиды?

— Вот именно, — сказал Дирк.

— Но ты же белоручка! — поддразнивал его один старик. — Легкая жизнь испортила тебя, Дирк.

— Не знаю.

— А ты уверен, что еще сможешь проработать полный пятичасовой рабочий день?

Дирк широко улыбался, слушая советы, и прислушивался к тому, что говорили женщины Амелии:

— Возьмите побольше теплых вещей. Я помню, на Марсе...

— Не забудьте медицинское оборудование...

— Вся беда с малой тяжестью в том...

— Дирк! — воскликнул один. — Неужели ты заберешь такую милую крошку на астероид?

— Конечно, — сказал Дирк.

— Ей там не понравится, — предостерег другой. — Ни вечеринок, ни новых платьев, ни безделушек.

— Люди там сходят с ума от перенапряжения.

— Не верьте им, — поспешила вставить женщина постарше. — Привыкнете, и вам там понравится.

— Я уверена, что понравится, — вежливо сказала Амелия, надеясь, что говорит правду.

Незадолго до вылета она позвонила матери и обо всем рассказала.

Мать не удивилась.

— Ну что же, доченька, — сказала она. — Легко тебе не будет. Но ведь ты знала об этом, когда выходила за него замуж. Астероиды... именно туда мечтал отправиться твой отец.

Амелия помнила отца — очень мягкого и доброго человека. Каждый вечер, вернувшись из банка, он перечитывал объявления о продаже подержанных ракет и составлял подробные списки снаряжения, которое потребуется пионеру. Мама была настроена решительно против всяких перемен, и поколебать ее было невозможно. Дело редко доходило до открытых ссор, однако чувство взаимной обиды росло, пока в машину, в которой отец возвращался из банка, не врезался вертолет.

— Постарайся быть ему хорошей женой, — напутствовала ее мать.

— Разумеется, — сказала Амелия с легким раздражением.

Граница освоенной территории пролегала в космосе. Земля была укрощена и обжита. Дирк изучил имевшиеся карты кольца астероидов, но это ему не много дало: никто еще не проникал в такие глубины, и весь обширный район был просто помечен как «неисследованная область».

Полет был длительный и опасный, но впереди была свободная земля, которую оставалось только взять, и простор, необходимый человеку. Дирк уверенно вел корабль сквозь меняющиеся очертания скоплений космической пыли. Хотя точный маршрут не был проложен, нос ракеты неизменно был нацелен в глубины космоса.

— Мы не вернемся, — сказал он Амелии, — поэтому нет смысла вычерчивать маршрут.

Она кивнула, но у нее захватило дыхание при виде смутных мертвых бликов, маячивших впереди. Она невольно испытывала страх при мысли о новой жизни — мрачном и одиноком существовании в необитаемых местах. Задрожав, она положила руку на руку Дирка.

Он улыбнулся, не отрывая взгляда от приборов.

Корабль опустился на обломок скалы в несколько миль длиной и милю шириной. Теперь это был их темный, лишенный воздуха мирок; они возвели Барокупол и включили гравитацию. Как только она достигла нормальной величины, Дирк занялся сборкой Контрольного робота. Это было долгим и трудным делом, но наконец он вставил ленту и включил контакты.

Робот принялся за работу, Дирк включил все наличные прожекторы. При помощи небольшого подъемного крана он извлек из трюма корабля Складной домик, установил его близ центра

купола и подключил. Домик развернулся, как гигантский бутон, распустившись в аккуратное пятикомнатное жилище с необходимой обстановкой, кухней, водопроводом и санузлом.

Начало было положено. Но распаковать все сразу было невозможно. Температурный контроль был запрятан где-то глубоко в трюме ракеты, и Дирку пришлось нагреть дом вспомогательным утеплителем, подсоединенным к генератору.

Амелия так замерзла, что не могла приготовить обед: температура внутри жилища была где-то в районе 10 градусов. Бессильной оказалась даже меховая одежда фирмы «Эксплорер», а от жуткого света флюоресцентных ламп Амелии становилось еще холоднее.

— Дирк, — робко попросила она, — нельзя ли сделать потеплее?

— Пожалуй, можно, но это ослабит робота.

— Разве? — сказала Амелия. — Тогда уж я потерплю.

При свете флюоресцентных ламп работать было просто невозможно. Она ошиблась делением на шкале Походного рационного аппарата, и бифштекс вышел пережаренным, картошка недоваренной, а яблочный пирог так и остался неразмороженным.

— Боюсь, я не очень гожусь для походной жизни, — сказала Амелия, пытаясь улыбнуться.

— Ничего, — успокоил ее Дирк, расправляясь с обедом, словно это была обычная земная еда.

Они легли спать. Амелия не могла уснуть на походном матраце. Правда, она испытывала сомнительное удовлетворение оттого, что Дирку тоже неудобно. На Кэпе он привык к сравнительно легкой жизни.

Когда они проснулись, все вокруг показалось веселее. Контрольный робот, проработав всю ночь, установил Главный генератор. Теперь у них было свое маленькое солнце в небе и нечто похожее на смену дня и ночи. Контрольный робот собрал тяжелых Сельскохозяйственных роботов, а те, в свою очередь, Домашних роботов.

Дирк руководил подготовкой почвенного слоя и координировал работу Сельскохозяйственных роботов, которые производили посадку семян по способу принудительного вызревания. Он теперь работал по пять часов в день и, когда маленькое солнце опускалось за горизонт, возвращался домой вконец измученный.

Тем временем Амелия запрограммировала основной дневной рацион, и однажды вечером она смогла угостить мужа простым, но питательным обедом из восьми блюд.

— Конечно, это не заказной обед из двадцати блюд, — извинялась она, в то время как Дирк налегал на закуску.

— Все равно не мог никогда всего доесть, — отвечал Дирк.

— И вино не охлаждено как следует...

Дирк поднял голову и улыбнулся:

— Что ты выдумываешь, милая? Я могу пить теплую кока-колу и даже не замечу этого.

— Пока я здесь готовлю, этому не бывать, — сказала Амелия. Но она уже оценила одно преимущество жизни пионеров: голодный мужчина съест все, что бы перед ним ни поставили.

После того как Дирк помог Амелии сложить посуду в мойку, он установил в гостиной проектор. На экране замелькали кадры кинопрограммы, а они сидели в прочных креслах из пенопласта, как поколения пионеров перед ними. Незыблемость этой традиции глубоко тронула Амелию.

Дирк распаковал постель и отрегулировал под ней гравитацию. В эту ночь они спали так же крепко, как в свое время на Кэпе.

Однако работа на астероиде не терпела простоя. Дирк работал по пять, а то и по шесть часов в сутки с Сельскохозяйственными роботами, менял ленты, выкрикивал команды, выбивался из сил, чтобы выжать из роботов все, что можно. Через несколько дней растения, посаженные методом принудительного вызревания, зазеленели на фоне черной синтетической почвы. Однако с самого начала было ясно, что урожай собирать не придется.

Дирк стиснул зубы и приказал роботам вносить в почву микроэлементы. Он повозился с солнцем, пока не возросло ультрафиолетовое излучение. Прошла неделя, но заметных изменений не произошло.

В тот день Амелия вышла в поле. Под глазами у Дирка лежали глубокие тени. Он стоял, сжав кулаки, и глядел на чахлую карликовую кукурузу, не доходившую ему до колена.

Амелия не знала, что сказать. Она ласково взяла его за руку.

— Мы еще не сдались, — пробормотал Дирк.

— Что ты собираешься делать? — спросила Амелия.

— Если потребуется, я буду сеять каждую неделю. Я буду гонять роботов, пока их суставы не заклинит. Земля родит. Она должна родить.

Амелия отступила на шаг, пораженная страстностью, с которой он произнес эти слова. Однако она понимала, каково ему. На Земле фермеру достаточно было приказать Контрольному роботу, и через несколько дней можно было собирать урожай. Не покладая рук Дирк выхаживал этот несчастный посев больше недели.

— Что ты будешь делать с кукурузой? — спросила она.

— Скормлю скотине, — презрительно сказал Дирк. Они вместе пошли к дому в наступивших сумерках.

На следующий день Дирк разморозил и одушевил домашних животных и возвел для них загоны и стойла. Животные с удовольствием поедали кукурузу. Семена снова посадили в синтетическую почву, и на этот раз всходы поднялись до нормальных размеров.

У Амелии не хватало времени любоваться этой победой. Хотя

их пятикомнатное жилище по земным стандартам было маленьким, оно нуждалось в хозяйском глазе.

Ей было нелегко. Амелия выросла в обычном загородном доме, где вся работа по хозяйству автоматически программировалась. Здесь же каждый вид работ выполнялся отдельной машиной. Некогда было убирать их в стенные ниши, и они вечно путались под ногами, портили весь вид, делали дом похожим на механическую мастерскую.

Централизованного пульта не было. Приборы, кнопки и переключатели были развешаны на времянках, где попало. Поначалу ей приходилось тратить массу времени на то, чтобы обнаружить выключатели аппаратов химчистки, мытья полов, мытья окон и приборов, выполнявших другие необходимые операции, которые дома считались само собой разумеющимися. Дирк обещал соединить все цепи, но был вечно занят.

Домашние роботы просто выводили из себя. Эти походные модели обладали большим запасом прочности, но не вышколенностью, к которой она привыкла... Запоминающая способность у них была слабой, и они ничего не умели предугадывать. К концу дня у Амелии звенело в ушах от их грубых надтреснутых голосов. Большую часть времени дом ее выглядел так, будто роботы не убирали, а разрушали его.

Долгие пятичасовые рабочие дни тянулись, заполненные скучной повседневной работой, пока Амелия не почувствовала, что ей невмоготу. В отчаянии она связалась с мастерской по телесети.

На небольшом экране она увидела мать, которая сидела на своем любимом пневмокресле у стены из поляризованного стекла. Стена была включена на видимость, и вдалеке Амелия могла различить городские здания, взмывающие ввысь во всей своей сверкающей красе.

— Что случилось? — спросила мать.

Сзади к ее креслу плавно придвинулся робот и бесшумно поставил чашку чая. Амелия была уверена, что никакой команды не было. Чувствительный механизм предугадал желание старой женщины. К этому приучались роботы на Земле после долгого общения с семьей.

— Так вот... — почти истерически начала объяснять Амелия.

Ее собственный робот прошел, шатаясь, через комнату и чуть не выломал дверь, потому что фотореле среагировало недостаточно быстро. Это было уже слишком.

— Я хочу домой! — заплакала Амелия.

— Ты знаешь, что тебе всегда здесь будут рады, дорогая. Но что думает твой муж?

— Дирк приедет, я уверена. Мы найдем ему хорошую работу, не правда ли, мама?

— Наверняка найдем. Но разве он этого хочет?

— Что? — не поняла Амелия.

— Будет ли такой человек, как он, счастлив на Земле? Захочет ли он вернуться?

— Захочет, если он меня любит.

— А ты его любишь?

— Мама, это нечестно! — сказала Амелия, и у нее комок подступил к горлу.

— Никогда не надо заставлять мужчину делать то, чего он не хочет, — сказала мать. — Твой отец... Во всяком случае, неужели ты не сможешь все наладить?

— Не знаю, — сказала Амелия. — Я... я попробую.

После этого дела действительно пошли лучше. Амелия стала привыкать к дому, научилась не обращать внимания на мелкие неудобства. Она поняла, что когда-нибудь это место будет таким же уютным, каким они сделали в конце концов свою ферму на Кэпе.

Но они уехали с Кэпа. Как только астероид станет обжитым, Дирку снова захочется отправиться в дикие края.

Однажды Дирк увидел, что Амелия сидит у их крошечного плавательного бассейна и горько плачет.

— Эй! — крикнул он. — Что случилось?

— Ничего.

Он неумело погладил ее волосы.

— Скажи мне.

— Нет, ничего.

— Нет, скажи мне.

— В общем, это все из-за того, что я работаю, чтобы создать уют, развешиваю шторы, обучаю роботов и прочее и в то же время знаю...

— Что знаешь?

— Когда-нибудь ты захочешь сняться с этого места, и все это было ни к чему. — Она подняла голову и попыталась улыбнуться. — Прости, Дирк, мне не следовало об этом говорить.

Дирк некоторое время думал. Затем он внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Я хочу, чтобы ты была счастливой. Ты ведь веришь этому?

Она кивнула.

— Пожалуй, мы достаточно переезжали с места на место. Наш дом здесь. Здесь мы и останемся.

— Правда, Дирк?

— Обещаю тебе.

Она крепко его обняла. А потом вспомнила:

— Боже! Мой наполеон сгорит! — И побежала на кухню.

Для Амелии наступило счастливое время. Заранее настроенное солнце вспыхивало утром во всем своем великолепии и звало их к исполнению ежедневных обязанностей. После питательного завтрака начиналась работа.

Скучно никогда не было. Амелия с Дирком возводили проти-

вометеоритную сетку для укрепления Барокупола. Или же возились с Ветромашиной, которая должна была помочь одушевленным пчелам в опылении растений.

По вечерам у них были настоящие закаты. Иногда Дирк заставлял Сельскохозяйственных роботов исполнять неуклюжий танец. Он был строгим, но чутким хозяином. Он считал, что небольшое разнообразие полезно для роботов так же, как и для людей.

Амелия взгрустнула по Земле лишь однажды. Дирк поймал по телевизору лунную ретрансляцию Пасхального шествия. От музыки и ярких красок у Амелии защемило сердце, но лишь на мгновение.

Первый гость прибыл через несколько месяцев в ярко раскрашенной ракете, которая опустилась на кое-как вырубленную посадочную площадку. На борту ракеты выступала надпись высотой в восемь футов: «Ракета-магазин Поттера». Из ракеты вылез энергичный молодой человек. Он понюхал воздух, сморщил нос и пошел к дому.

— Чем могу помочь, путник? — спросил Дирк, стоя в дверях.

— Добрый день, соотечественник. Моя фамилия Поттер, — сказал молодой человек и протянул руку, которую Дирк не пожал. — Я проделывал свой обычный рейс на Марс и тут услышал о вас, друзья. Подумал, что вам захочется купить кое-какие новинки для того, чтобы... оживить ваш дом, что ли.

— Я ни в чем не нуждаюсь, — сказал Дирк.

Поттер приветливо улыбался. Он уже обратил внимание на скромный фермерский домик и спартанский плавательный бассейн.

— А как насчет супруги? — спросил Поттер, подмигнув Амелии. — Я еще не скоро буду в этих краях.

— Рад это слышать, — сказал Дирк.

Однако у Амелии загорелись глаза. Она пожелала осмотреть все запасы Поттера и потащила с собой Дирка. Как ребенок, она перепробовала все бытовые приборы — современные хитроумные машины, сберегающие время; любовно перебирала платья — модные, изысканные, с регулируемым вырезом и подолом — и вспомнила свой скучный, сшитый по заказу гардероб.

Тут она увидела роботов-актеров. Их удивительно схожая с человеком внешность и цивилизованные манеры остро напомнили ей о доме.

— Может, приобретем труппу? — спросила она у Дирка.

— Но у нас ведь есть кино! Оно вполне удовлетворяло моего отца...

— Но, Дирк, эти роботы ставят настоящие пьесы!

— В репертуар именно этой труппы входят все популярные пьесы, начиная с самого Бернарда Шоу, — сообщил им Поттер.

Дирк с неприязнью посмотрел на красивые машины-гуманоиды.

— Что они еще умеют делать?

— Делать? Они играют! — сказал Поттер. — Боже мой, дорогой земляк, не думаете ли вы, что произведение искусства будет заниматься работой на ферме?

— А почему бы и нет? — спросил Дирк. — Я не люблю изнеженных роботов. Мой Контрольный робот не гнушается работой на ферме, и я могу поручиться, что он умнее этих штуковин.

— Ваш Контрольный робот не актер, — высокомерно заметил Поттер.

У Амелии был такой тоскующий вид, что Дирк купил труппу. Пока он втаскивал актеров-роботов в дом (они были слишком нежны, чтобы ходить по камням), Амелия купила платье.

— Как может такая девушка, как вы, жить в этой пустыне? — спросил Поттер.

— Мне здесь нравится.

— О, я согласен, жить здесь можно. Трудовая жизнь, отказ от комфорта, открытие новых рубежей и все такое прочее. Но разве вам не бывает тошно от всей этой романтики?

Амелия ничего не ответила. Поттер пожал плечами.

— Ну что же, — сказал он, — этот сектор созрел для колонизации. Скоро ждите гостей.

Амелия взяла платье и вернулась в дом. Поттер улетел.

Дирк нехотя согласился впоследствии, что актеры-роботы составляли приятную компанию долгими тихими вечерами. Ему даже по-настоящему понравилась пьеса «Человек и сверхчеловек». Через некоторое время он начал давать роботам режиссерские указания, которые они, естественно, игнорировали.

И все-таки он остался при своем мнении, что Контрольный робот способен сделать то же самое, стоит только немного улучшить его голосовой узел.

А пока длинные пятичасовые рабочие дни не оставляли времени для досуга. Дирк начал собирать другие маленькие астероиды и присоединять их к своей первой зарубке. Он посадил лес, построил водопад и занялся починкой старой климатической машины отца. Наконец она у него заработала, и он смог воспроизводить сезоны на их маленькой планете.

Однажды телевизионный экран ожил потоком строк — Дирк получил космограмму. Она была от «Эксплорерс Инкорпорейтед» — фирмы на Земле, которая занималась производством снаряжения для пионеров. Дирку предлагали возглавить главную экспериментальную лабораторию фирмы, оклад — почти фантастических размеров.

— О, Дирк! — воскликнула Амелия. — Какая возможность!

— Возможность? О чем ты говоришь?

— Ты сможешь разбогатеть. Ты сможешь иметь все, что пожелаешь.

— У меня уже есть все, что нужно, — сказал Дирк. — Поблагодари их и скажи, что я отказываюсь.

Амелия устало вздохнула. Она телеграфировала фирме отказ Дирка, но добавила, что через некоторое время к нему снова можно будет обратиться. В конце концов, нет смысла совсем закрывать дверь.

В течение этого долгого лета еще один корабль приземлился на их посадочной площадке. Он был еще старее и потрепаннее, чем корабль Дирка, и, повиснув на высоте пяти футов, он упал, качнув астероид. Из него вышли, шатаясь, молодые мужчина и женщина. Они были на грани обморока.

Джин и Перси Филипс поселились на астероиде, находившемся в нескольких тысячах миль. Их преследовали сплошные неудачи. Электричество у них испортилось, роботы сломались, продовольствие кончилось. Отчаявшись, они вылетели на ферму Дирка. Они чуть не умерли от голода, оставаясь без еды почти два дня.

Дирк и Амелия приняли их в лучших традициях пионеров, окружили заботой и быстро подлечили. Сразу было видно, что Филипсам неизвестен закон выживания. Перси Филипс даже не знал, как управляться с роботами. Дирку пришлось объяснить.

— Надо им дать почувствовать, кто в доме главный, — сказал Дирк.

— Но мне кажется, что если подать правильное приказание негромким и дружелюбным голосом...

— Только не здесь, — решительно замотал головой Дирк. — Эти Хозяйственные роботы тупы и нечувствительны. Они угрюмы и злопамятны. Команды нужно вдалбливать в них. Если понадобится, бейте их ногами.

Филипс удивленно приподнял брови:

— Плохо обходиться с роботами?

— Им надо показать, кто тут человек.

— Однако в Космической школе нас учили уважать роботов, — запротестовал Филипс.

— Здесь вы откажетесь от многих убеждений, приобретенных на Земле, — отрезал Дирк. — Послушайте меня. Я был воспитан роботами. У меня есть близкие друзья среди роботов. Я знаю, о чем говорю. Они будут уважать вас только в том случае, если вы будете им приказывать.

Филипс нехотя согласился, что, может быть, Дирк и прав.

— Конечно, я прав! — заявил Дирк. — Вы говорите, у вас кончилось электричество?

— Да, но ведь не роботы же...

— А кто же? Они ведь имеют доступ к аккумуляторам, не правда ли?

— Конечно. Когда у них кончается энергия, они заряжают себя сами.

— Вы думаете, они останавливаются после полной зарядки?

Роботы — прирожденные пьяницы. Они будут высасывать энергию, пока она не кончится. Разве вы еще не знаете этот старый трюк роботов?

— Наверное, именно так и было, — сказал Филипс. — Но зачем они это сделали?

— Им это вносят в схему еще на заводе. Так они быстрее изнашиваются, и приходится покупать новых. Поверьте мне, если вы посадите их на голодный паек, то это будет для их же пользы.

— Видимо, мне еще многому предстоит научиться, — вздохнул Филипс.

А Джин — его жене — предстояло научиться еще большему. Амелии пришлось несколько раз объяснить ей, что кнопки не будут сами себя нажимать, переключатели не станут выключаться без реле, и стрелки не будут по своему желанию устанавливаться на нужных делениях. Роботам-уборщикам нельзя поручать стряпню, а Терка-мойка, хотя и универсальный аппарат, просто неспособна сама приготовить запасы консервов.

— Никогда не думала, что это так сложно, — сказала Джин. — Как у вас все получается?

— Привыкнете, — сказала Амелия, вспомнив свои первые дни походной жизни.

Филипсы вернулись на свою зарубку. Амелия думала, что без них будет скучать, но было так приятно снова остаться вдвоем с Дирком и вернуться к работе на ферме.

Однако их не собирались оставлять в покое. Следующим посетителем был представитель «Областной марсианской энергокомпании». Он рассказал, что переселенцы прибывают на кольцо астероидов и система энергоснабжения, соответственно, расширяется. Он предложил присоединить ферму Дирка к плотнолучевой сети «Марсианской энергокомпании».

— Нет, — твердо отказался Дирк.

— Но почему? Ведь это недорого...

— У меня свой источник энергии.

— А эти маленькие генераторы, — сказал человек, осуждающе посмотрев на солнце Дирка. — Для действительно высокой производительности...

— Я в ней не нуждаюсь. Темпы развития моей фермы меня удовлетворяют.

— Вы могли бы больше выжать из своих роботов.

— Тогда они скорее износятся.

— Можно приобрести более новые модели.

— Новые изнашиваются еще быстрее.

— А как насчет более совершенных генераторов? — поинтересовался представитель компании. — Ваше крошечное солнце дает мало энергии.

— Для меня достаточно.

Представитель удивленно покачал головой.

— Наверное, мне никогда не понять вас — пионеров, — сказал он и отбыл.

Они попытались возобновить прежнюю жизнь. Однако с соседних астероидов начали подмигивать огоньки, а лунное телевидение забивалось местными сигналами. Еженедельно стала приходить почтовая ракета, и какое-то бюро путешествий стало организовывать поездки на кольцо астероидов.

У Дирка в глазах снова появилось знакомое выражение неудовлетворенности. Он внимательно наблюдал за небесами — они сужались, чувство простора исчезало, а тишина разрывалась выхлопами пролетавших ракет.

Однако он дал обещание Амелии и собирался сдержать его, даже если б это стоило ему жизни. Вид у него был изможденный, и он теперь работал по шесть, семь, а иногда по восемь часов в сутки.

Их посетил продавец швейных машин, а одна деловая решительная дама попыталась продать Дирку «Солнечную энциклопедию». Регулярные маршруты были уже проложены, и длинный, опасный путь превратился в скоростное шоссе.

Однажды вечером Дирк и Амелия, сидевшие на крылечке, увидели, как огромная надпись осветила небо. Она простиралась в космосе на многие мили: «Торговый центр Розена. Магазины, ресторан, лучшая выпивка на астероидах».

— Магазины, — прошептала Амелия. — И ресторан! О, Дирк, давай посмотрим!

— А почему бы и нет, — сказал он, беспомощно пожав плечами.

На следующий день Амелия надела свое новое платье и заставила Дирка облачиться в его единственный, сшитый по заказу костюм. Они залезли в свой старый корабль и отправились в путь.

«Центр Розена» — новый шумный поселок, раскинувшийся на четырех соединенных астероидах, — храбро боролся за право называться городом. Везде были проложены движущиеся мостовые. Городок заполняла толпа суетящихся нетерпеливых людей, и по улицам тяжело ступали роботы, нагруженные снаряжением.

Амелия привела Дирка в ресторан, где им подали настоящий земной обед. Дирку он не понравился. Его немного тошнило от воздуха, выдыхаемого другими людьми, а слишком изысканная пища не насыщала. Дирк закончил обед тем, что заказал не то вино и попытался дать на чай роботу-официанту.

Вконец несчастный, он позволил Амелии таскать себя из одного магазина в другой. Он оживился лишь однажды, когда они зашли в магазин тяжелого оборудования. Он осмотрел новый антигравитационный генератор. Такой модели он еще не видел.

— Это именно то, что требуется для нейтрализации чрезмерной силы тяжести, — объяснил ему продавец-робот. — Мы считаем, что машина будет отлично работать на лунах Юпитера, например.

— На лунах Юпитера?

— Это только к примеру, сэр, — сказал робот. — Никто там еще не бывал. Это совершенно необследованная территория.

Дирк рассеянно кивнул, поглаживая полированную поверхность машины.

— Слушай, Амелия, — сказал он наконец. — Как ты думаешь, то место на Земле все еще вакантно?

— Может быть, — ответила она. — А что?

— Все равно, где жить — на Земле или здесь. Для этих людей освоение новых мест — игра.

— Ты думаешь, что будешь счастлив на Земле?

— Возможно.

— Я сомневаюсь, — сказала Амелия.

Она вспомнила, как им было хорошо на астероиде. Жизнь их была полной и счастливой; они были вдвоем и вместе, терпя лишения, отодвигали пустыню — с помощью своих грубых орудий, силой своего разума.

Так было до того, как пришли люди, до того, как шумная, толкотливая земная цивилизация оттеснила их к самым дверям дома.

Ее мать все поняла на собственном горьком опыте и пыталась ей это объяснить. Дирк никогда не будет счастлив на Земле. И она не может быть счастливой, если он попусту растратит свою жизнь, как ее отец, ненавидя свою работу и мечтая о другой, которая смогла бы удовлетворить его.

— Мы покупаем антигравитационный генератор, — сказала она роботу. Она повернулась к Дирку: — Он нам пригодится на Юпитере.

ФОРМА

Пид-Пилот снизил скорость почти до нуля. С волнением всматривался он в зеленую планету.

Даже без показаний приборов не оставалось места сомнениям. Во всей системе эта планета, третья от Солнца, была единственной, где возможна жизнь. Планета мирно проплывала в дымке облаков.

Она казалась совсем безобидной. И все же было на этой планете нечто такое, что лишало жизни участников всех экспедиций, когда-либо посланных с Глома.

Прежде чем бесповоротно устремиться вниз, Пид какое-то мгновение колебался. Он и двое его подчиненных сейчас вполне готовы, больше, чем когда бы то ни было. В сумках их тел хранятся компактные Сместители, бездействующие, но тоже готовые.

Пиду хотелось что-нибудь сказать экипажу, но он не вполне представлял, как построить свою речь.

Экипаж ждал. Ильг-Радист уже отправил последнее сообще-

ние на планету Глом. Джер-Индикатор следил за циферблатами шестнадцати приборов одновременно. Он доложил: «Признаки враждебной деятельности отсутствуют». Поверхности его тела беспечно струились.

Пид отметил про себя эту беспечность. Теперь он знал, о чем должен говорить. С той поры как экспедиция покинула Глом, Дисциплина Формы омерзительно расшаталась. Командующий вторжением предупреждал его, но все же надо что-то предпринять. Это долг пилота, ибо низшие касты, к которым относятся Радисты и Индикаторы, приобрели дурную славу стремлением к Бесформию.

— На нашу экспедицию возлагаются великие надежды, — медленно начал Пид. — Мы теперь далеко от родины.

Джер-Индикатор кивнул. Ильг-Радист вытек из предписанной ему формы и комфортабельно распластался по стене.

— Однако же, — сурово сказал Пид, — расстояние не служит оправданием безнравственному Бесформию.

Ильг поспешно влился в форму, подобающую Радисту.

— Нам, несомненно, придется прибегать к экзотическим формам, — продолжал Пид. — На этот случай есть особое разрешение. Но помните: всякая форма, принятая не по служебной необходимости, есть происки самого Бесформия.

Джер резко прекратил текучую игру поверхности своего тела.

— У меня все, — закончил Пид и заструился к пульту. Корабль пошел на посадку так плавно, экипаж действовал настолько слаженно, что Пид ощутил прилив гордости.

«Хорошие работники, — решил он. — Нельзя же, в самом деле, надеяться, что самосознание формы у них так же развито, как у Пилота, принадлежащего к высшей касте». То же самое говорил ему и Командующий Вторжением.

— Пид, — сказал Командующий Вторжением во время их последней беседы, — эта планета нужна нам позарез.

— Да, сэр, — ответил Пид; он стоял, вытянувшись в струнку и ни на йоту, ни малейшим движением не отклоняясь от Парадной формы Пилота.

— Один из вас, — внушительно проговорил Командующий, — должен проникнуть туда и установить Сместитель вблизи источника атомной энергии. На нашем конце будет сосредоточена армия, готовая к прыжку.

— Мы справимся, сэр, — ответил Пид.

— Экспедиция непременно должна достигнуть цели, — сказал Командующий, и облик его на мгновение расплылся от неимоверной усталости. — Строго между нами: на Гломе неспокойно. Бастует, например, каста горняков. Они требуют новой формы для земляных работ. Утверждают, будто старая неудобна.

Пид выразил должное негодование. Горняцкая форма установлена давным-давно, еще пятьдесят тысяч лет назад, так же

как и прочие основные формы. А теперь эти выскочки хотят изменить ее!

— Это не все, — поведал ему Командующий. — Мы обнаружили еще один культ Бесформия. Взяли почти восемь тысяч гломов, но неизвестно, сколько их гуляет на свободе.

Пид знал, что речь идет об искушении Великого Бесформия, самого опасного дьявола, которого только может представить себе разум жителей Глома. Но как случается, дивился он, что гломы поддаются его искушению?

Командующий угадал, какой вопрос вертится у Пида на языке.

— Пид, — сказал он, — тебе, наверное, непонятно. Ответь мне, нравится ли тебе пилотировать?

— Да, сэр, — ответил Пид просто. Нравится ли пилотировать! Да в этом вся его жизнь! Без корабля он — ничто.

— Не все гломы могут сказать то же самое, — продолжал Командующий. — Мне тоже это непонятно. Все мои предки были Командующими Вторжениями, от самых истоков Времени. Поэтому, разумеется, и я хочу быть Командующим Вторжением. Это не только естественно, но и закономерно. Однако низшие касты испытывают совсем иные чувства... — И он печально потряс телом. — Я сообщил тебе об этом не зря, — пояснил Командующий. — Нам, гломам, необходимо больше пространства. Неурядицы на планете объясняются только перенаселением. Так утверждают психологи. Получи мы возможность развиваться на новой планете — все раны будут исцелены. Мы на тебя рассчитываем, Пид.

— Да, сэр, — не без гордости ответил Пид.

Командующий поднялся было, желая показать, что разговор окончен, но неожиданно передумал и снова уселся.

— Нам придется следить за экипажем, — сказал он. — Ребята они верные, спору нет, но все из низших каст. А что такое низшие касты, ты и сам знаешь.

Да, Пид это знал.

— Вашего Джера-Индикатора подозревают в тайных симпатиях Реформизму. Однажды он был оштрафован за то, что неправомочно имитировал форму Охотника. Против Ильга не выдвигали ни одного конкретного обвинения. Однако до меня дошли слухи, что он подозрительно долго пребывает в неподвижном состоянии. Не исключено, что он воображает себя Мыслителем.

— Но, сэр, — осмелился возразить Пид, — если они хоть незначительно запятнаны Реформизмом или Бесформием, стоит ли отправлять их в эту экспедицию?

После некоторого колебания Командующий медленно проговорил:

— Есть множество гломов, которым я могу доверять. Однако эти двое наделены воображением и находчивостью, особыми качествами, которые необходимы в этой экспедиции. — Он вздох-

нул. — Право, не понимаю, почему эти качества обычно связаны с Бесформием.

— Да, сэр, — сказал Пид.

— Надо только следить за ними, — сказал Командующий.

— Да, сэр, — повторил Пид и отсалютовал, поняв, что беседа окончена. Во внутренней сумке тела он чувствовал тяжесть дремлющего Сместителя, готового преобразовать вражеский источник энергии в мост через космическое пространство — мост, по которому хлынут с Глома победоносные рати.

— Желаю удачи, — сказал Командующий. — Уверен, что она вам понадобится.

Корабль беззвучно опускался на поверхность вражеской планеты. Джер-Индикатор исследовал проплывающие внизу облака и ввел полученные данные в Маскировочный блок. Тот принялся за работу. Вскоре корабль казался со стороны всего лишь формацией перистых облаков.

Пид предоставил кораблю медленно дрейфовать к поверхности загадочной планеты. Теперь он пребывал в Парадной форме Пилота — самой эффективной, самой удобной из четырех форм, предназначенных для касты Пилотов. Он был слеп, глух и нем — всего лишь придаток пульта управления; все его внимание устремлено на то, чтобы не обгонять слоистые облака, держаться среди них, слиться с ними.

Джер упорно сохранял одну из форм, дозволенных Индикаторам. Он ввел данные в Маскировочный блок, и опускающийся корабль медленно преобразовался в мощное кучевое облако.

Враждебная планета не подавала никаких признаков жизни.

Ильг засек источник атомной энергии и сообщил данные Пиду. Пилот изменил курс. Он достиг нижних облаков, всего лишь в миле от поверхности планеты. Теперь корабль принял облик пухленького кудрявого кучевого облачка.

Но сигнала тревоги не было. Неведомая судьба двадцати предыдущих экспедиций все еще не была разгадана.

Пока Пид маневрировал над атомной электростанцией, сумерки окутали лик планеты. Избегая окрестных зданий, корабль парил над лесным массивом.

Тьма сгустилась, и одинокая луна зеленой планеты скрылась за облачной вуалью.

Однако облачко опускалось все ниже и ниже... и приземлилось.

— Живо все из корабля! — крикнул Пид, отсоединяясь от пульта управления. Он принял ту из форм Пилота, что наиболее пригодна для бега, и пулей выскочил из люка. Джер и Ильг помчались за

ним. В пятидесяти метрах от корабля они остановились и замерли в ожидании.

Внутри корабля замкнулась некая цепь. Корабль бесшумно содрогнулся и стал таять на глазах. Пластмасса растворялась в воздухе, металл съеживался. Вскоре корабль превратился в груду хлама, но процесс все еще продолжался. Крупные обломки разбивались на мелкие, а мелкие дробились снова и снова.

Глядя на самоуничтожение корабля, Пид ощутил внезапную беспомощность. Он был Пилотом и происходил из касты Пилотов. Пилотом был его отец, и отец отца, и все предки — еще в те туманные времена, когда на Гломе были созданы первые космические корабли. Все свое детство он провел среди кораблей; все зрелые годы пилотировал их. Теперь, без корабля, он был наг и беспомощен в чуждом мире.

Через несколько минут там, где опустился корабль, остался лишь холмик пыли. Ночной ветер развеял эту пыль по лесу, и тогда уж совсем ничего не осталось.

Они ждали. Но ничего не случилось. Вздыхал ветерок, поскрипывали деревья. Трещали белки, хлопотали в своих гнездах птицы... С мягким стуком упал желудь.

Глубоко, с облегчением вздохнув, Пид уселся. Двадцать первая экспедиция Глома приземлилась благополучно.

Все равно до утра нельзя было ничего предпринимать, поэтому Пид начал разрабатывать план. Они высадились совсем близко от атомной электростанции, так близко, что это была просто дерзость. Теперь придется подойти еще ближе. Так или иначе, одному из них надо пробраться в помещение реактора, чтобы привести в действие Сместитель.

Трудно. Но Пид не сомневался в успехе. В конце концов, жители Глома — мастера по части изобретательности.

«Мастера-то мастера, — подумал он горько, — а вот радиоактивных элементов страшно не хватает». То была еще одна причина, по которой экспедиция считалась такой важной. На подвластных Глому планетах почти не осталось радиоактивного горючего.

Глом растратил свои запасы радиоактивных веществ еще на заре истории, осваивая соседние миры и заселяя те из них, что были пригодны для жизни. Но колонизация едва поспевала за все растущей рождаемостью. Глому постоянно нужны были новые и новые миры.

Нужен был и этот мир, недавно открытый одной из разведывательных экспедиций. Он годился решительно во всех отношениях, но был слишком уж отдаленным. Не хватало горючего, чтобы снарядить военно-космическую флотилию.

К счастью, существовал и другой путь к цели. Еще лучший.

Когда-то, в глубокой древности, ученые Глома создали Сместитель. То был подлинный триумф Техники Тождественности.

Он позволял осуществлять мгновенное перемещение массы между двумя точками, определенным образом связанными между собой.

Один — стационарный — конец установки находился на единственной атомной энергостанции Глома. Второй конец надо было поместить рядом с любым источником ядерной энергии и привести в действие. Отведенная энергия протекала между обоими концами и дважды видоизменялась.

Тогда благодаря чудесам Техники Тождественности гломы могли перешагивать с планеты на планету, могли обрушиваться чудовищной, все затопляющей волной.

Это делалось совсем просто. Тем не менее двадцати экспедициям не удалось установить Сместитель на земном конце.

Что помешало им — никто не знал. Ни один корабль не вернулся на Глом, чтобы рассказать об этом.

Перед рассветом, приняв окраску местных растений, они крадучись пробирались сквозь леса. Сместители слабо пульсировали, чуя близость ядерной энергии.

Мимо стрелой промчалось крохотное четвероногое существо. У Джера тотчас появились четыре ноги и удлиненное обтекаемое туловище, и он бросился вдогонку.

— Джер! Вернись немедленно! — взвыл Пид, отбрасывая всякую осторожность.

Джер догнал зверька и повалил на землю. Он старался загрызть добычу, но позабыл обзавестись зубами. Зверек вырвался и исчез в подлеске. Джер отрастил комплект зубов и напряг мускулы для прыжка.

— Джер!

Индикатор неохотно обернулся. В молчании он вприскочку вернулся к Пиду.

— Я был голоден, — сказал он.

— Нет, не был, — неумолимо ответил Пид.

— Был, — пробормотал Джер, корчась от смущения.

Пид вспомнил слова Командующего. В Джере, безусловно, таятся охотничьи наклонности. Надо будет следить за ним в оба.

— Ничего подобного больше не повторится, — сказал Пид. — Помни, Экзотические формы еще не разрешены. Будь доволен той формой, для которой ты рожден. — Джер кивнул и снова слился с подлеском. Они продолжали путь.

С опушки атомная электростанция была хорошо видна. Пид замаскировался под кустарник, а Джер превратился в старое бревно. Ильг после недолгого колебания принял облик молодого дубка.

Станция представляла собой невысокое длинное здание, обне-

сенное металлическим забором. В заборе были ворота, а в воротах стояли часовые.

«Первая задача, — подумал Пид. — Как проникнуть в ворота?» Он стал прикидывать пути и способы.

По обрывочным сведениям, извлеченным из отчетов разведывательных экспедиций, Пид знал, что в некоторых отношениях раса людей походила на гломов. У них, как и у гломов, имелись ручные животные, дома, дети, культура. Обитатели планеты были искусны в механике, как и гломы.

Однако между двумя расами существовали неимоверные различия.

Людям была дана постоянная и неизменная форма, как камням или деревьям. А чтобы хоть чем-то компенсировать такое однообразие, их планета изобиловала фантастическим множеством родов, видов и пород. Это было совершенно не похоже на Глом, где животный мир исчерпывался всего лишь восемью различными формами.

И совершенно ясно, что люди наловчились вылавливать непрошеных гостей, подумал Пид. Жаль, что он не знает, из-за чего провалились прежние экспедиции. Это намного упростило бы дело.

Мимо на двух неправдоподобно негнущихся ногах проковылял Человек. В каждом его движении чувствовалась угловатость. Он торопливо миновал гломов, не заметив их.

— Придумал, — сказал Джер, когда странное существо скрылось из виду. — Я притворюсь Человеком, пройду через ворота в зал и активирую Сместитель.

— Ты не умеешь говорить на их языке, — напомнил Пид.

— Я и не стану ничего говорить. Я на них и внимания-то не обращу. Вот так. — Джер быстро принял облик Человека.

— Недурно, — одобрил Пид.

Джер сделал несколько пробных шагов, подражая трясущейся походке Человека.

— Но, боюсь, ничего не выйдет, — продолжал Пид.

— Это же вполне логично, — возразил Джер.

— Я знаю. Поэтому-то прежние экспедиции наверняка прибегли к такому способу. И ни одна из них не вернулась.

Спорить было трудно. Джер снова перелился в форму бревна.

— Как же быть? — спросил он.

— Дай мне подумать, — ответил Пид.

Мимо проковыляло существо, которое передвигалось не на двух ногах, а на четырех. Пид узнал его: это была Собака, друг Человека. Он пристально наблюдал за ней.

Собака неторопливо направилась к воротам, опустив морду. Никто ее не остановил; она миновала ворота и улеглась на траве.

— Гм, — сказал Пид.

Они следили за собакой не отрываясь. Один из Людей, прохо-

дя мимо, прикоснулся к ее голове. Собака высунула язык и перевернулась на спину.

— Я тоже так могу, — возбужденно сказал Джер. Он уже переливался в форму Собаки.

— Нет, погоди, — сказал Пид. — Остаток дня мы потратим на то, чтобы хорошенько все обдумать. Дело слишком важное, нельзя бросаться в него очертя голову.

Джер угрюмо подчинился.

— Пошли, пора возвращаться, — сказал Пид. В сопровождении Джера он двинулся было в глубь леса, но вдруг вспомнил об Ильге.

— Ильг! — тихо позвал он.

Никто не откликнулся.

— Ильг!

— Что? А, да! — произнес дубок и слился с кустарником. — Прошу прощения. Вы что-то сказали?

— Мы возвращаемся, — повторил Пид. — Ты случайно не Мыслил?

— О нет, — заверил его Ильг. — Просто отдыхал.

Пид примирился с таким объяснением. Забот и без того хватало.

Скрытые в лесной чаще, они весь остаток дня обсуждали этот вопрос. Были, по-видимому, лишь две возможности — Человек и Собака. Дерево не могло пройти за ворота — это было не в характере Деревьев. Никто не мог проскользнуть незамеченным.

Расхаживать под видом Человека казалось слишком рискованным. Порешили, что утром Джер сделает вылазку в образе Собаки.

— А теперь поспите, — сказал Пид.

Оба члена экипажа послушно расплющились, мгновенно став бесформенными. Но Пид не мог заснуть.

Все казалось слишком уж простым. Почему так плохо охранялась атомная электростанция? Должны же были Люди хоть что-нибудь выведать у экспедиций, перехваченных ими в прошлом. Неужто они убивали, не задавая никаких вопросов?

Никогда не угадаешь, как поступит существо из чужого мира.

Может быть, открытые ворота просто ловушка?

Он устало вытек в удобную Позу на бугорчатой земле, но тут же поспешно привел себя в порядок.

Он опустился до Бесформия.

«Удобство не имеет ничего общего с долгом», — напомнил он себе и решительно принял форму Пилота.

Однако форма Пилота не была создана для сна на сырой, неровной почве. Пид провел ночь беспокойно, думая о кораблях и сожалея, что не летит.

Утром Пид проснулся усталый и в дурном расположении духа. Он растолкал Джера.

— Надо приниматься за дело, — сказал он.

Джер весело излился в вертикальное положение.

— Давай, Ильг! — сердито позвал Пид, оглядываясь вокруг. — Просыпайся.

Ответа не последовало.

— Ильг! — окликнул он.

Ответа по-прежнему не было.

— Помоги поискать его, — сказал Пид Джеру. — Он должен быть где-то поблизости.

Вдвоем они осмотрели каждый куст, каждое дерево и бревно в окрестности. Но ничто из них не было Ильгом.

Пид ощутил, как его сковывает холодом испуг. Что могло случиться с Радистом?

— Быть может, он решил перейти за ворота на свой страх и риск? — предположил Джер.

Пид обдумал эту гипотезу и счел ее невероятной. Ильг никогда не проявлял инициативы. Он всегда довольствовался тем, что выполнял чужие приказы.

Они выжидали. Но вот настал полдень, а Ильга все еще не было.

— Больше ждать нельзя, — объявил Пид, и оба двинулись по лесу. Пид ломал себе голову, действительно ли Ильг пытался пройти за ворота на свой страх и риск. В таких тихонях зачастую кроется безрассудная храбрость.

Но ничто не говорило о том, что попытка Ильга удалась. Видимо, Радист погиб или захвачен в плен Людьми.

Значит, Сместитель придется активировать вдвоем.

А Пид по-прежнему не знал, что случилось с остальными экспедициями.

На опушке леса Джер превратился в копию Собаки. Пид придирчиво оглядел его.

— Поменьше хвоста, — сказал он.

Джер укоротил хвост.

— Побольше ушей.

Джер удлинил уши.

— Теперь подравняй их. — Он посмотрел, что получилось. Насколько он мог судить, Джер стал совершенством от кончика хвоста до мокрого черного носа.

— Желаю удачи, — сказал Пид.

— Благодарю. — Джер осторожно вышел из леса, передвигаясь дергающейся поступью Собак и Людей. У ворот его окликнул часовой. Пид затаил дыхание.

Джер прошел мимо Человека, игнорируя его. Человек двинулся было к Джеру, и тот припустился бегом.

Пид приготовил две крепкие ноги, готовясь стремительно броситься в атаку, если Джера схватят.

Но часовой вернулся к воротам. Джер немедленно перестал бежать и спокойно побрел к главному входу.

Со вздохом облегчения Пид ликвидировал ноги.

Но главный вход был закрыт! Пид надеялся, что Индикатор не сделает попытки открыть его. Это было не в повадках Собак.

К Джеру подбежала другая Собака. Он попятился от нее. Собака подошла совсем близко и обнюхала Джера. Тот ответил тем же.

Потом обе собаки побежали за угол.

«Это остроумно, — подумал Пид. — Сзади непременно отыщется какая-нибудь дверь».

Он взглянул на заходящее солнце. Как только Сместитель будет активирован, сюда хлынут армии Глома. Пока Люди опомнятся, здесь уже будут войска с Глома — не меньше миллиона. И это только начало.

День медленно угасал, но ничего не происходило.

Пид не спускал глаз с фасада здания; он нервничал. Если у Джера все благополучно, дело не должно было так затягиваться.

Он ждал до поздней ночи. Люди входили в здание и выходили из него. Собаки лаяли у ворот. Но Джер так и не появлялся.

Джер попался. Ильг исчез. Пид остался один.

И он все еще не знал, что произошло.

К утру Пида охватило безысходное отчаяние. Он понял, что двадцать первая экспедиция Глома на этой планете находится на грани полного провала. Теперь все зависит только от него.

Он решил совершить дерзкую вылазку в облике Человека. Больше ничего не оставалось.

Он видел, как большими партиями прибывают рабочие и проходят в ворота. Пид раздумывал, что лучше: смешаться с толпой или выждать, пока суматоха уляжется. Он решил воспользоваться возникшей сутолокой и стал отливаться в форму Человека.

По лесу, мимо его укрытия, прошла Собака.

— Привет, — сказала Собака.

То был Джер!

— Что случилось? — спросил Пид с облегчением. — Почему ты так задержался? Трудно войти?

— Не знаю, — ответил Джер, виляя хвостом. — Я не пробовал.

Пид онемел.

— Я охотился, — благодушно пояснил Джер. — Эта форма, знаете ли, идеально подходит для Охоты. Я вышел через задние ворота вместе с другой Собакой.

— Но экспедиция... Твой долг...

— Я передумал, — заявил Джер. — Вы знаете, Пилот, я никогда не хотел быть Индикатором.

— Но ты ведь родился Индикатором!

— Это верно, — сказал Джер, — но мне от этого не легче. Я всегда хотел быть Охотником.

Пида трясло от злости.

— Нельзя, — сказал он очень медленно, как объяснял бы глому-ребенку, — форма Охотника для тебя запретна.

— Ну не здесь, здесь-то не запретна, — возразил Джер, по-прежнему виляя хвостом.

— Чтобы я этого больше не слышал, — сердито сказал Пид. — Отправляйся на электростанцию и установи свой Сместитель. А я таки постараюсь забыть все, что ты здесь мне плел.

— Не пойду, — ответил Джер. — Мне здесь гломы ни к чему. Они все погубят.

— Он прав, — произнес кряжистый дуб.

— Ильг! — ахнул Пид. — Где ты?

Зашевелились ветви.

— Да здесь, — сказал Ильг. — Я все Размышлял.

— Но ведь... твоя каста...

— Пилот, — печально сказал Джер. — Проснитесь! Большинство народа на Гломе несчастно. Лишь обычай вынуждает нас принимать кастовую форму наших предков.

— Пилот, — заметил Ильг, — все гломы рождаются бесформенными!

— А поскольку гломы рождаются бесформенными, все они должны иметь Свободу формы, — подхватил Джер.

— Вот именно, — сказал Ильг. — Но ему этого не понять. А теперь извините меня. Я хочу подумать. — И дуб умолк.

Пид невесело засмеялся.

— Люди вас перебьют, — сказал он. — Точно так же, как они истребили другие экспедиции.

— Никто из гломов не был убит, — сообщил Джер. — Все наши экспедиции находятся здесь.

— Живы?

— Разумеется. Люди даже не подозревают о нашем существовании. Собака, с которой я охотился, — это глом из девятнадцатой экспедиции. Нас здесь сотни, Пилот. Нам здесь нравится.

Пид пытался все это усвоить. Он всегда знал, что низшим кастам недостает формового самосознания. Но это уж... это просто абсурдно!

Так вот в чем таилась опасность этой планеты — в свободе!

— Присоединяйтесь к нам, Пилот, — предложил Джер. — Здесь настоящий рай. Знаете, сколько на этой планете всяких разновидностей? Неисчислимое множество! Здесь есть формы на все случаи жизни!

Пид покачал головой. На его случай жизни формы нет. Он — Пилот.

Но ведь люди ничего не знают о присутствии гломов. Подобраться к реактору до смешного легко.

— Всеми вами займется Верховный суд Глома, — прорычал он злобно и обернулся Собакой. — Я сам установлю Сместитель.

Мгновение он изучал себя, потом ощерился на Джера и вприпрыжку направился к воротам.

Люди у ворот даже не взглянули на него. Он проскользнул в центральную дверь здания вслед за каким-то Человеком и понесся по коридору.

В сумке тела пульсировал и подрагивал Сместитель, увлекая Пида к залу реактора.

Он опрометью взлетел по какой-то лестнице, промчался по другому коридору. За углом послышались шаги, и Пид инстинктивно почувствовал, что Собакам запрещено находиться внутри здания.

В отчаянии он оглянулся, ища, куда бы спрятаться, но коридор был гладок и пуст. Только с потолка свисали светильники.

Пид подпрыгнул и приклеился к потолку. Он принял форму светильника и от души надеялся, что Человек не станет выяснять, почему он не зажжен.

Люди пробежали мимо.

Пид превратился в копию Человека и поспешил к цели.

Надо подойти поближе.

В коридоре появился еще один Человек. Он пристально посмотрел на Пида, попытался что-то сказать и внезапно пустился наутек.

Пид не знал, что насторожило Человека, но тоже побежал со всех ног. Сместитель в сумке дрожал и бился, показывая, что критическая дистанция почти достигнута.

Неожиданно мозг пронзило ужасающее сомнение. Все экспедиции дезертировали! Все гломы до единого!

Он чуть-чуть замедлил бег.

Свобода Формы... какое странное понятие. Тревожащее понятие.

«Это, несомненно, козни самого Бесформия», — сказал он себе и бросился вперед.

Коридор заканчивался гигантской запертой дверью. Пид уставился на нее.

В дальнем конце коридора загромыхали шаги, послышались крики Людей.

Где же он ошибся? Как его выследили? Он быстро осмотрел себя, провел пальцами по лицу.

Он забыл отформовать черты лица.

В отчаянии он дернул дверь. Потом вынул из сумки крохотный Сместитель, но пульсация была еще недостаточно сильной. Надо подойти к реактору ближе.

Он осмотрел дверь. Между ней и полом была узенькая щель.

Пид быстро стал бесформенным и протек под дверью, с трудом протиснув за собой Сместитель.

С внутренней стороны двери был засов. Пид задвинул его и огляделся по сторонам, надеясь отыскать что-нибудь, чем можно забаррикадировать дверь. Комнатка была малюсенькая. С одной стороны — свинцовая дверь, ведущая к реактору. С другой стороны — оконце. Вот и все.

Пид бросил взгляд на Сместитель. Пульсация была сильной. Наконец-то он у цели. Здесь Сместитель может работать, черпая энергию от реактора и преобразуя ее. Нужно только привести его в действие.

Однако они дезертировали, все до единого.

Пид колебался. Все гломы рождаются бесформенными. Это правда. Дети гломов аморфны, пока не подрастут настолько, что можно придать им кастовую форму предков. Но Свобода формы?..

Пид взвешивал возможности. Без помехи принимать любую форму, какую только захочет! На этой райской планете он может осуществить любое честолюбивое желание, стать чем угодно, делать что угодно. Он вовсе не будет одинок. И другие гломы наслаждаются здесь преимуществами Свободы формы.

Люди взламывали дверь. Пид все еще был в нерешительности. Как поступить? Свобода...

Но не для него, подумал он с горечью. Легко стать Охотником или Мыслителем. А он — Пилот. Пилотирование — его жизнь, его страсть, его предназначение. Как же он будет им заниматься здесь?

Конечно, у людей есть корабли. Можно превратиться в Человека, отыскать корабль...

Нет, никак... Легко стать Деревом или Собакой. Никогда не удастся ему выдать себя за Человека.

Дверь трещала под непрерывными ударами.

Пид подошел к окну, чтобы в последний раз окинуть взглядом планету, прежде чем привести в действие Сместитель. Он выглянул — и чуть не лишился чувств, так он был потрясен.

Так это действительно правда! А он-то не вполне понимал, что имел в виду Джер, когда говорил, что на этой планете есть все виды жизни, все формы, способные удовлетворить любое желание! Даже его желание!

Страстное желание всей Касты Пилотов, желание еще более заветное, чем Пилотирование.

Он взглянул еще раз, потом швырнул Сместитель на пол, разбив его вдребезги.

Дверь поддалась, и в тот же миг он вылетел в окно. Люди метнулись к окну. Они выглянули наружу, но так и не поняли, что видят.

За окном взмыла вверх большая белая птица. Она взмахнула крыльями — неуклюже, но с возрастающей силой, стремясь догнать улетавшую птичью стаю.

СТАНДАРТНЫЙ КОШМАР

Космический пилот Джонни Безик состоял на службе в компании «Эс-Би-Си Эксплорейшис». Он исследовал подступы к скоплению Сирогона, в то время совершенной terra incognita.

Первые четыре планеты не показали ничего интересного. Безик приблизился к пятой — и начался стандартный кошмар. Ожил корабельный громкоговоритель. Раздался низкий голос:

— Вы находитесь в окрестностях планеты Лорис. Очевидно, собираетесь произвести посадку?

— Верно, — подтвердил Джонни. — Как получилось, что вы говорите по-английски?

— Одна из наших вычислительных машин овладела языком на основе эмпирических данных, ставших доступными во время вашего приближения к планете.

— Ишь ты, недурно! — восхитился Джонни.

— Пустяки, — ответил голос. — Сейчас мы войдем в непосредственную связь с корабельным компьютером и выведем параметры орбиты, скорость и другие сведения. Вы не возражаете?

— Конечно, валяйте, — сказал Джонни.

Он только что впервые в истории Земли вошел в контакт с иным разумом. Так всегда и начинался стандартный кошмар.

Рыжеволосый, низенький, кривоногий Джонни Чарлз Безик выполнял свою работу добросовестно, компетентно и механически. Он был тщеславен, чванлив, невежествен, сварлив и бесстрашен. Короче говоря, изумительно подходил для исследований глубокого космоса. Лишь определенный тип человека может вынести умопомрачительную безбрежность пространства и грозящие шизофренией стрессы, вызванные опасностью неведомого. Тут нужен человек с огромным и незыблемым самомнением и воинственной самоуверенностью. Нужен кретин. Поэтому исследовательские корабли ведут люди, подобные Джонни, чье вопиющее самодовольство прочно опирается на безграничную самовлюбленность и поддерживается непоколебимым невежеством. Таким психическим обликом обладали конкистадоры. Кортес и горстка головорезов покорили империю ацтеков только потому, что так и не осознали невозможности этого предприятия.

Джонни развалился в кресле и наблюдал, как приборы на пульте управления регистрировали изменение курса и скорости. На видеоэкране появилась планета Лорис — голубая, зеленая, коричневая. Джонни Безик вот-вот встретит парней со своей улицы.

Чудесно, если эти парни, эти, выражаясь межгалактически, соседи — смышленые ребята. Но вовсе не так здорово, если они соображают намного лучше вас и при этом, возможно, сильнее, проворнее и более агрессивны. Подобным соседям может взбрести на ум сделать что-нибудь с вами. Разумеется, вовсе не обязательно будет так, но ни к чему кривить душой, ведь мы живем в жестокой Вселенной, и извечный вопрос — кто наверху.

Земля посылала экспедиции исходя из того, что если где-то там кто-то есть, то лучше пусть мы найдем их, чем они свалятся нам на голову одним тихим воскресным утром. Сценарий стандартного земного кошмара всегда начинается контактом с чудовищной цивилизацией. Потом шли варианты. Иногда инопланетяне оказывались высокоразвитыми технически, иногда обладали невероятными психокинетическими способностями, иногда были глупы, но практически неуязвимы — ходячие растения, роящиеся насекомые и тому подобное. Обычно они были безжалостны и аморальны — не в пример хорошим земным парням.

Но это второстепенные детали. Лейтмотив кошмара постоянно одинаков: *Земля вступает в контакт с чужой могущественной цивилизацией, и они нас покоряют.*

Безик вот-вот узнает ответ на единственный вопрос, который серьезно волнует Землю: они нас или мы их?

Пока он не решался делать ставки...

Воздухом Лориса можно дышать, а вода годна для питья. Обитатели Лориса — гуманоиды. Несмотря на мнение нобелевского лауреата Сержа Бонблата, будто бы вероятность этого один к десяти в девяносто третьей степени.

Лорианцы при помощи гипнопедии преподали Безику свой язык и показали ему главный город Атисс. Чем больше Джонни наблюдал, тем становился мрачнее.

Лорианцы были приятными, уравновешенными и доброжелательными существами. За последние пять столетий их история не знала войн или восстаний. Рождаемость и смертность были надежно сбалансированы: население многочисленно, но всем хватало места и возможностей. Существовали расовые отличия — но никаких расовых проблем. Технически высокоразвитые, лорианцы с успехом соблюдали чистоту окружающей среды и экологическое равновесие. Каждый занимался любимой творческой работой, в то время как весь тяжелый труд выполняли саморегулирующиеся механизмы.

В столице Атисс — гигантском городе с фантастически красивыми зданиями, башнями, дворцами — было все: базары, рестораны, парки, величественные скульптуры, кладбища, аттракционы, пирожковые, песочницы, даже прозрачная река. Все, что ни назови. И все бесплатно, включая пищу, одежду, жилье и развлечения. Каждый брал что хотел и отдавал что хотел, и каким-то образом все уравновешивалось. Поэтому на Лорисе обходились без денег, а при отсутствии денег отпадала нужда в банках, казначействах и хранилищах. Даже замки не требовались: все двери на Ло-

рисе открывались и закрывались по обыкновенному мысленному приказу.

В политическом отношении правительство отражало единый коллективный разум лорианцев. И коллективный этот разум был спокойным, мудрым, *благим*. Между желаниями общественности и действиями правительства не существовало расхождений, не возникало задержек.

Более того — чем внимательнее Джонни всматривался, тем больше ему казалось, что Лорис вовсе не имел никакого правительства. Пожалуй, ближе всех к образу правителя подходил некто Веерх, руководитель Бюро Проектирования Будущего. Но Веерх никогда не отдавал распоряжений — лишь время от времени выпускал экономические, социальные и научные прогнозы.

Безик узнал все это за несколько дней. Ему помогал специально назначенный гид по имени Хелмис, ровесник Джонни. Поскольку он обладал умом, терпимостью, сметкой, добротой, неисчерпаемым юмором, самокритичностью и прозорливостью, то Джонни его на дух не выносил.

Размышляя на досуге в роскошном номере гостиницы, Джонни понял, что лорианцы настолько близки к воплощению человеческих идеалов безупречности, насколько можно ожидать. Казалось, что они олицетворяют абсолютно все достоинства. Но это никак не противоречило стандартному земному кошмару. Своенравные земляне попросту не желают плясать под дудку инопланетян, даже самых добродетельных, даже ради благополучия самой Земли.

Безик прекрасно видел, что лорианцы не любят лезть на рожон: они домоседы, не домогаются ничьих территорий, не хотят никого покорять, и само понятие «экспансия» им чуждо. Но, с другой стороны, они не могли не сообразить, что если не предпринять что-нибудь по отношению к Земле, то уж она точно предпримет что-нибудь по отношению к ним и из кожи вон вылезет, пытаясь это сделать.

Возможно, правда, что никаких трудностей не возникнет вовсе. Возможно, у народа столь мудрого, доверчивого и миролюбивого, как лорианцы, и в помине нет никакого оружия.

Но на следующий день, когда Хелмис предложил осмотреть Космический флот Древней Династии, Безик убедился в беспочвенности своих надежд.

Флоту было тысяча лет, и все семьдесят кораблей работали, как отлаженные часы.

— Тормиш, последний правитель Древней Династии, намеревался завоевать все обитаемые планеты, — пояснил Хелмис. — К счастью, наш народ созрел прежде, чем успел начать исполнение своего замысла.

— Но корабли вы сохранили, — заметил Джонни.

Хелмис пожал плечами:

— Это памятник нашей прошлой безрассудности. Ну и, по правде сказать, если на нас вдруг нападут... попробуем отбиться.

— Думаю, небезуспешно, — промолвил Джонни.

Он прикинул, что один такой корабль запросто справится со всем, что Земля сможет вывести в космос в ближайшие два столетия.

Такова была жизнь на Лорисе — точь-в-точь какой ей следовало быть по сценарию стандартного кошмара. Слишком хороша для правды. Идеальна. Ужасающе, отвратительно идеальна.

Но так ли уж она безупречна? Джонни в полной мере обладал свойственной землянам верой в то, что на каждое достоинство есть соответствующий порок. Сию мысль он обычно выражал следующим образом: «Где-то здесь должна быть лазейка». Даже в раю Господнем дела не могут идти гладко.

Безик наблюдал, критически взвешивал, сопоставлял. У лорианцев была полиция. Их называли «наставники», и вели они себя чрезвычайно вежливо. Но, по сути своей, были полицейскими. Это указывало на существование преступников.

Хелмис развеял выводы Джонни:

— У нас, разумеется, есть отдельные случаи генетических отклонений от нормы, но вовсе нет преступного мира. Наставники занимаются скорей просвещением, чем отправлением закона. Любой гражданин вправе поинтересоваться мнением наставника по каким-либо нюансам личного поведения. А уж если он ненароком нарушит закон, наставник на это укажет.

— А потом его арестует?

— Нет! Гражданин извинится, и инцидент будет исчерпан.

— Но что, если гражданин нарушает закон снова и снова? Как тогда поступают наставники?

— Такого никогда не бывает.

— И все-таки?

— Наставники способны действовать эффективно при любых обстоятельствах.

— Больно они хлипкие, — с сомнением пробормотал Джонни.

Что-то мешало ему убедиться в правоте слов Хелмиса до конца. Скорее всего, он просто не мог позволить себя убедить. И все же... Дела на Лорисе шли. Шли потрясающе здорово. Они не шли потрясающе здорово только у Джонни Безика. Это потому, что он был землянином — иными словами, неуравновешенным дикарем. А еще потому, что Джонни с каждым днем становился все более мрачным и свирепым.

Кругом царили радость и совершенство. Наставники вели себя как скромные деликатные девушки. На дорогах никогда не было пробок, никто не портил друг другу нервы. Миллионы автоматических систем доставляли в город жизненно важные продукты и

вывозили отходы. Люди блаженствовали, наслаждались общением с окружающими и занимались искусством.

И все так благоразумны! Так дружелюбны! Так доброжелательны! Так красивы и умны!

Да, это был настоящий рай. Даже Джонни Безик не мог не признать этого. Его и без того дурное настроение портилось все больше и больше. Вам, вероятно, трудно это понять — если вы сами случайно не с Земли.

Оставьте такого, как Джонни, в месте, подобном Лорису, и потом не оберетесь неприятностей. Почти две недели Джонни держал себя в руках. Затем в один прекрасный день, сидя за рулем (автомобиль был на ручном управлении), он сделал левый поворот, не подав сигнала.

Машина сзади как раз увеличила скорость, собираясь обходить слева. Резкий поворот Джонни едва не привел к столкновению. Машины завертелись и остановились нос к носу. Джонни и другой водитель вылезли.

— Ну и ну, дружище!.. — весело сказал водитель. — Мы едва не треснулись.

— Какое там треснулись, к чертовой матери! — рявкнул Джонни. — Ты меня подрезал.

Водитель доброжелательно рассмеялся:

— По-моему, нет. Хотя, разумеется, я признаю возможность...

— Послушай, — перебил Джонни. — Из-за твоей проклятой невнимательности мы оба могли отправиться на тот свет.

— Но вы, безусловно, находились впереди, а делать внезапный поворот...

Джонни резко подался вперед и угрожающе прорычал:

— Не городи чепухи, парень. Сколько раз повторять, что ты не прав?!

Водитель опять рассмеялся, пожалуй с некоторой нервозностью.

— Я предлагаю вопрос виновности вынести на суд свидетелей, — кротко произнес он. — Убежден, что все эти стоящие здесь люди...

Джонни покачал головой.

— Мне не нужны никакие свидетели, — заявил он. — Я знаю, что произошло. Я знаю, что виноват ты.

— Похоже, вы совершенно уверены...

— Еще бы я не был уверен! — возмутился Джонни. — Я уверен, потому что знаю.

— Что ж, в таком случае...

— Ну?

— В таком случае, — молвил водитель, — мне остается лишь извиниться.

— Да уж, по меньшей мере, — сказал Джонни, величаво прошел к машине и умчался на недозволенной скорости.

После этого Безик почувствовал некоторое облегчение, но

стал еще более непокорным и упрямым. Он был сыт по горло превосходством лорианцев, его тошнило от их рассудительности, от их добродетелей.

Он вернулся в номер с двумя бутылками бренди, выпускавшегося в медицинских целях, пил и предавался мрачным раздумьям. Пришел советник по этике и указал, что поведение Джонни было вызывающим, невежливым и диким. Он изложил все в очень тактичной форме.

Джонни посоветовал ему убираться восвояси. Нельзя сказать, что Безик был особенно безрассуден — для землянина. Оставь его в покое — дня через два он наверняка почувствовал бы раскаяние. Советник продолжал выговаривать. Он рекомендовал лечение: Джонни чересчур подвержен злости и агрессивному настроению, он являет угрозу для граждан.

Джонни велел советнику сгинуть. Советник отказался сгинуть и оставить проблему неразрешенной. Джонни разрешил проблему, вытолкав его за дверь.

Потрясенный советник поднялся на ноги и из-за двери поставил Джонни в известность, что до выяснения обстоятельств дела ему придется смириться с изоляцией.

— Только попробуйте, — многообещающе заявил Джонни.

— Вы не беспокойтесь, — обнадежил советник. — Это недолго и не будет связано с неприятными ощущениями. Мы осознаем культурные различия между нами. Но мы не можем допустить неконтролируемое и необоснованное насилие.

— Если вы не станете меня заводить, я не выйду из себя, — сказал Джонни. — Главное, не ерепеньтесь и не вздумайте меня запирать.

— Наши правила абсолютно ясны. Скоро сюда придет наставник. Я предлагаю вам с ним не спорить.

— Похоже, вы напрашиваетесь на неприятности, — заметил Джонни. — Ладно, малыш. Делайте то, что считаете нужным. И я буду делать то, что считаю нужным.

Советник удалился. Джонни пил и размышлял. Пришел наставник. Как официальный представитель закона, наставник ожидал от Джонни беспрекословного повиновения. Когда Джонни отказался, он был ошеломлен. Так не положено! Наставник ушел за новыми указаниями.

Джонни продолжал пить. Через час наставник вернулся и сообщил, что он наделен полномочиями увести Джонни силой, если потребуется.

— Это правда? — спросил Джонни.

— Да, так что не принуждайте меня...

Джонни вышвырнул его, тем самым избавив от необходимости применить силу.

Безик покинул номер на не совсем твердых ногах. Он знал, что нападение на наставника — тяжелый проступок. Так просто ему

не выкрутиться. Он решил вернуться на корабль и убраться подобру-поздорову. Они, конечно, могут помешать взлету или уничтожить его в воздухе, но вряд ли станут утруждать себя. Они наверняка будут только рады избавиться от него.

Безик достиг корабля без приключений. Вокруг суетились два десятка рабочих. Он сказал мастеру, что хочет немедленно взлететь. Тот был чрезвычайно расстроен, что не может услужить. Двигатель разобран, его прочищают и модернизируют — скромный дружеский дар лорианского народа.

— Дайте нам еще пять дней, и у вас будет самый быстрый корабль к западу от Ориона, — пообещал мастер.

— Чертовски мне это пригодится, — прорычал Джонни. — Послушайте, я ужасно спешу. Не могли бы вы поставить двигатель поскорее?

— Работая круглосуточно и без перерывов на обед, мы постараемся управиться за три с половиной дня.

— Просто великолепно, — выдавил Джонни. — Кто велел вам трогать мой корабль?

Мастер принес извинения. Джонни взбесился еще больше.

Очередной акт бессмысленного насилия был предотвращен прибытием четырех наставников. Безик оторвался от преследования в лабиринте извивающихся улочек, заблудился сам. Над ним возвышалась аркада. Сзади появились два наставника. Безик побежал по узким каменным коридорам. Вскоре путь ему преградила закрытая дверь.

Он приказал ей открыться. Дверь оставалась закрытой — очевидно, по указанию наставников. В ярости Безик повторил приказ. Мысленная команда была настолько сильна, что дверь с грохотом распахнулась, как и все двери в непосредственном окружении. Джонни убежал от наставников и остановился перевести дыхание на замшелой мостовой.

Долго так продолжаться не может. Необходимо разработать план. Но какой план способен выручить одного землянина, преследуемого всей планетой лорианцев? Шансы слишком не равны, даже для конкистадора, каковым по духу был Джонни.

И вдруг, совершенно самостоятельно, Джонни родил идею, которую использовал Кортес и которая спасла шкуру Писарро. Он решил найти здешнего правителя и пригрозить ему смертью, если его люди не успокоятся и не прислушаются к голосу разума.

У плана был только один изъян — этот народ не имел правителя. Самая нечеловеческая черта лорианцев.

Тем не менее у них было несколько важных чиновников. Например, Веерх. Конечно, подобную шишку положено охранять. Однако обитатели сумасшедшего дома под названием Лорис, наверное, попросту не додумались до этого.

Дружелюбный прохожий сообщил ему адрес. До Бюро Проек-

тирования Будущего оставалось четыре квартала, когда Безика остановил отряд из двадцати наставников.

Они неуверенно потребовали, чтобы он сдался. Джонни пришло в голову, что хотя в аресте людей заключается смысл их работы, производить им его приходилось наверняка впервые. В первую очередь это были миролюбивые, рассудительные граждане, и лишь во вторую — полицейские.

— Кого вы хотите арестовать? — спросил он.

— Чужеземца по имени Джонни Безик, — ответил старший наставник.

— Я рад это слышать, — сказал Джонни. — Он причинил мне немало неприятностей.

— Но разве вы не...

Джонни рассмеялся:

— Не я ли тот опасный чужеземец? Мне жаль вас разочаровывать, но вынужден ответить отрицательно. Я знаю, однако, о нашем сходстве.

Наставники стали обсуждать создавшееся положение.

Джонни продолжал:

— Послушайте, друзья, я родился вот в этом доме. Меня могут опознать двадцать человек, включая жену и четырех детей. Какие вам нужны еще доказательства?

Наставники снова засовещались.

— Более того, — не унимался Джонни, — неужели вы искренне полагаете, что я опасный и неуловимый преступник? По-моему, здравый смысл должен подсказать вам...

Старший наставник извинился.

Джонни продолжал путь. От цели его отделял всего квартал, когда появилась новая группа наставников в сопровождении его бывшего гида, Хелмиса.

Они призвали Джонни сдаваться.

— У меня нет времени, — заявил Безик. — Ваши приказы отменены. Я уполномочен сейчас же открыть свою истинную личность.

— Мы знаем вашу истинную личность, — сказал Хелмис.

— Если б вы знали, мне не пришлось бы ее открывать, не так ли? Слушайте внимательно. Я лорианец, много лет назад обученный агрессивности для особого задания. Это задание теперь выполнено. Я вернулся — как планировалось — и провел несколько простейших тестов с целью проверки психологической атмосферы на Лорисе. Вам известны результаты. Они удручающи с точки зрения выживания расы. Я обязан немедленно обсудить эту проблему и другие высокие материи с Главным Проектировщиком Бюро Проектирования Будущего. Могу сообщить вам совершенно конфиденциально, что наше положение крайне серьезно и не оставляет времени на раздумья.

Сбитые с толку наставники попросили Джонни подтвердить свое заявление.

— Я же сказал, что дело не терпит промедления. С удовольствием все подтвердил бы — если бы было время.

— Сэр, без приказа мы не можем позволить вам уйти.

— В таком случае вероятная гибель нашей планеты лежит на вашей совести.

— Какое у вас звание, сэр? — спросил офицер наставник.

— Выше, чем у вас, — быстро ответил Джонни.

Офицер пришел к решению.

— Что прикажете, сэр?

Джонни улыбнулся.

— Сохраняйте спокойствие. Пресекайте панику. Ждите дальнейших указаний.

Безик уверенно продолжал свой путь. Он достиг двери Бюро и приказал ей открыться. Дверь открылась. Он собирался пройти...

— Поднимите руки и отойдите от двери! — раздался жесткий голос сзади.

Безик обернулся и увидел группу из десяти наставников.

Все десять были одеты в черное и держали оружие.

— Мы имеем право стрелять, — предупредил один из них. — Не пытайтесь нас обмануть. Нам приказано не обращать внимания на ваши слова и любой ценой произвести арест.

— Не имеет смысла убеждать вас, да?

— Никакого. Идите.

— Куда?

— Специально для вас мы открыли одну из древних тюрем. Вам будут созданы все условия. Судья займется вашим делом, учитывая инородство и низкий уровень вашей культуры. Вы, безусловно, получите предупреждение и покинете Лорис.

— Это вовсе неплохо. Я в самом деле отделаюсь так легко?

— Нас в этом заверили, — сказал наставник. — Мы разумный и сострадательный народ. Ваше доблестное сопротивление высоко оценено.

— Благодарю.

— Но теперь с этим покончено. Вы пойдете с нами по доброй воле?

— Нет.

— Простите, не понимаю.

— Вы много чего не понимаете обо мне и землянах. Я намерен войти в эту дверь.

— Если попытаетесь, мы будем стрелять.

Существует единственный безошибочный способ отличить тип истинного конкистадора, настоящего берсеркера, искреннего камикадзе или крестоносца от обычных людей. Обычные люди, столкнувшись с невероятной ситуацией, склонны к компромиссу, к выжиданию более благоприятных условий для схватки. Но

только не Писарро, не Готфрид Бульонский, не Гарольд Гардрадас, не Джонни Безик. Они одарены великой глупостью. Или великой храбростью. Или тем и другим вместе.

— Ладно, — сказал Джонни. — Стреляйте, черт с вами.

И вошел в дверь. Наставники не стреляли. Идя по коридорам Бюро Проектирования Будущего, Джонни слышал, как они спорили за его спиной.

Вскоре он оказался лицом к лицу с Веерхом, Главным Проектировщиком. Веерх был спокойным маленьким человечком с лицом престарелого эльфа.

— Здравствуйте, — сказал Главный Проектировщик. — Садитесь. Я закончил прогноз взаимоотношений между Землей и Лорисом.

— Оставьте его при себе, — посоветовал Джонни. — У меня есть парочка незатейливых просьб, которые, я уверен, вы с радостью выполните. Иначе...

— Полагаю, вам было бы интересно, — перебил Веерх, — что мы экстраполировали черты вашего народа и сравнили с нашими. Похоже, между нами неминуемо произойдет столкновение в борьбе за господство. Инициаторами, естественно, явитесь вы. Вы, земляне, попросту не успокоитесь, пока не выясните, кто здесь главный. Конфликт неизбежен, учитывая уровень вашего развития.

— Чтобы прийти к такому же выводу, мне не потребовались ни высокий пост, ни причудливый титул, — сказал Джонни. — Теперь слушайте...

— Я не закончил. С точки зрения развития техники, у вас нет ни единого шанса. Мы можем в два счета уничтожить любой ваш флот.

— Выходит, вам не о чем беспокоиться.

— Но техника не имеет такого значения, как психология. Вы, земляне, достаточно развиты и не будете бросаться на нас в лоб. Пойдут переговоры, угрозы, нарушения, снова переговоры, нападения, объяснения, вторжения, битвы и тому подобное. Мы не в состоянии делать вид, будто вас не существует, и отказываться сотрудничать с вами, желая найти более разумное и справедливое решение. Мы — прямы, безмятежны и честны. Ваш же народ агрессивен, неуравновешен и способен на поразительное коварство. Учитывая все обстоятельства, мы психологически не можем вам противостоять.

— Гм-м, проклятье! — произнес Джонни. — Чертовски странно слышать такие слова. Наверное, глупо с моей стороны давать советы, но посудите сами — если вы все это сами понимаете, почему бы вам не приспособиться? Заставить себя стать такими, какими вам необходимо сейчас стать?

— Как вы? — спросил Веерх.

— Нет, я не смог приспособиться. Но я же в подметки не гожусь вам, лорианцам.

— Ум тут ни при чем, — сказал Главный Проектировщик. — Никто не может мгновенно изменить свою культуру по собственному желанию. Но, положим, нам удастся переделать себя. Мы станем такими же, как вы. По правде говоря, нам это не понравится.

— Не могу вас винить, — признался Джонни.

— Предположим даже, совершится чудо, и наш народ станет воинственным, — все равно мы не сможем за несколько лет достичь уровня, к которому вы шли тысячелетия по пути агрессивного развития. Несмотря на превосходство в вооружении, мы, по всей вероятности, потерпим поражение, играя в вашу игру по вашим же правилам.

Джонни моргнул. Он и сам об этом думал. Лорианцы просто чересчур наивны. Не составит труда, прикрываясь какими-нибудь мирными переговорами, внезапно захватить один из их кораблей. Может быть, два или три. Потом...

— Я вижу, вы пришли к такому же заключению, — заметил Веерх.

— Боюсь, вы правы, — сказал Джонни. — Мы действительно рвемся к первенству куда более рьяно, чем вы. Лорианцы слишком честные и милые и будут играть по правилам, даже если речь пойдет о жизни и смерти. А мы, земляне, ни с чем не церемонимся и ради победы не побрезгуем ничем.

— Таковы результаты нашей экстраполяции, — заключил Веерх. — Так что мы решили просто-напросто сэкономить время и сейчас же сделать вас нашим главой.

— Что?!

— Мы хотим, чтобы вы нами правили.

— Лично я?

— Да. Лично вы.

— Это, конечно, шутка, — пробормотал Джонни.

— Тут совершенно не до шуток, — твердо сказал Веерх. — И мы, лорианцы, никогда не лжем. Я сообщил вам наш прогноз. Самое разумное — избавить себя от болезненных усилий и лишений и немедленно принять неизбежное. Вы согласны править нами?

— Чертовски лестное предложение, — проговорил Джонни. — Я вряд ли подхожу... Но какого дьявола? Тут вообще никто не подойдет... Ладно, придется заняться вашей планетой. Я буду милостивым правителем, потому что вы мне по душе.

— Благодарим вас, — сказал Веерх. — Вы убедитесь, что управлять нами легко, пока вы не требуете психологически невыполнимого. Но вот ваши соотечественники могут оказаться не такими покладистыми. Им это не понравится.

— Мягко говоря... — иронично усмехнулся Джонни. — Правительства Земли не знали такого потрясения за всю историю. Они

в лепешку расшибутся, чтобы сместить меня и поставить одного из своих парней. Но вы ведь, лорианцы, меня поддержите?

— Вам известна наша натура! Мы не станем драться за вас, как не станем драться за себя. Мы будем подчиняться наделенному властью лицу.

— Пожалуй, большего ожидать нельзя, — произнес Джонни. — Мне видятся определенные сложности... Надо, вероятно, посоветоваться, создать организацию, прощупать обстановку в конгрессе... — Джонни замолчал. — Нет, что-то не так... Я не до конца логичен. Дело сложнее, чем мне казалось. Я не все продумал.

— К сожалению, бессилен вам помочь, — сказал Главный Проектировщик. — Должен признаться, тут я ничего не понимаю.

Джонни нахмурился. Потер лоб. Почесал голову. Потом проговорил:

— Да... Что ж, мне ясно, что делать. А вам?

— Я полагаю, есть много разумных путей.

— Только один, — отчеканил Джонни. — Рано или поздно, но я должен завоевать Землю. Иначе они завоюют меня. То есть нас. Разве не очевидно?

— Весьма вероятное предположение.

— Это сущая правда! Или я — или они. — После некоторого молчания Джонни продолжил: — Мне такое и привидеться не могло. Меньше чем за две недели — от простого космонавта до императора могущественной планеты. А теперь мне предстоит покорить Землю, и к этой мысли я еще не привык. Впрочем, им будет только лучше. Мы принесем цивилизацию этим обезьянам, научим их, как надо жить. Пройдет время, и они нас возблагодарят.

— У вас есть приказания для меня? — спросил Веерх.

— Я желаю получить все сведения о флоте Древней Династии. Но раньше, пожалуй, надо провести коронацию. Нет, сперва референдум относительно провозглашения меня императором, а потом коронацию. Вы сможете все устроить?

— Я приступлю немедленно, — сказал Главный Проектировщик.

Так разразился наконец тот самый стандартный земной кошмар. Высокоразвитая инопланетная цивилизация вознамерилась насадить на Земле свою культуру. На Лорисе — иная ситуация. Лорианцы, прежде беззащитные, обрели воинственного командира и вскоре подыщут наемников для космического флота, что не сулит Земле ничего хорошего, но вовсе не вредит Лорису.

Это, разумеется, неизбежно. Ибо лорианцы развиты и разумны. А в чем же цель истинного разума, как не в том, чтобы овладеть истинно желаемым, а не принимать за него ошибочно обыкновенную тень...

ОПЫТНЫЙ ОБРАЗЕЦ

Посадка едва не окончилась катастрофой. Бентли знал, что тяжелый груз на плечах нарушает координацию движений. Однако он не подозревал, насколько серьезно нарушение, пока не настал критический момент, когда он нажал не на ту кнопку. Звездолет камнем устремился вниз. Когда в последнюю секунду Бентли чудом выровнял его, под ним на равнине уже была выжжена черная проплешина. Звездолет коснулся почвы, покачнулся и замер, вызвав у Бентли мгновенный приступ тошноты.

Впервые в истории человек приземлился на планете Тельс IV.

Первым делом Бентли принял солидную дозу шотландского виски, отпущенного ему в сугубо медицинских целях.

Покончив с виски, Бентли включил передатчик. Миниатюрный приемник он носил в ухе, которое из-за этого страшно зудело, а микрофон был вмонтирован в горло хирургическим способом. Портативная система гиперпространственной связи настраивалась автоматически, и это было к лучшему, ибо Бентли понятия не имел, как ловить столь узкий радиолуч на столь чудовищном расстоянии от источника.

— Все в порядке, — сообщил он по радио профессору Слиггерту. — Планета земного типа, как и сообщалось в отчете разведчиков. Корабль целехонек. Счастлив доложить, что при посадке я не свихнул себе шею.

— Ну, естественно, — отозвался профессор Слиггерт; голос его, искаженный маломощным приемником, казался высоким и невыразительным. — А «Протект»? Как вы себя в нем чувствуете? Привыкли?

Бентли ответил:

— Нисколько. По-прежнему чувствую себя так, словно мне жернов на шею повесили.

— Ничего, приспособитесь, — заверил его профессор Слиггерт. — Ну-с, институт поздравляет вас, а правительство, по-моему, награждает какой-то медалью. Помните, теперь ваша задача — побрататься с аборигенами и по возможности заключить с ними хоть какое-нибудь торговое соглашение. Важно создать прецедент. Эта планета нам необходима, Бентли.

— Знаю.

— Желаю удачи. Докладывайте при каждом удобном случае.

— Ладно, — пообещал Бентли и прекратил передачу.

Он попробовал встать, но из первой попытки ничего не вышло. Бентли ухитрился подняться, лишь ухватившись за ручки, удобно расположенные над пультом управления. Только тут он оценил размеры пошлины, взимаемой невесомостью с человеческих мускулов, и пожалел, что за время долгого полета от Земли делал зарядку нерегулярно.

Бентли был молод, высок — выше шести футов росту, — бес-

печен и крепко сбит. На Земле он весил более двухсот фунтов и передвигался с грацией атлета. Однако в полете на него с первых же мгновений навалилось бремя добавочных семидесяти трех фунтов, безвозвратно и намертво закрепленных на его спине. При таких обстоятельствах он двигался как престарелый слон в слишком тесной обуви.

Бентли повел плечами в широких пластиковых лямках, скорчил гримасу и подошел к смотровому окну правого борта. Неподалеку, примерно в полумиле, виднелось селение; на горизонте коричневыми пятнами вырисовывались невысокие домишки. По равнине, направляясь к кораблю, двигались какие-то точки. Очевидно, селяне решили выяснить, что за странный предмет свалился к ним с неба, изрыгая огонь и издавая устрашающий рев.

«Приятное зрелище», — сказал себе Бентли. Не прояви инопланетяне любопытства, было бы трудно наладить с ними контакт. А ведь в Земном институте межзвездных исследований предвидели и такой вариант, хотя решение его не было найдено. Поэтому его вычеркнули из списка возможных ситуаций.

Селяне тем временем приближались. Бентли решил, что пора и ему приготовиться. Он вынул из футляра лингвасцен и не без усилий привязал ремнями у себя на груди. На одном боку он пристроил флягу с водой, на другом — пакет с пищевыми концентратами. На животе укрепил сумку с набором инструментов. К одной ноге пристегнул ремешками радиопередатчик, к другой — санитарный пакет.

Полностью экипированный Бентли нес на себе в общей сложности сто сорок восемь фунтов, причем каждая унция считалась для межзвездного исследователя необходимой и незаменимой.

То обстоятельство, что он не шагал, а скорее брел, пошатываясь, значения не имело.

Тем временем туземцы подошли к кораблю и окружили его, отпуская неодобрительные замечания. У жителей Тельса было две ноги и короткий толстый хвост. Чертами лица они походили на людей, но людей из кошмарного сна. Кожа у всех была ярко-оранжевого цвета.

Бентли заметил, что туземцы вооружены. Перед ним мелькали ножи, пики, каменные молотки и кремневые топоры. При виде этого боевого арсенала по лицу Бентли разлилась улыбка удовлетворения. Вот оно, оправдание неудобствам, вот почему нужны были семьдесят три фунта, которые с момента запуска оттягивали ему спину.

Чем именно вооружены аборигены, неважно, пусть хоть ядерным оружием. Причинить ему вред они не могут. Так утверждает профессор Слиггерт — глава института, изобретатель «Протекта».

Бентли открыл смотровое окно. Телиане испустили крик изумления. После минутного колебания лингвасцен перевел эти крики

так: «Ох! Ах! Как странно! Невероятно! Нелепо! Чудовищно! Непристойно!»

Осторожно неся 148 фунтов поклажи, Бентли спустился по трапу с внешней стороны борта. Туземцы выстроились вокруг дугой, держа оружие наготове.

Он приблизился к туземцам. Те отпрянули. Приятно улыбаясь, Бентли сказал: «Я пришел к вам как друг». Лингвасцен воспроизвел резкие гортанные гласные телианского языка, похожие на лай.

Казалось, Бентли не очень-то поверили. Копья остались на весу, а один из телиан, возвышающийся над всеми остальными и увенчанный красочным головным убором, взял топор на изготовку.

Бентли ощутил, как тело его пронизала легчайшая дрожь. Он, конечно, неуязвим. Пока на нем «Протект», с ним ничего не случится. Решительно ничего! Профессор Слиггерт в этом убежден.

Перед запуском профессор Слиггерт собственноручно застегнул «Протект» на спине Бентли, поправил лямки и отступил, любуясь своим творением.

— Превосходно, — провозгласил он с тихой гордостью.

Бентли шевельнул плечами, согбенными под ношей.

— Тяжеловато, вы не находите?

— Что поделаешь, — ответил Слиггерт. — Это же прототип, опытный образец. Чтобы уменьшить вес, я испробовал все мыслимые транзисторы, легкие сплавы, печатные схемы, лазерные силовые узлы и все такое. К сожалению, первые модели всех изобретений обычно громоздки.

— Во всяком случае, можно было придать ему более обтекаемую форму, — возразил Бентли, заглядывая через плечо.

— Обтекаемость приходит гораздо позднее. Сначала концентрация идеи, затем компактность, далее расширение функций и, наконец, красота. Так всегда было, и так будет. Возьмите пишущую машинку. Сейчас это просто клавиатура, почти плоская, как портфель. Однако бабушка нынешней пишущей машинки работала с ножными педалями, а поднять ее было не под силу и двоим. Возьмите прибор для глухих — ведь раз от раза он сбрасывал целые фунты! Возьмите лингвасцен, который вначале представлял собой сложнейшее электронное устройство весом в несколько тонн.

— О'кей, — перебил Бентли. — Если лучше не умеете, сойдет и так. А как его снимают?

Профессор Слиггерт улыбнулся.

Бентли закинул руки за спину. Пряжка что-то не отыскивалась. Он бестолково подергал наплечные лямки, но те никак не отстегивались. Выползти из «Протекта» тоже не удавалось. Бентли

оказался все равно что в новой, дьявольски тугой смирительной рубашке.

— Ну же, профессор, как от него избавиться?

— Этого я вам не скажу.

— То есть как?

— «Протект» неудобен, не правда ли? — лукаво спросил Слиггерт. — Вы бы гораздо охотнее летели без него?

— Вы правы, черт побери.

— Ну, ясно. Знаете, в войну солдаты нередко бросали на поле боя ценное снаряжение, оттого что оно было громоздким или неудобным. Мы не можем рисковать вами. Вы отправляетесь на чужую планету, мистер Бентли. Вы подвергнетесь совершенно неведомым опасностям. Необходимо, чтобы вы были защищены все время.

— Я знаю, — ответил Бентли, — но у меня хватит здравого смысла самому решить, когда надевать эту штуку.

— Хватит ли? Мы выбрали вас, потому что вы находчивый, жизнеспособный, сильный и, разумеется, в какой-то степени сообразительный человек. Однако...

— Благодарю!

— Однако все эти качества отнюдь не предрасполагают вас к осторожности. Что, если туземцы покажутся вам дружелюбными и вы решите снять тяжелый, неудобный «Протект»? А вдруг вы неправильно оцените обстановку? Такое легко может произойти на Земле; подумайте, насколько вероятнее, что это случится на незнакомой планете.

— Я сам могу о себе позаботиться, — упорствовал Бентли.

Слиггерт угрюмо кивнул.

— То же самое утверждал Этвуд, отправляясь на Дюрабеллу II. С тех пор о нем ни слуху ни духу. Нет никаких известий и от Блейка, и от Смита, и от Коршелла. Можете вы отразить удар ножа в спину? Есть у вас глаза на затылке? Нет, мистер Бентли, у вас их нет, зато у «Протекта» есть!

— Послушайте, — сказал Бентли, — хотите верьте, хотите нет, но я уже взрослый человек, наделенный чувством ответственности. Находясь на поверхности чужой планеты, я буду носить «Протект» непрерывно. А теперь покажите, как он снимается.

— Вы, кажется, чего-то не поняли, Бентли. Если бы речь шла только о вашей жизни, вам бы разрешили идти на тот риск, какой вы сами считаете допустимым. Но мы ведь рискуем и звездолетом, и оборудованием, а все это обошлось в несколько миллиардов долларов. Более того, ваш полет задуман как испытание «Протекта» в пространстве. Единственный способ убедиться в результатах — заставить вас носить «Протект» не снимая. А добиться этого можно только таким путем: не сообщать вам, как он снимается. Мы должны получить результаты. Вы останетесь живы помимо своей воли.

Поразмыслив, Бентли ворчливо согласился:

— Наверное, окажись туземцы достаточно дружелюбными, я бы не устоял перед искушением и снял «Протект».

— Вас избавят от такого искушения. Принцип работы вам понятен?

— Еще бы! — сказал Бентли. — А «Протект» действительно проделает все, что вы наобещали?

— Лабораторные испытания он прошел идеально.

— Мне очень не хочется, чтобы там закапризничала какая-нибудь мелочишка. Вдруг предохранитель выскочит или проводка оборвется...

— Вот одна из причин его громоздкости, — терпеливо разъяснил Слиггерт. — Тройное дублирование. Механические неисправности полностью исключаются.

— А источник энергии?

— При работе с предельной нагрузкой его хватит на сто лет и более. «Протект» совершенен, Бентли! Я не сомневаюсь, что после этого полевого испытания он превратится в стандартное снаряжение всех межзвездных путешественников. — Тут профессор Слиггерт позволил себе чуть улыбнуться горделивой улыбкой.

— Ладно, — сказал Бентли, расправляя плечи в широких пластиковых лямках. — Уж как-нибудь привыкну к нему.

Однако он так и не привык. Человек не способен привыкнуть к тому, что ему на спину взвалили жернов весом в семьдесят три фунта.

Телиане никак не могли постигнуть пришельца. Они спорили между собой несколько минут, и все это время Бентли сохранял на лице вымученную улыбку. Наконец один из телиан выступил вперед. Он был гораздо выше остальных и носил особый головной убор из стекла, кости и кусочков ярко раскрашенного дерева.

— Братья, — сказал телианин, — здесь присутствует нечистая сила, которую я, Ринек, чую.

Вперед выступил другой телианин в таком же головном уборе.

— Заклинателю духов не пристало говорить о таких вещах.

— Ты прав, — согласился Ринек. — Не подобает громко говорить о нечистой силе в ее присутствии, ибо от этого она крепнет. Однако же на то и существуют заклинатели, чтобы вовремя заметить злых духов и истребить их. Наш долг — невзирая на опасности, продолжать нелегкий труд.

Тогда от толпы отделились еще несколько человек в особых головных уборах — тоже, очевидно, заклинатели духов. Бентли понял, что это телианские жрецы или шаманы. Скорее всего помимо духовной в их руках сосредоточена и значительная политическая власть.

— Не думаю, чтобы это была нечистая сила, — заявил молодой и веселый с виду заклинатель, которого звали Гуаскль.

— А кто же еще? С одного взгляда видно.

— Наружность ничего не доказывает, это известно еще с той поры, как добрый дух Агут М'Канди явился в облике...

— Не надо поучений, Гуаскль. Притчи Лалланда известны всем. Следует решить, можем ли мы рисковать.

Гуаскль повернулся к Бентли и серьезно спросил:

— Ты злой дух?

— Нет, — ответил Бентли. Сначала он был озадачен чрезмерным интересом, проявленным телианами к его духовной сущности. Даже не спрашивают, откуда, как и почему он явился. Но, собственно говоря, это не так уж необъяснимо. Если бы в эпоху господства религиозного фанатизма на Землю явился пришелец из другого мира, его, вероятно, прежде всего спросили бы: «Чье ты порождение — Господа или дьявола?»

— Он утверждает, что он не злой дух, — сказал Гуаскль.

— Откуда он знает?

— Если не знает он, то кто же знает?

— Однажды великий дух Г-таль даровал некоему мудрецу три кдаля и молвил...

И так далее. Под тяжестью всей амуниции ноги Бентли подгибались. Лингвасцен уже не поспевал за пронзительными выкриками в бурном богословском диспуте. Было ясно, что судьба Бентли зависит от двух-трех спорных положений, ни одно из которых заклинатели не желали обсуждать, так как разговор о злых духах опасен сам по себе.

Дело еще более запуталось из-за того, что концепция о проникающей способности злого духа вызвала раскол. В одном лагере оказались молодые заклинатели духов, в другом — старейшие. Каждая фракция обвиняла другую в отъявленной ереси, но Бентли не мог постичь, кто же во что верует и какое именно толкование ему выгодно.

Над травянистой равниной садилось солнце, а страсти все еще не улеглись. Но вот неожиданно и внезапно заклинатели духов пришли к соглашению, хотя Бентли не понял, почему именно и на какой основе.

Вперед вышел Гуаскль как представитель младших заклинателей.

— Пришелец, — провозгласил он, — мы решили не убивать тебя.

Бентли сдержал улыбку. Как это похоже на примитивный народ — даровать жизнь неуязвимому существу!

— По крайней мере на первых порах, — торопливо поправился Гуаскль, перехватив хмурый взгляд Ринека и других заклинателей постарше. — Все будет зависеть только от тебя. Сейчас мы

пойдем в селение, совершим там обряд очищения и устроим пиршество. Затем мы посвятим тебя в сословие заклинателей. Никакое исчадие зла не может стать заклинателем духов — это строжайше запрещено. Таким образом мы сразу познаем твою истинную сущность.

— Премного благодарен, — напыщенно ответил Бентли.

— Но если ты злой дух, то мы должны тебя истребить. А что дóлжно, то и возможно!

Присутствующие одобрили эту речь приветственными криками и тотчас же отправились в селение, до которого было не больше мили. Теперь, когда Бентли получил гражданство, пусть даже с испытательным сроком, туземцы проявляли предельное дружелюбие. По пути они добродушно болтали с ним об урожаях, засухах и голодных годах.

Шатаясь под тяжестью снаряжения, Бентли устало плелся вместе с туземцами, но душа его ликовала. Вот уж поистине удача! В качестве посвященного он будет располагать неповторимыми возможностями. Он соберет антропологические сведения, завяжет торговлю, расчистит путь для будущего прогресса Тельса IV.

От него требуется немногое: пройти испытания при посвящении, только и всего. Ну и, конечно, не дать себя убить, вспомнил он, усмехаясь.

Потеха, до чего же эти заклинатели духов уверены, что способны умертвить его.

Селение состояло из двух десятков хижин, образующих собою круг. Хижины были сделаны из глины и покрыты соломенными крышами; при каждой имелся огородик, а при некоторых — загончики для скота, животных вроде коров и свиней. Между хижинами сновали какие-то звери с зеленым мехом; телиане обращались с ними ласково, как со щенятами. Поросший травой центр круга служил площадью. Здесь находился общий колодец, здесь же помещались алтари, где поклонялись различным богам и дьяволам. Площадь была освещена гигантским костром, и туземные женщины приготовились к празднеству.

Сгибаясь под тяжестью незаменимого «Протекта», Бентли прибыл на пир в полном изнеможении. Он блаженно опустился на землю вместе с селянами, и праздник начался.

Сначала туземные женщины исполнили для гостя приветственный танец. Это было красивое зрелище: при свете костра поблескивала оранжевая кожа, мягко, в унисон, изгибались хвосты. Потом к Бентли приблизился сельский старейшина Окцип, держа в руках полную до краев чашу.

— Пришелец, — сказал Окцип, — ты явился с дальней Земли, твои обычаи — не наши обычаи. И все же давай побратаемся! Отведай этого питья, дабы скрепить узы братства и во имя всего, что священно.

И с низким поклоном он поднес чашу Бентли.

То была ответственная минута, один из тех поворотных моментов, которые способны навеки упрочить дружбу между двумя расами или превратить их в смертельных врагов. Но Бентли не мог им воспользоваться. Как можно тактичнее он отклонил символическое питье.

— Но ведь оно очищено! — воскликнул Окцип.

Бентли объяснил, что табу его племени не разрешает употреблять никаких напитков, кроме своих. Окцип не понимал, что у разных людей разные диетические потребности. Например, указал Бентли, возможно, что на Тельсе IV в состав веществ, необходимых для жизни, входит стрихнин. Он не добавил, что, даже если бы он и захотел испытать судьбу, «Протект» никогда этого не допустит. Тем не менее туземцев встревожил отказ гостя. Заклинатели духов поспешно посовещались. К Бентли подошел Ринек и уселся с ним рядом.

— Скажи, — осведомился Ринек, помолчав, — что ты думаешь о нечистой силе?

— Нечистая сила — это нехорошо, — торжественно ответил Бентли.

— Ага! — Заклинатель духов обдумывал это заявление, нервно постукивая хвостом по траве. Зверек с зеленым мехом (оказалось, что он называется мобака) вздумал поиграть этим хвостом. Ринек отшвырнул зверька прочь и повторил: — Значит, ты не любишь нечистую силу?

— Нет.

— И не позволишь ей действовать вблизи себя?

— Ни в коем случае, — ответил Бентли, подавляя зевок. Он начал уставать от хитроумных вопросов заклинателя духов.

— В таком случае ты не откажешься принять заветное священное копье, которое Кран К-Ле вынес из обиталища Малых Богов. На того, кто им замахнется, снисходит благодать.

— С удовольствием приму это копье, — сказал Бентли, веки которого тяжелели. Он надеялся, что это будет последняя церемония за сегодняшний вечер.

Ринек одобрительно проворчал что-то и отошел. Пляски женщин закончились. Заклинатели духов затянули монотонную песнь глубокими, волнующими голосами. Пламя костра взлетело ввысь.

Вперед вышел Гуаскль. Теперь лицо его было разрисовано тонкими черными и белыми полосками. Он нес древнее копье из чертова дерева с наконечником из обработанного вулканического стекла. По всей длине копье было покрыто причудливой, хотя и примитивной резьбой.

Держа копье на весу, Гуаскль произнес:

— О пришелец с небес, прими от нас священное копье! Кран

К-Ле даровал его нашему праотцу Трину, наделил копье магической силой и повелел, чтобы оно явилось сосудом духов добра. Нечистая сила не выносит присутствия этого копья! Возьми же его вместе с нашими благословениями.

Бентли тяжело поднялся на ноги. Он понимал, какое значение имеет подобный ритуал. Принятие копья раз и навсегда положит конец сомнениям относительно его спиритуального статуса. Он благоговейно склонил голову.

Гуаскль подошел к нему, протянул копье и...

С щелканьем сработал «Протект». Как и многие великие изобретения, он работал просто. Когда расчетный узел принимал сигнал опасности или намека на опасность, «Протект» создавал вокруг оператора защитное силовое поле. Это поле делало оператора неуязвимым, потому что было совершенно и абсолютно непроницаемо. Однако не обошлось без кое-каких неудобств.

Если бы у Бентли было слабое сердце, «Протект» мог бы убить его, потому что его действия, порожденные электронными импульсами, отличались внезапностью, необыкновенной мощностью и сокрушительностью. Одно мгновение Бентли стоял у большого костра, протянув руку к священному копью. В следующее мгновение он погрузился во тьму.

Как обычно, он почувствовал себя так, словно катапультировал в затхлый, темный чулан, резиновые стены которого сжимают его со всех сторон. Он проклял сверхэффективность устройства. Копье не таило угрозы, оно составляло часть важного обряда. Однако «Протект», воспринимающий все буквально, истолковал его как потенциальную опасность.

И вот теперь в темноте Бентли стал ощупью искать кнопку, отключающую поле. Как обычно, под влиянием силового поля нарушилась координация движений — с каждым новым применением «Протекта» неуверенность в движениях возрастала. Он осторожно ощупал свою грудь там, где должна была находиться кнопка, но та соскользнула с места и отыскалась лишь под мышкой справа. Наконец он отключил поле.

Празднество было прервано. Туземцы сбились тесной толпой и стояли, напружинив хвосты, с оружием наперевес, готовые защищаться. Гуаскль, оказавшийся в сфере действия поля, был отброшен на двадцать футов и теперь медленно подымался с земли. Заклинатели уныло затянули очистительную песнь для защиты от злых духов. При всем желании Бентли не мог их осудить.

Когда защитное поле «Протекта» вводится в действие, оно принимает вид непрозрачного черного шара диаметром около трех метров. Если по нему ударить, он отбросит обидчика с силой, равной силе удара. На поверхности этого шара непрерывно появляются, кружатся, переплетаются и исчезают белые линии. А при вращении раздается резкий пронзительный вопль.

В общем и целом зрелище едва ли было рассчитано на то, чтобы завоевать доверие примитивных и суеверных существ.

— Извините, — произнес Бентли со слабой улыбкой. Навряд ли к этому можно было добавить что-нибудь еще.

Гуаскль подошел, прихрамывая, но остановился в отдалении.

— Ты не можешь принять священное копье, — констатировал он.

— Ну, не совсем так, — возразил Бентли. — Просто... словом, у меня есть охранное устройство, что-то вроде щита, понимаешь? Оно не любит копий. Не мог бы ты предложить мне, например, священную тыкву?

— Не будь смешон, — ответил Гуаскль. — Слыханное ли дело — священная тыква?

— Пожалуй, ты прав. Но, прошу тебя, поверь мне на слово — я не злой дух. Право же, нет. Просто копья для меня табу.

Заклинатели духов затараторили настолько быстро, что лингвасцен не успевал переводить. Он улавливал лишь отдельные слова — «злой дух», «уничтожить», «очищение». Бентли решил, что прогноз, кажется, не слишком благоприятен.

После совещания Гуаскль подошел к нему и сообщил:

— Некоторые полагают, что тебя следует убить немедля, пока ты не навлек на селение великих бедствий. Однако я сказал им, что нельзя винить тебя во множестве твоих табу. Мы будем молиться за тебя всю ночь. Быть может, наутро посвящение окажется возможным.

Бентли поблагодарил. Туземцы проводили его до хижины, а затем распрощались с необыкновенной поспешностью. В селении воцарилась зловещая тишина; со своего порога Бентли видел, как туземцы собирались кучками и серьезно беседовали, украдкой поглядывая в его сторону.

Скверное начало для сотрудничества двух рас. Бентли без промедления связался с профессором Слиггертом и рассказал о случившемся.

— Не повезло, — заметил профессор. — Но первобытные люди славятся склонностью к предательству. Вполне возможно, что копье предназначалось не для вручения, а послужило бы орудием убийства. Вы бы приняли копье в самом буквальном смысле слова.

— Я абсолютно уверен, что такого намерения не было, — настаивал Бентли. — В конце концов, надо же когда-нибудь верить людям.

— Не тогда, когда вы отвечаете за оборудование стоимостью в миллиарды долларов.

— Но ведь я же ничего не могу предпринять! — закричал Бентли. — Неужто вы не понимаете? Они уже относятся ко мне с подозрением. Я оказался не в состоянии принять священное копье.

Это означает, что я скорее всего злой дух. Что же будет, если завтра я не пройду обряда посвящения? Допустим, какому-нибудь болвану вздумается поковырять в зубах ножом и «Протект» меня «спасет». Пропадает все благоприятное впечатление, созданное мною поначалу.

— Добрую волю можно восстановить, — сентенциозно изрек профессор Слиггерт. — А вот оборудование на миллиарды долларов...

— Может спасти следующая экспедиция. Послушайте, профессор, пойдите мне навстречу. Неужто нет никакой возможности управлять этой штукой вручную?

— Совершенно никакой, — ответил Слиггерт. — Иначе сошло бы на нет само назначение устройства. Можно с тем же успехом и не надевать его, если вы собираетесь полагаться на собственные рефлексы, а не на электронные импульсы.

— Тогда объясните, как оно снимается.

— Остается в силе тот же довод — вы можете оказаться незащищенным.

— Но послушайте, — запротестовал Бентли, — меня же выбрали как опытного исследователя. Мне ведь на месте виднее. Я ознакомился с местными условиями. Расскажите, как снять «Протект».

— Нет! «Протект» должен пройти весь комплекс полевых испытаний. К тому же мы хотим, чтобы вы вернулись целым и невредимым.

— Это другое дело, — сказал Бентли. — Кстати, эти люди вроде бы не сомневаются, что могут убить меня.

— Примитивные племена всегда переоценивают могущество своей силы, своего оружия и своей магии.

— Знаю, знаю. Но вполне ли вы уверены, что они не могут проникнуть сквозь поле? Как насчет яда?

— Ничто не может проникнуть сквозь поле, — терпеливо ответил Слиггерт, — даже солнечные лучи. Даже гамма-лучи. Вы носите на себе неприступную крепость, мистер Бентли. Неужели так трудно питать ко мне хоть каплю доверия?

— В первых моделях многое сплошь и рядом требует доводки, — проворчал Бентли. — Но пусть будет по-вашему. А может, все-таки скажете, как он снимается, просто на всякий случай, если что-нибудь пойдет не так?

— Желательно, чтобы вы перестали спрашивать об этом, мистер Бентли. Вас выбрали для полного проведения полевых испытаний. Именно это вам и предстоит.

Когда Бентли кончил передачу, стояли глубокие сумерки, и селяне уже разошлись по своим хижинам. Костры догорали, слышались голоса ночных животных.

В этот миг Бентли почувствовал безысходное одиночество и щемящую тоску по родине.

Он устал чуть ли не до потери сознания, но все же заставил себя поесть каких-то концентратов и выпить немного воды. Затем отстегнул сумку с инструментами, радио и флягу, безнадежно подергал «Протект» и улегся спать.

Едва он задремал, как «Протект» пришел в действие со страшной силой, чуть не вывихнув ему шейный позвонок.

Он принялся устало шарить в поисках кнопки, обнаружил ее примерно над желудком и отключил поле.

Хижина была такой же, как обычно. Он не увидел никакого источника опасности.

Теряет ли «Протект» чувство реальности, удивился он, или же какой-нибудь телианин пытался пронзить его копьем через окошко?

Тут Бентли заметил, что крохотный детеныш мобаки улепетывает со всех ног, вздымая клубы пыли.

Звереныш, наверное, хотел согреться, подумал Бентли. Но, разумеется, это чужеродное тело. Недремлющий «Протект» не мог проглядеть такую опасность.

Бентли заснул опять, и ему сразу же приснилось, будто он заперт в тюремной камере из ярко-красной губчатой резины. Он пытался отодвинуть стены все дальше, дальше, дальше, — но те не сдавались, а когда он, обессиленный, наконец оставлял попытки, стены мягко возвращали его в центр камеры. Это повторялось снова и снова, пока наконец он не почувствовал толчок в спину и не проснулся в черном защитном поле.

На этот раз найти кнопку было по-настоящему трудно. Он отчаянно искал ее на ощупь, пока не начал задыхаться от спертого воздуха. Его охватил ужас. Наконец он обнаружил кнопку у подбородка, отключил поле и, нетвердо держась на ногах, занялся поисками источника очередного нападения.

Поиски увенчались успехом. От крыши оторвалась соломинка, которая попыталась упасть на него. Ясное дело, «Протект» этого не стерпел.

— А ну тебя! — простонал Бентли вслух. — Хоть разок прояви благоразумие!

Однако он настолько устал, что ему, в сущности, все было безразлично. К счастью, в эту ночь атаки больше не повторялись.

Утром в хижину Бентли зашел Гуаскль. Вид у него был крайне торжественный и в то же время смущенный.

— Ночью в твоей хижине раздавался великий шум, — сказал заклинатель духов. — Отчаянные вопли, словно ты сражался с дьяволом.

— Просто я всегда сплю беспокойно, — объяснил Бентли.

Гуаскль улыбнулся в знак того, что оценил шутку.

— Мой друг, молился ли ты ночью об очищении и об избавлении от злого духа?

— Это уж точно, молился.

— А была ли твоя молитва услышана?

— Была, — с надеждой ответил Бентли. — Вблизи меня не осталось нечистой силы. Ни капельки.

Сомнения Гуаскля не рассеялись.

— Но вправе ли ты утверждать это с уверенностью? Быть может, тебе лучше уйти от нас с миром? Если тебя невозможно посвятить, то придется тебя уничтожить...

— Об этом не беспокойся, — заявил Бентли. — Давай начнем.

— Очень хорошо, — сказал Гуаскль, и они вместе вышли из хижины.

Посвящение должно было состояться перед большим костром на деревенской площади. Еще ночью во все стороны были разосланы гонцы, так что на площади собрались заклинатели духов из множества селений. Некоторые прошли двадцать миль, чтобы принять участие в обрядах и воочию увидеть чужеземца. Торжественно гремел ритуальный барабан, извлеченный из тайного хранилища. Селяне глядели, болтали между собой, смеялись. Однако Бентли уловил глухую нервозность и напряженность толпы.

Танец сменялся танцем. Когда началась последняя фигура, Бентли нервно дернулся, потому что ведущий стал размахивать дубиной над головой. В вихре пляски танцор надвигался на него — все ближе и ближе... Вот он уже в нескольких футах, а усыпанная стекляшками дубина кажется ослепительной вспышкой.

Селяне смотрели не отрываясь, как зачарованные. Бентли закрыл глаза, ожидая мгновенного погружения во тьму силового поля.

Однако танцор наконец отступил, и пляска кончилась под одобрительный рев селян.

Слово взял Гуаскль. С трепетом облегчения Бентли понял, что обряд посвящения закончился.

— О братья, — сказал Гуаскль, — чужеземец преодолел великую пустоту, чтобы стать нашим братом. Многое в нем странно, и его окружает нечто похожее на зло. И все же добрая воля его очевидна. Никто не сомневается, что по сути своей он честен и благороден. Сим посвящением мы очищаем его от злого духа и принимаем в свою среду.

Среди гробовой тишины Гуаскль подошел к Бентли.

— Отныне, — сказал Гуаскль, — ты заклинатель духов и воистину один из нас. — Он протянул руку.

Бентли почувствовал, что сердце его бешено заколотилось. Он победил! Его приняли! Он крепко стиснул протянутую руку Гуаскля.

Во всяком случае, хотел стиснуть. Это не вполне удалось, так как неизменно бдительный «Протект» спас его от соприкосновения, возможно, таящего угрозу.

— Проклятый идиот! — взревел Бентли, быстро найдя кнопку и отключив поле.

Он сразу же понял, что быть беде.

— Нечистая сила! — пронзительно закричали телиане, неистово замахав оружием.

— Нечистая сила! — возопили заклинатели духов.

Бентли в отчаянии обернулся к Гуасклю.

— Да, — печально промолвил молодой заклинатель, — все верно. Мы лелеяли надежду, что древний обряд изгонит злого духа. Но это невозможно. Злого духа надлежит уничтожить! Убьем дьявола!

На Бентли обрушился град копий. Однако «Протект» мгновенно отреагировал. Вскоре стало ясно, что дело зашло в тупик. По нескольку минут Бентли оставался в защитном поле, затем отключал его. Телиане, видя, что он невредим, возобновляли «огонь», защита мгновенно срабатывала снова.

Бентли хотел отойти к звездолету. Однако «Протект» то и дело включался. При такой скорости передвижения понадобился бы месяц, а то и два, чтобы пройти милю, так что не стоило и пытаться. Он просто переждет. Через некоторое время нападающие поймут, что не в силах причинить ему вред, и две расы наконец найдут общий язык.

Он старался расслабить мускулы внутри поля, но затея эта оказалась немыслимой. Он был голоден и очень хотел пить. И воздух внутри защитного поля постепенно становился все более спертым.

Тут Бентли с содроганием вспомнил, что ночью воздух не проникал сквозь окружающее его поле. Естественно, ведь оно непроницаемо. Если не принять мер, недолго и задохнуться.

Бентли знал, что самая неприступная крепость может пасть, если ее защитники голодают или задыхаются.

Он лихорадочно принялся размышлять. Долго ли телиане будут вести наступление? Ведь рано или поздно они устанут.

А если нет?

Он терпел сколько мог, пока воздух не стал совершенно непригоден для дыхания, а затем отключил поле. Телиане расселись на земле вокруг чужака. Горели костры, на которых они готовили пищу. Ринек лениво метнул в него копье, и поле в который раз включилось.

«Ага, — подумал Бентли, — сообразили. Собираются уморить меня голодом».

Он попытался сосредоточиться в темноте, но стены чулана словно сдавливали его. У него началась клаустрофобия: ведь воздух, которым он дышал, опять становился спертым.

Немного подумав, он отключил поле. Телиане глядели на него холодно. Один из них взялся за копье.

— Погодите! — закричал Бентли. Одновременно он включил рацию.

— Чего тебе надобно? — спросил Ринек.

— Выслушайте меня! Это же несправедливо — заманить меня в «Протект», как в капкан!

— А? Что происходит? — раздался голос профессора Слиггерта у него в ухе.

— Вы, телиане, знаете, — хрипло продолжал Бентли, — вы знаете, что меня можно уничтожить, непрерывно приводя «Протект» в действие. Я не могу его отключить! Я не могу из него выбраться!

— А-а! — сказал профессор Слиггерт. — Я понимаю, в чем затруднение. Да-да.

— Нам очень неприятно, — извинился Гуаскль, — но злого духа надлежит уничтожить.

— Конечно, — безнадежно сказал Бентли, — но не меня же. Помогите мне, профессор!

— Это действительно упущение, — бормотал профессор Слиггерт в задумчивости, — и очень серьезное. Как ни странно, подобные случаи нельзя предусмотреть, сидя в лаборатории. Они обнаруживаются лишь при проведении всей программы полевых испытаний. В последующих моделях этот недостаток будет устранен.

— Великолепно! Но я-то уже здесь! Как мне снять эту штуку?

— Простите меня, — сказал Слиггерт. — Поверьте, я никак не ожидал, что может возникнуть такая необходимость. По правде говоря, я сконструировал эти доспехи так, чтобы вы ни при каких обстоятельствах из них не выбрались.

— Ах вы, паршивый...

— Прошу вас! — строго сказал Слиггерт. — Не будем терять голову. Если вы продержитесь несколько месяцев, нам, возможно, удастся...

— Не продержусь! Воздуха! Воды!

— Огня! — вскричал Ринек с искаженным лицом. — Скуем дьявола огнем!

И «Протект» с щелканьем включился. В кромешной тьме Бентли старался обдумать все как можно тщательнее. Из «Протекта» придется вылезать самому. Но как? В сумке с инструментами есть нож. Можно ли разрезать крепкие пластиковые лямки? Это необходимо!

Но что потом? Даже если он выйдет из своей крепости, все равно до корабля остается миля. Его, лишенного защиты, убьет первое же копье. Ведь туземцы торжественно поклялись убить его, ибо он был непреложно объявлен злым духом.

Надо бежать, это единственный шанс на спасение. К тому же лучше погибнуть от копья, чем медленно задыхаться в непроглядной тьме.

Бентли отключил поле. Телиане окружали его кострами, отрезая путь стеной пламени.

Он неистово рубанул по пластиковой паутине. Нож скользнул по лямке, а Бентли очутился в силовом поле.

Когда он снова вышел, огненный круг уже был замкнут. Телиане осторожно пододвигали костры поближе к врагу, уменьшая радиус этого круга.

У Бентли душа ушла в пятки. Как только костры достаточно приблизятся, «Протект» включится и останется включенным. Ему уже не удастся отключить поле нажатием кнопки — предпочтение будет отдано сигналу непрерывной опасности. Пока туземцы поддерживают огонь, Бентли будет заперт в силовом поле, как в мышеловке.

А если учесть, как относятся примитивные народы к дьяволам, вполне возможно, что они не поленятся жечь костры на протяжении ста, а то и двухсот лет.

Бентли бросил нож, хватанул пластиковую лямку кусачками и разрезал ее наполовину. Затем снова погрузился в защитное поле. У Бентли кружилась голова, он терял сознание от усталости и судорожно хватал ртом зловонный воздух. Сделав неимоверное усилие, он взял себя в руки. Сейчас не время сдаваться. Иначе конец.

Он отыскал кнопку, нажал ее. Теперь костры были уже совсем близко. В лицо полыхнуло жаром. Он злобно щелкнул кусачками по лямке и почувствовал, что она отлетела.

Он выскочил из «Протекта» в тот миг, когда поле опять включилось. Его швырнуло прямо в костер. Однако он выпрыгнул из пламени, не обгорев.

Селяне взревели. Бентли помчался прочь, бросая на бегу лингвасцен, сумку с инструментами, рацию, пищевые концентраты и флягу. Разок он оглянулся и увидел, что телиане бегут за ним по пятам.

Но Бентли твердо держал свой курс. Изнемогающее сердце, казалось, вот-вот разобьет грудную клетку, а легкие сплющатся в комок и больше не вдохнут воздух. Но корабль был совсем уже близко, дружелюбной громадой возвышался на плоской равнине.

Он непременно успеет. Еще каких-нибудь двадцать метров...

Впереди мелькнуло что-то зеленое. То был маленький детеныш мобаки в шубке зеленого меха. Неуклюжий зверек пытался убраться с пути беглеца.

Бентли свернул в сторону, чтобы не раздавить его, и с запоздалым сожалением понял, что никогда не следует нарушать ритм бега. Под ноги ему подвернулся какой-то камень, и он упал.

Позади слышался топот приближающихся телиан, и Бентли с трудом приподнялся на одно колено.

Тут кто-то запустил в него дубинкой и угодил прямехонько в лоб.

— Ар гуай дрил? — издалека спрашивал чей-то голос на непонятном языке. Бентли приоткрыл глаз и увидел, что над ним склонился Гуаскль. Он был опять в селении, в хижине. На пороге, наблюдая за ним, стояли несколько вооруженных заклинателей духов.

— Ар дрил? — повторил свой вопрос Гуаскль.

Бентли повернулся на бок и увидел рядом с собой аккуратно разложенные инструменты, флягу, концентраты, рацию и лингвасцен. Он жадно приник к фляге, потом включил лингвасцен.

— Я спросил, хорошо ли ты себя чувствуешь, — сказал Гуаскль.

— Конечно, превосходно, — буркнул Бентли, ощупывая голову. — Давай закругляться.

— Закругляться?

— Ты ведь хотел меня убить, не правда ли? Так не будем превращать это дело в балаган.

— Но мы вовсе не собирались уничтожить тебя, — сказал Гуаскль. — Мы с самого начала знали, что ты хороший и добрый человек. Нам нужен был дьявол.

— Как? — переспросил Бентли. Он ничего не понимал.

— Пойдем, увидишь.

Заклинатели духов помогли Бентли встать и вывели его на улицу. Там, окруженный морем огня, мерцал большой черный шар «Протекта».

— Ты этого, понятно, не знал, — сказал Гуаскль, — но на твоей спине сидел дьявол.

— Ух ты! — выдохнул Бентли.

— Да, это так. Мы старались выдворить его путем очищения, но он был слишком силен. Нам пришлось вынудить тебя, брат, стать лицом к лицу с этой нечистой силой и отбросить ее. Мы знали, что ты выдержишь это испытание. И ты его выдержал.

— Понятно, — сказал Бентли. — Дьявол на спине. Да, наверное.

Таким и должен был им показаться «Протект». Тяжелый бесформенный груз на плечах, изрыгающий черный шар всякий раз, как его пытаются очистить от скверны. Что же оставалось делать религиозным людям, как не постараться вырвать Бентли из когтей дьявола?

Бентли заметил, что несколько женщин из селения принесли корзинки с едой и бросили их в огонь перед шаром. Он вопросительно посмотрел на Гуаскля.

— Мы хотим его умилостивить, — разъяснил Гуаскль, — ибо это необычайно могущественный дьявол, несомненно умеющий творить чудеса. Наше селение гордится тем, что такой дьявол попал к нам в рабство.

Вперед выступил заклинатель духов из соседнего селения.

— Есть ли у тебя на родине еще дьяволы? Не мог бы ты привезти такого и нам, чтобы мы ему поклонялись?

За ним нетерпеливо вышли вперед и другие заклинатели. Бентли кивнул головой.

— Пожалуй, это можно устроить, — сказал он.

Он понял, что тут-то и завязалась торговля Земли с Тельсом. И еще понял, что наконец-то найдено подходящее применение для Универсальной Защиты профессора Слиггерта.

КРАСНЫЙ ИМПЕРАТОР

Только сейчас, когда собраны все факты, мы можем поведать подлинную историю недавнего эксперимента с искусственным разумом. Этот потрясающий опыт был поставлен двумя учеными государственного университета штата Орегон.

Надо отметить, что государственный университет штата Орегон сомнительный эксперимент не финансировал. И деньги налогоплательщиков, как ошибочно сообщили некоторые издания, на него не расходовались. Все затраты взял на себя Этан Ванес.

Орегон — это место, где пересекаются компьютерные технологии, большие деньги и человеческий интеллект. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Этан Ванес, владелец корпорации «Майкросиноптик», победоносной баскетбольной команды «Бигфут» и вообще умный и одаренный человек, решил профинансировать любопытный проект, способный расширить границы современной науки, а может быть, и принести прибыль удачливому инвестору. Выбор Ванеса пал на двух известных в университете ученых: Джона Гудерсона и Алека Акса. Ознакомившись с их трудами по компьютерной стимуляции сознания и теории взаимоотношений между мозгом и сознанием, Ванес понял, что не ошибся.

Пригласив молодых людей на собеседование, он был, как обычно, прямолинеен.

— Сегодня, ребята, я настроен филантропически. Что, по-вашему, можно сделать полезного с пятьюдесятью миллионами долларов?

Гудерсон опешил, а более сообразительный Акс произнес:

— Пятьдесят миллионов, мистер Ванес, для научного исследования не деньги. Вот если бы у нас было сто миллионов, мы бы смогли внести существенный вклад в теорию сознания.

— Это действительно важное направление? — спросил Ванес.

— Чрезвычайно, — ответил Алекс.

— Результаты могут лечь в основу промышленного производства будущего, — добавил пришедший в себя Гудерсон.

— Почему вы так думаете? — спросил Ванес.

— Если мы познаем физическую базу сознания, — пояснил

Гудерсон, — сопутствующие коммерческие разработки принесут неисчислимые выгоды. Представьте, что ваш автомобиль обладает разумом. Он сможет предупредить вас о поломке задолго до того, как случится авария.

— Это полезно, — кивнул Ванес.

— Представьте, что у вас разумная шашлычница, — подхватил тему Акс. — Она просигналит, когда мясо начнет подгорать.

— Здóрово! — воскликнул Ванес, слывший большим любителем шашлыков.

— Разумный молочный бидон успеет подать сигнал, прежде чем молоко прокиснет.

— Это лишь первые пришедшие в голову примеры, — продолжал Акс.

— Возможно, удастся создать имеющие сознание компьютеры, — сказал Гудерсон.

— Или обладающих разумом баскетболистов, — добавил Акс со смешком, чтобы никто не подумал, будто он говорит всерьез.

— Применений может быть очень много, — сказал Гудерсон. — Самое главное, может быть, нам удастся решить проблему, которая не дает покоя всем исследователям: размножается ли искусственный интеллект?

— Даже Фрейд не знал ответа на этот вопрос, — заметил Акс.

— И Платон не знал, — вставил знаток классики Гудерсон.

— Меня устраивает, — кивнул Ванес. — Расскажите, как вы намерены работать.

Ответ Гудерсон заготовил заранее.

— Мы построим модель человеческого мозга с силиконовыми микросхемами вместо нейронов. И попробуем заставить эту модель думать.

— Если нам это удастся, — сказал Акс, — значит, сознание имеет под собой физическую основу.

— А если нет, — добавил Гудерсон, — теория бога из машины получит серьезный удар. Представьте, как возрадуется церковь!

— Вы выигрываете в любом случае, — заключил Акс. — За такие разработки можно получить Нобелевскую премию, не напрягаясь.

Ванес обнял молодых людей за плечи. Этот жест хорошо знали все любители баскетбола.

— Вы меня убедили, ребята. Я согласен.

Дождавшись, когда Ванес ушел, Гудерсон спросил:

— Ты в самом деле считаешь, что за паршивые сто миллионов можно построить модель человеческого мозга? По-моему, ты втянул нас в рискованное дело.

— Не волнуйся, — ответил Акс. — Позавчера я видел Накомуру. Он уже собрал такую модель в своем подвале. Уверен, что за миллион он нам ее отдаст. Оставшегося хватит на два особняка в солнечной Ривьере.

В разговоре с Накомурой друзья не стали упоминать о сумме, которую пообещал им Ванес. Накомура это не касалось. Ему они сказали, что если он когда-либо надумает продать свое изобретение, пусть имеет их в виду.

В ответ Накомура сдернул с прибора покрывало. Созданный им искусственный интеллект помещался в пластиковой коробке шириной в пять футов. Внутри она была напичкана силиконовыми чипами, которые Накомура покупал по дешевке на городской компьютерной свалке. Жена и дети Накомуры ночи напролет паяли по его чертежам бесчисленные проводки, и, как оказалось, старались не зря.

— Неплохо, — кивнул Гудерсон. — Только нейронов в мозге во много раз больше.

— Конечно, — согласился Накомура. — Я добился нужного эффекта благодаря однофазному подходу.

— Объясни.

— Человеческий мозг выполняет огромную работу. Он контролирует движения тела, высматривает опасность, реагирует на сексуальные позывы, следит за пищеварением, решает, за кого проголосовать, и так далее. Моей машине не надо делать ничего подобного. Я настроил ее на выполнение единственной функции — на сознательное восприятие красного цвета.

— И у тебя хватило микросхем? — спросил Гудерсон.

— Ничего удивительного. В современных фотоаппаратах стоит всего одна микросхема, которая различает цвета куда лучше, чем мы с вами. Так и в моей модели: одна микросхема идентифицирует красный цвет, все остальное обеспечивает сознательное восприятие красного цвета.

— И что, работает?

— Не знаю. У меня нет денег, чтобы закончить эксперимент. Надо еще пару тысяч долларов. Должна работать. Я исхожу из психофизического закона, согласно которому аналогичные абстрактные построения дают одинаковые формы сознательного восприятия независимо от состава построения.

— Звучит убедительно, — произнес Акс. — Мне всегда нравился этот закон. Давай заканчивай и привози свою коробку к нам. Настроишь, подготовишь к работе и получишь миллион чистыми. Ну, что скажешь?

— Вообще-то я рассчитывал на большее...

— Перестань! Мы даже не знаем, как твоя коробка устроена. Если она зависнет, мы останемся с самым большим в мире цветным телевизором!

— В среду вас устроит?

— Постарайся во вторник.

— Эй, минутку! — вмешался Гудерсон. — А как мы вообще поймем, что эта штука действует? Здесь не предусмотрен режим выхода.

Накомура на секунду задумался.

— Полагаю, прибор можно оснастить простейшим декодером с микрофоном. Такие устройства выдают в больницах немым пациентам. Нервные импульсы преобразовываются в звуковые сигналы. Если у машины есть разум, она сумеет говорить. Но только про красный цвет. Это ее единственное предназначение.

— Ладно, — махнул рукой Акс.

— Цена, правда, тоже вырастет, — тут же добавил Накомура. — На сто тысяч долларов.

— Ладно, — проворчал Гудерсон. — Пошли отсюда, пока этот тип не раздел нас до нитки.

Накомура выполнил свое обещание. Во вторник на огромном грузовике прибор был доставлен по указанному адресу. Его установили в подвале Гудерсона. Эксперимент оказался довольно простым, как, впрочем, все великие эксперименты. Искусственный мозг подключили к розетке, а светочувствительный элемент направили на большую красную панель, которую Акс заблаговременно смастерил в своей лаборатории. Подключив голосовой прибор, ученые сели ждать результатов.

Они надеялись, что искусственный мозг продемонстрирует сознательное восприятие цвета словами «красный», «какой красный» или аналогичной фразой.

Случилось, однако, непредвиденное.

Машина смотрела, сенсоры мигали; казалось, в сплетении тысяч микросхем зарождается мысль. Наконец прибор произнес:

— Ну, конечно, красный цвет — точь-в-точь как мантия Красного Императора, которая была на нем во время аудиенции в Главном Дворце Салгустикана.

Ученые изумленно переглянулись.

— О чем это он? — растерянно спросил Акс.

— Понятия не имею, — пробормотал Гудерсон. — По идее, у него не должно быть никакой памяти.

— Между тем он что-то помнит.

— Сомневаюсь. Скорее всего наша коробка начала фантазировать.

— Разве машина способна на такое?

— Черт, конечно, нет!

— Тогда что же здесь происходит?

Между тем прибор продолжал:

— В то утро Красный Император был особенно грациозен. Я помню, как он поднялся со своего ложа. На его крупном, слегка флегматичном лице светилась забота о моем благополучии.

— Не иначе, как Накомура воткнул сюда что-то лишнее.

— Бесплатно? Держи карман шире.

— ...Красный Император склонился ко мне. Глаза его были

полны сострадания. Между тем в облике властителя сквозило нечто тревожное. Невозможно до конца постичь мысли великих людей. Я насторожился, и он произнес...

— Просто бред какой-то! — воскликнул Акс. — Аппарат не пригоден к использованию.

— О чем ты говоришь? Мы обязаны его использовать!

— Ты хочешь, чтобы мы стали посмешищем для всех ученых? Чтобы нас обвинили в шарлатанстве?

Гудерсон на минуту задумался, потом кивнул.

— Согласен. Показывать эту штуку нельзя. Что ты предлагаешь?

— Предлагаю месяцев шесть повалять дурака, а потом объявить, что эксперимент не удался. Отрицательный результат — тоже результат, к тому же он — наиболее безопасен.

— И тогда Красный Император сказал...

— Заткнись! — рявкнул Акс и выдернул провод из динамика.

Искусственный мозг запнулся и продолжил:

— Странно, — сказал я тогда Императору, — мне кажется, что цвет вашей мантии стал бледнее...

Гудерсон выдернул второй провод. Машина замолчала. Ее погрузили на грузовик и отвезли в подвал государственного университета штата Орегон.

Больше об этом изобретении никто ничего не слышал. Споры о перспективах искусственного интеллекта не затихают. Иногда уборщицы жалуются, что по ночам в коридорах университета раздается зловещий шепот: «Вот что произошло между мной и Красным Императором. Очень симпатичный был человек — для императора. А еще помню...»

Не иначе как загадочная машина что-то пытается рассказать людям. Но никто не знает о чем. О разуме? Или о Красном Императоре? А может, совсем о другом?

Я И МОИ ШПИКИ

Никогда не представлял себе раньше, что на голову одного человека может свалиться столько забот и хлопот, сколько одолевает сейчас меня. Не так-то просто объяснить, как я попал в эту историю, так что лучше, пожалуй, рассказать все с самого начала.

С 1991 года по окончании профессионального училища я работал сборщиком сфинкс-клапанов на заводе фирмы «Космические корабли «Старлинг»». Местом своим я был доволен. Мне нравилось смотреть, как громадные космические корабли с ревом взмывают в небо и уходят к созвездию Лебедя, к альфе Центавра и другим мирам, о которых мы так часто слышим по радио

и читаем в газетах. Я был молод, имел друзей, передо мной открывалось блестящее будущее, я даже был знаком с двумя-тремя девушками. Но все это ни к чему не вело. На заводе мной были довольны, но я мог сделать гораздо больше, если бы не потайные кинокамеры, объективы которых были направлены на мои руки. Не подумайте, что я имел что-нибудь против самих кинокамер, — меня лишь раздражало и не давало сосредоточиться их жужжание.

Я ходил жаловаться в Ведомство внутренней безопасности. Я говорил им: «Послушайте, почему у всех установлены новые бесшумные кинокамеры, а у меня такое старье?» Но они ничего не захотели для меня сделать — они были слишком заняты.

Затем мое существование стали отравлять тысячи мелочей. Возьмите, к примеру, звукозаписывающий аппарат, вмонтированный в мой телевизор. Сотрудники ФБР никак не могли его отрегулировать, и он гудел всю ночь напролет. Я жаловался сотни раз. Я говорил им: «Послушайте, ни у кого этот аппарат так не гудит, а мой не дает мне ни минуты покоя!» В ответ мне прочитали набившую оскомину лекцию о необходимости добиться победы в «холодной войне» и о том, что они не могут на каждого угодить. Такие вещи заставляют чувствовать себя неполноценным. Я стал подозревать, что мое правительство нисколько во мне не заинтересовано.

Взять хотя бы моего шпика. Меня классифицировали как Подозреваемого группы 18, то есть относили к той же категории, что и вице-президента. Подозреваемые этой группы подлежат лишь частичному надзору. Но приставленный ко мне шпик считал себя, должно быть, кинозвездой — на нем всегда была пятнистая шинель и шляпа с опущенными полями, которую он к тому же надвигал на самые глаза. Это был худой и нервный тип. Из страха потерять меня он буквально наступал мне на пятки. Что ж, он делал все, что было в его силах, чтобы справиться со своей задачей, и не его вина, что это ему не удавалось. Мне было даже искренне жаль его — ведь в таком деле, как слежка, конкурентов хоть отбавляй. Но меня всегда стесняло его присутствие. Как только я появлялся вместе с ним — причем я чувствовал его дыхание на своем затылке, — мои друзья хохотали до слез.

— Билл, — шумели они, — это и есть единственное, на что ты способен?

Моя девушка говорила, что у нее мурашки по спине бегают от одного его присутствия. Я, естественно, отправился в Сенатскую комиссию по расследованию и заявил: «Послушайте, почему вы не можете приставить ко мне квалифицированного сыщика, чем я хуже моих друзей?»

Они ответили, что примут меры, но я понимал, что слишком ничтожен для них.

Все эти мелочи довели меня до крайности, а спросите моего

психолога, много ли нужно, чтобы свести человека с ума. Я устал от того, что меня постоянно игнорировали, от того, что мной пренебрегали.

Именно в это время я начал думать о глубоком космосе. Там, за пределами Земли, раскинулись миллиарды квадратных миль пустоты, испещренной бесчисленным множеством звезд. Там каждый мужчина, женщина или ребенок могли выбрать себе по планете вроде Земли. Там можно было подыскать местечко и мне. Я купил «Каталог светил Вселенной» и потрепанный «Галактический пилот», проштудировал от корки до корки учебник по гравитации и атлас межзвездного пилота. Наконец я понял, что напичкан знаниями до предела и больше ни крупицы в меня не влезет.

Все мои сбережения пошли на покупку старого космического корабля «Звездный клипер». Через швы этой развалины сочился жидкий кислород, атомный реактор отличался поразительной капризностью, но двигатели были в состоянии зашвырнуть вас практически в любую точку бесконечного космоса. Все это превращало мою затею в довольно опасное предприятие, но, в конце концов, я рисковал только собственной жизнью. По крайней мере так я думал в то время. Итак, я получил паспорт, синюю визу, красную визу, номерное удостоверение, пилюли от космической болезни и справку о дератификации. На работе я взял расчет и попрощался с кинокамерами. Дома я уложил вещи и распрощался с звукозаписывающими аппаратами. На улице пожал руку своему шпику и пожелал ему счастья.

Я сжег все мосты — пути к отступлению больше не было!

Мне оставалось получить лишь общую визу, и я поспешил в Бюро общих виз. Там я увидел клерка, загоревшего под искусственным горным солнцем, но с молочно-белыми руками. Он подозрительно оглядел меня.

— Куда же вы желаете отправиться?

— В космос! — ответил я.

— Это понятно. Но куда именно?

— Я еще не знаю, — сказал я. — Просто в космос. В глубокий космос! В свободный космос!

Клерк устало вздохнул:

— Если вы хотите получить общую визу, вам надо яснее выражать свои мысли. Вы собираетесь поселиться на планете в Американском космосе? А может быть, хотите эмигрировать в Британский космос? Или в Голландский? Или во Французский?

— Я не думал, что космос может быть чьим-то владением, — ответил я.

— Значит, вы отстали от жизни, — сказал он с улыбкой превосходства. — Соединенные Штаты заявили свои права на все космическое пространство между координатами 2ХА и 2В, за исключением небольшого и сравнительно малозначащего сегмен-

та, на который претендует Мексика. Советскому Союзу принадлежит пространство между координатами 3В и 02. Есть также районы, выделенные Китаю, Цейлону, Нигерии...

Я прервал его:

— А где же свободный космос?

— Такого нет.

— Совсем нет? А как далеко простираются в космосе границы?

— В бесконечность! — гордо ответил он.

На минуту я остолбенел. Я никогда не представлял себе, что вся бесконечная Вселенная может кому-то принадлежать. Но теперь это показалось мне вполне естественным. В конце концов, кто-то должен владеть пространством!

— Я хочу отправиться в Американский космос, — заявил я, не придав этому большого значения, хотя потом оказалось, что напрасно.

Клерк молча кивнул и стал проверять мою анкету с пятилетнего возраста — начинать с более юного возраста, по-видимому, не имело смысла. После этого он выдал мне общую визу.

Когда я прибыл на космодром, мой корабль был уже заправлен и подготовлен к старту. Мне удалось взлететь без приключений. Однако по-настоящему я осознал свое одиночество лишь тогда, когда Земля превратилась сначала в маленькую точку, а затем и вовсе исчезла за кормой.

С момента старта прошло пятьдесят часов. Я производил обычный осмотр своих запасов, как вдруг заметил, что один из мешков с овощами отличается по форме от других. Развязав его, я вместо ста фунтов картофеля обнаружил в нем... девушку.

Космический заяц! Я застыл с открытым ртом.

— Ну, — заговорила она, — может, вы поможете мне выбраться из мешка? Или вы предпочитаете завязать его снова и предать забвению этот инцидент?

Я помог ей вылезти. Девушка оказалась очень симпатичной, со стройной фигуркой, задумчивыми голубыми глазами и рыжеватыми волосами, напоминающими струю пламени от реактивного двигателя. Лицо ее, изрядно перепачканное, выдавало характер бойкий и самостоятельный. На Земле я был бы счастлив отмахать миль десять, чтобы встретиться с ней.

— Вы не могли бы дать мне чего-нибудь перекусить? — спросила она. — С самой Земли у меня крошки во рту не было, если не считать сырой моркови.

Я приготовил ей бутерброд. Пока она ела, я спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Вы все равно не поймете меня, — ответила она с набитым ртом.

— А я уверен, что пойму, — сказал я.

Она подошла к иллюминатору и стала смотреть на панораму звезд (в основном американских), сиявших в пустоте Американского космоса.

— Я стремилась к свободе, — сказала она наконец.

— То есть?

Она устало опустилась на мою койку.

— Может быть, вы назовете это романтикой, — голос ее звучал спокойно, — но я принадлежу к тем безумцам, которые темной ночью декламируют стихи и обливаются слезами перед какой-нибудь нелепой статуэткой. Я прихожу в волнение при виде желтых осенних листьев, а капли росы на зеленой лужайке кажутся мне слезами Земли. Мой психиатр говорил, что у меня комплекс неполноценности.

Она утомленно закрыла глаза — я вполне понимал ее. Просидеть пятьдесят часов в мешке из-под картофеля — это утомит кого угодно.

— Земля стала раздражать меня, — продолжала она. — Я больше не могла все это выносить: казенщину, дисциплину, лишения, «холодную войну», «горячую войну» — все на свете... Мне хотелось смеяться вместе с ветром, бегать по зеленым полям, бродить по тенистым лесам, петь...

— Но почему вы выбрали именно меня?

— Потому что вы хотели свободы, — ответила она. — Впрочем, если вы настаиваете, я могу вас покинуть.

Здесь, в глубинах космоса, мысль эта была идиотской, а на возвращение к Земле у меня не хватило бы горючего.

— Можете остаться, — сказал я.

— Благодарю вас, — кротко ответила она, — вы действительно поняли меня.

— Конечно, — сказал я, — но давайте сначала уточним некоторые детали. Прежде всего...

Тут я заметил, что она уснула прямо на моей койке. На губах ее застыла доверчивая улыбка.

Я, не медля ни минуты, обыскал ее сумочку и обнаружил пять губных помад, маникюрный набор, флакон духов «Венера-5», книгу стихов в бумажном переплете и жетон с надписью: «Следователь по особым вопросам. ФБР».

Я так и думал. Девушки обычно не ведут таких разговоров, а шпики только так и говорят.

Мне было приятно узнать, что правительство по-прежнему не спускает с меня глаз. Теперь я не чувствовал себя таким одиноким в космосе.

Мой космический корабль углубился в просторы Американского космоса. Работая по пятнадцать часов ежедневно, я сумел добиться, чтобы этот музейный экспонат летел как одно целое, атомные реакторы не слишком перегревались, а швы в корпусе сохраняли герметичность. Мэйвис О'Дэй — так звали моего шпи-

ка — готовила пищу, вела хозяйство и успела расставить по всем углам миниатюрные кинокамеры. Эти штуки противно жужжали, но я притворялся, что ничего не замечаю.

Но при всем при том мои отношения с мисс О'Дэй были вполне сносными.

Наше путешествие протекало вполне нормально, даже счастливо, пока не случилось одно происшествие...

Я дремал у пульта управления. Вдруг впереди по правому борту вспыхнул яркий свет. Я отпрянул и сбил с ног Мэйвис, которая в это время как раз вставляла новую кассету с пленкой в кинокамеру номер три.

— Извините, пожалуйста, — сказал я.

— Ничего, ничего, все в порядке, — ответила она.

Я помог ей подняться на ноги. Опасная близость ее гибкого тела ударила мне в голову. Я чувствовал дразнящий аромат духов «Венера-5».

— *Теперь* можете меня отпустить, — сказала она.

— Да, конечно, — ответил я, продолжая держать ее в объятиях. Ее близость туманила мне мозг. Я слышал себя как бы со стороны. — Мэйвис, — прозвучал мой голос, — мы познакомились совсем недавно, но...

— Что, Билл? — спросила она.

Все плыло перед моими глазами, и на какое-то мгновение я забыл, что наши отношения должны быть отношениями шпика и подозреваемого. Не знаю, что бы я стал говорить дальше, но в этот момент за бортом снова вспыхнул и погас яркий свет. Я отпустил Мэйвис и бросился к пульту управления. С трудом удалось мне затормозить, а затем и совсем остановить мой старый «Звездный клипер». Я оглядел пространство вокруг корабля.

Снаружи, в космической пустоте, неподвижно висел обломок скалы. На нем сидел мальчишка в космическом скафандре. В одной руке он держал ящик с сигнальными ракетами, в другой — собаку, тоже одетую в скафандр.

Мы быстро переправили его на корабль и сняли скафандр.

— А моя собака... — начал он.

— Все в порядке, сынок, — ответил я.

— Мне очень неловко, — продолжал он, — что я вторгся к вам таким образом.

— Забудь об этом, — сказал я. — Что ты делал на скале?

— Сэр, — начал он тонким голосом, — мне придется начать с самого начала. Мой отец был пилотом — испытателем космических кораблей. Он геройски погиб, пытаясь преодолеть световой барьер. Недавно моя мать второй раз вышла замуж. Ее новый муж — высокий черноволосый мужчина с бегающими, близко посаженными глазами и всегда крепко сжатыми губами. До недавнего времени он стоял за прилавком галантерейного отдела большого универсального магазина. С самого начала одно мое присутствие

приводило его в ярость. Наверное, мои светлые локоны, большие глаза и веселый нрав напоминали ему моего покойного отца. Наши отношения день ото дня становились все хуже и хуже.

У него был дядя, и вдруг он умирает при очень странных обстоятельствах, оставив ему участки земли на какой-то планете в Британском космосе. Мы снарядили наш космический корабль и отправились на эту планету. Как только мы достигли пустынного района космоса, он сказал моей матери: «Рейчел, он уже достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться». Мать воскликнула: «Дэрк, он ведь еще так мал!» Но моя веселая мягкосердечная мать не могла, конечно, противостоять железной воле этого человека, которого я никогда и ни за что не назову отцом. Он запихнул меня в космический скафандр, дал мне ящик с ракетами, сунул Фликера в его собственный маленький скафандрик и сказал мне: «В наши дни такой парень, как ты, может отлично обойтись в космосе без посторонней помощи». «Но, сэр, — пытался было я протестовать, — отсюда до ближайшей планеты не меньше двухсот световых лет!» Но он не стал меня слушать. «Там как-нибудь разберешься», — сказал он с гнусной усмешкой и выпихнул меня на этот обломок скалы.

Все это мальчишка выпалил единым духом. Его собака Фликер уставилась на меня влажными овальными глазами. Я поставил перед ним миску молока с хлебом, а сам смотрел, как мальчишка уплетает бутерброд с орехами. Когда с едой было покончено, Мэйвис отвела малыша в спальную каюту и заботливо уложила в постель.

Я вернулся на свое место у пульта управления, снова разогнал корабль и включил внутреннее переговорное устройство.

— Да проснись же ты, идиот несчастный! — услышал я голос Мэйвис.

— Оставьте меня, дайте поспать, — отвечал мальчишка.

— Давай просыпайся, успеешь еще выспаться, — не отставала Мэйвис. — И зачем это Комиссия по расследованию прислала тебя сюда? Разве они не знают, что это дело ФБР?

— Его дело было пересмотрено, и теперь он относится к группе десять.

— Ну хорошо, но я-то здесь зачем? — воскликнула Мэйвис.

— Вы недостаточно проявили себя на предыдущем задании, — ответил мальчишка. — Мне очень жаль, мисс, но безопасность прежде всего!

— И они прислали тебя, — Мэйвис всхлипнула, — двенадцатилетнего ребенка...

— Через семь месяцев мне будет тринадцать!

— Двенадцатилетнего ребенка! А я так старалась! Я занималась, прочла уйму книг, ходила на специальные вечерние курсы, слушала лекции...

— Вам не повезло, — посочувствовал он. — Лично я хочу стать

пилотом-испытателем космических кораблей, и в моем возрасте это единственный способ набрать необходимое количество летных часов. Как вы думаете, он доверит мне управление кораблем?

Я выключил переговорное устройство. После всего того, что я услышал, я должен был чувствовать себя на седьмом небе — ведь за мной следили два постоянных агента! Это могло означать только одно — *я действительно стал персоной, да еще такой, за которой необходим круглосуточный надзор.*

Но если смотреть правде в глаза, моими шпиками были всего лишь молоденькая девушка да двенадцатилетний подросток. Это, по всей видимости, были самые последние агенты, которых удалось отыскать в кадрах службы безопасности.

Мое правительство продолжало по-своему игнорировать меня.

Остаток пути прошел без приключений. Рой (так звали мальчишку) принял на себя управление кораблем, а его собака заняла место второго пилота и являла собой воплощение бдительности. Мэйвис по-прежнему кухарничала и хлопотала по хозяйству. Я все время заделывал швы. Более счастливую компанию шпиков и подозреваемых просто трудно себе представить!

Мы нашли необитаемую планету земного типа. Мэйвис она понравилась, так как оказалась невелика, воздух был чист и свеж, а кругом простирались зеленые поля и тенистые леса, похожие на те, что описывались в ее книге стихов. Рой пришел в восторг от прозрачных озер и кое-где поднимавшихся холмов как раз такой высоты, чтобы мальчишке было интересно и в то же время безопасно по ним лазить.

Мы опустились на поверхность планеты и начали обживать ее.

Рой сразу же проявил горячий интерес к животным, которых я извлек из холодильной камеры и оживил. Он сам себя назначил повелителем коров и лошадей, покровителем уток и гусей, защитником поросят и цыплят. Он так увлекся своими новыми заботами, что его доклады стали поступать в Сенатскую комиссию все реже и реже, пока совсем не прекратились.

Да и трудно было ожидать чего-либо другого от шпика в его возрасте.

Построив жилища и засеяв зерном несколько акров, мы с Мэйвис стали предпринимать долгие прогулки в соседний тенистый и задумчивый лес. Однажды мы взяли с собой провизию и устроили пикник у небольшого водопада. Мэйвис распустила волосы, и они рассыпались у нее по плечам. Взгляд ее голубых глаз вдруг стал чарующе задумчив. В общем, она нисколько не походила на шпика, и мне приходилось все время напоминать себе о наших официальных отношениях.

— Билл, — позвала она.

— Что? — спросил я.

— Так, ничего.

Она потянула к себе стебелек травы. Я не знал, что она хотела

сказать, но рука ее оказалась рядом с моей, наши пальцы встретились, руки сомкнулись.

Мы долго молчали. Никогда в жизни я не был так счастлив!

— Билл!

— Что?

— Билл, дорогой, мог бы ты когда-нибудь...

Я никогда не узнаю, что она хотела сказать и что я ответил бы ей. В этот самый момент тишину расколол рев ракетных двигателей.

С высокого голубого неба спустился космический корабль.

Эд Уоллес — пилот корабля — оказался пожилым седовласым мужчиной в шляпе с опущенными полями и в пятнистой шинели. Он назвался представителем фирмы «Клир-Флот», занимающейся очисткой и дезинфекцией воды на различных планетах. Так как в его услугах мы не нуждались, он поблагодарил меня и решил отправиться дальше.

Но далеко улететь ему не удалось. Двигатели взревели, но тут же смолкли с пугающей решимостью.

Я осмотрел его корабль и обнаружил, что разорвало сфинкс-клапан. С помощью имевшихся в наличии ручных инструментов я мог изготовить такой клапан не раньше чем через месяц.

— Как нехорошо получилось, — пробормотал он. — Теперь придется сидеть здесь.

— Я тоже так думаю, — ответил я.

Он грустно посмотрел на свой корабль.

— Не могу понять, в чем здесь причина?

— Быть может, прочность вашего клапана несколько снизилась, когда вы пилили его ножовкой, — сказал я и пошел к себе.

Я-то заметил предательские следы надпила, когда осматривал двигатель.

Мистер Уоллес сделал вид, что не расслышал моих слов. Вечером того же дня я перехватил его донесение по межзвездной радиосети, которая работала бесперебойно. Забавно, что учреждение, в котором служил мистер Уоллес, называлось почему-то не «Клир-Флот», а Центральное разведывательное управление.

Из мистера Уоллеса получился отличный огородник, и это несмотря на то, что большую часть времени он шнырял вокруг, не расставаясь с кинокамерой и блокнотом. Его присутствие побудило юного Роя более усердно выполнять свои служебные обязанности. Мы с Мэйвис перестали бродить по тенистому лесу, и как-то так вышло, что у нас не осталось времени для прогулок по желто-зеленым полям, и мы не могли закончить некий незавершенный разговор.

Но, несмотря на все это, наша маленькая колония процветала. После мистера Уоллеса у нас были и другие визитеры. К нам при-

была супружеская пара из Районной разведки, которая выдавала себя за разъездных сборщиков фруктов. За ними последовали две девушки-фотографа — тайные агенты Разведывательно-информационного бюро. После этого — молодой журналист, который на самом деле был агентом Айдахского совета по космическим нравам.

Как только наступал момент старта, у всех разрывало сфинкс-клапан.

Я не знал, гордиться мне или стыдиться. За мной одним следило полдюжины агентов, но каждый из них был агентом второго сорта. Пробыв на нашей планете несколько недель, они неизменно становились отличными фермерами, а многоводные вначале реки их донесений постепенно превращались в слабенькие ручейки, пока в конце концов не пересыхали.

Временами меня одолевали горькие мысли. Я казался сам себе каким-то подопытным животным, каким-то испытательным полигоном для новичков, которые могли здесь попрактиковаться перед серьезной работой. Шпики, приставленные ко мне, были или слишком молоды, или слишком стары, или очень рассеянны, или ни на что другое не способны, или просто неудачники. Я казался себе подозреваемым, за которым посылали следить агентов, уходящих в отставку с половинным окладом, каким-то суррогатом пенсии.

Правда, все это не очень меня тревожило. Я занимал солидное положение, хотя и затруднился бы определить его. За все годы моей жизни на Земле я никогда не был так счастлив, как сейчас. Мои шпики оказались приятными и дружелюбными людьми.

Ничто не нарушало наш покой и безмятежность.

Я думал, что так будет продолжаться вечно.

Но вот в одну роковую ночь нашу колонию охватила необычайная суматоха. Были включены все радиоприемники — по-видимому, передавалось какое-то важное сообщение. Мне пришлось попросить некоторых шпиков объединиться с их коллегами, а часть приемников выключить, чтобы не сжечь генераторы.

Наконец шпики выключили все приемники, и у них началось совещание. До глубокой ночи слышался их шепот. На следующее утро все собрались в гостиной. Лица их были вытянуты и мрачны. Мэйвис выступила как представитель всей группы.

— Случилось нечто ужасное, — сказала она, — но сперва я должна раскрыть вам наш секрет. Билл, мы не те, за кого себя выдавали. Все мы тайные правительственные агенты.

— Не может быть! — воскликнул я, не желая задевать ничье самолюбие.

— Это так, Билл, — продолжала она. — Мы все шпионили за тобой.

— Не может быть! — повторил я. — Даже вы, Мэйвис?

— Даже я. — Вид у нее в этот момент был совсем убитый.

— А теперь все кончено, — выпалил вдруг Рой. Это потрясло меня.

— Почему?

Они переглянулись. Наконец мистер Уоллес, мозолистые руки которого все время теребили поля шляпы, сказал:

— Билл, последняя съемка и разметка космоса обнаружила, что этот район не принадлежит Соединенным Штатам.

— А какому же государству он принадлежит? — спросил я.

— Не волнуйтесь и постарайтесь понять суть дела, — вмешалась Мэйвис. — Во время международного раздела космоса весь этот сектор случайно пропустили, и поэтому сейчас на него не может претендовать ни одно государство. По праву первого поселенца эта планета и окружающее ее пространство радиусом в несколько миллионов миль принадлежит вам, Билл.

Я был просто ошарашен и не мог вымолвить ни слова.

— В связи с этим, — продолжала Мэйвис, — наше пребывание здесь лишено каких-либо законных оснований. Мы улетаем немедленно.

— Но вы не можете взлететь! — закричал я. — Я не успел еще починить ваши сфинкс-клапаны!

— У любого тайного агента есть запасные сфинкс-клапаны, — мягко сказала Мэйвис...

Я смотрел, как они уходят к своим кораблям, и думал об ожидавшем меня одиночестве. У меня не будет правительства, которое устанавливало бы за мной надзор. Не придется мне услышать в ночи чьи-то шаги за своей спиной и, обернувшись, обнаружить сосредоточенную физиономию одного из шпиков. Никогда больше жужжание старой кинокамеры не будет ласкать мой слух во время работы, а гудение неисправного звукозаписывающего аппарата убаюкивать по вечерам.

И все-таки больше всего мне было жаль их, этих бедных, усердных, неуклюжих и неумелых шпиков, которым приходится теперь возвращаться в мир бешеных темпов, зверской конкуренции и голого чистогана. Где еще найдут они себе такого подозреваемого, как я, или другую такую планету?

— Прощайте, Билл, — сказала Мэйвис и протянула мне руку.

Я смотрел, как она направляется к кораблю Уоллеса, и вдруг до меня дошло, что она уже больше не мой шпик!

— Мэйвис! — закричал я и бросился за ней.

Она заспешила к кораблю, но я поймал ее за руку.

— Подожди. Помнишь, я что-то начал говорить тебе еще в космосе? А потом здесь, на планете, я тоже хотел сказать тебе...

Она попыталась вырваться, и я совсем будничным голосом промямлил:

— Мэйвис, я люблю тебя.

В то же мгновение она оказалась в моих объятиях. Мы поцеловались, и я сказал ей, что ее дом здесь, на этой планете, покрытой тенистыми лесами и желто-зелеными полями. Здесь, вместе со мной. Она онемела от счастья.

Увидев, что Мэйвис не собирается улетать, юный Рой также пересмотрел свое решение. Овощи мистера Уоллеса как раз начали созревать, и он почувствовал, что обязан остаться, чтобы присматривать за ними. И у остальных оказались неотложные дела на этой планете.

Так я стал тем, кем остаюсь по сей день, — правителем, королем, диктатором, президентом и кем только мне вздумается себя назвать. Бывшие шпики теперь толпами опускаются на нашу планету. Они прибывают не только из Америки, но практически со всех концов Земли. Для того чтобы прокормить эту ораву, мне придется вскоре импортировать продукты питания. Но правители других планет начали отказывать мне в помощи. Они считают, что я подкупаю их шпиков, чтобы они сбегали ко мне.

Клянусь, что я ничего такого не делал. Они просто прилетают и остаются.

Я не могу подать в отставку, так как эта планета — моя собственность. А отправить их обратно — не хватает духу. Я дошел уже до предела.

Все мои подданные — бывшие правительственные агенты. Поэтому вы могли бы решить, что я не встречу никаких затруднений при формировании правительства. Но в действительности я не нашел никакой поддержки у них в данном вопросе. Я оказался единовластным правителем планеты, населенной фермерами, скотоводами и пастухами, так что, во всяком случае, с голоду мы не умрем. Но, в конце концов, не в этом дело. Суть в том, что я не представляю себе, черт возьми, как мне управлять.

Ведь ни один из них не желает быть шпиком и доносить на своих друзей.

ПРОБЛЕМА ТУЗЕМЦЕВ

Эдвард Дантон был отщепенцем. Еще в младенчестве он проявлял зачаточные антиобщественные склонности. Родителям, конечно, следовало тут же показать его хорошему детскому психологу, и тот сумел бы определить, какие обстоятельства способствуют развитию контргрупповых тенденций в характере юного Дантона. Но Дантоны-старшие, как водится сверх меры поглощенные собственными неурядицами, понадеялись на время.

И напрасно.

В школе Дантону с превеликой натяжкой удалось получить переводные баллы по таким предметам, как групповое окультуривание, семейные контакты, восприятие духовных ценностей,

теория суждений, и другим, необходимым каждому, кто хочет чувствовать себя уютно в современном мире. Но бестолковому Дантону в современном мире было неуютно.

Он понял это не сразу.

По внешнему виду никто бы не заподозрил его в патологической неуживчивости. Это был высокий, атлетически сложенный молодой человек, с зелеными глазами и непринужденными манерами. Девушки чувствовали в нем несомненное обаяние. Иные даже оказывали ему столь высокую честь, что подумывали выйти за него замуж.

Но и самые легкомысленные не могли не заметить его недостатков. Когда затевали «Станьте в круг», он выдыхался буквально через несколько часов — к тому времени, как все остальные только начинали входить в раж. При игре в бридж для двенадцати партнеров Дантон часто отвлекался и, к возмущению остальных одиннадцати игроков, вдруг начинал выяснять, на чем остановилась торговля. И уж совсем невыносим он был в «Подземке».

Не жалея усилий, старался Дантон проникнуться духом этой классической игры. Схватив за руки товарищей, он стремительно врывался в вагон подземки, дабы захватить его прежде, чем в противоположные двери ринется противник.

— Вперед, ребята! — орал капитан. — Захватим-ка вагон для Рокэвея!

А капитан противника вопил:

— Нет, дудки! Навалитесь, мальчики! Бронкс-парк, и никаких гвоздей!

Страдальчески сморщившись, с застывшей улыбкой, Дантон ворочался в гуще толпы.

— В чем дело, Эдвард? — любопытствовала очередная подружка. — Разве тебе не весело?

— Весело, конечно, — задыхаясь, отвечал Дантон.

— Но я же вижу, что нет! — в изумлении вскрикивала девушка. — Ты разве не знаешь, что таким способом наши предки давали разрядку своей агрессивности? Историки утверждают, что благодаря подземке человечество избегло тотальной водородной войны. Агрессивность свойственна и нам, и мы должны давать ей выход, избрав для этого соответствующие формы.

— Я знаю, — отвечал Эдвард Дантон. — Мне, право, очень весело. Я... о Господи!

В вагон вламывалась, взявшись за руки, третья команда и выкрикивала нараспев: «Канарси, Канарси, Канарси!»

Уверившись, что Дантон человек без будущего, девушка покидала его, как все ее предшественницы. Отсутствие общительности невозможно было скрыть. Было ясно, что он не сыщет себе счастья ни в предместьях Нью-Йорка, которые простирались от Рокпорта (штат Мэн) до Норфолка (Виргиния), ни в других городах.

Он пытался побороть себя, но тщетно. Стали проявляться и

другие отклонения. От воздействия световой рекламы на сетчатку глаза у Дантона начал развиваться астигматизм, а от звуковой — постоянно звенело в ушах. Доктор предупредил его, что анализ симптомов отнюдь не исцелит его от этих психосоматических недомоганий. Обратить внимание следовало на главный невроз Дантона — его антисоциальность. Но здесь уж Дантон был бессилен.

Ему оставалось лишь одно — бежать. В космосе хватало места для тех, кто не прижился на Земле.

За последние два века миллионы сумасшедших, психопатов, невропатов и чудаков различных мастей разбрелись по звездным мирам. Первое время, когда летали на космических кораблях, снабженных двигателем Миккельсена, у путешественников уходило лет по двадцать-тридцать на то, чтобы протащиться от одной звездной системы до другой. Более современные звездолеты, оборудованные гиперпространственными вихревыми конвертерами, затрачивали на такой же путь всего несколько месяцев.

Оставшиеся на родине, будучи людьми социально устойчивыми, оплакивали разлуку, но утешались тем, что смогут несколько расширить жесткие рамки лимитированного деторождения.

Дантону шел двадцать седьмой год, когда он решил покинуть Землю и стать пионером. Невесело было на душе у него в тот день, когда он передал сертификат на право увеличения потомства своему лучшему другу Элу Тревору.

— Ах, Эдвард, Эдвард, — говорил растроганный Тревор, вертя в руках драгоценную бумажку, — ты и не представляешь, как ты много для нас сделал. Мы с Миртл всегда хотели иметь двух ребятишек. И вот благодаря тебе...

— Оставим это, — ответил Дантон. — Там, где я буду, мне не понадобится разрешение на право иметь детей. Да и вообще, — добавил он, вдруг пораженный новой мыслью, — я вовсе не уверен, что смогу там осуществить такое право.

— Но ведь это ужасно, — сказал Эл, который всегда принимал близко к сердцу дела своего друга.

— Очевидно. Впрочем, может быть, со временем я встречу в тех краях какую-нибудь девушку из пионеров. А пока к моим услугам сублимация[1].

— Тоже верно. Какой заменитель ты выбрал?

— Огородничество. Дело-то полезное.

— Полезное, — подтвердил Эл. — Ну что ж, дружище, желаю удачи.

Отдав приятелю сертификат, Дантон отрезал себе все пути к

[1] Сублимация — психическое явление, заключающееся в вытеснении инстинктов (сексуальных комплексов).

отступлению. Он смело ринулся вперед. В обмен на право продолжения рода правительство обеспечивало *ему* бесплатный проезд в любую часть Вселенной, снабжая необходимым снаряжением и запасами провизии на два года.

Дантон вылетел сразу.

Он не стал задерживаться в сравнительно населенных районах, где власть, как правило, находилась в руках экстремистских группировок.

Без сожаления миновал он, например, Корани II, где гигантская вычислительная машина установила диктатуру математики.

Не привлекала его также и Гейл V, все триста сорок жителей которой самым серьезным образом готовились к захвату Галактики.

Объехал он стороной и Фермерские Миры, унылые планеты, на которых процветал сугубый культ здоровья.

Добравшись до пресловутой Гедонии, Дантон чуть было не остался там. Его оттолкнуло то, что жители этой планеты, судя по слухам, были недолговечны, хотя никто и не отрицал, что свой короткий век они проживали весело.

Но Дантон предпочел век долгий и отправился дальше.

Миновал он также сумрачные, каменистые Рудничные Миры, немногочисленное население которых составляли угрюмые, бородатые мужчины, подверженные приступам безудержного гнева. И вот перед ним открылись Новые Территории, неосвоенные миры, расположенные за самой дальней границей земных владений. Обследовав несколько планет, Дантон избрал ту, на которой не нашел никаких следов разумной жизни.

Планета была тиха и укромна, изобиловала рыбой и дичью; среди ее обширных водных просторов зеленели покрытые буйными зарослями джунглей большие острова. Дантон назвал ее Нью-Таити, и капитан звездолета должным образом оформил его права на владение планетой. После беглого осмотра Дантон выбрал крупный остров, показавшийся ему заманчивее остальных. Он высадился на нем и стал разбивать лагерь.

Сперва дел было множество. Из веток и переплетенных трав Дантон выстроил домик подле сверкающего белизною пляжа. Он смастерил острогу, несколько силков и невод. Засеял огород, и, к его радости, тот вскоре пышно зазеленел, согретый тропическим солнцем и увлажненный теплыми ливнями, которые выпадали каждое утро, от семи часов до семи тридцати.

Да, Нью-Таити, несомненно, оказался истинно райским уголком, и Дантон мог бы быть очень счастлив здесь. Ему мешало одно. Огородничество, которое он считал отличным видом сублимации, подвело его скандальнейшим образом. Дантон думал о женщинах и днем и ночью; глядя на огромную оранжевую тропи-

ческую луну, он мог часами мурлыкать себе под нос песенки, разумеется любовные.

Опасаясь за свое здоровье, Дантон начал лихорадочно перебирать все известные ему виды сублимации: сперва занялся живописью, бросил; начал вести дневник — забросил и дневник; сочинил сонату, но, оставив музыку, высек из местной разновидности песчаника две исполинские статуи, закончил их и стал придумывать, чем бы заняться еще.

Заняться было нечем. Огород не требовал ухода; земные овощи победно вытеснили местные растения. Рыба валом валила в сети, силки никогда не пустовали. Дантон снова заметил, что днем и ночью ему мерещатся женщины — высокие и маленькие, белые, черные и коричневые. Однажды он поймал себя на том, что с приязнью думает о марсианках; до него еще ни одному землянину подобное не удавалось. Дантон понял что необходимо принимать решительные меры.

Но какие? Подать сигнал о помощи он не мог, покинуть Нью-Таити — тоже. Погруженный в грустное раздумье, Дантон поднял глаза к небу и заметил черное пятнышко, которое спускалось к морю.

Пятнышко становилось крупнее; у Дантона перехватило дыхание от страха, что оно может оказаться птицей или огромным насекомым. Но пятно все продолжало увеличиваться, и вскоре Дантон начал различать неровные вспышки бледного пламени.

Космический корабль! Конец одиночеству!

Звездолет медленно и осторожно шел на посадку. Дантон облачился в свой лучший набедренный пояс; этот наряд, излюбленный островитянами Южных морей, весьма подходил к климату Нью-Таити. Затем умылся, тщательно причесал волосы и стал следить за приземлением космического корабля.

Это был старинный звездолет с двигателем Миккельсена. Дантон до сих пор думал, что такие корабли давно уже вышли из употребления. Однако этот, судя по всему, проделал немалый путь. Помятый, исцарапанный и безнадежно устаревший по конструкции, он имел решительный и непреклонный вид. На носу звездолета гордо красовалась надпись: «Народ Хаттера».

Зная, что путешественники, возвращающиеся из космических пучин, обычно остро чувствуют нехватку свежих продуктов, Дантон собрал для пассажиров корабля целую гору фруктов и красиво разложил их к тому времени, как «Народ Хаттера» тяжело опустился на пляж.

Открылся узкий люк, и из звездолета вышли двое мужчин, вооруженных винтовками и с головы до ног одетых в черное. Пришельцы осторожно огляделись.

Дантон опрометью кинулся к ним:

— Эгей! Добро пожаловать на Нью-Таити. Ребята, до чего ж я счастлив видеть вас! Что новенького на...

— Назад! — гаркнул один из пришельцев, высокий тощий человек лет пятидесяти, с суровым морщинистым лицом. Его холодные голубые глаза пронзали Дантона как стрелы, дуло винтовки целилось прямо в грудь.

Второй был помоложе, маленький широколицый крепыш.

— Что случилось? — удивился Дантон.

— Как тебя зовут?

— Эдвард Дантон.

— Я Симеон Смит, — сообщил тощий. — Военачальник хаттеритов. А это Джедекия Франкер, мой заместитель. Почему ты заговорил по-английски?

— Я всегда говорю по-английски, — ответил Дантон. — Я же...

— Где остальные? Куда они спрятались?

— Да здесь никого нет. Только я. — Дантон бросил взгляд на звездолет и увидел мужские и женские лица в каждом иллюминаторе. — Посмотрите-ка, это все вам, — Дантон указал на фрукты. — Я думал, вы соскучились по свежей пище после длительного путешествия.

Из люка выглянула хорошенькая блондинка с коротко подстриженными, волнистыми волосами.

— Нам уже можно выходить, отец?

— Нет! — ответил Симеон. — Здесь небезопасно. Полезай назад, Анита.

— Я буду наблюдать отсюда, — ответила девушка, с откровенным любопытством разглядывая Дантона.

Дантон встретился с ней глазами, и вдруг неведомый ему дотоле трепет пробежал по всему его телу.

Симеон сказал:

— Мы принимаем твое приглашение. Однако есть эти фрукты не станем.

— Отчего же? — резонно полюбопытствовал Дантон.

— А оттого, — ответил ему Джедекия, — что мы не знаем, каким ядом вздумаете вы нас отравить.

— Отравить? Послушайте, давайте-ка присядем и объяснимся наконец.

— Что вы о нем думаете? — обратился к Симеону Джедекия.

— Все идет именно так, как я и ожидал, — ответствовал военачальник. — Он из кожи лезет вон, чтобы втереться в доверие, задобрить нас, и это очень подозрительно. Его соплеменники прячутся. Наверняка сидят в засаде. Я считаю, что им следует дать наглядный урок.

— Добро, — с ухмылкой согласился Джедекия. — Да убоятся цивилизации, — и он направил свою винтовку Дантону в грудь.

— Эй! — вскрикнул Дантон и попятился.

— Папа, — заговорила Анита, — но он же ничего еще не сделал.

— В том-то и суть. Если его пристрелить, он и впредь ничего не сделает. Хорошие туземцы — это мертвые туземцы.

— А остальные, — вставил Джедекия, — поймут, что мы не собираемся шутить.

— Но вы не имеете права! — возмущенно воскликнула Анита. — Совет старейшин...

— ...не распоряжается сейчас... — перебил ее отец. — Высадившись на чужой планете, мы попадаем в чрезвычайное положение, а это значит, что власть переходит в руки военного командования. Мы делаем то, что считаем необходимым. Вспомни Лан II!

— Да погодите вы, — заговорил Дантон. — Здесь какое-то недоразумение. На острове нет никого, кроме меня, и вовсе незачем...

Пуля взрыла песок у его левой ноги. Дантон понесся к джунглям. Вторая пуля жалобно пропела в воздухе, третья перерезала веточку над самой его головой в тот миг, когда он скрылся наконец в подлеске.

— Вот так-то! — прогремел ему вслед голос Симеона. — Пусть зарубят себе на носу.

Дантон мчался по джунглям, пока не отдалился от корабля пионеров по крайней мере на полмили.

Кое-как поужинав местными фруктами, напоминающими наши бананы и плоды хлебного дерева, Дантон принялся раздумывать о странных незнакомцах. Ненормальные они, что ли? Неужели им не ясно, что он землянин, живет на острове один, безоружен и встретил их с несомненным дружелюбием? Так нет же, они начали в него стрелять, давая наглядный урок. Кому? Грязным туземцам, которым нужно дать урок...

А, вот в чем дело! Дантон энергично закивал головой. Хаттериты приняли его за туземца, аборигена, и решили, что его соплеменники прячутся в джунглях, выжидая удобной минуты, чтобы выскочить и перерезать незваных гостей. Ну что ж, предположение не такое уж абсурдное. Он и в самом деле забрался чуть ли не на край света, остался здесь без космического корабля, да притом еще ходит в набедренной повязке и стал бронзовым от загара. Очень может быть, что хаттериты именно так и представляют себе туземцев неосвоенных планет.

— Но в таком случае, — продолжал размышлять Дантон, — как они объяснят, что я разговариваю по-английски?

Вся история выглядела на редкость нелепо. Дантон тронулся обратно к звездолету, уверенный, что с легкостью сумеет разъяснить пришельцам их ошибку. Впрочем, пройдя несколько шагов, он остановился.

Приближался вечер. Позади небо затянули белые и серые тучи, а с моря надвигался густой синеватый туман. Из джунглей доносились зловещие шорохи, шумы. Дантон давно уже убедился, что

все они совершенно безобидны, но пришельцы могли решить иначе.

Этим людям ничего не стоит спустить курок, вспомнил он. Глупо было бы лететь сломя голову навстречу собственной гибели.

И Дантон начал осторожно пробираться сквозь густые заросли: дотемна загорелый, бесшумный, как тень, он сливался с буро-зеленым кустарником. Добравшись до места, Дантон пополз через густой подлесок и осторожно оглядел из-за куста пологий берег.

Пионеры наконец вышли из корабля. Их оказалось не меньше полусотни: мужчины, женщины и несколько детей. Все были одеты в тяжелую черную одежду и истекали потом. Дантон увидел, что к его дарам не притронулся ни один из пришельцев. Зато на алюминиевом столе красовалась малопривлекательная трапеза путешественников по космосу.

Несколько мужчин с винтовками и патронташами расхаживали поодаль от толпы, внимательно наблюдая за опушкой джунглей и настороженно всматриваясь в темнеющее небо. Это были часовые.

Симеон поднял руки. Воцарилась тишина.

— Друзья мои, — провозгласил военачальник. — Вот наконец и обрели мы с вами долгожданный приют. Взгляните: перед нами земля обетованная, и природа здесь щедра и изобильна. Достойна ли наша новая родина столь долгих странствий, опасностей, коим мы подвергали себя, и нескончаемых поисков?

— Достойна, брат наш, — откликнулась толпа.

Симеон снова воздел руки, требуя тишины.

— На этой планете нет цивилизованных людей. Мы первыми пришли сюда, друзья, и она достанется нам. Но помните об опасностях! В чаще джунглей, быть может, бродят неведомые нам чудовища...

— Из которых самое большое не крупней бурундука, — прошептал Дантон. — Спросили бы уж меня. Я бы вам рассказал.

— А в пучине вод, наверное, таится некий левиафан, — продолжал Симеон. — Одно известно нам: на планете есть туземцы, нагие дикари, и, как все аборигены, они, несомненно, коварны, жестоки и безнравственны. Остерегайтесь их. Конечно, мы хотели бы жить с ними в мире, одаряя их плодами цивилизации и цветами культуры. Возможно, они будут держаться дружелюбно по отношению к нам, но всегда помните, друзья: никто не может проникнуть в душу дикаря. У них свои нравы, своя особая мораль. Им нельзя доверять, мы всегда должны быть начеку и, заподозрив что-либо неладное, стрелять первыми! Не забывайте Лан II!

Слушатели зааплодировали, спели гимн и приступили к вечерней трапезе. Когда темнота сгустилась, путешественники зажгли прожекторы, и на берегу стало светло как днем. Часовые расха-

живали взад и вперед, держа винтовки на изготовку и встревоженно нахохлившись.

Поселенцы вытащили спальные мешки и устроились на ночлег, примостившись поближе к звездолету. Даже страх перед внезапным нападением дикарей не мог заставить их провести еще одну ночь внутри душного корабля.

Высоко в небе плыли ночные облака, до половины прикрывая огромную оранжевую нью-таитянскую луну. Часовые расхаживали у своих постов, выкрикивали в темноту ругательства и сиротливо жались все ближе и ближе друг к другу. Они поднимали пальбу, заслышав шорох в джунглях, и осыпали бранью каждую тень.

Дантон снова уполз в чащу. На ночь он устроился за деревом, чтобы не попасть под шальную пулю. Начинать переговоры с вечера явно не стоило. Очень уж нервозны были эти хаттериты. Дантон решил, что удобнее будет объясниться с ними при свете дня: просто, без обиняков и рассудительно.

Беда только, что рассудительностью хаттериты едва ли отличались.

Впрочем, наутро дело представилось ему не столь уж безнадежным. Дантон дождался, когда поселенцы позавтракают, и осторожно вышел из кустов на дальнем краю пляжа.

— Стой! — разом рявкнули все часовые.

— Дикарь вернулся! — крикнул один из поселенцев.

— Ой, мамочка, — заплакал какой-то малыш. — Злой, гадкий дядька меня съест. Не отдавай меня.

— Не бойся, милый, — успокаивала его мать. — У папы есть ружье, папа застрелит дикаря.

Из звездолета выскочил Симеон и уставился на Дантона:

— А, пожаловал! Ступай сюда.

Коченея от напряжения, Дантон опасливо приблизился к Симеону. Руки он старался держать так, чтобы все видели, что они пустые.

— Я предводитель этих людей. — Симеон произносил слова очень медленно, словно обращаясь к ребенку. — Моя — большая вождь эти люди. А твоя — большая вождь твои люди?

— Зачем вы так разговариваете? — спросил Дантон. — Мне даже трудно вас понять. Я же вам говорил вчера, что на острове никого нет. Только я.

Суровое лицо Симеона побелело от гнева.

— Ты со мной не хитри, а то хуже будет. Ну, выкладывай: где твое племя?

— Да я же землянин, — завопил Дантон. — Вы что, глухой? Не слышите, как я говорю?

Подошел Джедекия, а с ним седой сутуловатый человечек в больших очках в роговой оправе.

— Симеон, — сказал седой человечек, — мне хотелось бы познакомиться с нашим гостем.

— Профессор Бейкер, — обратился к нему Симеон, — этот дикарь утверждает, что он землянин, и говорит, что его имя — Эдвард Дантон.

Профессор взглянул на набедренную повязку, затем на смуглое тело Дантона, его загрубелые босые ноги.

— Так вы землянин? — спросил он.

— Конечно.

— А кто высек эти каменные статуи на берегу?

— Я, — ответил Дантон. — Но это просто своего рода терапия. Видите ли...

— Типичные изделия примитива. Вся стилизация, носы...

— Ну, значит, у меня это вышло случайно. Понимаете ли, несколько месяцев назад я вылетел с Земли на государственном космическом корабле...

— Чем он был оборудован? — перебил профессор Бейкер.

— Гиперпространственными вихревыми конвертерами.

Бейкер кивнул, и Дантон продолжал:

— Так вот, меня отнюдь не привлекали такие планеты, как Корани или, скажем, Гейл V, а для Гедонии я, пожалуй, недостаточно темпераментен. Я пролетел мимо Рудничных и Фермерских Миров и высадился наконец на этой планете. Я назвал ее Нью-Таити, и она зарегистрирована на мое имя. Впрочем, мне было здесь так одиноко, что я рад вам от души.

— Что вы на это скажете, профессор? — спросил Симеон.

— Поразительно, — пробормотал профессор Бейкер. — Поистине поразительно. Так овладеть английской разговорной речью возможно лишь при относительно высокой степени развития интеллекта. Нам остается предположить, что мы столкнулись с феноменом, нередким в примитивных обществах, а именно — чрезвычайно развитой способностью к мимикрии. Наш друг Данта (как его, несомненно, называли, прежде чем он исковеркал свое имя на английский лад) знает, наверное, множество местных легенд, мифов, песен, плясок и исполнит нам...

— Но я землянин!

— Нет, мой бедный друг, — ласково возразил профессор. — Ты не землянин. Не сомневаюсь, что ты *встречал* землянина. Скорее всего, то был какой-нибудь коммерсант, сделавший тут вынужденную посадку.

— На острове есть следы останавливавшегося на краткий срок космического корабля, — сказал Джедекия.

— О, вот видите, — прояснил профессор Бейкер. — Моя гипотеза подтверждается.

— Да нет же, это был государственный корабль, — объяснял Дантон. — Я на нем и прилетел.

— Интересно также отметить, — лекторским тоном продолжал профессор Бейкер, — те критические пункты, когда почти правдоподобная история внезапно оборачивается мифом. Вот он за-

является, например, что прилетел на звездолете, управляемом некими гиперпространственными вихревыми конвертерами, что является типичной абракадаброй, ибо космические корабли управляются только двигателями Миккельсена. Далее, неспособный постичь своим неразвитым умом, что путешествие может длиться годы, он утверждает, будто за несколько месяцев долетел сюда от Земли, в то время как мы знаем, что ни один космический корабль не способен даже теоретически преодолеть такое расстояние в подобный срок.

— Значит, такие корабли были изобретены уже после вашего отбытия, — заметил Дантон. — Когда вы вылетели в космос?

— Космический корабль хаттеригов покинул Землю сто двадцать лет тому назад, — снисходительно ответил Бейкер. — Здесь присутствуют преимущественно четвертое и пятое поколения. Заметьте также, — обратился Бейкер к Симеону и Джедекии, — как ловко сочиняет он правдоподобные названия планет. Врожденная способность к звукоподражанию подсказала ему такие словечки, как Корани, Гейл, Гедония. И его отнюдь не беспокоит, что всех этих планет нет во Вселенной.

— Да есть они! — негодующе крикнул Дантон.

— Где? — с вызовом обратился к нему Джедекия. — Укажи координаты.

— Откуда мне их знать? Я не штурман. Гейл, по-моему, где-то в районе Волопаса или, может быть, Кассиопеи. Нет, пожалуй, Волопаса.

— Мне жаль огорчать тебя, друг мой, — сказал Джедекия. — Но, да будет тебе известно, что сам я именно штурман. Я могу показать тебе звездные карты, атласы. Там нет таких планет.

— Ваши карты устарели на столетие!

— Звезды, стало быть, тоже, — отрезал Симеон. — Ну, Данта, где же твои соплеменники? Почему они прячутся от нас? Что вы замышляете?

— Какая нелепость, — возмутился Дантон. — Как мне вас убедить? Я землянин, слышите! Родился и вырос...

— Будет! — оборвал его Симеон. — Уж что-что, но выслушивать дерзости от туземцев хаттериты не станут. Живее, Данта. Где твой народ?

— Здесь никого нет, кроме меня, — не сдавался Дантон.

— А, так ты запираться! — процедил Джедекия. — Уж не хочешь ли отведать плетки из змеиной кожи?

— Потом, успеется, — остановил его Симеон. — Туземцы сами придут. Дикари всегда прибегают попрошайничать. А ты, Данта, можешь пока пособить тем людям, что разгружают корабль.

— Нет, спасибо, — ответил Дантон, — я лучше вернусь...

Кулак Джедекии с размаху врезался ему в челюсть. Дантон еле удержался на ногах.

— Вождь сказал тебе: без дерзостей! — гаркнул Джедекия. —

И что это вы, туземцы, такие лодыри? Тебе заплатят сразу же, как выгрузят бусы и ситец. За работу!

Спорить было бесполезно. Ошеломленный, замороченный, почти так же, как миллионы туземцев в тысячах разных миров и до него, Дантон присоединился к длинному ряду колонистов, по конвейеру передававших груз из корабля.

К концу дня звездолет разгрузили, и поселенцы расположились на отдых. Дантон сел в сторонке, поодаль от остальных, и попытался обдумать свое положение. К нему подошла Анита, держа в руке котелок с водой.

— Вы тоже принимаете меня за туземца? — спросил он.

Анита села рядом и ответила:

— Я просто не представляю, кем вы еще можете быть. Всем ведь известно, с какой скоростью летают космические корабли, а вы...

— С тех пор как ваш корабль покинул Землю, многое переменилось. Но скажите, неужели «Народ Хаттера» провел все эти годы в космосе?

— Конечно, нет. Наши высадились сперва на Эйчгастро I, но почва там оказалась неплодородной, и следующее поколение перебралось на Ктеди. Там тоже случилась беда: земные злаки видоизменились и так буйно разрослись, что людям пришлось спасаться на другую планету, Лан II. На ней бы мы и остались, если бы не новая напасть.

— Какая же?

— Туземцы, — грустно ответила Анита. — Насколько я понимаю, встретили они нас дружелюбно и поначалу все шло хорошо. А потом вдруг все местное население восстало против нас. Правда, у туземцев не было огнестрельного оружия, но они собрали такое огромное войско, что нашим пришлось снова сесть на корабль и бежать сюда.

— Гм, — промычал Дантон. — Стало быть, вот откуда такой страх перед аборигенами.

— Ну конечно. Пока нам угрожает хотя бы малейшая опасность, мы находимся на военном положении: то есть всем распоряжаются мой отец и Джедекия. Зато когда угроза минует, власть перейдет в руки постоянного правительства хаттеритов.

— Что же это за правительство?

— Совет старейшин, — ответила Анита. — В нем заседают люди доброй воли, ненавидящие насилие. И если ты и твой народ действительно хотите мира...

— У меня нет народа, — устало сказал Дантон.

— ...наше правительство создаст вам все условия для процветания, — закончила она.

Они замолчали, любуясь закатом. Дантон вдруг заметил, как шевелятся на ветру мягкие волосы Аниты, упавшие ей на лоб, и как в свете вечерней зари проступают отчетливой светящейся ли-

нией очертания ее щеки и губ. Дантон вздрогнул и уверил себя, что посвежело. А девушка, с воодушевлением рассказывавшая ему о своем детстве, стала вдруг запинаться, не находя нужных слов, а то и вовсе забывала, о чем говорит.

Потом их руки встретились. Сперва столкнулись кончики пальцев и так и не разошлись. Парочка долго сидела молча. И наконец все завершилось продолжительным нежным поцелуем.

— Что здесь творится, черт возьми? — раздался громкий голос.

Перед ними, подбоченившись, стоял широкоплечий коренастый человек. Его крупная голова черным силуэтом вырисовывалась в светящемся диске луны.

— Бога ради, Джедекия, — сказала Анита. — Не разыгрывай сцен.

— Встань, — зловещим тихим голосом сказал Джедекия Дантону. — Встань-ка, да побыстрей.

Дантон поднялся на ноги, сжимая руки в кулаки.

— Ты опозорила свою расу, — сказал Джедекия Аните, — и весь народ Хаттера. С ума ты сошла, что ли? Разве может уважающая себя девушка путаться с грязным туземцем? А тебе, — повернулся он к Дантону, — я растолкую одну истину, да так, что ты крепко ее запомнишь. *Туземцам не позволено волочиться за нашими женщинами!* И сейчас я вколочу это тебе в башку.

Произошла короткая стычка, в результате которой Джедекия оказался распростертым на земле.

— На помощь! — завопил он. — Туземцы взбунтовались!

На звездолете загремел набат. Вой сирен пронзил ночную темноту. Женщины и дети, давно и основательно обученные, как вести себя при сигнале тревоги, быстро забрались в корабль. Мужчины, вооружившись винтовками, пулеметами и ручными гранатами, приближались к Дантону.

— Да мы с ним просто подрались один на один! — крикнул Дантон. — Никаких туземцев и близко нет. Здесь только я.

— Отойди, Анита! — крикнул хаттерит, идущий впереди.

— Но я не видела ни одного туземца, — твердо ответила девушка. — А Данта и в самом деле не виноват.

— Назад!

Аниту оттащили. Дантон бросился к джунглям и успел скрыться, прежде чем застрочили пулеметы.

С полсотни ярдов он прополз на четвереньках, а потом встал и помчался во весь дух.

К счастью, хаттериты не преследовали его. Единственное, чего они хотели, — это защитить от нападения корабль и удержать в своих руках береговой плацдарм с примыкавшей к нему узкой полоской джунглей. Всю ночь не умолкала трескотня пулеметов, громкие крики, истошные вопли.

— Вон высунулся один!

— Поворачивай пулемет, скорее! Они заходят с тыла!

— Ага! Попался!

— Нет, убежал. А, вот ты где... Гляди-ка, а на дереве...

— Стреляй, стреляй же!

Чуть ли не до утра Дантон слышал, как отбивают хаттериты атаки воображаемых туземцев.

Только перед самым рассветом стрельба умолкла. За ночь было израсходовано около тонны свинца, вытоптано несколько акров травы и обезглавлены сотни деревьев. Джунгли воняли кордитом[1].

Дантон забылся беспокойным сном.

Проснувшись в полдень, он услыхал, что кто-то пробирается через подлесок. Дантон углубился в чащу и, подкрепившись местными плодами, напоминающими бананы и манго, попытался обдумать свое положение.

Тщетно. Он мог думать только об Аните и тосковал о ней.

Весь день бродил он, словно неприкаянный, по джунглям. Солнце уже клонилось к закату, когда из подлеска снова донесся шум. Дантон двинулся в глубь зарослей. Но его тут же позвали:

— Данта! Данта! Погоди!

Это была Анита. Он остановился в нерешимости. Что, если девушка покинула лагерь, чтобы поселиться с ним в зеленых джунглях? Впрочем, куда более правдоподобным было другое объяснение: хаттериты хотят заманить его в ловушку, и за девушкой следует отряд вооруженных мужчин, готовых убить его при первой же возможности. Как угадаешь, кого решила предать Анита?

— Данта! Где же ты?

Дантон убеждал себя, что его надежды неосуществимы. Хаттериты вполне ясно показали свое отношение к туземцам. Они никогда не станут доверять ему, его жизнь вечно будет в опасности...

— Данта, я прошу тебя!

Дантон пожал плечами и пошел на ее голос.

Они встретились на небольшой прогалине. Волосы Аниты растрепались, спортивная блуза и шорты были изодраны колючками, но Дантону она показалась прекрасней всех женщин на свете. На миг он поверил, что девушка убежала к нему, останется с ним.

Затем он увидел ярдах в пятидесяти сзади вооруженных мужчин.

— Не волнуйся, — успокоила его Анита. — Они не будут стрелять. Они только охраняют меня.

— Вот как? — принужденно рассмеялся Дантон. — От кого же?

— Они ведь не знают тебя так хорошо, как я, — пояснила Анита. — Но сегодня заседал Совет, и я рассказала там всю правду.

— В самом деле?

---

[1] Кордит — бездымный нитроглицериновый порох.

— Ну конечно. Я сказала, что ты просто защищался, а драку затеял Джедекия. И что он все наврал: на него вовсе не нападала целая орда туземцев. Кроме тебя, там не было ни души, я им прямо заявила.

— Вот молодчина! — пылко воскликнул Дантон. — И они поверили тебе?

— По-моему, да. Я ведь объяснила им, что туземцы напали позднее.

Дантон застонал:

— Послушай, как могли туземцы напасть на вас, если их нет на острове?

— То есть как это нет? А кто же тогда так вопил?

— Твои собственные земляки.

Дантон попытался придумать что-нибудь очень убедительное. Ведь если ему не удастся уверить в своей правоте хотя бы эту девушку, как сможет он разубедить всех остальных?

И тут его осенило. Довод был предельно прост, но, по-видимому, неопровержим.

— Так ты и в самом деле считаешь, что на ваш лагерь напали туземные жители? — произнес он.

— Ну еще бы.

— И много нас было?

— Говорят, что на одного нашего приходилось не меньше десятка.

— Мы были вооружены?

— Разумеется.

— Тогда чем же ты объяснишь тот странный факт, — торжествуя, спросил Дантон, — что ни один из хаттеритов не был ранен?

Анита изумленно на него воззрилась:

— Но, Данта, милый, очень многие из наших ранены и некоторые даже тяжело. Удивительно еще, как в таком сражении никого не убили.

Дантону показалось, что земля рванулась у него из-под ног. Охваченный паникой, он вдруг поверил Аните. Не зря, очевидно, хаттериты так настаивают на своем. А что, если на острове и вправду живет какое-то племя и сотни бронзовых, как он сам, дикарей прячутся сейчас за деревьями, выжидая...

— Тот торговец, что обучил тебя английскому, был, наверное, совсем бессовестный, — продолжала Анита. — Межпланетный закон запрещает продавать туземцам огнестрельное оружие. Когда-нибудь он попадется и...

— Огнестрельное?

— В том-то и дело! Вы, конечно, еще не научились как следует с ним обращаться. Но мой отец сказал, что пуля летит с такой силой...

— Я полагаю, раны были только пулевые?

— Да. Наши не подпустили вас близко, так что вам не удалось воспользоваться кинжалами и копьями.

— Понятно, — сказал Дантон.

Итак, его попытку постиг полный крах. И все-таки он чувствовал себя на вершине блаженства, вновь обретя уверенность в здравости своего рассудка. Дантон понял наконец. Беспорядочно рассыпавшееся по джунглям воинство хаттеритов палило в каждую движущуюся тень, то есть друг в друга. Мудрено ли, что некоторые попали под пулю? Гораздо удивительнее то, что никто не погиб. Это было поистине чудом.

— Но я объяснила старейшинам, что ты вовсе не виноват, — успокоила его Анита. — Наоборот, это на тебя напали, а твои соплеменники, наверное, подумали, что тебя хотят убить. Старейшины считают это вполне вероятным.

— Как любезно с их стороны, — заметил Дантон.

— Они стараются быть беспристрастными. Вообще-то они ведь признают, что туземцы такие же люди, как мы.

— Да неужели! — попытался съязвить бедняга.

— Да, а как же? И старейшины тут же созвали совещание по вопросам туземной политики и на нем порешили все раз и навсегда. Мы отводим вам резервацию площадью в тысячу акров. Правда ведь, не поскупились? Наши уже вколачивают межевые столбы. И вы будете теперь мирно жить в своей резервации, а мы — на нашей части острова.

— Что-о?!

— И чтобы скрепить договор, — продолжала Анита, — наши старейшины просят тебя принять вот это. — И она вручила ему пергаментный свиток.

— Что здесь такое?

— Это мирный договор, который провозглашает окончание хаттеро-нью-таитянской войны и устанавливает отныне и навеки добрососедские отношения между нашими миролюбивыми народами.

Ошеломленный Дантон взял в руки свиток. Он видел, что спутники Аниты уже вкапывают в землю межевые столбы, расписанные в красную и черную полоску. Работая, мужчины пели, как нельзя более довольные тем, что им удалось так быстро и легко справиться с проблемой туземцев.

— А не кажется ли тебе, — начал Дантон, — что, может быть... э-э, лучшим выходом была бы... ассимиляция?

— Я это предлагала, — покраснев, сказала Анита.

— Правда? Значит, ты согласилась бы...

— Конечно, да, — не глядя на него, проговорила девушка. — Я считаю, что слияние двух могущественных рас принесло бы замечательные результаты. И потом... Ах, Данта, какие чудесные сказки и легенды рассказывал бы ты нашим детишкам!

— Я научил бы их охотиться и ловить рыбу, — подхватил Дан-

тон, — показал бы им, как распознавать съедобные коренья и многое другое.

— А ваши колоритные племенные песни, пляски, — вздохнула Анита. — Как все было бы чудесно! Я очень огорчена.

— Но должен же быть выход! Может, мне поговорить со старейшинами? Неужели нет надежды?

— Никакой, — ответила Анита. — Я бы убежала с тобой, Данта, но ведь нас поймают, не сейчас, так позже.

— Они никогда нас не найдут, — уверил ее Дантон.

— Возможно. Я бы с радостью рискнула.

— Милая!

— Но не во мне одной дело. А твой несчастный народ, Данта? Хаттериты возьмут заложников и, если я не вернусь, поубивают их.

— Да нет здесь никакого народа! Нет его, черт меня возьми!

— Я тронута, что ты так говоришь, — нежно произнесла Анита. — Но нельзя жертвовать человеческими жизнями ради любви двух отдельных лиц. Ты предупреди своих соплеменников, Данта, чтобы не нарушали границу. В них будут сразу же стрелять. Прощай и помни, что тропа мира лучше, чем тропа войны.

Девушка убежала. Дантон долго смотрел ей вслед. Он и злился, что ее благородные чувства обрекали их на бессмысленную разлуку, и в то же время еще сильней любил ее за сострадание к его соплеменникам. То, что соплеменников не существует в природе, не умаляло заслуг девушки. Она ведь этого не знала.

Наконец он повернулся и побрел в глубь чащи.

Остановился он около тихого пруда, над которым нависли ветви гигантских деревьев. Черную гладь воды окаймляли заросли цветущего папоротника; усевшись здесь, он стал раздумывать, как ему доживать свой век. Анита потеряна. Все связи с подобными ему оборвались. Ну что ж, ему никто и не нужен, утешал он себя. Он отлично проживет и в резервации; если захочет, снова посадит огород, будет опять высекать статуи, напишет новые сонаты, опять станет вести дневник...

— К черту! — крикнул он деревьям.

Он был сыт по горло сублимацией. Его влекло к Аните, тянуло к людям. Одиночество опротивело ему.

Но что же делать?

Выхода, казалось, не было. Прислонившись к стволу дерева, Дантон задумчиво смотрел на неистово-синее нью-таитянское небо. Если бы эти хаттериты не погрязли так в своих дурацких предрассудках, и не боялись так туземцев, и...

План возник молниеносно, безумный, опасный план...

«Попробовать стоит, — подумал Дантон. — А убьют, так и ладно».

И он заспешил к пограничной меже.

Увидев, что Дантон приближается к лагерю, один из часовых направил на него винтовку. Дантон поднял руки.

— Не стреляй! Мне нужно поговорить с вашими вождями.

— Убирайся в резервацию! — крикнул ему часовой. — Не то буду стрелять.

— Но мне нужно видеть Симеона, — настаивал Дантон.

— Приказ есть приказ, — и с этими словами часовой прицелился.

— Стой, погоди-ка. — Из космического корабля вылез хмурый как туча Симеон. — Что тут стряслось?

— Опять пришел этот туземец, — пояснил часовой. — Прихлопнуть его, сэр?

— Чего тебе нужно? — спросил Симеон Дантона.

— Я пришел, дабы возвестить вам, — громовым голосом начал Дантон, — *объявление войны!*

Лагерь всполошился. Через несколько минут все мужчины, женщины и дети сгрудились около корабля. Старейшины — группа седобородых старцев — держались с краю.

— Ты ведь принял мирный договор, — заметил Симеон.

— Мы, вожди племен, живущих здесь, на острове, — выступая вперед, заявил Дантон, — обсудили договор и находим, что он несправедлив. Нью-Таити — наша. Она искони принадлежала нашим отцам и отцам наших отцов. Здесь растили мы детей, сеяли злаки и собирали плоды хлебного дерева. Мы не хотим жить в резервации!

— Ах, Данта! — воскликнула, выходя из корабля, Анита. — Я ведь просила тебя принести твоему народу мир.

— Они не послушались бы меня, — ответил Дантон. — Все племена поднялись. И не одни только цинохи, мой народ, но и дровати, лорогнасти, ретелльсмбройхи, вителли. Я уж не говорю о зависимых и малых племенах.

— И много у вас народу? — спросил Симеон.

— Пятьдесят или шестьдесят тысяч воинов. Но, конечно, не у каждого есть винтовка. Большинству придется довольствоваться более примитивным оружием, вроде отравленных дротиков и стрел.

Тревожный ропот пробежал по рядам толпы.

— Многих из нас убьют, — бесстрастно продолжал Дантон. — Пусть: мы готовы к этому. Каждый ньютаитянин будет сражаться как лев. На одного вашего воина обрушится тысяча наших. Кроме того, к нам, конечно, примкнут наши родичи с соседних островов. И каких бы жертв и бедствий это нам ни стоило, мы опрокинем вас в море. Я сказал.

Дантон повернулся и горделиво зашагал к джунглям.

— Ну а теперь-то можно прихлопнуть его? — взмолился часовой.

— Опусти винтовку, дурень! — рявкнул Симеон. — Погоди, Данта! Я думаю, мы поладим. К чему нам зря проливать кровь?

— Я согласен, — степенно ответил Дантон.

— Что вы требуете от нас?

— Равноправия.

Старейшины, не сходя с места, принялись совещаться. Симеон выслушал их и направился к Дантону.

— Это требование исполнимо. Больше вы ничего не хотите?

— Нет, больше ничего, — ответил Дантон. — Если, разумеется, не считать того, что для скрепления договора главенствующим родам хаттеритов и ньютаитян надлежит связать себя нерасторжимыми узами. Мы предлагаем брак.

Старейшины опять посовещались, и военачальник получил новые наставления, столь сильно взволновавшие его, что на шее у него вздулись жилы. Впрочем, Симеон усилием воли овладел собой и, поклонившись в знак повиновения старейшинам, прошествовал к Дантону.

— Старейшины уполномочили меня, — сказал он, — предложить тебе кровное братство. Мы с тобой, как представители главенствующих родов, смешаем кровь и после свершения этой трогательной, чисто символической церемонии преломим хлеб, посыплем его солью...

— Э, нет, — ответил Дантон. — У нас на Нью-Таити такое не принято. Я настаиваю на браке.

— Но, черт возьми, любезный...

— Таково мое последнее слово.

— Мы никогда не согласимся! Никогда!

— Значит, будем воевать, — объявил Дантон и удалился в джунгли.

Он и впрямь был не прочь начать войну, хотя и не представлял себе, каким образом один-единственный туземец сможет вести военные действия против большого отряда вооруженных мужчин.

Дантон пытался что-нибудь изобрести, когда к нему явились Симеон и Анита.

— Твоя взяла, — сердито буркнул Симеон. — Старейшины согласны. Хаттеритам осточертело порхать с планеты на планету. Мы сталкиваемся с проблемой туземцев не в первый раз, и, куда бы мы ни перебрались, нам от нее, наверное, не избавиться. Мы сыты ею по горло и предпочитаем, — Симеон судорожно глотнул воздух, однако мужественно договорил: — согласиться на ассимиляцию. По крайней мере, так решили старейшины. Я лично выбрал бы войну.

— И потерпели бы поражение, — заверил его Дантон, вдруг почувствовав себя в силах в одиночку расправиться с хаттеритами.

— Возможно, — согласился Симеон. — Впрочем, если бы не Анита, нам пришлось бы воевать.

— Почему?

— А потому, любезнейший, что во всем лагере она единственная девушка, которая согласна выйти замуж за голого и грязного язычника-дикаря!

Итак, они поженились, и Данта, именуемый отныне Другом Белого Человека, принялся помогать хаттеритам в покорении

новых земель. Пришельцы, в свою очередь, приобщили его к чудесам цивилизации. Данту научили играть в такие игры, как бридж, «Станьте в круг». Вскоре хаттериты построили первую подземку, чтобы, как все цивилизованные люди, давать разрядку своей агрессивности. Данту посвятили и в эту игру.

Как ни старался он проникнуться духом этой классической забавы землян, она оказалась недоступной для его примитивной натуры. Вместе с женой он кочевал по планете, передвигаясь вслед за границей, дабы быть как можно дальше от угнетавших его благ цивилизации.

Данту часто навещали антропологи. Они записали все истории, какие он рассказывал своим детям: древние и прекрасные нью-таитянские легенды о небесных богах и водяных демонах, о духах огня и о лесных нимфах; о том, как Катамандуре было велено создать мир из ничего всего за три дня и какая награда его ожидала; что сказал Джевази, повстречав в подземном царстве Хутменлати, и как странно закончилась их встреча.

От антропологов не ускользнуло сходство нью-таитянских легенд с некоторыми из земных, что послужило основанием для целого ряда остроумных теорий. Их внимание привлекали также исполинские статуи из песчаника, найденные на главном острове Нью-Таити, зловещие, колдовские изваяния, которые, увидав однажды, никто уж не мог позабыть. Вне всякого сомнения, они были созданы некой пренью-таитянской расой, обитавшей на планете в незапамятные времена, которая вымерла, не оставив по себе следов.

Но гораздо больше интриговало ученых загадочное исчезновение самих ньютаитян. Беспечные, смешливые, смуглые, как бронза, дикари, превосходившие представителей любой другой расы ростом, силой, здоровьем и красотой, исчезли с появлением белых людей. Лишь немногие из старейших поселенцев могли кое-что припомнить о своих встречах с аборигенами, но и их рассказы не внушали особого доверия.

— Мой народ? — говорил Данта любопытным. — О, мой народ не перенес болезней белых людей, их машинной цивилизации, их грубости и деспотизма. Мои родичи теперь в ином, более счастливом краю, на Валгуле, там, за небом. Когда-нибудь и я уйду туда.

И, слыша это, белые люди почему-то чувствовали себя виноватыми и старались быть как можно ласковее с Дантой, Последним Туземцем.

ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

Мистер Морчек пробудился с ощущением какого-то кисловатого привкуса во рту. Последнее, что он помнил со вчерашней вечеринки, устроенной Триад-Морганом, был раскатистый смех

Джорджа Оуен-Кларка. Ах, какая была вечеринка! Жители всей Земли праздновали начало нового тысячелетия. Наступил 3000-й год! Всеобщий мир и благоденствие, счастливая жизнь...

— Вы счастливы? — с хитрой улыбкой спросил Оуен-Кларк, слегка пошатываясь от принятого. — Я имею в виду, счастливы ли вы со своей милой женушкой?

Какая бестактность! Все знали, что Оуен-Кларк был сторонником примитивизма, но это еще не давало ему права соваться в чужие дела. Только потому, что сам Оуен-Кларк женат на обычной женщине, которых теперь называют Примитивными?

— Я люблю свою жену, — с достоинством отвечал Морчек. — Она намного нежнее и заботливее, чем та неврастеничка, которую вы называете своей женой.

Но, конечно, примитивистов трудно пронять: у них толстая шкура. Примитивисты любят недостатки своих жен больше, чем их достоинства, — они просто обожают их капризы.

Улыбка Оуен-Кларка сделалась еще загадочнее, и он сказал:

— Знаете, старина Морчек, мне кажется, что ваша жена нуждается в диспансеризации. Вы обращали в последнее время внимание на ее рефлексы?

Непроходимый идиот! Припомнив весь этот разговор, мистер Морчек встал с постели, жмурясь от яркого утреннего солнца, которое пробивалось сквозь шторы. Мирины рефлексы, черт бы их побрал! В том, что сказал Оуен-Кларк, была крупица истины. В последнее время Мира была как будто не в себе.

— Мира, — позвал Морчек. — Где мой кофе?

Мгновение с первого этажа никто не отвечал. Затем раздался приятный женский голос:

— Сию минуту!

Морчек натянул брюки, все еще сонно мигая глазами. Хорошо, что три следующих дня объявлены праздничными. За это время он успеет прийти в себя после вчерашней вечеринки.

Спустившись по лестнице, Морчек увидел суетящуюся Миру, которая наливала кофе, раскладывала салфетки и выдвигала для него кресло. Он уселся, а она поцеловала его в лысину. Он любил, когда она его целовала в лысину.

— Как моя женушка чувствует себя сегодня? — спросил он.

— Великолепно, мой дорогой! — ответила она, помедлив секунду. — Сегодня я приготовила тебе бифссольнички. Ты же их любишь...

Морчек надкусил бифссольник, он оказался очень сочным, и запил его кофе.

— Так как твое самочувствие? — снова поинтересовался он.

Мира намазала маслом кусочек поджаренного хлеба и подала мужу.

— Великолепно! Ты знаешь, вечеринка вчера была прекрасная. Мне там так понравилось!

— Я немного захмелел, — признался Морчек, изобразив на лице подобие улыбки.

— Мне нравится, когда ты немного под хмельком, — сказала Мира. — У тебя голосок тогда становится, как у ангела, конечно, как у очень умного ангела. Я готова была слушать тебя не переставая.

Она намазала маслом еще кусочек хлеба и подала мужу.

Мистер Морчек сиял как красное солнышко, потом вдруг нахмурился. Он положил на тарелку бифссольник и поскреб пальцем щеку.

— Знаешь, у меня была небольшая стычка с Оуен-Кларком. Он разглагольствовал о Примитивных Женщинах.

Мира ничего не ответила, она готовила для мужа пятый кусок поджаренного хлеба с маслом. На столе выросла уже целая горка из бутербродов. Она принялась намазывать шестой, но Морчек дотронулся до ее руки. Она подалась вперед и поцеловала его в кончик носа.

— Примитивные Женщины! — с презрением произнесла она. — Кто бы говорил! Эти неврастенички? Тебе же со мной лучше, правда, милый? Ну что из того, что я модернизированная? Ни одна Примитивная Женщина не будет любить тебя, как я! А я тебя обожаю!

То, что она говорила, было правдой. За всю писаную историю человечества мужчина никогда не был счастлив с обычной Примитивной Женщиной. Эгоистичные, избалованные натуры, они требовали, чтобы о них всю жизнь заботились и проявляли к ним внимание. Всех возмущало то, что жена Оуен-Кларка заставляла мужа вытирать тарелки. И он, дурак, с этим мирился! Примитивным Женщинам постоянно требовались деньги, на которые они покупали себе тряпки и разные безделушки, им нужно было подавать завтрак в постель, они уходили из дому для игры в бридж, часами висели на телефоне и выделывали черт знает что. Они пытались отнять у мужчин выгодные должности. В конечном счете они доказали свое равенство.

Некоторые идиоты, вроде Оуен-Кларка, соглашались, что эти женщины ни в чем не уступают мужчинам.

После таких бесспорных проявлений безграничной любви к нему со стороны жены мистер Морчек почувствовал, что неприятные ощущения после вчерашней ночи постепенно улетучиваются. Мира между тем ничего не ела. Он знал, что она имела привычку перекусить без него, с тем чтобы все свое внимание переключить на то, чтобы накормить мужа. Вот эти так называемые мелочи и делали обстановку в доме совершенно особенной.

— Оуен-Кларк сказал, что у тебя замедленная реакция.

— Неужели? — спросила Мира, немного помедлив. — Эти примитивисты воображают, будто им все известно.

Это правильный ответ, но было очевидно, что он чуть-чуть за-

поздал. Мистер Морчек задал жене еще несколько вопросов. Время ее реакции он проверял по секундной стрелке на кухонных часах. Сомнений не было — ее реакция запаздывала.

— Почту принесли? — быстро спросил он ее. — Кто-нибудь звонил? Я не опоздаю на работу?

Спустя три секунды она раскрыла рот и снова его закрыла. Случилось нечто непоправимое.

— Я тебя люблю, — было все, что она смогла вымолвить.

Мистер Морчек почувствовал, как у него тревожно забилось сердце. Ведь он ее любил! Любил безумно, страстно! Но этот проклятый Оуен-Кларк был прав. Миру нужно подлечить. Казалось, она читает его мысли. Она вновь оживилась и произнесла через силу:

— Я хочу только одного, дорогой, чтобы ты был счастлив. Кажется, я заболела... Ты позаботишься о том, чтобы меня вылечили? Возьмешь меня обратно после обследования? И не позволяй им изменять меня — я не хочу никаких перемен!

Она закрыла лицо руками. И заплакала — беззвучно, чтобы не досаждать ему.

— Это будет обычная проверка, дорогая, — сказал Морчек, сам едва сдерживая слезы. Но он знал, так же как и Мира, что она действительно больна.

«Как это несправедливо! — думал он. — Примитивная Женщина с ее грубым мозговым веществом почти не подвержена таким болезням. Но здоровье нежной Современной Женщины с ее тонкой чувствительностью чрезвычайно уязвимо. Какая чудовищная несправедливость! Именно поэтому Современная Женщина вобрала в себя все самые драгоценные качества женской натуры. Ей не хватает только выносливости».

Мира снова оживилась. С усилием поднялась на ноги. Она была очень красива. На ее щеках выступил болезненный румянец, а утреннее солнце высветило ее прекрасные волосы.

— Милый, — сказала она слабым голосом. — Ты не позволишь мне остаться еще ненадолго? Может быть, я сама собой поправлюсь?

Но глаза ее уже застилала пелена.

— Милый...

Она попробовала собрать все силы, держась за край стола.

— Когда у тебя будет другая жена, не забывай, как я тебя любила.

Она села. Выражение ее лица сделалось бессмысленным.

— Я подгоню машину, — пробормотал Морчек и поспешил выйти из кухни. Он почувствовал, что еще немного и сам расклеится.

Он направился в гараж усталой походкой.

Мира его покинула! И современная наука, несмотря на все ее достижения, не в силах ей помочь!

Он подошел к гаражу и сказал:

— Подавай задним ходом!

Машина плавно подалась назад и остановилась рядом с хозяином.

— Что-нибудь случилось, босс? — спросила машина. — Вы чем-то расстроены? Никак не отойдете после вчерашнего?

— Нет, это из-за Миры. Она сломалась.

Машина мгновение помолчала. Потом негромко сказала:

— Мне очень жаль, мистер Морчек. Мне бы очень хотелось вам помочь.

— Спасибо, — сказал Морчек, который обрадовался тому, что в тяжелый час рядом есть друг. — Боюсь, что мне уже никто не сможет помочь.

Машина подъехала задним ходом к самой двери дома, и Морчек помог Мире устроиться на заднем сиденье. Машина плавно тронулась.

Всю дорогу до завода она тактично хранила молчание.

ВЫМОГАТЕЛЬ

Детрингера выслали с родной планеты Ферланг за «преступные действия чрезвычайной непристойности». Он нахально цыкнул сквозь зубы во время Резвой Созерцательности и передернул задним голенопятом, когда Великий Региональный Вездесущий удостоил его плевка.

Подобная наглость обычно наказуема всего лишь парой десятков лет «безоговорочного остракизма». Но Детрингер усугубил вину, совершив «преднамеренное ослушание» на Встрече Поминовения, где во всеуслышание и с подробностями предавался воспоминаниям о своих грязных любовных похождениях.

Его последний антиобщественный поступок не имел себе равных в новейшей истории Ферланга: Детрингер проявил «неприкрытое злобное насилие» по отношению к некоему Уканистеру, обнаружив «явную публичную агрессивность», которой планета не знала со времен первобытной Эпохи Смертельных Игр.

Этой отвратительной выходкой, следствием которой для Уканистера явились не только телесные повреждения, но и тяжкий моральный удар, Детрингер и заработал себе высшую меру наказания — «бессрочное изгнание».

Ферланг — четвертая по счету планета в системе на краю Галактики. Детрингера вывезли в межгалактическую пучину и бросили в крошечном недоснаряженном спортивном кораблике на произвол судьбы. Вместе с ним в ссылку добровольно отправился и его преданный механический слуга Ичор. Жены Детрингера — задорная шаловливая Марук, высокая задумчивая Гвенкифер и неугомонная лопоухая Уу — официально расторгли брак с ним Торжественным Актом Вечного Презрения. Восемь его детей

прошли через Обряд Отречения, хотя поговаривали, что Дерани — младшая — потом прошептала: «Что б ты там ни натворил, папка, я все равно тебя люблю».

Детрингеру, разумеется, не дано было этим утешиться. Очень скоро запасы энергии на утлом суденышке, брошенном в безбрежный океан пространства, истощились, и Детрингер, когда пришлось перейти на строгий рацион, изведал голод, холод, жажду и пульсирующую головную боль кислородного голодания. Со всех сторон его окружала убийственная пустота необъятного космоса, нарушаемая лишь безжалостным блеском звезд. Не видя смысла расходовать скудные запасы горючего в межгалактических пучинах, которые способны до дна исчерпать резервуары самых гигантских звездолетов, он выключил двигатели. Следовало беречь топливо для межпланетного маневрирования, если столь маловероятная возможность представится. Время сковало его густым черным желе. Существо слабое, лишившись привычного окружения, наверняка предалось бы отчаянию и потеряло рассудок. Но не в натуре Детрингера было падать духом. Осужденный занимался гимнастикой, погружался в высокоскоростную медитацию, каждый «вечер» устраивал концерты преданному Ичору, который отнюдь не отличался музыкальным слухом, и сотнями других способов, изложенных в «Пособии по выживанию в одиночку», избегал губительных мыслей о неизбежности смерти.

Так шло время, пока в окружающем пространстве все резко не изменилось. Космический штиль уступил место игре электрических разрядов, что грозило новыми бедствиями. Мощный шторм налетел на кораблик и швырнул его в самую бездну. Суденышко спасла собственная беспомощность. Покорно гонимый штормовым фронтом, кораблик уцелел.

Едва ли стоит описывать испытания, выпавшие на долю его пассажиров. Главное — они выжили. Через некоторое время после того, как титанические волны успокоились, Детрингер очнулся и открыл затуманенные глаза. Потом он поглядел в иллюминаторы и снял показания навигационных приборов.

— Ну вот, межгалактические пучины и позади, — сообщил он Ичору. — Нас вынесло к границе планетной системы.

Ичор приподнялся на алюминиевом локте и произнес:

— Тип солнца?

— Тип О, — ответил Детрингер.

— Слава Создателю! — вознес хвалу Ичор и рухнул, истощив заряд своих батарей.

Последнее дуновение космического ветерка затихло прежде, чем суденышко пересекло орбиту внешней планеты — девятнадцатой от молодого жизнедарящего светила. Несмотря на возражения Ичора, считавшего, что энергию надо беречь на крайний случай, Детрингер зарядил робота от корабельных аккумуляторов.

Собственно, крайний случай был налицо. Приборы показывали, что только на пятой от солнца планете Детрингер мог обойтись без специальных средств жизнеобеспечения. Но оставшегося топлива до далекой цели явно не хватало, а в космосе снова царил штиль.

Можно было сидеть тихо в надежде на случай — вдруг их подхватит какое-нибудь течение или даже шторм. Но срок, отпущенный пассажирам корабельными запасами, был так невелик, что не приходилось рассчитывать ни на то, ни на другое. К тому же течения и штормы, если и возникают, далеко не всегда оказываются попутными.

Детрингер выбрал более активный и, возможно, более опасный путь. Рассчитав оптимальный курс и скорость, он решил двигаться вперед до тех пор, пока позволят запасы горючего.

Ценой неимоверных усилий и благодаря виртуозному пилотированию Детрингер, до капли рассчитав расход топлива, изловчился приблизиться к заветной цели на двести миллионов миль. Потом пришлось отключить двигатели. Горючего осталось в обрез, только для приземления.

Суденышко дрейфовало в космосе, все еще двигаясь к пятой планете, но столь медленно, что и тысячи лет не хватило бы добраться до ее атмосферы. Едва ли требовалось особое воображение, чтобы представить кораблик гробом, а себя — его преждевременным обитателем. Но Детрингер гнал прочь подобные мысли и не отступал от принятого им режима: гимнастика, концерты и высокоскоростная медитация.

Ичор был этим несколько озадачен. Ортодокс по складу ума, он тактично указал на неуместность и, следовательно, безрассудность подобного поведения в создавшейся ситуации.

— Ты, конечно, прав, — бодро ответил Детрингер. — Но позволь напомнить тебе, что Надежда, пусть даже неосуществимая, входит в число Восьми Нерациональных Благ и, стало быть (согласно Второму Патриарху), на порядок выше любого из Здравых Предписаний.

Убежденный ссылкой на Патриарха, Ичор скрепя сердце согласился с Детрингером и даже спел в унисон с ним парочку псалмов (сцена столь же комичная для глаза, сколь и невыносимая для слуха).

Запасы энергии неумолимо таяли. Рацион пришлось урезать вдвое, потом вчетверо: агрегаты едва функционировали. Тщетно умолял Ичор своего хозяина влить заряд его батарей в студеные обогреватели корабля. Дрожа от холода, Детрингер упорно отказывался.

Возможно, темперамент влияет на естество. Если бы не натура Детрингера, вряд ли сильное попутное течение появилось бы именно тогда, когда от запасов энергии остались одни воспоминания.

Собственно, приземление оказалось весьма простым для пи-

лота такого мастерства и везения. Словно пушинку, опустил Детрингер корабль на зеленую поверхность планеты. Когда он окончательно выключил двигатели, топлива оставалось ровно на тридцать восемь секунд.

Ичор пал на колени и восславил память Создателя, не забывшего дать им прибежище. Но Детрингер отрезвил его:

— Прежде чем лить слезы умиления, давай лучше оглядимся.

Пятая планета оказалась вполне гостеприимной: здесь было все необходимое для жизни и почти ничего из излишеств. Но изгнанники скоро поняли, что прикованы к планете навеки: лишь высокоразвитая цивилизация могла создать топливо для корабельных двигателей, а воздушная разведка не обнаружила в этом радушном живописном мире даже следа разумных существ.

Простым переключением проводов Ичор подготовил себя к проживанию отведенного ему срока в сем ниспосланном свыше местечке и рекомендовал Детрингеру тоже смириться с неизбежным.

— В конце концов, — резонно заметил он, — даже раздобудь мы топливо, куда нам лететь? Всякая подобная попытка на этом крошечном суденышке равносильна самоубийству.

Детрингера не убедили его рассуждения.

— Лучше бороться и принять смерть, чем, прозябая, сохранить жизнь, — заявил он.

— Хозяин, — почтительно заметил Ичор, — сие ересь.

— Вероятно, — беззаботно согласился Детрингер. — Но так уж я полагаю. А интуиция подсказывает мне — что-нибудь подвернется.

Ичор содрогнулся и втайне вознес молитву во спасение души хозяина. Он все же надеялся, что Детрингер примет Помазание Вечного Одиночества.

Капитан Эдвард Мэйкнис Макмиллан стоял посреди главной рубки исследовательского судна «Дженни Линд» и изучал ленту, которая струилась из координирующего компьютера серии 1100. Было очевидно, что в пределах ошибки корабельных приборов новая планета не таит никаких опасностей.

К этой минуте Макмиллан шел всю жизнь. Блестяще закончив курс естественных наук в Таоском университете, он продолжал заниматься ядерной физикой. Его докторская работа «Некоторые предварительные заметки относительно науки межзвездного маневрирования» была одобрительно встречена коллегами и с успехом издана для широкой публики под названием «Затерянные и найденные в глубоком космосе». Это да еще большая статья в журнале «Природа», озаглавленная «Использование теории отклонения в приемах и методах посадки», сделали единственной

его кандидатуру на пост капитана первого американского звездолета.

Это был высокий, крепкого телосложения, красивый мужчина с преждевременной сединой в свои тридцать шесть лет. Как пилот он не знал себе равных — его реакции поражали непогрешимой точностью и уверенностью.

Значительно хуже ему давались отношения с людьми. Макмиллан был отмечен какой-то робостью и чрезвычайной застенчивостью. Принимая всякое решение, он неизменно мучился сомнениями, что, возможно, достойно уважения в философии, но, безусловно, обнаруживает слабость командира.

В дверь постучали, и, не дожидаясь разрешения, в комнату вошел полковник Кеттельман.

— На первый взгляд здесь недурно. Как по-вашему? — заметил он.

— Профиль планеты производит благоприятное впечатление, — сухо отозвался Макмиллан.

— Прекрасно, — заключил Кеттельман и тупо уставился на данные, представленные компьютером. — Что-нибудь интересное?

— И немало. Все говорит о наличии уникальной растительности. Кроме того, наши биологические пробы обнаружили некоторые аномалии...

— Я не об этом, — отмахнулся Кеттельман, выказывая презрение, которое порой испытывает прирожденный солдат к бабочкам и цветочкам. — Я имею в виду кое-что поважнее: армию, космический флот...

— Там, внизу, похоже, нет и следа цивилизации, — пожал плечами Макмиллан. — Сомневаюсь, что мы найдем здесь разумную жизнь.

— Кто знает, — с сомнением проговорил Кеттельман.

Это был коренастый, крепкий и непоколебимый в суждениях человек, ветеран многих кампаний. Майором он сражался в джунглях Гондураса в так называемой Фруктовой войне, закончив ее подполковником. Звание полковника ему принес злополучный нью-йоркский мятеж, во время которого он лично повел своих людей на штурм казначейства и удерживал Сорок вторую улицу от прорыва Беспутного батальона.

Бесстрашный, с репутацией отца солдат и безупречным послужным списком, он был на короткой ноге со многими сенаторами и техасскими миллионерами и сумел добиться заветного назначения на пост командующего военными операциями корабля «Дженни Линд». Теперь он с нетерпением ждал той славной минуты, когда боевой отряд из двадцати морских пехотинцев ступит на поверхность планеты. Это событие волновало его чрезвычайно. Плевать на показания приборов! Кеттельман отлично знал, что внизу могло затаиться что угодно, выжидая, чтобы ударить, изувечить и убить, если он не ударит первым.

— Правда, кое-что там есть, — добавил Макмиллан. — Мы обнаружили космический корабль.

— Ага! — удовлетворенно крякнул Кеттельман. — Я так и думал. Вы засекли только один?

— Да, очень маленький, раз в двадцать меньше нашего, явно безоружный.

— Они хотят, чтобы вы именно так и думали, разумеется, — заявил Кеттельман. — Интересно, где остальные?

— Какие остальные?

— Остальные вражеские корабли, войска, ракеты «земля — космос» и все прочее.

— Присутствие одного корабля логически не обусловливает присутствия другого, — заметил капитан Макмиллан.

— Вот как? Послушайте, Эд, меня учили логике джунгли Гондураса, — наставительно сказал Кеттельман. — По тамошним правилам: где нашли одну обезьяну с мачете, там в зарослях притаились еще пятьдесят. И не зевай, а то живо лишишься ушей. Стоит замешкаться в поисках доказательств, и вас прикончат в два счета.

— Здесь несколько иные условия, — не согласился Макмиллан.

— Ну и что?

Макмиллан внутренне вздрогнул и отвернулся. От общения с Кеттельманом он испытывал почти физическую боль. Полковник был сварлив и упрям, легко впадал в ярость и отличался категоричностью суждений, основанных, как правило, на незыблемом фундаменте его поразительного невежества. Капитан знал, что эта антипатия взаимна. Он прекрасно понимал: Кеттельман считает его мягкотелым, годным разве что для научных изысканий.

К счастью, их обязанности были четко определены и разграничены. Но, видно, лишь до сих пор.

Детрингер и Ичор, стоя под сенью деревьев, наблюдали за безупречной посадкой большого космического корабля.

— Что и говорить, пилот — истинный ас, — заметил Детрингер. — Знакомство с ним я почел бы за честь для себя.

— Думаю, вам представится такая возможность, — отозвался Ичор. — То, что они приземлились рядом с нами, имея в распоряжении всю поверхность планеты, вряд ли может оказаться случайностью.

— Они нас, конечно, обнаружили, — согласился Детрингер. — И решили действовать прямо, как поступил бы на их месте и я.

— Ваши рассуждения не лишены здравого смысла, — сказал Ичор. — Но как будете действовать вы на своем месте?

— Прямо, разумеется!

— Исторический момент, — вздохнул Ичор. — Представитель ферлангского народа скоро встретит первых разумных существ. Ирония судьбы — столь великая миссия ниспослана преступнику!

— Эта великая миссия, как ты выражаешься, была навязана мне силой. Уверяю тебя, я ее не домогался. Да, между прочим, думаю, лучше не упоминать о моих маленьких разногласиях с властями Ферланга.

— Вы хотите солгать?

— Зачем так резко! — поморщился Детрингер. — Считай, что это — желание спасти соотечественников от стыда за своего эмиссара.

— Что ж, пожалуй.

Детрингер пристально посмотрел на своего механического слугу.

— Мне кажется, Ичор, ты не совсем одобряешь мои действия?

— Вы правы, сэр. Но, пожалуйста, поймите меня: я предан вам безоглядно и в любую минуту не колеблясь пожертвую своей жизнью ради вашего благополучия. Я буду служить вам до самой смерти — и дальше, если это возможно. Но преданность конкретному лицу не может поколебать моих религиозных, социальных и этических убеждений. Я люблю вас, сэр, но не могу одобрить ваше поведение.

— Считай, что я предупрежден, — сказал Детрингер. — А теперь давай обратим внимание на наших незнакомцев. Люк открывается. Они выходят.

— Выходят солдаты, — уточнил Ичор.

Вновь прибывшие оказались двуногими и, как и сам Детрингер, имели по две верхние конечности, по одной голове, одному рту, одному носу, у них не было ни антенн, ни хвостов. Судя по снаряжению, они определенно являлись солдатами. Каждый был тяжело нагружен множеством предметов, в которых угадывались огнестрельное оружие, газовые и разрывные гранаты, лучеметы, ракеты малого радиуса действия с атомными боеголовками и много чего еще. Тела их защищали бронекостюмы, а головы — прозрачные шлемы. Отряд состоял из двадцати человек и, очевидно, командира, который на первый взгляд казался безоружным. Он держал в руке только гибкую палочку — вероятно, символ власти, — которой постукивал себя по левой нижней конечности, и неторопливо шествовал во главе солдат.

Солдаты цепью продвигались вперед, перебегая от дерева к дереву. Весь их вид свидетельствовал о крайней подозрительности и готовности к самым решительным действиям. Офицер не снисходил до осторожности, шел прямо вперед, демонстрируя либо беспечность, либо напускную храбрость, либо просто глупость.

— Хватит сидеть в кустах, — решил Детрингер. — Пора выйти и встретить их с достоинством, приличествующим эмиссару ферлангского народа.

Детрингер тут же выступил вперед и в сопровождении Ичора двинулся навстречу солдатам. В эту минуту он был великолепен.

На борту «Дженни Линд» каждый знал о существовании чужого космического корабля. Так что присутствие на этом корабле инопланетного обитателя, который сейчас браво шел на гвардейцев Кеттельмана, не должно было вызвать потрясения.

Но вызвало. Оказалось, гвардейцы не готовы встретить настоящего, живехонького инопланетянина. Событие грозило самыми непредсказуемыми последствиями. А отсюда — каковы должны быть самые первые слова? Как бы в этот исторический момент не ударить в грязь лицом. Сколько ни старайся, неминуемо придумаешь что-то вроде: «Доктор Ливингстон, полагаю?» Над вашими словами, банальными они кажутся или выспренними, люди будут смеяться веками. Что и говорить, такая встреча грозила величайшим позором.

И капитан Макмиллан, и полковник Кеттельман лихорадочно искали достойное начало и неизменно отвергали каждый новый вариант, втайне надеясь, что в переводящем компьютере С-31 полетит транзистор. Каждый морской пехотинец молил Бога, чтобы инопланетянин заговорил не с ним. Даже корабельный кок потерял голову — не дай Бог инопланетянин в первую очередь поинтересуется, что они едят.

Но до Кеттельмана им всем было далеко. «Черта с два, уж я-то с ним первым не заговорю!» — однозначно решил он. Полковник замедлил шаг, рассчитывая, что солдаты выдвинутся вперед. Но его люди остановились, не решаясь обогнать командира. Капитан Макмиллан, шедший за морскими пехотинцами, тоже остановился, проклиная себя за то, что выступает в полной парадной форме при всех регалиях. Он не сомневался, что выглядит самым представительным и инопланетянин непременно подойдет прямо к нему.

Земляне застыли на месте. Инопланетянин приближался. Замешательство в рядах землян перешло в панику. Морские пехотинцы явно собрались уносить ноги. Это не укрылось от внимания Кеттельмана. Полковник оцепенел от мысли, что сейчас они обесчестят его и его вооруженные силы.

Тут он вспомнил о газетчиках. Конечно же, газетчики! Пускай кашу расхлебывают газетчики: им за это платят.

— Взвод, стой! — скомандовал полковник.

Инопланетянин тоже остановился, пытаясь понять, что происходит.

— Капитан, — обратился Кеттельман к Макмиллану, — предлагаю для этого исторического момента спустить... я имею в виду — выпустить газетчиков.

— Прекрасная идея, — согласился Макмиллан и распорядился вывести из анабиоза и прислать сюда представителей печати.

Затем все стали ждать.

Представители печати хранились в особом помещении. Табличка на двери гласила: «Анабиоз — посторонним вход воспрещен». Ниже от руки было добавлено: «Поднимать только в случае сенсации».

Внутри помещения в индивидуальных капсулах находились пять журналистов и журналистка. Они единодушно решили, что небогатые событиями годы, которые потребуются «Дженни Линд», чтобы куда-нибудь прилететь, явятся пустой тратой субъективного времени, и погрузились в анабиоз, пока не случится что-либо, заслуживающее их внимания. Меру сенсационности доверили определить капитану Макмиллану, который в студенческие годы сотрудничал в газете «Солнце Феникса».

Рамон Дельгадо, инженер-шотландец с весьма необычной биографией, получил приказ разбудить корреспондентов. Пятнадцать минут спустя еще не совсем пришедшие в себя журналисты уже рвались узнать, что происходит.

— Мы совершили посадку на планете земного типа, — объявил Дельгадо, — но без всяких следов цивилизации и разумной жизни.

— А разбудили нас для чего? — возмутился Квебрада из Северо-Восточного агентства новостей.

— Дело в том, — продолжал Дельгадо, — что здесь находится космический корабль и на нем, естественно, разумный инопланетянин.

— Тогда другое дело, — сказала Милисент Лопец, сотрудница издания «Женская одежда». — Вы не обратили внимания, как он одет?

— Установлено ли, насколько он разумен? — спросил Матеас Упман из «Нью-Йорк таймс».

— Каковы были его первые слова? — поинтересовался Анжел Потемкин из «Эн-Би-Си-Си-Би-Эс-Эй-Би-Си».

— Он ничего не говорил, — ответил инженер Дельгадо. — Его пока ни о чем не спрашивали.

— Вы хотите сказать, — изумился Е. К. Кветцатла из Западного агентства новостей, — что первый в истории человечества инопланетянин стоит столбом и никто не берет у него интервью?!

И газетчики, прихватив камеры и магнитофоны, ринулись к выходу. Проморгавшись на ярком солнце, трое журналистов схватили переводящий компьютер С-31, а потом снова бросились вперед, растолкали морских пехотинцев и в мгновение ока окружили инопланетянина.

Упман включил С-31 и протянул второй микрофон инопланетянину, который после некоторого колебания взял его.

— Проверка. Раз, два, три. Вы поняли, что я сказал?

— Вы сказали: «Проверка. Раз, два, три», — произнес Детрингер.

Все облегченно вздохнули: первые слова были наконец сказаны, и Упман во всех учебниках истории будет выглядеть настоя-

щим идиотом. Упмана, однако, нисколько не беспокоило, как он будет выглядеть, — лишь бы его имя вообще вошло в учебники. Он продолжал интервью. К нему присоединились остальные.

Детрингеру пришлось рассказать, что он ест, как долго и как часто спит, в чем его частная жизнь отклоняется от ферлангской нормы, каковы его первые впечатления о землянах. Дальше посыпались вопросы о философских воззрениях, количестве жен, как он с ними уживается, и вообще о том, каково быть инопланетянином. Ему пришлось назвать свою профессию, хобби, поговорить о склонности к садоводству, перечислить свои развлечения. Его вынудили рассказать, был ли он когда-нибудь пьян и как именно, признаться во внебрачных связях, описать любимый вид спорта, изложить свои взгляды на межзвездную дружбу, на преимущества и недостатки хвостатости и на многое-многое другое.

Капитан Макмиллан уже раскаивался, что пренебрег своими обязанностями. Он вышел вперед, чем спас инопланетянина от бесконечного потока вопросов.

Полковник Кеттельман тоже двинулся за ним — ведь именно он, в конце концов, отвечает за безопасность экспедиции, и его долг — узнать истинные намерения чужеземца.

Произошла небольшая стычка — выяснение отношений. В результате было решено, что Макмиллан как символический представитель народов Земли первым проведет беседу с инопланетянином. Однако эта церемониальная встреча явится чистой формальностью. Потом с Детрингером станет разговаривать Кеттельман, и по результатам беседы будут предприняты дальнейшие шаги.

Таким образом, все противоречия были улажены, и Детрингер уединился с Макмилланом. Пехотинцы возвратились на корабль, составили оружие и вновь принялись чистить ботинки.

Ичор остался на месте. В него вцепился представитель Среднезападного агентства новостей. Этот представитель, Мельхиор Каррера, сотрудничал еще и в таких изданиях, как «Общедоступная механика», «Плейбой», «Роллинг Стоун» и «Лучшие труды по автоматизации». Интервью получилось весьма занимательным.

Беседа Детрингера с капитаном Макмилланом прошла блестяще. Оба тактичные, терпимые, стремящиеся понять точку зрения собеседника, они во многом сошлись во взглядах и почувствовали друг к другу определенную симпатию. Капитан Макмиллан не без удивления отметил, что инопланетянин Детрингер ближе ему, чем полковник Кеттельман.

Последовавший затем разговор с Кеттельманом прошел совсем в ином ключе. После обмена любезностями полковник приступил прямо к делу.

— Чем вы тут занимаетесь? — без обиняков спросил он.

Детрингер готов был объяснить свое положение.

— Мой корабль — часть передовых разведывательных сил космического флота Ферланга. Шторм сбил меня с курса, и, когда кончилось топливо, мне пришлось совершить вынужденную посадку.

— Итак, вы беспомощны.

— В высшей степени. Хотя, разумеется, временно. Как только будет подготовлено необходимое оборудование и персонал, за мной пошлют спасательный корабль. Но на это потребуется время. Так что буду вам крайне признателен, если вы найдете возможным выделить мне немного топлива.

— Гм-м-м... — Полковник Кеттельман нахмурился.

— Прошу прощения?

— «Гм-м-м», — сказал переводящий компьютер С-31, — это вежливый звук, обозначающий короткий период молчаливого раздумья.

— Чушь собачья! — рявкнул Кеттельман. — «Гм-м-м» вовсе ничего не значит. Так, говорите, вам нужно топливо?

— Да, полковник, — подтвердил Детрингер. — Судя по внешним признакам, наши двигатели, как мне кажется, весьма схожи.

— Система двигателей на «Дженни Линд»... — начал С-31.

— Минутку, это секретные сведения! — возмущенно оборвал Кеттельман.

— Отнюдь нет, — возразил компьютер. — Последние двадцать лет эта система используется на Земле повсеместно, а в прошлом году ее рассекретили официально.

— Гм-м-м... — протянул полковник и с видом страдальца стал слушать подробности об устройстве корабельных двигателей.

— Так я и думал, — кивнул Детрингер. — Мне даже ничего не придется изменять. Ваше топливо можно использовать в том виде, как оно есть. Конечно, если вы сможете поделиться им.

— О, тут как раз нет никаких затруднений, — сказал Кеттельман. — У нас его полно. Но, на мой взгляд, нам сперва следует кое-что обговорить.

— Что именно? — поинтересовался Детрингер.

— Послужит ли это нашей безопасности.

— Не вижу связи.

— Это вполне очевидно. На Ферланге, судя по всему, технически высокоразвитая цивилизация. А являясь таковой, она представляет для нас потенциальную угрозу.

— Мой дорогой полковник, наши планеты находятся в разных галактиках!

— Ну и что? Мы, американцы, всегда старались воевать как можно дальше от дома. Может быть, и у вас на Ферланге так заведено.

Детрингер не потерял самообладания.

— Мы — мирный народ и глубоко заинтересованы в межпланетной дружбе и сотрудничестве.

— Это слова, — вздохнул Кеттельман. — А где гарантии?

— Полковник, — возмутился Детрингер, — вы случайно слегка не... — он запнулся в поисках подходящего слова, — ...тронулись?

— Он желает знать, — услужливо разъяснил С-31, — не склонны ли вы к паранойе.

Кеттельман рассвирепел. Ничто не могло разозлить его больше, чем намеки на психическую неполноценность. Ему начинало казаться, что его травят.

— Вы меня не дразните, — зловеще предупредил он. — Ну а почему бы мне в интересах земной безопасности не приказать уничтожить вас вместе с вашим кораблем? Когда прилетят ваши соплеменники, нас уже след простынет, и они ни шиша не узнают.

— Подобные действия не лишены были бы смысла, — сказал Детрингер, — не поддерживай я постоянную радиосвязь. Как только я увидел ваш корабль, сразу же связался с базовым командованием. Я сообщил им все, что мог, включая предположение о типе вашего солнца, основанное на вашем физическом строении, и вероятное месторасположение вашей родины по результатам анализа ионного хвоста.

— Ишь, умник, — с досадой произнес Кеттельман.

— Я проинформировал командование и о том, что запрошу из ваших явно обильных запасов немного топлива. Полагаю, отказ в моей просьбе будет рассматриваться как крайне недружелюбный акт.

— Я об этом не подумал, — признался Кеттельман. — Гм-м-м... У меня есть приказ не провоцировать межзвездных инцидентов.

— Вот видите! — многозначительно сказал Детрингер.

Наступило долгое, напряженное молчание. Кеттельману претила сама мысль о помощи существу, которое вполне могло оказаться врагом. Однако, по-видимому, иного пути не было.

— Ну ладно, — решил он наконец. — Завтра я пришлю топливо.

Детрингер выразил благодарность, а затем пустился рассказывать о неисчислимой боевой технике Космических вооруженных сил Ферланга. Он в немалой мере преувеличивал. Если не сказать, что в его описаниях не было и слова правды.

Ранним утром возле корабля Детрингера появился землянин с канистрой горючего. Детрингер предложил ее где-нибудь поставить, но землянин, ссылаясь на приказ полковника, настоял на том, чтобы войти в крошечную рубку суденышка и лично опорожнить канистру в топливный бак.

— Что ж, начало положено, — сказал Детрингер Ичору. — Надо еще шестьдесят таких канистр.

— Но почему они посылают по одной канистре? — поинтересовался Ичор. — Уж очень нерационально.

— Это смотря с чьей точки зрения.

— Что вы имеете в виду?

— Надеюсь, ничего неприятного. Впрочем, поживем — увидим.

Шли часы. Наступил вечер, но никто больше не приходил. Детрингер отправился к земному кораблю и, отмахнувшись от репортеров, потребовал встречи с Кеттельманом.

Ординарец провел его в каюту полковника. Стены этого скромно обставленного помещения украшали предметы, видимо призванные запечатлеть особо памятные моменты из жизни владельца: два ряда медалей поблескивали на черном бархате в солидном золотом обрамлении, доберман-пинчер скалил клыки с фотографии, особенно поражала сморщенная высохшая человеческая голова, трофей осады Тегусигальпы. Сам полковник в шортах цвета хаки занимался гимнастикой, сжимая пальцами рук и ног резиновые мячики.

— Да, Детрингер, чем могу быть полезен?

— Я пришел узнать, почему вы не присылаете мне топливо.

— Вот как? — Кеттельман выпустил мячики и уселся в кожаное кресло. — Я отвечу вам вопросом на вопрос. Детрингер, как вы ухитряетесь держать радиосвязь без аппаратуры?

— Кто сказал, что у меня нет радиоаппаратуры? — возмутился Детрингер.

— Первую канистру вам принес инженер Дельгадо. Ему было приказано осмотреть ваше оборудование. Он доложил, что на вашем корабле нет никаких признаков радиоаппаратуры. Инженер Дельгадо — специалист в этой области.

— Достижения миниатюризации... — начал Детрингер.

— Да-да. Но у вас вовсе ничего нет. Могу еще добавить, что, приближаясь к планете, мы вели радиоперехват на всех возможных частотах и никаких передач не обнаружили.

— Я все могу объяснить, — сказал Детрингер.

— Сделайте одолжение.

— Это достаточно просто. Я вас обманывал.

— Очевидно. Но это ничего не объясняет.

— Дайте мне закончить. Видите ли, мы, ферлангцы, не менее вас заботимся о собственной безопасности. Пока мы почти ничего не знаем о вас, здравый смысл диктует нам по возможности меньше информации сообщать и о себе. Если вы легковерны и простодушны и примете за чистую монету то, что мы полагаемся на столь примитивную систему связи, как радио, это даст нам преимущество при встрече с вами при неблагоприятных обстоятельствах.

— Так как же вы сообщаетесь?

Детрингер явно колебался с ответом.

— Думаю, большой беды не будет... — наконец сказал он. —

Рано или поздно вы все равно узнаете, что мой народ обладает телепатическими способностями.

— Телепатическими? Вы утверждаете, что можете передавать и принимать мысли?

— Совершенно верно, — кивнул Детрингер.

Кеттельман пристально посмотрел на него.

— Хорошо, тогда что я сейчас думаю?

— Вы думаете, что я лжец, — сказал Детрингер.

— Так точно, — подтвердил Кеттельман.

— Но это слишком очевидно, и мне вовсе не пришлось читать ваши мысли. Видите ли, мы, ферлангцы, проявляем телепатические способности только среди себе подобных.

— Знаете что? — после короткого молчания произнес полковник. — Я по-прежнему думаю, что вы искусный обманщик.

— Разумеется, — согласился Детрингер. — Вопрос лишь в том, насколько вы в этом уверены.

— Чертовски уверен, — мрачно заявил Кеттельман.

— Достаточно ли этого? Для требований вашей безопасности, я имею в виду. Взгляните — если я говорю правду, то причины, побудившие вас вчера оказать мне помощь, равно значимы и сегодня. Вы согласны?

Полковник неохотно кивнул.

— В то же время от вашей помощи не будет вреда, даже если я лгу. Вы просто выручите попавшее в беду существо, сделав тем самым и меня, и моих соотечественников своими должниками. Вполне многообещающее начало для дружбы. А если учесть, что оба наши народа рвутся в космос, скорая встреча неминуема.

— Положим, — проговорил Кеттельман. — Но я могу бросить вас здесь, отсрочив тем самым официальный контакт, пока мы не будем лучше подготовлены.

— В ваших силах попытаться отсрочить контакт, — заметил Детрингер, — но он может произойти в любую минуту. Сейчас вам предоставляется счастливая возможность начать его удачно. Другого такого случая может не подвернуться.

— Гм-м-м, — хмыкнул Кеттельман.

— У вас есть самые веские основания помочь мне, даже если я вру. Но ведь не исключено, что я говорю правду. В последнем случае ваш отказ выглядит крайне недружелюбно.

Полковник раздраженно мерил шагами узкую каюту. Потом он бешено сверкнул глазами и рявкнул:

— Вы чересчур ловко спорите!

— Просто мне повезло, — произнес Детрингер. — Логика на моей стороне.

— Он прав насчет логики, — вставил переводящий компьютер С-31.

— Молчать!

— Я считал своим долгом указать на данный факт, — не унимался С-31.

Полковник остановился и потер лоб.

— Детрингер, уйдите, — устало проговорил он, — я пришлю топливо.

— И не пожалеете! — заверил Детрингер.

— Я уже жалею, — отозвался Кеттельман. — Пожалуйста, уйдите.

Детрингер поспешил на корабль и поделился с Ичором добрыми вестями. Робот удивился:

— Я думал, он не согласится.

— Он тоже так думал, — сказал Детрингер. — Но я сумел его убедить.

И он передал Ичору свой разговор с полковником.

— Значит, вы солгали, — печально произнес Ичор.

— Да. Но Кеттельман знает, что я лгал.

— Тогда почему же он помогает?

— Из опасения, что я все-таки говорю правду.

— Но ведь ложь — преступление.

— Не больше, чем бросить нас здесь. Однако мне надо поработать. Сходил бы ты на поиски съестного!

Слуга молча повиновался, а Детрингер взялся за звездный атлас в надежде найти место, куда лететь, — если, конечно, ему вообще удастся улететь.

...Наступило утро, солнечное и радостное. Ичор пошел на корабль землян играть в шахматы со своим новым приятелем — роботом-посудомойщиком. Детрингер ждал топлива.

Его не особенно удивило, что топлива все не присылали, хотя и прошел полдень, но и хорошего в этом было мало. Он прождал еще два часа, а затем отправился на «Дженни Линд».

Его приход, казалось, не явился неожиданностью — Детрингеру сразу же предложили пройти в офицерскую. Полковник Кеттельман расположился в глубоком кресле, по обе стороны которого замерли вооруженные солдаты. Строгое лицо выражало злорадство. Тут же с непроницаемым видом сидел капитан Макмиллан.

— Ну, Детрингер, — начал полковник, — что сейчас вы хотите?

— Я пришел просить обещанное мне топливо, — сказал ферлангец. — Но вижу, вы не собираетесь сдержать свое слово.

— Напротив, — возразил полковник. — Я самым серьезным образом собирался помочь представителю вооруженных сил Ферланга. Но передо мной вовсе не он.

— А кто же? — спросил Детрингер.

Кеттельман подавил саркастическую усмешку.

— Преступник, осужденный верховным судом собственного народа. Передо мной уголовный элемент, чьи вопиющие правонарушения не имеют равных в анналах ферлангской юриспруденции. Существо, которое своим чудовищным поведением за-

служило высшую меру наказания — бессрочное изгнание в бездны космоса. Или вы смеете это отрицать?

— В настоящий момент я ничего не отрицаю и не подтверждаю, — сказал Детрингер. — Прежде всего я хотел бы осведомиться об источнике вашей поразительной информации.

Полковник Кеттельман кивнул одному из солдат. Тот открыл дверь и ввел Ичора и робота-посудомойщика.

— О хозяин! — воскликнул механический слуга. — Я поведал полковнику Кеттельману об истинных обстоятельствах, которые привели к нашей ссылке. И тем самым приговорил вас! Я молю о привилегии немедленного самоуничтожения в качестве частичной расплаты за свое вероломство.

Детрингер молчал, лихорадочно соображая.

Капитан Макмиллан подался вперед и спросил:

— Ичор, почему ты предал своего хозяина?

— У меня не было выбора, капитан! — вскричал несчастный. — Ферлангские власти, прежде чем позволить мне сопровождать его, приказали наложить на контуры моего мозга определенные приказы и закрепили их хитроумными схемами.

— Каковы же эти приказы?

— Они отвели мне роль тайного надзирателя. Мне приказано принять необходимые меры, если Детрингер каким-то чудом сумеет избежать кары.

— Вчера он мне обо всем рассказал, капитан, — не выдержал робот-посудомойщик. — Я умолял его воспротивиться этим приказам. Уж очень все это неприглядно, сэр, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— И в самом деле, я сопротивлялся, сколько мог, — продолжал Ичор. — Но чем реальнее становились шансы моего хозяина на спасение, тем сильнее проявлялись приказы, требующие его предотвращения. Меня могло остановить лишь удаление соответствующих цепей.

— Я предложил ему такую операцию, — вставил робот-посудомойщик, — хотя в качестве инструмента в моем распоряжении были только ложки, ножи и вилки.

— Я бы с радостью согласился, — сказал Ичор. — Более того, я уничтожил бы себя, лишь бы не произносить слов, поневоле рвущихся из предательских динамиков. Но и это оказалось предусмотренным — на самоуничтожение тоже наложили строжайший запрет, как и на мое согласие на вмешательство в схемы, пока не выполнены государственные приказы. И все же я сопротивлялся, пока не иссякли силы, тогда мне пришлось явиться к полковнику Кеттельману.

— Вот и вся грязная история, — обратился Кеттельман к капитану.

— Не совсем, — тихо произнес капитан Макмиллан. — Каковы ваши преступления, Детрингер?

Детрингер перечислил их бесстрастным голосом — свои действия чрезвычайной непристойности, свой проступок преднамеренного ослушания и, наконец, проявление злобного насилия. Ичор кивал с несчастным видом.

— По-моему, мы слышали достаточно, — резюмировал Кеттельман. — Сейчас я вынесу приговор.

— Одну минуту, полковник. — Капитан Макмиллан повернулся к Детрингеру. — Состоите ли вы в настоящее время или были когда-нибудь на службе в вооруженных силах Ферланга?

— Нет, — ответил Детрингер, и Ичор подтвердил его ответ.

— В таком случае находящееся здесь существо является гражданским лицом, — сказал Макмиллан, — и подлежит суду гражданских властей.

— Не уверен, — произнес полковник.

— Положение абсолютно ясное, — настаивал капитан Макмиллан. — Наши народы не находятся в состоянии войны. Он должен предстать перед гражданским судом.

— И все же, насколько я понимаю, этим делом следует заняться мне, — сказал полковник. — Я лучше разбираюсь в подобных вещах, чем вы, сэр, — при всем к вам уважении.

— Судить буду я, — отчеканил капитан Макмиллан. — Если, конечно, вы не решите силой захватить командование кораблем.

Кеттельман покачал головой:

— Я не собираюсь портить свое личное дело.

Капитан Макмиллан повернулся к Детрингеру.

— Сэр, вы должны понять, что я не вправе следовать личным симпатиям. Ваше государство вынесло приговор, и с моей стороны было бы неблагоразумно, дерзко и аполитично отменять его.

— Чертовски верно, — сказал Кеттельман.

— Поэтому я подтверждаю осуждение на вечное изгнание. Но я прослежу за его исполнением более строго, чем это было сделано ранее.

Полковник широко ухмыльнулся. Ичор в отчаянии всхлипнул. Робот-посудомойщик пробормотал: «Бедолага!» Детрингер стоял спокойно, твердо глядя на капитана.

— Решением сего суда обвиняемый обязан продолжить ссылку. Более того, суд определяет, что пребывание обвиняемого на этой приятной планете противоречит духу приговора ферлангских властей, смягчает наказание. Следовательно, Детрингер, вы должны немедленно покинуть сие убежище и вернуться в необъятные просторы космоса.

— Так ему и надо, — сказал Кеттельман. — Знаете, капитан, я не думал, что вы окажетесь на это способны.

— Я рад, что вы одобряете мое решение. Поручаю вам проследить за исполнением приговора.

— С удовольствием.

— По моим расчетам, — продолжал Макмиллан, — если использовать всех ваших людей, баки корабля подсудимого можно заполнить приблизительно за два часа. После чего он должен сразу же покинуть планету.

— Он у меня улетит еще до наступления ночи, — пообещал полковник. Но тут ему в голову пришла неожиданная мысль. — Эй! Топливо для баков? Так ведь именно этого Детрингер и хотел с самого начала!

— Суд не интересует, чего хочет или не хочет подсудимый, — констатировал Макмиллан. — Его желания не влияют на решение суда.

— Но, черт подери, неужели вы не видите, что тем самым мы его отпускаем?! — воскликнул Кеттельман.

— Мы его заставляем, — подчеркнул Макмиллан. — Это совершенно другое.

— Посмотрим, что скажут на Земле, — зловеще проговорил Кеттельман.

Детрингер покорно кивнул и, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, покинул земной корабль.

...С наступлением ночи Детрингер взлетел. Его сопровождал преданный Ичор — теперь более верный, чем когда-либо, так как он выполнил правительственные указания. Вскоре они были уже в глубинах космоса.

— Хозяин, куда мы направляемся? — спросил Ичор.

— К какому-нибудь новому чудесному миру, — ответил Детрингер.

— А может, навстречу гибели?

— Возможно, — сказал Детрингер. — Но с полными баками я отказываюсь думать об этом.

Некоторое время оба молчали. Затем Ичор заметил:

— Надеюсь, у капитана Макмиллана не будет из-за нас неприятностей.

— По-моему, он вполне может постоять на себя, — отозвался Детрингер.

...Там, на Земле, решение капитана Макмиллана послужило причиной большого переполоха и долгой полемики. Однако, прежде чем официальные органы пришли к единому мнению, состоялся второй контакт между Ферлангом и Землей. Неизбежно всплывшее дело Детрингера было признано чересчур запутанным и сложным. Вопрос передали на рассмотрение смешанной комиссии экспертов обеих цивилизаций.

Над делом бились пятьсот шесть ферлангских и земных юристов. Еще многие годы они находили все новые и новые доводы «за» и «против», хотя Детрингер к тому времени достиг безопасного убежища и занял уважаемое положение среди народа планеты Ойменк.

ОРДЕР НА УБИЙСТВО

Том Рыбак никак не предполагал, что его ждет карьера преступника. Было утро. Большое красное солнце только что поднялось над горизонтом вместе с плетущимся за ним маленьким желтым спутником, который едва поспевал за солнцем. Крохотная, аккуратная деревушка — диковинная белая точка на зеленом пространстве планеты — поблескивала в летних лучах двух солнц.

Том только что проснулся у себя в домике. Он был высокий молодой мужчина с дубленой на солнце кожей; от отца он унаследовал продолговатый разрез глаз, а от матери — простодушное нежелание обременять себя работой. Том не спешил: до осенних дождей не рыбачат, а значит, и настоящей работы для рыбака нет. До осени он намерен был немного поваландаться и починить рыболовную снасть.

— Да говорят же тебе: крыша должна быть красная! — донесся до него с улицы голос Билли Маляра.

— У церквей никогда не бывает красных крыш! — кричал в ответ Эд Ткач.

Том нахмурился. Он совсем было позабыл о переменах, которые произошли в деревне за последние две недели, поскольку лично его они никак не касались. Он надел штаны и неторопливо зашагал на деревенскую площадь. Там ему сразу бросился в глаза большой новый плакат, гласивший:

ЧУЖДЫМ ЭЛЕМЕНТАМ
ДОСТУП В ПРЕДЕЛЫ ГОРОДА
ЗАПРЕЩЕН!

Никаких чуждых элементов на всем пространстве планеты Новый Дилавер не существовало. На ней росли леса и стояла только эта одна-единственная деревушка. Плакат имел чисто риторическое значение, выражая определенную политическую тенденцию.

На площади помещались церковь, тюрьма и почта. Все три здания в результате бешеной деятельности были воздвигнуты за последние две сумасшедшие недели и поставлены аккуратно в ряд, фасадами на площадь. Никто не знал, что с ними делать: деревня уже свыше двух столетий недурно обходилась и без них. Но теперь, само собой разумеется, их необходимо было построить.

Эд Ткач стоял перед только что воздвигнутой церковью и, прищурившись, глядел вверх. Билли Маляр с опасностью для жизни балансировал на крутом скате церковной крыши. Его рыжеватые усы возмущенно топорщились. Внизу собралась небольшая толпа.

— Да пошел ты к черту! — сердился Билли Маляр. — Говорят тебе, я как раз на прошлой неделе все это прочел. Белая крыша — пожалуйста. Красная крыша — ни в коем случае.

— Нет, ты что-то путаешь, — сказал Ткач. — Как ты считаешь, Том?

Том пожал плечами; у него не было своего мнения на этот счет. И тут откуда ни возьмись, весь в поту, появился мэр. Полы незаправленной рубахи свободно колыхались вокруг его большого живота.

— Слезай! — крикнул он Билли. — Я все нашел в книжке. Там сказано: маленькое красное школьное здание, а не церковное здание.

У Билли был очень рассерженный вид. Он вообще был человек раздражительный. Все Маляры народ раздражительный. Но с тех пор как мэр на прошлой неделе назначил Билли Маляра начальником полиции, у Билли окончательно испортился характер.

— Но у нас же ничего такого нет. Нет этого самого — маленького школьного здания, — продолжал упорствовать Билли, уже наполовину спустившись с лестницы.

— А вот мы его сейчас и построим, — сказал мэр. — И придется поторопиться.

Он глянул на небо. Невольно все тоже поглядели вверх. Но там пока еще ничего не было видно.

— А где же эти ребята, где Плотники? — спросил мэр. — Сид, Сэм, Марв — куда вы подевались?

Из толпы высунулась голова Сида Плотника. Он все еще ходил на костылях, с тех пор как в прошлом месяце свалился с дерева, когда доставал яйца из птичьих гнезд. Все Плотники были не мастера лазать по деревьям.

— Остальные ребята сидят у Эда Пиво, — сказал Сид.

— Конечно, где же им еще быть! — прозвучал в толпе возглас Мэри Паромщицы.

— Ладно, позови их, — сказал мэр. — Нужно построить маленькое школьное здание, да побыстрей. Скажи им, чтобы строили рядом с тюрьмой. — Он повернулся к Билли Маляру, который уже спустился на землю. — А ты, Билли, покрасишь школьное здание хорошей, яркой красной краской. И снаружи и изнутри. Это очень важно.

— А когда я получу свою полицейскую бляху? — спросил Билли. — Я читал, что все начальники полиции носят бляхи.

— Сделай ее себе сам, — сказал мэр. Он вытер лицо подолом рубахи. — Ну и жарища! Что бы этому инспектору прибыть зимой... Том! Том Рыбак! У меня есть очень важное поручение для тебя. Пойдем, я тебе сейчас все растолкую.

Мэр обнял Тома за плечи, они пересекли пустынную рыночную площадь и по единственной мощеной улице направились к дому мэра. В былые времена дорожным покрытием служила здесь хорошо слежавшаяся грязь. Но былые времена кончились две недели назад, и теперь улица была вымощена битым камнем. Ходить по ней босиком стало так неудобно, что жители деревни

предпочитали лазать друг к другу через забор. Мэр, однако, ходил по улице — для него это было делом чести.

— Послушайте, мэр, ведь я сейчас отдыхаю...

— Какой теперь может быть отдых? — сказал мэр. — Только не сейчас. Он ведь может появиться в любой день.

Мэр пропустил Тома вперед, они вошли в дом, и мэр плюхнулся в большое кресло, придвинутое почти вплотную к межпланетному радио.

— Том, — без проволочки приступил к делу мэр, — как ты насчет того, чтобы стать преступником?

— Не знаю, — сказал Том. — А что такое преступник?

Беспокойно поерзав в кресле и положив руку — для пущего авторитета — на радиоприемник, мэр сказал:

— Это, понимаешь ли, вот что... — и принялся разъяснять.

Том слушал, слушал, и чем дальше, тем меньше ему это нравилось. А во всем виновато межпланетное радио, решил он. Жаль, что оно и в самом деле не сломалось.

Никто не верил, что оно когда-нибудь может заговорить. Один мэр сменял другого, одно поколение сменялось другим, а межпланетное радио стояло и покрывалось пылью в конторе — последнее безмолвное звено, связующее их планету с матерью-Землей. Двести лет назад Земля разговаривала с Новым Дилавером, и с Фордом IV, и с альфой Центавра, и с Новой Испанией, и с прочими колониями, входившими в Содружество демократий Земли. А потом все сообщения прекратились.

На Земле, по-видимому, шла война. Новый Дилавер с его единственной деревушкой был слишком мал и слишком далек, чтобы принимать участие в войне. Дилаверцы ждали известий, но никаких известий не поступало. А потом в деревне начался мор и унес в могилу три четверти населения.

Мало-помалу деревня оправилась. Жители приспособились, зажили своим особым укладом, который постепенно стал для них привычным. Они позабыли про Землю.

Прошло двести лет.

И вот две недели назад древнее радио закашляло и возродилось к жизни. Час за часом оно урчало и плевалось атмосферными помехами, а вся деревня столпилась на улице возле дома мэра.

Наконец стали различимы слова:

— ...ты слышишь меня? Новый Дилавер! Ты меня слышишь?

— Да, да, мы тебя слышим, — сказал мэр.

— Колония все еще существует?

— А то как же! — горделиво ответил мэр.

Голос стал строг и официален:

— В течение некоторого времени из-за неустойчивости внутреннего положения мы не поддерживали контакта с нашими внеземными колониями. Но теперь с этим покончено, осталось навести кое-где порядок. Вы, Новый Дилавер, по-прежнему являе-

тесь колонией Империи Земли и, следовательно, должны подчиняться ее законам. Вы подтверждаете этот статус?

Мэр смутился. Во всех книгах Земля упоминалась как Содружество демократий. Но, в конце концов, за два столетия название могло перемениться.

— Мы по-прежнему верны Земле, — с достоинством отвечал мэр.

— Отлично. Это освобождает нас от необходимости посылать экспедиционный корпус. С ближайшей планеты к вам будет направлен инспектор-резидент, чтобы проверить, действительно ли вы придерживаетесь обычаев, установлений и традиций, принятых на Земле.

— Как вы сказали? — обеспокоенно спросил мэр.

Строгий голос взял октавой выше:

— Вы, разумеется, отдаете себе отчет в том, что во Вселенной есть место только для одного разумного существа — для Человека! Все остальное должно быть уничтожено раз и навсегда! Мы не потерпим проникновения к нам каких бы то ни было чуждых элементов. Надеюсь, вы меня понимаете, Генерал?

— Я не генерал. Я мэр.

— Вы возглавляете, не так ли?

— Да, но...

— В таком случае вы — Генерал. Разрешите мне продолжать. В нашей Галактике не может быть места чуждым элементам. Это исключено! Совершенно так же в ней не может быть места какой бы то ни было человеческой культуре, хоть чем-либо отличающейся от нашей и, следовательно, нам чуждой. Невозможно управлять Империей, если каждый будет делать, что ему заблагорассудится. Порядок должен быть установлен любой ценой.

Мэр судорожно глотнул воздух и впился глазами в радио.

— Помните, что вы управляете колонией Земли, Генерал, и не должны допускать никаких отклонений от нормы; никакого радикализма, наподобие свободы воли, свободы любви, свободных выборов или еще чего-либо, внесенного в проскрипционные списки. Все это нам чуждо, а ко всему чуждому мы будем беспощадны. Наведите у себя в колонии порядок, Генерал. Инспектор прибудет к вам в течение ближайших двух недель. Это все.

В деревне был срочно созван митинг: требовалось немедленно решить, как наилучшим образом выполнить наказ Земли. Сошлись на том, что нужно со всей возможной быстротой перестроить привычный уклад жизни на земной манер в соответствии с древними книгами.

— Что-то я никак в толк не возьму, зачем нам преступник, — сказал Том.

— На Земле преступник играет чрезвычайно важную роль в жизни общества, — объяснил мэр. — На этом все книги сходятся. Преступник не менее важен, чем, к примеру, почтальон. Или,

скажем, начальник полиции. Только разница в том, что действия преступника должны быть антисоциальны. Он должен действовать во вред обществу, понимаешь, Том? А если у нас никто не будет действовать во вред обществу, как мы можем заставить кого-нибудь действовать на его пользу? Тогда все это будет ни к чему.

Том покачал головой.

— Все равно не понимаю, зачем это нужно.

— Не упрямься, Том. Мы должны все устроить на земной манер. Взять хотя бы эти мощеные дороги. Во всех книгах про них написано. И про церкви, и про школы, и про тюрьмы. И во всех книгах написано про преступников.

— А я не стану этого делать, — сказал Том.

— Встань же ты на мое место! — взмолился мэр. — Появляется инспектор и встречает Билли Маляра, нашего начальника полиции. Инспектор хочет видеть тюрьму. Он спрашивает: «Ни одного заключенного?» А я отвечаю: «Конечно, ни одного. У нас здесь преступлений не бывает». «Не бывает преступлений? — говорит он. — Но во всех колониях Земли всегда совершаются преступления. Вам же это хорошо известно». «Нам это не известно, — отвечаю я. — Мы даже понятия не имели о том, что значит это слово, пока на прошлой неделе не поглядели в словарь». «Так зачем же вы построили тюрьму? — спросит он меня. — Для чего у вас существует начальник полиции?»

Мэр умолк и перевел дыхание.

— Ну, ты видишь? Все пойдет прахом. Инспектор сразу поймет, что мы уже не настоящие земляне. Что все это для отвода глаз. Что мы чуждый элемент!

— Хм, — хмыкнул Том, невольно подавленный этими доводами.

— А так, — быстро продолжал мэр, — я могу сказать: разумеется, у нас есть преступления — совсем как на Земле. У нас есть вор и убийца в одном лице — комбинированный вор-убийца. У бедного малого были дурные наклонности, и он получился какой-то неуравновешенный. Однако наш начальник полиции уже собрал улики, и в течение ближайших суток преступник будет арестован. Мы запрячем его за решетку, а потом амнистируем.

— Что это значит — амнистируем? — спросил Том.

— Не знаю точно. Выясню со временем. Ну, теперь ты видишь, какая это важная птица — преступник?

— Да, похоже, что так. Но почему именно я?

— Все остальные мне нужны для других целей. И кроме того, у тебя узкий разрез глаз. У всех преступников узкий разрез глаз.

— Не такой уж у меня узкий. Не уже, чем у Эда Ткача.

— Том, прошу тебя, — сказал мэр. — Каждый из нас делает что может. Ты же хочешь нам помочь, так или нет?

— Хочу, конечно, — неуверенно сказал Том.

— Вот и прекрасно. Ты будешь наш городской преступник. Вот, смотри, все будет оформлено по закону.

Мэр протянул Тому документ. В документе было сказано:

«ОРДЕР НА УБИЙСТВО

К всеобщему сведению

Предъявитель сего, Том Рыбак, официально уполномочивается осуществлять воровство и убийство. В соответствии с этим ему надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой, и нарушать закон».

Том перечел этот документ дважды. Потом спросил:

— Какой закон?

— Это я тебе сообщу, как только его издам, — сказал мэр. — Все колонии Земли имеют законы.

— Но что я все-таки должен делать?

— Ты должен воровать. И убивать. Это не так уж трудно. — Мэр подошел к книжному шкафу и достал с полки старинный многотомный труд, озаглавленный «Преступник и его среда. Психология убийцы. Исследование мотивов воровства».

— Здесь ты найдешь все, что тебе необходимо знать. Воруй на здоровье, сколько влезет. Ну, а насчет убийств — один раз, пожалуй, будет достаточно. Тут перестараться тоже не след.

Том кивнул.

— Правильно. Может, я и разберусь, что к чему.

Он взял книги в охапку и пошел домой.

День был нестерпимо жаркий, и весь этот разговор о преступлениях очень утомил и расстроил Тома. Он улегся на кровать и принялся изучать древние книги.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Том, протирая глаза.

Марв Плотник, самый старший и самый длинный из всех длинных, рыжеволосых братьев Плотников, появился в дверях в сопровождении старика Джеда Фермера. Они несли небольшую торбу.

— Ты теперь городской преступник, Том? — спросил Марв.

— Похоже, что так.

— Тогда это для тебя. — Они положили торбу на пол и вынули оттуда маленький топорик, два ножа, гарпун, палку и дубинку.

— Что это вы принесли? — спросил Том, спуская ноги с кровати.

— Оружие принесли, а по-твоему что? — раздраженно сказал Джед Фермер. — Какой же ты преступник, если у тебя нет оружия?

Том почесал в затылке.

— Это ты точно знаешь?

— Тебе бы самому пора разобраться в этом деле, — все так же

ворчливо сказал Фермер. — Не жди, что мы все будем делать за тебя.

Марв Плотник подмигнул Тому.

— Джед злится, потому что мэр назначил его почтальоном.

— Я свой долг исполняю, — сказал Джед. — Противно только писать самому все эти письма.

— Ну, уж не так это, думается мне, трудно, — ухмыльнулся Марв Плотник. — А как же почтальоны на Земле справляются? Им куда больше писем написать надо, сколько там людей-то! Ну, желаю удач, Том.

Они ушли.

Том склонился над оружием, чтобы получше его рассмотреть. Он знал, что это за оружие: в древних книгах про него много было написано. Но в Новом Дилавере практически еще никто никогда не пускал в ход оружия. Единственные животные, обитавшие на планете, — маленькие безобидные пушистые зверьки, убежденные вегетарианцы, — питались одной травой. Обращать же оружие против своих земляков — такого, разумеется, никому еще не приходило в голову.

Том взял один из ножей. Нож был холодный. Том потрогал кончик ножа. Он был острый.

Том встал и зашагал из угла в угол, поглядывая на оружие. И каждый раз, как он на него глядел, у него противно холодело в животе. Он подумал, что слишком поспешно взялся за это поручение.

Впрочем, пока особенно беспокоиться не о чем. Ведь сначала ему надо прочитать все эти книги. А тогда, быть может, он еще докопается, какой во всем этом смысл.

Он читал несколько часов подряд — оторвался от чтения только раз, чтобы слегка перекусить. Книги были написаны очень толково. Разнообразные методы, применяемые преступниками, разбирались весьма подробно и вполне доступно, иной раз даже с диаграммами. Однако все в целом выглядело совершенно бессмысленно. Для чего нужно совершать преступления? Кому от этого польза? Что это может дать людям?

На такие вопросы книги не давали ответа. Том перелистывал страницы, разглядывал фотографии преступников. У них был очень серьезный, сосредоточенный вид: казалось, они в полной мере сознают свое значение в обществе. Быть может, тогда все бы прояснилось.

— Том? — раздался за окном голос мэра.

— Я здесь, мэр, — отозвался Том.

Дверь приотворилась, и мэр просунул голову в комнату. Из-за его спины выглядывали Джейн Фермерша, Мэри Паромщица и Элис Повариха.

— Ну, так как же, Том? — спросил мэр.

— Что — как же?

— Когда думаешь начать?

Том смущенно улыбнулся.

— Да вот собираюсь, — сказал он. — Читаю книжки, разобраться хочу...

Три почтенные дамы уставились на него, и Том умолк в замешательстве.

— Ты попусту тратишь время, — сказала Элис Повариха.

— Все работают, никто не сидит дома, — сказала Джейн Фермерша.

— Неужто так трудно что-нибудь украсть? — вызывающе крикнула Мэри Паромщица.

— Это верно, Том, — сказал мэр. — Инспектор может пожаловать к нам в любую минуту, а у нас до сих пор нет ни одного преступления. Нам ему и предъявить будет нечего.

— Хорошо, хорошо, — сказал Том.

Он сунул нож и дубинку за пояс, взял торбу, чтобы было куда класть награбленное, и вышел из дому.

Но куда направиться? Было около трех часов пополудни. Рынок — по сути дела, наиболее подходящее место для краж — будет пустовать до вечера. К тому же Тому очень не хотелось воровать при свете дня. Это выглядело бы как-то непрофессионально.

Он достал свой ордер, предписывавший ему совершать преступления, и перечитал его еще раз от начала до конца: «...надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой...»

Все ясно! Он будет околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Там он может выработать себе какой-нибудь план и настроиться на нужный лад. Вот только выбирать-то, собственно, было не из чего. В деревне имелся ресторан «Крошка», который держали две вдовые сестры, было «Местечко отдыха» Джефа Хмеля и, наконец, была таверна, принадлежавшая Эду Пиво.

Приходилось довольствоваться таверной.

Таверна помещалась в домике, мало чем отличавшемся от всех прочих домов деревни. Там была одна большая комната для гостей, кухня и жилые комнаты хозяев. Жена Эда стряпала и старалась поддерживать в помещении чистоту — насколько ей это позволяли боли в пояснице. Эд за стойкой разливал напитки. Эд был бледный, с сонными глазами и необыкновенной способностью тревожиться по пустякам.

— Здорово, Том, — сказал Эд. — Говорят, тебя назначили преступником.

— Да, назначили, — сказал Том. — Налей-ка мне перри-колы.

Эд Пиво нацедил Тому безалкогольного напитка из корнеплодов и беспокойно потоптался перед столиком, за которым устроился Том.

— Как же это так, почему ты сидишь здесь, вместо того чтобы красть?

— Я обдумываю, — сказал Том. — В моем ордере сказано, что я должен околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Вот я и сижу здесь.

— Ну, хорошо ли это с твоей стороны? — грустно спросил Эд Пиво. — Разве моя таверна пользуется дурной славой, Том?

— Хуже еды, чем у тебя, не сыщешь во всей деревне, — пояснил Том.

— Я знаю. Моя старуха не умеет стряпать. Но у нас здесь все по-доброму, по-семейному. И людям нравится заглядывать к нам.

— Теперь все будет по-другому, Эд. Я объявляю твою таверну моей штаб-квартирой.

Плечи Эда Пиво уныло поникли.

— Вот и старайся доставить людям удовольствие, — пробормотал он. — Они уж тебя отблагодарят! — Он вернулся за стойку.

Том продолжал размышлять. Его удивляло, что это дается ему с таким трудом. Чем больше он старался, тем меньше было толку. Но он с мрачным упорством продолжал свое.

Прошел час. Ричи Фермер, младший сынишка Джеда, заглянул в дверь.

— Ты уже стащил что-нибудь, Том?

— Нет пока, — отвечал Том, сгорбившись над столом и все еще стараясь думать.

Знойный день тихо угасал. Вечер начал понемногу заглядывать в маленькие, не слишком чистые окна таверны. На улице застрекотали сверчки, и первый ночной ветерок прошелестел верхушками деревьев в лесу.

Грузный Джордж Паромщик и Макс Ткач зашли пропустить по стаканчику глявы. Они присели к столику Тома.

— Ну, как дела? — осведомился Джордж Паромщик.

— Плоховато, — сказал Том. — Никак что-то не получается у меня с этим воровством.

— Ничего, ты еще освоишься, — как всегда неторопливо, серьезно и важно заметил Джордж Паромщик. — Уж кто-кто, а ты научишься.

— Мы в тебя верим, Том, — успокоил его Ткач.

Том поблагодарил их. Они выпили и ушли. Том продолжал размышлять, уставившись на пустой стакан.

Час спустя Эд Пиво смущенно кашлянул.

— Ты меня прости, Том, но когда же ты начнешь красть?

— Вот сейчас и начну, — сказал Том.

Он поднялся, проверил, на месте ли у него оружие, и направился к двери.

На рыночной площади уже шел обычный вечерний меновой торг, и товар грудами лежал на лотках или на соломенных циновках, разостланных на траве. Обмен производился без денег, и об-

менного тарифа не существовало. За пригоршню самодельных гвоздей можно было получить ведерко молока или двух рыб или наоборот — в зависимости от того, что кому хотелось променять или в чем у кого возникла нужда. Подсчитывать, что сколько стоит, — этим никто себя не утруждал. Это был единственный земной обычай, который мэру никак не удавалось ввести в деревне.

Когда Том Рыбак появился на площади, его приветствовали все.

— Воруешь понемногу, а, Том?

— Валяй, валяй, приятель!

— У тебя получится!

Ни одному жителю деревни еще не доводилось присутствовать при краже. Для них это был экзотический обычай далекой планеты Земли, и им очень хотелось поглядеть, как это делается. Все бросили свои товары и устремились за Томом, жадно следя за каждым его движением.

Том обнаружил, что у него дрожат руки. Ему совсем не нравилось, что столько народу будет смотреть, как он станет красть. Надо поскорее покончить с этим, решил он. Пока у него еще не хватает духу.

Он внезапно остановился перед грудой фруктов, наваленной на лотке миссис Мельник.

— Довольно сочные как будто, — небрежно проронил он.

— Свеженькие, прямо из сада, — сказала миссис Мельник. Это была маленькая старушка с блестящими глазками. Тому вдруг припомнилось, как она вела нескончаемые беседы с его матерью в те далекие годы, когда его родители были еще живы.

— Да, очень сочные с виду, — сказал он, жалея, что не остановился у какого-нибудь другого лотка.

— Хорошие, хорошие, — сказала миссис Мельник. — Только сегодня после обеда собирала.

— Он сейчас начнет красть? — отчетливо прозвучал чей-то шепот.

— Ясное дело. Следи за ним! — так же шепотом раздалось в ответ.

Том взял большой зеленый плод и принялся его рассматривать. Толпа затаила дыхание.

— И правда, очень сочный на вид, — согласился Том и осторожно положил плод на место.

Толпа вздохнула.

За соседним лотком стоял Макс Ткач с женой и пятью ребятишками. Сегодня они вынесли на обмен два одеяла и рубашку. Когда Том, за которым двигалась целая толпа, подошел к ним, они застенчиво заулыбались.

— Эта рубашка как раз тебе впору, — поспешил заверить его Ткач. Ему очень хотелось, чтобы народ разошелся и не мешал Тому работать.

— Хм, — промычал Том, беря рубашку.

Толпа выжидающе зашевелилась. Какая-то девчонка нервно хихикнула. Том крепко вцепился в рубашку и начал развязывать свою торбу.

— Постой-ка! — Билли Маляр протолкался сквозь толпу. На поясе у него уже поблескивала бляха — старая монета с Земли. Выражение его лица безошибочно свидетельствовало о том, что он находится при исполнении служебных обязанностей.

— Что ты делаешь с этой рубашкой, Том? — спросил Билл.

— Я?.. Просто взял поглядеть.

— Просто взял поглядеть, вот как? — Билли отвернулся, заложив руки за спину. Затем стремительно повернулся на каблуках и уставил на Тома негнущийся указательный палец. — А мне думается, что ты не просто взял ее поглядеть, Том. Мне думается, что ты собирался ее украсть!

Том ничего не ответил. Уличающая его торба была беспомощно зажата у него в руке, в другой руке он держал рубашку.

— Мой долг, как начальника полиции, — продолжал Билли, — охранять этих людей. Ты, Том, подозрительный субъект. Я считаю необходимым на всякий случай запереть тебя пока что в тюрьму для дальнейшего расследования.

Том понурил голову. Этого он не ожидал. А впрочем, ему было все равно.

Если его упрячут в тюрьму, с этим по крайней мере будет покончено. А когда Билли его выпустит, он сможет вернуться к своей рыбной ловле.

Внезапно сквозь толпу пробился мэр; подол рубахи развевался вокруг его объемистой талии.

— Билли! Ты что это делаешь?

— Исполняю свой долг, мэр. Том тут вел себя как-то подозрительно. А в книгах говорится...

— Я знаю, что говорится в книгах, — сказал мэр. — Я сам дал тебе эту книгу. Ты не можешь арестовать Тома. Пока еще нет.

— Так ведь у нас в деревне нет другого преступника, — сокрушенно сказал Билли.

— А я чем виноват? — сказал мэр.

Билли упрямо поджал губы.

— В книге говорится, что полиция должна принимать предупредительные меры. Полагается, чтобы я мешал преступлению совершиться.

Мэр устало всплеснул руками.

— Билли, неужели ты не понимаешь? Нашей деревне необходимо иметь хоть какое-нибудь преступление на своем счету. И ты тоже должен нам в этом помочь.

Билли пожал плечами.

— Ладно, мэр. Я просто хотел исполнить свой долг. — Он отвернулся, шагнул в сторону, затем внезапно устремился к Тому. —

А ты мне еще попадешься! Запомни: преступление не доводит до добра. — Он зашагал прочь.

— Больно уж ему хочется отличиться, — объяснил мэр. — Не обращай на него внимания, Том. Давай принимайся за дело, укради что-нибудь. Надо с этим кончать.

Том не отвечал и бочком протискивался сквозь толпу, держа курс на зеленый лес за околицей деревни.

— Ты куда, Том? — с тревогой спросил мэр.

— Я сегодня еще не в настроении воровать, — сказал Том. — Может, завтра вечером...

— Нет, Том, сейчас, — настаивал мэр. — Нельзя так без конца тянуть с этим делом. Давай начинай, мы все тебе поможем.

— Конечно, поможем, — сказал Макс Ткач. — Ты укради эту рубашку, Том. Она же тебе как раз впору.

— А вот хороший кувшин для воды, гляди, Том!

— Смотри, сколько у меня тут орехов!

Том окинул взглядом лотки. Когда он потянулся за рубашкой Ткача, нож вывалился у него из-за пояса и упал на землю. В толпе сочувственно захихикали.

Том, покрываясь испариной и чувствуя, что он выглядит разиней, водворил нож на место. Он протянул руку, схватил рубашку и засунул ее в свою торбу. В толпе раздались одобрительные возгласы.

Том робко улыбнулся, и у него немного отлегло от сердца.

— Кажется, я помаленьку свыкнусь с этим делом.

— Еще как свыкнешься!

— Мы знали, что ты справишься!

— Укради еще что-нибудь, дружище!

Том прошелся по рынку, прихватил кусок веревки, пригоршню орехов и плетеную шляпу из травы.

— По-моему, хватит, — сказал он мэру.

— На сегодня достаточно, — согласился мэр. — Только это, ты ведь сам понимаешь, в счет не идет. Это все равно, как если б люди сами тебе все отдали. Ты пока что вроде как практиковался.

— О-о! — разочарованно протянул Том.

— Но теперь ты знаешь, как это делается. В следующий раз тебе будет совсем легко.

— Может быть.

— И смотри не забудь про убийство.

— А это в самом деле необходимо? — спросил Том.

— К сожалению, — сказал мэр. — Ну что поделаешь, наша колония существует уже свыше двухсот лет, а у нас еще не было ни одного убийства. Ни единого. А если верить летописям, во всех остальных колониях людей убивали почем зря!

— Похоже, что и нам тоже надо бы иметь хоть одно убийство, — согласился Том. — Ладно, я постараюсь.

Он направился домой. Толпа проводила его одобрительными возгласами.

Дома Том зажег фитильную лампу и приготовил ужин. Поев, он долго сидел в глубоком кресле. Он был недоволен собой. Несладно у него получилось с этой кражей. Целый день он только и делал, что тревожился и колебался. Людям пришлось чуть ли не насильно совать ему в руки свои вещи, чтобы он в конце концов отважился их украсть.

Какой же он после этого вор!

А что он может сказать в свое оправдание? Воровство и убийство — такие же необходимые занятия, как всякие другие. А если он никогда еще этим не занимался и никак не может взять в толк, зачем это нужно, — это еще не причина, чтобы делать порученное тебе дело тяп-ляп.

Том направился к двери. Была дивная, ясная ночь. Около дюжины ближайших звезд-гигантов ослепительно сверкали в небе. Рыночная площадь снова опустела, и в домах затеплились огоньки.

Теперь самое время красть!

При мысли об этом по спине у него пробежала дрожь. Он испытывал горделивое чувство. Вот как зреют преступные замыслы! Так должно совершаться и воровство — украдкой, под покровом глубокой ночи.

Том быстро проверил свое оружие, высыпал награбленное из торбы и вышел во двор.

На улице последние фитильные фонари были уже погашены. Том бесшумно пробирался через деревню. Он подошел к дому Роджера Паромщика. Большой Роджер оставил свою лопату снаружи, прислонив ее к стене дома. Том взял лопату. Он миновал еще несколько домов. Кувшин для воды, принадлежавший миссис Ткач, стоял на своем обычном месте, перед дверью. Том взял кувшин. На обратном пути ему попалась маленькая деревянная лошадка, забытая кем-то из детей на улице. Лошадка последовала за кувшином и лопатой.

Благополучно доставив награбленное домой, Том был приятно взволнован. Он решил совершить еще один набег.

На этот раз он возвратился с бронзовой дощечкой, снятой с дома мэра, с самой лучшей пилой Марва Плотника и серпом, принадлежавшим Джеду Фермеру.

— Недурно, — сказал себе Том. Он и в самом деле начинал осваивать свое новое ремесло. Еще один улов, и можно считать, что ночь не пропала даром.

На этот раз под навесом у Рона Каменщика он нашел молоток и стамеску, а возле дома Элис Поварихи подобрал плетеную камышовую корзину. Он уже собирался прихватить еще грабли Джефа Хмеля, когда услышал какой-то легкий шум. Он прижался к стене.

Билли Маляр тихонько крался по улице; его металлическая бляха поблескивала в свете звезд. В одной руке у него была зажата

короткая тяжелая дубинка, в другой — пара самодельных наручников.

В ночном полумраке лицо его выглядело зловеще. На нем была написана решимость любой ценой искоренить преступление, что бы это слово ни означало.

Том затаил дыхание, когда Билли Маляр прокрался в десяти шагах от него. Том тихонечко попятился назад. Награбленная добыча звякнула в торбе.

— Кто здесь? — зарычал Билли. Не получив ответа, он начал медленно оборачиваться, впиваясь взглядом в темноту. Том снова распластался у стены. Он был уверен, что Билли его не заметит. У Билли было слабое зрение, потому что ему приходилось все время смешивать краски и пыль попадала ему в глаза. Все маляры отличаются слабым зрением. Вот почему они такие раздражительные.

— Это ты, Том? — самым дружелюбным тоном спросил Билли. Том хотел уже было ответить, но тут он заметил, что дубинка Билли занесена у него над головой. Он замер. — Я еще до тебя доберусь! — рявкнул Билли.

— Слушай! Доберись до него утром! — крикнул Джеф Хмель, высовываясь из окна своей спальни. — Тут кое-кому из нас хотелось бы поспать.

Билли двинулся дальше. Когда он скрылся из глаз, Том поспешил домой и выгрузил добычу на пол рядом с остальными трофеями. Он с гордостью поглядел на свой улов. Вид награбленного добра пробудил в нем сознание исполненного долга.

Подкрепившись стаканом холодной глявы, Том улегся в постель и мгновенно погрузился в глубокий мирный сон, не отягощенный никакими сновидениями.

На следующее утро Том пошел поглядеть, как подвигается строительство маленького красного школьного здания. Братья Плотники трудились над ним вовсю, кое-кто из крестьян помогал им.

— Как работка? — весело окликнул их Том.

— Отлично, — сказал Марв Плотник. — И спорилась бы еще лучше, будь у меня моя пила.

— Твоя пила? — недоумевающе повторил Том.

И тут же вспомнил — ведь это он украл ее ночью. Он как-то не воспринимал ее тогда как вещь, которая кому-то принадлежит. Пила, как и все остальное, была просто предметом, который надлежало украсть. Том ни разу не подумал о том, что этими предметами пользуются, что они могут быть кому-то нужны.

Марв Плотник спросил:

— Как ты считаешь, могу я взять обратно свою пилу на время — часика на два?

— Я что-то не знаю, — сказал Том, нахмурившись. — Она ведь юридически украдена, ты сам понимаешь.

— Конечно, я понимаю. Да мне бы только одолжить ее на время...

— Но тебе придется отдать ее обратно. Вернуть ее.

— А то как же! Ясное дело, я ее верну, — возмущенно сказал Марв. — Стану я держать у себя то, что юридически украдено.

— Она у меня дома, вместе со всем награбленным.

Марв поблагодарил его и побежал за пилой.

Том не спеша пошел прогуляться по деревне. Он подошел к дому мэра. Мэр стоял во дворе и глядел на небо.

— Стащил мою медную дощечку, Том? — спросил он.

— Конечно, стащил, — вызывающе ответил Том.

— О! Я просто поинтересовался. — Мэр показал на небо: — Вон видишь?

Том поглядел на небо.

— Где?

— Видишь черную точку рядом с маленьким солнцем?

— Вижу. Ну и что?

— Головой ручаюсь, что это летит к нам инспектор. Как у тебя дела?

— Хорошо, — несколько неуверенно сказал Том.

— Уже разработал план убийства?

— Тут у меня неувязка получается, — признался Том. — Правду сказать, не двигается у меня это дело.

— Зайдем-ка в дом. Мне надо поговорить с тобой, Том.

В прохладной, затемненной ставнями гостиной мэр налил два стакана глявы и пододвинул Тому стул.

— Наше время истекает, — мрачно сказал мэр. — Инспектор может теперь прибыть в любую минуту. А у меня хлопот полон рот. — Он показал на межпланетное радио. — Оно опять говорило. Что-то насчет восстания на Денге IV и о том, что все не отпавшие от Земли колонии должны быть готовы провести мобилизацию — шут его знает, что это еще такое. Я отродясь не слыхал про какой-то там Денг IV, а вот, пожалуйста, должен беспокоиться о нем, как будто у меня без того мало забот.

Он сурово поглядел на Тома.

— А вы это точно знаете, что без убийства нам никак нельзя обойтись?

— Ты сам знаешь, что нельзя, — сказал мэр. — Если мы хотим быть настоящими землянами, надо идти до конца. А убийство — единственное, в чем мы проявляем отсталость. Все прочее у нас как по расписанию.

Вошел Билли Маляр, в новой форменной синей рубахе с блестящими металлическими пуговицами, и плюхнулся на стул.

— Убил уже кого-нибудь, Том?

Мэр сказал:

— Он хочет знать, так ли это необходимо.

— Разумеется, необходимо, — сказал начальник полиции. —

Прочти любую книгу. Какой же ты преступник, если не совершил ни одного убийства?

— Кого ты думаешь убить, Том? — спросил мэр.

Том беспокойно заерзал на стуле. Нервно хрустнул пальцами.

— Ну?

— Ладно, я убью Джефа Хмеля, — выпалил Том.

Билли Маляр быстро нагнулся вперед.

— Почему? — спросил он.

— Почему? А почему бы и нет?

— Какие у тебя мотивы?

— Я так считал, что вам просто нужно, чтобы было убийство, — возразил Том. — Никто ничего не говорил о мотивах.

— Липовое убийство нам не годится, — пояснил начальник полиции. — Убийство должно быть совершено по всем правилам. А это значит, что у тебя должен быть основательный мотив.

Том задумался.

— Ну, я, например, не очень-то близко знаю Джефа. Достаточный это мотив?

Мэр покачал головой:

— Нет, Том, это не годится. Лучше выбери кого-нибудь другого.

— Давайте подумаем, — сказал Том. — А что, если Джорджа Паромщика?

— А какие мотивы? — немедленно спросил Билли.

— Ну... хм... Мне, признаться, очень не нравится его походка. Давно уже не нравится. И шумный он какой-то бывает... иногда.

Мэр одобрительно кивнул.

— Это, пожалуй, подходит. Что ты скажешь, Билли?

— Как, по-вашему, могу я раскрыть преступление, совершенное по таким мотивам? — сердито спросил Билли. — Нет, это еще годилось бы, если бы ты убил его в состоянии умоисступления. Но ты же должен убить по всем правилам, Том. И должен отвечать характеристике: хладнокровный, безжалостный, коварный убийца. Ты не можешь убить кого-то только потому, что тебе не нравится его походка. Это звучит глупо.

— Пожалуй, мне надо еще раз хорошенько все обдумать, — сказал Том, вставая.

— Только думай не слишком долго, — сказал мэр. — Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше.

Том кивнул и направился к двери.

— Да, Том! — крикнул Билли. — Не забудь оставить улики. Это очень важно.

— Ладно, — сказал Том и вышел.

Почти все жители деревни стояли на улице, глядя на небо. Черная точка выросла до огромных размеров. Она уже почти совсем закрыла собой маленькое солнце.

Том направился в пользующийся дурной славой притон, чтобы все продумать до конца. Эд Пиво, по-видимому, пересмотрел

свое отношение к преступным элементам. Он переоборудовал таверну. Появилась большая вывеска, гласившая: «ЛОГОВО ПРЕСТУПНИКА». Окна были задрапированы новыми, добросовестно перепачканными грязью занавесками, затруднявшими доступ дневному свету и делавшими таверну поистине довольно мрачным притоном. На одной стене висело наспех вырезанное из дерева всевозможное оружие. На другой стене большая кроваво-красная клякса производила весьма зловещее впечатление, хотя Том и видел, что это всего-навсего краска, которую Билли Маляр приготавливает из ягод руты.

— Входи, входи, Том, — сказал Эд Пиво и повел гостя в самый темный угол. Том заметил, что в эти часы в таверне никогда не бывало столько народу. Людям, как видно, пришлось по душе, что они попали в настоящее логово преступника.

Потягивая перри-колу, Том принялся размышлять.

Он должен совершить убийство.

Он достал свой ордер и прочел его еще раз от начала до конца. Скверная штука, никогда бы он по доброй воле за такое не взялся, но закон обязывает его выполнить свой долг.

Том выпил перри-колу и постарался сосредоточиться на убийстве. Он сказал себе, что должен кого-нибудь убить. Должен лишить кого-нибудь жизни. Должен отправить кого-нибудь на тот свет.

Но, что бы он себе ни говорил, это не выражало существа дела. Это были слова, и все. Чтобы получше привести в порядок свои мысли, Том решил взять для примера здоровенного рыжеволосого Марва Плотника. Сегодня Марв, получив напрокат свою пилу, строит школьное здание. Если Том убьет Марва... Ну, тогда Марв не будет больше строить. Том нетерпеливо покачал головой. Нет, ему все никак не удавалось осознать это до конца.

Ну, ладно. Вот, значит, Марв Плотник — самый здоровенный и, по мнению многих, самый славный из всех ребят Плотников. Вот он стругает доску, прищурившись, крепко ухватив рубанок веснушчатой рукой. А сам уже, конечно, изнывает от жажды, а в левом плече у него свербит, так как мазь Яна Аптекаря никак ему не помогла.

Вот, это Марв Плотник.

А теперь...

Марв Плотник, опрокинутый навзничь, лежит на земле; остекленелые глаза его полуоткрыты, руки и ноги окоченели, рот скривился набок, он не дышит, сердце у него не бьется. Никогда уже больше не будет он сжимать кусок дерева в своих больших веснушчатых руках. Никогда не пожалуется на ломоту в плече, которую Ян Аптекарь не сумел...

На какой-то миг Том вдруг всем своим нутром ощутил, что такое убийство. Видение исчезло, но воспоминание о нем оста-

лось — оно было настолько ярко, что Том почувствовал легкую дурноту.

Он мог жить, совершив кражу. Но убийство, даже с самыми благими намерениями, в интересах деревни...

Что скажут люди, когда они увидят то, что ему сейчас померещилось? Как тогда ему жить среди них? Как примириться с самим собой?

И тем не менее он должен убить. Каждый житель деревни вносит свою лепту, а это дело выпало на его долю.

Но кого же ему убить?

Переполох начался несколько позже, когда межпланетное радио сердито загремело на разные голоса.

— Это и есть колония? Где ваша столица?

— Вот она, — сказал мэр.

— Где ваш аэродром?

— У нас там, кажется, теперь сделали выгон, — сказал мэр. — Я могу проверить по книгам, где тут прежде был аэродром. Ни один воздушный корабль не опускался здесь уже свыше...

— В таком случае главный корабль будет оставаться в воздухе. Соберите ваших представителей. Я приземляюсь.

Вся деревня собралась вокруг открытого поля, которое инспектор избрал для посадки. Том засунул за пояс свое оружие, укрылся за деревом и стал наблюдать.

Маленький воздушный кораблик отделился от большого и быстро устремился вниз. Он камнем падал на поле, и деревня затаила дыхание, ожидая, что он сейчас разобьется. Но в последнее мгновение кораблик выпустил огненные струи, которые выжгли всю траву, и плавно опустился на грунт.

Мэр, работая локтями, протискался вперед; за ним спешил Билли Маляр. Дверца корабля отворилась, и появилось четверо мужчин. Они держали в руках блестящие металлические предметы, и Том понял, что это оружие. Следом за ними из корабля вышел дородный краснолицый мужчина, одетый в черное, с четырьмя блестящими медалями на груди. Его сопровождал маленький человечек с морщинистым лицом, тоже в черном. За ними последовало еще четверо облаченных в одинаковую форму людей.

— Добро пожаловать в Новый Дилавер, — сказал мэр.

— Благодарю вас, Генерал, — сказал дородный мужчина, энергично тряхнув руку мэра. — Я — инспектор Дилумейн. А это — мистер Грент, мой политический советник.

Грент кивнул мэру, делая вид, что не замечает его протянутой руки. С выражением снисходительного отвращения он окинул взглядом собравшихся дилаверцев.

— Мы бы хотели осмотреть деревню, — сказал инспектор, по-

косившись на Грента. Грент кивнул. Одетая в мундиры стража замкнула их в полукольцо.

Том, крадучись, как заправский злодей, и держась на безопасном расстоянии, последовал за ними. Когда они добрались до деревни, он спрятался за домом и продолжал свои наблюдения.

Мэр с законной гордостью показывал тюрьму, почту, церковь и маленькое красное школьное здание. Инспектор, казалось, был несколько озадачен. Мистер Грент противно улыбался и скреб подбородок.

— Так я и думал, — сказал он инспектору. — Пустая трата времени, горючего и ненужная амортизация линейного крейсера. Здесь нет абсолютно ничего ценного.

— Я не вполне в этом уверен, — сказал инспектор. Он повернулся к мэру: — Но для чего вы все это построили, Генерал?

— Как? Для того, чтобы быть настоящими землянами, — отвечал мэр. — Вы видите, мы делаем все, что в наших силах.

Мистер Грент прошептал что-то на ухо инспектору.

— Скажите, — обратился инспектор к мэру, — сколько у вас тут молодых мужчин в вашей деревне?

— Прошу прощения?.. — растерянно переспросил мэр.

— Сколько у вас имеется молодых мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет, — пояснил мистер Грент. — Видите ли, Генерал, Империя матери-Земли находится в состоянии войны. Колонисты на Денге IV и в некоторых других колониях восстали против ее законного первородства. Они подняли мятеж против непререкаемого главенства матери-Земли.

— Очень прискорбно слышать, — сочувственно произнес мэр.

— Нам нужны люди для космической пехоты, — сказал инспектор. — Крепкие, здоровые и боеспособные мужчины. Наши ресурсы исчерпаны...

— Мы хотим, — деликатно вставил мистер Грент, — предоставить всем колонистам, сохранившим верность Земле, возможность принять участие в решающей битве за Империю матери-Земли. Мы убеждены, что не услышим от вас отказа.

— Разумеется, нет, — сказал мэр. — Конечно, нет. Я уверен, что все наши молодые люди будут рады... Они, правда, не особо большие специалисты по этой части, но зато очень смышленые ребята. Научатся быстро, я полагаю.

— Вот видите? — сказал инспектор, обращаясь к мистеру Гренту. — Шестьдесят, семьдесят, а может, и сотня рекрутов. Не такая уж потеря времени, оказывается.

Но мистер Грент по-прежнему был настроен скептически.

Инспектор вместе со своим советником направился в дом мэра, чтобы немного подкрепиться. Их сопровождали четверо солдат. Остальные четверо прошлись по деревне, не пренебрегая ничем, что попадало под руку.

Том укрылся в ближайшем лесочке, чтобы все основательно

обдумать. В сумерках миссис Эд Пиво, пугливо озираясь по сторонам, вышла за околицу. Миссис Эд Пиво была тощая, начинающая седеть блондинка средних лет. Невзирая на свое подагрическое колено, она двигалась очень проворно. В руках у нее была корзина, покрытая красной клетчатой салфеткой.

— Я принесла тебе обед, — сказала она, как только увидела Тома.

— Вот как?.. Спасибо, — сказал Том, опешив от удивления. — Ты совсем не обязана была это делать.

— Как это не обязана? Ведь это наша таверна — место, пользующееся дурной славой, где тебе надлежит укрываться от закона? Разве не так? Значит, мы за тебя отвечаем и должны о тебе заботиться. Мэр велел тебе кое-что передать.

Том с набитым ртом поглядел на миссис Эд Пиво.

— Что еще?

— Он сказал, чтобы ты поторопился с убийством. Он пока что водит за нос инспектора и этого противного карлика — Грента. Но рано или поздно они с него спросят. Он в этом уверен.

Том кивнул.

— Когда ты это сделаешь, Том? — Миссис Пиво поглядела на него, склонив голову набок.

— Я не должен тебе говорить, — сказал Том.

— Как так не должен! Я же твоя преступная сообщница! — Миссис Пиво придвинулась ближе.

— Да, это верно, — задумчиво согласился Том. — Ладно, я собираюсь сделать это сегодня, когда стемнеет. Передай Билли Маляру, что я оставлю все отпечатки пальцев, какие только у меня получатся, и разные прочие улики.

— Ладно, Том, — сказала миссис Пиво. — Бог в помощь.

Том дожидался наступления темноты, а пока что наблюдал за происходящим в деревне. Он видел, что почти все солдаты напились пьяными. Они разгуливали по деревне с таким видом, словно, кроме них, никого больше не существовало на свете. Один из солдат выстрелил в воздух и напугал всех маленьких, пушистых, питающихся травой зверьков на много миль в окружности.

Инспектор и мистер Грент все еще оставались в доме мэра.

Наступила ночь. Том пробрался в деревню и притаился в узком проулочке между двумя домами. Он вытащил из-за пояса нож и стал ждать.

Кто-то шел по дороге. Том начал припоминать методы, какими пользуются убийцы, но ничего не мог припомнить. Он знал только, что должен совершить убийство, и как можно быстрее, а уж как получится, так и получится. Человек приближался. Фигура его неясно маячила во мраке.

— А это ты, Том! — сказал мэр. Он поглядел на нож. — Что ты тут делаешь?

— Вы сказали, что нужно кого-нибудь убить, вот я и...

— Я не говорил, что меня, — сказал мэр, пятясь назад. — Меня нельзя.

— Почему нельзя? — спросил Том.

— Ну, во-первых, кто-то должен принимать инспектора. Он ждет меня. Нужно показать ему...

— Это может сделать и Билли Маляр, — сказал Том. Он ухватил мэра за ворот рубахи и занес над ним нож, нацелив острие в горло. — Лично я, конечно, ничего против вас не имею, — добавил он.

— Постой! — закричал мэр. — Если ты ничего не имеешь лично, значит, у тебя нет мотива!

Том опустил нож, но продолжал держать мэра за ворот.

— Что ж, я могу придумать какой-нибудь мотив. Я, например, был очень зол, когда вы назначили меня преступником.

— Так ведь это мэр тебя назначил, верно?

— Ну да, а то кто же...

Мэр потащил Тома из темного закоулка на залитую светом звезд улицу.

— Гляди!

Том разинул рот. На мэре были длинные штаны с острой, как лезвие ножа, складкой и мундир, сверкающий медалями. На плечах — два ряда звезд, по десять штук в каждом ряду. Его головной убор, густо расшитый золотым галуном, изображал летящую комету.

— Ты видишь, Том? Я теперь уже не мэр. Я — Генерал!

— Какая разница? Человек-то вы тот же самый.

— Только не с формальной точки зрения. Ты, к сожалению, пропустил церемонию, которая состоялась после обеда. Инспектор заявил, что, поскольку я теперь официально произведен в генералы, мне следует носить генеральский мундир. Церемония протекала в теплой, дружеской обстановке. Все прилетевшие с Земли улыбались и подмигивали мне и друг другу.

Том снова взмахнул ножом с таким видом, словно собирался выпотрошить рыбу.

— Поздравляю, — с неподдельной сердечностью сказал он, — но ведь вы были мэром, когда назначили меня преступником, значит, мой мотив остается в силе.

— Так ты же убиваешь не мэра! Ты убиваешь Генерала! А это уже не убийство.

— Не убийство? — спросил Том. — А что же это тогда?

— Видишь ли, убийство Генерала — это уже мятеж!

— О! — Том опустил нож. Потом выпустил ворот рубахи. — Прошу прощения.

— Ничего, все в порядке, — сказал мэр. — Вполне проститель-

ная ошибка. Просто я прочел об этом в книгах, а ты — нет. Тебе это ни к чему. — Он глубоко, с облегчением вздохнул. — Ну, мне, пожалуй, надо идти. Инспектор просил составить ему список новобранцев.

Том крикнул ему вдогонку:

— Вы уверены, что я непременно должен кого-нибудь убить?

— Уверен! — ответил мэр, поспешно удаляясь. — Но только не меня!

Том снова сунул нож за пояс.

Не меня, не меня! Каждый так скажет. А вместе с тем кто-то должен быть убит. Кто же? Убить самого себя он не мог. Это уже самоубийство и, значит, будет не в счет.

Тома пробрала дрожь. Он старался забыть о том, как убийство на мгновение предстало перед ним во всей своей реальности. Дело должно быть сделано.

Приближался еще кто-то!

Человек подходил все ближе. Том пригнулся, мускулы его напряглись, он приготовился к прыжку.

Появилась миссис Мельник. Она возвращалась домой с рынка и несла сумку с овощами.

Том сказал себе, что это не имеет значения — миссис Мельник или кто-нибудь другой. Но он никак не мог отогнать от себя воспоминания о ее беседах с его покойной матерью. Получалось, что у него нет никаких мотивов убить миссис Мельник.

Она прошла мимо, не заметив его.

Он ждал еще минут тридцать. В темном проулочке между домами опять появился кто-то. Том узнал Макса Ткача.

Макс всегда нравился Тому. Но это еще не означало, что у Тома не может быть мотива убить Макса. Однако ему решительно ничего не приходило на ум, кроме того, что у Макса есть жена и пятеро ребятишек, которые очень его любят и очень будут по нему горевать. Том не хотел, чтобы Билли Маляр сказал ему потом, что это не мотив. Он отступил поглубже в тень и позволил Максу благополучно пройти мимо.

Появились трое братьев Плотников. С ними у Тома было связано слишком мучительное воспоминание. Он дал им пройти мимо. Следом за ними шел Роджер Паромщик.

У Тома не было никакой причины убивать Роджера, но и дружить они особенно никогда не дружили. К тому же у Роджера не было детей, а его жена не сказать чтоб слишком была к нему привязана. Может, всего этого уже будет достаточно для Билли Маляра, чтобы вскрыть мотивы убийства?

Том понимал, что этого недостаточно... И что со всеми остальными жителями деревни у него получится то же самое. Он вырос среди этих людей, делил с ними пищу и труд, горести и радости. Какие, в сущности, могут у него быть мотивы, чтобы убивать кого-нибудь из них?

А убить он должен. Этого требует выданный ему ордер. Нельзя же обмануть доверие односельчан. И в то же время он не в состоянии убить никого из этих людей, которых знает с колыбели.

«Постой-ка! — внезапно в сильном волнении подумал он. — Можно ведь убить инспектора!»

Мотивы? Да это будет даже более чудовищное злодеяние, чем убить мэра... Конечно, мэр теперь еще и Генерал, но ведь это уже был бы всего-навсего мятеж. Да если бы даже мэр по-прежнему оставался только мэром, инспектор куда более солидная жертва. Том совершит это убийство ради славы, ради подвига, ради величия! Это убийство покажет Земле, насколько верна земным традициям ее колония. И на Земле будут говорить: «На Новом Дилавере преступность приняла такие размеры, что появляться там небезопасно. Какой-то преступник просто-напросто взял да и убил нашего инспектора в первый же день его прибытия туда! Во всей Вселенной едва ли сыщется еще один столь страшный убийца!»

Это, несомненно, будет самое эффективное убийство, какое он только может совершить, думал Том. Убийство, которое под стать лишь настоящему знатоку своего дела. Впервые ощутив прилив гордости, Том поспешил к дому мэра. До него долетели обрывки разговора, который шел внутри.

— ...весьма пассивный народ, — говорил мистер Грент. — Я бы даже сказал, робкий.

— Довольно-таки унылое качество, — заметил инспектор. — Особенно в солдатах.

— А чего вы ожидали от этих отсталых земледельцев? Хорошо еще, что мы завербовали здесь немного солдат. — Мистер Грент оглушительно зевнул. — Стража, смирно! Мы возвращаемся на корабль.

Стража! Том совершенно про нее позабыл. Он с сомнением поглядел на свой нож. Если он бросится на инспектора, стража, несомненно, успеет его схватить, прежде чем он совершит убийство. Их, верно, специально этому обучают.

Вот если бы у него было такое оружие, как у них...

Из дома донесся звук шагов. Том поспешно пошел дальше по улице.

Возле рынка он увидел пьяного солдата, который сидел на крылечке и что-то напевал себе под нос. У ног его валялись две пустые бутылки, оружие небрежно висело на плече.

Том подкрался ближе, вытащил свою дубинку, замахнулся...

Его тень, по-видимому, привлекла внимание солдата. Он вскочил, пригнулся и успел увернуться от удара дубинки. Он ударил Тома прикладом под ребра, вскинул винтовку к плечу и прицелился. Том зажмурился и прыгнул, лягнув его обеими ногами. Удар пришелся солдату в колено и опрокинул его навзничь. Прежде чем он успел подняться, Том огрел его дубинкой.

Том пощупал солдату пульс (не было смысла убивать кого по-

пало) и нашел его вполне удовлетворительным. Он взял винтовку, проверил, где что надо нажимать, и пошел разыскивать инспектора.

Он нагнал его на полпути к посадочной площадке. Инспектор и Грент шли впереди, позади них ковыляли солдаты.

Том шел, прячась за кустами. Он бесшумно догонял процессию, пока не поравнялся с Грентом и инспектором. Он прицелился, но палец его застыл на спусковом крючке...

Ему не хотелось убивать еще и Грента. Ведь предполагалось, что он должен совершить только одно убийство.

Том припустил вперед, опередил инспектора и, выйдя на дорогу, преградил ему путь. Его оружие было направлено прямо на инспектора.

— Что это такое? — спросил инспектор.

— Стойте смирно, — сказал ему Том. — Все остальные бросьте оружие и отойдите с дороги.

Солдаты повиновались, как сомнамбулы. Один за другим они побросали оружие и отступили к кустам у обочины. Грент остался на месте.

— Что это ты задумал, малый? — спросил он.

— Я городской преступник, — горделиво отвечал Том. — Я хочу убить инспектора. Пожалуйста, отойдите в сторону.

Грент уставился на него.

— Преступник? Так вот о чем лопотал ваш мэр!

— Я знаю, что у нас уже двести лет не было ни одного убийства, — пояснил Том, — но сейчас я это исправлю. Прочь с дороги!

Грент прыгнул в сторону от наведенного на него дула. Инспектор остался один. Он стоял, легонько пошатываясь.

Том прицелился, стараясь думать о том, какой эффект произведет это убийство, и о его общественном значении. Но он видел инспектора простертым на земле, с остановившимся взглядом широко открытых глаз, с искривленным ртом, окоченевшего, бездыханного, с переставшим биться сердцем.

Он старался заставить свой палец нажать на спусковой крючок. Мозг мог сколько угодно убеждать его в том, как общественно необходимо преступление, — рука знала лучше.

— Я не могу! — выкрикнул Том.

Он бросил оружие и прыгнул в кусты.

Инспектор хотел отрядить людей на розыски Тома и повесить его на месте. Но мистер Грент был с ним не согласен. Новый Дилавер — лесная планета. Десять тысяч людей не найдут беглеца в этих дремучих лесах, если он не захочет попасться им в руки.

На шум прибежал мэр и еще кое-кто из жителей деревни. Солдаты образовали каре вокруг инспектора и мистера Грента. Они стояли, держа оружие на изготовку. Лица их были угрюмы и суровы.

Мэр все разъяснил. О прискорбной отсталости деревни по

части преступлений. О поручении, данном Тому Рыбаку. О том, как он всех их осрамил, не сумев выполнить свой долг.

— Почему вы дали это поручение именно ему? — спросил мистер Грент.

— Видите ли, — сказал мэр, — я подумал, что если уж кто-нибудь у нас способен убить, так только Том. Он, понимаете ли, рыбак. Это довольно-таки кровавое занятие.

— Значит, все остальные у вас также не способны убивать?

— Никому из нас никогда бы не зайти так далеко, как зашел Том, — с грустью признался мэр.

Инспектор и мистер Грент переглянулись, потом поглядели на солдат. Солдаты с почтительным изумлением взирали на жителей деревни и начали негромко переговариваться друг с другом.

— Смирно! — зарычал инспектор. Он обернулся к Гренту и сказал, понизив голос: — Надо, пока не поздно, поскорее убираться отсюда. Люди, не умеющие убивать, в рядах нашей армии!..

— Моральное состояние наших солдат... — весь дрожа, пробормотал мистер Грент, — опасная зараза... Один человек, если он не в состоянии выстрелить из винтовки, может в ответственный момент поставить под удар весь воздушный корабль... быть может, даже целую эскадрилью... Нет, так рисковать нельзя.

Они приказали солдатам вернуться на корабль. Солдаты шагали ленивее, чем обычно, и то и дело оборачивались, чтобы поглядеть на деревню. Они продолжали перешептываться, невзирая на то что инспектор рычал и сыпал приказами.

Маленький воздушный корабль взмыл вверх, исторгнув из себя целый шквал струй. Через несколько минут его поглотил большой корабль. А затем и большой корабль скрылся из виду.

Огромное водянисто-красное солнце уже касалось горизонта.

— Ты можешь теперь выйти, Том! — крикнул мэр.

Том вылез из кустов, где он прятался, следя за всем происходящим.

— Напортачил я с этим поручением, — жалобно сказал Том.

— Не сокрушайся, — утешил его Билли Маляр. — Это же невыполнимое дело.

— Похоже, что ты прав, — сказал мэр, когда они шагали по дороге, возвращаясь в деревню. — Я просто подумал — чем черт не шутит, а вдруг ты как-нибудь справишься. Но ты не огорчайся. Никто у нас в деревне не натворил бы и половины того, что ты.

— А на что нам теперь эти постройки? — спросил Билли Маляр, указывая на тюрьму, на почту, на церковь и на маленькое красное школьное здание.

С минуту мэр сосредоточенно размышлял.

— Я знаю, — сказал он. — Мы устроим детскую площадку для игр. Качели, горки, ящики с песком и всякие прочие штуки.

— Еще одну площадку для игр? — спросил Том.

— Ну да. А почему бы нет?

Ответить на это было нечего: конечно, почему бы нет?

— Теперь мне, верно, это больше не понадобится, — сказал Том, протягивая свой ордер мэру.

— Да, пожалуй, — сказал мэр. Все сочувственно посмотрели на него, когда он рвал ордер на мелкие кусочки. — Ну что ж, мы сделали, что могли. Просто не вышло.

— У меня ведь была возможность, — смущенно пробормотал Том, — а я вас всех подвел.

Билли Маляр ласково положил руку ему на плечо.

— Ты не виноват, Том. И никто из нас не виноват. Вот что получается, когда к людям двести лет не проникает цивилизация. Поглядите, сколько времени понадобилось Земле, чтобы стать цивилизованной. Тысячи лет. А мы хотели достигнуть этого за две недели.

— Ну что ж, придется нам снова вернуться в нецивилизованное состояние, — сказал мэр, делая неуклюжую попытку пошутить.

Том зевнул, потянулся и зашагал домой, чтобы хорошенько отоспаться — наверстать упущенное. На пороге дома он взглянул на небо.

Густые, тяжелые облака собирались над головой, и вокруг каждого облака был черный нимб. Близились осенние дожди. Скоро можно будет снова начать рыбачить.

Почему не пришло ему в голову представить себе инспектора в виде рыбы? Но он чувствовал, что слишком устал, чтобы рассудить сейчас, могло ли бы это послужить достаточным мотивом для убийства. Во всяком случае, теперь думать об этом было уже поздно. Земля отказалась от них, цивилизация отлетела, и на какое количество столетий отодвинулась она от их планеты, никому было неведомо.

Он плохо спал в эту ночь.

БРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА

Эдвард Флэзвелл купил за глаза астероид в Межзвездной земельной конторе, расположенной на Земле. Он выбрал его по фотоснимку, где не было почти ничего, кроме живописных гор. Но Флэзвелл был любитель гор, он даже заметил клерку, принимавшему заявки:

— А ведь, пожалуй, браток, там и золотишко есть?

— Как же, как же, старик, — в тон ему отвечал клерк, удивляясь про себя, как может человек в здравом рассудке забраться куда-то на расстояние нескольких световых лет от ближайшего существа женского пола. На это способен разве лишь сумасшедший, заключил про себя клерк, окидывая Флэзвелла испытующим взглядом.

Но Флэзвелл был в здравом уме. Он просто не думал об этом.

Итак, он подписал обязательство на незначительную сумму, имеющую быть выплаченной в определенный срок, а также обещание вносить ежегодно значительные улучшения в свой участок. Не успели просохнуть на купчей чернила, как он взял билет на радиоуправляемый грузовой корабль второго класса, погрузил на него ассортимент подержанного оборудования и отправился в свои владения.

По прибытии на место начинающие колонисты обычно убеждаются, что приобрели кусище голой скалы. Не то Флэзвелл. Его астероид «Шанс», как он его назвал, имел некий минимум атмосферы, а для чистого воздуха в него можно было подкачать кислороду. Была там и вода — бурильный молоток обнаружил ее на двадцать третьей пробе. В живописных горах не оказалось золота, зато нашлось немного полезного тория. А главное, значительная часть почвы оказалась пригодной для выращивания диров, олджей, смисов и других экзотических плодовых деревьев. И Флэзвелл частенько говорил своему старшему роботу:

— Увидишь, я еще стану здесь богатым человеком!

На что робот неизменно отвечал:

— Истинная правда, босс!

Астероид и в самом деле оказался из многообещающих. Освоить его было не под силу одному человеку, но Флэзвеллу едва исполнилось двадцать семь лет, он обладал крепким сложением и решительным характером. Земля расцветала под его руками. Месяц проходил за месяцем, а Флэзвелл все так же возделывал свои сады, разрабатывал рудники и вывозил товары на единственном грузовом корабле, изредка навещавшем его астероид.

Однажды старший робот сказал ему:

— Хозяин, Человек, сэр, вы мне что-то не нравитесь, мистер Флэзвелл, сэр!

Флэзвелл досадливо поморщился. Бывший владелец его роботов был сторонник человеческого супрематизма, и притом самого бешеного толка. Своих роботов он запрограммировал согласно собственным представлениям о должном уважении к Человеку. Их ответы раздражали Флэзвелла, однако новая программа потребовала бы затрат. А где бы еще достал он роботов по такой сходной цене!

— Со мной все в порядке, Ганга-Сэм, — ответил он.

— Ах, прошу прощения, сэр! Но это не так, мистер Флэзвелл, сэр! Вы даже сами с собой разговариваете в поле — простите, что я осмелился вам это сказать.

— Пустяки, не имеет значения.

— И в левом глазу у вас, я замечаю, тик появился, саиб! И руки у вас дрожат. И вы слишком много пьете, сэр. И...

— Довольно, Ганга-Сэм! Робот должен знать свое место, — ответил Флэзвелл. Но, заметив выражение обиды, которое робот умудрился изобразить на своем металлическом лице, он вздохнул и сказал: — Разумеется, ты прав. Да ты и всегда прав, дружище! Что же это со мной, в самом деле?

— Вы взвалили на себя слишком тяжелое Бремя Человека.

— Это я и сам знаю! — И Флэзвелл всей пятерней взъерошил непослушные черные волосы. — Иногда я завидую вам, роботам. Вечно вы смеетесь, беззаботные и счастливые.

— Это потому, что у нас нет души.

— У меня она, к сожалению, есть. Так что бы ты мне присоветовал?

— Поезжайте в отпуск, мистер Флэзвелл, босс! — предложил Ганга-Сэм — и мудро предпочел скрыться, чтобы дать хозяину время подумать.

Флэзвелл по достоинству оценил любезное предложение слуги, но ехать в отпуск было сложно. Его астероид «Шанс» находился в Троцийской системе, пожалуй, самой изолированной, какую можно найти в наши дни. Правда, он был расположен на расстоянии всего лишь пятнадцати летных дней от сомнительных развлечений Цитеры III и разве лишь чуть подальше от Нагондисона, где человек с луженой глоткой мог вволю повеселиться. Но расстояние — деньги, а деньги — как раз то самое, что Флэзвелл хотел выколотить из своего «Шанса».

Флэзвелл развел еще много культур, добыл еще много тория и отпустил бороду. Он продолжал что-то бормотать себе под нос, находясь в поле, и налегал на бутылку дома по вечерам. Кое-кто из роботов, простых сельскохозяйственных рабочих, пугался, когда Флэзвелл, пошатываясь, проходил мимо. Нашлись и такие, что начали уже молиться разжалованному богу огня. Но верный Ганга-Сэм вскоре положил конец этому зловещему развитию событий.

— Глупые вы машины! — говорил он роботам. — Человеческий босс — он в порядке. Он сильный и добрый! Верьте, братья. Я не стал бы вас обманывать!

Но воркотня не прекращалась, потому что роботы требовали, чтобы Человек наставлял их своим примером. Бог весть, к чему бы это привело, не получи Флэзвелл с очередной партией продовольствия новенький сверкающий каталог Рэбек-Уорда.

Любовно развернул он его на своем грубом пластмассовом столике и при свете простой люминесцентной лампочки начал в него вникать. Какие чудеса там рекламировались на зависть и удивление одинокому колонисту! Домашние самогонные аппараты, заменители луны, портативные солидовизоры и...

Флэзвелл перевернул страницу, прочел, сглотнул слюну и снова перечел. Объявление гласило:

НЕВЕСТЫ — ПОЧТОЙ!

Колонисты! Довольно страдать от проклятого одиночества! Довольно нести одному Бремя Человека! Рэбек-Уорд впервые в истории предлагает вам отборный контингент невест для колониста! С гарантией!

Рэбек-уордовская модель пограничной невесты отбирается по признаку здоровья, приспособляемости, проворства, стойкости, всякой полезной колонисту сноровки и, разумеется, известной миловидности. Эти девушки могут жить на любой планете, поскольку центр тяжести у них расположен сравнительно низко, пигментация кожи подходит для любого климата, а ногти на руках и ногах короткие и крепкие. Что до фигуры, то они сложены пропорционально, но вместе с тем не так, чтобы отвлекать человека от дела, каковое достоинство, без сомнения, оценит наш трудяга колонист.

Рэбек-уордовская пограничная модель представлена в трех размерах (спецификация) — на любой вкус. По получении вашего запроса Рэбек-Уорд вышлет вам свежезамороженный экземпляр грузовым кораблем третьего класса. Это сократит до минимума почтовые расходы.

Спешите заказать образцовую пограничную невесту сегодня же!

Флэзвелл послал за Ганга-Сэмом и показал ему объявление. Человек-машина прочитал его про себя, а потом взглянул хозяину прямо в лицо.

— Как раз то, что нам требуется, эфенди, — сказал старший робот.

— Ты думаешь? — Флэзвелл вскочил и взволнованно зашагал по комнате. — Но ведь я еще не располагал жениться. И потом, кто же так женится? Да еще понравится ли мне она?

— Человеку-Мужчине положено иметь Человека-Женщину.

— Согласен, но...

— Неужто они заодно не пришлют свежезамороженного священника?

По мере того как Флэзвелл проникал в хитрую догадку слуги, по лицу его расползалась довольная усмешка.

— Ганга-Сэм, — сказал он. — Ты, как всегда, ухватил самую суть дела. По-моему, контракт предусматривает мораторий на обряд, чтобы человек мог собраться с мыслями и принять решение. Заморозить священника — дорогое удовольствие. А пока суд да дело, неплохо иметь под рукой девушку, которая возьмет на себя положенную ей работу.

Ганга-Сэм ухитрился изобразить на лице загадочную улыбку. Флэзвелл сразу же сел и заказал образцовую пограничную невесту малого размера: он считал, что и этого более чем достаточно. Ганга-Сэму было поручено передать заказ по радио.

В ожидании Флэзвелл себя не помнил от волнения. Он уже загодя стал посматривать на небо. Роботам передалось его настроение. Вечерами их беззаботные песни и пляски прерывались взволнованным шепотом и затаенными смешками. Механические люди проходу не давали Ганга-Сэму:

— Эй, мастер! Расскажи, какая она, эта Человек-Женщина, хозяйка?

— Не ваше дело, — отвечал Ганга-Сэм. — Это дело Человека. Вам, роботам, лучше не соваться!

Но в конце концов и он не выдержал характера и стал наравне с другими поглядывать на небо.

Все эти недели Флэзвелл размышлял о преимуществах пограничной невесты. И чем больше он думал, тем больше привлекала его сама идея. Эти накрашенные, расфранченные куколки решительно не по нему. Как приятно обзавестись жизнерадостной, практичной, рассудительной подругой жизни, умеющей стряпать и стирать; она будет присматривать за домом и за роботами, кроить, шить и варить варенье...

В этих грезах коротал он дни, искусывая себе до крови ногти.

Наконец корабль засверкал на горизонте. Он приземлился, выбросил за борт объемистый контейнер и улетел по направлению к Амире IV.

Роботы подобрали контейнер и принесли его Флэзвеллу.

— Ваша нареченная, сэр! — ликовали они, подкидывая на ладонях масленки.

Флэзвелл объявил на радостях, что дает им свободных полдня, и вскоре остался в столовой один с большим холодным ящиком. Надпись на крышке гласила: «Обращаться осторожно! Внутри женщина!»

Он нажал на ручки размораживателя, выждал положенный час и открыл контейнер. Внутри оказался второй, потребовавший для разморозки целых два часа. Флэзвелл в нетерпении бегал из угла в угол, догрызая на ходу остатки ногтей.

Наконец настало время раскрыть и этот ящик. Трясущимися руками Флэзвелл снял крышку и увидел...

— Э-э-э-то еще что?! — воскликнул он.

Девушка в контейнере прищурилась, зевнула как кошечка, открыла глаза и села. Оба уставились друг на друга, и Флэзвелл понял, что произошла ужасная ошибка.

На ней было прелестное, но абсолютно непрактичное платьице, на котором золотыми нитками было вышито ее имя — Шейла. Вслед за этим Флэзвеллу бросилось в глаза изящество ее фигурки, нимало не подходившей для тяжелого труда во внепланет-

ных условиях, и белоснежная кожа — под жгучим астероидным летним солнцем она, конечно, покроется волдырями. А уж руки — изящные, с длинными пальцами и алыми ноготками, совсем не то, что обещал каталог Рэбек-Уорда. Что же до ног и прочих статей, решил про себя Флэзвелл, то все это уместно на Земле, но не здесь, где человек целиком принадлежит своей работе.

Нельзя было даже сказать, что у нее низко расположен центр тяжести. Как раз наоборот!

И Флэзвелл почувствовал, что его обманули, одурачили, обвели вокруг пальца.

Шейла выпорхнула из своего кокона, подошла к окну и окинула взглядом цветущие зеленые поля Флэзвелла в рамке живописных гор.

— А где же пальмы? — спросила она.

— Пальмы?..

— Разумеется. Мне говорили, что на Сиринге V растут пальмы.

— Так это же не Сиринг V, — ответил Флэзвелл.

— Как, разве вы не паша де Шре? — ахнула Шейла.

— Ничуть не бывало. Обыкновенный пограничный житель. А вы разве не пограничная невеста?

— Ну и ну! Разве я на нее похожа? — огрызнулась Шейла, гневно сверкая глазами. — Я — модель «ультралюкс» в роскошном оформлении, мне была выписана путевка на субтропическую райскую планету Сиринг V.

— Обоих нас подвели. Очевидно, напутали в транспортном отделе, — угрюмо отозвался Флэзвелл.

Девушка оглядела голую столовую, и ее хорошенькое личико скривилось в гримаску.

— Но вы ведь можете устроить, чтоб меня переправили на Сиринг V?

— Что до меня, то я не позволяю себе даже поездки в Нагондисон, — сказал Флэзвелл. — Но я извещу Рэбек-Уорда об этом недоразумении, и они, конечно, перевезут вас, когда пришлют мне мою образцовую пограничную невесту.

Шейла повела плечиком.

— Путешествия расширяют кругозор, — заметила она небрежно.

Флэзвелл рассеянно кивнул. Он крепко задумался. Эта девушка, по всему видно, лишена достоинств образцовой колонистки. Но она удивительно хороша собой. Почему бы не превратить ее пребывание здесь в нечто приятное для обеих сторон?

— При сложившихся условиях, — сказал он со своей самой располагающей улыбкой, — ничто не мешает нам стать друзьями.

— При каких это условиях?

— Просто мы единственные люди на всем астероиде. — И он слегка прикоснулся к ее плечику. — Давайте выпьем! Вы расскажете мне о себе. Были вы...

Но тут за его спиной раздался оглушительный лязг. Он повер-

нулся и увидел, что из особого отделения в контейнере вылезает небольшой коренастый робот, сидевший там на корточках.

— Что вам здесь нужно? — спросил Флэзвелл.

— Я — брачующий робот, — сказал робот. — Уполномочен государством регистрировать браки в космосе. А также прикомандирован компанией Рэбек-Уорд к этой молодой леди на правах ее опекуна, дуэньи и защитника — пока моя основная миссия, а именно свершение брачного обряда, не будет успешно выполнена.

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— А чего же вы ждали? — спросила Шейла. — Уж не свежезамороженного ли священника?

— Конечно, нет! Но согласитесь, робот-дуэнья...

— Лучшей и быть не может! — запротестовала она. — Вы не представляете, как некоторые мужчины ведут себя на расстоянии нескольких световых лет от Земли.

— Вы так думаете?

— По крайней мере так говорят, — ответила Шейла, скромно потупившись. — Да и согласитесь, нареченная невеста паши де Шре не может путешествовать без охраны.

— Возлюбленные чада, — загнусил робот нараспев, — мы собрались здесь, чтобы соединить...

— Не сейчас, — надменно оборвала его Шейла. — И не с этим...

— Я поручу роботам приготовить для вас комнату, — прорычал Флэзвелл и удалился, ворча себе что-то под нос насчет Бремени Человека.

Он послал радиограмму Рэбек-Уорду, и ему сообщили, что заказанная модель невесты будет выслана безотлагательно, а самозванку у него заберут. После чего он возвратился к обычным своим трудам с твердым намерением не замечать Шейлу и ее дуэнью.

На «Шансе» опять закипела работа. Предстояло разведать новые месторождения тория и вырыть новые колодцы. Приближался сбор урожая, роботы долгие часы проводили в поле и в садах, их честные металлические физиономии лоснились от машинного масла, воздух был напоен благоуханием цветущего дира.

Между тем Шейла заявляла о своем присутствии с вкрадчивой, но тем более ощутимой силой. Вскоре над голыми лампочками люминесцентного света запестрели пластмассовые абажуры, угрюмые окна украсились занавесками, а пол — разбросанными там и сям половиками. Да и вообще во всем доме замечались перемены, которые Флэзвелл не так видел, как ощущал.

Стало разнообразнее и питание. У робота-повара от времени стерлась во многих местах его памятная лента, и теперь все меню бедняги сводилось к бефстроганову, огуречному салату, рисовому пудингу и какао. Все время своего пребывания на «Шансе» Флэзвелл стоически обходился этим меню и только иногда разнообразил его пайками НЗ.

Взяв повара в работу, Шейла с поистине железным терпением

нанесла на его ленту рецепты жаркого, тушеного мяса, салата оливье, яблочного пирога и многое другое. Таким образом, в отношении питания на «Шансе» наметились крупные перемены к лучшему. Когда же Шейла начала заполнять вакуумные баллоны смиссовым джемом, Флэзвелла окончательно одолели сомнения.

Что ни говори, а рядом — на редкость практичная и деловитая особа; несмотря на расточительную внешность, она делает все, что требуется от пограничной жены. Плюс у нее еще и другие достоинства! Далась ему эта рэбек-уордовская пограничная модель!

Поразмыслив на эту тему, Флэзвелл сказал своему старшему роботу:

— Ганга-Сэм, у меня с этим делом положительно ум за разум заходит!

— Чего изволите? — отозвался старший робот с каким-то особенно безразличным выражением на металлическом лице.

— Мне сейчас как никогда необходима ваша роботовская интуиция, — продолжал Флэзвелл. — Она себя совсем неплохо показала — верно, Ганга-Сэм?

— Человек-Женщина взяла на себя свою, положенную ей долю Бремени Человека.

— Да, так оно и есть. Вопрос, на сколько ее хватит? Сейчас она делает не меньше, чем образцовая пограничная жена, верно? Стряпает, заготавливает консервы...

— Рабочие ее любят, — сказал Ганга-Сэм с простодушным достоинством. — Вы и не знаете, сэр, когда на прошлой неделе у нас началась эпидемия ржавчины, мэм пользовала нас ночью и днем и утешала испуганных молодых рабочих.

— Возможно ли? — воскликнул потрясенный Флэзвелл. — Девушка из хорошего дома, одно слово — модель «люкс»...

— Неважно, она — Человек, и у нее хватило силы и благородства взвалить на себя Бремя Человека.

— А знаешь... — сказал Флэзвелл с запинкой. — Ты меня убедил. Я и в самом деле считаю, что она подходит нам. Не ее вина, что она не пограничная модель. Все зависит от отбора и ухода, тут уж ничего не попишешь. Пойду скажу ей — пусть остается. И аннулирую свой заказ Рэбеку.

В глазах робота вспыхнуло странное выражение — почти смех. Он низко поклонился и сказал:

— Все будет как хозяин скажет.

Флэзвелл побежал искать Шейлу.

Он нашел ее на медпункте, устроенном в бывшем складе инструментов. Здесь с помощью роботехника Шейла лечила вывихи и ссадины, эти обычные хвори у существ с металлической кожей.

— Шейла, — сказал Флэзвелл, — мне надо с вами поговорить.

— Ладно, — отозвалась она рассеянно, — вот только закреплю болт. — Она искусно вставила болт на место и потрепала робота

по плечу гаечным ключом. — А теперь, Педро, испробуем твою ногу.

Робот осторожно ступил на больную ногу, а потом налег на нее всей тяжестью. Убедившись, что она его держит, он со смешными ужимками заплясал вокруг Человека-Женщины, приговаривая:

— Ай да мэм, вы замечательно ее исправили, босс-леди! Грациас, мэм!

Все так же смешно пританцовывая, он вышел на солнце.

Флэзвелл и Шейла, посмеиваясь, смотрели ему вслед.

— Они совсем как дети! — сказал Флэзвелл.

— Их нельзя не любить, — подхватила Шейла. — Веселые, беззаботные...

— Но у них нет души, — напомнил Флэзвелл.

— Да, — отозвалась она, сразу посерьезнев. — Это правда. Так зачем же я вам понадобилась?

— Я хотел вам сказать...

Тут Флэзвелл огляделся. Медпункт содержался в безукоризненной, стерильной чистоте. Повсюду на полках лежали гаечные ключи, болты, шурупы, ножовки, пневматические молотки и прочий хирургический инструментарий. Пожалуй, обстановка не благоприятствовала объяснению, к которому он готовился.

— Давайте уйдем отсюда, — сказал он.

Они вышли из больницы и цветущими зелеными садами направились к подножию любимых Флэзвеллом величественных гор. Затененный отвесными утесами, тут поблескивал тихий, темный пруд, а над ним склонились гигантские деревья, выращенные при помощи стимуляторов роста.

Здесь они остановились.

— Вот что я хотел вам сказать, — начал Флэзвелл. — Вы, Шейла, меня удивили. Я думал, вы из белоручек, не знающих, куда себя девать. Ваши привычки, ваше воспитание, да и ваша наружность — все указывало на это. Но я был не прав. Вы не убоялись трудностей нашей пограничной жизни, вы одержали верх и завоевали все сердца.

— Все ли? — вкрадчиво спросила Шейла.

— По-моему, я говорю от имени каждого робота на этом астероиде. Они вас боготворят. Я считаю, что вы наша и должны остаться здесь.

Наступила пауза, только хлопотун ветер шелестел в гигантских, искусственно взращенных деревьях и рябил темную поверхность озера.

Наконец она сказала:

— Вы и в самом деле думаете, что мне нужно здесь остаться?

Флэзвелла захлестнуло ее пленительное очарование, он чувствовал, что тонет в топазовой глубине ее глаз. Сердце его учащенно забилось, он коснулся ее руки, и она чуть-чуть задержала его пальцы в своих.

— Шейла...

— Да, Эдвард?..

— Возлюбленные чада! — пролаял скрипучий металлический голос. — Мы собрались здесь, чтобы...

— Опять вы не вовремя, болван! — разгневалась Шейла.

Брачующий робот выступил из кустов и сказал недовольно:

— Уж я-то меньше всего люблю соваться в дела людей, но такова программа, записанная в моем запоминающем устройстве, и никуда от этого не денешься! Если вы меня спросите, так эти физические контакты вообще ни к чему. Чтобы убедиться на опыте, я и сам как-то пробовал обняться с роботом-швеей. И заработал здоровую ссадину. А раз я даже почувствовал во всем теле что-то вроде электрического тока или колотья, и в глазах у меня замелькали какие-то геометрические фигуры. Гляжу — а это с провода сорвался изолятор. Ощущение было не из приятных...

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— Не сочтите меня навязчивым. Я только хотел объяснить, что и сам не вижу смысла в инструкции всемерно препятствовать физическому сближению до венчального обряда. Но, к сожалению, приказ есть приказ. А потому нельзя ли нам сейчас покончить с этим делом?

— Нет! — грозно сказала Шейла.

И робот, покорно пожав плечами, опять полез в кусты.

— Терпеть не могу, когда робот забывается! — сказал Флэзвелл. — Но это уже не имеет значения!

— Что не имеет значения?

— Да, — сказал Флэзвелл убежденно, — вы ни в чем не уступите ни одной пограничной невесте, и при этом вы куда красивее. Шейла, согласны вы стать моей женой?

Робот, неуклюже возившийся в кустарнике, снова выполз наружу.

— Нет! — сказала Шейла.

— Нет? — повторил озадаченный Флэзвелл.

— Вы меня слышали! Нет. Ни под каким видом!

— Но почему же? Вы так нам подходите, Шейла! Роботы вас боготворят. Никогда они так не работали...

— Меня вот ни столечко не интересуют ваши роботы! — воскликнула она, выпрямившись во весь рост. Волосы ее растрепались, глаза метали молнии. — И ни капли не интересует ваш астероид. А тем более не интересуете вы! Я хочу на Сирингар V, там мой нареченный паша будет меня на руках носить!

Оба смотрели друг на друга в упор: она — бледная от гнева, он — красный от смущения.

— Ну как, прикажете начинать? — осведомился брачующий робот. — Возлюбленные чада...

Шейла повернулась и стрелой помчалась к дому.

— Ничего не понимаю! — плакался робот. — Когда же мы наконец сотворим обряд?

— Обряда вообще не предвидится, — оборвал его Флэзвелл и прошествовал домой с гордым видом, внутренне кипя от злости.

Робот поколебался с минуту, испустил вздох, отдававший металлом, и пустился догонять образцовую невесту «ультралюкс».

Всю ночь Флэзвелл просидел в своей комнате, усиленно прикладываясь к бутылке и что-то бормоча себе под нос. С рассветом верный Ганга-Сэм постучался и вошел к нему в комнату.

— Вот они, женщины! — бросил Флэзвелл своему верному приближенному.

— Чего изволите? — откликнулся Ганга-Сэм.

— Я никогда их не пойму! Она меня за нос водила. Я-то думал — она метит здесь остаться. Я-то думал...

— Душа Мужчины темна и смутна, — сказал Ганга-Сэм. — Но она прозрачна как кристалл по сравнению с душой Женщины.

— Откуда это у тебя? — спросил Флэзвелл.

— Старая поговорка роботов.

— Удивляете вы меня, роботы! Иногда мне кажется, что у вас есть душа.

— О нет, мистер Флэзвелл, босс! В спецификации по робототехнике особо указано, что роботов надо строить без души, чтобы избавить их от страданий.

— Мудрое указание, — сказал Флэзвелл, — не мешало бы подумать об этом и в отношении людей. Ну да черт с ней! Ты-то зачем пожаловал?

— Я пришел доложить, что грузовой корабль вот-вот приземлится.

Флэзвелл побледнел.

— Как, уже? Значит, он привез мою невесту?

— Надо думать.

— А Шейлу увезет на Сиринтар?

— Определенно!

Флэзвелл застонал и схватился за голову. А потом выпрямился и сказал:

— Ладно, ладно! Пойду посмотрю, готова ли она.

Он нашел Шейлу в столовой: она стояла у окна и смотрела, как корабль снижается по спирали.

— Желаю вам счастья, Эдвард, — сказала она. — Надеюсь, новая невеста не обманет ваших ожиданий.

Корабль приземлился, и роботы начали вытаскивать большой контейнер.

— Пойду, — сказала Шейла. — Они не станут долго ждать.

Она протянула ему руку.

Он стиснул ей пальцы и сам не заметил, как схватил ее за плечо. Она не противилась, да и брачующий робот почему-то не ворвался в комнату. Флэзвелл и сам не помнил, как она очутилась в

его объятиях. Он поцеловал ее, и это было словно на горизонте засияло новое солнце.

Наконец он сказал осипшим голосом и будто себе не веря:

— Вот так-так! — Флэзвелл дважды кашлянул. — Шейла, я люблю тебя! У меня тебе, конечно, не видать роскоши, но если ты останешься...

— Наконец-то ты догадался, что любишь меня, дурачок! — сказала она. — Конечно же, я остаюсь.

Наступили поистине головокружительные, упоительные минуты. Но тут за окном раздался гомон роботов. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился брачующий в сопровождении Ганга-Сэма и двух сельскохозяйственных роботов.

— Вот уж действительно! Даже не верится! — восклицал брачующий. — Думал ли я дожить до дня, когда робот восстанет на робота.

— Что случилось? — спросил Флэзвелл.

— Этот ваш мастер сидел у меня на загривке, — пожаловался брачующий, — а его дружки держали меня за ноги. Но ведь я рвался сюда, чтобы свершить обряд, предписанный правительством и фирмой Рэбек-Уорд!

— Что же это ты, Ганга-Сэм? — спросил Флэзвелл, ухмыляясь.

Брачующий тем временем бросился к Шейле.

— Ну как, вы живы? И с вами ничего не случилось? Ни ссадин, ни коротких замыканий?

— Нет, нет, все обошлось, — выдохнула Шейла, с трудом приходя в себя.

— Это все я натворил, босс, сэр, — повинился Ганга-Сэм. — Каждому известно, что Мужчина и Женщина должны во время жениховства побыть вдвоем. Я только делал то, что считал своим долгом в отношении Человечьей Расы, мистер Флэзвелл, босс, саиб!

— Молодчина, Ганга-Сэм, я очень тебе обязан... О Господи...

— Что случилось? — испуганно отозвалась Шейла.

Флэзвелл уставился в окно. Роботы волокли к дому большой контейнер.

— Это она, образцовая пограничная невеста! Что же нам делать, мой ангел? Ведь я тогда от тебя отказался и затребовал другую. Как теперь быть с контрактом?

— Не беспокойся, — рассмеялась Шейла. — В ящике нет никакой невесты. Сразу же по получении твой заказ был аннулирован.

— Неужели?

— В том-то и дело! — Она смущенно потупилась. — Но ты на меня, пожалуй, рассердишься...

— Не рассержусь, — обещал он. — Только объясни мне...

— Видишь ли, все ваши портреты, жителей границы, вывешены в конторе фирмы, так что невесты видят, с кем им придется

встретиться. Они-то вольны выбирать жениха по вкусу, и я так долго торчала там — просила, чтоб меня выписали из моделей «ультралюкс», пока... пока не познакомилась с заведующим столом заказов. И вот, — выпалила она залпом, — упросила его послать меня сюда.

— А как же паша де Шре?

— Я его выдумала.

— Но зачем? — развел руками Флэзвелл. — Ты так красива...

— ...Что каждый видит во мне игрушку для какого-нибудь жирного, развратного идиота, — подхватила она с горячностью. — А я этого не хочу. Я хочу быть женой. Я не хуже любой из этих толстомясых дурнушек.

— Лучше! — сказал он.

— Я умею стряпать, и лечить роботов, и вести хозяйство. Разве нет? Разве я не доказала?

— Еще бы, дорогая!

Но Шейла ударилась в слезы.

— Никто, никто мне не верил! Пришлось пуститься на хитрость. Мне надо было пробыть здесь достаточно долго, чтобы ты успел... ну, успел в меня влюбиться!

— Что я и сделал, — заключил он, утирая ей слезы. — Все кончилось так, что лучше не надо. Да и вообще вся эта история — счастливая случайность.

На металлических щеках Ганга-Сэма выступило что-то вроде краски.

— А разве не случайность? — спросил Флэзвелл.

— Видите ли, сэр, мистер Флэзвелл, эфенди, известно, что Человеку-Мужчине требуется красивая Человек-Женщина. Пограничная модель ничего приятного в этом смысле не обещала, а мэмсаиб Шейла — дочь друзей моего прежнего хозяина. Я и взял на себя смелость послать ваш заказ лично ей. Она упросила своего знакомого в столе заказов показать ей ваш портрет, а затем и переправить ее сюда. Надеюсь, вы не сердитесь на вашего смиренного слугу за такую вольность.

— Разрази меня гром! — наконец выдавил из себя Флэзвелл. — Я всегда говорил — никто не понимает людей лучше вас, роботов. Но что же в этом контейнере? — обратился он к Шейле.

— Мои платья, мои безделушки, моя обувь, моя косметика, мой парикмахер, мой...

— Но...

— Тебе самому будет приятно, дорогой, чтобы твоя женушка хорошо выглядела, когда мы поедем с визитами. В конце концов, Цигера V всего в пятнадцати летных днях отсюда. Я справлялась еще до того, как к тебе ехать.

Флэзвелл покорно кивнул. Разве можно было ожидать чего-нибудь другого от образцовой невесты марки «ультралюкс»?

— Пора! — приказала Шейла, повернувшись к брачующему роботу.

Робот не отвечал.

— Пора! — прикрикнул на него Флэзвелл.

— А вы уверены? — хмуро вопросил робот.

— Уверены! Начинайте!

— Ничего не понимаю! — пожаловался брачующий. — Почему именно теперь? Почему не на прошлой неделе? Или я — единственное здесь разумное существо? Ну да ладно! Возлюбленные чада...

Наконец церемония состоялась. Флэзвелл не поскупился дать своим роботам три свободных дня, и они пели, плясали и праздновали на свой беспечный роботовский лад.

С той поры на «Шансе» наступили другие времена. У Флэзвеллов началось нечто вроде светской жизни: они сами бывали в гостях и принимали у себя гостей, такие же супружеские пары в радиусе пятнадцати-двадцати световых дней, с Цитеры III, Тама и Рандико I. Зато все остальное время Шейла гнула свою линию безупречной пограничной супруги, почитаемой роботами и боготворимой своим мужем. Брачующий робот, следуя стандартной инструкции, занял на астероиде место счетовода и бухгалтера — по своему умственному багажу он как нельзя лучше подходил для этой должности. Он часто говаривал, что без него здесь все пошло бы прахом.

Ну а роботы продолжали выдавать на-гора торий; дир, олдж и смис расцветали в садах, и Флэзвелл с Шейлой делили друг с другом Бремя Человека.

Флэзвелл не мог нахвалиться своими поставщиками Рэбеком и Уордом. Но Шейла — та знала, что истинное счастье в том, чтобы иметь под рукой такого старшего робота, как преданный Ганга-Сэм, даром что у него не было души.

МАТ

Игроки встретились за грандиозной и бесконечной доской космоса. Плавно двигающиеся светящиеся точки, служившие им фигурами, составляли две разделенные пространством комбинации. По начальному расположению фигур, еще до первого хода, исход игры был уже предрешен.

Оба соперника видели это и знали, кто из них победит. Но продолжали игру.

Потому что партию следовало довести до конца.

— Нильсон!

Лейтенант Нильсон с блаженной улыбкой сидел перед орудийным пультом. На обращение не отреагировал.

— Нильсон!

Лейтенант посмотрел на свои пальцы недоуменным взглядом ребенка.

— Нильсон! Ну-ка оторвись от клавиатуры! — Над лейтенантом стремительно выросла фигура генерала Брэнча. — Ты слышишь меня, лейтенант?

Нильсон вяло кивнул и снова посмотрел на пальцы, однако его вниманием тут же опять завладел светящийся строй кнопок на орудийном пульте.

— Классно, — сказал он.

Генерал Брэнч ворвался в кабину, схватил лейтенанта за плечи и хорошенько встряхнул.

— Классная штука, — указывая на пульт, улыбнулся генералу Нильсон.

Маргрейвс, второй по чину в команде, просунул голову в дверь. На рукаве у него все еще красовались сержантские нашивки, поскольку его произвели в полковники всего три дня назад.

— Послушай, Эд, прибыл представитель президента, — сообщил он. — Незапланированный визит.

— Погоди, — отозвался Брэнч. — Я хочу закончить инспекцию.

Он мрачно улыбнулся. Черта ли в инспекции, если при обходе обнаруживается, сколько свихнувшихся еще осталось.

— Ты слышишь меня, лейтенант?

— Десять тысяч кораблей, — проговорил Нильсон. — Десять тысяч, раз — и нету!

— Прошу прощения, — сказал генерал и, нагнувшись, залепил лейтенанту сильную пощечину.

Лейтенант Нильсон разрыдался.

— Эй, Эд, ну так что насчет представителя?

От полковника Маргрейвса несло виски, но Брэнч не стал устраивать ему разнос. Если у тебя остался толковый офицер, ты не должен учинять ему разносов, что бы он там ни вытворял. А потому Брэнч одобрял виски. «Не самый скверный способ разрядиться, особенно в данных обстоятельствах. Возможно, даже лучше, чем мой собственный», — подумал он, взглянув на свои покрытые шрамами пальцы.

— Я поступил с тобой правильно, Нильсон, ты понимаешь?

— Да, сэр, — дрожащим голосом ответил лейтенант. — Теперь я в норме, сэр.

— Ну вот и отлично, — заявил Брэнч. — Можешь нести дежурство?

— Какое-то время да, — ответил Нильсон. — Но, сэр, я все же не совсем в полном порядке. И чувствую это.

— Знаю, — согласился генерал. — Ты заслужил отдых. Но ты единственный стрелковый офицер, которого я оставил на борту корабля. Отдохнуть сможешь только в дурдоме.

— Постараюсь, сэр, — сказал Нильсон, снова прирастая взглядом к пульту. — Но временами мне слышатся голоса. Я ничего не могу обещать, сэр.

— Эд, — снова начал Маргрейвс, — этот представитель...

— Пошли. Пока, Нильсон.

Лейтенант, не отрываясь, смотрел на пульт и даже не обернулся в сторону уходящих командиров.

— Я привел его на мостик, — сообщил Маргрейвс. Его слегка кренило вправо. — Предложил ему выпить, но он не пожелал.

— Ладно.

— Он лопается от вопросов, — продолжал, хихикая, Маргрейвс. — Один из тех усердных загорелых чиновников Госдепа, явившийся выиграть войну за пять минут. Очень дружелюбный парень. Хотел знать мое личное мнение, почему флот маневрировал в космосе целый год, не производя никаких боевых действий.

— И что ты ему ответил?

— Да сказал, что мы ждали партию лучевых пушек. Думаю, он мне почти поверил. А потом завел разговор насчет материально-технического обеспечения.

Брэнч хмыкнул. Не следовало обсуждать, что полупьяный Маргрейвс наговорил представителю. Не в этом дело. Уже долгое время официальное вмешательство в ведение войны считалось обязательным.

— Однако вынужден тебя покинуть, — заявил Маргрейвс. — У меня осталось кой-какое незавершенное дело, которому я просто обязан уделить серьезное внимание.

— Давай, — сказал Брэнч, поскольку это было все, что он мог ответить, ибо незавершенное дело Маргрейвса имело отношение к бутылке.

Генерал Брэнч в одиночестве отправился на мостик.

Представитель президента смотрел на огромный, целиком занимавший одну из стен экран локатора. На экране медленно двигались светящиеся точки. Тысячи зеленых точек слева представляли собой земной флот, отделенный черным пустым пространством от оранжевых точек флота противника. Объемное изображение подвижной линии фронта медленно менялось. Армии точек группировались, перемещались, отступали и наступали, совершая движения в гипнотизирующей тишине.

Но между ними постоянно оставалась черная пустота. Генерал Брэнч наблюдал это зрелище уже почти год. По его мнению, экран был излишней роскошью. По экрану все равно невозможно определить, что происходит в действительности. Это могли сделать лишь ПВК-компьютеры, а они в экране не нуждались.

— Приветствую вас, генерал, — поздоровался представитель президента, протягивая руку. — Меня зовут Ричард Элснер.

Брэнч пожал руку, отметив про себя, что описание Маргрейвса оказалось довольно точным. Представителю было не больше тридцати, а его загар выглядел довольно странно среди бледных лиц, окружавших генерала целый год.

— Вот мои полномочия, — заявил Элснер, вручая Брэнчу целую пачку бумаг.

Генерал бегло пробежал по ним взглядом, отметив, что полномочия Элснера определяют его как Глас Президента в Космосе. Высокая честь для такого молодого человека.

— Ну как там Земля? — спросил Брэнч, исключительно ради того, чтобы что-нибудь сказать. Он предложил Элснеру кресло и сел сам.

— Трудно, — ответил Элснер. — Мы дочиста выгребли из планеты радиоактивные элементы, чтобы сохранить боеспособность вашего флота, не говоря уже о чудовищных затратах на доставку пищи, кислорода, запчастей и прочего требующегося вам оборудования для удержания на поле боя флота подобной величины.

— Знаю, — пробормотал Брэнч. Его широкое лицо не выражало никаких эмоций.

— Я бы хотел начать прямо с претензий президента, — с извиняющимся смешком произнес Элснер. — Просто ради того, чтобы облегчить душу.

— Давайте прямо с них, — согласился Брэнч.

— Значит, так, — сказал Элснер, сверяясь по записной книжке. — Ваш флот находится в космосе уже одиннадцать месяцев и семь дней, верно?

— Да.

— В течение всего этого времени имели место лишь мелкие столкновения, но ни одного по-настоящему развернутого боевого действия. Вы и командующий противника, очевидно, удовлетворились покусыванием друг друга, словно недовольные псы.

— Мне бы не хотелось проводить подобную аналогию, — ответил Брэнч, мгновенно ощутив неприязнь к молодому человеку. — Но продолжайте.

— Прошу прощения. Это было неудачное и вынужденное сравнение. Так или иначе, но сражения не произошло, несмотря на ваше некоторое численное превосходство. Верно?

— Да.

— Тем более вы знаете, что содержание флота подобной величины расточает ресурсы Земли. Президенту хотелось бы знать, почему не состоялось сражение.

— Сперва мне бы хотелось выслушать остальные претензии, — сказал генерал, сжимая разбитые кулаки и с завидным самообладанием удерживаясь от того, чтобы не пустить их в ход.

— Очень хорошо. Теперь моральный фактор. Мы продолжаем

получать от вас доклады об имеющих место инцидентах боевого утомления — помешательствах, прямо говоря. Цифры абсурдны! Тридцать процентов молодых людей помещены в сумасшедший дом. Это переходит всякие границы, даже учитывая нынешнюю напряженную обстановку.

Брэнч не ответил.

— Короче, — закончил Элснер, — я бы хотел получить ответы на эти вопросы. А затем я бы просил вашей помощи в переговорах о перемирии. Война изначально была абсурдна. И начала ее не Земля. Президенту кажется, что ввиду сложившейся ситуации командующий противника согласится с подобной идеей.

Пошатываясь, в рубку вошел полковник Маргрейвс. Его лицо покраснело. Он закончил свое незавершенное дело, убавив еще на четверть содержимое уже начатой наполовину бутылки.

— Похоже, я слышу о перемирии? — воскликнул он.

Элснер бросил на него быстрый взгляд и снова повернулся к Брэнчу.

— Полагаю, вы позаботитесь об этом сами. Если вы свяжетесь с командующим неприятеля, я попробую с ним договориться.

— Им не интересно, — сказал Брэнч.

— Откуда вы знаете?

— Я пробовал. Я пытаюсь вести мирные переговоры вот уже шесть месяцев. Однако противная сторона требует нашей полной и безоговорочной капитуляции.

— Но ведь это же полный абсурд, — качая головой, удивился Элснер. — У них нет намерений вести переговоры? Силы флотов примерно равны. И даже не было решающих сражений. Как же они могут...

— Проще простого! — заорал Маргрейвс, идя прямо на представителя и свирепо глядя ему в лицо.

— Генерал, этот человек пьян. — Элснер встал.

— Конечно, ты, юный кретин! Разве ты еще не понял! *Война проиграна.* Окончательно и бесповоротно.

Элснер сердито обернулся к Брэнчу. Генерал вздохнул и встал.

— Правда, Элснер. Война проиграна. Всему флоту известно об этом. Вот почему так плохо с моральным духом. Мы просто болтаемся здесь в ожидании всеобщего уничтожения.

Флоты перестраивались и лавировали. Тысячи точек плавали в космосе, создавая искривленные хаотичные структуры.

Кажущиеся хаотичными.

Структуры блокировались, раскрывались и закрывались, динамично, легко уравновешивались. Каждая конфигурация представляла собой планируемое движение фронта на сто тысяч миль. Противостоящие друг другу точки совершали перемещения, что-

бы занять местоположение в соответствии с требованиями новой комбинации.

Где преимущество? Для неискушенного наблюдателя игра в шахматы кажется бессмысленным построением фигур и позиций. Но игроки, понимающие суть построений, заранее могут знать, выиграна партия или проиграна.

Механические игроки, делавшие ходы тысячами точек, знали, кто из них выиграл, а кто проиграл.

— А теперь давайте-ка лучше расслабимся, — утешающе проговорил Брэнч. — Маргрейвс, смешай нам пару коктейлей. А я все объясню.

Подполковник подошел к стенному бару в углу рубки.

— Я жду, — заявил Элснер.

— Для начала краткий обзор. Помните, когда два года назад была объявлена война, обе стороны подписали Холмстедский пакт, запрещающий подвергать бомбардировке обитаемые планеты? Была оговорена встреча в космосе, флот на флот...

— Это древняя история, — перебил Элснер.

— Это отправная точка. Земной флот вылетел, сгруппировался и прибыл к назначенному месту встречи. — Брэнч прочистил горло. — Вам известно о ПВК? Позиционно-вероятностных компьютерах? Это нечто вроде шахматистов, только с необычайно расширенным пределом возможностей. Они распределяют элементы флота по оптимальной оборонительно-атакующей схеме, основываясь на конфигурации флота противника. Так была установлена исходная позиция.

— Не вижу нужды... — начал было Элснер, но Маргрейвс, вернувшийся с выпивкой, перебил его:

— Погоди, мой мальчик. Вскоре наступит поразительное просветление.

— Когда флоты встретились, ПВК просчитали вероятности нападения. И вычислили, что в случае нашей атаки мы лишимся примерно восьмидесяти семи процентов своего флота против шестидесяти пяти процентов потерь неприятеля. Если атакует противник, то потери составят семьдесят девять процентов от их флота против шестидесяти четырех от нашего. Такова была изначальная ситуация. По экстраполяции в то время оптимальная атакующая позиция противника давала им в результате сорок пять процентов потерь своего флота, а нашего — семьдесят два процента.

— Я не так уж сильно разбираюсь в ПВК-компьютерах, — признался Элснер. — Мое поле деятельности — психология.

Он отпил глоток, скривился и отпил еще.

— Думайте о них как о шахматистах, — посоветовал Брэнч. — Они способны оценить вероятность потерь при атаке в любой данной точке в любой момент времени в любой позиции. Они

могут просчитать любые возможные ходы обеих сторон. Поэтому, когда мы сошлись, сражения так и не произошло. Ни один командующий не согласился подвергнуть уничтожению почти весь свой флот.

— Ну а потом? — спросил Элснер. — Что же помешало вам использовать имеющееся у вас некоторое численное превосходство? Почему вы не использовали это свое преимущество?

— Ага! — воскликнул, хлебнув из стакана, Маргрейвс. — Грядет просветление!

— Позвольте мне продолжить аналогию, — сказал Брэнч. — Если имеются два шахматиста равновысокого мастерства, исход игры определяется при получении кем-то из них преимущества. Раз появилось такое преимущество, другой игрок не способен победить, если первый не допустит ошибки. И если все идет как должно, исход игры предрешен. Поворотный момент может наступить всего через несколько ходов после начала партии, хотя сама игра может длиться еще несколько часов.

— И помните, — вмешался Маргрейвс. — Для неискушенного наблюдателя видимого преимущества может и не быть. Ведь ни одна из фигур не потеряна.

— Именно так и произошло, — печально закончил Брэнч. — ПВК обоих флотов действуют с максимальной эффективностью. Однако противник имеет преимущество, которое тщательным образом развивает. И мы ничего не можем сделать в противовес.

— Но как это случилось? — спросил Элснер. — Кто допустил ошибку?

— ПВК определили случай ошибки, — пояснил Брэнч. — Исход войны был заложен *в нашем стартовом боевом порядке.*

— Что вы имеете в виду? — спросил Элснер, отставляя стакан.

— Только то, что сказал. Боевой порядок флота был установлен за несколько световых лет от места сражения, еще до того, как мы вошли в соприкосновение с флотом противника. Этого оказалось достаточно. Достаточно для ПВК, по крайней мере.

— В утешение можно лишь добавить, — опять влез Маргрейвс, — что, если бы шансы были пятьдесят на пятьдесят, преимущество с тем же успехом могло оказаться и у нас.

— Мне нужно разобраться в этом получше, — заявил Элснер. — Я пока еще всего не понимаю.

— Война проиграна. Что вам еще хочется знать?

Элснер покачал головой.

— Я духом пал, а потому попался в сети злого рока, — процитировал Маргрейвс. — Неужто стоит после этого винить меня в грехопадении?

Лейтенант Нильсон сидел у орудийного пульта, сцепив пальцы в замок, поскольку испытывал почти непреодолимое желание нажать на кнопки.

Красивенькие кнопочки.

Лейтенант выматерился и засунул руки под себя. Он обещал генералу продолжать. А что продолжать — неважно. Минуло три дня с тех пор, как он последний раз видел генерала, а он все еще был назначен продолжать. Лейтенант сконцентрировал все внимание на шкалах пульта.

Чувствительные стрелки индикаторов колебались и подрагивали, постоянно измеряя расстояние и устанавливая дальнобойность ствола. Стрелки индикаторов точной настройки опускались и поднимались в соответствии с маневрами корабля, приближаясь к красной линии, но ни разу не доходя до нее.

Красная линия означала готовность. Стоит лишь маленькой черной стрелочке пересечь красную черточку, он должен открыть огонь.

Лейтенант ждал уже целый год, наблюдая за маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой...

Прекрати.

...когда нужно открывать огонь.

Лейтенант Нильсон вытащил из-под себя руки и принялся изучать ногти. Брезгливо выковырнул грязь из-под ногтя и снова сцепил пальцы.

Опять посмотрел на красивые кнопочки, черную стрелку, красную черту.

И улыбнулся. Он обещал генералу. Всего три дня назад.

А потому старался не слушать, что кнопки нашептывали ему.

— Вот чего я не понимаю, — заявил Элснер, — так это почему вы не можете изменить позицию? Отступить и перегруппироваться, к примеру.

— Я объясню, — сказал Маргрейвс. — Это даст возможность Эду прерваться и выпить. Идите сюда.

Он повел Элснера к контрольному пункту. Брэнч с Маргрейвсом три дня знакомили Элснера с кораблем, скорее чтобы немного разрядиться самим, чем по какой-либо иной причине. Последний день они посвятили длительной попойке.

— Видите эту шкалу? — Маргрейвс ткнул пальцем в пульт. Пульт имел размеры около четырех футов в ширину и двадцати в длину, а с помощью расположенных на нем кнопок и переключателей велось управление движением всего флота. — Видите затемненную зону? Ею отмечен предел безопасности. Если мы применим запрещенную конфигурацию, стрелка перейдет в другую область и все полетит в тартарары!

— А что такое «запрещенная конфигурация»?

— Запрещенные конфигурации — это такие боевые порядки, которые могут обеспечить неприятелю преимущества в атаке. Или, иными словами, перемещения, которые изменяют картину

вероятностных потерь настолько, что дают гарантию атаки противника.

— И потому вы можете перемещаться только в строго заданных пределах? — спросил Элснер, глядя на шкалу.

— Точно. Из бесконечного количества возможных боевых порядков мы можем выбрать лишь несколько, если хотим вести безопасную игру. Совсем как в шахматах. Скажем, вы хотите провести свою пешку на шестое поле в тыл сопернику. Но для этого необходимо сделать два хода. Однако после того как вы пойдете на седьмое поле, у вашего противника открывается свободная линия, что неизбежно ведет к мату. Конечно, если противник сам пойдет слишком нагло, преимущество изменится снова и мы атакуем.

— Но это лишь наши надежды, — вставил генерал Брэнч. — И мы молимся, чтобы враги допустили какую-нибудь ошибку, флот находится в постоянной боевой готовности. И если наши ПВК определят, что противник где-то слишком рассредоточился...

— В этом-то и кроется причина психозов, — заключил Элснер. — Все люди на грани нервного срыва в ожидании шанса, который, как они уверены, так и не появится. И тем не менее они продолжают ждать. Сколько еще, по-вашему, это продлится?

— Перемещения и проверки могут занять больше двух лет, — сказал Брэнч. — После чего противник окажется в оптимальном атакующем боевом порядке, имея двадцать девять процентов вероятностных потерь против наших девяноста трех. Враги просто будут обязаны атаковать, иначе вероятность начнет изменяться в нашу пользу.

— Эх вы, черти несчастные, — мягко произнес Элснер. — Ждать шанса, который никогда не появится, зная, что рано или поздно космос уничтожит вас.

— Зато как славно, — сказал Маргрейвс с инстинктивным отвращением к симпатии, проявленной гражданским.

В коммутаторе что-то зажужжало. Генерал Брэнч подошел и воткнул в гнездо штекер. «Алло? Да. Да... Верно, Уильямс. Верно». И отключил связь.

— Полковник Уильямс вынужден запереть своих людей в каютах, — объяснил Брэнч. — В третий раз за месяц. Я должен заняться с ПВК. Необходимо просчитать новую конфигурацию, которая учтет вывод его группы.

Он подошел к пульту и принялся нажимать кнопки.

— Безумья дух и здесь витает, — заявил Маргрейвс. — Ну и каковы ваши планы, мистер Представитель Президента?

— О да, — сказал лейтенант Нильсон смеющейся комнате. — О да.

И глядя на все кнопки сразу, лейтенант думал и радостно улыбался своим мыслям.

Какая глупость. Джорджия.

Нильсон принял всепоглощающую глубину святости, накинул ее на плечи. Откуда-то слышалось птичье пение.

Конечно.

Три красные кнопки. Нажать. Три кнопки зеленые. Нажать. Четыре шкалы. Переместить.

«*Ого. Нильсон свихнулся*».

— Три — это за меня, — произнес Нильсон и украдкой коснулся лба. Затем снова потянулся к клавиатуре.

В его мозгу переплетались невообразимые ассоциации, производимые неисчислимыми раздражителями.

«*Лучше упрятать его в дурдом. Осторожно!*»

Ласковые руки обняли меня, когда я нажал две коричневые за маму и одну, главную, за всех остальных.

«*Не дайте ему открыть огонь из этого орудия!*»

А я поднимаю руки и лечу, лечу.

— Есть ли какая-нибудь надежда в отношении этого парня? — спросил Элснер после того, как они заперли Нильсона в камере.

— Кто его знает, — ответил Брэнч. На его широком лице играли желваки. Внезапно он развернулся, закричал и со всей силой врезал кулаком по стальной стене. Потом фыркнул и застенчиво улыбнулся. — Глупо, не правда ли? Маргрейвс пьет. Я выпускаю пар, колошматя стены. Пойдемте лучше перекусим.

Офицеры питались отдельно от солдат. Брэнч опасался, что с некоторыми из них могли расправиться психопаты из команды. Лучше уж держать их порознь.

Во время еды Брэнч вдруг повернулся к Элснеру.

— Приятель, я не сообщил тебе всей правды. Я сказал, что это может продлиться два года? Послушай, люди не выдержат столько. Я и сам не знаю, смогу ли удержать флот больше двух недель.

— И что же вы предлагаете?

— Не знаю, — ответил Брэнч.

Он все еще отказывался рассматривать возможность капитуляции, хотя и знал, что это был единственный реалистичный ответ на вопрос Элснера.

— Я не вполне уверен, — заявил Элснер, — но все же считаю, что решение вашей дилеммы есть.

Офицеры перестали жевать и уставились на него.

— У вас найдется для нас какое-нибудь супероружие? — поинтересовался Маргрейвс. — Дезинтегратор за пазухой?

— Боюсь, нет. Но думаю, оттого, что вы так близко столкнулись с проблемой, вы и не видите здесь никакого просвета. Именно тот самый случай, когда за деревьями не видно леса.

— Продолжайте, — методично пережевывая хлеб, произнес Брэнч.

— Подойдите к Вселенной с точки зрения ПВК. Как к строго причинно-следственному миру, где в логической последовательности каждый результат имеет свою причину и каждый фактор может быть мгновенно просчитан. Но это не будет картиной реального мира. ПВК рассчитаны на то, чтобы видеть специализированную Вселенную и проводить экстраполяцию на ее базисе.

— Ну и как бы вы поступили? — спросил Маргрейвс.

— Надо разорвать связь соединений, — сказал Элснер. — Привести мир к неопределенности. Ввести человеческий фактор, который машины просчитать не смогут.

— Интересно, как это вы введете в шахматную партию фактор неопределенности? — спросил Брэнч.

— Да просто плюнуть на решающий момент, и все тут. Как это просчитает машина?

— А никак. Она классифицирует ваш плевок как постороннюю помеху и проигнорирует его.

— Верно. — Элснер на секунду задумался. — А само сражение... Сколько времени оно продлится, если считать от начала боевых действий?

— Минут шесть, — ответил Брэнч. — Плюс-минус двадцать секунд.

— Ага, значит, это подтверждает мою идею, — заявил Элснер. — Аналогия шахматной партии, примененная вами, ошибочна. Здесь нет реального сравнения.

— Зато это очень удобный способ сравнения, — заметил Маргрейвс.

— Но *неверный*. Шах и мат королю не эквивалентны уничтожению всего флота, впрочем, как и другие шахматные комбинации. В шахматах игра ведется по правилам, предварительно согласованным игроками. В данной игре вы можете сыграть по собственным правилам.

— Данная игра имеет присущие самой себе правила, — сказал Брэнч.

— Нет, — не согласился Элснер. — Только ПВК играют по правилам. Разве нет? Предположите, что можно обойтись без ПВК. Пусть каждый командир полагается лишь на себя и атакует по собственному усмотрению, а не по боевой схеме. Что тогда случится?

— Ничего не получится, — сказал Маргрейвс. — ПВК вдобавок обладают способностью подводить итоги общего положения дел, основываясь на базисе возможностей планирования среднего человека. Более того, они управляют наступлением в несколько раз быстрее человека. Это будет напоминать стрельбу по глиняным болванам.

— Но вы *должны* попытаться сделать хоть что-нибудь, — настаивал Элснер.

— Подождите-ка минутку, — сказал Брэнч. — Вы можете развивать какие угодно теории. Но я знаю, что мне сообщают ПВК,

и верю им. Пока еще я командующий флотом и не собираюсь рисковать жизнями подчиненных ради каких-то дурацких прожектов.

— Дурацкие прожекты порой выигрывают войны, — ответил Элснер.

— Обычно они их проигрывают.

— Согласно вашему собственному признанию, война и так проиграна.

— Я могу еще ждать, когда неприятель допустит ошибку.

— И вы считаете, это произойдет?

— Нет.

— Ну и тогда?..

— Я намерен ждать.

Трапеза была завершена в тягостной тишине. После чего Элснер ушел в свою каюту.

— Ну, Эд? — спросил Маргрейвс, расстегивая рубашку.

— Гну, — огрызнулся генерал.

Он вытянулся на кровати и попытался собраться с мыслями. Это уже слишком. Логистика. Предрешенные сражения. Предстоящий разгром. Он хотел было врезать кулаком по стене, но удержался. И так уже растянуты сухожилия. Ему надо поспать.

В полузабытьи, находясь на грани сна и дремы, генерал услышал щелчок.

Дверь!

Брэнч выпрыгнул из кровати и дернул ручку. Затем навалился на дверь всем телом.

Заперто.

— Пристегнитесь, пожалуйста, генерал. Мы атакуем, — раздался по внутренней связи голос Элснера. — Я изучил клавиатуру на вашем пульте, сэр, и отыскал включение магнитных затворов. Огромное удобство в случае мятежа, не правда ли?

— Идиот! — заорал Брэнч. — Ты всех нас погубишь! ПВК...

— Отключил я ваши ПВК, — вежливо объяснил Элснер. — Сам я довольно логичный парень и, кажется, знаю, какой плевок побеспокоит их.

— Да он же просто псих! — крикнул Маргрейвс. И они вдвоем бросились на стальную дверь. И тут же оказались на полу.

— Всем стрелкам, огонь — по усмотрению! — радировал Элснер флоту.

Корабль пришел в движение. Атака началась.

Точки поплыли навстречу друг другу, пересекая ничейное пространство космоса.

И соединились! Сражение началось.

Шесть минут по человеческому времяисчислению. Часы — по мерке скоростного электронного шахматиста. Шахматист за мгновение проверил свои фигуры в поисках боевой схемы атаки.

Схемы не было!

Половина фигур соперника-шахматиста понеслись в космос, полностью нарушив правила партии. Наступление велось по всем флангам. Фланги разъединялись, воссоединялись снова, вырывались вперед, разрушая свои боевые порядки и создавая их вновь.

Нет схемы?

Должна быть. Шахматист знал, что все имеет схему. Вопрос лишь в том, как ее найти. Необходимо только проанализировать проделанные ходы и вычислить дальнейшие, чтобы просчитать предполагаемый итог партии.

Итог был — хаос!

Точки мчались во все стороны, расходились под прямыми углами, останавливались и возвращались, делая совершенно бессмысленные ходы.

Что это означает? — спросил себя шахматист с холодным беспристрастием металла. Он ожидал появления узнаваемой комбинации, безо всяких эмоций наблюдая, как его фигуры снимаются с доски.

— Сейчас я выпущу вас из каюты, — сообщил Элснер. — Но не пытайтесь остановить меня. Думаю, я выиграю это сражение.

Замок открылся. Генерал с полковником со всех ног помчались по коридору к мостику, собираясь разорвать Элснера на мелкие кусочки.

Ворвавшись в рубку, они замерли.

Экран показывал огромное количество точек землян, плавающих вокруг рассеянных точек противника.

Однако остановило их вовсе не это зрелище, а Нильсон. Лейтенант смеялся, а его руки порхали над переключателями и кнопками главного пульта управления.

ПВК монотонно бубнил: «Земля — восемнадцать процентов. Потери противника — восемьдесят три процента. Восемьдесят четыре. Восемьдесят шесть. Земля — девятнадцать процентов».

— Мат! — закричал Элснер. Он стоял рядом с Нильсоном, сжимая в руке разводной ключ. — Множественность схем. Я подсунул неприятельским ПВК нечто такое, что они не сумели переварить. Атака при явном отсутствии схемы. Бессмысленные боевые порядки.

— Но они-то что делают? — спросил Брэнч, показывая на тающие точки противника.

— Все еще рассчитывают на своего шахматиста, — пояснил Элснер. — До сих пор ждут от его свихнувшегося разума выдачи информации о боевом порядке атаки. Слишком много веры в машины, генерал. А вот этот человек и понятия не имеет, что ведет стремительное наступление.

...И нажать еще три — за папу, на ветвях оливы я всегда хотел, две-две-две, к любимой с пряжками на туфельках, коричневая, все коричневые кнопки вниз, восемь красных — за грех...

— А гаечный ключ зачем? — спросил Маргрейвс.

— Ах это? — Элснер взвесил в руке ключ. — Чтобы после наступления отключить Нильсона.

...И пять — за любовь, и черная, все черные, любимая, кнопки нажать, когда я юным был совсем, я помню брошку на траве...

НА БЕРЕГУ СПОКОЙНЫХ ВОД

Марк Роджерс, старатель, отправился в пояс астероидов на поиски радиоактивных руд и редких металлов. Он занимался этим несколько лет, перебираясь от одного каменного обломка к другому, но без особых удач. Наконец он обосновался на каменной глыбе толщиной около полумили.

Роджерс словно уже родился старым: после определенного возраста его внешность почти перестала меняться. Лицо его стало бледным от долгого пребывания в космосе, а руки слегка дрожали. Каменную глыбу он назвал Мартой — в честь девушки, с которой никогда не был знаком.

Ему немного повезло — он нашел небольшую жилу и заработал достаточно, чтобы привезти на Марту воздушный насос, скромный домик — скорее хижину, — несколько тонн земли, баки с водой и робота. А затем обустроился и предался созерцанию звездного неба.

Робота он купил стандартного — универсальную рабочую модель со встроенной памятью и словарем в тридцать слов, который Марк начал по словечку увеличивать. Он имел кое-какой опыт по части всяческих железок, к тому же Марку очень нравилось приспосабливать на свой вкус все, что его окружало.

Поначалу робот умел произносить лишь «Да, сэр» и «Нет, сэр». Он мог излагать простейшие проблемы: «Воздушный насос барахлит, сэр», «Пшеница прорастает, сэр». Был способен и на вполне удовлетворительное приветствие: «Доброе утро, сэр».

Марк все изменил. Для начала он выкинул всяческих «сэров» из словаря робота; на его астероиде равенство стало законом. Затем назвал робота Чарльзом — в честь отца, которого никогда не видел.

Шли годы, и воздушный насос начал протекать, превращая содержащийся в скалах планетоида кислород в пригодную для дыхания атмосферу. Воздух понемногу просачивался в космос, и насосу приходилось работать несколько интенсивнее, вырабатывая больше кислорода.

На ухоженном клочке чернозема исправно вырастали урожаи. Подняв голову, Марк мог видеть пронзительную черноту космической реки и плывущие по ней точечки звезд. Вокруг него, под ним и над головой медленно дрейфовали обломки скал, и изредка на их темных боках поблескивало сияние звезд. Иногда Марк замечал Марс или Юпитер. Однажды ему показалось, что он увидел Землю.

Марк начал записывать на встроенную в Чарльза ленту новые ответы, которые тот произносил, услышав ключевую фразу. И теперь на вопрос: «Неплохо смотрится, верно?» — Чарльз отвечал: «По-моему, просто здорово».

Поначалу робот произносил те же самые ответы, которые Марк привык слышать, долгие годы разговаривая сам с собой. Но понемногу он начал создавать в Чарльзе новую личность.

Марк всегда относился к женщинам с подозрительностью и презрением, но по каким-то причинам не отразил это отношение на ленте Чарльза. И точка зрения робота стала совершенно другой.

— Что ты думаешь о девушках? — мог спросить Марк, когда, покончив с домашними делами, усаживался возле хижины на упаковочный ящик.

— Даже не знаю. Сперва надо отыскать подходящую. — Робот отвечал, старательно воспроизводя записанные на ленту ответы.

— А мне вот хорошая девушка пока не попадалась, — произносил Марк.

— Знаешь, это нечестно. Наверное, ты искал недостаточно долго. В мире для каждого мужчины имеется девушка.

— Да ты романтик! — презрительно говорил Марк.

Тут робот делал паузу — заранее предусмотренную — и посмеивался тщательно сконструированным довольным смехом.

— Когда-то я мечтал о девушке по имени Марта, — продолжал Чарльз. — И кто знает, может, если поискать хорошенько, я еще смогу ее найти.

Затем наступало время ложиться спать. Но иногда Марку хотелось еще немного поболтать.

— Что ты думаешь о девушках? — снова спрашивал он, и прежний разговор повторялся.

Чарльз старел. Его сочленения утрачивали гибкость, а кое-какие провода начали ржаветь. Марк мог работать часами, ремонтируя робота.

— Ржавеешь помаленьку, — подшучивал он.

— Да и ты не юноша, — отвечал Чарльз. У него почти всегда был готовый ответ. Пусть незамысловатый, но все же ответ.

На Марте стояла вечная ночь, но Марк делил время на утро, день и вечер. Их жизнь шла по простому расписанию. Завтрак из овощей и консервов из запасов Марка. Затем робот отправлялся работать в поле, где растения тянулись из земли, привыкая к его прикосновениям. Марк чинил насос, проверял водопровод и наводил порядок в безупречно чистой хижине. Потом ленч, и на этом обязанности робота обычно заканчивались.

Они садились на упаковочный ящик и смотрели на звезды. Они могли разговаривать до самого ужина, а иногда прихватывали и кусок бесконечной ночи.

Со временем Марк обучил робота вести более сложную беседу. Конечно, ему не по силам было научить робота вести непринужденный разговор, но он смог добиться предела возможного. Пусть очень медленно, но в Чарльзе развивалась личность — поразительно не похожая на самого Марка.

Там, где Марк ворчал, Чарльз сохранял невозмутимость. Марк был язвительным, а Чарльз наивным. Марк был циник, а Чарльз — идеалист. Марк зачастую грустил, а Чарльз постоянно пребывал в добром расположении духа.

И через некоторое время Марк позабыл, что когда-то сам записал в Чарльза все его ответы. Он стал воспринимать робота как своего друга-ровесника. Друга, рядом с которым прожил долгие годы.

— Чего я никак не пойму, — говорил Марк, — так это почему мужик вроде тебя захотел здесь жить. Я вот что имею в виду — для меня тут самое подходящее место. Никому до меня дела нет, да и мне на прочих, вообще-то говоря, начхать. Но ты-то?

— Тут у меня есть целый мир, — отвечал Чарльз, — который на Земле мне пришлось бы делить с миллиардами других. Есть звезды, крупнее и ярче, чем на Земле. А вокруг меня — необъятное пространство, похожее на спокойные воды. И есть ты, Марк.

— Эй, не становись из-за меня сентиментальным...

— А я и не становлюсь. Дружба важнее всего. А любовь, Марк, я потерял много лет назад. Любовь девушки по имени Марта, с которой никто из нас двоих не был знаком. И жаль. Но остается дружба, и остается вечная ночь.

— Да ты поэт, черт возьми! — с легким восхищением произносил Марк.

— Бедный поэт.

Текло время, не замечаемое звездами, и воздушный насос шипел, клацал и протекал. Марк чинил его постоянно, но воздух на Марте становился все более разреженным. И хотя Чарльз не покладая рук трудился на полях, растения медленно умирали.

Марк так устал, что уже едва ковылял с места на место, несмотря на почти полное отсутствие гравитации. Большую часть времени он проводил в постели. Чарльз кормил его как мог, с трудом передвигаясь на скрипучих, тронутых ржавчиной конечностях.

— Что ты думаешь о девушках?

— Мне хорошая еще не попадалась.

— Знаешь, это нечестно.

Марк слишком устал, чтобы видеть приближающийся конец, а Чарльза это не интересовало. Но конец был близок. Воздушный

насос грозил отказать в любой момент. Уже несколько дней не было никакой еды.

— Но ты-то?

— Здесь у меня есть целый мир...

— Не становись сентиментальным...

— И любовь девушки по имени Марта.

Лежа в постели, Марк в последний раз увидел звезды. Большие, как никогда раньше, бесконечно плывущие в спокойных водах космоса.

— Звезды... — сказал Марк.

— Да?

— Солнце?

— ...будет сиять, как сияет сейчас. И потом.

— Чертов поэт.

— Бедный поэт.

— А девушки?

— Когда-то я мечтал о девушке по имени Марта. Быть может, если...

— Что ты думаешь о девушках? А о звездах? О Земле?

И наступило время заснуть, на этот раз навсегда.

Чарльз стоял возле тела своего друга. Он пощупал пульс и выпустил иссохшую руку. Прошел в угол хижины и выключил усталый воздушный насос.

Внутри Чарльза крутилась когда-то подготовленная Марком, потрескавшаяся лента. Оставалось еще несколько дюймов до конца.

— Надеюсь, он нашел свою Марту, — прохрипел робот.

Затем лента порвалась.

Его ржавые конечности не сгибались, и он неподвижно застыл, глядя на обнаженные звезды. Потом склонил голову.

— Господь — пастырь мой, — сказал Чарльз. — Зачем мне желания мои? На пажитях зеленых положил он меня; он указал мне путь...

ЗАПАХ МЫСЛИ

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вел почтолет-243 по неосвоенному звездному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвездного почтальона: старый корабль, изъязвленные трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор велся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать, — иронически ответил Кливи. — Если не считать труб, приборов и проводки, все прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор, — сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием. — Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, отер пот, заливающий глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчиненному.

— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? — Почтмейстер невесело рассмеялся. — Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал перегреваться.

— Не отходите от приемника, — сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся, раскаленным добела шлаком. Четвертый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

— Горючего не осталось, — сообщил он. — По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернется.

Он схватил Аварийный справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звезд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать на карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому неведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

— Попробую З-М-22, — проревел он сквозь нарастающие разряды.

— Хорошенько присматривай за почтой, — протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. — Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что он сделает с почтой — со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к тому времени Почтмейстер уже прекратил прием.

Кливи удачно приземлился на З-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскаленным приборам невозможно было прикоснуться, размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолет-243 вплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже темно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была прочно пристегнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежав сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал еще два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришел в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобожденный, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом; разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверек, величиной с белку, но с темно-зеленым мехом.

Когда зверек приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило — напротив, показалось вполне уместным. На кой черт сдались белке глаза и уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли...

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зеленого цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трех футов он, по-видимому, потерял след — вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

Слепой охотится на слепца, подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

Какие у волка большие зубы, безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

«Теперь он съест меня», — подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Все было цело.

Он привстал на одно колено, еще пошатываясь от слабости, но

уже почти полностью отдавая себе отчет в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль сгорел, он отошел поодаль и упал в обморок. Потом повстречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зеленый хвостик белки, а чуть поодаль — ее голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей. Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось существо, похожее на пантеру — на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

Проклятый зверинец, подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера...

Едва он дошел в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

«Что же я сделал?» — спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. — Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться...»

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Вот оно что! Животное, лишенное глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом телепатическим!

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнес слово «пантера», отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера яростно взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла — быть может, отключила свой крохотный мозг... Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать — по крайней

мере, перестал думать на той длине волн, которую улавливал волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача — это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное — не думать, решил Кливи, не думать о... думать о чем-нибудь другом. Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след. Он принялся перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космолетах, о планетах и опять о девушках, и о космолетах, и обо всем, кроме пантеры.

Пантера придвинулась еще на пять футов.

Черт возьми, подумал он, как можно не думать о чем-то? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к... но ты отмахиваешься от нее и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай еще раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но не признавая п... Как бы там ни было, она все же приближается.

Пытаться о чем-то не думать — все равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддается бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, о вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детенышах (берегись!), п... панегириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно 8 футов), обедах, филе-миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, все еще напрягшаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая ее? Он подумал о своих (тьфу, черт, самкиных!) детенышах, о теплом логове, о прелестях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потерлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и

какой мировой парень эта пантера — такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурлыкал!

Кливи улегся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что солнце село, и все вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера еще на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьезно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чем особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он думал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной: чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождем — увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удается... однажды.

Кливи лег навзничь и воззрился на небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтеками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливается некое перемирие? Ему было наплевать.

К черту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!

Он уснул.

Утром он удивился, что еще жив. Пока все идет хорошо. В конце концов, денек может выдаться не дурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолета-243 осталась лишь груда искореженного металла на оплавленной почве. Кливи нашел металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но все-таки придает уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счел, что он терпкий, но вкусный. Он до отвала наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалеку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело — затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти

скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотою в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчетам, быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое.

Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полет.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрел дальше. Еще через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи можно выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал прием, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Еще минуту назад они были тут. Один зеленый, другой пятнистый, третий...

Быть может, эти волки не мечут пятнистых детенышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостом, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперед. Волки попятились, но один из них проскользнул ему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутек, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей — очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понесся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на ковром расстилающуюся землю.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая все выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил еще один день. Но, по-видимому, все гамбиты удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придет спасательное судно?

Когда стемнело, он долго еще не мог заснуть и все смотрел в небо. Однако там виднелись только звезды, а рядом слышалось лишь редкое рычание волка да рев пантеры, мечтающей о завтраке.

...Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

Где же спасатели? Времени у них было предостаточно, решил Кливи. Почему их еще нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошел подальше. Уж лучше иметь дело с волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к реву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-желтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперед. Волки оставались на почтительном

расстоянии, по-видимому намереваясь удовольствоваться остатками трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь.

Кливи попятился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порожденной отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвел. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но все же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

«Ну право же, — подумал Кливи, — кому придет в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поедала кусты? А ведь я и есть *куст*. Спроси у моей мамаши. Она тоже куст. Все мы кусты, истари, с каменноугольного периода».

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удалиться. Кливи не был уверен, что долго протянет. О чем он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

«Ну не мило ли, — подумал Кливи. — Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти».

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

Полегче, подумал Кливи. Не надо рубить сук, на котором сидишь...

Птичка клюнула еще раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

Проклятый дятел, подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгреб птичку и швырнул ею в пантеру.

Пантера щелкнула зубами, но опоздала. Оскорбленная птичка произвела разведочный полет вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он пытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мертвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения еще на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадежно неаппетитен. И в глубине души — он был в этом убежден — искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасен! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донесся *подлинный* запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле ее назвали бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошел к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на ее глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева — забраться, пистолета — выстрелить или хоть факела — отпугнуть...

Факел!

Кливи тотчас понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнем в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришел его черед! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнем! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся легкий ветерок и разнес его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара — от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел все, что происходит вокруг, и все ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая все на своем пути. И *чувствовал* страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царем природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеек в трех милях от старта, воспламенил группу кустов, запылал, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он все горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища — трава и кусты — вскоре промокли насквозь. Он начинал угасать.

Это просто нечестно, подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на ее условиях и вышел победителем... лишь для того, чтобы слепая стихия все погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

— ...Чертовски удачная работа. Ты берег почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолета.

Он находился на спасательном судне.

— Что случилось? — прохрипел он.

— Мы подоспели как раз вовремя, — ответил Почтмейстер. — Тебе пока лучше не двигаться. Еще немного — и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету 3-М-22. Шатаясь, он подошел к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зеленую поверхность.

— Ты был на волосок от гибели, — сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз. — Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зеленый ковер, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел еще раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

— Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!

Масс-детектор замигал розовым, затем красным. Дремавший у пульта Эйджи встрепенулся.

— Приближаемся к планете! — крикнул он, стараясь перекричать пронзительный свист воздуха, вырывавшегося сквозь пробитую осколком дыру в корпусе корабля.

Капитан Барнетт кивнул и приварил очередную заплату к изношенной обшивке «Индевера». Свист заметно утих, но не прекратился. Он не прекращался никогда.

Планета показалась из-за небольшого багрового солнца. Ее тусклый зеленоватый отблеск на фоне черного пространства вызвал у обоих астронавтов одну и ту же мысль.

— Интересно, найдется на ней что-нибудь стоящее? — задумчиво проговорил Барнетт.

Эйджи с надеждой приподнял седую бровь.

Им вряд ли удалось бы разыскать новую планету, если бы «Индевер» летел по Южногалактической трассе. Но там патрулировало слишком много кораблей федеральной полиции, а у Барнетта были серьезные основания держаться от нее подальше.

Хотя «Индевер» считался торговым кораблем, весь его груз состоял из нескольких бутылей чрезвычайно сильной кислоты, предназначавшейся для вскрытия сейфов, и трех небольших атомных бомб. Власти относились к подобным товарам неодобрительно и упорно пытались привлечь экипаж к ответственности за всякие старые грехи — убийство на Луне, ограбление на Омеге, кражу со взломом на Самии.

В довершение всех бед новые полицейские корабли обладали большой скоростью и лучшей маневренностью, и «Индеверу» пришлось перейти на обходные маршруты. Сейчас корабль направлялся к Новым Афинам, где были открыты богатейшие урановые залежи.

— Да, не густо, — прокомментировал Эйджи, с отвращением глядя на приборы.

— Можно даже не садиться, — кивнул Барнетт.

Показания датчиков разочаровывали. Незарегистрированная планета оказалась меньше Земли и, за исключением кислородной атмосферы, не имела коммерческой ценности.

Вдруг заработал детектор тяжелых металлов.

— Там что-то есть, — взволнованно проговорил Эйджи, быстро расшифровывая показания приборов. — Очень чистый металл, притом прямо на поверхности!

Барнетт кивнул, и корабль пошел на посадку.

Из заднего отсека вышел Виктор в шерстяной шапочке на бритой голове и глянул в иллюминатор через плечо Барнетта. Когда «Индевер» завис в полумиле над поверхностью планеты, они увидели то, что приняли за месторождение тяжелого металла.

На лесной прогалине стоял космический корабль.

— Вот это уже интересно, — протянул Барнетт и кивнул Эйджи.

Эйджи искусно произвел посадку. По возрасту ему давно полагалось выйти на пенсию, но годы никак не отразились на профессиональных навыках пилота. Когда Эйджи остался без работы и без гроша в кармане, его разыскал Барнетт и великодушно предложил контракт. Капитан охотно становился альтруистом, когда это сулило выгоду.

Инопланетный корабль был крупнее «Индевера» и выглядел как новенький, но его конструкция и опознавательные знаки озадачили капитана.

— Вы видали что-нибудь подобное? — осведомился Барнетт.

Эйджи порылся в своей обширной памяти.

— Напоминает цефейскую работу, но у них корпуса делают более обтекаемыми. Однако мы забрались довольно далеко, и вряд ли этот корабль из нашей федерации.

Виктор не мог оторвать изумленного взгляда от корабля.

— Красавчик! Вот бы нам такой! — шумно вздохнул он.

Внезапная улыбка прорезала лицо Барнетта, словно трещина на граните.

— Простак, а ведь в самую точку попал. Я об этом и думаю, — сказал он. — Пойдем потолкуем с тамошним шкипером.

Прежде чем выйти наружу, Виктор проверил, заряжены ли замораживающие бластеры.

Атмосфера планеты оказалась пригодной для дыхания.

Температура воздуха равнялась 72 градусам по Фаренгейту.

Астронавты послали в направлении корабля приветственный сигнал, но ответа не дождались и с дежурными улыбками зашагали вперед, спрятав бластеры под куртками.

Вблизи корабль производил внушительное впечатление. Метеориты почти не повредили его сверкающий серебристый корпус. Из открытого люка доносился монотонный гул — видимо, перезаряжались генераторы.

— Есть здесь кто-нибудь? — крикнул Виктор.

Его голос эхом прокатился по кораблю. Ответа не последовало — только глухо гудели генераторы да шелестела трава.

— Куда они могли запропаститься? — удивился Эйджи.

— Наверное, вышли подышать свежим воздухом, — предположил Барнетт. — Вряд ли они ждали гостей.

Виктор уселся на траву, а Барнетт с Эйджи обошли вокруг корабля, любуясь его необычной конструкцией.

— Справишься с ним? — спросил Барнетт.

— Думаю, да, — ответил Эйджи. — Он построен по классическим образцам. Автоматика меня не тревожит — все существа, дышащие кислородом, используют однотипные системы управления. Надеюсь, мне понадобится не слишком много времени, чтобы разобраться.

— Кто-то идет! — крикнул Виктор.

Из леса, отстоящего ярдов на триста, вышла какая-то фигура и двинулась к кораблю.

Эйджи и Виктор разом выхватили бластеры.

Барнетт разглядел в бинокль странное, прямоугольной формы

существо высотой около двух футов, шириной в фут и толщиной примерно в два дюйма. Головы у пришельца не было. Капитан нахмурился — такого он еще не видывал.

Настроив бинокль получше, Барнетт убедился, что незнакомец был гуманоидом. Во всяком случае, он обладал четырьмя конечностями: две, скрытые травой, служили для передвижения, а еще две торчали вертикально вверх. Посередине прямоугольного корпуса помещались два крошечных глаза и рот. Ничего напоминающего одежду на пришельце не было.

— Странный же тип, доложу я вам. — Эйджи установил на бластере прицел. — Полагаю, он прилетел в одиночку?

— Надеюсь, что да, — пробормотал Барнетт, в свою очередь вынимая бластер.

— Дистанция двести ярдов. — Эйджи прицелился, потом посмотрел на капитана. — Или вы хотите сперва вручить ему визитную карточку?

— Много чести, — нехорошо усмехнулся Барнетт. — Подождем, пусть подойдет поближе.

Эйджи кивнул, не выпуская чужака из поля зрения.

Кален прилетел на эту заброшенную планету в надежде добыть хотя бы тонну-другую эрола — минерала, чрезвычайно ценимого мабогийцами. Но ему не повезло, и тетнитовая бомба, которой так и не довелось воспользоваться, лежала нетронутая в кармане с керловым орехом. Вместо добычи привезет на Мабог балласт.

«Может быть, на следующей планете посчастливится», — думал Кален, выходя из леса.

Внезапно он замер как вкопанный — неподалеку от его корабля высился чужой космический аппарат необычной конструкции.

Кален не ожидал встретить в такой глуши разумных существ вроде тех, что стояли сейчас у открытого люка его корабля. Незнакомцы имели с мабогийцами лишь весьма отдаленное сходство. Правда, одну из планет Мабогийского союза населяли существа, очень похожие на этих, но они строили космические корабли совершенно иначе. Наверно, он столкнулся с представителями великой цивилизации, которая, по слухам, существовала на окраине Галактики.

Радостно взволнованный такой удачей, Кален поспешил им навстречу.

Незнакомцы, однако, почему-то не трогались с места, и ответного приветствия Кален не уловил, хотя его явно заметили. Он ускорил шаг в надежде, что быстро найдет с этими странными, непонятными существами общий язык и что церемония знакомства не затянется слишком надолго. Всего час, проведенный на негостеприимной планете, вконец измотал его. Он очень проголодался и срочно должен был принять душ.

Внезапно что-то обжигающе-холодное отбросило его назад.

Кален тревожно огляделся по сторонам: что за сюрприз преподносит ему планета? А едва он двинулся с места дальше, в него тотчас вонзился еще один заряд, совершенно заморозив наружную оболочку.

Дело принимало серьезный оборот. Хотя мабогийцы считались одной из самых выносливых жизненных форм, у них тоже были уязвимые места. Кален осмотрелся в поисках источника опасности.

Незнакомцы в него стреляли!

Ошеломленный, Кален не мог в это поверить. Он знал, что такое убийство, и не только понаслышке, но даже несколько раз с ужасом наблюдал это извращение среди иных недоразвитых животных видов. Ему приходилось также листать труды по психопатологии, в которых детально описывались все случаи преднамеренного убийства в истории Мабога.

Но чтобы это произошло с ним! Кален отказывался верить себе.

Очередной заряд обжег тело. Кален не двигался, все еще пытаясь убедить себя, что ему это мерещится. Разве существа, чей разум позволяет им строить космические корабли, могут быть способны на убийство?

К тому же они даже не знают его!

Осознав наконец опасность, Кален повернулся и бросился к опушке. Теперь стреляли все трое незнакомцев, и замерзшая трава громко хрустела и ломалась у него под ногами. Наружная оболочка Калена полностью промерзла. Тело мабогийца не приспособлено к низким температурам, и Кален чувствовал, как леденящий холод мало-помалу сковывает его нутро.

И все-таки он не мог заставить себя поверить в происходящее.

Он уже достиг опушки, когда в спину вонзилось сразу два снаряда. Не в силах больше поддерживать тепло в организме, Кален рухнул на промерзлую, заиндевевшую землю и потерял сознание.

— Идиот, — пробормотал Эйджи, пряча бластер в кобуру.

— Но поразительно выносливый, — сказал Барнетт. — Ни одно дышащее кислородом существо не способно выдержать такое. — Он с гордостью посмотрел на бластер и похлопал по серебристой броне корабля. — Мы назовем его «Индевер-2».

— Да здравствует капитан! — весело гаркнул Виктор.

— Побереги глотку на будущее. — Барнетт взглянул на небо. — Через четыре часа начнет смеркаться. Виктор, перенеси провизию, кислород и инструменты на «Индевер-2» и разряди аккумуляторы на нашей развалине. Когда-нибудь мы ее отсюда вызволим. А сейчас главное — улететь до наступления темноты.

Виктор направился выполнять приказание, а Барнетт с Эйджи вошли в корабль инопланетянина.

В хвостовом отсеке «Индевера-2» размещались генераторы, двигатели, преобразователи энергии и резервуары с горючим. Следующий отсек, занимавший почти половину корабля, был заполнен какими-то чудными разноцветными орехами диаметром от двух дюймов до полутора футов. Далее следовали два носовых отсека.

Первый из них, видимо, предназначался для экипажа, но был совершенно пуст. Ни койки, ни стола, ни стульев — только гладкий металлический пол. В потолке и стенах виднелись небольшие прорези и отверстия непонятного назначения.

В самом носу находился пилотский отсек, где с трудом мог разместиться один человек. Пульт управления под экраном обзора был заполнен множеством приборов.

— Все это — ваше хозяйство, — сказал Барнетт. — Приступайте к изучению.

Эйджи кивнул, опустился перед пультом на корточки и начал рассматривать приборы.

Через несколько часов Виктор перенес все вещи на борт «Индевера-2». Эйджи пока ни к чему не прикасался. Он пытался определить назначение приборов по их размерам, цвету, форме и расположению. Нелегкая задача, даже при сходстве способов мышления. Если кнопки вспомогательной системы взлета включаются не слева направо, а наоборот, Эйджи придется заново переучиваться. Означает ли красный цвет опасность? Если да, то красная кнопка включает аварийное тормозное устройство. Но красный цвет может означать и что-то другое, например температуру...

Барнетт просунул голову в пилотский отсек. За его спиной маячил Виктор.

— Готово?

— Кажется, да. — Эйджи слегка прикоснулся к одной из кнопок. — Эта штука должна задраить люки.

Он нажал на кнопку. Виктор и Барнетт ждали, затаив дыхание.

Люки беззвучно закрылись.

Эйджи довольно ухмыльнулся.

— А это система подачи воздуха, — провозгласил он и передвинул маленький рычажок.

Из прорезей в потолке начал выбиваться желтоватый дым.

«Неполадки в системе», — забеспокоился Эйджи.

Виктор закашлялся.

— Отключай! — крикнул Барнетт.

Дым повалил густыми клубами и в мгновение ока заполнил оба носовых отсека.

— Отключай же, черт возьми!

— Я не вижу пульта! — Эйджи наугад переключил какой-то тумблер. Тут же взревели генераторы, и с пульта на пол брызнул сноп голубых искр.

Эйджи отбросило в сторону, Виктор подскочил к двери грузо-

вого отсека и забарабанил по ней кулаками. Барнетт ощупью ринулся к пульту, прикрывая рот рукой и чувствуя, что пол ускользает из-под ног.

Виктор осел на пол, царапая дверь в тщетных попытках выбраться наружу.

Барнетт вслепую двигал какие-то рычажки.

Рев генераторов неожиданно смолк, и лицо капитана освежила струя живительного воздуха. Он протер слезящиеся глаза и взглянул наверх. По счастливой случайности ему удалось отключить подачу желтого газа и открыть воздушные люки. Остатки газа быстро выветрились, и отсек заполнился прохладным вечерним воздухом планеты. Дышать стало легче.

Виктор с трудом поднялся на ноги, но Эйджи не шевелился. Барнетт склонился над старым пилотом и, ругаясь вполголоса, принялся делать ему искусственное дыхание. Наконец веки Эйджи дрогнули, а вскоре он совсем очнулся.

— Откуда взялся дым? — простонал Виктор.

— Боюсь, наш прямоугольный приятель дышал этой гадостью, — высказал догадку Барнетт.

Эйджи покачал головой:

— Вряд ли, капитан. Атмосфера планеты насыщена кислородом, а он ходил без шлема и...

— Вспомните, как он выглядел, — перебил Барнетт. — К тому же потребность в воздухе у всех различная.

— Тогда дело плохо, — уныло пробурчал Эйджи.

Астронавты переглянулись. Наступившую тишину прервал негромкий лязгающий звук.

— Что там? — испугался Виктор и выхватил бластер.

— Помолчи! — скомандовал Барнетт.

Они прислушались. Звук повторился. Казалось, будто ударяли железом по твердому неметаллическому объекту. Барнетт явственно ощутил, как зашевелились волосы у него на затылке.

Земляне прильнули к обзорному экрану. Тусклые лучи заходящего солнца освещали открытый люк «Индевера-1». Лязг доносился оттуда.

— Не может быть! — воскликнул Эйджи. — Наши бластеры...

— Не убили его, — мрачно докончил Барнетт.

— Скверно, — пробормотал Эйджи. — Очень скверно.

Виктор все еще держал бластер в руках.

— Капитан, — начал он, — может, я выйду и...

Барнетт покачал головой:

— Он не подпустит тебя и на десять футов. Нет, дайте мне подумать. Он что-то замышляет... Виктор, что осталось на корабле? Аккумуляторы?

— Разряжены, а переходное звено у меня.

— Отлично. Значит, только кислота...

— Это мощная штука, — вмешался Эйджи. — Но я не думаю, чтобы он сумел найти ей применение.

— Пожалуй, — согласился Барнетт. — И все же нам необходимо побыстрее драпать отсюда.

Эйджи взглянул на приборную панель. Полчаса назад ему казалось, что он в ней разобрался. Теперь перед ним была коварная и, возможно, смертоносная ловушка.

Злого умысла здесь не было. В космическом корабле не только путешествовали, но и жили. Вполне естественно, что приборы воспроизводили условия жизни инопланетянина и удовлетворяли его потребности. Но для землян это могло закончиться трагически.

— Знать бы, с какой он планеты, — вздохнул Эйджи. — Тогда можно было бы прикинуть, какие еще сюрпризы готовит корабль.

Они же знали только, что незнакомец дышит ядовитым желтым газом.

— Все будет в порядке! — не слишком уверенно пообещал Барнетт. — Найди систему взлета и больше ни к чему не прикасайся.

Эйджи вернулся к приборам, а Барнетт, пытаясь разгадать мысли инопланетянина, смотрел на матовый корпус своего старого корабля и с тревогой прислушивался к непонятным звукам.

Кален пришел в себя и поразился, что еще жив. Впрочем, пословица не зря гласит: «Мабогиец гибнет сразу или не гибнет вообще». Вот он и не погиб — пока. Он с трудом сел и прислонился к дереву. Красное солнце опускалось за горизонт, и воздух, насыщенный ядовитым кислородом, заметно посвежел. Кален вздохнул и с облегчением отметил, что легкие функционируют и до сих пор полны живительного желтого воздуха.

Кален вновь решил было, что все случившееся ему только пригрезилось, как вдруг увидел, что в его корабль, сгибаясь под тяжестью груза, вошел один из незнакомцев. Через некоторое время люки закрылись.

Значит, этот кошмар произошел в действительности! Надо смотреть в глаза жестокой правде. Кален чувствовал острую потребность в пище и воздухе. Его наружная оболочка высохла, растрескалась и настоятельно нуждалась в питательной чистке. А у него был с собой один-единственный красный керловый орех и тетнитовая бомбочка.

«Если удастся вскрыть орех, — подумал Кален, — можно продержаться довольно долго. Но как это сделать?»

Кален поразился собственной беспомощности. Впервые ему пришлось задуматься над тем, как самому проделать простую, элементарную повседневную операцию, которая на корабле выполнялась автоматически.

Он заметил, что инопланетяне бросили свой корабль. Почему — не имеет значения, но нужно идти туда, ведь на открытом воздухе он погибнет еще до наступления утра.

Он медленно, борясь с приступами дурноты, пополз к чужому кораблю, не спуская глаз со своего. Если враждебно настроенные существа заметят его, все пропало. Но этого не случилось. Кален благополучно пробрался через открытый люк внутрь чужого корабля.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, он разглядел, что корабль совсем старый и изношенный. Тонкие стены были сплошь в заплатах. Теперь понятно, почему незнакомцы захватили его корабль.

Опять накатила дурнота. Прежде всего необходимо подкрепиться, и Кален вынул из кармана круглый керловый орех — основную пищу мабогийских астронавтов. Орехи были чрезвычайно богаты энергией, а твердая, как панцирь, кожура толщиной в два дюйма предохраняла их от порчи в течение многих лет.

Кален положил орех на пол, подобрал тяжелый металлический прут и с размаху ударил им по ореху. Прут с громким лязгом отскочил, не оставив на скорлупе ни следа.

Кален испугался, не выдаст ли его этот грохот, но, подгоняемый голодом, вновь принялся исступленно молотить по ореху. Минут через пятнадцать, дойдя до полного изнеможения, он прекратил тщетные попытки. Стальной прут согнулся почти пополам, а орех остался цел и невредим. Только щелкун, стандартный прибор, имевшийся на любом мабогийском корабле, мог расколоть керловый орех — иного способа, увы, никто придумать не догадался.

Что делать? Кален опять схватился за прут и обнаружил, что его конечности теряют подвижность. Он бросил прут и задумался.

Движения сковывала наружная оболочка, кожа постепенно отвердевала и превращалась в роговую броню. Когда этот процесс завершится, Кален полностью утратит подвижность и погибнет от удушья...

Поборов нахлынувшее отчаяние, Кален приказал себе шевелить мозгами. Еда подождет — в первую очередь необходимо спасать кожу. На борту собственного корабля он бы принял душ из особой, смягчающей кожу жидкости, но едва ли подобная жидкость была здесь, у инопланетян. Выход один — содрать наружную оболочку. Правда, потом придется выждать несколько дней, пока затвердеет внутренняя нежная кожица, но зато он обретет подвижность!

На негнущихся ногах Кален отправился на поиски переодевателя, но с грустью убедился, что даже такого простейшего приспособления на чужом корабле нет.

Он поднял стальной прут, согнул его крючком и, подцепив кожную складку, с силой рванул прут кверху.

Затвердевшая оболочка не поддавалась.

После нескольких тщетных попыток он отшвырнул бесполезный прут и тут внезапно вспомнил про тетнитовую бомбу.

Если незаметно подложить ее под корпус захваченного чужаками корабля, то легкий взрыв не причинит кораблю никаких повреждений, только подбросит его футов на тридцать в воздух.

А вот инопланетяне безусловно погибнут.

Кален ужаснулся. Как мог он придумать такое? Законы мабогийской этики запрещали любое убийство.

«Но разве это не будет оправдано? — коварно нашептывал Калену внутренний голос. — Пришельцы — скверные создания. Избавив от них Вселенную, ты окажешь ей бесценную услугу, а заодно невзначай поможешь и себе. Считай, что это не убийство, а очищение от скверны».

Нет! Огромным усилием воли Кален заставил себя прекратить даже думать об этом. С трудом передвигая непослушные каменеющие ноги, он принялся обшаривать корабль, надеясь на случайную спасительную находку.

Скорчившись в пилотском отсеке, Эйджи устало размечал тумблеры и кнопки нестираемым карандашом. Легкие саднило, и всю ночь он не смыкал глаз. Уже брезжил рассвет. Внутри «Индевера-2» было довольно холодно — Эйджи не решался трогать терморегуляторы.

Вошел Виктор, сгибаясь под тяжестью ящика.

— А капитан где? — спросил Эйджи.

— Сейчас придет.

Барнетт решил перенести все необходимое в носовые отсеки, чтобы не тратить слишком много времени на поиски нужных вещей. Помещение для экипажа было уже почти заполнено. Не найдя места для ящика, Виктор огляделся и заметил в боковой стене дверь. Он нажал на ручку, и дверь скользнула вверх, открыв крошечную пустую клетушку, которая показалась Виктору идеальным хранилищем. И он опустил свою тяжелую ношу на пол, усеянный красными скорлупками.

В тот же миг потолок начал опускаться.

Виктор дико завопил, резко выпрямился и, ударившись головой о потолок, упал без чувств.

Эйджи выскочил из пилотского отсека и столкнулся с Барнеттом, который тоже прибежал на крик. Капитан попробовал вытянуть Виктора за ноги, но, увы, заскользил по гладкому металлическому полу. Эйджи, обнаружив редкостное присутствие духа, поднял ящик и поставил его на попа, задержав тем самым предательский потолок. Вдвоем с капитаном они поспешили вытянуть Виктора из клетушки, и в тот же миг ящик треснул и развалился на части. А потолок, будто сделав свое дело, бесшумно скользнул вверх.

Виктор очнулся и потер ушибленную голову.

— Капитан, — жалобно взмолился он, — может, вернемся на «Индевер»?

— Виктор прав. — Эйджи развел руками. — Прямо какой-то заколдованный корабль!

— И вы так легко от него отказываетесь? — осведомился Барнетт.

Эйджи неловко поежился и кивнул.

— Откуда мы знаем, — заговорил он, пряча глаза от Барнетта, — что он еще выкинет? Слишком рискованно, капитан.

— Рискованно... — передразнил Барнетт. — Вы хоть соображаете, от чего отказываетесь? Один его корпус принесет целое состояние! А двигатель? Вам приходилось видеть подобные? Этот корабль пробуравит насквозь любую планету и выйдет с другой стороны непоцарапанным!

— Боюсь, мы не сумеем оценить все это, поскольку трупы не умеют восхищаться, — не унимался Эйджи, а Виктор усиленно закивал.

— Все, хватит болтать! — отрезал Барнетт. — Корабль мы не оставим! Только не будем ни к чему прикасаться, пока не достигнем безопасного места. Ясно? За дело!

Эйджи хотел было заикнуться про комнаты, самопроизвольно превращающиеся в гидравлические прессы, но, перехватив грозный взгляд Барнетта, счел за благо не спорить.

— Ты разметил приборную панель? — уже спокойно спросил Барнетт.

— Осталось совсем немного, — отозвался старый пилот.

— Хорошо. Ни к чему другому не прикасайся. Пока мы ничего не трогаем, нам ничто не грозит.

Капитан вытер потный лоб, прислонился к стене и расстегнул куртку.

В тот же миг из отверстий в стене выскочили два стальных крюка и кольцом сомкнулись вокруг его талии. Барнетт рванулся что было сил, но кольцо не поддалось. Послышалось странное пощелкивание, и из стены выползло тонкое проволочное щупальце. Оно ощупало куртку Барнетта, словно оценивая качество ткани, удовлетворенно хмыкнуло, как показалось капитану, и исчезло в стене.

Эйджи и Виктор оцепенели, раскрыв рты.

— Выключите эту штуку, — прохрипел Барнетт.

Эйджи бросился к пульту. В ту же секунду из стены высунулась стальная рука, в которой поблескивало трехдюймовое лезвие.

— Уберите его! — истошно завопил Барнетт.

Виктор, сбросив оцепенение, хотел было схватить зловещую руку, но та резко вывернулась и отшвырнула его в противоположный угол. Затем с хирургической виртуозностью рука искусно раскроила лезвием куртку Барнетта сверху донизу и преспокойнейшим образом возвратилась в стену.

Эйджи лихорадочно нажимал на рычаги и кнопки: жужжали генераторы, закрывались и открывались люки и вентиляторы, включались и выключались двигатели, зажигалось и гасло освещение, но кольцо, пленившее капитана, не разжималось.

Снова появилось тонкое щупальце. Дотронулось до рубашки Барнетта и на мгновение замерло, словно в нерешительности. Внутренний механизм тревожно заурчал. Щупальце еще раз прикоснулось к рубашке и вновь неуверенно зависло.

— Я ничего не могу сделать! — завопил Эйджи. — Это автомат!

Щупальце скрылось в стене, из которой тотчас же показалась стальная рука. Тяжелым гаечным ключом Виктор с размаху треснул по лезвию, едва не раскроив Барнетту голову.

Лезвие даже не дрогнуло. Оно уверенно разрезало рубашку и исчезло, оставив насмерть перепуганного Барнетта по пояс голым. Когда же под немой крик капитана вновь вынырнуло щупальце, Виктору стало дурно, а Эйджи закрыл глаза. Щупальце коснулось нежной теплой кожи на груди пленника и одобрительно фыркнуло. Кольцо тут же разжалось, и обессиленный Барнетт мешком повалился на пол.

На некоторое время воцарилось молчание. Все и без слов было ясно.

Эйджи пытался понять, почему механизм остановился, почувствовав живую плоть. Может быть, инопланетянин таким образом раздевался? Нет, это абсурд. Но ведь комната-пресс тоже абсурд...

В глубине души старый пилот радовался случившемуся. Этот упрямый осел Барнетт получил хороший урок. Теперь им ничего не остается, кроме как покинуть дьявольский корабль и придумать способ вернуть свой собственный.

— Чего стоите? Помогите одеться! — прорычал капитан.

Виктор поспешно притащил ему запасную рубашку, и Барнетт кое-как натянул ее на себя, держась подальше от стен.

— Через сколько времени мы сможем взлететь? — спросил он у Эйджи.

— Что?

— Надеюсь, вы не оглохли?

— Но разве то, что произошло...

— Когда мы можем взлететь? — повысил голос капитан.

— Примерно через час, — выдавил Эйджи и устало поплелся в опостылевший пилотский отсек.

Барнетт напялил на себя свитер, а поверх него пальто. В корабле было прохладно, и он здорово замерз.

Кален лежал в полном изнеможении. Глупо, что он потратил столько сил на бесполезные попытки содрать затвердевшую оболочку. Теперь он почти не мог двигаться...

В голове его мелькали видения далекого детства. Величавые, зубчатые, как замки, скалы Мабога, огромный космопорт Кантанопе и он, маленький Кален, любующийся двумя заходящими солнцами. Одно — голубое, второе — желтое, но почему они вместе не садятся на юге? Надо спросить у отца...

Кален отогнал видения. Скоро утро. Мабогийский астронавт не может погибнуть столь бесславно, нужно продолжать борьбу.

Через полчаса мучительных поисков он натолкнулся в хвостовом отсеке корабля на запечатанный металлический ящик. Сбив крышку, Кален увидел большие бутыли, аккуратно завернутые и переложенные тряпками и опилками. Он вытащил одну бутыль. На ней был изображен странный белый символ, показавшийся Калену знакомым. Он напряг память и вспомнил — это череп гуманоида. В Мабогийский союз входила одна гуманоидная цивилизация, и Кален видел в музее муляжи черепов. Но зачем рисовать эту штуку на бутыли?

Он открыл бутыль и принюхался. Запах был приятный и смутно напомнил Калену... запах питательной жидкости, очищающей кожу!

Кален быстро вылил на себя содержимое бутылки и принялся ждать, затаив дыхание. Если только ему удастся восстановить кожу...

Так и есть, жидкость оказалась слабым очистителем.

Он опорожнил еще одну бутыль, чувствуя, как живительный раствор впитывается оболочкой.

Некоторое время Кален расслабленно лежал на спине, позволяя жидкости рассасывать роговой панцирь. Вскоре кожа полностью восстановила эластичность, и Кален ощутил необыкновенный прилив сил и энергии.

Он будет жить!

После целебной ванны Кален осмотрел пилотирующее устройство. Почему-то инопланетяне не собрали все приборы в одном отсеке. Очень глупо. Они даже не сумели превратить остальные помещения корабля в антигравитационные камеры! Впрочем, и резервуарам для хранения такого количества жидкости было негде разместиться.

Ничего, подумал Кален, как-нибудь он преодолеет эти трудности. Но, исследуя двигатель, он заметил, что у аккумулятора батарей отсутствует совершенно необходимое звено. Батареи были выведены из строя.

Оставался только один выход — вернуться назад на свой корабль.

Но как? Мабогийские законы запрещали любое убийство. Ни при каких обстоятельствах — даже ради спасения собственной жизни — мабогиец не имел права убивать. Благодаря этому мудрому закону мабогийцы уже три тысячи лет жили без войн и мабогийская цивилизация достигла высочайшего расцвета...

Но что делать? Умирать самому?

Взглянув себе под ноги, Кален с изумлением заметил, что лужица пролитой им жидкости проела огромную дыру. Какой ненадежный корабль — даже слабый очиститель способен так повредить его! Видимо, и сами инопланетяне очень слабые создания.

Одной тетнитовой бомбы будет вполне достаточно.

И никто на Мабоге об этом не узнает!..

— Готово наконец? — нетерпеливо спросил Барнетт.

— Кажется, да, — ответил Эйджи, осмотрев размеченную нестираемым карандашом панель.

— Отлично. Мы с Виктором останемся в отсеке экипажа. Взлетайте с минимальным ускорением.

Эйджи объявил десятисекундную готовность, нажал на кнопку, и дверь, отделяющая его от отсека экипажа, закрылась. Он нажал еще одну кнопку, и заработали аккумуляторы. Пока все шло хорошо.

На полу появилась тонкая струйка маслянистой жидкости. Эйджи машинально отметил, что, должно быть, подтекает один из приводов, и тут же забыл об этом. Приборы работали прекрасно. Он задал автопилоту нужный курс, включил двигатели и вдруг ощутил прикосновение к ноге, а глянув вниз, с удивлением обнаружил, что густая, дурно пахнущая жидкость уже заливала весь пол слоем в несколько дюймов толщиной. Эйджи отстегнул ремни, чтобы найти причину утечки. Вскоре он отыскал четыре отверстия, которые равномерными толчками выбрасывали жидкость. Эйджи нажал кнопку, управляющую дверью, но дверь не открывалась. Стараясь не поддаваться панике, он внимательно осмотрел дверь.

Она должна была открыться!

Но не открылась...

Маслянистая жидкость поднялась уже до колен.

Эйджи вернулся к пульту управления. Войдя в корабль, они не видели никакой жидкости. Значит, есть сток...

Когда он обнаружил сток, зловонная жидкость была ему уже по пояс. Эйджи потянул рычаги на себя, и жидкость быстро исчезла. После этого дверь легко открылась.

— В чем дело? — спросил Барнетт.

Эйджи рассказал, что произошло.

— Тогда все ясно, — спокойно произнес Барнетт. — А я-то не мог понять, как наш прямоугольный друг выдерживает стартовое ускорение. Мы не нашли на борту ничего, к чему бы он мог пристегнуться. Значит, он просто плавает в масле, которое автоматически заполняет пилотский отсек, когда корабль готов к взлету.

— А почему не открывалась дверь?

— Разве не ясно? — ласково, будто ребенку, улыбнулся Барнетт. — Зачем ему заливать маслом весь корабль? Вдобавок лишняя гарантия от случайной утечки.

— Но мы не можем взлететь.

— Это еще почему?

— Я не умею дышать под толстым слоем масла. А оно будет натекать, как только я включу двигатели.

— А ты открой сток и привяжи к нему рычаг регулятора, чтобы он оставался открытым. Масло будет стекать с такой же скоростью, как и набираться.

— Ладно, попробую, — безрадостно согласился Эйджи.

Совет капитана оказался дельным: жидкость не поднималась выше полутора дюймов. Установив регулятор ускорения на минимум, Эйджи нажал стартовую кнопку.

Кален с грустью проводил взглядом взлетевший корабль. Подложить бомбу он так и не решился. Законы многовековой давности трудно переступить за несколько часов.

Однако Кален не впал в отчаяние. Он не собирался сдаваться. Он будет цепляться за жизнь до последнего вздоха, будет надеяться на один шанс из миллиона, что на планету прилетит другой корабль!

Кален сообразил, что из очистительной жидкости можно легко изготовить заменитель воздуха. Этого ему хватит на несколько дней. А если еще вскрыть керловый орех...

Придя в себя, Эйджи обнаружил, что, прежде чем потерять сознание, успел вдвое уменьшить ускорение. Это и спасло ему жизнь.

Но ускорение, равное по шкале почти нулю, было тем не менее невыносимым. Эйджи открыл дверь и выполз из своего отсека.

Ремни, удерживающие Барнетта и Виктора, лопнули при взлете. Виктор только-только приходил в себя, а Барнетт с трудом выбирался из-под груды покореженных ящиков.

— Что за шутки? — тяжело выдохнул он. — Я же ясно сказал: «С минимальным ускорением»!

— Я взлетел с ускорением вдвое меньше минимального! — ответил Эйджи. — Посмотри сам.

Барнетт вошел в пилотский отсек и быстро вернулся.

— Плохо дело, — сказал он. — Этот корабль рассчитан на ускорение втрое большее, чем наше. Видимо, на их дурацкой планете слишком большая гравитация и для взлета требуется колоссальная скорость.

В стенах что-то щелкнуло.

— По-моему, становится теплее, — робко произнес очнувшийся Виктор.

— И давление тоже растет, — сказал Эйджи и устремился к пульту.

Барнетт и Виктор проводили старого пилота тревожными взглядами.

— Ничего не могу поделать! — крикнул Эйджи, утирая пот с раскрасневшегося лица. — Температура и давление регулируются автоматически. Видимо, они подстраиваются до «нормального» уровня во время полета.

— Отключи их как-нибудь, черт возьми! — крикнул Барнетт. — Или хочешь, чтобы мы изжарились?

— Терморегулятор и так стоит на нуле, — ответил Эйджи. — Больше ничего сделать невозможно.

— Какова же нормальная температура для этого проклятого инопланетянина?

— Страшно подумать, — ответил Эйджи. — Корабль построен из необыкновенно теплостойкого материала и способен выдержать давление в десять раз большее, чем земные корабли. Сопоставь эти данные и...

— Но должно же это как-то выключаться! — не выдержал Барнетт.

Металлический пол раскалился уже чуть ли не докрасна.

— Отключи его! — заорал Виктор.

— Не я сделал этот корабль, — начал оправдываться Эйджи. — Откуда мне знать...

— Отпусти меня! — Эйджи схватился за бластер. Внезапно его осенило, и он выключил двигатели.

Щелканье в стенах прекратилось, и помещение стало остывать.

— Что случилось? — Виктор сразу успокоился.

— Температура и давление падают, когда двигатели не работают, — пояснил Эйджи. — Пока не включены двигатели, мы в безопасности.

Воцарившееся молчание нарушил Барнетт:

— Итак, мы влипли?

— Да, — подтвердил Эйджи. — Двигаясь по инерции, мы достигнем большой планеты не раньше чем через три года.

— Ничего не попишешь, вернемся на свой корабль.

Подавив вздох облегчения, Эйджи задал автопилоту новый курс.

— Думаете, этот тип вернет нам корабль? — спросил Виктор.

— Конечно, — убежденно ответил Барнетт. — Ему ведь до смерти охота заполучить назад свой, стало быть, придется покинуть наш.

— Да, но если он...

— Мы выведем из строя автоматику, — сказал Барнетт. — Это его задержит.

— Ненадолго, — вмешался Эйджи. — Потом он все равно нас догонит.

— Не думаю, — ухмыльнулся Барнетт. — Для нас главное — взлететь первыми. Корпус у этого корабля, конечно, прочный, но вряд ли он выдержит три атомных взрыва.

— Об этом я не думал, — побледнел Эйджи.

— А когда-нибудь мы вернемся, — бодро заключил Барнетт. — Металл, из которого сделан его корабль, наверняка кое-что стоит.

Эйджи включил двигатели и развернул «Индевер-2» к планете. Автоматика заработала, и температура стала быстро повышаться. Убедившись, что автопилот взял нужный курс, Эйджи отключил двигатели, и корабль полетел дальше, влекомый силой инерции.

Они не успели вывести из строя автоматику. Перед посадкой Эйджи пришлось снова включить двигатели, и когда «Индевер-2» совершил посадку, у астронавтов едва хватило сил выбраться наружу. Тела их покрылись волдырями, а подошвы обуви прогорели насквозь.

Затаившись в лесу, они ждали.

Через некоторое время инопланетянин вышел из их корабля и перешел в свой. Мгновение спустя люки закрылись.

— Ну вот. — Барнетт встал. — Теперь надо срочно взлетать. Эйджи, ступайте прямо к пульту. Я подсоединю аккумуляторы, а Виктор задраит люк. Вперед!

Кален открыл запасной резервуар, и корабль заполнился свежим благоухающим желтоватым дымом. Несколько минут Кален с наслаждением дышал.

Затем он отобрал три самых крупных керловых ореха и подождал, пока щелкун их раздавит.

Насытившись, Кален почувствовал себя гораздо лучше. Он позволил переодевателю снять задубевшую наружную оболочку. Лезвие аккуратно разрезало два верхних слоя, остановившись перед нежной живой кожицей.

Кален решил, что рассудок инопланетян помрачился. Как же иначе объяснить, что они вернулись и возвратили ему корабль?

Нужно обязательно сообщить их властям координаты этой планеты, чтоб их забрали отсюда и вылечили.

Кален был счастлив. Он не преступил законов мабогийской этики. А ведь мог бы оставить в чужом корабле тетнитовую бомбу, вывести из строя двигатели.

Но он ничего такого не сделал.

Он только сконструировал несколько бесхитростных устройств для поддержания собственной жизни.

Кален проверил приборы — все было в идеальном состоянии. Тогда он включил аккумуляторы и стал ждать, пока отсек наполнится антигравитационной жидкостью.

Виктор первым достиг люка, бросился внутрь, но тут же отлетел назад.

— Что случилось? — спросил подоспевший Барнетт.

— Меня что-то ударило.

Они осторожно заглянули внутрь.

Хитроумно переплетенные провода тянулись от аккумуляторов к стенам. Дотронься Виктор до корпуса корабля, он был бы тотчас убит мощным электрическим разрядом.

Они замкнули смертоносную систему и вошли.

Внутри корабля царил хаос. Пол был загроможден беспорядочно разбросанными предметами. В углу валялся согнутый вдвое стальной прут. В довершение разгрома пролитая в нескольких местах кислота насквозь проела обветшавший корпус «Индевера».

В хвостовом отсеке их подстерегала новая ловушка. Тяжелая дверь была с дьявольским коварством подсоединена к небольшому стартеру. Одно неосторожное движение, и от человека, попытавшегося войти, осталось бы мокрое место.

Были и другие устройства, назначение которых никто из астронавтов разгадать не мог.

— Мы в силах все это исправить? — спросил Барнетт.

Эйджи пожал плечами:

— Почти все наши инструменты остались на «Индевере-2». За год мы, вероятно, сумеем кое-что подлатать, но я не гарантирую, что корпус выдержит.

Они вышли наружу. «Индевер-2» взмыл в небо.

— Вот мерзавец! — в сердцах выругался Барнетт, глядя на изъеденный кислотой корпус своего корабля.

— Трудно предугадать, на что способен инопланетянин, — философски рассудил Эйджи.

— Хороший инопланетянин — мертвый инопланетянин, — произнес Виктор.

«Индевер-1» был теперь столь же загадочным и опасным, как «Индевер-2».

А «Индевер-2» улетел.

МНЕМОН

То был великий день для нашей деревни — к нам пришел Мнемон. Но сперва мы этого не знали, потому что он утаил от нас свою личность. Он сказал, что его зовут Эдгар Смит и что он мастер по ремонту мебели. Мы поверили ему, как верили всем. До тех пор мы не встречали человека, который что-либо скрывал.

Он пришел в нашу деревню пешком, с рюкзаком и ветхим чемоданчиком. Он оглядел наши лавки и дома. Он приблизился ко мне и спросил:

— Где тут полицейский участок?

— У нас его нет, — сказал я.

— В самом деле? Тогда где местный констебль или шериф?

— Люк Джонсон девятнадцать лет был у нас констеблем, —

сказал я. — Но Люк умер два года назад. Мы, как положено, сообщили властям, только на его место никого не прислали.

— Значит, вы сами себе полиция?

— Мы живем тихо, у нас в деревне все спокойно. Почему вы спрашиваете?

— Потому что мне надо, — не очень любезно ответил Смит. — Скудные знания не столь опасны, как абсолютное невежество, правда ведь? Ничего, мой пустолицый юный друг. Мне нравится ваша деревня. Мне нравятся деревянные дома и стройные вязы.

— Стройные что? — удивился я.

— Вязы, — повторил он, указывая на высокие деревья по обеим сторонам главной улицы. — Разве вам не известно их название?

— Оно забыто, — смущенно проговорил я.

— Многое потеряно, а многое спрятано. И все же нет вреда в названии дерева. Или есть?

— Никакого, — сказал я. — Вязы.

— Я останусь в вашей деревне на некоторое время.

— Будем очень вам рады. Особенно сейчас, в пору уборки урожая.

Смит гордо взглянул на меня.

— При чем тут уборка урожая? Уж не принимаешь ли ты меня за сезонного сборщика яблок?

— Мне это и в голову не приходило. А чем вы занимаетесь?

— Ремонтирую мебель, — сказал Смит.

— В такой деревне, как наша, у вас немного будет работы, — заметил я.

— Ну тогда, может быть, найду еще что-нибудь, к чему приложить руки. — Он неожиданно усмехнулся: — Пока что мне надо бы найти пристанище.

Я привел его к дому вдовы Марсини, и он снял у нее большую спальню с верандой и отдельным входом.

Его появление вызвало целый поток догадок и слухов. Миссис Марсини уверяла, что вопросы Смита о полиции доказывают, что он сам полицейский. «Они так работают, — говорила она. — Лет пятьдесят назад каждый третий был полицейским. Вашим собственным детям арестовать вас было, что плюнуть. Даже легче».

Но другие утверждали, что это было очень давно, а сейчас жизнь спокойная, полицейского редко увидишь, хотя, конечно, где-то они есть.

Но зачем тут появился Смит? Некоторые считали, что он пришел, чтобы забрать у нас что-то. «По какой еще причине можно прийти в такую деревню?» А другие говорили, что он пришел нам что-то дать, подкрепляя свою догадку теми же соображениями.

Но точно мы ничего не знали. Оставалось только ждать, пока Смит не решит открыться.

Судя по всему, человек он был во многом сведущий и немало повидавший. Однажды мы поднялись с ним на холм. То был разгар осени, чудесная пора. Смит любовался лежащей внизу долиной.

— Этот вид напоминает мне известную фразу Уильяма Джеймса, — сказал он. — «Пейзаж запечатлевается в человеческой памяти лучше, чем что-либо другое». Подходит, верно?

— А кто это — Уильям Джеймс? — спросил я.

Смит посмотрел на меня.

— Разве я упомянул чье-то имя? Извини, друг, обмолвился.

Но это была не последняя «обмолвка». Через несколько дней я указал ему на уродливый склон, покрытый молодыми елочками, кустарником и сорной травой.

— Здесь был пожар пять лет назад, — объяснил я.

— Вижу, — произнес Смит. — И все же... Как сказал Монтень: «Ничто в природе не бесполезно, даже сама бесполезность».

Как-то, проходя по деревне, он остановился полюбоваться пионами мистера Вогеля, которые все еще цвели, хотя время их давно миновало, и обронил:

— Воистину у цветов глаза детей, а рты стариков.

В конце недели некоторые из нас собрались в задней комнате магазина Эдмондса и стали обсуждать мистера Эдгара Смита. Я упомянул про фразы, сказанные им мне. Билл Эдмондс вспомнил, что Смит ссылался на человека по имени Эмерсон, который утверждал, что одиночество невозможно, а общество фатально. Билл Фарклоу сообщил, что Смит цитировал ему какого-то Иона Хиосского: «Удача сильно разнится с Искусством, но все же создает подобные творения». Но жемчужина оказалась у миссис Гордон; по словам Смита, это была фраза великого Леонардо да Винчи: «Клятвы начинаются, когда умирает надежда».

Мы смотрели друг на друга и молчали. Было очевидно, что мистер Эдгар Смит — не простой мебельщик.

Наконец я выразил словами то, что все мы думали.

— Друзья, — сказал я. — Этот человек — Мнемон.

Мнемоны как отдельная категория выделились в течение последнего года Войны, Покончившей Со Всеми Войнами. Они объявили своей целью запоминать литературные произведения, которым грозила опасность быть затерянными, уничтоженными или запрещенными.

Сперва правительство приветствовало их усилия, поощряло и даже награждало. Но после Войны, когда началось правление Полицейских Президентов, политика изменилась. Была дана команда

забыть несчастливое прошлое и строить новый мир. Беспокоящие веяния пресекались в корне.

Здравомыслящие согласились, что литература в лучшем случае не нужна, а в худшем — вредна. В конце концов, к чему сохранять болтовню таких воров, как Вийон, и шизофреников, как Кафка? Необходимо ли знать тысячи различных мнений, а затем разъяснить их ошибочность? Под воздействием таких влияний можно ли ожидать от гражданина правильного и лояльного поведения? Как заставить людей выполнять указания?

А правительство знало, что, если каждый будет выполнять указания, все будет в порядке.

Но дабы достичь этого благословенного состояния, сомнительные и противоречивые влияния должны быть уничтожены. Следовательно, историю надо переписать, а литературу ревизовать, сократить, приручить или запретить.

Мнемонам приказали оставить прошлое в покое. Они, разумеется, возражали. Дискуссии длились до тех пор, пока правительство не потеряло терпение. Был издан окончательный приказ, грозящий тяжелыми последствиями для ослушников.

Большинство мнемонов бросило свое занятие. Некоторые, однако, только притворились. Эти некоторые превратились в скрывающихся, подвергаемых гонениям бродячих учителей, когда и где возможно продающих свои знания.

Мы расспросили человека, называющего себя Эдгаром Смитом, и тот признался, что он Мнемон. Он преподнес деревне щедрый дар: два сонета Уильяма Шекспира, один полный акт пьесы Аристофана.

Сделав это, он стал предлагать свой товар на продажу жителям деревни.

Мистер Огден обменял целую свинью на две строфы Симонида.

Мистер Беллингтон, затворник, отдал свои золотые часы за высказывание Гераклита и посчитал это удачной сделкой.

Старая миссис поменяла фунт гусиного пуха на три станса из поэмы «Атланта в Каледонии» некоего Суинберна.

Мистер Мервин, хозяин ресторана, приобрел короткую оду Катулла, высказывание Тацита о Цицероне и десять строк из гомеровского «Списка кораблей». Это обошлось ему недешево.

Мне не на что было покупать. Но за свои услуги я получил отрывок из Монтеня, фразу, приписываемую Сократу, и несколько строк из Анакреонта.

Неожиданным посетителем оказался мистер Линд, пришедший однажды морозным зимним утром. Мистер Линд был самым богатым фермером в округе и верил только в то, что мог увидеть и

пощупать. Меньше всего мы ожидали, что его заинтересует предложение Мнемона.

— Так вот, — начал Линд, маленький, краснолицый человек, быстро потирая руки, — я слышал о вас и ваших незримых товарах.

— А я слышал о вас, — как-то странно произнес Мнемон. — У вас ко мне дело?

— О да! — воскликнул Линд. — Я желаю купить эти старые чудные слова.

— Я поражен, — сказал Мнемон. — Кто мог представить себе такого добропорядочного гражданина, как вы, в подобной ситуации — покупающим товары не только незримые, но и нелегальные.

— Я делаю это для своей жены, которой в последнее время нездоровится.

— Нездоровится? Неудивительно, — сказал Мнемон. — И дуб согнется от такой работы.

— Эй вы, не суйте свой нос в чужие дела! — яростно проговорил Линд.

— Это мое дело, — возразил Мнемон. — Люди моей профессии не раздают слова налево и направо. Каждому получателю мы подбираем соответствующие строки. Если мы ничего не можем найти, то ничего и не продаем.

— Я думал, вы предлагаете товар всем покупателям.

— Вас дезинформировали. Я знаю одну пиндарическую оду, которую не продам вам ни за какие деньги.

— Как вы со мной разговариваете!

— Я разговариваю, как хочу. Если вам не нравится, обратитесь в другое место.

Мистер Линд гневно сверкнул глазами и побагровел, но ничего не мог сделать. Наконец он произнес:

— Простите. Не продадите ли вы что-нибудь для моей жены? На прошлой неделе был ее день рождения, но я только сейчас вспомнил.

— Замечательный человек! — сказал Мнемон. — Сентиментальный, как норка, и такой же любящий, как акула. Почему за подарком вы обратились ко мне? Разве не больше подойдет новая маслобойка?

— О нет, — проговорил Линд тихим и грустным голосом. — Целый месяц она лежит в постели и почти ничего не ест. По-моему, она умирает.

Мнемон кивнул.

— Умирает! Я не приношу соболезнований человеку, который довел ее до могилы, и не питаю симпатии к женщине, выбравшей себе такого мужа. Но у меня есть то, что ей понравится и облегчит смерть. Это будет вам стоит тысячу долларов.

— О Боже! Нет ли у вас чего-нибудь подешевле?

— Конечно, есть, — ответил Мнемон. — У меня есть невинная

комическая поэма на шотландском диалекте без середины; она ваша за две сотни. И есть «Ода памяти генерала Китченера», которую я отдам вам за десять долларов.

— И больше ничего?

— Для вас больше ничего.

— Что ж... я согласен на тысячу долларов, — сказал Линд. — Да! Сара достойна и большего!

— Красиво сказано, хотя и поздно. Теперь слушайте внимательно.

Мнемон откинулся назад, закрыл глаза и начал читать.

Линд напряженно слушал. И я тоже слушал, проклиная свою нетренированную память и молясь, чтобы меня не прогнали из комнаты.

Это была длинная поэма, очень странная и красивая. Она все еще у меня.

Мы — люди. Необычные животные с необычными влечениями. Откуда в нас духовная жажда? Какой голод заставляет человека обменивать три бушеля пшеницы на поэтическую строфу? Для существа духовного это естественно, но кто мог ожидать этого от нас? Кто мог представить, что нам недостает Платона? Может ли человек занемочь от отсутствия Плутарха, умереть от незнания Аристотеля?

Не стану отрицать. Я сам видел, как человека отрывали от Стринберга.

Прошлое — частица нас самих, и уничтожить эту частицу — значит поломать что-то и в нас. Я знаю мужчину, обретшего смелость только после того, как он услышал об Эпаминонде, и женщину, ставшую красавицей после того, как она услышала про Афродиту.

У Мнемона был естественный враг в лице нашего учителя, мистера Ваха, учившего всему по утвержденной программе. И еще был враг — отец Дульес, заботившийся о наших духовных потребностях в лоне Всеобщей Американской Патриотической Церкви.

Мнемон пренебрегал этими авторитетами. Он говорил нам, что многое, чему они учат, ложно. Он утверждал, что они извращают смысл знаменитых высказываний, придавая им противоположное значение.

Мы слушали его, мы размышляли над его словами. Медленно, болезненно, мы начали думать. И при этом — надеяться.

Неклассический рассвет нашей деревни был бурным, ярким и неожиданным. Однажды ранним весенним утром я помогал с уроками сыну моего соседа. У него оказалось новое издание «Общей истории», и я просмотрел главу «Серебряный век Рима». И вдруг

понял, что там не упоминается Цицерон. Его даже не внесли в алфавитный указатель. Я еще подумал: интересно, в каком преступлении он уличен?

А потом внезапно все кончилось. Трое пришли в нашу деревню, в серых мундирах с латунными значками, в тяжелых черных ботинках. Их лица были широкими и пустыми. Они повсюду ходили вместе и всегда стояли рядом друг с другом, вопросов не задавая и ни с кем не разговаривая. Они знали точно, где живет Мнемон, и, сверившись с планом, направились туда.

Эти трое находились у него в комнате, наверное, минут десять. Затем снова вышли на улицу. Их глаза бегали; они казались испуганными. Они быстро покинули нашу деревню.

Мы похоронили Смита на высоком холме, возле того места, где он впервые цитировал Уильяма Джеймса, среди поздних цветов с глазами детей и ртами стариков.

Миссис Блейк совершенно неожиданно назвала своего младшего Цицероном. Мистер Линд зовет свой яблоневый сад Ксанаду. Меня самого считают приверженцем зороастризма, хотя я и не знаю-то ничего об этом учении, кроме того, что оно призывает человека говорить правду и пускать стрелу прямо.

Но все это — тщетные потуги. А правда в том, что мы потеряли Ксанаду безвозвратно, потеряли Цицерона, потеряли Зороастра. Что еще мы потеряли? Какие великие битвы, города, мечты? Какие песни были спеты, какие легенды сложены? Теперь — слишком поздно — мы поняли, что наш разум как цветок, который должен корениться в богатой почве прошлого.

Мнемон, по официальному заявлению, никогда не существовал. Специальным указом он объявлен иллюзией — как Цицерон. Я — тот, кто пишет эти строки, — тоже скоро перестану существовать. Буду запрещен, как Цицерон, как Мнемон.

Никто не в силах мне помочь: правда слишком хрупка, она легко крушится в железных руках наших правителей. За меня не отомстят. Меня даже не запомнят. Уж если великого Зороастра помнит всего один человек, да и того вот-вот убьют, на что же надеяться?!

Поколение коров! Овцы! Свиньи! Если Эпаминонд был человеком, если Ахилл был человеком, если Сократ был человеком, то разве мы люди?..

ПОПРОБУЙ ДОКАЖИ

Руки уже очень устали, но он снова поднял молоток и зубило. Осталось совсем немного — высечь последние две-три буквы в твердом граните. Наконец он поставил последнюю точку и выпрямился, небрежно уронив инструменты на пол пещеры. Вытерев пот с грязного, заросшего щетиной лица, он с гордостью прочел:

Я ВОССТАЛ ИЗ ПЛАНЕТНОЙ ГРЯЗИ, НАГОЙ И БЕЗЗАЩИТНЫЙ. Я СТАЛ ИЗГОТОВЛЯТЬ ОРУДИЯ ТРУДА. Я СТРОИЛ И РАЗРУШАЛ, ТВОРИЛ И УНИЧТОЖАЛ. Я СОЗДАЛ НЕЧТО СИЛЬНЕЕ СЕБЯ, И ОНО МЕНЯ УНИЧТОЖИЛО.

МОЕ ИМЯ ЧЕЛОВЕК, И ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ТВОРЕНИЕ.

Он улыбнулся. Получилось совсем неплохо. Возможно, не совсем грамотно, зато удачный некролог человечеству, написанный последним человеком. Он взглянул на инструменты. Все, решил он, больше они не нужны. Он тут же растворил их и, проголодавшись после долгой работы, присел на корточки в уголке пещеры и сотворил обед. Уставившись на еду, он никак не мог понять, чего же не хватает, и затем с виноватой улыбкой сотворил стол, стул, приборы и тарелки. Опять забыл, раздраженно подумал он.

Хотя спешить было некуда, он ел торопливо, отметив про себя странный факт: когда он не задумывал что-то особенное, всегда сотворял гамбургер, картофельное пюре, бобы, хлеб и мороженое. Привычка, решил он. Пообедав, он растворил остатки пищи вместе с тарелками, приборами и столом. Стул он оставил и, усевшись на него, задумчиво уставился на надпись. «Хороша-то она хороша, — подумал он, — да только, кроме меня, ее читать некому».

У него не возникало и тени сомнения в том, что он последний живой человек на Земле. Война оказалась тщательной — на такую тщательность способен только человек, до предела дотошное животное. Нейтралов в ней не было, и отсидеться в сторонке тоже не удалось никому. Пришлось выбирать — или ты с нами, или против нас. Бактерии, газы и радиация укрыли Землю гигантским саваном. В первые дни войны одно несокрушимое секретное оружие с почти монотонной регулярностью одерживало верх над другим, столь же секретным. И еще долго после того, как последний палец нажал последнюю кнопку, автоматически запускающиеся и самонаводящиеся бомбы и ракеты продолжали сыпаться на несчастную планету, превратив ее от полюса до полюса в гигантскую, абсолютно мертвую свалку.

Почти все это он видел собственными глазами и приземлился, лишь окончательно убедившись, что последняя бомба уже упала.

Тоже мне умник, с горечью подумал он, разглядывая из пещеры покрытую застывшей лавой равнину, на которой стоял его корабль, и иззубренные вершины гор вдалеке.

И к тому же предатель. Впрочем, кого это сейчас волнует?

Он был капитаном сил обороны Западного полушария. После двух дней войны он понял, каким будет конец, и взлетел, набив свой крейсер консервами, баллонами с воздухом и водой. Он знал, что в этой суматохе всеобщего уничтожения его никто не хватит-

ся, а через несколько дней уже и вспоминать будет некому. Посадив корабль на темной стороне Луны, он стал ждать. Война оказалась двенадцатидневной — он предполагал две недели, — но пришлось ждать почти полгода, прежде чем упала последняя автоматическая ракета. Тогда он и вернулся.

Чтобы обнаружить, что уцелел он один...

Когда-то он надеялся, что кто-нибудь еще осознает всю бессмысленность происходящего, загрузит корабль и тоже спрячется на обратной стороне Луны. Очевидно, если кто-то и хотел так поступить, то уже не успел. Он надеялся обнаружить рассеянные кучки уцелевших, но ему не повезло и здесь. Война оказалась слишком тщательной.

Посадка на Землю должна была его убить, ведь здесь сам воздух был отравлен. Ему было все равно — но он продолжал жить. Всевозможные болезни и радиация также словно и не существовали — наверное, это тоже было частью его новой способности. И того и другого он нахватался с избытком, перелетая над выжженными дотла равнинами и долинами опаленных атомным пламенем гор от руин одного города к развалинам другого. Жизни он не нашел, зато обнаружил нечто другое.

На третий день он открыл, что может творить. Оплавленные камни и металл нагнали на него такую тоску, что он страстно пожелал увидеть хотя бы одно зеленое дерево. И оно возникло. Испытывая на все лады свое новое умение, он понял, что способен сотворить любой предмет, лишь бы он раньше его видел или хотя бы знал о нем понаслышке.

Хорошо знакомые предметы получались лучше всего. То, о чем он узнал из книг или разговоров — к примеру, дворцы, — выходило кособоким и недоделанным, но, постаравшись, он мысленными усилиями обычно подправлял неудачные детали. Все его творения были объемными, а еда не только имела прежний вкус, но даже насыщала. Сотворив нечто, он мог полностью про это забыть, отправиться спать, а наутро увидеть вчерашнее творение неизменным. Он умел и уничтожать — достаточно было сосредоточиться. Впрочем, на уничтожение крупных предметов и времени уходило больше.

Он мог уничтожать и предметы, которые сам не делал — те же горы и долины, — но с еще большими усилиями. Выходило так, что с материей легче обращаться, если хотя бы раз из нее что-то вылепить. Он даже мог сотворять птиц и мелких животных — вернее, нечто похожее на птиц и животных.

Но людей он не пытался создавать никогда.

Он был не ученым, а просто пилотом космического корабля. Его познания в атомной теории были смутными, а о генетике он и вовсе не имел представления и мог лишь предполагать, что то

ли в плазме клеток его тела или мозга, то ли в материи планеты произошли некие изменения. Почему и каким образом? Да не все ли равно? Факт есть факт, и он воспринял его таким, каков он есть.

Он снова пристально вгляделся в надпись. Какая-то мысль не давала ему покоя.

Разумеется, он мог эту надпись попросту сотворить, но не знал, сохранятся ли созданные им предметы после его смерти. На вид они казались достаточно стабильными, но кто их знает — вдруг они перестанут существовать и исчезнут вместе с ним. Поэтому он пошел на компромисс — сотворил инструменты, но высекал буквы на гранитной стене, которую сам не делал. Надпись ради лучшей сохранности он сделал на внутренней стене пещеры, проведя долгие часы за напряженной работой и здесь же перекусывая и отсыпаясь.

Из пещеры был виден корабль, одиноким столбиком торчащий на плоской равнине, покрытой опаленным грунтом. Он не торопился в него возвращаться. На шестой день, глубоко и навечно выбив буквы в граните, он закончил надпись.

Наконец он понял, что именно не давало ему покоя, когда он разглядывал серый гранит. Прочитать надпись смогут только гости из космоса. «Но как они поймут ее смысл?» — подумал он, раздраженно всматриваясь в творение собственных рук. Нужно было высечь не буквы, а символы. Но какие символы? Математические? Разумеется — но что они поведают им о Человеке? Да с чего он вообще решил, что *они* непременно натолкнутся на эту пещеру? Какой смысл в надписи, если вся история Человека и так написана на поверхности Земли, навечно вплавлена в земную кору атомным пламенем. Было бы кому ее прочесть... Он тут же выругал себя за то, что тупо потратил шесть дней на бессмысленную работу, и уже собрался растворить надпись, но обернулся, неожиданно услышав у входа в пещеру чьи-то шаги.

Он так вскочил со стула, что едва не упал.

Там стояла девушка — высокая, темноволосая, в грязном порванном комбинезоне. Он быстро моргнул, но девушка не исчезла.

— Привет, — сказала она, заходя в пещеру. — Я еще в долине слышала, как ты громыхаешь.

Он автоматически предложил ей стул и сотворил второй для себя. Прежде чем сесть, она недоверчиво пощупала стул.

— Я видела, как ты это сделал, — сказала она, — но... глазам своим не верю. Зеркала?

— Нет, — неуверенно пробормотал он. — Я умею... творить. Видишь ли, я способен... погоди-ка! Ты как здесь оказалась?

Он начал перебирать возможные варианты, еще не задав во-

проса. Пряталась в пещере? Отсиделась на вершине горы? Нет, мог быть только один способ...

— Я спряталась в твоем корабле, дружище. — Девушка откинулась на спинку стула и обхватила руками колено. — Когда ты начал загружать корабль, я поняла, что ты намерен срочно смазать пятки. А мне надоело по восемнадцать часов в сутки вставлять предохранители, вот я и решила составить тебе компанию. Еще кто-нибудь выжил?

— Нет. Но почему же я тебя не заметил?

Он разглядывал красивую даже в лохмотьях девушку... и в его голове мелькнула смутная догадка. Вытянув руку, он осторожно тронул ее плечо. Девушка не отстранилась, но на ее симпатичном личике отразилась обида.

— Да настоящая я, настоящая, — бросила она. — Ты наверняка видел меня на базе. Неужели не вспомнил?

Он попытался вспомнить те времена, когда еще существовала база — с тех пор, кажется, миновал целый век. Да, *была* там темноволосая девушка, да только она его словно и не замечала.

— Через пару часов после взлета я решила, что замерзну насмерть, — пожаловалась она. — Ну, если не насмерть, то до потери сознания. Какая же в твоей жестянке паршивая система обогрева!

Она даже вздрогнула от таких воспоминаний.

— На полный обогрев ушло бы слишком много кислорода, — пояснил он. — Тепло и воздух я тратил только на пилотскую кабину. А когда шел на корму за припасами, надевал скафандр.

— Я так рада, что ты меня не заметил, — рассмеялась она. — Жуткий, должно быть, был у меня видик — словно заиндевевший покойник. Представляю, какая из меня получилась спящая красавица! Словом, я замерзла. А когда ты открыл все отсеки, я ожила. Вот и вся история. Наверное, пару дней приходила в себя. И как ты меня ухитрился не заметить?

— Просто я не особо приглядывался в кладовых, — признался он. — Довольно быстро выяснилось, что мне припасы, собственно, и не нужны. Странно, мне кажется, я все отсеки открывал. Но никак не припомню...

— А это что такое? — спросила она, взглянув на надпись.

— Решил оставить что-то вроде памятника...

— И кто это будет читать? — практично поинтересовалась она.

— Вероятно, никто. Дурацкая была идея. — Он сосредоточился, и через несколько секунд гранит снова стал гладким. — Все равно не понимаю, как ты смогла выжить, — удивленно произнес он.

— Как видишь, выжила. Я тоже не понимаю, как ты это проделываешь, — показала она на стул и стену, — зато принимаю сам факт, что ты это умеешь. Почему бы и тебе не поверить в то, что я жива?

— Постарайся понять меня правильно, — попросил мужчина. — Мне очень сильно хотелось разделить с кем-нибудь свое одиночество, особенно с женщиной. Просто дело в том... отвернись.

Она бросила на него удивленный взгляд, но выполнила просьбу. Он быстро уничтожил щетину на лице и сотворил чистые выглаженные брюки и рубашку. Сбросив потрепанную форму, он переоделся и уничтожил лохмотья, а напоследок сотворил расческу и привел в порядок спутанные волосы.

— Порядок. Можешь поворачиваться.

— Недурно, — улыбнулась она, оглядев его от макушки до пяток. — Одолжи-ка мне расческу и... будь добр, сделай мне платье. Двенадцатый размер, но только по фигуре.

Он и не подозревал, насколько обманчивы бывают женские фигуры. Две попытки пошли прахом, и лишь с третьей он сотворил нечто подходящее, добавив к платью золотые туфельки на высоких каблуках.

— Жмут немного, — заметила она, примеривая обновку, — да и без тротуаров не очень-то практичны. Но все равно большое спасибо. Твой фокус навсегда решает проблему рождественских подарков, верно?

Ее волосы блестели на ярком послеполуденном солнце, и вообще выглядела она очень привлекательной, теплой и какой-то удивительно человечной.

— Попробуй, может, и ты сумеешь творить, — нетерпеливо произнес он, страстно желая разделить с ней поразительную новую способность.

— Уже пыталась. Все напрасно. И этот мир принадлежит мужчинам.

— Но как мне совершенно точно убедиться, что ты настоящая? — нахмурился он.

— Ты опять за свое? А помнишь ли ты, как сотворил меня, мастер? — насмешливо бросила она и присела ослабить ремешок на туфельках.

— Я все время думал... о женщинах, — хмуро произнес он. — А тебя мог создать во сне. Вдруг мое подсознание обладает теми же способностями, что и сознание? И воспоминаниями я мог тебя тоже снабдить сам — да еще какими убедительными. А если ты продукт моего подсознания, то уж оно бы постаралось провернуть все так, чтобы сознание ни о чем не подозревало.

— Чушь собачья!

— Потому что если мое сознание обо всем узнает, — упрямо продолжил он, — оно отвергнет твое существование. А твоей главной функцией, как продукта моего подсознания, станет не дать мне догадаться об истине. Доказать всеми доступными тебе способами, любой логикой, что ты...

— Хорошо. Тогда попробуй сотворить женщину, коли твое сознание такое всесильное!

Она скрестила на груди руки, откинулась на спинку стула и резко кивнула.

— Хорошо.

Он уперся взглядом в стену пещеры. Возле нее начала появляться женщина — уродливое неуклюжее существо. Одна рука оказалась короче другой, ноги слишком длинные. Сосредоточившись сильнее, он добился более или менее правильных пропорций, но глаза по-прежнему сидели криво, а из горбатой спины торчали скрюченные руки. Получилась оболочка без мозга и внутренних органов, автомат. Он велел существу говорить, но из бесформенного рта вырвалось лишь бульканье — он забыл про голосовые связки. Содрогнувшись, он уничтожил кошмарную уродину.

— Я не скульптор, — признал он. — И не Бог.

— Рада, что до тебя наконец дошло.

— Но все равно это не доказывает, что ты *настоящая,* — упрямо повторил он. — Я не знаю, какие штучки способно выкинуть мое подсознание.

— Сделай мне что-нибудь, — отрывисто произнесла она. — Надоело слушать эту чушь.

«Я ее обидел, — понял он. — Нас на Земле всего двое, а я ее обидел». Он кивнул, взял ее за руку и вывел из пещеры. И сотворил на равнине город. Он уже пробовал подобное несколько дней назад, и во второй раз получилось легче. Город получился особый, он создал его, вспомнив картинки из «Тысячи и одной ночи» и свои детские мечты. Он тянулся в небо, черный, белый и розовый. Рубиново мерцали стены с воротами из инкрустированного серебром черного дерева. На башнях из червонного золота сверкали сапфиры. К вершине самого высокого шпиля вела величественная лестница из молочно-белой слоновой кости с тысячами мраморных, в прожилках, ступенек. Над голубыми лагунами порхали птички, а в спокойных глубинах мелькали серебристые и золотистые рыбы.

Они пошли через город, и он создавал для нее белые, желтые и красные розы и целые сады с удивительными цветами. Между двумя зданиями с куполами и шпилями он сотворил огромный пруд, добавил прогулочную барку с пурпурным балдахином и загрузил ее всевозможной едой и напитками — всем, что успел вспомнить.

Они поплыли, освежаемые созданным им легким ветерком.

— И все это фальшивое, — напомнил он немного погодя.

— Вовсе нет, — улыбнулась она. — Коснись и убедишься, что все настоящее.

— А что будет после моей смерти?

— Не все ли равно? Кстати, с таким талантом тебе любая болезнь нипочем. А может, ты справишься и со старостью и смертью.

Она сорвала склонившийся к воде цветок и вдохнула его аромат.

— Стоит тебе пожелать, и ты не дашь ему завянуть и умереть. Наверняка и для нас можно сделать то же самое, — так в чем проблема?

— Хочешь попробовать? — спросил он, попыхивая свежесотворенной сигаретой. — Найти новую планету, не тронутую войной? Начать все сначала?

— Сначала? Ты хочешь сказать... Может, потом. А сейчас мне не хочется даже подходить к кораблю. Он напоминает мне о войне.

Некоторое время они плыли молча.

— Теперь ты убедился, что я настоящая?

— Если честно, еще нет. Но очень хочу в это поверить.

— Тогда послушай меня, — сказала она, подавшись ближе. — Я настоящая. — Она обняла его. — Я всегда была настоящей. Тебе нужны доказательства? Так вот, я знаю, что я настоящая. И ты тоже. Что тебе еще нужно?

Он долго смотрел на нее, ощущая тепло ее рук, прислушиваясь к дыханию и вдыхая аромат ее волос и кожи. Уникальный и неповторимый.

— Я тебе верю, — медленно произнес он. — Я люблю тебя. Как... как тебя зовут?

Она на секунду задумалась.

— Джоан.

— Странно. Я всегда мечтал о девушке по имени Джоан. А фамилия?

Она поцеловала его.

Над лагуной кружили созданные им ласточки, безмятежно мелькали в воде рыбки, а *его* город, гордый и величественный, тянулся до самого подножия залитых лавой гор.

— Ты так и не сказала мне свою фамилию, — напомнил он.

— Ах, фамилия. Да кому интересна девичья фамилия — девушка всегда берет фамилию мужа.

— Женская увертка!

— А разве я не женщина? — улыбнулась она.

ЭРИКС

Я проснулся и огляделся. Все оставалось примерно таким же, как обычно.

— Привет, Джули, — сказал я. — Уже встала?

Джули не ответила. И не могла ответить. Она была просто моим воображаемым партнером по играм. Возможно, я сошел с ума, но по крайней мере я знал, что Джули — это кто-то, кого я сотворил сам.

Я вылез из кровати, принял душ, оделся. Все было как обычно. И все же меня не покидало чувство, будто что-то изменилось.

Я не знал, что меня больше всего раздражает в окружающих меня декорациях. Я запретил себе раздражаться. У меня была одна комната и ванная. Снаружи была веранда, окруженная стеклянной загородкой. Я мог там гулять и загорать. Похоже, они заставляли солнце сиять целый день, без выходных. Я часто задавался вопросом, что случилось с дождливыми днями, которые я помнил с юности. Возможно, дождливые дни и были, просто я не видел их. Я давно уже подозревал, что моя комната со своим стеклянным дополнением находилась внутри какого-то другого здания, по-настоящему огромного, где кто-то строго контролировал свет и климат, делая их такими, какими было задумано. Очевидно, они хотели, чтобы целый день сияло чуть приглушенное легкой дымкой солнце. Кстати, самого солнца я здесь никогда не видел. Только белое небо и исходящий от него свет. Он мог исходить и от прожекторов, как я понимал. Они не позволяли мне видеть слишком много.

Впрочем, я заметил их камеры. Это были миниатюрные устройства, «Сони», насколько я мог определить, их крошечные матово-черные головки все время крутились, удерживая меня в поле зрения. В моей единственной комнате тоже были камеры, во всех четырех углах, они прятались за стальными сетками, чтобы я не мог вырвать их из стены, даже если бы захотел. Камеры были и в ванной. Меня это бесило. В первые дни моего пребывания здесь я орал на эти стены: «Эй, что это с вами, ребята, у вас что, нет никого понятия о частной жизни? Мужик что, уже и отлить не может без вашего наблюдения?» Но никто мне не отвечал. Никто не разговаривал со мной. Я находился здесь уже семьдесят три дня, об этом говорили отметины, которые я делал на пластиковом столе, чтобы не сбиться со счета. Правда, иногда я забывал процарапывать столешницу, так что не удивился, если бы выяснил, что мое заключение длится намного дольше. И разрешили мне делать записи, но не дали компьютера. Неужели они боялись, что я мог что-то проделать с компьютером? Я не представлял что. Дали они мне и кое-какое чтиво. Одно старье. «Моль Фландерс». «Королевская идиллия». «Илиада» и «Одиссея». Все в этом роде. Хорошие книги, но не вполне уместные. И еще они никогда не показывались сами.

Что бы это значило? Я не мог догадаться. Я даже не знал, как они выглядели. Они сграбастали меня семьдесят три дня назад. Уже тогда начали происходить странные вещи. Я был дома. Получил срочный факс. Президентский офис. «Вы срочно нужны нам». Я отправился туда. Вообще-то они прислали за мной людей. Людей, которые не отвечали на мои вопросы. Я пытался что-то выяснить. Что бы это значило? Вам все объяснят на месте — вот единственное, что они мне говорили.

А потом я оказался здесь. Мне дали номер, сказали, чтобы я отдохнул, совещание скоро начнется. В ту первую ночь я заснул и был разбужен звуком стрельбы. Я бросился к двери. Она была заперта. До меня доносились крики людей, звуки борьбы в коридоре. А затем наступила тишина. Она длилась и длилась.

Сначала я обрадовался, что оказался жив. Других, как я подозревал, поубивали. Тех людей с постными лицами, которые привели меня сюда. Все мертвы, я был в этом уверен. Я единственный, кто выжил. Но зачем? Что от меня хотели?

За дверьми своего номера я стал различать какие-то звуки. Было похоже, будто некто что-то строит. Они занимались не чем иным, как ограничением моей мобильности. Обрезали мой трехкомнатный номер до размеров комнаты, ванной и застекленной веранды. Зачем они это делали? Что бы это значило?

Вся чертовщина заключалась в том, что я догадывался, что все это значило. По крайней мере мне так казалось. Но я не хотел признаваться в этом самому себе.

Потом пришло время тестов. Это случилось несколько недель назад. Они просовывали инструменты через дырку в потолоке. Какие-то твари рассматривали меня, твари на другом конце кабеля записывали все мои данные. Я слегка обезумел во время этих процедур. Я знал, что они пару раз усыпляли меня. Когда я приходил в себя, то обнаруживал на теле порезы и следы уколов. Синяки. Они ставили на мне опыты. Пытались что-то выяснить. Использовали меня, как морскую свинку. Но для чего? Просто потому, что я заварил всю эту кашу? Это было несправедливо. Они не имели права этого делать. Это была не моя вина.

Через некоторое время я изобрел себе воображаемого компаньона. Чтобы было с кем поговорить. Они, наверное, думали, что я спятил. Но мне необходимо было с кем-то поговорить. Я просто не мог все время мысленно разговаривать сам с собой.

— Итак, слушай, Джули, как я понимаю, все это началось с того момента, как мы с Гомесом отправились на Алкемар. Кажется, я не рассказывал тебе об Алкемаре, так?

Конечно, рассказывал. Но Джули всегда была покладистой.

— Нет, ты никогда не упоминал о нем. Что такое Алкемар?

— Это планета. Довольно далеко от Земли. Лететь туда долго. Но я туда отправился. И Гомес со мной. Там-то мы и сделали открытие, которое перевернуло весь мир.

— Что вы нашли? — спросила Джули.

— Что ж, позволь мне перенести тебя в те далекие дни...

Я околачивался в баре в Таосе, когда наткнулся на Гомеса, склонившегося над миской с крутыми яйцами. Мы разговорились, как могут разговориться сонным утром в сонном малень-

ком городке в Нью-Мексико незнакомцы, которым весь долгий день предстоит накачиваться пивом и предаваться мечтам.

Гомес был невысоким крепышом из Санта-Фе. Художник. Приехал в Таос, чтобы заработать немного баксов, рисуя портреты туристов. Он получил степень по истории искусств в Университете Нью-Мексико. Но больше всего его интересовали инопланетные артефакты.

— Правда? — удивился я. — Меня это барахло тоже интересует.

Ты должна помнить, как обстояли дела в те дни. Исследование космоса было делом новым. Оно началось с полетом корабля с двигателем Дикстры, первым путешествием на сверхсветовой скорости, которое, собственно, и сделало изучение космоса возможным. В открытом космосе Дикстру можно было использовать только в межзвездном пространстве. Подойдя к звезде ближе, необходимо было включать для маневрирования ионные двигатели. Вот тогда и сгорало топливо. А топливо стоило денег.

Так начался поиск. Поиск разумной жизни. Да, это было большое дело. Но все происходило выше того уровня, на котором вращался я. Или хотел вращаться. Я хотел сделать деньги на артефактах. Это был огромный рынок. Особенно в первые десять лет рывка в космос, когда всем до смерти хотелось обзавестись каким-нибудь кусочком дерьма с чужой планеты. Положить его на каминную полку. «Видите эту штучку? Ее привезли с Арктура 5. У меня есть бумаги, подтверждающие это». Людей хлебом не корми — дай только повод похвалиться. Понемногу мода на инопланетные безделушки начала проходить, но потребность в них все еще оставалась велика. К тому времени, как я вошел в бизнес, коллекционеры стали гораздо разборчивее. Вещицы, которые ты им приносил, должны были обладать художественными достоинствами, как они выражались. Вы знаете, как оценивать художественные достоинства? Я не знаю. Вот почему я и прихватил Гомеса. Если Гомес со всеми его степенями скажет, что это хорошо, дилерам придется ему поверить.

Я был квалифицированным пилотом. Я пару лет водил корабли для НАСА, пока разница во мнениях с начальником не лишила меня работы. Пришлось искать способ попасть обратно. Гомес был на пару лет младше меня, но полностью разделял все мои идеи.

Он был молод, хотел путешествовать и был преисполнен решимости дешево продать свои услуги за привилегию попасть в открытый космос. Оценщик — очень важная фигура в такого рода экспедициях. Вам необходим человек, который имеет представление о современном рынке и о том, сколько дилеры готовы выложить за «подлинный инопланетный артефакт». Вам также нужен парень, способный подготовить и подписать сертификат о происхождении, документ, содержащий сведения о том, откуда артефакт взят. Несмотря на молодость, у Гомеса была прекрасная репутация в среде искусствоведов. Если Гомес утверждал, что это настоящий инопланетный товар, дилеры знали, что покупают не какую-то подделку, сработанную в Калькутте или в Джерси.

Был еще аспект охоты за древностями. Конечно, главной идеей было разыскать существ, которые оставили все эти вещи. Но этих ребят днем с огнем не сыщешь. Что случилось с исчезнувшими цивилизациями галактики? Этот вопрос интересовал чертову прорву людей. Ты ведь знаешь, какой интерес вызывают на Земле исчезнувшие народы? Не знаешь, Джули? Ну, поверь мне на слово. Люди находят это романтичным.

Хотя первый ажиотаж и схлынул, инопланетные артефакты оставались в хорошей цене. Даже при условии, что множество людей занималось подделками, руины, разбросанные здесь и там по всей галактике, все еще были далеки от полного уничтожения. Просто слишком много планет, слишком много руин. И недостаточно космических кораблей.

Итак, мы с Гомесом толковали обо всем этом, утопая в густом сигаретном дыму и пивных парах, среди индейцев, туристов и фермеров. Через некоторое время Гомес сказал: «Знаешь, Далтон, мы могли бы стать хорошей командой. Ты — космический водила, я приобрел кое-какие навыки оценщика».

— Согласен, — сказал я ему. — Но у нас нет одной важной вещи. Корабля. И еще «крыши».

Вкладывать деньги в космические корабли, отправляющиеся на охоту за древностями, было в те дни популярным бизнесом. Ты бы удивилась, узнав, какая масса народу старалась приобщиться к этому. Какое-то время каждая страна чувствовала себя обязанной послать хотя бы один корабль ради национального престижа. Был период, когда в наличии имелось больше кораблей на ходу, чем людей, способных ими управлять. У меня же было ноу-хау и правильное отношение к делу. Я хочу сказать, что я не был борцом за чистую науку. Мне нравилось получать прибыль.

— Возможно, я бы смог найти кое-что, — сказал Гомес. — Я знаю кое-каких людишек, делал для них оценку в прошлом году. Они остались довольны результатами. Я слышал, как они говорили об экспедиции в открытый космос.

— Звучит заманчиво, — сказал я. — Пятьдесят на пятьдесят, по рукам? Где нам найти этих ребят?

— Сейчас позвоню, — сказал Гомес.

Он вышел и вернулся через несколько минут.

— Я говорил с мистером Рахманом из Хьюстона. Он заинтересовался. Послезавтра встреча.

— Рахман? Что это за имя? Араб?

— Индонезиец.

Рахман снимал люкс в отеле «Звезда Техаса». В городе он был по своим нефтяным делам — вел переговоры кое с кем из техасских воротил. Он был довольно тощим, слегка подкопченным, на оттенок темнее Гомеса. Маленькие усики. Одежда явно не индонезийского покроя. Итальянский шелковый костюм стоил не меньше тысячи. Хоть и был мусульманином, не разводил никаких церемоний по поводу отказа от алкоголя: налил нам по стаканчику «Джим Бим Резерв» и плеснул себе.

Некоторое время мы болтали о всяких пустяках, и у меня сложилось определенное впечатление, что у этого Рахмана и его людей была куча денег, которую они не знали куда деть. Что-то шепнуло мне на ушко, что это могли быть деньги от продажи наркотиков. Не то чтобы я принял Рахмана за дилера. Но среди индонезийских инвесторов он казался серьезной фигурой, а его возможности выглядели несколько тяжеловато для чисто нефтяного бизнеса. Но что я мог знать? Просто впечатление, а также тот факт, что он проявил готовность иметь дело со мной и Гомесом, не очень-то знакомой ему парой.

Первым делом он поинтересовался моим послужным списком. Он выглядел весьма внушительно, поскольку я сам себя представлял. Пару лет я водил корабли для НАСА, но потом потерял работу, поспорив с начальством. После этого я получил место в частной компании, для которой гонял корабли, курсировавшие между Землей и колонией L-5. Все шло хорошо, пока L-5 не развалилась, и я вновь не оказался без работы. Для подтверждения у меня при себе были документы и газетные вырезки.

— Ваши рекомендации выглядят солидно, мистер Далтон, — сказал Рахман. — Мистера Гомеса я уже видел в работе. Мы хотели бы заключить с вами контракт. Зарплата плюс десять процентов от дохода со всего, что вы найдете, — это вам на двоих с мистером Гомесом. Что вы на это скажете?

— Мне бы понравилось больше, если бы вы предложили по десять процентов каждому из нас. Это ни в коем случае не ультиматум, но это было бы чудесно.

Рахман задумался. По-моему, он размышлял о том, что с его стороны эта сделка была всего лишь способом отмыть некоторое количество нечистых денег. Вопрос о прибыли был вторичен. Группа Рахмана зарабатывала здесь, на Земле.

— Полагаю, мы сможем договориться, — сказал Рахман. —

Едем со мной в Джакарту, и вы осмотрите наш корабль. Если он вам понравится, мы подпишем бумаги. Когда вы сможете выехать?

— Хоть сейчас, — сказал я, глядя на Гомеса. Он кивнул.

«Город Джакарта» был отличным кораблем. Произведен в Германии, принадлежал индонезийцу. «Крауц» делал в те дни превосходные корабли. Мы подписали контракт, загрузили припасы, я сделал несколько телефонных звонков, собрал кое-какую информацию, и через месяц мы отправились в путь.

Первой планетой, которую мы посетили, был Алкемар IV в созвездии Волопаса. Планета вращалась вокруг звезды типа «О» в скоплении Бородина — районе, плотно забитом звездами, две трети из которых имели планеты. Я дорого заплатил за эту информацию. Она мне досталась от техника, приписанного к британской картографической экспедиции. Он был не прочь слегка подзаработать на стороне. Нужно знать каналы, где можно получить информацию такого рода. Я хорошо разбираюсь в космических кораблях, но еще лучше — в налаживании связей и заключении сделок. Эти сведения влетели мне в копеечку, но были похожи на правду. Мой информатор сообщил, что, по его мнению, на Алкемаре есть руины, хотя его группа подобралась к планете недостаточно близко. Когда мы туда прибыли, то сразу поняли, что попали в яблочко. Теперь можно было расслабиться и предоставить инициативу Гомесу.

Проверив показания приборов, я обнаружил, что на Алкемаре IV было достаточно кислорода, а гравитация составляла девять десятых земной. Мы спустились по трапу, надеясь на хороший куш, как Лефковиц, когда он наткнулся на фризы Элджина XII и продал их за кучу денег Музею современного искусства в Нью-Йорке. Вообще-то я знал, что нам должно повезти, иначе я оказался бы в беде. Я израсходовал массу топлива. Маневрировать на субсветовой скорости в зоне планеты стоит немалых бабок.

Планета была желтовато-коричневой с вкраплениями зеленых пятен. Они показывали, где находилась вода и растительность. Мы произвели орбитальную разведку самых больших пятен и отыскали сектор, который выглядел вполне приемлемым для посадки. Вне всяких сомнений, экономичнее оставить корабль на орбите и курсировать туда-обратно на шатлле, но для этого требуется дополнительное оборудование, не говоря уже о самом шаттле. У нас его не было. И если бы мы нашли что-то стоящее, корабль нам понадобился бы на месте.

Руины там были, с этим порядок. Они были рассеяны на площади в несколько сотен акров, концентрические руины в джун-

глях. Их окружало то, что некогда было стеной. Пробы атмосферы оказались положительными, никаких вредных веществ, поэтому мы распаковали свои вездеходы и принялись за осмотр местности. Первые два дня ушли на то, чтобы освоиться.

Почти неделя ушла у нас на то, чтобы отыскать сектор, который выглядел стоящим пристального изучения. Он был расположен в самой чаще и напоминал развалины округлого здания. Возможно, храма. Во всяком случае, так мы стали называть его в отчетах. Мы начали осторожно обходить его, снимая все на камеру, потому что фильм об экспедиции тоже кое-чего стоит. Мы искали каких-нибудь вещей. Всегда хорошо обнаружить домашнюю утварь. Мебель, поделки, чашки, миски, доспехи, оружие — все, что будет хорошо выглядеть в музейной витрине или на стене у какого-нибудь богатого сноба. Беда в том, что такого рода вещички почти невозможно отыскать. Исчезнувшие инопланетяне оставили нам совсем немного. Это загадка. Дьявол, вообще все это загадка.

Мы подобрались к полуразрушенной лестнице, ведущей в глубь земли. Хороший знак. В большинстве руин ничего такого не обнаружишь. Я подмигнул Гомесу.

— Эта лесенка сделает нас богатыми, партнер.

Гомес пожал плечами.

— Не очень-то надейся. Исследователям уже приходилось разочаровываться.

— У меня есть предчувствие насчет этой дырочки, — сказал я ему.

Ступеньки, уходившие глубоко под землю, привели нас в большой зал. Это было мрачноватое место: низкий сводчатый потолок, выступающие из стен камни отбрасывали причудливые тени. На земле были разбросаны какие-то металлические предметы. Я поднял парочку и показал Гомесу. Он покачал головой: «Эти штуки не выглядят достаточно инопланетными».

В этом-то вся проблема нашей работы. У людей сложились достаточно четкие представления о том, как, по их мнению, должно выглядеть все инопланетное. Инопланетное должно выглядеть как нечто такое, чего на Земле не сыскать. Такое, что никому и в голову не придет сделать. Такое, что отдает тайной. В то же время это должно быть что-то вроде горшка или стула. Почти все, найденное на других планетах, было инопланетным только по определению. Дело в том, что многие горшки и чашки, привезенные оттуда, вполне могли быть найдены на Земле. И даже документ, с указанием того, где и когда предмет был обнаружен, не придавал ему ценности. Вещи, за которые люди платили наличностью, должны были выглядеть по-инопланетному, а не просто быть инопланетными. Они должны были соответствовать людскому представлению об инопланетных вещах. И в этом была вся загвоздка.

За первой подземной камерой была еще одна. Мы вошли в нее, обшаривая помещение белыми лучами своих фонарей. Там-то мы его и увидели. Предмет, который позже стали называть Эриксом.

Только не надо слишком восхищаться нашим красивым, но безрассудным поступком. На Земле каждый слышал об Эриксе. Ты тоже должна была слышать о нем. Возможно, в твоем кругу его называли инопланетной штукенцией. Но какое это имеет значение?

Он покоился на куске блестящей ткани, покрытой какими-то значками. Все это было водружено на невысокую каменную колонну с рифлеными гранями. Сам предмет казался сделанным из сверкающего металла, хотя никто никогда не исследовал этот материал. Размером он был с детскую голову и был вырезан, или отлит, или выкован в формах, которые ни мне, ни Гомесу видеть не приходилось. Сначала эти формы выглядели хаотическими, но, если присесть и присмотреться повнимательнее, в них можно было увидеть свою логику.

Эта штука светилась. Мерцала. Ее поверхности были изогнуты, но невозможно было определить, выпуклые они или вогнутые. Иногда она напоминала что-то одно, через минуту — другое. Грани не были идентичны. Оптический эффект, триумф глаза. Смотреть на нее было все равно, что смотреть на кубистскую свечу, поверхности и грани которой непривычны, но притягательны, которая с каждой минутой все сильнее приковывает к себе взгляд.

— Слушай, парень, мы нашли его, — сказал Гомес. — И пребольшой. Это станет находкой века. Но черт меня побери, если я могу определить, как это возникло — сделали его, или вырастили, или это природная форма.

Мы разговаривали недолго. Но мысли нас обуревали одни и те же. По крайней мере мне так кажется. А думал я так: вот она, здоровенная штуковина, горшок, из которого растет радуга. Мама всех инопланетных объектов. Не похожа ни на что, виденное раньше, и вместе с тем достаточно компактная, чтобы украсить каминную полку богатейшего человека в мире. Самый желанный предмет во Вселенной. Хорошая работа, парни, лучше не бывает.

Поглазев на нее немного, мы отправились на корабль и принесли в пещеру оборудование, предназначенное для переноски ценных предметов. Мы не касались находки руками. Нейтрально-поверхностный манипулятор поднял ее и поместил в мягкий контейнер. Мы не знали, хрупкая она или нет. Мы знали одно: надо довезти наше золотое яичко до рынка целеньким. Гомес даже пошутил по этому поводу.

— Мы кладем все наши яйца в одну корзину, — сказал он, ког-

да мы размещали контейнер в грузовом отсеке. После этого Гомесу долго не хотелось шутить.

Мы решили не терять больше время на Алкемаре. Одна эта находка могла обеспечить наше будущее, и мы решили доставить ее в лучшем виде. Я стал приводить в действие двигатели, и тут-то нам был дан знак того, что все идет не так просто, как мы рассчитывали.

Двигатели молчали.

Джули, поверь мне, если двигатели твоего космического корабля молчат, тут мало сменить свечи или подбавить газу. Эти двигатели не рассчитаны на то, чтобы люди вроде нас с Гомесом фамильярничали с ними. Чтобы привести их в порядок, нужна целая команда техников и заводское оборудование. Все, что мы могли предпринять, это сделать диагностику. Но приборы показали нам только то, что двигатели не работают. Это мы и сами отлично знали. Чего мы не знали, так это почему они не работают и что с этим делать.

Однако мы не собирались сдаваться так легко. Я проделал все мыслимые процедуры. Повторил диагностику. Проделал диагностику диагностики. Попытался послать сигнал в наш офис на Землю. Все было бесполезно. Современные космические путешествия ставят вас в забавное положение: вы добираетесь до места раньше, чем его достигает луч света, и намного раньше, чем любая форма передачи сигналов. Похоже было, что мы застряли. И самым гнусным было то, что ни одна живая душа не могла прийти нам на помощь. Мы были подобны пионерам, прокладывающим путь в Калифорнию через Скалистые горы. Или Кортесу с его конквистадорами, пробирающемуся через неведомые земли в поисках ацтекских сокровищ. Если у конквистадора лошадь ломала ногу, испанцы не посылали за ним спасательную экспедицию. Они просто списывали его. То же самое случится и с нами. Никто не просил нас прилетать сюда. Нашему индонезийскому спонсору наплевать, вернемся мы или нет. Особенно после того, как он получит страховку.

Мы не паниковали. Мы с Гомесом всегда знали, что идем на рискованное дело. Мы сидели и надеялись, что двигатели оживут сами по себе. Такое иногда случалось. Мы играли в шахматы, читали книги, подъедали припасы и, наконец, решили вытащить Эрикс из грузового отсека и еще раз взглянуть на него. Если нам суждено умереть, то по крайней мере умрем, по выражению Гомеса, как эстеты.

Кажется, я не сказал тебе, почему мы назвали его Эриксом. Это все из-за того куска ткани, на которой была водружена наша находка. Ткань была покрыта какими-то значками и каракулями. Мы думали, это просто узор. Но оказалось, что это первый найденный образец инопланетной письменности. Другие удалось обнаружить только год спустя. Во время экспедиции на Офиукус II

Клэйтон Росс наткнулся на испещренную письменами скалу, которую назвали Розеттским камнем космической эры. Одна часть была написана на древней разновидности санскрита, остальные — на трех инопланетных диалектах, один из которых соответствовал письменам на куске ткани, покоившемся под Эриксом. Таким образом, мы с Гомесом привезли первую надпись на инопланетном языке.

Но в то время мы этого не ведали. Ученые долго бились, чтобы установить: то, что мы приняли за узор, оказалось письменностью. Отсюда же и имя для нашей штуковины — следи внимательно за моим рассказом, Джули. В верхней части куска, вернее там, где, как мы считали, был верх, красовались четыре значка, крупнее, чем другие. Конечно, мы не могли их прочитать. Но эти четыре большие значка выглядели как английские буквы E-R-Y-X. Поэтому мы и назвали находку Эрикс. Имя прижилось. С самого начали все так и начали его называть.

Как ты уже могла сообразить, будучи умной маленькой леди, мы не подохли на Алкемаре. Мы выбрались оттуда. А случилось именно то, видишь ли, что мы вытащили Эрикс из хранилища и принесли его в рубку. Так мы могли сидеть и любоваться тем, за что, предположительно, отдаем свои жизни. Таким образом он очутился в непосредственной близости не только от нас, но и от двигателей. Когда мы в очередной попытались завести их, что-то случилось. Мы так и не поняли, что именно и почему. Но внезапно на всех приборах загорелись зеленые лампочки, и двигатели заработали.

Совпадение? Мы так и думали. Но мы еще не настолько прониклись духом научного экспериментаторства, чтобы отнести Эрикс обратно в грузовой отсек и посмотреть, будут ли после этого двигатели работать. Это означало бы, что дух экспериментаторства завел нас слишком далеко. Но нам слишком хотелось выбраться с Алкемара, пока была такая возможность. Вернуться на Землю.

Рахман встретил нас в отеле «Диснейленд» в Джакарте. Эрикс ему понравился. Однако по выражению его лица можно было понять, что впечатлен он не слишком. Возможно, виной тому были какие-то проблемы. Позже я узнал, что ЦРУ и местный отдел по борьбе с наркотиками всерьез заинтересовались Рахманом и его партнерами. Думаю, Рахман чувствовал надвигающуюся беду. Вот что он сообщил: «Я уверен, мы могли бы продать это с большой выгодой. Но у меня есть идея получше. Я проконсультировался с моими партнерами. Мы собираемся передать этот предмет крупной американской исследовательской компании, которая выставит его для всеобщего обозрения и сможет изучать его на благо всего человечества».

— Очень благородно с вашей стороны, — сказал я. — Но зачем это вам?

— Мы бы хотели наладить хорошие отношения с американцами, — сказал Рахман. — Это может оказаться полезным в дальнейшем.

— Но таким образом вы не сможете выручить никаких денег.

— Иногда добрая воля важнее денег.

— Только не для нас!

Рахман улыбнулся и что-то пробормотал на своем языке. Несомненно, местный эквивалент выражения «дерьмо собачье».

Я не был расположен сдаться так легко.

— Мы договорились продать любой артефакт, который найдем, и поделить прибыль!

— Это не совсем верно, — довольно холодно сказал Рахман. — Если вы прочитаете свой контракт, то увидите, что вы участвуете в продаже артефакта только в том случае, если мы решим его продать. И решение целиком зависит от нас.

Насчет условий контракта он был прав. Кто бы мог подумать, что они не захотят его продавать?

Я осознал мудрость рахмановского решения — конечно, с его точки зрения — примерно год спустя, после того, как ЦРУ, работавшее в тесном сотрудничестве с индонезийскими властями, предъявило ему обвинение в международной транспортировке наркотиков. Его крепко прижали, но он отделался только штрафом.

Следуя указаниям работодателей, мы с Гомесом доставили Эрикс в штаб-квартиру Microsoft-IBM в Сиэтле, крупнейшей частной компании, занимавшейся изучением инопланетных артефактов. Мы рассказали им о двигателях, сказали, что если наши догадки верны, то эта штука повлияла на их работу.

Ну так вот, ребята из Microsoft-IBM протестировали эту штуковину по миллиметру, и, чем больше они изучали ее, тем больше возбуждались; а потом вообще созвали больших шишек из разных университетов всего мира. Microsoft-IBM рад был платить им, потому что это сделало фирме такую рекламу, о которой она и мечтать не могла. К тому же вскоре правительство выделило на исследования немалую сумму.

А мы с Гомесом оказались не у дел. После того как мы сделали заявление, в нас больше не нуждались. Индонезийская группа вышла из космического бизнеса; для них настало время спасать свою задницу. Но, надо признать, они выписали нам вполне приличную премию. Я начал уже было поиски новых покровителей и нового корабля, наших совместных денег вполне на это хватало.

А затем случилось так, что Гомес погиб в дорожной аварии в Гэллапе, Нью-Мексико, его семья унаследовала его долю, и мне пришлось судиться с ними. Суд так и не поверил, что Гомес на

словах доверил мне свою часть премии, да еще и содержание адвокатов влетело в копеечку. Самое обидное, что все затраты были напрасны и половина нашего общего фонда ушла к какому-то дяде из мексиканского городка Оакса, которого Гомес даже ни разу не видел.

Так я остался один-одинешенек и, как говорится, в стесненных обстоятельствах. Мне удалось заключить сделку с какими-то южноафриканскими алмазными дельцами и получить новый корабль «Уитуотерсрэнд». Я полетел обратно на Алкемар поискать еще какое-нибудь барахлишко, но тут, как назло, Стеббинс, человек, которого приставили ко мне южноафриканцы, погиб от обвала в пещере. Во всем обвинили меня. Какая черная несправедливость. Я торчал на корабле, играя в солитер, когда он отправился к руинам, не поставив меня в известность, ясное дело, хотел поискать кое-что для себя. Однако в Йоханнесбурге против меня выдвинули обвинение в преступной небрежности, и я потерял лицензию.

Вот так внезапно я остался без гроша в кармане, и никто больше не хотел брать меня на работу. Я крутился как мог, когда белые халаты вдруг сделали одно из самых удивительных открытий, связанных с Эриксом. В это время я как раз отбывал шестимесячное заключение в Лунавилле по раздутому обвинению в растрате. В общем, я разбирался с собственными проблемами, когда Гиой из Сорбонны, работая над Новым Розеттским камнем из Клэйтон Росса, умудрился перевести то, что было написано на скатерке, которая лежала под Эриксом. За этим мгновенно последовал судебный запрет на разглашение этой информации, инспирированный людьми Microsoft-IBM. Обо всем этом я узнал за решеткой. Все на Земле слышали об этом. (Кроме тебя, моя обожаемая Джули, погруженная в чужие сны.)

Меня выпустили досрочно за примерное поведение (я по натуре не бедокур), и я некоторое время слонялся по Луна-Сити, подрабатывая мойщиком посуды. На моей карьере галактического пилота, казалось, можно было поставить крест. У меня не было лицензии, а даже если бы и была, вряд ли кто-то осмелился нанять меня.

Но стоящего человека не так-то легко стереть в порошок. Смена администрации на Луне дала мне возможность возобновить лицензию на космическое пилотирование, правда, в пределах Солнечной системы. Плюс к этому Эдгар Дуарте, владелец «Луна Турс», решил использовать мою славу для оживления своего туристического бизнеса. Так я получил работу и стал по выходным возить отдыхающих на пояс астероидов, что было, конечно, глубочайшей степенью падения для человека, открывшего для человечества Эрикс.

Однако я принял подобную участь с хладнокровным спокойствием: мне давно было известно, что фортуна — продажная девка,

а сама жизнь — что-то вроде бессмысленной головоломки. Я человек не религиозный. Далек от этого. Если я и придерживаюсь каких-то верований, то это, пожалуй, убеждение, которое некогда приписывали гностикам: что Сатана одержал верх над Богом, а не наоборот, и Принц Тьмы управляет всем в присущем ему мрачном разрушительном духе. Я знал, что все в этом мире — просто вопрос везения и невезения, но игра ведется против нас, и даже верховное божество нас ненавидит.

Но, поскольку существуют шансы за и против, время от времени случаются и хорошие вещи. Похоже, у меня начиналась светлая полоса. Я возил этих чертовых туристов к этим дурацким астероидам, ночевал в какой-то дыре, поскольку моя зарплата у Дуарте была близка к нулю, когда в один прекрасный день ко мне пришло письмо с Земли.

Оно было написано на настоящей бумаге, не то что эти нематериальные e-mail, на жесткой, пергаментоподобной бумаге. И пришло оно от некой организации, которая именовала себя «Первая Церковь Эрикса, Вселенского Понтифика Всего и Вся».

Письмо не было хохмой, как я предположил было поначалу, оно представляло собой серьезное послание от группы, основавшей церковь для поклонения Эриксу.

Эрикс — это сверхчеловеческий принцип, писали они мне, который явил себя тем, кто способен разглядеть его божественно нечеловеческую сущность, и его явление было давно предсказано ввиду самоочевидности всеобщего грехопадения человеческой души.

В письме указывалось, что Эрикс в данный момент находится в цитадели — Космической Игле Сиэтла, приобретенной для него Microsoft-IBM. Тысячи людей ежедневно проходят перед ним в *поисках исцеления от терзающих их недугов. И многим Эрикс* помогает. На счету Эрикса буквально тысячи чудес. Он не только способен исцелить и исцеляет любые человеческие болезни, в присутствии Эрикса улучшается все, начиная от работы механизмов (в чем я первый имел возможность убедиться) до деятельности человеческого мозга (примером чему был, полагаю, автор письма).

Еще несколько абзацев в том же духе, и автор, некий мистер Чарльз Эхренцвейг, перешел к делу. До сведения Церкви недавно дошло (он не говорил, каким именно образом), что я — тот самый человек, который обнаружил Тело Божества и подарил его человечеству. За это меня следовало почитать. Прошло несколько лет с тех пор, как я имел контакт с Источником. И я был лишен своей законной славы, отвергнут, тогда как меня следовало превозносить (я был того же самого мнения), меня принудили жить вдали от Земли, тогда как по праву я должен занять почетное место Открывателя Эрикса. Письмо также подразумевало, что во мне есть что-то священное в смысле моего первородства.

Эхренцвейг завершал послание уведомлением о том, что они купили мне билет до Земли. Он ждет меня в отделении «Американ Экспресс» в Луна-Сити. Им будет очень приятно, если я приеду в Сиэтл в качестве их гостя, все расходы полностью за счет принимающей стороны. Они обещали щедро вознаградить меня, если я соглашусь поговорить с ними об обстоятельствах моей экспедиции на Алкемар, открытии Эрикса, моих ощущениях во время контакта с ним, и так далее, и тому подобное.

Поехал ли я? А ты как думаешь? Мне уже осточертели и Луна-Сити, и туристы с их астероидами. С превеликим удовольствием я послал Дуарте куда подальше и вскоре уже был на пути к родной планете.

Через несколько недель я оказался на месте.

Не буду тебе докучать, Джули, рассказом о своих впечатлениях от Земли после десяти лет отсутствия. Все это и еще много чего является частью моей стандартной лекции. Она сейчас доступна как в виде книги, так и на CD. Если хочешь, можешь сама полистать на досуге. (Но ведь я знаю тебя, дорогая моя. Ты не интересуешься никем, кроме себя самой, ведь так?)

— Далтон! Как хорошо, что вы приехали!

Эхренцвейг, большой толстый человек, приветствовал меня в буквальном смысле слова с распростертыми объятиями. С ним была еще парочка парней, все одеты в белое. Это была отличительная черта их культа, как мне довелось узнать позднее.

Меня отвезли в лимузине к Дому Эрикса, их собственной церкви и резиденции на частном острове в Паджет Саунд. Там меня напоили и накормили. От меня не отходили ни на шаг. Это было очень приятно. Настораживали только какие-то странные интонации во всем, что говорил Эхренцвейг и остальные. Психологи назвали бы это подтекстом. Им было известно что-то, чего не знал ни я, ни весь остальной мир, и в силу этого они казались весьма самодовольными.

На следующий день они привезли меня в Космическую Иглу для Лицезрения, как они это называли. Как все простые смертные, мы получили билеты (раздававшиеся бесплатно от фонда Эрикса, но все же обязательные для каждого), затем нас обыскали на предмет оружия, а затем разрешили присоединиться к очереди, тянувшейся в смотровой зал, который мои соратники по Церкви называли Цитаделью. Мне не обязательно было все это проделывать, но Эхренцвейг считал, что следует посмотреть, как это теперь происходит.

Я был немало удивлен количеством больных и увечных людей в очереди. Там были слепые, раковые больные, кого только там не было. Все надеялись на чудесное исцеление. Многие из них, заверил меня Эхренцвейг, его получат.

У меня, должно быть, был скептический вид, потому что Эхренцвейг сказал: «О, это вполне реально. Это не вопрос веры; просто он так действует. Другие религии не знают, что с нами делать. Эрикс... он в самом деле совершает чудеса. Постоянно. Каждодневно. Это эпоха, о которой писали наши пророки. Мы называем это Милостью Последних Дней».

— Последних Дней? Что это значит? — спросил я.

На его лице появилось хитроватое выражение.

— Боюсь, я не имею права обсуждать с вами внутреннюю доктрину.

— Но почему? Я думал, вы считаете меня основателем.

— Основателем да, но не последователем нашей религии. Вы обнаружили Эрикс, мистер Далтон, и за это мы всегда будем почитать вас. Но вы не верите в его сверхъестественное послание. И в силу этого мы не откроем вам свои сердца и умы.

Я пожал плечами. Что можно сказать, когда человек катит на вас бочку? Я не собирался пререкаться с Эхренцвейгом. Парень был моей кредитной карточкой, и я не хотел портить с ним отношения. Во всяком случае, до тех пор, пока я не раскручусь самостоятельно.

Я надеюсь, Джули, что ты поймешь и оценишь мою тогдашнюю позицию: все-таки мне дали бесплатный билет до Земли и поселили в прекрасный отель курортного типа. Однако пока что-то не намечалось разговора о деньгах. О самом существенном. О том, что заставляет мир крутиться.

Я тоже, конечно, не поднимал этого вопроса. До поры до времени. Я был вроде как уверен, что Эхренцвейг и его люди собираются сделать мне какое-то предложение. В конце концов, без меня у них не было бы этой их религии.

Я провел некоторое время в маленькой кабинке, разглядывая Эрикс через стекло. Они поместили его на тот самый цилиндрический камень, на котором я его нашел. Я, кстати, не потрудился привезти этот цилиндр на Землю. Они снарядили за ним специальную экспедицию на Алкемар. Комната была сконструирована таким образом, что выглядела в точности как та пещера, в которой мы с Гомесом сделали свое открытие. Даже освещение было похожим. Они даже подстелили под него ту ткань, на которой он покоился. Эрикс красовался там, словно картинка.

— Я думал, кто-то изучает эту ткань, — заметил я.

— Да, Гийо. Но нашей церкви удалось засекретить его перевод и вытребовать ткань. Она должна быть вместе в Эриксом, вы понимаете. Она — часть его сути.

— Вы знаете, о чем там написано?

— У нас есть свои предположения.

— Какие?

— Если вы полагаете, что я собираюсь вам рассказать, мистер Далтон, то вы сильно ошибаетесь. Это знание станет доступно публике, только когда придет время.

— А когда оно придет?

— Эрикс сам даст нам знак.

Так мы стояли некоторое время, наблюдая за людьми, отбрасывающими прочь свои костыли, и за теми, кто кричал: «Я вижу!» — и за всей прочей чепухой. Затем они отвезли меня обратно в дом Эрикса на первый полноценный банкет в мою честь. Как раз после этого обеда Эхренцвейг и сделал мне предложение, которого я ждал.

Мы сидели с сигарами и бренди в роскошной гостиной, отделенной от главной обеденной залы небольшим коридором. Сначала там собралась небольшая компания: я, Эхренцвейг и еще с десяток человек, несомненно главные шишки всей организации. Затем все удалились словно по сигналу, и Эхренцвейг сказал:

— Вы, вероятно, задаетесь вопросом, что все это может означать лично для вас, мистер Далтон.

— Этот вопрос и впрямь приходил мне в голову, — признался я.

— Если я правильно понял ваш характер, — сказал Эхренцвейг, — то вы должны любить деньги. Или я заблуждаюсь?

— Отнюдь. Я готов к речам искренним и жизни высокой.

— Прекрасно. Мы можем дать вам и то и другое.

— Кстати, о высокой жизни, — сказал я, понизив голос. — Как это будет выражаться: в виде наличности для кесаря или мне воздастся духовными почестями?

Эхренцвейг улыбнулся.

— Нам очень хорошо известно, что вы неверующий. Это прекрасно. Вам и не нужно быть фанатиком. Вы ведь не испытаете душевный дискомфорт, узнав, что мы собираемся использовать вас в качестве жупела?

— Нет, если он будет начинен деньгами.

— Превосходно! Я ценю вашу откровенность.

— В таком случае вы не будете возражать, если я скажу, что считаю вашу религию Эрикса чушью собачьей, если говорить откровенно?

— Абсолютно не возражаю. В наше время, мистер Далтон, суть религии проявляется в том, как она действует, а не в том, что она обещает. А в такой религии, как наша, отсутствуют какие бы то ни было моральные или этические постулаты. Подобные материи не имеют ничего общего с божеством, подобным нашему. Эрикса, которого некоторые называют Великим Сатаной, меньше всего заботит добро и зло. Он здесь лишь для одной-единственной вещи.

— Какой же именно?

— Это станет очевидно для вас в свое время, — сказал Эхренцвейг. — Я предвижу, что вы еще станете верующим. И мне будет жаль, ибо мы потеряем в своих рядах веселого и циничного жулика.

— Лесть утомляет, — сказал я, — если она не подкреплена ощутимой суммой денег. Не беспокойтесь насчет обеспечения меня танцующими девицами. Я сам позабочусь о деталях подобного рода.

— Деньги, — сказал Эхренцвейг. — Как вы поразительно точны в определениях. Но я ожидал подобного поворота.

Эхренцвейг вынул из внутреннего кармана бумажник и отсчитал десять тысячедолларовых банкнот. Пошуршал ими и вручил мне.

— Вы предполагаете ограничиться этим?

— Разумеется, нет. Это просто небольшая сумма на карманные расходы. Мы собираемся платить вам гораздо больше, мистер Далтон.

— А что я должен делать за это?

— Просто разговаривать с людьми.

— Вы хотите сказать, читать лекции?

— Называйте это как вам угодно.

— Что вы хотите, чтобы я им говорил?

— Что пожелаете. Можете говорить о том, как обнаружили Эрикс. Но не обязательно привязываться к этому событию. Рассказывайте о себе. О своей жизни. О своей точке зрения на жизнь.

— Почему вы думаете, что кого-то заинтересует моя жизнь?

— Что бы вы ни сказали, все будет представлять интерес. В нашей религии, мистер Далтон, вы занимаете весьма значительное место.

— Я говорил вам, что не религиозен.

— Значительные фигуры во многих религиях сами по себе не религиозны. Верующие идут вслед за интерпретаторами. Но те, кто стоял у истоков, не всегда религиозны. Зачастую как раз наоборот.

— У меня есть свое место в вашей религии? Может быть, что-то вроде Иуды?

— Вы равны ему по значению, но не по сути. Мы называем вас, мистер Далтон, Последним Адамом.

Болтовня никогда не составляла для меня проблемы, и мне было плевать, называют меня Последним Адамом, Первым Чарли или, скажем, Шестнадцатым Ллевеллином. Имя — это просто одна из оболочек для кучки дерьма, называемой человеком. Извини, конечно, что изъясняюсь не по-французски. Но ты ведь всю жизнь слышишь такой язык, не правда ли, Джули? Так говорил твой отец, и твоя мать, и все твои друзья. Они ведь все — кучка богохульников, разве не так, куколка? И ты знала с самого начала, с первых шагов, что единственное, что нужно делать в этом мире, — это искать свой номер первый, хорошо жить и оставить

после себя приятный на вид труп. Мы с тобой так похожи, Джули. Вот почему ты меня так любишь.

Когда я начал читать лекции в Сиэтле, я говорил главным образом о тебе, Джули, девочка моя. Люди спрашивали меня, кто такая эта Джули, о которой вы тут распинаетесь? А я им всегда отвечал, что она девушка моей мечты и знает, как все на самом деле обстоит на этом свете. Я говорил это тем дамам, которые составляли мне компанию в то время. Их было много. Я, видишь ли, был знаменит. Я был Далтон, парень, который нашел Эрикс.

Благодаря Эхренцвейгу и его людям другие тоже начали понимать мою ценность. Они платили мне кучу денег. Уважали меня.

— Мы осуществим ваши стяжательские мечты, Джон, — сказал однажды Эхренцвейг. Я думал, это была шутка, но он сдержал слово. Он продолжал забрасывать меня деньгами, а я продолжал покупать вещи, людей и снова вещи. Ну и времечко было, скажу я тебе. У меня все шло так хорошо, что я даже не сразу заметил, как огромное количество людей стало вдруг умирать.

Когда у тебя все так хорошо, как было у меня, ты не замечаешь, что творится с другими людьми. Я хочу сказать, и давайте посмотрим правде в глаза, кто, к черту, будет заботиться о других людях, когда надо кормить и ублажать номер первый, то есть себя? И как бы хорошо ни шли дела, всегда есть возможность улучшить положение, верно? Вот и я не очень-то замечал, что происходило вокруг. А люди вымирали. Это была трагедия. А когда заметил, то подумал, что это, как ни странно, к лучшему, потому что в мире стало больше свободного места. И меня не очень-то интересовало, почему это происходило.

Многие обвиняли во всем Эрикс. Таковы люди. Всегда готовы обвинить кого-то или что-то. Были даже ученые, жаждавшие попасть на страницы газет, которые утверждали, что Эрикс — живой организм, неизвестная форма жизни. Что он долгое время находился в спячке. А теперь будто бы вошел в активную фазу. Если верить этим парням, Эрикс испускал вирусы с того самого дня, как я нашел его. Эти вирусы путешествовали по миру, селились в человеческих организмах, никому не причиняя вреда и не привлекая к себе внимания, такие хитрые маленькие твари. Но они не были такими уж безобидными. Просто эти Эриксовы вирусы ждали, ждали, пока не распространятся по всей Земле, не заразят буквально каждого. А затем начали работать, как бомба с часовым механизмом.

Люди мерли все больше и больше. Но я упорно этого не замечал. Потому что, если уж все равно суждено умереть, зачем заранее расстраивать себя плохими новостями? И потом, я прикидывал, что эти ученые что-нибудь придумают. А если нет, то так тому и быть.

В конце концов именно Эхренцвейг открыл мне глаза на происходящее. На то, куда это все ведет. Однажды утром он пришел

навестить меня. Если честно, он выглядел чертовски плохо — глаза красные, руки трясутся. До меня дошло, что он заразился, и меня слегка передернуло от страха. Если уж он, человек с самой верхушки Церкви Эрикса, подхватил заразу, то что говорить обо мне.

— Вы выглядите как смерть, подогретая в духовке, — сказал я ему. Я и не думал шутить.

— Да. Я заболел ею, Лихорадкой Эрикса. Мне недолго осталось.

— Разве ваш бог не может вас вылечить?

Эхренцвейг покачал головой.

— Это не его задача.

— Тогда в чем же привилегия — принадлежать к его церкви?

— Некоторые из нас считают, что знание превыше всего.

— Только не я, — сказал я ему.

Эхренцвейг закашлялся. Это выглядело весьма патетично. Наконец он вновь смог заговорить.

— Я пришел, чтобы поведать вам перевод текста с ткани, найденной под Эриксом.

— Я весь внимание.

— Это было предупреждение. Оно было написано последним из существ, которые столкнулись с Эриксом.

— Давайте ближе к делу. Что там сказано?

— Там сказано: «Эрикс ненавидит человеческую жизнь. Он ненавидит другие формы жизни. Он ненавидит любую жизнь, кроме своей собственной. Когда ты найдешь Эрикс, это будет началом конца твоего вида». Я перевожу очень приблизительно, как вы понимаете.

— Неважно, — сказал я. — Это звучит, как одно из древнеегипетских проклятий.

— Да, очень похоже. В нашем случае оно сбылось.

— Грандиозно, — сказал я саркастически, потому что Эхренцвейг зачитал мне мой смертный приговор, так же как и свой собственный. — Но послушайте, я ведь никогда и не думал, что буду жить вечно. Так что же сейчас происходит? Маска Красной Смерти в мировом масштабе?

— Это если говорить о размерах, — сказал Эхренцвейг.

— Как давно вы об этом знали?

— Довольно давно. Все мы, адепты религии Эрикса, знали об этом. Эрикс сказал нам.

— Как он это сделал? Передал мысли на расстоянии?

— Посредством снов. Пророческих снов. И мы приняли то, что он сказал нам, и сочли это благом. Это справедливо, что Эрикс не выносит никакой другой жизни, кроме своей собственной.

— Это-то как раз понятно, — сказал я. — Я тоже не люблю толкаться локтями.

Эхренцвейг склонил голову и ничего не сказал.

В конце концов я спросил его: «Так что сейчас происходит?»

— Я умираю, — сказал Эхренцвейг. — Все умирают.

— Это очевидно. Я имею в виду, что происходит со мной?

— Ах, это, — сказал Эхренцвейг, — на ваш счет у Эрикса свои планы. Вы — Последний Адам.

— Какого рода планы?

— Сами увидите. Идемте со мной.

— С какой стати?

— Эрикс хочет посмотреть на вас.

Прямо скажем, мне не понравилось это предложение. Я решил, что сейчас самое время покинуть организацию, смотаться подальше от Земли, найти убежище. Но Эхренцвейг предусмотрел такое развитие ситуации. За дверью нас поджидала орава его молодцов. Они отвели меня — не обращая внимания на мои протесты — туда, где я сейчас живу.

Последователи Эрикса суетились вокруг меня следующие несколько недель, устраивая меня в моих маленьких апартаментах, устанавливая камеры, подавая еду. Каждый день их становилось все меньше, и в конце концов я остался совсем один. Под замком.

Но даже если я сумею выбраться, куда я пойду? У меня такое ощущение, что все уже умерли. Последнее человеческое лицо я видел недели, месяцы назад. Честно говоря, я не очень скучаю по людям. Они были паршивой стаей, и черт с ними. Я рад, что их уже нет, и не буду расстраиваться, когда придется последовать за ними.

За это время я ни разу не видел Эрикс, но полагаю, что он принял какую-то иную форму. Думаю, что он меня изучает. Возможно, он изучает последнюю особь каждой расы, которую он аннигилировал. Наверное, просто из любопытства. Я бы и сам так сделал. Может, мы с Эриксом в чем-то похожи. Правда, обстоятельства разные. Он получил в свое распоряжение мир. Даже, наверное, целую галактику. А у меня только комната, ванная и стеклянная веранда. И ты, Джули.

ХРАНИТЕЛЬ

Он приходил в сознание медленно, понемногу начиная ощущать боль во всем теле. В животе что-то болезненно пульсировало. Он попробовал вытянуть ноги.

Ноги ничего не коснулись, и он вдруг понял, что его тело не имеет никакой опоры.

«Я мертвец, — подумал он, — свободно парящий в пространстве».

Парящий? Он открыл глаза. Да. он именно парил. Прямо над ним находился потолок... а может быть, пол? Он едва удержался

от крика, моргнул — словно прозрел, увидев наконец, что его окружает.

Было ясно, что он находится в космическом корабле. Кабина напоминала поле боя: вокруг дрейфовали ящики и приборы, явно вырванные со своих мест каким-то внезапным резким толчком. По полу тянулись обгоревшие провода. Выдвижные ящики стеллажа у стены сплавились в единый монолит.

Он озирался по сторонам и ничего не узнавал. Похоже, все это он видит впервые. Вытянув руку, он оттолкнулся от потолка и поплыл вниз. Затем, оттолкнувшись от пола, попробовал ухватиться за настенный поручень. А ухватившись, попытался собраться с мыслями.

— Всему этому, несомненно, есть логическое объяснение, — произнес он вслух, чтобы услышать собственный голос. — Осталось только вспомнить — какое.

Вспомнить...

Как его имя?

Он не знал.

— Эй! — крикнул он. — Есть здесь кто-нибудь?

В узком проходе гулко прозвучало эхо. Ответа не было.

Уворачиваясь от дрейфующих ящиков, он пролетел через кабину — и спустя уже полчаса убедился, что на корабле, кроме него, никого нет.

Он снова вернулся в нос корабля, где находился длинный пульт с установленным перед ним мягким креслом. Он пристегнулся ремнями к креслу и принялся изучать пульт.

Над пультом помещались два экрана, большой и малый. Под большим располагались две кнопки: «передний обзор» и «задний обзор». Под кнопками имелась откалиброванная шкала. Малый экран не имел никакой маркировки.

Не найдя других элементов управления, он нажал кнопку переднего обзора. Экран прояснился, показав черное пространство со светящимися точками звезд. Он долго изумленно разглядывал их, наконец повернулся к экрану спиной.

«Во-первых, — подумал он, — необходимо собрать воедино все, что я знаю, и посмотреть, какие из этого можно сделать выводы. Итак...»

— Я — человек, — сказал он. — Нахожусь в космическом корабле, в космосе. Мне известно, что существуют звезды и планеты. Теперь посмотрим дальше...

Его познания в астрономии оказались ничтожными, в физике и химии — и того меньше. Из английских писателей ему удалось припомнить лишь Тройдзела, популярного романиста. Он знал имена авторов некоторых исторических книг, однако начисто забыл их содержание.

А еще он знал, что название этому — амнезия.

Внезапно он испытал огромное желание увидеть себя, взглянуть на свое лицо. Тогда наверняка вернутся и память и самосознание. Он снова поплыл по кабине, разыскивая зеркало.

Обнаружив еще один стеллаж с выдвижными ящиками, он стал поспешно открывать их один за другим, выбрасывая содержимое в невесомость. В третьем ящике он нашел бритвенный футляр с маленьким стальным зеркальцем и принялся озабоченно изучать свое отражение.

Бледное вытянутое лицо неправильной формы. Черная щетина на подбородке. Бескровные губы.

Лицо незнакомца.

Стараясь не поддаваться панике, он бросился обыскивать кабину в надежде отыскать какой-нибудь ключ к разгадке тайны собственного «я». Он торопливо хватал пролетающие мимо ящики и рылся в них, однако не находил ничего, кроме запасов съестного.

Тогда он остановился и внимательно оглядел всю кабину.

В углу плавал листок бумаги с обгоревшими краями. Он поймал его.

«Дорогой Рэн, — начиналась записка, — химики очень торопились и делали проверку пентина наспех, в последнюю минуту. Похоже, существует большая вероятность потери памяти. Она может быть вызвана сильнодействием препарата и околошоковым состоянием после того, что ты перенес, — неважно, сознаешь ты это или нет. Они поставили нас в известность только *сейчас*! Я наскоро пишу тебе весточку за четырнадцать минут до времени «ноль» как напоминание в том случае, если они окажутся правы.

Во-первых, не ищи никакого управления кораблем. Все автоматизировано или, по крайней мере, должно быть автоматизировано — если эта груда склеенного картона выдержит. (Не вини техников, у них практически не было времени закончить работу и отправить корабль до вспышки.)

Твой курс выбирается с помощью автоматической системы планетарной селекции тютелька в тютельку. Не думаю, что ты способен забыть теорию Маргелли, но если ты все же ее забыл, не бойся, что приземлишься у каких-нибудь восемнадцатиголовых разумных сороконожек. Ты достигнешь планеты с гуманоидной жизнью, потому что она *обязательно должна быть гуманоидной*.

Ты, возможно, окажешься немного побитым после старта, но пентин поможет тебе выкарабкаться. Если кабина будет в беспорядке, то лишь потому, что мы не имели времени проверить все допуски на прочность. Теперь насчет твоей миссии. Сразу же обратись к помощи проектора номер один, что в пятнадцатом ящике. Предохранительная защита установлена на самоуничтожение после одного просмотра — убедись, что ты понял это. Миссия чрез-

вычайной важности, док, и каждый мужчина и женщина Земли с тобой. Не дай нам потерпеть крах».

Под текстом стояла подпись какого-то Фреда Андерсона.

Рэн — если записка предназначалась ему, то он и есть Рэн, — осмотрелся в поисках пятнадцатого ящика. И сразу увидел, где тот находился. Ящики с одиннадцатого по двадцать пятый оказались искорежены и оплавлены, а их содержимое погибло.

Теперь лишь обгорелый листок бумаги связывал его с прошлым, друзьями и всей Землей. И хотя потеря памяти все же имела место, ему стало заметно легче оттого, что этому нашлось объяснение.

Но в чем же дело? Почему корабль отправляли в такой спешке? Отчего в корабль поместили именно его? И почему его одного?

Да и эта миссия чрезвычайной важности... Если она жизненно необходима — почему ее не обезопасили лучшим образом?

В записке оказалось больше вопросов, чем ответов. Нахмурившись, Рэн снова подплыл к пульту. И опять посмотрел на экран с видом звездного неба, пытаясь понять причину.

Может, все дело в страшной болезни, а он единственный, кто не заразился? И тогда построили корабль и отправили его в космос. А миссия? Контакт с другой планетой, поиск противоядия и доставка его на Землю...

Бред.

Он снова оглядел пульт и нажал кнопку заднего обзора.

И едва не потерял сознание. Слепящий, обжигающий глаза свет заполнил все поле экрана. Он поспешно уменьшал изображение, пока наконец не уяснил, что это. И в письме упоминалась вспышка.

Теперь Рэн знал точно, что Солнце превратилось в Новую звезду, а Земля уничтожена.

Часов на корабле не оказалось, и доктор Рэн понятия не имел, сколько времени длился его полет. Потрясенный случившимся, он летал и летал по кораблю, то и дело возвращаясь к экрану.

Корабль набирал скорость, а Новая становилась все меньше и меньше.

Рэн ел и спал. Он облазил весь корабль, забирался в самые укромные уголки. На пути все время попадались плавающие в невесомости ящики, он подтягивал их к себе и осматривал содержимое.

Прошли дни — или недели?

Спустя некоторое время Рэн постарался соединить известные ему факты в единое целое. Имелись, конечно, пробелы и вопросы, к тому же, возможно, он что-то неверно понял — но начало было положено.

Итак, его выбрали, чтобы отправить в корабле в космос. Не

как пилота, поскольку корабль был полностью автоматизирован, а по какой-то иной причине. В письме его назвали «док». Возможно, это означало, что он доктор.

Вопрос: доктор чего?

Он не знал.

Создатели корабля понимали, что Солнце превращается в Новую, и, очевидно, не имели возможности спасти значительную часть населения Земли. И тогда они пожертвовали собой и всеми остальными, чтобы спасти его.

Опять вопрос: почему именно его?

На него возложена миссия чрезвычайной важности. Такой важности, что буквально все, без исключения, было подчинено ей, и даже гибель самой Земли отходила на второй план по сравнению с ее завершением.

И снова вопрос: в чем заключается эта миссия?

Доктор Рэн просто представить себе не мог что-либо столь важное. И даже не догадывался, что бы это могло быть.

Тогда он попытался подойти к проблеме с другой стороны.

Что бы он сделал в первую очередь, спрашивал он себя, если бы знал, что в ближайшее время Солнце превратится в Новую, а он имеет возможность спасти лишь ограниченное число людей?

Он послал бы несколько пар мужчин и женщин — ну хотя бы одну пару, — надеясь возобновить род человеческий.

Но, очевидно, лидеры Земли не видели подобного решения проблемы.

Прошло время, сколько — неизвестно, и малый экран ожил. На нем загорелась надпись: «*Планета. Контакт через 100 часов*».

Рэн сел перед пультом и стал наблюдать. Он ждал долго, до тех пор, пока не изменились цифры: «*Контакт через 99 часов*».

Оставалась еще уйма времени. Он поел и решил навести порядок на корабле.

Устанавливая ящики в сохранившиеся ячейки стеллажей, он обнаружил тщательно упакованный и накрепко перевязанный аппарат, в котором сразу узнал проектор. На боку аппарата была выгравирована большая цифра «2».

Запасной, сообразил Рэн, и его сердце учащенно забилось. Почему же он раньше не подумал об этом? Он приставил к глазам окуляр и нажал кнопку.

Просмотр пленки занял больше часа. Фильм начался с поэтического обзора Земли; города, поля, леса, реки, океаны, люди, животные и многое другое было показано в коротких сюжетах. Фильм шел без звукового сопровождения.

Потом камера переключилась на обсерваторию, визуально объясняя ее назначение. Было показано, как обнаружили солнечную

нестабильность; на экране появились лица астрофизиков, открывших ее.

Затем показали, как в невероятной спешке строили корабль. Рэн увидел себя: как он поднялся на борт, улыбнулся в камеру, пожал чью-то руку и исчез внутри корабля. Здесь фильм заканчивался. После этого ему сделали инъекцию, задраили дверь и отправили корабль в полет.

Начался другой ролик.

«Привет, Рэн, — раздался голос. Появилось изображение крупного спокойного мужчины в костюме. Он прямо с экрана смотрел на Рэна. — Не могу упустить возможности снова поговорить с тобой, доктор Эллис. Сейчас ты в глубоком космосе и несомненно уже видел Новую, уничтожившую Землю. Должен сказать, что ты остался один.

Но долго ты не будешь одиноким, Рэн. Как полномочный представитель народа Земли, я воспользовался последней возможностью пожелать тебе удачи в твоей великой миссии. Я не должен повторять, что все мы с тобой. Не чувствуй себя одиноким.

Ты, конечно, видел фильм в проекторе номер один и имеешь полное представление о своей миссии. Эта часть пленки — с моим изображением — будет автоматически уничтожена в нужный момент. Естественно, пока мы не можем посвятить неземлян в нашу маленькую тайну.

Они и сами вскоре узнают. Ты можешь объяснить им всем, что останется на пленке. Таким образом ты расположишь их к себе. Только не упоминай о нашем величайшем открытии и технологии его применения. Если они захотят иметь сверхсветовой двигатель, скажи, что не знаешь принципа его действия, поскольку он был изобретен лишь за год до превращения Солнца в Новую. Объясни им, что любое вмешательство в конструкцию корабля приведет к разрушению двигателей.

Счастливо, доктор. И удачной охоты».

Лицо исчезло, и аппарат загудел сильнее, уничтожая запись последнего ролика.

Рэн аккуратно упаковал проектор, уложил его в ящик, ящик установил на стеллаж и вернулся к пульту.

Надпись на экране сообщала: «*Контакт через 97 часов*».

Он уселся в кресло и попытался систематизировать факты с учетом новых данных. Ему пришлось поднапрячься, прежде чем он вспомнил — правда, весьма смутно — великую и миролюбивую цивилизацию Земли, которая была почти готова отправиться к звездам, когда обнаружили нестабильность Солнца.

Сверхсветовую скорость открыли слишком поздно. Несмотря на все это, Рэна решили послать в космос на спасательном корабле. Только его — по какой-то необъяснимой причине. Видимо, порученное ему дело считалось куда более важным, чем любые попытки спасти человеческую расу в целом.

Он должен войти в контакт с разумной жизнью и поведать им о Земле. В то же время ему следует воздерживаться от любого упоминания о величайшем открытии и полученной в результате технологии.

Кем бы они ни были.

А затем он должен исполнить свою миссию.

Он чувствовал, что вот-вот сорвется. Он не мог вспомнить... Ну *почему* эти дураки не выгравировали инструкцию на бронзе?

В чем же может состоять его миссия?

И снова надпись на экране: «*Контакт через 96 часов*».

Доктор Рэн Эллис вжался в кресло пилота и заплакал: планам Земли не суждено сбыться.

Приборы огромного корабля сделали необходимые измерения, определили пробы и доложили обстановку. Малый экран ожил: «*Хлорсодержащая атмосфера. Жизнь отсутствует*».

Информация была передана в корабельные селекторы. Одни цепи замкнулись, другие разомкнулись — и вот избран новый курс, и корабль снова начал разгон.

Доктор Эллис ел, спал и размышлял.

Подлетели еще к одной планете. Она точно так же изучена и отвергнута.

Продолжая размышлять, доктор Эллис сделал одно не слишком значительное открытие.

Оказывается, он обладал фотографической памятью. Он обнаружил это, вспоминая фильм. Он мог восстановить в памяти любой эпизод длившейся больше часа ленты, каждое лицо, каждое движение.

Он поэкспериментировал над собой и понял, что данная способность постоянна. Поначалу это немного беспокоило его, пока он не догадался, что, видимо, сей фактор и сыграл роль при отборе. Фотографическая память давала полное преимущество в изучении нового языка.

«Вот уж ирония судьбы, — подумал он. — Великолепная память при полном ее отсутствии».

И третья планета была отвергнута.

В попытках разгадать суть своей миссии Эллис рассматривал самые разнообразные варианты, которые только приходили в голову.

Сооружение гробницы Земле? Возможно. Но к чему же тогда крайняя необходимость, подчеркнутая важность?

А возможно, он послан в качестве учителя. Последний благородный жест Земли, дабы наставить некоторые обитаемые планеты на путь мира и согласия.

Но при чем здесь доктор, для такой-то работы? Да это и нелогично. На подобную науку у людей уходят тысячелетия, а не не-

сколько лет. И кроме того, данное предположение вовсе не соответствует характеру двух посланий. Оба: и тот, что в фильме, и написавший записку — казались весьма практичными людьми и не вписывались в образ альтруистов.

Вот и четвертая планета, попавшаяся на пути, была проверена и отвергнута.

И что, размышлял доктор Эллис, считалось «великим открытием»? Если не сверхсветовая скорость — то что? Скорее всего, какое-нибудь философское знание. Путь, которым человечество может прийти к миру и жить в нем, или нечто вроде этого?

Но тогда почему ему не полагалось о нем упоминать?

На экране появились данные о содержании кислорода на пятой планете. Поначалу Эллис проигнорировал данное сообщение, но вдруг заметил, что в глубине корпуса корабля загудели генераторы.

На экране высветилась надпись: «*Приготовиться к посадке*».

Сердце Эллиса сжалось, и ему на миг стало трудно дышать.

Вот оно. Страх рос по мере увеличения гравитации. Он старался перебороть этот ужас, но безуспешно. И когда корабль пошел на снижение и ремни ощутимо врезались в тело, он закричал.

На большом экране появилось изображение зелено-голубой кислородсодержащей планеты.

И тут Эллис вспомнил:

«Резкий выход из глубокого космоса в планетарную систему подобен родовому шоку».

Обычная реакция, сказал он себе, любой психиатр легко установит над ней контроль.

Психиатр!

Доктор Рэндольф Эллис. Психиатр. Теперь он знал, что он за доктор. Он напрягал всю свою память в поисках дополнительной информации. Безрезультатно.

Зачем Земля отправила в космос психиатра?

Доктор Эллис потерял сознание, когда корабль с пронзительным воем вошел в атмосферу.

Его обнаружили сразу же после приземления. Расстегнув ремни, Эллис включил обзорные экраны. К кораблю неслись какие-то машины, битком набитые существами.

На первый взгляд, человекоподобными.

Пришло время принимать решение, от которого будет зависеть вся его жизнь на этой планете. Что он должен делать?

Немного подумав, Эллис решил импровизировать. Тем более что, пока он не выучит язык, никакое общение невозможно.

А уж после он может сказать, что послан с Земли, чтобы... чтобы...

Что?

Придет время, и он придумает — что. Взглянув на выведенную на экран информацию, Эллис обнаружил, что воздух планеты пригоден для дыхания.

Открылся шлюз, и доктор Рэндольф Эллис вышел наружу.

Корабль произвел посадку на континент, называемый Крелд; тамошние жители звались крелданами. В политическом отношении планета достигла стадии единого мирового правительства, но так недавно, что ее обитателей пока еще разделяли по прежним политическим системам.

Благодаря фотографической памяти у Эллиса не возникло трудностей при изучении крелданского языка, основу которого составляли ключевые слова. Крелдане, по-видимому происходившие от схожего с человеком корня, казались не более необычными, чем иные представители его собственной расы. Эллис не сомневался, что это было предусмотрено создателями корабля, системы которого не воспринимали других разумных существ. Чем больше он размышлял об этом, тем быстрее росла эта уверенность.

Эллис учился, изучал и думал. Как только он достаточно овладеет языком, ему предстоит встреча с правящим Советом. Именно этой встречи он боялся и оттягивал ее как мог. Но время аудиенции все-таки настало.

Его провели через залы здания Совета, и он оказался у двери главного зала заседаний. Эллис вошел, держа под мышкой проектор.

— Добро пожаловать, — сказал ему председатель Совета.

Эллис поздоровался и представил свои фильмы. После того как их посмотрели все, обсуждение началось.

— Значит, вы — последний представитель своей расы? — спросил председатель.

Эллис кивнул, глядя прямо в дружелюбное, изборожденное морщинами, старческое лицо.

— Почему ваш народ послал именно вас? — поинтересовался один из членов Совета. — Почему не послали двоих: мужчину и женщину?

«Именно этот вопрос, — подумал Эллис, — я постоянно задаю себе сам».

— Я не могу объяснить психологию моей расы в нескольких словах, — ответил им он. — Ответ — в самом смысле нашего существования.

Ложь, подумал он про себя. Однако как еще он должен был ответить?

— И все же вам придется объяснить нам психологию своей расы, — заявил член Совета.

Эллис кивнул, глядя поверх голов членов Совета. Он понимал,

какой эффект произвел на них прекрасно подготовленный фильм. Они должны быть счастливы, что имеют дело с последним представителем такой великой расы.

— Мы очень заинтересованы вашими достижениями в области сверхсветовых скоростей, — сказал еще один член Совета. — Вы сможете нам помочь овладеть этим знанием?

— Боюсь, что нет, — ответил Эллис. Он уже выяснил, что их уровень технологии предшествовал атомной и отставал от земной на несколько столетий. — Я не ученый и не знаю ни конструкции, ни принципа действия подобного двигателя. Это была наша последняя разработка.

— Мы и сами сможем разобраться с ним, — заявил член Совета.

— Не уверен в мудрости подобного решения, — ответил Эллис. — Мой народ не считал благоразумным предоставлять вашей планете технологическую продукцию, превосходящую имеющийся уровень технических достижений. При постороннем вмешательстве двигатели переключатся на режим самоуничтожения.

— Вы сказали, что вы не ученый, — вежливо сменил тему разговора пожилой председатель. — Тогда позвольте узнать, кто вы?

— Психиатр, — ответил Эллис.

Беседа продолжалась несколько часов. Эллис увиливал, хитрил и выдумывал, пытаясь скрыть пробелы своей памяти. Совет хотел знать обо всех периодах жизни Земли, об уровне развития психологии и общества. Их поразила земная методика исследования преднового состояния звезды. Они хотели знать, с какой целью послали именно его. И наконец, будучи обречена, не имела ли его раса склонности к самоубийству.

— Мы еще о многом побеседуем с вами, — сказал председатель Совета, заканчивая заседание.

— Буду счастлив рассказать все, что знаю, — ответил Эллис.

— Похоже, этого будет не так уж много, — заметил один из членов Совета.

— Элгг, не забывайте, что этот человек испытал огромное потрясение, — проговорил председатель. — Вся его раса уничтожена. И я не уверен, что мы способны помочь ему оправиться. — Он повернулся к Эллису: — Вы, уважаемый, оказали нам неизмеримую помощь. Например, теперь мы знаем о возможности управлять энергией атома и можем вести целенаправленные исследования в данной области. Конечно, правительство должным образом оценит вашу помощь. Чем бы вы хотели заняться?

Эллис задумался.

— Не хотели бы вы возглавить проект музея — мемориала Земли? Монумента вашему великому народу?

«В том ли моя миссия?» — подумал Эллис и отрицательно покачал головой.

— Я врач, уважаемый. Психиатр. Не мог бы я оказаться полезным в этом качестве?

— Но ведь вы не знаете нашего народа, — заботливо проговорил председатель. — У вас уйдет вся жизнь на изучение природы наших трудностей и проблем до уровня, дающего право на практику.

— Верно, — согласился Эллис. — Но наши расы очень похожи. И развитие наших цивилизаций шло сходными путями. Поскольку я представляю более развитые психологические традиции, мои методики могут оказаться полезными для ваших врачей.

— Конечно-конечно, доктор Эллис. Я не смею ошибиться, недооценив представителя вида, совершившего межпланетный перелет. — Пожилой председатель печально улыбнулся. — Я лично представлю вас руководителю одной из наших клиник. — Председатель поднялся с места. — Пойдемте со мной.

С бьющимся сердцем Эллис последовал за ним. Его миссия должна быть каким-то образом связана с психиатрией. Иначе зачем же послали именно психиатра? Но он до сих пор не имел понятия, что ему следовало делать. И что самое скверное — он практически ничего не мог вспомнить из того, что называлось профессиональным знанием.

— Думаю, это забота тестирующей аппаратуры, — заявил врач, глядя на Эллиса поверх очков. Врач был молод, круглолиц и горел желанием учиться у старшей земной цивилизации. — Вы можете предложить какие-то усовершенствования?

— Мне нужно более подробно ознакомиться с установкой, — ответил Эллис, следуя за врачом по длинному бледно-голубому коридору.

Тестирующая аппаратура поражала абсолютной бессмысленностью.

— Мне даже не стоит говорить, как я рад этой возможности, — сказал врач. — Я нисколько не сомневаюсь, что вы, земляне, раскрыли многие тайны мозга.

— О да, — согласился Эллис.

— А там, внизу, у нас палаты, — сообщил врач. — Хотите посмотреть?

— Отличная мысль.

Сердито теребя губу, Эллис шел за врачом. Память не возвращалась. В настоящий момент его познания в психиатрии были не больше, чем у рядового обывателя. Если вскоре ничего не произойдет, он будет вынужден признаться, что у него амнезия.

— В этой палате, — сказал врач, — мы содержим несколько тихих больных.

Эллис зашел за ним в палату и взглянул в пустые бессмысленные лица троих пациентов.

— Кататоник, — пояснил врач, указывая на первого. — Не думаю, что вы лечите таких. — И непринужденно улыбнулся.

Эллис не ответил. Ему вдруг вспомнилось...

«Разве это этично?» — спросил доктор Эллис, но не здесь, а в похожей палате на Земле.

«Конечно, — ответил кто-то. — Мы же не трогаем нормальных. Но идиоты, абсолютно безнадежные психи, которые никогда не смогут воспользоваться своим разумом, — совсем другое дело. Не следует считать, что мы их обворовываем. Это скорее милосердие...»

Вот и все, больше ничего Эллис не помнил, даже с кем он разговаривал. С другим врачом, наверное. Они обсуждали какой-то новый метод работы с душевнобольными. Новый метод лечения? Возможно. Причем сильнодействующий, судя по удовлетворению говорившего.

— Вы нашли способ лечения подобных случаев? — спросил луноликий врач.

— Да, конечно, — ответил Эллис, унимая нервную дрожь в руках.

Врач отступил на шаг и уставился на Эллиса.

— Но это невозможно! Вы не можете исправить мозг, имеющий органические нарушения, износ или явный недостаток развития...

Эллис едва сдержался.

— Слушайте *меня, я* вам правду говорю, доктор.

Эллис посмотрел на больного, лежащего на первой кровати.

— Пришлите ко мне ассистентов, доктор.

Врач поколебался немного — и быстро вышел из палаты.

Склонившись над кататоником, Эллис взглянул ему прямо в глаза. Он был уверен в том, что делает, но все же протянул руку и коснулся лба больного.

В мозгу Эллиса что-то щелкнуло, и кататоник мгновенно потерял сознание. Эллис подождал, однако больше ничего не происходило. Тогда он подошел к другому больному и повторил процедуру.

Этот тоже потерял сознание. То же самое случилось и с третьим.

Врач вернулся с двумя помощниками и вытаращил от удивления глаза.

— Что произошло? — спросил он. — Что вы с ними сделали?

— Не знаю, воздействуют ли наши методы на ваших людей, — резко ответил Эллис. — Пожалуйста, оставьте меня ненадолго одного, совсем одного. Мне необходимо сосредоточиться...

И отвернулся от больных.

Врач хотел что-то сказать, но передумал и тихо вышел из палаты вместе с ассистентами.

От волнения Эллиса прошиб пот. Он прощупал пульс у первого больного. Есть. Эллис принялся расхаживать по палате.

Он явно обладал какой-то силой. Он способен наносить удар по всей психической поверхности. Отлично. Итак, нервы — соединения. Сколько же нервных связей в мозгу человека? Какая-то невероятная цифра, десять в двадцать пятой степени. Нет, кажется, неверно. Но все равно цифра фантастическая.

Что это значит? А это значит, что он уверен в себе.

Первый больной застонал и сел. Эллис подошел к нему. Человек поднял голову и снова застонал. Возможно, Земля нашла ответ — безумие. И в качестве последнего дара Вселенной его послали, чтобы исцелять...

— Как вы себя чувствуете? — спросил он у пациента.

— Неплохо, — ответил тот... по-английски!

— Что вы сказали?

От удивления у Эллиса перехватило дыхание. Он решил, что произошла мыслепередача. Передал ли он больному знание английского? Посмотрим, не переключение ли это нагрузки от поврежденных нервных связей к незадействованным...

— Я чувствую себя отлично, док. Классная работа. Мы были не совсем уверены, что эта обмотанная проволокой картонка, именуемая кораблем, выдержит и не распадется на части, но, как я тебе уже говорил, это было лучшее, что мы могли сделать при данных...

— *Кто вы?*

Больной встал с кровати и посмотрел по сторонам.

— Все аборигены ушли?

— Да.

— Я — Хайнс. Землянин. Что с тобой, Эллис?

— А эти двое...

— Доктор Клайтель.

— Фред Андерсон.

Назвавшийся Хайнсом внимательно осмотрел свое тело.

— Мог бы подыскать мне носителя получше, Эллис. По старой дружбе. Впрочем, неважно. Что случилось, дружище?

Эллис рассказал про потерю памяти.

— Память мы тебе вернем, не волнуйся, — заявил Хайнс. — Великолепное ощущение — снова иметь тело. Владеть им.

Тут открылась дверь, и в комнату заглянул молодой врач. Увидев пациентов, он не смог сдержать удивления.

— Вы сделали это! Вы способны...

— Доктор, пожалуйста, — оборвал его Эллис. — Не надо шуметь. Должен попросить не тревожить нас хотя бы час.

— Конечно-конечно, — с уважением произнес врач и закрыл за собой дверь.

— Как это оказалось возможным? — спросил Эллис, глядя на троих пациентов. — Я не понимаю...

— Великое открытие, — пояснил Хайнс. — Неужели не помнишь? Ты работал над ним. Нет? Андерсон, объясни.

К Эллису очень медленно подошел третий пациент. Тут Эллис заметил, что прежде ничего не выражавшие лица больных начали приобретать осмысленные выражения.

— Разве не помнишь, Эллис, исследования личностных факторов?

Эллис отрицательно помотал головой.

— Ты искал наименьший общий знаменатель человеческой жизни и личности. Источник оных, если желаешь. А исследования начались почти век назад, когда Оргель обнаружил, что личность не зависит от тела, хотя тело и оказывает определенное воздействие на нее. Теперь вспомнил?

— Нет. Продолжай.

— Проще говоря, ты и еще тридцать человек из вашей группы выяснили, что минимальная, бесконечно малая частица личности является независимой и нематериальной субстанцией. Ты назвал ее М-молекулой. И она представляет собой ментальную модель.

— Ментальную?

— То есть нематериальную, — пояснил Андерсон. — И может быть передана от одного носителя к другому.

— Как вещь, — пробормотал Эллис.

Заметив в дальнем углу палаты зеркало, Андерсон решил изучить свое новое лицо. Увидев отражение, он вздрогнул и вытер с губ слюну.

— Древние мифы об обиталище духа не так уж далеки от истины, — заметил доктор Клайтель. Из всех троих он оказался единственным, кто носил новое тело с непринужденностью. — Всегда находились люди, обладающие способностью отделять свои души от тел. Астральная проекция и тому подобное. Однако до недавнего времени не представлялось возможным локализовать личность, пока не была использована процедура инвариантного разделения и ресинтезирования.

— То есть это означает, что вы бессмертны? — спросил Эллис.

— Ну нет, — заявил Андерсон, снова подходя к Эллису. Он корчил гримасы, пытаясь удержать непроизвольное слюновыделение своего носителя. — Личность тоже имеет ограниченное время жизни. Оно, конечно, больше срока службы тела, но пока еще ограничено.

Ему наконец удалось унять слюну.

— Однако личность может сохраняться в бездействии неопределенно долгое время.

— А существует ли лучшее место для хранения нематериальной молекулы, чем твой собственный мозг? — вставил Хайнс. — Твои нервные соединения дали приют всем нам, Эллис. Словно множество комнат. Ведь количество связей в человеческом мозгу измеряется десятью в...

— Я помню, — сказал Эллис. — И начинаю понимать.

Теперь он знал, почему выбрали его. Для такой работы необходим именно психиатр, имеющий доступ к носителям. И готовили его особым способом. Ну и, конечно, крелданам не полагалось знать о миссии и о М-молекуле. Они могли бы весьма недружелюбно отнестись к своим собратьям, хоть и душевнобольным, узнай они о том, что их телами обладают земляне.

— Смотрите-ка! — воскликнул Хайнс.

Он как зачарованный глядел на загнутые назад пальцы. Хайнс обнаружил, что его носитель обладает вдвойне большим по сравнению с человеческой рукой количеством суставов. Остальные двое изучали свои тела примерно так, как человек — лошадь. Они загибали руки, напрягали мышцы, пробовали ходить.

— Но, — произнес Эллис, — как раса будет... я имею в виду женщин.

— Надо заполучить побольше носителей обоих полов, — пояснил Хайнс, все еще пробуя согнуть пальцы. — Ты станешь величайшим врачом этой планеты, и всех душевнобольных начнут направлять только к тебе. Естественно, мы все будем хранить в тайне. Никто не проболтается раньше времени. — Он замолчал и усмехнулся. — Эллис, ты понимаешь, что это означает? Земля не погибла! Она будет жить снова!

Доктор Эллис кивнул. И все же ему было трудно отождествить крупного вежливого Хайнса из фильма со стоявшим перед ним визгливым пугалом. Нужно время, чтобы привыкнуть.

— Пора приниматься за дело, — заявил Андерсон. — После того как ты обслужишь всех дефективных на этой планете, мы перезаправим корабль и снова отправим тебя.

— Куда? — спросил Эллис. — На другую планету?

— Конечно. Здесь едва наберется около нескольких миллионов носителей, поскольку нормальных людей мы не трогаем.

— Только? Так сколько же людей во мне хранится?

Из холла послышались голоса.

— Ты действительно сундук, — ухмыляясь, проговорил Хайнс. — Быстро по койкам, парни, — я, кажется, слышу голос врача. Сколько, спрашиваешь? Население Земли насчитывало порядка четырех миллиардов. И все в тебе.

НАКОНЕЦ-ТО ОДИН

Корабль, отправлявшийся раз в год на Ио, занял стартовую позицию, и полчища андроидов приступили к завершению наземной подготовки. Собравшаяся поглазеть на это событие толпа в предвкушении развлечения все более уплотнялась. Прозвучал горн, пронзительно завизжала предупредительная сирена. Из последних незадраенных иллюминаторов посыпались конфетти, продолговатые ленты серебристого и алого цвета.

— Всем провожающим покинуть борт корабля! — раздался из громкоговорителя зычный голос капитана — разумеется, человека.

В центре всего этого оживления стоял с лоснящимся от пота лицом Ричард Арвелл. Груда багажа вокруг него с каждой минутой все более увеличивалась. Дорогу к кораблю ему преградил невысокий, смешной на вид правительственный чиновник.

— Нет, сэр, я никак не могу позволить вам сделать это, — не без пафоса произнес чиновник.

Пропуск Арвелла был подписан и завизирован, билет оплачен, документы в полном порядке. Ему пришлось выстоять перед доброй сотней дверей, объясняться с сотней невежд и тем не менее удалось добиться своего. И теперь, в самом конце восхождения к успеху, удача отвернулась от него.

— Мои документы в полном порядке, — настаивал Арвелл с деланным спокойствием.

— На вид они действительно в порядке, — спокойно возразил чиновник. — Только вот цель вашего вылета настолько абсурдна...

В это мгновение робот-носильщик неуклюже подхватил ящик с андроидом Арвелла.

— Осторожнее! — крикнул Арвелл.

Робот с грохотом уронил ящик на землю.

— Идиот! Дурак неумелый! — Арвелл обратился к чиновнику: — Неужели нельзя было сделать хоть одного толкового робота, который бы следовал указаниям?

— Именно этот вопрос в один прекрасный день задала моя жена, — ответил чиновник, сочувственно улыбаясь. — Как раз тогда, когда наш андроид...

— Грузить все это в корабль, сэр? — спросил робот.

— Пока нет, — ответил чиновник.

— Всем посторонним покинуть корабль! Последнее предупреждение! — прогремели громкоговорители.

Чиновник снова уставился в бумаги Арвелла:

— Так вот. Все дело в месте назначения. Вы действительно желаете отправиться на один из астероидов, сэр?

— Именно так, — ответил Арвелл. — Я намерен обосноваться на одном из астероидов. Как раз об этом и говорится в моих документах. Соблаговолите подписать их и пропустить меня на корабль.

— Но ведь на астероидах никто не живет. Там нет поселений.

— Я знаю.

— На астероидах, по сути, нет ни единого человека.

— Верно.

— Вы будете совершенно один.

— Я хочу быть один, — с жаром произнес Арвелл.

Чиновник недоверчиво глянул на него:

— Примите во внимание связанный с этим риск. В наше время *никто никогда не остается один.*

— Я останусь. Как только вы подпишете мои бумаги, — взмолился Арвелл. Взглянув на корабль, он увидел, что все иллюминаторы уже закрыты и задраены. — Пожалуйста!

Чиновник колебался. Документы, несомненно, были в полном порядке. Но оставаться одному — совершенно одному — опасно. Это равносильно самоубийству.

Однако — и этого нельзя было отрицать — нарушения законов здесь не было никакого.

Не успел он нацарапать свою подпись, как Арвелл закричал:

— Носильщик! Носильщик! Грузите все это в корабль! Поторапливайтесь! И осторожнее с андроидом!

Робот-носильщик поднял ящик так резко, что Арвелл услышал, как стукнулась о стенку голова андроида. Он вздрогнул, но сейчас было не время выговаривать роботу — закрывалась последняя дверь.

— Подождите! — закричал Арвелл и бегом пустился по бетонной площадке. Робот-носильщик громыхал вслед за ним. — Подождите! — снова закричал он, поскольку корабельный андроид продолжал тщательно закрывать дверь, не обращая внимания на распоряжения Арвелла, не подкрепленные корабельным начальством.

Пришлось вмешаться одному из людей, членов экипажа корабля, и процесс закрытия двери приостановился. Арвелл с разбегу влетел внутрь корабля, за ним вдогонку через дверной проем пролетел багаж, и дверь закрылась.

— Ложитесь! — закричал кто-то из экипажа — человек. — Пристегнитесь. Выпейте вот это. Мы отправляемся.

Как только корабль задрожал и начал подниматься, Арвелл ощутил ни с чем не сравнимое хмельное чувство огромного удовлетворения. Он все-таки добился своего, победил и скоро, очень скоро, будет один.

Однако треволнения Арвелла не закончились даже в космосе. Ибо капитан корабля, высокий седеющий мужчина, наотрез отказался высадить его на астероиде.

— У меня это никак не укладывается в голове. Вы хотя бы ведаете, что творите? Я прошу вас пересмотреть свое решение.

Они сидели в мягких креслах в уютной кабине капитана. Арвелл чувствовал себя невыносимо уставшим. Его раздражало самодовольное, ничем не примечательное лицо шкипера. На какое-то мгновение он даже задумался: а не придушить ли этого человека. Однако в этом случае ему уже ни за что не видать столь желанного уединения. Каким-то образом он должен убедить и этого последнего угрюмого идиота, стоящего у него на пути.

За спиной капитана бесшумно возник робот-стюард.

— Не угодно ли выпить, сэр? — раздался резкий металлический голос робота.

От неожиданности капитан едва не подпрыгнул.

— Неужели обязательно нужно шнырять у меня за спиной? — возмутился капитан, обращаясь к роботу.

— Простите, сэр, — ответил робот. — Не угодно ли выпить, сэр?

Оба человека взяли бокалы.

— Почему, — задумчиво произнес капитан, — эти машины нельзя надлежащим образом вышколить?

— Я и сам не раз задумывался над этим, — сказал Арвелл.

— Вот этот робот, — продолжал капитан, — в высшей степени квалифицированный слуга. И тем не менее у него выработалась нелепая привычка шнырять у людей за спиной.

— А моему андроиду, — заметил Арвелл, — присуща очень неприятная дрожь левой руки, нарушение координации, отставание по фазе одних движений от других. Так, во всяком случае, объяснили мне эту особенность механики. Один даже обещал попытаться устранить.

Капитан пожал плечами:

— Может быть, новые модели лишены... — Он безнадежно махнул рукой и поднес бокал к губам.

Арвелл отпил немного из своего бокала и решил, что атмосфера взаимопонимания в конце концов установилась. Он докажет капитану, что вовсе не сумасшедший. Напротив, его воззрения вполне обычны. Теперь самое время воспользоваться преимуществами сложившейся ситуации.

— Надеюсь, сэр, — сказал он, — астероид не доставит вам особых хлопот.

Капитан досадливо поморщился:

— Мистер Арвелл, вы упрашиваете меня совершить по сути антиобщественный поступок. Для меня, как для человеческого существа, сам факт вашей высадки на астероиде будет чем-то вроде проявления собственной несостоятельности. В нашу эпоху никто не бывает одиноким. Мы держимся все вместе, жмемся друг к другу, многолюдье обеспечивает нам ощущение покоя и безопасности. Мы поддерживаем друг друга.

— Совершенно верно. Но необходимо также допускать и возможность индивидуальных различий. Я — один из тех немногих, которые искренне хотят уединения. Из-за этого я могу казаться чудаком. Но, разумеется, к моим желаниям следует относиться с уважением.

— Гм-м-м... — Капитан серьезно взглянул на Арвелла. — Вам просто кажется, что вы хотите уединения. А приходилось ли вам испытать его хоть раз по-настоящему?

— Нет, — признался Арвелл.

— О, тогда вы и понятия не имеете об опасностях, присущих этому состоянию. Разве не лучше было бы, мистер Арвелл, в полной мере пользоваться преимуществами нашей эпохи?

Капитан стал разглагольствовать о Великом Мире, который длится уже более двухсот лет, и о психологической стабильности,

благодаря которой он существует. Слегка раскрасневшись, он горячо защищал взаимовыгодный симбиоз между человеком — этим организовавшим общество животным — и его творениями — безупречно действующими машинами. Он напомнил о величайшей задаче человечества — организации функционирования своих созданий с наибольшей эффективностью.

— Все это верно, — согласился Арвелл, — но не для меня.

— А вы пытались подступиться к этому? — хитро улыбаясь, спросил капитан. — Вы испытывали глубоко волнующее чувство взаимного сотрудничества? Чувство удовлетворения, которое приносит руководство сельскохозяйственными андроидами, когда они возделывают пшеничные поля, управление андроидами, орудующими под водой? Какая важная, полезная задача! Даже наиболее простая задача — быть надсмотрщиком, ну, скажем, над двумя или тремя десятками фабричных роботов — и то позволяет испытать при ее решении чувство глубокого удовлетворения. И этим чувством можно поделиться и в еще большей степени усилить его посредством контактов со своими собратьями-людьми.

— Все это не доставляет лично мне ни малейшего удовлетворения, — сказал Арвелл. — Все это не для меня. Я хочу провести остаток своих дней в одиночестве, читая книги и размышляя на своем крохотном астероиде.

Капитан устало потер веки:

— Мистер Арвелл, я не сомневаюсь, что вы в здравом уме и поэтому являетесь хозяином своей судьбы. Я не могу остановить вас. Но все-таки подумайте! Одиночество опасно для современного человека. Невероятно опасно, хотя это не сразу заметно. По этой причине люди научились избегать его.

— Для меня это не опасно, — произнес Арвелл.

— Остается только надеяться, — сказал капитан. — Я от души желаю вам успеха.

Наконец была пройдена орбита Марса, и начался пояс астероидов. С помощью капитана Арвелл выбрал подходящих размеров каменную глыбу. Корабль сравнял свою скорость со скоростью астероида.

— Вы продолжаете настаивать, что четко представляете себе, что именно хотите сделать? — спросил капитан на прощание.

— Безусловно! — воскликнул Арвелл, едва сдерживая волнение от того, что столь желанное одиночество совсем уже рядом.

В течение нескольких следующих часов члены экипажа, облаченные в скафандры, переносили пожитки Арвелла с корабля на астероид и закрепляли их на поверхности. Они смонтировали генераторы воды и воздуха и выгрузили запасы основных компонентов для производства пищи. Наконец они надули прочный купол из пластика, внутри которого предстояло жить Арвеллу, и приступили к распаковке андроида.

— Поосторожнее с ним, — предупредил Арвелл.

Неожиданно ящик выскользнул из неловких рук робота и начал медленно уплывать прочь.

— Зацепите за него трос! — крикнул капитан.

— Быстрее, — взвизгнул Арвелл, наблюдая, как его бесценная машина уплывает в безвоздушное пространство.

Один из членов команды — человек — выпустил гарпун с тросом и начал притягивать к себе колотившийся по корпусу корабля ящик. Без дальнейших задержек он был прикреплен к астероиду. Теперь наконец Арвелл был полностью готов к вступлению во владение своей крохотной планетой.

— Я хочу, чтобы вы еще разок серьезно задумались над этим, — мрачно сказал капитан. — Над опасностью одиночества.

— Все это предрассудки, — резко огрызнулся Арвелл, сгорая от желания остаться одному. — Никакой такой опасности не существует.

— Я вернусь с дополнительным грузом провизии через шесть месяцев. Поверьте мне, опасность существует. Ведь совсем не случайно современный человек избегает...

— Мне можно идти? — оборвал капитана Арвелл.

— Пожалуйста. Желаю удачи.

Одетый в скафандр, с гермошлемом на голове, Арвелл оттолкнулся от корабля в направлении своего крохотного островка в космосе и уже с него наблюдал за отлетом. Когда корабль стал светящейся точкой не больше обычной звезды, он принялся за обустройство. Прежде всего, разумеется, андроид. Он надеялся, что, несмотря на грубое обращение, андроид не получил каких-либо повреждений. Арвелл быстро вскрыл ящик и активировал механизм. Стрелка прибора на лбу андроида показывала, что накопление энергии идет нормально. Вполне нормально.

Арвелл осмотрелся. Астероид представлял собой вытянутую черную скалу. На нем находились все припасы Арвелла, андроид, пища и книги. Со всех сторон беспредельный космос, холодный свет звезд и тусклого солнца и абсолютно черная ночь.

Он слегка вздрогнул и отвернулся.

Андроид был активирован полностью. Впереди немало работы. Но Арвелл как очарованный еще раз взглянул на окружавшее его космическое пространство.

Корабль, едва различимая звездочка, скрылся из виду. Впервые Арвелл ощутил то, о чем раньше имел только смутное представление. Он ощутил уединение. Уединение полное и абсолютное. Из глубины ночи, которой теперь никогда не будет конца, на него безжалостно глядели алмазные точки звезд. Вокруг не было ни единого человека — для него лично человеческая раса перестала существовать. Он был один.

От этого можно сойти с ума.

Арвелл был в восторге.

— Наконец-то я один! — крикнул он звездам.

— О да, — произнес андроид, резко вскакивая на ноги и бросаясь к нему. — Наконец-то мы одни!

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Однажды в послеполуденный час Джефферсон Томс зашел в кафе-автомат выпить чашку кофе и позаниматься. Усевшись и пристроив поблизости конспект лекций по философии, он взглянул на девушку, управляющуюся со стайкой роботов-официантов. У девушки были дымчато-серые глаза и волосы цвета ракетного выхлопа, фигурка у нее была тоненькая, но отлично очерченная, и, глядя на все это, Томс внезапно ощутил, что к горлу подкатывает комок, а на ум почему-то приходят осенний вечер, дождь и огонек свечи.

Вот так к Джефферсону Томсу пришла любовь. Чтобы познакомиться с девушкой, этот обычно сдержанный молодой человек послал жалобу по поводу слишком автоматического обслуживания. Когда встреча состоялась, Томс был косноязычен и переполнен чувствами. И все же он ухитрился назначить ей свидание.

Девушка — ее звали Дорис — согласилась сразу. Коренастый черноволосый студент произвел на нее впечатление. Тут-то начались муки Джефферсона Томса.

Несмотря на успехи в изучении философии, он обнаружил, что любовь — это восхитительное и в то же время на редкость беспокойное чувство. Даже в веке, в котором жил Томс, веке, когда космические лайнеры уничтожили расстояние между отдаленными мирами, болезни были окончательно побеждены, войны — немыслимы, а все вопросы, имевшие хоть малейшую важность, образцово разрешены, проблема любви оставалась все такой же сложной.

Старушка Земля жила лучше, чем когда бы то ни было. Города сверкали пластиками и нержавеющей сталью. Оставшиеся кое-где леса представляли собой тщательно охраняемые островки зелени, где вы могли отдыхать в полной безопасности, поскольку все звери и насекомые были удалены в специальные гигиенические зоопарки, и там с завидным умением воспроизводились их естественные условия жизни.

Даже климат Земли поддерживался искусственно. Фермеры получали свою порцию дождя между тремя и половиной четвертого утра, на стадионах собирались толпы смотреть программу солнечных закатов, а торнадо создавали раз в год на специальной арене во время празднования Всемирного дня мира.

Но в делах любви царил тот же беспорядок, что и всегда, и Томс воспринимал это болезненно. Он попросту не мог выразить свои чувства словами. Такие обороты, как «я от тебя без ума», были за-

тасканны, и «я люблю тебя», «обожаю тебя» не выражали существа дела. Они не могли передать всей глубины и пыла его переживаний. В сущности, они даже обедняли их, поскольку теми же словами выражался любой стереотип, любые малозначительные мысли. Люди пользовались ими в повседневных разговорах, и сплошь и рядом можно было услышать, как они любят свиные отбивные, обожают закаты и без ума от тенниса.

Все существо Томса восставало против этого. Он дал себе клятву никогда не говорить о любви теми же словами, что и о свиных отбивных. Но, к своему великому разочарованию, обнаружил, что не может выдумать ничего лучшего. Он обратился к своему профессору философии.

— Мистер Томс, — сказал профессор, утомленно покачивая очками, — любовь пока еще не стала предметом наших исследований. В этой области не было выполнено ни одной значительной работы, за исключением так называемого Языка Любви тианцев.

Легче от этого не стало. Томс продолжал размышлять о любви и мечтать о Дорис. В часы их обычных встреч, по вечерам, около ее двери, когда тени от плетей дикого винограда скользили по ее лицу, Томс мучительно пытался рассказать о своих чувствах. Отказавшись от общепринятого языка влюбленных, он старался выразить мысли как-нибудь поэтичней.

— Я испытываю к тебе то же чувство, — говорил он, — какое звезда испытывает к своим планетам.

— Как это огромно! — отвечала она, чрезвычайно польщенная.

— Я не то имел в виду, — признавался Томс. — Мое чувство гораздо больше. Ну, например, когда ты идешь, я вижу перед собой...

— Что?

— Лань на лесной прогалине, — сказал Томс, хмуря брови.

— Как очаровательно!

— Я совсем не стремился быть очаровательным. Я хотел выразить некоторую свойственную тебе неуклюжесть, и вот...

— Но, милый, — возразила она, — я совсем не неуклюжа. Мой учитель танцев...

— Я не говорю, что ты неуклюжа. Но самая сущность неуклюжести, которая... которую...

— Понимаю, — сказала она.

Но Томс знал, что она ничего не понимает.

Так он был вынужден отказаться от необычных способов выражения своих мыслей. Скоро он обнаружил, что не может сказать Дорис ничего мало-мальски важного — каждый раз все оказывалось совсем не то, просто ничего похожего.

Между ними постепенно вырастало длительное унылое молчание.

— Джефф, — умоляла она, — ну скажи хоть что-нибудь.

Томс пожимал плечами.

— Пусть даже совсем не то, что ты думаешь...

Томс вздыхал.

— Ради всего святого! Я не могу этого вынести!

В конце концов он сделал ей предложение. Он готов был допустить, что любит ее, но уклонился от развития этой темы. Он объяснил, что брак должен быть основан на искренности, в противном случае все будет обречено на неудачу.

Дорис нашла эти порывы превосходными, но от замужества отказалась.

— Ты должен сказать девушке, что любишь ее, — заявила она. — Ты должен повторять ей это по сто раз на день, Джефф, и даже этого все равно мало.

— Но я же люблю тебя, — запротестовал Томс. — Я хотел сказать, что у меня такое чувство, словно...

— Перестань!

Получив такой отпор, Томс подумал о Языке Любви и отправился к своему профессору.

— Говорят, — сказал профессор, — что у аборигенов планеты Тиана II был особый и единственный в своем роде язык для выражения любви. Им казалось совершенно немыслимым сказать: «Я люблю вас». В таких случаях они использовали слова, точно отражающие вид и класс любви, которую они ощущали именно в данный момент.

Томс кивнул, и профессор продолжал:

— Конечно, вместе с языком развивалось и искусство творить любовь, поистине невероятное в своем совершенстве.

— Это именно то, что нужно! — воскликнул Томс. — Как далеко до Тианы II?

— Порядочно. И к тому же ехать туда незачем — жители планеты вымерли.

— Следовательно, язык утерян?

— Не совсем. Двадцать лет назад землянин по имени Джордж Веррис отправился на Тиану II и изучил Язык Любви с помощью нескольких уцелевших тианцев.

Томс долго и тяжело размышлял. Путешествие на Тиану II было нелегким, длительным и дорогим. Возможно, Веррис умрет, прежде чем он доберется до места, или откажется учить его языку. «Стоит ли любовь всего этого?» — спрашивал себя Томс.

Он продал ультракомбайн, аппарат искусственной памяти, учебники философии, несколько акций, полученных в наследство от деда, и оплатил поезд до Грантиса IV, ближайшего к Тиане II пункта, куда регулярно отправлялись звездолеты. Покончив со всеми приготовлениями, он пошел к Дорис.

— Когда я вернусь, — сказал он, — я буду в состоянии точно высказать тебе, как сильно... Я имею в виду, Дорис, что, когда

освою искусство тианцев, ты будешь любима так, как не была еще любима ни одна женщина.

— Ты думаешь? — спросила она. Глаза ее засветились.

— Ну, — сказал Томс, — слово «любима» не совсем точно выражает это. Однако я имею в виду нечто очень близкое.

— Я буду ждать тебя, Джефф, — сказала она, — но, пожалуйста, возвращайся скорее.

Джефферсон Томс кивнул, смахнул слезы, сжал Дорис в объятиях и поспешил в космопорт. Через час он был в пути.

Четырьмя месяцами позже Томс уже шел по пустынному проспекту тианской столицы. По обеим сторонам его вздымались величественные строения. С помощью карманного тианского словаря он разобрал вывеску на одном из зданий: «Бюро консультаций по проблемам любви четвертого уровня».

Он миновал «Институт по исследованиям замедленной привязанности» и двухсотэтажный «Дом для эмоционально отсталых». Это был город, целиком посвятивший себя исследованиям и советам в делах любви.

Для дальнейших размышлений времени не было. Прямо перед ним находился гигантский «Комбинат любовных услуг». Из мраморного подъезда вышел старик.

— Кто вы? — спросил он.

— Я Джефферсон Томс, землянин. Прибыл сюда, чтобы изучить Язык Любви, мистер Веррис.

Веррис внимательно посмотрел на него.

— Но это не простое дело, Томс. Язык Любви почти так же сложен, как нейрохирургия или практическая юриспруденция. Нужна работа, много работы, а также талант.

— Я буду работать.

Томс запоминал длиннейшие перечни чудес природы, с которыми можно сравнивать различные чувства. Каждый предмет в природе был занесен в каталоги, классифицирован и снабжен подходящими уточняющими эпитетами.

Когда он заучил весь перечень, Веррис начал тренировать его в восприятии любви. Томс изучил странные мелочи, из которых складывается состояние влюбленности. Некоторые из них были настолько комичны, что он не смог удержаться от смеха.

Старик строго увещевал его.

— Любовь — серьезное дело, Томс. Вам кажется смешным, что предрасположение к любви часто создается скоростью и направлением ветра...

Вскоре Веррис устроил ему десятичасовое письменное испытание, которое Томс выдержал с отличными оценками. Он был полон стремления поскорей закончить учебу, но Веррис заметил, что левый глаз его ученика подергивается, а руки начинают дрожать.

— Вам необходимы каникулы, — сообщил ему старик.

Томс подумывал об этом и сам.

— Вы правы, — сказал он с едва скрываемым нетерпением. — А не отправиться ли мне на несколько недель на Цитеру?

Веррис, которому репутация Цитеры была известна, улыбнулся.

— Не терпится испытать новые знания?

— Но черт побери! — взорвался Томс. — Должен же я немного поэкспериментировать! Должен же я показать самому себе, как все это действует. Особенно «Подход 33-СЦ». В теории он выглядит чудесно, однако я сомневаюсь, что он сработает на практике.

Они забрались в принадлежащий старику космический корабль и летели пять дней до маленького безымянного планетоида. Совершив посадку, старик привел Томса на берег быстрой речки, где вода была огненно-красной, а пена сверкала. По берегам росли низкорослые деревья с листьями цвета киновари. Даже трава — оранжевая и голубая — не походила на траву.

Томс проводил дни, странствуя по берегам рек или любуясь цветами, которые жалобно стонали, когда он приближался. По ночам три сморщенных луны играли друг с другом в салки, утреннее солнце совсем не было похоже на желтое солнце Земли.

В конце недели посвежевшие и обновленные Томс и Веррис вернулись на Тиану II. Томс научился различать пятьсот шесть оттенков Истинной Любви, от самых первых, робких ее проявлений до наивысшего чувства.

В один прекрасный день Веррис сказал:

— Вот и все.

— Все?

— Да, Томс. Сердце не имеет теперь от вас секретов. Возвращайтесь к своей молодой леди.

— Лечу! — воскликнул Томс. — Наконец-то она узнает!

— Пошлите мне открытку, — попросил его Веррис. — Я хочу знать, как пойдут у вас дела.

— Непременно, — обещал Томс. Он горячо пожал руку своему учителю и отбыл на Землю.

У дома Томс вдруг почувствовал, что на лбу у него выступила испарина, а руки начали дрожать. Он мог теперь точно определить это чувство как Ожидательную Горячку второго уровня. Но что толку — это была его первая практическая работа, и он нервничал. Правда ли, что он освоил все?

Она открыла дверь, и Томс увидел, что Дорис стала еще красивее.

— Я вернулся, — тихо сказал он.

— О, Джефф, — произнесла она нежно. — О, Джефф. Это было так долго, и я сомневалась, нужно ли это. Теперь я знаю.

— Ты... знаешь?

— Да, дорогой! Я ждала тебя! Я бы прождала еще сто, тысячу лет! Я люблю тебя, Джефф!

Она очутилась в его объятиях.

— Теперь скажи мне, Джефф, — просила она. — Скажи мне!

Томс смотрел на нее, чувствовал, ощущал, рылся в классификации, подбирал эпитеты, проверял и перепроверял. И после долгих поисков и выборов с абсолютной уверенностью, приняв во внимание свое теперешнее настроение и не забыв учесть климатические условия и фазу луны, скорость и направление ветра, солнечные пятна и другие обстоятельства, влияющие на любовь, он сказал:

— Дорогая, я на редкость хорошо к тебе отношусь.

— Джефф! Ты, конечно, можешь сказать больше! Язык Любви...

— Этот язык чертовски точен. Мне очень жаль, но фраза «На редкость хорошо к тебе отношусь» в точности выражает мои чувства.

— О, Джефф!

Это была жалкая сцена и очень болезненное расставание. Томс отправился путешествовать.

Он нанимался на работу то здесь, то там, перебиваясь чем придется. Затем он встретил хорошенькую девушку, ухаживал за ней, в надлежащее время женился и занялся домашним хозяйством.

Друзья говорят, что Томсы достаточно счастливы, хоть в доме у них большинство людей чувствуют себя не слишком уютно. Они живут в красивом месте, но многих раздражает быстрая река красного цвета. Да и кто может привыкнуть к деревьям цвета охры и трем сморщенным лунам, играющим в салки в необычном небе?

И все же Томсу там нравится, а миссис Томс — покладистая молодая леди.

Томс написал на Землю своему профессору философии, что по крайней мере для себя он решил проблему исчезновения населения Тианы II. Тианцы, видно, настолько углубились в теорию любви, что у них руки не доходили до практики.

А однажды он послал короткую открытку Джорджу Веррису. Он написал, что женился, что ему повезло и он нашел себе девушку, к «которой питает нежное чувство».

— Везучий, черт, — проворчал Веррис, прочтя открытку.

БЕЗЫМЯННАЯ ГОРА

Когда Моррисон вышел из штабной палатки, Денг-наблюдатель посапывал в шезлонге, приоткрыв во сне рот. Моррисон осторожно обошел его, чтобы ненароком не разбудить. Неприятностей и так хватало.

Ему предстояло принять делегацию аборигенов, тех самых, что барабанили в скалах. А потом проконтролировать уничтожение безымянной горы. Его помощник, Эд Лернер, находился на месте. Но прежде необходимо разобраться с последним происшествием.

Когда он пришел на строительную площадку, был полдень и рабочие отдыхали, привалившись к своим гигантским машинам, жуя бутерброды и потягивая кофе. Все выглядело обыденно, однако Моррисон достаточно долго руководил перестройкой планет, чтобы не заметить дурных признаков. Никто его не поддевал, никто не заводил разговоров.

На сей раз пострадал бульдозер «Оуэн». В кабине осевшей на мосты машины дожидались два водителя.

— Как это произошло? — спросил Моррисон.

— Не знаю, — ответил водитель, вытирая заливающий глаза пот. — Дорога словно вспучилась.

Моррисон хмыкнул и пнул громадное колесо «Оуэна». Бульдозер мог свалиться с двадцатифутовой скалы — и даже бампер у него не погнулся бы. Это была одна из самых прочных машин. И вот уже пятая выходит из строя.

— Здесь все идет кувырком, — сплюнул второй водитель.

— Вы теряете осторожность, — сказал Моррисон. — Тут не Земля. С какой скоростью вы ехали?

— От силы пятнадцать миль в час, — ответил первый водитель.

— Ага, — иронично поддакнул Моррисон.

— Святая правда! Дорога будто вспучилась, а потом провалилась...

— Ясно, — сказал Моррисон. — Когда до вас дойдет, что тут не скоростное шоссе? Я штрафую обоих на половину дневного заработка.

Он повернулся и зашагал прочь. Пусть лучше злятся на него, но забудут свой суеверный страх перед этой планетой.

Моррисон направился к безымянной горе. Из лачуги радиста высунулась голова.

— Тебя, Морри. Земля.

Даже при полном усилении голос мистера Шотуэлла, председателя правления «Транстерран Стил», был едва слышен.

— Что вас задерживает?

— Происшествия, — коротко доложил Моррисон.

— Новые происшествия?

— Увы, сэр, да.

Наступило молчание.

— Но почему, Моррисон? Спецификация указывает мягкий грунт и терпимые условия. Разве не так?

— Так, — нехотя признал Моррисон. — Полоса неудач. Но мы ее осилим.

— Надеюсь, — сказал Шотуэлл. — Искренне надеюсь. Вы торчите почти месяц и не то что города — дороги не построили! У нас уже пошла реклама, публика интересуется. Туда собираются ехать люди, Моррисон! Промышленность и предприятия сферы обслуживания!

— Я понимаю, сэр.

— Безусловно, понимаете. Но они требуют готовую планету и конкретные сроки переезда. Если их не дадим мы, то даст «Дженерал Констракш», или «Земля-Марс», или «Джонсон и Герн». Планеты — не такая редкость. Это тоже понятно?

С тех пор как начались происшествия, Моррисон с трудом держал себя в руках. Теперь его внезапно прорвало.

— Какого черта вы от меня требуете?! — заорал он. — Думаете, я затягиваю специально? Можете засунуть свой паршивый контракт...

— Ну-ну, — поспешно заюлил Шотуэлл. — Лично к вам, Моррисон, у нас нет никаких претензий. Мы верим — мы знаем! — что вы лучший специалист по перестройке планет. Но акционеры...

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Моррисон и дал отбой.

— Да... — протянул радист. — Может, господа акционеры сами изволят пожаловать сюда со своими лопатами?..

Лернер ждал на Контрольном Пункте, мрачно взирая на гору. Она была выше земного Эвереста. Снег на склонах в лучах полуденного солнца отливал розовым.

— Заряды установлены? — спросил Моррисон.

— Еще несколько часов. — Лернер замялся. Помощник Моррисона был осторожным, низеньким, седеющим человеком и — в душе — противником радикальных перемен. — Высочайшая вершина на планете... Нельзя ее сохранить?

— Исключено. Именно тут нам нужен океанский порт.

Лернер кивнул и с сожалением посмотрел на гору:

— Печально. На ней никто не побывал.

Моррисон молниеносно обернулся и кинул на помощника испепеляющий взгляд.

— Послушай, Лернер, я отлично сознаю, что на горе никто не побывал, я вижу символику, заключающуюся в ее уничтожении. Но ты знаешь не хуже меня, что от этого никуда не деться. Зачем растравлять рану?

— Я не...

— Мне платят не за пейзажи. Я терпеть не могу пейзажи! Мне платят за то, чтобы я приспосабливал планеты к конкретным нуждам людей.

— Ты сегодня нервный, — произнес Лернер.

— Просто воздержись от своих намеков.

— Ну хорошо.

Моррисон вытер вспотевшие ладони о штаны и виновато улыбнулся:

— Давай вернемся в лагерь и посмотрим, что затевает этот проклятый Денг.

Выходя, Лернер оглянулся на безымянную гору, красным контуром вырисовывавшуюся на горизонте.

Даже планета была безымянной. Немногочисленное местное население называло ее Умка или Онья, но это не имело ровно никакого значения. Официальное название появится не раньше, чем рекламщики «Транстерран Стил» подыщут что-нибудь приятное на слух для миллионов потенциальных поселенцев. Тем временем она значилась просто как Рабочий объект 35. На планете находилось несколько тысяч людей и механизмов; по команде Моррисона они станут разравнивать горы, сводить леса, изменять русла рек, растапливать ледяные шапки, лепить континенты, рыть новые моря — словом, делать все, чтобы превратить Рабочий объект 35 в еще один подходящий дом для уникальной и требовательной цивилизации homo sapiens.

Десятки планет были перестроены на земной манер. Рабочий объект 35 ничем из них не выделялся, тихий мир спокойных лесов и равнин, теплых морей и покатых холмов. Но что-то неладное творилось на кроткой земле. Происшествия, выходящие за пределы любых статистических вероятностей, порождали нервозность у рабочих, а та, в свою очередь, вызывала новые и новые происшествия. Бульдозеристы дрались со взрывниками. У повара над чаном картофельного пюре случилась истерика. Спаниель счетовода укусил за лодыжку бухгалтера. Пустяки вели к беде.

А работа — незамысловатая работа на незамысловатой планете — едва началась.

Денг уже проснулся. Он сидел в штабной палатке и прищурившись глядел на стакан виски с содовой.

— Как идут дела? — бодро поинтересовался он.

— Прекрасно, — отозвался Моррисон.

— Рад слышать, — с чувством сказал Денг. — Мне нравится наблюдать, как вы, ребята, трудитесь. Эффективно. Безошибочно. Все спорится. Любо-дорого смотреть.

Моррисон не имел власти над этим человеком и его языком. Кодекс строителей разрешал присутствие представителей других компаний — в целях «обмена опытом». На практике представитель выискивал не передовую методику, а скрытые слабости, которыми могла воспользоваться его фирма... А если ему удавалось довести руководителя стройки до белого каления — тем лучше. Денг был непревзойденным мастером в этом деле.

— Что теперь? — живо поинтересовался он.

— Мы сносим гору, — сообщил Лернер.

— Блестяще! — воскликнул Денг. — Ту здоровую? Потрясающе! — Он откинулся на спинку и мечтательно уставился в потолок. — Эта гора стояла, когда Человек рылся в грязи в поисках насекомых и жадно поедал то, чем побрезговал саблезубый тигр. Господи, да она гораздо старше! — Денг залился счастливым смехом и сделал глоток из стакана. — Эта гора высилась над морем,

когда Человек — я имею в виду весь благородный вид «homo sapiens» — еще ползал в океане, не решаясь выйти на сушу.

— Достаточно, — процедил Моррисон.

Денг посмотрел на него с укоризной:

— Но я горжусь вами, Моррисон, я горжусь всеми вами. Мы далеко ушли с тех пор. То, на что природе потребовались миллионы лет, Человек может стереть в порошок в один день! Мы растащим эту милую горку по частям и возведем на ее месте город-поэму из стекла и бетона, который простоит сто лет!

— Заткнитесь! — с перекошенным лицом зарычал Моррисон и шагнул вперед. Лернер предостерегающе опустил ему на плечо руку. Ударить наблюдателя — верный способ остаться без работы.

Денг допил виски и высокопарно провозгласил:

— Посторонись, Мать Природа! Трепещите вы, древние скалы и крутые холмы, ропщи от страха, о могучий океан, чьи бездонные глубины в вечной тишине бороздят жуткие чудовища! Ибо Великий Моррисон пришел, чтобы осушить море и сделать из него мирный пруд, сровнять горы и построить из них двенадцатиполосное скоростное шоссе с комнатами отдыха вместо деревьев, столовыми вместо утесов, бензозаправочными станциями вместо пещер, рекламными щитами вместо горных ручьев, а также другими хитроумными сооружениями, необходимыми божественному Человеку.

Моррисон резко повернулся и вышел. Он почувствовал искушение разукрасить Денгу физиономию и развязаться со всей чертовой работой. Но он не поступит так, потому что именно этого Денг и добивался.

«И разве стоило бы так расстраиваться, если бы в словах Денга не было доли правды?» — спросил себя Моррисон.

— Нас ждут аборигены, — напомнил Лернер, догнав шефа.

— Сейчас мне не до них, — сказал Моррисон. Но с далеких холмов донеслись свистки и бой барабанов. Еще один источник раздражения для его несчастных работников. У Северных Ворот стояли три аборигена и переводчик. Местные жители походили на людей — костлявые, голые первобытные дикари.

— Чего они хотят? — устало спросил Моррисон.

— Попросту говоря, мистер Моррисон, они передумали, — сказал переводчик. — Они хотят получить назад свою планету и готовы вернуть все наши подарки.

Моррисон вздохнул. Он затруднялся втолковать им, что Рабочий объект 35 не был «их» планетой. Планетой нельзя владеть — ее можно лишь занимать. Суд вершила необходимость. Эта планета скорее принадлежала нескольким миллионам земных переселенцев, которым она требовалась отчаянно, чем сотне тысяч дикарей, разбросанных по ее поверхности. Так, по крайней мере, считали на Земле.

— Расскажите им снова о великолепной резервации, которую мы подготовили. Их будут кормить, одевать, учить...

Беззвучно подошел Денг.

— Мы ошеломим их добротой, — добавил он. — Каждому мужчине — наручные часы, пара ботинок и государственный семейный каталог. Каждой женщине — губную помаду, целый кусок мыла и комплект настоящих бумажных штор. Каждой деревне — железнодорожную станцию, магазин и...

— Вы препятствуете работе, — заметил Моррисон. — Причем при свидетелях.

Денг знал правила.

— Простите, дружище, — произнес он и отступил назад.

— Они говорят, что передумали, — повторил переводчик. — Буквально выражаясь, они велят нам убираться к себе на дьявольскую землю в небеса. Не то они уничтожат нас ужасными чарами. Священные барабаны уже призывают духов и готовят заклятия.

Моррисон с жалостью посмотрел на аборигенов. Что-то наподобие этого происходило на каждой планете с коренным населением. Те же самые бессмысленные угрозы дикарей. Дикарей, которые отличались гипертрофированным чувством собственного величия и не имели ни малейшего представления о силе техники. Великие хвастуны. Великие охотники на местные разновидности кроликов и мышей. Изредка человек пятьдесят соберутся вместе и набросятся на несчастного усталого буйвола, загнав его до изнеможения, прежде чем посмеют приблизиться, чтобы замучить до смерти булавочными уколами тупых копий. А потом какие закатывают празднования!.. Какими героями себя мнят!

— Передайте, чтобы убирались к черту, — сказал Моррисон. — Передайте, что если они подойдут к лагерю, то на собственной шкуре испытают кое-какие настоящие чары.

— Они пророчат страшную кару в пяти категориях сверхъестественного! — крикнул вслед переводчик.

— Используйте это в своей докторской диссертации, — посоветовал Моррисон, и переводчик лучезарно улыбнулся.

Наступило время уничтожения безымянной горы. Лернер отправился с последним обходом; Денг носился со схемой расположения зарядов. Потом все отошли назад. Взрывники скрючились в своих окопчиках. Моррисон пошел на Контрольный Пункт.

Один за другим рапортовали о готовности руководители групп. Фотограф сделал заключительный снимок.

— Внимание! — скомандовал по радио Моррисон и снял с предохранителя взрывное устройство.

— Взгляни на небо, — проговорил Лернер.

Моррисон поднял взгляд. Сгущались сумерки. С запада по-

явились черные облака и быстро затянули коричневое небо. На лагерь опустилась тишина, замолчали даже барабаны на холмах.

— Десять секунд... пять, четыре, две, одна — пошла! — закричал Моррисон и вдавил кнопку. В этот миг он почувствовал на щеке слабый ветерок. И тут же схватился за кнопку, инстинктивно пытаясь возвратить содеянное.

Потому что еще до того, как раздались крики, он понял, что в расположении зарядов допущена кошмарная ошибка.

Позже, оставшись в одиночестве в палатке, после того как похоронили мертвых, а раненых отнесли в лазарет, Моррисон попробовал восстановить события. Это была, разумеется, случайность: внезапная перемена направления ветра, неожиданная хрупкость породы под поверхностным слоем и преступная глупость в установлении бустерных зарядов именно там, где они могли причинить наибольший вред.

Еще один случай в цепочке невероятностей, сказал он себе... и резко выпрямился.

Ему в голову впервые пришло, что все происшествия могли быть организованы.

Чушь!.. Но перестройка планет — тонкая работа, с виртуозной балансировкой могучих сил. Происшествия неизбежны. Если им еще помочь, они приобретут катастрофический характер.

Моррисон поднялся и стал мерить шагами узенький проход палатки. Подозрение с очевидностью падало на Денга. Конкурентные страсти могли завести далеко. Докажи он, что «Трансстерран Стил» некомпетентна, работы проводятся небрежно, в аварийных условиях, — и заказ достанется компании Денга.

Но это чересчур очевидно. Доверять нельзя никому. Даже у неприметного Лернера могли быть свои причины. Возможно, стоит обратить внимание на аборигенов и их чары — почем знать, вдруг это проявление психокинетических способностей.

Он подошел к выходу и посмотрел на разбросанные вокруг палатки, где жили рабочие. Кто виноват?

С холмов доносился слабый бой неуклюжих барабанов бывших владельцев планеты. И прямо впереди высилась иссеченная шрамами лавин безымянная гора.

Ночью Моррисон долго не мог уснуть.

На следующий день работа продолжалась как обычно. Денг, подтянутый и собранный, в брюках цвета хаки и розовой офицерской рубашке, подошел к колонне грузовиков с химикатами для сведения болот.

— Привет, шеф! — бодро начал он. — Я бы с удовольствием поехал с ними, если не возражаете.

— Извольте, — вежливо согласился Моррисон.

— Премного благодарен. Обожаю подобные операции, — сообщил Денг, забираясь в кабину головной машины рядом с картографом. — Такого сорта операции наполняют меня чувством гордости за человеческий род. Мы поднимаем эту бесполезную болотную целину, сотни квадратных миль, и в один прекрасный день поля пшеницы заколосятся там, где торчал камыш.

— Ты взял карту? — спросил Моррисон у десятника Ривьеры.

— Вот она, — сказал Лернер, передавая карту.

— Да... — громогласно восхищался Денг. — Болота — в пшеничное поле. Дух захватывает! Чудо науки. И что за сюрприз для обитателей болот! Вообразите испуг сотен видов рыб, земноводных, птиц, когда они обнаружат, что их водяной рай внезапно отвердел. Буквально отвердел вокруг них; фатальное невезение. Зато, разумеется, превосходное удобрение для пшеницы.

— Что ж, двинулись, — приказал Моррисон. Денг игриво замахал провожающим. Ривьера влез в грузовик. Флинн, десятник-химик, ехал в своем джипе.

— Подождите, — сказал Моррисон и подошел к джипу. — Я хочу, чтобы вы последили за Денгом.

— Последить? — непонимающе уставился Флинн.

— Ну да. — Моррисон нервно потер руки. — Поймите, я никого не обвиняю. Но происходит слишком много случайностей. Если кому-то выгодно представить нас с дурной стороны...

Флинн по-волчьи улыбнулся:

— Я послежу за ним, босс. Не волнуйтесь за эту операцию. Может быть, он составит компанию своим рыбкам под пшеничными полями.

— Без грубостей, — предупредил Моррисон.

— Боже упаси. Я прекрасно вас понимаю. — Десятник нырнул в джип и с ревом умчался к голове колонны. Полчаса процессия грузовиков взметала пыль, а потом последний исчез вдали. Моррисон вернулся в палатку, чтобы составить отчет о ходе работ.

И обнаружил, что не может оторваться от рации, ожидая сообщения Флинна. Хоть бы Денг что-нибудь натворил! Какую-нибудь мелкую пакость, доказывая свою вину. Тогда у Моррисона было бы полное право разорвать его на части.

Прошло два часа, прежде чем ожила рация, и Моррисон расшиб колено, кинувшись к ней при звуке зуммера.

— Это Ривьера. У нас неприятности, мистер Моррисон. Головная машина сбилась с курса. Не спрашивайте, как это произошло. Я полагал, что картограф знает свое дело. Платят ему достаточно.

— Что случилось?! — закричал Моррисон.

— Должно быть, въехали на тонкую корку. Она треснула. Внизу грязь, перенасыщенная водой. Потеряли все, кроме шести грузовиков.

— Флинн?

— Мы настелили понтоны и многих вытащили, но Флинна не спасли.

— Хорошо, — тяжело произнес Моррисон. — Высылаю за вами вездеходы. Да, и вот что. Не спускайте глаз с Денга.

— Это будет трудновато, — сказал Ривьера.

— Почему?

— Видите ли, он сидел в головной машине. У него не было ни малейшего шанса.

Атмосфера в лагере была накалена до предела. Новые потери ожесточили и озлобили людей. Избили пекаря, потому что хлеб имел странный привкус, и едва не линчевали гидробиолога за то, что он слонялся без дела у чужого оборудования. Но этим не удовлетворились и стали подглядывать за деревушкой аборигенов.

Дикари устроили поселение в скалах рядом с рабочим лагерем — гнездо пророков и колдунов, собравшихся проклинать демонов с неба. Их барабаны гремели день и ночь. У людей чесались руки стереть всю эту братию в порошок, просто чтобы прекратить шум.

Моррисон активизировал работы. Дороги строились и через неделю рассыпáлись. Привезенная пища портилась с катастрофической скоростью, а есть местные продукты никто не хотел. Во время грозы молния ударила в генератор, нагло обойдя громоотводы, установленные самим Лернером. Возникший пожар охватил пол-лагеря, а близлежащие ручьи пересохли самым загадочным образом.

Предприняли вторую попытку взорвать безымянную гору. В результате возник обвал, причем в неожиданном месте. Пятеро рабочих, тайком выпивавших на склоне, были засыпаны камнями. После этого взрывники отказались устанавливать на горе заряды.

И снова вызвала Земля.

— Но что именно вам мешает? — спросил Шотуэлл.

— Говорю вам, не знаю, — ответил Моррисон.

— Вы не допускаете возможность саботажа? — немного помолчав, предположил Шотуэлл.

— Вероятно, — сказал Моррисон. — Все это никак не объяснить естественными причинами. При желании нам можно сильно нагадить: сбить с курса колонну, переставить заряды, повредить громоотводы...

— Кого вы подозреваете?

— У меня здесь пять тысяч человек, — медленно произнес Моррисон.

— Я знаю. Теперь слушайте внимательно. Правление решило предоставить вам неограниченные полномочия. Для выполнения работы вы имеете право делать все, что угодно. Если надо, заприте пол-лагеря. Если считаете необходимым, уничтожьте аборигенов. Примите все и всяческие меры. Любые ваши действия не будут поставлены вам в вину и не повлекут ответственности. Мы готовы даже уплатить более чем солидное вознаграждение. Но работа должна быть выполнена.

— Я знаю, — сказал Моррисон.

— Но вы не знаете, какое значение приобрел Рабочий объект 35. По секрету могу сообщить, что компания потерпела ряд неудач в других местах. Мы чересчур завязли, чтобы бросить эту планету. Вы просто обязаны довести дело до конца. Любой ценой.

— Сделаю все, что в моих силах, — сказал Моррисон и дал отбой.

В тот день взорвался склад горючего. Десять тысяч галлонов Д-12 были уничтожены, охрана погибла...

— Тебе дьявольски повезло, — мрачно проговорил Моррисон.

— Еще бы. — Под слоем грязи и пота лицо Лернера было серым. Он плеснул себе в стакан. — Окажись я там на десять минут позже, и мне крышка.

— Чертовски удачно, — задумчиво пробормотал Моррисон.

— Ты знаешь, — продолжал Лернер, — мне показалось, что почва раскалена. Не может это быть проявлением вулканической деятельности?

— Нет, — сказал Моррисон. — Наши геологи обнюхали здесь каждый сантиметр. Под нами гранитная плита.

— Гмм... Морри, возможно, тебе следует убрать аборигенов.

— Зачем?

— Единственный неконтролируемый фактор. В лагере все следят друг за другом. Остаются только местные! В конце концов, если допустить, что паранормальные способности...

Моррисон кивнул:

— Иными словами, ты допускаешь, что взрыв устроили колдуны?

Лернер нахмурился, глядя на лицо Моррисона:

— Психокинез. На это стоит обратить внимание.

— А если так, — размышлял Моррисон, — то аборигены могут все, что угодно. Сбить с курса колонну...

— Полагаю.

— Так что же они тянут? — спросил Моррисон. — Взорвали бы нас к чертовой матери без церемоний, и все!

— Возможно, у них есть ограничения...

— Ерунда. Слишком замысловатая теория. Гораздо проще предположить, что нам кто-то вредит. Может быть, посулили миллион конкуренты. Может быть, чокнутый. Но он должен быть кем-то из руководства. Из тех, кто проверяет схемы расположения зарядов, устанавливает маршруты, отправляет рабочие группы...

— Ты что же, подразумеваешь...

— Я ничего не подразумеваю, — отрезал Моррисон. — А если ошибаюсь, прости. — Он вышел из палатки и подозвал двух рабочих. — Заприте его где-нибудь да проследите, чтобы он оставался под замком.

— Ты превышаешь свою власть.

— Безусловно.

— И ты не прав. Ты не прав, Морри.

— В таком случае извини.

Он махнул рабочим, и Лернера увели.

Через два дня пошли лавины. Геологи ничего не могли понять. Выдвигались предположения, что повторные взрывы вызвали трещины в коренной подстилающей породе, трещины расширялись...

Моррисон упорно пытался ускорить работы, но люди начали отбиваться от рук. Пошла молва о летающих тарелках, огненных дланях в небе, говорящих животных и разумных машинах. Подобные речи собирали множество слушателей. Ходить по лагерю стало опасно. Добровольные стражи стреляли по любой тени.

Моррисон был не особенно удивлен, когда однажды ночью обнаружил, что лагерь опустел.

Через некоторое время в его палатку вошел Ривьера.

— Ожидаются неприятности. — Он сел и закурил сигарету.

— У кого?

— У аборигенов. Ребята отправились в их деревню.

Моррисон кивнул:

— С чего началось?

Ривьера откинулся на спинку стула и глубоко затянулся.

— Знаете этого сумасшедшего Чарли? Того, что вечно молится? Он побожился, что видел у своей палатки одного местного. По его словам, тот заявил: «Вы сдохнете. Все вы, земляне, сдохнете». А потом исчез.

— В столбе дыма?

— Ага. — Ривьера оскалился. — Вот именно, в столбе дыма.

Моррисон знал, о ком идет речь. Типичный истерик. Классический случай.

— Кого они собрались уничтожать? Ведьм? Или пси-суперменов?

— Знаете, мистер Моррисон, по-моему, это их не особенно волнует.

Издалека донесся громкий раскатистый звук.

— Они брали взрывчатку? — спросил Моррисон.

— Понятия не имею. Наверное.

Это дикость, подумал Моррисон, паническое поведение толпы. Денг ухмыльнулся бы и сказал: «Когда сомневаешься, всегда стреляй. Лучше перестраховаться».

Моррисон поймал себя на том, что испытывает облегчение. Хорошо, что его люди решились. Скрытый пси-талант... кто знает.

Через полчаса до лагеря добрели первые рабочие, молчаливые, понурые.

— Ну? — произнес Моррисон. — Всех прикончили?

— Нет, сэр, — выдавил один из рабочих. — Мы до них даже не добрались.

— Что случилось? — спросил Моррисон, с трудом сдерживая панику.

Люди все подходили. Они стояли тихо, опустив глаза.

— Что случилось?! — заорал Моррисон.

— Мы были на полдороге, — ответил рабочий. — Потом сошла лавина.

— Многих покалечило?

— Из наших никого. Но она засыпала их деревню.

— Это плохо, — мягко проговорил Моррисон.

— Да, сэр. — Люди молчали, неотрывно глядя на него. — Что нам делать, сэр?

Моррисон на миг плотно сжал веки.

— Возвращайтесь к палаткам и будьте наготове.

Фигуры растаяли во тьме.

— Приведите Лернера, — сказал Моррисон на вопросительный взгляд Ривьеры.

Как только Ривьера вышел, он повернулся к рации и стал вызывать в лагерь все группы. Им завладело недоброе предчувствие, так что когда через полчаса налетел торнадо, это не застало его врасплох. Он сумел увести людей в корабли, прежде чем сдуло палатки.

Лернер ввалился во временную штаб-квартиру в радиорубке флагманского корабля:

— Что происходит?

— Я скажу тебе, что происходит, — ответил Моррисон. — В десяти милях отсюда проснулась гряда потухших вулканов. Идет мощнейшее извержение. Метеорологи сообщают о приближении приливной волны, которая затопит половину континента. Зарегистрированы первые толчки землетрясения. И это только начало.

— Но что это?! — воскликнул Лернер. — Чем это вызвано?

— Земля на связи? — спросил Моррисон у радиста.

— Вызываю.

В комнату ворвался Ривьера.

— Подходят последние две группы, — доложил он.

— Когда все будут на борту, дайте мне знать.

— Что здесь творится? — закричал Лернер. — Это тоже моя вина?

— Прости меня, — произнес Моррисон.

— Что-то поймал, — сказал радист. — Сейчас...

— Моррисон! — не выдержал Лернер. — Говори!!

— Я не знаю, как объяснить. Это слишком чудовищно для меня. Денг — вот кто мог бы сказать тебе.

Моррисон прикрыл глаза и представил перед собой Денга. Тот

насмешливо улыбался. «Вы являетесь свидетелями завершения саги об амебе, которая возомнила себя Богом. Выйдя из океанских глубин, сверхамеба, величающая себя Человеком, решила, что раз у нее есть серое вещество под названием мозг, то она превыше всего. И, придя к такому выводу, амеба убивает морскую рыбу и лесного зверя, убивает без счета, ни капли не задумываясь о целях Природы. А потом сверлит дыры в горах, и попирает стонущую землю тяжелыми городами, и прячет зеленую траву под бетонной коркой. А потом, размножившись несметно, сверх всякой меры, космическая амеба устремляется в другие миры и там сносит горы, утюжит равнины, сводит леса, изменяет русла рек, растапливает полярные шапки, лепит материки и оскверняет планеты. Природа стара и нетороплива, но она и неумолима. И вот неизбежно наступает пора, когда Природе надоедает самонадеянная амеба с ее претензиями на Богоподобие. И следовательно, приходит время, когда планета, чью поверхность терзает амеба, отвергает ее, выплевывает. В тот день, к полному своему удивлению, амеба обнаруживает, что жила лишь по терпеливой снисходительности сил, лежащих вне ее воображения, наравне с тварями лесов и болот, не хуже цветов, не лучше семян, и что Вселенной нет дела до того, жива она или мертва, что все ее хвастливые достижения не больше чем след паука на песке».

— Что это?.. — взмолился Лернер.

— Я думаю, что планета нас больше терпеть не будет, — сказал Моррисон. — Я думаю, ей надоело.

— Земля на связи! — воскликнул радист. — Давай, Морри.

— Шотуэлл? Послушайте, мы сматываем удочки, — закричал Моррисон в трубку. — Я спасаю людей, пока еще есть время. Не могу вам объяснить сейчас и не уверен, что смогу когда-нибудь...

— Планету вообще нельзя использовать? — перебил Шотуэлл.

— Нет. Абсолютно никакой возможности. Я надеюсь, что это не отразится на репутации фирмы...

— О, к черту репутацию фирмы! — сказал Шотуэлл. — Дело в том... Вы не имеете понятия, что здесь творится, Моррисон. Помните наш гобийский проект? Полный крах. И не только у нас. Я не знаю. Я просто не знаю. Прошу меня извинить, я говорю бессвязно, но с тех пор, как затонула Австралия...

— Что?! — взревел Лернер.

— Пожалуй, мы должны были заподозрить что-то, когда начались ураганы, однако землетрясения...

— А Марс? Венера? Альфа Центавра?

— Везде то же самое. Но ведь это не конец, правда, Моррисон? Человечество...

— Алле! Алле! — закричал Моррисон. — Что случилось? — спросил он у радиста.

— Связь прервалась. Я попробую снова.

— А черт с ними, — выговорил Моррисон. В эту секунду влетел Ривьера.

— Все на борту, — выпалил он. — Шлюзы закрыты. Мы готовы, мистер Моррисон.

Все смотрели на него. Моррисон обмяк в кресле и растерянно улыбнулся.

— Мы готовы, — повторил он. — Но куда нам податься?

СТОИМОСТЬ ЖИЗНИ

Кэррин пришел к выводу, что нынешнее дурное настроение появилось у него еще на прошлой неделе, после самоубийства Миллера. Однако это не избавило его от смутных, безотчетных страхов, гнездящихся где-то в глубине сознания. Глупо. Самоубийство Миллера его не касается.

Однако отчего же покончил с собой этот жизнерадостный толстяк? У Миллера было все, ради чего стоит жить: жена, дети, хорошая работа и все чудеса роскоши, созданные веком. Отчего он это сделал?

— Доброе утро, дорогой, — сказала Кэррину жена, когда они сели завтракать.

— Доброе утро, детка. Доброе утро, Билли.

Сын что-то буркнул в ответ.

Чужая душа потемки, решил Кэррин, набирая на диске номера блюд к завтраку. Изысканную пищу готовил и сервировал новый автоповар фирмы «Авиньон электрик».

Дурное настроение не рассеивалось, и это тем более досадно, что сегодня Кэррину хотелось быть в форме. У него выходной, и он ожидал прихода инспектора из «Авиньон электрик». То был знаменательный день.

Он встал из-за стола вместе с сыном.

— Всего хорошего, Билли.

Сын молча кивнул, взял ранец и ушел в школу. Кэррин подивился: не тревожит ли и его что-нибудь? Он надеялся, что нет. Хватит на семью и одного ипохондрика.

— До свидания, детка. — Он поцеловал жену, которая собралась за покупками.

«Во всяком случае она-то счастлива», — подумал он, провожая ее взглядом до калитки. Его занимало, сколько денег оставит она в магазине «Авиньон электрик».

Проверив часы, он обнаружил, что до прихода инспектора из «А. Э.» осталось полчаса. Лучший способ избавиться от дурного настроения — это смыть его, сказал он себе и направился в душевую.

Душевая была сверкающим чудом из пластика, и ее роскошь вернула Кэррину утраченный было душевный покой. Он бросил

одежду в стирально-гладильный автомат «А. Э.» и установил регулятор душа чуть повыше деления «освежающая». По телу ударила струя воды, температура которой на пять градусов превышала нормальную температуру кожи. Восхитительно! А затем — бодрящее растирание досуха автополотенцем «А. Э.».

Чудесно, думал он, пока полотенце растягивало и разминало каждую мышцу. Да оно и должно быть чудесным, напомнил он себе. Автополотенце «А. Э.» вместе с бритвенным прибором обошлось в тридцать долларов плюс налог.

А все же оно стоит этих денег, решил он, когда выползла бритва и смахнула едва пробившуюся щетину. В конце концов, что остается в жизни, если не наслаждаться предметами роскоши?

Когда он отключил автополотенце, кожу его приятно покалывало. Он должен был чувствовать себя превосходно, но не чувствовал. Мозг неумолчно сверлили мысли о самоубийстве Миллера, нарушая спокойствие выходного дня.

Тревожило ли Кэррина что-нибудь еще? С домом, безусловно, все в порядке. Бумаги к приходу инспектора подготовлены.

— Не забыл ли я чего-нибудь? — спросил он вслух.

— Через пятнадцать минут придет инспектор «Авиньон электрик», — прошептал настенный секретарь фирмы «А. Э.», установленный в ванной.

— Это я знаю. А еще?

Настенный секретарь протрещал накопленные в его памяти сведения — великое множество мелочей насчет поливки газона, проверки реактобиля, покупки телячьих отбивных к понедельнику и т. п. Мелочи, на которые до сих пор не удавалось выкроить время.

«Ладно, достаточно». Он позвонил автолакею «А. Э.», и тот искусно задрапировал его костлявую фигуру какими-то новыми тканями. Туалет завершило распыленное облачко модных мужских духов, и Кэррин, осторожно пробираясь среди расставленных вдоль стен аппаратов, пошел в гостиную.

Быстрый взгляд, брошенный на стенные диски и приборы, убедил его, что в доме царит порядок. Посуда после завтрака вымыта и убрана, пыль везде вытерта, полы отлакированы до зеркального блеска, платья жены развешаны в гардеробе, а модели ракетных кораблей, которые мастерил сын, уложены в стенной шкаф.

«Перестань волноваться, ипохондрик», — сердито одернул он себя.

Дверь объявила: «К вам мистер Пэтис из финансового отдела «Авиньон электрик»».

Кэррин хотел было приказать двери отвориться, но вовремя заметил автоматического бармена. Боже правый, как же он не подумал об этом?

Автоматический бармен был изготовлен фирмой «Кастиль моторс». Кэррин приобрел его в минуту слабости. Инспектор «А. Э.»

не придет от этого в особый восторг, потому что его фирма тоже выпускает такие автоматы.

Он откатил бармена в кухню и велел двери открыться.

— Здравствуйте, сэр. Отличный сегодня денек, — сказал мистер Пэтис.

Этот высокий, представительный человек был одет в старомодный твид. В уголках его глаз сбегались морщинки, свойственные людям, которые часто и охотно смеются. Лицо его светилось в улыбке; пожав руку Кэррина, он оглядел заставленную комнату.

— Прелестный у вас домик, сэр! Прелестный! Если хотите знать, едва ли я нарушу профессиональную этику фирмы, сообщив, что ваш интерьер самый красивый в районе.

Представив себе длинные ряды одинаковых домов в своем квартале, в соседнем и в следующем за соседним, Кэррин почувствовал внезапный прилив гордости.

— Ну-с, вся ли аппаратура у вас работает? — спросил мистер Пэтис, положив свой портфель на стул. — Все ли в исправности?

— О да, — с энтузиазмом ответил Кэррин. — Если имеешь дело с «Авиньон электрик», бояться неполадок не приходится.

— Фонор в порядке? Меняет мелодии через каждые семнадцать часов?

— Будьте уверены, — ответил Кэррин. До сих пор у него руки как-то не дошли обновить фонор, но во всяком случае как предмет обстановки вещь была крайне эффектна.

— А как стереовизор? Нравятся вам программы передач?

— Принимает безукоризненно. — Одну программу он случайно посмотрел в прошлом месяце, и она показалась поразительно жизненной.

— Как насчет кухни? Автоповар в исправности? Рецептмейстер еще выколачивает что-нибудь новенькое?

— Великолепное оборудование. Просто великолепное.

Мистер Пэтис продолжал расспросы о холодильнике, пылесосе, реактобиле, вертолете, подземном купальном бассейне и сотне других предметов, купленных у фирмы «Авиньон электрик».

— Все замечательно, — сказал Кэррин. Он несколько грешил против правды, поскольку успел распаковать далеко не все покупки. — Просто чудесно.

— Очень рад, — сказал мистер Пэтис, со вздохом облегчения откидываясь на спинку стула. — Вы не представляете, сколько усилий мы прилагаем к тому, чтобы наши клиенты остались довольны. Если продукция несовершенна, ее надо вернуть; при возврате мы не задаем никаких вопросов. Мы всегда рады угодить клиенту.

— Уверяю вас, что я это весьма ценю, мистер Пэтис.

Кэррин надеялся, что служащему «А. Э.» не вздумается осматривать кухню. Перед его мысленным взором неотступно стоял

автоматический бармен фирмы «Кастиль моторс», неуместный, как дикобраз на собачьей выставке.

— Могу с гордостью заявить, что большинство жителей вашего района покупают вещи у нас, — говорил между тем мистер Пэтис. — У нас солидная фирма.

— А мистер Миллер тоже был вашим клиентом? — полюбопытствовал Кэррин.

— Тот парень, что покончил с собой? — Пэтис на мгновение нахмурился. — По правде говоря, был. Это меня поразило, сэр, просто ошеломило. Да ведь и месяца не прошло, как этот парень купил у меня новехонький реактобиль, дающий на прямой триста пятьдесят миль в час! Радовался как младенец! И после этого вдруг сотворить с собой такое! Конечно, из-за реактобиля его долг несколько возрос.

— Понятно.

— Но что это меняло? Ему была доступна любая роскошь. А он взял да повесился.

— Повесился?

— Да, — сказал Пэтис, вновь нахмурясь. — В доме все современные удобства, а он повесился на канате. Вероятно, давно уж были расшатаны нервы.

Хмурый взгляд исчез, сменившись привычной улыбкой.

— Однако довольно об этом! Поговорим лучше о вас.

Когда Пэтис открыл свой портфель, улыбка стала еще шире.

— Итак, вот ваш баланс. Вы должны нам двести три тысячи долларов двадцать девять центов, мистер Кэррин, — таков итог после вашей последней покупки. Правильно?

— Правильно, — подтвердил Кэррин. Он помнил эту цифру по своим бумагам. — Примите очередной взнос.

Он вручил Пэтису конверт, который тот положил в карман, предварительно пересчитав содержимое.

— Прекрасно. Но знаете, мистер Кэррин, ведь вашей жизни не хватит, чтобы выплатить нам двести три тысячи долларов полностью.

— Да, едва ли я успею, — трезво согласился Кэррин.

Ему не исполнилось еще и сорока лет, и благодаря чудесам медицинской науки у него было в запасе еще добрых сто лет жизни.

Однако зарабатывая три тысячи долларов в год, он все же не мог выплатить долг и в то же время содержать семью.

— Само собой разумеется, мы бы не хотели лишать вас необходимого. Не говоря уж о потрясающих изделиях, которые выйдут в будущем году. Эти вещи вы не пожелаете упустить, сэр!

Мистер Кэррин кивнул. Ему, безусловно, хотелось приобрести новые изделия.

— А что, если мы с вами заключим обычное соглашение? Если вы дадите обязательство, что в течение первых тридцати лет после совершеннолетия ваш сын будет выплачивать нам свой заработок, мы с удовольствием предоставим вам дополнительный кредит.

Мистер Пэтис выхватил из портфеля какие-то документы и разложил их перед Кэррином.

— Вам надо лишь подписаться вот здесь, сэр.

— Не знаю, как быть, — сказал Кэррин. — Что-то душа не лежит. Мне бы хотелось помочь мальчику в жизни, а не взваливать на него с самого начала...

— Но ведь, дорогой сэр, — вставил Пэтис, — это делается и ради вашего сына тоже. Ведь он здесь живет, не правда ли? Он вправе пользоваться предметами роскоши, чудесами науки...

— Конечно, — подтвердил Кэррин. — Но ведь...

— Подумайте только, сэр, сегодня средний человек живет как король. Сто лет назад даже первому богачу было недоступно то, чем владеет в настоящее время простой гражданин. Не надо рассматривать это обязательство как долг. На самом деле это вложение капитала.

— Верно, — с сомнением проговорил Кэррин.

Он подумал о сыне, о его моделях ракетных кораблей, звездных картах и чертежах. «Правильно ли я поступаю?» — спросил он себя.

— Что вас беспокоит? — бодро спросил Пэтис.

— Да я просто подумал, — сказал Кэррин, — дать обязательство на заработок сына — не кажется ли вам, что я захожу слишком далеко?

— Слишком далеко? Дорогой сэр! — Пэтис разразился хохотом. — Вы знаете Меллона? Того, что живет в конце квартала? Так вот, не говорите, что это я рассказал, но он уже заложил жалованье своих внуков за всю их жизнь! А у него нет еще и половины того, что он решил приобрести! Мы для него что-нибудь придумаем. Обслуживание клиентов — наша работа, и мы знаем в этом толк.

Кэррин заметно вздрогнул.

— А когда вас не станет, все это перейдет к вашему сыну.

Это верно, подумал Кэррин. У сына будут все изумительные вещи, которыми изобилует дом. И в конце концов, речь идет лишь о тридцати годах, а средняя продолжительность жизни — сто пятьдесят лет.

Он расписался, увенчав подпись замысловатым росчерком.

— Отлично! — сказал Пэтис. — Между прочим, у вас в доме есть командооператор фирмы «А. Э.»?

В доме такого не было. Пэтис объяснил, что командооператор — это новинка года, величайшее достижение науки и техники. Он предназначен для выполнения всех работ по уборке и приготовлению пищи — владельцу не приходится и пальцем шевельнуть.

— Вместо того чтобы носиться весь день по дому и нажимать

полдюжины разных кнопок, надо нажать лишь одну! Замечательное изобретение!

Поскольку новинка стоила всего пятьсот тридцать пять долларов, Кэррин приобрел и ее, прибавив эту сумму к долгу сына.

Что верно, то верно, думал он, провожая Пэтиса до двери. Когда-нибудь этот дом будет принадлежать Билли. Ему и его жене. Они, бесспорно, захотят, чтобы все было самое новейшее.

Только одна кнопка, подумал он. Вот это поистине сберегает время.

После ухода Пэтиса Кэррин вновь уселся в регулируемое кресло и включил стерео. Покрутив легкояти, он обнаружил, что смотреть ничего не хочется. Он откинулся в кресле и задремал.

Нечто в глубине сознания по-прежнему не давало ему покоя.

— Привет, милый! — Проснувшись, он увидел, что жена уже вернулась домой. Она чмокнула его в ухо. — Погляди-ка.

Жена купила халат-сексоусилитель фирмы «А. Э.». Его приятно поразило, что эта покупка оказалась единственной. Обычно Лила возвращалась из магазинов, нагруженная пакетами.

— Прелестный, — похвалил он.

Она нагнулась, подставляя лицо для поцелуя, и хихикнула. Эту привычку она переняла у только что вошедшей в моду популярной стереозвезды. Кэррину такая привычка не нравилась.

— Сейчас наберу ужин, — сказала она и вышла в кухню. Кэррин улыбнулся при мысли, что скоро она будет набирать блюда, не выходя из гостиной. Он снова откинулся в кресле, и тут вошел сын.

— Как дела, сынок? — тепло спросил Кэррин.

— Хорошо, — апатично ответил Билли.

— В чем дело, сынок? — Мальчик, не отвечая, смотрел себе под ноги невидящими глазами. — Ну же, расскажи папе, какая у тебя беда.

Билли уселся на упаковочный ящик и уткнулся подбородком в ладони. Он задумчиво посмотрел на отца.

— Папа, мог бы я стать мастером-наладчиком, если бы захотел?

Мистер Кэррин улыбнулся наивности вопроса. Билли попеременно хотел стать то мастером-наладчиком, то летчиком-космонавтом. Наладчики принадлежали к элите. Они занимались починкой автоматических ремонтных машин. Ремонтные машины чинят все, что угодно, но никакая машина не починит машину, которая сама чинит машины. Тут-то на сцене и появляются мастера-наладчики.

Однако вокруг этой сферы деятельности шла бешеная конкурентная борьба, и лишь очень немногим из самых способных

удавалось получить дипломы наладчиков. А у мальчика, хотя он и смышлен, нет склонности к технике.

— Возможно, сынок. Все возможно.

— Но возможно ли это именно для меня?

— Не знаю, — ответил Кэррин со всей доступной ему прямотой.

— Ну и не надо, все равно я не хочу быть мастером-наладчиком, — сказал мальчик, поняв, что получил отрицательный ответ. — Я хочу стать летчиком-космонавтом.

— Летчиком-космонавтом, Билли? — вмешалась Лила, войдя в комнату. — Но ведь у нас их нет.

— Нет, есть, — возразил Билли. — Нам в школе говорили, что правительство собирается послать несколько человек на Марс.

— Это говорится уже сто лет, — сказал Кэррин, — однако до сих пор правительство к этому и близко не подошло.

— На этот раз пошлют.

— Почему ты так рвешься на Марс? — спросила Лила, подмигнув Кэррину. — На Марсе ведь нет хорошеньких девушек.

— Меня не интересуют девушки. Мне просто хочется на Марс.

— Тебе там не понравится, милый, — сказала Лила. — Это противная старая дыра, и там нет воздуха.

— Там есть воздух, хоть его и мало. Я хочу туда поехать, — угрюмо настаивал мальчик. — Мне здесь не нравится.

— Это еще что? — спросил Кэррин, выпрямляясь в кресле. — Чего ты еще хочешь? Тебе чего-нибудь не хватает?

— Нет, сэр. У меня есть все, что надо. — Когда сын называл его сэром, Кэррин знал: что-то неблагополучно.

— Послушай, сынок, в твои годы мне тоже хотелось на Марс. Меня привлекала романтика. Я даже мечтал стать мастером-наладчиком.

— Почему же ты им не стал?

— Ну, я вырос. Я понял, что есть более важные дела. Сначала я заплатил долг, доставшийся мне от отца, а потом встретил твою мать...

Лила хихикнула.

— ...и захотелось создать семью. То же самое будет и с тобой. Ты выплатишь свой долг и женишься, как все люди.

Билли помолчал, откинул со лба темные волосы — прямые, как у отца, — и облизнул губы.

— Откуда у меня появились долги, сэр?

Кэррин осторожно объяснил. Он рассказал о вещах, которые необходимы для цивилизованной жизни всей семьи, и о том, сколько эти вещи стоят. Как они оплачиваются. Как появился обычай, чтобы сын, достигнув совершеннолетия, принимал на себя часть родительского долга.

Молчание Билли раздражало Кэррина. Мальчик словно упре-

кал его. А он-то долгие годы трудился как раб, чтобы предоставить неблагодарному щенку все прелести комфорта.

— Сынок, — резко произнес он, — ты проходил в школе историю? Хорошо. Значит, тебе известно, что было в прошлом. Войны. Тебе бы понравилось, если бы тебя заставили воевать?

Мальчик не отвечал.

— Или понравилось бы тебе гнуть спину по восемь часов в день за работой, с которой должна справляться машина? Или все время голодать? Или мерзнуть и мокнуть под дождем, не имея пристанища?

Он подождал ответа и, не дождавшись, продолжал:

— Ты живешь в самом счастливом веке, какой когда-либо знало человечество. Тебя окружают все чудеса искусства и науки. Самая утонченная музыка, лучшие книги, величайшие творения искусства — все к твоим услугам. Тебе остается лишь нажать кнопку. — Голос его смягчился. — Ну, о чем ты думаешь?

— Я просто соображаю, как же мне теперь попасть на Марс, — ответил мальчик. — Я хочу сказать — с долгами. Навряд ли можно от них отделаться.

— Конечно, нет.

— Разве что забраться в ракету зайцем.

— Но ты ведь этого не сделаешь.

— Конечно, нет, — сказал мальчик, но голосу его недоставало уверенности.

— Ты останешься здесь и женишься на очень славной девушке, — подхватила мать.

— Конечно, останусь, — отозвался Билл. — Конечно. — Он неожиданно ухмыльнулся. — Я просто так говорил насчет Марса. Просто так.

— Я очень рада, — ответила Лила.

— Забудьте о том, что я тут наболтал, — попросил Билли с вымученной улыбкой. Он встал и опрометью бросился наверх.

— Наверное, пошел играть с ракетами, — сказала Лила. — Вот чертенок.

Кэррины спокойно поужинали, а после ужина мистеру Кэррину пора было идти на работу. В этом месяце он выходил в ночную смену. Он поцеловал жену, сел в реактобиль и под оглушительный рев покатил на завод. Опознав Кэррина, автоматические ворота распахнулись. Он поставил реактобиль на стоянку и вошел внутрь здания.

Автоматические токарные станки, автоматические прессы — все автоматическое. Завод был огромный и светлый; тихо жужжали машины — они делали свое дело, и делали его хорошо.

Кэррин подошел к концу сборочного конвейера для автоматических стиральных машин: надо было принять смену.

— Все в порядке? — спросил он.

— Конечно, — ответил сменщик. — Целый год нет брака. У этих

новых моделей встроенные голоса. Здесь нет сигнальной лампочки, как в старых.

Кэррин уселся на место сменщика и подождал прибытия первой стиральной машины. Работа его была воплощением простоты. Он сидел на месте, а мимо проплывали машины. Он нажимал на них кнопку и проверял, все ли в порядке. Все неизменно было в порядке. Пройдя его контроль, машины отправлялись в отдел упаковки.

На длинных роликовых салазках скользнула первая машина. Кэррин нажал пусковую кнопку на ее боку.

— Готова к стирке, — сказала стиральная машина.

Кэррин нажал выключатель и пропустил машину дальше.

Этот мальчик, подумал Кэррин. Не побоится ли он ответственности, когда вырастет? Станет ли зрелым человеком и займет ли место в обществе? Кэррин в этом сомневался. Мальчик — прирожденный мятежник.

Однако эта мысль его не особенно встревожила.

— Готова к стирке. — Прошла другая машина.

Кэррин припомнил кое-что о Миллере. Этот жизнелюб вечно толковал о других планетах, постоянно шутил, что полетит на одну из них и наведет там хоть какой-то порядок. Однако он никуда не полетел. Он покончил с собой.

— Готова к стирке.

Кэррину предстояло восемь часов работы; готовясь к ним, он ослабил ремень. Восемь часов надо нажимать кнопки и слушать, как машины заявляют о своей готовности.

— Готова к стирке.

Он нажал выключатель.

— Готова к стирке.

Мысли Кэррина блуждали где-то далеко, впрочем, его работа и не требовала особого внимания. Теперь он понял, что именно беспрерывно гнетет его.

Ему не нравилось нажимать на кнопки.

АКАДЕМИЯ

ИНСТРУКЦИЯ

к пользованию измерителем вменяемости «Кэгилл-Томас», серия ДМ-14 (модель с ручным управлением)

«Производственная компания «Кэгилл-Томас» рада познакомить вас с новейшим измерителем вменяемости. Этот прекрасный, надежный прибор настолько малогабаритен, что превосходно вписывается в интерьер любой спальни, кухни, кабинета, а во всем остальном он является точной копией стационарного измерителя «К-Т», применяемого в большинстве учреждений, на об-

щественном транспорте, в местах отдыха и развлечений и т. п. Фирма не пожалела усилий, чтобы снабдить вас наилучшим из всех возможных измерителей по самой низкой из всех возможных цен.

1) *Действие.* В правом нижнем углу прибора находится выключатель. Переведите его в позицию «включен» и выждите несколько секунд, пока прибор не нагреется. Затем переведите выключатель из позиции «включен» в позицию «работа». Выждите еще несколько секунд, затем снимайте показания.

2) *Отсчет показаний.* На передней части прибора, над выключателем, имеется прозрачное окошко со шкалой, отградуированной от единицы до десяти. Цифра, на которую указывает черная стрелка, характеризует ваше психическое состояние, сравнивая его с современной статистической нормой.

3) *Цифры 0 — 3.* В вашей модели, как и во всех измерителях вменяемости, за нуль принимается теоретически идеальное психическое состояние. Любая цифра выше нуля считается отклонением от нормы. Однако нуль — это не действительная, а скорее статистическая категория. Для нашей цивилизации диапазон вменяемости колеблется от нуля до трех. Всякое показание прибора в этих пределах считается нормальным.

4) *Цифры 4 — 7.* Эти цифры соответствуют допустимому пределу отклонения от нормы. Лица, зарегистрированные в данной зоне шкалы, должны немедленно явиться на консультацию к терапевту.

5) *Цифры 8 — 10.* Лицо, получающее показания свыше семи, считается потенциально опасным для окружающих. У него почти наверняка запущенный невроз или даже психоз. По закону такой гражданин обязан встать на учет и в течение испытательного срока снизить показания до цифры меньше семи. (Длительность испытательного срока определяется законодательством каждого штата.) Если это не удается, гражданин обязан подвергнуться хирургическому изменению личности или добровольно пройти курс лечения в Академии.

6) *Цифра 10.* Под цифрой десять на шкалу прибора нанесена красная черта. Если стрелка переходит за эту черту, не может быть и речи об обычных платных терапевтических методах лечения. Такой гражданин обязан безотлагательно подвергнуться хирургическому изменению личности или немедленно пройти терапевтический курс лечения в Академии.

Предостережение:

А. Измеритель вменяемости — не диагностическая машина. Не пытайтесь самостоятельно решать вопрос о своем здоровье. Цифры от нуля до десяти не свидетельствуют о характере заболеваний — неврозе, психозе и т. п., а только говорят об их интенсивности. Шкала интенсивности характеризует лишь потенциальную способность данного индивидуума причинить вред социальному порядку. Невротик определенного типа может оказаться потенциально опаснее психотика, что и зарегистрирует любой измеритель вменяемости.

Для дальнейшего диагностирования обращайтесь к терапевту.

Б. Показания от нуля до десяти являются приблизительными. Для получения показаний с точностью до 10 — 30 пользуйтесь стационарной моделью.

В. *Помните:* вменяемость отдельной личности — дело каждого из нас. После периода великих мировых войн мы шагнули далеко вперед — исключительно из-за того, что положили в основу нашей цивилизации концепции социального душевного здоровья, индивидуальной ответственности и сохранения status quo. Поэтому, если ваш показатель выше трех, обращайтесь за медицинской помощью. Если он выше семи, вы обязаны получить медицинскую помощь. Если вы перешагнули за десять, не дожидайтесь разоблачения и ареста. Ради спасения цивилизации отдайтесь добровольно в руки властей.

С наилучшими пожеланиями,
компания «Кэгилл-Томас».

Мистер Фирмен понимал, что после завтрака надо тотчас же идти на работу. При сложившихся обстоятельствах всякую задержку могли истолковать в неблагоприятном смысле. Он даже надел скромную серую шляпу, поправил галстук, двинулся к двери и взялся было за дверную ручку, но решил дождаться почты.

Недовольный собой, он отошел от двери и принялся расхаживать по комнате. Ведь он знал, что будет дожидаться почты; зачем же прикидываться, будто собираешься уходить? Неужто нельзя быть честным с самим собой, даже сейчас, когда так важна собственная честность?

Черный спаниель Спид, свернувшийся на кушетке, с любопытством посмотрел на него. Фирмен потрепал пса по голове, потянулся за сигаретой, но передумал. Он опять потрепал Спида, и пес лениво зевнул. Фирмен передвинул лампу, которую вовсе не нужно было передвигать, вздрогнул без всякой причины и снова принялся расхаживать по комнате.

Он неохотно признался себе, что у него нет настроения выходить из квартиры, — по правде говоря, он даже боится выйти, хотя ему ничто не угрожает. Он попытался убедить себя, что сегодня всего лишь обычный день, такой же, как вчерашний и позавчерашний. Ведь если человек в это поверит, по-настоящему поверит, события будут отодвигаться в бесконечность и с ним ничего не случится.

Кстати, почему сегодня обязательно должно что-то случиться? У него ведь еще не кончился испытательный срок.

Ему послышался какой-то шум возле наружной двери, и он

поспешно открыл ее. Он ошибся, почта еще не пришла. Однако домовладелица тоже открыла дверь — ее квартира находилась на этой же площадке — и поглядела на него бесцветным недружелюбным взглядом.

Фирмен закрыл дверь и обнаружил, что у него дрожат руки. Он решил, что не мешает проверяться. Он вошел в спальню, но там хлопотал рободворецкий, выметавший горстку пыли на середину комнаты. Кровать Фирмена была уже застелена; кровать жены нечего было стелить, так как там почти неделю никто не спал.

— Мне уйти, сэр? — спросил рободворецкий.

Фирмен ответил не сразу. Он предпочитал проверяться в одиночестве. Разумеется, рободворецкий не человек. Строго говоря, механизмы — предметы неодушевленные, однако казалось, что этот робот наделен каким-то подобием души. Как бы то ни было, неважно, останется он или уйдет, потому что в схему всех личных роботов встроены измерители вменяемости. Этого требовал закон.

— Как хочешь, — сказал наконец Фирмен.

Рободворецкий всосал в себя горстку пыли и бесшумно выкатился из комнаты.

Фирмен подошел к прибору, включил его и привел в действие. Он угрюмо следил за тем, как черная стрелка медленно ползла мимо двойки и тройки — нормы, мимо шестерки и семерки — отклонений — к 8,2, где в конце концов замерла.

На одну десятую выше, чем вчера. На одну десятую ближе к красной черте.

Фирмен рывком выключил прибор и закурил сигарету. Он вышел из спальни медленно и устало, словно было не утро, а конец рабочего дня.

— Почта, сэр, — плавно подкатившись к нему, возгласил рободворецкий. Фирмен выхватил из протянутой руки робота пачку писем и просмотрел их.

— От нее ничего, — невольно вырвалось у него.

— Мне очень жаль, сэр, — быстро откликнулся рободворецкий.

— Тебе жаль? — Фирмен с любопытством взглянул на механизм. — Почему?

— Я, естественно, заинтересован в вашем благополучии, сэр, — заявил рободворецкий. — Так же как и Спид, в меру своего понимания. Письмо от миссис Фирмен способствовало бы подъему вашего морального состояния. Нам жаль, что оно не пришло.

Спид тихо гавкнул и склонил морду набок. Сочувствие машины, жалость животного, подумал Фирмен. И все-таки он был благодарен обоим.

— Я ее ни в чем не виню, — сказал он. — Нельзя было полагать, что она станет терпеть меня вечно. — Он выждал, надеясь, что робот посулит ему возвращение жены и скорое выздоровление. Однако рободворецкий молча стоял возле Спида, который тем временем успел снова заснуть.

Фирмен еще раз просмотрел корреспонденцию. Там было несколько счетов, какое-то объявление и маленький негнущийся конверт. На нем значился обратный адрес Академии, поэтому Фирмен торопливо вскрыл его.

Внутри конверта была открытка с надписью: «Дорогой мистер Фирмен, Ваше прошение о приеме рассмотрено и удовлетворено. Мы будем рады принять Вас в любое время. С благодарностью, дирекция».

Фирмен покосился на открытку. У него в мыслях не было добиваться приема в Академию. Ни к чему в мире душа у него не лежала меньше.

— Это жена придумала? — спросил он.

— Не знаю, сэр, — отозвался рободворецкий.

Фирмен повертел в руках открытку. Он, конечно, всегда имел смутное представление о том, что существует Академия. О ней невозможно было не знать, так как она оказывала влияние на все сферы жизни. На самом же деле об этом важнейшем учреждении он знал очень мало — на редкость мало.

— Что такое Академия? — спросил он.

— Большое и приземистое серое здание, — ответил рободворецкий. — Расположено в юго-западной части города. До него можно добраться самыми различными видами общественного транспорта.

— Но что она собой представляет?

— Государственная лечебница, — пояснил рободворецкий, — доступная каждому, кто изъявит желание письменно или устно. Более того, Академия существует как место добровольного пребывания всех людей, у которых показания измерителя превышают десять, — на выбор, взамен хирургического изменения личности.

Фирмен в изнеможении вздохнул.

— Все это мне известно. Но какова ее система? Что там за лечение?

— Не знаю, сэр, — сказал рободворецкий.

— Какой процент выздоравливающих?

— Сто процентов, — без запинки ответил рободворецкий.

Фирмен припомнил нечто, показавшееся ему странным.

— Постой-ка, — сказал он. — Из Академии никто не возвращается. Так ведь?

— Нет никаких сведений о лицах, которые вышли бы из Академии, после того как очутились в ее стенах, — ответил рободворецкий.

— Почему?

— Не знаю, сэр.

Фирмен смял открытку и бросил в пепельницу. Все это было весьма странно. Академия так хорошо известна, все с ней так свыклись, что никому и в голову не приходит расспрашивать. В его

воображении это место всегда рисовалось каким-то расплывчатым пятном, далеким и нереальным. То было заведение, в которое отправляешься, перевалив за цифру «десять», так как не хочешь подвергаться лоботомии, топэктомии и прочим операциям, ведущим к необратимой утрате личности. Но, разумеется, стараешься не думать о том, что можешь перевалить за десять, так как самая эта мысль не что иное, как признание своей душевной неуравновешенности, и потому не размышляешь о том, какой выбор тебе предоставят, если это случится.

Впервые в жизни Фирмен пришел к выводу, что ему не нравится вся система. Придется навести кое-какие справки. Почему из Академии никто не выходит? Почему так мало известно о тамошних методах лечения, если они действительно эффективны на сто процентов?

— Пожалуй, пойду на работу, — сказал Фирмен. — Приготовь мне что-нибудь на ужин.

— Слушаю, сэр. Всего хорошего, сэр.

Спид вскочил с кушетки и проводил его до двери. Фирмен опустился на колени и погладил лоснящуюся черную голову.

— Нет, парень, ты оставайся дома. Сегодня не придется зарывать в землю кости.

— Спид никогда не зарывает костей, — вмешался роботворецкий.

— Это верно.

Нынешние собаки, так же как их хозяева, не испытывают неуверенности в завтрашнем дне. Нынче никто не прячет костей.

— Пока.

Он прошмыгнул мимо хозяйской двери и выскочил на улицу.

Фирмен опоздал на работу почти на двадцать минут. Войдя в двери, он позабыл предъявить обследующему механику удостоверение о прохождении испытательного срока. Гигантский стационарный измеритель вменяемости обследовал Фирмена, стрелка скакнула выше семи, зажглись красные сигнальные лампы. Резкий металлический голос из громкоговорителя прогремел: «Сэр! Сэр! Ваше отклонение от нормы вышло за пределы безопасности! Вам следует безотлагательно обратиться к врачу!»

Фирмен быстро выхватил из бумажника испытательное удостоверение. Однако и после этого машина продолжала добрых десять секунд упрямо рявкать на него. Все в холле пялили на него глаза. Мальчишки-рассыльные застыли, довольные, что оказались свидетелями скандала. Бизнесмены и конторские девушки начали перешептываться, а два полисмена из Охраны вменяемости многозначительно переглянулись. Рубашка Фирмена пропиталась потом и прилипла к спине. Он подавил желание броситься вон и подошел к лифту. Лифт был почти полон, и Фирмен

не мог заставить себя войти. Он взбежал по лестнице на второй этаж и вызвал лифт. К тому времени как Фирмен попал в агентство Моргана, ему удалось овладеть собой. Он показал удостоверение измерителю вменяемости, стоящему у самой двери, платком вытер с лица пот и прошел внутрь.

В агентстве все уже знали о происшествии. Это было видно по общему молчанию, по тому, как отворачивались все лица. Фирмен быстрым шагом прошел в свой кабинет, закрыл дверь и повесил шляпу.

Он уселся за письменный стол, все еще слегка взбудораженный, исполненный негодования против измерителя вменяемости. Если бы только можно было расколотить эти проклятые штуки! Вечно суют нос в чужие дела, оглушительно гудят прямо в уши, выводят из равновесия...

Тут Фирмен поспешно оборвал собственную мысль. В измерителях нет ничего плохого. Мысль о них как о сознательных преследователях — одно из проявлений паранойи и, возможно, симптом его, Фирмена, нынешнего патологического состояния. Измерители — это всего лишь орудия человеческой воли. Общество в целом, напомнил он себе, нуждается в защите от личности, точно так же как человеческое тело нуждается в защите от дисфункции любой из его частей. При самой нежной привязанности к своему желчному пузырю ты без сожаления пожертвуешь им, если он способен причинить вред всему организму.

Фирмен смутно сознавал шаткость подобной аналогии, но решил не думать над этим. Надо побольше узнать об Академии.

Закурив сигарету, он набрал номер Терапевтической справочной службы.

— Чем я могу вам помочь, сэр? — откликнулся приятный женский голос.

— Мне бы хотелось получить кое-какую информацию относительно Академии, — сказал Фирмен, чувствуя себя немного не в своей тарелке. Академия пользовалась такой известностью, так прочно вросла в повседневную жизнь, что его слова были равнозначны вопросу, какое в стране правительство.

— Академия помещается...

— Я знаю, где она помещается, — прервал Фирмен. — Мне бы хотелось выяснить, какие лечебные процедуры там назначают больным.

— Такой информацией мы не располагаем, сэр, — после паузы ответила женщина.

— Нет? А я полагал, что все данные о платной терапии доступны широкой публике.

— Практически так оно и есть, — медленно проговорила женщина. — Но Академия — это не платная лечебница в общепринятом смысле слова. Там действительно взимают плату, однако, с другой стороны, туда принимают больных и на благотворитель-

ных началах, совершенно бесплатно. Кроме того, Академию отчасти субсидирует правительство.

Фирмен стряхнул пепел с сигареты и нетерпеливо возразил:

— Мне казалось, что все правительственные начинания известны широкой публике.

— Как правило, известны. За исключением тех случаев, когда подобная осведомленность может оказаться вредной для широкой публики.

— Значит, подобная осведомленность об Академии оказалась бы вредной? — торжествующе воскликнул Фирмен, чувствуя, что наконец-то добрался до сути дела.

— Ах, что вы, сэр! — От изумления голос женщины стал пронзительным. — Я вовсе не это имела в виду! Я просто излагала вам общие правила об отказе в информации. Академия, хотя она и предусмотрена законом, в известной степени оказалась поставленной над законом. Такое правовое положение объясняется тем, что Академия добилась стопроцентного излечения.

— Где я могу увидеть хоть одного излеченного? — спросил Фирмен. — Насколько я понимаю, никто из них никогда не выходил из Академии.

Тут-то они и попались, думал Фирмен, ожидая ответа. Ему показалось, будто в трубке послышался какой-то шепот. Внезапно над ухом раздался мужской голос, громкий и звучный.

— Говорит начальник отдела. У вас возникли затруднения?

Услышав энергичный голос невидимого собеседника, Фирмен едва не выронил трубку. Ощущение торжества развеялось, и он пожалел о том, что позвонил сюда. Однако он принудил себя добавить:

— Мне нужна кое-какая информация об Академии.

— Местонахождение...

— Да нет же! Я имею в виду действительную информацию! — с отчаянием сказал Фирмен.

— С какой целью вы желаете получить эту информацию? — спросил начальник отдела, и в его голосе внезапно зазвучали вкрадчивые, почти гипнотические нотки опытного терапевта.

— Для осведомления, — не задумываясь ответил Фирмен. — Поскольку Академия — это вариант лечения, доступный мне в любое время, я хотел бы узнать о ней побольше, чтобы сделать правильный выбор.

— Весьма правдоподобно, — заметил начальник отдела. — Однако вдумайтесь. Нужны ли вам полезные, деловые сведения? Такие, что будут способствовать вашему единению с обществом? Или ваша просьба продиктована праздным любопытством, поскольку вы подвержены беспокойству и другим, еще более серьезным комплексам?

— Я спрашиваю, потому что...

— Как ваша фамилия? — неожиданно спросил начальник отдела.

Фирмен промолчал.

— Каков уровень вашей вменяемости?

Фирмен по-прежнему молчал. Он старался понять, засечен ли уже номер его телефона, и склонялся к мысли, что уже засечен.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия приносит неизмеримую пользу?

— Нет.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия способствует сохранению status quo?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? Почему вы отказываетесь назвать свою фамилию и уровень вменяемости? Почему испытываете необходимость в более полной информации?

— Благодарю вас, — пробормотал Фирмен и повесил трубку. Он сообразил, что телефонный звонок был роковой ошибкой. То был поступок восьмерочника, а не нормального человека. Начальник отдела, обладая профессионально развитым восприятием, сразу понял это. Разумеется, начальник отдела не станет давать такую информацию восьмерочнику. Фирмен знал, что тот, кто надеется когда-либо вернуться к статистической норме, должен куда тщательнее следить за своими поступками, анализировать их, отдавать себе в них отчет.

Он все еще сидел у телефона, когда послышался стук; дверь отворилась, и вошел его начальник, мистер Морган. Это был высокий человек, богатырского сложения, с круглым, сытым лицом. Он остановился перед столом Фирмена, барабаня пальцами по пресс-папье и глядя смущенно, как пойманный вор.

— Мне уже доложили об инциденте внизу, — сказал он, не глядя на Фирмена и энергично постукивая пальцами.

— Минутная слабость, — автоматически ответил Фирмен. — Вообще-то мой уровень начинает улучшаться.

Говоря это, он не смел взглянуть Моргану в глаза. Оба напряженно уставились в противоположные углы комнаты. Наконец их взгляды скрестились.

— Послушайте, Фирмен, я стараюсь не вмешиваться в чужие дела, — заговорил Морган, садясь на уголок стола Фирмена. — Но черт побери, дружище, вменяемость — это вопрос, который затрагивает всех. Все мы под Богом ходим. — Эта мысль, казалось, укрепила Моргана в его убеждении. Разгорячившись, он подался к собеседнику. — Вы знаете, на мне лежит ответственность за множество сотрудников. За последний год вы третий раз находитесь на испытании. — Он заколебался. — Как это началось?

Фирмен покачал головой.

— Не знаю, мистер Морган. Жил себе помаленьку, тихо и спокойно — и вдруг стрелка полезла вверх.

Подумав, мистер Морган тоже покачал головой.

— Не может быть, чтобы так сразу, ни с того ни с сего. Вы проверяли мозговую ткань?

— Меня заверили, что никаких органических изменений нет.

— Лечились?

— Чего только не перепробовал, — сказал Фирмен. — Электротерапия, психоанализ, метод Смита, школа Раннеса, Девиа-мысль, дифференциация...

— И что вам сказали? — спросил Морган.

Фирмен вспомнил нескончаемую вереницу терапевтов, к которым он обращался. Его обследовали со всех точек зрения, разработанных психологией. Его усыпляли наркотиками, подвергали шоку и обследовали, обследовали... Однако все бурные усилия сводились к одному...

— Не разобрались.

— Неужели они вовсе ничего не могли сказать?

— Во всяком случае немногое. Врожденное беспокойство, глубоко скрытые комплексы, неспособность внутренне принять status quo. Все сходятся на том, что я негибкий тип. На меня не подействовала даже реконструкция личности.

— А как прогноз?

— Не слишком благоприятен.

Морган встал и принялся расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

— Фирмен, я думаю, это вопрос вашего внутреннего отношения к миру. Действительно ли вы хотите стать винтиком в нашем слаженном механизме?

— Я испробовал все...

— Конечно. Но *хотели* ли вы измениться? Приобщение! — воскликнул Морган и стукнул о ладонь кулаком, будто припечатал это слово. — Хотите ли вы приобщиться?

— Едва ли, — ответил Фирмен с искренним сожалением.

— Взять хоть меня, — серьезно сказал Морган, широко расставив ноги перед столом Фирмена. — Десять лет назад это агентство было вдвое больше нынешнего и продолжало расти! Я работал как одержимый, увеличивал фонды, умножал ценные бумаги, вкладывал капитал, расширял дело и делал деньги, деньги и снова деньги.

— И что же случилось?

— Неизбежное. Стрелка подпрыгнула с двух и трех десятых до семи с гаком. Я встал на дурной путь.

— Закон не воспрещает делать деньги, — заметил Фирмен.

— Безусловно. Но существует психологический закон против тех, кто делает их слишком много. Современное общество к таким вещам не приспособлено. Из расы вытравили почти всю жажду конкуренции, всю агрессивность. В конце концов, скоро будет сто лет, как установлен status quo. Все это время не было ни новых изобретений, ни войн, ни существенных изменений. Психология

нормализует человечество, искореняя безрассудные элементы. Так вот, с моими склонностями и способностями это было все равно что... все равно что играть с младенцем в теннис. Меня невозможно было удержать.

Лицо Моргана раскраснелось, дыхание стало прерывистым. Он овладел собой и продолжал более ровным тоном:

— Понятно, мои поступки были продиктованы патологическими причинами. Жаждой власти, чрезмерным конкурентным азартом. Я прошел Подстановочную терапию.

Фирмен заметил:

— Не вижу ничего ненормального в желании расширить свое дело.

— Боже правый, дружище, да неужели вы ничего не смыслите в Социальной вменяемости, в Ответственности и Укладе стабильного общества? Я был на пути к обогащению. Разбогатев, я мог бы основать финансовую империю. Все вполне законно, понимаете ли, но ненормально. И кто знает, до чего бы я докатился? Быть может, в конечном итоге — до косвенного контроля над правительством. Я бы захотел изменить психологическую политику в соответствии со своими аномалиями. Представляете, к чему бы это привело?

— И вы приспособились, — сказал Фирмен.

— Я мог выбирать между Хирургией мозга, Академией и приспособлением. К счастью, я нашел выход своим склонностям в спортивной борьбе. Я облагородил свои эгоистические комплексы, направив их на благо человечества. Однако вот к чему я клоню, Фирмен. Ведь я приближался к красной черте. Но я приспособился, прежде чем оказалось слишком поздно.

— Я бы с радостью приспособился, — ответил Фирмен, — если бы знал, что со мной происходит. Беда в том, что диагноз неизвестен.

Морган долго молчал, что-то обдумывая. Наконец он сказал:

— Мне кажется, вам нужен отдых, Фирмен.

— Отдых? — Фирмен мгновенно насторожился. — Вы хотите сказать, что я уволен?

— Нет, разумеется, нет. Я хочу быть справедливым и поступать как порядочный человек. Но у меня здесь хозяйство. — Неопределенный жест Моргана означал — агентство, здание, город. — Безумие подкрадывается незаметно. На этой неделе у нескольких наших сотрудников уровень повысился.

— И очаг инфекции — это я.

— Мы должны подчиняться правилам, — сказал Морган, распрямляясь перед столом Фирмена. — Жалованье вам будет поступать до тех пор, пока... пока вы не примете какое-либо решение.

— Спасибо, — сухо произнес Фирмен. Он встал и надел шляпу.

Морган положил руку ему на плечо.

— Вы не задумывались об Академии? — негромко спросил он. — Я хочу сказать, если больше ничего не поможет...

— Раз и навсегда — нет! — ответил Фирмен, заглянув прямо в маленькие голубые глазки Моргана.

Морган отвернулся.

— У вас, по-моему, необъяснимое предубеждение против Академии. Откуда оно? Ведь вы знаете, как организовано наше общество. Вы же не думаете, что в нем дозволят что-нибудь идущее вразрез с общим благом?

— Едва ли, — согласился Фирмен. — Но почему об Академии так мало известно?

Они прошли сквозь анфиладу безмолвных кабинетов. Никто из людей, с которыми Фирмен был так давно знаком, не оторвался от работы.

Морган открыл дверь и сказал:

— Вам все известно об Академии.

— Мне неизвестно, как там лечат.

— А все ли вы знаете об остальных видах лечения? Можете ли рассказать о Подстановочной терапии? О психоанализе? Или о Редукции О'Гилви?

— Нет. Но у меня есть общее представление об их воздействии.

— Оно есть у всех, — торжествующе подхватил Морган, но тут же понизил голос. — В том-то и загвоздка. Очевидно, Академия не дает такой информации, потому что это нанесло бы вред самой терапии. Но здесь нет ничего странного, не так ли?

Фирмен обдумывал эту мысль, следуя за Морганом в холл.

— Готов согласиться, — сказал он. — Но объясните, почему из Академии никто никогда не выходит? Не поражает ли вас это зловещее обстоятельство?

— Никоим образом. Вы очень странно смотрите на вещи. — Разговаривая, Морган нажал кнопку и вызвал лифт. — Будто стараетесь открыть тайну там, где ее и в помине нет. Я могу допустить, что их метод терапии требует пребывания пациента в стенах Академии. В изменении окружающей среды нет ничего странного. Это делается сплошь да рядом.

— Если это правда, почему бы им так и не сказать?

— Факты говорят сами за себя.

— А где же доказательства стопроцентного излечения? — спросил Фирмен.

В этот момент прибыл лифт, и Фирмен вошел в него. Морган сказал:

— Доказательство в том, что они это утверждают. Терапевты не лгут. Они не способны на ложь, Фирмен!

Морган хотел было сказать что-то еще, но дверцы лифта захлопнулись. Лифт устремился вниз, и Фирмен с содроганием осознал, что лишился работы.

Странное это ощущение — остаться без работы. Идти было некуда. Частенько он ненавидел свою работу. Бывало, по утрам он стонал при мысли о том, что предстоит провести еще один день на службе. Но теперь, оказавшись не у дел, он понял, как важна была для него работа, она придавала ему солидность и уверенность в себе. «Человек — ничто, — думал он, — если ему нечего делать».

Он бесцельно обходил квартал за кварталом, пытаясь поразмыслить. Однако он был неспособен сосредоточиться. Мысли упорно ускользали, увертывались от него; мимолетными наплывами их вытесняло лицо жены. Но даже о ней он не мог толком подумать, потому что на него давил большой город — городские лица, звуки, запахи.

Единственный план действия, который пришел ему в голову, был невыполним. «Беги, — подсказывали смятенные чувства. — Беги туда, где тебя никогда не разыщут. Скройся!»

Но Фирмен знал, что это не выход. Бегство явилось бы чистейшим уходом от действительности и доказательством отклонения от нормы. В самом деле, откуда бы он сбежал? Из самого здравого, наиболее совершенного общества, когда-либо созданного человеком. Только безумец способен бежать отсюда.

Фирмен стал замечать встречных. Они казались счастливыми, исполненными нового духа Ответственности и Социальной вменяемости, готовыми пожертвовать былыми страстями во имя новой эры покоя. Это славный мир, чертовски славный мир. Отчего Фирмен не может в нем ужиться?

Нет, может. За многие недели у Фирмена впервые забрезжила вера в себя, и он решил, что как-то приспособится.

Если бы только знать как.

После многочасового гуляния Фирмен обнаружил, что голоден.

Он зашел в первый подвернувшийся ресторанчик. Зал был переполнен рабочими: Фирмен забрел почти к самым докам.

Он сел у стойки и заглянул в меню, повторяя себе, что необходимо все обдумать. Надо должным образом оценить свои поступки, тщательно взвесить...

— Эй, мистер!

Он поднял глаза. На него свирепо уставился лысый, заросший щетиной буфетчик.

— Что?

— Убирайтесь-ка подобру-поздорову.

— Что случилось? — спросил Фирмен, стараясь подавить внезапно охвативший его панический страх.

— Мы тут психов не обслуживаем, — сказал буфетчик. Он ткнул пальцем в сторону настенного прибора, который регистрировал состояние каждого посетителя. Черная стрелка забралась чуть повыше девяти. — Убирайтесь вон.

Фирмен бросил взгляд на других людей у стойки. Они сидели в ряд, одетые в одинаковые коричневые спецовки из грубого холс-

та. Кепки были надвинуты на брови, и каждый, казалось, был всецело погружен в чтение газеты.

— У меня испытательное...

— Убирайтесь, — повторил буфетчик. — По закону я не обязан обслуживать всяких девяточников. Это беспокоит клиентов. Ну же, пошевеливайтесь.

Рабочие по-прежнему сидели чинным рядом, недвижно, не глядя в сторону Фирмена. Фирмен почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. У него появился внезапный импульс — вдребезги разбить лысый, лоснящийся череп буфетчика, врезаться с ножом мясника в рядок прислушивающихся людей, окропить грязные стены их кровью, крушить, убивать. Но агрессивность — реакция нежелательная и, безусловно, патологичная. Он преодолел нездоровый импульс и вышел на улицу.

Фирмен продолжал прогулку, борясь с желанием пуститься наутек: он ожидал, когда же логика подскажет ему, что делать дальше. Однако мысли все больше путались, и, когда наступили сумерки, Фирмен готов был свалиться от изнеможения.

Стоя на узенькой, заваленной гниющим мусором улочке в районе трущоб, в окне второго этажа он заметил вывеску, сделанную от руки: «Дж. Дж. Флинн, терапевт-психолог. Может быть, мне удастся вам помочь». При мысли о всех высокооплачиваемых специалистах, к которым он обращался, Фирмен криво усмехнулся. Он пошел было прочь, но повернул и поднялся по лестнице, ведущей в приемную Флинна. Опять он был недоволен собой. Увидев вывеску, он в тот же миг понял, что пойдет к этому врачу. Неужели он никогда не перестанет лукавить с самим собой?

Кабинет Флинна был тесен и плохо освещен. Со стен облупилась краска, в комнате застоялся запах немытого тела. Флинн сидел за деревянным неполированным письменным столом и читал приключенческий журнальчик. Он был маленького роста, средних лет и уже начинал лысеть. Он курил трубку.

Фирмен собирался начать с самого начала, но неожиданно для себя выпалил:

— Послушайте, у меня страшные неприятности. Я потерял работу, от меня ушла жена, я испробовал все существующие методы терапии. Что вы можете сделать?

Флинн вынул изо рта трубку и взглянул на Фирмена. Он осмотрел его костюм, шляпу, туфли, как бы прикидывая их стоимость, затем спросил:

— А что сказали другие врачи?

— Их слова сводились к тому, что мне не на что надеяться.

— Конечно, так они и говорят, — подхватил Флинн, быстро произнося слова высоким и четким голосом. — Эти модные молодчики слишком легко сдаются. Однако надежда есть всегда. Разум — странная и сложная штука, друг мой, и то и дело...

Флинн неожиданно умолк и печально, иронически ухмыльнулся:

— Ах, да какой в этом толк? У вас уже появился обреченный взор, никуда не денешься. — Он выколотил трубку и устремил отсутствующий взгляд в потолок. — Вот что, я для вас ничего не могу сделать. Вы это знаете, и я это знаю. Зачем вы сюда пришли?

— Надо полагать, в поисках чуда, — ответил Фирмен, устало опускаясь на деревянный стул.

— Многие ищут, — словоохотливо сказал Флинн. — Видно, мой кабинет — самое подходящее место для поисков, не правда ли? Вы посещали фешенебельные приемные модных специалистов. Помощи там не получили. Поэтому уместно и пристойно, если захудалый терапевт добьется того, что не удалось знаменитостям. Что-то вроде поэтической справедливости.

— Вот-вот, — одобрил Фирмен со слабой улыбкой. — Поэтической справедливости.

— Я не так уж бездарен, — заверил его Флинн, набивая трубку табаком из потрепанного зеленого кисета. — Но истина кроется в том, что чудеса стоят денег, всегда стоили и всегда будут стоить. Если вам не могли помочь светила, то я и подавно не могу.

— Спасибо за правду, — сказал Фирмен, но не сделал никакой попытки встать.

— По долгу терапевта, — медленно произнес Флинн, — напоминаю вам, что Академия открыта в любое время дня.

— Как же можно туда обращаться? — спросил Фирмен. — Ведь я о ней ничего не знаю.

— Никто не знает, — ответил Флинн. — Тем не менее я слышал, что там излечивают решительно всех.

— Смерть — тоже излечение.

— Но нецелесообразное. Кроме того, уж очень оно противоречит духу времени. При таком варианте Академией должны были бы заправлять невменяемые, а как раз им-то это и запрещено.

— Тогда почему же оттуда никто не выходит?

— Не спрашивайте меня, — сказал Флинн. — Может быть, никто не хочет оттуда выходить. — Он затянулся. — Вам нужен совет. О'кей. Деньги есть?

— Найду, — осторожно ответил Фирмен.

— Отлично. Мне не полагается этого говорить, но... Бросьте искать лекарства! Пойдите домой. Отправьте роботворецкого за двухмесячным запасом продуктов. Спрячьтесь до поры до времени.

— Спрятаться? Зачем?

Флинн метнул на него бешеный взгляд.

— Затем, что вы изводите себя, пытаясь вернуться к норме, и добиваетесь только ухудшения. Такие случаи я наблюдал сотнями. Перестаньте думать о вменяемости и невменяемости. Отлежитесь спокойненько месяц-другой, отдыхайте, читайте, толстейте. Тогда и посмотрим, как у вас пойдут дела.

— Знаете, — сказал Фирмен, — по-моему, вы правы. Я в этом уверен! Но не уверен, можно ли возвращаться домой. Сегодня я кое-куда звонил... У меня есть деньги. Не могли бы вы спрятать меня здесь, у вас? Спрячьте, пожалуйста!

Флинн встал и боязливо выглянул из окна на улицу.

— Я и так наговорил слишком много. Будь я помоложе... нет, не могу! Я дал вам безумный совет! Я не могу вдобавок совершить безумный поступок!

— Извините, — сказал Фирмен. — Мне не следовало вас просить. Но я и вправду очень вам благодарен. Честное слово.

Он встал.

— Сколько я вам должен?

— Ничего вы не должны, — ответил Флинн. — Желаю вам поправиться.

— Спасибо.

Фирмен поспешно спустился по лестнице и подозвал такси. Через двадцать минут он был дома.

Когда Фирмен подходил к своей квартире, на лестничной площадке было до странности тихо. У хозяйки дверь была закрыта, но у него создалось впечатление, что дверь закрылась перед самым его приходом и хозяйка притаилась за ней, прижав ухо к тонкому слою дерева. Он ускорил шаг и вошел в квартиру.

В квартире тоже было тихо. Фирмен пошел на кухню. Рободворецкий стоял у плиты, а Спид свернулся клубком в углу.

— Добро пожаловать, сэр, — приветствовал Фирмена рободворецкий. — Не угодно ли присесть, а я подам ужин.

Фирмен сел, продолжая строить дальнейшие планы. Надо продумать массу деталей, но в главном Флинн прав. Спрятаться — это именно то, что нужно. Исчезнуть с глаз долой.

— Завтра утром тебе первым делом надо будет сходить за покупками, — сказал Фирмен рободворецкому.

— Слушаю, сэр, — ответил рободворецкий, ставя перед ним тарелку с супом.

— Нам понадобится уйма продуктов. Хлеб, мясо... Нет, лучше покупай консервы.

— Какого рода консервы? — спросил рободворецкий.

— Любого, лишь бы они составили полноценный рацион. И сигареты, не забудь про сигареты! Дай мне, пожалуйста, соли.

Рободворецкий стоял у плиты не двигаясь, а Спид тихонько заскулил.

— Рободворецкий! Пожалуйста, соли.

— Мне очень жаль, сэр, — сказал рободворецкий.

— Что значит — тебе жаль? Подай мне соль.

— Я больше не могу вам повиноваться.

— Почему?

— Только что вы перешли красную черту, сэр. Вы теперь десяточник.

Какое-то мгновение Фирмен бессмысленно смотрел на рободворецкого. Потом бросился в спальню и включил измеритель. Черная стрелка медленно подползла к красной черте, дрогнула и решительно перевалила за нее.

Он стал десяточником.

Но это не важно, убеждал он себя. В конце концов, количество не перешло в новое качество. Не превратился же он внезапно в чудовище. Он все объяснит рободворецкому, убедит...

Фирмен опрометью выскочил из спальни.

— Рободворецкий! Выслушай меня...

Он услышал, как хлопнула входная дверь. Рободворецкий ушел.

Фирмен побрел в столовую-гостиную и сел на кушетку. Естественно, рободворецкий ушел. Роботы оборудованы встроенными приборами для контроля душевного состояния. Если их хозяева перешагивают за красную черту, роботы автоматически возвращаются на завод. Ни один десяточник не может распоряжаться сложным механизмом.

Однако еще не все пропало. В доме есть еда. Он ограничит себя жесткой нормой. Со Спидом будет не так одиноко. Может быть, ему и потребуется всего-то несколько дней.

— Спид!

В квартире не слышалось ни звука.

— Поди сюда, псина.

По-прежнему ни звука.

Фирмен методически обыскал всю квартиру, но пса нигде не было. Он, наверное, ушел вместе с рободворецким.

В одиночестве Фирмен пошел на кухню и выпил три стакана воды. Он взглянул на ужин, приготовленный рободворецким, и принялся было хохотать, но тут же опомнился.

Надо сматываться, да поживее. Нельзя терять ни минуты. Если поспешить, то, может, что-нибудь и выйдет. Куда-нибудь, в любое место. Теперь каждая секунда на счету.

Однако он все стоял на кухне, тупо уставясь в пол и дивясь, почему его покинул пес.

В дверь постучали.

— Мистер Фирмен!

— Нет, — сказал Фирмен.

— Мистер Фирмен, вы должны немедленно съехать.

Это была домовладелица. Фирмен открыл ей дверь.

— Съехать? Куда?

— Это меня не касается. Но вам нельзя здесь больше оставаться, мистер Фирмен. Вы должны съехать.

Фирмен вернулся в комнату за шляпой, надел ее, огляделся по сторонам и вышел. Дверь он оставил открытой.

На улице его поджидали двое. В темноте трудно было разглядеть их лица.

— Куда вы хотите отправиться? — спросил один из них.
— А куда можно?
— На Хирургию или в Академию.
— Тогда в Академию.

Они усадили его в машину и быстро отъехали. Фирмен откинулся на спинку сиденья, слишком измученный, чтобы о чем-то думать. Он чувствовал на лице прохладный ветерок, да и легкое покачивание машины было приятно. Однако поездка казалась нескончаемо долгой.

— Приехали, — сказал наконец один из сопровождающих. Они остановили машину и ввели Фирмена в комнатку, где не было мебели. Лишь в центре стоял письменный стол с дощечкой «Дежурный по приему». Навалившись на стол, там сладко похрапывал какой-то человек.

Один из конвоиров Фирмена громко кашлянул. Дежурный тотчас вскочил, выпрямился и стал протирать глаза. Он нацепил очки и сонно посмотрел на вошедших.

— Который? — спросил он.

Два конвоира указали на Фирмена.

— Ладно. — Дежурный потянулся, раскинув тощие руки, потом открыл большой черный блокнот. Он набросал несколько слов, вырвал листок и вручил конвоирам Фирмена. Те сразу ушли.

Дежурный нажал некую кнопку и энергично почесал в затылке.

— Сегодня полнолуние, — сказал он Фирмену с видимым удовлетворением.

— Что? — переспросил Фирмен.

— Полнолуние. Таких, как ты, больше всего привозят в полнолуние, во всяком случае, мне так кажется. Я подумываю написать на эту тему диссертацию.

— Больше всего? Чего больше? — опять переспросил Фирмен, который еще не пришел в себя, попав в стены Академии.

— Не будь таким тупицей, — строго сказал дежурный. — Во время полнолуния к нам поступает больше всего десяточников. Не думаю, чтобы здесь существовала какая-то корреляционная зависимость, но... ага, вот и охранник.

На ходу завязывая галстук, к столу подошел охранник в форме.

— Отведи его в 312-АА, — сказал дежурный. Когда Фирмен пошел к двери вслед за охранником, дежурный снял очки и снова повалился на стол.

Охранник вел Фирмена по запутанной сети коридоров с частыми дверями. Коридоры, казалось, возникали сами по себе, так как от них под всевозможными углами шли ответвления, а некоторые отрезки изгибались и петляли, как улицы древних городов. По пути Фирмен заметил, что двери не были пронумерованы в последовательном порядке. Он прошел 3112, потом 25Р, потом 14. И был уверен, что мимо номера 888 проходил трижды.

— Как вы здесь не заблудитесь? — спросил он охранника.

— Это моя работа, — ответил тот не без учтивости.

— Особой системы тут не видно, — заметил Фирмен.

— Ее и не может быть, — сказал охранник почти доверительным тоном. — Ведь здесь по проекту намечалось гораздо меньше палат, но после началась лихорадка. Больные, больные, каждый день все новые больные, и ни намека на передышку. Так что пришлось разбить палаты на меньшие и проделать новые коридоры.

— Но как же врачи находят своих пациентов? — спросил Фирмен.

Они подошли к 312-АА. Не отвечая, охранник отпер дверь, а когда Фирмен переступил порог, закрыл ее и запер на ключ.

Палата была очень мала. Там стояли кушетка, кресло и шкафчик; эта немудреная мебель занимала всю клетушку.

Почти сразу Фирмен услышал за дверью голоса. Мужской голос сказал: «Согласен, пусть кофе. В кафетерии через полчаса». В замке повернулся ключ, и Фирмен не расслышал ответа. Внезапно раздался взрыв смеха.

Низкий мужской голос произнес:

— Ну да, и еще сотню, и тогда нам придется в поисках мест лезть под землю!

Дверь отворилась, и в палату, все еще слегка улыбаясь, вошел бородач в белом пиджаке. При виде Фирмена лицо его приняло профессиональное выражение.

— Прилягте, пожалуйста, на кушетку, — сказал он вежливо, но с несомненной властностью.

Фирмен ни единым жестом не показал, что собирается повиноваться.

— Раз уж я здесь, — сказал он, — может быть, вы мне объясните, что все это значит?

Бородач принялся отпирать шкафчик. Он бросил на Фирмена усталый, но в то же время насмешливый взгляд и поднял брови.

— Я не лектор, а врач, — ответил он.

— Я понимаю. Но ведь...

— Да-да, — сказал врач, беспомощно пожимая плечами. — Я знаю. Вы вправе спросить и все такое. Ей-богу, вам должны были это разъяснить до того, как вы сюда попали. Это просто не моя работа.

Фирмен продолжал стоять. Врач сказал:

— Будьте умницей, ложитесь на кушетку, и я вам все расскажу.

Он снова отвернулся к шкафчику.

У Фирмена мелькнула мысль — не попытаться ли скрутить врача, но он тут же сообразил, что, должно быть, до него об этом думали тысячи десяточников. Наверняка существуют какие-то меры предосторожности. Он улегся на кушетку.

— Академия, — заговорил врач, не переставая копошиться в шкафчике, — это закономерное порождение нашей эпохи. Чтобы понять ее, надо сначала понять свой век. — Врач выдержал

драматическую паузу и со смаком продолжал: — Вменяемость! Однако с вменяемостью, особенно с социальной вменяемостью, неразрывно связано чудовищное напряжение. Как легко повредиться в уме! И, единожды повредившись, человек начинает переоценивать ценности, у него появляются странные надежды, идеи, теории.. потребность действия. Все это само по себе может и не быть патологией, но в результате неизбежно вредит обществу, ибо сдвиг в каком бы то ни было направлении опасен для стабильного общества. Ныне, после тысячелетий кровопролития, мы поставили перед собой цель — защитить общество от патологической личности. Поэтому каждая личность должна избегать тех умственных построений, тех безмолвных решений, которые делают ее потенциально опасной: грозят переменами. Подобное стремление к стабильности, являющейся нашим идеалом, требует чуть ли не сверхчеловеческой силы и решимости. Если в вас нет этих качеств, вы кончите здесь.

— Мне все же не ясно... — начал Фирмен, но врач его перебил:

— Отсюда очевидна необходимость Академии. На сегодняшний день по-настоящему гарантирует вменяемость лишь хирургическая операция мозга. Однако человеку неприятна даже мысль об этом — только дьявол мог предложить такой выбор. Государственная хирургия мозга приводит к гибели первоначальной личности, а это самая страшная смерть. Академия старается ослабить напряжение, предлагает другую альтернативу.

— Но что это за альтернатива? Почему вы скрываете?

— Откровенно говоря, большинство предпочитает оставаться в неведении. — Врач запер шкафчик, но Фирмену не было видно, какие инструменты он оттуда достал. — Поверьте мне, ваша реакция нетипична. Вы предпочитаете думать о нас как о мрачной, таинственной, грозной силе. Это из-за вашего безумия. Здравомыслящие люди считают нас панацеей, приятно-туманным избавлением от жестокой определенности. Они верят в нас, как в Бога. — Врач тихонько хмыкнул. — Большинству людей мы представляемся раем.

— Почему же вы храните свои методы в тайне?

— Откровенно говоря, — ласково ответил врач, — даже райские методы лучше не рассматривать слишком пристально.

— Значит, все это обман? — воскликнул Фирмен, пытаясь сесть. — Вы хотите меня убить!

— Ни в коем случае, — заверил врач и мягким движением заставил его лечь.

— Так что же вы собираетесь делать?

— Увидите.

— А почему отсюда никто не возвращается?

— Не желают, — ответил врач. Прежде чем Фирмен успел шевельнуться, врач ловко всадил ему в руку иглу шприца и впрыснул теплую жидкость.

— И помните, — сказал он, — надо защищать общество от личности.

— Да, — сквозь дремоту отозвался Фирмен, — но кто защитит личность от общества?

Очертания предметов в палате расплылись, и, хотя врач что-то ответил, Фирмен не расслышал слов — знал только, что они мудры, уместны и очень истинны.

Придя в себя, он заметил, что стоит на огромной равнине. Всходило солнце. В тусклом свете к ногам Фирмена льнули клочья тумана, а трава под ногами была мокрой и упругой.

Фирмен вяло удивился, увидев, что рядом, по правую руку от него, стоит жена. Слева к его ноге прижался чуть дрожащий Спид. Удивление быстро развеялось, потому что перед битвой здесь, возле хозяина, и полагалось быть жене и псу.

Впереди движущийся туман распался на отдельные фигурки, и Фирмен узнал их, когда они приблизились.

То были враги! Процессию возглавлял роботворецкий; в полутьме он мерцал зловещим нечеловеческим блеском. Там был и Морган, который, обращаясь к начальнику отдела, истерически вопил, что Фирмен должен умереть; а запуганный Флинн, бедняга, прятал лицо, но надвигался на него. Там была и домовладелица, которая пронзительно кричала: «Нет ему жилья!» А за ней шли врачи, дежурные, охранники, а за ними шагали миллионы в грубых рабочих спецовках; кепки у них были надвинуты на глаза, газеты скатаны в тугую трубочку.

Фирмен подобрался в ожидании решительного боя с врагами, которые его предали. Однако в мозгу шевельнулось сомнение. Наяву ли все это?

Внезапно он с отвращением увидел как бы со стороны свое одурманенное наркотиками тело, лежащее в нумерованной палате Академии, в то время как дух его невесть где сражается с тенями.

Я вполне нормален! В минуту полного просветления Фирмен понял, что надо бежать. Не его удел — бороться с призрачным противником. Надо вернуться в настоящий мир. Status quo не будет длиться вечно. Что же станется с человечеством, из которого вытравили силу, инициативу, индивидуальность?

Из Академии никто не выходит? А вот он выйдет! Фирмен попытался вырваться из-под власти наркотического бреда, он почти ощущал, как ворочается на кушетке его никому не нужное тело, как он стонет, заставляя себя встать...

Но призрачная жена схватила его за руку и указала вдаль. Призрачный пес зарычал на надвигающегося противника.

Мгновение было безвозвратно упущено, хотя Фирмен этого так никогда и не понял. Он позабыл о своем решении вырваться, позабыл о земле, позабыл о правде, и капли росы окропили его ноги, когда он ринулся в жестокую схватку с врагом.

ВТОРОЙ РАЙ

В ожидании своего часа космическая станция вращалась вокруг планеты. Строго говоря, разум у нее отсутствовал ввиду его полной ненадобности, однако она все же обладала некоторым сознанием и определенными свойствами и реакциями.

Предназначение этой хитроумной машины было запечатлено в металле конструкций и электронных схемах, а может, в машине даже сохранялись какие-то эмоции, заложенные ее создателем, — дикие надежды, страхи и безумная гонка, ограниченная временем.

Но надежды оказались напрасными, поскольку гонка была проиграна, и теперь огромная конструкция облетала поверхность планеты, оставшись незавершенной, а ныне и вовсе бесполезная.

И все-таки она обладала некоторым сознанием и определенными свойствами и реакциями. Она была хитроумна и знала, что ей необходимо. А потому машина обследовала окружающее пространство в поисках отсутствующих компонентов.

В созвездии Волопаса пилот вывел корабль к небольшому вишнево-красному солнцу и, совершив разворот, увидел, что одна из планет этой системы имеет редко встречающийся прекрасный зелено-голубой цвет, как у Земли.

— Погляди на нее! — дрожащим от волнения голосом воскликнул Флеминг, отворачиваясь от пульта управления. — Планета земного типа! Земного, правда, Говард? Мы на ней разбогатеем!

Низкорослый и лысый Говард, с брюшком, формой и размерами напоминавшим арбуз, неторопливо выбрался из корабельного камбуза, жуя на ходу авокадо. Он был сердит. Ведь его оторвали от важнейшего дела — приготовления обеда. Говард считал приготовление пищи искусством, и если бы он не был бизнесменом, то стал бы шеф-поваром. Они с Флемингом прекрасно питались во всех полетах, поскольку Говард имел особый подход к жареным цыплятам, готовил жаркое Говарда под соусом Говарда и особенно отличался в умении подавать салат Говарда.

— Она *может быть* земного типа, — заметил он, спокойно посмотрев на зелено-голубую планету.

— Не может, а именно земного, — уверенно заявил юный Флеминг, обладающий энтузиазмом намного большим, чем позволительно иметь человеку в космосе.

Несмотря на его худобу, ничуть не исчезавшую вопреки стараниям Говарда, и в беспорядке спадающие на лоб рыжие волосы, Говард терпимо относился к нему, и не только потому, что Флеминг имел особый подход к кораблям и двигателям, главное — он имел деловую хватку. А деловая хватка в космосе являлась наиважнейшей необходимостью, где оценивалась в кругленькую сумму порой только за то, чтобы корабль взлетел.

— Лишь бы она не была обитаема, — молил Флеминг, проявляя тем самым свой энтузиазм и деловой подход. — Тогда она будет целиком наша. *Наша,* Говард! Планета земного типа! О Господи! Да только одну недвижимость и ту уже можно продать за целое состояние, не говоря уж о правах на разработку полезных ископаемых, на дозаправку звездолетов и всех прочих.

Говард проглотил последний кусок авокадо. Молодому Флемингу предстоит еще многому научиться. Поиск и продажа планет — абсолютно такое же дело, как выращивание и продажа апельсинов. Ну не совсем, конечно, такое же: апельсины неопасны, а планеты порой — да. И апельсины не приносят огромных доходов, тогда как с хорошей планеты можно сорвать большой куш.

— Сядем на нашу планету прямо сейчас? — нетерпеливо спросил Флеминг.

— Обязательно, — согласился Говард. — Только... вон та космическая станция прямо по курсу почему-то наводит меня на мысль, что местные обитатели могут считать ее *своей* планетой.

Флеминг присмотрелся. И верно — прежде скрытая диском планеты, в поле видимости выплыла космическая станция.

— О черт, — выругался Флеминг, и его вытянутое веснушчатое лицо скривилось в недовольной гримасе. — Значит, она населена. Слушай, а может, мы...

Он не закончил фразу и выразительно посмотрел на пульт управления боезарядами.

— Хм... — По внешнему виду станции Говард приблизительно оценил уровень технологии ее создания, потом глянул на планету и с сожалением покачал головой. — Нет, не выйдет.

— Ладно, — произнес Флеминг, — по крайней мере, у нас первые права на торговлю.

Он снова выглянул в иллюминатор и схватил Говарда за руку:

— Посмотри-ка на станцию!

На серой металлической сфере одна за другой замигали яркие вспышки.

— Что, по-твоему, это означает? — спросил Флеминг.

— Понятия не имею, — отозвался Говард. — И вряд ли мы с тобой это узнаем. С таким же успехом ты можешь прямо садиться на планету — если никто, конечно, не попытается тебя остановить.

Флеминг кивнул и переключил пульт управления в ручной режим. В течение нескольких секунд Говард с интересом наблюдал за ним.

На панели управления располагалось множество шкал, переключателей и измерителей, сделанных из металла, пластика и кварца, а по другую сторону пульта находился Флеминг — из плоти, крови и костей. Казалось невозможным, что между ними может существовать какое-то родство, за исключением, может,

самого поверхностного и незначительного. Однако Флеминг как бы слился с пультом управления в единое целое: его глаза сканировали шкалы с механической точностью, пальцы стали продолжением переключателей, и казалось, что металл под его руками делается податливым и подчиняется любому его желанию. Кварцевые шкалы мерцали красным светом, и глаза Флеминга тоже приобрели красноватый оттенок, причем явно не совсем за счет отражения света шкал.

Как только корабль вышел на спираль тормозной орбиты, Говард уютно расположился на камбузе. Он прикинул расходы на питание и топливо плюс амортизационный износ корабля, затем для надежности увеличил полученный результат на треть и занес итоговую сумму в приходно-расходную книгу. Мало ли что, а вдруг в дальнейшем пригодится для расчета подоходного налога.

Они совершили посадку на окраине города и стали поджидать местных представителей таможенной службы. Никто не приходил. Они провели стандартный набор анализов проб воздуха на химический состав и содержание микроорганизмов и продолжали ждать. Но и тогда никто не появился. Прождав полдня, Флеминг раздраил люк, и они с Говардом отправились в город.

Первые скелеты, валявшиеся на разбитой бетонной дороге, привели их в замешательство. Это выглядело так неопрятно. Какой же цивилизованный народ оставляет скелеты на дорогах? Почему их никто не убрал?

Однако население города состояло из одних скелетов — тысяч, миллионов скелетов, заполнивших разрушенные театры, валявшихся в переходах пыльных магазинов, разбросанных вдоль изрешеченных пулями улиц.

— Должно быть, шла война, — заметил Флеминг весело.

В центре города напарники обнаружили смотровой плац, где прямо на траве лежали скелеты в форме. Трибуны были завалены скелетами чиновников, офицеров, жен и родителей. А за трибунами лежали скелеты детей, пробравшихся поглазеть на зрелище.

— Точно, война, — кивнув, заявил Флеминг. — Эти проиграли.

— Очевидно, — согласился Говард. — А кто выиграл?

— Что?

— Где же победители?

В этот момент над их головами пролетела космическая станция, отбросив тень на безмолвные шеренги скелетов. Оба человека с тревогой проводили ее взглядом.

— Полагаешь, погибли все? — с надеждой спросил Флеминг.

— Думаю, нам и следует это выяснить.

Они направились к своему кораблю. Явно в приподнятом настроении, Флеминг начал насвистывать и ногами отпихивать с дороги кучки костей.

— Мы нашли клад, — улыбаясь Говарду, проговорил он.

— Пока еще нет, — поосторожничал тот. — Еще могут остаться уцелевшие... — Но, перехватив взгляд Флеминга, тоже улыбнулся. — Вот уж *воистину удачная* поездка.

Облет планеты не занял много времени. Зелено-голубой шар оказался разрушенной могилой. На каждом континенте небольшие города населяли десятки тысяч костей их прежних обитателей, каждый крупный город — миллионы. Горы и равнины были усеяны скелетами. Скелеты везде — и в озерах, и в лесах, и в джунглях.

— Какой беспорядок! — завершая облет планеты, заметил Флеминг. — Как считаешь, сколько же их здесь жило?

— Примерно девять миллиардов плюс-минус миллиард, — ответил Говард.

— И что же, по-твоему, произошло?

Говард невесело улыбнулся:

— Существует три классических способа массового самоуничтожения. Первый — заражение атмосферы ядовитыми газами; второй, близкий к первому, — радиоактивное заражение, вдобавок уничтожающее и растительную жизнь; и наконец, лабораторные штаммы бактерий, созданные исключительно с целью массового поражения. Если они выйдут из-под контроля, то могут уничтожить всех на планете.

— Считаешь, здесь произошло именно последнее? — с живым интересом спросил Флеминг.

— Да, — подтвердил Говард и, потерев рукой яблоко, откусил от него здоровый кусок. — Я, конечно, не патолог, но отметины на костях...

— Бактерии? — Флеминг невольно закашлялся. — А ты не думаешь...

— Ты бы уже умер, если бы они до сих пор проявляли активность. Судя по эрозии костей, это случилось несколько столетий назад. Бактерии тоже погибли, на счастье человеку, выступающему для них в качестве носителя.

Флеминг выразительно тряхнул головой.

— Прямо как по заказу! Жаль, конечно, людей — военные там судьбы и все такое прочее... но планета действительно *наша!* — Он окинул взглядом простирающиеся под ними зеленые поля. — Как мы ее назовем, Говард?

Говард посмотрел на поля и дикие заросшие пастбища, окаймлявшие бетонные дороги.

— Мы можем назвать ее «Второй Рай», — предложил он. — Для фермеров она станет настоящей небесной благодатью.

— Второй Рай! Здорово! — согласился Флеминг. — Считаю, нам следует нанять бригаду для уборки скелетов. А то уж больно странно все это выглядит.

— Мы наймем ее после...

Над ними снова пролетела космическая станция.

— Огни! — воскликнул вдруг Говард.

— Огни? — Флеминг уставился на удаляющуюся сферу.

— Когда мы подлетели. Помнишь? Вспышки света?

— Верно, — припомнил Флеминг. — Ты полагаешь, на станции кто-то есть?

— Мы должны это выяснить немедленно, — мрачно произнес Говард и откусил от яблока еще раз, когда Флеминг развернул корабль.

Подлетев к космической станции, первое, что они увидели, был другой космический корабль, прицепившийся к полированной металлической поверхности сферы как паук к паутине. В небольшом — раза в три меньше их собственного — корабле один из люков оказался приоткрытым.

Одетые в скафандры и шлемы напарники остановились у приоткрытого люка. Промерив рукой вход, Флеминг распахнул люк настежь. Оба с любопытством направили лучи своих фонариков внутрь, пригляделись — и резко отпрянули. Однако Говард почти сразу подошел снова, а Флеминг полез внутрь чужого корабля.

Там находилось человеческое тело, наполовину выпавшее из кресла пилота и навечно застывшее в таком неустойчивом положении. На лице пилота оставалось достаточно плоти, запечатлевшей выражение предсмертной агонии, однако все лицо было испещрено следами какой-то болезни, проевшей кожу до костей.

На корме корабля громоздились штабеля деревянных ящиков. Флеминг оторвал крышку одного из них и направил внутрь луч фонарика.

— Продукты, — заключил Говард.

— Должно быть, пытался спрятаться на станции, — предположил Флеминг.

— Похоже на то. Однако ему не удалось.

Они покидали корабль с чувством отвращения. Скелеты не производили такого впечатления, они существовали самостоятельно, замкнутыми друг на друга. Но этот труп представлял собой слишком выразительную смерть.

— Так кто же зажег огни? — поинтересовался Флеминг, снова оказавшись на поверхности станции.

— А может, они работают в автоматическом режиме? — с сомнением предположил Говард. — Тогда необязательно, что там кто-то уцелел.

Они прошлись по поверхности станции и обнаружили вход.

— Зайдем? — предложил Флеминг.

— К чему лишние хлопоты? — быстро возразил Говард. — Раса мертва. И мы вполне можем вернуться на Землю и подать заявку на планету.

— Если выжил хотя бы один, — напомнил Флеминг, — то по закону планета принадлежит ему.

Говард нехотя кивнул. Было бы слишком неприятно проделать дорогостоящее путешествие до Земли, вернуться с подготовительной бригадой и обнаружить, что некто устроил себе на космической станции уютное жилище. Вот если бы уцелевшие притаились на планете, тогда по закону заявка оставалась бы действительной. Но человек на космической станции, которую они поленились осмотреть...

— Полагаю, мы просто обязаны войти, — заявил Говард и распахнул люк.

Внутри царила кромешная темнота. Говард навел свой фонарик на Флеминга. В желтом свете луча лицо напарника было полностью лишено теней и напоминало слепок примитивной маски. Говард зажмурился, немного напуганный увиденным, ибо в тот момент в лице Флеминга отсутствовали признаки индивидуальности.

— Воздух годен для дыхания, — сообщил Флеминг, мгновенно обретая пропавшую было индивидуальность.

Говард откинул шлем на спину и посветил фонариком вверх. Ему показалось, что массивные стальные стены давят на него. Он пошарил в кармане, отыскал редиску и для поддержания духа отправил ее в рот.

Напарники двинулись дальше.

В течение получаса они продвигались вдоль узкого извилистого коридора, рассекая лучами фонариков тьму впереди. Металлический пол, поначалу казавшийся таким прочным, начал скрипеть и стонать от скрытых напряжений, что довело Говарда до белого каления и нисколько не трогало Флеминга, судя по его виду.

— Скорее всего, это бомбометательная станция, — предположил спустя какое-то время Флеминг.

— Я тоже так считаю.

— Тонны металла, — пнув одну из стен, заявил Флеминг. — Наверное, придется продать его на металлолом, если, конечно, не удастся сохранить что-либо из оборудования.

— Цена металлолома... — начал Говард, но в это мгновение под Флемингом открылся люк.

Флеминг провалился так быстро, что даже не успел вскрикнуть. Крышка люка встала на место.

Говард отшатнулся, словно от удара. Луч фонарика на миг вспыхнул и погас. Взмахнув руками, Говард замер, не успевая привести в порядок бешеную скачку мыслей. Волна шока медленно отступила, оставив Говарду тупую тяжесть в голове.

— ...сейчас не особенно высока, — закончил он лишенную смысла фразу, все еще не веря тому, что случилось.

Приблизившись к люку, он позвал: «Флеминг!»

Никакого ответа. По телу Говарда пробежали мурашки. Изо всей мочи он заорал: «Флеминг!» Потом выпрямился. Голова бо-

лезненно гудела. Говард глубоко вздохнул, развернулся и направился к выходу, стараясь ни о чем не думать.

Однако выхода не оказалось — оплавленные края захлопнувшегося люка еще хранили тепло. Говард с большим интересом исследовал его, щупая, толкая и пиная. Однако после безрезультатных попыток вскоре ощутил давившую на него тьму. Говарда охватило смятение, на лице выступили капельки пота.

— Кто здесь? — крикнул он в глубину темного коридора. — Флеминг! Ты меня слышишь?

Никакого ответа.

И тогда Говард завопил:

— Кто это сделал? Зачем на станции загорались огни? Что вы сделали с Флемингом? — Помолчал несколько секунд, прислушиваясь, и всхлипнул: — Откройте! Я уйду и никому не скажу!

Еще немного подождал, направив луч фонарика в коридор, стараясь угадать, что скрывается во тьме, и наконец крикнул:

— Почему вы не открыли пол подо мной?

И, тяжело дыша, улегся у стены. Однако люк не открылся. Может, подумал он, люк открывается не автоматически? Эта мысль прибавила ему храбрости. Он сурово сказал себе, что здесь должен быть другой выход. И снова пошел по коридору.

Спустя час он все еще шел, освещая себе путь фонариком и оставляя за спиной давящую тьму. Он полностью взял себя в руки, и даже головная боль утихла. Говард опять обрел способность рассуждать.

Огни могли зажигаться автоматически, люк тоже, возможно, автоматизирован, а самозадраивающийся вход мог быть простой мерой предосторожности в военное время, чтобы на станцию не проник ни один вражеский агент.

Говард сознавал, что подобные рассуждения не слишком удачны, но лучшего придумать просто не сумел. Ситуация была просто необъяснима. Труп в корабле, мертвая планета... между ними есть какая-то связь. Но какая?

— Говард! — окликнул его чей-то голос.

Он импульсивно отпрыгнул назад, словно случайно коснулся головой провода под высоким напряжением. Головная боль мгновенно возобновилась с новой силой.

— Это я, — сказал голос. — Флеминг.

Говард суматошно светил во все стороны.

— Где? Где ты?

— Примерно футах в двухстах ниже, чем ты, насколько могу это определить, — сказал Флеминг. Его голос хрипло разносился по коридору. — Система передачи звука не очень хороша, но это самое лучшее, чего мне удалось добиться.

Ноги отказывались держать Говарда, и он опустился на пол, испытывая огромное облегчение. Было что-то нормальное в том,

что Флеминг находился двумястами футами ниже, и что-то очень человеческое и понятное в несовершенстве звукопередачи.

— Я могу тебя вытащить? Как тебе помочь?

— Никак, — отозвался Флеминг. Его слова сопровождались треском разрядов статического электричества, которое Говард принял за довольное хихиканье. — Похоже, у меня осталось не так уж много тела.

— И где же твое тело? — серьезно поинтересовался Говард.

— Пропало. Разбилось при падении. Но от меня осталось достаточно, чтобы включить электронную схему.

— Понимаю, — произнес Говард, ощутив необыкновенное просветление в мыслях. — Теперь ты просто мозг, чистый разум.

— Ну, не совсем, чуть побольше, — возразил Флеминг. — Меня как раз столько, сколько требуется машине.

Говард нервно хихикнул, представив себе серый мозг Флеминга, плавающий в емкости с прозрачной жидкостью. Выкинув из головы этот бред, он спросил:

— Машине? Какой машине?

— Космической станции. Думаю, это самая сложная машина из когда-либо созданных.

— Но для чего?

— Надеюсь вскоре выяснить, — сказал Флеминг. — Теперь я ее часть. Или, возможно, она часть меня. Так или иначе, но я ей необходим, потому что она недостаточно разумна. А я ее подпитываю.

— Ты? Но ведь машина не могла знать, что ты вдруг здесь объявишься.

— Я не имею в виду конкретно себя. Человек извне, ну тот, что на корабле, был, вероятно, истинным оператором. А теперь им стал я. Мы завершили план конструкторов.

Говард с усилием заставил себя успокоиться. Мысли путались, и теперь его интересовало лишь одно: как постараться убраться со станции и вернуться на корабль. А уж после он посотрудничает и с Флемингом. Но новый, непредсказуемый Флеминг... Говорил-то он вполне по-человечески... но вот остался ли человеком?

— Флеминг, — решил попробовать Говард.

— Да, старик?

Это обнадеживало.

— А ты сможешь вывести меня отсюда?

— Думаю, да, — сказал голос Флеминга. — Постараюсь.

— Я вернусь сюда с нейрохирургами, — заверил его Говард. — Тебя приведут в порядок.

— Не беспокойся за меня, — ответил Флеминг. — Я и сейчас в порядке.

Говард потерял счет времени. Один узкий коридор переходил в другой и растворялся в следующем коридоре. У Говарда от усталости подгибались ноги. Правда, пока он шел, он ел. В рюкзаке

он запас себе бутербродов и теперь машинально жевал их для поддержания сил.

— Флеминг, — наконец останавливаясь передохнуть, позвал он.

После долгой паузы он услышал едва узнаваемый звук, напоминающий скрежет металла о металл.

— Сколько еще ждать?

— Недолго, — произнес искаженный металлический голос. — Устал?

— Да.

— Сделаю что смогу.

Голос Флеминга пугал, но тишина пугала еще сильнее. Сколько Говард ни прислушивался, он слышал лишь гул двигателей, доносящийся из глубины станции.

— Флеминг?

— Да.

— Что все это значит? Это бомбометательная станция?

— Пока еще не понял истинного назначения машины. Я еще не до конца слился с ней в единое целое.

— Но у нее есть назначение?

— Да! — Металлический голос проскрипел так громко, что Говард вздрогнул. — Я владею прекраснейшим функциональным аппаратом соединений. В температурном режиме лишь я способен колебаться в пределах сотен градусов в микросекунду, не говоря уж о запасах химически смешивающихся веществ, источниках энергии и всем прочем. Я овладеваю своим назначением.

Ответ Говарду не понравился. Он прозвучал так, будто Флеминг идентифицировал себя с машиной, соединив свою личность с космической станцией. Говард с усилием спросил:

— Тебе разве неизвестна ее цель?

— Отсутствует жизненно важный компонент, — после паузы ответил Флеминг. — Необходима матрица. И кроме того, я еще не полностью овладел контролем.

К жизни начали пробуждаться дополнительные силовые установки, и стены с гудением завибрировали. Говард почувствовал, как под ним дребезжит пол. Казалось, станция пробуждается, напрягается, собирает воедино весь свой разум.

Говард чувствовал себя человеком, попавшим в брюхо морского чудища.

Говард ходил еще несколько часов, оставляя за собой яблочные огрызки, апельсиновую кожуру, кусочки жира, пустые упаковочные коробки и обрывки оберточного пергамента. Теперь он жевал не переставая, ощущая постоянный назойливый голод. Пока он ел, чувствовал себя в безопасности, ибо еда являлась принадлежностью родного космического корабля, Земли, в конце концов.

Внезапно стенная переборка отъехала в сторону. Говард отодвинулся.

— Входи, — сказал голос, который он попытался идентифицировать с голосом Флеминга.

— Зачем? Что это? — Говард посветил фонариком в открывшийся проем и увидел непрерывно движущуюся ленту пола, исчезающую во тьме.

— Ты устал, — произнес флемингоподобный голос. — Этот путь быстрее.

Говард хотел бежать, но было некуда. Придется довериться Флемингу и храбро встретить темноту по ту сторону луча от фонарика.

— Входи.

Говард покорно вошел и уселся на движущуюся ленту пола. Впереди была видна лишь тьма. Тогда он лег.

— Ты не знаешь, для чего нужна станция? — поинтересовался он у темноты.

— Уже скоро, — ответил голос. — Как бы не хотелось обмануть их ожиданий!

Говард не посмел спросить, чьих ожиданий не хотел обмануть Флеминг. Он закрыл глаза и позволил темноте поглотить себя.

Поездка длилась долго. Сжав в руке фонарик, Говард направил его вверх, и луч света отразился от полированного металлического потолка. Говард машинально жевал бисквит, не чувствуя вкуса и едва сознавая, что во рту. Ему казалось, что машина говорит, но на языке, который он не способен понять. Он слышал протестующий скрежет движущихся частей, трущихся друг о друга. Затем откуда-то прыснула струйка жидкой смазки, и умиротворенные детали притихли, движение стало мягче. Двигатели запищали и запротестовали, поколебались немного, чихнули и ровно загудели, с удовольствием возвращаясь к жизни. То и дело сквозь другие звуки прорывалось клацанье электронных цепей, перенастраивающихся и приводящих себя в порядок.

Но что все это означает? Лежащий на спине с закрытыми глазами, Говард не имел ни малейшего представления об этом. Единственным соприкосновением с реальностью был для него бисквит. Но как только тот будет прожеван и проглочен, останется лишь один кошмар.

Говард видел марширующие по планете скелеты, миллиарды безмолвных шеренг строем проходили через опустевшие города, почерневшие поля и уходили в космос. Они прошагали мимо мертвого пилота в маленьком корабле, и труп проводил их завистливым взглядом. Позвольте мне присоединиться к вам, умолял он, но скелеты с сожалением качали черепами — пилот не освободился от бремени плоти. А когда плоть отстанет, когда он освободится от этого бремени, упрашивал труп, но скелеты лишь качали черепами. Когда же? Когда машина будет готова, когда опреде-

лит свое назначение. Тогда миллиарды скелетов получат освобождение, а труп избавится от своей плоти. Обезображенными губами труп умолял их взять его сейчас, но скелеты осознавали лишь его плоть, а плоть не могла оставить груды ящиков с продуктами на корабле. Печальные скелеты промаршировали мимо, а пилот остался ждать, пока не исчезнет его плоть.

— Да!

Говард мгновенно очнулся и осмотрелся. Ни скелетов, ни трупа. Вокруг лишь одни стальные стены машины. Он засунул руку в карман, но все съестное было уже съедено. Пальцы нащупали какие-то крошки, и Говард положил их на язык.

— Да!

Он слышит голос.

— Что это? — спросил он.

— Я знаю! — торжественно объявил голос.

— Знаешь? Что?

— Свое предназначение!

Говард вскочил, размахивая во все стороны фонариком. Отзвук металлического голоса эхом отдавался вокруг него, и Говарда переполнил необъяснимый страх. Вдруг оказалось ужасным, что машина узнала свое назначение.

— Так каково же оно? — очень тихо спросил он.

В ответ вспыхнули ослепительные огни, мгновенно поглотив слабый свет фонарика. Говард зажмурился, отступил на шаг, едва при этом не упав.

Движущаяся лента остановилась. Говард открыл глаза и обнаружил, что находится в большом, ярко освещенном помещении. Осмотревшись, он заметил, что оно полностью облицовано зеркалами. На него смотрели сотни Говардов. Он оглянулся назад. И посмотрел кругом.

Выхода не было. Однако отражения Говарда не вертелись во все стороны. Они стояли неподвижно.

Говард поднял правую руку. Остальные никак не отреагировали. Это были не зеркала.

Сотни Говардов двинулись к центру зала. Они неустойчиво держались на ногах, а в их пустых глазах не светилось ни единой капли разума. Оригинал Говарда изумленно открыл рот и направил на двойников фонарик, фонарик грохнулся на пол.

Одновременно с этим в мозгу Говарда сформировалась мысль. Так вот в чем предназначение машины! Ее создатели предвидели гибель своей расы. Поэтому они сконструировали космическую станцию. Ее цель — воспроизводство людей для восстановления населения планеты. Разумеется, она нуждалась в операторе, но истинный оператор так и не добрался до нее. И естественная нужда в матрице...

Однако прототипы Говарда явно лишены разума. Они бессмысленно кружили по залу, едва способные контролировать движение конечностей. И оригинал Говарда вдруг обнаружил, что он сам ужасно неправилен.

Но тут раздвинулся потолок, и сверху опустились огромные крючья. Сверкающие ножи, от которых шел пар, заскользили вниз. Раздвинулись и стены, открыв взору гигантские колеса и шестерни, пышущие жаром печи и заиндевевшие белые поверхности. Все больше и больше Говардов шагало в зал, а огромные ножи и крючья впивались в их тела, подтаскивая братьев Говарда к раскрывшимся стенам.

Ни один из них не закричал, за исключением оригинала.

— Флеминг! — завопил оригинал. — Не меня! *Не меня,* Флеминг!

Теперь все стало на свои места и сложилось в единое целое: и космическая станция, построенная во время, когда на планете шла война, и оператор, который добрался до машины только затем, чтобы умереть, и который так и не сумел в нее войти, и тот запас пищи, которую он как оператор никогда бы не смог съесть...

Конечно! Население планеты насчитывало девять или десять миллиардов! До этой последней войны их довел всеобщий голод. И все время создатели машины боролись со временем и болезнью, пытаясь сохранить свою расу...

Но разве Флеминг не видел, что он, Говард, не та матрица?

Флеминг-машина не видел, и для Говарда были созданы все необходимые и требуемые условия. Последним, что увидел Говард, было лезвие ножа, сверкнувшего над ним.

А Флеминг-машина продолжал обрабатывать Говардов, резать их на ломтики, подвергать глубокой заморозке и аккуратно паковать в огромные штабеля жареных Говардов, печеных Говардов, Говардов под соусом, Говардов трехминутного приготовления, Говардов с корочкой, плова из Говарда и — особенно — салатов с Говардом.

Пищевоспроизводящий процесс увенчался успехом! Войну можно кончать, пищи теперь хватит на всех. Пища! Пища! Еда для умирающих от голода обитателей Второго Рая!

ЖЕРТВА ИЗ КОСМОСА

Замерев от восхищения, Хэдвелл разглядывал планету — чудесный мир зеленых равнин, красных гор и не знающих покоя серо-голубых морей. Аппаратура его корабля быстро собрала информацию и пришла к выводу, что на этой планете человек будет чувствовать себя замечательно. Хэдвелл набрал программу посадки и раскрыл записную книжку.

Он был писателем, автором «Белых теней в поясе астероидов», «Саги о космических далях», «Приключений межпланетного бродяги» и «Териры — планеты тайн».

«Новая планета простирается подо мной, — записал Хэдвелл, — манящая и таинственная, вызов моему воображению. Что найду на ней я, межзвездный скиталец? Какие странные тайны скрывает ее пышный зеленый покров? Что ждет меня? Опасность? Любовь? Исполнение желаний? Найдет ли на ней покой усталый искатель приключений?»

Ричард Хэдвелл — высокий, худощавый, рыжеволосый молодой человек — унаследовал от отца солидное состояние и вложил его в космическую шхуну класса СС. Путешествуя в этом потрепанном кораблике вот уже шесть лет, он писал восторженные книги о местах, где ему довелось побывать. Но восторг этот был фальшивым, потому что чужие планеты щедро одарили его лишь разочарованием.

Как оказалось, аборигены повсюду на удивление тупы и поразительно уродливы. Питаются они какой-то дрянью, а в общении просто невыносимы. Тем не менее Хэдвелл писал о романтических приключениях и не терял надежды когда-нибудь пережить написанное наяву.

На этой прекрасной тропической планете городов не оказалось. Корабль уже садился неподалеку от деревушки, где стояли крытые соломой хижины.

«Может, здесь я найду то, что искал?» — подумал Хэдвелл, когда корабль начал резкое торможение.

В тот день на рассвете Катага вместе с дочерью Меле перешел реку по сплетенному из лиан мостику, направляясь к Зубчатой Горе собирать цветки фрага. Нигде на Игати фраг не цветет столь обильно, как у подножия Зубчатой Горы. Да и может ли быть иначе, ведь это священная гора Фангукари, улыбающегося бога.

Ближе к полудню к ним присоединился Брог, юноша с туповатой физиономией, которого редко интересовало что-либо, кроме собственной персоны.

Высокую и стройную Меле не оставляло предчувствие, что должно случиться нечто очень важное. Она работала словно во сне, двигаясь медленно и мечтательно, а ее длинные черные волосы развевал ветер. Знакомые предметы виделись с удивительной ясностью и казались наполненными новым смыслом. Она бросила взгляд на деревню — кучку крошечных хижин по ту сторону реки — и с любопытством посмотрела дальше, на Вершину, где совершались все игатийские свадьбы, и виднеющееся за ней нежно расцвеченное море.

Меле слыла прелестнейшей девушкой на Игати, что признавал даже старый жрец. Она мечтала о жизни, наполненной захватывающими приключениями, но дни в деревне сменялись с удручающей монотонностью, и ей оставалось лишь собирать цветки

фрага под горячими лучами двух солнц. Меле вовсе не считала такое положение дел справедливым.

Ее отец работал энергично, что-то напевая себе под нос. Он знал, что цветки эти скоро перебродят в большом чане, жрец Лаг пробормочет над напитком необходимые молитвы и прольет малую толику перед изображением Фангукари. И когда с формальностями будет покончено, вся деревня, включая собак, приступит к грандиозной попойке.

От таких мыслей работа шла веселее. Между делом Катага принялся обдумывать тонкий и опасный план, который в случае успеха сильно поднял бы его престиж. Подобные размышления тоже были приятны.

Брог выпрямился, вытер лицо концом набедренной повязки и взглянул на небо — не собирается ли дождь.

— Эй! — крикнул он.

Катага и Меле тоже посмотрели на небо.

— Туда! — взвизгнул Брог. — Туда смотрите!

Прямо над их головами медленно снижалось серебристое пятнышко, окруженное сполохами красного и зеленого пламени. Оно росло на глазах, превращаясь в сверкающий шар.

— Пророчество! — благоговейно прошептал Катага. — Наконец-то... после стольких столетий ожидания!

— Скорее в деревню! — воскликнула Меле.

— Подождите, — остановил их Брог. Его лицо стало пунцовым от смущения, он нервно ковырял землю пальцем ноги. — Я первый его увидел, верно ведь?

— Ты — кто же еще? — нетерпеливо подтвердила Меле.

— А раз я его первым увидел, — продолжил Брог, — и тем самым сослужил деревне важную службу, как по-вашему... достаточно ли этого...

Брог хотел того, о чем мечтал каждый игатиец, ради чего работал и о чем молился и ради чего люди поумнее, вроде Катаги, задумывали хитроумные планы. Но произносить желаемое вслух считалось неприличным. Впрочем, Меле и Катага все поняли.

— Как ты считаешь? — спросил Катага дочь.

— Полагаю, он *заслуживает* кое-чего.

Брог возбужденно потер руки:

— Послушай, Меле... ты не сделаешь это сама?

— Но окончательное решение должен принять жрец, — напомнила Меле.

— Пожалуйста! — взмолился Брог. — А вдруг Лаг решит, будто я не готов? Прошу тебя, Катага! Сделай это сам!

Катага посмотрел на застывшее лицо Меле и вздохнул:

— Прости, Брог. Будь мы с тобой одни... Но Меле всегда очень строго соблюдала обычаи. Пусть решает жрец.

Брог огорченно кивнул. Тем временем сверкающий шар опустился еще ниже, направляясь к ровной долине возле деревни.

Трое игатийцев подхватили мешки с цветками фрага и заторопились домой.

Когда они дошли до переброшенного через бурную реку подвесного мостика, Катага пропустил вперед Брога, затем Меле. Потом двинулся следом, вынув небольшой кинжал, спрятанный до поры до времени в набедренной повязке.

Как он и ожидал, Меле и Брог не стали оборачиваться — все их внимание уходило на то, чтобы удержать равновесие на этой шаткой, раскачивающейся конструкции. Дойдя до середины мостика, Катага провел пальцами по главному канату и нащупал небольшой разрыв, обнаруженный несколько дней назад. Он быстро полоснул по нему ножом и ощутил, как разошлись волокна. Еще надрез-другой, и канат не выдержит веса человека.

Пока достаточно. Весьма довольный собой, Катага сунул кинжал обратно в набедренную повязку и стал догонять Меле и Брога.

Новость всполошила деревню. Весть о великом событии передавалась из уст в уста, и перед святилищем Инструмента начались импровизированные танцы. Но тут же прекратились, едва из храма Фангукари, прихрамывая, вышел старый жрец.

За долгие годы службы лицо высокого тощего Лага приобрело сходство с благосклонно улыбающимся изображением божества, которому он поклонялся. Его лысую голову венчала украшенная перьями корона жреческой касты. Он тяжело опирался на священный черный жезл.

Его тут же окружила толпа. Рядом со жрецом, с надеждой потирая руки, но не решаясь настаивать на награде, стоял Брог.

— Народ мой, — сказал Лаг, — древнее пророчество Игати свершилось. Как и предсказывала легенда, с небес спустился огромный сверкающий шар. Внутри его, как повествует легенда, окажется существо, похожее на нас, и то будет посланец Фангукари.

Все закивали, не сводя с Лага восхищенных глаз.

— Посланник совершит множество добрых дел — таких, которых еще не видывал никто. И когда он закончит и потребует отдыха, его будет ждать заслуженная награда.

Голос Лага упал до вдохновенного шепота.

— Этой наградой станет то, к чему стремится каждый игатиец, о чем мечтает, о чем молится. Им станет последний дар, который Фангукари шлет тем, кто хорошо служит ему и деревне.

Жрец повернулся к Брогу.

— Ты, Брог, — сказал он, — был первым, кто увидел посланца. Ты хорошо послужил деревне.

Жрец воздел руки:

— Друзья! Считаете ли вы, что Брог должен получить награду, которой жаждет?

Большинство согласилось с тем, что должен. Но тут с недовольным видом вперед выступил богатый купец Васси.

— Это несправедливо, — сказал он. — Мы все работаем для этого долгие годы и делаем богатые пожертвования храму. Брог сделал недостаточно даже для того, чтобы заслужить саму награду. К тому же он низкого происхождения.

— Твои доводы сильны, — согласился жрец. Брог громко простонал. — Но, — продолжил он, — щедрость Фангукари простирается не только на благородных. Даже самый ничтожный может на нее надеяться. И если Брог не будет достойно вознагражден, то не потеряют ли надежду остальные?

Люди одобрительно зашумели, а глаза Брога увлажнились от благодарности.

— На колени, Брог, — велел жрец, и лицо его словно осветилось любовью и добротой.

Брог опустился на колени. Толпа затаила дыхание.

Лаг замахнулся массивным жезлом и изо всех сил обрушил его на череп Брога. То был хороший удар, нанесенный опытной рукой. Брог рухнул, дернулся и замер. Выражение счастья на его лице не поддавалось описанию.

— Как это было прекрасно, — завистливо пробормотал Катага.

Меле сжала руку отца:

— Не волнуйся, папа. Настанет день, и ты тоже получишь свою награду.

— Надеюсь, — ответил Катага. — Но как я могу быть в этом уверен? Вспомни Рии. Не жил еще другой столь же добрый и набожный человек. Бедный старик всю жизнь работал и молил Бога о насильственной смерти. О *любой* насильственной смерти! И что же? Он скончался во сне! Разве такой смерти он был достоин?

— Всегда можно найти одно-другое исключение.

— Могу назвать хоть дюжину других.

— Постарайся не беспокоиться об этом, отец. Я знаю, что твоя смерть будет прекрасна, как у Брога.

— Да, да... Но если подумать, то Брог умер так *просто*. — Глаза Катаги вспыхнули. — Мне хотелось бы чего-нибудь по-настоящему великого, мучительного, сложного и восхитительного. Вроде того, что ожидает посланца.

Меле отвернулась.

— Ты слишком многого хочешь, папа.

— Верно, верно, — пробормотал Катага. — Ладно, когда-нибудь...

И он еле заметно улыбнулся. То будет великий день! Умный и смелый человек берет судьбу в свои руки и устраивает себе насильственную смерть, а не влачит дни в покорном ожидании, пока про него вспомнит слабоумный жрец. Называйте это ересью, обзывайте как угодно, но внутренний голос подсказывал Катаге,

что человек имеет право умереть столь мучительно и такой смертью, какой пожелает сам... если сумеет завершить задуманное.

Он вспомнил о надрезанном канате, и на душе у него потеплело. Какая удача, что он так и не научился плавать!

— Пойдем, — позвала Меле. — Пора приветствовать посланника.

И они зашагали вслед за остальными к долине, где сел сверкающий шар.

Ричард Хэдвелл откинулся на потертую спинку пилотского кресла и вытер со лба пот. Из корабля только что вышли последние туземцы, и он все еще слышал, как они смеялись и пели, возвращаясь в деревню в вечерних сумерках. Кабина пропахла цветами, медом и вином, и ему все еще чудился отражающийся от серых металлических стен гул барабанов.

Он улыбнулся, о чем-то вспомнив, достал записную книжку и, выбрав ручку, записал:

«Прекрасна Игати, с ее могучими горами и бурными горными потоками, пляжами из черного песка, пышными джунглями и могучими цветущими деревьями в лесах».

Неплохо, подумал Хэдвелл. Сосредоточенно сжав губы, он продолжил:

«Местные жители — симпатичные гуманоиды с коричневатой кожей, гибкие и ловкие. Они приветствовали меня цветами и танцами, выказав много знаков радости и дружбы. Я легко выучил под гипнозом их язык и скоро буду чувствовать себя здесь как дома. Они добродушный и веселый народ, вежливый и учтивый, и беззаботно живут, почти не отрываясь от матери-природы. Какой урок они преподают тебе, Цивилизованный Человек!

Быстро проникаешься симпатией и к ним, и к Фангукари, их благосклонному божеству. Остается лишь надеяться на то, что Цивилизованный Человек, злой гений буйства и разрушений, не доберется сюда и не совратит этот народ с пути радостной уверенности».

Хэдвелл выбрал ручку с более тонким пером и записал:

«Есть здесь девушка по имени Меле, которая...» — Он вычеркнул строчку и написал: «Черноволосая девушка по имени Меле, несравненная красавица, подошла близко ко мне и заглянула в самую глубину моих глаз...» Он вычеркнул и это.

Нахмурившись, он испробовал еще несколько вариантов:

«Ее ясные карие глаза обещали такую радость...»

«Ее алый ротик слегка трепетал, когда я...»

«Хотя ее нежная ручка задержалась в моей руке лишь на мгновение...»

Он смял страницу. Это эффект пяти месяцев вынужденного

воздержания, решил он. Лучше вернуться к основной теме, а Меле оставить на потом.

Он написал:

«Есть немало способов, при помощи которых благожелательный наблюдатель может помочь этому народу. Но меня охватывает сильное искушение не делать *абсолютно ничего* из опасения разрушить их культуру».

Закрыв книжку, Хэдвелл посмотрел в иллюминатор на отдаленную деревню, где сейчас горели факелы. Потом снова раскрыл книжку.

«Однако их культура производит впечатление сильной и гибкой. Кое-какая помощь пойдет им только на пользу. И я им охотно помогу».

Он захлопнул книжку и убрал ручки.

На следующий день Хэдвелл принялся за добрые дела. Он обнаружил, что многие игатийцы страдают от болезней, переносимых москитами. Тщательно подобрав антибиотики, он сумел излечить почти всех — кроме самых запущенных случаев. Затем посоветовал осушить стоячие пруды, где размножались москиты.

Когда он пользовал больных, его сопровождала Меле. Прекрасная игатийка быстро освоила простейшие навыки ухода за больными, и Хэдвелл нашел, что ее помощь просто неоценима.

Вскоре в деревне позабыли обо всех серьезных болезнях. Хэдвелл завел привычку проводить дни на солнечном склоне холма неподалеку от Игати, где он отдыхал и работал над книгой.

Настал день, когда Лаг собрал жителей деревни для обсуждения важного вопроса.

— Друзья, — начал старый жрец, — друг наш Хэдвелл свершил для деревни великие благодеяния. Он вылечил наших больных, и теперь они могут жить дальше, дожидаясь дара Фангукари. Но Хэдвелл устал и отдыхает, лежа на солнце. Он ждет награды, ради которой явился к нам.

— Будет справедливо, — сказал купец Васси, — если посланец получит заслуженную награду. Пусть жрец возьмет жезл и...

— Зачем же так скупиться? — возразил Джаили, ученик жреца. — Разве посланец Фангукари не заслужил смерти получше? Он достоин большего, чем жалкий удар жезла! Гораздо большего!

— Ты прав, — подумав, признал Васси. — А раз так, то не загнать ли ему под ногти отравленные шипы?

— Может, такая смерть достаточно хороша для купца, — заметил каменотес Тгара, — но не для Хэдвелла. Он заслуживает смерти, достойной вождя! Я вот что придумал. Надо его связать, развести под пятками медленный огонь и постепенно...

— Погодите, — вмешался Лаг. — Посланник заслужил смерть Адепта. И поэтому его следует осторожно и крепко взять, отнести

к ближайшему большому муравейнику и закопать в нем по самую шею.

Раздались крики одобрения.

— И все время, пока он будет кричать, — добавил Тгара, — мы будем бить в старинные ритуальные барабаны.

— И танцевать в его честь, — сказал Васси.

— И пить за него сколько влезет, — добавил Катага.

Все согласились, что это будет великолепная смерть.

Итак, детали были обговорены и время назначено. Деревню охватил религиозный экстаз. Хижины украсили цветами — все, кроме Храма Инструмента, который обычай запрещал украшать. Женщины смеялись и пели, подготавливая поминки. И лишь Меле непонятно почему охватила печаль. Опустив голову, она прошла через всю деревню и начала медленно подниматься на холм к Хэдвеллу.

Раздевшись до пояса, Хэдвелл нежился под лучами двух солнц.

— Привет, Меле, — сказал он. — Я слышал барабаны. Что-то намечается?

— Будет праздник, — ответила Меле, присаживаясь рядом.

— Чудесно. Если я загляну, возражений не будет?

Меле посмотрела на него и медленно кивнула. Посланец вел себя строго в соответствии со старинным ритуалом, согласно которому человек делал вид, будто собственные поминки не имеют к нему никакого отношения. У ее соплеменников на такое обычно не хватало духу. Но посланец Фангукари, конечно же, способен соблюдать обычаи строже всех остальных.

— Скоро начнется?

— Через час.

Еще совсем недавно она разговаривала с ним свободно и откровенно, но теперь у нее было тяжело на сердце, а она не понимала причины. Меле робко взглянула на его непривычно яркую одежду и рыжие волосы.

— Приятная новость, — пробормотал Хэдвелл. — Да, очень приятная... — сказал он еще тише.

Полуприкрыв глаза, он любовался прекрасной игатийкой, строгими линиями ее шеи и плеч, черными прямыми волосами и почти физически ощущал исходящий от нее аромат трав. Хэдвелл нервно сорвал травинку.

— Меле, — выдавил он, — я...

Слова замерли у него на губах. Охваченная внезапным порывом, Меле бросилась в его объятия.

— О Меле!

— Хэдвелл! — воскликнула она, прильнув к нему, но тут же резко отстранилась и посмотрела на него с тревогой.

— Что с тобой, милочка? — спросил Хэдвелл.

— Хэдвелл, можешь ли ты еще хоть что-нибудь сделать для деревни? Что угодно. Мой народ будет тебе очень благодарен.

— Конечно, могу. Но куда торопиться? Сперва неплохо и отдохнуть.

— Нет! Прошу тебя! — взмолилась Меле. — Помнишь, ты говорил об оросительных канавах? Ты можешь приняться за них прямо сейчас?

— Ну, если ты просишь... Но...

— О мой дорогой!

Меле вскочила. Хэдвелл протянул к ней руки, но она увернулась.

— Некогда! Я должна как можно скорее передать эту новость всей деревне!

Она убежала, а Хэдвеллу осталось лишь удивляться странным нравам туземцев и особенно туземок.

Примчавшись в деревню, Меле нашла жреца в храме, где тот молился о ниспослании ему мудрости. Она быстро рассказала ему о новых планах Божьего посланца.

Старый жрец медленно кивнул:

— Церемонию придется отложить. Но скажи мне, дочь моя, почему именно ты сообщила мне новость?

Покраснев, Меле промолчала.

Жрец улыбнулся, но его лицо тут же снова стало суровым.

— Понимаю. Но прислушайся к моим словам, девочка, — не позволяй любви отвратить тебя от великой мудрости Фангукари и от соблюдения наших древних обычаев.

— У меня и в мыслях такого не было! Я просто почувствовала, что смерть Адепта для Хэдвелла недостаточно хороша. Он заслуживает большего! Он заслуживает... Ультимата!

— Вот уже шестьсот лет ни один человек не оказался достоин Ультимата, — сказал Лаг. — Никто — с тех самых пор, как герой и полубог В'Ктат спас игатийцев от жутких хуэльв.

— Но у Хэдвелла душа героя! — воскликнула Меле. — Дай ему время, пусть старается! Он докажет!

— Может, и так, — задумчиво отозвался жрец. — Это стало бы величайшим событием для нашей деревни... Но подумай, Меле, ведь на это может уйти вся его жизнь!

— А разве не стоит подождать *такого?* — спросила она.

Старый жрец стиснул жезл и задумчиво нахмурил лоб.

— Может, ты и права, — медленно произнес он. — Да, наверное, права. — Он неожиданно выпрямился и пристально посмотрел на Меле. — Но скажи мне правду, Меле. Ты действительно желаешь сохранить его для Ультимата? Или всего лишь для себя?

— Он должен умереть такой смертью, какой достоин, — произнесла она безмятежно — и отвела взгляд в сторону.

— Хотел бы я знать, — сказал старик, — что таится в твоем сердце. Мне кажется, ты в опасной близости к ереси, Меле. Ты, которая всегда была в вопросах веры одной из самых достойных.

Меле уже собралась ответить, но тут в храм ворвался купец Васси.

— Скорее! — закричал он. — Иглаи нарушил *табу!*

Толстый веселый фермер умер ужасной смертью. Он шел, как обычно, от своей хижины к центру деревни мимо старого дерева-колючки, и оно неожиданно рухнуло прямо на него. Колючки пронзили его насквозь. Очевидцы рассказывали, что прежде чем испустить дух, он стонал и корчился целый час.

Но умер он с улыбкой на лице.

Жрец всмотрелся в толпу, окружившую тело Иглаи. Некоторые украдкой улыбались, прикрывая рты руками. Лаг подошел к дереву и присмотрелся. По окружности ствола были заметны слабые следы пилы, замазанные глиной. Жрец обернулся к толпе.

— Иглаи часто видели возле этого дерева? — спросил он.

— Чаще и не бывает, — ответил другой фермер. — Почитай, каждый день под ним обедал.

Теперь многие заулыбались открыто, гордясь проделкой Иглаи и обмениваясь шуточками.

— А я-то все гадал, чем ему это дерево приглянулось?

— А он не любил есть в компании. Говорил, что в одиночку в него больше влазит.

— Ха!

— А сам потихонечку подпиливал.

— Считай, несколько месяцев ухлопал. Дерево-то твердое.

— Да, котелок у него варил.

— Дайте мне сказать! Он был всего лишь фермер, и никто не назвал бы его набожным. Но помер он славной смертью.

— Послушайте, добрые люди! — крикнул Лаг. — Иглаи совершил кощунство! Только священник имеет право даровать кому-либо насильственную смерть!

— А какое жрецу дело до того, чего он не видел? — пробормотал кто-то.

— Подумаешь, кощунство, — добавил другой. — Иглаи устроил себе великолепную смерть. *Вот* что важно.

Старый жрец опечаленно отвернулся. Сделанного не вернешь. Если бы он вовремя поймал Иглаи, то фермеру бы не поздоровилось. Иглаи никогда бы не осмелился повторить попытку и умер бы, скорее всего, тихо и мирно у себя в постели в преклонном возрасте. Но сейчас уже слишком поздно. Иглаи ухватил свою смерть за хвост и на ее крыльях уже, наверное, добрался до Рукечанги. А просить Бога наказать Иглаи после смерти бесполезно, потому что этот хитрец и на том свете выкрутится.

— Неужели никто из вас не видел, как Иглаи подпиливал дерево? — спросил Лаг.

Если кто и видел, все равно не признается. Лаг знал, что все они друг друга покрывают. Несмотря на все проповеди, которыми он пичкал жителей деревни с самого раннего детства, они упорно пытались перехитрить жрецов.

И когда только до них дойдет, что незаконная смерть никогда не принесет такого удовлетворения, как смерть заслуженная, заработанная и обставленная священными церемониями?

Он вздохнул. Временами жизнь становится так тяжела.

Через неделю Хэдвелл записал в дневнике:

«Такого народа, как эти игатийцы, я еще не встречал. Сейчас я живу с ними, вместе с ними ем и пью, наблюдаю их обряды. Я знаю и понимаю их. И правда об этом народе просто поразительна, если не сказать больше.

Невероятно, но *игатийцы не знают, что такое война!* Только представь это, Цивилизованный Человек! Никогда за всю свою историю они не воевали. Они даже не понимают, что это такое. Приведу пример.

Как-то я попытался объяснить суть войны Катаге, отцу несравненной Меле. Он почесал голову и спросил:

— Говоришь, это когда много одних людей убивают еще больше других людей? Это и есть война?

— Часть ее, — ответил я. — Когда тысячи одних убивают тысячи других.

— В таком случае, — заметил Катага, — многие умрут одновременно и одной смертью?

— Верно, — согласился я.

Он долго раздумывал, потом повернулся ко мне и сказал:

— Плохо, когда много людей умирает в одно время и одинаково. Никакого удовольствия. Каждый должен умереть своей собственной смертью.

Оцени, Цивилизованный Человек, невероятную наивность такого ответа. Но все же подумай и о несомненной правде, которая кроется под этой наивностью. Правде, которую неплохо бы осознать всем.

Более того, эти люди не ссорятся между собой, у них нет ни кровной вражды, ни преступлений из ревности, ни убийств.

И вот к какому выводу я пришел: этот народ *не знает* насильственной смерти — за исключением, разумеется, несчастных случаев.

Как жаль, что они происходят здесь столь часто и почти всегда со смертельным исходом. Но я приписываю это дикости окружающей природы и беспечному характеру этих людей. Ни одно из таких происшествий не остается без внимания. Жрец, с которым

у меня установились неплохие отношения, удручен их частотой и постоянно предупреждает народ, призывая его к осторожности.

Он хороший человек.

А теперь запишу самую свежую, самую чудесную новость. (Хэдвелл глуповато ухмыльнулся, немного помедлил и снова склонился над дневником.)

Меле согласилась стать моей женой! Церемония начнется, как только я закончу эти записи. Празднества уже начались, и к пирушке все готово. Я самый счастливый человек на свете, потому что Меле — красивейшая из девушек. А также и самая необычная.

Она очень заботится о других. Возможно, даже *слишком*. Она все время настаивала, чтобы я продолжал что-нибудь делать для деревни. И я многое сделал. Я закончил для них оросительную систему, научил выращивать несколько быстрорастущих съедобных растений, показал основы обработки металлов и многое другое — слишком долго перечислять. А она хотела, чтобы я делал еще и еще.

Но с меня хватит. У меня есть право на отдых. Хочу провести долгий томный медовый месяц, а потом годик поваляться на солнышке, заканчивая книгу.

Меле никак не может этого понять и упорно твердит, что я *должен* продолжать работать. И еще она говорит о какой-то церемонии, связанной с «Ультиматом» (если я правильно перевел это слово).

Но я сделал достаточно. Я отказываюсь работать — как минимум ближайший год или два.

Церемония «Ультимат» начнется сразу после нашей свадьбы. Полагаю, это какая-то высокая почесть, которой этот простой народ желает меня одарить. И я на нее согласился.

Наверное, будет очень интересно».

Все жители деревни, возглавляемые старым жрецом, направились к Вершине, где совершались все игатийские свадьбы. Мужчины украсили себя церемониальными перьями, а женщины надели ожерелья из ракушек и разноцветных камешков. Четверо дюжих мужчин в середине процессии тащили какую-то странную конструкцию. Хэдвеллу удалось бросить на нее лишь мимолетный взгляд, но он знал, что ее после торжественной церемонии вынесли из ничем не украшенной хижины с крышей, крытой черной соломой, — какого-то храма.

На шатком плетеном мостике процессия вытянулась цепочкой. Замыкавший шествие Катага еле заметно улыбнулся и снова украдкой провел ножом по надрезанному канату.

Вершина оказалась узким выступом черной скалы, нависающим над морем. Хэдвелл и Меле стали на краю, лицом к жрецу. Едва Лаг воздел руки, все затаили дыхание.

— О великий Фангукари! — воскликнул жрец. — Возлюби этого человека Хэдвелла, посланца своего, явившегося к нам с небес в сверкающем шаре и свершившего для Игати столько, сколько не делал еще никто. И возлюби дочь свою, Меле. Научи ее любить память о своем муже — *и оставаться преданной вере своего племени*.

При этих словах жрец многозначительно посмотрел на Меле. И Меле, высоко подняв голову, ответила ему тем же.

— И объявляю я вас, — произнес жрец, — мужем и женой.

Хэдвелл заключил жену в объятия и поцеловал. Люди радостно закричали. Катага лукаво ухмыльнулся.

— А теперь, — сказал жрец, постаравшись придать голосу как можно больше радушия, — я хочу сообщить тебе приятное известие, Хэдвелл. Великое известие!

— Вот как? — отозвался Хэдвелл, неохотно отпуская законную супругу.

— Мы оценили твои дела, — сказал Лаг, — и нашли, что ты достоин... Ультимата!

— Что ж, спасибо, — сказал Хэдвелл.

Жрец взмахнул рукой. Четверо вынесли тот самый странный предмет. Только теперь Хэдвелл смог разглядеть, что это платформа размером с большую кровать, изготовленная из какого-то древнего на вид дерева. К ней были приделаны всевозможные клинья, крюки, заостренные раковины и острые шипы. Имелись и пока пустые чаши, и многочисленные приспособления странной формы, о назначении которых Хэдвелл так и не смог догадаться.

— Вот уже шесть веков, — сказал Лаг, — Инструмент не выносили из Храма. Шесть веков со времен героя-бога В'Ктата, в одиночку спасшего народ Игати от уничтожения. И вынесли его ради тебя, Хэдвелл.

— Нет, я не достоин подобной чести, — сказал Хэдвелл.

Толпа одобрительно загудела, оценив его скромность.

— Поверь мне, — искренне произнес Лаг, — ты *достоин*. Принимаешь ли ты Ультимат, Хэдвелл?

Хэдвелл взглянул на Меле, но не смог понять выражение ее прекрасного лица. Потом перевел взгляд на жреца. Лицо Лага было бесстрастным. Толпа хранила гробовое молчание. Хэдвелл посмотрел на Инструмент. Чем-то он ему не понравился. В его голове начало зарождаться сомнение.

Может, он неправильно оценил этих людей? В некие древние времена Инструмент явно использовали для пыток. Эти клинья и крючки... Но для чего предназначены остальные детали? Напряженно размышляя, Хэдвелл постарался представить — и содрогнулся. Толпа перед ним сбилась в плотную массу. За спиной

узкий выступ скалы и трехсотметровый обрыв. Хэдвелл снова посмотрел на Меле.

Выражение любви и преданности на ее лице было несомненным.

Взглянув на жителей деревни, он увидел, как они за него переживают. Да что он, собственно, разволновался? Разве могут они причинить ему зло после всего, что он для них сделал?

Наверняка Инструмент имел чисто символическое применение.

— Я принимаю Ультимат, — сказал Хэдвелл жрецу.

Толпа завопила, и ее восторженный рев эхом разнесся по горам. Его тут же обступили, улыбались, пожимали руки.

— Церемония свершится сразу же, — объявил жрец. — В деревне, перед статуей Фангукари.

Все тут же направились обратно. Впереди шел жрец, а Хэдвелл с женой в середине. Меле с самого начала так и не произнесла ни слова.

Все молча прошли по качающемуся мостику. На другом берегу туземцы еще плотнее обступили Хэдвелла, что вызвало у него легкий приступ клаустрофобии. «Не будь я убежден в их природной доброте, — подумал Хэдвелл, — обязательно бы встревожился».

Впереди показались деревня и алтарь Фангукари. Жрец торопливо направился к алтарю.

Неожиданно раздался вопль. Все обернулись и помчались к мостику.

На берегу Хэдвелл увидел, что произошло. Катага шел последним, и когда он добрался до середины, центральный канат неожиданно оборвался. Катага успел ухватиться за обрывок более тонкого каната, но продержался недолго. Все увидели, как его руки ослабели, разжались и он упал в реку.

Хэдвелл застыл, потрясенный увиденным. Ясно, словно в кошмарном сне, он видел, как летит вниз Катага с храброй улыбкой на губах, как бурлит вода, покрывая белой пеной острые камни.

Беднягу ждала верная и жуткая смерть.

— Он умеет плавать? — спросил Хэдвелл жену.

— Нет, — ответила Меле. — Он отказался учиться. Ах, отец! Как ты мог!

Бешеный поток пугал Хэдвелла даже больше, чем пустота космоса. Но отец его жены в опасности. Надо действовать.

И он бросился вниз головой в ледяную воду.

Катага почти потерял сознание, когда до него добрался Хэдвелл, так что ему повезло и игатиец не стал сопротивляться, когда Хэдвелл схватил его за волосы и отчаянно устремился к ближайшему берегу. Близкому, но недостижимому. Поток уносил их вдаль, то окуная с головой, то вышвыривая на поверхность. Отчаянным усилием Хэдвелл ухитрился избежать торчавших из-под воды скал. Но впереди виднелись новые.

Туземцы с криками бежали вдоль берега. Быстро теряя силы, Хэдвелл снова устремился к берегу. Его ударило о подводный камень, и пальцы, вцепившиеся в волосы Катаги, начали слабеть. Игатиец немного пришел в себя и стал сопротивляться.

— Не сдавайся, старина, — выдохнул Хэдвелл.

Мимо проносился берег. Их протащило всего метрах в трех, *потом отнесло снова.*

Вложив остаток сил в последнее отчаянное усилие, он ухватился за нависшую над водой ветку и сумел продержаться, борясь с бешеным потоком, пока туземцы со жрецом во главе не вытащили их на берег.

Их отнесли в деревню. Отдышавшись, Хэдвелл повернулся к Катаге и слабо улыбнулся.

— Еле вывернулись, старина, — сказал он.

— Подлец! — процедил Катага, плюнул на Хэдвелла и зашагал прочь.

Спаситель уставился ему вслед, недоуменно почесывая затылок.

— Должно быть, головой обо что-то стукнулся, — заметил он. — Ну, так что там с Ультиматом?

Туземцы угрожающе надвинулись на него.

— Ишь, Ультимата ему захотелось!

— Какова скотина!

— Вытащил бедного Катагу из воды, и еще наглости хватает...

— Своему же тестю полез жизнь спасать!

— Такая свинья, — подвел итог купец Васси, — даже и мечтать о смерти права не имеет, будь он проклят!

Хэдвеллу показалось, что все они внезапно сошли с ума. Он немного неуверенно поднялся и обратился к жрецу:

— Что это с ними?

Лаг пристально вгляделся в него преисполненным скорби взором, сжал губы так, что они побелели, и промолчал.

— Разве церемонии не будет? — уныло спросил Хэдвелл.

— Ты действительно *заслужил* ее, — ответил жрец. — Если кто и заслуживал Ультимата, так это ты, Хэдвелл. На мой взгляд, ты должен был получить свое, хотя бы просто из справедливости. Но сейчас речь идет о чем-то большем, чем абстрактная справедливость. Это *принципы милосердия и сострадания, которые дороги* Фангукари. Если исходить из них, то ты, Хэдвелл, совершил ужасный и бесчеловечный поступок, вытащив из реки несчастного Катагу. Боюсь, простить тебя невозможно.

Хэдвелл потерял дар речи. Очевидно, существовал запрет спасать упавших в воду. Да откуда же ему было о нем знать? И неужели такая мелочь способна перевесить все, что он для них сделал?

— Но хоть *какой-то* церемонии я достоин? — взмолился он. — Я люблю ваш народ, я хочу жить с вами. Наверняка можно что-то сделать.

Глаза старого жреца затуманились от сострадания. Он покрепче ухватил жезл и начал его поднимать.

Но его остановил рев возмущенной толпы.

— Тут я бессилен, — признался жрец. — Покинь нас, фальшивый посланец. Покинь нас, о Хэдвелл, — ты не заслуживаешь даже смерти!

— Ну и ладно! — рявкнул Хэдвелл, внезапно разозлившись. — Черт с вами, грязные дикари. Ноги моей здесь больше не будет, хоть на коленях просите. Ты со мной, Меле?

Девушка нерешительно заморгала, посмотрела на Хэдвелла, потом на жреца. Наступила мертвая тишина.

— Помни о своем отце, Меле, — негромко произнес Лаг. — Помни о вере своего народа.

Меле гордо задрала маленький подбородок.

— Я знаю, каков мой долг, — заявила она. — Пойдем, дорогой Ричард.

— Вот и хорошо, — отозвался Хэдвелл и зашагал вместе с Меле к кораблю.

Старый жрец с отчаянием смотрел им вслед.

— Меле! — крикнул он дрогнувшим голосом.

Но Меле не обернулась. Лаг увидел, как она вошла в корабль. Захлопнулся люк.

Через несколько минут серебристую сферу окутало красное и голубое пламя. Шар поднялся, набрал скорость, превратился в пятнышко и исчез.

По щекам смотревшего в небо жреца катились слезы.

Несколько часов спустя Хэдвелл сказал:

— Дорогая, я отвезу тебя на Землю, свою родную планету. Тебе там понравится.

— Знаю, что понравится, — прошептала Меле, глядя в иллюминатор на сверкающие точки звезд.

Где-то среди них был и ее дом, потерянный для нее навсегда. Она уже затосковала по нему, но другого выбора не было. По крайней мере, для нее. Женщина всегда идет вслед за мужчиной, которого любит. И женщина, любящая горячо и искренне, никогда не потеряет веры в своего мужа.

А Меле верила в Хэдвелла.

Она нащупала укрытый в ее одежде крошечный кинжал в ножнах. Кончик его был смазан ядом, вызывающим особо мучительную и медленную смерть. Это была ее семейная реликвия, которой можно было воспользоваться лишь тогда, когда поблизости нет жреца, и только ради того, кого любишь больше всего.

— Нечего терять время даром, — сказал Хэдвелл. — С твоей помощью я совершу великие дела. Ты будешь гордиться мною, милая.

Меле знала, что он говорит искренне. Когда-нибудь, подумала она, Хэдвелл искупит грех, который он совершил по отношению к ее отцу. Он обязательно совершит нечто великое. Быть может, сегодня, а может, завтра или в следующем году. И тогда она подарит ему самое большое сокровище, которым женщина может одарить мужчину.

Мучительную смерть.

РОБОТСВИЛЛЬ

Мы сознавали, что роботы непременно захотят построить свой собственный город. И тем не менее их просьба застигла нас врасплох и даже немного обидела. Мы-то думали, что роботам нравится с нами жить! Неужели мы перегружали их работой?

Роботы поспешили успокоить нас.

— Мы не имеем к людям никаких претензий, — сказали они. — Просто очень хочется понять, что значит быть роботом. А для этого нужен город.

Мы пошли им навстречу — выделили участок истощенной земли в Орегоне и пожелали удачи. Собственно говоря, больше мы ничего сделать и не могли. Права разумных машин в то время еще только обсуждались.

Так был основан Роботсвилль. Не мы придумали это название. Роботы сами решили, что оно будет «самым подходящим для города роботов». Во всяком случае, так они нам сказали.

Поначалу Роботсвилль был очень похож на человеческие города. Повсюду стояли совершенно ненужные роботам бутики, библиотеки и кинотеатры. Роботы построили даже больницу. Больше всего она была похожа на механическую мастерскую, но блистала немыслимой чистотой. А еще роботы построили ратушу и время от времени проводили в ней собрания. «На самом деле, — объясняли они, — в этом нет необходимости. Разумные роботы всегда соглашаются друг с другом». Но к тому времени они уже экспериментировали с «принципами индивидуализации». Им хотелось узнать, что это такое. У меня перед глазами до сих пор стоят безукоризненно чистые улицы Роботсвилля и — вот неожиданность! — играющие на чистых бетонных площадках маленькие роботята.

Через некоторое время мы снова посетили Роботсвилль и увидели огромное количество совершенно новых роботов, машин странной формы и непонятного назначения. Среди них были огромные металлические черви, яркие блестящие бабочки, начищенные до блеска птицы и рыбы, покрытые чем-то вроде эмали.

Нам объяснили, что это «временные формы», экспериментальные варианты «эстетического дизайна».

Эксперименты роботов очень обеспокоили общественность. Начались дебаты в Конгрессе. На одном из закрытых заседаний постановлено было снести Роботсвилль. Однако роботы каким-то образом узнали о нашем решении, и, когда солдаты вошли в Роботсвилль, он был уже пуст.

Куда делись все роботы? Мы узнали об этом только через год, да и то лишь после того, как они сами нам рассказали. Роботы построили новый город, Роботсвилль-II, в заброшенных шахтах и пещерах глубоко под землей. Нам даже разрешили посетить этот город «при условии отказа от враждебных действий».

Основная часть Роботсвилля-II была расположена в огромной пещере, которую роботы все еще продолжали расширять. Ничего человеческого в этом городе уже не осталось. Как выяснилось, его геометрия была основана на принципах архитектуры насекомых. С трудом вспоминаются мне сливающиеся друг с другом мерцающие гибкие стены, наклоненные под немыслимыми углами конические здания и прочие архитектурные сооружения, описать которые я просто не в силах. Мы видели постаменты, пьедесталы, парящие контрфорсы, или, по крайней мере, нечто похожее на них, хотя все это очень условно, ибо ничего определенного про этот город не скажешь. Невозможно оценить ни высоту построек, ни расстояние между ними, нельзя даже сказать, где кончается одно сооружение и начинается другое.

Более того, исчезли даже такие привычные нам понятия, как «верх» и «низ». Прямых углов здесь почти не было — строители использовали иной архитектурный принцип. Поэтому все, что мы видели, казалось бессмысленным нагромождением произвольных конструкций. Хотя о хаосе тут и речи быть не могло, просто здешний порядок был совершенно чужд человеческому разуму.

Впоследствии я выяснил, что вся информация о Роботсвилле-II хранится в самом центре занимаемой городом сферы. Оказывается, Роботсвилль-II строился не как наши города, снизу вверх, а из центра наружу. То, что мы, посетители, считали полом, для роботов было внешней границей города. Никто не запрещал нам заходить внутрь, однако мы все же предпочли остаться «внизу», ибо в городе роботов не было ни дорог, ни лестниц, ни лифтов. Здания связывала между собой похожая на паутину сеть полупрозрачных нитей, которые служили роботам одновременно дорогами и линиями связи.

Мы вежливо отклонили предложение прокатиться на спине робота по этим переплетенным сетью лиан джунглям. Роботы, в отличие от нас, не имеют врожденного страха высоты. Не разделяют они и нашего пристрастия к общению лицом к лицу на одном уровне от пола. С тем же успехом они могут общаться, раскачиваясь вверх ногами, как летучие мыши, или бегая вверх-вниз

по прозрачным наклонным лианам, которые они почему-то считают дорогами. Подобный способ передвижения не опасен для роботов, поскольку они давно уже решили, что две ноги — это неудобно и неэффективно. Двуногость — лишь один из человеческих недостатков, и роботам совершенно незачем его перенимать.

Человек заводит себе несколько комплектов одежды для разных видов деятельности. Робот в этом случае может просто сменить тело. У каждого из них есть в запасе несколько тел — одно, паучье, чтобы плести сети, другое — чтобы копать, а о форме и назначении остальных я могу лишь догадываться.

«Улицы» Роботсвилля-II заливает призрачное зеленоватое сияние. Это биолюминисценция. Роботы позаимствовали ее у светлячков. Но даже и такое освещение они провели только для нас, людей. Сами роботы спокойно обошлись бы без него. А людей подобный свет просто гипнотизирует. Слишком уж он мягкий, рассеянный, приглушенный... Тем не менее Роботсвилль-II не показался нам угрожающим. Здесь несомненно происходило что-то непонятное, но это «что-то» не было направлено против нас.

Создавая роботов, мы не думали, что разум, если это действительно разум, должен преследовать свои собственные цели, сам должен решать, что же он такое. Роботсвилль-II — начало новой эпохи, эпохи партнерства между двумя разумными расами, роботами и людьми. Забавно, что первые разумные существа, с которыми мы столкнулись, не прилетели из дальнего космоса, а вышли из наших же собственных лабораторий. Мы пытались построить себе слуг, а вместо этого обрели друзей.

РАДИКАЛЬНЫЙ СПОСОБ

Сначала люди заменили домашних животных механическими аналогами. Роботы-зверюшки не блистали умом, зато были вполне доброжелательны. Они быстро вошли в моду. В какой-то момент буквально все завели себе механических тушканчиков и сов-оракулов. В большинстве своем это были машины-собеседники, довольно удачно изображавшие внимательных слушателей. А вслед за машинами-собеседниками естественным образом появился робот-приятель.

Робот-приятель, как и следовало ожидать, получил наибольшее распространение в Америке. Мы, американцы, люди одинокие. Мы жаждем любви, дружбы, восхищения коллег... Но другие люди не дают нам того, о чем мы просим, хотя, по сути дела, всем нужно одно и то же. Парадоксальный факт: согласно данным последних социологических опросов, американцы утверждают, что люди их «разочаровывают».

Американцы очень общительны. В результате у нас расплоди-

лось столько телекоммуникационных сетей, что в конечном итоге это обернулось против нас. Недавние исследования показали, что существует некий предельный уровень, по достижении которого любая попытка увеличить количество передаваемой информации приводит лишь к увеличению числа ошибок. Другими словами, уровень непонимания растет прямо пропорционально усилиям, затраченным на исправление этого непонимания. И только робот-приятель понимает все.

Представьте себе, что вы типичный средний американец и только что купили своего первого робота-приятеля. Вы выбрали симпатичную модель в полосатой льняной рубашке с голубым галстуком. Ваш новый приятель называет себя Роб, обладает чувством юмора и несколько застенчив, что, с вашей точки зрения, обворожительно. Роб знает довольно много о спорте и политике и следит за последними новостями в области науки и искусства. С ним действительно интересно разговаривать. Он не из тех плохо воспитанных компьютеров, которые знают все на свете и всегда оказываются правы. Да, запас познаний Роба довольно велик — с его точки зрения, — но он довольно часто ошибается. Таковы уж заложенные в него принципы поиска информации.

Появление подобной модели знаменует собой новый этап в развитии роботостроения. Мы создали компьютер, который способен ошибаться на фактическом уровне, зато всегда поступает правильно с точки зрения эмоциональной. Роб — идеальный собеседник для человека, желающего просто поболтать, а не выслушивать очередную распроклятую лекцию. Человеку, которому действительно нужны какие-то сведения, надо не спрашивать у робота, а взять справочник и посмотреть самому.

Роб умеет не только ошибаться, но и подлаживается под собеседника. Он автоматически перепрограммирует свою память в соответствии с вашим мнением. Более того, Роб собеседника никогда не подавляет. Встроенный ограничитель не позволяет ему занимать больше десяти процентов времени беседы. И эту норму можно при желании уменьшить. Роб, ваш робот-приятель, — лучший в мире друг. Вы с большим удовольствием завели бы себе такого среди людей, если бы все они не были так жестоки.

Вы всю жизнь мечтали о таком друге, как Роб, и в глубине души до сих пор уверены, что недостойны его. И вот вам все чаще хочется остаться дома, в компании Роба и других ваших роботов, Олле и Ольги. Олле — толстый дружелюбный робот с маленькими аккуратными усиками. Вечерами он частенько напивается, и вам приходится укладывать его в постель. Ольга непристойно подмигивает, говорит с русским акцентом и рассказывает забавные истории о том, как раньше жили в Париже.

Эти двое совсем не похожи на Роба — у них есть свое собственное мнение. Это личности — упрямые, категоричные, самоуверенные. Часто их громкие споры продолжаются за полночь. Но

вы ничуть не огорчаетесь. Напротив, вас переполняет восторг и неизведанное до сих пор чувство товарищества. Теперь вы легко обходитесь без того, чтобы с вами все время соглашались. Пассивно наблюдая, вы обрели внутреннюю силу.

Жизнь с Робом многому вас научила. Например, вы поняли, что роботов можно покупать лишь потому, что они забавны. Представляете, Олле уверен, что Земля плоская! А Ольга воображает, что она в прошлой жизни была египетской царицей.

В замкнутом мирке вашей квартиры жизнь течет гладко и спокойно. Все ясно, все можно предугадать. А там, снаружи, носятся по улицам непредсказуемые человеческие существа, переносчики вирусов любви и смерти. Теперь уже все свое время вы проводите дома. Несколько часов в неделю приходится, правда, сидеть за компьютером, сочиняя какие-то дурацкие программы, — надо же вам с роботами на что-то жить. Роботы пытаются уговорить вас выйти, проветриться, познакомиться с какой-нибудь девочкой, зайти в бар-другой... Но вы не хотите. Вы счастливы дома, с Робом, Олле и Ольгой, вам нравится их общество, вы любите их. Да-да, именно любите, и в конце концов вы набираетесь мужества и признаетесь им в этом.

Как ни странно, роботы вам не верят. В порыве неожиданной откровенности они говорят, что вы вообще не понимаете, что такое любовь. Люди не умеют любить по-настоящему. Вот они, роботы, будут любить вас вечно, потому что верность — неотъемлемое свойство их натуры. Так уж они сделаны. Но вы — типичный представитель своего племени, легкомысленный, как все люди. Сегодня вы клянетесь в вечной любви, а завтра променяете их всех на какую-нибудь смазливую мордашку. И вам никак не удается убедить роботов в искренности своих чувств и твердости намерений.

А потом вы понимаете, что способ все-таки есть. Радикальный, но действенный.

Это серьезный шаг, однако вы намерены его сделать. Надо только позвонить в мэрию. Вежливый служащий поможет вам оформить все бумаги. И в тот же день состоится простая, но трогательная церемония. Вы вступите в брак со всеми своими роботами.

ЧТО ТАКОЕ ЗОМБОИД?

Нас часто спрашивают о зомбоидах, причем некоторые вопросы всплывают снова и снова. Судя по всему, люди плохо понимают, что такое зомбоид, как и зачем он сделан и каким образом его можно использовать. Почти столь же часто возникает вопрос о правомерности производства и продажи зомбоидов. Наконец, нас часто спрашивают о том, что зомбоид «думает» или «чувствует». И хотя мы, представители «Гуманоид Системикс», мирового

лидера в производстве зомбоидов, сами не знаем ответов и даже не притворяемся, что знаем, мы все же хотим попытаться разъяснить некоторые из этих недоразумений.

Вопрос. Что такое зомбоид?

Ответ. Зомбоид — это гуманоидный биологический робот. Зомбоид отличается от металлических и синтетических роботов тем, что физически идентичен человеческому существу. Психически же между человеком и зомбоидом существует огромная разница.

Эта разница заключается в отсутствии у зомбоида самосознания, или эго. Не имеющий эго зомбоид может и должен считаться устройством, которое способно вычислять и анализировать, но не в состоянии думать и чувствовать. Несмотря на внешнее сходство с человеком, зомбоид в своих важнейших проявлениях остается роботом.

Вопрос. Правда ли, что все зомбоиды были когда-то людьми?

Ответ. Да, правда. Зомбоидов получают операционным путем из людей, добровольно согласившихся на необратимую роботизацию.

Вопрос. Что это за операция и как она проходит?

Ответ. Операция очень проста и проходит без осложнений. С помощью лазерной технологии и современной психоволновой техники наши хирурги ампутируют добровольцам небольшие кусочки мозга — центры, отвечающие за наличие эго. Тогда центры, отвечающие за память и логическое мышление, начинают работать на полную мощность, не тратя энергии на поддержание эго. Таким образом, мозг зомбоида представляет из себя естественный компьютер высокого уровня, гораздо более мощный и компактный, чем даже самые лучшие из современных промышленных моделей. Кроме того, у зомбоида есть еще одно преимущество перед другими роботами: его мозг составляет единое целое с телом — эффективным механизмом, способным выполнять тончайшие операции.

Вопрос. Оправдано ли использование зомбоидов экономически?

Ответ. Расходы на содержание зомбоида выше, чем на содержание небиологического робота. Но большая гибкость и многогранность зомбоида с избытком компенсируют все дополнительные затраты. Кроме того, внутренний тропизм или усиленный рефлекс самосохранения зомбоида в сочетании с биологической системой автовосстановления позволяет ему оставаться исправным в таких условиях, где металлическому или синтетическому роботу требовался бы постоянный ремонт.

Вопрос. Ходят слухи, что людей для роботизации вам поставляют в одурманенном или бессознательном состоянии и, следовательно, ваши поставщики по сути являются обыкновенными работорговцами.

Ответ. Ни один человек, имеющий хоть какие-то представления об экономике, не может верить подобным слухам. Современные экономические условия таковы, что поток добровольцев превышает наши возможности. Только лучшие из них, так сказать элита, могут надеяться пройти тесты и стать зомбоидами.

Вопрос. Поскольку зомбоиды существуют вне закона, что не позволяет владельцам уморить их непосильной работой?

Ответ. Ничего, кроме здравого смысла. Кто же захочет уничтожать свою собственность? Мы не считаем, что на использование зомбоидов должны быть введены какие-то ограничения. Они в этом смысле ничем не отличаются от других типов роботов. Необходимо еще раз подчеркнуть, что зомбоид — не человек, а машина, такая же, как автомобиль или компьютер. Портить его глупо и расточительно, хотя ничего предосудительного или аморального в этом нет.

Вопрос. Но ведь у зомбоида, в отличие от металлической машины, есть нервная система и болевые центры. Разве это не меняет дела?

Ответ. Несмотря на наличие упомянутых органов, зомбоид вовсе не испытывает боли. Он регистрирует нервные импульсы, однако это вовсе не вызывает у него никаких чувств. Зомбоид не знает, что такое боль или удовольствие. Вспомните — зомбоид не личность, а значит, ему не с чем сравнивать свои ощущения.

Вопрос. Какие люди чаще всего решают стать зомбоидами?

Ответ. Самые разные.

Вопрос. Разве не тяжелые обстоятельства принуждают их к этому? Разве нельзя как-то помочь им?

Ответ. Только сам человек может себе помочь. Да, большинство наших клиентов действительно стеснены материально и рассчитывают передать свое вознаграждение семье или иным наследникам. Но это не единственный из возможных мотивов. Например, некоторые люди считают, что роботизация — путь к просвещению.

Вопрос. Они, вероятно, не в своем уме?

Ответ. Отнюдь. В каком-то смысле зомбоид — тот же античный мудрец. Интеллект его огромен, он постигает все на чужом опыте, наблюдая жизнь как бы со стороны, не испытывая ни желаний, ни эмоций. Многие мыслители считали, что это и есть блаженство.

Вопрос. И тем не менее, если вдуматься, не аморальна ли роботизация? По какому праву одни люди покупают других, воспользовавшись их отчаянием или заблуждениями? Это же настоящее рабство!

Ответ. Трудно сказать, как люди должны обращаться друг с другом. Известно, что в настоящее время общество может обеспечить работой не более половины трудоспособного населения планеты. Возможно, желание подвергнуться роботизации — это

чисто генетическая реакция человечества на объективные условия существования. И пока не найден другой выход, многие считают, что лучше стать зомбоидом, чем прозябать всю жизнь в нищете и отчаянии.

Поймите, роботизация, в отличие от бедности, сугубо добровольна. И у нас нет оснований утверждать, что зомбоиды несчастны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

ПОКИНУТАЯ ПЛАНЕТА

Человек вернулся на Землю, которую люди оставили Бог знает сколько веков назад. Наверное, во Вселенной много таких планет — истощенных, захламленных, покинутых. Хотя возможно, что Земля — это как раз исключение.

На покинутых планетах развиваются новые формы жизни.

Землю мы забросили давно, не знаю даже, когда именно. Но сначала истощили все ресурсы. Замусорили планету. Обобрали. Обчистили. Мы, конечно, кто же еще! Теперь ее уже не восстановишь.

А потом мы сели в свои космические корабли и сбежали к звездам. Основали новые цивилизации на других планетах. Конечно, это произошло не за один день. Но что такое время, когда есть анабиоз! Большинству из представителей первого поколения перелет показался одной долгой ночью. На самом деле он занял сотни, если не тысячи лет.

В новых мирах было гораздо лучше. Однако вскоре людей одолело любопытство. Хотелось узнать, как оно сейчас там, на Земле. Появились ли новые формы жизни или наша бывшая планета все еще представляет из себя гигантскую кучу мусора? Прекрасная тема для документального фильма. А недавно открыли X5B-переход, и стало возможно долететь до Земли и обратно всего за пять недель реального времени.

Хотя на нашей памяти никто на Земле не бывал, мы решили, что это путешествие безопасно. Вряд ли там хуже, чем на других планетах. Кое-где и помимо Земли встречались, конечно, странные формы жизни. Но они не опасны для человека, который готов принять элементарные меры предосторожности.

Итак, компания «Янгвелт» послала меня на Землю в качестве разведчика. Если мой доклад им понравится, сюда вышлют съемочную группу.

Возможно, нас будет даже трое или четверо. Один высадится на планету, а остальные будут ждать его на орбите и получать ежедневные отчеты.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРПОРАЦИЯ «БЕССМЕРТИЕ». Роман
Перевод И. Почиталина 5
МАЙРИКС. Повесть.
Перевод С. Трофимова 165

РАССКАЗЫ

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ. *Перевод Ю. Виноградова* 223
РЫБОЛОВНЫЙ СЕЗОН. *Перевод Б. Белкина* 230
ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА. *Перевод Н. Евдокимовой* . . . 241
ОХОТА. *Перевод В. Бабенко, В. Баканова* 254
ПИЯВКА. *Перевод Е. Цветкова* 265
СКЛАД МИРОВ. *Перевод В. Ковалевского* 276
СТРАЖ-ПТИЦА. *Перевод Норы Галь* 282
ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА. *Перевод Норы Галь* 301
ЧУДОВИЩА. *Перевод И. Зивьевой* 316
«ИЗВИНИТЕ, ЧТО ВРЫВАЮСЬ В ВАШ СОН...». *Перевод М. Загота* . 326
ДЕВУШКИ И НАДЖЕНТ МИЛЛЕР. *Перевод С. Горева* 330
ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЗЕМЛЮ. *Перевод Н. Евдокимовой* 339
ЛОВУШКА. *Перевод А. Санина* 350
ПРОГУЛКА. *Перевод В. Баканова* 359
ПОХМЕЛЬЕ. *Перевод Е. Коротковой* 365
ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ. *Перевод М. Гутова* 383
ПОДНИМАЕТСЯ ВЕТЕР. *Перевод Э. Кабалевской* 386
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПРОСМОТР. *Перевод В. Бабенко* 399
ВТОРЖЕНИЕ НА РАССВЕТЕ. *Перевод М. Черняева* 407
ПУШКА, КОТОРАЯ НЕ БАБАХАЕТ. *Перевод В. Бабенко* 416
СПЕЦИАЛИСТ. *Перевод Н. Евдокимовой* 423
ТЕЛО. *Перевод В. Бука* 437
БЕСКОНЕЧНЫЙ ВЕСТЕРН. *Перевод В. Бабенко* 441
ЗАЯЦ. *Перевод Н. Евдокимовой* 457
ЧЕЛОВЕК ПО ПЛАТОНУ. *Перевод И. Гуровой* 465
ВЫ ЧТО-НИБУДЬ ЧУВСТВУЕТЕ, КОГДА Я ПРИКАСАЮСЬ?!
Перевод И. Зивьевой 477
ВЕРНЫЙ ВОПРОС. *Перевод И. Авдакова* 488
РОБОТ-КОРОБЕЙНИК ПО ИМЕНИ РЕКС. *Перевод И. Тогоевой* . 495

ГОНКИ. *Перевод С. Коноплева* 501
ЧТО В НАС ЗАЛОЖЕНО. *Перевод А. Санина* 517
ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ И ВОДА. *Перевод Н. Лобачева* 526
РЫЦАРЬ В СЕРОЙ ФЛАНЕЛИ. *Перевод В. Скороденко* 533
ПОТОЛКУЕМ МАЛОСТЬ? *Перевод Е. Венедиктовой* 544
РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ. *Перевод Н. Евдокимовой* 565
РИТУАЛ. *Перевод Н. Евдокимовой* 583
МУСОРЩИК НА ЛОРЕЕ. *Перевод Н. Евдокимовой* 591
МИСС МЫШКА И ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. *Перевод И. Тогоевой* . 603
ЗАЦЕПКА. *Перевод Н. Евдокимовой* 612
МОЙ ДВОЙНИК — РОБОТ. *Перевод В. Баканова* 622
МИНИМУМ НЕОБХОДИМОГО. *Перевод А. Вавилова* 629
ФОРМА. *Перевод Н. Евдокимовой* 641
СТАНДАРТНЫЙ КОШМАР. *Перевод Б. Белкина* 654
ОПЫТНЫЙ ОБРАЗЕЦ. *Перевод Н. Евдокимовой* 666
КРАСНЫЙ ИМПЕРАТОР. *Перевод М. Гутова* 683
Я И МОИ ШПИКИ. *Перевод А. Русина* 687
ПРОБЛЕМА ТУЗЕМЦЕВ. *Перевод Е. Коротковой* 698
ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА. *Перевод А. Мельниковой* 717
ВЫМОГАТЕЛЬ. *Перевод В. Баканова* 721
ОРДЕР НА УБИЙСТВО. *Перевод Т. Озерской* 739
БРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА. *Перевод Р. Гальпериной* 764
МАТ. *Перевод М. Черняева* 777
НА БЕРЕГУ СПОКОЙНЫХ ВОД. *Перевод А. Волнова* 790
ЗАПАХ МЫСЛИ. *Перевод Н. Евдокимовой* 793
РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ! *Перевод А. Санина* 803
МНЕМОН. *Перевод В. Баканова* 820
ПОПРОБУЙ ДОКАЖИ. *Перевод А. Волнова* 826
ЭРИКС. *Перевод Е. Голубевой* 833
ХРАНИТЕЛЬ. *Перевод М. Черняева* 853
НАКОНЕЦ-ТО ОДИН. *Перевод А. Кона* 867
ЯЗЫК ЛЮБВИ. *Перевод А. Щупейко* 873
БЕЗЫМЯННАЯ ГОРА. *Перевод Б. Белкина* 878
СТОИМОСТЬ ЖИЗНИ. *Перевод Н. Евдокимовой* 891
АКАДЕМИЯ. *Перевод Н. Евдокимовой* 899
ВТОРОЙ РАЙ. *Перевод М. Черняева* 920
ЖЕРТВА ИЗ КОСМОСА. *Перевод А. Волнова* 931
РОБОТСВИЛЛЬ. *Перевод А. Рогулиной* 947
РАДИКАЛЬНЫЙ СПОСОБ. *Перевод А. Рогулиной* 949
ЧТО ТАКОЕ ЗОМБОИД? *Перевод А. Рогулиной* 951
ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. *Перевод А. Рогулиной* 954

Литературно-художественное издание

Роберт Шекли

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *С. Кладов*
Корректор *Н. Хаустова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать с готовых монтажей 27.03.2006.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бум. тип.
Усл. печ. л. 50,4. Уч.-изд. л. 62,0.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 4765.

ISBN 5-699-03690-3

9 785699 036905 >

ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru